РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

1.

Стрп.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896

*

Въ 1895-мъ году подписчики «Русскаго Архива» получили по одной книгѣ «Архива князя Воронцова», которыхъ имѣется въ нашемъ распоряженіи **двадцать шесть**. Содержаніе ихъ ниже слѣдуетъ. Подписчики на 1896 годъ благоволятъ означать при высылкѣ денегъ, какую именно изъ этихъ книгъ желаютъ они получить безплатныхъ приложеніемъ.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны, Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги. Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа А. П. Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова. Записка гр. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Автобіографія графа А. Р. Воронцова. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782 — 1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Рапортъ Костюрина о Русской арміи. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Съ портретомъ гр. М. Л. Воронцова и снимкомъ.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма графа С. Р. Ворон-

(*См. на 3-й стр. обертки*).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1896.

1.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги, общій для всего годоваго изданія.

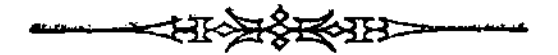
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1896.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

ОТЗЫВЫ ИНОСТРАНЦЕВЪ-СОВРЕМЕННИКОВЪ О ВЕЛИКОЙ СѢВЕРНОЙ ВОЙНѢ.

Въ 1701 году въ Фрейштадтѣ сталъ выходить періодическій листокъ, подъ заглавіемъ: Geheime Brieffe, so zwischen curieusen Personen über notable Sachen der Staats und gelehrten Welt gewechselt worden, bestehend in Zwölf unterschiedenen Posten, über das 1701 Jahr nebenst einem vollkommenen Register. Freystadt. 1701. 8°. 1084 стр., т. е. секретныя письма курьезныхъ людей о замѣчательныхъ предметахъ политическаго и ученаго міра, состоящія изъ 12 различныхъ почтъ, на 1701 г., съ приложеніемъ полнаго указателя. Фрейштадтъ *). 1701.

Листокъ этотъ выходилъ ежемѣсячно, и каждый номеръ назывался «почтой». На каждомъ номерѣ изображенъ скачущій верхомъ на лошади и трубящій въ рогъ почтальонъ. Номеръ состоялъ изъ нѣсколькихъ писемъ и отвѣтовъ на нихъ, но подписей ни подъ однимъ письмомъ нѣтъ. Именъ издателя и редактора тоже нигдѣ не означено. Къ каждому номеру приложенъ листокъ съ каррикатурами, которыя объяснены въ текстѣ.

Содержаніе писемъ довольно разнообразно: тутъ и разсужденія объ общихъ и частныхъ политическихъ событіяхъ, и политическія новости, и политическія эпиграммы, и географическія описанія (напр. «о прекрасномъ и плодородномъ Англійскомъ островѣ Св. Елены»), и астрологическія разсужденія (напр. «о томъ, что великое солнечное затмѣніе уже различнымъ образомъ обнаружило свое пагубное вліяніе», или «о продолжительномъ дѣйствіи нѣкоторой кометы»), и разсужденія изъ области естественной исторіи (напр., о томъ, «почему у животныхъ самцы красивѣе самокъ, а у людей обыкновенно женщины обладаютъ преимуществомъ въ красотѣ предъ мужчинами», или о томъ «кто болѣе достоинъ похвалы за свое пѣніе, соловей или жаворонокъ»), и разсужденія литературныя (напр.: «о нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ литературѣ и библіотечному дѣлу»), и на-

*) Фрейштатовъ въ Германіи нѣсколько; вѣроятно это Силезскій: въ Баварскомъ такъ не восхваляли бы побѣду лютеранина. П. Б.

конецъ разсужденія богословскія (напр., о томъ, «что ересіархи по большой части горестный конецъ имѣютъ и еще въ здѣшнемъ мірѣ несутъ часть заслуженнаго ими наказанія») [1]).

Въ послѣднемъ номерѣ «къ свѣдѣнію благосклоннаго читателя» сообщается, что эти письма будутъ, если Богу угодно, продолжаться и въ будущемъ году съ тѣмъ же курьезнымъ содержаніемъ». Исполнилъ-ли издатель свое обѣщаніе, намъ неизвѣстно, такъ какъ продолженія этихъ писемъ за 1702 г. у насъ въ рукахъ не имѣется. Изъ изданія за 1701-й годъ приводимъ здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя письма, касающіяся только что начавшейся тогда войны нашей со Шведами. Не смотря на враждебность къ намъ, которой они проникнуты, на явную невѣрность заключающихся въ нихъ сужденій, они не лишены, нѣкоторой для насъ занимательности. Съ одной стороны—какъ доказательство того вниманія, съ которымъ въ Европѣ слѣдили за тогдашними событіями на Сѣверѣ; съ другой—по содержащимся въ нихъ взглядамъ на Сѣверную войну и на Русскихъ.

Письмо 20-е.

О пораженіи Москвитянъ подъ Нарвой и почему они никогда не станутъ твердой ногой въ Лифляндіи и не въ состояніи будутъ ничего сдѣлать противъ Польши.

Милостивый государь!

Всякаго по справедливости до крайности удивляетъ пораженіе Москвитянъ подъ Нарвой. Такая большая армія, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ 80,000 человѣкъ [2]), не только не могла, послѣ почти девятимѣсячной осады [3]), овладѣть Нарвой, не особенно сильно укрѣпленной, но даже, захваченная 20-го Ноября въ расплохъ въ своемъ лагерѣ гораздо слабѣйшимъ Шведскимъ войскомъ, подъ предводительствомъ короля Карла XII, была разбита, и весь лагерь со всею артиллеріею изъ 150 орудій, 30 мортиръ, весь багажъ и 25 оберъ-офицеровъ (генераловъ и другихъ начальниковъ), между коими находился самъ

---

[1]) Въ этомъ письмѣ къ числу ересіарховъ отнесенъ также погибшій въ Москвѣ въ 1689 г. *Квиринъ Кульманъ*, про котораго сказано: „Извѣстный энтузіастъ и врагъ истиннаго пророческаго слова Квиринъ Кульманъ разносилъ свои мечты по разнымъ странамъ, пока не пришелъ въ Москву, гдѣ и былъ сожженъ". Посѣтивъ многіе города Европы и Азіи, Кульманъ вездѣ выдавалъ себя за „Сына Божія", пророка и духовидца. Въ Москвѣ, впрочемъ, онъ нашелъ себѣ только одного послѣдователя, тоже Нѣмца, Нордермана. Ф. В.

[2]) Русскихъ подъ Нарвой было 35—40,000, Шведовъ—8,500. Ф. В.

[3]) Осада Нарвы продолжалась съ 23-го Сентября по 19-е Ноября, когда Русскіе были разбиты Шведами, слѣдов. не 9, а менѣе 2 мѣсяцевъ. Ф. В.

генералъ-фельдмаршалъ герцогъ фонъ-Крои [1]), достался Шведамъ въ плѣнъ и добычу. Если бы это были все только одни Москвитяне, то никто бы, знакомый съ храбростью и военнымъ искусствомъ Шведовъ, этому не удивился; но такъ какъ офицеры были большею частію Нѣмцы, Шотландцы, Датчане и изъ другихъ извѣстныхъ своею храбростью націй, то это еще удивительнѣе и скорѣе должно почесться за дѣло Божеское, чѣмъ человѣческое [2]). По поводу этаго происшествія мнѣ пришло много серьезныхъ и замѣчательныхъ мыслей, между прочимъ то, что не безъ основанія можно сказать, что это пораженіе обошлось Москвитянамъ дороже, чѣмъ прежнія: потому что они переступили границы, назначенныя самимъ Богомъ ихъ государству, и поэтому не могутъ имѣть никакой удачи, такъ какъ опытомъ доказано, что всякому государству самимъ Богомъ назначены извѣстныя границы, черезъ которыя они не могутъ переступить, какія бы труды и усилія они не употребляли, и если они поступятъ вопреки божественному опредѣленію, то будутъ наказаны за это стыдомъ и позоромъ. Это подтверждаетъ и Ап. Павелъ, постигшій божеское и человѣческое, въ Дѣян. Ап., гл. 17, зач. 26, гдѣ онъ пишетъ: «отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію». Эти Богомъ назначенные предѣлы или границы можно видѣть какъ въ древнихъ, такъ и въ новыхъ государствахъ. Всякій разъ, какъ только Ассиріяне и Персы хотѣли распространить свои границы за Геллеспонтъ, они терпѣли только пораженія; для древнихъ Римлянъ такой роковой границей были на Востокѣ—Евфратъ, а на Западѣ—Эльба, за которые они тщетно старались распространить свои владѣнія, какъ объ этомъ можно прочесть у Рихтера въ «Аксіомахъ» стр. 37 и слѣд. Также, когда Тиверій, въ правленіе Августа, осмѣлился со своими Римскими легіонами перейти черезъ Эльбу, нѣкій духъ въ женскомъ образѣ навелъ на него ужасъ и приказалъ ему возвратиться назадъ. Въ виду этого предопредѣленія Траянъ приказалъ прекратить попытки распространять Римскіе предѣлы за Евфратъ. Подобнымъ же образомъ доказано, что рѣка Танаисъ и гора Кавказъ были въ древности столь же роковыми для всѣхъ царей и монарховъ, и они не могли переступить этихъ границъ. Съ существующими въ настоящее время государствами случилось тоже самое. Почему Турки, не смотря на все

---

[1]) Знатныхъ Русскихъ плѣнниковъ подъ Нарвой было 79 человѣкъ, между ними 10 генераловъ. Ф. В.

[2]) Въ дѣйствительности, присутствіе иностранныхъ офицеровъ въ Русскомъ войскѣ было одною изъ причинъ пораженія Русскихъ; потому что солдаты не довѣряли иностранцамъ, и неожиданное появленіе Шведовъ приписали ихъ измѣнѣ. Ф. В.

ихъ могущество и свирѣпость, не могли утвердиться на Западѣ, за Венгріей, и два раза тщетно осаждали Вѣну? Потому, отвѣчаю я, что этого не дозволяли Богомъ назначенныя для нихъ границы. Французы до сихъ поръ, послѣ многократныхъ, тщетныхъ усилій, не могли утвердиться за Альпами въ Италіи, и впослѣдствіи исполнить это будетъ имъ еще труднѣе, равно какъ, съ другой стороны, Рейнъ представляется роковою для нихъ границею относительно Германіи.

По всѣмъ соображеніямъ, подобною роковою границею представляется Лифляндія и Ливонія для Московскаго государства, котораго царь властвуетъ далеко на Востокѣ и распространилъ свою власть надъ половиной великой Азіатской Татаріи, на пространствѣ 500 миль, до огромнаго государства Китая, какъ это можно видѣть изъ описанія путешествія въ Китай Русскаго посланника Избрандта; но на Западѣ, въ Лифляндіи и Ливоніи, Московскіе монархи къ теченіе двухъ столѣтій не могли пріобрѣсти ни одной мили. Въ прошломъ столѣтіи Московскій тиранъ Иванъ Васильевичъ какія ни употреблялъ для этого усилія, но все напрасно; въ нынѣшнемъ столѣтіи царь Михаилъ Ѳедоровичъ, дѣдъ нынѣшняго великаго князя, думалъ, что съ надлежащаго пункта начинаетъ дѣло, осадивъ городъ Ригу въ 1656 г. *), въ то время, какъ Шведы впутались въ опасную и тяжелую войну съ Поляками, но долженъ былъ со стыдомъ и позоромъ уйти назадъ. Точно также и съ нынѣшнимъ предпріятіемъ царя не могло быть иначе, потому что онъ захотѣлъ поступить вопреки опредѣленію Божію, да еще къ тому же противъ вѣрности и вѣры, какъ нарушитель мира; да и впредь не можетъ быть лучше, если онъ не запомнитъ этого опредѣленія и не обратитъ своей отъ Бога полученной власти съ бóльшимъ правомъ въ другую сторону, противъ Турокъ и Татаръ. За симъ остаюсь и проч. N. 6 Января 1701 года.

Письмо 22-е.

О томъ, что осада и освобожденіе Нарвы во многомъ похожи на осаду Вѣны Турками и что побѣда Шведовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣе для христіанъ побѣды ихъ подъ Вѣною.

Милостивый государь!

Осада Вѣны Турками въ 1683 и блестящая побѣда христіанъ, которую они одержали при ея освобожденіи, есть, безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій этого вѣка и одна изъ самыхъ достохвальныхъ побѣдъ христіанъ, какую только они одерживали, въ

*) Осада Риги предпринята была не дѣдомъ Петра, а отцомъ его. Ф. В.

теченіе долгаго времени надъ своими исконными врагами. Эта осада Вѣны и побѣда христіанъ подъ ея стѣнами во многомъ похожи, по моему мнѣнію, на осаду Нарвы Москвитянами и на побѣду надъ ними Шведовъ при ея освобожденіи; только Шведская побѣда еще важнѣе. Вѣна была тогда оплотомъ христіанства противъ Турокъ; тѣмъ же самымъ служитъ Нарва въ Лифляндіи съ Шведской стороны противъ Москвы. Турки были убѣждены, что если они овладѣютъ Вѣной, то вся Германія будетъ лежать у ихъ ногъ, вслѣдствіе чего они, и тотъ, и другой разъ употребляли всѣ усилія, хотя и напрасно, чтобы овладѣть этимъ городомъ. Москвитяне не менѣе убѣждены, что отъ завоеванія крѣпости Нарвы зависитъ обладаніе всей Лифляндіей и даже болѣе, вслѣдствіе чего они и прежде, и теперь, предполагая, что выбрали самое удобное время, тщетно нападали на этотъ городъ. Турки нарушили миръ съ императоромъ изъ-за самаго ничтожнаго предлога; подобное же сдѣлали и Москвитяне, нарушивъ миръ, который они незадолго передъ тѣмъ утвердили большимъ посольствомъ къ Шведскому королю. Спасеніе обоихъ осажденныхъ городовъ зависѣло отъ храбрости освобождавшихъ; оба города были осаждены огромными арміями, изъ которыхъ Турецкая состояла изъ 200,000, а Московская болѣе, чѣмъ изъ 80,000 человѣкъ. Турецкою арміею предводительствовалъ великій визарь, между тѣмъ какъ султанъ находился по близости, въ Бѣлградѣ; Московскою арміею предводительствовалъ самъ царь *); въ обоихъ мѣстахъ былъ употребленъ въ дѣло сильный огонь. Какъ христіане подъ Вѣной, полагаясь на свое правое дѣло, съ веселіемъ и необычайной храбростью напали на Турокъ, точно также и Шведскій король не испугался великой опасности, но сказалъ, что онъ надѣется на свое правое дѣло, полагается на Бога и готовъ подвергнуть опасности свою жизнь за благо своихъ подданныхъ: Богъ скорѣе поможетъ при малочисленности силъ, чѣмъ при ихъ многочисленности. Наконецъ, еще и въ томъ сходны оба осажденные города, что оба имѣли храбрыхъ комендантовъ: Вѣна—графа Штаренберга, Нарва—графа Горна, и оба храбро выдержали осаду.

До сихъ поръ обѣ осады были одинаковы; но въ ихъ освобожденіи и въ одержанныхъ при этомъ побѣдахъ заключается та разница,

*) Вотъ какъ было дѣло. Русскихъ подъ Нарвой было не 80,000, а 35—40,000. Сначала осадой распоряжался дѣйствительно самъ Петръ; но вскорѣ у осаждавшихъ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и военныхъ снарядахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась необходимость усилить армію новыми полками. Для личнаго распоряженія всѣмъ этимъ, Петръ уѣхалъ 18 Ноября 1700 г. въ Новгородъ, поручивъ главное начальство надъ войскомъ бывшему генералу Австрійской службы герцогу фонъ-Крои. На другой день по отъѣздѣ царя, 19 Ноября, Карлъ XII появился неожиданно подъ стѣнами Нарвы. Слѣдовательно, самая Нарвская битва произошла въ отсутствіе Петра. Ф. В.

что Турецкая армія не обезопасила себя укрѣпленіями, а Московская защитила себя хорошими ретраншементами. Турецкая армія состояла изъ однихъ только Турокъ, и поэтому христіанамъ легче было разсѣять этихъ варваровъ, не могущихъ твердо стоять въ сраженіи и обратить ихъ въ бѣгство; между тѣмъ какъ Московская армія имѣла настоящихъ христіанскихъ оберъ-офицеровъ, опытныхъ въ войнѣ и умѣвшихъ противупоставлять непріятелю остріе своего оружія. Христіанское войско подъ Вѣной состояло болѣе, чѣмъ изъ 60,000 человѣкъ, Шведское же едва изъ 25,000 *). Подъ Вѣной христіане овладѣли почти всѣмъ Турецкимъ лагеремъ, Турецкую же армію обратили въ бѣгство; подъ Нарвою Шведы захватили не только весь Московскій лагерь, состоявшій изъ артиллеріи, амуниціи, провіанта и багажа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ генералитетомъ, большею частію оберъ и унтеръ-офицеровъ и почти всею арміею и положили на мѣстѣ болѣе 20,000 человѣкъ. Итакъ какъ эта только что начатая Московско-Шведская война похожа по своему началу на бывшую Турецко-Венгерскую, то желательно, чтобы она не была похожа на нее по продолжительности и кровопролитію, но скорѣе пришла бы къ своему окончанію... 9-го Января 1701 года.

Письмо 24-е.

О томъ, что въ предпринимаемой войнѣ весьма много значитъ, имѣетъ-ли государь счастливыхъ или несчастливыхъ генераловъ; также о томъ, какое значеніе имѣютъ въ сраженіяхъ justiciae causae (оправдательныя причины) и когда самъ государь долженъ принимать участіе въ военныхъ предпріятіяхъ.

Милостивый государь!

Эти примѣчаемыя при освобожденіи Шведами Нарвы необыкновенныя обстоятельства навели меня, въ свою очередь, на нѣкоторыя размышленія, такъ что я почти готовъ сказать, что пораженію Москвитянъ немало способствовала замѣченная неудача на войнѣ герцога фонъ-Крои, какъ генералъ-фельдмаршала, и я могу этого, все-таки храбраго, человѣка присоединить къ числу несчастливыхъ генераловъ. Въ 1690 г., когда Турки осаждали Бѣлградъ, былъ онъ посланъ его императорскимъ величествомъ въ этотъ городъ, въ которомъ, впрочемъ, былъ комендантомъ генералъ Аспермонтъ; но когда этотъ городъ, не смотря на все свое сопротивленіе, былъ взятъ штурмомъ Турками, герцогъ фонъ-Крои, вмѣстѣ съ немногими оставшимися, едва успѣлъ

*) Какъ замѣчено было выше, Шведовъ подъ Нарвой было 8,500. Ф. В.

спастись на судахъ. Въ 1693 г. императорскія войска рѣшились, подъ начальствомъ помянутаго герцога, снова завоевать Бѣлградъ, но принуждены были, при приближеніи Турецкаго войска, со стыдомъ отступить. Такимъ образомъ, этотъ, все-таки храбрый, князь есть одинъ изъ несчастливыхъ генераловъ нашего вѣка и можетъ быть сравненъ съ покойнымъ княземъ фонъ-Вальдекомъ, тоже отличавшимся замѣчательными военными неудачами, какъ это показываютъ примѣры, бывшіе съ нимъ во время Польскихъ и Нидерландскихъ войнъ. И какъ, съ одной стороны, весьма много значитъ, чтобы государь, предпринимая войну, имѣлъ счастливыхъ генераловъ, такъ, съ другой стороны, весьма опасно, если, по Божьей волѣ, его постигнетъ неудача.

Далѣе я примѣтилъ, что для офицеровъ и простыхъ солдатъ имѣетъ большое значеніе справедливость войны, которую они ведутъ. Мудро сказалъ языческій поэтъ:

Frangit et attolit vires in milite causa,
Quae nisi justa subest, excutit arma pudor [1]).

И нигдѣ яснѣе не обнаружилась справедливость этого изреченія, какъ при освобожденіи Шведами города Нарвы. Шведскій король, не смотря на всѣ убѣжденія императорскаго и Французскаго посланниковъ, съ неописанною храбростію рѣшился на освобожденіе (Нарвы), сказавъ, что онъ полагается на свое правое дѣло и надѣется на Бога, послѣ чего обратился къ своему войску съ рѣшительнымъ вопросомъ: хотятъ-ли они вмѣстѣ съ нимъ положить жизнь свою въ предстоящемъ сраженіи, и когда они отвѣчали на это утвердительно, онъ двинулся со своимъ несравненнымъ войскомъ впередъ и напалъ на огромное и занимавшее выгодную позицію Московское войско, окончательно струсившее и растерявшееся, и при всеобщемъ смятеніи разбилъ его и захватилъ въ плѣнъ, такъ что къ нему очень хорошо можно примѣнить побѣдное изрѣченіе Юлія Цезаря: Veni, vidi, vici [2]). Одержанная имъ побѣда ясно выразилась въ его боевомъ истинно-христіанскомъ возгласѣ: съ помощію Христа! такъ что здѣсь исполнилось то, что̀ говоритъ Липсіусъ: altus animus Deoque fisus per obstantes catervas explicuit sua victor arma [3]).

За симъ идутъ разсужденія автора письма о значеніи счастія на войнѣ, съ цитатами изъ Флора и Цицерона.

---

[1]) Причина войны возвышаетъ и уменьшаетъ силы въ воинѣ и если она несправедлива, то отъ стыда выпадаетъ оружіе.

[2]) Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

[3]) Высокій и преданный Богу духъ собственнымъ оружіемъ пролагаетъ себѣ дорогу чрезъ противустоящія ему толпы (непріятелей).

Наконецъ, должно считать большою мудростью со стороны этого юнаго короля (Карла XII) и то, что онъ самъ лично предпринялъ освобожденіе Нарвы и не поручилъ этого дѣла кому либо изъ своихъ генераловъ потому что въ дѣлахъ первостепенной важности, каковымъ было это освобожденіе, крайне необходимо присутствіе верховнаго главы или князя; и, если бы сраженіе было проиграно, то Нарва и даже, безъ сомнѣнія, нѣчто и бо́льшее, были бы потеряны, тогда какъ теперь дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ: ибо Московское войско совершенно разбито. Но было бы иначе, если бы освобожденіе не удалось, или непріятель былъ бы принужденъ только отступить. Побѣда эта, при которой столько офицеровъ попало въ плѣнъ, похожа на ту, которую одержало Баварское войско надъ Французско-Веймарскою арміею, при Дютлингенѣ, въ 1643 году, потому что тогда попали въ плѣнъ главнокомандующій Веймарскою арміею, генералъ-лейтенантъ Ранцау, четыре фельдмаршала, генералъ-маіоръ Шёнбахъ, 7 оберъ-офицеровъ, 7 оберъ-лейтенантовъ, 4 маіора, 90 капитановъ и ритмейстеровъ, 98 лейтенантовъ, 52 фендриха и корнета.

Такимъ образомъ можно сказать, что подъ Нарвой остался цвѣтъ Московскаго войска, и впредъ, если захотятъ изобразить несчастную осаду, то будутъ называть ее Нарвскою, а про потерпѣвшаго пораженіе будутъ говорить, что съ нимъ случилось тоже, что̀ съ Москвитянами подъ Нарвой. 12 Января 1701 года.

Письмо 33-е.

О томъ, что Московско-Шведская война послѣ этого пораженія не кончится и сдѣлается еще ожесточеннѣе.

Шведская побѣда подъ Нарвой есть событіе достойное великой славы, заслуживаетъ удивленія потомства и должна быть отнесена къ числу знаменитѣйшихъ героическихъ подвиговъ всѣхъ временъ. Однакоже не слѣдуетъ думать, что этимъ оканчивается дѣло и что Московское государство вполнѣ уничтожено. Это только какъ бы отрицательное доказательство правоты дѣла со стороны Шведовъ, такъ что Москвитянамъ будетъ тѣмъ труднѣе выступить съ доказательствомъ будущей побѣды, говоря юридическимъ языкомъ. Съ Шведской же стороны этимъ проложена хорошая дорога къ будущимъ успѣхамъ; но еще много встрѣтится препятствій и затрудненій прежде, чѣмъ будетъ достигнута предположенная цѣль, а огромное Московское государство будетъ унижено и принуждено къ приличному миру. Вступающій въ борьбу съ такимъ могущественнымъ варварскимъ государствомъ похожъ на человѣка, желающаго свалить огромное и старое дерево: онъ наноситъ ему многочисленные удары, но долгая и постоянная работа

должна, наконецъ, свалить дерево. Или государь, принужденный имѣть дѣло съ варварскимъ государствомъ, похожъ на человѣка, намѣревающагося убить дикаго звѣря: онъ наноситъ ему одинъ за другимъ жестокіе удары; но животное, почувствовавъ раны, свирѣпѣетъ еще болѣе и старается всѣми силами отмстить своему врагу, который, такимъ образомъ, находится въ это время въ бо́льшей опасности, чѣмъ до нанесенія раны животному. Хотя извѣстно, что счастливое начало подаетъ надежду и вѣроятность на хорошее и побѣдоносное окончаніе; но царь Московскій, чтобы отмстить Шведамъ, подниметъ все свое государство и такъ какъ извѣстно, сколь оно обширно и сколько сильныхъ варварскихъ племенъ оно въ себѣ заключаетъ, то поэтому должно полагать, что какъ только онъ дѣйствительно это предприметъ, Лифляндія сдѣлается театромъ многихъ кровавыхъ дѣлъ и, какъ таковая, будетъ наводнена громадною толпою Татаръ и другихъ восточныхъ народовъ. Однако, должно предполагать, что Шведы своимъ храбрымъ и правильно устроеннымъ войскомъ побѣдятъ это множество и съ честію окончатъ войну, что́ уже и предсказано хорошимъ началомъ, поелику Тацитъ говоритъ: ut belli est initium, ita fama in caeteros *), особенно если Шведы не впадутъ въ гордость и не будутъ презирать врага.

Далѣе авторъ письма разсуждаетъ объ измѣнчивости счастія на войнѣ, и, приведя примѣры этой измѣнчивости изъ только что окончившейся войны Австріи съ Турціей, заключаетъ письмо такими соображеніями:

На эту Турецкую войну во многомъ похожа теперешняя Шведско-Московская, такъ что, по всей вѣроятности, много будетъ потрачено труда и пролито крови прежде, чѣмъ достигнутъ примиренія; ибо справедливо говорится, что легко начать войну, но трудно ее окончить: въ то время какъ начало ея зависитъ отъ воли всякаго, миръ находится въ рукахъ побѣдителя, который даруетъ его, когда и какъ онъ хочетъ. 24 Января 1701 года.

Письмо 34-е.

Отвѣтъ на предыдущее и о томъ, что понесенное Московскимъ царемъ пораженіе есть Божіе наказаніе за его высокомѣріе и дерзость, порожденныя въ немъ сопровождавшимъ его до сихъ поръ счастіемъ.

Милостивый государь!

Въ полученномъ мною 24-го числа сего мѣсяца письмѣ справедливо сказано, что высокомѣріе и самоувѣренность суть такіе пороки, которые могутъ, говоря вообще, человѣка повергнуть съ высоты счастія

*) Каково начало войны, такова и слава объ ней.

въ величайшее несчастіе. Высокомѣріе предшествуетъ паденію, и люди, ослѣпленные высокомѣріемъ и надменностью, могутъ пренебрегать предусмотрительностью, необходимою во всѣхъ человѣческихъ поступкахъ, и если они отъ природы одарены необходимымъ разумомъ, то пренебрегаютъ имъ и считаютъ его лишнимъ, а непріятеля считаютъ незаслуживающимъ большаго вниманія. Это доказываютъ безчисленные примѣры древней и новой исторіи.

(Въ примѣръ приведено презрительное отношеніе Персовъ къ Александру Македонскому и Австрійцевъ къ Шведамъ въ 30-ти-лѣтнюю войну, печально окончившееся для тѣхъ и другихъ).

Самый же новый примѣръ, что высокомѣріе и самоувѣренность порождаютъ несчастіе, представляетъ теперешній царь, который успѣлъ пріобрѣсти себѣ великую въ свѣтѣ славу, побѣдивъ во многихъ сраженіяхъ Татаръ и завоевавъ у нихъ большую область, также покоривъ Турецкую крѣпость Азовъ и распространивъ свои владѣнія отъ Бѣлаго до Чернаго моря. Но когда онъ сдѣлался отъ такого ласкательства счастія высокомѣрнымъ и разсердился на еще юнаго Шведскаго короля, какъ будто сей послѣдній долженъ былъ переносить все, чтó бы царь ему ни сдѣлалъ, то и счастіе его претерпѣло столь сильный переворотъ, и этотъ храбрый король (т. е. Карлъ XII) доказалъ, что не всегда верхъ остается за старшимъ *) и что борода дѣлаетъ мужа, но не дѣлаетъ героя, главный двигатель котораго есть сердце, скрытое въ груди, которое можно познать только изъ прекрасныхъ дѣлъ. Наступившее для царя несчастіе происходитъ также и отъ его жестокости, которую онъ обнаружилъ въ казняхъ, когда онъ, два года назадъ, велѣлъ казнить нѣсколько тысячъ подданныхъ, обвиненныхъ въ бунтѣ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ умертвилъ самъ, какъ палачъ. Этимъ онъ еще больше отвратилъ отъ себя сердца своихъ подданныхъ. За подобныя жестокости были изгнаны Діонисій, противъ Калигулы, Нерона, Домиціана и многихъ другихъ было поднято оружіе. Трагикъ Сенека справедливо сказалъ: violenta imperia nemo tenuit diu, moderata durant. Царь могъ имѣть передъ глазами примѣры древнихъ и новыхъ тирановъ, жестокость которыхъ повсюду доводила ихъ до позорнаго конца. Въ этомъ случаѣ мнѣ никогда не нравились извиненія, подобныя тому, что царю приходится имѣть дѣло съ народомъ, который только подобными мѣрами можетъ быть удержанъ въ повиновеніи; подобныя объясненія ничего не значутъ.

(Здѣсь авторъ письма приводитъ подходящія цитаты изъ Сенеки и Тацита).

Поэтому царь находится въ опасности потерять свою репутацію въ дѣлахъ съ внѣшними врагами и свое царство и жизнь въ дѣлахъ съ

*) Петръ I былъ на десять лѣтъ старше Карла XII. *Ф. В.*

внутренними. Однако я ему этого не желаю, но, напротивъ, желаю, чтобъ онъ былъ въ лучшихъ обстоятельствахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ счастливѣе. 26 Января 1701 г.

Письмо 56-е.

О томъ, что Москвитяне, изъ политическихъ видовъ, скрываютъ свои великія потери подъ Нарвой и стараются ихъ умалить; однако скорѣе слѣдуетъ вѣрить не имъ, а Шведамъ.

После общихъ разсужденій о томъ, что „частью изъ стыда, частью изъ политическихъ разсчетовъ, чтобы не особенно смутить союзниковъ, а также и подданныхъ, потери въ сраженіяхъ представляются всегда въ гораздо меньшемъ видѣ, чѣмъ были въ дѣйствительности, о Русскихъ говорится слѣдующее:

Москвитяне, хорошо умѣющіе разглагольствовать о своихъ дѣлахъ, не противорѣчатъ своимъ природнымъ качествамъ, когда уменьшаютъ понесенныя ими потери; но я полагаю, что для нихъ было еще постыднѣе, что они, безъ большой потери людей, бросили весь лагерь и, какъ малодушные трусы, допустили уничтожить свою и своего царя репутацію, тѣмъ болѣе, что съ Шведской стороны съ большими клятвами стараются увѣрить, что Шведовъ, овладѣвшихъ лагеремъ, было не болѣе 9.000 человѣкъ. Итакъ какъ Московское войско, свыше 80.000, находилось въ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ предводительствомъ храбрыхъ иностранныхъ офицеровъ, разрушеніе же моста лишило ихъ возможности бѣжать, и они позволили разбить себя и цѣликомъ захватить въ плѣнъ 9.000, то я не могу понять, какъ могутъ Москвитяне утверждать, безъ великаго для себя стыда и позора, что съ ихъ стороны пало не болѣе 4.000 человѣкъ, когда даже Шведы доводятъ свою потерю до 3.000 человѣкъ.

Что же касается до того, вслѣдствіе какихъ побужденій католическое духовенство завидуетъ блестящей побѣдѣ Шведовъ, о чемъ находится извѣстіе въ сообщеніи изъ Регенсбурга, то тутъ дѣйствуетъ или ненависть къ протестантской религіи или старинная злоба послѣ Нѣмецкой (30-лѣтней) войны. Нѣсколько дней тому назадъ появился здѣсь одинъ Францисканскій монахъ, вздумавшій открыто говорить, что Шведы, если бы они были честные люди, не должны были нападать на Москвитянъ съ тылу, но должны были бы, какъ честные солдаты, сойтись съ ними лицомъ къ лицу, и что крестьянинъ, проведшій короля въ тылъ Русскаго лагеря, былъ не человѣкъ, а воплощенный дьяволъ, нагнавшій Шведовъ на Русскихъ.

Далѣе идетъ молитва, сложенная Католиками противъ Лютеранъ, въ которой первые просятъ у Божьей Матери защиты „отъ этихъ Бранденбургскихъ церберовъ“ и „Англійскихъ нехристей“.

Письмо 107.

О полезномъ намѣреніи Датскаго короля учредить постоянное земское ополченіе.

Въ Москвѣ въ случаѣ войны сельскій народъ сгоняется, какъ скотъ, и бояре или дворяне должны, по повелѣнію царя, являться на коняхъ; но такъ какъ это народъ неопытный и къ войнѣ несклонный, то и заслуживаетъ, по большей части, плохую славу въ этомъ дѣлѣ.

Далѣе говорится о войскѣ Турецкомъ и Венгерскомъ. Про Венгровъ авторъ говоритъ, что это „воинственный, храбрый народъ, тогда какъ Москвитяне, напротивъ, представили въ прошломъ году подъ Нарвой плохое доказательство своей храбрости“.

Письмо 110.

О новомъ возстаніи Венгровъ.

Въ этомъ письмѣ, по поводу возстанія Венгровъ, авторъ излагаетъ слѣдующую теорію классификаціи Европейскихъ народовъ.

Постоянно бываетъ, что одна нація болѣе склонна къ возстаніямъ, чѣмъ другая. Теперешніе Европейскіе народы представляютъ двѣ различныя племенныя группы и суть или Кельтскаго, или Скиѳскаго происхожденія. Къ Кельтамъ принадлежатъ Испанцы, Португальцы, Французы, Англичане и другіе Британскія племена, Германцы, Итальянцы, Датчане и Шведы. Къ Скиѳамъ принадлежатъ, вмѣстѣ съ Богемцами (Чехами), также Венгры, Поляки, Казаки, Литовцы, Москвитяне, Кроаты, жители Семиградской области, Валахи, Молдаване, Турки, и Татары, также живущіе въ Германіи остатки древнихъ Сербовъ и Вендовъ. Хотя, при случаѣ, и у народовъ Кельтскаго происхожденія бывали возстанія и возмущенія, какъ, напр., у Итальянцевъ, Нидерландцевъ, Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ, но они далеко не столь обыкновенны и не бываютъ столь жестоки, какъ у народовъ Скиѳскаго происхожденія. Исторія среднихъ вѣковъ по Р. Хр. въ Германіи повѣствуетъ о безчисленныхъ и жестокихъ возстаніяхъ Вендовъ противъ Нѣмецкихъ императоровъ и другихъ областныхъ князей въ VIII, IX, X и двухъ слѣдующихъ столѣтіяхъ, вслѣдствіе чего Каролинги принуждены были приводить ихъ къ покорности открытою войною; но они вскорѣ снова нарушали миръ, пока, наконецъ, были усмирены въ X стол. Генрихомъ Птицеловомъ, и ихъ столица Грунэ (Grune), на р. Молдавѣ, была разрушена и, наконецъ, при двухъ Генрихахъ, герцогахъ Саксонскихъ, Гордомъ и Львѣ, отцѣ и сынѣ, въ Бранденбургской маркѣ, въ странѣ нынѣшняго княжества Ангальтскаго, въ Мекленбургѣ и Помераніи, они были окончательно уничтожены или обращены въ христіанскую вѣру. Однако, между жителями этихъ областей еще

попадается немало остатковъ Вендовъ (Wenden-Köpffe), а также кое-гдѣ между Эльбой и Богеміей, какъ напр., въ Мейссенѣ и особенно между крестьянами, живущими въ селахъ княжества Альтенбургъ и въ Лаузицѣ, и правительству, вслѣдствіе ихъ упрямства и непокорности, приходится испытывать немало безпокойства. Чтò за тяжелый и къ возстаніямъ склонный народъ Поляки, Литовцы и Казаки, какіе жестокіе бунты произошли въ Москвѣ! Богемцы своими частыми возстаніями, особенно продолжительнымъ и почти для всей Германіи опаснымъ революціоннымъ движеніемъ Гусситовъ, также безпорядками въ 1617 году, повлекшими за собою 30-лѣтнюю войну, доказали свое Вендское и Скиѳское происхожденіе. Турки и Татары также своею невѣрностью и частыми возмущеніями обнаруживаютъ свое Скиѳское происхожденіе и, наконецъ, Венгры, своими многократными возстаніями и кровожадными замыслами противъ своихъ Нѣмецкихъ королей, особенно противъ нынѣ царствующаго императорскаго величества, достаточно ясно доказали, что они суть отрасль Скиѳовъ, пользующихся уже съ древнѣйшихъ временъ дурною славою, прирожденныя качества которыхъ суть разбой, убійство, вѣроломство, дерзость и наглость. Изъ разбойничества, грабежа, хищничества и опустошенія они сдѣлали ремесло, чтò все, вмѣстѣ съ вышепомянутыми качествами, какъ бунтъ и измѣна, вытекаетъ изъ одного и того же источника, именно происходитъ изъ нечестиваго, забывающаго Бога и честь и лишеннаго любви сердца; почему эти Скиѳскаго происхожденія народы и причиняютъ опустошеніе и разореніе обширнымъ странамъ, какъ это доказывается примѣромъ Гунновъ, Вендовъ, Турокъ и Татаръ, отчего Греческій историкъ Епифаній называетъ *скиѳствомъ* (scythismum), когда считаютъ дозволеннымъ, не объявляя войны, грабить и разорять другія страны. Однако Богъ, имѣющій въ Своемъ покровительствѣ благочестивыхъ монарховъ, поможетъ истребить эту измѣну и воздастъ должное виновнымъ, исполненія чего мы и будемъ ожидать. За симъ остаюсь. N. 28 Мая 1701 г.

Любопытно это указаніе на существованіе, въ началѣ XVIII в., Вендовъ (т. е. Славянъ) во внутреннихъ областяхъ Германіи.

Письмо 162.

О томъ, какъ, по всему вѣроятію, будетъ вестись война въ нынѣшнюю кампанію въ Лифляндіи.

Не должно удивляться, что походъ въ Лифляндію начнется поздно. Такъ какъ въ этихъ странахъ весна настаетъ тогда, когда она у насъ уже кончается, и часто еще въ Маѣ лежитъ ледъ и снѣгъ, и такъ какъ армію нельзя вывести въ поле раньше, чѣмъ будетъ го-

товъ для лошадей подножный кормъ, что̀ бываетъ обыкновенно не раньше конца Іюля: то, конечно, нечего удивляться, что въ Италіи можно начинать кампанію въ Мартѣ или, самое позднее, въ Апрѣлѣ; тамъ весна наступаетъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, чѣмъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ, къ которымъ принадлежитъ и Лифляндія.

Что̀ же, затѣмъ, касается до сдѣланнаго мнѣ вопроса, которая изъ двухъ сторонъ, Шведы или ихъ враги, будутъ дѣйствовать въ этомъ году наступательно: то, по соображеніи обстоятельствъ, я того мнѣнія, что Шведы не иначе могутъ дѣйствовать, какъ противъ Польскаго короля—наступательно, противъ Москвы-же—оборонительно, тогда какъ, напротивъ, Москва будетъ дѣйствовать наступательно, Польскій же король принужденъ будетъ дѣйствовать оборонительно.

Къ такому мнѣнію побуждаютъ меня слѣдующія соображенія: Шведскій король сильнѣе Польскаго и долженъ стараться возвратить потерянное прежде, чѣмъ дѣлать завоеванія въ Московскихъ областяхъ; король Польскій слабѣе Шведскаго, вслѣдствіе чего долженъ дѣйствовать оборонительно, тѣмъ болѣе, что ожидаемые изъ Саксоніи полки еще не прибыли. Москва, по причинѣ превосходства своихъ силъ и изъ желанія возстановить потерянную репутацію, будетъ дѣйствовать наступательно. Однако, еще вопросъ, не нападутъ-ли Шведы, какъ и въ прошломъ году, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и побуждаемые необходимостью, первые на Москвитянъ, хотя бы послѣдніе и превосходили ихъ числомъ. 20 Іюля 1701.

Письмо 178.

Куда направились выѣхавшіе изъ Готенбурга Шведскіе корабли?

Повидимому, весьма трудно отвѣчать на сдѣланный мнѣ вопросъ, именно: куда направились вышедшіе изъ Готенбурга пять Шведскихъ кораблей, такъ какъ въ открытомъ морѣ много дорогъ?

Приведя затѣмъ нѣсколько примѣровъ того, какъ трудно угадать направленіе судна въ открытомъ морѣ, авторъ письма продолжаетъ:

Однако, не смотря на все это, можно догадываться, куда отправились пять вышеупомянутыхъ Шведскихъ кораблей, именно не въ другое какое мѣсто, какъ въ лежащіе на Сѣверѣ Московскіе приморскіе и торговые города Св. Михаила Архангела на великой рѣкѣ Двинѣ и Св. Николая; это два знаменитыхъ торговыхъ города, особенно первый, въ который пріѣзжаютъ Европейцы (Голландцы, Англичане, Датчане и другіе) и пріобрѣтаютъ Московскіе товары, привозя, въ замѣнъ ихъ, разные другіе товары и въ числѣ ихъ запрещенные какъ-то: оружіе, порохъ и свинецъ, какъ и было уже положительно заявлено, что оружіе, которое имѣли недавно появившіеся въ Саксон-

ской арміи Москвитяне, было настоящее Голландское оружіе. Поэтому Шведы весьма благоразумно стремятся къ тому, чтобы разрушить помянутые города своихъ враговъ Москвитянъ и этимъ нанести вредъ тамошней ихъ торговлѣ. Насколько это принесетъ пользы Шведамъ, это можно только предполагать, такъ какъ Москвитяне все свое богатство видятъ въ выгодной торговлѣ, которая, конечно, сильно пострадаетъ, когда оба ихъ на Сѣверѣ, при такъ называемомъ Бѣломъ морѣ, лежащіе гѳрода, Св. Николая и Св. Михаила Архангела, будутъ разрушены.

Вышепомянутые Шведскіе корабли должны направиться на Сѣверъ, мимо береговъ Норвегіи и Лапландіи, и затѣмъ повернуть къ Востоку, въ Бѣлое море, при которомъ лежатъ эти Московскіе городà подъ 64° сѣверной широты. Знаменитый Французскій географъ Дю-Валь описываетъ ихъ, и именно Архангельскъ, иначе называемый городомъ Св. Михаила Архангела (ч. 2-я, стр. 340), что это знаменитый торговый городъ и складочное мѣсто всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Москву и изъ Москвы. Таможенной пошлины собирается здѣсь ежегодно болѣе 600,000 рейхсталеровъ. Онъ лежитъ на Бѣломъ морѣ, при устьѣ Дувины или Двины, имѣетъ порядочную крѣпость и хорошую гавань, въ которой обыкновенно останавливаются корабли Англичанъ, Голландцевъ и другихъ народовъ. Прежде корабли направлялись черезъ Зундъ въ Остъ-Зее (Балтійское море), къ гавани города Нарвы, въ Лифляндіи, откуда товары перевозились далѣе сухимъ путемъ. Но послѣ того, какъ наложено было много разныхъ тяжелыхъ пошлинъ, они избрали дорогу прямо въ Архангельскъ.

Городъ св. Николая, который тоже лежитъ при устьѣ рѣки Двины, недалеко отъ Архангельска, также производитъ нѣкоторую торговлю. Обоими городами владѣетъ великій князь, обладатель Бѣлаго моря и Великаго Океана. Въ теченіе 6-ти недѣль мы услышимъ, куда направился этотъ флотъ и что цѣлью его служитъ врядъ-ли чтò другое, какъ именно два помянутые Московскіе гѳрода. Въ ожиданіи новостей изъ Лифляндіи и поручая себя покровительству и защитѣ Божьей милости, остаюсь..... и пр. №. 17 Авг. 1701.

Извѣстный намъ приходъ Шведскихъ судовъ (которыхъ было, не 5, а 7) къ Архангельску былъ въ Іюнѣ 1701 г.; а такъ какъ письмо писано въ Августѣ, то въ немъ, конечно, говорится не объ этихъ судахъ. Съ весны 1702 года ожидали вторичнаго прихода Шведовъ къ Архангельску, вслѣдствіе чего Петръ провелъ тамъ все лѣто; однако Шведы не явились.

Ф. Витбергъ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ ГРАФА ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ТОЛСТАГО.

Сочиненіе Французскаго консула Вилларде.

Покойный двоюродный дядя мой, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, будучи въ Парижѣ въ 1837 году, пріобрѣлъ литографированное факсимиле съ записки подъ заглавіемъ: «Abrégé de la vie du c-te Tolstoy, rédigé à Moscou en 1729 par m-r Villardeau, consul de France». Дядя хотѣлъ напечатать эту записку, но строгая цензура Николаевскаго времени почему-то не дозволила ей появиться въ свѣтъ. Онъ подарилъ ее мнѣ въ 1883 году.

Графъ М. Толстой.

*

Графъ Толстой, очень извѣстный въ Россіи въ продолженіе трехъ послѣднихъ царствованій подъ именемъ Петра Андреевича, происходилъ изъ мелкаго Русскаго дворянства *). Одна барышня, по имени

---

*) Толстые не были мелкопомѣстными. Отецъ графа Петра Андреевича, дѣдъ и прадѣды его, владѣли большимъ селомъ Шельбовымъ въ Суздальскомъ уѣздѣ, (нынѣ—Юрьевскомъ), которое пожаловано было степенному тысяцкому Ивану Никифоровичу Толстому, переселенному изъ Новгорода послѣ Новгородскаго погрома, учиненнаго царемъ Іоанномъ Грознымъ. Сынъ Ивана Никифоровича, стольникъ Василій Иваноничъ, жилъ и умеръ въ одной изъ деревень Шельбовскаго помѣстья и погребенъ въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ. Сынъ Василія Ивановича, Андрей Васильевичъ, оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Ивана и Петра Андреевичей (отъ перваго происходятъ Толстые безъ титула, отъ втораго графы Толстые). По порядку наслѣдства село Шельбово, уже безъ принадлежавшихъ къ нему деревень, досталось дѣду моему, графу Степану Ѳедоровичу, а по кончинѣ его перешло къ его сыну, графу Андрею Степановичу. Теперь оно принадлежитъ внуку сего послѣдняго, сыну извѣстнаго министра внутреннихъ дѣлъ, графу Глѣбу Дмитріевичу Толстому. — Другое имѣніе, принадлежавшее также графу Петру Андреевичу, село Знаменское (въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губ.) перешло, по наслѣдству, къ внуку его, графу Ѳедору Ивановичу; а послѣ него къ сыну его, графу Николаю Ѳедоровичу, старшему брату моего дѣда. Онъ построилъ тамъ великолѣпную церковь Знаменія по плану Растрелли. А сынъ его, тайный совѣтникъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой-Знаменскій учредилъ въономъ маіоратъ, принадлежащій теперь графу Сергію Дмитріевичу Толстому-Знаменскому. Гр. М. Т.

Марѳа Матвѣевна Апраксина, сестра покойнаго адмирала Апраксина, какимъ-то чудомъ сдѣлалась супругою царя Ѳеодора, старшаго изъ сыновей царя Алексѣя Михайловича. Петръ Толстой, пользуясь покровительствомъ этой царицы по родству съ ней, поступилъ ко двору и, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, сдѣлался камергеромъ царя [1]). Смерть царя Ѳеодора побудила его оставить дворъ и поступить въ военную службу. Онъ сдѣлался адъютантомъ генерала Милославскаго, одного изъ главныхъ дѣятелей стрѣлецкаго бунта противъ царя Петра I. Главою заговора была царевна Софія, желавшая устроить единодержавіе единоутробнаго брата своего, царя Іоанна, хотя всѣмъ были извѣстны его слабое здоровье и неспособность къ правленію. Она имѣла намѣреніе при помощи стрѣлецкаго возстанія сама завладѣть дѣлами. Толстой, будучи адъютантомъ Милославскаго, не могъ избѣжать запутанныхъ интригъ своего генерала, который употреблялъ его для обольщенія стрѣлецкихъ головъ и для раздачи имъ значительныхъ суммъ [2]). Родственникъ его, Апраксинъ, бывшій впослѣдствіи генераломъ-адмираломъ, принадлежалъ къ противоположной партіи, т.-е. къ партіи Петра I. Онъ успѣлъ перетянуть туда и Петра Андреевича. Отдаливъ его вполнѣ отъ царевны Софіи, Апраксинъ съумѣлъ такъ хорошо отрекомендовать его Петру I, что царь, хотя и не скоро довѣрился прежнему своему врагу, но держалъ его при своей особѣ. Толстой, какъ человѣкъ проницательный, легко замѣтилъ царское недовѣріе и сталъ проситься за границу. Будучи женатъ и имѣя дѣтей, онъ поѣхалъ въ Венецію и тамъ занялся изученіемъ Итальянскаго языка, на которомъ и сталъ превосходно объясняться [3]).

Д. Н. Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей (изд. 1817) пишетъ, что отецъ графа Петра Андреевича, Андрей Васильевичъ, былъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Черниговскимъ окольничьимъ и воеводою; а предокъ Толстыхъ, Индрисъ, выѣхалъ въ Черниговъ въ 1353 году съ двумя сыновьями и тремя тысячами служителей, но откуда имепно, не означено. Преданіе сказываетъ, что изъ Нѣмцевъ и что фамильное имя Толстой есть переводъ Нѣмецкаго *dick*. Такъ, между прочимъ, говорилъ императоръ Николай Павловичъ одному изъ графовъ Толстыхъ. П. Б.

[1]) Вѣроятно, ближнимъ стольникомъ. Гр. М. Т.—У Бантыша-Каменскаго сказано, что Толстой сначала служилъ стольникомъ у царицы Натальи Кириловны, потомъ въ томъ же званіи у царя Ѳедора Алесѣевича, а по кончинѣ его комнатнымъ стольникомъ у царя Ивана Алексѣевича. При Петрѣ онъ опредѣлился прапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, откуда уже въ капитанскомъ чинѣ перешелъ въ Преображенскій. П. Б.

[2]) Этого обстоятельства царь Петръ I никогда не забывалъ. Въ концѣ своей жизни, гладя по головѣ своего любимца Петра Андреевича, онъ приговаривалъ: „Голова, голова!... Отрубить бы тебя надобно, да жаль: ума въ тебѣ много“.

[3]) Итальянскій языкъ еще долго послѣ былъ языкомъ дипломатовъ. Даже при за-

Между тѣмъ открылась война между Россіей и Оттоманской Портою. Толстой, возвратившись въ отечество, предложилъ свои услуги молодому царю, который пожаловалъ его капитаномъ своей гвардіи. Въ этомъ званіи Толстой отличился при второй осадѣ Азова и завоеваніи этого важнаго города. Военное искусство не было тогда такъ развито въ Россіи, какъ оно развилось позднѣе. Толстой, имѣя большіе виды на значительное возвышеніе и не видя возможности отличиться въ военныхъ дѣлахъ, придумалъ перейти въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Для достиженія этой цѣли онъ старался ухаживать за графомъ Головинымъ и съумѣлъ угодить ему. Получивъ отъ Толстаго въ подарокъ двѣ тысячи золотыхъ червонцевъ, Головинъ представилъ его царю, какъ человѣка способнаго занять вакантное мѣсто посланника при Портѣ. Опытъ доказалъ, что нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Толстой велъ себя благоразумно и съ большимъ умомъ въ разныхъ обстоятельствахъ своего труднаго служенія, какъ при заключеніи въ Семибашенный замокъ, такъ и въ блестящихъ переговорахъ, всегда ему удававшихся. Самое непріятное дѣло во время посольства его въ Константинополѣ было у него съ секретаремъ посольства. Всѣмъ извѣстно, что деньги, раздаваемыя въ Диванѣ, сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ краснорѣчіе министра, которое безъ денегъ безполезно. Толстой привезъ съ собой 20.000 золотыхъ червонцевъ для подкупа членовъ Дивана. Онъ, безъ сомнѣнія, издержалъ на это часть суммы, но не всю. Секретарь посольства счелъ себя обязаннымъ увѣдомить объ этомъ царя, своего государя; но графъ Головинъ, принимавшій участіе въ дѣлахъ Толстаго, заставилъ послѣдняго тотчасъ же возвратить деньги, назначенныя для раздачи. Послѣ того Толстой вознамѣрился отравить секретаря, но не тайно, а предварительно предавъ суду, въ присутствіи членовъ посольства, подъ предлогомъ невѣрности и недозволенныхъ сношеній съ великимъ визиремъ. Призванъ былъ священникъ для напутствія приговореннаго къ смерти, и ядъ данъ былъ въ Венгерскомъ винѣ. Въ Константинополѣ Русскимъ посланникамъ предоставляется обыкновенно право жизни и смерти надъ подчиненными. Секретарь могъ дѣйствительно быть преступникомъ, но царь по своей подозрительности не довѣрялъ справедливости тайной казни и не забывалъ поведенія Толстаго во время его молодости. Еще за нѣсколько недѣль до своей кончины царь говорилъ близкимъ къ нему, что Петръ Андреевичъ человѣкъ очень способный, но когда

ключеніи Кучукъ-Кайнарджискаго мира протоколы совѣщаній ведены были по-итальянски графомъ С. Р. Воронцовымъ, служившимъ при графѣ П. А. Румянцовѣ. П. Б.

имѣешь съ нимъ дѣло, то нужно держать камень въ карманѣ, чтобы выбить ему зубы, если онъ захочетъ кусаться.

Первою заботою Толстаго, по возвращеніи его изъ Царьграда, было желаніе пріобрѣсти расположеніе князя Меньшикова, пользовавшагося особенной царской милостью. Зная его корыстолюбіе, онъ подарилъ ему 20.000 рублей и получилъ мѣсто въ тайномъ совѣтѣ, гдѣ и отличался особенною дѣятельностью какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ.

Въ это время царь предполагалъ перейти въ Копенгагенъ съ своими войсками и флотомъ, намѣреваясь напасть вмѣстѣ съ королемъ на Сканію, чтобы положить конецъ Шведской войнѣ. Но исполненіе этого проекта было отложено, потому что царица, желавшая сопровождать въ этомъ походѣ мужа, не хотѣла оставить за собою царевича, рожденнаго отъ первой жены, чтобы, въ случаѣ смерти царя въ ея отсутствіе, онъ не завладѣлъ престоломъ. Царь былъ недоволенъ сыномъ и объявилъ ему, черезъ собственноручное письмо, повелѣніе поступить въ какой-либо монастырь, предоставляя ему выборъ монастыря. Спѣша въ Данію, царь хотѣлъ устроить это скорѣе и послалъ къ царевичу князя Долгорукаго (который послѣ былъ фельдмаршаломъ), чтобы уговорить царевича къ постриженію. «Послушайся отца и постригись», говорилъ Долгорукій: «клобука не прибьютъ тебѣ гвоздемъ къ головѣ, а когда придетъ время, онъ будетъ замѣненъ вѣнцомъ твоихъ предковъ». Эти рѣчи дошли до царя и чрезъ два года послужили предлогомъ къ обвиненію въ оскорбленіи величества.

Но царевичъ стоялъ твердо въ нежеланіи постричься. Царь, по невозможности откладывать далѣе отъѣздъ, поручилъ князю Меньшикову кончить это дѣло и приставилъ къ сыну людей, тайно подкупленныхъ царицею, чтобы наблюдать за всѣми словами и дѣйствіями царевича, а самъ отправился въ Копенгагенъ. Оттуда онъ прислалъ сыну очень ласковое письмо, приглашая его прибыть въ Данію. Царевичъ, столько же искусный въ притворствѣ, какъ и отецъ, принялъ это письмо съ напускной радостью, зная о дурныхъ намѣреніяхъ своего отца. Теперь судьба предоставляла ему способъ избѣгнуть притѣсненій. Онъ написалъ царю о своемъ немедленномъ отъѣздѣ; но по совѣту тетки своей, царевны Маріи, и друга, Александра Кикина, онъ, проѣзжая чрезъ Лифляндію, измѣнилъ направленіе и, вмѣсто Копенгагена, прибылъ въ Вѣну. Бѣгство царевича напугало царя съ царицей и сдѣлалось злобой дня того времени. Толстой, замѣтивъ это и

полагаясь на свое искусство, предложилъ взять на себя путешествіе въ Неаполь [1]), гдѣ, по его мнѣнію, укрывался царевичъ; онъ надѣялся уговорить его возвратиться въ Москву. Тогда (1717) царь былъ въ Парижѣ. Предложеніе Петра Андреевича ему понравилось. Возвратясь въ Голландію, онъ отправилъ Толстаго къ бѣжавшему сыну, обѣщая ему прощеніе, если онъ добровольно возвратится въ Россію. Толстой отправился вмѣстѣ съ капитаномъ гвардіи Румянцовымъ (генералъ-лейтенантомъ, командующимъ нынѣ въ Гилянѣ [2]) и составилъ планъ для успѣшнаго выполненія даннаго ему порученія. Этотъ планъ состоялъ въ дѣйствіи на любовницу царевича, поѣхавшую съ нимъ изъ Петербурга. Эту дѣвку, родомъ Чухонку [3]), довольно красивую, неразсудительную и честолюбивую, Толстой увѣрилъ самыми сильными клятвами (ему легко было давать ихъ и еще легче не исполнять), что онъ выдастъ ее замужъ за своего младшаго сына, съ приданымъ въ 1.000 дворовъ крестьянъ, если она уговоритъ царевича воротиться вмѣстѣ съ нимъ въ отечество. Обманутая такимъ предложеніемъ и клятвами, она старалась и успѣла уговорить своего несчастнаго любовника, что онъ будетъ прощенъ отцомъ, если только возвратится въ Россію съ Толстымъ.

По возвращеніи въ Москву съ несчастнымъ царевичемъ Толстой завладѣлъ вполнѣ его расположеніемъ и вскорѣ былъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи для разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ побѣга царевича, въ чемъ вполнѣ угодилъ царю, а еще болѣе—царицѣ. Царевичъ, найденный виновнымъ, былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость и преданъ суду [4]).

---

[1]) Петръ послалъ Толстаго отыскивать царевича Алексѣя въ Италіи, именно потому, что Толстой долго жилъ въ тѣхъ мѣстахъ во время своего путешествія въ 1697—1698 годахъ, которое имъ и описано (см. „Русскій Архивъ“ 1888, кн. I и II). Въ Неаполѣ были у него связи. Преданіе увѣряетъ, что пребываніе царевича въ Неаполитанскомъ нагорномъ зàмкѣ Сентъ-Эльмо обнаружилось случайно. Призванный къ Толстому или Румянцову брадобрѣй, плохо исполнивъ свою должность и услышавъ за то крѣпкое Русское словцо, разсмѣялся, и когда его стали спрашивать, чему онъ смѣется, онъ указалъ пальцомъ на зàмокъ, гдѣ ему тоже случалось стричь или брить и гдѣ его угощали тѣмъ же словцомъ. П. Б.

[2]) Александръ Ивановичъ, отецъ графа Задунайскаго. Гр. М. Т.

[3]) Однако Ефросинья была грамотная, какъ видно изъ ея письма, снимокъ съ котораго приложенъ Устряловымъ къ VI-му тому „Исторіи царствованія Петра Великаго“, Екатерина же писать, кажется, не умѣла. П. Б.

[4]) Царевичъ скончался 26 Іюня 1718 г. въ 7 час. пополудни. Послѣдній разъ онъ былъ пытанъ въ тотъ же день утромъ. („Исторія царствованія Петра Великаго“ Устрялова, т. VI, стр. 294).

До сего времени Толстой не имѣлъ ничего, кромѣ жалованья [1]), но теперь разбогатѣлъ чрезъ конфискацію имущества казненныхъ и ссыльныхъ. Сверхъ того царь пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея и вскорѣ потомъ графское достоинство. Вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторыми лицами царь придумалъ способы для передачи послѣ себя престола своей супругѣ Екатеринѣ и рожденнымъ отъ нея дѣтямъ, за исключеніемъ потомства умершаго царевича. Онъ принялъ очень рѣшительныя мѣры: дозволено было каждому отцу семейства, не исключая и государя, назначать своимъ наслѣдникомъ произвольно избранную личность, устраняя своихъ дѣтей и родственниковъ. Этотъ законъ послужилъ основаніемъ для духовнаго завѣщанія, посредствомъ котораго царь передалъ корону своей женѣ.

Около того же времени царица страстно влюбилась въ своего камергера Монса, молодаго человѣка весьма красивой наружности. Эта интрига велась очень тайно; но любовникъ велъ себя такъ неосторожно, что царь рѣшилъ казнить его смертію, подъ предлогомъ обнаруженнаго имъ лихоимства. Царскій гнѣвъ распространился на всѣхъ участниковъ этой интриги: родная сестра Монса, жена генералъ-лейтенанта Балка, была сѣчена публично рукою палача у подножія эшафота, на которомъ брату ея отсѣкли голову. Царь (какъ многіе увѣряютъ) хотѣлъ казнить и царицу вмѣстѣ съ Монсомъ, но Толстой успѣлъ отговорить его. Сдѣланное завѣщаніе царь сжегъ въ первую минуту гнѣва; но онъ не успѣлъ сдѣлать никакого распоряженія о преемствѣ престола, скончавшись почти внезапно черезъ шесть недѣль.

Это событіе побудило многихъ благонамѣренныхъ людей составить значительную партію въ пользу двухъ сиротъ царевича. Къ этой партіи принадлежали фельдмаршалъ князь Репнинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и старшій братъ генералъ-адмирала Петра Матвѣевича Апраксина. Но Толстой сталъ во главѣ другой партіи, состоявшей изъ большинства гвардейскихъ офицеровъ, и возбудилъ князя Меньшикова, какъ подполковника гвардіи, воспользоваться своимъ значеніемъ въ пользу царицы, уже успѣвшей завладѣть царскою казною. Екатерина была возведена на престолъ, и по желанію Толстаго было внесено въ актъ ея избранія, что ей предоставляется право назначить себѣ преемника. Въ этомъ смыслѣ всѣ присягнули.

Тогда Меньшиковъ и Толстой завладѣли всѣми дѣлами государственнаго управленія въ Россіи. Между тѣмъ графъ Рабутинъ, послан-

---

[1]) Это неправда: выше было сказано, что онъ владѣлъ наслѣдственными вотчинами, Знаменскимъ и Шельбовымъ съ деревнями. Гр. М. Т.

никъ Римскаго императора, имѣвшій отъ своего двора порученіе наблюдать интересы сиротъ царевича [1]), замѣтилъ, что герцогъ Голштинскій усиленно стремится отъ лица жены своей къ наслѣдству Екатерины; еслибъ это сбылось, то уже невозможно было бы утвердить сиротъ въ ихъ правахъ. Этотъ хитрый Австріецъ думалъ, что единственное средство приблизить сиротъ къ трону состояло въ томъ, чтобы перессорить Меньшикова съ Толстымъ. Съ своей стороны принцъ Голштинскій имѣлъ безразсудство не поладить съ Меньшиковымъ; а этотъ старался сблизиться съ графомъ Рабутиномъ, дѣйствовавшимъ на слабость Меньшикова, т. е. на безмѣрное его честолюбіе. Рабутинъ увѣрилъ Меньшикова, что у него въ рукахъ прекрасный случай возвысить дочь свою на престолъ, сдѣлать ее женою молодаго великаго князя, и обѣщалъ ему отъ Вѣнскаго двора всякую помощь и значительныя суммы денегъ для начатія дѣла. Князь Меньшиковъ, ухватился обѣими руками за проектъ Рабутина, тѣмъ болѣе, что царицѣ понравилась красивая наружность жениха дочери Меньшикова, князя Сапѣги; царица овладѣла имъ подъ предлогомъ женить его на графинѣ Скавронской [2]) родной своей племянницѣ. Этотъ поступокъ царицы какъ будто бы давалъ Меньшикову право просить для своей дочери другой приличной партіи, и онъ осмѣлился предложить императрицѣ, чтобы она устроила бракъ его дочери съ великимъ княземъ.

Царица, занятая исключительно своей новой страстью къ Сапѣгѣ, охотно согласилась на бракъ царевича съ дочерью Меньшикова, и это было громовымъ ударомъ для герцога Голштинскаго, для супруги его и для Толстаго. Герцогъ и герцогиня не осмѣлились возражать; но Толстой въ горячности, не смотря на глубокую свою старость, пошелъ къ царицѣ и, выяснивъ ей смѣло и благородно тотъ вредъ, который она дѣлаетъ себѣ и своимъ дѣтямъ, онъ окончилъ слѣдующими словами: «Государыня! Я вижу топоръ, поднятый надъ головами вашихъ дочерей и надъ моею; дай Богъ, чтобы ихъ головы уцѣлѣли; а что касается меня, то я уже кончилъ свое поприще. Мнѣ за 80 лѣтъ, и будущая судьба моя для меня безразлична». Видя, что царица не рѣшается отмѣнить обѣщаніе, данное Меньшикову, Толстой соединился съ герцогомъ Голштинскимъ, генераломъ Бутурлинымъ [3]) и со многими гвардейскими офицерами и сенаторами; они вознамѣрились воз-

[1]) Императрица Австрійская была имъ родною теткою. П. Б.

[2]) Аннѣ Карловнѣ впослѣдствіи графинѣ Воронцовой. П. Б.

[3]) Иванъ Ивановичъ, позднѣе графъ. Гр. М. Т.

вести герцогиню Голштинскую на престолъ, въ самую минуту смерти ея матери. Царица была больна непонятною болѣзнію, и ожидали ея кончины. Предполагалось отправить молодаго великаго князя Петра въ Киль подъ предлогомъ ученія, но въ дѣйствительности для того, чтобы скрыть его отъ народа, къ нему привязаннаго, и чтобы имѣть его въ своемъ распоряженіи на всякій случай. Проектъ этотъ могъ бы исполниться, еслибъ герцогъ Голштинскій былъ такъ же рѣшителенъ, какъ его супруга, и еслибъ онъ не имѣлъ министромъ г-на Бассевича. Во все время болѣзни царицы Меньшиковъ не выходилъ изъ ея комнаты вмѣстѣ съ назначеннымъ къ ней своимъ докторомъ Итальянцемъ. Предполагали, что этотъ человѣкъ и князь Меньшиковъ одни только знали болѣзнь царицы, причину которой она сама имъ открыла. Оба они подозрѣвались въ ускореніи ея смерти. Всѣ приказанія дворцовымъ и гвардейскимъ офицерамъ передавались чрезъ князя Меньшикова, и никто не былъ допускаемъ къ ней безъ его дозволенія. Въ послѣдніе дни ея жизни Меньшиковъ будто бы по указу царицы, арестовалъ графа Девьера, капитана Преображенскаго полка, одного изъ главныхъ членовъ партіи Толстаго. По тому же указу былъ арестованъ другой капитанъ гвардіи—Писаревъ, совершенно преданный герцогу Голштинскому. Въ самый день ареста этихъ двухъ офицеровъ Меньшиковъ подвергъ ихъ пыткѣ при себѣ; подъ пыткою они признались въ своемъ заговорѣ. Затѣмъ были арестованы Бутурлинъ, нѣсколько преданныхъ ему офицеровъ и, наконецъ, самъ Толстой. Съ яснымъ видомъ и благородною откровенностью онъ признался, что считалъ себя и свое семейство въ опасномъ положеніи при возможности царствованія Петра II и поэтому составилъ партію для возведенія на престолъ старшей дочери Петра I, своего великаго благодѣтеля. «Если вы думаете, сказалъ онъ, что я поступилъ дурно, то вотъ моя голова; отрубите ее и распоряжайтесь моимъ имуществомъ, какъ хотите». На слѣдующій день царица умерла. Толстой былъ перевезенъ въ Петербургскую крѣпость, добровольно исповѣдался и выслушалъ смертный приговоръ, который былъ замѣненъ вѣчною ссылкою съ лишеніемъ правъ состоянія и конфискаціей имѣній. Не теряя времени, его съ сыномъ послали.....

*

Господинъ Виллардо оставилъ свою записку неоконченною. Считаю себя обязаннымъ разсказать о послѣднихъ дняхъ графа Петра Андреевича и графа Ивана Петровича. Графъ Петръ Андреевичъ и сынъ его тайный совѣтникъ, графъ Иванъ Петровичъ *) были сосланы, безъ тѣлес-

*) Преосв. Макарій, епископъ Архангельскій, въ запискѣ своей (помѣщенной въ „Чт. Общ. Истор. Древностей“ 1880 г., кн. III, стр. 35) называетъ графа Ивана Петровича

наго наказанія, въ Соловецкій монастырь, куда прибыли 1727 года Іюня 18, и заключены въ тюрьму, но не подземную, а находящуюся внутри монастыря, по правую сторону св. воротъ. Сначала имъ воспрещено было всякое общеніе съ кѣмъ бы то ни было; но позднѣе, по отъѣздѣ сопровождавшаго ихъ конвоя, они содержались свободнѣе. Графиня Соломонида Ивановна, урожденная княжна Троекурова, по свидѣтельству семейнаго преданія, свободно жила съ дѣтьми въ монастырской гостинницѣ. Мужъ ея, графъ Иванъ Петровичъ, умеръ въ концѣ 1728 года и погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ у церкви пр. Онуфрія. Отецъ же его скончался въ 1729 году. По уваженію къ прежнему высокому сану мужественнаго старца, братія Соловецкая не смѣла отнести тѣло его на общее кладбище, а вошла съ представленіемъ чрезъ Архангельскую канцелярію въ Преображенскій Приказъ о мѣстѣ его погребенія. Оттуда получено предписаніе предать землѣ обоихъ въ оградѣ монастыря. Отецъ съ сыномъ погребены были на самомъ видномъ мѣстѣ предъ Преображенскимъ соборомъ, близъ могилы извѣстнаго келаря Сергіевой Лавры Авраамія Палицына. Они покоются подъ большою каменною плитою, съ высѣченною надписью, теперь почти стертою; на ней можно только разобрать слова: «Графъ Петръ ...» Имущество покойныхъ, очень скудное, исчисленное въ той же запискѣ преосвященнаго Макарія, досталось Соловецкому монастырю.

Графъ М. Толстой.

Напечатанная здѣсь записка Виллардо была извѣстна покойному Н. А. Попову, какъ видно по статьѣ его: «Изъ жизни П. А. Толстаго» («Русскій Вѣстникъ» 1860 года). П. Б.

„юношею"; но ему было около 50 лѣтъ, и онъ былъ уже отцомъ многочисленнаго семейства. Гр. М. Т.

РОСТОВСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Изъ переписки князя П. А. Зубова).

(1795—1796).

Графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь) П. А. Зубовъ вступилъ, назадъ тому ровно сто лѣтъ, въ переписку съ тогдашнимъ Ярославскимъ и Вологодскимъ генералъ-губернаторомъ (тоже своего рода знаменитостью) Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ. Переписка эта имѣла исключительно дѣловой характеръ. Въ то время ни Зубовъ, ни Лопухинъ съ его дочерью, которая играла важную роль при императорѣ Павлѣ, конечно, не предвидѣли дальнѣйшей своей судьбы. Поэтому неудивителенъ тотъ противоположный «тонъ», которымъ выражались оба корреспондента, т. е. раболѣпный—со стороны Ярославскаго генералъ-губернатора и повелѣвающій—со стороны Зубова. Послѣдній временщикъ, не покидая Петербургскихъ и Царскосельскаго дворцовъ, управлялъ тогда, за 2,000 верстъ, Новороссійскимъ краемъ, заключавшимъ въ себѣ наслѣдство Потемкина: губерніи Екатеринославскую и Вознесенскую. Край былъ обширный, но мало населенный. Явилась надобность «водворить» въ немъ народъ и вольный и, такъ сказать, въ половину закрѣпощенный, т. е. такой народъ, которымъ владѣли не дворяне-помѣщики, а заступавшіе ихъ мѣсто представители государственной власти, «казны», носившіе названіе директоровъ экономіи (они были подчинены непосредственно генералъ-губернаторамъ или, какъ иначе именовали ихъ, «государевымъ намѣстникамъ»). Подъ «вольнымъ»-же народомъ преимущественно разумѣлись Нѣмецкіе колонисты. Екатерина II широко распахнула для нихъ Новороссійскія степи и, конечно, за сынами «Германскаго отечества» дѣло не стало: они засѣли на дѣвственной почвѣ, стали плодиться и множиться. Коренного-же Русскаго элемента, доставляемаго крѣпкимъ Сѣверомъ, оказалось мало для двухъ новыхъ полуденныхъ губерній. Неволить Великорусскихъ дворянъ переселять туда крѣпостныя души, конечно, было неудобно во многихъ отношеніяхъ. Вообще вмѣшательство въ «домашнюю поли-

цію», основанную на крѣпостномъ правѣ, вовсе не входило въ планы ни самой состарѣвшейся Государыни, ни тѣмъ болѣе Зубова. А между тѣмъ управлять безлюдными степями не представляло особеннаго удовольствія и славы. Оставалось одно средство: населить ихъ государственными крестьянами изъ центральныхъ губерній. Отсюда и возникла не лишенная историческаго значенія переписка между княземъ Зубовымъ и Лопухинымъ.

«Милостивый государь *мой* Петръ Васильевичъ! *) Екатеринославская и Вознесенская губерніи, всемилостивѣйше управленію моему ввѣренныя, имѣютъ множество земель, донынѣ необселенныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы, по установленіи тамо во всѣхъ частяхъ благоустройства и порядка, остались оныя надолго впустѣ; ибо уже *отъ всѣхъ странъ, изъ другихъ государствъ текутъ туда на водвореніе разныхъ націй поселяне въ великомъ многолюдствѣ.* Всемилостивѣйшая Государыня, съ благоугодностію взирая на плоды всевысочайшихъ Ея Величества предположеній о семъ краѣ, обращаетъ на сіе дѣло *особливое вниманіе* и, пріемля въ особенное благопризрѣніе всѣхъ переселяющихся туда обитателей, неистощимою рукою пособствуетъ устроенію ихъ благополучія»...

Это—обычное оффиціальное вступленіе. Далѣе изложено рѣшеніе Екатерины II, свидѣтельствующее объ ея государственномъ умѣ. Зубовъ, вѣроятно, былъ очень счастливъ и доволенъ тѣмъ, что разныя націи въ великомъ многолюдствѣ «текли» къ нему, въ тогдашнюю полумиѳическую Вознесенскую губернію. «Текли» разные Швабы и Саксонцы съ Бранденбургцами, которые и до нашихъ дней остались таковыми-же. Выигрышъ для южной Россіи отъ наплыва иноземцевъ оказывался неважнымъ; слѣдовало подумать о другомъ народномъ элементѣ, о переселенцѣ-крестьянинѣ изъ коренныхъ Русскихъ людей. Екатерина такъ и поступила.

«Поелику (писалъ Зубовъ рукой своего секретаря) существенныя пользы отечества требуютъ, чтобы столь плодородными и обильными мѣстами воспользовались не одни чужеземные выходцы, когда между тѣмъ извѣстно, что внутри государства есть множество такихъ поселянъ, которые въ земляхъ претерпѣваютъ недостатокъ, а иные и при

---

*) Выраженіе: „милостивый государь мой“ на оффиціальномъ языкѣ въ XVIII столѣтіи всегда означало обращеніе лица начальствующаго къ лицу подчиненному, хотя Лопухинъ и не былъ непосредственно подчиненъ Зубову, какъ и всѣ прочіе генералъ-губернаторы. Л. Т.

самомъ обиліи оныхъ охотно пожелали-бы водвориться въ мѣстахъ удобнѣйшихъ для промысловъ своихъ, и гдѣ для воздѣлыванія землй не столь много требуется и трудовъ, и иждивенія: то Ея Императорское Величество высочайше соизволяетъ, чтобы на лучшія изъ помянутыхъ земель выведены были изъ желающихъ нѣсколько семействъ изъ государственныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній. На первый случай избираются для сего мѣста̀ на Бугѣ, въ окрестностяхъ вновь устрояемаго губернскаго города Вознесенска»...

Каковы же были эти мѣста? Вотъ первый вопросъ, который, естественно, могъ явиться у народа, вызываемаго съ береговъ Волги и Ростовскаго озера куда-то вдаль, въ степи, еще такъ недавно пробѣгаемыя лишь Татарскими табунами. Зубовъ, описывая Новороссійскій край, впалъ даже въ своего рода лиризмъ, правда, канцелярскій, но тѣмъ не менѣе способный, по его мнѣнію, подѣйствовать на воображеніе будущихъ переселенцевъ. «Поселяне найдутъ тамо земли самыя тучныя, плодороднѣйшія и удобныя не только къ произращенію всякаго рода хлѣба, но и къ садоводству, и вообще ко всякимъ заведеніямъ, какія кто за полезное для себя признàетъ, а особливо къ размноженію на пространныхъ тамо поляхъ и лугахъ въ большомъ числѣ рогатаго скота и овецъ»... Но этого мало: Зубову хотѣлось похвалиться предъ тѣнью князя Потемкина, который основалъ Екатеринославъ, а вотъ онъ-то, графъ Зубовъ, создаетъ другой губернскій градъ Вознесенскъ, «обширный и многолюдный». По крайней мѣрѣ такъ пророчествовалъ Зубовъ въ письмѣ къ Лопухину: «Имѣя въ близости городъ, который чрезъ посредство принятыхъ правительствомъ къ сооруженію и распространенію онаго надежныхъ мѣръ *вскорѣ учинится обширнымъ и многолюднымъ*, удобно будутъ они (т. е. переселенцы) производить тамо избытками своими торговлю, и всѣ издѣлія ихъ доставятъ имъ выгоду и пользу»...

А какъ быть, если случится неурожай? могли спросить Ярославскіе и Ростовскіе крестьяне, призываемые въ новую обѣтованную землю.

— «Успокойте ихъ, государь мой, на счетъ сего предмета, (писалъ Зубовъ) на случай недородовъ, что́ весьма рѣдко въ ономъ краю бываетъ, и для изобильнаго продовольствія новопереселяющихся, до тѣхъ поръ, покуда, устроя хозяйство свое, получатъ отъ собственныхъ трудовъ не токмо пропитаніе, но и избытки,—учреждены тамо, сверхъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, по всѣмъ городамъ знатные хлѣбные запасы, до ста двадцати тысячъ четвертей простирающіеся, изъ

коихъ во всякое время могутъ они получать въ ссуду и въ пропитаніе хлѣбъ, сколько кому будетъ нужно»...

Но здоровъ ли тамъ воздухъ? боязно освѣдомлялись переселенцы: мы ужъ привыкли къ своему-то... А тамъ, того гляди, околѣешь отъ духоты или отъ трясавицы-лихорадки.

— «Прежде бывшіе слухи (писалъ Зубовъ) о нездоровости воздуха тамошней страны вовсе несправедливы. Напротиву чего, можно увѣрительно сказать, что лучшаго климата едва-ли гдѣ въ государствѣ найти можно... Земля (продолжалъ тотъ-же Екатеринославскій и Вознесенскій намѣстникъ, снова возвращаясь къ восхваленію невиданной имъ самимъ страны), земля же въ сихъ краяхъ не требуетъ никакихъ удобреній, бывъ удобрена щедро отъ природы, почему каждый хлѣбопашецъ и садоводецъ безъ всякихъ усилій увидитъ труды свои сторицею награжденные, поля—покрытыя изобильнѣйшими пажитями, а сады—всякими произрастеніями и наилучшими фруктами, въ пищу человѣческую служащими и умножающими пріятство жизни тамошнихъ поселянъ, употребляя къ тому весьма умѣренную работу и пріобрѣтая большія выгоды»...

Набросавъ такую обольстительную картину «пріятства жизни» въ степяхъ на берегахъ рѣки Буга, Зубовъ перешелъ, наконецъ, къ сущности своего оффиціальнаго письма и Ярославскому и Вологодскому генералъ-губернатору сообщилъ, что: «на сіи земли въ числѣ предполагаемыхъ, по высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, *къ выводу* изъ внутри государства крестьянъ, между прочимъ, назначается изъ ввѣренной вашему высокопревосходительству Ярославской губерніи, изъ Ростовскаго уѣзда, до тысячи душъ такихъ, которые бы знали разводить огороды и насаждать сады, а притомъ были бы добрые хлѣбопашцы, а изъ Ярославцевъ тоже до тысячи душъ каменьщиковъ, которые, сверхъ естественныхъ выгодъ тамошняго края, будутъ имѣть и то преимущество не токмо къ обзаведенію своему, но и къ пріобрѣтенію большихъ прибылей, которыя весьма легко они стяжать могутъ, по причинѣ знатныхъ каменныхъ строеній, производимыхъ въ тѣхъ губерніяхъ, на что̀ большія суммы употребляются»...

Конечно, Лопухинъ могъ недоумѣвать: какимъ образомъ совершить это важное дѣло? Желаетъ-ли такая вліятельная персона, какою былъ въ то время всемогущій графъ Платонъ Александровичъ, чтобы Ярославская администрація насильно оторвала отъ родины двѣ тысячи человѣкъ и угнала ихъ на чужбину, или же слѣдуетъ прибѣгнуть къ инымъ, болѣе мягкимъ мѣрамъ для совершенія переселенческаго дѣла,

путемъ убѣжденія и добровольнаго согласія? Зубовъ разъяснилъ этотъ вопросъ очень обстоятельно такъ: «Я долженъ изъяснить вамъ, милостивый государь мой, что переводъ сихъ людей долженствуетъ быть образомъ *приглашенія*, избѣгая *наряда*, хотя, впрочемъ, и нельзя сомнѣваться, чтобъ всякъ, особливо изъ малоимущихъ, имѣя въ виду вышеописанныя выгоды, не согласился на то охотно».

Являлся еще вопросъ, имѣвшій тоже существенную важность, именно вопросъ вѣры: между каменьщиками и огородниками могли встрѣтиться люди, которые убоятся не далекаго пути и не новаго края, куда приглашали ихъ отъ имени Матушки-царицы, а не пойдутъ туда ради иного страха, по боязни, что ихъ запишутъ волей-неволей въ «православные»... Но Екатерина, даже на склонѣ лѣтъ, мало подражала Людовику XIV въ его безотрадномъ святошествѣ; въ ея душѣ, даже и предъ близкой могилой, все-таки звучала прекрасная струна: не вторгайся въ чужую совѣсть, въ совѣсть какого нибудь Ростовскаго огородника.... И вотъ, графъ Зубовъ пишетъ Лопухину слѣдующее: *)

«Между жителями Ярославской губерніи, уповательно, много находится *старовѣрцевъ*. Сихъ можно уговаривать на переселеніе съ тѣмъ, что имъ позволено будетъ жить особыми селеніями, и тамъ отправлять богослуженіе по ихъ обрядамъ и по старопечатнымъ книгамъ, и что многіе, подобные имъ, изъ другихъ губерній и изъ-за границы туда сами собою уже выдти пожелали. Вообще же всѣмъ, м. г. мой, вы должны предварительно объявить, что переселяющимся на новыя мѣста предоставятся знатныя выгоды»... Онѣ, эти «выгоды» заключались въ слѣдующихъ 6-ти статьяхъ.

«1) Все имущество ихъ, которое имѣютъ въ теперешнихъ жилищахъ, позволено имъ будетъ взять съ собою или продать въ свою пользу.

«2) На новыхъ жилищахъ пріуготовлены имъ будутъ домы отъ казны, по числу семействъ.

«3) На каждую душу мужеска пола отведено имъ будетъ земли по 15 десятинъ.

«4) На обзаведеніе ихъ отпущено будетъ изъ казны по 50 рублей съ возвращеніемъ по прошествіи льготныхъ 10 лѣтъ.

«5) На путевое содержаніе снабдены будутъ кормовыми деньгами на каждаго человѣка мужеска и женска пола, кои выше 15-ти лѣтъ— по 25-ти копѣекъ, а кои ниже сихъ лѣтъ—по 12 копѣекъ на день, по прибытіи же на мѣсто поселенія довольствуемы будутъ отъ казны

*) Отъ 5-го Октября 1795 года, изъ С.-Петербурга, № 857.

провіантомъ *чрезъ* (такъ) цѣлый годъ безвозвратно, а притомъ и на обсѣвъ полей сѣменами снабдены будутъ, если полей тѣхъ засѣять не успѣютъ, о чемъ однакоже экономіи директоръ той губерніи всемѣрно пещися будетъ.

«6) Чтобы могли устроить свое хозяйство, дана имъ будетъ льгота отъ платежа всякихъ въ казну податей на четыре года, а ежели есть на комъ недоимки казенныя, оныя будутъ переведены платежомъ въ Вознесенскую Казенную Палату со взысканіемъ ихъ также по прошествія льготныхъ *10 лѣтъ*. Сверхъ же всего того, должно имъ дать знать, что правительство тамошнее не оставитъ, за всѣмъ тѣмъ, безпрестанно пещись, дабы они не подверглись никакой нуждѣ, для отвращенія чего заблаговременно всѣ мѣры приняты и всѣ способы употребляемы будутъ».

Въ заключеніе этого, своего рода, контракта между Ростовскими огородниками и Ярославскими каменьщиками—съ одной стороны и гр. П. А. Зубовымъ—съ другой, послѣдній писалъ Лопухину: «Я предоставляю вашему высокопревосходительству къ приведенію всего онаго въ дѣйство сдѣлать собственныя ваши распоряженія, какія вы, по благоразумію своему, найдете къ тому приличнѣйшими. Съ моей же стороны только прошу, чтобы къ приглашенію оныхъ людей избранъ былъ вами человѣкъ отличныхъ достоинствъ и способностей, испытанной честности, человѣколюбія, попечительности и безкорыстія, который бы наивразумительнѣйшимъ образомъ могъ имъ внушить и истолковать прямую пользу ихъ, и что они при таковыхъ пособіяхъ и облегченіяхъ, какія имъ обѣщаются, и при выгодностяхъ и плодородіи самыхъ земель, многократно лучшихъ, нежели обитаемыя нынѣ ими, найдутъ тамо для себя жизнь несравненно изобильнѣйшую и благополучнѣйшую, содѣлавъ заселеніемъ пустыхъ земель и государству великую пользу».

Сверхъ назначенія чиновника съ означенными выше идеальными качествами, на Лопухина возлагалась обязанность увѣдомлять гр. Зубова, «сколь возможно чаще», объ успѣхѣ этого дѣла, «съ присовокупленіемъ точныхъ вѣдомостей о числѣ семей, и сколько въ оныхъ душъ мужеска и женска пола, и какихъ они лѣтъ, кои объявятъ желанія свои на переселеніе въ Вознесенскую губернію».

Число переселенцевъ, какъ мы уже знаемъ, первоначально было опредѣлено въ тысячу душъ изъ одного лишь Ростовскаго уѣзда, да столько же изъ Ярославскаго; но впослѣдствіи графу Зубову доложили,

что могутъ встрѣтиться затрудненія при отправленіи сразу столь значительной «партіи»; а потому онъ увѣдомилъ Лопухина, что «нѣтъ никакой нужды, чтобы точно до тысячи душъ переселенцевъ отправлено было; но довольствуюсь я, государь мой, тѣмъ числомъ семей, которыя объявятъ къ тому желанія свои, и коль скоро таковыхъ хотя до ста семей будетъ, то, считая сіе число достаточнымъ для составленія особой къ препровожденію партіи, не оставьте отнестись ко мнѣ во всѣхъ подробностяхъ какъ относительно полнаго путеваго ихъ снабдѣнія, такъ и времени, и пути, по лучшимъ соображеніямъ, дабы я могъ испросить дальнѣйшее по сему высочайшее повелѣніе, и чтобы вы о дѣйствительномъ уже ихъ отправленіи надлежащее разрѣшеніе получить могли». При семъ Зубовъ увѣрялъ, что онъ «благовременно» будетъ дѣлать распоряженія о принятіи переселенцевъ въ готовыя уже для нихъ жилища, «съ доставленіемъ имъ всего обѣщаннаго»... «Устремите, м. г. мой, по усердію вашему и ревности къ службѣ, все ваше вниманіе къ тому, дабы изъ того дѣйствительно предполагаемое добро произошло, безъ навлеченія кому-либо неудовольствія. Точнымъ чего соблюденіемъ сдѣлаете благоугодное Ея Императорскому Величеству, да и меня изволите обязать особливою къ вамъ признательностью»...

Нужно ли говорить, какъ Лопухинъ разсыпался въ любезностяхъ предъ графомъ Зубовымъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ? «Я поставляю наипріятнѣйшимъ для себя удовольствіемъ дѣлать все угодное вашему сіятельству... Я предпріиму всѣ мѣры... Я употреблю всѣ возможные способы къ исполненію сего возложеннаго на меня препорученія, къ чему и устремлено будетъ все мое вниманіе» [1]). Такъ писалъ Ярославскій намѣстникъ, не замедлившій перейти отъ раболѣпныхъ фразъ къ дѣлу. Онъ «созвалъ въ Ярославль всѣхъ волостныхъ начальниковъ (по нынѣшнему—старшинъ) государственныхъ селеній Ростовской и Петровской округъ [2]), коимъ и объявилъ сіе высочайшее соизволеніе, сколько возможно яснѣйшимъ и вразумительнѣйшимъ образомъ». Рѣчь намѣстника, въ полномъ ея составѣ, къ сожалѣнію, не сохранилась въ нашихъ архивныхъ документахъ, но отрывки изъ нея уцѣлѣли въ письмѣ Лопухина къ Зубову. «Представлялъ я, сіятельнѣйшій графъ, обиліе того края, куда Ея Императорскому Величеству благоугодно перевесть ихъ (крестьянъ) на жительство. Объяснялъ имъ матернее ея особенное благопризрѣніе о всѣхъ таковыхъ переселенцахъ. Разъяс-

---

[1]) Письмо Лопухина къ графу Зубову отъ 19 Октября 1795 г.

[2]) Округа (уѣздъ). Петровская была впослѣдствіи упразднена съ отнесеніемъ гор. Петровска къ числу заштатныхъ городовъ Ярославской губерніи, каковымъ онъ остается и до сего времени въ Ростовскомъ уѣздѣ. Л. Т.

нялъ всѣ обѣщаемыя пособія, облегченія и выгоды. Словомъ, старался внушить имъ, что прямое благоденствіе *тамо* ихъ ожидаетъ; а послѣ того командировалъ я на мѣсто въ самыя селенія Ярославскаго вице-губернатора, господина полковника князя Голицына, съ даннымъ наставленіемъ для внушенія поселянамъ собственной ихъ пользы и выгоды и для убѣжденія ихъ къ таковому переселенію»... Князь Михаилъ Николаевичъ Голицынъ *) разъѣзжая по Ростовскому и Петровскому уѣздамъ, тоже употребилъ немало ораторскаго искусства, но, увы! оно пропало почти напрасно. Возвратившись въ Ярославль, онъ отрапортовалъ Лопухину, между прочимъ, слѣдующее:

«Народъ упрямствуетъ и колеблется. Кто стоитъ за переселеніе, а кто всячески противуборствуетъ всемилостивѣйшей нашей Матери Отечества... Большой разладъ существуетъ между крестьянами. Впрочемъ, большинство клонится къ тому, чтобы нѣкоторую часть вывезти въ Вознесенскую губернію. Тѣ, которые переселятся, воспользуются *тамо* высокомонаршими щедротами; прочіе же пріобрѣтутъ оставшуюся послѣ нихъ землю, которой въ нѣкоторыхъ деревняхъ для всѣхъ поселянъ весьма недостаточно».

— Опасаюсь весьма, что такая мѣра будетъ не вполнѣ угодна Ея Императорскому Величеству, возразилъ на этотъ рапортъ П. В. Лопухинъ: ибо здѣсь предвидится нѣкоторое насиліе большинства надъ меньшинствомъ, а намъ велѣно избѣгать всячески насилія...

— Развѣ еще попытаться: не вступятъ ли та и другая сторона въ денежныя сдѣлки между собою? предложилъ намѣстнику Ярославскій вице-губернаторъ и, получивъ разрѣшеніе, вновь отправился въ Ростовскія деревни къ государственнымъ крестьянамъ, которые на этотъ разъ оказались болѣе сговорчивы. По крайней мѣрѣ, князь Голицынъ рапортовалъ своему начальству, т. е. Лопухину, что «къ вящему побужденію охотниковъ на переселеніе, назначаютъ крестьяне, остающіеся у себя до́ма, сверхъ даруемыхъ отъ Ея Императорскаго Величества пособій, изъ мірской общественной суммы награжденіе тѣмъ, кои добровольно согласятся перейти, а именно: если то будутъ крестьяне одинокіе, то по 25 рублей каждому, если же семьянистые, то по 50-ти рублей». Однако князь Голицынъ не рѣшился скрыть отъ Лопухина истинное положеніе дѣла, которое на него было возложено; дѣло же это сильно тормозилось вотъ почему: «Привязанность къ от-

*) Впослѣдствіи Ярославскій губернаторъ, родной братъ знаменитаго князя Александра Николаевича и отецъ Декабриста, князя Валерьяна Михаиловича. Л. Т.

чизнѣ сильнѣйшимъ образомъ на всѣхъ дѣйствуетъ! восклицалъ князь Голицынъ въ своемъ донесеніи, а особливо распространена сія привязанность въ женщинахъ, коихъ и одно воображеніе разстаться съ родственниками, съ прежнимъ мѣстопребываніемъ и домообзаводствомъ, устрашаетъ неописуемо.... Сіи злополучныя женщины съ громкимъ стенаніемъ, проклиная часъ рожденія своего, валяются по землѣ, уподобясь въ умоизступленіи лишеннымъ разума человѣческаго».

Отсюда Ярославскому намѣстнику не трудно было вывести заключеніе, что соблазнительная перспектива «блаженства» на берегахъ рѣки Буга, изображенная краснорѣчивымъ перомъ секретарей его графскаго сіятельства П. А. Зубова, вопреки его «упованію», рѣшительно не очаравала Ростовскихъ огородниковъ, а тѣмъ болѣе ихъ женъ, бабъ-огородницъ. Онѣ съ ума сходили. Идиллія грозила превратиться въ драму, тѣмъ болѣе опасную, что семейные крестьяне вполнѣ раздѣляли горе своихъ женъ и дочерей. Одни лишь бобыли, которымъ нечего было терять на родинѣ, въ чаяніи будущихъ благъ, рѣшались добровольно попытать счастія тамъ, гдѣ оно было обѣщано имъ высшимъ начальствомъ. Но и бобылей-то оказалось ничтожное число. «Таковыхъ крестьянъ писалъ Лопухинъ графу Зубову *), кои бы сами охотно желали переселиться, нашлось весьма мало, именно мужеска полу 20 душъ... А каждый хочетъ, чтобы жребій сей не на него, а на другого кого-либо палъ»... Однако, вслѣдствіе *строгихъ мѣръ* (въ чемъ онѣ состояли, наши документы умалчиваютъ), волостные начальники «признали за нужное *назначить* изъ каждой волости къ переселенію извѣстное число семействъ, каковыхъ и предположили къ выводу 250». Доводя о томъ до свѣдѣнія Зубова, Лопухинъ писалъ ему съ нескрываемымъ раболѣпствомъ: «Вседушевно жалѣю и скорблю, что при безпредѣльномъ желаніи моемъ дѣлать вашему сіятельству все угодное, не имѣю возможности удовлетворить въ полной мѣрѣ требованію вашему. Впрочемъ, препоручаю себя въ милостивое вашего сіятельства благоволеніе, безъ особливой же вашей воли ничего не дерзну учинить»... и т. д. Но мы сейчасъ же увидимъ, что авторъ этого письма иногда и «дерзалъ учинить» нѣчто, если только, по его соображеніямъ, выходило, что «дерзновеніе» будетъ принято Зубовымъ вполнѣ благосклонно...

Былъ, напримѣръ, такой случай. Явился къ Лопухину молодой государственный крестьянинъ Мологскаго уѣзда Семенъ Абрамовъ со

*) Письмо отъ 18 Декабря 1795 г.

слезнымъ словеснымъ челобитьемъ, которое заключалось въ томъ, что «сей крестьянинъ восчувствовалъ изъясненное ему вице-губернаторомъ кн. Голицынымъ особенное Ея Императорскаго Величества благоволеніе о всѣхъ переселяющихся въ Вознесенскую губернію, а посему и возымѣлъ желаніе переселиться туда». Но родственники онаго, крестьяне Кузьма Алексѣевъ да Герасимъ Тимофеевъ, внушили ему, Семену Абрамову, разныя невыгоды и затрудненія къ таковому переселенію; словомъ, представили, что онъ подвергнется совершенному бѣдствію, что будто бы край тотъ есть таковъ, что и жить совсѣмъ тамо невозможно, почему онъ, Абрамовъ по глупости своей такъ, положась на ихъ увѣреніе, перемѣнилъ уже свои мысли: просить, вмѣсто переселенія, взять его въ рекруты.. И закипѣлъ гнѣвомъ генералъ-губернаторъ на означенныхъ выше «возмутителей», мужиковъ Кузьму да Герасима, и, «не медля ни единой минуты, отослалъ ихъ безъ всякаго слѣдствія и суда въ Ярославскій смирительный домъ, за таковой поступокъ ихъ возмутительный и дѣлающій въ обществѣ развратъ». Объ этомъ распоряженіи дано было знать ордеромъ кн. Голицыну, съ препровожденіемъ просителя: «Сей послѣдній долженъ быть *непремѣнно* назначенъ къ переселенію, согласно прежде объявленному имъ желанію.» Такъ «учинилъ» Лопухинъ, внушительно *рекомендуя* тому же князю Голицыну построже обращаться съ распускающими лживые слухи о Вознесенской губерніи. «А какъ вѣроятно (писалъ Лопухинъ), что въ волостяхъ, можетъ быть, есть и другіе *многіе развратители*, которые, вмѣсто того, чтобъ принимать въ должной цѣнѣ таковое матернее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, даютъ дѣлу сему дурные толки и отвращаютъ желающихъ переселиться: то рекомендую вашему сіятельству, собравъ всѣхъ волостныхъ начальниковъ въ Ярославлѣ, строжайше приказать, чтобъ впредъ отнюдь сего не происходило. Если же гдѣ окажутся таковые развратители, тѣхъ бы представляли къ вамъ, или ко мнѣ, дабы они не избѣгли за сіе должнаго, по мѣрѣ вины ихъ, наказанія» *). Справедливость требуетъ сказать, что въ архивныхъ документахъ, тщательно нами изслѣдованныхъ, нѣтъ дальнѣйшихъ указаній и даже намековъ на отысканіе «многихъ развратителей», т. е. крестьянъ, которые отговаривали другихъ отъ переселенія открыто, во всеуслышаніе. За то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, особенно въ Даниловскомъ, переселенческій вопросъ не разрѣшился безъ тѣлесныхъ назазаній: для розогъ и плетей досталось много работы въ отплату за взятки и поборы.

---

*) Ордеръ Лопухина князю Голицыну, 1795 г., № 1587.

Совершалъ ихъ отнюдь не самъ Ярославскій «директоръ экономіи», коллежскій совѣтникъ Горяиновъ. Судя по архивнымъ документамъ, это былъ человѣкъ, для своего времени, очень образованный, и честный; по крайней мѣрѣ такое мнѣніе имѣлъ о немъ самъ генералъ-губернаторъ, назначивъ его, какъ и князя Голицына, для пріисканія «доброхотцевъ»-каменьщиковъ, способныхъ къ переселенію. Но вѣроятно, Горяинову не удалось своевременно уничтожить взяточничество среди мелкихъ народоначальниковъ. Оказывается, что міроѣдство и міродёрство (явленія весьма обычныя въ наше время) процвѣтали и сто лѣтъ тому назадъ. Не знаемъ доподлинно, почему они съ особеннымъ успѣхомъ развились, какъ уже сказано, въ Даниловскомъ уѣздѣ [1]). Наконецъ, темное взяточническое дѣло обратило на себя свѣтлое вниманіе Ярославскаго намѣстника, который обратился къ нижнимъ земскимъ судамъ съ грознымъ циркуляромъ, гласившимъ слѣдующее:

«Сдѣлалось мнѣ извѣстно, что волостные начальники [2]), по прихотямъ своимъ, многихъ поселянъ назначаютъ къ переселенію и объ ономъ дѣлаютъ приговоры, потомъ, взявъ мздоимство, на мѣсто ихъ вписываютъ другихъ, коихъ опять исключаютъ и снова берутъ съ нихъ деньги немалыя, а засимъ, уничтоживъ приговоры, вписываютъ другихъ, еще и третично, даже многократно, берутъ взятки... За таковыя бездѣльничества виновные, по суду, будутъ крѣпчайше наказаны.» [3]).

Что послѣднее выраженіе не было пустою угрозою только на бумагѣ, въ томъ, по свидѣтельству архивныхъ документовъ, имѣли несчастіе убѣдиться весьма многіе изъ «волостныхъ», «земскихъ», «выборныхъ» и «сельскихъ старостъ, изобличенныхъ во взятничествѣ [4]). Но донося о каждомъ своемъ распоряженіи по переселенческому вопросу на «милостивое воззрѣніе» гр. Зубова, П. В. Лопухинъ о взяточничествѣ и о послѣдствіяхъ его (розгахъ и плетяхъ) благоразумно умалчивалъ. Онъ старался сообщить своему всемогущему патрону одни лишь пріятнѣйшія извѣстія. Такъ напримѣръ съ радостнымъ чувствомъ онъ увѣдомлялъ Зубова, что воля его сіятельства постепенно приводится въ исполненіе. «Народъ уже, наконецъ, уразумѣлъ всѣ заботы о немъ, изливаемыя отъ нашея великой и всещедрой Монархини чрезъ посредничество вашего сіятельства.... Желающихъ добровольно пересе-

---

[1]) Изъ рапортовъ Любимскаго, Пошехонскаго и Романовскаго земскихъ судовъ (за №№ 257, 403 и 798-мъ) можно заключить, что въ тамошнихъ уѣздахъ „откупныхъ денегъ", за освобожденіе крестьянъ отъ переселенія, не брали. Л. Т.

[2]) По нынѣшнему, волостные старшины.

[3]) Циркуляръ Лопухина отъ 11 Февраля 1796 г.

[4]) Донесеніе Даниловскаго земскаго суда отъ 10 Апрѣля 1796 г., № 386.

литься во ввѣренную вамъ, сіятельнѣйшій графъ, Вознесенскую губернію изъ Ростовцевъ составилось уже 67 семей, знающихъ хлѣбопашество и разумѣющихъ разводить сады. Да изъ другихъ округъ (уѣздовъ) Ярославской губерніи такожде набралось мужеска пола 75 человѣкъ каменьщиковъ съ семьями ихъ»... [1]) По мнѣнію Лопухина, который спустя немного лѣтъ послѣ написанія этихъ льстивыхъ фразъ самъ превратился въ свѣтлѣйшаго князя, «всю сію *первую партію* надлежало, не теряя времени, отправить зимнимъ путемъ». Такъ и случилось бы: Ростовскихъ, Даниловскихъ, Пошехонскихъ и другихъ мужиковъ и бабъ съ дѣтьми Ярославскій намѣстникъ отправилъ бы въ мѣста очень отдаленныя отъ Ярославской губерніи, куда-то на невѣдомый Югъ. Платонъ Зубовъ уже одобрилъ своей подписью «маршрутъ» для вольныхъ (?) переселенцевъ. Но, къ счастію для нихъ, и въ Петербургѣ нашлись добрые люди изъ лицъ, подчиненныхъ временщику; вѣроятно, не безъ страха, они осмѣлились доложить своему патрону, что столь спѣшное отправленіе едва ли будетъ удобно. И Зубовъ согласился повременить... «Сообщаю вамъ, м. г. мой (отвѣчалъ онъ Лопухину), что къ отправленію оныхъ крестьянъ полагаю я не прежде приступить, какъ по снятіи въ нынѣшнемъ году (1796) съ полей хлѣба, дабы они (крестьяне) могли оный употребить въ свою пользу; то ваше превосходительство и не оставьте въ ономъ предположеніи распорядиться» [2]).

Обрадовались крестьянскія сѐмьи, провѣдавъ чрезъ князя Голицына и директора экономіи Горяинова о таковой милостивой отсрочкѣ переселенія. Выходило такъ, что мужики хоть о̀зимь-то снимутъ, а тамъ что̀ Богъ дастъ на свѣжей земелькѣ, въ неизвѣданной какой-то Вознесенской губерніи. Но, вслѣдъ за радостью, послѣдовало разочарованіе, и вновь раздались плачъ и вой по деревнямъ Ростовскаго и Даниловскаго уѣздовъ: Зубовъ взялъ да и передумалъ и собственноручно порѣшилъ дѣло. Впрочемъ, здѣсь является существенно-историческій вопросъ: дѣйствовалъ ли Зубовъ въ этомъ случаѣ по собственной волѣ, не подчинившись на этотъ разъ совѣтамъ своихъ приближенныхъ, въ средѣ которыхъ и тогда, т. е. въ концѣ XVIII вѣка, имѣлись уже «вольнодумцы», желавшіе добра Русскому народу вообще, а въ частности переселенцамъ, или не пожелала ли сама Государыня быстро двинуть впередъ важное, съ государственной точки зрѣнія, переселенческое дѣло?

---

[1]) Письмо отъ 12 Января 1796.

[2]) Предложеніе Зубова Лопухину отъ 21 Января 1796 г., за № 58.

Находящіеся у насъ документы склоняются, вѣрнѣе, на сторону послѣдняго предположенія. И на закатѣ своихъ дней старая Екатерина Великая всетаки была неизмѣримо выше по уму молодаго своего любимца. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Лопухину есть слѣдующее указаніе на ближайшее участіе Государыни въ переселенческомъ вопросѣ: «М. г. мой Петръ Васильевичъ! Переселеніе въ Вознесенское намѣстничество казенныхъ Ярославской губерніи разныхъ уѣздовъ крестьянъ, коихъ, по отзывамъ в—го п—ства, по 12-е число минувшаго Генваря мѣсяца, нашлось желающихъ мужеска пола 142, а женска 68 душъ, *долженствуетъ произведено быть въ дѣйство нынѣшнею весною непремѣнно, вслѣдствіе высочайшаго на то* Ея Императорскаго Величества соизволенія» *). Далѣе, Зубовъ прибѣгнулъ къ слѣдующимъ статистическимъ соображеніямъ, дѣлающимъ честь его канцеляріи: «Въ отношеніяхъ вашихъ, хотя и не показаны лѣта онымъ переселенцамъ, но полагаю, что въ числѣ ихъ будетъ взрослыхъ, кои имѣютъ болѣе 15-ти и 15 лѣтъ, до двухъ третей, т. е. мужеска пола 94, женска 46, малолѣтнихъ (ниже 15-ти лѣтъ) мужеска пола 48, а женска 22 души... Я предположилъ, а Ея Императорское Величество высочайше утвердила, что слѣдуетъ (переселенцамъ) на прокормленіе, полагая пробыть имъ въ пути три мѣсяца, на каждую обоего пола душу взрослыхъ лѣтъ по 25-ти копѣекъ, а на малолѣтнихъ—по 12-ти копѣекъ на день,—3.906 руб.» Отсылая эти деньги, Зубовъ требовалъ, чтобы онѣ поступили немедленно въ руки переселенцевъ: «Поспѣшите, м. г. мой, произвести изъ оныхъ въ раздачу, сколько кому слѣдуетъ, подъ собственнымъ вашимъ наблюденіемъ, позволивъ имъ (крестьянамъ) засѣянный ими хлѣбъ продать въ свою пользу. По исполненіи чего, доставить мнѣ подробный списокъ съ означеніемъ противу каждаго имени, сколько кому выдано будетъ. Увѣдомьте притомъ, какое вами сдѣлано будетъ распоряженіе въ разсужденіи уже самаго оныхъ крестьянъ отправленія, и какой путь имъ отъ васъ назначается, для чего и пріобщить маршрутъ». Затѣмъ эта «просьба», равносильная высочайшему повелѣнію, заключалась слѣдующими словами: «Что-же касается до прочихъ всемилостивѣйше пожалованныхъ симъ переселенцамъ пособій, какъ-то: денежной ссуды на обзаведеніе ихъ довольствованія чрезъ цѣлый годъ провіантомъ безвозвратно и снабдѣнія ихъ сѣменами, буде поля, имъ отведенныя, не успѣютъ быть засѣяны (о чемъ тамошнему губернатору благовременно предписано), то все сіе получатъ они по прибытіи своемъ на мѣсто.

*) Письмо изъ С.-Петербурга отъ 18-го Марта, за № 261.

Въ томъ-же письмѣ находится и разрѣшеніе вопроса, сильно тревожившаго Ярославскаго генералъ-губернатора, — вопроса намъ уже извѣстнаго, а именно: какъ поступить, какимъ образомъ дѣйствовать для дополненія двухъ *тысячъ* переселенцевъ изъ Ярославской губерніи. При всемъ стараніи мѣстной администраціи собрать эти «тысячи», ихъ не находилось. Всѣми неправдами отрывалось отъ родной почвы лишь нѣсколько сотъ людей. «Впрочемъ (писалъ Зубовъ Лопухину), что̀ принадлежитъ до остальныхъ въ число тысячи душъ Ростовскихъ огородниковъ—крестьянъ, коихъ предполагалось вывести изъ Ярославской губерніи, то чтобы единовременнымъ выводомъ оныхъ не затруднить начальства какъ сей губерніи, такъ и тѣхъ, чрезъ кои будутъ они препровождаемы, и дабы не сдѣлать также остановки и въ самомъ ихъ водвореніи въ Вознесенской губерніи, если-бы полное число душъ было въ одно время выведено, *полагаю я*: доколѣ нынѣ назначенные не будутъ переведены и поселены, вызовъ прочихъ до того времени отложить. А по полученіи извѣстія о дѣйствительномъ водвореніи выводимыхъ нынѣ крестьянъ, не оставлю я и о приглашеніи прочихъ дать вамъ знать... Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Платонъ Зубовъ*».

Но и мѣсяца не прошло со времени написанія этого оффиціальнаго посланія, какъ уже графъ преобразился въ князя, изъ «сіятельнѣйшаго» въ «свѣтлѣйшаго». И Лопухинъ писалъ Зубову такъ *):

«Почтеннѣйшее вашей свѣтлости писаніе истекшаго Марта отъ 18 дня и при ономъ сумму 3906 рублей, назначенныхъ на прокормленіе въ пути казеннымъ Ярославской губерніи крестьянамъ, объявившимъ желаніе переселиться въ Вознесенское намѣстничество, имѣлъ я честь получить сего Апрѣля 8-го дня. Сихъ денегъ не успѣлъ я еще произвесть въ раздачу, а вызываются ко мнѣ въ Ярославль отъ каждаго переселяющагося семейства по одному человѣку, кто старше, и когда явятся, безъ малѣйшаго промедленія, сколько кому причтется, розданы будутъ подъ собственнымъ моимъ наблюденіемъ, а, по исполненіи сего, и требуемый вашею свѣтлостію подробный списокъ, съ означеніемъ противъ каждаго имени сколько кому выдано будетъ, доставить не замедлю... Теперь-же, поспѣшая исполнить повелѣніе вашей свѣтлости, почелъ обязанностью моею препроводить именной списокъ всѣмъ переселяемымъ поселянамъ, съ показаніемъ каждаго лѣтъ».

---

*) Письмо отъ 13-го Апрѣля 1796 года.

Въ нашихъ бумагахъ этого списка не имѣется; но изъ дальнѣйшей корреспонденціи видно, что Лопухина особенно безпокоило слѣдующее остоятельство: «43 души женска пола» вошли въ этотъ списокъ въ видѣ «дополнительной смѣты», на исполненіе которой кн. Зубовъ не изволилъ доставить въ распоряженіе Лопухину ни одной копѣйки; а между тѣмъ и это бабье пить-ѣсть хотѣло, какъ и мужья и братья сего бабья, завербованные кн. Голицынымъ для переселенія «въ числѣ 67 душъ одного мужеска пола безъ семействъ ихъ». Разлучать женъ и мужей, конечно, представлялось возможнымъ: таковая разлука въ глазахъ большинства тогдашняго Русскаго дворянства вовсе не являлась возмутительною для нравственнаго чувства; но то самое, чтò весьма часто разрѣшали себѣ дѣлать владѣльцы крѣпостныхъ душъ, то не могла сдѣлать знаменитая «Казанская Помѣщица». Правда, въ ея царствованіе десятки тысячъ государственныхъ крестьянъ превращались въ рабовъ хотя-бы того-же кн. Зубова; но таковое закрѣпощеніе производилось цѣлыми семействами, дѣти и жены все-таки не отрывались отъ мужей и отцовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ Лопухинъ ходатайствовалъ предъ Зубовымъ за Ростовскихъ огородниковъ: да не разлучитъ ихъ его свѣтлость отъ законныхъ женъ, «поелику у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть жены, кои *неминуемо* должны нынѣ съ ними отправиться... Но какъ для сихъ прибылыхъ женска пола 43-хъ душъ на прокормленіе въ пути суммы не достаетъ, коей, по расчисленію, потребно 740 рублей, то не благоугодно-ли будетъ вашей свѣтлости сіи деньги ассигновать? Если же на сіе не будетъ вашего соизволенія, то нашелъ я средство удовлетворить ихъ изъ общей, мною полученной, путевой суммы—3906 рублей»...

Въ чемъ-же, спрашивается, заключалось это средство? По соображеніямъ Лопухина, переселенцы могли находиться въ пути гораздо меньше времени, чѣмъ предполагалъ кн. Зубовъ. «Они удобно могутъ (разсчитывалъ Ярославскій намѣстникъ) пріѣхать на мѣсто въ два мѣсяца; слѣдственно надлежитъ за цѣлый мѣсяцъ удержать у нихъ кормовыя деньги и обратить таковыя на прокормленіе означенныхъ 43-хъ душъ.» Вотъ и весь секретъ! Слѣдовало только двигаться скорѣе, дѣлая не менѣе 30-ти верстъ каждые сутки. «Но и сіе время еще можетъ сократиться, когда вашей свѣтлости угодно будетъ принять и одобрить мое мнѣніе, а именно, чтобы отправить ихъ сухимъ путемъ токмо до Смоленска, оттуда же до самаго мѣста, гдѣ они долженствуютъ водвориться, водою, по Днѣпру». «Сей путь признаю я для казны выгоднѣйшимъ и для самихъ обывателей (переселенцевъ) удобнѣйшимъ; ибо хотя я не имѣю точнаго отъ вашей свѣтлости предписанія, откуда поселяне должны

получить сумму на самый проѣздъ, то-есть, за подводы, но соображая, съ одной стороны, что если употреблять имъ на сіе кормовыя деньги, то оныхъ будетъ весьма недостаточно; если же, съ другой стороны, надобно имъ будетъ платить свои собственныя, то сіе будетъ для нихъ обременительно, а потому предполагаю я, что на сіе ассигнуется особая отъ казны сумма». Затѣмъ Лопухинъ сдѣлалъ разсчетъ, по которому выходило, что прогоны до Смоленска обойдутся не дороже 1661 р. 64 к., иначе же потребуется на этотъ предметъ не менѣе 3755 р. 16 к. «Въ Смоленскѣ (проектировалъ Лопухинъ) можно купить или нанять, для отправленія ихъ водою, суда́ гораздо за меньшую сумму, нежели сколько бы имъ надлежало выдать на прогоны». Кромѣ соблюденія казенной пользы, Лопухину казалось, что и переселенцы выиграютъ отъ такого водяного путешествія. «Для самихъ поселянъ та будетъ выгода, что они избавятся отъ безпокойствъ въ пути». Маршрутъ, составленный Лопухинымъ для переселенцевъ, былъ слѣдующій: отъ Ярославля до Ростова—60 верстъ, до Переяславля-Залѣсскаго—60 в., до Сергіевской Лавры—61 в., до Москвы 63 в., до Можайска—99 в., до Гжатска—60 в., до Вязьмы—58 в., до Дорогобужа—76 в. и отъ послѣдняго города до Смоленска—84 версты; всего 641 верста. «Когда вашей свѣтлости (писалъ Лопухинъ) благоугодно будетъ сей мой планъ утвердить, то не соизволите ли снабдить предписаніемъ начальствующаго надъ Смоленскою губерніею о заблаговременномъ пріуготовленіи къ препровожденію сихъ поселянъ потребныхъ, по числу ихъ судовъ, что́ по заочности мнѣ принять на себя неудобно... Впрочемъ, предавая все сіе на волю и высокое вашей свѣтлости разсмотрѣніе, буду ожидать въ разрѣшеніе благосклоннаго и милостиваго отзыва» [1]. Отзывъ послѣдовалъ, но далеко не согласный съ предположеніями Ярославскаго намѣстника. Приводимъ вполнѣ письмо новопожалованнаго князя: [2])

«Милостивый государь мой Петръ Васильевичъ!

«На послѣднее отношеніе ко мнѣ вашего превосходительства сего Апрѣля отъ 13-го дня, касательно отправленія пожелавшихъ къ переселенію изъ Ярославской въ Вознесенскую губернію казенныхъ крестьянъ, въ приложенномъ притомъ спискѣ поимянно означенныхъ, поспѣшаю вамъ, милостивый государь мой, дать знать, что показанныя въ семъ спискѣ излишнія сорокъ три души женскаго пола, составляющія

[1]) Сверхъ сего, Лопухинъ просилъ, чтобы переселенцевъ сопровождала военная команда подъ начальствомъ благонадежнаго оберъ-офицера, „дабы лучше какъ самихъ ихъ удержать въ порядкѣ, такъ и оградить отъ могущихъ произойти имъ (крестьянамъ) обидъ и притѣсненій“.

[2]) Отъ 24 Апрѣля 1796 г., за № 405, изъ С.-Петербурга.

семейства тѣхъ мужескаго пола шестидесяти семи душъ изъ Ростовцевъ, о коихъ въ отношеніяхъ вашихъ отъ 18 Декабря минувшаго и отъ 16 Генваря сего года упомянуто было, могутъ препровождены быть съ прочими нынѣ же, съ употребленіемъ на содержаніе ихъ въ пути потребнаго числа денегъ изъ суммы, къ вамъ уже доставленной, изъ тѣхъ остатковъ, которые, по распоряженію вашему, долженствуютъ быть отъ сокращенія времени, какое они въ дорогѣ пробудутъ. Слѣдовать же имъ лучше по сухому пути до самаго мѣста поселенія по маршруту *прямо на Вознесенскъ*, а не къ Смоленску, ибо водою отправлять ихъ неудобно, какъ по причинѣ пороговъ, на Днѣпрѣ имѣющихся, такъ и потому, что до Вознесенска неинаце достигнуть можно, какъ перейдя Лиманъ-Днѣпровскій и, послѣ, поднимаясь вверхъ по Бугу, что̀, конечно, будетъ весьма медлительно.

«Что-жъ принадлежитъ до пособія имъ въ подводахъ, поелику на сіе не было назначенія особой суммы, по той причинѣ, что переводимые крестьяне, по продажѣ въ пользу свою всего имущества своего, могутъ снабдить себя повозками и лошадьми, которыя и по прибытіи ихъ на мѣсто поселенія будутъ для нихъ необходимо надобны, то и прошу ваше превосходительство учредить препровожденіе ихъ такимъ образомъ, чтобъ оно не сдѣлало ни казнѣ, ни обывателямъ отягощенія, *а произведено-бъ было на собственномъ ихъ коштѣ*, съ нужными, впрочемъ, отъ стороны правительства вспомоществованіями, а особливо въ отводѣ для лошадей ихъ пристойныхъ пастбищъ въ казенныхъ дачахъ. Во всемъ-же ономъ можете сообразиться съ тѣмъ распоряженіемъ, какое вы усмотрите въ приложенной при семъ копіи съ даннаго отъ генералъ-губернатора Калужскаго и Тульскаго Тульской Казенной Палатѣ по сему предмету предложенія, которое я во всѣхъ частяхъ нахожу основательнымъ.»

Итакъ, Лопухину было приказано во всемъ сообразоваться съ распоряженіями Калужскаго и Тульскаго намѣстника; самъ-же онъ (Лопухинъ) былъ избавленъ отъ труда сочинять новую инструкцію для переселенцевъ, что̀, конечно, не принесло имъ ни малѣйшаго вреда, такъ-какъ означенный намѣстникъ *) едва-ли уступалъ своему Ярославскому коллегѣ въ административной опытности: имъ было многое если не все, предусмотрѣно и растолковано (кому слѣдовало) по отношенію къ «государственному вопросу» о переселенцахъ. Изъ Тульской губерніи ихъ было отправлено на Югъ, въ Вознесенскую губернію, гораздо болѣе, чѣмъ Ростовскихъ огородниковъ и Даниловскихъ

*) Въ то время имъ состоялъ Евгеній Петровичъ Кашкинъ.

каменьщиковъ.[1]) Къ сожалѣнію, о нихъ заботились гораздо менѣе, чѣмъ о Тулякахъ и Калужанахъ. Это, между прочимъ, доказывается «ордеромъ»[2]), даннымъ Ярославской экономіи директору, коллежскому совѣтнику Горяинову. Изъ этого документа видно, что плети и розги не оградили переселенцевъ отъ міроѣдовъ. Опять посыпались на нихъ, со стороны переселенцевъ, жалобы, обращенныя къ генералъ-губернаторской особѣ, т. е. къ Лопухину.

«Нѣкоторые изъ объявившихъ желаніе переселиться изъ Ярославской въ Вознесенскую губернію казеннаго вѣдомства крестьянъ (читаемъ въ упомянутомъ ордерѣ), явясь ко мнѣ, изъяснили:

«1) Что жители тѣхъ селеній, изъ коихъ они переселяются, узнавъ, что они скоро имѣютъ быть отправлены, даютъ имъ за домы и за прочее строеніе самую дешевую цѣну, желая воспользоваться оными за безцѣнокъ, къ крайнему ихъ притѣсненію.

«2) Въ то время, когда объявляли они желаніе переселиться, то тѣ же самые жители обѣщались и подписками обязались заплатить имъ за посѣянный въ полѣ хлѣбъ вдвое, то-есть, за каждую высѣянную четверть ржи по 11 р. 50 к., почему и просятъ ихъ къ выполненію сего понудить.

«3) Многіе изъ нихъ давали деньги на подмогу другимъ за рекрута на предбудущіе наборы, а какъ они изъ сихъ селеній навсегда выбываютъ, то и просятъ въ томъ удовлетворенія.

«4) При объявленіи желанія на переселеніе, по приговорамъ обѣщано было имъ отъ міру сдѣлать деньгами нѣкоторое вспоможеніе то и требуютъ, чтобъ деньги сіи выданы были имъ немедленно. По поводу чего, рекомендую вашему высокоблагородію:

«1) Приказать волостнымъ начальникамъ немедленно выбрать въ каждой волости знающихъ и добропорядочныхъ крестьянъ, коимъ и велѣть всякое строеніе переселяющихся оцѣнить по самой справедливости; ежели-же къ покупкѣ оныхъ желающіе нынѣ не явятся, то соглашать той волости крестьянъ, чтобъ они все таковое строеніе взяли для мірскаго употребленія, съ заплатою хозяевамъ оныхъ по оцѣнкѣ денегъ.

«2) Если дѣйствительно которыхъ селеній крестьяне обязались подпискою, чтобъ переселяющимся за посѣянный въ полѣ хлѣбъ за-

---

[1]) Подробности о Тульскихъ переселенцахъ, вѣроятно, находятся въ мѣстныхъ архивахъ, гдѣ, полагаемъ, сохранилось и подлинное предположеніе, данное Е. П. Кашкинымъ Тульской Казенной Палатѣ, отъ 21 Марта 1796 г., за № 158. Вообще было бы любопытно прослѣдить, руководствуясь мѣстными архивами, дальнѣйшую судьбу „Зубовскихъ“ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ. Л. Т.

[2]) Отъ 28 Апрѣля 1796 г., за № 413.

платить деньгами вдвое, то-есть, за каждую высѣянную четверть ржи по 11 р. 50 к., то таковыхъ къ непремѣнному выполненію обязательства своего принудить въ самоскорѣйшемъ времени.

«3) Относительно платежа въ подмогу другимъ за рекрута денегъ, обстоятельно разсмотрѣть, слѣдуетъ-ли имъ иныя возвратить, и ежели никакихъ препятствій не окажется, то стараться согласить ихъ въ томъ между собою миролюбнымъ образомъ.

«4) Такъ какъ крестьяне при объявленіи желанія переселяющихся, по собственной ихъ волѣ, сдѣлали приговоръ сдѣлать отъ міру имъ помощь деньгами, то оныя деньги, немедленно собравъ, приказать доставить сюда, дабы при раздачѣ казенныхъ денегъ и сіи выданы быть могли вмѣстѣ, а притомъ наблюсти, чтобы все сіе въ точности непремѣнно выполнено было къ 13 числу слѣдующаго Мая, дабы при отправленіи крестьянъ, объявившихъ желаніе переселиться, не послѣдовало остановки».

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ, послѣдовала отъ намѣстника слѣдующая публикація, конечно, на отдѣльныхъ листахъ («Губенскихъ Вѣдомостей» тогда не существовало):

«По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію объявившіе желаніе переселиться на водвореніе въ Вознесенскую губернію, будутъ туда отправлены нынѣшней весною.

«На сей конецъ дозволяется всѣмъ таковымъ поселянамъ теперьже продавать какъ домы свои и прочее строеніе, такъ и всякое въ оныхъ имущество и скотъ, равно наличный и посѣянный въ поляхъ хлѣбъ что̀ всё они и должны распродать въ теченіе 1-й половины будущаго Мая. 13-го же числа того мѣсяца сами явятся ко мнѣ въ Ярославль для полученія всемилостивѣйше пожалованныхъ имъ на прокормленіе въ пути денегъ, сколько кому причтется».

Наконецъ, переселенческое дѣло получило не бумажное, а дѣйствительное движеніе, къ великому удовольствію Лопухина, который, въ началѣ Іюля, донесъ кн. Зубову, что «высочайшая Ея Императорскаго Величества воля, изъясненная мнѣ въ предписаніи вашей свѣтлости, чтобы переселеніе въ Вознесенское намѣстничество казенныхъ крестьянъ Ярославской губерніи, непремѣнно произведено было въ дѣйство нынѣшнею весною, мною уже исполнена. Сіи поселяне отправлены въ двухъ партіяхъ». Изъ нихъ первая выступила 28 Мая, а вторая — спустя недѣлю. Переселенцы ѣхали отъ Москвы чрезъ Подольскъ, Серпуховъ, Тулу, Мценскъ, Курскъ, Обоянь, Бѣлгородъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ, Елисаветградъ и Новомиргородъ, а оттуда до назва-

ченнаго имъ мѣста, которое находилось гдѣ-то въ 88-ми верстахъ отъ Новомиргорода... «Сверхъ высочайше пожалованной онымъ переселенцамъ на прокормленіе въ пути суммы, отъ всего крестьянскаго общества, *изъ собственнаго усердія*, по добровольной складкѣ, дано въ награду на каждую переселяющуюся семью по 50 рублей, одинокимъже и неженатымъ по 28-ми рублей» [1])

Дальнѣйшая судьба переселенцецъ, а также ихъ потомства, намъ неизвѣстна. Есть основаніе предполагать, что число ихъ далеко не достигало назначенной Зубовымъ тысячи человѣкъ: другихъ «партій» изъ Ярославской губерніи не выступало, да и самая Вознесенская губернія вскорѣ прекратила свое существованіе [2]). Но, конечно, среди пришлаго инородческаго населенія сѣверные Великороссы принесли наибольшую пользу своей новой родинѣ, и князь Зубовъ въ этомъ переселенческомъ дѣлѣ не принесъ вреда государству.

Леонидъ Трефолевъ.

Ярославль.
1-го Ноября 1895 г.

[1]) Донесеніе Лопухина кн. Зубову отъ 3-го Іюля 1796 г., за № 770.

[2]) Она была учреждена по высочайшему указу 27 Января 1795 г. Губернскій, городъ рѣшено было устроить „вдоль рѣки Буга, въ окрестностяхъ мѣстечка „Соколовъ" подъ именемъ Вознесенскъ, гдѣ соорудить и храмъ Божій во славу имени Вознесенія Господня" Указомъ-же 12-го Сентября 1796 года, между прочимъ, повелѣвалось: „Вознесенскую губернію и Таврическую область уничтожить". Л. Т.

ДВА ХАРАКТЕРНЫХЪ ПИСЬМА СУВОРОВА.

Дѣдъ мой Степанъ Александровичъ Талызинъ, служа полковникомъ и командиромъ Орловскаго пѣхотнаго полка въ арміи Суворова, просилъ его быть крестнымъ отцомъ сына своего Александра Степановича (впослѣдствіи моего отца). На эту просьбу Суворовъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Варшава, Апрѣля 13 дня 1795 года.

Государь мой Степанъ Александровичъ!

Имени моему утѣха, а вамъ съ Магдалиною Петровною *) больше. Со временемъ у васъ будетъ полна изба солдатъ. Мой долгъ при васъ о нихъ пещись. Господь Богъ соблюди васъ и любезнаго Александра Степановича.

Желаю вамъ чести и славы.

Пребуду по конецъ жизни моей съ дружбою и истиннымъ почтеніемъ.

Государь мой! Вашего высокоблагородія

покорный слуга

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій».

Предсказаніе Суворова, что у дѣда моего со временемъ будетъ полна изба солдатъ, не сбылось: отецъ мой былъ единственнымъ его сыномъ. Причиною этому была ранняя кончина моей бабки, и когда дѣдъ мой увѣдомилъ Суворова о своей утратѣ, графъ Александръ Васильевичъ собственноручно отвѣчалъ ему слѣдующею лаконическою и характерною строкою:

«Я плàчу. О сынѣ давно писалъ Н. А. Тат.».

---

*) Магдалина Петровна, ур. Витушинская, первая супруга С. А. Талызина (Руммель, II, 467). П. Б.

На подлинникѣ этого письма внизу написано чернилами рукою дѣда моего: «Собственной руки графской. Писано Николаю Алексѣевичу Татищеву, чтобы сержантомъ гвардіи». На верху же этого письма отцомъ моимъ приписано: «Отвѣтъ на увѣдомленіе Суворова отцомъ моимъ, что мать моя скончалась въ 1795 году, вскорѣ послѣ моего рожденія».

Ходатайство Суворова не осталось безъ успѣха: новорожденный Александръ Степановичъ Талызинъ былъ зачисленъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ и 2 Мая 1795 года (одного мѣсяца отъ роду) «уволенъ въ отпускъ до окончанія наукъ», какъ значится въ сохранившемся подлинномъ паспортѣ, выданномъ изъ Преображенскаго полка за № 2446.

Дѣдъ мой большую часть своей службы провелъ подъ командою Суворова и былъ страстнымъ его поклонникомъ. Такъ писалъ онъ въ 1814 году сыну своему, бывшему тогда за границею въ дѣйствующей арміи, преподавая ему совѣты не забывать милостей къ нему начальниковъ и сохранять преданность имъ, даже если «къ нимъ фортуна обернется спиной»:

«Суворовъ былъ мой благодѣтель. Ты сіе знаешь. Когда его сослали въ ссылку къ своимъ помѣстьямъ, при семъ положеніи всѣми былъ оставленъ и брошенъ; но я отъ него не отставалъ и съѣздилъ въ его деревню переодѣтымъ слугою, рискуя если бы сіе узнали, то не миновать бы мнѣ Сибири».

Впослѣдствіи крестникъ Суворова женился на его внучкѣ графинѣ Ольгѣ Николаевнѣ Зубовой, дочери «Суворочки».

Аркадій Талызинъ.

С. Денежниково.
30 Августа 1895 г.

Подлинныя письма хранятся въ Денежниковскомъ архивѣ Талызиныхъ.

ПИСЬМА ГРАФА МАТВѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА.

Читатели наши довольно знаютъ о единственномъ, злосчастномъ сынѣ предпослѣдняго любимца Екатерины Великой, графѣ М. А. Дмитріевѣ-Мамоновѣ, которому природою, происхожденіемъ и обстановкою дано было все, чтобы занять выдающееся въ обществѣ и въ государственной службѣ положеніе и который большую часть долгаго вѣка своего провелъ въ тяжкой болѣзни перемежающагося умственнаго разстройства. Первою извѣстною выходкою раздражительности были его жалобы на Нѣмцевъ во время похода по Германіи въ 1814 г., вслѣдствіе которыхъ его обидѣли по службѣ, не смотря на то, что онъ на собственный счетъ устроилъ цѣлый полкъ. (См. его донесеніе императору Александру Павловичу въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года). Оскорбленное самолюбіе повлекло молодаго человѣка къ такъ-называемой „маніи величія". Онъ былъ Рюриковичъ родомъ и происходилъ прямо отъ Мономаха; вслѣдствіе этого ему казалось, что Государь сидитъ на Русскомъ престолѣ лишь по исторической случайности. „Говорили, что онъ даже приписывалъ рожденію своему значеніе, котораго онъ не имѣлъ и по разсчету времени имѣть не могъ" *). Сюда примѣшалось и участіе его въ Масонскихъ ложахъ, которое неспособно было отрезвить ему голову, наполненную разнообразными познаніями, возбужденную, но не управленную. Въ „Другѣ Просвѣщенія", журналѣ Невзорова, печаталъ онъ свои духовныя оды. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ однимъ изъ *датусовъ*, на котораго накинулись всякаго рода свѣтскіе и духовные *биратусы*. Обширныя имѣнія его были взяты въ опеку, а дерзкими письмами къ Московскому главнокомандующему князю Д. В. Голицыну („Русскій Архивъ" 1868, 962) и крутымъ обращеніемъ со своими слугами подвергнулъ онъ и самаго себя домашнему надзору отъ правительства. Между тѣмъ въ свѣтлые свои минуты это былъ положительно-умный человѣкъ, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ его замѣчанія на книгу о Россіи извѣстнаго Кастеры, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ" 1877 года (III, 389). Въ царствованіе Николая Павловича внѣшняя обстановка его упорядочилась. Онъ жилъ въ своемъ Васильевскомъ, возлѣ Нескучнаго сада въ Москвѣ, а лѣтомъ въ великолѣпномъ помѣстьи Дубровицахъ, близъ Подольска. Опекуны мѣнялись,

---

*) Слова князя П. А. Вяземскаго: „Изъ старой записной книжки" „Русскій Архивъ" 1873, стр. 1048.

и нѣкоторыхъ изъ нихъ любилъ онъ, какъ напр., Московскаго почтдиректора А. Я. Булгакова и своего родственника С. П. Фонъ-Визина. Его письма къ нимъ печатаются здѣсь въ извлеченіи со списковъ, нѣкогда доставленныхъ намъ нашимъ соиздателемъ Н. С. Киселевымъ (который пріобрѣлъ на пуды множество Булгаковскихъ бумагъ). Послѣднія изъ приводимыхъ ниже писемъ графа Дмитріева-Мамонова писаны къ извѣстному въ тогдашней Москвѣ священнику-масону. П. Б.

Къ С. П. Фонъ-Визину.

1.

Любезный другъ Сергѣй Павловичъ!

Вотъ третій день какая надо мною насмѣшка. Съ вечера прикажу я очень рѣчисто и громко истопить всѣ печки, и на приказъ мой отвѣтствуютъ *очень хорошо, будетъ истоплено*, а на утріе (по повелѣнію ли то шутовъ, что́ слывутъ врачами, либо же по чьему другому, либо потому, что снѣгъ стаялъ, и они сами стужи не ощущаютъ) топятъ лучинками, навоняя при томъ слегка саломъ и сажею. О истопникѣ Анисимѣ полагаю, что онъ боленъ. Его поведеніе, какъ бывалаго у насъ въ домѣ, вѣжливое.

О семъ пишу я къ вамъ для того, что я люблю тепло въ комнатахъ; а отъ врачей Моліеровыхъ и презрѣннѣйшаго изъ нихъ, ей-Богу, право уже очень пора меня уволить. Вотъ три года эта комедія. Оскорбленная честь Юноны, Венеры и Минервы не могла бы требовать пущаго и злѣйшаго наказанія. Но я сихъ госпожъ и въ лицо не знаю. Дайте, любезный другъ, мнѣ волю жить какъ хочу.

Вашъ покорный слуга гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.

2.

Любезный другъ Сергѣй Павловичъ.

Я, памятуя, что покойный мой родитель Нѣмчуркамъ, у него въ домѣ находившимся, запрещалъ являться на дворѣ въ шапкахъ и шляпахъ, желаю, чтобы вы Зандрару *) запретили по двору на глазахъ у меня ходить съ покровенною головою. Въ какомъ бы отношеніи я ни находился къ нему и онъ ко мнѣ, все—онъ, а я все—я.

Вашъ покорный слуга гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.

---

*) Домовому доктору. П. Б

П. П. Вы разумѣете, любезный другъ, что этотъ подлый человѣкъ не долженъ приводить въ забвеніе почтенія, коимъ онъ обязанъ благородному человѣку, каковъ я есмь. Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.

П. П. Пожалуй только, чтобы мнѣ съ нимъ *эксплиноваться* по-французски и нѣмецки не доводилось. Отецъ бѣдный отъ этихъ экспликацій умеръ, а мнѣ это пуще всякаго недуга. Вы Русскій человѣкъ, дворянинъ, помѣщикъ, предводитель и пожилой человѣкъ: то какъ вамъ не знать, какъ тайкомъ и безъ шуму Нѣмчурку въ домѣ у Русскаго барина *унять* отъ невѣжества и продерзостей!

3.

Пожалуй, любезный другъ Сергѣй Павловичъ, немедля увидайтесь съ Александромъ Яковлевичемъ *); а когда отыщутся похищенныя у меня бумаги, то всѣ ихъ въ туже минуту, не читая, предайте огню. Да съѣздите пожалуй къ оберъ-полицеймейстеру и просите моимъ именемъ (*Мамонова*, извѣстнаго чиновника въ государствѣ и вѣрнаго подданнаго), чтобъ разносящіе по городу *якобы мною* писанныя, вѣрности престолу и государю противныя бумаги были наказаны какъ преступники; честь же моя, яко вѣрнаго подданнаго Государя Императора, осталась бы невредимою.

Вашъ покорный слуга гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.

П. П. Ради Бога за Нѣмца возьмитесь путемъ.

4.

Я бы вамъ, любезный другъ Сергѣй Павловичъ, вовсе на людей жаловаться не сталъ, если бы дано мнѣ было ихъ колотить. Но вы знаете, какъ я за это претерпѣлъ. А не писать и не жаловаться сердце не терпитъ.

Здѣсь въ домѣ (и за мною проклятый Нѣмецъ ее вездѣ таскаетъ къ стыду и въ позоръ) стоитъ жестяная ванна, въ которую злодѣи умышляли меня сажать, а сидя въ ней не на скамьѣ, я весь избитъ и на четверть головою ниже борта. Въ ней меня любили они пытать. Теперь стоитъ она въ маленькой комнатѣ у задней лѣстницы, а при ней лежитъ лѣстница или что̀ другое, не разглядѣлъ.

---

*) Булгаковымъ, Московскимъ почтдиректоромъ.

Вчера вечеромъ (уже я легъ въ постель), три человѣка пришли къ сей ванной, крысу бить ли, ловить ли. Одинъ въ одной рубашкѣ, босой, съ щеткою въ рукахъ, которою комнату метутъ; другой— повязана голова и подъ носомъ чѣмъ-то намазано; третій—съ свѣчнымъ огаркомъ въ рукѣ. Не доставало *козла*. Онъ говоритъ по-французски и ходитъ на кривыхъ ногахъ въ фуражкѣ по двору, якобы домоправитель.

Увы, любезный другъ! Какъ гражданинъ и благообразованный человѣкъ, ненавижу я глупости этихъ дураковъ и мошенниковъ. Какъ полицейскій офицеръ, сталъ бы ихъ преслѣдовать. Подъ карауломъ съ больною ногою остается мнѣ жаловаться вамъ на нихъ, что̀ симъ и исполняю. Вашъ покорный слуга гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Гарнизонными крысами въ издѣвку называли старыхъ отставныхъ солдатъ, напримѣръ, покойнаго моего прародителя Матвѣя Васильевича. Если ветеранамъ имя—крыса, то будь и я такъ названъ.

Когда меня повѣсы сажали въ жестяную ванну, то забывали, видно, что я старая гарнизонная крыса. Но поелику то случилось, то уже всѣ солдаты гарнизонные и полевые могутъ быть въ ванны посажены. И въ этомъ, конечно, вы согласитесь.

5.

Смилуйтесь, ради Бога! Я не ребенокъ, веду себя какъ инокъ и рабъ Господень вѣрный, служилъ государству честно, и за службу мою (можно сказать на старости моихъ лѣтъ, ибо лѣты изсчитываются и заслугами) эти мошенники за ужиномъ не дадутъ съѣсть куска и сегодня грозились, что по приказанію Эвеніуса *) будутъ меня будить, поутру. Ни я кадетъ, ни я школьникъ. По ночамъ вотъ уже годъ и больше не сплю, къ утру засну. И неужели что вы потерпите, чтобы меня какъ собаку или раба будили?

Ради Бога и грядущей моей супруги прикажите этимъ мошенникамъ вести себя степенно и честно и пуще всего не врать и не безпокоить меня. Я ихъ всѣхъ въ покоѣ оставляю. Приведите себѣ на память, любезный другъ, что я не 10-ти-лѣтній мальчикъ, что Эвеніусъ не аббатъ Дюранъ и не Краузе, а отецъ мой отъиде къ Богу. Будить меня ничѣмъ не надо. Да пуще всего, о Боже, призираяй на нища и на убога, прикажите этого Григорья (уже онъ самъ на доктора по-

*) Александръ Егоровичъ Эвеніусъ (род. 1805, ум. 1872), главный докторъ Московской Городской больницы. П. Б.

хожъ) прибрать на узду. Вѣдь онъ совсѣмъ съ ума сошелъ. Спросите солдатъ 1812 года, спросите сенатскихъ 1811 года [1]), спросите служившихъ государству со мною вкупѣ, спасенныхъ мною отъ ига, отъ золъ всякаго рода; спросите слугъ моихъ прежнихъ, Германію, Польшу, Москву моральную, и вы увидите, что грубо ошибаются. Нѣтъ! Никакъ! Я ни Григорью, ни Эвеніусу, ни Жюли, ни Никифору, никому на свѣтѣ подъ команду отданъ быть не могу.

Да спросите самого себя. Или вы не тотъ Сергѣй Павловичъ, котораго я зналъ съ Алекс. Ив. Мамоновымъ и въ ложѣ Масонской, или вы неотмѣнно потщитесь по долгу вашему возвратить мнѣ покой. Чего отъ меня хотятъ? А я, я все тотъ же и всегда тотъ же пребуду вашъ покорный слуга гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.

6.

Любезный другъ Сергѣй Павловичъ.

Просилъ я общаго нашего друга Семена Ивановича [2]) обратиться къ вамъ съ просьбами, да умилитесь вы и на мой плачъ. Прочтите, любезный другъ, мои письма, еще разъ; прочтите со вниманіемъ, не стыдитесь свойственнаго человѣку чувства состраданія, забудьте на время произнесенныя врагами моими на меня хулы, уважьте жалобы *человѣка*, не вѣрьте ложнымъ донесеніямъ безумнаго какого-нибудь Нѣмца. Вы вѣрно имѣете сто способовъ знать истину; и долго ли же мнѣ бѣдному все по ложнымъ извѣтамъ страдать за другихъ?

Я уже и тѣмъ однимъ крайне разстроенъ, что живу между тремя дверьми, изъ коихъ однѣ на ключъ запираются на кухню, а ключъ у враждебнаго мнѣ человѣка, а кухня исполнена ножей; другая дверь на парадную лѣстницу, съ которой, если они слово скажутъ, меня къ сему приставленный человѣкъ не пускаетъ; а третья дверь на половину къ Эвеніусу, къ которой *особая лѣстница*, по которой кто ходитъ, мнѣ неизвѣстно. Но къ вамъ я пишу и торжественно, именемъ прежней нашей пріязни и всякаго приличія и благочинія, прошу васъ, чтобы перестали меня тревожить. Настаютъ ведреные дни, то буду гулять въ саду. Прошу, чтобы никто меня къ ѣздѣ по городу въ хо-

[1]) Графъ Мамоновъ въ ранней молодости служилъ прокуроромъ въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената. П. Б.

[2]) Священника. П. Б.

лодномъ не на мѣху платьѣ не приглашалъ и не понукалъ. Я уже и такъ этимъ *Нѣмцомъ Зандраромъ* былъ этими ѣздами оскорбляемъ. Буде же вздумается мнѣ самому кататься, въ каретѣ ли, въ коляскѣ ли, на дрожкахъ ли, то требуемый мною экипажъ былъ бы поданъ. Но я никого не безпокою, если меня не безпокоятъ. Не такъ, какъ другіе, конечно, злые безумцы, не могутъ добрыхъ людей оставить въ покоѣ ни на минуту.

Вершу единымъ словомъ: никогда не дадутъ выспаться. Летаргіи я себѣ не прошу, напротивъ спѣшу предварить васъ, чтобы всякое навожденіе на меня сна днемъ вы запретили. И все только твердятъ о порядкѣ въ жизни. Но жизнь моя самая порядочная. Да не нарушаютъ они мною вводимаго порядка. И кто въ семъ случаѣ въ моемъ домѣ естественный *регулаторъ*? Развѣ не я хозяинъ дома (а хозяйки по сю пору нѣтъ у меня)? Конечно, я не въ пансіонѣ и не кадетъ, а уже ветеранъ. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

Къ А. Я. Булгакову.

1.

Я узналъ третьяго дня, что вы, любезный другъ Александръ Яковлевичъ, изъ поѣздки вашей сюда возвратились, почему и пишу къ вамъ, чтобы дали вы мнѣ знать, здорова ли сестра моя [1]), да еще добыли ли вы тѣ книги, о коихъ я васъ просилъ и имъ роспись (запечатанную), въ селѣ Васильевскомъ, въ спальной комнатѣ, отдалъ. А если еще ихъ не забыли, то не можете ли достать *Путешествіе Олеаріуса* на *Французскомъ языкѣ*; тоже *Dictionnaire historique* въ 20 томахъ in 8° и прочія книги, коимъ роспись моей руки отдана была мною въ Васильевскомъ же Григорью?

Безъ васъ писалъ я изъ Васильевскаго къ Натальѣ Васильевнѣ [2]) по-французски, прося ее извѣщать меня по временамъ о мѣстопребываніи вашемъ, чтобы можно было мнѣ писать къ вамъ о дѣлахъ моихъ и о сестрѣ и такимъ образомъ поставить бы себя въ сношенія съ нею гдѣ бы она ни находилась. Но Натальѣ Васильевнѣ не угодно было, отвѣчать на мое письмо, ниже словесно чрезъ людей. Вашъ покорный слуга графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

---

[1]) Единственная сестра графа Марья Александровна жила въ Москвѣ на Тверской въ своемъ домѣ (нынѣ Глазная больница). П. Б.

[2]) Супругѣ А. Я. Булгакова, ур. княжнѣ Хованской. П. Б.

2.

Любезный другъ Александръ Яковлевичъ.

У меня голова потѣетъ; всему свѣту извѣстно, что я безъ колпака ходить не могу [1]). А люди Московскіе любятъ красныя скуфейки; но уже я щеголять не хочу. Сегодня оба колпака та шельма, чтò слыветъ здѣсь Григорьемъ, утащила. Прошу ихъ за это наказать. Вашъ покорный слуга графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

П. П. Вы знаете, что отъ потнаго колпака сила головѣ. Я таковое похищеніе называю святотатствомъ, ибо моя голова мнѣ свята и дорогà; пусть другіе и не дорожатъ ею. Всякій себя бережетъ. Еще П. П. Смѣю просить, чтобы прекрасный полъ ничего у меня не приказывалъ. Дастъ Богъ—будетъ своя, то пусть приказываетъ [2]).

3.

Любезный другъ Александръ Яковлевичъ.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе достать мнѣ:

1) Pucelle Вольтерову.
2) Des portiers des Chartreux.
3) Des lauriers ecclésiastiques.

А какъ достанете, то прикажите на нихъ сдѣлать футляръ, чтобы безумные, которые о себѣ думаютъ, что мои библіотекари суть, сихъ книгъ не касались, какъ по продерзости своей смѣютъ касаться прочихъ книгъ и ландкартовъ.

Богъ мнѣ свидѣтель, что гадко. Вашъ покорный слуга графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

П. П. Да прикажите возвратить мнѣ книги мои, чтó безумные у меня унесли: Pernicieuse et dangereuse espèce de foux.

Смотрите, любезный другъ, чтобы вашимъ именемъ Нѣмецкая дрянь не называлась; отъ этого мнѣ нехорошо.

---

[1]) У насъ имѣется фотографія графа Мамонова, на которой онъ изображенъ въ колпакѣ. П. Б.

[2]) Графъ Мамоновъ, родившійся въ Декабрѣ 1788 г., умеръ 11 Іюня 1863 холостякомъ; къ концу жизни возымѣлъ онъ ненависть къ женскому полу. П. Б.

Къ священнику.

1.

Ты обѣщался быть завтра, любезный другъ Семенъ Ивановичъ, слушать службу со мною. И такъ я тебя и буду ожидать, хотя сегодня поутру (не знаю самъ почему, именемъ твоимъ, сорванцы хотятъ мнѣ досаду наносить) сказали мнѣ, что ты завтра не будешь, а будешь во Вторникъ.

Пожалуй непремѣнно завтра поутру; вторничная служба не менѣе понедѣльничной, а несдержаніемъ даннаго слова ты меня очень оскорбишь.

П. П. Вчера не служили всенощную у меня: сказали, приходской попъ отказался. Прошу васъ, чтобы была служба на Свѣтлое Воскресеніе, какъ слѣдуетъ непремѣнно. А ты съ приходскимъ попомъ самъ пожалуй переговори. Больше писать не хочу. Сейчасъ сколько можно утромъ мнѣ говорить (да мудрено, что говорится), то говорилъ съ двумя людьми или лучше сказать плакался на судьбу. Живешь въ клѣти, никого не замаешь, а покою не даютъ. Увы! Если бы Сергѣй Павловичъ, внявъ моимъ слезнымъ прошеніямъ, принялъ какія-нибудь мѣры къ тому, чтобы меня ничѣмъ не безпокоили! Главное—взяться за *Нѣмца*-то (Зандрара); то если ему вмѣнится въ обязанность меня ничѣмъ не безпокоить, то и люди не станутъ меня безпокоить. А это все дѣло стоитъ одного Русскаго слова, Нѣмцу-то сказаннаго. Даромъ что онъ говоритъ: *я ни слова по-русски не знаю*, *je ne sais pas un mot de russe*, какъ путемъ скажутъ, то будетъ знать! А мнѣ только чтобы не безпокоили меня. Я въ Москвѣ на лѣто все остаюсь, не отъѣзжая на село и въ деревню, потому только, что, чаю, что въ Москвѣ на безпокоющихъ меня скорѣе управа, чѣмъ въ деревнѣ. А вѣдь у нихъ такой обычай, что отъ всякой поѣздки и новой квартиры новое безуміе.

Теперь настанутъ святые дни. Если ты духовникъ Сергѣя Павловича, то, уваживъ самъ мои жалобы и все до моего положенія относящееся, рѣки путемъ къ совѣсти его и усты сердечными.

Евангеліе велитъ щадить и миловать нищихъ и убогихъ, и все тутъ. А что я нищъ и убогъ по всѣмъ отношеніямъ, то вы всѣ знаете. Богатъ я терпѣніемъ; но къ чему же меня его лишать? Да еще думаю такъ—тѣлесными силами. Но вѣдь я ихъ берегу себѣ; то съ

какой стати другимъ ихъ силиться у меня расхитить? Былъ бы я поставленъ какъ Сергѣй Павловичъ надъ этими людьми, я бы умѣлъ непремѣнно смиренными просьбами его удовлетворить.

Лучшее служеніе Богу отъ поставленныхъ служить обществу—блюстительство въ немъ пріязни и удовлетвореніе по просьбамъ, не *по буквѣ* ихъ только, а *по разуму ихъ*; ибо не всякъ умѣющій жалобу принесть, а я приносящій грамотенъ есть, а большая часть притѣсненныхъ на свѣтѣ безграмотны. Полагай, притѣсненный глухъ и нѣмъ и жалуется знаками, стономъ и *мычаньемъ*; и тутъ поставленный въ обществѣ блюститель полиціи обязанъ передъ Богомъ не отговариваться словомъ *не знаю, какъ мнѣ знать, онъ не говоритъ*; а дотолѣ не успокоиваться отъ трудовъ, доколѣ *не узнаетъ*.

Правду ли я пишу? Конечно правду. Еще въ добавокъ все чтó скажутъ Сергѣю Павловичу и вамъ объ моемъ житьѣ, не заключающемся въ слѣдующихъ словахъ: спитъ, пьетъ чай, брѣетъ бороду, обѣдаетъ, куритъ табакъ, пишетъ, читаетъ, ужинаетъ, паки ложится спать, все внѣ этихъ стовъ—неправда и ложь. И о, Боже мой! Долго ли на меня лгать? И долго ли будетъ мнѣ за всякую гнусную ложь всякаго дурака *страдать*? Скажу *страдать*: *нервы*, *особливо* головные, *страждутъ* отъ ходьбы, шуму, тревоги утреннихъ, и такъ неописанно, что весь день не свой. Сейчасъ съ брадобрѣемъ говорилъ я объ этомъ. Не въ похвальбу себѣ скажу, что третій годъ и сегодня ему сказалъ правду неоспоримую. Но вотъ третій же годъ какъ объ стѣну горохъ или лучше сказатъ: чѣмъ болѣе говоришь, тѣмъ хуже.

Пожалуй Бога ради, упроси Сергѣя Павловича и потомъ и всѣхъ здѣшнихъ, чтобы перестали меня безпокоить всячески. Отъ ихъ тревогъ и безпокойствъ и лютости, съ каковою они тревожны, бѣжалъ я отъ нихъ лѣтъ 15 тому назадъ, потомъ въ пустыню удалился, потомъ въ отчаяніи на смертъ лѣзъ. Теперь третій годъ, по взятіи меня подъ караулъ, опять съ ними въ комнатахъ съ крючьями, или отверзтыхъ ими. Круглый годъ стократъ обѣщали они мнѣ, что меня не станутъ тревожить, и все безпокоятъ.

Пожалуй непремѣнно ко мнѣ завтра. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

2.

Любезный другъ Семенъ Ивановичъ.

Прошлаго году, подъ исходъ Апрѣля либо въ Маіѣ мѣсяцѣ, люди, мнѣ по волѣ инсургентскаго правительства служащіе, имущи предводителемъ Эвеніуса, а въ замкѣ Зандрара, ко мнѣ спокойно чай пив-

шему и уже и такъ тогда четвертый (нынѣ пятый) годъ въ узахъ заключенному, ворвались утромъ пытать меня литіемъ съ высока студеной воды мнѣ на голову (страшная пытка!) и тѣмъ временемъ, который изъ нихъ, не вѣдаю и не другой ли кто въ лице мнѣ неизвѣстный, украли у меня два запечатанныхъ пакета изъ бюро съ надписью: *Mes mémoires remis par moi à des gens sûrs* [1]).

Къ полиціи прибѣгать къ чему? Впервыя пытали, я былъ въ домѣ Яузскомъ [2]) при полицейскомъ офицерѣ; да и просить я не иначе могу, какъ посредствомъ того же Зандрара, изъ его же рукъ *пакеты вѣрныхъ принять мнѣ больно.*

Буди, любезный другъ, посредничествуя и не компрометируя меня отнюдь съ Зандраромъ; но ему досадно то, чтò я о немъ въ *Mémoires своихъ написалъ.*

По врученіи Булгакову и Фонъ-Визину прилагаемыхъ при семъ пакетовъ, проси ихъ всячески, да просьбу мою исполнятъ и мнѣ мои бумаги возвратятъ.

Фи! Какъ стыдно, какъ меня мучали и муча обкрадывали!
Упроси ихъ изыскать и возвратить мнѣ мое добро.
Красть, право, стыдно!

Да пуще говори съ ними по-русски, а не по-нѣмецки, какъ водилось прежде попамъ Русскимъ говорить съ дворянами Русскими, отнюдь меня съ Нѣмцомъ не компрометируя.

Чаю, они сему удивятся; а я исполненія моей просьбы спокойно буду ждать. Только смотри, никакъ не накличь на меня *Зандрара.* Онъ очень за эти же записки золъ, и такъ какъ я всегда ими невинно былъ пытанъ, то полагаю, что прошлою весною за эти-то записки эти адскіе злодѣи меня и мучили.

Увидайся со мною и проси гг. Булгакова и Эвеніуса писемъ моихъ г. Зандрару не казать.

---

[1]) Мои записки, отданныя мною надежнымъ людямъ.

[2]) Въ домѣ нынѣшней Практической Коммерческой Академіи. П. Б.

ВАСИЛІЙ ФЛОРОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЕ „СТРѢЛА".

Труды извѣстнаго архіепископа Нижегородскаго Питирима въ обращеніи къ Православію раскольниковъ имѣли то важное значеніе, что подготовили новыхъ полезныхъ «дѣлателей» на томъ же поприщѣ. Изъ нихъ болѣе извѣстны іеромонахъ Неофитъ, который былъ посылаемъ въ Выгорѣцкую обитель для обличенія раскольниковъ; затѣмъ іеромонахи Гурій, Филаретъ и нѣкоторые другіе. Подвизаясь въ борьбѣ съ расколомъ, они въ тоже время нерѣдко брались и за перо. Сочиненія этихъ лицъ, познавшихъ «прелесть» раскола и истину Православія, цѣнятся, обыкновенно, весьма высоко въ наукѣ о расколѣ. Какъ люди, жившіе въ расколѣ и большею частью занимавшіе въ немъ какое-нибудь видное и вліятельное положеніе, эти неофиты хорошо знали всю, такъ сказать, «подноготную» раскола и потому имѣли возможность выяснить и дѣйствительно разъясняли въ своихъ сочиненіяхъ такія стороны ученія и жизни раскольниковъ, которыя для сторонняго наблюдателя, при всей его проницательности, бываютъ недоступны.

Къ такимъ сочиненіямъ слѣдуетъ причислить доселѣ малоизвѣстный трудъ одного ученика архіепископа Питирима, Василія Флорова, обращеннаго изъ раскола Питиримомъ же,—трудъ подъ заглавіемъ «Стрѣла», написанный въ 1737 году.

Объ авторѣ «Стрѣлы» встрѣчаются лишь краткія замѣтки и упоминанія, изъ которыхъ, впрочемъ, видно, что сочиненіе его пользовалось вниманіемъ людей, занимавшихся изученіемъ и обличеніемъ раскола. Наиболѣе раннее упоминаніе о немъ находимъ въ сочиненіи епископа Рязанскаго Симона подъ заглавіемъ «Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками» (оно издано въ 1826 г.) Симонъ, какъ видно, пользовался трудомъ Флорова особенно при изложеніи раскольническихъ заблужденій; потому что въ примѣчаніи на стр. 17-й у него значится: «взято изъ письмянной Василія Флорова книги, обличеніемъ на раскольниковъ именуемой гл. 2». Затѣмъ о самомъ Флоровѣ говорится: «Онъ былъ въ расколѣ Діаконова согласія; но, признавъ того погрѣшности, обратился къ Православію и 1737 года сочинилъ

противъ онаго нѣсколько главъ, описавъ напередъ многіе толки ихъ съ догмами». Архимандритъ Макарій въ «Исторіи Нижегородской іерархіи» (1857 г., стр. 80, пр. 79) говоритъ: «Обращенный Питиримомъ изъ Діаконова согласія Василій Флоровъ въ пользу Православія написалъ въ 1737 году *пространное* обличеніе раскольникамъ». Въ «Обзорѣ духовной литературы» архіепископа Черниговскаго Филарета Василій Флоровъ указывается въ числѣ писателей первой половины XVIII вѣка: «Василій Флоровъ», одинъ изъ Діаконовцевъ, обращенныхъ въ Православіе, въ 1736 году написалъ пространное обличеніе раскольникамъ». Очевидно, что Макарій и Филаретъ повторили то, что сказалъ епископъ Симонъ, а сами ничего не знали о Флоровѣ и сочиненія его не видали, такъ что епископъ Симонъ доселѣ остается единственнымъ писателемъ, который былъ болѣе или менѣе знакомъ съ трудомъ Флорова. Самъ Флоровъ назвалъ свое сочиненіе «Стрѣлой».

Жизнь Василія Флорова преисполнена приключеніями, которыя грозили окончиться для него печально. Происхожденіемъ Нижегородецъ, онъ по рожденію принадлежалъ къ православной церкви, но въ очень еще молодыхъ лѣтахъ уклонился въ расколъ, будучи вѣроятно соблазненъ привольною жизнію у раскольниковъ, потому что онъ самъ о себѣ говоритъ, что «живодательныя пищи (православной церкви) быхъ лишенъ своевольствомъ изъ младыхъ лѣтъ» (рук., л. 147 об.). Это было, надо полагать, въ началѣ XVIII вѣка. Онъ совратился въ Діаконово согласіе, гдѣ потомъ въ 1716 году является ревностнымъ дѣятелемъ. Хотя Флоровъ говорить о себѣ, что онъ «человѣкъ неученый, у философовъ не учился и съ премудрыми учители не бесѣдовалъ», а потому проситъ у читателей его сочиненія простить его «невѣдѣніе и грубость и простоту въ словесѣхъ» (рук., л. 3 об.), однако какъ самое сочиненіе, такъ и нѣкоторыя обстоятельства его жизни показываютъ, что онъ былъ человѣкъ начитанный, думавшій и въ извѣстномъ смыслѣ знающій. Изъ болѣе ранняго времени его жизни извѣстенъ такой случай. Когда Питиримъ, по пріѣздѣ въ Нижегородскую епархію, послалъ въ 1716 г. Діаконовцамъ свои знаменитые 130 вопросовъ, на которые потребовалъ отъ нихъ отвѣтовъ, то Діяконовцы поручаютъ написать отвѣты Василію Флорову. «Вземши же тые вопросы», говорится въ Сказаніи о миссіонерскихъ трудахъ Питирима, архіепископа Нижегородскаго, «поручиша ихъ мужу писанія свѣдующему, именемъ Василію» Флорову.*) Но Василій Флоровъ, разсматривая «многая писанія святыхъ апостолъ и соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ правила, и иная собственная святая писанія отеческая», убѣдился, что удовле-

*) Братское Слово 1889, т. 1-й, стр. 12.

творительныхъ отвѣтовъ на предложенные Питиримомъ вопросы дать нельзя. Другаго лица, кромѣ Василія, къ которому можно было-бы обратиться въ этомъ затруднительномъ для Діаконовцевъ дѣлѣ, у нихъ какъ видно, не нашлось совсѣмъ, и они потому рѣшились обратиться за помощію къ человѣку, совершенно изъ другаго согласія, къ извѣстному поморскому расколоучителю Андрею Денисову. Василій же Флоровъ, вмѣсто отвѣтовъ на вопросы Питирима, составилъ 240 вопросовъ, которые были посланы Питириму въ томъ-же 1716 году и на которыя въ свою очередь Діаконовцы требовали отъ Питирима отвѣтовъ. Отвѣты Питирима на эти 240 вопросовъ Флорова и составили «Пращицу», пользующуюся такою извѣстностью въ полемической литературѣ противъ раскола. Вотъ какое близкое участіе принималъ Василій Флоровъ въ одномъ изъ дѣлъ Питирима по обращенію Нижегородскихъ раскольниковъ. Разсказавъ объ этомъ событіи, авторъ «Сказанія» прибавляетъ: «Оный-же Василій, дерзнувый сочиняти отвѣты, не возмогъ же. Который, отъ лица раскольниковъ два ста четыредесять вопросы сочиняя и испытывая прилежно писанія, обрѣте въ нихъ животъ себѣ; оставя бо вся заблужденія и противленія, присоединися къ святой соборнѣй и апостольстѣй Грекороссійскаго исповѣданія церкви и бысть поборникъ по ней велій» (Брат. Слово 1889, т. I-й стр. 13).

Выходитъ, что Василій Флоровъ обратился къ православной церкви какъ будто вскорѣ послѣ того, какъ увидалъ невозможность написать удовлетворительные отвѣты на вопросы Питирима и послѣ составленія своихъ 240 вопросовъ. Въ дѣйствительности дѣло было иначе. Послѣ разсказанныхъ обстоятельствъ Василій Флоровъ, прежде чѣмъ снова придти въ тихую пристань Православія, долженъ былъ пройти скорбный путь душевныхъ сомнѣній, колебаній и жизненныхъ испытаній, о которыхъ онъ кратко разсказываетъ самъ. Какія-то обстоятельства заставили его въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка изъ Нижегородскихъ краевъ бѣжать въ очень отдаленныя Крымскія степи. Хотя самъ Флоровъ говоритъ, что онъ бѣжалъ «никимъ же гонимъ»; но нужно думать, что ему пришлось бѣжать вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, которыя настали для Діаконцевъ послѣ знаменитаго ихъ пораженія архіеп. Питиримомъ въ селѣ Пафнутовѣ 1 Октября 1719 г. Извѣстно, что самъ основатель секты діаконъ Александръ вскорѣ послѣ этого былъ сожженъ. Со времени бѣгства Флорова въ степи и начинаются его особенныя злоключенія. Онъ поселился на рѣкѣ Міюсѣ, впадающей въ Черное море, близъ которой были построены кельи у одного настоятеля, или, какъ его называлъ Флоровъ, «автора» какой-то раскольнической секты, и прожилъ у него «два лѣта». Относительно этого «автора» Флоровъ замѣчаетъ, что «толкованіе его все въ гада-

ніи и прорицаніи темныхъ рѣчей» (л. 126). Отъ этого «автора» онъ перешелъ къ раскольникамъ Спасовцамъ, потому что «лучше не нашелъ», хотя кромѣ Спасовцевъ «есть тамо иконоборцы, иные крестоборцы, овые субботники, жидовскія обычаи хранятъ» (л. 126). Перейти изъ поповщинской секты Діаконовцевъ въ безпоповщинское согласіе Спасовцевъ заставило Флорова, какъ надо думать, начавшееся уже въ немъ сомнѣніе и исканіе истины. Какъ извѣстно, большинство лицъ, обратившихся изъ раскола въ Православіе, прежде окончательнаго познанія свѣта истины, блуждали по разнымъ сектамъ, и это психологически вполнѣ понятно. У Спасовцевъ Флоровъ прожилъ цѣлыхъ четыре года, но не нашелъ здѣсь душевнаго покоя, а напротивъ еще больше сталъ страдать духомъ: живя у нихъ, говоритъ онъ, «яко въ пеклѣ горѣхъ, вельми печаловахъ и плакахъ, окаявахъ себе погибша внѣ правости» (л. 126). Мы вполнѣ поймемъ эту тяжесть положенія Флорова у Спасовцевъ, если вспомнимъ, что это за секта: она отрицаетъ почти все и доходитъ до столь мрачнаго пессимизма, что послѣдователи ея считаютъ смерть явленіемъ желательнымъ. Поэтому-то Флоровъ совершенно справедливо высказываетъ относительно ея свое негодованіе: «о Боже благій и щедрый, како Ты, Боже, терпиши симъ проклятымъ, како горы на нихъ не осядутъ и не подавятъ ихъ; воистину сіи предтечи антихристовы и пророки и пустынники его» (л. 126).

Флоровъ однако оставался съ ними довольно долгое время вслѣдствіе невозможности уйти отъ нихъ одному, ради дальныя пустынныя степи перехода, понеже нѣтъ дороги» (тамже). Послѣ долгихъ убѣжденій ему наконецъ удалось склонить «ко исшествію отъ оныя темныя пропасти» трехъ лицъ. Это было въ 1724 году. Когда эти четыре путешественника покинули свое общество, то порѣшили идти или по направленію къ Сѣверу, или же въ Польшу (вѣроятно, на Вѣтку). Черезъ четыре дня они дошли до Азовской дороги, гдѣ встрѣтили сорокъ человѣкъ Малороссійскихъ купцевъ, ѣхавшихъ въ Азовъ, и присоединились къ нимъ. Но недолго нашимъ путешественникамъ пришлось благополучно совершать свой путь: черезъ день «Божіимъ попущеніемъ, говоритъ Флоровъ, внезапу нападоша на насъ Багтагиреевы Татары и Калмыки и всѣхъ плѣниша» (л. 127). Переправившись черезъ Донъ, Татары раздѣлили плѣнниковъ по жребію, и послѣ этого однихъ повезли продавать на «Копылъ, рекомое торжище, идѣже ярмонка годовая бываетъ за Кубанью», а четырехъ, въ числѣ которыхъ былъ и Флоровъ, отдали въ Калмыки. У нихъ онъ и пробылъ въ плѣну, именно у Слюна-аламы-Доржина-улуса, четыре года. «О колико пострадахъ бѣды и горести, о колико біенія и томленія отъ нечестивыхъ претерпѣхъ, Богу тако изволившу!» (л. 127 и об.). Флоровъ

три раза покушался бѣжать изъ плѣну, но каждый разъ былъ пойманъ и конечно каждый разъ подвергался карѣ. При этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Флорова продолжала томить и душевная мука; онъ продолжалъ искать истинной вѣры и очевидно все больше и больше познавалъ пагубность раскола, но не могъ или боялся еще отрѣшиться отъ него. Послѣ троекратной неудачной попытки бѣжать онъ пообѣщался «теплою совѣстію приступити» къ церкви, если ему придется освободиться. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого онъ освободился, но тѣмъ не менѣе свое обѣщаніе исполнилъ не вдругъ. Расколъ, какъ видно, такъ сильно внѣдрился въ немъ, что онъ послѣ освобожденія присталъ не къ православной церкви, а опять пошелъ къ раскольникамъ, которые проживали ближе къ тому мѣсту, гдѣ Флоровъ былъ въ плѣну, именно на р. Иргизъ. Можетъ быть, впрочемъ, прежде чѣмъ разстаться окончательно съ прежними своими вѣрованіями, онъ хотѣлъ еще разъ присмотрѣться къ неизвѣстнымъ еще ему раскольникамъ благо они жили не такъ далеко.

Послѣ такихъ-то разнообразныхъ, приблизительно десятилѣтнихъ приключеній Василій Флоровъ, сильно уже поколебленный въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, возвратился въ Нижній Новгородъ. Нужно было только встрѣтить ему такихъ людей, которые бы разъяснили ему истину Православія, чтобы онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ церкви. Въ такихъ людяхъ въ то время въ Нижнемъ Новгородѣ недостатка не было, благодаря, конечно, ревностной дѣятельности архіеп. Питирима. Флоровъ встрѣтилъ ихъ въ архимандритѣ Нижегородскаго Духова монастыря Варсанофіи и священникѣ Предтеченской церкви Іоаннѣ Петровѣ, которые потрудились въ разъясненіи Флорову истины.

Въ томъ-же дѣлѣ принимали участіе нѣкто Нижегородецъ Михаилъ Петровъ Ивашкинъ и «общій другъ» (какъ называетъ его Флоровъ) Иванъ Прокопьевъ. «По ихъ увѣщанію, говоритъ Флоровъ, чрезъ Святое Писаніе, познавъ свою неправду и противность, ко святой церкви, безъ всякаго сомнѣнія, съ чистою совѣстію и свѣтлымъ душевнымъ разумомъ неблазненно присоединился паки, ко святѣй единородной матери церкви, отъ нея же оторвался своимъ безуміемъ прежде; нынѣ же обѣщался даже до скончанія быти жизни своея при ней и въ ней» (Рук. л. 147 и об.).

Это было приблизительно въ началѣ 30-хъ годовъ.

О дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности Флорова намъ пока ничего неизвѣстно. Достовѣрно можно сказать, что онъ дѣйствительно до

конца оставался вѣрнымъ сыномъ церкви и трудился, сколько могъ, на пользу ея, что̀ прежде всего доказываетъ его трудъ «Стрѣла». Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія Василій Флоровъ говоритъ: «Возмыслихъ и возболѣзновахъ сердцемъ о матери своей и всего рода христіанскаго, что ея (ее)... воюютъ, и ратуютъ, и ранятъ, и поносятъ еяже дѣти, отъ нея же возродишася, быша терзатели утробы ея» (л. 147 об.). Потому-то онъ и возымѣлъ намѣреніе изъявить оныхъ «авторовъ», начальныхъ еретиковъ (т. е. основателей сектъ) порядочно, и ихъ догматы еретическіе.... елико ихъ познахомъ совершенно»; если же что осталось для автора неизвѣстнымъ, то онъ проситъ «вѣдущихъ», чтобы тѣ потщались явить святой церкви «ихъ дерзость», чтобы все это сдѣлалось извѣстнымъ и будущимъ родамъ. «Да не будемъ своимъ молчаніемъ потаковщики имъ» (л. 3). По всѣмъ этимъ побужденіямъ Василій Флоровъ, прочитавъ знаменитую Питиримову «Пращицу», которую онъ называетъ «оружіемъ, пущающимъ стрѣлы противъ тетивъ противныхъ» (л. 148), рѣшилъ и съ своей стороны «уготовати *Стрѣлу* и пустити при священномъ оружіи въ полки противные» (л. 149 об.).

Но къ «уготовленію» своей стрѣлы Флоровъ встрѣтилъ немалыя препятствія, что̀ зависѣло отъ скудости и бѣдности «скарба и витальницы», т. е. онъ не имѣлъ ни средствъ, ни какого-либо мало-мальски удобнаго для такого дѣла помѣщенія. Но тутъ помогъ ему тотъ самый Нижегородецъ Михаилъ Петровъ, который содѣйствовалъ обращенію его изъ раскола. Какъ видно, этотъ Михаилъ Петровъ былъ усерднымъ почитателемъ Питирима за его «Пращицу» и содѣйствовалъ ему, чѣмъ могъ, въ дѣлѣ обращенія заблуждающихся; кромѣ того, онъ отличался широкою благотворительностію и страннопріимствомъ, такъ что, по выраженію Флорова, «бысть домъ его, аки вторый Зеведеовъ, всѣмъ страннопріимница и витальница». Вѣроятно, послѣ того, какъ Флоровъ возвратился въ Нижній Новгородъ, его и пріютилъ въ своемъ домѣ этотъ Михаилъ Петровъ, который врядъ-ли не былъ даже родственникомъ Флорову. Когда Флоровъ открылъ Петрову свое намѣреніе составить сочиненіе въ обличеніе раскола, тотъ отнесся къ этому намѣренію съ сочувствіемъ, такъ что устроилъ для Флорова «особую витальницу», т. е. особое помѣщеніе, очевидно для того, чтобы ему удобнѣе было заняться составленіемъ своего труда. Кромѣ того, Петровъ съ великимъ тщаніемъ собиралъ и доставлялъ Флорову книги, необходимыя къ подтвержденію «сея стрѣлы» (л. 49 и 50).

Флоровъ представилъ ее Питириму, съ извиненіемъ, что онъ занимался этимъ дѣломъ въ отсутствіе архипастыря [1]).

[1]) Тотъ списокъ „Стрѣлы“, который былъ у насъ, принадлежалъ, какъ видно изъ подписи на немъ, Новоторжскому купцу Егору Иванову, а самую подпись дѣлалъ Вязем-

«Стрѣла» раздѣляется на 29 главъ, которыя строгой связи между собою не имѣютъ.

Извѣстно, что коренное безпоповщинское заблужденіе, изъ котораго развивается вся безпоповщинская система, состоитъ въ ученіи о наступленіи времени Антихриста. Это ученіе, уже и само по себѣ поражающее своею таинственностью и важностью чувство вѣрующаго, въ устахъ фанатичныхъ расколоучителей облекается въ такую страшную картину, что положительно парализуетъ сознаніе и чувство слушателей, нагоняя на нихъ безотчетный страхъ и трепетъ. Зная это и психологически-вѣрно понимая значеніе этого ученія для завладѣнія всѣмъ существомъ своихъ послѣдователей, расколоучители рисуютъ всевозможными мрачными чертами современное положеніе, при чемъ еще нерѣдко стараются поразить разгоряченное воображеніе слушателей страшными, фантастическими картинами. Плодами подобной проповѣди были нерѣдкіе случаи раскольническаго изувѣрства—самосожженія и самоистребленія. Съ этой стороны Василій Флоровъ въ первой главѣ «Стрѣлы» взглянулъ на проповѣдь расколовождей. По его словамъ, они, проповѣдуя, что «Антихристъ въ мірѣ уже есть и уже тайна оная дѣется на мѣстѣ святѣ, сіе есть въ церкви скверная жертва приносится и печатлѣются печатію антихристовою», наводятъ великій страхъ. «И такій страхъ внидетъ въ сердце и во всѣ члены, говоритъ Флоровъ, яко негли самъ бы себе живота своего лишилъ, еже то и бысть; въ Новгородской бо области многія въ могилахъ живые погребалися, и тако живота своего лишались, и въ Нижегородской области *многія тысящи* огнемъ въ овинахъ и избахъ сгорѣша, въ лѣсахъ же противу Нижняго Новаграда въ луговой странѣ, въ морильняхъ отъ учителей своихъ заперты помроша, вся тыя изгибоша... такожде пожгошася и въ Поморской странѣ». Ученіе объ Антихристѣ для обольщенныхъ имъ настолько было «любимо», по выраженію Флорова, «яко не можаху въ сладость послушатися, ниже насладитися бесѣды ихъ». Между тѣмъ расколоучители пользовались имуществомъ соблазненныхъ: «вся невозбранно у нихъ берутъ, одѣяніе и гроши, и всякія вещи другія, просто рещи, яко вся ихъ быша, суще татіе и разбойницы, и душегубители, многіе пребогатые домы опустошиша и разграбиша и въ конецъ погубиша» (л. 7 и 8). Къ характеристикѣ наглости и беззастѣнчивости такихъ расколоучителей относится и дру-

скій купецъ Логинъ Николаевъ Елчинскій; куплена эта книга въ Петербургѣ. Въ послѣдствіи книга эта принадлежала священнику г. Торжка, Богоявленской церкви, Георгію Гаврилову Пустынскому, которому подарилъ ее Новоторжскій купеческій сынъ Тихонъ Петровъ Кренделевъ.

гое мѣсто изъ сочиненія Флорова. Въ 12-й главѣ онъ говоритъ, «что они у Макарья на ярмаркѣ, ходяще толпами, нападали на священниковъ и на смиренныхъ монаховъ незапными и темными вопросы, ругающе и плююще, поношающе и хуляще православныхъ архіереевъ» (л. 78).

Во второй главѣ «Стрѣлы», содержащей въ себѣ изложеніе хуленій раскольниковъ на православную церковь, мы находимъ новое указаніе на тѣ способы, какими расколоучители поселяютъ въ своихъ слушателяхъ фанатичную ненависть къ православной церкви. Извѣстно, что воображеніе простаго человѣка легко поражается какими нибудь страшными картинами. Поэтому расколоучители нерѣдко распространяли подобныя картины. Еще Игнатій, митрополитъ Тобольскій въ своихъ посланіяхъ упоминаетъ объ одномъ Сибирскомъ расколовождѣ «Якунькѣ Лепехинѣ», который, самъ будучи иконописцемъ, изобразилъ на листѣ православную церковь и вокругъ ея обвившимся діавола въ видѣ змія, извергающаго ядъ свой на св. Христовы тайны. «И симъ листомъ, замѣчаетъ митрополитъ Игнатій, превращаше окаянный простшіе сельные жители, и покусися злочестивый Лепиха церковь святую симъ листомъ своимъ во ушесѣхъ христіанъ осквернити» [1]). Подобно этому и Василій Флоровъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ у раскольниковъ изображеніе «Россійской церкви нынѣшнихъ временъ» на свиткахъ, которые они показывали «людемъ простѣйшимъ». Въ церкви изображены «престолъ и чаша, а надъ чашею изображенъ дьяволъ сѣдящимъ надъ ней, подпершись жезломъ», и это расколоучители объясняютъ такъ: то есть причастіе нынѣшнее, Никоніанское.

Изложивъ главныя заблужденія раскольниковъ-безпоповцевъ и ихъ хуленія на церковь, Василій Флоровъ переходитъ къ частному обозрѣнію раскольническихъ сектъ, съ указаніемъ ихъ основателей и съ выясненіемъ ихъ ученій. Главою расколовождей считаетъ онъ Аввакума, извѣстнаго «адаманта древняго благочестія», и говоритъ, что «первоначальный ихъ еретикъ и предводитель изскочи изъ трехъ колесницъ еретическихъ, глаголю списаніемъ Несторіанской, Аріанской и Донатской». Отъ этого расколоучителя Василій Флоровъ производитъ 16 сектъ, изъ которыхъ три поповщинскія, а 13 безпоповщинскихъ.

Вопросъ о дѣленіи раскола на секты одинъ изъ самыхъ важныхъ въ изслѣдованіи раскола; онъ былъ предметомъ многократныхъ сужденій какъ правительства, такъ и ученыхъ людей и доселѣ является нерѣшеннымъ. Конечно, Василій Флоровъ, жившій въ первыя

---

[1]) Три посланія блаженнаго Игнатія Тобольскаго, посл. I, стр. 15—16.

времена раскола, не могъ еще сдѣлать правильную классификацію раскольническихъ сектъ, а потому мы встрѣчаемъ у него немало неточностей, въ родѣ, напр. того, что секта Хлыстовъ, не имѣющая ничего общаго съ старообрядческимъ безпоповствомъ, относится имъ къ категоріи безпоповщинскихъ сектъ. Но при всемъ томъ мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ сообщеніяхъ «Стрѣлы» относительно «авторовъ» сектъ и самыхъ сектъ. Такъ, говоря объ основателѣ второй (по его счету) безпоповщинской секты Нѣтовцевъ Кузьмѣ, личности очень темной, В. Флоровъ прибавляетъ, по нашему мнѣнію, нѣчто новое относительно «Кузёмочекъ». Онъ говоритъ: «Учитель ихъ Кузьма бысть мужикъ неукъ, невѣжа, едва азбуку совершенно зналъ; *подруга себѣ имѣлъ второго Козму, и называемы были Кузёмочки»* (л. 19 об.). Въ ученіи этихъ сектантовъ В. Флоровъ указываетъ, между прочимъ, на то, что они «сказывали, что св. причастія нѣтъ истиннаго отъ седмого вселенскаго собора; взято все на небо» (л. 19).

Относительно *третьей* безпоповщинской секты, которую Флоровъ никакъ не называетъ, онъ говоритъ, что основателемъ ея былъ какой-то Ѳедоръ Ростовецъ и что отличительною особенностью ея было то, что послѣдователи ея сами постригались, одѣяніе монашеское клали предъ иконою Христа Спаса, оттуду брали и на себя надѣвали», и затѣмъ называетъ имена двухъ старицъ, постригавшихъ и исповѣдывавшихъ женскій полъ— Анфису и Капитолину. О *четвертой* безпоповщинской сектѣ (которую Флоровъ также не называетъ по имени) онъ сообщаетъ только, что «предводителемъ» ея былъ *какой-то* Ѳедоръ Масленниковъ и что особенностію ея ученія было то, что послѣдователи исповѣдывались предъ иконою Христовою. *Пятую* секту авторъ «Стрѣлы» называетъ сектою «Гундоровъ», по имени «предводителя» ея Гундура. Училъ этотъ неизвѣстный намъ Гундуръ: 1) каятися на небо, глаголя: согрѣшихъ, Господи на небо и предъ Тобою сія и сія грѣхи», 2) чотки называлъ зміею, по нихъ же молимся, 3) облыгалъ Бога сицевымъ примѣромъ. Егда его послѣдователи что пришлютъ на потребу, жита или отъ съѣстныхъ что́, изъ градовъ или селъ и деревень, и оное до своихъ келій не допускаютъ, глаголютъ отъ еретикъ Никоніанъ осквернено, не подобаетъ ясти, но повелѣваютъ прежде на торжищѣ стояти, дондеже торгуютъ, потомъ привозятъ до келій, мнятъ торжищемъ освятитися, глаголюще: на торжищѣ продаемое вся ядите, ничтоже сумнящеся за совѣсть, и прочая» (л. 20 и об.).

О *шестой* сектѣ, *Волосатовщинѣ*, Флоровъ сообщаетъ, что «предводителемъ» ея былъ неученый мужикъ дер. Сокольской, Юрьевскаго у., Василій Волосатый, имѣвшій «власы главные неострижены сваляв-

шіеся, яко же обычай обдаломъ» *) и содержавшій въ своей кельѣ наложницу. Какъ на характеристическую особенность этой секты Флоровъ указываетъ на самосожженіе и мореніе себя голодомъ. Василій Волосатый заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ, чтобы предъ тѣмъ какъ они захотятъ сожечь или уморить себя, «вся поядали безъ остатку, скотъ и птицу кололи и яли безмѣрно, глаголя: ничто бы не осталося Никоніаномъ». Крещеніе и исповѣдь полагалъ онъ въ огнѣ.

Основателемъ *седьмой* секты «*Яковщины*» Флоровъ называетъ ученика Ѳедора Ростовца, который училъ «оставляти жену другу своему, аще полюбитъ ю, а его себѣ пояти, или какую похочетъ хотя дѣвку, а вѣнчанная отъ Никоніанъ жена нѣсть жена, отъ еретиковъ дана» (л. 21). Послѣдователи *осьмой* секты *гнусной* «имѣли сію любовь клевретскую, еже съ женою клевретскою возлещи беззазорно взаемъ, хотя и со дщерію клевретскою». Основателемъ *девятой* секты, которую Флоровъ никакъ не называетъ, былъ неученый мужикъ Михайло. Онъ освящалъ воду и давалъ ее пить своимъ ученикамъ; затѣмъ, во время колокольнаго звона, чревонеистовствовалъ и говорилъ: «это Никоніанскій благовѣстъ» (л. 21 об.). Десятую, одиннадцатую и двѣнадцатую секты безпоповцевъ Флоровъ причисляетъ къ числу иконоборныхъ, потому что послѣдователи первой изъ нихъ совсѣмъ не покланялись св. иконамъ, второй—покланялись только кресту и третьей—покланялись на Востокъ. Послѣднею 13-ю безпоповщинскою сектою Флоровъ называетъ «*Наговщину*». Это нынѣшніе Хлысты.

О Хлыстовщинѣ въ настоящее время имѣются подробныя изслѣдованія, напр., сочиненія г. Добротворскаго «Люди Божіи», Реутскаго «Люди Божіи и Скопцы» и особенно г. Кутепова «Секты Хлыстовъ и Скопцовъ». Послѣднее произведеніе по своей обстоятельности, подробности и критической оцѣнкѣ всѣхъ возможныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи хлыстовщины и скопчества, представляетъ собою выдающееся явленіе въ области изслѣдованія о сектантахъ. Однако, несмотря на то, во всѣхъ упомянутыхъ сочиненіяхъ мы не встрѣчаемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя находимъ у Флорова. Прежде всего В. Флоровъ упоминаетъ о хлыстовскомъ Христѣ Иванѣ Васильевѣ Нагомъ, родомъ изъ Касимовскаго уѣзда; затѣмъ говоритъ о хлыстовской богородицѣ, современной Нагому, слѣдующее: «сія скверная нѣкогда была біема отъ сына церкви Григорія въ Павловѣ селѣ, въ домѣ Дмитрія Денисова, ихъ прельщенца, извергла зачатое нечестивое сѣмя» (л. 22); наконецъ называетъ нѣкоторыхъ изъ двѣнадцати хлыстовскихъ апостоловъ, каковы: Стефанъ Курбакъ, изъ города Коломны, другой—по прозванію Пчелка и Антипа. Дѣлая общую

*) Обдалъ—мошенникъ, обманщикъ, см. Словарь Даля. Ю. Б.

характеристику этихъ лицъ, Флоровъ говоритъ: «Наипаче сіи проходили болѣе нѣкіе грады, села и деревни своимъ неистовствомъ и молчаніемъ, аки бы юроды, множае босы, въ раздранныхъ одеждахъ, лицемъ почернѣлы, мерзости и прелести преисполнены, прельщающе своею покрытою лестію, ядуще нощію тайно отъ людей; въ одной кельѣ темной жили мужескъ полъ и женскъ, одѣяніе имѣли токмо къ прикрытію нужныя части тѣла въ кельяхъ». Относительно же самого Ивана Нагаго Флоровъ замѣчаетъ, что онъ «дивы нѣки несказанныя мерзкія показываше своимъ послѣдователямъ, еже ужасно писати, по сказанію отъ нихъ обратившагося, именемъ Лазаря, и жившаго въ ереси дьякона Александра только шесть недѣль и умре» (л. 22 об.).

Объ одномъ изъ такихъ «дивъ», со словъ Лазаря, Флоровъ разсказываетъ въ 20-й главѣ своего сочиненія. По нашему мнѣнію, разсказъ этотъ, доселѣ еще неизвѣстный въ исторіи хлыстовщины, характеризуетъ тотъ крайній мистицизмъ, какой свойственъ этой сектѣ. Мы знаемъ, что разные самообольщенные хлыстовскіе предводители выдавали себя то за пророковъ, то за воплощенныхъ боговъ, то за чистыхъ ангеловъ, которымъ все дозволено. Въ разсказѣ же Флорова мы встрѣчаемся съ совершенно новымъ явленіемъ самообольщенія въ хлыстовщинѣ. Здѣсь одинъ хлыстъ вступаетъ въ самое тѣсное общеніе съ какою то «чистою», нетлѣнною, несуществующею дѣвою, съ которою онъ живетъ и наслаждается, какъ съ дѣйствительно существующею. Но пусть разсказъ говоритъ самъ за себя [1]).

Когда Флоровъ жилъ въ Чернораменскихъ лѣсахъ, близъ рѣки Санааты Большія, тогда въ скиту дьякона Александра проживалъ нѣкто старецъ Андреянъ Лошкарь. Разъ въ келью къ этому старцу приходитъ ночевать знакомый ему человѣкъ, по имени Лазарь, родомъ изъ Коломны, принадлежавшій къ сектѣ Хлыстовъ. Угостивши пришельца, Андреянъ далъ ему возможно-удобное мѣсто для переночевки, а самъ удалился въ другое отдѣленьице кельи, въ рукодѣльню. Когда послѣ молитвы старецъ легъ, то вдругъ послышался ему изъ сосѣдней комнаты шопотъ. Тогда старецъ Андреянъ открылъ на палатяхъ немного оконце, чтобы посмотрѣть. «Бѣ же у онаго пришлеца Лазаря огонь горяй, и видѣвъ его глаголюща съ нѣкіимъ лицемъ и шепчуща, и ру-

---

[1]) Флоровъ слѣдующимъ замѣчаніемъ предваряетъ свое изложеніе: „Бысть дивная притча, не хотѣхъ ю сказати, но обаче да не будетъ забвенна, но явленна да будетъ въ роды послѣдствующіе, дабы всякъ себя отъ того остерегалъ впередъ. Аще хотя и тяжесть будетъ православныхъ ушесамъ, обаче да явится мерзкая ихъ прелесть“ (л. 112 об. и 113).

ками обнимающа, и аки бы кого цѣлующа», тогда какъ на самомъ дѣлѣ никого не было. Это нѣсколько испугало Андреяна; однако онъ продолжалъ смотрѣть и увидѣлъ далѣе пришлеца «возлегша чревомъ къ лавкѣ и пригнетающася на долзѣ». Всю ночь раздумывалъ Андреянъ о видѣнномъ, а на утро поспѣшилъ съ молитвою войти въ келью пришлеца Лазаря, но увидалъ его «крѣпко спяща и поблѣднѣвша отъ *труда онаго*». Погодя немного, Андреянъ разбудилъ его. Но пришлецъ, проснувшись, сказалъ: «остави мя, отче; нѣчто изнемогаю, повели мнѣ еще препокоитися». Келья пришлеца отъ Андреяновой находилась далѣе осми верстъ. Андреянъ, въ надеждѣ разъяснить себѣ видѣнное ночью, оставилъу себя Лазаря на другую ночь. Когда наступила эта ночь, то Андреянъ чрезъ тоже оконце внимательно сталъ наблюдать за Лазаремъ. И вотъ, въ позднее время, вдругъ отворяется въ кельѣ дверь и затворяется, хотя никого входящаго не было. «Пришлецъ же, скоро возставъ съ мѣста, нача обнимати и лобызати и шептати, и бѣ веселъ лицемъ и радуяся на долгъ часъ стояще». Потомъ онъ сѣлъ (а огонь горѣлъ) и сидѣлъ долго, продолжая шептать и сладко улыбаться; послѣ этого онъ всталъ, взялъ съ постава крестъ Христовъ съ изображеніемъ распятія плоти Спасителя и положилъ его подъ возглавіе себѣ. Послѣднее дѣйствіе возмутило Андреяна, и онъ, какъ бы внезапно вскочивъ отъ сна, вошелъ въ келью пришлеца. Тогда между Андреяномъ и Лазаремъ завязывается такой разговоръ. Испуганный Лазарь спрашиваетъ: «чтò ты отче?» Андреянъ, немного помолчавъ, охая и плача, началъ говорить: «брате, духъ мой есть кратокъ отъ ужаса и страсти», и еще помолчавъ, прибавилъ: «благодарю тя, Владыко, Господи Боже мой, яко еще ми возврати духъ мой и даде ми въ живыхъ видѣти брата сего, лишеннаго Твоея благодати святыя». Лазарь опять спрашиваетъ: «чтó, отче, глаголеши?» Андреянъ съ плачемъ началъ говорить: «О, люте брате, видѣхъ видѣніе зѣло страшное и ужасное, видѣхъ бо пропасть вельми глубоку, ей же нѣсть дна, въ глубинѣ же пропасти разливашеся огонь великъ шумящъ, въ транахъ же (?) водворяхуся зміеве и ящуры огненные, вельми страшные и зіяющіе, аки бы готовящіеся кого пожрети; зрѣхъ сѣмо и овамо, и видѣхъ тебя ведома многими мурины къ той пропасти и хотяху вринути въ ню, и внезапу явился грядый юноша свѣтелъ и претя имъ страшнымъ именемъ, они же нуждахуся вринути, и близъ бывшу ти ниспаденія воскрича зельнѣ: о, нужда, чтò сотворю! И отъ тоего гласа ужаснаго воспрянухъ азъ, нечаяхъ обрѣсти тебя жива. Се хвалю Бога, яко зрю тя жива; прошу и молю тя, мой милый братъ, повѣждь ми истину Господа ради, не простѣ бо видѣхъ тя тако гибнуща; нѣсть ли ти кія пакости и привидѣнія? Понеже азъ слышахъ, яко вашея вѣры ви-

дятъ видѣніе нѣкое; аще скажеши и не утаиши отъ мене, подамъ ти совѣтъ; аще же не явиши, злѣ погибнеши».

Все что́ разсказалъ Андреянъ Лазарю о видѣніи было выдумано имъ для того, чтобы произвести на Лазаря болѣе сильное впечатлѣніе и тѣмъ расположить его къ откровенности. И дѣйствительно, выдумка эта достигла своей цѣли, хотя и не вдругъ. Сначала Лазарь изумлялся разсказанному о немъ и молчалъ, а потомъ сказалъ: «ничтоже, отче, вѣмъ». Тогда старецъ Андреянъ вынулъ изъ-подъ изголовья у него крестъ и сказалъ: «что́ се, брате?»—«Прости меня, отче, храненія ради моего», отвѣчалъ на это Лазарь. Андреянъ сказалъ: «Нелѣпо христіанину крестъ Христовъ въ подглавіе класти, тако творятъ отступники Христа; воистину есть прелесть нѣкая на тебѣ; аще не объявиши, то скоро погибнеши». Лазарь открытіемъ креста смутился, потому что понялъ, что за нимъ наблюдали, и сталъ болѣе откровененъ. «Прости мя, отче, сказалъ онъ, не могу рещи, запрещенъ бо страхомъ и клятвою кляхся, еже никому возвѣстити». Но Андреянъ сталъ убѣждать его открыль тайну, присовокупивъ, что если въ этой тайнѣ есть что-нибудь доброе, то и онъ присовѣтуетъ ему держаться того; «аще же не благо, то обще разсудимъ». Тогда-то Лазарь, взявъ съ Андреяна слово крѣпко держать въ тайнѣ все, что́ онъ услышитъ, разсказалъ слѣдующее:

«Вижу я блага себя и въ милости Христовой, обручитися сподобихся отъ Него съ дѣвою чистою и нетлѣнною, никимъ же видимою, токмо азъ заслужилъ отъ Христа, и сидѣлъ съ нею на высоцѣ мѣстѣ, и быша возложена на главы наша вѣнцы и на руцѣ наши перстни, и благословени быхомъ отъ Него; и тако ко мнѣ оная дѣва чистая приходитъ, идѣже азъ единъ бываю». На вопросъ старца Андреяна, приходитъ ли эта дѣва при другихъ, Лазарь отвѣчалъ: «ни». Тогда Андреянъ, рѣшивъ, что сатана прельщаетъ Лазаря, сказалъ ему: «бѣсъ бо къ тебѣ приходитъ, преобразуяся въ скверную прелюбодѣйную дѣвку, и исполняетъ похоти твоя; како, плотянъ сый, съ невидимымъ духомъ совокупляешися?» Послѣ этого Андреянъ сталъ убѣждать своего загадочнаго гостя покаяться, обѣщавъ при этомъ дать добрый совѣтъ. Долго думалъ и молчалъ Лазарь и наконецъ сказалъ: «Како ты смѣло глаголеши? Аще бы ты видѣлъ славу оную и честь, никогда бы такъ рекъ». Но старецъ, сказавъ, что не только видѣть, но и слышать о томъ ужасно, повторилъ свое убѣжденіе покаяться и отринуть отъ себя блуднаго духа. Лазарь спросилъ: «Како искусить могу сіе?» И Андреянъ далъ на сіе такой совѣтъ: когда придетъ къ нему скверная дѣвица, то не

должно обращать на нее вниманія, а должно только сотворить крестное знаменіе съ молитвою; если же она начнетъ приближаться, то должно вооружиться щитомъ вѣры во имя Отца и Сына и Св. Духа и ударить влѣво рукою это привидѣніе, сказавши: «рабъ азъ Св. Троицы», и опять перекреститься. «Аще сіе сотвориши, заключилъ свой совѣтъ Андреянъ, то его не узриши». Пришлецъ Лазарь рѣшилъ исполнить сей совѣтъ. И вотъ когда въ слѣдующую ночь «пріиде къ нему привидѣніе, онъ отвратися отъ него». Дѣвица же, приблизившись, начала сладко говорить: «Вижу тя, мой милый, возлюбленный сообручниче, развращенна и смущенна, за какую мою вину? Кую я тебѣ не исходатаяхъ честь и славу грядущую по семъ?» И сказавъ это, начала подходить еще ближе. Тогда Лазарь, сотворивъ крестное знаменіе, ударилъ такъ, какъ велѣлъ ему старецъ. Привидѣніе исчезло. Повѣрилъ тогда Лазарь старцу Андреяну и хотѣлъ остаться у него; а этотъ послѣдній повелъ его къ діакону Александру, у котораго Лазарь прожилъ шесть недѣль (у него и умеръ). Живучи у Александра, Лазарь подробно разсказывалъ о своемъ совращеніи въ хлыстовскую секту и о прельщеніи «нетлѣнною, чистою дѣвою».

Исторія эта такова. Когда онъ былъ приведенъ къ хлыстовскому учителю Ивану Васильеву, тотъ сидѣлъ на стулѣ, положивши правую руку на колѣно. По приказанію окружавшихъ, Лазарь преклонилъ предъ нимъ колѣни. Тогда Иванъ Васильевъ со властію сказалъ: «вѣруеши ли мнѣ и обѣщаешися-ли быти мой ученикъ?» Лазарь отвѣчалъ: «вѣрую и хощу быти твой ученикъ». Хлыстовскій учитель снова сказалъ: «аще что узриши бо̀льшая, не повѣдай никому». Лазарь обѣщался, послѣ чего онъ долженъ былъ трижды поклониться Ивану Васильеву и многократно цѣловать его руку. Васильевъ, возложивъ на Лазаря руку, сказалъ: «буди сила моя съ тобою, и буди вѣренъ; узриши славу мою». Послѣ этого Лазарь разсказалъ о чудесномъ видѣніи Ивана Васильева въ прославленномъ видѣ. Приведемъ буквально это мѣсто «Стрѣлы». «По малыхъ днѣхъ собравшеся нѣсколько учениковъ его, кои обрѣтошася, честь и поклоненіе ему отдати, и внезапу обрѣтохомся на воздусѣ и видѣхомъ свѣтъ и учителя своего сѣдяща, аки бы на престолѣ, и вѣнецъ на главѣ его отъ цвѣтовъ зримъ и поклоняхомся ему на много время, и обрѣтохомся паки въ кельѣ на своихъ мѣстахъ, и симъ дѣйствомъ волшебнымъ увѣрихся и мнѣхъ истину быти, и елико ми присылаху сродницы, вся раздавахъ во имя его». Спустя немного времени послѣ этого, Лазарь съ прочими былъ посланъ дѣлать кирпичи. Послѣ работы всѣ удалились, а Лазарь остался сушить кирпичи. Въ то время какъ

онъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ, глядя то на огонь, то на заходящее солнце, вдругъ видитъ, что идетъ къ нему «женскъ полъ». Лазарь испугался, но дѣвица подошла и сказала: «что́ дивишися мнѣ, къ тебѣ бо пріидохъ, понеже возлюбихъ тя; азъ есмь дѣвица, едина отъ дѣвъ, издавна желала тя обручити себѣ за чистоту и за смиреніе твое, да возляжеши». Сказавъ это, дѣвица сѣла возлѣ Лазаря; онъ же почувствовалъ себя «жегома похотію» и какъ бы изступленнымъ, въ каковомъ состояніи онъ не совладѣлъ съ собою.... Послѣ сего дѣвица сказала Лазарю: «Блюди сія, никому же повѣдай; азъ тя не оставлю ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ». Съ того времени и начала эта дѣвица приходить къ нему. На другой день послѣ случившагося Лазарь шелъ въ раздумьѣ по направленію къ своей кельѣ, и вдругъ онъ почувствовалъ, что около его плечъ явились крылья, чему онъ немало удивился, но услышалъ гласъ: «что́ дивишися, достоинъ еси быти шестокрылатъ за дѣла твоя добрая», и тотчасъ-же представилось ему, что онъ поднялся отъ земли и летѣлъ. «Воистину», прибавляетъ въ объясненіе этого Лазарь, «яко бѣжахъ борзо, понеже егда стахъ, видѣхъ себе потна и утружденна, но тогда быхъ весьма помраченъ умомъ». Когда, скоро послѣ этого Лазарь пришелъ къ своему учителю, тотъ, взявъ его, возвелъ на одну новопостроенную келью и велѣлъ сѣсть около себя, потомъ спросилъ: благоли получилъ? Лазарь молчалъ. Учитель же продолжалъ: «Что́ таиши отъ мене? Азъ вѣмъ, еще совершенно не обручися съ дѣвою, пріими обрученіе и никому же повѣдай сей тайны; она тебе возлюби, ты же блюди опасно». Вдругъ представился свѣтлый храмъ, и пришла та самая дѣва и, взявъ за руку Лазаря, сказала: «сей ми возлюбленъ есть мною». Лазарь и дѣва были посажены вмѣстѣ, а учитель возложилъ на нихъ аки бы вѣнцы, а на руки надѣлъ перстни. При этомъ омраченный Лазарь увидѣлъ дивныхъ юношей, которые, обращаясь къ нему, говорили: «радуйся, нашъ господине, получивый честную дѣву госпожу нашу; достоинъ еси чести, токмо блюди опасно, да не разлучитъ тя кто». Все стало невидимо. Лазарь, до вышеразсказаннаго случая съ нимъ въ кельѣ Андреяна, блюлъ тайну. «Нынѣ же, заключилъ Лазарь свой разсказъ, за молитвы отца моего духовнаго, іеромонаха Герасима и за ваши отеческія молитвы, сохраненъ отъ тоя прелести».

Всѣ изложенныя свѣдѣнія о сектѣ хлыстовъ въ сочиненіи Василія Флорова являются для насъ цѣнными. Если въ исторіи хлыстовщины главнѣйшее мѣсто принадлежитъ исторіи хлыстовскихъ христовъ, или что̀ тоже, хлыстовской христологіи и исторіи богородицъ, то понятно, какъ для насъ было важно узнать о христѣ Иванѣ Васильевѣ Нагомъ

и о богородицѣ, «біемой отъ сына церкве Григорія въ селѣ Павловѣ»: ни объ томъ, ни о другой въ извѣстныхъ намъ изслѣдованіяхъ, самыхъ обстоятельныхъ, не упоминается. Положимъ, въ сочиненіи г. Кутепова упоминается имя хлыстовскаго христа Ивана Васильева; но это, надо съ полною вѣроятностію предполагать, другая личность, а не Иванъ Васильевъ Нагой, потому что послѣдній дѣйствовалъ въ Нижегородской губерніи, а Иванъ Васильевъ, упоминаемый въ сочиненіи Кутепова, жилъ въ нынѣшнемъ Рыбинскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, сообщеніе г. Кутепова слишкомъ лаконично: оно только и состоитъ въ томъ, что былъ въ Рыбинскомъ уѣздѣ какой-то руководитель Иванъ Васильевъ (Секты Хлыстовъ и Скопцовъ, *К. Кутепова*, стр. 54).

Изъ дальнѣйшихъ главъ сочиненія Василія Флорова обращаетъ на себя вниманіе 16-я подъ заглавіемъ: «о прельщеніи раскольническомъ», въ которой сообщаются свѣдѣнія о раскольническихъ мощахъ. Извѣстно, что раскольники нѣкоторыхъ толковъ хвалятся своими мнимыми мощами. Обрѣтеніе однихъ такихъ мощей Флоровъ и описываетъ.

Въ Балахнинскомъ уѣздѣ, въ Пафнутовской волости, позади деревни Труповой, въ лѣсу явился одинъ раскольническій святой при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По случаю смерти одного старца Онуфріева скита стали копать могилу, и когда копали, то нашли въ ямѣ «гробъ цѣлъ, полнъ человѣческія естественныя крови съ гноемъ утробнымъ и съ водою, понеже мѣсто оное земли влажно; тѣло-же цѣло, токмо зѣло пухло». Поэтому раскольники и рѣшили, что это мощи. Думая, что гной, наполнявшій гробъ, есть мѵро святое, одни изъ раскольниковъ наливали его въ сосуды и относили по домамъ, другіе мазались имъ, а нѣкоторые ревнители стали даже пить «и испивше изблеваху оный смрадъ». Отъ мощей этихъ раскольники ожидали много исцѣленій, «ничтоже получивше, токмо много зазора пріобрѣтше отъ иныхъ расколовъ», т. е. отъ раскольниковъ другихъ толковъ и сектъ *).

Димитрій Скворцовъ.

---

*) Въ концѣ рукописи, по которой мы излагали содержаніе сочиненія Флорова, помѣщенъ отзывъ писца этой рукописи купца Логина Николаева, очень лестный для Флорова. Вотъ онъ. „Кто сего любомудраго права и добраго рачителя не похвалитъ? Что многими подвиги и труды благочестіе свое отъ нечестія приведе и самыми дѣлы обоя искуси: что есть доброе и злое, и въ сей книжицѣ намъ нодаде знати оную прелесть раскольническую, яко ядъ подъ образомъ меда, да не кто онымъ послѣди уморится, которое ихъ ученіе, и нравы, и дѣла зналъ, подъ образомъ благочестія бываемыя, вся явно откры, понеже самъ прежде его искуси, еда не позна совершенно сокровеннаго ту яда. И сего ради совершенно позна всю хитрость ихъ, и пріятъ разумъ на сіе врачество себѣ и намъ творити и чимъ оный злый ядъ аспидовъ цѣлити“ (Рук. л. 161 и об.).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРАЧА*).

1865—1875 годы.

Приходитъ мнѣ на память извѣстный въ свое время писатель Николай Ивановичъ Соловьевъ. Онъ былъ военнымъ врачемъ, служилъ въ Петербургѣ и сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ журналахъ по отдѣлу критики. Особыми брошюрами изданы имъ сочиненія: «Материнство», «Женщина и Дѣти» и, кажется, какія-то другія. Вышло въ свѣтъ и полное собраніе его сочиненій. Но всѣ они успѣха не имѣли, не смотря на литературный талантъ автора. Причиною этому была несовременность ихъ. Соловьевъ сталъ на защиту семейнаго начала, семейныхъ устоевъ, которые тогда принялись разшатывать въ интеллигентномъ Русскомъ обществѣ. Особые литературные спеціалисты этого дѣла ожесточенно нападали на Соловьева за ретроградные, семейные принципы, имъ проповѣдуемые и защищаемые. Увидѣвъ Соловьева въ первый разъ, я тотчасъ же узналъ его, по многочисленнымъ каррикатурамъ на него въ «Искрѣ».

Соловьевъ перевелся на службу въ Москву въ 1869 или 1870 г. младшимъ врачемъ въ Несвижскій гренадерскій полкъ. Медициной практической онъ не занимался, нашей службы не зналъ и не приспособился къ ней, вѣроятно, потому что въ Петербургѣ пользовался служебными льготами изъ уваженія къ своимъ литературнымъ занятіямъ, да и не могъ привыкнуть къ ней по складу своего характера, чисто гражданскому, не укладывавшемуся въ формы военной дисциплины. Такіе люди между врачами того времени попадались нерѣдко. Приведу припомнившійся мнѣ одинъ курьезный случай. Приходитъ въ Москву въ лагерь какой-то кавалерійскій полкъ. Начальникъ окружнаго штаба, генералъ Роопъ, встрѣтившій первый эшелонъ полка, пожелалъ узнать, какъ перенесли люди походъ, и сколько между ними заболѣвшихъ. Потребованъ былъ врачъ, который оказался только что поступившимъ на службу. Онъ является къ генералу и каждымъ своимъ движеніемъ и словомъ нарушаетъ обычный военный порядокъ. Генералъ начинаетъ его учить, какъ стоять, какъ держаться, какъ го-

---

*) См. „Р. Архивъ“ 1895 года.

ворить и какъ отвѣчать. Врачу, совершенно не понимавшему цѣли этой науки и готовившемуся бесѣдовать съ дамами, потому что онъ облюбовалъ акушерскую спеціальность, этотъ урокъ надоѣлъ. «Да что вы, в—ство, меня мучаете? замахалъ руками врачъ. Я не за тѣмъ пошелъ въ военную службу. Ничего этого я не знаю и не понимаю, да и знать не хочу. Я акушеръ и найду себѣ кусокъ хлѣба безъ военной службы. Да и служить въ ней не хочу, сейчасъ же подаю въ отставку». Врачъ повернулся и ушелъ справляться, какъ пишется просьба объ отставкѣ, которую не замедлилъ и подать. Нужно сказать правду, что генералъ Роопъ отнесся къ этому врачу снисходительно. Примитивность врача прошла для него безъ дисциплинарныхъ послѣдствій, какъ это бывало въ подобныхъ случаяхъ съ другими врачами.

Въ такомъ же родѣ былъ и Н. И. Соловьевъ, но онъ былъ иного характера, чѣмъ означенный врачъ, робокъ, какъ уже измятый жизнью, и при томъ нуждался въ службѣ по безвыходности своего положенія. Женился онъ, будучи еще студентомъ, на женщинѣ, которая его кормила; имѣлъ уже отъ нея сына. Но жена его, по его словамъ, была вздорливаго характера, ревнивая, и много старше его. Окончательный разладъ его съ редакціями изданій, въ которыхъ онъ сотрудничалъ, произошелъ будто-бы не безъ участія жены; Соловьевъ, разойдясь съ ней, обязался отдавать ей съ сыномъ едва ли не все свое мизерное жалованье.

Онъ направился въ Москву, разсчитывая на ея консерватизмъ вообще, и на Каткова съ Леонтьевымъ въ частности. Въ Москвѣ самого Соловьева постигло горькое разочарованіе: онъ не нашелъ здѣсь мѣста для сотрудничества ни въ журналахъ, ни въ газетахъ.

Издававшіеся въ то время въ Москвѣ толстые, кромѣ «Русскаго Вѣстника», журналы, чтобы имѣть читателей, чтобы не быть лишними на литературномъ раутѣ того времени, танцовали гросъ-фатеръ подъ задорную музыку ежедневной прессы. Нужно полагать, что и въ Петербургѣ Соловьевъ остался безъ работы изъ за своего направленія. Возможно, впрочемъ, что окончательному разрыву съ ними дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, содѣйствовала его жена, находившая удовольствіе для себя ссорить мужа съ редакціями, перенося разныя дрязги изъ одной въ другую. Затѣмъ, я не помню, чтобы въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ были газеты или журналы, для которыхъ годился бы Соловьевъ. Въ то время изъ такъ называемыхъ консервативныхъ изданій допѣвалъ одиноко пѣсню о «Полногрудой Лорлеѣ» въ своей Домашней Бесѣдѣ, Аскоченскій. Газета его издавалась съ претензіей на благочестивую мораль, но по способу Погодина,

безъ сотрудниковъ. Кромѣ того, проповѣдуемая Аскоченскимъ мораль носила въ себѣ букетъ семинарской схоластики съ легонькимъ запахомъ клубнички.

Мнѣ кажется, живи и пиши Соловьевъ теперь, онъ, можетъ быть, нашелъ бы и читателей своимъ сочиненіямъ, и себѣ извѣстность. Въ обществѣ, да не у насъ однихъ, а и заграницей, замѣтна уже, хотя слабенькая и въ значительной дозѣ фарисейская, реакція противъ ученій, проповѣдовавшихъ распущенность. У насъ теперь уже ни одна женщина изъ такъ называемаго общества, а тѣмъ болѣе незамужняя, какъ случалось лѣтъ двадцать назадъ, не рѣшится читать даже съ благотворительною цѣлію, передъ публикою «Египетскія Ночи» (Пушкина). Ни одна изъ чиновныхъ барынь не встанетъ проповѣдницею свободной любви и не запечатлѣетъ своего ученія торжественнымъ, во имя ея, оставленіемъ мужа съ дѣтьми послѣ двадцатилѣтняго супружества. Напротивъ, даже кафе-шантанная артистка фигурировала уже у мироваго судьи (въ Петербургѣ) по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности.

Разъ же къ этому голосу стали относиться внимательнѣе, и на нравственность появился нѣкоторый спросъ, то и литература не замедлила предложить свои услуги. Но услуги эти оказались двусмысленными, такъ какъ литература встрѣтилась въ обществѣ съ такъ-называемымъ женскимъ вопросомъ, плохо ладившимъ не только съ нравственностію вообще, но и съ семьею. Этотъ вопросъ возникъ у насъ и фигурировалъ въ началѣ, какъ *дамскій* вопросъ. Интеллигентная, обезпеченная и дотолѣ праздная женщина, понюхавшая случайно кое-какихъ заграничныхъ теорій, почувствовала недовольство своимъ семейнымъ и общественнымъ положеніямъ, вкусъ къ мужскимъ развлеченіямъ и нѣкоторымъ видамъ труда, ей нравившимся. Она захотѣла быть въ этихъ отношеніяхъ равноправною съ мужчиною. Въ самомъ дѣлѣ, если мужчина, оставивъ кухню на рукахъ женщины и взыскательно, а иногда и привередливо, относясь къ домашнему обѣду, идетъ ѣсть въ трактиръ, то почему же и женщинѣ не отдохнуть отъ скучной бесѣды съ кухаркой въ томъ же трактирѣ? Если мужчина, оставляя женщину цѣлый день на возню съ хозяйствомъ и дѣтьми, самъ идетъ отдыхать, отъ легкой иногда службы, и развлекаться въ клубъ, то почему бы и женщинѣ не пользоваться такимъ же отдыхомъ и развлеченіемъ? Женщина видѣла, какъ иногда ничего нестоющая, напр., благотворительная дѣятельность приносила мужчинѣ и почетъ, и значеніе, и многое другое въ обществѣ, и нашла, что и сама она не хуже мужчины способна на тоже. Мужчина геройствовалъ на войнѣ и возвращался покрытый славою; женщина позавидовала и

этому и пожелала взять и здѣсь свою долю, ухаживая за героями, какъ сестра милосердія. Но, составившись изъ праздныхъ вопросовъ, *дамскій* вопросъ незамѣтно, подъ вліяніемъ измѣнившихся общественныхъ и соціальныхъ условій жизни, превратился въ вопросъ *женскій*, прочно укрѣпившійся на экономическомъ фундаментѣ. Вопросъ этотъ, что̀ адмиралтейскій шпицъ въ Петербургѣ, всюду бросается въ глаза, идёте ли вдоль или поперекъ города. Женскій вопросъ сталъ въ центрѣ общественной современной жизни, главнѣйшимъ, пожалуй, самымъ жизненнымъ вопросомъ. Мы думаемъ, что разрѣшаемъ его, закрывая отъ своихъ глазъ разными ширмочками, въ родѣ женскихъ общинъ, женскихъ монастырей, открываемыхъ въ послѣднее время по нѣскольку ежегодно, разныхъ женскихъ курсовъ и т. п.; но вопросъ все-таки стоитъ, и какъ онъ разрѣшится, неизвѣстно. Женщина теперь уже не прочь вернуться въ семью на прежнихъ правахъ и условіяхъ, но семья при новыхъ общественныхъ порядкахъ стала для нея уже гораздо менѣе доступною. Между тѣмъ существованіе личнымъ трудомъ оказалось далеко не сладкимъ, да и самый трудъ для такого существованія не легко добывается. Съ другой стороны, женщина убѣдилась, что свободная любовь очень дорого ей обходится и не обезпечиваетъ существованія. По этой причинѣ женщинѣ пришлось стремиться къ расширенію сферы своего личнаго труда, направляясь за нимъ въ недоступныя для нея ранѣе профессіи, особенно такія, которыя кажутся или считаются болѣе легкими и выгодными. Мужчина только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то слабо и нерѣшительно, противодѣйствуемъ этимъ стремленіямъ, обыкновенно же встрѣчаетъ ихъ сочувственно, частію по недоразумѣнію, частію потому, что видитъ въ нихъ рѣшеніе вопроса, а частію, вѣроятно, и потому, что отъ этого ничего не теряетъ, а напротивъ выигрываетъ, такъ какъ свободный женскій трудъ даетъ и болѣе удобное культивированіе свободной любви, выгодной для мужчины.

Литература, явившись къ услугамъ общественной нравственности и натолкнувшись при этомъ на *женскій вопросъ*, стала служить имъ обоимъ, т. е. и нашимъ, и вашимъ, но первой болѣе изъ приличія, второму же по сознаваемой важности его для общества. Нравственность, конечно, хороша; но вѣрный кусокъ хлѣба и жизнь по вкусу и того лучше. Въ сущности, самая благонамѣренная и самая талантливая литература служила и продолжаетъ служить, безсознательно даже, женскому вопросу, осложняя, запутывая его и придавая ему искусственныя, уродливыя формы. Напр., изображая счастливую семейную жизнь, романъ, этотъ властвующій надъ всѣмъ видъ литературы, съ одной стороны поддерживаетъ у обоихъ половъ влеченіе къ семейной жизни, но

съ другой возбуждаетъ и усиливаетъ недовольство въ людяхъ не удовлетворенныхъ собственною своею жизнію, слѣдовательно, такъ или иначе, поддерживаетъ женскій вопросъ съ свободною любовью. Освящая это право женщины непереносимаго отвращенія, напр., къ ушамъ мужа и *измѣны* ему изъ-за этого, литература уже прямо отталкиваетъ человѣка отъ семейной жизни и толкаетъ къ свободной любви. Наконецъ, изображая дѣйствительныя, а не сантиментальныя, истерическія, страданія женщины въ семьѣ или адскую подчасъ жизнь въ ней мужчины, литература отвращаетъ отъ семейнаго союза ихъ обоихъ.

На поддержку литературѣ явилась и современная наука, поставивъ предъ семьею два пугала: наслѣдственность и заразительность физическихъ и моральныхъ болѣзней, а для женскаго вопроса сдѣлала еще болѣе, доказавъ (что́, впрочемъ, не требовало доказательствъ) способность женщины ко всякому труду и признавъ не только пользу, но и необходимость свободной любви для общества. Вслѣдствіе этого послѣдняя обратилась въ регламентированный промыселъ. Правда, регламентація явилась не теперь, а существовала и раньше, даже тогда, когда женщина не думала еще считать себя, не признавалась и мужчиною равною ему; но закрѣпленіе этой регламентаціи, теперь именно, доказываетъ, что за женщиной признано право на спеціальный трудъ: запишись въ цехъ, и промышляй. Въ этомъ можно бы видѣть успѣхъ женскаго вопроса, какъ начало дифференцированія вообще труда въ пользу того или другаго пола; ибо несомнѣнно, что и при наступленіи полной женской равноправности окажутся виды труда, къ которымъ женщина не будетъ легально допускаться. Но аболиціонизмъ, эта фракція женскаго вопроса, смотритъ на регламентацію свободной любви, какъ на непослѣдовательность и прямое нарушеніе равноправности половъ. Все это сильно компрометируетъ нравственность въ обществѣ, и, какъ бываетъ въ отчаянныхъ случаяхъ, вызываетъ утрированную реакцію. Въ предложеніи мѣръ одна курьезнѣе другой по неисполнимости. Одни надѣются развести (со временемъ, конечно) регламентаціей брачнаго сожительства въ направленіи спеціально-супружескаго цѣломудрія породу нравственныхъ людей. Другіе, какъ нѣкто крестьянинъ Богачевъ, хотятъ урезонить и пристыдить современнаго человѣка примѣрами изъ животнаго царства; а третьи, наконецъ, предлагаютъ самое радикальное средство — супружеское дѣвство (зачѣмъ же въ такомъ случаѣ бракъ, для супружескаго флирта?!). Я не знаю, изъ какого источника исходитъ ученіе акушерки Стокгэмъ, написавшей «Токологію»; но ученіе Богачева и Толстаго имѣютъ одинъ общій: первый стоитъ выше потребностей животной человѣческой натуры и ея слабостей, потому что *не чувствуетъ* влеченія къ брач-

ному сожительству; а другой, отдавши долгъ этой натурѣ, свободенъ сталъ отъ нея, не по благодати, конечно, а по старчеству.

Вотъ мнѣ и интересно, какъ бы къ Соловьеву, если бы, конечно, онъ остался вѣренъ своимъ прежнимъ взглядамъ на женщину и семью, отнеслись теперь общество и печать, увлекающіяся научною экстравагантностью однихъ, азбучными истинами другихъ и старческимъ бредомъ третьихъ. Здѣсь оказалась бы вѣрная проба для здравости общественнаго смысла.

Не находя достаточной работы въ общей печати, Соловьевъ коечто пописывалъ въ спеціальную Московскую газету, издаваемую Обществомъ Русскихъ Врачей. Такъ, онъ первый поднялъ вопросъ о Московской грязи, объ ухудшающихся годъ отъ году санитарныхъ условіяхъ распространявшагося въ ширь и въ высь города, и указалъ на обхватывающее его кольце изъ свалокъ и кладбищъ. Служить Соловьеву пришлось съ такимъ старшимъ врачемъ, который былъ стараго закала, съ фельдшерами справлялся при помощи зуботычинъ, да не особенно мягко относился и ко врачамъ, а какъ человѣкъ *равнодушный на счетъ литературы*, не могъ хорошо относиться и къ безполезному для него на службѣ Соловьеву. Еще хуже относилось къ нему, какъ къ писателю, его полковое начальство. Вслѣдствіе этого Соловьевъ былъ, по своей просьбѣ, прикомандированъ къ управленію, гдѣ не несъ никакой службы, а только числился.

За все время ему выпала только одна служба—присутствовать при разстрѣляніи арестанта за покушеніе на жизнь тюремнаго надзирателя. Исполненіе приговора почему-то нашли нужнымъ поручить генералу, но охотниковъ между ними не оказалось. Кажется, кто-то хотѣлъ этимъ сдѣлать непріятность графу Татищеву, бывшему губернскимъ воинскимъ начальникомъ, по этой своей должности, такъ сказать, подходившему къ такому роду службы. Но Татищевъ сумѣлъ отклонить отъ себя эту честь. Пришлось звать другаго генерала, но этотъ увернулся также, сославшись на болѣзнь. Тогда ничего не оставалось, какъ найти какого-либо безотвѣтнаго, который бы не посмѣлъ отказаться. Такимъ нашелся одинъ плацъ-майоръ Голубятниковъ при комендантскомъ управленіи. Его, какъ и меня для подобнаго же дѣла, (Повстанье въ Гроднѣ «Р. Архивъ» 1895, кн. I), захватили въ расплохъ. Мягкосердый и добрый Голубятниковъ, давнымъ давно отвыкшій отъ фрунтовой службы и позабывшій ее, такъ растерялся, что не подумалъ справиться о церемоніалѣ смертной казни, которой ему можетъ быть, не приходилось и видать. Поэтому произошло слѣдующее. По прочтеніи приговора не было команды барабанщикамъ бить; привязываніе преступника къ столбу, вызовъ солдатъ, назначенныхъ для

исполненія приговора и команда: пли! все это сдѣлано было при гробовомъ молчаніи. У солдатъ дрогнули руки и, кажется, одна только или двѣ пули оцарапали казнимаго. Ясно было, что онъ еще живъ, но находится въ обморокѣ, можетъ быть, отъ страха. Потребовалась однако экспертиза врача, который, также растерявшійся, призналъ себя обязаннымъ дѣйствовать по правиламъ науки добросовѣстно. По его требованію, осужденнаго отвязали, положили на землю, и Соловьевъ припалъ къ нему ухомъ на грудь, слушая, бьется ли сердце? Сердце еще билось, и преступника снова привязали къ столбу; раздалась, опять, при полной тишинѣ, команда: жай (заряжай), пли! И послѣ этого, не обращаясь уже ко врачебной экспертизѣ, казненнаго зарыли.

Такой, покоробившій всѣхъ, порядокъ исполненія казни, которымъ нарушался сначала до конца установленный закономъ церемоніалъ, сдѣлался извѣстнымъ Гильденштуббе, но для Голубятникова прошелъ безъ особыхъ послѣдствій, кромѣ, можетъ быть, легкаго нагоняя. Виноватымъ оказалось ружье Крнка, только что введенное въ гренадерскую дивизію, и неумѣнье вслѣдствіе этого солдатъ владѣть имъ: этимъ отклонилось отъ послѣднихъ подозрѣніе въ намѣренныхъ выстрѣлахъ на воздухъ. Въ самомъ же нарушеніи церемоніала казни оказался виновнымъ только врачъ тѣмъ, что явился не въ мундирѣ, какъ слѣдовало бы, а въ сюртукѣ. За эту вину Соловьевъ и посаженъ былъ на гауптвахту, гдѣ я его навѣстилъ разъ или два, исполняя христіанскую заповѣдь.

Соловьевъ недолго жилъ въ Москвѣ; вскорѣ послѣ разсказаннаго случая нашли его утромъ въ постели мертвымъ. Всѣ, кого изъ насъ вѣсть объ этомъ застала въ управленіи, поспѣшили въ его квартиру, гдѣ я раньше у него не бывалъ. Квартирка оказалась нищенскою, что-то въ родѣ угла. Соловьевъ найденъ былъ лежащимъ въ постелѣ на боку, уткнувшись лицомъ въ подушку и подложивши руку подъ голову. При немъ на квартирѣ находилась не старая женщина, по виду крестьянка. Отъ нея, а также другихъ жильцовъ, мы узнали, что Соловьевъ въ послѣднее время много пилъ, какъ говорится, по фельдфебельски, то-есть, вечеромъ, чего никто не подозрѣвалъ, такъ какъ по утрамъ онъ всегда казался трезвымъ. Я упоминаю объ этомъ потому, что положеніе, въ которомъ найденъ умершимъ Соловьевъ, обратило мое вниманіе, какъ неоднократно встрѣчавшееся мною въ подобныхъ случаяхъ смерти. Пьяные обыкновенно засыпаютъ съ подложенною подъ голову рукою, а при сильной анестезіи отъ алкоголя скатываются лицемъ въ мягкую подушку и задыхаются. Смерть, нужно полагать, наступаетъ незамѣтно, нечувствительно для несчастныхъ.

Покойника мы похоронили въ складчину, въ которой участіе принялъ и Рудинскій. Дали знать о смерти и похоронахъ въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей; явилось нѣсколько собратьевъ по ремеслу, сказано было нѣсколько рѣчей. Затѣмъ помянули покойника и забыли о немъ. Съ тѣхъ поръ до настоящей минуты никто въ литературѣ не заикался о Н. И. Соловьевѣ. Обычное: sit tibi terra я измѣню и дополню такъ: levior, quam vita erat.

На Ор. Ив. Рудинскомъ я позволяю себѣ остановиться подольше. Онъ, какъ полагаю, имѣетъ право на вниманіе не только у меня лично и у военныхъ врачей вообще, но и у общества по своему служебному положенію. Человѣкъ, управляющій судьбою нѣсколькихъ тысячъ образованныхъ людей и дающій направленіе ихъ дѣятельности, не можетъ оставаться безразличнымъ для общества; это уже само по себѣ. Но у главнаго военно-медицинскаго инспектора, которымъ былъ (и умеръ на этой должности) Рудинскій, есть немаловажное значеніе, чрезъ армію, и для общества, и для государства. Какъ ведетъ себя, какъ служитъ своему дѣлу военный врачъ, и, слѣдовательно, какую пользу получаетъ отъ него армія, много зависитъ отъ начальника, стоящаго во главѣ такой корпораціи спеціалистовъ, которая не можетъ выполнять своего назначенія безъ личной иниціативы, безъ самодѣятельности и извѣстной самостоятельности. Отъ дирижера такимъ хоромъ солистовъ и виртуозовъ требуется много знанія, умѣнья и такта, чтобы вышелъ дѣйствительный концертъ, выражающій точно и строго опредѣленную мысль, а не какое-либо служебное *попури*. Ибо какой смыслъ для дѣла получается отъ того, что одинъ передѣлываетъ, другой не додѣлываетъ, а третій ничего не дѣлаетъ, потому что не знаютъ, что̀ именно отъ нихъ требуется, а каждый руководится вдохновеніемъ или личными вкусами.

Здѣсь одинъ, въ борьбѣ изъ-за лишняго кубическаго фута воздуха для солдата и т. п., изнемогаетъ и гибнетъ безславно, не встрѣчая ни поддержки, ни сочувствія. Тамъ другой, благоразумными въ житейскомъ смыслѣ уступками, выгодно для себя обмѣниваетъ здоровье и жизнь солдата на служебныя блага. А тутъ третій, признавая себя существующимъ только для счета, довольствуется полученіемъ присвоеннаго содержанія и выслугою пенсіона. Всѣ они поступаютъ такъ потому, что не видятъ и не чувствуютъ дирижирующей ихъ служебною дѣятельностью опредѣленной, разумной и честной мысли; такъ какъ ея дѣйствительно нѣтъ у ихъ начальника, который, хотя и знаетъ, какъ и зачѣмъ для себя лично, для чего онъ добылъ палочку капельмейстера, но, не умѣя пользоваться ею, по непониманію дѣла, только безъ толку стучитъ ею по пюпитру, производя одинъ сумбуръ......

Для меня лично Рудинскій, какъ типъ (далеко не изъ худшихъ), интересенъ тѣмъ, что наглядно доказываетъ существованіе врача въ арміи только для формы и порядка, на подобіе деревяшки въ кобурѣ офицера, замѣняющей ненужный въ мирное время револьверъ.

Позднѣе, уже выйдя изъ управленія, я узналъ, при какихъ скверныхъ условіяхъ шла моя служба въ немъ. Милые товарищи засыпали Рудинскаго анонимными доносами на меня, а это подозрительнаго, непонимавшаго службы и воспитаннаго въ старыхъ порядкахъ начальника заставляло держать себя относительно меня постоянно насторожѣ, разнюхивать, развѣдывать стороною и даже учинять подвохи. Одинъ изъ нихъ былъ презабавный. Глѣбовъ, о которомъ я говорилъ выше, служилъ тогда еще младшимъ врачемъ. Братъ его, бывшій членомъ Военно-медицинскаго Комитета, тайный совѣтникъ, пожаловалъ, проѣздомъ чрезъ Москву, ко мнѣ, секретарю управленія, на квартиру съ просьбою о назначеніи своего брата на должность старшаго врача. Это меня и изумило, и взбѣсило, хотя я и не подозрѣвалъ устроенной мнѣ, какъ оказалось потомъ, Рудинскимъ ловушки.

«В—пву, какъ служащему въ военномъ вѣдомствѣ, сказалъ я, должно быть извѣстно, что исполненіе вашей просьбы не можетъ зависѣть отъ меня, секретаря управленія. Ваше обращеніе ко мнѣ, извините, меня болѣе чѣмъ удивляетъ. При вашемъ служебномъ положеніи, не вамъ у меня, а мнѣ у васъ искать протекціи или покровительства даже у моего начальника, отъ котораго зависитъ исполненіе просьбы, съ которою вы обращаетесь ко мнѣ».

— Но я, къ сожалѣнію, съ Орестомъ Ивановичемъ не знакомъ.

— «Что же вамъ мѣшаетъ съ нимъ познакомиться, если вы этого желаете? Это вовсе нетрудно. Орестъ Ивановичъ человѣкъ доступный и для маленькихъ людей, а познакомиться съ вами, я полагаю, ему будетъ даже пріятно. Вѣдь, извините за откровенность: вы можете и сами ему пригодиться по своему положенію въ Петербургѣ.

— Да; но мнѣ кажется неловкимъ съ перваго же знакомства обращаться съ просьбою.

— «Но вѣдь и я имѣю честь первый разъ видѣть васъ и притомъ въ своей квартирѣ. Изъ этого я могу понять только одно, что ваше мнѣніе обо мнѣ—обидно для меня, а о моемъ начальникѣ—оскорбительно для него. Смѣю васъ увѣрить, что и то, и другое несправедливо».

И я сухо выпроводилъ непрошеннаго гостя, пожаловавшаго ко мнѣ, вѣроятно, по дорогѣ отъ тѣхъ, кому онъ дѣлалъ визиты, въ парадной формѣ. За меня, однако, отмстилъ Глѣбову-младшему главный инспек-

торъ Цицуринъ. Глѣбовъ вскорѣ получилъ должность старшаго врача, хотя представленія объ этомъ изъ управленія не исходило.

Во время лагерей пріѣхалъ туда Цицуринъ и, встрѣтивъ старшимъ врачемъ Глѣбова-младшаго, обратился къ нему съ такими словами: Глѣбовъ, я васъ сдѣлалъ старшимъ врачемъ; вы этого не заслужили, вы еще молоды. Я сдѣлалъ это для вашего брата. Смотрите же, старайтесь служить хорошо, не заставьте меня раскаяться. Это я слышалъ своими ушами, находясь при Рудинскомъ, представлявшемъ Цицурину врачей.

Другой эпизодъ. Въ одно лѣто я нанялъ для семьи мизерненькую, дешевенькую дачку въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на Выселкахъ. Рудинскому написали, что я нанялъ чуть не тысячную дачу. Изъ какихъ средствъ? И вотъ однажды, подписывая поданныя мною бумаги, Рудинскій, который никогда не бывалъ у меня въ городской квартирѣ, находившейся при управленіи, и при частыхъ моихъ посѣщеніяхъ его по службѣ ни разу не предложилъ мнѣ чашки чаю, вдругъ напрашивается ко мнѣ въ гости на дачу. «Милости просимъ, говорю; жена будетъ очень рада». Рудинскій чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ и только взглянулъ на дачу, не удержался, сказалъ: «А я слышалъ, что дача ваша гораздо лучше. Сколько платите?» Я сказалъ. Рудинскій только пожалъ плечами. Мнѣ на мысль не приходила настоящая, дѣйствительная цѣль этого посѣщенія, не повторившагося потомъ, не смотря на просьбы мои и жены, оказать намъ и въ другой разъ эту честь. Все это, какъ и многое другое, объяснено для меня впослѣдствіи самимъ Рудинскимъ, когда онъ былъ уже помощникомъ главнаго испектора. По окончаніи послѣдней войны я былъ въ Петербургѣ и зашелъ къ своему бывшему начальнику. Онъ, довольный своимъ положеніемъ, которымъ отчасти былъ обязанъ мнѣ, принялъ меня радушно и при этомъ сознался, что, когда мы служили вмѣстѣ въ Москвѣ, на меня было *много жалобъ и безчисленныхъ доносовъ, но все это оказалось ложью. Напротивъ, я убѣдился, что все у васъ было честно, правильно и законно. Я вамъ, Иванъ Арсеньевичъ, очень обязанъ и благодаренъ.* Послѣ этого признанія, Рудинскій, бывшій всегда антипатичнымъ мнѣ, сдѣлался окончательно противенъ. Впослѣдствіи я не сдержался и такъ разругался съ нимъ, что онъ пригрозилъ, уже будучи главнымъ инспекторомъ, жаловаться на меня министру. «Дѣлайте что хотите. Ничего добраго отъ васъ я не видалъ и не ожидаю; на это вы неспособны». Махнулъ я рукою и вышелъ. Больше съ этого времени мы не встрѣчались. Не смотря на это, я все-таки, по смерти Рудинскаго, всталъ на защиту его противъ редакціи «Врача»; но статья моя не была напечатана редакторомъ журнала, чиновникомъ главнаго

управленія, который выразилъ мнѣ свое удивленіе, что я заступаюсь за такого человѣка, какъ Рудинскій, который притомъ сдѣлалъ мнѣ столько зла. Редакторское письмо сохраняется мною. Оказалось также, что въ началѣ, а можетъ быть и всегда, Рудинскій терпѣлъ меня въ управленіи по необходимости. Это я узналъ уже послѣ того, какъ вышелъ въ отставку, отъ одного изъ бывшихъ госпитальныхъ врачей, Л—ва, который передавалъ мнѣ, что ему лично Рудинскій говорилъ, что я тяжелый человѣкъ, а терпитъ онъ меня по необходимости, потому что безъ меня обойтись не можетъ, а замѣнить меня некѣмъ. Подобный разговоръ обо мнѣ могъ зайти у медицинскаго инспектора съ ординаторомъ; потому что Рудинскій чувствовалъ слабость къ своимъ бывшимъ сослуживцамъ по госпиталю, держалъ ихъ близко къ себѣ и впослѣдствіи, будучи главнымъ инспекторомъ, тянулъ ихъ кверху по службѣ всѣми силами. Впослѣдствіи, однако, Рудинскій, не смотря на то, что, какъ говорилъ, терпѣлъ меня по необходимости, вспомнилъ обо мнѣ безъ всякаго съ моей стороны повода. Это случилось тогда, когда онъ получилъ надежду утвердиться въ должности главнаго инспектора. Ко мнѣ, дивизіонному врачу, присылались неоднократно и непосредственно изъ главнаго управленія на разсмотрѣніе и заключеніе служебные проекты. Наконецъ, Рудинскій устроилъ для меня командировку въ Петербургъ для участія въ коммиссіи по составленію медицинской отчетности за военное время. Лестная для всякаго другого, пожалуй и для меня въ другое время, честь такого выбора оказалась для меня въ то время крупною непріятностью. Только что передъ этимъ заболѣла тяжело близкая и дорогая для семьи моей родственница, которую я самъ лѣчилъ; между тѣмъ срокъ явки мнѣ былъ назначенъ очень короткій. Какъ отдѣлаться отъ некстати выпавшей чести, я не зналъ, тѣмъ болѣе, что командировка исходила отъ министра. И вотъ, дождавшись улучшенія въ ходѣ болѣзни родственницы и не опасаясь уже худаго исхода, я передалъ ее товарищу, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отдѣлаться отъ коммиссіи. Но это оказалось неисполнимымъ: я назначенъ былъ не членомъ только послѣдней, какъ значилось въ полученной мною бумагѣ, но и дѣлопроизводителемъ. Члена можно было замѣнить другимъ, а въ качествѣ дѣлопроизводителя, я оказался, какъ мнѣ говорили, незамѣнимымъ. Такою новостію угостили меня въ управленіи; предсѣдатель же коммиссіи профессоръ Бессеръ отнялъ у меня послѣднюю надежду. Когда я заявилъ ему о своемъ намѣреніи освободиться отъ коммиссіи, Бессеръ сказалъ мнѣ: «Въ такомъ случаѣ и я тоже сдѣлаю. Въ этомъ дѣлѣ я ничего не понимаю, о чемъ и говорилъ Оресту Ивановичу, прося его освободить меня; но онъ упросилъ меня при-

нять предсѣдательство, обнадеживъ, что дастъ мнѣ такого дѣлопроизводителя, что мнѣ не нужно ничего ни знать, ни дѣлать». Это были точныя, подлинныя слова Бессера, и хотя они лестны для меня, но уничтожали всѣ мои разсчеты вернуться къ больной. Оставалось наблюдать за ея лѣченіемъ письменно и по телеграфу, да раза два, пользуясь двумя подрядъ праздничными днями, тайкомъ съѣздить изъ Петербурга въ Ярославль, гдѣ жила моя семья.

Къ довершенію непріятности, въ управленіи меня приняли такъ какъ кошки встрѣчаютъ чужую собаку. Это меня удивило, но не особенно обезпокоило, тѣмъ болѣе, что пріемъ Рудинскаго былъ отличный, а только къ нему одному я и имѣлъ дѣло. Въ этотъ разъ, при моемъ представленіи ему, Рудинскій сказалъ мнѣ: «Иванъ Арсеньевичъ, я служилъ за вами въ Москвѣ, какъ за каменной стѣною. Вы меня успокоили. Никогда я этого не забуду». Это были подлинныя его слова, повторенныя потомъ не разъ въ разное время. Говорены они были къ тому, что Рудинскій намѣревался снова сдѣлать изъ меня стѣну для своего спокойствія. Въ это время выходилъ въ отставку правитель канцеляріи Фрей; на его мѣсто я и былъ намѣченъ. Тогда мнѣ сдѣлалось понятнымъ отношеніе ко мнѣ чиновничества. Но я по Московской службѣ зналъ, что̀ значитъ быть для Рудинскаго стѣною. Я рѣшилъ не принимать ни въ какомъ случаѣ готовившейся мнѣ должности, которая и послѣ выхода Фрея въ отставку ожидала меня около полугода. О такомъ твердомъ намѣреніи моемъ я сказалъ при случаѣ смотрѣвшимъ на меня ощетинившимися кошками чиновникамъ, прибавивъ, что только одну должность могу взять въ управленіи, это—главнаго инспектора. Но такъ какъ этого никогда не можетъ случиться, то, говорю, вы, господа, можете быть спокойны на свой счетъ. Послѣ этого, чиновничьи шкурки разгладились и стали лосниться.

Нерасположеніе ко мнѣ со стороны лицъ, подчиненныхъ управленію, я объясняю также слѣдующимъ. Рудинскій считался покладистымъ и готовымъ на всякую услугу человѣкомъ, такимъ онъ старался и показывать себя; поэтому на всякую просьбу онъ отвѣчалъ согласіемъ и обѣщаніемъ, но при незнаніи службы часто обѣщалъ неисполнимое. «Придите въ управленіе», говорилъ онъ просителю, если просьба предъявлялась внѣ его, а если въ управленіе, то звалъ меня. «Вотъ они просятъ о томъ-то; *можно* это сдѣлать?» спрашивалъ онъ меня. Если просьба была неисполнимая, то я отвѣчалъ: нѣтъ, нельзя, потому-то и потому-то. «Такъ-таки совсѣмъ нельзя?»—Совсѣмъ нельзя. Угодно вамъ видѣть законъ, или распоряженіе, и такъ далѣе, разъясняю я, смотря по дѣлу. «Вотъ видите, обращается Рудинскій къ просителю; я бы и радъ, да онъ говоритъ, что нельзя». Но какой-же про-

ситель считаетъ свою просьбу неисполнимою, и выходило, что виноватъ я. Начальникъ хорошъ, да секретарь собака. Между тѣмъ Рудинскій держался такой системы сознательно; собирая на меня ненависть, онъ охранялъ свое спокойствіе, которымъ дорожилъ болѣе всего. Это и значило у него жить за мною, какъ за каменною стѣною. Такой системою Рудинскій охранялъ себя и отъ вліятельныхъ протекторовъ и ходатаевъ. Также онъ поступалъ, когда ходатаемъ за врача или просителемъ за себя (по поводу какихъ либо свидѣтельствъ и т. п.) являлся генералъ. Если было нельзя сдѣлать того, о чемъ просили, я такъ и говорилъ, и Рудинскій сваливалъ отказъ на меня. За то, когда я говорилъ *можно*, на меня устремлялся благодарный взглядъ просителя, и онъ потомъ въ канцеляріи жалъ мнѣ руку съ теплою благодарностью. «За что же вы меня благодарите? скажешь, бывало. Ваша просьба законна или исполнима. Орестъ Ивановичъ пожелалъ удовлетворить васъ, я же тутъ при чемъ?» Случалось иногда, что я ощущалъ въ рукѣ своей бумажныя деньги. Въ этихъ случаяхъ я развертывалъ бумажку, бралъ ее за уголъ и возвращалъ хозяину, или ронялъ ее на полъ и предлагалъ ему поднять свои деньги. Такими мздодателями бывали, конечно, не врачи, а посторонніе люди. Сердиться и обижаться на нихъ казалось нелѣпостію: виноваты ли они, что ихъ къ этому пріучили? Бываетъ, напр., такъ во врачебной практикѣ: лечишь иного ребенка нѣсколько времени, и родители не подумаютъ что либо заплатить за это. Но приведутъ того же ребенка за свидѣтельствомъ о привитіи оспы и обязательно предлагаютъ за нѣсколько писанныхъ строкъ плату.

Рудинскій держался описанной системы, точно ему нравилось или желалось, чтобы меня ругали и ненавидѣли, или на меня побольше жаловались. А жалобы эти были не рѣдки: секретарь М. меня тѣснитъ, секретарь М. меня преслѣдуетъ. И оказывалось какое либо нелѣпое, смѣхотворное дѣло. Зоветъ меня въ такомъ случаѣ Рудинскій въ кабинетъ къ себѣ.

«И. А., вотъ N. жалуется, что вы его притѣсняете?»

— Чѣмъ?

— Требуете другую гербовую марку, когда онъ ее уже представилъ при прошеніи объ отпускѣ».

— Да, подтверждаетъ жалобщикъ, мнѣ нужно спѣшить, а вы задерживаете, не выдаете билета, требуете марку, когда она представлена при рапортѣ. Оба смотрятъ на меня, какъ на припертаго къ стѣнѣ.

Я, не отвѣчая ни слова, поворачиваюсь и ухожу изъ кабинета, въ который возвращаюсь съ законами.

— Потрудитесь посмотрѣть: рапортъ объ отпускѣ долженъ быть оплаченъ маркою.

— Но вѣдь это не прошеніе; здѣсь говорится о прошеніи.

— А вотъ здѣсь говорится о просьбѣ во всякой формѣ письменной. Что же вашъ рапортъ—просьба или предписаніе, или что другое? Здѣсь же вотъ говорится еще о томъ, что за неоплаченную гербовымъ сборомъ бумагу взыскивается вдесятеро. Если вамъ угодно, обращаюсь я къ Рудинскому, освободить г. N отъ гербоваго сбора, то потрудитесь сдѣлать на его рапортѣ отмѣтку объ этомъ; тогда у меня останутся въ карманѣ 8 рублей, на которые онъ почему-то хочетъ наказать меня:

Рудинскій слушаетъ все это спокойно, даже не безъ удовольствія, какъ нѣжно пріятное. «Представьте марку: И. А. правъ».

Въ другой разъ тому же, нынѣ благополучно профессорствующему въ Москвѣ, военному врачу выпала командировка. Врачу ѣхать не хочется, и онъ вбѣгаетъ въ управленіе взбѣшенный. «Вы меня преслѣдуете; я оставить этого такъ не могу, буду жаловаться».

— Въ чемъ дѣло, скажите?

— Вы меня назначили въ командировку, а я пишу диссертацію».

— А! Ну и жалуйтесь; выдетъ тоже, что́ съ маркою.

— Но я пишу диссертацію, работаю въ кабинетѣ у такого-то профессора.

— Что же изъ этого? Диссертація не служебное, а ваше частное дѣло, о которомъ никто не знаетъ и знать не обязанъ. Но вы должны бы знать, что наступаетъ время командировокъ (призывъ новобранцевъ) и позаботились бы заблаговременно попросить инспектора, чтобы васъ не отвлекали отъ вашего дѣла. Теперь трудно поправить вашу оплошность: и времени мало остается, и замѣнить васъ некѣмъ».

— Нѣтъ, вы меня преслѣдуете, я въ этомъ убѣжденъ.

— Да за что-же мнѣ преслѣдовать васъ, скажите на милость; какая мнѣ въ этомъ корысть?

— Вишь, завидно, что я выдержалъ экзаменъ и пишу диссертацію.

Я расхохотался. «О томъ и другомъ я въ первый разъ отъ васъ слышу. Экзаменъ же я самъ выдержалъ уже пять лѣтъ, и диссертацій готовыхъ у меня валяется цѣлая пара, слѣдовательно мнѣ завидовать вамъ не въ чемъ».

— Но поймите: у меня столько-то запасено собакъ, столько-то морскихъ свинокъ (для опытовъ); вѣдь ихъ цѣлый мѣсяцъ даромъ кормить придется; одному сторожу плачу по рублю въ сутки. Вѣдь это разоренье! Хоть бы дальняя командировка, получилъ-бы по крайней мѣрѣ подъемныя деньги и отъ прогоновъ бы осталось!

А! думаю, такъ вотъ что! «Идите, говорю, попросите инспектора, да кстати на меня и пожалуйтесь». У меня былъ на примѣтѣ врачъ съ дальней командировкой изъ Москвы, который радъ бы былъ помѣняться на ближнюю въ Московской губерніи, какая доставалась будущему профессору. Но N уже не жаловался на меня, а старался разжалобить Рудинскаго, такъ что тотъ сталъ просить меня, нельзя ли чтó сдѣлать по просьбѣ N. Одно, говорю можно сдѣлать, это помѣняться съ такимъ-то; онъ, я знаю, будетъ согласенъ. Пусть г. N. съѣздитъ къ нему и привезетъ записку отъ него. «Зачѣмъ же спрашивать, если онъ согласенъ, какъ говорите».

— А если онъ уже уѣхалъ въ командировку?

— А?

Чрезъ нѣсколько часовъ N пріѣзжаетъ съ запиской очень довольный за своихъ, можетъ быть, воображаемыхъ собакъ и свинокъ. «Вотъ, говоритъ, когда вы захотите, то всегда можете сдѣлать!»—О, отвѣчаю, если бы вашими устами да медъ пить!

И вотъ рѣдкая недѣля проходила безъ подобныхъ глупѣйшихъ исторій. Что же тутъ особеннаго, возразятъ мнѣ. Вездѣ это возможно и вездѣ бываетъ. Пусть такъ, отвѣчаю. Но окружное медицинское управленіе не участокъ, а врачи не тотъ разношерстный людъ, который имѣетъ съ нимъ дѣло. Поэтому-то изъ множества случаевъ я и взялъ только два, гдѣ фигурируетъ будущій профессоръ.

Бывали, впрочемъ, случаи и прямо возмутительные. Одинъ дивизіонный врачъ, составившій себѣ карьеру тѣмъ, что къ начальству, имѣвшему дочекъ, пристроивался въ роли жениха и поступалъ подъ его особое покровительство, двинулъ на меня своего взятаго на подержаніе тестя in spe. Врачу этому нерѣдко возвращались неправильные отчеты, указывалось на неправильность распоряженій и т. п. И вотъ, послѣ одной изъ обыкновенныхъ въ службѣ процедуръ, дающихъ матеріалъ для канцелярской переписки, Рудинскій получаетъ отъ начальника дивизіи, въ которой служилъ этотъ врачъ, письмо съ нарочитою жалобой на меня. Въ жалобѣ говорилось, что я тѣсню и преслѣдую такое уважаемое лицо, какъ этотъ дивизіонный врачъ, подметки котораго я не стою, что, какъ секретарь, я злоупотребляю своимъ положеніемъ, присвоиваю себѣ не принадлежащія мнѣ права и власть, дѣлаю указанія, замѣчанія и т. п., людямъ, которыми вполнѣ довольно ихъ ближайшее начальство и т. д. въ томъ же родѣ. Рудинскій показываетъ мнѣ письмо и не безъ самодовольной ироніи говоритъ: «Посмотрите, чтó про васъ пишутъ, какъ васъ отдѣлываютъ».

Прочелъ и отвѣчаю: пишутъ дѣйствительно про меня, но отдѣлываютъ не меня, а васъ. Удивленіе, какъ вопросительный знакъ. «Я, объясняю, ничего не дѣлаю безъ доклада вамъ, самъ непосредственно не вхожу ни съ кѣмъ въ служебныя сношенія ни письменно, ни словесно; даже мелкія служебныя бумаги, въ родѣ предложенія поторопиться съ отчетностію и т. п., пишутся отъ управленія и подписываются помощникомъ вашимъ, по моему докладу. Пусть мнѣ укажутъ, когда и въ чемъ какой либо докладъ мой вамъ былъ пристрастенъ, неправиленъ, не по закону или во вредъ службѣ. Я просилъ бы и васъ сказать мнѣ, какимъ изъ своихъ распоряженій, сдѣланныхъ согласно съ моимъ докладомъ, вы недовольны?» Рудинскому становится ясною суть дѣла, и онъ говоритъ, что вполнѣ доволенъ мною и мнѣ вѣритъ. «Что же дѣлать съ этимъ (письмомъ)? Бросить? Оставить безъ отвѣта?»

— Какъ вамъ угодно будетъ, но не окажется ли молчаніе ваше знакомъ согласія? Къ тому же васъ бьютъ здѣсь другимъ, также живымъ, человѣкомъ, и ему можетъ быть больно.

— «Ну, тогда отвѣтьте ему, какъ хотите; вы знаете, что̀ сказать».

На длинное письмо начальника дивизіи я написалъ отвѣтъ въ нѣсколько строчекъ. Жалѣю, что не сохранилъ копіи съ него. Бумагъ служебно-полемическаго характера писалось мною во время службы при Рудинскомъ такъ много, что онѣ слились съ общею канцелярскою перепискою и потонули въ ней. Многія изъ нихъ, впрочемъ, получили извѣстность въ округѣ и заслужили мнѣ у нѣкоторыхъ товарищей почему-то кличку медицинскаго Жюль-Фавра, которую далъ мнѣ старичекъ полковой врачъ Добровольскій, относившійся ко мнѣ дружелюбно. Упомянутое письмо, безтактное, нелѣпое и оскорбительное для Рудинскаго, могло появиться и не безъ вины его, такъ какъ онъ нерѣдко не то оправдывалъ себя, не то отдѣлывался отъ упрековъ въ колкости и ядовитости своихъ отвѣтовъ: «это уже секретарь у меня такой; ничего не могу съ нимъ подѣлать».

Можетъ показаться удивительнымъ, что Рудинскій, при его чопорности, незнаніи службы и любви къ личному спокойствію и интересамъ своимъ, рѣшался задираться съ военными начальниками, чего не дозволялъ себѣ его предшественникъ Яновскій. Это объясняется очень просто. У Рудинскаго было сильное самолюбіе ученаго спеціалиста, прочная служебная репутація и, кромѣ того, рука въ Петербургѣ, почему въ мѣстныхъ властителяхъ онъ не заискивалъ и не боялся ихъ; онъ трусилъ только одного Гильденштуббе и то болѣе по военной его грубости, чѣмъ власти. Какъ человѣкъ къ тому же неглупый, онъ понималъ, что отвѣты съ достоинствомъ ему вредить не могли,

почему извѣстная, приличная пикантность въ нихъ ему даже нравилась. Подписывая иной такой отвѣтъ, онъ улыбнется, ничего не скажетъ, а только розчеркнется какъ-то особенно твердо, какъ будто говоря: такъ вотъ же тебѣ! Съ военными, даже генералами, онъ держалъ себя не то что важно, а скорѣе холодно и чрезвычайно молчаливо. Происходило это отчасти потому, что онъ не былъ ни краснорѣчивъ, ни находчивъ, отчасти изъ осторожности, чтобы не сказать чего лишняго и невпопадъ. Бывало мнѣ вчужѣ становилось и скучно, и стыдно, когда какой нибудь генералъ или командиръ полка надрывается, разсказывая Рудинскому свое дѣло, повторяетъ, объясняетъ, доказываетъ, тогда какъ тотъ сидитъ и смотритъ на собесѣдника молча, точно воды въ ротъ набралъ. А когда посѣтитель не находитъ уже чтó сказать еще и замолкаетъ, Рудинскій окончитъ аудіенцію тѣмъ, что лаконически скажетъ: хорошо, я разсмотрю, или, подумаю и васъ увѣдомлю. Иногда же, такъ какъ большинство такихъ свиданій происходило въ моемъ присутствіи (ибо Рудинскій, узнавши, что посѣтитель пожаловалъ по дѣлу служебному, обыкновенно призывалъ меня въ кабинетъ), резолюція слѣдовала немедленно, и въ такихъ случаяхъ онъ обращался ко мнѣ: Ив. А., какъ вы думаете, или можно ли и т. д.?

Генерала Гильденштуббе Рудинскій, какъ я сказалъ выше, трусилъ, опасаясь съ его стороны какой либо выходки, на которую, чувствовалъ, что не съумѣетъ или не посмѣетъ отвѣтить. Однажды онъ возвращается отъ Гильденштуббе съ доклада, который бывалъ еженедѣльно по Понедѣльникамъ, взволнованный и разозленный. Я самъ нѣсколько встревожился, потому что въ этихъ докладахъ былъ заинтересованъ, о чемъ скажу ниже, а потому и спросилъ: чтó случилось, Орестъ Ивановичъ? «Это чортъ знаетъ чтó такое! Съ такими людьми служить нельзя! Меня, это—меня, такого-то и такого-то, третировать, какъ послѣдняго врача! Чтó я говорю? Хуже: какъ фельдшера».—Чтó же именно произошло? допытываюсь я и узнаю слѣдующее.

Въ окружномъ совѣтѣ служилъ писаремъ солдатъ, любимецъ дѣлопроизводителя и нужный ему человѣкъ. Писарь этотъ заболѣлъ, изъ-за чего пріостановились дѣла. Дѣлопроизводитель только что предъ Рудинскимъ докладывалъ объ этомъ происшествіи Гильденштуббе и, по обыкновенію, болѣзнь писаря представилъ какою-то важною и опасною, а знанія и усердіе врача, приставленнаго къ писарямъ, подозрительными. Вотъ Гильденштуббе и поручаетъ Рудинскому съѣздить къ этому писарю въ казарму, версты за три, посмотрѣть, чтó у него, и оказать помощь. Человѣкъ-де онъ намъ нужный. Генералъ, вѣроятно, думалъ

польстить такимъ порученіемъ военно-медицинскому инспектору: вотъ-де какъ мы высоко васъ ставимъ и вамъ довѣряемъ; но, замѣтивъ на лицѣ или въ движеніяхъ и покрякиваніяхъ послѣдняго неохоту, неудовольствіе и протестъ, онъ уже сухо прибавилъ: такъ съѣздите и доложите мнѣ сейчасъ же. Слало, отъ писаря нужно было ѣхать опять къ Гильденштуббе съ докладомъ, что и какъ. «Я, заканчиваетъ горячась Рудинскій, тайный совѣтникъ, военно-медицинскій инспекторъ, заслуженный врачъ, долженъ, по чьему-то глупому капризу, какъ мальчишка, бѣгать по казармамъ, отыскивая какого-то писаришку».

— Зачѣмъ же бѣгать? возражаю я.

— «Да вѣдь у меня лошадей нѣтъ. Все равно; я хотѣлъ сказать, трястись на извощикѣ» (Рудинскій былъ очень скупъ).

— И ѣздить вамъ не зачѣмъ, говорю я.

— «Да вѣдь онъ же приказалъ, поймите, приказалъ, говоритъ: такъ и такъ».

— Самимъ вамъ не зачѣмъ ѣздить, пошлите кого нибудь; развѣ это не все равно? Мало-ли у васъ врачей!

— «Да кого же я пошлю?»

— Да хоть меня, если желаете.

Рудинскій задумался.

— «А кто же поѣдетъ къ Гильденштуббе докладывать?»

— Опять же я. Или вы жалѣете, что онъ меня съѣстъ?

Рудинскій улыбнулся и какъ бы съ отчаянною рѣшимостью, махнувъ рукою, сказалъ: поѣзжайте, я васъ здѣсь подожду.

У писаря, надѣлавшаго такую кутерьму, оказался нарывъ на деснѣ отъ гнилаго зуба. Своему врачу онъ не дался вскрыть его и трое сутокъ мучился болью, не спалъ, какъ говорилъ, и не ѣлъ.

«Прекрасно, говорю я; вотъ я сейчасъ вскрою нарывъ и разомъ все пройдетъ. Трусливый писарь на-дыбы, не дается; пришлось прикрикнуть на него по военному и безъ дальнихъ разсужденій вскрыть нарывъ, отъ чего онъ даже не охнулъ. Пополоскавши ротъ минуты двѣ, больной самъ говоритъ мнѣ: теперь много легче.

— Ну вотъ видишь, говорю, если бы ты послушался своего врача, то не мучился бы трое сутокъ. Теперь дѣлай то и то, за-ночь все пройдетъ. Да чтобы ты завтра же непремѣнно былъ на службѣ въ канцеляріи; не то, чего добраго, и въ полкъ угодишь: тамъ солдату нѣжничать да привередничать не полагается.

Отъ писаря ѣду къ командующему войсками и прошу дежурнаго адъютанта доложить ему, что такой-то по порученію такого-то имѣетъ

доложить его в-ву о томъ-то. Гильденштуббе принимаетъ меня въ кабинетѣ и приглашаетъ сѣсть. Я сажусь и повѣствую: «Такой-то приказалъ мнѣ навѣстить больнаго такого-то; я нашелъ у него то-то, вскрылъ нарывъ, послѣ чего тотчасъ же послѣдовало значительное облегченіе, и къ утру писарь будетъ совсѣмъ здоровъ и способенъ къ занятіямъ, почему мною ему и приказано завтра явиться на службу. Все дѣло, какъ и вы сами, в-в-во, изволите видѣть не заслуживало вашего вниманія, и имъ не безпокоили бы васъ, если бы нѣсколько избалованный и трусливый солдатъ исполнилъ то, чтó совѣтовалъ ему ранѣе свой врачъ при писарской командѣ».

Гильденштуббе благодаритъ меня и подаетъ руку. Возвращаюсь въ управленіе, гдѣ, конечно, не безъ тревоги ожидаетъ меня одинъ, распустивши всѣхъ служащихъ, Рудинскій, такъ какъ время зашло далеко за часы, положенные для занятій.

— «Ну что, какъ?» спрашиваетъ онъ меня.

— Какъ видите, живъ и вернулся цѣлымъ, разсказываю все по порядку.

— «И командующій войсками ничего? Не выразилъ неудовольствія?»

— Я уже говорилъ, что посадилъ, благодарилъ и руку даже подалъ; чего же еще?

— «А сколько вѣдь мнѣ крови испортилъ!»

— Генералы берутъ примѣры съ высшихъ; а командующій войсками къ тому же Николаевскій генералъ. Покойный Николай Павловичъ посылалъ своихъ лейбъ-медиковъ къ людямъ, которымъ хотѣлъ оказать свое благоволеніе и участіе, а маленькимъ врачамъ прямо приказывалъ вылѣчить того или иного больнаго солдата.

— «Ну, то Государь!»

— Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

Довольный счастливою развязкою этой глупой исторіи, Рудинскій разсмѣялся. Однако, Ив. А. вы..., но такъ и не досказалъ, чтó или кто я.

Мнѣ много разъ приходилось спасать подобнымъ образомъ самое дорогое для Рудинскаго, его самолюбіе; но при всемъ томъ я увѣренъ, что, подвернись ему кто либо другой, на кого бы онъ могъ положиться, какъ на меня, онъ вышвырнулъ бы меня изъ управленія, какъ собаку, и забылъ бы о моихъ услугахъ ему.

Когда я уже окончательно рѣшился во что бы то ни стало оставить управленіе и объявилъ объ этомъ Рудинскому, онъ сталъ пріискивать мнѣ преемника, и выборъ его палъ на врача Ш. Прикомандированный по собственному желанію къ Универси-

тету *), подъ предлогомъ научныхъ занятій, собственно для отдыха отъ тяжелой, до смерти надоѣвшей службы въ управленіи, я былъ увѣренъ, что получу высшее мѣсто, помимо Рудинскаго. Но онъ объ этомъ не зналъ, а между тѣмъ довольный тѣмъ, кого выбралъ для замѣны меня только на время командировки, рѣшилъ имъ замѣнить меня совсѣмъ. Такое довольствіе онъ выказалъ и предо мною, похвавставшись, неизвѣстно для чего и съ какою цѣлію «Да, я умѣю выбирать людей». Былъ ли онъ счастливъ въ своемъ выборѣ, я не буду теперь говорить; но онъ весьма былъ удивленъ, чтó и выразилъ, когда я, замѣтя неопытность моего замѣстителя, самъ вызвался помочь ему ознакомиться съ дѣломъ. Только въ послѣдствіи, когда Рудинскій созналъ ли свое хвастовство, или дѣйствительно не находилъ людей, за которыми можно было жить, *какъ за каменною стѣною*, онъ вспомнилъ обо мнѣ.

Ив. Арс. Митропольскій.

---

*) Къ этому времени относятся сказанныя Рудинскимъ слова въ присутствіи цѣлаго управленія: съ кѣмъ же я останусь?

КТО „ВЗЯЛЪ“ ВЪ 1873 ГОДУ ХИВУ.

У насъ до сихъ поръ держится ни на чемъ неосновванное убѣжденіе, что покорителемъ Хивы въ 1873 году былъ командовавшій войсками Туркестанскаго края, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ 1-й. Видимо, убѣжденіе это утвердилось частію вслѣдствіе того, что главное начальство надъ войсками, посланными для покоренія Хивы (хотя и наступавшими съ разныхъ сторонъ отдѣльными самостоятельными отрядами), было поручено Константину Петровичу; частію же раздутыми сказаніями покойнаго Макъ-Гахана въ извѣстномъ его сочиненіи „Compaigning on the Oxus and the Falle of Khiva (переведеннаго въ 1875 г. на Русскій языкъ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и изданнаго потомъ отдѣльно подъ названіемъ „Битва на Оксусѣ“). На основаніи этихъ, должно быть, данныхъ, и покойный А. А. Гатцукъ, въ своемъ „Крестномъ Календарѣ“, подъ рубрикой „Дни кончины замѣчательныхъ людей“ (Мая 4-го 1882) назвалъ К. П. Кауфмана „Покорителемъ Хивы“. Тоже самое старается доказать и А. Г. Шиле небольшой книжечкой: „Походъ на Хиву и ея покореніе“ (из. 2-е, 1894), и, наконецъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ В. А. Полторацкій („Истор. Вѣст.“, 1895, Май, 443) также хочетъ вѣнокъ побѣды предоставить Туркестанскому отряду и его предводителю Кауфману.

На самомъ же дѣлѣ, какъ разсказываютъ очевидцы, лично участвовавшіе въ штурмѣ Хивы, Туркестанскому отряду, увы! пришлось „уступить всѣ лавры побѣды“ отряду Оренбургскому, и лавровый вѣнокъ „Покорителя Хивы“ достался не командующему войсками Туркестанскаго края, а генералъ-лейтенанту Веревкину, наказному атаману Уральскаго казачьяго войска, о чемъ точно и правдиво разсказалъ г. А. Хребтовъ (Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ: „Хивинскій походъ“, 1875), такъ что новаго къ его разсказу нельзя ничего прибавить.

Туркестанскій же отрядъ могъ бы быть дѣйствительно полнымъ побѣдителемъ Хивы, явись онъ подъ стѣнами ея раньше прихода Оренбургскаго отряда, на что онъ имѣлъ, по незначительности пройденнаго пути *), полную

*) Оренбургскому отряду пришлось пройти черезъ безводныя степи 1395 верстъ, Туркестанскому же (двѣ колонны) изъ Казалинска 750 в., изъ Ташкента 900 верстъ.

возможность, когда бы заранѣе изслѣдовали голодную степь Кизылъ-Кума и во́ время организовали дѣло продовольствія отряда провіантомъ и фуражемъ, а главнѣе всего водой и перевязочными средствами. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что Туркестанскому отряду не было никакой надобности проходить эту обширную безводную пустыню, когда можно было бы легко, не нуждаясь ни въ чемъ, воспользоваться гораздо кратчайшимъ путемъ по р. Яны (впадающей въ Сыръ-Дарью), отъ истоковъ коей до Аму-Дарьи (т. е. Хивинскихъ владѣній) было не болѣе 150 верстъ; или же идти долиной р. Зарявшана, гдѣ отрядъ сдѣлалъ бы только 200—300 верстъ лишнихъ, за то не нуждался бы ни въ водѣ, ни въ кормѣ и прочемъ продовольствіи, такъ какъ мѣстность эта соприкасается съ плодородными и населенными владѣніями Бухары, уже съ 1869 г. покорной намъ.

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли умалять достоинства Константина Петровича, какъ администратора и полководца, и не можемъ отрицать прочихъ заслугъ и отличій его; но въ этомъ именно дѣлѣ онъ ничѣмъ не проявилъ своихъ боевыхъ способностей, и пальма первенства неизмѣнно принадлежитъ генералу Веревкину.

Однако, какъ современная печать, такъ отчасти и исторія, не оцѣнила и даже достойно не отмѣтила заслугу этого героя, и имя его до сихъ поръ остается забытымъ. Только не забылъ своего *родного* Русскій народъ; не забыли воины, его боевые товарищи, друзья побѣды и славы, и въ пѣсняхъ своихъ до сей поры воспѣваютъ на Уралѣ его подвиги. Мнѣ кажется, на память потомству не лишнимъ будетъ привести здѣсь одну изъ пѣсенъ, извѣстную подъ названіемъ „*Покорителю Хивы Веревкину*“. Пѣсня эта, записанная мною въ 1879 году со словъ Уральскихъ казаковъ, принадлежала (какъ мнѣ передавали за достовѣрное) перу офицера Уральскаго войска Савичева. Была ли она гдѣ нибудь напечатана или нѣтъ, утвердительно сказать не могу. Вотъ она:

Здравствуй, нашъ-герой Хивинскій!
Здравствуй, добрый атаманъ!
Ты шагнулъ по исполински
Чрезъ песчаный океанъ.

* * *

Чрезъ пустыни невредимый,
Какъ степной летѣлъ орелъ.
Ты Усть-Уртъ непроходимый
Съ войскомъ быстро перешелъ.

* * *

Чрезъ огонь, но не чрезъ воду,
Шелъ ты чуть не безъ воды,
Покорилъ степей природу,
На паденіе орды.

Много времени не тратя,
Войска храбраго въ главѣ,
Ты такъ вбвремя и кстати
Первымъ подступилъ къ Хивѣ!

* * *

Врагъ не вѣрилъ ужъ надеждѣ,
Хоть сразился разъ иль два...
Передъ кѣмъ же пала прежде
Недоступная Хива?

* * *

Никакихъ о томъ извѣстій
Въ нашей прессѣ вовсе нѣтъ;
Но кому отдать долгъ чести
Знаемъ мы и безъ газетъ.

* * *

Здравствуй, нашъ герой Хивинскій,
Нашъ казачій атаманъ!
Ты чрезъ подвигъ исполинскій
Добылъ чудный талисманъ.

* * *

Талисманъ, тотъ—духъ геройскій,
Преклоняющій сердца.
И какъ любо встрѣтить въ войскѣ
Атамана-молодца!

* * *

Честь и слава атаману,
Покорителю Хивы,
Съ боя вынесшему рану
И почетный гласъ молвы!

Пѣсня эта поется большею частію хоромъ, безъ запѣвалы, весело и скоро, какъ маршъ, при чемъ послѣднія двѣ строчки каждаго стиха повторяются. Она особенно распространена между казаками Уральскаго войска, смежными станицами Оренбургскаго и среди юнкеровъ Оренбургскаго казачьяго юнкерскаго училища. И пѣсня эта еще разъ подтверждаетъ, кто въ 1873 г. „взялъ“ Хиву.

П. Юдинъ.

Генералъ-лейтетантъ Николай Александровичъ Веревкинъ (род. въ 1819 г., скончался въ 1878 году) былъ внукъ Николая Никитича Веревкина, служившаго комендантомъ въ Москвѣ (1821—1830). П. Б.

МОСКОВСКІЕ КОЛОКОЛА.

1. Кремль.

Имѣя намѣреніе представить любителямъ старины надписи на колоколахъ нѣкоторыхъ Московскихъ церквей, мы скажемъ вкратцѣ о началѣ колоколовъ въ Россіи. Употребленіе ихъ на Руси довольно древнее. Въ 1066 г. князь Вячеславъ, по взятіи Новгорода, снялъ въ Софійскомъ соборѣ колокола. Вѣчевой Новгородскій колоколъ упоминается въ XII столѣтіи. Въ Москвѣ мастеръ Борисъ (Бориско) выливалъ въ 1342 году колокола для Московскихъ и Новгородскихъ церквей. Сперва поселились здѣсь Нѣмецкіе мастера, чему служатъ свидѣтельствомъ надписи на колоколахъ; затѣмъ появились и Русскіе литейщики. Но и тутъ эти древніе памятники литейнаго искусства подвергались утратѣ и поступали въ переливку къ новымъ колоколамъ бóльшаго размѣра, какъ увидимъ далѣе, или переливались по указу Петра I-го въ пушки.

Принимаясь сообщать надписи на колоколахъ приходскихъ церквей, коснемся и нѣкоторыхъ надписей Кремлевскихъ храмовъ, и начнемъ съ Царя-Колокола, какъ огромнѣйшаго, по величинѣ своей, не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Московскій Царь-Колоколъ перелитъ въ 1733 г. изъ колокола въ 8000 пудовъ, который въ пожаръ 1701 года упалъ. Къ разбитымъ остаткамъ, лежавшимъ въ Кремлѣ болѣе 30 лѣтъ, прибавлено еще матеріала, и отлитъ новый колоколъ стоимостью въ 141.000 нынѣшнихъ рублей серебромъ. Но этотъ колоколъ въ пожаръ 1737 года упалъ вслѣдствіе сгорѣвшаго надъ нимъ шатра, и тогда у нижняго его края вышибленъ кусокъ, въ верхъ и въ ширину аршина на два *).

Пролежавъ въ колыбели своей чуть не цѣлое столѣтіе, этотъ исполинскій колоколъ, по волѣ императора Николая Перваго, вынутъ изъ земли и поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ Ивановской колокольни. Вышиною Царь-Колоколъ 20 футовъ и 7 дюймовъ, въ поперечникѣ 22 фута и 8 дюймовъ, толщина боковъ въ верху 6 вершковъ, въ краяхъ 9 вершковъ. На поверхности его подъ фризомъ поясныя изображенія на клеймахъ Спасителя, Божіей Матери и Іоанна Предтечи, тезоименитаго царю Іоанну

---

*) См. „Чтенія въ Импер. Общ. ист. и др. Росс. 1858 г.“ книга третья.

Алексѣевичу, родителю императрицы Анны Іоанновны, св. Апостола Петра, соименнаго ея дядѣ, и наконецъ св. Анны пророчицы, ей тезоименитой. Подъ ними во весь ростъ портреты царя Алексѣя Михайловича *) и императрицы Анны Іоанновны, въ половину отчеканенные. Между царскими портретами въ клеймахъ двѣ надписи:

1) „Блаженныя и вѣчно достойныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, повелѣніемъ, къ первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія, слитъ былъ великій колоколъ, осемь тысящъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1654 года; а изъ мѣста сего благовѣстить началъ въ лѣто мірозданія 7176, Христова же рождества 1668 и благовѣстилъ до лѣта мірозданія 7208, рождества же Господня 1701 года, въ которое мѣсяца Іюня 19 дня отъ великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра, а отъ Христова въ міръ рождества 1731 пребылъ безгласенъ“.

2) „Благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Анны Іоанновны самодержицы всея Россіи повелѣніемъ, во славу Бога въ Троицѣ славимаго и въ честь Пресвятыя Богоматери къ первособорной церкви славнаго Ея успенія, литъ сей колоколъ изъ мѣди прежняго осми тысящъ пудъ колокола, пожаромъ поврежденнаго, съ прибавленіемъ матеріи двухъ тысящъ пудъ, отъ созданія міра 7241, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1733, а благополучнаго Ея Величества царствованія въ четвертое лѣто“.

3) „Лилъ сей колоколъ Россійской мастеръ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Моторинъ съ сыномъ своимъ Михаиломъ Моторинымъ.“

На колокольнѣ Ивана Великаго.

1. Семисотной. На немъ: „Божіею милостію, повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, при благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Петровичѣ, вылитъ сей колоколъ къ соборной велицѣй церкви Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія и великихъ чудотворцевъ всероссійскихъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, между патріаршества, въ лѣто отъ сотворенія міра 7213, а отъ рождества Сына Слова Божія 1704 года, въ 23 лѣто царство его. Сей колоколъ вѣситъ 798 пудъ, лилъ мастеръ Иванъ Моторинъ“.

2. Вседневной. На немъ прежде было написано: „Божіею милостію, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича

*) Анна Іоанновна почтила память своего дѣда еще и тѣмъ, что приказала вновь напечатать его Уложеніе. Оно издано съ портретомъ царя Алексѣя Михаиловича. П. Б.

всея Россіи самодержца и при его государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Ильиничнѣ и при его государевыхъ сестрахъ, и при благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ, при благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ, при благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Татіанѣ Михайловнѣ и при его государевѣ дщери при благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Евдокіѣ Алексіевнѣ и при ихъ богомольцѣ свитѣйшемъ киръ Іосифѣ, патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, слитъ сей колоколъ къ соборной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны, лѣта 7160 (1652), въ 8 лѣто государства его, лилъ мастеръ Емельянъ Даниловъ, вѣсу 998 пудъ, 30 фунтовъ". Въ настоящее время на немъ слѣдующая надпись: „Сей колоколъ вылитъ былъ при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ всея Россіи самодержцѣ 7160 году; а какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ поврежденъ, то нынѣ при благополучномъ государствованіи всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы всероссійскія и наслѣдникѣ всероссійскаго престола благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ и великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и благовѣрныхъ государяхъ и великихъ князьяхъ Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ, перелитъ на заводѣ Московскаго 1-й гильдіи купца Никифора Степанова сына Калинина 1782 году Сентября 11 дня, вѣсу въ немъ 1017 пудъ, 14 фунтовъ, лилъ мастеръ Яковъ Завьяловъ."

3. *Большой*, называемый *Успенской*, на которомъ изображены вылитіемъ святые образà, съ одной стороны Спасителя Божіей Матери, Іоанна Предтечи, съ другой стороны Успенія Божіей Матери, а по сторонамъ онаго Московскихъ чудотворцевъ святителей Петра, Алексія митрополитовъ, а подъ оными изображеніями государственные портреты „блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, благочестивѣйшаго государя императора Петра Великаго и дочери его благовѣрныя государыни императрицы Елисаветы Петровны, бывшаго императора Петра Ѳеодоровича и благополучно нынѣ царствующей благочестивѣйшей великой государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійскія и наслѣдника ея благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича."

Надпись на немъ: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 7268, а отъ воплощенія Бога Слова 1760 года, вылитъ сей колоколъ въ Москвѣ при благополучной державѣ великой государыни императрицы Елисаветы Петровны всея Россіи, въ 19 лѣто государствованія ея и при ихъ императорскихъ высочествахъ благовѣрномъ государѣ великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и при благовѣрномъ государѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, вѣсу въ немъ 3537 пудъ, 4 фунта, лилъ цеховой Альдерманъ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ."

4. *Реутъ*, на немъ подпись: „Божіею милостію, повелѣніемъ великаго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца и по благословенію по плотскому рожденію отца его государева, а по духовному чину отца и богомольца великаго господина святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, слитъ сей колоколъ къ соборной церкви успенія Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны, лѣта 7130, дѣлалъ колоколъ пушечной мастеръ Андрей Чеховъ; вѣсу на немъ не назначено, а по примѣчанію имѣетъ до 2000 пудъ.“

Въ нижнемъ ярусѣ.

5. *Медвѣдь*. На немъ подписано: „Всесильнаго Бога Спаса нашего Іисуса Христа, Пречистыя его Матере Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія, повелѣніемъ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Россіи самодержца, сдѣланъ бысть сей колоколъ въ Новомъ Городѣ въ 7009 году, (1501) Іюля въ 4 день, мастеръ Иванъ Алексѣевъ, вѣсу 450 пудъ.“

6. *Лебедь*. На немъ подписано: „Лѣта 7040 (1532), повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Василія Ивановича, Божіею милостію государя всея Россіи, и при его сынѣ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, сольянъ бысть сей колоколъ во преименитомъ и славномъ городѣ Москвѣ. Hikiwas Obraker 537, а дѣлалъ Николай, вѣсу въ немъ 445 пудъ“.

Примѣч. Колокола 6 и 7 впослѣдствіи разбились и при Екатеринѣ II-й въ 1775 году перелиты вновь.

7. *Новогородской*, на немъ подписано: „Лѣта 7064 года (1556), мѣсяца Сентября 8 дня, на честное рождество Пресвятыя Богородицы, въ царство благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи, и при сынѣ его царевичѣ князѣ Іоаннѣ, и при паствѣ господина преосвященнаго Макарія митрополита всея Россіи, повелѣніемъ преосвященнаго Пимена архіепископа великаго Новограда и Пскова, а мастера Михайлова, милостію Божіею Пречистыя Богородицы и молитвами святыхъ великихъ чудотворцевъ Ивана и Ефима, Іоны архіепископовъ Новгородскихъ, слитъ бысть сей колоколъ въ богоспасаемый великій Новоградъ къ святѣй соборнѣй церкви Софіи премудрости Божія“. Вверху: „Во славу Пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, повелѣніемъ благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Анны Іоанновны самодержицы всероссійской, вылитъ сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, къ соборной велицѣй церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея успенія и великихъ чудотворцевъ всероссійскихъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, при Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7238 и отъ Рождества по плоти Бога Слова 1730, въ первое отъ вступленія на престолъ державы Ея Императорскаго Величества, а сей колоколъ вылитъ изъ стараго, на которомъ значитъ бывшая подпись таковая: слилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Моторинъ, вѣсу 420 пудъ“.

8. *Широкой.* На немъ подпись такая: „Лѣта 7187 (1679), Августа въ 20 день, въ царство благочестивыя державы благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россій самодержца, о Святѣмъ же Дусѣ при отцѣ его и богомольцѣ Іоакимѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, вылитъ сей колоколъ къ соборной церкви успенія Пресвятыя Богородицы, а вѣсу въ немъ 300 пудъ, а лили сей колоколъ мастера Василій да Яковъ Леонтьевы“.

9. *Слободской.* На немъ надпись: „Божіею милостію, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи самодержца и при его благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ, и при ихъ благовѣрныхъ чадѣхъ, при царевичѣ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ и царевнѣ великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ и царевнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ и царевнѣ и великой княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, перелитъ сей колоколъ Старослободской въ лѣто 7149 (1641), Августа въ 30 день, вѣсу въ немъ 309 пудъ“.

10. *Ростовской.* На немъ подпись: „Лѣта 7195 (1687) году Марта въ 25 дне, при державѣ благочестивѣйшихъ и великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича, и при благовѣрной государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, и при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іоакимѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи и при преосвященномъ Іонѣ митрополитѣ Ростовскомъ и Ярославскомъ, литъ сей колоколъ въ домовой Бѣлогостинной монастырь при архимандритѣ святыя обители при Гавріилѣ, еже о Христѣ съ братіею, а лилъ сей колоколъ мастеръ Филиппъ Андреевъ, а вѣсу въ семъ колоколѣ 200 пудъ“.

Въ среднемъ ярусѣ.

11. *Новой.* На немъ надпись: „Лѣта 7187 (1679), Іюля въ 30 день, въ царство благочестивыя державы благовѣрнаго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, о Святѣмъ же Духѣ при отцѣ его великомъ господинѣ, при святѣйшемъ киръ Іоакимѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, вылитъ сей колоколъ къ соборной церкви успенія Пресвятыя Богородицы, лилъ сей колоколъ мастеръ Θедоръ Моторинъ, вѣсу 200 пудъ“.

12. Надъ входною лѣстницею колоколъ *Нѣмчинъ* или *Безъименный*, вѣсу 190 пудъ. На немъ слѣдующая иностранная надпись: „Anno 1550. Also heft Godt de werlt beleüt, dat he sinen eingen Sone gaff, op dat alle an en geloven niht vorlaren werden, sonder dat enige hebben. Iohanes, am. 3“ *). На немъ вылитъ образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ.

*) Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. гл. 3, ст. 16).

13. *Даниловской.* На немъ надпись: „Лѣта 7186 (1678) году, при державѣ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, вылитъ сей колоколъ въ Переславлѣ Залѣскомъ Живоначальныя Троицы при архимандритѣ Варѳоломеѣ, а далъ въ тотъ колоколъ того жъ монастыря старецъ Филаретъ Фадѣевичъ Волчковъ 400 рублевъ, а досталь строено монастырскою казною, лилъ сей колоколъ Ѳедоръ Моторинъ, а вѣсу не написано".

14. *Глухой.* На немъ надпись: „Божіею милостію, повелѣніемъ государя царя великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи самодержца и по благословенію отца его государева, великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, слитъ сей колоколъ къ соборной церкви успенія Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны въ лѣто 7129 (1621) дѣлали Андрей Чеховъ, да Игнатій Максимовъ, вѣсу 100 пудъ".

15. Колоколъ изъ стараго *Корсунскаго,* на немъ надпись: „Божію милостію, повелѣніемъ царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи самодержца, перелитъ сей бысть колоколъ Корсунской лѣта 7067 (1559), переливалъ мастеръ Несторъ Ивановъ сынъ Псковитиновъ, вѣсу 40 пудъ".

16. Колоколъ безъ надписи, вѣсу въ немъ 65 пудъ, 10 фунтовъ, лилъ мастеръ Филиппъ Андреевъ.

17. Колоколъ *Марьинской.* На немъ надпись: „Лѣта 7176 (1668) году Марта въ 23 день вылитъ сей колоколъ къ церкви преподобной Маріи Египетской по душахъ блаженныя памяти болярина Бориса Ивановича Морозова, да по женѣ его боярынѣ, вѣсу въ немъ 79 пудъ".

18. На одномъ изъ переборныхъ колоколовъ надпись: „Лѣта 7205 (1697) Маія въ 12 день приложилъ сей колоколъ стольникъ Андрей Григорьевичъ Ляпуновъ въ Коломенскую свою вотчину въ село Троицкое, къ церкви Святыя Троицы по обѣщанію своему, въ которомъ вѣсу 10 пудъ, 10 фунтовъ".

Въ верхнемъ ярусѣ.

19. Колоколъ съ такою надписью: „Лѣта 7193 (1685) Марта 13 дня сей колоколъ по стольникѣ Ѳедосеѣ Осиповичѣ Арсеньевѣ въ Соловской уѣздъ, въ Новгородской станъ, въ вотчину стольника Дмитрія Ѳедосѣевича Арсеньева, село Покровское, къ церкви Покрову Богородицы съ прочими угодники, при священникѣ Кипріанѣ Кириковѣ сынѣ, далъ сей колоколъ стольникъ Дмитрій Ѳедосѣевичъ Арсеньевъ".

20. Колоколъ съ такою надписью: „Лѣта 7128 (1620), Августа въ 20 день, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи, и при святѣйшемъ Филаретѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, повелѣ-

ніемъ болярина Өеодора Ивановича Шереметева и сына его Алексѣя Өеодоровича, слитъ сей колоколъ въ вотчинѣ ихъ въ село Нагородню къ Воскресенію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа".

21. Колоколъ съ такою надписью: „Лѣта 7129 (1621) слитъ сей колоколъ къ соборной церкви къ успенію Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны".

22. Колоколъ съ такою надписью: „Лѣта 7167 (1659) слитъ сей колоколъ при державѣ великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца".

23. Колоколъ съ такою надписью: „Лѣта 7155 (1647) Августа въ 20 день, при державѣ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ Московскомъ, поставили сей колоколъ во Володимеръ къ церкви успенія Пресвятыя Богородицы, что въ Вѣтчаномъ городѣ, гостиной сотни Иванъ да Патрекей, да Андрей, да Григорій Денисовы дѣти Родіоновы, да Володимерцы посадскіе люди Василій Обросимовъ сынъ Хмыловъ, да Семенъ Ивановъ сынъ Сомовъ, по своихъ душахъ и по своихъ родителяхъ въ вѣчный покой, а вѣсу въ семъ колоколѣ 35 пудъ".

24. Колоколъ съ такою надписью: „Лѣта 7195 (1687) году Марта въ 25 день лилъ сей колоколъ мастеръ Филиппъ Андреевъ, вѣсу въ немъ 41 пудъ".

На колокольнѣ Чудова монастыря.

1) „Божіею милостію, повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Россіи самодержца слитъ сей колоколъ въ лѣто 7142 (1634), въ 22 лѣто государства его и при его царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукіановнѣ и при благородныхъ чадѣхъ, царевичѣ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, царевичѣ князѣ Иванѣ Михайловичѣ и царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ и царевнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ и при ихъ богомольцѣ святѣйшемъ Іоасафѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, въ первое лѣто патріаршества его, и далъ государь сей колоколъ во градъ Ростовъ въ соборную церковь Пречистыя Богородицы и Присно-дѣвы Маріи честнаго Ея успенія и святыхъ чудотворцевъ Ростовскихъ, Леонтія, Исакія, Игнатія, по отцѣ своемъ государевѣ блаженныя памяти великомъ государѣ святѣйшемъ Филаретѣ Никитичѣ патріархѣ Московскомъ всея Россіи въ вѣчную память, при митрополитѣ Варлаамѣ Ростовскомъ и Ярославскомъ. Мастеръ Кирилло Сомовъ".

2) „Лѣта отъ Рождества Господня 1727 года мѣсяца Сентября въ 6 день вылитъ сей колоколъ во обитель Чуда святаго архистратига Божія Михаила и святаго чудотворца Алексѣя митрополита, въ Чудовъ его монастырь, въ бытность архимандрита Геннадія Бѣляева, намѣстника Лазаря

Кобякова, казначея іеромонаха Евсевія Леонова. Сей колоколъ лилъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

3) „При державѣ царства благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича, при архіепископѣ великаго Новогорода и Пскова владыки Пименѣ, лѣта 7068 (1560) мѣсяца Апрѣля 23 дня на память святаго великомученика Георгія, литы бысть колоколы къ храму".

Продолжается надпись на другомъ колоколѣ: „Святаго священномученика Василия святаго апостола и евангелиста Луки и святаго священномученика Андрея Стратилата, создателя храма святаго Власія, Арсенія, инока Дмитрія, Терентія повелѣніемъ, рабъ Божіихъ старостъ Григорья да Афонасія и всѣхъ родовичъ святаго Власія, а мастера Михайловы дѣти Матвѣй да Кузьма. Аминь".

На колокольнѣ Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря.

1) „Повелѣніемъ государя благовѣрнаго царя великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, лѣта 7063 (1555) году 7-е Іюля, слитъ сей колоколъ къ Вознесенію Христову, мастеръ Нестеръ Ивановъ сынъ Псковитиновъ".

2) „7196 (1688) Апрѣля въ 8 день слитъ сей колоколъ повелѣніемъ благовѣрныхъ великихъ государей царей и великихъ князей Ивана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, въ Вознесенскій Дѣвичь монастырь, что въ Кремлѣ городѣ, при игуменьѣ Варсунофіи Бутурлиной, да при келарѣ старицѣ Евникіи Плещеевой, да при казначеѣ старицѣ Помераніи Скрыпицыной, а вѣсу въ немъ 192 пуда, лилъ сей колоколъ мастеръ Михайло Лодыгинъ." *До 1871 года на колокольнѣ висѣли еще четыре колокола съ слѣдующими надписями*:

3) „1720 года Марта въ 19 день, при державѣ великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича всероссійскаго самодержца, вылитъ сей колоколъ изъ стараго въ Вознесенскій Дѣвичь монастырь, что въ Москвѣ, при игуменіи Венедиктѣ Даниловнѣ Пушкиной и келарѣ монахинѣ Ольгѣ Степановнѣ Чириковой."

4) „1729 году Марта въ 29 день, при державѣ великаго государя и великаго князя Петра Алексѣевича самодержца, вылитъ сей колоколъ изъ стараго въ Вознесенской Дѣвичь монастырь, что въ Москвѣ, при бытности госпожи игуменьи Венедикты Пушкиной, келарѣ Ольги Чириковой, при казначеѣ Максимиллѣ Ивановнѣ Волконской съ сестрами."

5) „1728 года Сентября 5 дня вылитъ сей колоколъ въ Вознесенскій Дѣвичь монастырь изъ мѣди тщаніемъ игуменьи Венедикты Пушкиной, намѣстницы Маргариты Румянцевой, казначеи Ираиды Мильковой."

6) „1744 года Августа 1 дня вылитъ сей колоколъ въ Московскій Дѣвичь монастырь при державѣ всепресвѣтлѣйшей и великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссійской и при наслѣдникѣ ея, внукѣ Петра Перваго, благовѣрномъ государѣ великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и сообрученной невѣстѣ его благовѣрной государыни великой княжны Екатерины Алексіевны, приложилъ по обѣщанію Московской купецъ 1-й гильдіи Артемій Ивановъ сынъ серебреникъ, вѣсомъ 102 пуда 28 ф., лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ“. *Въ 1871 году эти четыре колокола перелиты въ новые колокола для образованія новаго звона.*

На колокольнѣ церкви Благовѣщенія что на Житномъ дворѣ,

1) „Лѣта 7097 (1589) мѣсяца Мая 24 слитъ бысть сій колоколъ въ домъ Покрову Пресвятой Богородицы и Михаилу Архангелу, повелѣніемъ раба Божія Ларивона Мартемьянова сына“.

2) „Повелѣніемъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси, слитъ сій колоколъ въ Перемышль ко рождеству Пресвятыя Богородицы и къ Архангелу къ Михаилу, по челобитію старицы Маремьяны Косаковой,“

А. Мартыновъ.

ИЗЪ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

I. Письмо В. А. Жуковскаго къ императору Николаю Павловичу.

30 Марта 1830.

Вчера я имѣлъ разговоръ съ Государынею Императрицею на счетъ того, что̀ было мнѣ сказано Карломъ Карловичемъ *) отъ имени Вашего Императорскаго Величества; но то, что̀ я имѣлъ несчастіе услышать отъ самой Государыни, такъ неожиданно и болѣзненно сразило меня, такъ обременило мнѣ душу, что я по тѣхъ поръ не буду свободно дышать, пока не объяснюсь съ Вашимъ Величествомъ. Будьте милостивы, Государь, избавьте меня отъ этого душевнаго паралича; позвольте увидѣться съ вами на свободѣ и высказать передъ вами все мое сердце, на коемъ нѣтъ вины ни передъ кѣмъ, а еще менѣе передъ вами.

Но я не знаю, скоро ли буду имѣть счастіе васъ увидѣть. Ждать же не могу: состояніе мое слишкомъ для меня несносно. Я долженъ объясниться письменно. Меня обвиняютъ передъ Вашимъ Величествомъ въ томъ, что я впутываюсь въ дѣла литераторовъ. Противъ такого обвиненія не могу принести никакого оправданія, ибо не знаю, на чемъ оно основано. Проживъ сорокъ лѣтъ безъ пятна и изъ этихъ сорока лѣтъ посвятивъ двѣнадцать исключительно семейству Вашего Величества, въ которомъ мой нравственный характеръ могъ сдѣлаться коротко извѣстенъ, я имѣлъ право надѣяться, что никакой доносъ не можетъ мнѣ быть вреденъ, что я по крайней мѣрѣ сто̀ю того, чтобы помедлили дѣлать на счетъ мой дурныя заключенія. И теперь, въ мои лѣта, я долженъ себя оправдывать противъ обвиненія мнѣ неизвѣстнаго. Въ защиту свою могу представить только всю прошедшую жизнь мою.

До 1817 года, съ котораго началъ я находиться при особѣ Государыни Императрицы, я жилъ уединенно въ кругу семейства и писалъ.

*) Мердеромъ, воспитателемъ Великаго Князя Наслѣдника. П. Б.

То что̀ я писалъ, смѣю сказать, говоритъ ясно о моемъ характерѣ нравственномъ. Этотъ характеръ не былъ униженъ никакимъ недостойнымъ поступкомъ; ссылаюсь на всѣхъ кто знаетъ меня лично и на публику, которая съ этой стороны отдала мнѣ справедливость. Во все время моего авторства, я ни съ кѣмъ не имѣлъ литературныхъ ссоръ и написалъ только двѣ критики, когда самъ издавалъ журналъ *), и эти критики были не бранныя, а просто забавныя; не отвѣчалъ ни на одну писанную противъ меня критику, не заводилъ партій, ибо писалъ не для ничтожнаго, купленнаго интригами успѣха, а просто по влеченію сердца, которое искренно выражалось въ моихъ сочиненіяхъ; не искалъ похвалы, ибо презираю всякую выисканную происками похвалу. Лучшіе люди были моими друзьями и остались моими друзьями; заслужить ихъ одобреніе было моею наградою, и я пріобрѣлъ его. Какъ писатель, я былъ ученикомъ Карамзина; тѣ, кои начали писать послѣ меня, называли себя моими учениками, и между ними Пушкинъ, по таланту и искусству, превзошелъ своего учителя. Смотря на страницы, мною написанныя, скажу смѣло, что мною были пущены въ ходъ и высокія мысли, и чистыя чувства, и любовь къ вѣрѣ, и любовь къ отечеству. Съ этой стороны имѣю право на одобреніе моихъ современниковъ. Стихи мои останутся вѣрнымъ памятникомъ и моей жизни, и, смѣю прибавить, славнѣйшихъ дней Александрова времени. Я жилъ какъ писалъ: остался чистъ и мыслями, и дѣлами.

Съ 1817-го года начинается другая половина жизни моей, совершенно отличная отъ первой. Я былъ приближенъ къ особѣ Государыни Императрицы. Смѣю сказать, что я пріобрѣлъ довѣренность Ея Величества: это мой лучшій аттестатъ. Въ это время я продолжалъ еще писать. Но съ той минуты, въ которую возложена была на меня учебная часть воспитанія Великаго Князя, авторство мое кончилось, и я сошелъ со сцены. Я перешелъ на другую, возвышенную и, положивъ руку на сердце, могу сказать, что понимаю святость моего назначенія. Всѣ мои мысли свелись на одинъ предметъ: я не способенъ соединить съ нимъ ничего недостойнаго! Теперь ли пойду марать себя въ общество презрѣнныхъ людей, которыхъ я чуждался и тогда, когда занимался однимъ авторствомъ? Теперь пишу для одного Великаго Князя. Тѣже чувства, которыя наполняли душу мою, когда я просто работалъ для чистой славы писателя, наполняютъ ее и теперь, но только для высшей цѣли. Теперь живу не для себя. Я простился съ свѣтомъ; онъ весь въ учебной комнатѣ Великаго Князя, гдѣ я испол-

*) Т. е. Вѣстникъ Европы" въ 1808 и 1809 годахъ. П. Б.

няю свое дѣло, и въ моемъ кабинетѣ, гдѣ я къ нему готовлюсь; въ обществѣ никто меня не видитъ. Кто посмотритъ на мои работы, тотъ согласится, что я не могу имѣть и времени заниматься ничѣмъ постороннимъ. Каждый изъ учителей Великаго Князя имѣетъ опредѣленную часть свою; я же не только смотрю за ходомъ ученія, но и самъ работаю по всѣмъ главнымъ частямъ. Въ два экзамена, въ которые Ваше Величество присутствовали, можно было видѣть, чтó сдѣлано въ два года. Но кто видѣлъ то, чего это стоило *мнѣ*? Съ дѣтской азбуки до огромныхъ картъ, таблицъ историческихъ, таблицъ естественной исторіи, христіанскаго ученія, а отчасти математическихъ, все выдумано, сочинено и написано мною; теперь прибавились еще Русская исторія и статистика, и безпрестанно кругъ дѣятельности моей будетъ расширяться. Я сидѣлъ дома, чертилъ, маралъ бумагу и измаралъ ея кипы. Ничто это Вамъ, Государь, не было показано; вы видѣли одинъ только результатъ. Великій Князь знаетъ твердо все, чему его учили: это главное! Чтобы вести такую жизнь, какую веду я, нуженъ энтузіазмъ, и его давала мнѣ до сихъ поръ высокая цѣль моя; его животворила мысль, что меня знаютъ, что мнѣ ничто ненужно для поддержанія себя въ драгоцѣнномъ мнѣніи моего Государя, что за меня говоритъ вся прошедшая жизнь моя и вся настоящая моя дѣятельность и что я могу идти смѣло впередъ, не опасаясь, чтобы какое нибудь недоброжелательство мнѣ повредило. Но теперь чувствую, что и я отъ него не спасся.

Уже во все продолженіе прошедшаго года весьма часто тревожила меня мысль, что милость ваша, Государь, ко мнѣ уменьшилась. Съ стѣсненіемъ сердца замѣчалъ я, что, при всей довѣренности Вашей, которой главнымъ доказательствомъ служитъ то мѣсто, которое занимаю, имѣли Вы ко мнѣ какую-то горестную для меня холодность, которая казалась мнѣ неизъяснимою. Какъ подданный, я навсегда привязанъ къ Вамъ силою присяги; но Вы для меня болѣе нежели Царь: Вы отецъ моего Питомца и въ этомъ отношеніи я имѣю право на Ваше сердце; а къ этому-то сердцу, столь благородному, столь чистому, я не имѣю доступа, я, котораго вся жизнь передана тому, чтó такъ дорого для этого сердца. Государь иногда оказываетъ мнѣ благосклонность, но Отецъ молчитъ со мною. Скажите, Государь, чтó лишило меня Вашей милости? Я не обманулся въ своемъ предчувствіи. Въ то время, когда я весь былъ преданъ своему дѣлу и ни о чемъ кромѣ него не думалъ и не могъ думать, тайная вражда противъ меня дѣйствовала. Я не знаю враговъ моихъ, но очевидно, что ихъ имѣю и что это враги литературные. Государыня сказала мнѣ, что Ваше Величество не довольны мною за то, что я впутываюсь въ литературныя

ссоры и стою за Воейкова. Вотъ все, что̀ мнѣ извѣстно. Кто обвинилъ меня? Чѣмъ подтверждено это обвиненіе? Не знаю! Могу только догадываться и никого не могу представить себѣ кромѣ Булгарина. Предварительно скажу, что я вообще не имѣю никакого сношенія съ здѣшними писателями, овладѣвшими литературою; видаюсь только съ Крыловымъ, Гнѣдичемъ и барономъ Дельвигомъ, которыхъ уважаю. Съ другими же, которые срамятъ литературу своими непристойными перебранками и особенно съ Булгаринымъ, у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго ни въ какомъ отношеніи. Думаю, что Булгаринъ (который до сихъ поръ при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ показывалъ мнѣ великую преданность) ненавидитъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я очень искренно сказалъ ему въ лицо, что *не одобряю того торговаго духа и той непристойности, какую онъ ввелъ въ литературу и что я не могъ дочитать его Выжигина.* Вотъ обстоятельства, дошедшія до меня по слуху, которыя заставляютъ меня думать, что тайный обвинитель мой есть Булгаринъ. Когда Ваше Величество наказали Булгарина, Греча и Воейкова за непристойныя статьи, въ журналѣ ихъ помѣщенныя, то Булгаринъ началъ вездѣ разглашать (это даже дошло и до Москвы), что онъ посаженъ былъ на гауптвахту по моимъ проискамъ и что Воейкова (коему я будто покровительствую) посадили съ нимъ вмѣстѣ только для того, чтобы скрыть мои интриги. Это сказывалъ мнѣ человѣкъ, слышавшій отъ самаго Булгарина. Разумѣется, что я не обратилъ вниманія на такое забавное обвиненіе. Но до Булгарина должны были потомъ дойти *слова мои*, сказанныя мною товарищу его Гречу на счетъ другой его статьи, послѣ уже напечатанной въ «Сѣверной Пчелѣ». *Государь*, сказалъ я Гречу, *вѣрно будетъ недоволенъ этою статьею, если она дойдетъ до его свѣдѣнія.* Я полагаю, что Булгаринъ довелъ сіи слова мои до начальства, растолковавъ ихъ по своему, то есть представивъ, что *я угрожаю ему именемъ Вашимъ*, такъ какъ онъ вездѣ разгласилъ, что *я* посадилъ его на гауптвахту.

Другой случай: въ Москвѣ напечатанъ Альманахъ, въ коемъ мой родственникъ Киреевскій помѣстилъ обозрѣніе Русской литературы за прошлый годъ. Въ этомъ обозрѣніи сдѣланы рѣзкія замѣчанія на романъ Булгарина Иванъ Выжигинъ. Въ то время когда альманахъ печатался въ Москвѣ, Киреевскій, проѣздомъ въ чужіе края, находился въ Петербургѣ и жилъ у меня. Альманахъ вышелъ уже послѣ его отъѣзда. Но этого было довольно, чтобы заставить думать Булгарина, что статья Киреевскаго была написана по моему наушенію. Это бы ничего; но послѣ я услышалъ, что Булгаринъ вездѣ разславляетъ, будто-бы Киреевскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое

извѣстно и правительству. Весьма сожалѣю, что я и это оставилъ безъ вниманія и не предупредилъ, для собственной безопасности, генерала Бенкендорфа: ибо этимъ людямъ для удовлетворенія ихъ злобы никакіе способы не страшны. Кирѣевскій не писалъ ко мнѣ никакого письма, за его правила я отвѣчаю; но клевета распущена; можетъ быть, сочинено и письмо, и тайный вредъ мнѣ сдѣланъ.

Наконецъ, меня обвиняютъ въ томъ, что я держу сторону Воейкова. Это имѣетъ видъ справедливости, ибо «Инвалидъ» сохраненъ Воейкову по моей просьбѣ и предстательству Государыни Императрицы. Но съ самимъ Воейковымъ я не имѣю ничего общаго.... Меня приковала къ нему бѣдственная судьба его жены, которая выросла на рукахъ моихъ и стоила лучшей участи; я и теперь прикованъ къ нему ея милыми сиротами. Все, чтó имѣютъ онѣ, къ несчастію заключается въ доходѣ получаемомъ ихъ отцомъ отъ «Инвалида»; могу ли не желать всѣмъ сердцемъ, чтобы этотъ доходъ ему сохранился? Но въ литературныхъ перебранкахъ Воейкова я не могу участвовать.

Вотъ все, чтó я могъ придумать, дабы объяснить для себя передъ лицомъ Вашего Величества, какъ могло пасть на меня обвиненіе столь несогласное съ моимъ характеромъ. Могу ли не скорбѣть всѣмъ сердцемъ, видя себя въ необходимости оправдываться и для того стать на ряду съ Воейковымъ и Булгаринымъ? На что же жить, когда наша жизнь ничто передъ глазами тѣхъ, кои намъ всего дороже на свѣтѣ, когда она ничего не свидѣтельствуетъ, ни отъ чего не защищаетъ? Вы, Государь (болѣе нежели мой Государь, мой благотворитель, отецъ моего Воспитанника) можете носить на сердцѣ худое противъ меня мнѣніе, можете видѣть меня каждый день и не спасти меня отъ величайшаго для меня бѣдствія, отъ потери Вашихъ милостей! Государь, чтобы исполнить возложенное Вами на меня дѣло достойнымъ его образомъ, я долженъ имѣть бодрость; а какъ имѣть ее при убійственной мысли, что я кажусь вамъ не такимъ каковъ я есть, что Вы не одобряете моего поведенія?

Умоляю Ваше Величество, будьте сострадательны, допустите меня къ себѣ, благоволите изъяснить, въ чемъ вина моя передъ Вами. Если въ самомъ дѣлѣ я безъ намѣренія въ чемъ нибудь виноватъ, то Вы услышите самое искреннее признаніе, и смѣю надѣяться великодушнаго прощенія, или буду оправданъ. И то и другое для меня стольже необходимо, какъ воздухъ для дыханія: съ тою тягостію, которая у меня на сердцѣ, я ни на что не могу быть способенъ.

В. Жуковскій.

*

Недоразумѣніе скоро прекратилось. Покойная Авдотья Петровна Елагина передавала намъ (со словъ самаго Жуковскаго), что Николай Павло-

вичъ, послѣ одного изъ таких своихъ омраченій (навѣянныхъ на него изъ III-го Отдѣленія Собственной Канцеляріи), встрѣтивъ проходившаго по Зимнему дворцу Василія Андреевича, подозвалъ его къ себѣ, обнялъ и съ сердечностью сказалъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!“ П. Б.

2. Письмо В. А. Жуковскаго къ А. Х. Бенкендорфу объ И. В. Киреевскомъ.

(1832).

На сихъ дняхъ запрещенъ журналъ, издаваемый въ Москвѣ подъ названіемъ «Европейца». Издателю сего журнала приписываютъ *злыя намѣренія*, а это обвиненіе основывается на томъ положеніи, будто бы въ статьѣ его «XIX вѣкъ» заключается въ нѣкоторыхъ напечатанныхъ выраженіяхъ тайный смыслъ, понятный одному только автору, и что онъ, говоря о словесности и философіи, хотѣлъ говорить о политикѣ.

Если бы прежде совершенія наказанія надъ авторомъ или прежде доведенія до свѣдѣнія Государя Императора о мнимой винѣ его, было потребовано отъ него какое нибудь объясненіе, то онъ вѣроятно нашелъ бы способъ оправдаться; но этого не сдѣлано, и молодой человѣкъ, ни однимъ поступкомъ въ жизни не заслужившій нареканія, объявленъ теперь публично злонамѣреннымъ и подозрительнымъ человѣкомъ.

Будучи близкимъ ему свойственникомъ, зная его прекрасныя свойства, зная совершенно всю его жизнь почти отъ колыбели до теперешней минуты, я почелъ себя обязаннымъ дать за него то объясненіе, котораго отъ него не потребовали, и вступиться предъ вашимъ высокопревосходительствомъ если не за его журналъ, который уже не существуетъ, то по крайней мѣрѣ за честь его, оскорбленную безъ всякаго со стороны его проступка.

Нѣтъ строки, сколь бы она просто ни была написана, которой бы нельзя было истолковать самымъ гибельнымъ образомъ, если вмѣсто словъ, употребленныхъ авторомъ, выдумать другія и, предположивъ въ авторѣ дурное намѣреніе, заставить его говорить не то, что́ думалъ онъ, а то, что́ заставляешь его думать. Нѣтъ молитвы, которая такимъ образомъ не была бы превращена въ богохуленіе.

Это и сдѣлано съ статьею Киреевскаго. Думаютъ, что подъ нѣкоторыми выраженіями имъ употребленными въ статьѣ напечатанной, надобно разумѣть другія, тайныя, дающія онымъ совсѣмъ

иной и вредный смыслъ. Что же могло заставить это подумать? Кому авторъ открылъ свою тайну? И гдѣ доказательства, что онъ имѣлъ такое намѣреніе? Зная его лично съ ребячества, зная его образъ мыслей, смѣло могу утверждать передъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что онъ сего намѣренія не имѣлъ и что онъ по своему прямодушію не способенъ поступить такъ криво, тѣмъ болѣе, что подобный поступокъ былъ бы безъ всякой цѣли: ибо для кого можетъ быть написана статья, въ которой читаешь одно, а долженъ понимать другое? Нуженъ ключъ для читателя; а гдѣ найти этотъ ключъ? Развѣ только у автора. Но для этого нужно, чтобы самъ же авторъ объявилъ письменно или хотя подъ рукою, что у него есть такой ключъ. Кому же объявлялъ объ этомъ авторъ? Пускай укажутъ хотя на одного человѣка, съ коимъ бы онъ говорилъ объ этомъ? И такъ обвиненіе ни на чемъ не основано. Что же надлежитъ заключить изъ того вреднаго толкованія, которое дано предъ вами статьѣ напечатанной и на которомъ основано осужденіе ея сочинителя? То, что нашелся злонамѣренный человѣкъ, который хотѣлъ погубить его и растолковать статью его по своему, не подтвердивъ того никакимъ доказательствомъ. Клеветать на намѣреніе легко и всегда выгодно для клеветника; ибо чѣмъ можно защититься противъ клеветы его? Можно просто сказать: *я не имѣлъ того намѣренія, которое мнѣ приписываютъ*; но кто же повѣритъ на слово и гдѣ взять доказательствъ? Но и клеветникъ также утверждаетъ свое безъ доказательствъ, и ему вѣрятъ на слово. Почему же тотъ, кто убиваетъ тайно чужую честь, имѣетъ право на довѣренность; а тотъ, чья честь убита безъ всякой защиты передъ закономъ, не имѣетъ ни голоса, ни средства защитить свою лучшую драгоцѣнность, доброе имя? Почему слову, произнесенному клеветникомъ безъ доказательства: *онъ злодѣй* должно вѣрить, а слову, произнесенному обвиненнымъ: *я не злодѣй* вѣрить не должно?

Кто оклеветалъ Киреевскаго передъ правительствомъ, не знаю. Но долженъ сказать вамъ, в. п., что онъ имѣетъ враговъ литературныхъ. Это тѣ самые, которые, давно уже срамятъ нашу словесность, давая ей самое низкое направленіе и обративъ поприще ума и таланта въ презрѣнную торговую площадь, на которой нѣсколько торгашей хотятъ, опасаясь совмѣстниковъ, завладѣть прибыткомъ и для того чернятъ и осыпаютъ презрѣнными ругательствами всякаго, кто хочетъ выступить на посрамленное ими поприще совсѣмъ съ другими намѣреніями, чистыми и благородными. Они окружили нашу словесность густою стѣною, сквозь которую трудно пробиться. Они непобѣдимы и должны всегда имѣть успѣхъ вѣрный, ибо употребляютъ такія средства,

коихъ себѣ не позволитъ человѣкъ благородный, по тому самому совершенно противъ нихъ беззащитный. Никогда Русская литература не бывала въ такомъ униженіи какъ теперь; честный человѣкъ съ талантомъ долженъ бросить перо и отказаться отъ мысли. Если онъ осмѣлится выдти на сцену, на него посыплятся ругательства и вооружится тайная клевета. Авторская жизнь его будетъ отравлена низкою бранью предъ читающею публикою, а жизнь гражданская замарана передъ правительствомъ доносами, въ слѣдствіи которыхъ онъ будетъ ошельмованъ, какъ злонамѣренный человѣкъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, и голосъ его въ защиту погибающей чести своей не будетъ услышанъ: судъ совершится надъ нимъ прежде, нежели онъ успѣетъ сказать одно слово въ свое оправданіе. Между тѣмъ эти люди, живущіе литературнымъ стыдомъ и тайными происками клеветы, торжествуютъ передъ глазами публики, которая ихъ знаетъ и, оскорбляясь ихъ дѣйствіями, винитъ правительство за то, что оно даетъ торжествовать имъ. Они владѣютъ умами и портятъ умы, ибо срамятъ литературу, дѣйствующую на ихъ образованіе.

Статья Киреевскаго, въ которой онъ говоритъ о безразсудномъ пристрастіи нашемъ ко всѣмъ иностранцамъ безъ разбора и хочетъ отличить сіе пристрастіе отъ полезнаго и необходимаго намъ уваженія къ просвѣщенію Европейскому, объяснена самымъ превратнымъ образомъ. Говорятъ, будто онъ разумѣлъ подъ именемъ людей носящихъ не-Русскую фамилію всѣхъ тѣхъ кои населяютъ наши Нѣмецкія провинціи и столь же Русскія по своему патріотизму и по своимъ услугамъ общему отечеству какъ и коренные жители Москвы, Владимира и Новгорода. Такой мысли Киреевскій имѣть не могъ просто потому, что онъ не сумасшедшій. Онъ говорилъ объ иностранцахъ не-Русскихъ подданныхъ, хотя и родившихся въ Россіи и предпочитаемыхъ въ нашихъ обществахъ только за то, что ихъ фамиліи не-Русскія. Такъ пристрастно были истолкованы самыя обыкновеныя и ясныя мысли въ статьяхъ Киреевскаго. Между тѣмъ есть у насъ романы, въ коихъ Россія обругана; въ нихъ не только дурная сторона нашихъ нравовъ представлена весьма ярко въ каррикатурѣ (а хорошая сторона весьма вяло), но подъ вымышленными именами обруганы нѣкоторые изъ живыхъ людей, занимающихъ въ обществѣ почетное мѣсто; эти имена не напечатаны, но были распущены подъ рукою, и въ нѣкоторыхъ вымышленныхъ есть сходство съ настоящими. Черезъ это книги получили ходъ, были раскуплены, и изъ десяти читателей конечно одинъ зналъ, кого разумѣлъ въ ругательствѣ своемъ авторъ.

3. Письмо В. А. Жуковскаго къ императору Николаю Павловичу объ И. В. Киреевскомъ.

Я перечиталъ съ величайшимъ вниманіемъ въ журналѣ *Европеецъ* тѣ статьи, о коихъ Ваше Императорское Величество благоволили говорить со мною и, положивъ руку на сердце, осмѣливаюсь сказать, что не умѣю изъяснить себѣ, что̀ могло быть найдено въ нихъ злонамѣреннаго. Думаю, что я не остановился бы пропустить ихъ, когда бы долженъ былъ ихъ разсматривать какъ цензоръ.

Въ первой статьѣ, *Девятнадцатый Вѣкъ*, авторъ судитъ о ходѣ Европейскаго общества, взявъ его отъ конца XVIII в. до нашего времени, въ отношеніи литературномъ, нравственномъ, философическомъ и религіозномъ; онъ не касается до политики (о чемъ именно говоритъ въ началѣ статьи), и его собственныя мнѣнія рѣшительно антиреволюціонныя; объ остальномъ же говоритъ онъ просто исторически. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ теменъ, но это безъ намѣренія, а единственно отъ того, что не умѣлъ выразиться яснѣе, что̀ не только весьма трудно, но и почти неизбѣжно на Русскомъ языкѣ, въ которомъ такъ мало терминовъ философическихъ. Это просто неумѣніе писателя. Но и въ этихъ темныхъ мѣстахъ (если не предполагать съ начала дурнаго намѣренія въ авторѣ, на что нѣтъ никакого повода), добравшись съ трудомъ до смысла, не найдешь ничего предосудительнаго; ибо вездѣ говорится исключительно объ одной литературѣ и философіи, и нѣтъ нигдѣ ничего политическаго. Сіи мѣста, вырванныя изъ связи цѣлаго, могли быть изъяснены неблагопріятнымъ образомъ, особливо если представить ихъ въ смыслѣ политическомъ; но прочтенныя въ связи съ прочимъ, они совершенно невинны. Какія это именно мѣста, я не знаю; ибо я прочиталъ статью въ связи, и ничего въ ней не показалось мнѣ предосудительнымъ. Въ замѣчаніяхъ на комедію *Горе отъ ума* авторъ не только не нападаетъ на иностранцевъ, но еще хочетъ, въ смыслѣ правительства, оправдать благоразумное подражаніе иностранному, утверждая, что оно не только не вредитъ національности, но должно еще послужить къ ея утвержденію. Онъ смѣется надъ нашею исключительною привязанностью къ иностранцамъ, которая дѣйствительно смѣшна, и подъ именемъ тѣхъ иностранцевъ, на коихъ нападаетъ, не разумѣетъ тѣхъ достойныхъ уваженія иностранцевъ, кои употреблены правительствомъ, а только тѣхъ, кои у насъ (или родясь въ Россіи или переселясь въ нее изъ отечества), подъ покровительствомъ не-Русскаго имени, первенствуютъ въ обществѣ и портятъ домашнее воспитаніе, ввѣренное имъ безъ разбора

родителями. Однимъ словомъ, онъ хочетъ отличить благоразумное уваженіе къ иностранному просвѣщенію, нужное Россіи, отъ безразсуднаго уваженія къ иностранцамъ безъ разбора, вреднаго и смѣшнаго.

Теперь осмѣлюсь сказать слово о самомъ авторѣ. Его мать *) выросла на глазахъ моихъ, и его самого и его братьевъ знаю я съ колыбели. Въ этомъ семействѣ не было никогда и тѣни безнравственности. Онъ все свое воспитаніе получилъ дома, имѣетъ самый скромный, тихій, можно сказать, дѣвственный характеръ; застѣнчивъ и чистъ какъ дитя; не только не имѣетъ въ себѣ ничего буйнаго, но до крайности робокъ и остороженъ на словахъ. Онъ служилъ нѣсколько времени въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ... Проѣзжая черезъ Петербургъ, онъ провелъ въ немъ болѣе недѣли и, это время проживъ у меня, отправился прямо въ Берлинъ, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и слушалъ лекціи въ университетѣ. Получивъ отъ меня рекомендательныя письма къ людямъ, которые могли указать ему только хорошую дорогу, онъ умѣлъ заслужить пріязнь ихъ. Изъ Берлина поѣхалъ онъ въ Мюнхенъ къ брату, учившемуся въ тамошнемъ университетѣ. Открывшаяся въ Москвѣ холера заставила обоихъ братьевъ все бросить и спѣшить въ Москву дѣлить опасность чумы съ семействомъ. Съ тѣхъ поръ оба брата живутъ мирно въ кругу семейственномъ, занимаясь литературою. И тотъ и другой почти неизвѣстны въ обществѣ; кругъ знакомства ихъ самый тѣсный; вся цѣль ихъ состоитъ въ занятіяхъ мирныхъ, и они, по своимъ свойствамъ, по добрымъ привычкамъ, полученнымъ въ семействѣ, по хорошему образованію, могли-бы на избранной ими дорогѣ сдѣлаться людьми дѣльными и заслужить одобреніе отечества полезными трудами, ибо имѣютъ хорошія свѣдѣнія, соединенныя съ талантомъ и, смѣло говорю, съ самою непорочною нравственностію. Объ этомъ говорить я имѣю право болѣе нежели кто нибудь на свѣтѣ, ибо я самъ членъ этого семейства и знаю въ немъ всѣхъ съ колыбели.

Что̀ могло дать на счетъ Киреевскаго В. Императорскому Величеству мнѣніе, столь гибельное для цѣлой будущей его жизни, постигнуть не умѣю. Онъ имѣетъ враговъ литературныхъ, именно тѣхъ, которые и здѣсь въ Петербургѣ, и въ Москвѣ срамятъ Русскую литературу, даютъ ей самое низкое направленіе и почитаютъ врагами своими всякаго, кто берется за перо съ благороднѣйшимъ чувствомъ. Этимъ людямъ всякое

---

*) Авдотья Петровна, ур. Юшкова, во второмъ бракѣ Елагина (см. ея біографію въ „Русскомъ Архивѣ" 1877 года). Она была на шесть лѣтъ моложе В. А. Жуковскаго. П. Б.

средство возможно, и тѣмъ успѣшнѣе ихъ дѣйствія, что тѣ, противъ коихъ они враждуютъ, совершенно безоружны въ этой неровной войнѣ; ибо никогда не употребятъ противъ нихъ тѣхъ способовъ, коими они такъ рѣшительно дѣйствуютъ. Клевета искусна: издалека наготовитъ она столько обвиненій противъ безпечнаго честнаго человѣка, что онъ вдругъ явится въ самомъ черномъ видѣ и, со всѣхъ сторонъ запутанный, не найдетъ словъ для оправданія. Не имѣя возможности указать на поступки, обвиняютъ *тайныя намѣренія*. Такое обвиненіе легко, а оправданія противъ него быть не можетъ. Можно отвѣчать: *я не имѣю злыхъ намѣреній*. Кто же повѣритъ на слово? Можно представить въ свидѣтельство непорочную жизнь свою. Но и она уже издалека очернена и подрыта. Что же остается дѣлать честному человѣку, и гдѣ можетъ найти онъ убѣжище? Примѣръ передъ глазами. Киреевскій, молодой человѣкъ, чистый совершенно, съ надеждою пріобрѣсти хорошее имя, берется за перо и хочетъ быть авторомъ въ благородномъ значеніи этого слова. И въ первыхъ строкахъ его находятъ *злое намѣреніе*. Кто прочитаетъ эти строки безъ предубѣжденія противъ автора, тотъ конечно не найдетъ въ нихъ сего тайнаго злаго намѣренія. Но уже этотъ авторъ представленъ Вамъ какъ человѣкъ безнравственный, и онъ, неизвѣстный лично Вамъ, не имѣетъ средства сказать никому ни одного слова въ свое оправданіе, уже осужденъ передъ верховнымъ судилищемъ, передъ Вашимъ мнѣніемъ.

На дурные поступки его никто указать не можетъ, ихъ не было и нѣтъ; но уже на первомъ шагу дорога его кончена. Для Васъ онъ не только чужой, но вредный. Одной благости Вашей должно приписать только то, что его не постигло никакое наказаніе. Но главное несчастіе совершилось: Государь, представитель закона, слѣдственно самъ законъ, наименовалъ его уже виновнымъ. На что же послужили ему двадцать пять лѣтъ непорочной жизни? И на что можетъ вообще служить непорочная жизнь, если она въ минуту можетъ быть опрокинута клеветою?

Письмо это, равно какъ и два предъидущія, черновыя; они сохранились у сына Жуковскаго, Павла Васильевича, и ему обязаны мы этимъ украшеніемъ „Русскаго Архива". Изданіе „Европейца" было запрещено по тайнымъ навѣтамъ Булгарина съ братіею. Его вышло всего двѣ прекрасныя книжки. Отпечатанные листы третьей неконченной книжки (402 страницы) составляютъ рѣдкость и хранятся у немногихъ любителей старины. Они имѣются въ Чертковской библіотекѣ. „Европеецъ" подробно описанъ въ „Книжныхъ Рѣдкостяхъ" И. М. Остроглазова (см. „Русскій Архивъ" 1892 года). П. Б.

ИЗЪ ДЕПЕШЕЙ БАРОНА БАРАНТА [1]).

Къ герцогу Броли.

С.-Петербургъ, 31 Января 1836.

Вчера на балѣ у герцога Ольденбургскаго Государь подошелъ ко мнѣ и взялъ меня очень ласково за руку; разговоръ своею продолжительностью былъ очень замѣченъ. Рѣчь шла объ общественныхъ учрежденіяхъ, управленіи, объ общественномъ образованіи, литературѣ. Только по поводу промедленія, которому подверглись нѣкоторые полезные проекты, Государь, перечисляя причины этого промедленія, вставилъ: «Злосчастная Польская война!» Эта фраза, произнесенная въ тотъ день, показалась мнѣ достопримѣчательной.

Третьяго дня я снова видѣлъ Государя на другомъ празднествѣ; онъ опять отличилъ меня своимъ обхожденіемъ и бесѣдовалъ со мной довольно долго, но исключительно о картинахъ Эрмитажа, которыя я осматривалъ поутру.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9 Февраля 1836.

Здѣсь ждутъ съ какимъ-то опасеніемъ открытія Парламента [2]) и предвидятъ болѣе шумную и сильную вспышку, чѣмъ пренія въ палатѣ депутатовъ. Государь, конечно, очень занятъ этимъ; но до меня не доходитъ никакого слуха о томъ, какимъ образомъ онъ выражается объ этомъ. Если судить по долгому разговору, который я имѣлъ съ графомъ Орловымъ, то досада, даже раздраженіе и безпокойство велики. Когда я нашелъ въ этомъ нѣкоторое преувеличеніе, говоря, что рѣчи въ Парламентѣ иное дѣло чѣмъ рѣшеніе правительства, то графъ Орловъ отвѣчалъ мнѣ: «если бы вы знали лорда Пальмерстона, какъ я его знаю, вы бы не говорили этого; онъ способенъ на все; это человѣкъ страстный и самолюбивый.» Затѣмъ онъ прибавилъ: «Вспомните

---

[1]) Извлечено изъ 5-го тома книги „Souvenirs du baron de Barante, de l'académie française. Paris 1895. Сличи „Русскій Архивъ“ 1890, III, 222 и 1891, I, 145. Знаменитый историкъ, баронъ Барантъ былъ посланникомъ Людовика-Филиппа при нашемъ дворѣ съ осени 1835 года. П. Б.

[2]) Т. е. Англійскаго, въ министерство Пальмерстона. П. Б.

сожженіе Копенгагена въ 1807 году; это было при полномъ мирѣ, послѣ исканій внушить Даніи совершенную безопасность. Кто знаетъ, что у нихъ нѣтъ желанія сжечь Кронштадтъ, какъ они часто это говорили». Въ этихъ жалобахъ сквозило особенно стараніе установить разницу между Франціей и Англіей. «Мы знаемъ, что у васъ нѣтъ того же недовѣрія, что вы не считаете насъ собирающимися идти къ завоеванію Константинополя и занятію Дарданелъ; вашъ союзъ съ Англіей вѣрно не дойдетъ до того, чтобы побудить васъ вмѣстѣ съ нею къ войнѣ безъ повода: это была бы война всеобщая, смятеніе всей Европы».

Гораздо дольше велъ я разговоръ, но болѣе общаго характера и между тѣмъ въ бо́льшихъ подробностяхъ, съ г-мъ Уваровымъ, министромъ народнаго просвѣщенія, который пользуется довѣріемъ Государя и который, я думаю, былъ уполномоченъ, или даже выбранъ, для сношеній со мной.

Тоже самое было мнѣ сказано и имъ.

Что касается Англійскаго союза, то о немъ г-ъ Уваровъ долго распространялся, говоря, что находитъ его неестественнымъ, что онъ долженъ быть противенъ общественному мнѣнію, Французскимъ преданіямъ и вызванъ лишь преходящими обстоятельствами. Мой постоянный отвѣтъ былъ, что сходство двухъ революцій создало родъ симпатіи между обоими народами; что сохраненіе мира сдѣлалось искреннимъ и глубоко прочувствованнымъ желаніемъ; что въ этомъ состоитъ характеръ нашего союза съ Англіей; что онъ не имѣетъ, впрочемъ, никакой цѣли, никакого дѣйствительнаго замысла и ни въ чемъ не исключаетъ нашей дружбы съ великими державами материка.

Враждебное расположеніе Государя къ Франціи было въ разговорахъ моихъ какъ съ г-мъ Уваровымъ, такъ и съ другими лицами, главнымъ предметомъ, къ которому мы часто возвращались. Я счелъ удобнѣйшимъ говорить объ этомъ холодно, какъ о дѣлѣ, которое мы отлично знаемъ, послѣдствій котораго мы не преувеличивали, бо́льшая или меньшая продолжительность котораго для насъ не важна. Я прибѣгалъ къ другимъ выраженіямъ; но тонъ, которымъ я объ этомъ говорю, означалъ это или почти это. Подъ опасеніемъ упрековъ за повтореніе я долженъ возвращаться къ этому главному пункту нашихъ сношеній съ Россіею. Сначала Императоръ, да и всѣ государи Европы, былъ пораженъ Іюльской революціей какъ наибольшимъ позоромъ, какой когда либо былъ нанесенъ королевской власти; онъ съ живостью

испытывалъ то самое чувство, которое, какъ я видѣлъ близко, ощущалъ король Карлъ-Альбертъ *). Будучи при своемъ могуществѣ столь далекъ отъ насъ, онъ выразилъ свое впечатлѣніе безъ осторожности; между тѣмъ для него, какъ и для другихъ, оно бы скоро начало ослабѣвать, но вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, и съ тѣхъ поръ онъ получилъ отъ Франціи глубокую рану, которая годъ отъ году растравлялась и поддерживалась, и которую статьи Journal des Débats и прѣнія растревожили, хотя онъ избѣгаетъ признаваться въ томъ.

Любопытно наблюдать, до какой степени Россія осталась чуждою Французской реставраціи. Лавки и гостинныя переполнены портретами Наполеона, гравюрами его сраженій, всѣмъ, что́ до него касается. Поклоненіе его генію здѣсь еще болѣе въ ходу, чѣмъ во Франціи; начиная съ Императора до самаго простаго офицера, никто не говоритъ о немъ безъ удивленія. Я не замѣтилъ еще ни одной литографіи Людовика XVIII или Карла X, и никто не произнесъ ихъ именъ при мнѣ. Когда я этому удивлялся, мнѣ отвѣчали, что отношенія между Франціей и Россіей были особенно близки во времена Имперіи; что въ ту пору Русскихъ принимали и ласкали въ Парижѣ; что дворъ Наполеона былъ военный, товарищескій, тогда какъ во время реставраціи Людовикъ XVIII началъ держаться оскорбительныхъ пріемовъ съ императоромъ Александромъ; что онъ не обнаружилъ ему никакой признательности; что Русскихъ перестали хорошо принимать; что они не могли имѣть никакой связи со старыми придворными и камергерами, принадлежащими другимъ нравамъ, другой эпохѣ. Короче сказать, недоброжелательство правительства и Петербургскаго общества почерпнуто изъ этого источника, и если бы Императоръ возобновилъ дружескія отношенія между Франціей и Россіей, Русская аристократія, вѣроятно, была бы изо всей аристократіи Европы одною изъ наименѣе намъ враждебныхъ.

Но этотъ разрывъ сношеній произвелъ въ настоящемъ почти полное незнаніе истиннаго положенія Франціи, незнаніе, которому Императоръ, по своей склонности и волѣ, отдался болѣе нежели тѣ свѣдующіе люди, которыми онъ пользуется. Онъ, тонко понимающій свой собственный народъ, внутреннее управленіе которымъ сопряжено у него съ замѣчательнымъ знаніемъ положенія дѣлъ, онъ, такъ сказать, добровольно ошибся относительно Франціи, а также и Европы.

Теперь онъ начинаетъ это замѣчать. Европа и Франція являются ему съ каждымъ днемъ въ болѣе правильномъ видѣ; но нужно привы-

*) Передъ тѣмъ баронъ Барантъ былъ посланникомъ въ Сардиніи. П. Б.

кать мало по малу къ этому новому положенію, которое обнаружилось въ Теплицкихъ недоразумѣніяхъ [1]) и въ очевидности нашей внутренней стойкости. Безъ сомнѣнія пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ прежде чѣмъ совершенно сознаются, что ошиблись и что нужно дѣйствовать инымъ образомъ.

Впрочемъ ожесточеніе противъ Россіи общественнаго мнѣнія во Франціи и Англіи служитъ объясненіемъ всѣхъ причинъ раздраженія. Если Англія только пошумитъ, если не случится никакого новаго событія въ эти нѣсколько мѣсяцевъ, то мы можемъ увидать сначала рожденіе, а затѣмъ развитіе послѣдствій настоящаго положенія, которое еще не установилось и недостаточно признано.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 24 Февраля 1836 г.

Рѣчь Англійскаго короля, адресъ обѣихъ палатъ, прѣнія, слова лорда Пальмерстона и особенно слова лорда Мельбурна, доставили большое удовольствіе, такъ какъ здѣсь ожидали совсѣмъ другаго. Опасались рѣзкихъ и враждебныхъ изъявленій противъ Россіи и недостаточной заботы со стороны министровъ, чтобы противостоять этому. Спокойствіе и сдержанность, съ которою все произошло въ Парламентѣ, дѣлаютъ положеніе лорда Дюргама [2]) здѣсь еще лучшимъ, такъ какъ онъ можетъ приписать такой результатъ въ значительной степени увѣдомленіямъ, которыя онъ посылалъ, своимъ неотступнымъ прошеніямъ и совѣтамъ, которые онъ давалъ министрамъ и своимъ друзьямъ.

Чѣмъ болѣе я присматриваюсь къ политическому положенію Россіи, тѣмъ болѣе вижу, какимъ вѣсомъ и значеніемъ пользуется здѣсь Англія. Помимо страха, который внушаютъ ея эскадра и морскія экспедиціи (единственный родъ войска, могущій непосредственно напасть на Русское могущество), нужно только подумать, что почти вся торговля въ ея рукахъ, что ея навигація въ Русскихъ портахъ вдесятеро больше нашей, что вывозъ сыраго матеріала, единственный источникъ богатства, производится Англичанами. Два раза Русскій Государь хотѣлъ прервать эту торговлю, нѣкогда болѣе значительную чѣмъ теперь. Въ 1801 году это было однимъ изъ крупныхъ недовольствъ, повед-

[1]) Лѣтомъ 1835 года Николай Павловичъ ѣздилъ въ Вѣну и въ Теплицъ къ открытію памятника Кульмской битвы. Тогда въ Вѣнѣ продавалась его литографія въ статскомъ платьѣ нынѣ очень рѣдкая. П. Б

[2]) Англійскаго посланника при нашемъ дворѣ. П. Б.

шихъ за собою кончину Павла I. Въ 1811 году императоръ Александръ былъ принужденъ уступить и нуждамъ своей имперіи и возобновить коммерческія сношенія съ Англичанами.

Если разсматривать отношенія Англіи и Россіи съ точки зрѣнія менѣе положительной, болѣе непостоянной и болѣе зависящей отъ теперешнихъ политическихъ обстоятельствъ, то будетъ замѣтно, что Англичанамъ не приходится, какъ намъ, разсѣевать ни малѣйшаго враждебнаго воспоминанія о войнѣ или нашествіи. Хотя Русскіе, благодаря своему характеру, питаютъ на столько мало чувства мести за событія 1812 года, насколько это возможно, однакоже не нужно считать это чувство неудовольствія за бездѣлицу. Сверхъ того, здѣсь произвелъ бы болѣе всего безпокойства и досады союзъ или какой либо договоръ обезпеченія, заключенный между Франціей, Англіей и Австріей; а вліяніе Англіи на Вѣнскій кабинетъ будетъ всегда сильнѣе, чѣмъ наше. Наконецъ, не смотря на улучшеніе нашего внутренняго положенія, оно не даетъ достаточнаго понятія о нашей стойкости, и мы не имѣемъ еще стараго значенія Англіи.

Между тѣмъ и мы въ своихъ сношеніяхъ съ Россіей приносимъ ей нѣкоторыя выгоды, которыя и для насъ удобны. Высшее общество говоритъ и пишетъ на нашемъ языкѣ; его вниманіе постоянно обращено на то, чтò дѣлается, говорится и пишется во Франціи. Отъ насъ шло и идетъ дѣйствіе цивилизаціи; между характеромъ Французскимъ и Русскимъ есть симпатія или по крайней мѣрѣ легкое соотношеніе, тогда какъ спѣсь и заносчивость, въ которыхъ упрекаютъ Англичанъ, переносятся неохотно. Поэтому, разъ нѣтъ новыхъ обстоятельствъ, никакого опасенія въ близкой войнѣ, никакой внутренней смуты во Франціи, мнѣніе Русскаго общества все болѣе и болѣе намъ благопріятствуетъ. Всѣ поселившіеся здѣсь Французы говорятъ, что ихъ принимаютъ съ каждымъ днемъ лучше. Императоръ, сохраняя, какъ я полагаю, большое предубѣжденіе, чувствуя навсегда или надолго раны, полученныя имъ изъ за Польши, оставаясь оскорбленнымъ въ своихъ монархическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ понятіяхъ тѣмъ, чтó происходитъ, чтó говорится, чтó печатается у насъ, все же благопріятствуетъ въ настоящую минуту возврату доброжелательности къ Франціи и поощряетъ его.

Нѣкоторое время я не имѣлъ случая видѣть его. Такъ какъ Императрица была больна, то я не встрѣчалъ больше Государя на балахъ и собраніяхъ, гдѣ въ это время года дворъ имѣетъ обыкновеніе появляться, и мнѣ приходилось судить о его намѣреніяхъ только изъ словъ

людей, видающихъ его болѣе или менѣе часто. Но третьяго дня, такъ какъ Императрицѣ легче и ея состояніе не внушаетъ болѣе Императору безпокойства, онъ пріѣхалъ невзначай на балъ, гдѣ былъ и я. Никогда не бывалъ онъ раньше такъ милостиво привѣтливъ ко мнѣ. «Я хочу, началъ онъ, выразить вамъ, насколько я чувствителенъ къ словамъ, съ которыми король обратился къ графу Палену *), увѣряя его, что онъ нисколько не раздѣляетъ враждебныхъ чувствъ Англіи противъ меня. Я себѣ ихъ не растолкую; нѣтъ для нихъ ни малѣйшей причины, и онѣ не внушаютъ мнѣ никакого серьезнаго опасенія; я хорошо зналъ, что король слишкомъ воздерженъ, чтобы рѣшиться на принятіе ихъ, но я хотѣлъ вамъ сказать, сколько пріятно мнѣ было увѣреніе его въ томъ». Въ это время только что узнали объ отставкѣ министерства, и оно было предметомъ всеобщаго разговора. Государь ничего мнѣ не сказалъ про него и даже, чтобы показать, что и не станетъ со мной говорить объ этомъ, онъ коснулся чего-то относящагося ко внутреннему состоянію Англіи, прибавивъ: «это до меня не касается, и я имѣю привычку не заниматься тѣмъ, что̀ происходитъ у другихъ».

Ваше сіятельство вѣроятно замѣтили въ газетахъ нѣсколько статей, въ которыхъ идетъ рѣчь о карантинномъ бюро, устроенномъ Русскимъ правительствомъ при устьѣ Дуная. Лордъ Дюргамъ занимался этимъ дѣломъ и основательно считаетъ его весьма важнымъ. Устье Дуная раздѣлено двумя островами на три различныхъ канала. До Адріанопольскаго договора Россія могла основать какое либо учрежденіе только на лѣвомъ берегу рѣки; оба острова должны были оставаться незанятыми. Теперь этого ограниченія не существуетъ больше, и Русское правительство поставило карантинный постъ на южномъ островѣ, чтобы господствовать надъ устьемъ болѣе судоходнаго рукава. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, гр. Воронцовъ, Одесскій губернаторъ, ѣздилъ осмотрѣть это учрежденіе; онъ кажется, придаетъ ему значеніе. Отъ одного Англійскаго судна, желавшаго войти въ устье, было потребовано подчиненія Русскому карантинному осмотру; судно отказалось и даже приняло мѣры къ сопротивленію силою. Лордъ Дюргамъ, будучи въ Одессѣ, отправилъ Англійскаго офицера осмотрѣть это судно и убѣдиться, что карантинъ не укрѣпленъ, какъ утверждаетъ Русское правительство, и было ли судно принуждено прервать плаваніе по рѣкѣ. Онъ еще не получалъ подробнаго рапорта, но думаетъ, что въ настоящее время это только карантинный постъ. Кромѣ того, нельзя тоже сказать, чтобы въ этомъ было нарушеніе Адріанопольскаго договора; но это служитъ еще новымъ доказательствомъ невниманія, съ которымъ Евро-

*) Графу Петру Петровичу, нашему посланнику въ Парижѣ. П. Б.

пейскія державы въ продолженіи многихъ лѣтъ закрывали глаза на отношенія и договоры Россіи съ Турціей. Тутъ уже есть начало вступленія во владѣніе устьемъ Дуная. Сегодня существуетъ только карантинный постъ, который уже можетъ быть затруднительнымъ и стѣснительнымъ для навигаціи; завтра онъ можетъ обратиться въ хорошо вооруженный фортъ; можетъ быть устроена дорожная пошлина, могутъ быть объявлены запрещенія, и Россія очутится хозяйкой навигаціи на самой большой рѣкѣ въ Европѣ [1]).

А ничто не было бы такъ нежелательно какъ убѣдиться, что эта навигація ведется съ большою дѣятельностью. Если бы въ Австріи коммерческіе интересы приняли широкіе размѣры, характеръ политики этого государства измѣнился бы выгодно для равновѣсія Европы; если бы эти интересы были направлены къ Востоку и создалибы дѣятельную навигацію по Дунаю, то рѣка эта сдѣлалась бы необходимо границей противъ захватовъ Россіи; благодаря этому, Австрія была бы гораздо болѣе дѣйствительнымъ противовѣсомъ Русскому могуществу на Востокѣ, ея надзоръ былъ бы грозенъ, а не безпеченъ какъ теперь. Черное море, служащее мѣстомъ сбыта торговли по Дунаю, не было бы исключительно Русскимъ озеромъ; подобное будущее обѣщало бы Европѣ великую и счастливую перемѣну общей политики. Однако Австрійскій посланникъ не получилъ никакой инструкціи касательно Русскаго поста при устьѣ Дуная. Не осуждая ни въ чемъ требованій Англійскаго посланника, онъ выказалъ къ нимъ равнодушіе.

По рѣчамъ и образу дѣйствій графа Фикельмона [2]) должно судить, что въ этомъ, и какъ и во всемъ остальномъ, Метернихъ вполнѣ полагается на недовѣрчивыя усилія Франціи и Англіи противиться захватамъ Россіи и поддерживать равновѣсіе Европы, такъ что онъ можетъ въ полной безопасности воздерживаться что-либо говорить или дѣлать, что̀ бы нарушило тѣсный союзъ трехъ сѣверныхъ державъ противъ революціонныхъ мнѣній и движеній.

Между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ договоръ на 12 лѣтъ; срокъ истекъ въ прошломъ году, и договоръ отсроченъ на годъ для того, чтобы прошло нужное время для заключенія новаго договора. Сомнительно, чтобы эти переговоры пришли къ хорошему концу, что̀ я узналъ отъ самого Прусскаго министра. Первый договоръ, сказалъ онъ мнѣ, былъ составленъ съ малою заботою объ интересахъ Пруссіи; онъ былъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлался съ теченіемъ вре-

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ перепискѣ графа Воронцова съ графомъ Нессельроде во 40-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

[2]) Австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

мени, очень невыгоднымъ для Прусской торговли. Впрочемъ, торговое объединеніе Германіи измѣнило положеніе; оно налагаетъ на Россію долгъ и необходимость защищать другіе интересы. Каково бы ни было вліяніе Петербургскаго кабинета на Берлинскій (вліяніе меньшее, мнѣ кажется, чѣмъ вообще предполагаютъ), онъ не добьется возобновленія прежнихъ условій, и тогда возможно, что больше не будетъ торговаго союза между обѣими державами..

Къ Тьеру.

С.-Петербургъ, 20 Апрѣля 1836.

На второй день Пасхи былъ пріемъ во дворцѣ. Государь, не видавшій Англійскаго посланника въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, осыпалъ его милостивою учтивостью и, принявъ за поводъ его охоту къ морскимъ прогулкамъ, говорилъ съ нимъ о Кронштадтѣ и объ эскадрѣ, при чемъ уменьшилъ, не давая того замѣтить, значеніе, которое могли бы придать его заботамъ и расходамъ по флоту, и сказалъ, что онъ желалъ только исправить то, чтó пришло въ упадокъ, что онъ дѣлаетъ чтó позволяютъ ему его маленькія средства и что все это должно казаться Англичанамъ очень скуднымъ.

На другой день лордъ Дюргамъ былъ приглашенъ на обѣдъ, а такъ какъ никогда не дѣлается что либо для одного, чтò не повторилось бы для другаго, то и я обѣдалъ черезъ день у Государя, а графъ Фикельмонъ спустя два дня. Государь всегда очень любезенъ со мной; разговоръ его имѣетъ оттѣнокъ откровенности и непринужденности; но есть предметы, которыхъ я бы не желалъ, чтобы онъ касался; есть слова, которыхъ я бы не хотѣлъ услышать отъ него касательно нашего внутренняго и положенія и нашего союза съ Англіей, и мнѣ приходится быть на сторожѣ.

Въ итогѣ мысль, которою занятъ Государь въ настоящее время, состоитъ въ томъ, чтобы успокоить Европу, не слыть болѣе честолюбивымъ, не рисковать очутиться оставленнымъ въ сторонѣ отъ общей политики Европейскихъ державъ. Во внутреннемъ управленіи его намѣреніе и обнародованный планъ—быть Русскимъ и усилить развитіе и успѣхъ родной земли; мысли объ отдаленіи отъ Европы не могутъ держаться ни онъ, ни образованные Русскіе.

Если Русское правительство намѣрено дать общественному мнѣнію Европы обезпеченіе и удовлетвореніе относительно восточнаго вопроса, то относительно Польши дѣло обстоитъ иначе; тутъ заключается главная сущность раздраженія. Съ одной стороны, какъ я писалъ вашему превосходительству, мы никогда не можемъ надѣяться, чтобы Россія

вернулась къ либеральнымъ мыслямъ императора Александра и считала себя какъ бы скованною трактатами. Что касается трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, созданіе конституціоннаго государства и республики Кракова было очевидно мыслью ложною и опасною. И такъ, въ этомъ Францію и Англію никогда не послушаются. Кромѣ того, не одна политика внушаетъ Императору его слова и рѣшенія; часто она вызывала бы болѣе мягкія и въ тоже время болѣе искусныя мѣры, но тутъ—гнѣвъ и духъ мщенія, которые испытываетъ не одинъ Государь, а всѣ Русскіе, у которыхъ эти чувства національныя. Хотя теперь это движеніе общественнаго мнѣнія очень успокоилось, оно все таки существуетъ и молчитъ только потому, что имѣетъ удовлетвореніе. Въ настоящую минуту описи будутъ продолжаться и только примутъ новую форму. Говорятъ, что земли князя Чарторижскаго и графа Александра Потоцкаго будутъ присоединены къ военнымъ поселеніямъ, т. е. будутъ раздаваться по жребію старымъ воинамъ согласно новой системѣ колонизаціи, которая совсѣмъ уже не та, какою была при жизни императора Александра. Нѣкоторые увѣряютъ, будто таже участь постигнетъ земли князя Евстафія Сапѣги, князя Сангушки и князя Михаила Радзивила; кажется, дѣло идетъ только о земляхъ Русской Польши, а не Царства Польскаго.

Несмотря на эти новыя строгости, иногда заходитъ рѣчь о поѣздкѣ Императора въ Варшаву къ концу лѣта. Если бы это случилось, никто не сомнѣвается, что Государь сдѣлалъ бы совсѣмъ другія распоряженія чѣмъ въ послѣдній свой проѣздъ и что былъ бы изданъ какой нибудь указъ, чтобы предать забвенію или по крайней мѣрѣ умѣрить жестокія воспоминанія изъявленіемъ благости; но этотъ проектъ еще не одобренъ и если объ немъ будетъ рѣчь, то только по пріѣздѣ фельдмаршала Паскевича.

Пока объявлена только одна поѣздка Императора, а именно въ Москву, Нижній Новгородъ и Казань къ концу Іюля, а потомъ въ Сентябрѣ объѣздъ Виленской губерніи для смотра 1-го корпуса главной арміи.

Въ Россіи установленъ обычай дѣлать подарки на Пасху, какъ и на Новый годъ. Императоръ прислалъ женамъ всѣхъ трехъ посланниковъ по двѣ прекрасныя фарфоровыя вазы съ императорскаго завода. Я знаю, что въ каждой странѣ свои обычаи и что то, что̀ дѣлается при одномъ дворѣ нисколько не служитъ правиломъ тому, что̀ происходитъ при другомъ дворѣ. Все же я почелъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства объ этой милости Императора; во первыхъ

для того, чтобы показать, насколько онъ старается выразить свое благоволеніе къ дипломатическому корпусу, а потомъ, чтобы обратить вниманіе ваше на большее или меньшее соотвѣтствіе милостивому вниманію нашего короля къ Русскому посланнику.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 3 Мая 1836.

Въ настоящее время Императоръ, насколько это возможно, расположенъ дурно ко всему, что касается Греціи. Это понятно: его вліяніе сдѣлалось тамъ почти ничтожнымъ, его указаніямъ не послѣдовали, его совѣтовъ не послушались; приверженцы Россіи были лишены милости, преслѣдуемы, осуждены; Англія тамъ совершенно господствуетъ, не отказываясь отъ нашего содѣйствія и даже видимо призывая его, но въ прямой опозиціи къ Петербургскому кабинету. Въ этомъ порядочная ошибка, и Государь можетъ мысленно и по совѣсти считать неблагодарностью малое уваженіе, которое Греція ему оказываетъ.

Нессельроде, болѣе оживленнымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно, съ пыломъ не личнымъ, а переданнымъ ему Государемъ, перечелъ мнѣ всѣ упреки, которымъ могъ подвергнуться графъ Арманспергъ и даже король Оттонъ. Я не стану повторять въ перепискѣ моей съ вашимъ пр-ствомъ о плохомъ устройствѣ и распущенности Греческаго войска, о должностяхъ расточаемыхъ Баварцамъ; но въ первый разъ мнѣ было говорено о процессѣ Колокотрони какъ о вопіющей несправедливости. Другое неудовольствіе, о которомъ я не зналъ, это (все по мнѣнію Нессельроде) желаніе сдѣлать церковь Греческаго королевства независимою отъ патріарха Константинопольскаго и подчинить ее верховной власти короля, государя-католика. Этотъ поступокъ произвелъ переполохъ въ умахъ. Константинопольскій патріархъ былъ готовъ опубликовать нѣчто, могущее представить самыя серьезныя неудобства для спокойствія Греціи. Тогда Императоръ вмѣшался въ это и поправилъ дѣло, хотя съ нимъ не посовѣтовались прежде чѣмъ покушаться на такую неосторожность. Будь онъ предупрежденъ, онъ бы отговорилъ Греческое правительство или по крайней мѣрѣ посовѣтовалъ бы отложить дѣло до далекаго будущаго.

Наконецъ, поѣздка короля Оттона въ Германію кажется Императору совершенною нелѣпостью, и онъ такъ пораженъ ею, что на дняхъ сказалъ Баварскому министру: «Когда мы наименовали его королемъ, то для того, чтобы онъ былъ въ Греціи, а не для того, чтобы ѣздилъ кататься въ Германію!» Графъ Лерхенфельдъ отвѣчалъ, что здоровье короля Оттона серьезно повреждено; что доктора считаютъ

его пребываніе въ Аѳинахъ почти опаснымъ. Императоръ возразилъ: «Если бы онъ посовѣтовался со мной, я бы сказалъ ему, что надо умирать на своей должности».

Были ли болѣе или менѣе правдивы или болѣе или менѣе преувеличены эти упреки, но я настойчиво говорилъ, что все же не должно оставлять Грецію погибать или увеличивать бѣдствія, которыя оплакиваютъ. Нессельроде увѣрялъ меня, что въ настоящую минуту онъ ничего не добьется у Государя, но что онъ ждетъ большаго донесенія отъ Катакази и что если онъ сможетъ немного смягчить Императора, то попробуетъ придти къ какому нибудь болѣе благопріятному рѣшенію.

Мнѣ кажется, что недовольное и раздраженное расположеніе Императора относится не только къ дѣламъ Греціи. Мнѣ думается, что причина его болѣе общая и происходитъ отъ связности теперешняго политическаго положенія. Со времени послѣдняго письма, которое я имѣлъ честь написать вашему прев-ству, въ душѣ Императора произошла перемѣна, признаки которой, хоть и мало видимы, все же замѣтны: онъ попрежнему вѣжливъ со всѣми членами дипломатическаго корпуса, но уже нѣтъ прежняго сердечнаго обращенія и откровенныхъ разговоровъ; онъ избѣгаетъ приступать къ предметамъ, которые близко или отдаленно касаются политики. Люди, близко къ нему стоящіе, тоже съ нѣкотораго времени менѣе откровенны и менѣе разговорчивы. Я узналъ, черезъ Нессельроде, что Императоръ намѣревался выразить мнѣ, что онъ съ удовольствіемъ узналъ объ отвѣтѣ вашего превосходительства графу Палену относительно выходцевъ, которые пытались образовать Польскую конфедерацію; но этого слова благодарности не было произнесено.

Эта перемѣна (быть можетъ преходящая), которую я, кажется, замѣчаю въ обращеніи Императора, послѣдовала непосредственно за извѣстіемъ объ очищеніи Силистріи. Извѣстіе это получено и радостно сообщено мнѣ Нессельродомъ, графомъ Орловымъ и всѣми приближенными Государя. Тотчасъ за этимъ явилась мысль, что Французскія и Англійскія газеты припишутъ эту уступку угрозамъ Англичанъ, что не будутъ благодарны за великодушіе Императора, что захотятъ вывести изъ этого оскорбленіе для Россіи. Это было дѣйствительно довольно правдоподобно и начинаетъ осуществляться. А ничто не можетъ болѣе не понравиться Императору; онъ сдѣлалъ все, чтобы дать этой мировой сдѣлкѣ видъ великодушія, не вызываннаго ничьимъ иностраннымъ внушеніемъ. Здѣсь никто не зналъ, что это дѣло затѣвалось.

Даже лорда Дюргама оставили въ невѣдѣніи относительно этого. Такъ какъ онъ отлично разобралъ привычки и характеръ Императора, то никогда не говорилъ о Силистріи. До своего пріѣзда въ Петербургъ онъ много бесѣдовалъ объ этомъ съ Бутеневымъ, потомъ съ гр. Воронцовымъ, но здѣсь онъ старался избѣгать этого предмета. Нессельроде даже выпытывалъ у него, такъ что онъ и не подозрѣвалъ, о чемъ шла рѣчь. Онъ отвѣчалъ, что Силистрія не внушаетъ ему ни малѣйшаго безпокойства и что такъ какъ занятіе ея не имѣетъ настоящей цѣли, то онъ надѣется, что Императоръ прекратитъ его добровольно. Этотъ отвѣтъ произвелъ прекрасное дѣйствіе. Что бы ни было въ этомъ частномъ обстоятельствѣ, каждый день указываетъ Императору, что Россія теряетъ то (болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное) величіе положенія, которымъ она пользовалась, а особенно думала, что пользуется, въ Европѣ: никакого вліянія на Грецію, невозможность что либо предпринять на Востокѣ, быстрое уменьшеніе того вліянія которое она считала совсѣмъ упроченнымъ надъ Турецкимъ султаномъ; боязнь поссориться съ Англіей и необходимость не оскорбляться ея тономъ превосходства; обязанность щадить Францію, несмотря на страстное недоброжелательство къ ея правительству; увѣренность въ томъ, что не понравишься Германскому общественному мнѣнію и что не имѣешь полнаго и близкаго союза съ Пруссіей и Австріей, какъ только дѣло коснется чего либо другаго, а не Польши или пропаганды. Между тѣмъ таково положеніе Россіи въ Европейской политикѣ, и невозможно, чтобы Императоръ не давалъ себѣ въ томъ отчета. Нѣтъ ничего, до поѣздки герцога Орлеанскаго въ Берлинъ и Вѣну включительно, что не способствовало бы дурному расположенію Императора: видѣть, что державы материка нисколько не раздѣляютъ его отдаленія относительно монарха, съ которымъ между тѣмъ ему приходится оставаться въ добромъ согласіи; узнать, что герцогъ Орлеанскій будетъ принятъ съ любезностью, все это его раздражаетъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я началъ это письмо, случилось новое обстоятельство, которое еще болѣе усилитъ недовольство Государя. Лордъ Дюргамъ получилъ съ нарочнымъ приказаніе передать Нессельроду депешу, въ которой ему сообщаютъ о занятіи Кракова. Ваше п—во, безъ сомнѣнія, знаете ея содержаніе. Тонъ ея твердъ и строгъ. Лордъ Дюргамъ не былъ бы согласенъ, чтобы ей данъ былъ такой смыслъ; его мнѣніе на этотъ счетъ довольно сходно съ побужденіями, склонившими васъ держаться другаго пути. И такъ онъ неохотно исполнилъ свое порученіе и могъ видѣть, на сколько Нессельроде былъ смущенъ этимъ сообщеніемъ и опасался дѣйствія его на Императора. Два

часа спустя, Нессельроде обѣдалъ у меня, и я замѣтилъ, что онъ былъ озабоченъ и предрасположенъ къ нѣкотораго рода раздраженію. Онъ велъ исключительно разговоръ съ графомъ Орловымъ и, конечно, они условились что̀ сказать, чтобы ослабить первое впечатлѣніе Императора.

Все это довольно любопытно наблюдать, но важнаго тутъ ничего нѣтъ. Императоръ уже теперь недоволенъ; онъ выкажетъ это словами или сумѣетъ обуздать себя; его раздраженіе будетъ обращено или вообще на всѣ державы, или только на нѣкоторыя. Обида, нанесенная ему Англіей, расположитъ его къ намъ, что̀ иногда случается, или онъ совмѣститъ въ своемъ недоброжелательствѣ обѣ конституціонныя державы, къ чему, кажется, расположенъ въ эту минуту. Это мы увидимъ; но черезъ нѣсколько дней онъ совершенно успокоится, и положеніе останется все тоже. Если въ его умѣ произошла перемѣна, то скорѣе въ нашу пользу; разсудивъ, онъ пойметъ, что продолжать не быть съ Франціей въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и другія державы, значитъ неотмѣнно поставить себя въ положеніе одиночества въ Европѣ; это значитъ держаться политики, чуждой Европейской сферѣ.

P. S. 4 Мая. Императоръ терпѣливо снесетъ сообщеніе лорда Дюргама. Англійскія газеты сообщили вчера прѣнія нижней палаты, въ которой былъ снова представленъ вопросъ о Краковѣ. Нессельроде нашелъ, ужъ не знаю почему, будто это засѣданіе ослабляетъ то, что̀ могло быть рѣзкаго въ депешѣ, сообщенной ему. Не то чтобы рѣчь, которую держалъ лордъ Пальмерстонъ, была такова, какой бы желалъ Нессельроде; но въ общемъ эти прѣнія показали, говоритъ онъ, меньше враждебности относительно Россіи.

Все это означаетъ, что послѣ свиданія съ Императоромъ рѣшили, что сердиться не будутъ. Въ самомъ дѣлѣ, на пріемѣ дипломатическаго корпуса, явившагося засвидѣтельствовать почтеніе Императрицѣ въ день ея именинъ, Императоръ принялъ всѣхъ хорошо, но Фикельмона лучше чѣмъ другихъ посланниковъ. Въ этотъ разъ онъ говорилъ мнѣ о разговорѣ, который ваше пр-во имѣли съ графомъ Паленомъ, и выразилъ по этому поводу полное удовольствіе. «Тьеръ, сказалъ онъ, знаетъ этихъ людей и знаетъ на что они способны». Я отвѣчалъ, что люди, старавшіеся нарушить общественный порядокъ какого бы то ни было государства, суть враги общіе и никогда не найдутъ поддержки во Франціи. «Еще недавно въ Пуатье, продолжалъ онъ, слѣдовало дѣйствовать противъ нихъ строго. Мало по малу узнаютъ, что я все дѣлалъ только по необходимости, что я не могъ дѣй-

ствовать иначе; хоть это прискорбно, но такъ нужно было. Фельдмаршалъ Паскевичъ здѣсь, вы его видѣли; бесѣдуйте съ нимъ почаще; это человѣкъ разсудительный и мягкій: онъ дастъ вамъ всѣ свѣдѣнія. Вы убѣдитесь всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ вамъ скажетъ. Это искусный генералъ, подъ начальствомъ котораго я имѣлъ честь служить три года. Но кромѣ того, онъ превосходно держитъ себя въ Польшѣ».

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 14 Мая 1836.

Намедни, на придворномъ балу, въ день рожденія Императрицы, казалось, что это праздникъ устроенъ Императоромъ для Англійскаго посланника: столько расточено ему любезности и предупредительности. Императоръ отвелъ его въ гостиную, и они оставались тамъ съ глазу на глазъ почти слишкомъ часъ времени, на что всѣ обратили большое вниманіе. Императрица, видя, что разговоръ затянулся, вошла въ гостиную, куда никто не входилъ и не проходилъ. «Оставьте насъ на минуту», сказалъ ей Императоръ, «мы говоримъ о серьезныхъ вещахъ; вы знаете, что онъ нашъ лучшій другъ».

Императоръ повелѣлъ, чтобы, очищая Силистрію, оставили пушки, которыми вооружены укрѣпленія.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21 Мая 1836.

Я узналъ въ подробностяхъ и достовѣрно, сколь Императоръ остался доволенъ мѣрой, принятой вашимъ пр-вомъ противъ Польской конфедераціи. Это предметъ, который болѣе всего его занимаетъ. Польша, безъ всякаго сомнѣнія, есть наибольшая его забота; онъ неоднократно совѣтовалъ мнѣ вступить въ разговоръ по этому важному предмету съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Я очень скоро распозналъ, что фельдмаршалъ не имѣетъ никакого желанія говорить со мною объ этомъ предметѣ и что подобныя бесѣды его очень стѣсняютъ; одни слова Варшава и Польша, произнесенныя самымъ равнодушнымъ образомъ по поводу торговли или статистики, уже приводили его въ дурное настроеніе. Такъ какъ я предвидѣлъ это, то и не настаивалъ. Фельдмаршалъ, безъ сомнѣнія, отличный генералъ; но ему, какъ и всякому другому Русскому, не дано быть человѣкомъ политическимъ. Образъ его дѣйствій и даже мыслей—пассивное послушаніе; въ немъ нѣтъ того, чтобы дать своему государю совѣтъ противоположный его волѣ и склонности. Императоръ призвалъ его къ самому высокому положенію, не придавъ ему болѣе чѣмъ кому другому дѣйствительнаго значенія.

Со времени его пріѣзда сюда, Варшавская поѣздка кажется мнѣ приблизительно рѣшена: это будетъ въ Октябрѣ или даже Ноябрѣ, послѣ путешествія внутри Имперіи.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 28 Мая 1836.

Императоръ все еще въ Царскомъ Селѣ, и навѣрно не знаютъ, въ какихъ выраженіяхъ онъ отзывается обо всѣхъ подробностяхъ, получаемыхъ имъ изъ Берлина *). Однако намедни особа, находящаяся въ самой близкой дружбѣ съ Императрицей, получила отъ нея записку, въ которой она переписала нѣсколько строкъ изъ письма, только что полученнаго ею отъ брата ея, принца Вильгельма. «Герцогъ Орлеанскій, писалъ онъ, всѣхъ насъ покорилъ; у него прелестныя лицо и манеры, онъ уменъ и совсѣмъ не самодоволенъ». Особа, которой Императрица переписала эти болѣе чѣмъ доброжелательныя выраженія, тотчасъ пріѣхала къ моей женѣ, чтобы ихъ передать ей, и было очевидно, что Императрица того хотѣла. Я узналъ впослѣдствіи, что королева Нидерландская приблизительно выражалась также. Мнѣ кажется, что столь ясныя доказательства достоинства нашихъ принцевъ, этотъ радушный пріемъ Прусскаго короля и даже его семейства, ставятъ Императора скорѣе въ затруднительное, чѣмъ недовольное расположеніе. При всей его независимости и несмотря на его привычку вѣрить лишь самому себѣ и никого не слушать, окружающее его общественное мнѣніе имѣетъ большое дѣйствіе на него, если оно и не выражено прямымъ и формальнымъ образомъ. Отдѣльныя лица не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на него; но общее чувство его страны, его двора, его семейства, особенно его правительства, замѣтно смягчаютъ его, а въ такомъ случаѣ бываетъ единогласіе. Находятъ причудливымъ, ребяческимъ и неловкимъ не имѣть съ королемъ Французовъ такихъ отношеній, какія у всѣхъ остальныхъ государей Европы. Я узналъ, что великій князь Михаилъ и графъ Орловъ собирались, ловко выбравъ время и съ надлежащими предосторожностями, побесѣдовать объ этомъ съ Императоромъ. Не знаю, послѣдовали ли они этой мысли. Вообще предполагаютъ, что была оказана какая-нибудь вѣжливость нашимъ принцамъ во время ихъ пребыванія въ Берлинѣ. Ничто не подтверждаетъ мнѣ этого предположенія. Впрочемъ, я всячески стараюсь никогда не говорить о личныхъ отношеніяхъ Императора съ нашимъ королемъ. Я

*) По поводу пріѣзда туда Французскихъ принцевъ, сыновей короля Людовика-Филиппа, которые въ то время путешествовали по Европѣ. Исполненная лукавства прошедшая жизнь „Короля Французовъ“ (нѣкогда просившагося въ Русскую службу) не располагала прямаго Государя нашего въ его пользу. П. Б.

объявилъ Нессельроду разъ на всегда, что мы объ этомъ думаемъ; онъ хорошо знаетъ, насколько мы это принимаемъ въ соображеніе, и желаетъ, чтобы было иначе. Такъ какъ не говорится ни одного неловкаго слова, и Императоръ сохраняетъ сдержанность, отъ которой онъ иногда уклонялся въ предъидущіе года, то мнѣ остается замѣчать только упущенія, а жалоба была бы недостойною и неприличною. Эти церемоніи прекратятся или сразу, если въ насъ будутъ нуждаться, или мало по малу, въ подражаніе Европѣ, съ которой не хотятъ розниться. Я имѣю причину полагать, что, еслибы я тратилъ больше стараній или словъ, я бы задержалъ этотъ результатъ, давая себѣ менѣе важное положеніе.

4 Іюня. Онъ очень убѣжденъ въ успѣхахъ принцевъ въ Берлинѣ и за это во всякомъ случаѣ не благодаренъ Прусскому королю, но никакого неудовольствія не высказываетъ. Говорятъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, что нѣтъ въ томъ ничего удивительнаго, такъ какъ раньше знали, что у герцога Орлеанскаго пріятное лицо, что онъ былъ старательно воспитанъ и что нужно было надѣяться найти въ немъ хорошія и благородныя манеры; но что это ни въ чемъ не измѣняетъ сущности дѣла, и все таки королевская власть, которой онъ наслѣдникъ, незаконна. Подобныя рѣчи произносятся негласно, а все, что обнаруживается, напротивъ, осторожно и разсчитано, и я боюсь, передавая о томъ, не дать правильнаго понятія о нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ съ Императоромъ.

Что бы тамъ ни было, если у него есть какая либо возможность дѣйствовать на Австрію, конечно онъ ничего не забудетъ, чтобъ помѣшать свадьбѣ *). Я узналъ, что въ Теплицѣ онъ придавалъ большую важность перепискѣ между обѣими Императрицами. Я сомнѣваюсь, одарена ли Австрійская Императрица, которую я видѣлъ и о которой часто слыхалъ при Сардинскомъ дворѣ, такимъ твердымъ характеромъ и умомъ, чтобы имѣть большое вліяніе на Вѣнскій кабинетъ. Несмотря на то, я увѣдомилъ ваше превосходительство о возможности пустить въ ходъ это средство.

Фельдмаршалъ Паскевичъ возвратился въ Варшаву. Что касается до настоящаго времени, ничто не измѣнится въ управленіи, которому подчинена Польша. Теперь Императору нечего больше принимать мѣры къ угнетенію этой несчатной страны. За четыре съ лишнимъ года, что она занята побѣдителями, образовались привычки въ Русскомъ войскѣ, въ Русской полиціи, въ Русской адми-

*) Т. е. возможной женитьбѣ герцога Орлеанскаго на Австрійской принцессѣ. П. Б

нистраціи. Грубость, произволъ, притѣсненія, взятки свободно ввелись и водворились; нынѣ слѣдовало бы не внушать болѣе тираническихъ побужденій, но совершить трудное дѣло и доказать свою энергію въ прекращеніи безпорядковъ, которымъ Императоръ былъ бы очень счастливъ противодѣйствовать и въ управленіи его собственныхъ губерній, гдѣ они, болѣе или менѣе, существуютъ, не имѣя политическаго характера.

Недавно полиція вообразила, что въ Варшавской католической семинаріи составленъ заговоръ. Многочисленными жандармами произведенъ тамъ домовой обыскъ. Высшія духовныя особы были безо всякаго уваженія выведены изъ заведенія; ученики записаны и заперты въ залахъ; затѣмъ, безъ присутствія кого либо изъ обвиненныхъ, приступили къ обыску всѣхъ бумагъ, взламыванію письменныхъ ящиковъ, пюпитровъ и шкафовъ. Не нашли ни одного признака. Это говорилъ фельдмаршалъ Паскевичъ заранѣе. Но онъ не взялъ на себя помѣшать такому оскорбительному погрому; и чтобы онъ не былъ ему приписанъ, потребовалъ, чтобы дѣйствовали послѣ его отъѣзда. Сборъ подати, наложенной на всѣхъ жителей Варшавы для уплаты за постройку крѣпости, сдѣлавшейся знаменитой, благодаря рѣчи Императора, даетъ поводъ къ постояннымъ вымогательствамъ, и траты сдѣланныя безъ контроля превышаютъ всякое правдоподобіе.

Русскіе и фельдмаршалъ Паскевичъ утверждаютъ и, можетъ быть, думаютъ, что ихъ поступки относительно Польши касаются дворянства; что низшіе классы, крестьяне, купцы и ремесленники остаются равнодушны къ управленію, которое не доходитъ до ихъ матеріальныхъ интересовъ. Я имѣю причину думать, что тутъ добровольное заблужденіе, что страна страдаетъ въ своемъ благосостояніи столь же какъ и въ своемъ національномъ духѣ, и къ тому же, кто не знаетъ, что во всякой странѣ національный духъ есть стольже сильный инстинктъ въ низшихъ класахъ, какъ и чувство въ высшихъ? Впрочемъ, не нужно воображать, что Русское правительство въ безопасности. Все его тревожитъ, не только въ Польшѣ, но и въ другихъ частяхъ Имперіи. Всякое заявленіе мнѣнія, шумъ учениковъ въ университетѣ, рѣчь сказанная въ публичномъ мѣстѣ, неповиновеніе офицеру, постановленіе рѣшенія, исполненіе приговора: все принимается за важное, и правительство на сторожѣ противъ малѣйшаго пустяка, но безъ шума, и на слѣдующій день, кажется будто никто объ этомъ больше не думаетъ.

Г-жѣ Анисонъ дю Перронъ.

С.-Петербургъ, 11 Іюня 1836.

Намъ неизвѣстно здѣсь ни одно изъ вашихъ волненій въ парламентѣ или въ высшемъ обществѣ. Если бы можно было употребить слово сибаритъ, говоря о жизни на шестидесяти градусахъ широты, оно подошло бы къ Петербургской жизни: до того она устроена исключительно для спокойствія и благосостоянія. Лѣто въ Петербургѣ прекрасно только на взглядъ, такъ какъ холодъ и вѣтеръ почти постоянны. Долгота дней меня очаровываетъ. Невскій проспектъ такъ обширенъ и величавъ, что совсѣмъ не надоѣдаетъ. Острова составляютъ тоже одну изъ красотъ Петербурга. Вообразите себѣ по ту сторону рѣки, за мостомъ, цѣлый лабиринтъ около двухъ квадратныхъ верстъ ерна, лѣса, садовъ, перерѣзанныхъ тысячами потоковъ, то маленькими ручейками, то рѣчками или озерами; все это граничитъ съ большими сосновыми лѣсами, прилегающими къ морю. И тамъ-то у каждаго своя дача, тщательно отдѣланная, обсаженная цвѣтами. Никакой ограды, всѣ мѣста для гулянья общія, и между тѣмъ отлично содержится это огромный публичный садъ. Предоставляю вамъ судить, какъ свѣжа зелень. Образъ жизни ведутъ совсѣмъ не деревенскій и для меня не подходящій; а потому я не найму тамъ дачи въ этомъ году. Несмотря на это, я не буду лишенъ возможности пользоваться деревней, отправляясь туда по утрамъ гулять, а по вечерамъ въ гости.

Здѣсь, гдѣ только и читаютъ что по-французски и гдѣ не могутъ и не хотятъ интересоваться нашими внутренними дѣлами, очень жалуются на безплодіе и упадокъ нашей литературы. Интересъ къ Бальзаку, послѣ большаго успѣха, начинаетъ ослабѣвать. Стараются читать Jocelin, но не безъ труда *).

Къ Тьеру

С.-Петербургъ, 11 Іюня 1836.

Поѣздка въ Берлинъ, пока не получится извѣстій изъ Вѣны, будетъ предметомъ безпрерывныхъ толковъ. Императоръ не измѣняетъ своего недоброжелательнаго и въ тоже время сдержаннаго расположенія, но только онъ одинъ. Его братъ и особенно его невѣстка Елена, не придавая особенной гласности своему мнѣнію по этому поводу, не скрываютъ его. Великая Княгиня говорила объ этомъ съ полнымъ довѣріемъ съ моей женой. Поговариваютъ, будто Императрица даже сожалѣетъ объ упорствѣ Императора.

*) Поэма Ламартина о бѣдномъ сельскомъ священникѣ. Ю. Б.

Вѣроятно, чтобы угодить хорошо извѣстной мысли Повелителя и немного смягчить впечатлѣніе произведенное на него подробностями пышнаго пріема, Рибопьеръ *) написалъ, будто герцогъ Орлеанскій желалъ получить орденъ Чернаго Орла, но Прусскій король будто не захотѣлъ ему пожаловать его. Когда эта грубость, которую впрочемъ и Императоръ, и Нессельроде кажется не охотно повторяютъ, была пересказана мнѣ по нескромности, я высказался о всей смѣшной неправдоподобности ея.

Чѣмъ больше я освѣдомлялся, тѣмъ больше узнавалъ, что Императоръ неизмѣненъ въ своемъ намѣреніи обратить Польшу въ Русскую губернію и уничтожить въ ней, на сколько это будетъ зависѣть отъ него, воспоминаніе о ея національности. Русское правительство будетъ дѣйствовать съ грубостью или медлительностью, съ правильностью или въ безпорядкѣ, съ самохвальствомъ либо безъ шума, надъ уничтоженіемъ малѣйшей отличительной черты Польши, включая сюда языкъ и религію. «Это дѣло семидесяти лѣтъ, если его вести съ постоянствомъ», часто говоритъ Императоръ. Я не знаю, почему онъ взялъ такой срокъ; но, дѣйствительно, онъ думаетъ, что можно черезъ три поколѣнія переобразовать націю и что удастся привести ее въ то положеніе, къ которому Англія привела Ирландію. Система описей, изгнанія большихъ землевладѣльцевъ и замѣны ихъ Русскими генералами служитъ средствомъ къ достиженію предполагаемой цѣли. Онъ хотѣлъ не замѣщать должности Варшавскаго архіепископа, которая теперь вакантна, но недавно уступилъ въ этомъ.

И такъ невѣроятно, чтобы поѣздка Императора въ Польшу въ Сентябрѣ ознаменовалась какою нибудь мѣрою снисхожденія, или же она ознаменуется напускными словами, сказанными для Европы, если въ то время Императоръ будетъ расположенъ согласоваться съ постороннимъ мнѣніемъ. Теперь онъ, кажется, далекъ отъ этого намѣренія.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 25 Іюня 1836.

Петербургскій кабинетъ все болѣе и болѣе старается успокоить Европу, казаться миролюбивымъ, отдаваться по наружному виду попеченіямъ о внутреннихъ улучшеніяхъ, общественныхъ учрежденіяхъ, торговлѣ, промышленностяхъ, административномъ благоустройствѣ. Это даже болѣе чѣмъ только наружный видъ; но когда изучаешь Россію, всегда приходится ставить на первый планъ внѣшнее

*) Нашъ посланникъ въ Берлинѣ.

оказательство. Здѣсь самолюбивое желаніе цивилизаціи и ея развитія служитъ болѣе могущественнымъ двигатемъ, чѣмъ дѣйствительныя преимущества благосостоянія и средства къ его пріобрѣтенію. Чѣмъ болѣе эти преимущества введутся и умножатся, чѣмъ болѣе это государство будетъ подчиняться вліянію общихъ интересовъ, тѣмъ менѣе они будутъ зависить отъ неограниченной, произвольной власти. Видъ можетъ оставаться долго тѣмъ же, но внутреннее начало ея измѣнится постепенно. Уже теперь Россія совсѣмъ иная чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9 Іюля 1836.

Великій князь Михаилъ скоро уѣзжаетъ на воды въ Карлсбадъ. Здоровье его дѣйствительно требуетъ этой поѣздки, которая сначала, казалось, не понравилась Императору; тогда великій князь отказался отъ нея. Позднѣе Императоръ дозволилъ, но великій князь выразился, что ему нужно приказаніе Императора; оно и состоялось. Великій князь держится въ настоящее время очень умѣренныхъ политическихъ мнѣній и доброжелателенъ къ Франціи. Французскіе путешественники, принадлежащіе болѣе или менѣе къ партіи легитимистовъ, провели здѣсь нѣкоторое время совсѣмъ незамѣченно.

16 Іюля 1836.

Графъ Нессельроде сказалъ мнѣ, что Императоръ, узнавъ о покушеніи, отъ котораго король чудеснымъ образомъ спасся, написалъ къ нему тотчасъ записку карандашомъ приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: «Вы увидите Баранта раньше, чѣмъ я; скажите ему, что я сильно негодую. Напишите Палену, чтобъ онъ представился королю Людовику-Филиппу и выразилъ ему чувства, вызванныя во мнѣ этимъ извѣстіемъ». Нессельроде прибавилъ: «Если бы я не зналъ, что увижу васъ вечеромъ у себя, я бы поѣхалъ къ вамъ, чтобы исполнить это порученіе». Мы сидѣли въ гостиной у графини Нессельроде; съ нимъ не было записки Императора; а то, по его словамъ, онъ показалъ бы мнѣ ее.

Я слышалъ на другой день отъ лица, присутствовавшаго при томъ, какъ Императоръ получилъ это извѣстіе, что оно произвело на него сильное впечатлѣніе и что немного спустя онъ воскликнулъ: «королю Людовику-Филиппу придется испытать 13-е Брюмера» *).

Со всѣхъ сторонъ я получилъ засвидѣтельствованія, какихъ только могъ желать. Въ Среду, 13 Іюля, въ день рожденія Императрицы,

*) Т. е. 3 Ноября 1799 г., когда Бонапартъ уничтожилъ во Франціи директорію. П. Б.

я встрѣтилъ утромъ Императора, катавшагося по саду. Онъ остановилъ коляску и поговорилъ со мной съ обычною ему привѣтливостью и радушіемъ; вечеромъ на торжествѣ онъ обращался нѣсколько разъ ко мнѣ. Я началъ немного удивляться, что онъ ничего не говоритъ о томъ, что̀ ему слѣдовало бы сказать мнѣ прежде всего. Между тѣмъ на балу, куда допускаются всѣ, такая толкотня, что Императоръ, среди этого шума, вѣроятно, не имѣлъ ни намѣренія, ни времени затронуть такой предметъ. На всякій случай я сообщилъ свои соображенія графу Нессельроде, прибавивъ, что я увѣренъ, что Императоръ будетъ со мной говорить объ этомъ на слѣдующій день. Императрица, которую я провелъ подъ руку черезъ залы, гдѣ собралась во множествѣ народная толпа, тоже ничего не сказала мнѣ о томъ что̀ я ожидалъ услышать. Великая княгиня Елена, наоборотъ, выразила участіе и волненіе, вызванныя въ ней извѣстіемъ. Что касается до великаго князя Михаила, онъ былъ такъ обремененъ дѣлами и озабоченъ, командуя въ тотъ день въ Петергофѣ, что я не могъ разсчитывать на его отзывъ.

*

Тьеръ писалъ барону Баранту, отъ 30 Іюня 1836: «У васъ въ Петербургѣ г-нъ Лёве Веймарсъ (Loeve Veimars). Знайте, что ему не дано никакого порученія; не проговоритесь и устройте, чтобъ о томъ не писали въ Парижъ. Дѣло его—предпринять что-либо въ политической литературѣ. Это сотрудникъ (нашего министерства) очень умный, очень способный, и полезно держать его на лучшемъ пути. Прошу васъ хорошо съ нимъ обращаться и выразить, что вамъ о томъ писали отсюда, но въ сношеніяхъ съ нимъ будьте весьма осмотрительны. Мы посылаемъ ему орденъ, и вы отдатите ему грамоту на него».

Лёве Веймарсъ сошелся въ Петербургѣ къ княземъ П. А. Вяземскимъ и съ Пушкинымъ, который перевелъ для него по-французски нѣсколько народныхъ нашихъ пѣсенъ. См. „Русскій Архивъ“ 1885, I, 451. П. Б.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО*

Правительствъ пагубой и язвою народовъ
Пророки лживые родятся въ наши дни:
Дай волю имъ—отъ нихъ нѣтъ громовыхъ отводовъ —
И съ неба яснаго накличатъ громъ они.

—

Они мутятъ умы и совѣсти морочатъ:
Пугаютъ тѣмъ, чего и не было и нѣтъ,
И блага въ будущемъ безумно намъ пророчатъ,
Когда въ законъ себѣ мы примемъ ихъ совѣтъ.

—

. . . .

—

Вы ставите себя всемірнымъ средоточьемъ,
И думаете вы, слѣпыхъ страстей рабы,
Что свыше облеклись вы Божьимъ полномочьемъ,
Чтобъ человѣчества устраивать судьбы.

—

Лжепроповѣдники ученій сумасбродныхъ,
Печати крикуны и площади бойцы,
Вы—подстрекатели дурныхъ страстей народныхъ
И популярности сановные льстецы!

Князь Вяземскій.

---

*) Изъ приготовляемаго къ выпуску въ свѣтъ XII-го тома „Полнаго Собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, изданія графа С. Д. Шереметева. П. Б.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ СЪ АКСАКОВЫМИ.

Въ „*Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ*“ („Р. Архивъ“ 1888 года), сочиненіи автора Семейной Хроники, разсказанъ эпизодъ его встрѣчи съ А. О. Смирновой „неизмѣннымъ другомъ Гоголя“; также и въ книгахъ „*Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ*“ сообщены многія подробности объ А. О. Смирновой, почерпнутыя изъ семейной переписки Аксаковыхъ. Предлагаемыя теперь письма служатъ добавленіемъ къ этой своего рода хроникѣ. Все, что тутъ говорится о Гоголѣ, не требуетъ поясненія, которое нужно лишь для письма къ Константину Аксакову и другаго, помѣченнаго 1856-мъ годомъ. А. О. Смирнова писала Константину Сергѣевичу въ то самое время, когда онъ отпустилъ бороду, одѣлся въ Русское платье и велъ среди Московскаго общества горячую пропаганду въ пользу „Русскаго народнаго направленія“. Въ это же самое время его другъ и сотоварищъ по университету Ю. Ѳ. Самаринъ сдѣланъ былъ камеръ-юнкеромъ и поступилъ на „правительственную службу“, что одинаково казалось Константину Сергѣевичу, съ его точки зрѣнія, совершенно несвоевременнымъ. Аксаковъ написалъ своему другу „прощальное“ письмо, и между ними готовился разрывъ. Вотъ напримѣръ нѣкоторыя выдержки изъ этого большаго письма.

„Для насъ одна дорога прямая, одинъ образъ дѣйствій: не соприкасаться содружественно съ тѣмъ, что мы считаемъ гнилымъ и зараженнымъ, и громко возвѣщать наши мысли, не хлопоча и не думая объ успѣхѣ, не имѣя заданной цѣли. Такое дѣло—одно прямое, чистое дѣло. Я откажусь скорѣе отъ успѣха, нежели отъ такого образа дѣйствій. Я считаю ложнымъ порядокъ вещей и не хочу съ нимъ соприкасаться дружественно; громко объявляю, что онъ ложенъ и громко говорю то, что считаю истиной. *Возглашать громко во вся люди*—вотъ какъ я всегда дѣйствовалъ. Предпринимать-же, одинъ или нѣсколько, никто не имѣетъ права: всякій можетъ только возвѣщать. Истина возметъ свое. Мнѣ кажется, жизнь человѣка должна быть нравственное дѣло, нравственный путь, который во всѣхъ точкахъ соприкосновенія своего долженъ быть строго и добросовѣстно себѣ вѣренъ; и въ томъ-то вся и сила, а не въ томъ, что я сегодня потому такъ не сдѣлалъ, что завтра будетъ важнѣе такъ поступить. Жизнь не должна быть средствомъ къ цѣли: цѣль въ каждой ея минутѣ, и это ея нравственное начало. Положительность! Положительность!. Я вижу, ты предаешься ей; но ты ошибаешься по моему. Идеализмъ-то и силенъ по моему. Онъ начинаетъ

жизнь. Я увѣренъ, что еслибъ мы встрѣтились съ тобою теперь, мы бы никакъ не сошлись. Я бы тебѣ показался смѣшнымъ, даже пустымъ сумасбродомъ; а ты мнѣ холоднымъ и, можетъ быть, эгоистомъ. Ты вѣроятно останешься при своемъ. Дѣлай какъ знаешь; а я пойду своею дорогою" *).

Разумѣется, на самомъ дѣлѣ не послѣдовало никакого разрыва между друзьями и товарищами: это не было недоумѣніе со стороны одного къ другому, а недоразумѣніе, и трудно даже сказать, кто изъ двухъ больше приложилъ истинно-дружескихъ стараній и сердечныхъ усилій, чтобы на всю жизнь отклонить потомъ самую возможность подобныхъ недоразумѣній.

Въ эту распрю двухъ друзей и вступилась А. О. Смирнова. Письмо ея къ Константину Сергѣевичу относится именно къ этому эпизоду.

По поводу послѣдняго письма, то есть 1856-го года, не лишнимъ будетъ сдѣлать слѣдующую замѣтку: И. С. Аксаковъ находился тогда въ ополченіи. Дружинамъ, какъ извѣстно, было торжественно обѣщано при учрежденіи ополченія, что всѣ онѣ будутъ дѣйствовать самостоятельно и что съ армейскими полками ихъ ни въ какомъ случаѣ не смѣшаютъ. Впослѣдствіи однако это было отмѣнено: дружины ополченія отрывались одна отъ другой, и ихъ форменно прикомандировывали къ разнымъ полкамъ. Это самое и названо въ письмѣ Смирновой *„вступленіемъ въ незаконный союзъ"*. Тогда же по всей Москвѣ чествовали пирами и особеннымъ хлѣбосольствомъ, устроеннымъ на счетъ В. А. Кокорева, пріѣхавшихъ Севастопольскихъ моряковъ. Какъ въ этихъ „патріотическихъ" чествованіяхъ, такъ и въ застольныхъ „патріотическихъ" спичахъ было немало излишествъ всякаго рода. Въ письмѣ Смирновой упоминаніе о Шевыревѣ относится именно до этихъ излишествъ. Для ихъ поясненія нельзя не привести слѣдующихъ строкъ изъ письма старика Аксакова къ сыну Ивану въ Калугу: „Погодинъ говорилъ тосты и называлъ Кокорева Потемкинымъ.. Шевыревъ, разумѣется, написалъ два стихотворенія.. Когда безнравственность проникнетъ во всѣ слои общества, понятія смѣшиваются и потускнѣетъ умъ, то всякое движеніе, повидимому доброе и похвальное, превращается въ отвратительную комедію; и чѣмъ выше содержаніе—тѣмъ отвратительнѣе комедія. Нѣкоторые офицеры однако чувствуютъ свое положеніе и говорили нашимъ, что ихъ возятъ и показываютъ какъ звѣрей. Я не вытерпѣлъ и сказалъ

*) Нѣкогда К. С. Аксаковъ писалъ своему другу:

Не душъ влеченье,
Не сердца гласъ;
Цѣпь убѣжденья
Связала насъ.

однако Погодину, что Кокоревъ сдѣлалъ одну ошибку: не сшилъ всѣмъ адмираламъ и офицерамъ по новому мундиру. Онъ не отвѣчалъ мнѣ ничего, и потомъ я слышалъ, будто Кокоревъ сверхъ всего дастъ по 400 р. с. каждому офицеру. Всего поразительнѣе, что и въ нашемъ обществѣ не всѣ понимаютъ мои слова".

Не сомнѣваемся, что при всей краткости этихъ писемъ и такомъ небольшомъ ихъ количествѣ, они будутъ прочтены съ интересомъ: въ каждой строкѣ читатели узнаютъ тотъ самый умъ и стиль, который такъ очаровалъ всѣхъ въ Запискахъ А. О. Смирновой. Нельзя не обратить вниманія еще и на то, съ какою сердечностью обратилась она, по участію къ Гоголю, къ его другу С. Т. Аксакову, котораго прежде вовсе не знала.

Н. М. Павловъ.

А. О. Смирнова С. Т. Аксакову.

Петербургъ, 4 Іюня 1845 года.

Милостивый государь! Хотя не имѣю чести васъ знать лично, знаю васъ однакоже по общему намъ другу Николаю Васильевичу Гоголю. Послѣднее его письмо ко мнѣ наполнило душу мою безпокойства и мрачныхъ предчувствій; я съ нимъ такъ тѣсно сблизилась въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, что и теперь, какъ бы по особенному усмотрѣнію Божію, страдаю тоже болѣзнями душевными, и по обстоятельствамъ нахожусь въ невозможности ему помочь дѣйствительно. Словомъ же тому нельзя помочь, который проникнутъ Имъ, но который все таки по слабости человѣческой требуетъ души любящей возлѣ себя въ тяжкой болѣзни, ему Богомъ посланной. Переписываю вамъ изъ его письма тó, что касается прямо до него; передумайте все это и рѣшите, чтó дѣлать съ нимъ? Тому назадъ два мѣсяца, я уже ему предлагала вернуться въ Россію, прямо ко мнѣ, и имѣла тогда намѣреніе провести лѣто въ деревнѣ подъ Москвой; но онъ уклонился отъ моего предложенія. Можетъ быть, переѣздъ его сюда былъ бы спасителенъ еще: ему нужно общество друзей болѣе чѣмъ онъ думаетъ, а онъ себя обрекъ на страшное одиночество въ Германіи, которая его натурѣ уже противна, и живетъ у Жуковскаго, погруженнаго въ свой семейный бытъ, въ свои домашнія заботы и радости, и который свѣтлою душою своей не можетъ и понять страданій Гоголя. Но пора вамъ выписать его собственныя строки: «Я страдаю весь душею отъ страданій моего тѣла, а душа изныаетъ вся отъ страшной хандры, которую приноситъ болѣзнь, бьется въ ней и выбивается изъ силъ биться съ ней. Я вѣрно исхудалъ не меньше вашего, и вы бы ужаснулись, меня увидѣвъ. И ни души не было около меня въ продолженіи самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ и всякой страждущій, вызвавшій меня на помощь себѣ, тѣмъ

самымъ можетъ исцѣлить хотя на время духъ мой. Здоровье мое съ каждымъ часомъ хуже и хуже. Вóды Гомбурга дѣйствуютъ дурно, и этому помогаетъ, можетъ быть, опасное положеніе совершеннаго одиночества. Всякое занятіе умственное не возможно и усиливаетъ хандру, а всякое другое занятіе не есть занятіе, а потому также усиливаетъ хандру. Изнуреніе силъ совершенное. Мнѣ казалось бы, что встрѣча была бы нужна съ вами, если Бóгу угодно будетъ продлить до того времени мою жизнь. Письма для большой вѣрности адресуйте по прежнему къ Жуковскому; онъ ихъ мнѣ перешлетъ; книги *) же прямо въ Гастейнъ. Затѣмъ прошу у васъ о томъ же, о чемъ и вы меня просите: молитесь обо мнѣ; здоровье мое очень, очень плохо. Молюсь и объ васъ, сколько въ силахъ по нынѣшнему безсилію моему».

Сегодня же я пишу ему и зову его въ Россію, ко мнѣ или къ вамъ въ Москву; если и назначено Богомъ кончить ему жизнь или продлить ее въ недугѣ душевномъ, чтò было бы ужаснѣе смерти, то по крайней мѣрѣ онъ найдетъ соболѣзнующія сердца, и не чуждымъ языкомъ будутъ говорить съ нимъ. Не могу пересказать вамъ, какъ я скорблю по немъ. Или вышлите къ нему кого нибудь или вытребуйте его къ себѣ въ Москву, но не оставляйте одного въ Германіи. Пишите ему во Франкфуртъ къ Жуковскому; пожалуйста отвѣчайте мнѣ: *Александрѣ Осиповнѣ Смирновой у Синяго моста, въ собственномъ домѣ, на Мойкѣ.* Еще разъ повторяю: не имѣя чести васъ знать лично, не извиняюсь однако же и забываю всѣ свѣтскія приличія, потому что дѣло идетъ о спасеніи нашего общаго друга. А. Смирнова.

*

Въ концѣ 1845 года А. О. Смирнова, переѣзжая изъ Петербурга въ Калугу, на пути въ Москвѣ познакомилась лично съ С. Т. Аксаковымъ и его старшимъ сыномъ Константиномъ. При отношеніи ея къ служившему въ Калугѣ Ивану Сергѣевичу читатели уже знаютъ по его письмамъ къ ней („Р. Архивъ" 1895, XII). Они поссорились изъ за отзыва о Гоголѣ, и объ этой ссорѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ 20 го Іюня (1846) къ сыну въ Калугу:

Сдѣлай милость, разразись поскорѣе громомъ и молніей на ту высокую натуру, которая не умѣетъ стряхнуть съ себя болотной гнили, въ которой она выросла и созрѣла—*и успокойся.* Впрочемъ и я, и Константинъ прочли съ огорченіемъ твое извѣщенье о вашей ссорѣ.

Возвращаюсь къ вашей ссорѣ. Разумѣется, ты былъ ея причиной своими рѣзкими выходками, ибо сказать: вашъ другъ и пріятель—подлецъ, а

*) Онъ просилъ книгъ у меня. *Примѣчаніе А. О. Смирновой.*

особенно женщинѣ, которая не можетъ за это ударить васъ и вызвать на дуэль,—дѣло непзвинительное; на все есть манера: можно сказать тоже, не оскорбивъ лицо, съ которымъ говоришь. Разумѣется А. О. сбѣсилась и наговорила тебѣ того, что́ она не думаетъ, не чувствуетъ и не признаетъ. Мнѣ самому не одинъ разъ случалось, въ пылу бѣшенства, то на себя наговаривать, исполненіе чего было для меня невозможно и нравственно, и физически. Вотъ какимъ образомъ я объясняю и извиняю рѣчи А. О.

А. О. Смирнова К. С. Аксакову.

Калуга, 1846 г. 26 Февраля.

Благодарю васъ за отвѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ, у васъ сердце доброе и милое. Радуюсь, что дружба ваша устояла не смотря на обвиненія, которыя съ перваго взгляда могутъ показаться справедливыми. Вы молоды, людей не знаете по горькой опытности; не знаете, не подозрѣваете даже что̀ такое Петербургъ, хотя ваше воображеніе рисуетъ вамъ его въ черныхъ краскахъ. Онъ точно черенъ, но черенъ иначе, и тамъ нужна осторожность, которую только тамъ и узнаешь. Не пишите-же по почтѣ, потому что вы этимъ можете сдѣлать много зла. С. правъ; онъ служитъ, потому что нельзя никогда ослушаться отца. А если онъ служитъ, то неприлично, даже подло, ругать вслухъ тѣхъ, у которыхъ служишь. Можно въ душѣ своей только скорбѣть и развѣ другу повѣрить свои страданія, а разглашать ихъ неприлично. Петербургъ отъ того такъ мнѣ мерзокъ и показался, послѣ двухлѣтняго отсутствія, что всѣ тѣ люди, которые доискиваются почестей и двора, собираясь по вечерамъ, то и дѣло что смѣются надъ всѣмъ и бранятъ все безпощадно; на другой день, смотришь, они всѣ по прихожимъ и по дворцовымъ коридорамъ. Такимъ образомъ вечеромъ они какъ будто извиняютъ другъ передъ другомъ свои подлости. L'opposition est quelque chose de noble; la fronde est innoble: c'est l'affaire de mon laquais, qui se lève à mon entrée et qui me maudissait une minute avant [1]). Извините за сей неприличный языкъ: что дѣлать, я по-русски училась на мѣдные гроши. И такъ какъ С. служитъ, ему неприлично протестовать въ слухъ; отслужитъ онъ скоро... Вамъ не нравится Рига. Напрасно! Въ Ригѣ дѣлаетъ онъ *hors d'oeuvre* [2]): опять кланяюсь въ землю, простите великодушно. Вѣдь вы же допускаете, что можно быть и въ Россіи живописцемъ, поэтомъ, и проч. проч., что это внѣ правительственныхъ мѣръ можетъ дѣлаться. Отъ чего же не быть прозелитистомъ въ Ригѣ? Тамъ Латыши напра-

---

[1]) Въ оппозиціи есть что то благородное; дуться же не благородно: это дѣло лакея, которы йвстаетъ при моемъ появленіи, а за минуту передъ тѣмъ проклиналъ меня.

[2]) Занятіе мимоходомъ, побочное.

шиваются въ Православіе; Нѣмцы, т. е. 300 скверныхъ бароновъ, имъ мѣшаютъ, и правительство испугалось этихъ 300 воронъ. Теперь впрочемъ строятъ тамъ 40 церквей для Православныхъ. По моему Рига все лучше Сената, а потомъ это дѣло временное: кончится коммиссія, и онъ свободенъ. Онъ будетъ тамъ съ очень хорошимъ малымъ, моимъ другомъ Ханыковымъ. Напротивъ, радуйтесь Ригѣ, какъ дѣлу болѣе свободному и не связывающему. Въ службу онъ никакъ не втянется; напротивъ, пристально и близко разсматривая всю машину, болѣе и болѣе убѣдится, что всѣ у насъ какъ бѣлка въ колесѣ, или слѣпая лошадь на мельницѣ. Счастливы тѣ, которые еще слѣпы, тѣмъ еще жить можно; но другимъ остается только ломберный столъ съ спасительнымъ преферансомъ. Вы говорите, что мнѣ нужно развлеченіе. Да, все это время у меня гостили братья, сестра съ мужемъ, княжна Ціціанова; а мнѣ не лучше. Мнѣ нужны силы физическія, вотъ чтó мнѣ нужно; а гдѣ ихъ взять, когда зимой нельзя лѣчиться? Я то, чтó называютъ (о Боже, опять по-французски) *une personne frêle* [1]. Иногда мнѣ очень плохо, а иногда живется изрядно. Ѣхать не могу никуда, потому что иногда лежу цѣлый день на диванѣ, и катанье меня утомляетъ. Куда же по ухабамъ доѣхать? Допускаете-ли вы, что ухабы можно ненавидѣть въ Россіи? Ухабы, сугробы, сѣрое небо, скверный климатъ, весной разливы и миѳологическая грязь! Я увѣрена, что древніе сдѣлали бы божество изъ такой грязи, какъ наша; послѣ грязи колеи. Скука въ губернскомъ городкѣ, гадость въ столицѣ; ахъ, какъ послѣ этого хочется въ Италію, на сладкую и покойную осень! Былъ [2]) на балѣ во дворцѣ! Да кто же тамъ и не бывалъ? Вѣдь это теперь чинъ, вѣдь это все равно чтó коллежскій совѣтникъ, а даже станціонные не даютъ за это скорѣе лошадей. И такъ примиритесь съ временнымъ; пишите по оказіи, а по почтѣ очень осторожно, и не проповѣдывайте за него: это можетъ огорчить его отца. Онъ мнѣ писалъ очень милое письмо.

Мой дружескій поклонъ всѣмъ въ Радонежьѣ. Высылайте Ивана Сергѣича. Губернаторъ спрашивалъ объ немъ, и въ Уголовной Палатѣ никого не судятъ безъ него. Тушинскому вору скучно безъ него. Братъ мой былъ въ Москвѣ, онъ хорошо пишетъ басни; а впрочемъ любитъ все, чтó вы не любите; онъ себя болѣе всего любитъ, хотя и очень добрый малый; онъ не вашъ братъ, хотя говоритъ красно. Ахъ, какое вы дитя! Прощайте. Вамъ скажетъ Оболенскій, какъ васъ всѣ прозвали. А. С.

---

[1]) Особа хрупкая.

[2]) Т. е. былъ Ю. Ѳ. Самаринъ. П. Б.

Наставленія Смирновой вовсе не подѣйствовали на Константина Сергѣевича Черезъ три года потомъ графъ Д. Н. Блудовъ ѣхалъ въ Москву на освященіе Кремлевскаго большаго дворца и за сломкою кареты долженъ былъ прожить сутки на станціи Черной Грязи (тогда еще не было желѣзной дороги); дочь его графиня Антонина Дмитріевна дала о томъ знать въ Москву, на случай, не пріѣдетъ ли кто нибудь къ нимъ коротать время. К. С. Аксаковъ, приглашая туда одного своего пріятеля, писалъ

Спѣши рукой заботной
Поднять цвѣтокъ болотной.
Сломалася карета,
Въ бѣдѣ Антонета!
Не помогли имъ связи,
Увязли въ Черной Грязи
Живущіе въ грязи.

Жаль, что до сихъ поръ не собраны стихотворенія К. С. Аксакова.

8-го Мая 1846 г. С. Т. Аксаковъ писалъ въ Калугу:

Александра Осиповна говоритъ о тебѣ въ прекрасномъ своемъ письмѣ ко мнѣ: „Иванъ Сергѣевичъ похудѣлъ, но лицо его сдѣлалось еще выразительнѣе и строже; не смотря на то, что онъ жаловался на бездѣйствіе, я увѣрена, что мысль его зрѣла, что̀ и выразилось въ его чертахъ; лѣто и сильное движеніе ему помогутъ лучше всякаго лѣкарства“. Мнѣ кажется умъ у тебя не зрѣлъ и сдѣлался еще болѣе ребяческимъ. Но шутки въ сторону, что за чудесная женщина А. О.! Въ нѣсколькихъ строкахъ ея заключается иногда столько глубины ума, тонкости и простоты чувства, что я не одинъ разъ былъ очарованъ ея письмами.

Вотъ какъ описываетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ пребываніе Смирновой въ Москвѣ, весною 1846 года:

Въ Воскресенье уѣхала отъ насъ А. О., а въ Понедѣльникъ вѣроятно ты ее уже видѣлъ, обо всемъ распросилъ и получилъ мое письмо. Чудное дѣло: десять дней, были мы вмѣстѣ съ нею въ Москвѣ, въ продолженіе этого времени была она у насъ четыре раза, и только одинъ разъ безъ гостей, но я такъ привыкъ къ мысли, къ возможности ее всегда увидѣть, что мнѣ было странно, когда сказали, что она сѣла въ карету и уѣхала въ Калугу; не могу себя увѣрить, что я такъ недавно, такъ мало знаю эту женщину. Мнѣ кажется, что я всю жизнь свою былъ съ нею коротко знакомъ и даже друженъ, и еслибъ встрѣтилась необходимость въ важной дружеской услугѣ, я обратился бы къ ней безъ всякаго колебанія и увѣренъ, что она охотно бы и сдѣлала. Во всей ея особѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, нѣжнаго, обольстительнаго; напротивъ, прекрасныя черты ея лица строги, даже нѣсколько сухи; часто говоритъ она съ неженскою рѣзкостью; слѣды 30-ти лѣтняго образа жизни, не смотря на высокую ея натуру, проявляются иногда внезапно и непріятнымъ образомъ поражаютъ. Но, не смотря на все это, я чувствую, что можно сильно привязаться къ бесѣдѣ съ ней: съ ней такъ

легко, такъ свободно говорить, такъ увѣренъ, что она все пойметъ, все оцѣнитъ, что никакое слово, никакое истинное названіе предмета или чувства ея не остановятъ, не смутятъ, что говорить съ ней можно, какъ съ самимъ собою, а это въ высшей степени пріятно. Свѣтлый умъ ея, глубоко проникшій натуру человѣческую и справедливо ее презирающій, ибо она мало встрѣтила людей истинно благородныхъ и честныхъ, не сдѣлался однако невѣрующимъ ни во что доброе и высокое. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, терзаютъ ея доброе имя и не вѣрятъ ничему, что̀ она говоритъ; но я вѣрю ей болѣе, чѣмъ кому нибудь изъ ея порицателей.

А. О. Смирнова С. Т. Аксакову.

Иванъ Сергѣевичъ вчера немного хворалъ, и я его не видѣла; но всѣ прочіе дни онъ меня усердно навѣщалъ. При невозможности читать и заниматься, мое время очень медленно течетъ, не смотря на всѣ мои выдумки сократить его. Иванъ Сергѣевичъ не охотникъ говорить пустяки; а я, признаюсь, до нихъ большая охотница. Безплодныя жалобы на порядокъ безпорядка общественнаго мнѣ надоѣли тоже и тяготятъ такъ мою душу, что я съ радостью хватаюсь за всякій пустякъ. У Ив. Серг. еще много жестокости въ сужденіяхъ, онъ не легко примиряется съ личностями, потому что онъ молодъ и не жилъ еще. Со временемъ это измѣнится непремѣнно, шероховатость пройдетъ. Вся жизнь учитъ насъ примиренью съ людьми; у каждаго изъ насъ есть своя больная и здоровая сторона; сперва мы любимъ здоровую и потомъ доходимъ до того, что любимъ всѣхъ и съ больными сторонами, и какъ будто ихъ не видимъ. У него есть много самостоятельности въ характерѣ, что̀ его удержитъ отъ всякаго увлеченія и, при укрощеніи его *жесткости*, составитъ весьма замѣчательный характеръ.

Вашу статью я читала съ большимъ удовольствіемъ, она такъ живо переноситъ въ „даль и старину".

Замѣчаніе С. Т. Аксакова.

Каково это выраженіе „въ даль и старину"; тутъ такъ все сказано чудесно, что этихъ словъ ничего замѣнить не можетъ.

Лѣтомъ того-же 1846 года въ письмѣ къ сыну въ Калугу такъ выражается: С. Т. Аксаковъ.

Я получилъ письмо отъ А. О., которое поистинѣ можно назвать драгоцѣннымъ. Ея письма доставляютъ мнѣ такое удовольствіе, которое можно чувствовать только отъ художественнаго произведенія. Прилагаю тебѣ выписку изъ письма всего, что̀ касается до тебя. Какъ бы я желалъ, чтобы она написала статью для Сборника, что̀ она обѣщала, напримѣръ о знакомствѣ съ Пушкинымъ."

С. Т. Аксаковъ А. О. Смирновой.

Какъ я благодаренъ вамъ, милостивая государыня Александра Осиповна, за пріятныя ваши строки и за письмо Гоголя. Я такъ давно не имѣлъ о немъ никакого извѣстія. Письмо это, конечно, утѣшительно, хотя видно, что онъ страдаетъ физически и что нѣтъ надежды на его возвращеніе въ Россію прежде окончанія «Мертвыхъ Душъ» и посѣщенія Іерусалима. Дай Богъ, чтобъ все это совершилось въ продолженіе нынѣшняго года. Помнитъ ли Гоголь, что въ Маѣ мѣсяцѣ пойдетъ пятый годъ его отсутствію, что все его имѣніе, которымъ существуютъ его мать и сестры, будетъ взято въ казну, если онъ еще годъ не возвратится? Напомните ему объ этомъ. Я всегда былъ увѣренъ, что вы оцѣните все доброе въ моемъ Константинѣ; но объ этомъ поговоримъ при свиданіи. Мнѣ весьма пріятны всѣ добрыя вѣсти о Самаринѣ: я люблю и уважаю его. Мои сыновья и все мое семейство свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Мы всѣ принимаемъ искреннее участіе въ состояніи вашего здоровья и сердечно желаемъ, чтобъ оно какъ можно скорѣе возстановилось. Возвращаю письмо Гоголя. Душою вамъ преданный С. Аксаковъ.

1846 года Марта 31 дня,
Радонежье.

С. Т. Аксаковъ А. О. Смирновой.

10 Марта (1852), Радонежье.

Милостивая государыня Александра Осиповна!

Письмо ваше отъ 1-го Марта я получилъ 8-го и потому только отвѣчаю не такъ поспѣшно. Съ перваго дня кончины нашего друга я постоянно думалъ объ васъ и боялся за васъ. Ваши строки меня нѣсколько успокоили, и я надѣюсь, что Богъ подкрѣпитъ ваши силы. Порученіе ваше исполнятъ мои сыновья, а я не выѣзжаю изъ деревни. Точно такую же мысль и намѣреніе (снять копію съ портрета, писаннаго Моллеромъ) я имѣлъ до полученія вашего письма, которое особенно дорого для меня тѣмъ, что въ немъ не слышно потери великаго писателя, а слышна только потеря друга, чего я въ своей душѣ еще никакъ достигнуть не могу. Кончина Гоголя, какъ великаго художника, имѣетъ громадное значеніе для всѣхъ; но христіанская его кончина, какъ человѣка, имѣетъ высокое нравственное значеніе для его друзей и особенно для меня; но объ этомъ послѣ. Я пришлю къ вамъ мое печатное *письмо къ друзьямъ Гоголя*: въ немъ все искренно, и вы вполнѣ поймете мое духовное состояніе. Я желаю переписываться съ

вами, если для васъ это не тягостно; мнѣ хочется сообщить вамъ о моихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ въ послѣднее время. Я пришлю вамъ также мою книгу, которая скоро будетъ отпечатана. Гоголь съ особенною любовью слѣдилъ за ея сочиненіемъ, постоянно подстрекалъ меня и хотѣлъ вмѣстѣ съ нею выдать второй томъ «Мертвыхъ Душъ», котораго уже не существуетъ; я означу вамъ мѣста, послѣ прочтенія которыхъ Гоголь читалъ мнѣ по одной главѣ «Мертвыхъ Душъ».

Прощайте, да сохранитъ васъ Богъ! Благодарю васъ за вниманіе къ моему семейству. Всѣ вамъ кланяются. Преданный вамъ душею С. Аксаковъ.

А. О. Смирнова С. Т. Аксакову.

1 Марта (1852) С.-Пб.

Милостивый государь Сергѣй Тимофѣевичъ. У меня до васъ есть просьба. Сдѣлайте одолженіе, попросите Хомякова, чтобы онъ позволилъ мнѣ списать портретъ Николая Васильевича и прикажите *Лангу* эго сдѣлать въ ту самую величину какъ оригиналъ. Странно начинать такъ письмо, не сказавъ ничего о покойномъ другѣ нашемъ; но силъ моихъ не хватаетъ еще, да и что сказать? Все молчитъ и страдаетъ при нѣкорыхъ потеряхъ въ жизни. Такая жизнь и такая смерть, каковыя вынесъ нашъ добрѣйшій Николай Васильевичъ, заставятъ всякаго призадуматься. Сколько, сколько было сокровищъ въ этомъ человѣкѣ, и какое сиротство для насъ, его коротко знавшихъ! Мнѣ было лучше, теперь опять хуже; болѣе писать не могу. Передайте многоуважаемой Ольгѣ Семеновнѣ и милымъ дочерямъ вашимъ мою дружескую память; воображаю, сколько огорчены ваши сыновья. Григорій Сергѣевичъ у меня не былъ, не знаю почему; я его очень полюбила.

Прощайте, извините за такое нелѣпое письмо; моя голова очень слаба. Примите увѣреніе моего искренняго уваженія. А. Смирнова.

Адресъ мой: *На Михайловской площади, въ домѣ графа Віельгорскаго.*

С. Т. Аксаковъ А. О. Смирновой.

Радонежье, Марта 28-го 1852 года.

Когда не было желѣзной дороги, я получалъ письма изъ Петербурга въ 5 дней, а теперь письма ваши, почтеннѣйшая Александра Осиповна, ходятъ по 10 дней: послѣднее письмо ваше отъ 15 Марта я получилъ 26-го и потому отвѣчаю вамъ такъ поздно. *Письмо* мое *къ друзьямъ Гоголя*, напечатанное въ Московскихъ газетахъ, вы должны были получить давно; но заочныя распоряженія часто исполняются

плохо, и потому прилагаю его. О портретѣ Гоголя вызвался позаботиться Самаринъ, который былъ у меня; онъ исполнитъ это лучше моихъ сыновей.

Мать Гоголя зовутъ Марья Ивановна. Адресъ въ Полтаву, въ деревню Васильевку. Вы называете свое письмо *несвязнымъ*... Вы совершенно ошибаетесь. Письмо ваше имѣетъ полную связь, почерпнутую изъ глубины душевной. Я вмѣстѣ съ женой и старшей дочерью Вѣрой прочли его нѣсколько разъ; слезы сочувствія и цѣлые часы разговоровъ были слѣдствіемъ этого чтенія. Оба мои сыновья и всѣ дочери говѣютъ въ Москвѣ; у меня нѣтъ секретарей, а самъ писать разборчиво не могу. Книга моя подъ названіемъ: «*Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи*» вышла въ Москвѣ; на дняхъ я получу экземпляры, сдѣлаю отмѣтки и немедленно пришлю вамъ.

Съ 21-го Февраля я погруженъ въ одно занятіе: я пишу или диктую о Гоголѣ. Я сначала писалъ безъ плана, что̀ приходило мнѣ въ голову, но потомъ началъ писать: «*Исторію знакомства и переписки съ Гоголемъ*». Послѣдняя очень важна и можетъ бы напечатана не скоро, даже послѣ моей смерти. Всего труднѣе сохранить хронологической порядокъ до начала постоянной переписки, т. е. до 1840 года. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ хочется высказать вамъ все, что̀ я перечувствовалъ и перемыслилъ въ продолженіе этого мѣсяца! Именно вамъ, для которой (какъ мнѣ кажется) художникъ не закрывалъ въ Гоголѣ человѣка.. Но это невозможно на бумагѣ почти во всѣхъ отношеніяхъ. При томъ тутъ встрѣтятся точки, съ которыхъ мы расходимся въ разныя стороны; зачѣмъ касаться ихъ? Слава Богу, у насъ довольно общихъ намъ чувствъ и мнѣній. Дѣлаю для васъ простую выписку изъ моихъ прежнихъ отрывочныхъ записокъ:

«Въ продолженіе 1851 года Гоголь былъ у насъ три раза. Въ первый разъ въ Іюнѣ передъ моимъ отъѣздомъ за Волгу. Воротясь 15 Августа въ Москву, я не нашелъ въ ней Гоголя; онъ былъ на дачѣ у Шевырева. Около половины Сентября онъ пріѣхалъ въ Радонежье и прожилъ нѣсколько дней. Вообще въ послѣдніе два года Гоголь показывалъ мнѣ болѣе прежняго привязанности и довѣренности къ моему суду; это происходило отъ того, что онъ находилъ во мнѣ менѣе *страстности* и болѣе спокойствія. Въ этотъ разъ онъ былъ необыкновенно нѣженъ со мною; нѣсколько разъ, взявъ меня за обѣ руки, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, котораго ни описать, ни забыть невозможно. Онъ хотѣлъ пріѣхать 17-го къ четыремъ моимъ имянинницамъ или непремѣнно 20-го въ день моего рожденья;

но не могъ исполнить ни того, ни другаго, ибо далъ обѣщаніе пріѣхать на свадьбу къ сестрѣ своей Лизѣ въ Полтаву, назначенную 1-го Октября, а потому принужденъ былъ выѣхать туда 21-го Сентября. Онъ очень огорчался, что не могъ провести со мною день моего рожденья и хорошенько проститься. Вотъ двѣ его записки, одна вслѣдъ за другою писанныя:

20 Сентября: «Отъ всей души и отъ всего сердца поздравляю васъ, безцѣнный другъ С. Тим., со днемъ вашего рожденья; весьма жалѣю, что не съ вами сижу за кулебякой; но тѣмъ не менѣе и душой и мыслями съ вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ душъ; пожелайте только, чтобъ онѣ были живыя, живы ... живы также, какъ живы ваши птицы. Всѣхъ обнимаю, всѣхъ васъ до единаго цѣлую мысленно и прошу не забывать меня въ молитвахъ. Вашъ весь Н. Г.».

21 Сентября. «Передъ выѣздомъ захотѣлось мнѣ еще разъ поздравить васъ, безцѣнный другъ Серг. Тим., и со днемъ рожденья, и съ наступающимъ днемъ имянинъ. Вспомните обо мнѣ, а я о васъ и мысленно помолимся другъ о другѣ, чтобы далъ Господь силъ. А Ольга Сем. и милыя ваши дѣтки, можетъ быть, помолятся и у самого Сергія. В. в. Г. Пожалуста не позабывайте писать».

«Пробывъ осень въ деревнѣ у матери, Гоголь намѣревался проѣхать на зиму въ Одессу, гдѣ провелъ онъ предыдущую зиму очень хорошо, какъ въ отношеніи къ своему здоровью, такъ и къ успѣшной работѣ надъ Мертвыми Душами».

Конецъ пришлю на слѣдующей почтѣ, а теперь не успѣваю. Прощайте, да сохранитъ васъ Богъ! Жена и Вѣра васъ обнимаютъ. Сердечно преданный вамъ С. Аксаковъ.

А. О. Смирнова С. Т. Аксакову.

9-го Апрѣля (1852), Петербургъ.

Уже очень давно собиралась къ вамъ писать, почтеннѣйшій Сергѣй Тимофѣевичъ, но первые дни праздника какъ-то проходятъ сквозь руки въ глупомъ и разсѣянномъ бездѣліи. Хотя я не выѣзжаю сама, ко мнѣ въ праздники заходили люди праздные отъ служебной дѣятельности. А потомъ я было въ расклейкѣ; между тѣмъ подъѣхали ко мнѣ *Записки Ружейнаго Охотника* и ваше письмо. Въ Запискахъ отмѣтокъ не оказалось, о чёмъ весьма жалѣю, благодарю однако и за нихъ и за два послѣднія письма. Какъ хороши ваши болота, какъ хороши

птицы, какъ милъ бекасъ, который я ѣла, не подозрѣвая всѣхъ его милыхъ достоинствъ и качествъ, даже красивой и веселой наружности.

Вотъ прошли и шесть недѣль, а вы всѣ еще подъ сильнымъ вліяніемъ покойнаго. Какъ это пріятно и утѣшительно! Дай Богъ, чтобы чувства примиренія и любви продолжались долго и всегда. Я полагаю, что мы способны враждовать другъ на друга отъ того только, что прикасаемся въ свѣтѣ другъ къ другу дурными нашими сторонами. А отчего именно только дурными сторонами? Отвѣтъ, кажется, простъ. Отъ того что бесѣды наши, даже самыя лучшія, есть всё таки пустословіе или о художествѣ и литературѣ или о политикѣ и управленіи государственномъ. И тѣ которые ведутъ эти рѣчи о предметахъ высокихъ, по ихъ мнѣнію, считаютъ себя выше тѣхъ, которые говорятъ о театрахъ, маскарадахъ, нарядахъ и танцовщицахъ. Вотъ какъ способны мы себя обманывать и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорблять ближняго, когда онъ не совсѣмъ такъ думаетъ какъ мы. Замѣтьте же, что менѣе всего мы говоримъ о Томъ, о Которомъ заповѣдано намъ: имѣть Его всегда въ мысли и душѣ своей. Мнѣ кажется, что если бы чаще говорили о томъ, что̀ такъ должно быть близко душѣ нашей, отношенія бы наши къ людямъ были пріятнѣе, полезнѣе и не подвергались бы измѣнчивости. Конечно это трудно, надобно себя настроивать долго, чтобы дойти до такого состоянія, въ которомъ находился Николай Васильевичъ; послѣдніе годы своей жизни для него лучшія, не смотря что онъ страдалъ. Пожалуста продолжайте мнѣ сообщать ваши воспоминанія объ немъ; мнѣ пріятно было видѣть, что онъ вамъ высказалъ что̀ у него было на душѣ о вашемъ *пристрастіи* ко всему вамъ близкому, къ лицамъ такъ, какъ и къ идеямъ. Его это очень смущало, потому что онъ васъ искренно уважалъ и очень любилъ. Вообще удивительно, какъ онъ заботился безпрестанно о загробномъ человѣкѣ, какъ онъ понималъ, что, лишь зрѣя здѣсь для будущей жизни, мы можемъ сдѣлаться прочными въ этой жизни. Прочнаго человѣка онъ ставилъ выше всякаго генія и почиталъ его полезнѣе и нужнѣе для отечества. Не знаю, писали-ли вы къ его матери; вамъ бы слѣдовало это сдѣлать. Я тоже напишу къ ней нѣсколько строкъ. Переписываю для васъ письмо его на свѣтлый праздникъ прошлаго года. Онъ какъ-то особенно любилъ этотъ день; я однажды ему разсказывала, что одинъ нищій старичёкъ, котораго я знала, передъ смертью вскрикнулъ три раза: Христосъ Воскресе! Онъ безпрестанно это вспоминалъ и просилъ пересказывать ему, какъ это было. Вотъ письмо изъ Одессы:

«Христосъ Воскресе!

«Спѣшу поздравить васъ добрый другъ съ радостнымъ днёмъ свѣт: Воскресенья. Дай Богъ и вамъ и мнѣ того же: радоваться о Христѣ, любить всѣхъ о Христѣ, позабыть себя со всѣмъ чёрствымъ окруженіемъ собственныхъ заботъ и дорожить всякой минутой, спѣшить благодарить Бога за нее, живя подобно птицамъ небеснымъ, ни сѣя, ни собирая въ житницы, радуясь о томъ только, что совершается Его Божія воля. О! Пошли намъ Богъ, вамъ и мнѣ, силу любить всѣхъ. Въ ней потонетъ всё грустное. Еще разъ Христосъ Воскресе! Вашъ весь Н. Г.».

Вотъ вамъ пока отъ меня подарокъ, а вы меня подарите новыми подробностями о вашихъ сношеніяхъ съ нимъ. Передайте Ольгѣ Семеновнѣ и всѣмъ вашимъ мой дружескій поклонъ. Самаринъ мнѣ не писалъ ни слова о портретѣ, и даже не знаю, гдѣ онъ. Ему хорошо прочитать *Переписку съ друзьями*. Какъ всё въ ней хорошо! Даже то чтó казалось смѣшно, даже наставленіе женѣ на счетъ кучекъ неприкосновенныхъ. Это доказалъ онъ на дѣлѣ. Какіе мы всѣ дрянь, когда сравнимъ себя съ нимъ! Вамъ душевно преданная съ глубокимъ уваженіемъ А. Смирнова.

С. Т. Аксаковъ А. О. Смирновой.

Суббота, 19-е Апрѣля (1852).

Я получилъ письмо ваше, почтеннѣйшая Александра Осиповна, отъ 9-го Апрѣля. Я писалъ бы къ вамъ и прежде полученія вашего письма, но меня смутили слухи изъ Троицы, что вы совсѣмъ собрались и уѣзжаете за границу. Сердечно благодарю васъ за ваше собственное письмо и за копію съ письма Гоголя. Отъ его матери и сестры нѣтъ никакихъ извѣстій и отвѣтовъ на письма. Я боюсь за его мать: эта нѣжная, любящая душа была четыре года какъ безумная послѣ потери своего мужа; хотя другою любовью, но сына она любила еще больше.

Прошу у васъ прощенія за моихъ сыновей; нисколько не извиняю и самъ сержусь на нихъ. Самаринъ взялъ на себя дѣло о портретѣ; не знаю, почему не исполнилъ и уѣхалъ, поручивъ его брату вашему Арнольди. Я далъ новое приказаніе о буквальномъ исполненіи вашего желанія Ивану, который, какъ я слышу и вижу, потерялъ голову въ хлопотахъ о Сборникѣ. По торопливости того же Ивана послана вамъ книга моя безъ моей подписи и отмѣтокъ; но вы, къ удивленію моему, отгадали, на чтó обращалъ вниманіе Гоголь: *болота*

и бекасъ ему особенно нравились, хотя всѣ предпочитаютъ описаніе водъ, степей. Ему также нравились слѣдующія мѣста въ птицахъ: *куличики, зуекъ* и *воробей*; въ описаніи *гуся*—страницы 168, 169 и 170; описаніе зоркости и проворства утки (*Гоголя*), при чемъ онъ сказалъ: «*Вотъ какой проворный мой соименникъ*». Въ *журавлѣ* замѣчены имъ 250 и 251 страницы; всего болѣе хвалилъ онъ голубей *витютина* и *горлинку* и смѣялся, слушая описаніе *тетеревинаго тока* (стр. 355). Изъ послѣдней половины моихъ Записокъ онъ болѣе ничего не слыхалъ и не читалъ; но первую, послѣ моего чтенія, бралъ къ себѣ на домъ. Вторую главу *Мертвыхъ Душъ* прочелъ онъ мнѣ, выслушавъ напередъ *гаршнепа*, а третью—послѣ куличка-*поплавка*, котораго совершенно не слушалъ: едва я успѣлъ дочитать, какъ онъ вытащилъ изъ кармана тетрадь и съ необыкновенной энергіей началъ читать. Я совсѣмъ теряю память и совершенно не знаю, гдѣ я остановился въ описаніи нашихъ сношеній въ послѣднее время. Если хотите, чтобъ я продолжалъ, то напишите мнѣ, на чемъ я остановился.

Совершенно соглашаюсь съ вами въ томъ, что люди въ свѣтѣ по большей части соприкасаются другъ съ другомъ своими дурными сторонами и что отсюда проистекаетъ если не враждебность, то нерасположеніе, невыгодный образъ мыслей и осужденіе другихъ; но не могу согласиться, что это происходитъ отъ выбора предметовъ для разговора. Не имѣя никакого намѣренія заводить спора, скажу вамъ однако, что высокіе предметы, особенно тотъ, который вы подразумѣваете, не могутъ быть предметами для разговоровъ въ обществѣ. Всякое содержаніе хорошо, если о немъ говорятъ хорошіе люди: и танцовщица, и театръ, и всякое молодое, даже безразсудное веселье. Въ дѣлахъ совѣсти я не признаю другаго авторитета кромѣ совѣсти; но для васъ укажу вамъ письмо Гоголя къ графу Толстому о театрѣ. Если Богъ приведетъ насъ когда нибудь увидѣться, то я не скрою отъ васъ моихъ искреннихъ мыслей вообще о Гоголѣ, если вы захотите ихъ узнать. Прощайте, благодарю васъ за доброе слово о моихъ *Запискахъ*. Жена и дочери мои благодарятъ васъ за память и посылаютъ вамъ искреннее привѣтствіе. Преданный вамъ душою С. Аксаковъ.

С. Т. Аксакавъ А. О. Смирновой.

15 Ноября 1854, Абрамцево

Какъ обрадовало всѣхъ насъ и особенно меня письмо ваше, почтеннѣйшая Александра Осиповна, писанное вами 10 Ноября и вчера полученное. Правда, давно я не писалъ къ вамъ; но это не мѣшало мнѣ принимать самое искреннее участіе во всемъ до васъ касающемся. Исполняю ваше желаніе и разскажу вамъ краткую повѣсть о на-

шемъ житьѣ-бытьѣ. Мы по прежнему живемъ постоянно въ Абрамцевѣ; нѣкоторые продолжаютъ похварывать, остальные здоровы. Я часто хвораю и крѣпко старѣю, хотя стараюсь бодриться, пишу, и съ тѣхъ поръ, какъ не видѣлся съ вами, написалъ очень много; кое-что даже напечаталъ въ «Москвитянинѣ». Я пишу мою Семейную Хронику и мои личныя воспоминанія. По несчастному положенію нашей цензуры и половины нельзя будетъ напечатать того, что̀ мной написано; это меня огорчаетъ, потому что я получилъ вкусъ къ похваламъ и сочувствію, съ которыми было встрѣчено все напечатанное мною. Я не стану вамъ разсказывать, что̀ дѣлаетъ въ деревнѣ мое семейство: вамъ хорошо извѣстны элементы нашей духовной жизни, и потому вы хорошо знаете, какъ мы всѣ проводимъ время и какъ будутъ проводить его всѣ, когда будутъ принуждены *догадаться*, что надо жить въ деревнѣ. Вы очень вѣрно поняли тревогу въ мирномъ Абрамцевѣ. Да, мы находимся теперь въ исключительномъ положеніи. Мы погружены въ безотрадное горе и въ тревожное ожиданіе новыхъ печальныхъ явленій нашего безъисходнаго положенія. Много великихъ событій совершилось на моей памяти (я помню, какъ возникалъ Наполеонъ); но ни одно такъ не волновало меня, какъ настоящее или, лучше сказать, грядущее событіе. Самое тяжелое въ нашемъ положеніи неизвѣстность, туманъ, который насъ окружаетъ. Что̀ мы такое? Чего хотимъ, за кого стоимъ? Никто не знаетъ. Въ 12-мъ году было выставлено знамя, было сказано, что мы не положимъ меча до тѣхъ поръ, покуда хотя одинъ непріятель будетъ оставаться на землѣ нашей, что мы не уступимъ ни одного вершка этой земли. И такъ дѣло было ясно. А теперь что? Но я оставляю этотъ предметъ, о которомъ надо говорить много или ничего. Я и теперь боюсь, не сказалъ ли я чего нибудь лишняго что̀ будетъ вамъ прочесть непріятно. Я разстроенъ не только духомъ, но и тѣломъ; нервы мои напряжены и раздражены, и я захварываю отъ каждаго извѣстія изъ Крыма. Какъ я радъ теперь, что живу въ деревнѣ: я не слышу и не вижу того, что̀ вы видите и слышите. Конечно въ Москвѣ не то, что̀ въ Петербургѣ, но довольно гадко, какъ вы сами сказали.

Все сказанное вами въ письмѣ очень вѣрно и справедливо. Но не можетъ ли живое начало само собою выйдти на сцену, и не сдѣлаемся ли тогда всѣ мы невольно, безсознательно его вѣрными исполнителями? Не слышно ли въ настоящихъ событіяхъ шага исторіи? Константинъ давно уже сказалъ въ какихъ-то шуточныхъ стихахъ:

Событій полны времена,
И слышенъ шагъ Исторіи.

Тогда подсмѣивались надъ этими стихами; но теперь надобно признаться, что они были пророческіе. Сами по себѣ мы ни на чтó неспособны; но какъ скоро заставитъ насъ Высшая Сила, какъ скоро придетъ время явиться результату вѣковыхъ приготовленій—онъ явится, и мы надѣлаемъ чудеса.

Какъ обрадовали вы насъ извѣстіемъ о Батюшковѣ! *) Это поразительное явленіе, съ кѣмъ бы оно ни случилось. Это фактъ изъ волшебной сказки. Положеніе его однако должно быть очень тяжело: въ 30 лѣтъ все перемѣнилось, и онъ долженъ себя почувствовать чуждымъ всему. Мы праздновали извѣстіе о Батюшковѣ чтеніемъ вслухъ лучшихъ его стиховъ и посвятили на это половину вчерашняго вечера.

Иванъ кончилъ свое порученіе, и мы на дняхъ ожидаемъ его въ Абрамцево. Написавъ отчетъ, задуманный въ огромныхъ размѣрахъ, онъ отправится въ Петербургъ и, можетъ быть, я пришлю вамъ что-нибудь прочесть изъ моего маранья. Не правда ли, тутъ проглядываетъ эгоизмъ и самолюбіе старика, несмотря на живое сочувствіе, которое возбуждаетъ въ немъ гроза, охватившая весь небосклонъ его отечества?

Вы хвалите письма Гоголя, напечатанныя въ Опытѣ его біографіи. Вы совершенно правы; но я очень бы желалъ знать ваше мнѣніе: довольны ли вы пониманіемъ Гоголя, какъ художника и человѣка, его образомъ, который начертанъ біографомъ, никогда не знавшимъ и не видавшимъ даже Гоголя.

Прощайте! Пишите къ намъ, когда почувствуете къ тому желаніе письма же ваши для меня дорогой подарокъ. Жена моя васъ обнимаетъ, и всѣ усердно вамъ кланяются. У меня безпрестанно заболиваютъ глаза, и потому я не могу самъ читать и писать. Преданный вамъ душою С. Аксаковъ.

А. О. Смирнова К. С. Аксакову.

С.-Петербургъ, 6 Марта 1856 года.

Давно, очень давно сбиралась вамъ писать, почтенный Сергѣй Тимоѳеевичъ; но силъ не хватало. Всегда болѣзненная, я въ нынѣшнемъ тяжеломъ году еще болѣе расхворалась и рѣшительно прекратила всякое сношеніе съ міромъ, съ родными и съ друзьями родными по сердцу. Въ числѣ послѣднихъ вашъ Иванъ, съ которымъ такъ часто ссорюсь и котораго такъ люблю и уважаю. Пожалуйста увѣдомьте меня чтó онъ дѣлаетъ и гдѣ онъ; знаю, что его дружина вступила въ незаконный союзъ съ какимъ-то егерскимъ полкомъ,

*) Прошелъ слухъ о выздоровленіи жившаго въ Вологдѣ поэта К. Н. Батюшкова. П. Б.

какъ онъ самъ пишетъ Булгакову, но гдѣ? Не знаю, гдѣ совершилось это преступленіе. Меня пугаютъ болѣзни, которыя свирѣпствуютъ на Югѣ, а онъ вѣрно будетъ тамъ, гдѣ наиболѣе опасности и страданья. Человѣкъ онъ такой, которому бы слѣдовало жить; а мы къ несчастью видимъ, что у насъ какъ-то не живется этимъ людямъ. Не лѣть бы писать это къ старику-отцу и наводить на него печаль и раздумье; но что-жъ дѣлать, когда у меня все черное да черное въ головѣ! Дайте же мнѣ вѣсточку объ Иванѣ; пусть вы продиктуете дочерямъ, или пусть Константинъ Сергѣевичъ рѣшится мнѣ сообщить что́ знаетъ о братѣ.

Ваша «Семейная Хроника» даже и въ Петербургѣ нравится, и грамотнымъ, и неграмотнымъ. Мой мужъ, оторвавшись отъ дѣла, просидѣлъ за нею почти цѣлую ночь и на другой день насилу оторвался отъ нея къ дѣлу. Я также читала ее (право, грѣхъ), только что проснувшись въ постели, чтобы не мѣшали. Жаль только, что не два тома: книгу неловко держать, и мои руки уставали. Вамъ бы теперь продиктовать исторію вашего цензорства: это будетъ очень любопытно и *поучительно* во многихъ отношеніяхъ. Желала бы знать что́ вы думали о Шишковѣ; у васъ онъ вышелъ живой совершенно; многіе полагаютъ, что вы хотѣли совсѣмъ уронить его значеніе, а по вашему разсказу для меня онъ сдѣлался очень интересный человѣкъ и вовсе не похожъ на того карикатурнаго Шишкова, надъ которымъ очень смѣялись, когда я была въ свѣтѣ или лучше при дворѣ. Шишковъ вашъ для меня гораздо выше Державина; кажется, вы должны были его любить. Не смотря на то что Куролесовъ злодѣй, что Багровъ необразованъ, что надъ Упадышевскимъ теперь бы смѣялись; но воля ваша, въ той Руси было что-то любезное, т. е. можно было живо ненавидѣть одного, любить другаго, примириться съ третьимъ; какъ сказать это—ну!... не вѣяло пошлостью какъ теперь. Дѣло въ томъ, что вамъ надобно отвѣсить низкій поклонъ и сказать спасибо на всю Русь за то, что̀ вы передали намъ изъ старины. Прошу васъ его принять отъ меня и передать еще мое искреннее чувство уваженія Ольгѣ Семеновнѣ, дружескіе поклоны вашимъ дочерямъ и Константину Сергѣевичу. Я воображаю, какъ вся семья ждетъ писемъ отъ любимаго ратника. Зачѣмъ К. С. никогда мнѣ не сообщитъ своихъ записокъ? Они даже не доходятъ до меня; всѣ обѣщаютъ и не даютъ. Прощайте, примите увѣреніе моего неизмѣннаго уваженія. А. Смирнова.

Когда увидите Хомякова, скажите milles choses милому кузнечику. Я его называю такъ: онъ мудрецъ всегда поющій, какъ тотъ кузнечикъ Гнѣдича. А что́ дѣлается съ Шевыревымъ? Его рѣчь Севастопольскимъ изъ рукъ вонъ.

С. Т. Аксаковъ А. О. Смирновой.

8 Мая 1856. Москва.

Я искренно обрадовался письму вашему, почтеннѣйшая Александра Осиповна, и очень подосадовалъ, что оно шло до меня два мѣсяца. Я потому не отвѣчалъ вамъ немедленно, что вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ пріѣхалъ къ намъ Иванъ Сергѣевичъ и хотѣлъ сейчасъ писать къ вамъ. Теперь онъ передъ вами на лицо и отвѣчаетъ вамъ словесно на ваши о немъ вопросы. Благодарю васъ за доброе слово о моей книгѣ и особенно почтеннѣйшаго Николая Михайловича за его живое сочувствіе. Второе изданіе именно будетъ въ 2-хъ томахъ, и я немедленно пришлю ихъ вамъ, потому что тамъ будутъ помѣщены два новые отрывка изъ «Семейной Хроники», которые вы вѣроятно захотите прочесть. Вы совершенно правы: книга въ одномъ томѣ была слишкомъ тяжела. Чтò касается до Шишкова, то вы опять совершенно правы: вы именно почувствовали то, чтó чувствовалъ сочинитель и желалъ, чтобы почувствовали его читатели. Тоже самое долженъ я сказать о всѣхъ лицахъ, выведенныхъ мною, и вообще о всей ихъ жизни. Я писалъ правду, сердечно сочувствуя доброму, снисходительно смотря на дурное и признавая въ тоже время его необходимость. Въ новыхъ отрывкахъ развивается жизнь молодыхъ Багровыхъ, и безъ сомнѣнія это для васъ будетъ интересно. Не знаю, хорошо ли я это сдѣлалъ, но всѣ, кто слышали ихъ, довольны. Далѣе продолжать я не могъ. Причины вамъ понятны. Я и такъ сдѣлалъ слишкомъ смѣлый поступокъ. Я напередъ зналъ, что найдутся подлецы, которые печатно будутъ говорить, что Багровы—мои отецъ и мать. Но Богъ съ ними! Книга моя доставила мнѣ много отрадныхъ минутъ. Не въ томъ дѣло, хорошо ли она написана и сколько въ ней художественнаго таланта; дѣло въ томъ, что на многихъ она произвела доброе дѣйствіе. Эта мысль вполнѣ утѣшительна на старости моихъ лѣтъ. Благодарю васъ за письмо. Я право подумалъ, что вы не хотите моихъ писемъ и потому такъ давно не писалъ къ вамъ. Моя старуха, Константинъ и дочери благодарятъ васъ за память и усердно вамъ кланяются. Душевно преданный вамъ С. Аксаковъ.

Кн. Дмитрій Оболенскій виноватъ, что не доставлялъ вамъ писемъ Константина.

Письма С. Т. Аксакова получены въ „Русскомъ Архивѣ“ отъ дочери А. О. Смирновой, Надежды Николаевны Сорепъ. П. Б

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ **безъ предварительной цензуры**, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до **30** печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) **Изящная словесность** (Оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и т. д). 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Искусство** (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) **Воспоминанія.** 5) **Путешествія.** 6) **Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.** 7) **Критика и библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 8) **Вопросы церковной жизни.** 9) **Современные вопросы.** 10) **Лѣтопись печати.** 11) **Внутреннее обозрѣніе.** 12) **Иностранное обозрѣніе.** 13) **Иностранныя корреспонденціи.** 14) **Экономическія замѣтки.** 15) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) **Объявленія.**

Въ 1895 году въ „Русск. Обозр." было, между прочимъ, напечатано:

Д. В. Аверкіева: Переводъ трагедіи Шекспира Гамлетъ, Принцъ Датскій. **А. Ф. Адамовича:** Мысли обывателя. **И. С. Аксакова:** Письма къ О. А. Новиковой. **А. А. Александрова:** Стихотворенія. **Б. Н. Алмазова:** То-же. **К. Альбинскаго**: То-же. **Проф. А. С. Архангельскаго:** С. Т. Аксаковъ (Дѣтство и студенчество). **К. Д. Бальмонта**: Стихотворенія. **С. П. Бартенева**: Поѣздка на Востокъ. **В. И. Бафталовскаго**: Обзоръ мѣстнаго управленія и суда. **Гр. П. Д. Бутурлина:** Стихотворенія. **Е. А. Варженевской:** То-же. **С. Васильева:** Къ характеристикѣ Чацкаго. **Его-же**: Театральная хроника **Я. И. Вейнберга**: Новая составная часть воздуха. **Проф. П. А. Висковатова**: Задачи русской литературы. **Ѳ. А. Витберга**: Значеніе воображенія въ жизни человѣка. **Княгини М. В. Волконской**: „Одинъ изъ малыхъ сихъ". Идиллія. **Кн. К. А. Вяземскаго:** Путешествіе вокругъ Азіи верхомъ. **В. М. Гаршина**: Письма къ матери изъ Болгаріи (1877). **Г. П. Георгіевскаго:** Древне-русскія свадьбы. **Его-же**: Коронованіе русскихъ государей. **В. А. Гиляровскаго:** Стихотворенія. **Н. П. Гилярова-Платонова**: Логика раскола (письма къ И. С. Аксакову). **Гр. А. А. Голенищева-Кутузова**: Стихотвореніе. **К. Ѳ. Головина:** Изъ исторіи русскаго романа. **И. А. Гончарова**: Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ". **Шарля Гуно**: Воспоминанія артиста. **Г. О.**: Ѳедоръ Павловичъ. Новогодній разсказъ. **Г. А. Де-Воллана**: Въ странѣ восходящаго солнца. **Чарльза Диккенса**: Посмертный разсказъ. **Н. Д'Эссаръ**: Король теноровъ. Повѣсть. **А. В. Елисѣева:** Вдоль береговъ Трои. **В. П. Желиховской**: Въ житейскомъ омутѣ. Повѣсть. **А. Л. Зиссермана**: Деревенскія письма. **Проф. Н. Ю. Зографа**: Историческій обзоръ теорій наслѣдственности. **В. Илларіонова**: Иконописцы-суздальцы. **Проф. Н. Д. Кашкина**: Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ. **Его-же:** Музыкальное обозрѣніе. **А. А. Кирѣева:** Споръ съ западниками настоящей минуты. **Н. П. Колюпанова:** Изъ прошлаго (посмертныя записки). **А. А. Коринескаго**: Стихотворенія. **С. Д. Крылова**: Направленіе общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. **П. А. Кулиша**: Украинскіе казаки и папы въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. **К. С. Н.**: Прогулка пѣшкомъ чрезъ Симплонъ. **И. И. Лажечникова**: Письма къ С. П. и К. П. Побѣдоносцевымъ. **К. Н. Леонтьева:** Письма къ К. А. Губастову. **Е. В. Ливотова**: Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій. **Я. Литвинова**: О поземельномъ устройствѣ нашихъ крестьянъ. **Его-же**: Земскіе начальники, ихъ судебная и административная дѣятельность. **М. А. Лохвицкой**: Стихотворенія **Проф. Н. А. Любимова:** Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы. **Акад. Л. Н. Майкова:** Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. **В. Н. Макъ-Гаханъ:** Поступательное движеніе православія въ Соединенныхъ Штатахъ. **В. Л. Маркова**: Мечты и жизнь. Романъ. **Е. Л. Маркова**: Домой по Волгѣ. **С. А. Минутко**: Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи. **А. Н. Муравьева**: Мои воспоминанія. **Проф. Г. А. Муркоса**: Отрывокъ изъ путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. **Гр. Г. И. Костица**: Стихотвореніе. **Н. Н.**: Русскіе символисты и кое-что о символизмѣ вообще. **С. Обуховскаго:** Стихотвореніе. **Э. Оржешко**: Разсказы изъ польской жизни. **Н. М. Павлова**: Полемика Каткова съ Герценомъ. Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ. **Его-же:** Полемика по поводу этой статьи съ К. Н. Цвѣтковымъ. **Н. Н. Павлова**: Домой на праздникъ. Разсказъ. **И. У. Палимпсестова**: Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ. **В. А. Панаева**: Бумажныя деньги — товаръ. **Н. Ѳ. Плахово**: Стихотворенія. **Я. П. Полонскаго**: По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого. **Его-же:** Стихотвореніе. **Православнаго:** Правы-ли мы? (письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ). **Его-же:** Къ вопросу о духовной литературѣ для народа. **Его-же** Къ вопросу о „пересказахъ" житій святыхъ **В. Птицына**: По Ленѣ зимою. **В. Ракитина**: Стихотвореніе. **Проф. С. А. Рачинскаго**: Церковная школа. **В. В. Розанова**: О такъ-называемомъ „дѣйствіи на разстояніи". **Его-же:** Смѣна міровоззрѣній. **Его-же:** Что иногда значитъ „научно объяснить" явленіе? **Его-же**: Что выражаетъ собою красота природы? **Ѳ. Э. Ромера**: Стихотвореніе. **Гр. А. Салтыкова**: То-же. **А. А. Сидорова:** Послѣдніе дни жизни и дѣятельности В. В. Крестовскаго. **К. К. Случевскаго**: Призракъ. Поэма. **А. А. Смирнова**: Стихотвореніе: **Протоіер. Е. К. Смирнова**: Англо-Русское Литературное Общество. **Его-же:** Лекція о Митрополитѣ Филаретѣ. **А. К. Соболева**: Стихотвореніе. **М. П. Соловьева**: Письма изъ Италіи. **Spectator'a**: Современные вопросы. **А. В.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(2-й годъ изданія).

Задача изданія—путемъ обзора всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся и интересныхъ новинокъ русской литературы помочь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывокъ изъ нихъ можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особыя заботы о томъ, чтобы №№ изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. Въ составъ журнала входятъ между прочимъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Руководящія *литературно-критическія и научныя статьи общаго характера*, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ.

2) *Журнальное обозрѣніе*. Отчеты о статьяхъ и произведеніяхъ изящной словесности, появляющихся въ періодической печати. При этомъ обозрѣваются не только ежемѣсячные, но и еженедѣльные и иллюстрированные журналы, а также и ежедневныя изданія, если въ нихъ встрѣчается что-либо выдающееся или интересное въ литературномъ отношеніи.

Кромѣ того въ каждомъ № дается перечень важнѣйшихъ журнальныхъ статей съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и, гдѣ нужно, съ выдержками наиболѣе характерныхъ мѣстъ.

Въ теченіе 1895 года въ „Лит. Обозрѣніи“ дѣлались отзывы и выдержки, обозрѣвались и указывались статьи 119 важнѣйшихъ изданій (въ томъ числѣ 25 общелитературныхъ журналовъ, 20 научныхъ и спеціальныхъ, 6 историческихъ, 14 духовныхъ, 13 педагогическихъ и дѣтскихъ, 5 юмористическихъ и 36 ежедневныхъ изданій).

3) *Книжная лѣтопись*. Отчеты о вновь выходящихъ книгахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ. Свѣдѣнія о лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ (съ указаніемъ числа страницъ, цѣны и пр.). Въ 1895 г. было разобрано и указано около 1,000 новыхъ книгъ.

4) Смѣсь. Мелкія статьи и замѣтки. *Литературныя и научныя новости*. Біографіи выдающихся дѣятелей литературы и науки.

5) *Отвѣты редакціи.*

6) *Объявленія* исключительно о книгахъ, журналахъ и вообще произведеніяхъ печати (по 20 коп. за мѣсто занимаемое строкой петита—въ 40 буквъ).

Журналъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ; номера обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой; на годъ *пять* руб. на полгода *три* руб. За границу на годъ 7 руб. Допускается разсрочками: при подпискѣ 3 руб. и остальные 2 руб. въ Маѣ.

Адресъ редакціи и конторы. *С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. № 10, кв. 10.* Жители С.-Петербурга могутъ подписываться въ отдѣленіи конторы редакціи при книжномъ маг. Попова (Невскій пр., зд. Пассажа).

Редакторъ-Издатель **И. В. Скворцовъ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

на 1896 годъ.

Въ Учебныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія, публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Отдѣлъ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходить въ 1896 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на

I) отдѣлъ оффиціальный—и

II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы:

А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библіографическіе обзоры и т. п.

Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **М. Дьяконовъ.**

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1896 году.

Изданіе журнала „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1896 году, тридцать седьмомъ съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. При благословеніи высокопреосвященнѣйшаго Сергія, митрополита Московскаго и Коломенскаго и преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редакціи „Душеполезнаго Чтенія“ ровно тридцать лѣтъ, и при его полномъ и постоянномъ содѣйствіи, новая редакція и въ слѣдующемъ (теперь уже седьмомъ) году будетъ продолжать то же святое дѣло—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и понятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе разсказы. 4) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія, „Цвѣты съ Луга Духовнаго“ и внѣбогослужебныя чтенія, отличающіяся особенною назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ то же время понятныя свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ (таковы, напримѣръ, статьи: „Булла непогрѣшимаго папы“, „Къ XXV-лѣтнему юбилею римскаго догмата о папской непогрѣшимости“, „Такса непогрѣшимыхъ папъ за грѣхи“. „Новое опроверженіе догмата о папской непогрѣшимости“ и под.), лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ и разборъ ихъ ученій и обрядовъ (таковы статьи: „Евангелическая церковь“, „Протестантская церковь“, „Реформатская церковь“ и под.). По тому самому, что редакторъ журнала долгое время преподавалъ о западныхъ исповѣданіяхъ въ Московской Духовной Академіи и три раза отправлялся за-границу, чтобы лучше ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ,—на этотъ отдѣлъ обращено его особенное вниманіе. Къ этому же побуждаетъ и усиленіе сектъ въ нашемъ отечествѣ. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія, донесенія и письма Моск. митрополита Филарета. 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Въ дополненіе къ этой основной программѣ за послѣднее время въ нашемъ журналѣ обращено особенное вниманіе на выдающееся служеніе въ Бозѣ почившихъ оптинскаго „старца“ іеросхимонаха отца АМВРОСІЯ и преосвященнаго ѲЕОФАНА-затворника.

Въ нашемъ же журналѣ печатаются: 1) Бесѣды нынѣшняго святѣйшаго патріарха Вселенскаго Анѳима VII (Цацосъ), переводимыя съ греческаго для нашего журнала, съ дозволенія Его Святѣйшества, даннаго только протоіерею нашей русской посольской церкви въ Константинополѣ Александру Смирнопуло и 2) уроки благодатной жизни по руководству отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Въ слѣдующемъ 1896 году редакція предполагаетъ, сверхъ другихъ рисунковъ и портретовъ, познакомить съ характеромъ дѣятельности нашего знаменитаго художника В. М. ВАСНЕЦОВА и дать нѣсколько изображеній съ его работъ изъ новаго Владимирскаго собора въ Кіевѣ, начиная съ болѣе знаменитыхъ изображеній Богоматери и Спасителя...

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1896 г. по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ, обыкновенно содержащихъ въ себѣ болѣе ста сорока печатныхъ листовъ, съ доставкой и пересылкой въ Россіи **4** руб., за границей **5** руб.

Для лицъ, еще незнакомыхъ съ журналомъ „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ и нуждающихся во внѣшнемъ свидѣтельствѣ о журналѣ, достаточно присовокупить, что извѣстный всей Россіи преосвященный ѲЕОФАНЪ,—докторъ Богословія и затворникъ, на обращенный къ нему вопросъ о выборѣ чтенія, писалъ: Для чтенія выписывайте журналъ „Душеполезное Чтеніе“.

Адресъ: Москва, въ редакцію „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“, при церкви святителя Николая въ Толмачахъ.

Редакторъ-издатель заслуж. проф. прот. *Д. КАСИЦЫНЪ.*

XX-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1896 годъ

на

„St. Petersburger Herold"

(«С.-Петербургскій Герольдъ»)

ИЗДАНІЕ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Акціонернаго Общества Типографскаго Дѣла въ С.-Петербургѣ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Самая большая газета, выходящая въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ.

☛ Газета „ГЕРОЛЬДЪ" по объему даваемыхъ ежедневно свѣдѣній и по распространенію въ Россіи и за границей считается

ПЕРВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ

ВЪ РОССІИ,

въ виду чего особенно рекомендуется для помѣщенія

☛ ОБЪЯВЛЕНІЙ, ☚

которыя получаютъ обширное распространеніе среди нѣмецкаго и вообще иностраннаго населенія обѣихъ столицъ и всей Имперіи.

ЦѢНА ПОДПИСКИ СЪ ДОСТАВКОЙ:

За годъ . . .	14	руб.	—	коп.
„ 1/2 года . .	8	„	—	„
„ 1/4 „ . .	4	„	50	„

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

За строку I-й стр. . .	40	коп.
„ „ въ отд. рекламъ.	20	„
„ „ за текстомъ. .	12	„

Подписка и объявленія принимаются у всѣхъ книгопродавцевъ Имперіи по цѣнамъ редакціи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 3.

Телефонъ № 514.

1896 г. Годъ 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи".

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

На 1896 годъ „Вопросамъ Философіи и Психологіи"

вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Бунке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ, А-дръ И. Введенскій. Ал-ѣй И. Введенскій, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даршкевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Означенными авторами обѣщаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Вл. С. Соловьевымъ. Рядъ статей по метафизикѣ. — Н. Н. Страховымъ. „О естественной системѣ съ логической стороны",—Кн. С. Н. Трубецкимъ. „Ученіе о Логосѣ".—Л. М. Лопатинымъ. „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта" и „Душа и тѣло".—Н. Я. Гротомъ. „Сознаніе и безсознательная психическая жизнь" и „Ближайшія задачи экспериментальной психологіи".—Н. Н. Ланге. „Непонятая книга".—С. С. Корсаковымъ. „О сознаніи".—В. А. Вагнеромъ. „Границы и область біологіи" и „О музыкальномъ творчествѣ (на основаніи данныхъ біологіи)".—В. О. Ключевскимъ. „Психологическіе очерки изъ русской исторіи".—Э. Л. Радловымъ. „О системѣ Монтеня".—А. А. Токарскимъ. „О темпераментѣ".—Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ. „О фикціяхъ въ языкѣ (этюдъ изъ психологіи рѣчи и мысли)".—М. С. Корелинымъ. „Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія".—Л. Е. Оболенскимъ. „Научныя основанія примиренія идеализма и реализма и „Критическій синтезъ этическихъ теорій". — Н. А. Звѣревымъ. „О задачахъ философіи".—Г. Е. Струве. „О способностяхъ философствующаго ума, діалектической, критической и конструктивной".—В. Анри. „О новѣйшихъ психологическихъ работахъ о памяти".—В. Р. Бунке. „Объ отношеніи психіатріи къ психологіи".—Г. И. Челпановымъ. „Обзоръ новѣйшей летературы по психофизіологіи".—А. Н. Гиляровымъ. „Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи" и „Этюдъ о греческихъ софистахъ".—П. П. Соколовымъ. „Факты и теорія цвѣтного слуха".—Алексѣемъ И. Введенскимъ. „Проблемма реальности внѣшняго міра".—И. Ф. Огневымъ „О новѣйшихъ воззрѣніяхъ въ біологіи".

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу 8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени" (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль").

Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25) и шестой (№№ 26—30) годы изданія продаются по 5 руб. за каждый годъ съ пересылкой; подписчики на новый 1896 годъ получають журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экземпляръ, № 15-й журнала, оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продается отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается съ каждаго руб. по 2 к.

Всѣ статьи для журнала должны быть направлены въ контору редакціи журнала, а письма относительно ихъ помѣщенія по адресу: Москва, Чистые Пруды, Мыльниковъ переулокъ, д. Наживина, редактору Василію Петровичу Преображенскому.

Редакторы: **Н. Я. Гротъ. Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.**

цова къ разнымъ лицамъ. Съ портретомъ.

X. Письма гр. С. Р Воронцова. къ брату. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго, кн. Е. Р. Дашковой, Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки (1776 –1799).

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записки С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи и о жизни и дѣятельности Питта.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородку. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея, Д. П. Татищева, Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

XIX. Переписка гр. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова. В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова, Моск. оберъполицмейстера П. Н. Каверина.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіи Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой и Е. Р. Полянской.

XXII. Переписка гр. Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Перемѣны правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна Антоновича, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ графовъ Завадовскаго и П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышова объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 году вступаетъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ огношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г., будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книги „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Подписчики «Русскаго Архива» на 1896-й годъ благоволятъ означать, какую именно изъ книгъ «Архива Князя Воронцова» желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ. Содержаніе этихъ книгъ напечатано на внутренней сторонѣ обертки сего выпуска.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

годъ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны, Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графовъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги. Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа А. П. Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова. Записка гр. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Автобіографія графа А. Р. Воронцова. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782 — 1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Рапортъ Костюрина о Русской арміи. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Съ портретомъ гр. М. Л. Воронцова и снимкомъ.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма графа С. Р. Воронцова къ разнымъ лицамъ. Съ портретомъ.

X. Письма гр. С. Р Воронцова. къ брату. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадов-

(*См. на 3-й стр. обертки*).

МОЛДАВСКІЙ ГОСПОДАРЬ СТЕФАНЪ-ГЕОРГІЙ И ЕГО СНОШЕНІЯ СЪ МОСКВОЮ [1]).

Спаѳарій жилъ въ Стокгольмѣ, какъ можно предполагать, около трехъ лѣтъ, съ 1665 по 1669 г. [2]). Въ 1669 году умеръ въ Штетинѣ Молдавскій воевода Стефанъ-Георгій (Гёргица), который назначилъ его своимъ резидентомъ при дворѣ малолѣтняго Шведскаго короля Карла XI. Отецъ Карла XI, Карлъ Густавъ X, до самой смерти своей воевавшій съ Польшею и Россіей, умеръ внезапно, и регентство, учрежденное изъ вдовствующей королевы Гедвиги-Элеоноры и королевскихъ попечителей, поспѣшило обезпечить странѣ спокойствіе заключеніемъ мирныхъ договоровъ. По Оливскому миру съ Польшею, Швеція пріобрѣтала отъ послѣдней Ливонію и Эстонію (1660 г.), а по Кардисскому миру съ Россіей (1661 г.) Швеціи возвращались всѣ наши завоеванія въ Ливоніи за предшествовавшую войну.

Чтобы лучше объяснить участіе Спаѳарія въ политическихъ событіяхъ того времени, необходимо остановиться подробнѣе на сношеніяхъ его покровителя Стефана Георгія Молдавскаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Сношенія эти находятся въ тѣсной связи съ Малороссійскими событіями временъ Богдана Хмельницкаго и полагаютъ начало весьма любопытному періоду въ исторіи развитія Восточнаго вопроса.

Стефанъ-Георгій былъ великимъ логоѳетомъ Молдавіи при господарѣ Василіи Лупулѣ. Молдавское боярство, желавшее возстановить въ

---

[1]) Эта статья есть часть большаго изслѣдованія, предпринятаго Ю. В. Арсеньевымъ по новооткрытымъ и неизданнымъ бумагамъ: „Николай Спаѳарій и его время“. Сличи „Русскій Архивъ“ 1895 г. II, 359. П. Б.

[2]) Одновременно съ Спаѳаріемъ находился въ Стокгольмѣ извѣстный Григорій Котошихинъ, написавшій здѣсь свое сочиненіе о Россіи въ 1667—1688 гг. Онъ бѣжалъ въ Швецію изъ Ливоніи, гдѣ состоялъ при Ординѣ-Нащокинѣ въ качествѣ подъячаго Посольскаго Приказа, во время мирныхъ переговоровъ съ Швеціей. См. Соловьева Ист. Россіи, XI, 396.

странѣ избирательный образъ правленія, воспользовалось вмѣшательствомъ гетмана Богдана Хмельницкаго въ дѣла Молдавскаго княжества, чтобы свергнуть Лупула. Поводъ къ этому подалъ сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, который, женившись на дочери Лупула, объявилъ себя наслѣдникомъ его власти и простиралъ завоевательные виды на сосѣднюю Валахію и Седмиградское княжество. Валашскій господарь Матѳей Бессараба и Седмиградскій князь Георгі Ракочи II-й, противъ которыхъ Лупулъ и прежде воевалъ, рѣшились теперь свергнуть послѣдняго при содѣйствіи составившаг ся въ Молдавіи заговора бояръ. Стефанъ-Георгій по женѣ остоялъ ъ родствѣ съ Матѳеемъ и склонился на его сторону, за что ему обѣщано было господарство. Молдавскія лѣтописи въ числѣ заговорщиковъ противъ Лупула называютъ также боярина Спатара, который погибъ отъ руки разгнѣваннаго господаря. Лупулъ слишкомъ поздно обнаружилъ измѣну и едва успѣлъ съ семьею бѣжать изъ Яссъ, къ которымъ уже подступали его противники.

6-го Апрѣля 1653 г. Стефанъ провозглашенъ былъ господаремъ Молдавіи и за утвержденіе свое въ этомъ достоинствѣ долженъ былъ отправить щедрые подарки въ Царьградъ. Но междоусобіе въ Молдавіи этимъ не прекратилось. Тимоѳей Хмельницкій и Лупулъ снова овладѣли Яссами при помощи казаковъ и Татаръ; за тѣмъ Стефанъ, разбивъ противниковъ, заставилъ Тимоѳея Хмельницкаго искать убѣжища въ крѣпкомъ Сучавскомъ замкѣ. При осадѣ сего послѣдняго на помощь къ Стефану, кромѣ Валаховъ и войскъ Ракочи, явились и Поляки, раньше помогавшіе Лупулу. Богданъ Хмельницкій двинулся было съ казаками на выручку Тимоѳея, но еще на пути въ Молдавію узналъ о его смерти при защитѣ Сучавы и обратилъ свое оружіе на Поляковъ [1]).

Стефанъ, достигнувъ господарства при содѣйствіи Польши, не принадлежалъ однако къ ея сторонникамъ, какъ его предшественникъ Лупулъ. Тѣмъ не менѣе онъ первое время помогалъ королю Яну-Казимиру противъ Хмельницкаго, съ которымъ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Необходимость заставляла его дѣйствовать такъ, пока успѣхъ казаковъ въ войнѣ съ Поляками еще представлялся сомнительнымъ. Когда же зимою 1653 г. начались неудачи Поляковъ (въ лагерѣ подъ Жванцемъ) и прежніе союзники покинули ихъ, то Молдаване стали даже враждебно относиться къ Полякамъ. Населеніе Молдавіи

---

[1]) Костомаровъ. Ист. монографіи. Богданъ Хмельницій, изд. 4-е, т. III, стр. 61, 89, 105. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. X, изд. 3-е, стр. 280.

въ то время было ожесточено безчинствами, которыя позволяли себѣ Польскіе жалонеры, собиравшіе продовольствіе по Молдавскимъ деревнямъ.

Въ началѣ 1654 г., послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, воевода Стефанъ поспѣшилъ искать примиренія съ гетманомъ Хмельницкимъ, ибо опасался съ его стороны отплаты за смерть сына. Но въ тоже время онъ надѣялся впослѣдствіи, при посредствѣ Хмельницкаго сблизиться съ единовѣрною Москвою и тѣмъ обезпечить себя въ Молдавіи отъ происковъ Польши. Московское правительство съ своей стороны также находило въ то время необходимымъ отвлечь Молдавію и Валахію отъ союза съ Польшей. Въ этихъ видахъ царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по присоединеніи Малороссіи, отправилъ къ обоимъ господарямъ, Молдавскому Стефану и Валашскому Матѳею, свои грамоты, приглашая ихъ къ дружбѣ и союзу во имя единой вѣры. Въ грамотѣ къ Стефану говорилось: «Вѣдомо намъ великому государю учинилось, что на Молдавскомъ владѣтельствѣ учинился ты Стефанъ воевода, а къ намъ ты о томъ не писывалъ. И тебѣ бы для единыя истинныя нашея православныя вѣры нашего царского величества милости поискать и съ нашими бояры и воеводы ссылатися и вѣдомо намъ о всякихъ порубежныхъ дѣлѣхъ и вѣстѣхъ давати. А будетъ Янъ-Казимеръ, король Польскій и великій князь Литовской, учнетъ къ тебѣ присылати просити помочи на нашихъ подданныхъ, на гетмана Богдана Хмельницкаго и на все войско Запорожское, хотя благочестивыя церкви христіанскія раззорити и вѣру христіанскую искоренити: и ты бъ, памятуя единую съ нами вѣру, гонителемъ Латынникомъ, которые ищутъ всегда искорененія благочестивыя нашея христіанскія вѣры Греческаго закону и церквамъ Божіимъ раззоренья, ничѣмъ не помогалъ и про замыслы ихъ вѣдомо намъ чинилъ» [1]).

Грамоты царя къ господарямъ повезъ изъ Москвы 7 Февраля 1654 г. дворянинъ Гавріилъ Самаринъ. Онъ прибылъ въ Яссы мѣсяцъ спустя и принятъ былъ Стефаномъ съ подобающею честію. Молдавскій воевода выразилъ царскому посланцу свое полнѣйшее желаніе вступить въ дружественныя сношенія съ Московскимъ правительствомъ. Въ своей отвѣтной грамотѣ къ царю, посланной чрезъ Самарина, Стефанъ писалъ: «Съ великою честію пріяхомъ и съ радостію прочтохомъ вашего царского величества грамоту, о ней же благодареніе Богу возсылахомъ; донынѣ же ничтоже писахомъ къ вамъ, понеже доселѣ еще не бѣ земля наша успокоена и имѣхомъ вражду и нена-

[1]) Молдавскія дѣла. Моск. Гл. Арх. М. Ин. д. связка 1 (7162 г. Февр. 7).

висть съ его милостью Богданомъ Хмельницкимъ, гетманомъ войска Запорожскаго. Того ради не могли бы придти человѣцы наши, ихъ же аще бы посылалъ посѣщающи царствіе ваше. Нынѣ же убо, видѣвше, яко и его милость Богданъ Хмельницкій гетманъ и со всею Россіею Малою поддадеся подъ высокую руку пресвѣтлаго царствія вашего, и мы отнынѣ на всякое время имамы посѣщати благочестивое царство ваше; понежъ мы, сущіи подручніи царю Турецкому, радостни есмы, яко видимъ наше художство и нищету, а не дати кому помощи; понеже ограждени есмы отъ силы Турецкой и Татарской: не точію во многое время, но въ два или три дня всю нашу землю могутъ плѣнити и пустошити».

Стефанъ, отпустивъ Самарина, далъ ему провожатыхъ до сосѣдней Валахіи. Но здѣсь Самаринъ не засталъ уже въ живыхъ Матѳея Бессарабу и принятъ былъ его преемникомъ Константиномъ Щербаномъ (побочнымъ сыномъ Матѳея), который въ правленіе свое также, какъ и Стефанъ, поддерживалъ сношенія съ Россіей, но больше подчинялся Польскому вліянію.

Надо замѣтить, что, еще до полученія царской грамоты, господарь Стефанъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы вступить въ сношенія съ царемъ. Въ Февралѣ того же 1654 г. прибылъ въ Яссы проѣздомъ на Аѳонъ съ милостынею отъ царя и патріарха Никона старецъ Арсеній Сухановъ, извѣстный своимъ хожденіемъ въ святую землю. Стефанъ за нѣсколько лѣтъ раньше, будучи логоѳетомъ при Лупулѣ, принималъ Арсенія въ Яссахъ; теперь, при вторичной встрѣчѣ, онъ оказалъ ему особенное вниманіе. Арсеній писалъ объ этомъ въ Москву, замѣчая, что Стефанъ «къ цареву имени гораздо учтивѣе Василія воеводы и радъ служить царю наипаче прежнихъ воеводъ». Будучи въ Молдавіи, Сухановъ могъ замѣтить всеобщую радость, произведенную извѣстіемъ о подданствѣ Малороссійскихъ казаковъ царю: «не токмо воевода и бояре его, писалъ онъ, но и поселяне вси гораздо рады съ великою радостью, что казаки подклонились подъ царскую руку, и о томъ всѣ благодарятъ Бога» [1]). Отпустивъ Арсенія изъ Яссъ и озаботившись о безопасномъ дальнѣйшемъ его путешествіи до Аѳона, Стефанъ въ тоже время извѣстилъ объ этомъ царя особою грамотою. Онъ отправилъ эту грамоту въ Москву съ гонцомъ Иваномъ Григорьевымъ, которому поручилъ разузнать, согласится ли Московское правительство принять его вмѣстѣ съ Молдавіею въ подданство Россіи на такихъ же условіяхъ, какъ и Мало-

[1]) С. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 336—39.

россію [1]). Въ Польскомъ Приказѣ Стефановъ гонецъ объяснилъ, что если царь благосклонно отнесется къ этому тайному предложенію господаря, то Стефанъ при первой возможности пришлетъ особое посольство «изъ своихъ ближнихъ честныхъ людей». Примѣру его не замедлитъ послѣдовать и союзникъ его, Валашскій воевода Матѳей, который также ищетъ «учиниться подъ государевою высокою рукою». Относительно же сношеній Стефана съ Польшею гонецъ увѣрялъ, «что съ Польскимъ королемъ у Стефана воеводы дружбы и ссылки нѣтъ, а были-де у него Поляки наемные» [2]). Одновременно съ этою посылкою къ царю Стефанъ отправилъ другого своего посланца, Троескула къ гетману Хмельницкому въ Чигиринъ, чтобы достигнуть примиренія съ нимъ. Хмельницкій отвѣчалъ, что для примиренія съ казаками необходимо, чтобы Стефанъ, «будучи съ ними единой христіанской вѣры, съ Ляхами никакого совѣту и дружбы не имѣлъ; а отъ него бы гетмана онъ ни въ чемъ не опасался: хотя-де сынъ его Тимоѳей въ Сучавѣ и убитъ, только учинилось то не отъ Стефана воеводы, виненъ-де былъ въ томъ сватъ его, прежній Молдавской воевода Василій; и ему-де гетману, хотя бы и всю Молдавскую землю раззорить и людей погубить, а однакожде уже сына своего не воротить».

Царь Алексѣй Михайловичъ оказался въ то время расположеннымъ къ принятію предложенія Молдавскаго владѣтеля о подданствѣ. Гонецъ Иванъ Григорьевъ повезъ Стефану отвѣтъ: «Мы, великій государь, посланца твоего, Волошенина Ивана Григорьева, пожаловали, велѣли ему видѣть нашего царского величества очи вскорѣ и листъ у него принять велѣли, и мы тебя за то, что ты поискалъ нашея царскія милости и подъ нашею государскою высокою рукою быть желаешь и отъ ига басурманскаго ищешь свободитися, милостиво похваляемъ и подъ нашу высокую руку тебя со всею твоею Молдавскою землею приняти велимъ».

О дружественныхъ сношеніяхъ своихъ съ Молдавскимъ воеводою Московское правительство не замедлило повѣстить гетмана Хмельницкаго. Вслѣдствіе этого въ Сентябрѣ 1654 г., когда царь лично велъ

---

[1]) Грамота Стефана изъ Яссъ отъ 18 Февраля 1654 г. получена была въ Москвѣ 1 Апрѣля. Она напечатана С. Бѣлокуровымъ въ его изслѣдованіи объ Арсеніи Сухановѣ, ч. I, стр. 389.

[2]) Извѣстіе, почерпнутое Костомаровымъ изъ Польскихъ источниковъ, будто Стефанъ отослалъ полученную имъ царскую грамоту къ королю Польскому Яну-Казимиру, въ знакъ своей вѣрности и преданности, не согласуется съ приводимыми здѣсь извѣстіями (Ср. Костомарова, Богд. Хмельницкій, т. III, стр. 166).

осаду Смоленска, Стефанъ прислалъ къ нему посланца Никифора Иванова съ грамотою, въ которой благодарилъ за данное Хмельницкому повелѣніе поддерживать дружбу съ Молдавіей. «Благодаримъ твое царское величество, понеже убо повелѣлъ еси крѣпкимъ царскимъ твоимъ словомъ къ подданнымъ твоимъ, Богдану Хмельницкому со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, чтобы тѣ были съ нами въ дружбѣ и пріятствѣ и на православную нашу страну Молдавскую войною не ходили и о надобныхъ дѣлѣхъ съ нами ссылалися; и гетманъ царское твое повелѣніе истиннымъ сердцемъ принялъ и съ нами великое пріятельство укрѣпилъ и устроилъ, и веліею вѣрою присягали есмы единъ другому во имя Божіе» [1]).

Вступивъ такимъ образомъ въ тайныя сношенія съ Москвою и казаками, Стефанъ въ тоже время, какъ данникъ Турціи, находился въ весьма двусмысленномъ положеніи, и намѣреніе его отдаться вмѣстѣ съ Молдавіею въ подданство царю встрѣчало немаловажныя препятствія. Первымъ, и самымъ вѣскимъ, была смерть Матѳея Бессарабы, наслѣдникъ котораго, Константинъ Щербань, не былъ единомышленникомъ Стефана и держалъ сторону Польши. Въ тоже время Польскій король Янъ-Казимиръ поддерживалъ дружественныя отношенія съ Турецкимъ султаномъ, имѣя цѣлью возбудить его подозрѣнія по поводу сближенія Хмельницкаго съ Москвою, чтó ему удалось: и султанъ потребовалъ отъ обоихъ господарей и Крымскаго хана, чтобы они помогали Полякамъ въ начавшейся войнѣ. Стефанъ сознавалъ беззащитность Молдавіи, а также непрочность своего собственнаго положенія и поэтому вынужденъ былъ еще медлить открытымъ разрывомъ съ Польшею. Зимою 1655 г., когда Хмельницкій и царскій воевода Шереметевъ встрѣтились съ Польскимъ и Турецкимъ войскомъ подъ Ахматовымъ, то оказалось, что на сторонѣ непріятеля находился и Молдавскій отрядъ. Царь, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался на Стефана, котораго считалъ было за надежнаго союзника противъ Поляковъ. Потребовалось ходатайство двухъ патріарховъ, Паисія Іерусалимскаго и Макарія Антіохійскаго за беззащитную Молдавію и ея владѣтеля, чтобъ перемѣнить царскій гнѣвъ на милость. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ подробнаго содержанія грамоты, присланной патріархомъ Паисіемъ къ царю по этому поводу въ концѣ 1655 г. съ Грекомъ Мануиломъ Константиновымъ [2]); но надобно думать, что она была убѣдительна: ибо послѣ этого Стефану дозволено было царемъ возобновить прерванныя

[1]) Молдавскія дѣла, св. 1, 7162 г. Полн. Собр. Зак., т. I, № 180.

[2]) Каптеревъ. Характеръ сношеній Россіи съ Прав. Востокомъ, стр. 366, прим. 2.

съ нимъ сношенія. Къ нему послана была царская грамота, въ которой говорилось: «Мы, великій государь, по нашему милосердому обычаю прошенія вселенскихъ патріарховъ не презрѣли, досадительства ваши учинили забытны и гнѣвъ нашъ государскій преложили на милосердіе, и вамъ бы Степану воеводѣ со всею Молдавскою землею нашу щедрую милость имѣти памятну и впредъ отъ такихъ начинаній отстати; а буде впередъ учинитеся въ такой шатости и нашимъ непріятелемъ людьми и казною и иною какою причиною учнете помогати, и мы вамъ терпѣти не будемъ, а велимъ ваши недружбы мстить; и то вамъ учинится самимъ отъ себя» [1]).

Послѣ этого Стефану нельзя уже было долѣе медлить отправленіемъ явнаго посольства къ царю, чтобы доказать ему искренность своихъ намѣреній и возобновить ходатайство о принятіи въ подданство Молдавіи. Только въ надеждѣ на дѣйствительную помощь Россіи противъ внѣшнихъ враговъ своихъ, Поляковъ и Турокъ, могъ Стефанъ отважиться на такой рѣшительный шагъ; при неуспѣхѣ же ему неминуемо угрожала опасность лишиться господарства и подвергнуть свою страну новымъ военнымъ бѣдствіямъ.

Молдавское посольство, во главѣ котораго были митрополитъ Сучавскій Гедеонъ и второй логоѳетъ Молдавіи Григорій Накулъ [2]), прибыло въ Москву въ началѣ Апрѣля 1656 г. Дошедшія до насъ извѣстія о пріемѣ посольства и пребываніи его въ Москвѣ, къ сожалѣнію, отрывочны и не позволяютъ сдѣлать вполнѣ основательнаго заключенія о ходѣ переговоровъ его съ Московскимъ правительствомъ. Спутникъ патріарха Макарія Антіохійскаго, архидіаконъ Павелъ Алепскій сообщаетъ, какъ очевидецъ, нѣкоторыя подробности о пріемѣ Молдавскихъ пословъ царемъ и о томъ, что царь совѣщался по этому поводу съ патріархомъ Макаріемъ [3]). Изъ сохранившихся историческихъ актовъ

---

[1]) Молдавскія дѣла, св. 1-я, 7164 г.

[2]) Въ грамотѣ воеводы Стефана къ царю Накулъ названъ „ближнимъ и вѣрнымъ бояриномъ и *вторымъ* логоѳетомъ“; *первымъ* логоѳетомъ Молдавіи могъ быть въ то время Николай Спаѳарій, о чемъ онъ лично сообщилъ Де-Помпонну (См. Р. Ар. 1895, II).

[3]) По сообщенію Павла Алепскаго, условія подданства Молдавіи царю были такія: 1) царь во время нужды покровительствуетъ войсками, 2) дань должна быть взимаема по правилу древнихъ реестровъ со временъ Греческихъ императоровъ и 3) господарское достоинство до смерти остается за Стефаномъ, а по смерти за его родомъ. Царь съ своей стороны, давалъ имъ облегченіе отъ податей на 10 лѣтъ съ условіемъ, чтобы господарь не принималъ къ своему двору ни одного изъ Московскихъ бояръ. Послѣ этихъ переговорныхъ условій царь пригласилъ депутацію къ своей рукѣ, и ему подарена была отъ

наиболѣе важны статьи, поданныя Молдавскими послами въ Посольскомъ Приказѣ 12 Мая, т. е. за три дня до отправленія царя Алексѣя Михайловича изъ Москвы въ начинавшійся тогда Шведскій походъ. Прежде всего послы Молдавскаго господаря старались оправдать его въ глазахъ царя, объясняя, что его нерѣшительный образъ дѣйствій вынуждался необходимостью. «Какъ прислалъ великое твое царствіе посла твоего къ намъ, насъ приводить къ покоренію подъ честныя твои стопы, и въ то время господарь нашъ хотѣлъ съ великою радостью и всею душею и всѣмъ сердцемъ поклонитись и покоритись великому твоему царствію; только было не время, понеже были ограждены ото всѣхъ странъ отъ нечестивыхъ Турокъ и Татаръ и отъ иныхъ невѣрныхъ, и невозможно было намъ объявить, что хотимъ покориться твоему царствію, чтобъ Турки и Татары не свѣдали. Да и Молдавская земля тогда не похотѣла; понеже какъ бы свѣдали Турки и Татаровя, и господаря нашего извели бъ и Молдавскую землю всю раззорили бъ. Вѣсть и нынѣ къ намъ доходитъ, что Крымской ханъ со всею своею силою хочетъ идти на помочь Ляхомъ и насъ съ собою имáть насупротивъ твоей царской рати, и мы не имѣемъ что́ творить, а отъ невольности идти будемъ". Далѣе въ статьяхъ излагались условія, на которыхъ предлагалось царю принять Молдавію и ея владѣтеля въ подданство Россіи. Изъ статей видно, что главною побудительною причиною, руководившею при этомъ Стефаномъ и его народомъ, была надежда освободиться при помощи Россіи отъ Турецкаго ига. «Господь Богъ да сподобитъ насъ, писали послы, видѣть къ себѣ твою царскую милость и такую же побѣду на нечестивыхъ, яко и на Ляховъ; и какъ изволитъ царствіе твое послать на нечестивыхъ, и мы должны есмы быть готовыми съ твоими ратными людьми идти на нихъ». Молдавскіе послы ходатайствовали также предъ царемъ о помощи войсками для возвращенія отъ Турокъ нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей, безъ которыхъ безопасность Молдавіи не будетъ обезпечена [1]). Но если царь и сочувствовалъ мысли явиться освободителемъ христіанъ на Востокѣ отъ Турецкаго мучительства, о чемъ свидѣтельствуетъ Павелъ Алепскій [2]), однако, рѣшившись объявить войну

нея Турецкая лошадь съ дорогимъ сѣдломъ. Царю и патріарху поднесены были части св. мощей. См. *И. Аболенскаго.* Московское государство при ц. Алексѣѣ Мих. и патр. Никонѣ по запискамъ П. Алепскаго. Кіевъ, 1876, стр. 91.

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 180.

[2]) Въ 1656 г. на Пасхѣ, повѣствуетъ Павелъ Алепскій, царь, христосуясь съ Греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, спросилъ ихъ, ждутъ ли они, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ Турецкаго плѣненія, и когда они подтвердили это, то царь, проливая обиль-

Швеціи, онъ принужденъ былъ отложить такое предпріятіе до болѣе благопріятнаго времени. Молдавскому посольству пришлось испытать на себѣ послѣдствія перемѣны, происшедшей тогда въ Московской политикѣ. Напомнимъ здѣсь въ общихъ чертахъ причины такой перемѣны.

Еще съ конца 1655 г. въ Москвѣ находились послы Германскаго императора Фердинанда III, Алегретти и Лорбахъ, присланные къ царю съ предложеніемъ посредничества для примиренія его съ Польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ. Польша находилась въ то время на краю гибели. Воинственный Шведскій король Карлъ X, видя затруднительное положеніе Польши въ войнѣ съ Москвою, напалъ на нее подъ пустыми предлогами и, овладѣвъ Варшавою и Краковымъ, заставилъ короля Яна-Казимира бѣжать въ Силезію. Но для Австріи являлось опаснымъ допускать паденіе союзной Польши и усиленіе на ея счетъ протестантской Швеціи. Отправленіе Цесарскаго посольства къ царю Алексѣю Михайловичу имѣло цѣлью освободить Польшу отъ Московской войны и, если возможно, обратить царское оружіе противъ Швеціи. Преслѣдуя эту главную цѣль, Нѣмецкіе послы передавали царю объ искреннемъ желаніи императора Фердинанда, чтобы прекратилось кровопролитіе между Московскимъ государствомъ и Польшею, и оружіе ихъ обратилось на общихъ враговъ христіанства, Турокъ[1]). Но когда цѣли Австріи и Польши оказались вполнѣ достигнутыми и царь объявилъ войну Швеціи за ея посягательство на Литву, а съ Польшею согласился начать мирные переговоры на Виленскомъ съѣздѣ: то рѣчь о союзѣ противъ Турокъ, будучи только предлогомъ со стороны Нѣмецкихъ пословъ, болѣе не возобновлялась. Царь, будучи занятъ Шведскою войной, въ которой принималъ личное участіе, переспалъ думать о Молдавіи и другихъ единовѣрныхъ странахъ Востока, и даже къ дѣламъ Малороссіи въ это время относился равнодушнѣе прежняго. Это отразилось и на дальнѣйшей судьбѣ Молдавскаго посольства, оставленнаго царемъ въ Москвѣ при отправленіи его въ Шведскій походъ.

ныя слезы, высказалъ присутствовавшимъ боярамъ: „Мое сердце сокрушается о порабощеніи этихъ несчастныхъ, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры. Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ". Этотъ разговоръ, замѣчаетъ г. *Аболенскій* (стр. 90), можетъ считаться вполнѣ вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ. Еще осенью 1655 г. царь Алексѣй принималъ Венеціанскихъ пословъ, прибывшихъ съ просьбою о помощи противъ Турокъ, и не отказалъ имъ въ этомъ, отложивъ только до болѣе благопріятнаго времени.

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи, т. X, стр. 349 и слѣд.

Переговоры съ Молдавскими послами продолжались и въ отсутствіи царя. Сохранился текстъ грамоты къ воеводѣ Стефану, помѣченной 29 Іюня, которою онъ обнадеживался, что царь согласенъ «держать его въ своемъ милостивомъ жалованьи и призреньи», хотя при этомъ о какой-либо помощи противъ Турокъ не давалось никакого обѣщанія [1]). Въ Іюлѣ Молдавскіе послы отъ имени своего господаря удостовѣрили присягою (къ которой приводилъ митрополита Гедеона въ Успенскомъ соборѣ самъ патріархъ Никонъ), что онъ будетъ вѣрно служить Московскому царю. Однако пребываніе Молдавскаго посольства въ Москвѣ, длившееся цѣлыхъ восемь мѣсяцовъ, оказалось въ концѣ концовъ безуспѣшнымъ. Это видно изъ грамоты, которую въ Декабрѣ того-же 1656 г. прислалъ изъ Терговищъ къ патріарху Никону патр. Макарій Антіохійскій, принимавшій, какъ мы видѣли, близкое участіе въ этомъ дѣлѣ [2]). Онъ извѣщалъ патр. Никона, что положеніе его въ Молдавіи вслѣдствіе нерѣшенныхъ еще отношеній между воеводою Стефаномъ и царемъ, было самое затруднительное; въ тоже время Макарій, оправдывая Стефана, напоминалъ, что сей послѣдній все еще оставленъ беззащитнымъ и въ полной зависимости отъ Турокъ, Татаръ и Венгровъ. При этомъ патріархъ просилъ не задерживать долѣе Сучавскаго митрополита Гедеона. Но отпускъ Молдавскихъ пословъ изъ Москвы въ Январѣ 1657 г. состоялся лишь послѣ того, какъ воевода Стефанъ прислалъ о томъ просительныя грамоты отъ себя и гетмана Хмельницкаго [3]). Московское правительство при этомъ случаѣ объясняло задержку Молдавскихъ пословъ бывшимъ въ Москвѣ съ осени повѣтріемъ; но можно предполагать, что главною причиною этого было опасеніе, чтобы отпускъ пословъ господаря во время происходившихъ на Виленскомъ съѣздѣ переговоровъ съ Польшею (окончившихся въ Октябрѣ), не осложнилъ чѣмъ-либо ихъ исхода. Какъ извѣстно, переговоры эти касались между прочимъ вопроса объ избраніи царя на Польскій престолъ, что̀ послужило тогда Полякамъ ловкимъ предлогомъ, чтобы достигнуть перемирія съ Москвою. Извѣстіе о заключеніи этого перемирія было встрѣчено въ Малороссіи съ недовѣріемъ; здѣсь распространились даже слухи, будто царь договорился съ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 180. Представляется не вполнѣ яснымъ, была ли эта грамота отправлена къ Стефану.

[2]) *Николаевскій.* Изъ исторіи снош. Россіи съ Востокомъ въ пол. XVII в. (Христ. Чт., 1882 г., кн. 5–6, стр. 769).

[3]) *Молдавскія* дѣла, св. 1-я, 7165 Генв. 2. (Пріѣздъ въ Москву Молдавскаго гонца Ивана Родіонова съ прошеніемъ объ отпускѣ изъ Москвы находившихся тамъ восемь мѣсяцевъ Молд. пословъ, митр. Гедеона съ товарищи).

Польшею о возвращеніи ей Малороссіи. Когда послѣ Виленскаго съѣзда царь далъ знать Хмельницкому о его рѣшеніяхъ, то гетманъ въ своей отвѣтной грамотѣ откровенно высказалъ царю свое мнѣніе по этому поводу. «Какъ вѣрные слуги вашего царскаго величества», писалъ онъ, «о неправдахъ и хитростяхъ Ляцкихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ. Явная неправда Ляцкая предъ Богомъ и предъ тобою оказывается, что они на вѣру нашу православную давно воюютъ, и ей никогда желательными быть не могутъ; а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобы, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ Турскимъ, съ Татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать. Ибо, если они Ляхи въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на корону Польскую и великое княжество Литовское выбираютъ, то для чего же послали къ цесарю Римскому просить брата его родного на королевство? Прежде еще посылали къ Рагоци, призывая его на королевство. Все это знакъ явной неправды Ляцкой. Мы Ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны» [1]). Послѣдующія событія доказали, что Хмельницкій въ этомъ сужденіи своемъ былъ правъ; но въ описываемое время Московское правительство болѣе расположено было довѣрять Польшѣ, нежели Запорожскому гетману.

Между тѣмъ событія въ Турціи въ началѣ 1657 г. стали принимать угрожающій характеръ не только для Молдовлахіи, но и для Украйны. Вслѣдствіе Польскихъ происковъ въ Царьградѣ Турецкое правительство, опасаясь могущества Москвы и желая разлучить съ нею казаковъ, стало помышлять о вмѣшательствѣ въ дѣла Украйны. Въ Апрѣлѣ Хмельницкій писалъ къ царю: «Турецкій султанъ сбирается на Украйну съ королемъ Польскимъ и императоромъ Фердинандомъ; ханъ Крымскій также готовъ со всѣми ордами; все это дѣлается по наущенію Ляцкому. Узнавши объ этомъ отъ владѣтеля Молдавскаго (Стефана), извѣщаемъ тебя и молимъ твое царское величество, не вѣрь оступникамъ Ляхамъ» [2]). Въ тоже время пришло изъ Царьграда извѣстіе о насильственной смерти Константинопольскаго патріарха Парѳенія III, казненнаго Турками за его сочувствіе къ Россіи [3]). Къ обо-

---

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. X, стр. 376.

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. X, стр. 380.

[3]) Патріархъ Парѳеній III казненъ былъ 21 Марта 1657 г. Турки повѣсили его на ворота Царьграда. См. Николаевскаго, „Хр. Чт." 1882 г., стр. 775 и Каптерева, Характеръ снош. и пр., стр. 295. Этого патріарха Парѳенія не слѣдуетъ смѣшивать съ его пред-

имъ господарямъ султанъ прислалъ своихъ чаушей, требуя ихъ прибытія въ свою столицу для выраженія вѣрноподданства, но съ тайнымъ умысломъ ихъ низложить. Не получая помощи отъ Москвы въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, воевода Стефанъ еще въ началѣ 1657 г. вступилъ въ тайныя сношенія съ Швеціей и Ракочіемъ, направленныя противъ Польши. Хмельницкій также имѣлъ намѣреніе присоединиться къ этому союзу, но принужденъ былъ отказаться отъ этой мысли по требованію Московскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, гетманъ до самой своей смерти (27 Іюля 1657 г.) поддерживалъ дружественныя отношенія съ Швеціей, Венгріей и Молдавіей.

Въ Мартѣ 1658 г. воеводѣ Стефану пришлось еще разъ обратиться къ царю съ мольбою о помощи, такъ-какъ ему стала грозить опасность неминуемаго низложенія. Въ тайномъ листѣ, присланномъ въ это время къ царю чрезъ посланца Илью Юрьева, Стефанъ писалъ: «Умыслихомъ въ челобитьѣ нашемъ извѣстить кратко вашему царскому величеству о совѣтованіи Агарянскомъ, не хотяще долгимъ писаніемъ и жалостнымъ повѣствованіемъ отягчавати пречестныя уши ваши; колико же жалость и скорбь замолчати никако же можетъ, слезно начертаемъ. Турки зловѣрные, видяще христіанъ въ междоусобной брани сущихъ, совѣтоваху первые престолы государства христіанскаго въ своемъ царствѣ искоренити, войска сильныя Турскія и Татарскія привели въ землю Мутьянскую (Валахію); такъ и въ Молдавской землѣ своея вѣры бусурманскія и своего языка начальниковъ и старшину, какъ въ Грекахъ и въ Румеліи и въ Болгаріи, постановити хотятъ, и какъ на своемъ сонмищѣ тайномъ усовѣтовали, приближашася къ христіанству до Андріянополя. Богъ только единый ихъ совѣтъ нечестивый раззорити и злое бѣснованіе ихъ на христіанъ удержати можетъ, яко же лучшее вашему царскому величеству святѣйшій патріархъ (Никонъ) писаніемъ своимъ повѣсть, вся бо сія подробну святынѣ его начертахомъ. Мы бо жалостно прослезихомся и сіе малое начертаніе посылающе съ посланникомъ и дворяниномъ нашимъ Ильею, не имѣюще ни единаго помощника откуды, того ради усердно просимъ, да защититъ насъ по обѣщанію своему крѣпкая и высокая рука вашего царскаго величества отъ настоящаго днесь меча Агарянскаго, иже обоюду изостриша поганіи на кровь православную христіанскую». Илья Юрьевъ доставилъ также въ Посольскій Приказъ вѣстовое письмо

шественникомъ на Константинопольской каѳедрѣ, Парѳеніемъ II, который также казненъ былъ (15 Мая 1651 г.) вслѣдствіе происковъ своихъ враговъ за сношенія съ Богданомъ Хмельницкимъ. Онъ благословилъ послѣдняго на борьбу съ Польшею за Православіе.

изъ Молдавіи отъ политическаго агента Московскаго правительства, Грека Мануила Константинова [1]. «Даю вѣдомо великому вашему царствію, что безбожные и беззаконные Агаряне давно имѣютъ страхъ отъ страны вашего царствія, отъ того времени, какъ казнили блаженной памяти господина Пареенія патріарха, и имѣютъ въ мыслѣхъ своихъ учинити то, какъ въ древнія времена надъ Греки, что прежде просили учинить городъ близъ Константинограда, и какъ тому граду положили основаніе, и послѣ того обладали и царствомъ Греческимъ. Такожде и нынѣ всѣ уповаютъ безбожные и хотятъ учинити основаніе на сей странѣ Дуная и начали ратными людьми воевать Угровлахію и хотятъ отставити Константина воеводу и на его мѣсто поставити иного государя своего, а ратнымъ людямъ приказали быти Таторомъ да Турскому пашѣ. А Константинъ воевода стоитъ со всѣми своими вои зѣло крѣпко и есть готовъ самъ и со всѣмъ воинствомъ, хотябъ пролити кровь для ради любви Христовы. По семъ тебя, великого государя, Господь якоже сподобилъ есть самодержцемъ, также да сподобитъ и Кесаремъ Грекамъ и да сіяетъ имя твое повсюду, аки того великого и святаго Константина во время его, которой распространилъ и утвердилъ церковь Христову. Таконсъ и тебѣ великому государю подобаетъ не забыти ихъ отъ милости своей, доколѣ имъ такову нужу и гоненіе и бѣдность терпѣть отъ нечестивыхъ, да ихъ покроешь и помощь имъ учинишь, понеже они благочестивые и православные христіане, уповаютъ на милость Божію и на святое и великое ваше царствіе. И то будетъ въ честь великому вашему царствію, что они имѣютъ противиться противъ безбожныхъ Агарянъ. И сего ради малой и вѣрной рабъ даю вѣдомо, да разумѣете и мыслите, и чините будете, какъ вамъ Господь подастъ, чтобъ тѣ два государства (т. е. Молдавія и Валахія) не были побѣждены; а только будетъ, что начнетъ быть по сю сторону Дуная Турокъ, и роду христіанскому многую бѣду учинитъ [2])». Прислявъ въ Москву своего посланца съ этими вѣстями, воевода Стефанъ надѣялся получить отъ царя немедленный отвѣтъ, «начинать ли ему безъ мѣшкоты войну противъ Турокъ», которая становилась для него неизбѣжною для сохраненія своей власти въ Молдавіи. Но отвѣтъ Московскаго правительства былъ уклончивый: «еще не время такого дѣла начинать», причемъ Стефану давалось обѣщаніе «о времени и случаю подлинно его извѣстить». Но такого случая болѣе не представилось; «въ то время», сообщалъ впо-

---

[1]) *Молдавскія* дѣла, св. 1, 7166 г. Марта 14. Пріѣздъ въ Москву Молдавскаго посла Ильи Юрьева.

[2]) *Молдавскія* дѣла 7166 г.

слѣдствіи Стефанъ, «когда я отвѣту и указу ожидалъ, жесточайшій и хитрой непріятель Турченинъ совѣтъ нашъ извѣдалъ и меня съ государства моего изогналъ».

Изгнанный изъ Молдавіи, воевода Стефанъ удалился въ свои помѣстья, находившіяся въ Венгріи, и прожилъ здѣсь около года подъ покровительствомъ прежняго союзника своего, Седмиградскаго князя Георгія Ракочи. Послѣдній также находился въ зависимости отъ Турціи и отрѣшенъ былъ султаномъ отъ власти въ Седмиградскомъ княжествѣ одновременно съ низложеніемъ Стефана [1]). Но Ракочи не подчинился такому рѣшенію и, сохраняя еще за собою наслѣдственныя владѣнія въ Седмиградскомъ княжествѣ и въ Венгріи, продолжалъ до самой своей смерти ожесточеннную борьбу противъ Турокъ и Поляковъ. Въ 1659 г. Ракочи удалось снова возвратиться къ власти въ Трансильваніи и изгнать оттуда Турецкаго ставленника Акоса Барчая [2]); но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ, и весною 1660 г.

---

[1]) Французскій посолъ Депомпонъ въ упомянутомъ нами выше письмѣ изъ Стокгольма къ Арно говоритъ: „Le traité que le feu roi de Suède fit avec le Ragotzki et avec le prince de Moldavie coûta les états à l'un et à l'autre". Какъ кажется, изгнаніе Стефана изъ Молдавіи было отчасти дѣломъ Валашскаго господаря Константина Щербаня и вѣроятно не безъ участія Польши. Константинъ, захвативъ въ 1659 г. ненадолго власть въ обоихъ княжествахъ, извѣщалъ въ то время царя, что „прежній Молдавской воевода Стефанъ, котораго онъ, Константинъ согналъ, нынѣ у Цесаря". Послѣ изгнанія Стефана господарство Молдавія въ 1658 г. перешло къ Георгію Гикѣ, который былъ въ родствѣ съ Спаѳаріемъ.

[2]) Къ этому времени относится сохранившееся въ Молдавскихъ дѣлахъ слѣдующее письмо Ракочи къ царю Алексѣю Михайловичу о помощи противъ Турокъ (доставленное въ Москву въ Ноябрѣ 1659 г. посланцами Молдавскаго господаря Константина Щербаня архимандритомъ Парѳеніемъ и іеродіакономъ Хрисанѳомъ): „Переводъ съ Латинскаго листа Ракоцы къ царю. Пресвѣтлѣйшій и вельможнѣйшій цесарь, государь намъ почтеннѣйшій! Давно уже думали пресвѣтлому вашему величеству нашего доброхотѣнья къ вашей службѣ объявить буде домашнія трудности и безпрестанныя непріятельскія войны въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя ссылаться довелося, доброму нашему хотѣнію дорогу не заперли. А нынѣ что наше владѣнье, которое нарокомъ на время покинули опять, понеже побили и до Турокъ прогнали измѣнника нашего Баркцая, которой нашего владѣнія противъ всякой правды и природныхъ старыхъ уставовъ къ себѣ хотѣлъ привести, Божіею милостью, по общему изволенію всѣхъ чиновъ приняли, и понеже нынѣ вашему цесарскому величеству Запорожскіе поддалися и счастливымъ вашего цесарскаго величества оружіемъ Татары разбиты и разорены и тѣмъ дорога опять отперлася и ссылаться мочно и хотѣнья наши совершить и безпрестанно на невѣрнаго грубіанскаго недруга одолѣнья впрежъ желаемъ и нашего доброжелательнаго хотѣнья противъ общаго недруга за одно стоять объявляемъ. И надѣемся, что ваше царское величество какъ любезно из-

Ракочи умеръ отъ раны, полученной въ несчастной битвѣ противъ Турокъ при Клаузенбургѣ. По смерти его воевода Стефанъ переселился въ Вѣну.

Двухлѣтнее пребываніе въ Австрійской столицѣ доставило ему случай хорошо ознакомиться съ тогдашними политическими обстоятельствами Европы. При цесарскомъ дворѣ сосредоточивались въ то время главныя руководящія нити военныхъ предпріятій, направленныхъ противъ Турокъ. Въ началѣ 1661 г., императоръ Леопольдъ I отправилъ къ царю Алексѣю Михайловичу посольство, во главѣ котораго стояли Августинъ де Майернъ (впослѣдствіи баронъ Мейербергъ) и Горацій Кальвуччи. Посольство это, кромѣ предложенія посредничества для примиренія съ Польшею, снова предлагало царю приступить къ общему союзу христіанскихъ державъ противъ Турціи. Австрія въ то время начала предвидѣть для себя опасность отъ вмѣшательства Турокъ въ дѣла Венгріи и Трансильваніи, и поэтому привлеченіе Москвы къ этому союзу имѣло для нея теперь немаловажное значеніе. Но Московское правительство, испытавшее предъ тѣмъ въ войнѣ съ Польшею тяжелыя неудачи при Конотопѣ. и Чудновѣ (1660 г.), нуждалось въ перемиріи, и ему въ то время было не до новыхъ войнъ. На предложенія цесарскихъ пословъ имъ отвѣчали въ Москвѣ, что царь уже имѣетъ двухъ сильныхъ враговъ, Поляковъ и Крымскихъ Татаръ, а потому не находитъ благоразумнымъ вооружать противъ себя третьяго, гораздо сильнѣйшаго. Впрочемъ, въ случаѣ примиренія съ Польшею на выгодныхъ условіяхъ, царь не отказывался помочь Австріи противъ общаго врага христіанства.

Воспользовавшись сказанными переговорами между Австріей и Россіей, воевода Стефанъ задумалъ и съ своей стороны дѣйствовать на рѣшенія Московскаго правительства и съ этою цѣлью поѣхалъ въ

волите принять сіе наше желаніе, понеже съ нынѣшнимъ пресвѣтлымъ Михайломъ княземъ въ добромъ крѣпкомъ соединеніи недавно стали, и Константинъ, прежній Мутьянской князь, общею нашею силою Молдавской господарь сталъ, которыхъ обоихъ, понеже они смыслы, и оружья ихъ противъ обчего недруга съ вашимъ величествомъ соединитися усердно ради вашему царскому величеству мы особно вручаемъ. А о сихъ и иныхъ дѣлахъ Божьею помочью нашего посла къ вашему цесарскому величеству послать думаемъ вскорѣ, сколь скоро полутчи услышимъ, что въ тѣхъ во всѣхъ земляхъ безъ опасенья проѣхать мочно. И потомъ пресвѣтлому вашему величеству добрѣ счастливое противъ непріятелей одолѣніе и многолѣтнее здравіе тѣмъ всѣмъ на разоренье, которые Христову имени непріятели, желаемъ и наше радѣнье и службу вручаемъ. Данъ въ нашемъ замкѣ Радкочевѣ. Ноября въ 1-й день лѣта 1659. Пресвѣтлѣйшему и вельможнѣйшему величеству вашему службою готовый Георгій Ракоца".

Москву. Императоръ Леопольдъ охотно далъ ему отъ себя вольную проѣзжую грамоту и оказалъ содѣйствіе его путешествію. Стефанъ выѣхалъ изъ Вѣны осенью 1662 г., еще до возвращенія изъ Россіи посольства Мейерберга (оно вернулось въ Вѣну весною 1663 г.); поэтому онъ едва ли зналъ въ то время о безуспѣшности этого послѣдняго. Минуя Польшу, Стефанъ избралъ путь чрезъ Силезію и Шведскую Померанію. 27 Ноября 1662 г. онъ прибылъ въ Ригу и отсюда отправилъ своего посланца Петра Ѳеиса съ извѣстительными письмами къ Псковскому воеводѣ, окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Долгорукову и къ Новгородскому боярину князю Борису Александровичу Репнину. Извѣщая царскихъ воеводъ о своемъ прибытіи и намѣреніи безъ замедленія слѣдовать далѣе до Москвы, Стефанъ писалъ: «Отъ которыхъ временъ съ княжества моего Молдавскаго черезъ тиранство Турское изгнанъ быхъ, подумалъ я до царскаго величества человѣка моего послать, но кого посылалъ и тѣ на дорогѣ для несчастья поворотились ко мнѣ. И нынѣ самъ милостію Божіею и Его хотѣніемъ особою своею къ престолу царскому ѣхать постановилъ есмь, не только для особныхъ дѣлъ, но такожъ и для тѣхъ, которыя всему христіанству нѣкогда пожиточны будутъ». На свое извѣщеніе Стефанъ просилъ отъ воеводъ скораго отвѣта, котораго однако не послѣдовало. Бывшій Молдавскій владѣтель не знакóмъ былъ съ Московскими государственными обычаями, которые запрещали пограничнымъ воеводамъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными посольствами или отдѣльными пріѣзжими иноземцами, а тѣмъ болѣе допускать ихъ за рубежъ, не испросивши на это предварительное разрѣшеніе отъ царя.

Не получая отвѣта на свои извѣстительныя письма и не предвидя еще ожидавшихъ его затрудненій, Стефанъ выѣхалъ изъ Риги и 5-го Декабря прибылъ въ пограничный въ то время городъ Нейгаузенъ (Новгородокъ Ливонскій), откуда безостановочно прослѣдовалъ чрезъ Русскую границу и остановился въ слободѣ Псково-печерскаго монастыря (въ 60 верстахъ отъ Пскова). Молдавскій воевода ѣхалъ съ женою своею, княгиней Стефанидой, въ сопровожденіи многочисленнаго придворнаго поѣзда, напоминавшаго прежнее достоинство Стефана, какъ владѣтельнаго князя Молдавіи. Онъ имѣлъ при себѣ представителей знатнаго Молдавскаго боярства, послѣдовавшихъ за нимъ въ изгнаніе и сохранившихъ свои прежнія придворныя званія [1]). По со-

---

[1]) Въ числѣ сопровождавшихъ Стефана знатныхъ лицъ упоминаются бояре: Ермаулъ Антоней отъ Молдовицъ, Иванашка Арыманъ—*постельникъ*, Юрій Алботъ—*погарникъ*, Гаврилъ Кырыманъ—*комисъ*, Константинъ Накулъ—*логоветъ*, Якубъ Харшани—

общенію пропустившаго Стефана чрезъ рубежъ стрѣлецкаго сотника Копылова, «всего съ нимъ княземъ бояръ и съ стольникомъ, и съ полковникомъ, и съ ротмистры, и съ попутчики, и съ хорунжимъ, и съ капраломъ, и съ драгунами, и съ людьми, и съ ихъ женами и съ челядью», было 75 человѣкъ, «да у нихъ же своихъ 20 лошадей и 92 подводы». Псковскій воевода князь Долгоруковъ, узнавъ о прибытіи Молдавскаго князя съ такою многочисленною и блестящею свитою въ Печерскую слободу, не рѣшился настаивать на возвращеніи прибывшихъ за рубежъ, но не замедлилъ отписать объ этомъ въ Москву. Впредъ до указу воевода распорядился отъ себя отпускать Стефану и его спутникамъ продовольствіе въ необходимомъ размѣрѣ, «чѣмъ имъ сытымъ быть, а поденнаго корму безъ царскаго указу давать не смѣлъ». Изъ Москвы послѣдовалъ однако строгій выговоръ воеводѣ князю Долгорукову за то, что онъ самовольно разрѣшилъ Молдавскому князю остановиться въ Печерахъ, а не удержалъ его за рубежемъ: «то вы учинили не гораздо», писали къ нему отъ царскаго имени, «и что велѣли ему дать нашего великаго государя жалованья, муки ржаныя и пшеничныя, и соли, и вина, и пива и иного безъ нашего указу, и то мы велимъ на васъ доправить». Вмѣстѣ съ тѣмъ Псковскому воеводѣ приказывалось тотчасъ-же послать къ бывшему Молдавскому владѣтелю дворянина изъ Псковичей и разспросить Стефана обстоятельно, «ѣдетъ ли онъ къ царю и своею ли волею, или отъ какіе изгони поѣхалъ, и за что и отъ кого на него та изгоня учинилась»; по отобраніи же этихъ свѣдѣній потребовать, чтобы Молдавскій князь отправился обратно въ Нейгаузенъ и ожидалъ за рубежемъ царскаго указа о разрѣшеніи ему въѣзда въ Московское государство. Послѣднее распоряженіе было для Стефана совершенно неожиданнымъ и привело его въ смущеніе. Присланному изъ Пскова дворянину Богдану Неклюдову онъ далъ краткіе отвѣты на его распросы *), поручивъ ему въ тоже время доставить царю два листа,

---

капи-кьяй и др. Обстоятельства этого путешестія Стефана въ Москву излагаются нами по неизданнымъ архивнымъ извѣстіямъ, заключающимся въ *Молдавскихъ* дѣлахъ М. Гл. Арх. М. Ин. Д. (связка 5. 7171 г. Ноября 27 пріѣздъ въ Москву изгнаннаго отъ Турковъ Молдавскаго господаря Георгія Стефана и проч.).

*) Въ распросныхъ рѣчахъ Стефана, записанныхъ Неклюдовымъ, упоминаются нѣкоторыя обстоятельства касательно его изгнанія изъ Молдавіи: „какъ пожаловалъ его великій государь, съ своимъ съ государскимъ посломъ послалъ до него князя свой указъ, и пока-де тотъ посолъ великаго государя до него князя шелъ, и онъ же князь изъ Молдавскія земли по тѣхъ мѣстъ отъ Турокъ выгнанъ; и тотъ-де великаго государя посолъ до него Молдавскаго князя не пришелъ, а только-де опъ шелъ до казацкія земли, до

писанные въ Печерской слободѣ 28-го и 29-го Декабря, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ своего прибытія. Въ первомъ листѣ Стефанъ напоминалъ о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ, а также о переговорахъ, веденныхъ отъ его имени митрополитомъ Гедеономъ и не получившихъ окончательнаго утвержденія. «Лукавые Турцы, христіанскаго и креста Христова врази прелютѣйшіе», заключалъ свою повѣсть Стефанъ, «усердіе мое провѣдавше между того времени доколь послы вашего величества пришли бы, меня отъ владѣтельства Молдавскаго изгнаша, и уже пятое лѣто имѣется, отъ котораго времени въ розныхъ и неизвѣстныхъ христіанскихъ владѣтелей краяхъ непостояннаго счастія помочи искусити принужденъ всегда въ намѣреніе имѣлъ есмь, памятуя милосерднаго вашего величества обѣщаніе, дабы къ вамъ или самъ власною особою или чрезъ письмена прибѣглъ быхъ. Искусихъ пути и вымыслы многіе, но не вѣмъ которою судебъ Божіихъ нуждою, или моимъ великимъ несчастьемъ и расходовъ тщетою учинилось, чего чаялъ получить не могъ. И премного опечалшуся сердцемъ, яко между различныхъ вѣръ владѣтелей Бога моего почитати какъ должно не возмогохъ, обаче многими и зѣло частыми слезъ моихъ изліяньми уже приклоненъ, и мене помиловалъ Господь Богъ мой, здѣ въ царство непобѣдимѣйшаго вашего величества чрезъ различные случаи и розности вещей привелъ есть, чтó великою мнѣ есть утѣхою; понеже тое милосердіе вашему величеству врожденно есть, яко великихъ и христіаннѣйшихъ царей дѣлъ подражатель и отъ лица и слова твоего отъити печальна не оставиши раба твоего. Сихъ всѣхъ изъявленіемъ побужденъ и азъ къ престолу непобѣдимѣйшему вашего царскаго величества милостивому прибѣгаю, никакоже сумняся, чтобъ отъ безмѣрныя милости твоея Океяна-моря и на меня нѣкая капля не канула. Не особнаго всячески моего прибытка ищу, но общаго христіанскаго добра желаю, и о томъ ревную и труждаюсь. Но вашему величеству тяжекъ быти не хотя, самъ самоличне самую главу дѣла и намѣренія моего смиреннѣ объявити имамъ» *). Этотъ извѣстительный листъ Стефанъ предполагалъ уже послать отъ себя къ царю, когда прибылъ къ нему Неклюдовъ и потребовалъ немедленнаго возвращенія за рубежъ. Такое не-

---

Тегрина (Чигирина?), для того что провѣдалъ про него Молдавскаго князя, что онъ изогнанъ отъ Турокъ. А изогнанъ-де онъ за то, что поддался ему великому государю со всею своею землею".

*) Воевода Стефанъ въ послѣднихъ своихъ сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ употреблялъ на письмѣ Латинскій языкъ; на этомъ языкѣ писаны были и приводимые здѣсь подлинные листы Стефана къ царю, дошедшіе до насъ въ переводѣ.

предвидѣнное обстоятельство побудило Стефана дополнить вышеизложенное во второмъ листѣ къ царю, гдѣ онъ писалъ: «Пресвѣтлые воеводы Псковскіе и ихъ подначальные мнѣ здѣ изъ городка Невгозіи въ Печеры велѣли быть и обнадежили, что о моемъ намѣреніи писали къ вашему величеству, мочно ли мнѣ въ царствіе сіе пріѣздъ учинить. Егда же увидѣлъ, что со мною инако дѣется, какъ надежда начатая о милосердія вашего величества чтобъ искала, для того настоящими письмены и тѣми жъ краткими напомянути восхотѣхъ, что́ въ вчерашнемъ листу писати потщахся и съ человѣкомъ вашего величества чтобъ послали. Отъ сего времени нѣсколько лѣтъ, когда я былъ въ моемъ господствѣ и владѣтельствѣ Молдавскомъ, ваше величество ко мнѣ и воеводѣ Волоскому посланника посылали съ извѣстными и желательными граматами, я егда оное христіанское величества твоего намѣреніе уразумѣлъ, скоро меня къ повелѣнію готовѣйшаго быти съ письмены чрезъ того-же посланника съ приписаніемъ власныя моея руки свидѣтельствовалъ есмь. Могъ и я ласканьемъ къ вашему величеству послать, какъ владѣтели Волоскіе учинили ужъ тогда, какъ воевода Матвѣй умеръ; но я во благочестіе то вмѣнилъ таковаго монарха повелѣнію покоренъ быти и потому для большей вѣрности и свидѣтельства посланниковъ моихъ, честнѣйшаго отца Гедеона м. Сучавскаго съ товарищемъ къ вашему величеству посылалъ, и тѣ мои послы именемъ и особою моею обѣщаніе вѣрности и подданства учинили, какъ отъ письменной присяги, которую къ вашему величеству съ ними послахъ, явленно есть довольнѣе... Нынѣ въ царствіе твое пріѣхавъ, превеликимъ утѣшеніемъ сердце разливалось, помышляючи, что по маломъ времени милосерднѣйшимъ вашего величества зрѣніемъ наслаждатися возмогу; но надежды оныя, которую въ давныхъ милосердія твоего величества обѣщаніяхъ основалъ есмь, какъ вижу, отпа́даю, понеже отсюду изъ Печеръ со стыдомъ лица въ городокъ Невгозію, въ государство пресвѣтлаго королевскаго величества Свѣйскаго, понуждаюсь отойти и тамъ нѣсколько мѣшкать буду. А то-бъ было беззаконно, чтобъ я пороптал҄ъ противъ вашего царского величества или судебъ Божіихъ; но то или несчастье мое, или какъ нѣкоторые злорадные люди неправдою вашему величеству доносили, что́ и помыслить о словѣ государскомъ нелѣпо есть; понеже слова́ царей и владѣтелей христіанскихъ, которые суть намѣстники Божіи, должны быть непремѣнимы. Всегда и на всякомъ мѣстѣ, гдѣ буду, всегда обѣщаніе мое вещью самою вашему величеству засвидѣтельствую. Аще мнѣ назнаменуете и милостивый отвѣтъ получу, яко мнѣ благоволите, готовъ буду предъ свѣтлымъ лицомъ вашего величества явитись: тогда

уразумѣетъ непобѣдимое ваше величество, что вся моя обѣщанія для общаго христіанскаго добра будутъ имѣтися».

Разрѣшенія Стефану прибыть въ Москву весьма долго не давали, что̀ причиняло ему немалую досаду. «Нощь и день спѣшихъ, писалъ онъ Псковскому воеводѣ изъ Нейгаузена, «чтобы какъ скорѣе моглъ бы къ престолу царского величества пріѣхать, и уже здѣсь даромъ время погубляю; ни пищи, ни питья про моихъ людей и корму конскаго не могу здѣсь имѣти. Прошу твоей пресвѣтлости, да даси мнѣ отвѣтъ, или еще больше ждать дондеже есмь, или дондеже несмь, но убо чрезъ письмо; довольно бо и паче мѣры ожидахъ доселѣ. Если не долженъ есмь азъ больши здѣсь мѣшкать, гдѣ ничто̀же есмь, азъ паки возвращусь отнюдуже пріидохъ. Не пріидохъ бо здѣсь хлѣба просити, но да послужу всему христіанству и его царскому величеству». Московское правительство, убѣдившись предъ тѣмъ въ безуспѣшности предложеній Австрійскаго посольства Мейерберга въ дѣлѣ примиренія его съ Польшею, не особенно расположено было теперь выслушивать таковыя вновь при посредствѣ Стефана. Однако отказать послѣднему въ пріемѣ, въ виду прежнихъ своихъ сношеній съ Молдавскимъ владѣтелемъ, царь не рѣшился. Въ Мартѣ 1663 г. послѣдовало наконецъ распоряженіе Псковскому воеводѣ: «велѣть выбрать дворянина добра и досужа и послати его̀ изъ Пскова къ Новому Городку и велѣть ему Стефана воеводу съ женою и со всѣми его людьми принять и ѣхать съ нимъ во Псковъ, а корму и подводъ дать ему примѣрясь къ посольскимъ большимъ статьямъ, чтобы въ кормѣхъ и въ питьѣ въ дорогѣ никакія скудости не было» *). При въѣздѣ въ Псковъ Стефану сдѣлана

*) Въ архивномъ дѣлѣ о пріѣздѣ воеводы Стефана содержатся любопытныя подробности о производившемся ему путевомъ довольствіи. Дѣло было великимъ постомъ, и потому Стефану, какъ православному, отпускалось на день: „по хлѣбу ситному двуденежному, по 2 калача двуденежныхъ. Ѣствы: по 2 щуки, по лещу доброму, по шерешперу, по 4 окуня большихъ росольнымъ да по 5 подлещиковъ ушныхъ, по 5 плотицъ добрыхъ, по кружкѣ масла сѣмяннова, по полѳунту масла деревяннаго, по чети четверика муки пшеничной, по кружкѣ уксусу, по пучку вязиги, по 12 золотниковъ перцу, по полу золотнику шафрану, по чети ѳунта изюму, по чети ѳунта пшена на день. Да на всѣ дни до Великаго Новгорода 2 головы по 3 ѳунта сахару. Питья: по 6 чарокъ вина двойнаго, по кружкѣ ренскаго или вина церковнаго, по кружкѣ романеи или шпансково, по кружкѣ мѣду патошнаго, по кружкѣ меду цыжепаго, по ведру пива добраго на день. Боярамъ и челяди Стефана отпускалъ ѣства и питье особо. Псковскій воевода представилъ въ Москву роспись о томъ, во что̀ обошелся пріемъ Стефана въ Псковѣ (въ продолженіе недѣли): „Всего запасовъ на покупки, опричь хлѣбныхъ запасовъ и яловицъ и барановъ и питья, денегъ все Государя изъ казны вышло на мелкіе расходы 612 рублей 6 алтынъ 4 деньги. А хлѣбные запасы и яловицы, и бараны, и питье, и сѣно давано великаго государя готовая".

была почетная встрѣча. Воевода распорядился, чтобы по тѣмъ улицамъ, которыми онъ ѣхалъ, было людно и стройно, по посольскому обычаю. Когда же Стефанъ съ своимъ поѣздомъ остановился на приготовленномъ для него дворѣ, то къ нему присланъ былъ отъ окольничаго кн. Долгорукова почетной кормъ и питье немалое. Здѣсь же Стефану объявлено было отъ царскаго имени, что «великій государь указалъ ему ѣхать къ Москвѣ нынѣ одному и видѣть государскія пресвѣтлыя очи вскорѣ, и онъ бы воевода Стефанъ ѣхалъ съ небольшими (т. е. немногими) людьми, а того бъ себѣ въ оскорбленье не ставилъ, что ему ѣхать одному, понеже путь учалъ быть послѣдній, и вскорѣ совсѣмъ никоимъ обычаемъ ѣхать ему нельзя». Подчиняясь такому распоряженію, воевода Стефанъ собрался въ путь одинъ и взялъ съ собою изъ числа провожавшихъ его 21 человѣка (въ томъ числѣ 6 бояръ и чернаго священника). 5 Апрѣля выѣхалъ онъ изъ Пскова на Новгородъ, гдѣ ожидала его такая же почетная встрѣча. Во время путешествія Стефана въ Москву наступила весенняя распутица, такъ что ему пришлось слѣдовать отъ Торжка до Твери водянымъ путемъ р. Тверцою. Въ Тверь онъ прибылъ 1 Мая, а 3 отправился далѣе уже на ямскихъ подводахъ съ проводниками до Клину, куда доѣхалъ 5 числа. Доѣхавши до села Черкизова, сопровождавшій Стефана приставъ далъ знать въ Москву о прибытіи иноземнаго гостя, и на слѣдующій день, 8-го Мая, послѣдовалъ въѣздъ Стефана въ Москву. Приставу приказано было: «пріѣхавъ къ Москвѣ въ земляной городъ, идти большою улицею въ Тверскіе ворота, и по большой же улицѣ въ Неглиненскіе ворота, и отъ Неглиненскихъ воротъ прямо по Красной площади на Варварской крестецъ, и Варварскимъ крестцомъ большою жъ улицею до Варварскихъ воротъ, и въ Варварскіе ворота до двора прямо». Тотчасъ по пріѣздѣ Стефана въ Москву къ нему явились отъ Посольскаго Приказа (которымъ въ то время управлялъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ) назначенный къ Молдавскому воеводѣ приставъ, дворянинъ Алексѣй Аврамьевичъ Мещериновъ и толмачъ Дмитрій Астафьевъ; этимъ лицамъ поручалось находиться при Стефанѣ и всѣ заявленія его передавать въ Посольскій Приказъ. При этомъ Мещеринову въ памяти, данной ему изъ Посольскаго приказа, предписывалось: «пріѣзжати къ Молдавскому воеводѣ на дворъ по вся дни и береженье къ нему держать... а буде воевода учнетъ у него спрашивать о какихъ дѣлѣхъ, и ему противъ того говорить, смотря по его рѣчамъ, чтобы великаго государя имени было къ чести и къ повышенью. А буде учнетъ его спрашивать о великихъ дѣлѣхъ, и ему отговариваться, что онъ человѣкъ служилой, такова дѣла слышать ему не случилось».

При послѣдовавшихъ вскорѣ по пріѣздѣ Стефана разспросахъ его въ Посольскомъ Приказѣ онъ началъ убѣждаться въ томъ, что его предложенія едва ли будутъ приняты Московскимъ правительствомъ. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ при самомъ началѣ переговоровъ предупредилъ Молдавскаго воеводу Стефана заявленіемъ, что «когда онъ, будучи на своемъ господарствѣ, присылалъ къ великому государю бить челомъ въ подданство, въ то время царскаго величества обѣщанья и обнадеживанья о помочи противъ Турка никакого не было». Не смутившись этимъ заявленіемъ, Стефанъ всетаки попытался расположить царя къ участію въ предполагавшемся въ Западной Европѣ общемъ союзѣ противъ Турокъ. Съ этою цѣлію онъ представилъ въ Посольскомъ Приказѣ письменное изложеніе своихъ предложеній въ 12-ти статьяхъ. «Да не разумѣлъ бы кто», объяснялъ здѣсь Стефанъ, «что я упрямо и безъ совѣту князей цесарскихъ сію дорогу учинилъ, понежъ съ грамотами проѣзжими вольными отъ цесарскаго величества пришелъ есмь, котораго князи и думные люди не только причиною, но и заступниками того дѣла были и обѣщалися всякими способами мнѣ помощи давать. Когда ужъ былъ есмь въ дорогѣ, встрѣтилъ есмь нѣкотораго отца честнаго, миссіонарія апостольскаго, въ Татарскую землю посланнаго св. Доменика, именемъ Ѳеликса Мондвида, который также сердце мое потѣшилъ, чтобъ я какъ скорѣе къ вашему величеству прибѣгалъ. Сказывалъ убо, что въ Татарской землѣ есть больше 40.000 вязней *), которые межъ собою крестное цѣлованіе учинили, что имъ повстать противъ Татаровъ, только бы которой князь христіанской противъ тѣхъ сторонъ нѣчто почалъ. И тотъ же Ѳеликсъ Мондвидъ прошлаго лѣта въ Вѣдню Австрійскую книжку нѣкакую подъ титломъ Новаго Ганнибаля, который есть глава вязней и живетъ въ Каѳѣ, выписалъ, которою книгою князей Европейскихъ взбужаетъ и зоветъ противъ общаго непріятеля Христова Креста, какъ изъ книжки, которую при себѣ имѣю, можно узнать. Тотъ же сказывалъ, что то дѣло благословеніемъ папы, наияснѣйшей Венетѣйской рѣчи посполитой и цесарского величества есть, и онъ словомъ священническимъ мнѣ присягалъ и о помощи ихъ обнадежилъ. А когда противъ недруга такъ сильнаго оружія и сердца соединеніе надобно есть, желаютъ князи христіанскіе, чтобъ нѣкоторою мѣрою межъ вашимъ величествомъ и королевствомъ Польскимъ покой учинился, понежъ большой случай Турокъ и Татаръ наѣзжать былъ бы и съ Богомъ воевать и раззорить христіанамъ учинился бы. Когда же христіане общими задоры межъ себя воюются, Турокъ, взявъ случай, силы большія набываетъ и госу-

*) Т. е. плѣнныхъ.

дарства своего рубежи на всякъ день далѣй расширяетъ, которыхъ замысловъ, если во время не порадѣется, надобно опасаться, чтобъ онъ у христіанъ случая изъ рукъ не вырвалъ. Въ прошлыхъ убо недальнихъ лѣтахъ Мутьянскую, Волоскую и Седмиградскую земли цвѣтущія раззорилъ, Варадинъ крѣпость и заступу христіанства вмѣстѣ со многими въ Венгерской земли городы и крѣпости завоевалъ, а никто помощи послѣ преставленія блаженныя памяти Ракоція не чинилъ. Войну явную ужъ Турокъ цесарю Римскому сказалъ, грозитъ, сердитуетъ, гордится; а мы христіане, охъ, спимъ!!».

Воевода Стефанъ просилъ царя не замедлить отвѣтомъ на его предложенія, ибо таковаго ждутъ отъ него христіанскіе князья, а также вышеупомянутый миссіонеръ Ѳеликсъ Мондвидъ, который въ случаѣ благопріятнаго отвѣта царя предполагалъ немедленно отправиться въ Татарскую землю (Крымъ), чтобы при первой возможности произвести тамъ возстаніе христіанскихъ невольниковъ.

Какъ ни краснорѣчиво было такое пламенное обращеніе Стефана къ царю о помощи противъ Турокъ, но оно не достигло своей цѣли. Мы видѣли, что за семь лѣтъ ранѣе царь Алексѣй Михайловичъ самъ горячо желалъ обратить свое оружіе противъ враговъ христіанства и благосклонно выслушивалъ рѣчи Австрійскаго посла Алегретти о такомъ предпріятіи. Но съ тѣхъ поръ Московское правительство успѣло убѣдиться въ неискренности предложеній Австріи и Польши, прикрывавшихъ общими интересами христіанства свои собственныя политическія цѣли, враждебныя Россіи и Православію. Вслѣдствіе этого предложенія Стефана, касавшіяся такого же общаго предпріятія противъ Турокъ, при участіи Римскаго папы и католическихъ князей, встрѣчены были царемъ недовѣрчиво и холодно. Вспомнимъ, что два года предъ тѣмъ въ Москву являлся тайный эмиссаръ Рима, ксендзъ Хорватъ Юрій Крижаничъ, проповѣдывавшій о необходимости заключенія «спасительныхъ союзовъ» съ Западомъ для освобожденія Славянскаго племени и въ тоже время старавшійся посѣять недовѣріе и даже вражду къ Грекамъ, представляя ихъ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ *). Онъ же доказывалъ необходимость мира и дружбы съ Поль-

*) Приведемъ здѣсь интересный отзывъ о Крижаничѣ проф. Кочубинскаго (Одесск. Вѣст. 1887 г. № 66). „Своими мыслями, своими дѣйствіями Крижаничъ производитъ впечатлѣніе страннаго человѣка; но эта странность получаетъ освѣщеніе въ одномъ: онъ былъ отмѣченный птенецъ извѣстной миссіонерской конгрегаціи „De propaganda fide" въ Римѣ, а въ Москвѣ спеціальнымъ орудіемъ, избраннымъ сосудомъ ея. По крайней мѣрѣ Крижаничъ, еще молодой, но въ Римѣ, уже посвятилъ себя на борьбу съ Православіемъ.

шею. Но Московское правительство послѣ горькаго опыта предшествовавшихъ годовъ стало относиться осторожнѣе къ такимъ совѣтамъ, и Крижаничъ поплатился за свои нападки на Православіе и Грековъ ссылкою въ Сибирь. Впрочемъ самого Стефана, имѣвшаго въ виду ни что иное, какъ освобожденіе своей страны отъ ненавистнаго Турецкаго порабощенія, трудно подозрѣвать въ неискренности, такъ какъ онъ до самаго конца своей жизни оставался преданнымъ сыномъ православной церкви и недругомъ Польши. Политическія обстоятельства на Востокѣ побуждали тогда самихъ Грековъ искать поддержки Европейскихъ державъ. «Гречаномъ тожъ надёжу надобно дать», совѣтовалъ Стефанъ царю: «ибо хотя они освобожденія отъ неволи и докуки поганыхъ Турковъ отъ вашего величества ожидаютъ, однако видячи разными трудностями ваше величество недосужное, не тако давными времены ко княземъ-електорамъ цесарскимъ посла имянного послали, бьючи челомъ, чтобъ ко освобожденію ихъ тоже спомогатели были, который посолъ съ добрымъ и желаемымъ отвѣтомъ поворотился» *). Стефанъ совѣтовалъ также царю «съ королемъ Свѣйскимъ держать истинное и полное пріятство» и объяснялъ, что цѣль, приведшая его, Стефана, въ Москву, можетъ быть непріятна развѣ только его врагамъ въ Молдавіи и Польшѣ, всѣ же остальные христіанскіе владѣтели сочувствуютъ его намѣреніямъ.

29 Мая царь Алексѣй Михайловичъ, ознакомившись съ ходатайствами воеводы Стефана, «указалъ ему быть у себя великаго государя на дворѣ на пріѣздѣ». Для этого приказано было: «послати по него Георгія-Стефана воеводу и владѣтеля Молдавскія земли и въ городъ съ нимъ ѣхати приставу его, Алексѣю Мещеринову, и къ нему великого Государя съ конюшни послати корѣту. А пріѣхавъ въ городъ,

---

Брестская унія, затѣмъ общеніе съ Леваковичемъ, Холмскимъ епископомъ Терлецкимъ, воскрылили его, и онъ все Славянство видитъ уже у ногу папы". „Эти мысли, говоритъ новѣйшій Хорватскій изслѣдователь его жизни (Ферменджинъ), сдѣлались двигателемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ; ея ради онъ жертвуетъ всѣмъ, ей остается вѣренъ до конца своей жизни". Предварительно, на пробу, онъ искушаетъ себя въ Малороссіи (до 1650 г.), затѣмъ подкрѣпляется въ Римѣ и уже тогда рискуетъ въ Москву. Тобольскъ былъ естественной наградой за раннюю горячую проповѣдь провиденціальной миссіи Москвѣ въ исторіи Европы, за великія сладкія рѣчи; ибо за этой проповѣдью прикровена была работа—ad majorem Romae gloriam...

*) При этомъ Стефанъ считалъ нужнымъ разъяснить: „разумѣю о Грекахъ тѣхъ, которые суть добрые христіане; но суть нѣкоторые именемъ христіане, рѣчью—поганымъ пріятельніи, чему свидѣтельствуютъ такіе Греки, которые многіе убытки чинятъ вашему величеству и всему христіанству".

вытти ему изъ корѣты на рундукъ противъ Казенные палаты середняго быка и итти къ великому государю вверхъ Благовѣщенскою папертью и краснымъ крыльцомъ въ столовую избу. А дары владѣтелевы (крестъ золотъ съ алмазы, часы золоты съ алмазы, коверъ шитъ по бархату червчатому волоченымъ золотомъ) нести передъ нимъ». На пріемѣ Молдавскаго владѣтеля царь пожаловалъ его къ своей царской рукѣ и велѣлъ спросить его о здоровьѣ думному дьяку Алмазу Иванову. Желяя дать этому пріему совершенно частный характеръ, царь не высказалъ Стефану никакого отвѣта на его предложенія.

Но Стефанъ не имѣлъ возможности безцѣльно заживаться въ Москвѣ. 9 Іюня онъ писалъ по этому поводу къ думному дьяку Алмазу Иванову: «когда совершенно вѣдомо есть вашей честности, въ какомъ пребываніи суть мои дѣла, бью челомъ, чтобы скорѣе отъ велеможнѣйшаго его величества отвѣтъ воспріялъ еси. Понеже дѣла мои мѣшкоты терпѣти не могутъ, есмь бо уже и старый человѣкъ и добраго здоровья не имѣю, люди мои въ розности суть, животы мои по разнымъ мѣстамъ розрознены и оставлены, о которыхъ если во время разсмотрѣнія не учиню, въ убытокъ большой и въ поздливое убожество въ старости моей прійду. Естьли его величество на статьи, которыя смиренно чрезъ вашу честность подалъ есмь, отвѣту не изволитъ дать, то изволилъ бы дать единъ отвѣтъ, что не полюбилося и на мое жаданіе умилосердитися не хочетъ, а мнѣ бы отпускъ былъ, бью челомъ; понеже больше здѣсь мѣшкать не могу».

Просьба Стефана о скорѣйшемъ отпускѣ изъ Москвы была уважена: 15 Іюня царь вторично принималъ его, при чемъ «сказано было Молдавскому воеводѣ жалованье, въ стола мѣсто ѣства и питье». «А на отпускѣ», значится въ актахъ, «былъ у великаго государя Молдавской владѣтель въ столовой избѣ просто, въ тотъ день какъ былъ на пріѣздѣ Датскій гонецъ Яковъ Андреевъ, и рѣчей никакихъ не было».

Не безъ горькаго чувства въ душѣ возвратился воевода Стефанъ на Псковскую окраину, откуда предпринялъ обратный путь въ Вѣну. Пребываніе въ Москвѣ должно было окончательно убѣдить его въ томъ, что не суждено ему увидѣть осуществленія мечты о великой борьбѣ Креста съ Полумѣсяцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала для изгнанника и послѣдняя надежда возвращенія въ родную ему Молдавію.

Въ 1668 г. воевода Стефанъ, уже проживавшій въ то время въ Шведскихъ владѣніяхъ, въ Штетинѣ, еще разъ обращался къ тишайшему царю съ просьбою дозволить ему дожить свои дни въ православ-

ной Москвѣ. Эту просьбу поддержали предъ царемъ вселенскіе патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, а также Шведская королева Гедвига-Элеонора [1]). Царь разрѣшилъ Стефану съ его женою прибыть въ Москву на постоянное жительство. Стефанъ получилъ это разрѣшеніе поздней осенью 1668 г. и, обрадованный царскою грамотою, писалъ: «Зѣло желаю быти мнѣ подъ неизреченною твоею и превеликою царскою милостью, жительствовати купно съ православными христіаны, нежели между иновѣрцы, иже не суть нашея православныя вѣры. Милости прошу у тебя великаго государя, егда буду у твоего царского величества на Москвѣ, да имамъ свободу еже исходити въ церкви Божія и монастыри, по вѣрѣ молитися, и въ городъ ѣздити и у знаемыхъ бывати кромѣ всякаго возбраненія, а не въ единомъ мѣстѣ сидѣти точію».

Но желанію воеводы Стефана окончить дни свои въ православной Москвѣ не суждено было исполниться. Онъ умеръ въ началѣ 1669 г. въ то время, когда дѣятельно заканчивалъ свои сборы въ предстоявшій ему путь [2]).

Юрій Арсеньевъ.

Уфа, 31 Октября 1895.

---

[1]) Королева-регентша писала царю отъ имени своего малолѣтняго сына, короля Карла XI-го: „Князь Георгій-Стефанъ отъ Турскаго салтана, какъ отъ всѣхъ христіанъ непріятеля, изъ своего княжества Молдавскія земли отогнанъ и нынѣ въ большомъ принужденіи пребываетъ и принужденъ къ инымъ потестатамъ вспоможенія и прокормленія просить. А понеже онъ свое склоненіе имѣетъ къ вашему царскому величеству великія милости просить и притомъ надеженъ, что нашего королевскаго величества дружелюбная грамота объ немъ вспоможеніе учинить можетъ: и наше кор. величество инако о томъ не чаемъ, что ваше царское величество съ христіанскія любви вспоможеніе ему чинить будете не токмо для того, что онъ съ нашимъ княжескимъ величествомъ и съ вашимъ царскимъ величествомъ прежъ сего жилъ въ союзѣ и чрезъ то отъ Турскаго въ то принужденіе впалъ, и что онъ вашего царскаго величества единыя вѣры"... (Молд. дѣла, св. 5-я, 7177 Декабря 19). О ходатайствѣ за него предъ царемъ патріарховъ упоминаетъ самъ Стефанъ.

[2]) *Picot* въ своемъ біографическомъ очеркѣ о Спаѳаріѣ ошибочно предполагаетъ, что Стефанъ-Георгій умеръ въ 1668 году (въ Январѣ). Въ „Русск. Вѣстникѣ" Полеваго за 1841 г. № VI, въ числѣ историческихъ актовъ находится грамота царя Алексѣя Михайловича къ Александрійскому патріарху Паисію отъ 28 Октября 1669 г., въ которой царь извѣщаетъ патріарха, что согласно его ходатайству онъ повелѣлъ „бывшаго Волоскаго господаря Стефана вдову Домну, что нынѣ въ Кіевѣ въ Печерскомъ мѣстечкѣ стоитъ, изъ Кіева взять къ Москвѣ, и о томъ нашъ великій государь милостивый указъ Кіевопечерскія святыя обители къ богомольцу къ архимандриту Иннокентію Гизелю и воеводѣ и окольничему князя Григорью Аѳонасьевичу Козловскому съ товарищи послать и вдову Домну отпустить со всѣмъ помогательствомъ велѣли".

ДВА ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ О. Е. САТИНУ [1])

I.

Господинъ Сатинъ! Хотѣлось тебѣ полкъ твой притравливать, теперича случай есть. Богъ да будетъ тебѣ помощникомъ. Прощай, желаю увидѣться въ добромъ здравіи. Екатерина.

Апрѣля 2 числа 1769 года.

Кн. Ал. Ал. Прозоровскому поклонись отъ меня.

Всеподданнѣйше получено въ тотъ самый день, какъ пришли изъ-подъ Хотина при мѣстечкѣ Калюсѣ, на Днѣстрѣ лежащемъ: 26 Апрѣля 1769 году, почта № 1.

II.

Господинъ полковникъ Сатинъ! Крестъ монастыря Волохскаго Радовозы, о которомъ объявили тамошнее духовенство, что оной весь изъ Животворящаго Креста, которой вы ко мнѣ прислали чрезъ генералъ-маіора Потемкина, онъ въ цѣлости довезъ, за что много вамъ благодарствую. Я сей крестъ для достодолжнаго почитанія поставила въ придворной церкви, и письмо ваше отдала въ ризницу для сохраненія, и чтобъ память осталась, откуда сія святыня прислана [2]). Я весьма сожалѣла о приключившейся вамъ отъ раны болѣзни; дайте мнѣ знать, владѣете ли вы рукою. Я не хочу лишиться тѣхъ рукъ, а еще меньше тѣхъ людей, кои наполнены ревностію и честностію, и изъ коихъ устъ никогда ложь не выходила, за что васъ премного люблю, и во всякомъ случаѣ весьма охотно желаю оказать, сколько я къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Дек. 1 ч. 1770 года.

Всеподданнѣйше получено 21 дня Февраля, въ 7-мъ часу, на квартирахъ въ Безорабіи, въ Татарской деревнѣ Еникіо, близъ мѣстечка Татаръ-Бунару, № 2.

---

[1]) Изъ книги: „Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ". Кіевъ 1895 (стр. 108). Окончившій дни свои генералъ-маіоромъ Осипъ Емельяновичъ Сатинъ, очевидно пріятель Потемкина, впослѣдствіи Тамбовскій помѣщикъ, находился въ родствѣ съ однимъ изъ предковъ издателя этой любопытной книги, Кіевскаго профессора И. И. Рахманинова. П. Б.

[2]) Сохранился ли этотъ крестъ? П. Б.

ПИСЬМО Г. Р. ДЕРЖАВИНА КЪ КНЯЗЮ Н. Б. ЮСУПОВУ.

Я слышалъ по праздникамъ вездѣ хоры и все на пріѣздъ гостей. Будетъ ли отъ нихъ польза, еще не извѣстно; но на случай, я написалъ стихи для концерта, для положенія музыки г. Сартія, такъ какъ ваше сіятельство говорили мнѣ, чтобъ я присылалъ къ вамъ написанное когда что̀ мною. Они должны быть пѣты въ день помолвки; но какъ сіе еще при дворѣ глубокая тайна и не должно быть до времени публикѣ извѣстно, то ваше сіятельство, зная лучше меня обстоятельства двора и распоряжая его увеселеніями, можете сіе сочиненіе употребить когда и какъ вамъ заблагоразсудится, не сдѣлавъ хлопотъ себѣ и мнѣ преждевременною его извѣстностію.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вамъ, милостивому государю моему

покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

Пѣснь на случай помолвки.

Орлы и львы совокупились,
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ,
Съ громами громы подружились,
Поцѣловался съ Шведомъ Россъ!

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ!

Гряди, монархъ, на высоту,
Какъ солнце, въ брачный твой чертогъ;
Являй народамъ красоту
Въ лучахъ любви твоей, какъ богъ!

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ!

Младая, нѣжная царевна!
Красой твоей плѣнивъ царя,
Взаимно, вѣчно, будь имъ плѣнна,
Цвѣти какъ роза, какъ заря!

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ!

Родители любезны, нѣжны,
Чтó ваши чувствуютъ сердца?
Въ усердьи льемъ мы токи слезны,
А ваша радость безъ конца.

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ!

Да будетъ въ вѣкъ благословенна
Порфироносная чета,
Въ Россіи, въ Швецьи насажденна
Премудрость, храбрость, красота.

хоръ
Сіяньемъ Сѣверъ украшайся!
Блистай Петровъ и Карловъ домъ!
Екатерина утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ трудомъ.

Стихи эти, какъ и письмо, доселѣ неизданные, сохранились въ домашнемъ архивѣ княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой (Сумароковой-Эльстонъ), правнучки князя Николая Борисовича, къ которому они писаны, и любезно сообщены ею въ „Русскій Архивъ.“ Числа на нихъ не означено; они должны относиться къ Сентябрю мѣсяцу 1796 года, когда все въ Петербургѣ готовилось къ обрученію великой княжны Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ Густавомъ IV-мъ. П. Б.

ИЗЪ ПАРИЖСКИХЪ ПИСЕМЪ А. И. ТУРГЕНЕВА.

Парижъ, Генваря 8 1841 (27 Декабря 1840).

Вчера, запечатывая письмо къ другу Жуковскому, получилъ я чрезъ Лондонъ пакетъ съ вашимъ общимъ письмомъ и съ полдюжиною другихъ изъ Москвы и Петербурга. Я успѣлъ только заявить полученіе оныхъ и встрепенуться отъ радости! Vous vous êtes côtisés pour me faire du bien. J'accepte avec bien de la reconnaissance ce nouveau mode de charité [1]). Вчера же передалъ и ваши поклоны гр-нѣ Сиркуръ [2]) и князю М. Голицыну. Вотъ что̀ первая отвѣчаетъ мнѣ: «Dites à m-me Yélaguine que son souvenir m'est cher; je pense à elle partout, car elle a une de ces ames d'élite avec les quelles des rapports établis ne peuvent plus s'interrompre. Dites aussi à m-me Pavloff que j'aime à la savoir heureuse et que je voudrais relire ses admirables reproductions de Mitzkewitz; elles auraient ici un grand et juste succès» [3]).

Когда Булгаковъ посылалъ ко мнѣ ваши письма, васъ уже не было въ Москвѣ, гдѣ были получены для васъ и новыя письма отъ меня, и книжки для дѣтей; теперь, вѣроятно, получены и другія, т. е. книги и письма. Я перестал писать къ вамъ съ недѣлю тому назадъ; но вчерашнее письмо къ Жуковскому просилъ также переслать къ вамъ: въ немъ любопытная статья изъ National о Русскихъ дамахъ-дипломатахъ: гр. Киселевой, гр. Бенкендорфъ и гр. Ливенъ.

---

[1]) Вы соединились, чтобы сдѣлать мнѣ добро. Съ большою благодарностью принимаю это новое изъявленіе милости.

[2]) Урожденная Хлюстина?

[3]) Скажате г-нѣ Елагиной, что ея воспоминаніе мнѣ дорого; я вездѣ о ней думаю, потому что это одна изъ тѣхъ избранныхъ душъ, сношенія съ которыми, разъ установившись, не могутъ прекратиться. Скажите также г-жѣ Павловой, что мнѣ радостно знать ея счастіе, и что мнѣ хотѣлось бы еще почитать чудесные переводы ея изъ Мицкевича; здѣсь они имѣли бы большой и заслуженный успѣхъ.

3 (15) Генваря 1841.

Поздравляю васъ съ нашимъ новымъ годомъ. Я началъ его съ вечера у графини Разумовской, пригласившей Русскую колонію въ Парижѣ на чай и на Шампанское въ полночь. Посолъ и два или три репрезентанта посольства, дамы: княгиня Разумовская, графиня Браницкая съ прелестной дочерью-невѣстою, графиня Нессельроде, князь Ливенъ, графиня Киселева, Чернышова, Пашкова, Ганъ, Бенкендорфъ съ дочерью Апони, Борхъ съ сестрою, Столыпина и пр. и пр. (Мухановъ). Я проводилъ съ ними старый годъ въ вѣчность, но почувствовалъ свое одиночество въ этомъ салонѣ Русскихъ и возвратился *къ своимъ* [1]) на вторичную вечеринку. На другой день 1 Генваря началъ еще разъ новый годъ на похоронахъ у Англичанина Гильхриста [2]), 88-лѣтняго оріенталиста, проведшаго 40 лѣтъ въ Индіи, откуда за нѣсколько дней получилъ онъ извѣстіе объ оказавшейся у него 6-ти милліонной собственности, коей сдѣлалъ онъ наслѣдницею милую жену, устроивъ прежде участь пяти или шести черненькихъ незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ, и отказалъ въ наслѣдствѣ нетерпѣливому племяннику, который, объявивъ его въ Индіи сумасшедшимъ, явился сюда наканунѣ кончины его и на другой день пригласилъ полицію къ опечатанію имущества. Но вдовушка останется наслѣдницею. Мы проводили гробъ съ крыльца, и я уѣхалъ на завтракъ къ графинѣ Киселевой съ княгиней Волконской и условился съ нею ѣхать сегодня на лекцію Мицкевича; ожидаю спутницъ моихъ.—Въ прошедшую Пятницу былъ на великолѣпномъ балѣ у Англійскаго посла. Красавицы-Англичанки ходили толпами и кружились въ вальсахъ; Русскія не уступали имъ. Молодая княжна Голицына пригожа и мила. Я любовался старичкомъ 80-ти лѣтъ съ морщинами, кои напоминали Римскія колеи на мостовской Помпеи, съ рыжими подкрашенными волосами; онъ танцовалъ во все время, съ зеленою Шотландскою лентою по кафтану. Я спросилъ Мильнея: кто это?—Единственный *перъ* Англіи, объявившій себя банкрутомъ. Онъ промотался, женилъ сына лорда Гордона на богатой и живетъ у него, если не припѣваючи, то по крайней мѣрѣ попрыгивая на всѣхъ балахъ здѣсь и въ Лондонѣ. По законамъ Англіи онъ, яко обанкрутившійся, воленъ летать подъ небесами, не имѣя никакого права на прежнее достояніе.

---

[1]) Т. е. къ брату Николаю Ивановичу. П. Б.

[2]) Въ Дебатахъ 23 Генваря найдете вы біографическую статью о семъ оріенталистѣ-медикѣ.

Завтра обѣдаю у гр. Киселевой, а съ кѣмъ? Скажу послѣ и на ушко...

Всего любопытнѣе было для меня знакомство съ *княземъ Власовичемъ*, начальникомъ Славянской независимой орды въ Верхней Албаніи, долго добивавшейся нашей защиты отъ Турокъ, съ коими впрочемъ, т. е съ правительствомъ Турецкимъ, Верхняя Албанія въ офиціальномъ мирѣ, не смотря на кровопролитіе съ сосѣдними провинціями. Онъ заговорилъ по-русски, и мы въ минуту ознакомились. Англія взяла сначала сихъ Славянъ (NB. Греческаго исповѣданія) подъ свое покровительство, сдѣлала князя Власовича своимъ консуломъ, дала ему флагъ, но недавно, сдружившись съ Австріей, опять все отняла. Онъ мнѣ разсказалъ свою и земли своей исторію, описалъ Черногорскаго митрополита (25 лѣтъ), путешествія и сношенія съ Россіею и пр. и пр.; но все это не для пера, особливо по почтѣ. Теперь, оставленный Англіею и Россіею, народъ его, изъ нѣсколькихъ *клановъ* или ордъ Славянскихъ составленный, въ дружбѣ съ сосѣдями - Черногорцами, ищетъ спасенія въ собственной защитѣ противъ сосѣднихъ Турокъ и, потерявъ недавно сто Славянскихъ головъ въ кровавой битвѣ съ Турками, народъ старается внутренно и душевно укрѣпить себя вѣрою и единодушіемъ народнымъ, а князь Власовичъ, проводивъ семейство и жену (Кіевлянку) въ Сербію, близъ Бѣлграда, на границу Австріи, поручивъ ихъ Богу, собираетъ здѣсь средства доставить народу своему первоначальное просвѣщеніе въ познаніи практической математики и инженернаго искусства, ему по инженерной службѣ въ Россіи извѣстнаго. Здѣсь Дежерандо и проч. обѣщаютъ ему книги и предлагали воспитывать на счетъ правительства или на счетъ любящихъ всеобщее просвѣщеніе частныхъ обществъ нѣсколько молодыхъ его соотчичей, дабы они послѣ могли служить съ пользою своему бѣдному, но доблестному отечеству. Князь Власовичъ не согласился на это предложеніе, утверждая съ горскою и Славянскою откровенностью, что юноши Славянскіе купятъ слишкомъ дорогою цѣною науку, если, пріобрѣтя въ Парижѣ знанія въ математикѣ и въ прочихъ наукахъ, лишатся здѣсь своей чистой нравственности и заразятъ развратомъ свою отчизну, гдѣ нравы предковъ сохраняются во всей первобытной Славянской чистотѣ своей. «Семейство, отечество и вѣра, сказалъ онъ: въ этихъ трехъ словахъ вся общественная и частная жизнь наша и вся наша нравственная и политическая сила». Нравы ихъ — оплотъ ихъ противъ Турокъ. Черногорскій митрополитъ въ семъ санѣ молодостію и Русскою пенсіею уже потерялъ довѣренность народа, продалъ Австрійцамъ для казармъ два монастыря, живетъ не по-монашески, и Черногорія ропщетъ. Англичане и Русскіе запрещаютъ ей возставать

противъ Турокъ, ими покровительствуемыхъ; но можетъ ли она поддаться сильнымъ въ сравненіи съ ея малолюдствомъ сосѣдямъ?

Возвратимся въ салонъ Дежерандо. Онъ продолжаетъ кормить и согрѣвать нищихъ своего квартала, и добрая его племянница, собирая милостыню для своихъ бѣдныхъ, сказала мнѣ, что въ ея кварталѣ, или въ околодкѣ ей ввѣренномъ, ни одно семейство въ эту зиму не нуждалось въ дровахъ. Общественная благотворительность въ Парижѣ не оскудѣла и въ этотъ годъ. Вы не можете явиться ни въ одинъ салонъ безъ *Наполеона* въ карманѣ. Одна красавица сбираетъ въ пользу чиновниковъ Карла X-го, лишенныхъ жалованья, la liste civile; другая въ пользу наводненныхъ, третья въ пользу сиротъ, четвертая въ пользу бѣдныхъ своего прихода; общества для бѣдныхъ и для воспитанія малолѣтныхъ составлены подъ разными наименованіями. Одна дама перебиваетъ у другой *доброхотныхъ дателей*; васъ приглашаютъ *на чай*, *на вечеринку*, но чашка чая обойдется вамъ въ 20 франковъ; васъ зовутъ на проповѣдь аббата *Kepà*, Доминиканца Лакордера, но у входа въ церковь стережетъ васъ милое личико съ золотымъ кошелькомъ! Русскіе въ особенности обложены сею добровольною податью. Недавно читалъ я въ журналѣ, что и на лотереѣ въ *пользу Поляковъ* отличились они щедростію. «C'est du bon goût» *), замѣтилъ журналистъ. La Quotidienne, журналъ партіи лежитимистовъ, забывъ *святость и неприкосновенность несчастія*, укоряетъ Поляковъ въ нищенствѣ и въ безпрестанныхъ сборахъ. Одна дама высшаго круга, роскошная въ жизни и въ благотвореніяхъ, намѣрена брать съ собою № Квотидьены, въ коемъ порочатъ Поляковъ, и показывать его тѣмъ изъ лежитимистовъ, кои будутъ звать ее на балъ *de la liste civile* за 20 франковъ: bal en faveur des pensionnaires de l'ancienne liste civile, salle d'Opéra Comique, 26 Janvier. Въ каждомъ журналѣ читаете вы подписки въ пользу наводненныхъ, и между тѣмъ какъ журналисты ополчаются противъ ополченій *Зарейнскихъ*, ангелъ благости собираетъ и шлетъ дары свои съ Рейна и Мозеля и примиряетъ враждебныхъ, кои хотятъ быть *братьями* о Христѣ, но не согражданами Французовъ по милости Тьерса и комп.

18 (6) Генваря. На сихъ дняхъ навѣстилъ я хворую m-me Récamier. Она сидѣла у камина съ однимъ Шатобріаномъ и, поблагодаривъ за *лепту* съ надписью: «à la ville natale», она предложила мнѣ быть ея сотрудникомъ въ устройствѣ вечеринки, для которой она уступаетъ свои два салона. Всѣ лучшіе артисты Итальянской оперы согласились

*) Это очень прилично.

пѣть, а m-elle Rachel играть одинъ актъ изъ Аталіи; и все это въ пользу наводненныхъ *Ліона*, родины милой Рекамье. Въ обоихъ солонахъ врядъ ли удобно помѣстятся 150 слушателей; но мы хотимъ раздать 200 билетовъ по 10 франковъ каждый, въ надеждѣ, что не всѣ пріѣдутъ. Я предлагалъ назначить въ 20 франковъ, также какъ въ пользу de l' ancienne liste civile; но замѣтили, что для *семейныхъ* сумма сдѣлалась бы слишкомъ чувствительною. M-me Рекамье предоставила мнѣ нѣсколько билетовъ для Русскихъ дамъ, кои конечно не ограничатся назначаемою цѣною. Одно условіе: показать ей реестръ приглашаемымъ на этотъ вечеръ. Охотниковъ и охотницъ будетъ вѣроятно болѣе, нежели помѣщенія. Герцогъ Ноаль, одинъ изъ учредителей вечеринки, самъ былъ у m-elle Rachel съ предложеніемъ принести въ жертву на одинъ вечеръ талантъ свой въ пользу Ліонскихъ страдальцевъ. Она не только согласилась охотно, но и взялась сама выхлопотать для сего позволеніе театральной дирекціи. Она вѣроятно умолитъ на доброе дѣло и часто неумолимаго отца (Le feuilleton de la Presse, № сего года). Въ тотъ же день предложилъ я билеты Пашковой, гр. Разумовской; онѣ приняли и за себя, и за своихъ съ благодарностію. Вчера и третьяго дня разнеслись уже слухи о сей вечеринкѣ, и въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ салонъ Рекамье et la présence *de ses illustres amis*, presque invisibles ailleurs*) привлечетъ многихъ. Постараюсь доставить вамъ *№ de la Presse* съ забавнымъ фельетономъ, подписаннымъ Vicomte Charles de Launay, т. е. m-me Émile Girardin (Gay). Она прелестно трунитъ надъ выборами академическими по случаю избранія Гюго и Сентъ-Олера. Наконецъ, по ея мнѣнію, талантъ торжествуетъ надъ предразсудками и надъ ожесточеніемъ партій.

Въ *rue Berry* ожидаетъ меня *святая вода*, родимые звуки нашей литургіи, напоминающіе мнѣ родимые берега Волги и Тургенево, гдѣ этотъ праздникъ *храмовой*. Сколько горькихъ и сладостныхъ воспоминаній тѣснится въ груди моей! Какъ все живо, какъ еще все нетлѣнно въ сердцѣ моемъ! Я вижу храмъ сельскій, вижу толпы добрыхъ крестьянъ нашихъ, вижу отца... ихъ и моего. Вижу хоругви и священнодѣйствіе надъ прудомъ села *Богоявленскаго* (Тургенево тожъ)... Можетъ быть, и тамъ вспоминаютъ объ на ъ. Можетъ быть, щеголяютъ красныя дѣвицы и молодицы Тургеневскія въ моихъ Парижскихъ и Московскихъ гостинцахъ. Полетѣлъ бы туда! Невидимо припалъ бы къ праху праотцевъ, въ полу-истлѣвшей храминѣ покоящихся, умолилъ бы ихъ простить мнѣ мое тяжкое разстаніе съ ними, невольное и безутѣшное!... Но къ чему? Тамъ праотцы села и мои, давно,

*) И присутствіе ея знаменитыхъ друзей, которыхъ иначе почти негдѣ увидѣть.

давно истлѣвшіе! Для нихъ «святое вмѣстѣ» въ землѣ родной. Тѣни ихъ давно успокоились; но отецъ, но мать, но братья, коихъ прахъ разсѣянъ по лицу земли... за Невскою оградою, подъ Москвою, надъ Парижемъ... вездѣ прахъ милыхъ и родныхъ! Къ кому пріютиться? Къ праху ли матери у подножія алтаря уединенной обители, или на берегу хладной и постылой для насъ Невы, или смѣшаться съ прахомъ милаго брата, младшаго по рожденію и по разлукѣ и вѣчно, вѣчно незабвеннаго, мнѣ вездѣ и всегда, всегда соприсутствующаго? Друзья мои! Гдѣ бы ни застала меня послѣдняя минута, положите сердце мое у сердца Сережи; пусть смѣшается прахъ нашъ до радостнаго утра, до *святаго и неразлучнаго вмѣстѣ* съ оставшимся и съ разсѣянными отъ Волги до Сены. Такъ, прижмите гробъ мой къ памятнику Сережи или поставьте его у ногъ его, ближе, ближе и исполните мое желаніе, часто повторяемое словами друга отца моего и бѣдныхъ, И. В. Лопухина: «Не тратьте иждивенія на покровъ земли землею» *).

19-е Января. Вчера въ нашу церковь собрались почти всѣ православные Парижанки и Парижане. Сиркуръ, мать ея, Бенкендорфъ съ дочерью, Обрѣскова, Краевская, Нессельроде съ дочерью и пр. и пр. Пѣніе простое, но сладкозвучное, возбудило въ душѣ воспоминанія старины, т. е. давно прошедшей молодости и настроило сердце къ какому-то благочестивому унынію: я вспоминалъ и молился. Княгиня Трубецкая, урожденная кн. Гика, привезла мнѣ стараго *Современника* изъ Бадена и сообщила вѣсти о княгинѣ Вяземской. Краевская дня три какъ оттуда. Княгиня получила письмо отъ мужа: онъ не хочетъ видѣть ни Бадена, ни Гугерта, впрочемъ готовъ встрѣтить ее вездѣ или ожидать въ Петербургѣ. Я надѣюсь, что княгиня предпочтетъ послѣднее предложеніе. Я зашелъ къ княгинѣ Трубецкой съ братьями Мухановыми.

—

22 Генваря. Souvenirs d'une actrice, par m-me Louise Fusil (née Fleury), Paris 2 vol. 1841. Она жила въ Россіи, въ Москвѣ и Петербургѣ, отъ 1806 года до нашествія Французовъ, съ коими спаслась чудомъ и перешла Березину. Во второй части описываетъ она свою разгульную Московскую жизнь, и для насъ «много милыхъ тѣней возстаетъ» отъ Дмитріева до крошки Ефимовича, который сочинялъ и пѣлъ для m-me Fleury романсы. Познакомясь съ Дмитріевымъ у гр. Брогліо, о коей также много говоритъ разскащица своихъ похожденій, она приняла его предложеніе—показать ей Кремль. «Je voyais souvent chez ces dames m-r Dmitrieff, homme très instruit et très savant; je lui témoignais le désir que j'avais de voir le Kremlin, et il eut la

*) А. И. Тургеневъ похороненъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. П. Б.

complaisance d'être mon cicerone. Il entra dans tous les détails qui pouvaient m'intéresser sur les choses curieuses que renfermait *cet édifice*, palais des Czars, qui fut pris et brûlé par les Tartares et reconstruit peu de temps après. Je fis des notes en rentrant chez moi»*). И сіи-то замѣчанія, съ помощью Ив. Ив. сдѣланныя, актриса сообщаетъ публикѣ. Право, много любопытнаго для насъ въ этой біографіи. Я означу вамъ содержаніе нѣкоторыхъ главъ, чтобы возбудить любопытство выписать и книгу. Портреты кн. Голиц. (полунощной), гр. Ростопчина, Фильда и жены его, кн. Куракина, Дивовой, Мезонфоръ и пр. сходны съ оригиналами. Какой-то запахъ старинной Москвы (я называю старинною все, что́ жило и цвѣло въ ней до 1812 года и погибло съ нимъ). Гр. Строганова — старуха Московская, супруга гр. Ал. Серг.; образъ жизни Цыганокъ, актрисъ Французскихъ, домовые театры, гр. Ѳеодора Головкина (съ краснымъ словцомъ), князь и княгиня Кутузовы, графиня Орлова, любимая ученица *Фильда* и добрый аббатъ *Сюрюгъ*, спаситель иностранцевъ и своихъ въ Москвѣ плѣненной и горящей. Бѣгство Французовъ описано живо, театръ Французской въ Москвѣ при Наполеонѣ, клобъ Московскій и біографія Ростопчина, вѣроятно изъ брошюры Полтарацкаго перепечатанная. Смерть *Надежды*, ея пріемыша, въ Дрезденѣ, съ эпитафіей des bords de Valmore, въ 1832 сочиненной; я перепишу ее, а для кого? (Ты угадаешь, другъ сердечный).

Вотъ еще книга, которую бы желалъ послать бывшему сотруднику моему, а нынѣ директору оберъ-прокурора Синодскаго, К. С. Сербиновичу: Histoire de l'Hérésie constitutionnelle, qui soumet la religion au magistrat, depuis Luther jusqu'à l'an 1840, par m. Boyer, directeur au séminaire de S-t Sulpice. 1840. Paris. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Les Catholiques persécutés de l'Allemagne, de la Russie, de la Pologne y verront avec intérêt le récit de leurs souffrances». Разсказы о Россіи подкрѣплены *актами*, кои я, кажется, гдѣ-то читалъ въ Германіи. «Il y a des faits inconnus, inédits et cachés; ceux-là, peut-être, connaissent seuls toute la grandeur de ces maux, qui les

---

*) У этихъ дамъ я часто видала г-на Дмитріева, человѣка очень образованнаго и очень ученаго. Я выразила ему желаніе посмотрѣть Кремль, и онъ любезно согласился быть моимъ путеводителемъ. Онъ входилъ во всѣ подробности относительно предметовъ занимавшихъ меня въ этомъ сооруженіи, въ царскихъ палатахъ, которыя были браты и сожигаемы Татарами, и черезъ нѣсколько времени потомъ возобновлялись. Возвращаясь домой, я записывала мои замѣчанія.

souffrent!» Отъ Лютера до *Симашки* всѣмъ досталось. Одна глава называется «L'hérésie constitutionnelle considérée en Russie depuis Catherine jusqu'à l'empereur Nicolas inclusivement». Митрополита Сестренцевича называетъ онъ «l'ange de Satan de cette contrée». Какая-то сцена митр. Булгака съ Блудовымъ, похороненнаго якобы въ Невскомъ монастырѣ по нашему. Приложено много любопытныхъ документовъ. Я полагаю, что не худо было бы перевести книжку Сербиновича на Французскій и напечатать особо, также съ документами.

24 Генваря. Я получилъ вчера письмо отъ Веймарскаго канцлера Мюллера; онъ допрашиваетъ меня о Жуковскомъ, о его невѣстѣ и пр. и хвалитъ сочиненіе *Иммермана* «*Memorabilia*» о Нѣмецкомъ характерѣ, особенно отъ 1806 до 1815 г. Вѣроятно онъ лучше судитъ его, нежели *Ленорманъ*, который, какъ слышу отъ его слушателей, получилъ еще письмо отъ *Анонима* съ сильными возраженіями, но только прочелъ начало онаго и задѣлъ въ своемъ оправданіи немного слушателей, кои по одной лекціи хотятъ судить обо всемъ курсѣ. Я вспомнилъ, что *Иммерманъ*—поэтъ и пріятель Жуковскаго, съ коимъ онъ сдружился, кажется, въ Дюссельдорфѣ, куда я пріѣхалъ прошлаго года вскорѣ послѣ его кончины; Жуковскій еще горевалъ по немъ.

25 Генваря. Обрѣскова убрала свои комнатки шелковыми занавѣсами; въ одной стоялъ чай съ прохладительными напитками. Къ 10-му часу почти всѣ гости съѣхались: Разумовская, Браницкая съ племянницами, Нарышкина, Киселева, Барантъ, Пашкова, Хребтовичъ, Бенкендорфъ, Апони, мать и невѣстка, маршалъ Себастіани съ женою эксъ-Давыдовой; всѣ въ щегольскихъ нарядахъ. Блестящій Парижскій свѣтъ выслалъ первоклассныхъ своихъ представительницъ. Кн. Ливенъ мелькнула точно не болѣе какъ на 5 минутъ: едва усѣлась, какъ и вспорхнула до начатія концерта; вотъ и «Цыганка—не младая»! Угадайте ее. Послы и мелкотравчатые дипломаты и едва-ли не полное собраніе Парижскихъ музыкантовъ, артистовъ сверхъ тѣхъ, кои означены въ афишкѣ напр. Chopin и пр.; всѣмъ достало мѣстъ, и всѣ восхищались пѣніемъ Рубини, Тамбурини, Лаблаша и его фарсами (какой колоссъ громогласный!), смычкомъ *Гомана*, аріей *Capenletro* (Неаполитанецъ, женатый на дочери знаменитаго *Camaldoli*, мин. внутр. дѣлъ при *Мюратѣ* и помѣщика прелестнѣйшей дачи монастырской близъ Неаполя) и нашимъ Русскимъ музыкальнымъ семействомъ, въ коемъ 14-ти лѣтній мальчикъ отличается игрою на фортепіано. Выборъ музыки также

удачный: никто не зѣвнулъ, никто не спѣшилъ уѣхать; почти всѣ дослушали съ живымъ наслажденіемъ прелестный *Trio* изъ Вильгельма Теля. Одинъ кн. Т. грустно сидѣлъ въ уголку съ своею подругою-подагрой. Сиркуръ возвратился къ полночи отъ Сенъ-Жерменскихъ вечеринокъ у *Брезе-Лепине*, куда я не могъ попасть. Кларй наша была на балѣ, гдѣ также встрѣтила трехъ *Русскихъ* дамъ, для нея безъименныхъ и неприступныхъ. Завтра балъ для *заштатныхъ чиновниковъ*; послѣ завтра у короля пиръ про весь здѣшній міръ; завтра же и у насъ *) поютъ и танцуютъ подъ клавесинъ и на коврѣ.

26 Генваря. Вчера былъ я у m-me Récamier и узналъ, что для всѣхъ моихъ Русскихъ дамъ и кавалеровъ (болѣе 30-ти) будутъ билеты; она даже показала мнѣ потаенную дверь въ амбразурѣ окна, въ которую изъ комнаты ея сосѣдки, уступающей ей на этотъ вечеръ кабинетъ свой, я могу провести тѣхъ изъ дамъ, въ коихъ принимаю особенное участіе, такъ что онѣ пройдутъ въ первый рядъ, миновавъ другіе. Я пожалъ ей руку за эту привилегію, а она назвала меня своимъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ»; я прибавилъ: «по части сѣверныхъ дворовъ». Мнѣ пришла мысль воспользоваться сею привилегіею въ пользу молодой невѣстки гр. Браницкой, которая все еще не можетъ слышать музыки и оттого не бываетъ ни въ театрѣ, ни въ концертахъ, ни на балахъ. Я могу провести ее въ салонъ-спектакль, когда *Рахель* и сестра ея будутъ играть *второй актъ* Аталіи, и увести ее въ сосѣдніе апартаменты отъ концерта. Со всѣхъ сторонъ требованія билетовъ, даже предложеніе удвоить и утроить цѣну оныхъ. M-me Récamier принуждена отказывать даже *знаменитостямъ* разнаго рода. И меня атакуютъ со всѣхъ сторонъ, а я важничаю и, какъ слѣдуетъ временщику

„Шагаю гордо по паркету
„И въ грошъ не ставлю никого!“

Четыре стола завалены у Жомара новыми книгами и брошюрами, дарами авторовъ, переводчиковъ, издателей. Болѣе всего путешествій. Я взялъ просмотрѣть новую для меня книжку о Россіи: Lettres sur la Russie à son excell. m-r de Struve, suivies de considérations géologiques sur les révolutions du globe, par le d-r *Eugène Robert*, Paris 1840. 8°. Авторъ пишетъ къ нашему Гамбургскому дипломату Струве, извѣстному своими познаніями въ минералогіи. Авторъ отправился изъ Петербурга въ Архангельскъ чрезъ Шлюссельбургъ, Новую Ладогу, Лодейное Поле, хвалитъ добродушіе крестьянъ нашихъ, но не красоту прекраснаго пола.... Въ Архангельскѣ любуется статуей Ломоносова;

*) Т. е. въ семействѣ Н. И. Тургенева? П. Б.

съ г. *Маковцовымъ* отправляется на берега Бѣлаго моря. «Архангельская губернія съ *Новою Землею* вдвое больше Франціи, но только съ 220.000 жителей; въ Колѣ и у Самоѣдовъ заведены школы». Осенью 1839 года былъ онъ уже въ Нижнемъ Новгородѣ, въ дорогѣ утолялъ онъ жажду *простоквашей.* «Mes compagnons préféraient le pivo, espèce de bière qui répond à la nôtre, etc...»; въ Вологдѣ представлялся губернатору Болговскому, и у купцовъ, родственниковъ своего спутника, *пилъ и ѣлъ*, отъ полудня до полуночи, и дивился благочестивому обычаю Русскихъ передъ разлукой съ милыми ближними—помолиться у образовъ. Далѣе: «Je traversai avec un certain sentiment de bonheur et de fiérté le Volga, l'un des plus grands fleuves du globe, la mère des fleuves (matouschka) de la Russie, ainsi que les Russes le désignent... И въ Ярославлѣ завтракаетъ осетриной! Изъ Ярославля въ Нижній Новгородъ водою. На палубѣ бурлаки передъ отъѣздомъ помолились Богу. «Je crus un instant que j'appareillais pour un voyage de circumnavigation!» На пути авторъ сбираетъ *белемниты* и *аммониты*, извѣстные у насъ подъ именемъ *чертовыхъ пальцевъ.* Изъ сего авторъ заключаетъ: «Bien des gens les regardent comme étant les doigts du diable (tschortof)». Въ началѣ Сентября 1839 года онъ въ Москвѣ. Здѣсь описываетъ онъ свое пребываніе въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ обѣдалъ у губернатора Бутурлина съ маркизомъ *Кюстиномъ.* Вотъ m-r Robert и въ Кремлѣ Нижегородскомъ, у памятника Минина и Пожарскаго, восхищается *Песчаною Дельтою*, сліяніемъ Оки и Волги; описываетъ ярмарку, et l'on n'apprendra peut-être pas sans étonnement qu'il se vend ici, pendant le cours de la foire, plus de 40.000 bouteilles de vin de Champagne mousseux de première qualité, à raison de 12 à 15 roubles! Въ балаганахъ Бухарцы, Армяне, Персіяне, Киргизы. Но вы все это знаете лучше путешественника. Мѣшки съ бирюзою. Китайская Сибирская ярмарка. Чай изъ Кяхты. «On y voit des murailles de longues caisses de cette substance». За двѣ версты отъ ярмарки цѣлая деревня, съ чѣмъ или съ кѣмъ—отгадайте..... Robert сообщаетъ таблицу произведеній Русскихъ фабрикъ и Азіатскихъ товаровъ 1838 года. Въ Москвѣ Кремль, Иванъ Великій, колоколъ... короны и скипетры Польскіе, Грузинскіе, носилки Карла XII при Полтавѣ, богатые оклады образовъ.... Воспитательный домъ, окрестности, обо всемъ слова два, и мои милыя Воробьевы горы.

Новаго въ этой книжкѣ только то, что въ ней не бранятъ Русскихъ. Изъ Петербурга авторъ отправился въ Ревель на пароходѣ: Fürst Menschikoff. Слова два о Финляндіи и о переворотахъ земнаго шара.

4 Февраля. Шатобріанъ разговорился со мною вчера о Поццо-ди-Борго. Онъ уже сошелъ со сцены міра, геній погасъ, одна матерія живетъ еще въ немъ и здравствуетъ; ибо онъ сохранилъ аппетитъ и всѣ свои матеріальныя привычки, къ числу коихъ причислено и регулярное чтеніе журналовъ. Память его ослабѣла, онъ часто не узнаетъ самыхъ короткихъ своихъ пріятелей; немногіе посѣщаютъ его; онъ окруженъ семействомъ племянника, но всегда выходитъ въ салонъ и къ столу во фракѣ и башмакахъ и по прежнему съ золотымъ руномъ на цѣпочкѣ. Иногда вдругъ блеснетъ въ немъ лучъ прежняго ума и здравой политики, къ удивленію слушателей. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ меня, что на сихъ дняхъ Поццо съ живостію и почти съ прежнею проницательностію начерталъ въ короткихъ словахъ картину Европы вѣрно и безпристрастно и потомъ опять замолкъ и какъ бы утомился отъ умственнаго напряженія. Шатобріанъ, отдавая справедливость *прежнему* Поццо, напомнилъ о *конгрессѣ Веронскомъ*; а я передалъ ему *отчасти* то, что̀ слышалъ отъ Поццо-де-Борго за три года предъ симъ въ Лондонѣ, вскорѣ по появленіи въ свѣтъ книги Шатобріана. Я не могъ, не оскорбивъ Шатобріана, высказать ему мнѣніе Поццо о книгѣ и объ участіи автора въ конгрессѣ Веронскомъ; но не скрылъ отъ него, что императоръ Александръ неохотно подавался на совѣтъ Поццо сблизиться съ Шатобріаномъ и употребить его орудіемъ политическихъ плановъ своихъ, что сближеніе сіе послѣдовало по убѣжденіямъ только Поццо; что Шатобріанъ сдѣлался совершенно орудіемъ Поццо и Александра, и пр. Шатобріанъ зналъ о холодности къ нему Александра, принесенной въ жертву его политикѣ. Орденъ св. Андрея, данный Шатобріану прежде *Виделя*, тогдашняго перваго министра Франціи, довершилъ минутное сближеніе. Шатобріанъ смѣшалъ его съ Австрійскимъ орденомъ св. Стефана и раза три повторилъ, что императоръ Александръ далъ ему сей послѣдній (Шатобріанъ получилъ его отъ Австрійскаго императора). Эта черта, казалось бы, могла служить доказательствомъ равнодушія его къ почестямъ; но, забывъ названіе ордена, онъ не можетъ простить Поццо и его преемникамъ, что они не зовутъ его на обѣды дипломатическіе вмѣстѣ съ министрами и съ корпусомъ дипломатическимъ въ *табельные дни*! Будучи Андреевскимъ кавалеромъ, онъ полагаетъ, что Русскій посолъ долженъ приглашать его на эти офиціальныя пирушки. «Я бы конечно не затруднилъ посла моимъ присутствіемъ; но въ правѣ ли былъ Поццо-ди-Борго не включать меня въ число званыхъ?» О *Геній Христіанства*! Гдѣ твое смиреніе?...

9 Февраля. Чья бы рука ни заронила зерна на богатое поле древней Русской жизни, лишь бы не свѣялъ его вихрь времени, лишь бы возросло и созрѣло оно во время свое, лишь бы жила и цвѣла Россія, «по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой» (Карамзинъ).

Въ библіотекѣ познакомился и разговорился я съ *Капефигомъ*, авторомъ любопытныхъ историческихъ компиляцій и біографій, вамъ давно извѣстныхъ. Онъ собирается весною въ Россію и распрашивалъ меня о путяхъ, ведущихъ туда моремъ и сухимъ путемъ. Онъ конечно не оставитъ Французскихъ манускриптовъ *Дубровскаго* въ Императорской библіотекѣ безъ разсмотрѣнія. Шампольонъ-Фижакъ увѣрялъ меня, что каталогъ онымъ печатается по предписанію здѣшняго Министерства Просвѣщенія, въ актахъ, имъ издаваемыхъ, кои по предписанію здѣшняго министра Сальванди присылаются ко мнѣ. Но неизвѣстно еще, кто доставилъ сюда сей каталогъ; увѣряютъ однакоже, что не Барантъ, коему также дозволено было разсмотрѣть и описать сіи драгоцѣнныя рукописи. Какъ скоро я получу квартантъ, заключающій сей каталогъ, доставлю его въ Петербургъ для облегченія библіотекарямъ почти полувѣковаго труда ихъ надъ рукописями, Дубровскимъ изъ Парижа въ самый пылъ революціи вывезенными.

Парижъ. 1841 Февраля 8 (20). Возвращусь къ *Мицкевичу*, когда онъ возвратится къ Русской и Польской новѣйшей словесности. Сербію знавалъ я въ ея историкахъ и поэтахъ и провелъ у мецената ихъ Ѳеофана Стратимировича шесть недѣль въ его метрополитальномъ градѣ Карловцѣ. Онъ былъ другъ *Шлецера*, посвятившаго ему часть своего *Нестора*. Миръ праху добродѣтельнаго православнаго старца! Онъ скончался года за два предъ симъ и былъ уже давно митрополитомъ всего *Словено-Сербскаго и Валахійскаго народа* и Австрійскимъ *дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ*, когда я, въ 1804 году, съ Андреемъ Кайсаровымъ, навѣщалъ его. Теперь на епископскихъ православныхъ престолахъ въ Венгріи, въ Сербіи и въ Славоніи сидятъ его воспитанники, нѣкогда мои пріятели и кореспонденты, въ числѣ ихъ и поэтъ *Мушицкій*. Я сбирался когда-то въ запискахъ о земляхъ Славянскихъ, мною посѣщенныхъ, издать нѣсколько пѣсенъ и гимновъ его; но *славянофильство* принадлежитъ къ забавамъ моей первой молодости.

Парижъ, 1841 Февраля 9 (21) Воскресенье.

Вы знаете, что въ здѣшней королевской библіотекѣ находится нѣсколько Славянскихъ и Русскихъ рукописей, мною отысканныхъ, отчасти

исчерпанныхъ и Строевымъ описанныхъ. Рукописи сіи долго смѣшаны были съ Восточными, и никто въ нихъ, до насъ, не заглядывалъ; теперь просматриваетъ ихъ П. А. Мухановъ и воспользуется ими для своего *Сборника*. Здѣшнее Министерство Просвѣщенія, кажется, при Кузенѣ или Вильменѣ, назначило 1000 фр. тому, кто приведетъ сіи рукописи въ порядокъ, сдѣлаетъ имъ подробную опись для начальства королевской библіотеки и для пользы и удовольствія всей публики. Вмѣстѣ съ сими Русскими рукописями находятся и Польскія и любопытные документы о Россійско-Польской исторіи, изъ коихъ я года за четыре предъ симъ многое выписалъ. Я давно желалъ, и эту мысль подала мнѣ милая и умная Русская дама, чтобы министерство поручило именно Мицкевичу сдѣлать сей каталогъ и подало бы ему тѣмъ случай не только разсмотрѣть и оцѣнить сіи рѣдкости Славянскія, но и выработать на-досугѣ и не съ большимъ пожертвованіемъ времени назначенные 1000 фр. Вчера у Ламартина *Вильменъ*, министръ народнаго просвѣщенія, заговорилъ со мною, разспросилъ о предметахъ нынѣшней моей дѣятельности; а я упомянулъ объ архивѣ королевской библіотеки и о лекціяхъ *Мицкевича*, не имъ, а противникомъ и предмѣстникомъ его Кузеномъ на каѳедру Славянской литературы призваннаго. Я предложилъ ему поручить ему составленіе систематическаго каталога Славянскихъ рукописей. «Познакомьте меня съ нимъ, отвѣчалъ мнѣ Вильменъ; увѣрьте его, что хотя не я призвалъ его къ сей каѳедрѣ, но что я не менѣе уважаю талантъ и знанія его и готовъ сдѣлать для него все, чтó будетъ отъ меня зависѣть. Привезите его ко мнѣ; мы переговоримъ съ нимъ о вашемъ предложеніи. Королевская библіотека не въ порядкѣ, рукописями болѣе пользуются иностранцы, чѣмъ Французскіе ученые. 1000 фр. будутъ наградою тому кто сдѣлаетъ каталогъ Славянскимъ». Я отвѣчалъ, что знаю Мицкевича болѣе по его поэзіи и по его лекціямъ, чѣмъ лично; но что дамъ знать ему о желаніи министра съ нимъ познакомиться и понавѣдаюсь самъ, впослѣдствіи, объ успѣхѣ моего ходатайства. Вильменъ осыпалъ меня учтивостями и снова пригласилъ къ себѣ. Тутъ же передалъ я его порученіе Русской дамѣ, съ коей часто о Мицкевичѣ бесѣдую; она увидитъ его сегодня и уговоритъ нелюдима-профессора заглянуть въ кабинетъ своего министра и эксъ-профессора.

Я былъ на двухъ *утренникахъ*: у гр. С. и К. и прочелъ *Октябрское* письмо *изъ Басманной*, въ коемъ называютъ меня: le cher évaporé и поручаютъ мнѣ познакомить съ Парижемъ одного изъ новичковъ-соотечественниковъ, коего отецъ былъ долго моимъ сослуживцемъ. Передайте *Басманному философу* *) мою благодарность за порученіе;

*) Т. е: Петру Яковлевичу Чадаеву. П. Б.

Гал....ъ *) возвратится *истымъ* Парижаниномъ, какъ нѣкогда Вас. Льв., узнаетъ всѣ тропки булевара, всѣ магазины новыхъ модъ, классическіе салоны Рекамье и Сиркуръ, литературныя знаменитости отъ кедра до иссопа, отъ Ламартина до Marmier, Академіи, Сорбону и вечеринки m-me Ancelot, гдѣ въ безпрерывной борьбѣ элементы юной Франціи съ лежитимистскимъ настдемъ, и классицизмъ съ романтизмомъ во второклассныхъ своихъ представителяхъ, гдѣ Польскіе и Гишпанскіе выходцы упиваются Русскимъ чаемъ и гдѣ я за полночь не засыпаю.

Парижъ, 1841 Марта 2.

Получаю толстый пакетъ изъ Петербурга съ книгой о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича Кошихина и съ Современникомъ Плетнева, при письмѣ его. Читаю предисловіе къ Кошихину. Я нашелъ эту рукопись въ 1839-мъ году лѣтомъ, въ Упсалѣ, когда еще малая часть оной была доставлена Археографической Комиссіи, просмотрѣлъ ее подробно, отмѣтилъ содержаніе оной и, узнавъ, что г. профессоръ Соловьевъ имѣетъ уже копію или большую часть главъ сей рукописи, немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ представилъ Государю чрезъ кн. А. Н. Голицына краткое содержаніе сей рукописи и біографическое извѣстіе объ авторѣ и просилъ о немедленной перепискѣ всего текста. Государю угодно было приказать напечатать его, и кн. Голицынъ сообщилъ о семъ высочайшее повелѣніе министру просвѣщенія; а я просилъ его наградить трудъ г. Соловьева. Рукопись напечатана; скоро будетъ она въ рукахъ всѣхъ любителей Русской исторіи; новый свѣтъ разольется на старину Россіи. Въ предисловіи описанъ трудъ г. Соловьева. Я первый отдалъ ему честь первой находки; я могъ не только списать, но и прежде издать ее. Узнаетъ ли Россія и о другихъ сокровищахъ, выведенныхъ мною на свѣтъ изъ подваловъ и тайниковъ почти всей Европы, отъ Мадрита до Стокгольма, отъ Лондона до Ватикана? Прощаю издателямъ за себя, но не прощаю за Кошихина. Они приводятъ причину, по коей Кошихинъ удалился изъ Россіи: онъ не хотѣлъ доносить на отставленныхъ воеводъ и «служить орудіемъ клеветы»; страшась мщенія за благородный поступокъ, покинулъ отечество. Горе ведетъ у насъ къ пьянству. «Въ нетрезвомъ видѣ» убилъ онъ своего хозяина, съ коимъ былъ въ ссорѣ по подозрѣнію любовной связи съ его женою.

Какъ часто въ бѣшенствѣ иль въ страсти
Несчастный, слабый человѣкъ
Проступкомъ омрачаетъ вѣкъ!
(Кн. Козловскій).

---

*) Вѣроятно Галаховъ. П. Б.

Кровь омыла преступленіе; порокъ пьянства—порокъ и несчастіе, но не безчестіе. Издателямъ Кошихина надлежало удержаться въ произвольныхъ предположеніяхъ о развратѣ Кошихина; но они прибавляютъ: «съ достовѣрностію можно полагать, что онъ не отличался приверженностію къ вѣрѣ, твердыми правилами и неукоризненнымъ поведеніемъ». Но какъ же снискалъ онъ дружбу нѣкоторыхъ знаменитыхъ современниковъ, Гербинія и Родбека; какъ же чужеземецъ Баркгузенъ говоритъ о Кошихинѣ: «Fuit profecto solers animo atque etiam ingenio scissimus inter suos coaequales et conterraneos, и далѣе величаетъ его— ingenio incomparabili!» *).

Въ замѣчаніи къ предисловію на стр. IX издатели говорятъ, что Кошихинъ «явно увлекается озлобленіемъ противъ своего отечества и повторяетъ непріязненные толки о Россіи иностранныхъ писателей» и въ доказательство своему жестокому обвиненію приводятъ слова Кошихина, на стр. 41-й приведенныя. Что же въ ихъ строкахъ? Кошихинъ объясняетъ, какимъ образомъ подъячіе записываютъ иногда не съ совершенною точностію переговоры пословъ на посольскихъ съѣздахъ, «*выславляючи свой разумъ на обманство*!»—«Для чего такъ творятъ?» (стр. 41) Отвѣтъ не въ пользу нравственнаго просвѣщенія тогдашнихъ Россіянъ; но Кошихинъ прибавляетъ: «*Благоразумный читателю! Чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ*» и пр. Гдѣ же тутъ озлобленіе противъ отечества? Опередившій вѣкъ свой Кошихинъ думалъ о Россіи также въ концѣ XVII-го столѣтія, какъ Петръ Великій въ началѣ XVIII-го. Ни тотъ, ни другой не хотѣли льстить соотечественникамъ; но одинъ перомъ, другой дубинкою, оба правдою кололи глаза. Въ числѣ *погрѣшностей* Кошихина издатели полагаютъ мнѣніе его, что Русскіе цари, послѣ Ивана Васильевича, коего льстецы назвали *Грознымъ*, давали записи «безъ вины никого не казнить ни за что и безъ вѣдомости бояръ и думныхъ людей тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Юридическое выраженіе: «Царь указалъ и бояре приговорили» кажется имъ какою-то пустою фразою, потому что употреблялось даже и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, въ «самодержавіи котораго никто доселѣ не сомнѣвался». Вы правы, г.г. издатели: Уваровъ приказалъ, и вы приговорили Ивана Васильевича къ кровавой насмѣшкѣ надъ *юридическимъ* выраженіемъ

---

*) Былъ онъ по истинѣ дѣятельнаго духа и даже ума, ученѣйшій среди подобныхъ себѣ и соотечественниковъ.—Ума несравненнаго.

Кошихина—*къ озлобленію противъ отечества*! Закроемъ на время акты процесса.

Современникъ опять напечаталъ *Хронику Русскаго* *) со всѣми собственными именами, означеніе коихъ ему именно воспрещено было, и съ такими мелочными извѣщеніями, отъ коихъ краснѣлъ самъ *лѣтописецъ* при первомъ прочтеніи своей *хроники*. Онъ приметъ всѣ предосторожности, чтобы впредъ *Современникъ* не приносилъ его въ жертву ни читателямъ, ни порицателямъ своимъ. Многое въ *Хроникѣ* не досказано. многое не приведено вполнѣ, напр. стихи всѣмъ извѣстные, кои надлежало бы привести сходно съ оригиналомъ, а не полстрокою. Иностранныя цитаты съ ошибками въ правописаніи и даже иногда безъ смысла. Всего досаднѣе, что то, чтó всего любопытнѣе для читателей, не признано достойнымъ къ напечатанію; напр. письмо Французской Директоріи къ *Шиллеру*, письмо Виланда о первомъ свиданіи съ Гёте. И какъ переведены Нѣмецкія цитаты, напр. приведенныя слова Іоанна Мюллера на стр. 31-й! Переводчикъ не понялъ ихъ. Онъ сказалъ: «Это заставляло меня забывать большую часть моего собственнаго времени», вмѣсто: «Я могъ почти забывать *мое* время!» Кто отгадаетъ мысль Миллера! И зачѣмъ переводить въ другой разъ, когда я уже выразилъ ее въ текстѣ? Вся эта страница, до моихъ занятій въ Московскомъ Архивѣ относящаяся, непонятна, ибо многое выпущено. Но *Современникъ* думаетъ только забавить своихъ читателей, хотя бы и на счетъ добродушнаго Лѣтописца...

Напечатано съ современнаго списка, сохранившагося въ бумагахъ А. Я. Булгакова, пріобрѣтенныхъ въ 1865 году Н. С. Киселевымъ и сообщенныхъ имъ въ „Русскій Архивъ“. П. Б.

***) Сочиненіе самаго А. И. Тургенева. П. Б.**

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА.

I.

РОСТОВСКАЯ „САТИРА“ 1800 ГОДА.

Вскорѣ по восшествіи своемъ на Русскій престолъ, императоръ Павелъ I строжайше повелѣлъ, чтобы губернаторы доносили ему, „отнюдь не рѣже, какъ два раза въ мѣсяцъ“, самымъ обстоятельнымъ образомъ о всѣхъ наиболѣе „замѣчательныхъ происшествіяхъ“. Губернаторы исполняли этотъ высочайшій приказъ на основаніи донесеній исправниковъ и городничихъ; но послѣдніе часто затруднялись различать крупное отъ мелкаго, важное отъ пустого. Случались курьезныя исторіи. Къ числу ихъ относится „*Дѣло о сочиненной Ростовскимъ купеческимъ сыномъ Милютинъ сатирѣ*“. Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ.

31 Іюля 1800 г. Ростовская городская полиція донесла Ярославскому губернатору, тайному совѣтнику Николаю Ивановичу Аксакову, что „съ 13-го по 30-е Іюля въ городѣ Ростовѣ пожаровъ и скотскихъ падежей не имѣлось, а равно и никакихъ важныхъ и заслуживающихъ вниманія происшествіевъ (sic) не происходило, и противныхъ узаконеніямъ поступокъ не усмотрѣно, и жалобъ ни отъ кого не было, кромѣ того, что оказался виновнымъ въ сочиненіи сатирической пѣсни Ростовскій купеческій сынъ Андрей Милютинъ, о коемъ и слѣдствіе производится“.

Злополучнаго „сатирика“ засадили въ тюрьму, изъ которой, въ Сентябрѣ того-же года, онъ послалъ къ Аксакову слѣдующее прошеніе:

„Небезъизвѣстно вашему высокопревосходительству, по докладу къ вамъ дошедшему отъ здѣшняго города г-на городничаго Горбунова, о выданной (sic) моей руки сего-жъ города купеческому сыну Василію Разсыльщикову сатирическаго сочиненія. По чистой совѣсти и по долгу присяги я сіе и объяснилъ минувшаго Іюля 23 числа въ градской полиціи; но онъ, господинъ городничій, меня содержитъ, яко закону преступника, съ прочими тому подобными въ тюремномъ сидѣніи и тѣмъ хочетъ причинить мнѣ, по комерціи нашей купеческой, раззореніе, отчего я уже чрезъ столь долгое содержаніе въ тюремномъ сидѣніи получаю немалое раззореніе“.

„Воззрите, нашъ щедрый отецъ, и не лишите законнаго вашего покровительства, которымъ я и вся Ярославская губернія обязаны пользоваться, повинуясь истиннымъ и закона исполнительнымъ (sic) вашимъ повелѣніямъ.

Но я, и по насланному въ означенную полицію отъ вашего высокопревосходительства предложенію, вторично былъ спрашиванъ прошедшаго Августа 31 числа, что точно-ль та сатирическая бумага отъ меня была выдана умышленно; но я тоже утверждалъ, что истинно она выдана безъ всякого злого умысла, которая тоже нигдѣ мною въ настоящее дѣйствіе произведена не была. Все сіе я, по долгу присяги, и объяснилъ той полиціи справедливо; но оная полиція, принявъ отъ меня объясненіе, рѣшенія своего не оказываетъ, почему и прошу у вашего высокопревосходительства, милостиваго и законнаго покровителя, дабы я чрезъ сіе долгое сидѣніе въ тюрьмѣ уже не могъ и совсѣмъ лишиться купеческой комерціи и прійти тѣмъ въ крайнее раззореніе и убожество, а тѣмъ-бы чрезъ то и постороннимъ не доставить вящшаго убытку.

„Воззри, щедрый отецъ, на дѣланное мнѣ отъ г-на Ростовскаго городничаго столь великое притѣсненіе и не лиши пользоваться вашего высокопревосходительства щедрою защитою, которой съ нетерпѣливостью ожидать буду. Къ сему прошенію Ростовскій купеческій сынъ *Андрей Петровъ Милютинъ* руку приложилъ“.

Ярославское Губернское Правленіе потребовало отъ Ростовской городской полиціи вѣрную копію съ означенной „сатиры“ вмѣстѣ съ объясненіемъ: кто именно пострадалъ отъ сего произведенія, на кого были устремлены „сатирическія стрѣлы?“ Въ отвѣтѣ значилось, что, по словамъ самого сочинителя, онъ „написалъ сію сатирическую пѣсню на купеческую жену Анисью Кузнецову, на канцеляриста Дмитрія Романова, на маіоровъ Внукова, Кудрявцева и на коллежскаго ассесора Озерова“. Далѣе Милютинъ показалъ, что „сочиненная имъ пѣсня писана на вышеименованныхъ людей безъ всякаго умысла, и что оное сочиненіе отъ него послѣдовало единственно въ пьянствѣ, а для любопытства отдано было купеческому сыну Василью Разсыльщикову“.

Въ чемъ-же, спрашивается, состояли вирши, взволновавшіе чиновный людъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ, начиная съ маленькихъ приказныхъ и кончая крупною персоною, губернаторомъ? Увы! Мы не можемъ удовлетворить любознательности современнаго читателя. Вся „сатира“, состоящая лишь изъ 13-ти строчекъ, содержитъ въ себѣ столько-же, если не болѣе, крѣпкихъ словцовъ. Отъ нихъ не отказался-бы и знаменитый эротическій (тогда уже покойный) поэтъ Иванъ Семеновичъ Барковъ; да и тотъ, конечно, внушилъ-бы своему подражателю Ростовскому сатирику, что, описывая похожденія туземныхъ гетеръ съ ихъ поклонниками, все-таки нужно владѣть стихомъ и покоряться риѳмѣ...

Какъ-бы то ни было, копіи „сатиры“ были приложены къ дѣламъ, производившимся о Милютинѣ въ Ростовской полиціи, въ тамошнемъ Магистратѣ и въ Ярославскомъ Губернскомъ Правленіи. Сіе послѣднее сдѣлало

полиціи выговоръ за то, что она, въ противность указа 10 Февраля 1763 года, содержала его слишкомъ два мѣсяца въ острогѣ, не передавая дѣла о немъ въ Магистратъ, на его рѣшеніе.

Магистратъ рѣшилъ (донесеніе Губернскому Правленію отъ 28 Ноября 1800 г., № 1114) такъ: „Хотя объявленный купеческій сынъ Милютинъ, за сочиненіе сатирической пѣсни, и подлежалъ-бы изображенному въ Воинскомъ 149 Артикулѣ взысканію; но какъ онъ сіе сдѣлалъ безъ всякаго намѣренія, единственно въ пьянствѣ, которое (т. е. сочиненіе), въ тоже время, самъ онъ, не сказывая никому, чрезъ отсылку къ надзирателю Лупандину обнаружилъ, а потому и помянутые въ немъ люди ничего къ обидѣ ихъ относящагося не ищутъ. Въ разсужденіе чего и уважая долговременное его по сему дѣлу подъ карауломъ содержаніе, вмѣнивъ оное въ чувствительное ему наказаніе, освободить отъ сего дѣла (и освобожденъ); а при томъ внушено ему, съ должною подпискою, чтобъ онъ впредъ таковыя пѣсни сочинять не отваживался, иначе подвергнетъ себя неминуемому, по законамъ, наказанію, т. е. будетъ бить батогами нещадно“. Объ этомъ рѣшеніи чрезъ Ярославскаго губернатора доведено было до свѣдѣнія высочайшей власти. Вѣроятно, императоръ Павелъ I милостиво разсудилъ, что „сатирикъ“ Милютинъ, просидѣвшій въ острогѣ 13 недѣль, ровно по недѣлѣ за каждую строчку, подсказанную ему легкомысленною Музою, наказанъ вполнѣ достаточно.

II.

АРАКЧЕЕВСКІЕ ПЛОТНИКИ.

(Два письма графа А. А. Аракчеева къ А. М. Безобразову).

Въ нашихъ бумагахъ нашлись два письма графа Алексѣя Аракчеева, касающіяся до его домохозяйства въ селѣ Грузинѣ. Въ концѣ 1823 г. понадобились Аракчееву плотники. Ярославскій губернаторъ А. М. Безобразовъ, желая сдѣлать услугу всесильному временщику, доложилъ ему (совершенно справедливо), что самые лучшіе плотники живутъ въ Николокормской волости, Рыбинскаго уѣзда. Аракчеевъ согласился имѣть у себя, въ Грузинѣ, артель этихъ рабочихъ и, по его приказанію, губернаторъ предписалъ Рыбинскому исправнику (5 Января 1824 г., № 40) нанять 50 плотниковъ. „Оставя всѣ дѣла“, исправникъ обязанъ былъ исполнить это „самое важнѣйшее дѣло“. „Поставляю о семъ вамъ на видъ (строго писалъ Безобразовъ). Поручаю вамъ отправиться въ означенную волость и наблюсти: 1) дабы плотники избраны были знающіе свое мастерство и благонадежные, а малолѣтнихъ отнюдь-бы не было; 2) дабы непремѣнно отправлены были плотники въ свое время, такъ чтобы къ 1-му числу Апрѣля были уже въ селѣ Грузинѣ“, и т. д.

Аракчеевъ прислалъ, для выдачи рабочимъ, въ задатокъ 1,300 р., а губернаторъ „почтительно" сообщилъ графу, что сихъ денегъ получено съ избыткомъ. „Ваше сіятельство доставить изволили 1,300 рубл. безъ вычета *лажа*, который въ Ярославской губерніи существуетъ по 8 коп. на рубль; а потому излишне-доставленные 104 рубля имѣю честь обратно у сего вашему сіятельству представить, съ глубокимъ чувствомъ уваженія..." и т. д. Такимъ-то, вотъ, образомъ Ярославскій губернаторъ и сберегъ для обильной графской казны слишкомъ сто рублей. Оказывается, что въ доброе старое время рублевая ассигнація стоила, при размѣнѣ ея на серебро, 92 коп. Курсъ, какъ читатель видитъ, не совсѣмъ „современный."

Предусмотрительность губернатора, а еще болѣе безукоризненные труды плотниковъ вполнѣ заслужили одобреніе Аракчеева. и онъ удостоилъ Безобразова слѣдующимъ письмомъ.

„Милостивый государь мой Александръ Михайловичъ!

Въ надеждѣ на собственное обѣщаніе вашего превосходительства, я вновь адресуюсь къ вамъ съ моею просьбою о наймѣ мнѣ на будущее лѣто опять хорошихъ плотниковъ 50 человѣкъ, такъ чтобы они прибыли въ Грузино, если можно, къ 1-му, но не позже уже 15-го Апрѣля, чѣмъ обяжете меня новою вамъ благодарностію; на задатки-же симъ людямъ я препровождаю при семъ къ вашему превосходительству 2000 рубл. ассигнаціями, прося покорно о полученіи оныхъ меня увѣдомить. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, *графъ Аракчеевъ*".

И эти рабочіе отлично трудились въ с. Грузинѣ; тамъ они заработали хорошія деньги. Подтвержденіемъ сему служитъ нѣсколько безграмотное (какъ автографъ) письмо Аракчеева отъ 8 Октября 1825 года.

„Милостивый государь Александръ Михаиловичъ!

По окончаніи работъ нанятые посредствомъ вашего превосходительства плотники отпущены обратно, и я почелъ обязанностію моею принести вамъ, милостивый государь, мою благодарность и увѣдомить васъ при томъ, что расчетъ съ ними въ работахъ сдѣланъ, который у сего къ вамъ прилагается; вы увидите изъ онаго, что они въ теченіи лѣта заработали всего денегъ 9366 руб. 98 к., которые имъ и выданы сполна.

Работою какъ сихъ мастеровыхъ, такъ и поведеніемъ самого подрядчика, остаюсь *весьма доволенъ*, за что повторяя вамъ мою благодарность, прошу позволенія, дабы я могъ и для будущаго лѣта опять безпокоить васъ моею просьбою о наймѣ мнѣ нужныхъ мастеровыхъ, чѣмъ одолжите пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнаго слугу. *Графъ Аракчеевъ*".

Въ слѣдующемъ 1826 году обстоятельства совершенно измѣнились: Аракчеевъ, лишившись Александра I, уже не смѣлъ потребовать въ свое Грузино отъ Ярославскаго губернатора рабочихъ, и вотъ тотъ-же самый А. М. Безобразовъ увидалъ въ немъ лишь богатаго помѣщика, а не государственнаго дѣятеля: рабочіе изъ Рыбинскаго уѣзда не были отправлены въ село Грузино.

III.

О ВНЕЗАПНО-СГОРАЕМЫХЪ ТѢЛАХЪ ЖИВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Подъ такимъ курьезнымъ названіемъ имѣется въ одномъ изъ Ярославскихъ архивовъ дѣло, начавшееся въ 1829 г. Извлекаемъ изъ него слѣдующій, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не бывшій въ печати циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (управленіе гражданскаго генералъ-штабъ-доктора, столъ 2, отъ 21 Іюня 1829 г., № 2099).

„Господину Ярославскому гражданскому губернатору.

По приказанію г. управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, честь имѣю препроводить при семъ къ вашему превосходительству, для надлежащаго исполненія, экземпляръ предписанія, даннаго гг. гражданскимъ губернаторамъ отъ 11-го текущаго Іюня, по предмету доставленія въ Академію Наукъ свѣдѣній о событіяхъ внезапного сгоранія тѣлъ живыхъ людей.

Исправляющій должность генералъ-штабъ-доктора *С. Громовъ*.

Генералъ-штабъ-лекарь *Д. Тарасовъ*“ *).

Циркуляръ (за № 359) имѣетъ слѣдующее содержаніе.

„Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ Петровъ представилъ конференціи сей Академіи двѣ первыя главы предполагаемаго имъ къ изданію сочиненія подъ названіемъ: „*О многихъ событіяхъ внезапнаго загоранія и дѣйствительнаго сгоранія тѣла живыхъ людей, а особливо пристрастныхъ винопійцъ, съ положеніемъ вѣроятнѣйшихъ причинъ сего достопримѣчательнѣйшаго и купно плачевнаго явленія*“, проситъ о доставленіи ему оффиціальныхъ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ приключеніяхъ сего рода, кои въ государствѣ нашемъ происходили, дабы чрезъ то онъ могъ получить нѣкоторыя поясненія по сему предмету, и чтобы врачебныя управы и градскія полиціи въ донесеніяхъ своихъ о событіи внезапнаго сгоранія тѣлъ излагали: годъ, мѣсяцъ, день, самое мѣсто событія, образъ прошедшей жизни человѣка, его званіе, лѣта отъ роду, поврежденіе горючихъ веществъ, находившихся въ одномъ мѣстѣ съ сгорѣвшимъ тѣломъ, остатки онаго, очевидныхъ свидѣтелей при самомъ началѣ событія и проч.; а также, чтобы таковыя свѣдѣнія свидѣтельствуемы были, по объявленіи, членами врачебныхъ

*) Авторъ любопытныхъ „Записокъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“. Л. Т.

управъ и полицейскими чиновниками, и письменными донесеніями доводимы были до свѣдѣнія высшаго своего начальства, въ архивѣ котораго оныя могутъ надежнѣе сохраняться для какого-нибудь полезнаго употребленія въ свое время.

Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, по уваженію ходатайства о семъ Академіи Наукъ, отношеніемъ отъ 31 минувшаго Маія, проситъ содѣйствія моего въ предписаніи кому слѣдуетъ, дабы свѣдѣнія о приключеніяхъ сказаннаго рода были доставляемы въ Академію Наукъ со всѣми выше изъясненными поясненіями и удостовѣреніями и ежели гдѣ-либо имѣются уже таковыя, то сообщить ихъ немедленно.

Вслѣдствіе таковаго ходатайства г. министра народнаго просвѣщенія, я поручаю вашему превосходительству предложить къ точному и непремѣнному выполненію всего вышеизложеннаго врачебной управѣ высочайше ввѣренной управленію вашему губерніи, а равно и другимъ мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе относится будетъ.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ *Ф. Енгель.*

Исправляющій должность генералъ-штабъ-доктора *С. Громовъ.*

Генералъ-штабъ-лекарь *Д. Тарасовъ*".

Хотя Ярославцы (наши дѣды и отцы) никогда не создавали обществъ трезвости, но, къ счастію, и не доходили до самовозгоранія, „сего достопримѣчательнаго и купно плачевнаго явленія". По крайней мѣрѣ, отъ Ярославскаго губернскаго начальства послѣдовалъ въ Академію Наукъ отрицательный отвѣтъ.

IV.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И БАРЫНЯ-КРѢПОСТНИЦА.

До какой степени императоръ Николай Первый строго соблюдалъ законность, даже по отношенію къ крѣпостному праву, это видно изъ слѣдующаго случая, происшедшаго въ Мартѣ 1849 года.

Государь прогуливался по Невскому. Вдругъ передъ нимъ упалъ на колѣни молодой, очень высокаго роста человѣкъ, одѣтый „по городскому". Государь нахмурился, не любя уличныхъ, „единичныхъ" челобитій.

— Кто ты? О чемъ просишь? спросилъ онъ строго.

— Крестьянинъ я, Ваше Императорское Величество. Прошу, чтобъ меня взяли, хоть сейчасъ-же, въ солдаты.

— Встань! милостиво сказалъ Государь, которому приглянулся Русскій молодецъ („добровольцевъ" тогда было немного; всѣ, какъ огня, боялись „красной шапки").

— Желаю служить въ гвардіи! продолжалъ „доброволецъ", опять припадая къ царскимъ стопамъ.

— Встань-же, тебѣ говорятъ! Ты государственный, или „мой" (то-есть „удѣльный")?

— Крѣпостной, Ваше Императорское Величество, изъ Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, г-жѣ Петровой принадлежу.

— Жаль, что ты не „мой", а барскій: нужно испросить сначала согласіе твоей госпожи. Дожидайся ея рѣшенія. Иди съ Богомъ! Я справлюсь о тебѣ.

Справка была сдѣлана чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, который (21-го Марта 1849 г., за № 296) сообщилъ Ярославскому губернатору Бутурлину слѣдующее:

„Крестьянинъ Ярославской губерній, Мологскаго уѣзда, дер. Посошниковъ, помѣщицы Петровой, Яковъ Кондратьевъ лично утруждалъ Государя Императора просьбою объ опредѣленіи его въ военную службу. Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: объявить, что если г-жа Петрова пожелаетъ отдать въ военную службу вышеупомянутаго крестьянина Кондратьева, то за него будетъ выдана зачетная квитанція. О таковой монаршей волѣ увѣдомляя ваше превосходительство для объявленія объ оной помѣщицѣ Петровой, прошу о послѣдующемъ мнѣ донести. *Перовскій*".

Началась, какъ водится, долгая переписка, безъ чего не шли дѣла, возбуждаемыя даже по высочайшимъ повѣленіямъ. Произошла путаница; оказалось, что въ Мологскомъ уѣздѣ имѣлись двѣ госпожи Петровы: Настасья Якимовна и Ольга Павловна. Обратились къ первой. Она отвѣчала, что, хотя и желала-бы исполнить августѣйшую волю, да не можетъ, по той вполнѣ уважительной причинѣ, что крестьянинъ Яковъ Кондратьевъ принадлежитъ не ей, а другой госпожѣ Петровой". Такъ объяснила Настасья Якимовна, по безграмотности, за рукоприкладствомъ своего сына.

Между тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій сдѣлалъ выговоръ губернатору Бутурлину (4 Августа 1849 г., № 3,968), какъ онъ можетъ быть до такой степени безпеченъ, что и высочайшія повелѣнія не исполняются быстро и въ точности. Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ нѣсколько струхнулъ и принесъ Перовскому оправданіе (20 Августа 1849 г., № 5,914). Наконецъ, нашли въ Москвѣ „дѣйствительную собственницу", титулярную совѣтницу Ольгу Павловну Петрову (по мужѣ Розонову), и она, въ Декабрѣ 1849 г., чрезъ посредство квартальнаго надзирателя, написала героически такъ: „Крестьянина Ярославской губерній Мологскаго уѣзда, деревни Песошниковой, Якова Кондратьева по малому семейству, отдать въ военную службу *желанія вовсе не имѣю*, и тѣмъ болѣе, что явился ко мнѣ лично крестьянинъ мой Кондратій Ѳедоровъ (а его отецъ), съ просьбою о томъ, что, за старостію его лѣтъ, сыномъ его Яковомъ Кондратьевымъ только и можетъ быть поддерживаема сельская хозяйственная жизнь".

На докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о таковомъ рѣшеніи Мологской барыни Государь написалъ: „*Быть по сему*".

Такимъ-то образомъ, въ силу законовъ о крѣпостномъ правѣ, гвардія всемогущаго Императора Николая Перваго лишилась одного тѣлохранителя: Царь не рѣшился взять его у барыни-крѣпостницы.

V.

„ЯКОБЫ ЯВЛЕННАЯ ИКОНА".

(Историческій случай).

Названіе настоящей исторіи придумано не нами. Оно взято съ заголовка архивнаго дѣла, въ которомъ главными дѣйствующими лицами были: народное невѣжество, зависть и сребролюбіе, олицетворенныя бабами-кликушами и другими особами, а кѣмъ именно, сейчасъ узнаемъ.

Мѣсто, гдѣ происходила эта исторія, деревня Дѣдилово, Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, время—1830 годъ. Тогда въ названномъ селеніи, принадлежавшемъ помѣщику Бѣдареву, проживала крестьянка Елена Михайлова, одна изъ тѣхъ несчастныхъ страдалицъ, у которыхъ нервы разстроены до послѣдней степени, почему онѣ и психопатками оказываются и разныя чудесныя явленія, недоступныя взору обыкновенныхъ здоровыхъ людей, видятъ, ни мало не сомнѣваясь въ ихъ дѣйствительности.

Повинуясь гласу нѣкоей таинственной личности, эта женщина-кликуша нашла въ полѣ, близъ своей деревни, образъ Казанской Божіей Матери, помолилась съ вѣрою и выздоровѣла. Слухъ о томъ достигъ мѣстнаго священника, который служилъ у нея въ домѣ благодарственныя молебствія, получая отъ нея за свой трудъ лепты въ надлежащемъ количествѣ, но потомъ вознегодовалъ на „женку" Елену: ибо до его свѣдѣнія дошло, что она скупится, мало за молебны платитъ; отъ народа, стекавшагося къ ней на поклоненіе „якобы явленной иконѣ", сама взимаетъ серебряные рубли, а ему, священнику съ причтомъ, удѣляетъ только мѣдныя гривны...

Вскорѣ послѣдовалъ доносъ архіепископу Ярославскому и Ростовскому Авраамію, а сей владыка обратился къ губернатору К. М. Полторацкому съ требованіемъ произвести надлежащее слѣдствіе чрезъ земскаго исправника; причемъ, основываясь на рапортѣ отца благочиннаго, священника Филиппа, архіерей особливо настойчиво указывалъ, что владѣлецъ дома (гдѣ обрѣтается сія, якобы явленная или чудотворная икона), крестьянинъ Ѳедоръ Ивановъ получаетъ отъ оной иконы мзду великую: ибо „съ послѣднихъ чиселъ Іюля мѣсяца сего (1830) года стекается къ нему, Ѳедору Иванову, народъ въ немаломъ количествѣ, и не изъ ближнихъ уже мѣстъ, для поклоненія вышерѣченной

мѣдной небольшой иконѣ Казанскія Божіей Матери, отъ чего, *полагать можно*, получается въ томъ домѣ немалый прибытокъ отъ свѣчъ, холста и прочаго" [1]).

Къ сему документу, кажется, нечего прибавлять: ясно, что въ описываемомъ здѣсь архивномъ дѣлѣ, сверхъ невѣдомыхъ таинственныхъ силъ, обнаружилась и другая, вещественная сила, въ видѣ свѣчей, холста и тому подобныхъ предметовъ, жертвуемыхъ народнымъ благочестіемъ въ пользу владѣльцевъ какъ дѣйствительно, такъ и „якобы" чудотворныхъ иконъ. Для „задержанія" одной изъ таковыхъ „во исполненіе губернаторскаго предписанія" [2]), и прилетѣлъ господинъ Даниловскій исправникъ Пазухинъ [3]).

Не медля ни минуты, онъ направилъ свои стопы въ избу крестьянина Ѳедора Иванова и „тамъ въ особенной горенкѣ нашелъ, вмѣстѣ съ прочими образами, небольшой мѣдный образъ Казанскія Божіей Матери, на коемъ еще сверху (изображены) лики Живоначальныя Троицы и Господа Саваоѳа. И повѣшенъ на томъ же образѣ серебряный крестъ, предъ коимъ горѣли двѣ небольшія свѣчи и лампада". Исправникъ спросилъ домашнихъ:—Что̀ это за образъ? Откуда онъ взялся? Показывайте по сущей правдѣ, памятуя, что за ложное показаніе всѣ будутъ строго наказаны.

Допросъ начался съ „женки" Елены Михайловой. „Допросные и отвѣтные пункты" гласятъ, между прочимъ, слѣдующее:

— Была-де я лѣтъ десять одержима припадочною болѣзнію, а отъ нечистаго-ли духа, или по наговору злыхъ людей та болѣзнь произошла, доподлинно не знаю.

— Во время припадковъ ты кликала?

— Случалось, что и кликала.

— Гдѣ? У себя дома, или въ церкви, во время богослуженія?

— Чаще кликала у себя въ избѣ, по праздникамъ; въ церкви-же этотъ грѣхъ рѣдко со мной случался. Развѣ ужъ больно разнеможешься: къ сердцу тоска приступитъ, какъ змѣя сосетъ. Тогда и въ селѣ Богородскомъ (что̀ въ Торчищевѣ) я кликала, по бѣсовскому навожденію.

— Въ твоихъ словахъ видится явное противорѣчіе. Сначала ты отозвалась невѣдѣніемъ, кто причинилъ тебѣ оную болѣзнь: врагъ-ли рода человѣческаго діаволъ, или злые люди? А теперь прямо ссылаешься на діавола. Укажи, если можешь, на „заговорщицъ". Кто онѣ?

Вопросъ остался юридически-неразрѣшеннымъ, ибо „женка" Елена Михайлова отозвалась „запамятованіемъ". Нервозная „женка" не пожелала обвинить въ нанесеніи ей жестокихъ физическихъ и нравственныхъ мукъ ни своихъ сосѣдокъ, ни духа тьмы, котораго, по его словамъ, хотя и старался изгнать приходскій священникъ, но безъ особеннаго успѣха: у боль-

---

[1]) Оффиціальное письмо отъ 3 Сентября 1830 г., за № 538.

[2]) Отъ 8 Сентября 1830 г., № 2614.

[3]) Лице историческое, сдѣлавшееся *лично-извѣстнымъ* императору Николаю Павловичу въ 1831 году, во время путешествія его по Ярославской губерніи.

ной, послѣ заклинаній, сердце замирало по прежнему, а случалось, что и облегченіе наступало... Наконецъ недѣли за двѣ до праздника „Казанской" („бывшаго 8-го Іюля сего 1830 года", обстоятельно занесъ въ „допросные пункты" слѣдователь-исправникъ), „женка Елена Михайлова сдѣлалась больна страшною изжогою и тошнотой въ сердцѣ (sic). И лежала она однажды въ сѣняхъ на постелѣ одна, по утру, еще до восхода солнца. И вдругъ видитъ: является къ ней, Богъ вѣсть откуда, неизвѣстная дѣвица въ бѣлой повязкѣ"...

— Припомни точно число, когда случилось сіе сновидѣніе? допросилъ исправникъ.

— Числа не помню, не знаю... Будетъ такъ, полагаю, что ровно за три дня до „Казанской". Только я видѣла эту самую неизвѣстную дѣвицу никакъ не во снѣ, а на-яву.

— Въ твоихъ показаніяхъ усматривается вновь явное противорѣчіе: сейчасъ сама-же ты говорила, что дѣло происходило до солнечнаго восхода, слѣдовательно въ темнотѣ. Какимъ-же образомъ ты могла видѣть, что къ тебѣ явилась дѣвка? Почему не баба?

На сей допросный пунктъ Елена Михайлова отвѣчала, что „разсудилось ей такъ *на основаніи одежды* оной неизвѣстной личности, внезапно подошедшей къ ея постели: бабы такъ не одѣваются". Разглядѣть-же ее она легко могла, потому что лѣтомъ „заря съ зарей сходится", и въ томъ особеннаго чуда она не усматриваетъ. Далѣе, допрашиваемая „женка" показала, что въ избѣ (а не въ сѣняхъ) находилась только ея невѣстка Ирина Степанова; остальныхъ-же домашнихъ никого не было, ни мужиковъ, ни бабъ: всѣ ушли въ поле на работу.

— Какой-же разговоръ ты вела съ оной (допустимъ по твоему) дѣвкой?

— Я испугалась и ни о чемъ съ ней не говорила; она-же мнѣ сказала только: „Иди въ поле прогуляться и послѣ будешь здорова".... Сказавъ это, она скрылась, неизвѣстно куда.

Выписываемъ, далѣе, показаніе Елены Михайловой во всей его наивной точности, соединенной съ канцелярскимъ языкомъ, со словъ полицейскаго дознанія:

„Вскорѣ послѣ сего я (Михайлова), пошедъ въ ржаное поле, за овины и остановясь за однимъ изъ оныхъ, принадлежащимъ сосѣду нашему, крестьянину Василью Денисову, на пролегающей тутъ дорогѣ стала усердно, со слезами, молиться на церковь села Богородскаго и нечаянно увидала въ правой сторонѣ отъ дороги, на травѣ, называемой „метелка", вышиною отъ земли четверти двѣ, стоявшимъ означенный маленькій мѣдный образъ, и въ то самое время почувствовала себя отъ болѣзни совсѣмъ здоровою".

Вопросъ. Какъ ты поступила далѣе съ сей „якобы" чудотворною иконою: сама-ли собственноручно отнесла оную къ себѣ въ избу, или инымъ образомъ сей переносъ учинила? И кому ты разгласила касательно явленія иконы?

Отвѣтъ. Сама по себѣ взять я не осмѣлилась, а сходила за помянутой невѣсткой моей Ириной Степановой и съ ней, не объявивъ прежде никому, возвратилась въ домъ. Несла-же икону невѣстка Степанова. Потомъ уже я объявила прочимъ домашнимъ и сосѣдямъ, а на другой день объявила приходскому села Богородскаго, что̀ въ Торчищевѣ, священнику Дмитрію. Больше никому я разглашеній не учиняла.

Вопросъ. Какъ-же отецъ Дмитрій отнесся къ твоему заявленію, то-есть, повѣрилъ-ли онъ тебѣ, что дѣйствительно все такъ происходило, какъ ты показываешь, или принялъ твое показаніе за выдумку?

Отвѣтъ. По просьбѣ моей, а равно и моихъ домашнихъ, отецъ Дмитрій въ домѣ нашемъ служилъ со всѣмъ причтомъ молебенъ благодарственный за исцѣленіе меня отъ кличанія.

Вопросъ. „Кликали", кромѣ тебя, и другія? Если „кликали", то что̀ на на самомъ дѣлѣ произошло съ бѣсновавшимися? И какъ народъ о томъ узналъ?

Отвѣтъ. Послѣ того чрезъ два дня, или чрезъ три дня (не запомню въ точности), бывшая, какъ и я больною и какъ-бы бѣснующеюся, нашей же деревни крестьянская женка Прасковья Елисѣева, помолившись показанному найденному образу Казанскія Божіей Матери, отъ одержимой ея болѣзни выздоровѣла. По таковому исцѣленію обѣихъ насъ якобы *) отъ онаго образа и по странному, сверхъ травы, его найденію, по слухамъ начали приходить въ домъ ихъ для поклоненія тому образу изъ сосѣднихъ деревень и изъ мѣстъ, разстояніемъ верстъ на пятьдесятъ и болѣе, но однѣ лишь женщины, изъ коихъ иныя одержимы были также какими-либо болѣзнями".

Къ чести исправника слѣдуетъ замѣтить, что онъ не дозволилъ себѣ пускаться въ медицинскіе вопросы о сущности „какихъ-либо" болѣзней. Онъ былъ, во 1-хъ, не медикъ; во 2-хъ, что̀ ему за дѣло было обвинять въ притворствѣ бабъ-кликушъ? Наконецъ, самъ мѣстный батюшка, отецъ Димитрій, не отрицалъ, что бабы дѣйствительно болѣли отъ „злаго духа", для изгнанія коего и чинились имъ, священникомъ Дмитріемъ, неоднократныя „отчитыванія". О стоимости сихъ послѣднихъ въ нашихъ документахъ никакихъ точныхъ свѣдѣній не сохранилось: какъ отецъ Дмитрій, такъ и весь церковный причтъ с. Богородскаго, что̀ въ Торчищевѣ, конечно, уклонились дать прямой отвѣтъ на сей деликатный вопросъ.

Исправникъ Пазухинъ обратился къ Еленѣ Михайловой съ дополнительнымъ вопросомъ въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) Исправникъ, конечно, прибавилъ это словцо („якобы") отъ себя: не могла-же такъ выражаться бѣдная безграмотная баба-психопатка. Но мы, подобно древнимъ лѣтописцамъ, излагаемъ „дѣло сіе", „не мудрствуя лукаво", дѣлая исключеніе только относительно Русской грамотности. Л. Т.

— Не получала-ли ты, вмѣстѣ съ твоими домашними, какой-либо выгоды отъ „вышеозначенной“ иконы, вслѣдствіе желанія получить что-либо на бѣдность?

Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный: „наша-де семья живетъ въ довольствѣ, чужимъ хлѣбомъ не питается, своими полотнами и новиной одѣвается, а если, ради явленной и чудотворной иконы, мнѣ и подносили новину, то не цѣльную, а кусками, лоскутьями, коихъ и продано мною всего рублей на пять, не болѣе, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи времени, по усердію, и на мои собственныя деньги, сдѣлать на образъ сей кіоту“.

— Въ заключеніе сихъ показаній, безъ малѣйшей утайки истины, долженствуешь ты, Елена Михайлова, отвѣчать на мой послѣдній вопросный пунктъ: кто принесъ тебѣ тотъ серебряный крестъ, который имѣется на „якобы“ чудотворномъ образѣ?

— Доподлинно мнѣ неизвѣстно, кѣмъ именно тотъ святой крестъ на ту святую и чудотворную икону-образъ повѣшенъ изъ числа приходившихъ для поклоненія. Болѣе же никто ничего не приносилъ, и я, равно мои домашніе, отъ того никакого прибытка не имѣли, и свѣчъ не продавали; а если священникъ нашего села Богородскаго, или его высокоблагословеніе отецъ благочинный Филиппъ изъ села Новаго, что́ въ Полевѣ, показываютъ на меня, то все ложно. Виновною себя въ церковной татьбѣ не признаю.

Быть можетъ, исцѣленная кликуша произнесла рѣчь болѣе строгую, болѣе живую, чѣмъ та рѣчь, которая приведена нами, согласно съ архивными документами, не знаемъ... Исправникъ Пазухинъ, человѣкъ правдивый, благодушный и вѣрующій, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ (какъ говорится) „не храбраго десятка“, засвидѣтельствовалъ предъ нами—архивными дѣльцами—въ своемъ дальнѣйшемъ сказаніи, т. е. въ рапортѣ Ярославскому губернатору, что „съ таковымъ показаніемъ ея (Елены Михайловой) относительно объявленія ею, Михайловою, о являвшейся къ ней дѣвицѣ и найденіи образа, равно выздоровленіи ея и еще женки Прасковьи Елисѣевой, вскорѣ по найденіи онаго (образа), согласно показали и домашніе ея, какъ-то свекоръ Ѳедоръ Ивановъ, мужъ Денисъ Ѳедоровъ и невѣстка Ирина Степанова“. Всѣ они подтвердили дословно, что икона чудотворная, явленная, что въ нее увѣровали не токмо одни простолюдины, но и два попа Филиппъ и Дмитрій изъ сёлъ Новаго и Богородскаго; что Елена Михайлова „подлинно была больна припадками годовъ десять и предъ праздникомъ Казанской Божіей Матери не выходила уже изъ дома, по случаю сильной боли въ сердцѣ“. Затѣмъ Ирина Степанова припомнила подлинно: „По объявленію невѣстки моей Михайловой о видѣніи ею дѣвицы и найденіи, послѣ того вскорѣ, за овиномъ крестьянина Василья Денисова онаго образа, ходила она на то мѣсто съ нею (Еленою) и взяла образъ сама; а тотъ образъ подлинно стоялъ на непогнувшейся травѣ, называемой „метелка“, вышиною четверти въ двѣ; а по сему случаю и по скорому выздоровленію Елены Михайловой отъ болѣзни всѣ мужики, бабы и дѣвки и почитали оный образъ

явленнымъ и чудотворнымъ"... „О каковыхъ обстоятельствахъ мною и отобраны отъ всѣхъ допросы".

Затѣмъ въ умѣ исправника явилась мысль: какъ поступить съ „якобы" явленною и чудотворною иконою? Арестовать ее, или не арестовать? Для совѣщанія по сему вопросу Пазухинъ обратился къ „другому уму", т. е. къ священнику с. Богородскаго, Дмитрію. Послѣдній сказалъ исправнику:

— Отдайте мнѣ сей образъ.

— Но въ предписаніи господина Ярославскаго губернатора, а также и въ архипастырскомъ сообщеніи къ его превосходительству, сего прямо не значится, поколебался исправникъ: я боюсь въ отвѣтѣ предъ начальствомъ быть.

— Отдайте, прошу васъ, мнѣ подъ росписку, для помѣщенія того образка въ нашу церковь, настаивалъ священникъ: поклоненіе должно быть производимо не въ крестьянской избѣ, а въ святомъ храмѣ.

Исправникъ склонился на этотъ доводъ и приступилъ къ сдачѣ образа подъ росписку священника, думая, что таковая сдача произойдетъ миролюбиво. Однако случилось нѣчто въ родѣ бабьяго бунта, о которомъ исправникъ донесъ губернатору такъ: „Когда священникъ взялъ подъ свою росписку показанный образъ, для перенесенія въ церковь, то женки Михайлова и Степанова, по невѣжеству своему, сдѣлали необыкновенный крикъ и плачъ, болѣе притворный, говоря: „Богородицу описываютъ! Грабители пріѣхали!" Затѣмъ всѣ жители, находившіеся въ то время въ селеніи, *пришли въ волненіе*; а потому, при всѣхъ моихъ убѣжденіяхъ, и не могъ я сдѣлать окончательнаго изслѣдованія о чудесахъ... Впрочемъ, какъ мнѣ уже сдѣлалось, по многому изслѣдованію, извѣстнымъ, никакихъ болѣе чудотвореній отъ оной, якобы явленной, иконы не было. Стеченіе-же народа въ томъ ихъ домѣ бывало не многочисленное и состоящее изъ однѣхъ почти женщинъ также непросвѣщенныхъ"... [1]) Такъ повѣствовалъ „просвѣщенный" господинъ Пазухинъ, скрывшій, къ сожалѣнію, отъ потомства фактъ своего отступленія изъ деревни Дѣдилова передъ грознымъ полчищемъ бабъ и дѣвокъ; ретировался-же онъ, вмѣстѣ со священникомъ, въ село Богородское, если вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, не особенно храбро... Какъ бы то ни было, от. Дмитрій

[1]) Рапортъ исправника оканчивается словами: „Чтó имѣетъ открыться по дальнѣйшему изслѣдованію, вслѣдъ за симъ вашему превосходительству донести не замедлю, а окончательное изслѣдованіе представлено будетъ на разсмотрѣніе куда слѣдуетъ", т. е.. вѣроятно въ Ярославскій Совѣстный Судъ, рѣшавшій тогда дѣла, подобныя описанному, ужасно строго. Въ нашихъ рукахъ есть нѣсколько-старыхъ процессовъ о „кликушахъ": онѣ были наказываемы плетьми, отъ 1-го до 5-ти ударовъ, а затѣмъ ссылались въ Сибирь на поселеніе. Къ сожалѣнію, за неотысканіемъ до сихъ поръ дѣла о героиняхъ настоящаго разсказа, мы не знаемъ, какому наказанію онѣ были подвергнуты по рѣшенію Совѣстнаго Суда. О дѣятельности этого Екатерининскаго учрежденія (конечно, не въ узкихъ предѣлахъ одной Ярославской губерніи, а по всей Россіи) пора-бы нашимъ юристамъ-историкамъ составить обстоятельное изслѣдованіе. Богатый матеріалъ, въ этомъ случаѣ, дадутъ губернскіе архивы. Л. Т.

отвезъ въ свою церковь свою добычу, чая имѣть отъ нея великія милости, и... ошибся въ разсчетѣ, ибо получилъ отъ Ярославской духовной консисторіи указъ съ упрекомъ за несоблюденіе одного повелѣнія Петра Великаго, касавшагося „якобы чудотворныхъ иконъ“. Это видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго письма къ Ярославскому губернатору [1]).

„Ваше превосходительство, милостивый государь!

Получивъ отношеніе в—го п—ства отъ 15-го сего мѣсяца, № 7540, съ приложеніемъ копіи съ рапорта Даниловскаго земскаго исправника, о иконѣ Казанскія Божіей Матери, имѣвшейся въ домѣ деревни Дѣдилова у крестьянина Θедора Иванова, для поклоненія коей стекался народъ въ домъ того крестьянина, и которая нынѣ поставлена въ приходскую села Богородскаго, что́ въ Торчищѣ, церковь, я приказалъ консисторіи объ отобраніи той иконы, при посредствѣ исправника, *для предупрежденія могущаго произойти волненія въ народѣ* и представленіи ея, для храненія, въ архіерейскую ризницу, по силѣ указа 1722 года Февраля 27 дня, предписать мѣстному благочинному. Сообщая о семъ в—му п—ству, покорнѣйше прошу объ откомандированіи г. исправника учинить надлежащее распоряженіе и меня о послѣдствіи увѣдомить.

Авраамъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій“.

Это было писано 18-го Октября, а икона почему-то удерживалась въ церкви еще два мѣсяца слишкомъ, и только въ началѣ Января слѣдующаго 1831 года губернаторъ Полторацкій увѣдомилъ архіепископа Авраама, что „Даниловской окру́ги изъ церкви села Богородскаго, что́ въ Торчищевѣ, икона Казанскія Божіей Матери священникомъ Филиппомъ, при посредствѣ земскаго исправника, какъ сей послѣдній доноситъ мнѣ (губернатору), для представленія въ архіерейскую ризницу, взята“ [2]).

Гдѣ находится въ настоящее время эта икона, не знаемъ. Вѣроятно тамъ, гдѣ указалъ ей быть Петръ I, преслѣдовавшій мнимыя чудотворенія, отъ кого-бы таковыя ни происходили... И еще вопросъ: древняя-ли эта „якобы“ чудотворная икона, или она принадлежитъ къ новѣйшей, послѣ-никоновской церковной живописи? Вопросъ нашъ не праздный, не суесловный, а только археологическій. Для мѣстной-же (Ярославской) археологіи никто изъ „владыкъ“ не учинилъ столько вреда, сколько архіепископъ Авраамъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ священной церковной старины и разрушитель ея архитектурныхъ и живописныхъ памятниковъ.

Л. Трефолевъ.

[1]) Отъ 18 Октября 1830 г., за № 636.
[2]) Отношеніе отъ 2-го Января 1831 г., № 26.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Е. И. РАЕВСКОЙ.

I.

Бурны были дворянскіе выборы и комитетъ въ г. Тулѣ въ зиму съ 1858-го на 1859-й годъ.

Вслѣдствіе рескрипта императора Александра II *«для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ»*, созывались во всѣхъ губернскихъ городахъ комитеты. Въ тоже время дано дворянамъ *секретное* дозволеніе обсуждать въ комитетахъ условія, по которымъ возможно было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ *каждомъ* уѣздномъ городѣ были избраны *два члена*, уполномоченные отъ дворянъ для засѣданія въ губернскомъ комитетѣ, предсѣдателемъ котораго былъ *губернскій предводитель дворянства*. Кромѣ того въ комитетѣ назначались *изъ мѣстныхъ дворянъ два члена* отъ *правительства*. Въ Тулѣ членами отъ правительства были князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій и Петръ Ѳеодоровичъ Самаринъ [1]).

Этотъ губернскій комитетъ долженъ былъ продолжаться *не болѣе шести* мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ члены его обязывались обсудить и составить проэктъ «улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ», на основаніи данной на этотъ предметъ, высочайше утвержденной программы. Другихъ вопросовъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, не было. По закрытіи комитетовъ, проэкты всѣхъ губерній велѣно представить въ Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи образовалась Редакціонная Коммиссія, которая должна была принять въ соображеніе

---

[1]) Сначала назначенъ былъ князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій (Bancal). Онъ принялъ назначеніе, явился въ Тулу къ губернатору для переговоровъ и потребовалъ, чтобы прежде всего *непремѣнно* сообщили ему *бюджетъ* прихода и расхода всей Россійской имперіи; такъ какъ, по мнѣнію его, князя П. Долгорукаго, нельзя было приступить къ такой важной мѣрѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, не имѣя яснаго понятія о томъ, въ какомъ положеніи находятся финансы государства; кромѣ того, онъ требовалъ еще разныхъ свѣдѣній, которыхъ правительство не намѣрено было публиковать во всеобщее свѣдѣніе. Ему отказали въ его просьбѣ; тогда онъ отказался отъ предлагаемой ему должности. На его мѣсто назначили П. Ѳ. Самарина.

проэкты, выработанные въ губернскихъ городахъ и частью руководствоваться ими при составленіи законовъ и правилъ для освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею.

Тульскій комитетъ, съ самаго начала, раздѣлился на двѣ партіи, изъ коихъ одна, *мéньшая*, стояла *за освобожденіе крестьянъ съ землею*, а другая, *бóльшая*, всѣми силами тому противилась.

Въ числѣ членовъ комитета выбранъ былъ въ своемъ Богородицкомъ уѣздѣ зять мой, баронъ Владиміръ Михайловичъ Менгденъ*); въ Епифани избраны родственникъ моего отца, Михаилъ Дмитріевичъ Бибиковъ и г-нъ Карбонье; въ Бѣлевѣ предводитель дворянства баронъ Иванъ Ивановичъ Черкасовъ и Николай Алексѣевичъ Елагинъ; въ Веневѣ Иванъ Алексѣевичъ Пушкинъ; въ Одоевѣ Михаилъ Алексѣевичъ Тихменевъ. Они всѣ были мнѣ знакомы, также кàкъ и оба члена отъ правительства. Эти лица и составляли *меньшинство* комитета.

Мужъ мой, И. А. Раевскій въ 1858-мъ г. былъ предводителемъ дворянства нашего Епифанскаго уѣзда; но здоровье начинало уже измѣнять ему. Работы Комитета были выше силъ его; онъ готовился даже выдти въ отставку изъ предводителей, потому что не находилъ возможнымъ продолжать службу, но всей душою сочувствовалъ избранному меньшинству.

Въ 1858-мъ году дворянскіе выборы совпадали съ работами комитета, вслѣдствіе чего всѣ ожидали этихъ выборовъ въ трепетномъ волненіи, понимая, что и на нихъ отзовется расколъ, существовавшій въ комитетѣ. Партія меньшинства желала, чтобъ уѣздные предводители, а въ особенности губернскій, избраны были изъ числа личностей, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ; крѣпостники же напрягали всѣ силы, чтобъ противодѣйствовать имъ, а имя имъ было—легіонъ. Къ тому же между ними были многія личности изъ такихъ, кому всѣ средства были съ руки для достиженія цѣлей. Глухо ковали они свои орудія.....

Домъ барона В. М. Менгдена сдѣлался центромъ, куда собирались мужественные борцы за благо родины. Зять мой пригласилъ мужа моего и меня остановиться у него и пробыть у нихъ въ домѣ все время выборовъ. Я поспѣшила воспользоваться дружескимъ приглашеніемъ и привезла съ собою семнадцатилѣтнюю дочь и маленькаго сына, ровестника сестриныхъ дѣтей. Старшая дочь, недавно вышедшая замужъ за Епифанскаго помѣщика нашей партіи, пріѣхала съ мужемъ, имѣвшимъ голосъ на выборахъ, и заняла особую квартиру.

---

*) Мужъ моей сестры, въ 1885-мъ году предсѣдатель Земскаго Кредитнаго Общества въ г. Варшавѣ, съ 1889 членъ Государственнаго Совѣта.

Каждый день собиралось въ домѣ моего зятя комитетное меньшинство, все люди умные, благонамѣренные, любезные и веселые. Я предложила нарисовать акварелью группу этихъ дѣятелей. Моя незатѣйливая мастерская помѣщалась въ гостиной; рисованіе портретовъ не только не мѣшало оживленію общества, но способствовало ему. Я рисовала съ увлеченіемъ, а модели сидѣли сколько сами хотѣли, смѣняя одинъ другаго и ничѣмъ не стѣсняясь. Разговоры, шутки, смѣхъ, остроты сыпались, не умолкая. Вечеромъ снова являлись, и не одни наши Туляки, а также пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга. Тутъ познакомилась я съ А. С. Хомяковымъ.

Въ кабинетѣ зятя обсуждались часто дѣла и происходили совѣщанія на счетъ будущихъ дѣйствій противъ крѣпостниковъ [1]). Душою же всѣхъ борцевъ освобожденія крестьянъ былъ князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій.

Много писано о немъ, особенно въ Германской, а частью и во Французской литературѣ; но тамъ говорили о немъ лишь какъ о гражданскомъ и политическомъ дѣятелѣ, не касаясь его частной, мало·извѣстной многимъ жизни. Много слышала я о немъ совершенно ошибочныхъ сужденій; поэтому постараюсь, на сколько съумѣю, очертить его свѣтлый образъ, какимъ его знала въ продолженіи стольких лѣтъ.

Едва вышедши изъ Московскаго университета, куда онъ вступилъ пятнадцати лѣтъ отъ роду на юридическій факультетъ [2]), онъ познакомился съ нашимъ семействомъ и подружился съ моимъ мужемъ [3]). Мы часто видались, и дружба кн. Владиміра Александровича осталась вѣрною и неизмѣнною до самой кончины моего супруга, а послѣ ея онъ не переставалъ дружелюбно относиться къ моимъ сыновьямъ (меньшой изъ нихъ, Дмитрій, его крестникъ).

Въ своей семьѣ кн. Черкаскій былъ нѣжнымъ сыномъ, любящимъ братомъ; престарѣлую мать свою, братьевъ, сестру онъ искренно лю-

[1]) Если когда либо появятся въ печати „Воспоминанія“ покойнаго Александра Владиміровича Новосильцова, то вѣроятно найдется въ нихъ болѣе пространное и подробное описаніе выборовъ 1858-го года, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ дѣятель, принадлежавшій къ меньшинству. Онъ былъ помѣщикомъ Епифанскаго уѣзда.

[2]) Въ послѣдствіи князь В. А. Черкаскій сдалъ экзаменъ на магистра, подавъ замѣчательную свою диссертацію „о Юрьевомъ днѣ“, позднѣе напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ“. Бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ запретилъ князю Черкаскому печатать эту диссертацію, вообще запретили ему *писать* что бы то ни было.

[3]) Вообще и со всѣмъ нашимъ кружкомъ: зятемъ моимъ барономъ В. М. Фонъ-Менгденъ, А. В. Новосильцевымъ и кн. Валерьяномъ Михаиловичемъ Голицынымъ. Когда въ 1863 г., кн. В. А. Черкаскій былъ назначенъ въ Варшаву предсѣдателемъ Главной Коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ звалъ съ собою въ Польшу мужа моего и старшаго сына; но мужъ уже страдалъ тогда той болѣзнею, отъ которой скончался въ 1869-мъ г., а сынъ не могъ покинуть больнаго отца и семейныхъ дѣлъ

билъ, но тщательно скрывалъ онъ постороннихъ то, что̀ для нихъ дѣлалъ. Не отъ него, а совершенно случайно узналъ мужъ мой о томъ, чѣмъ семья была ему обязана. Съ слугами своими и крестьянами былъ онъ справедливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердъ; никого не обижалъ, но и самъ въ обиду не давался. Въ своемъ Веневскомъ уѣздѣ горячо онъ преслѣдовалъ неправду, лихоимство и притѣсненіе крѣпостныхъ людей; за то помѣщики-крѣпостники его ненавидѣли и взваливали на него всякую небылицу.

Въ великосвѣтскомъ обществѣ, гдѣ съ юныхъ лѣтъ вращался онъ, чѣмъ выше его цѣнили, тѣмъ болѣе боялись, какъ боятся люди дюжинные ума, изъ ряда вонъ выходящаго. Признаться, князь не щадилъ чванливой, напыщенной бездарности; языкъ его рѣзалъ какъ бритвой; однимъ мѣткимъ словомъ онъ навсегда клеймилъ невзлюбленную имъ личность. Охотникъ онъ былъ подъ часъ и подразнить.

«Мнѣ противны женщины, которыя изъ ума своего дѣлаютъ что-то въ родѣ ремесла, какъ наприм. графиня Растопчина и Каролина Павлова» говаривалъ онъ. Простодушныхъ же и скромныхъ людей, къ какому полу они ни принадлежали, онъ не только щадилъ, но когда кто либо при немъ съ высокомѣрною безсердечностью на нихъ нападалъ, то онъ мягко, но настойчиво принималъ сторону несправедливо обиженнаго и заставлялъ умолкнуть его противника; въ эти минуты умные глаза его свѣтились безпредѣльной добротою. Я не разъ была тому свидѣтельницею и думала про себя: «какъ *мало* знаютъ его тѣ люди, которые *считаютъ его злымъ*!» Туже самую характерную черту подмѣтил я и въ другомъ дѣятелѣ, въ Юріи Ѳедоровичѣ Самаринѣ.

Свѣтскимъ барынямъ доставалось немало отъ князя Владимира. Я слыхала отъ молоденькихъ и красивыхъ свѣтскихъ женщинъ, что, въ присутствіи его, онѣ теряютъ способность говорить и, глазъ на глазъ съ нимъ, не знаютъ съ чего начать, какъ продолжать разговоръ. «Хоть бы курилъ онъ!» жаловались онѣ. «А онъ даже не куритъ!»

Ничего подобнаго не ощущала я въ его присутствіи; напротивъ, разговоръ съ нимъ лился безостановочно. Въ обществѣ женщинъ онъ отличался изысканной учтивостью, напоминавшей преданія прошлаго вѣка въ придворномъ Парижскомъ кругѣ. Подобной учтивости я не встрѣчала ни у одного современнаго ему молодаго человѣка, даже самаго образованнаго, исключая впрочемъ старшаго брата князя Владимира, князя Константина*). Часто пріѣзжалъ Владимиръ Александ-

*) Кн. Константинъ Черкаскій скончался въ молодыхъ лѣтахъ; кромѣ блестящаго ума и образованности, онъ отличался красивой наружностью и мягкимъ, уживчивымъ

дровичъ къ намъ въ деревню, въ село Никитское Епифанскаго уѣзда и гостилъ у насъ по нѣскольку дней; казалось, онъ отдыхалъ душой въ нашемъ семейномъ кружкѣ. Мужа моего онъ очень любилъ за общія имъ убѣжденія и за веселый умъ; отъ души смѣялся его оригинальнымъ выходкамъ. Простота обращенія, отсутствіе всякихъ претензій, радушіе и веселость князя Владимира одушевляли нашъ кружекъ. Князь былъ остроуменъ безъ злости и весело разговорчивъ. Часто, послѣ обѣда, онъ игрывалъ съ моими дѣтьми, валялся съ ними по ковру гостиной, радуясь ихъ восторженнымъ крикамъ. Онъ всегда былъ ласковъ съ дѣтьми и очень любилъ ихъ. Очень жаль, что счастливое супружество его осталось бездѣтнымъ.

Въ одно изъ его посѣщеній, онъ, смѣясь, держалъ со мной пари, что я не успѣю срисовать съ него портретъ, пока онъ вслухъ прочтетъ Символъ вѣры. Я взяла клочекъ бумаги и карандашъ, князь откинулся передо мной на кресло и хотя онъ плутовски перескакивалъ съ одного члена Символа на другой, но очеркъ былъ готовъ при послѣднемъ словѣ, и вышелъ замѣчательно схожъ.

Долгія прогулки затѣвали мы всѣмъ обществомъ по окрестнымъ полямъ и пригоркамъ, карабкаясь по крутымъ берегамъ нашего тихаго Дона, пролѣзая по чащамъ лѣсковъ. Ревнивый и строгій общественный дѣятель превращался тогда въ рѣзваго школьника, изобрѣтателя разныхъ шалостей, а смѣху его вторили хòромъ наши молодые, веселые голосà. Мы всей душей ему сочувствовали и часто удивлялись, почему его такъ боятся въ великосвѣтскомъ обществѣ.

II.

Лишь только начались выборы, сестра, дочери мои и я стали проводить утренніе часы на хорахъ дворянскаго собранія. Дворянская зала въ Тулѣ замѣчательно хороша. Она очень напоминаетъ Московскую, только размѣрами меньше. Она очень пропорціональна, вся бѣлая мраморная; хòры поддерживаются бѣлыми же мраморными колонами, отдѣляющими наши двѣнадцать уѣздовъ. Тульскій, Веневскій, Епифанскій, Каширскій, Одоевскій, Алексинскій, Бѣлевскій, Богородицкій, Новосильскій, Ефремовскій, Крапивенскій и Чернскій. Надъ каждою парою колонъ красуется гербъ одного изъ этихъ уѣздовъ; тутъ, подъ гербомъ своего уѣзда, собираются помѣщики-дворяне, *избиратели*,

---

характеромъ; къ тому же онъ обладалъ музыкальнымъ тембромъ голоса, поражавшимъ въ простомъ разговорѣ. Не знаю, пѣвалъ ли онъ когда. Онъ долго былъ *львомъ* въ московскомъ обществѣ, где его прозвали тогда „Chou-fleur-Черкаскій“ по поводу курчавыхъ его бѣлокурыхъ волосъ.

для совѣщаній и выборовъ; тутъ стоитъ столъ, на верхней сторонѣ котораго, лицомъ къ залѣ, засѣдаетъ предводитель уѣзднаго дворянства. На этомъ столѣ—особенный для каждаго уѣзда избирательный ящикъ, покрытый сукномъ; въ ящикѣ два отдѣленія: *направо* кладутъ шары избирательные, *бѣлые*, *налѣво*—неизбирательные, *черные*. Каждый дворянинъ, владѣющій [1]) двумя стами десятинами земли въ своемъ уѣздѣ, имѣетъ право на *одинъ свой* избирательный шаръ; но онъ можетъ еще имѣть другой по *довѣренности*, т. е. мы, женщины [2]) помѣщицы-дворянки, обладающія количествомъ земли согласно цензу, имѣемъ право довѣрить свой избирательный шаръ тому, кому пожелаемъ; опекунъ малолѣтнихъ дѣтей, кромѣ своего шара, имѣетъ право на шаръ опекаемыхъ дѣтей. *Болѣе одного* шара *по довѣренности* никто не имѣетъ права предъявить. Мелкопомѣстные дворяне соединяются, чтобъ избрать себѣ одного представителя на выборахъ. Все это рѣшается на *предварительныхъ* выборахъ въ *своемъ уѣздномъ городѣ*; но правильность довѣренностей провѣряется также и въ началѣ губернскихъ выборовъ.

Напротивъ входной двери залы собранія, на верху, красуется губернскій гербъ города Тулы. Подъ нимъ, въ самой залѣ, а *не* за колонами, стоитъ поперекъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на столѣ—избирательный *губернскій* ящикъ, а за столомъ возсѣдаетъ губернскій предводитель дворянства. Близъ него, направо, за отдѣльнымъ столомъ, сидитъ его секретарь съ бумагами и списками. Мужчины, не имѣющіе права голоса на выборахъ, и женщины помѣщаются на хорахъ. *Открываетъ* выборы губернаторъ, но потомъ удаляется изъ залы собранія и не имѣетъ болѣе права ни присутствовать въ ней во время выборовъ, ни вмѣшиваться въ дворянскія прѣнія.

Боже мой, какихъ, какихъ мундировъ тамъ ни видала я! Тутъ были помѣщики, отставленные отъ службы съ мундиромъ *двадцатыхъ* годовъ, надѣвавшіе его безъ перешивки по одному разу каждые три года. Эти допотопные мундиры на иныхъ сидѣли какъ мѣшки, на дру-

---

[1]) До [illegible]жденія крестьянъ избирательный цензъ былъ—3000 десятинъ земли *или сто* д[illegible]естьянъ.

[2]) Не м[illegible] не замѣтить здѣсь, что данное намъ, женщинамъ, право передавать *голосъ свой* кому намъ заблагоразсудится и такимъ образомъ примыкать, по убѣжденіямъ своимъ, къ той или другой партіи, есть особенность *Русскаго* законодательства, также как[illegible] и право намъ женщинамъ пользоваться земельною своею собственностью и управлять ею безконтрольно, независимо отъ родныхъ и отъ мужа (конечно по достиженіи совершеннолѣтія). Этими законами Россія опередила остальную Европу, и мы, Русскія жен[illegible]ы, пользуемся правами, которыхъ не имѣютъ онѣ нигдѣ на такъ называемомъ *образованномъ* Западѣ, столь краснорѣчиво толкующемъ о равноправности и свободѣ женщинъ.

гихъ еле-еле сходились: того гляди, вотъ-вотъ лопнетъ по швамъ, и пуговицы всѣ отлетятъ. На иныхъ мундиръ сильно подъѣденъ былъ молью. Въ 1858 году я видѣла въ залѣ собранія сѣдовласаго старца въ мундирѣ ополченца 1807 года. То былъ Каширскій помѣщикъ Никаноръ Ивановичъ Челищевъ. Тутъ были мундиры флотскіе, мундиры всѣхъ возможныхъ министерствъ, блестящіе, новѣйшіе гвардейскіе мундиры и съ иголочки сшитые дворянскіе на плечахъ у молоденькихъ новичковъ.

Съ самаго начала выборовъ обнаружился заговоръ противъ князя В. А. Черкаскаго *). Какъ я уже сказала, онъ былъ руководителемъ меньшинства членовъ комитета. Большинство же, видя, что съ княземъ бороться трудно, рѣшило во что́ бы ни стало удалить его. Но какимъ образомъ достигнуть этого? Надобно было найти благовидный предлогъ. Долго совѣщались они въ тихомолку, наконецъ придумали слѣдующее.

Въ началѣ открытія Тульскаго комитета появилась въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», которое издавалось въ Москвѣ, при «Русской Бесѣдѣ», статья князя В. А. Черкаскаго о тѣлесномъ наказаніи. Смыслъ статьи былъ тотъ, что, хотя онъ, Черкаскій, *противникъ* тѣлеснаго наказанія, но предлагалъ для крестьянскихъ обществъ **) оставить еще на время этотъ способъ наказанія, ограничивъ его небольшимъ числомъ ударовъ (кажется, пятнадцать). Князь Черкаскій, живя въ деревнѣ, близко изучилъ бытъ, обычаи и духъ Русскаго мужика, о которыхъ не имѣютъ понятія живущіе постоянно въ столицахъ. Грубость нравовъ степнаго крестьянина, освобожденнаго уже двадцать три года отъ крѣпостной зависимости, до сихъ поръ изумляетъ насъ, *деревенскихъ* жителей; какимъ образомъ можетъ она быть понятною *столичнымъ*?

---

*) Предвидя всѣ готовившіяся ему непріятности, князь В. А. Черкаскій уговорилъ супругу свою еще передъ выборами уѣхать въ Тверь къ сестрѣ ея графинѣ Барановой, сердечно заботясь о томъ, чтобъ не подвергать ее вреднымъ для ея здоровья волненіямъ.

**) Когда 19-го Февраля 1861 года объявленъ былъ манифестъ освобожденія, мужъ мой, собравъ всѣхъ крестьянъ своихъ, съ *восторгомъ* прочелъ имъ его, а потомъ сказалъ имъ рѣчь, отъ которой *мы* всѣ проливали радостныя слезы; сходка же слушала его молча, видимо недоумѣвая и удивляясь: *почему* баринъ ихъ и властелинъ *такъ радуется* тому, что они, мужики, выходятъ изъ подъ его власти? На другой же день крестьяне опять собрались передъ террасой нашего дома и попросили моего мужа къ нимъ выдти; я послѣдовала за нимъ. „Что́ вамъ нужно?“ спросилъ мужъ. Крестьяне стояли безъ шапокъ, почесывая затылокъ. „Да вотъ, батюшка, что̀... Мы пришли спросить твоей милости: *кто жъ насъ теперь сѣчь будетъ? А безъ эвтова нельзя*“. Мой мужъ пришелъ въ отчаянье. Того ли онъ ожидалъ отъ любимой мечты всей своей жизни?

Журналистика 1858 года, освобожденная отъ цензурнаго гнета прошедшаго царствованія, считала тогда долгомъ своимъ по всѣмъ вопросамъ писать въ самомъ либеральномъ духѣ. Многіе журналы, не понявъ или не желая понять практическаго смысла статьи князя Черкаскаго, обрадовались ей, чтобъ выказать свои псевдолиберальныя стремленія. Со всѣхъ сторонъ посыпалась на князя пошлая брань. какъ на крѣпостника, стоявшаго за тѣлесное наказаніе. Князь, мало обращавшій вниманія на газетныя нападки и къ тому же обремененный комитетскими работами, не счелъ нужнымъ печатно отвѣчать на ругательства журналистовъ. Но И. С. Аксаковъ, знавшій князя Черкаскаго близко, написалъ въ одномъ журналѣ статью, въ которой принялъ сторону его, доказывая всю неосновательность газетныхъ нападокъ и, между прочимъ, выразился, что «князь Черкаскій, который нынѣ *борется съ невѣжествомъ и корыстью*, не имѣетъ времени отвѣчать на ни на чемъ не основанныя нападки».

Большинство дворянъ Тульской губерніи въ этой-то статьѣ и нашли предлогъ, чтобъ обвинить князя въ томъ, что, не отзываясь печатно на статью И. С. Аксакова, онъ доказываетъ, что съ нимъ согласенъ, т. е., что противники его дѣйствуютъ движимые *невѣжествомъ и корыстію*; а слѣдовательно, человѣкъ, признающій большинство дворянъ таковыми, не имѣетъ права оставаться въ ихъ средѣ. Тутъ же руководители большинства Комитета сдѣлали въ дворянскомъ собраніи предложеніе исключить князя Черкаскаго изъ состава дворянъ Тульской губерніи, какъ недостойнаго оставаться въ обществѣ ихъ.

Сторонники князя случайно узнали о готовившемся письменномъ предложеніи, которое приготовлялось къ обсужденію губернскимъ собраніемъ. Большинство захватило нѣсколько уѣздовъ; изъ нихъ три почти всѣ составлены были изъ приверженцевъ крѣпостнаго права. Въ числѣ тогдашнихъ помѣщиковъ былъ нѣкто г-нъ L... Но онъ честный и благомыслящій человѣкъ, былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ остановить другихъ. Въ отчаяніи пришелъ онъ къ намъ.

«Старикъ Н. собираетъ по всей губерніи подписи, сказалъ онъ, пишетъ заявленіе, которое хотятъ подать на губернскій столъ, чтобъ изгнать князя Черкаскаго изъ залы собранія».

Настала роковой день. Насъ предупредили, что въ то утро будетъ подаваться эта бумага. Наши друзья не дозволили намъ, женщинамъ, ѣхать въ тотъ день на хоры, боясь, чтобъ не вышло скандала въ залѣ собранія.

Сидимъ мы съ сестрой въ кабинетѣ у зятя вдвоемъ, ни живы, ни мертвы. «Что̀ *тамъ* теперь дѣлается? говоримъ.

— Одно только можно сказать навѣрное; сегодня *утромъ* никто къ намъ не придетъ›, сказала я.

— ‹Да, придется сидѣть въ одиночествѣ, ждать до вечера нашихъ!› прибавила сестра.

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. ‹Боже мой, что такое?› Мы даже испугались. Слышимъ, кто-то вошелъ, но не изъ нашихъ. ‹Это вѣрно одинъ изъ большинства!› засмѣялась сестра. ‹Узналъ, что мы однѣ дома, пришелъ насъ зарѣзать!› Смѣемся, а все же съ ускореннымъ біеніемъ сердца ожидаемъ появленія незваннаго гостя.

Дверь отворяется. L... блѣдный какъ полотно! Мы обѣ расхохотались. ‹Что это вы?› говоримъ. ‹Почему вы не въ собраніи?›

Онъ только рукой махнулъ:—‹Убѣжалъ отъ срама!› сказалъ онъ.

— «А мы съ сестрой думали, что вы пришли насъ убить!›

— *Не* васъ слѣдовало бы убить! Сегодня подаютъ *они* свое заявленіе! Я и ушелъ: не хочу быть свидѣтелемъ этого позора. Вотъ и пришелъ къ вамъ посидѣть.

Мы посмѣялись надъ нимъ дружески и, признаться, очень рады были, что онъ пришелъ съ нами коротать время до разъѣзда изъ собранія: въ тотъ день время казалось намъ безконечнымъ.

Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ тогда г-нъ А...ъ, добрый и честный человѣкъ, благонамѣренный, но слишкомъ мягкаго характера. Онъ самъ понималъ, что не въ силахъ укротить бурю, которая подымалась со всѣхъ сторонъ губернскаго горизонта. Онъ объявилъ заранѣе, что отказывается баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе; но все же, въ 1858 году, онъ обязанъ былъ предсѣдательствовать на предстоявшихъ выборахъ и въ комитетѣ. Положеніе его было крайне непріятное.

Наконецъ вернулись наши мужья. Разсказамъ не было конца.

— ‹А...ъ нашъ поступилъ молодцомъ! Отказался принять *заявленіе*! Ну, а что ужъ тамъ было!...

— Какъ я радъ, что *меня*-то тамъ не было!› вздохнулъ L...

— ‹Ну ужъ, батюшка, отличилась нынче Тульская *Чернь*!› сказалъ мужъ мой.

Когда противники князя Черкаскаго подали свое заявленіе со множествомъ подписей и губернскій предводитель А. отказался принять его, поднялся такой шумъ и гамъ, что А. закрылъ собраніе и удалился. При выходѣ его изъ залы, крѣпостники окружили его, дѣлали ему угрозы. Вслѣдствіе этого потрясенія, г-нъ А. заболѣлъ и болѣе не могъ присутствовать въ собраніи; мѣсто его замѣнилъ Тульскій уѣздный предводитель г-нъ К., человѣкъ совершенно необразованный и душою преданный большинству крѣпостниковъ. На слѣдую-

щій день собраніе открылось подъ предсѣдательствомъ К...а. Большинство опять подняло шумъ и требовало прочитать ихъ заявленіе. Тогда баронъ Владиміръ Михайловичъ Менгденъ подошелъ къ губернскому столу и обратился къ правящему должность губернскаго предводителя.

— «Ваше высокоблагородіе, я требую *слова*».

К. обидѣлся, что его не назвали *превосходительствомъ*, по невѣжеству не понявъ даже, о чемъ идетъ рѣчь.

— Я не могу вамъ обѣщать *дать честнаго слова*, отвѣчалъ онъ, потому что не знаю, о чемъ вы, баронъ, меня хотите просить».

Другіе уѣздные предводители объяснили К-у, въ чемъ дѣло: слово было предоставлено барону Менгдену, который заявилъ, что считаетъ совершенно незаконнымъ читать въ залѣ собранія заявленіе противъ князя Черкаскаго, что оно вовсе не относится къ выборамъ и, не желяя участвовать въ незаконномъ дѣйствіи, онъ заявляетъ, что оставитъ залу Собранія, если бумага противъ Черкаскаго будетъ читана.

При этихъ словахъ, поднялся со всѣхъ сторонъ шумъ; стали кричать: «Читать, читать!»

К. приказалъ секретарю дворянства прочитать заявленіе. Но лишь только началось чтеніе, какъ нѣсколько уѣздовъ, а именно Богородицкій, Епифанскій, Бѣлевскій, почти въ полномъ составѣ, а изъ другихъ уѣздовъ многіе дворяне, оставили залу Собранія. Не смотря на это, бумага была прочитана; но *постановленія* никакого не могло быть сдѣлано, такъ какъ большое количество дворянъ не присутствовали въ залѣ. Эпизодъ этотъ не имѣлъ послѣдствій; вѣроятно большинство поняло всю безполезность и безобразіе своей выходки.

III.

На слѣдующее утро поѣхали мы съ сестрой въ собраніе. Входимъ на лѣстницу. Что же видимъ? Старикъ Н..., въ шитомъ золотомъ генеральскомъ мундирѣ, бѣлыхъ панталонахъ съ золотымъ галуномъ, шляпа съ плюмажемъ подъ мышкой, бѣжитъ съ лѣстницы къ намъ навстрѣчу.

— Куда вы? спрашиваемъ его, зачѣмъ уходите?»

Онъ, весь растерянный, что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и опрометью бросился внизъ. Мы очень удивились и отправились на хоры.

— «Встрѣтили вы Н.?» спросилъ насъ одинъ изъ друзей нашихъ.

— Встрѣтили, спрашивали у него, куда онъ спѣшитъ? Онъ намъ ничего толкомъ не сказалъ. Куда онъ бѣжалъ?

— «Ха! ха! ха! Выгнали мы его превосходительство! До того его стыдили съ его клеветничьимъ заявленіемъ, что онъ обратился въ бѣгство. Ужъ не покажется больше сюда —шалишь!»

И точно, Н... не только исчезъ изъ дворянскаго Собранія, но изъ самой Тулы. Мы его больше не видали.

Началась баллотировка уѣздныхъ предводителей. Въ иныхъ уѣздахъ все шло тихо и мирно, въ другихъ не обошлось безъ шума и споровъ. Видѣли мы, какъ все Каширское дворянство пошло черезъ всю залу въ нашъ, Епифанскій уѣздъ просить мужа моего согласиться быть ихъ предводителемъ. Затѣмъ секретарь сталъ посреди залы и началъ громко читать имена дворянъ, которыхъ желали балотировать въ предводители Каширскаго уѣзда.

— «Титулярный совѣтникъ Иванъ Артемьевичъ Раевскій!» провозгласилъ секретарь и замолчалъ, выжидая отвѣта вызваннаго.

Мужъ моей вышелъ изъ своего уѣзда на средину залы и, обратясь къ секретарю, громко и внятно сказалъ: «*Коллежскій ассессоръ* Иванъ Артемьевичъ Раевскій—*отказывается*!»

Секретарь разинулъ ротъ и уставился выпученными глазами на моего мужа, который успѣлъ уже воротиться въ свой уѣздъ, а секретарь все стоялъ посреди залы съ раскрытомъ ртомъ. По всѣмъ угламъ внизу и наверху раздался смѣхъ, еще болѣе сконфузившій злополучнаго секретаря, ошибшагося въ чинѣ вызванной имъ личности.

Мой мужъ часто забавно острилъ въ отдѣленіи, гдѣ собирался нашъ уѣздъ; посреди серьезныхъ дѣлъ, раздавался и смѣхъ. Прибѣгали къ намъ на хоры разсказывать мужнины выходки.

Послѣ многихъ прѣній избраны были всѣ уѣздные предводители. Въ г. Веневѣ избранъ былъ братъ князя В. Черкаскаго, князь Евгеній, въ г. Епифани Бибиковъ, членъ меньшинства комитета, и т. д. Оставалось избрать одного *губернскаго* предводителя.

Между тѣмъ друзья князя Черкаскаго захотѣли дать ему обѣдъ по подпискѣ. Это было нѣсколько дней послѣ неудачной попытки крѣпостниковъ выгнать его изъ залы собранія. Оказалось девяносто подписчиковъ дворянъ, служившихъ въ Тулѣ чиновниковъ, также нарочно для этого пріѣзжихъ изъ Москвы и изъ Петербурга. Обѣдъ данъ былъ на квартирѣ барона Менгдена: онъ, какъ хозяинъ, встрѣтилъ князя Владимира Александровича на лѣстницѣ и привѣтствовалъ его небольшой рѣчью.

Въ продолженіе обѣда по временамъ игралъ оркестръ музыкантовъ. На обѣдѣ присутствовали одни мущины; но мы, женщины (насъ было шесть), сидѣли рядомъ, въ гостиной: хотя дверь въ столовую была заперта, но мы могли слышать провозглашаемые тосты и отвѣтственныя рѣчи. Помню только, что кто-то сравнилъ князя Черкаскаго съ Юріемъ Венелинымъ.

— «Плохое предзнаменованіе, сказалъ князь своему сосѣду. Не хотѣлъ бы я, какъ онъ, умереть въ тюрьмѣ!»

Когда Епифанскіе дворяне пили за здоровье моего мужа и благодарили его за полезную и трудолюбивую его девятилѣтнюю службу, «Одинъ въ полѣ не воинъ», отвѣчалъ онъ; «благодарю васъ за дорогое для меня содѣйствіе и за высокоцѣнимую мною дружбу!»

IV.

Какъ я говорила выше, оставалось только избраніе *губернскаго* предводителя. Всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ желательно было, чтобъ остался г-нъ А..., честный и хорошій человѣкъ. Онъ, еслибъ и не сталъ помогать въ борьбѣ съ крѣпостниками, то, по крайней мѣрѣ, не поддерживалъ бы ихъ. Защитники же крѣпостнаго права настаивали на избраніи В. П. М., своего собрата.

Насъ женщинъ, опять уговорили остаться дома, и мы съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія кого либо изъ нашихъ. Звонокъ. Сестра и я бросаемся въ переднюю.

— Менгденъ.

«Ну что́?»

— М....ъ.....

«Ахъ!»

— *Не* выбранъ! продолжаетъ Менгденъ.

— «Вѣчно школьничаешь!» съ досадой говоритъ сестра.

— А что́ было! продолжаетъ зять. «Кричали, стучали саблями, ломали стулья. Содо́мъ настоящій. Кончилось тѣмъ, что отложили выборы до завтрашняго дня».

На слѣдующій день М... былъ избранъ: большинство восторжествовало.

Въ промежуткахъ между дѣломъ занимались и бездѣльемъ: давались балы въ собраніи и у губернатора; были и благородные спектакли, гдѣ отличался сценическимъ талантомъ и теноровымъ, пріятнымъ голосомъ молодой, красивый, морской офицеръ Унковскій*), племянникъ знаменитаго адмирала того же имени.

На балы я ѣздила съ двумя дочерьми, замужней и дѣвицей, которыя много танцовали и веселились. Тогда еще живъ былъ вотчимъ моего мужа, г-нъ З. Онъ красилъ волоса и усы и танцовалъ какъ молодой человѣкъ.

---

*) Въ 1884-мъ году комендантъ цитадели въ Варшавѣ.

Утромъ, въ свободные дни, наши друзья затѣвали катанье въ саняхъ, на тройкахъ, чтобъ повеселить молодыхъ барышенъ и барынь. Но болѣе всего занимало этихъ послѣднихъ посѣщеніе хоровъ дворянскаго собранія.

Въ 1858-мъ году губернаторомъ въ Тулѣ былъ генералъ Дараганъ. Онъ былъ очень представительной наружности, къ тому же хорошій человѣкъ, въ дворянскія сплетни не вмѣшивался, и всѣ въ губерніи имъ были очень довольны. Жена его была очень умна и любезна, сынъ красивый кавалергардъ [1]), три дочери—красавицы. Обѣ старшія были тогда уже замужемъ за командирами двухъ полковъ, стоявшихъ въ Тулѣ. Старшая—за полковникомъ Веревкинымъ, вторая—за Арбузовымъ.

«Жаль, что въ Тулѣ стоятъ только два полка, а не три; тогда и Евочка была бы также замужемъ», говорили Туляки.

Евочка или Евгенія, третья, меньшая дочь генерала Дарагана, была тоненькая, стройная, миловидная блондинка, тогда какъ старшія ея сестры обѣ брюнетки. Въ сущности г-жа Веревкина была лучше всѣхъ, чисто классическая красота, съ античными чертами лица, пышными плечами, умными, большими, черными глазами, высокаго роста, стройная и, какъ говорятъ Французы, un port de reine [2]). Она была образованнѣе и серьознѣе меньшихъ сестеръ; г-жа Арбузова была, такъ же какъ и она, высокаго роста, но худощавѣе и рѣзвѣе, черты лица ея были красивы, но неправильны, un minois chiffonné [3]). Евочка была ростомъ ниже сестеръ, своеобразно хороша: длинныя, свѣтлорусыя кóсы ея падали до колѣнъ. Она была миловидна и любезна. Иные находили, что она была бы еще лучше, если бы не ломалась крошечку. Видно было, что ее, какъ меньшую, родители баловали; отецъ въ ней души не чаялъ. Она часто била на эфектъ, но *мнѣ* собственно она очень нравилась, не смотря на эти небольшіе недостатки. Я ею искренно любовалась я вызвалась срисовать съ нея акварельный портретъ. Къ сожалѣнію, я сильно заболѣла, и портретъ остался недоконченнымъ. Первый эскизъ оставила у себя сестра моя, которая Евочку также полюбила, какъ и я.

Портреты комитетнаго меньшинства были окончены, и всѣ лица очень схожи; но собственно группа нехороша, потому что безобразіе современныхъ сюртуковъ и пальтó мѣшаетъ всякой артистической по-

---

[1]) Впослѣдствіи губернаторъ въ Вологдѣ, Черниговѣ, а въ 1884-мъ году въ Калишѣ.

[2]) Царская осанка.

[3]) Это выраженіе непереводимо.

становкѣ. Всѣ девять дѣятелей подписали свои имена подъ портретами. Эту картину я отдала зятю моему барону Менгдену.

Запишу здѣсь одинъ *случай*, не относящійся къ выборамъ, но происшедшій въ Тулѣ въ 1859-мъ году во время моего тамъ пребыванія.

Сестра моего зятя, молодая баронесса М. М. Менгденъ, была замужемъ за графомъ Дмитріемъ Януарьевичемъ Толстымъ. Графъ былъ добрѣйшей души человѣкъ; мужъ мой и мы всѣ его очень любили. У нихъ было два сына: старшему два года, меньшому нѣсколько мѣсяцевъ, когда отецъ ихъ заболѣлъ унаслѣдованной отъ матери чахоткою. Врачи его отправили на Іерскіе острова, на Югъ Франціи. Осенью 1858-го года молодая графиня проводила мужа до границы и принуждена была возвратиться въ свое имѣніе къ малюткамъ дѣтямъ, которыхъ немыслимо было подвергнуть такому дальнему путешествію. Съ островов получались отъ графа довольно успокоительныя извѣстія.

Чтобъ понять, что ниже слѣдуетъ, я должна сдѣлать небольшое отступленіе и описать кабинетъ моего зятя въ Тулѣ. Къ нему вела дверь изъ передней: направо отъ этой двери, вдоль стѣны стоялъ длинный, широкій обитый темнозеленымъ сафьяномъ, покойный диванъ, на которомъ сестра и я всегда помѣщались послѣ обѣда, пока мужское общество тутъ же курило, разговаривало, иногда расхаживая по просторной комнатѣ или сидя на разставленныхъ въ ней покойныхъ креслахъ. Противъ окна стоялъ большой письменный столъ барона, длиной поперекъ комнаты, а налѣво небольшая, огороженная перилами лѣстница вела внизъ въ просторную же комнату, уборную барона, гдѣ ночевалъ мужъ мой (эта комната нижняго этажа находилась подъ самымъ кабинетомъ).

8-го Ноября 1858-го года, баронъ Менгденъ и мужъ мой провели вечеръ у князя В. А. Черкаскаго. Много они тамъ вмѣстѣ шутили, смѣялись и возвратились домой въ двѣнадцатомъ часу въ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа. Мужъ мой сошелъ къ себѣ, внизъ, но еще не раздѣвался, а баронъ Владимиръ Михайловичъ, напѣвая какую-то пѣсню, подошелъ къ письменному столу, гдѣ горѣли двѣ свѣчи и сталъ заводить свои карманные часы. Вдругъ, по какому-то непреодолимому чувству, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на сафьянный диванъ, стоявшій у стѣны напротивъ стола. Чтожъ онъ видитъ? Зять его, графъ Толстой, блѣдный и худой, лежитъ на диванѣ и полными грусти глазами на него смотритъ.....

«Jean!» вскрикнулъ баронъ такимъ тревожнымъ голосомъ, что мужъ мой, на зовъ его, стремглавъ бросился къ нему вверхъ по лѣстницѣ......

Но образъ графа, мгновенно блѣднѣя, уже испарялся и, когда мужъ мой вбѣжалъ въ кабинетъ, отъ него оставалось лишь легкое, прозрачное облако, которое исчезало, поднимаясь къ потолку.....

Мужъ мой любилъ Толстаго. Проплакавъ всю ночь, онъ рано утромъ пришелъ наверхъ, гдѣ я съ дѣтьми помѣщалась.

— «Толстòго ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ!» сказалъ онъ мнѣ со слезами и разсказалъ мнѣ про видѣніе.

— Ни слова сестрѣ! воскликнула я. Вы знаете, до чего она нервна? У нея у самой были видѣнія, и она ихъ ужасно боится. А въ *теперешнемъ* ея положеніи всякое потрясеніе опасно. Къ тому же мы съ ней каждый день отдыхаемъ на этомъ самомъ диванѣ, который для нея самый покойный въ домѣ. Чтожъ будетъ съ ней, если она узнаетъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ».....

— «Правда, отвѣчалъ мужъ, мы съ Менгденомъ уже объ этомъ говорили»..

На этомъ и порѣшили. Сестрѣ не сказали ни слова. Но то чтò *я* перечувствовала, когда въ тотъ же день, мы, по обыкновенію, послѣ обѣда усѣлись на ужасное мѣсто, и я должна была, ради сестры, поддерживать веселый разговоръ—того выразить не могу.

Только *три мѣсяца* спустя, получена была съ Іерскихъ острововъ телеграмма, «извѣщающая о внезапной кончинѣ графа Д. Я. Толстóго. И такъ онъ былъ еще живъ, когда зять мой видѣлъ въ Тулѣ его печальный обликъ....

V.

Дворянскіе выборы кончились. Комитетъ продолжалъ свои работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ все усиливался расколъ между *меньшинствомъ* и *большинствомъ* членовъ его. Сіи послѣдніе рѣшились скомпрометировать князя Черкаскаго, вызвавъ его на дуэль. Вотъ какъ это было. Вскорѣ по окончанія выборовъ, въ засѣданіи комитета, одинъ изъ членовъ большинства предложилъ на обсужденіе вопросъ: *сколько слѣдуетъ правительству заплатить помѣщикамъ за каждую освобожденную душу, кромѣ выкупа за землю?* Послѣ довольно продолжительныхъ прѣній, конечно ни къ чему не приведшихъ, князь Черкаскій заявилъ, что, согласно высочайше учрежденной программѣ, никакого выкупа за личность *не* предполагается и, наконецъ, было бы весьма трудно опредѣлить для *этого* какую либо цѣну; по крайней мѣрѣ онъ, князь Черкаскій, не беретъ на себя сдѣлать этому оцѣнку, потому что «*онъ самъ никогда крѣпостнымъ мясомъ не торговалъ*».

Эта послѣдняя фраза, конечно, подняла бурю и, какъ только засѣданіе было прервано, то членъ комитета В. и кандидатъ въ депу-

таты С. подошли къ князю и громкимъ, дерзкимъ голосомъ закричали: «Какъ смѣете вы говорить такія вещи? Вы оскорбляете дворянство комитета! А В... прибавилъ: «и тебя лично, В.....го!»

В.... же былъ взбѣшенъ тѣмъ, что Черкаскій отвѣчалъ на его прежнюю рѣчь и на всѣхъ пунктахъ побилъ его.

Испуганный поднявшимся шумомъ, предсѣдатель А... зазвонилъ и вновь открылъ засѣданіе, по окончаніи котораго В.... заявилъ Черкаскому, что онъ пришлетъ секундантовъ. Дѣйствительно на другой же день князю Черкаскому былъ посланъ вызовъ. Онъ отъ себя просилъ быть его секундантами г-на*** и брата своего кн. Евгенія.

Секунданты г-на В... *требовали*, чтобъ ему предоставленъ былъ *первый* выстрѣлъ и чтобъ стрѣлялись противники на разстояніи *трехъ шаговъ*. Они объявили, что, если эти условія княземъ Черкаскимъ не будутъ приняты, то В... публично его оскорбитъ. Секунданты кн. Черкаскаго на подобныя условія не могли согласиться, потому что они противны *всѣмъ* установленнымъ *правиламъ* дуэли, которыя *вызванному* предоставляютъ *первый* выстрѣлъ. Они отвѣчали, что князь Черкаскій готовъ съ В... стрѣляться на какое разстояніе ему угодно, но съ тѣмъ, чтобъ дуэль была *правильная*, т. е. чтобъ первый выстрѣлъ былъ предоставленъ ему, Черкаскому. На это В.... не соглашался.

Князь Владиміръ Александровичъ въ тотъ же день написалъ свое духовное завѣщаніе: онъ былъ готовъ согласиться на всѣ условія противника, во избѣжаніе публичнаго оскорбленія. Секунданты же его заявили В....у, что, если князь Черкаскій согласится на предложенныя ему неправильныя условія, то они при дуэли присутствовать *не* будутъ, и что, по окончаніи оной, они представятъ правительству все дѣло, какъ оно было и, такъ какъ князь Черкаскій вѣроятно будетъ убитъ, то они обвинятъ В.... въ преднамѣренномъ убійствѣ.

В.... и его партія струхнули. Сначала они хотѣли, чтобъ кн. Черкаскій извинился *письменно*, потомъ *хотя бы словесно*, въ комитетѣ. Ни кн. Черкаскій, ни его секунданты ни на что подобное не согласились. Наконецъ, послѣ двухдневныхъ переговоровъ, было рѣшено, что кн. Черкаскій и г-нъ В. представятъ оба письменно предсѣдателю комитета, что ни тотъ, ни другой, въ своихъ рѣчахъ никого *лично* оскорблять не желали. Эти записки и были переданы предсѣдателю, который записку В..... передалъ князю Черкаскому, а записку князя Черкаскаго передалъ В....у. Затѣмъ все пошло обыденнымъ порядкомъ. Но, послѣ этого происшествія, меньшинство членовъ комитета рѣшило, что присутствовать будетъ при засѣданіяхъ, но станетъ впредъ простымъ только отрицаніемъ *не* соглашаться съ мнѣніемъ большинства и ни въ какія пренія вступать съ нимъ не будетъ. Между собою

же они стали разработывать цѣлый *отдѣльный* проектъ, чтó и было ими исполнено, и таковымъ *отдѣльнымъ* и представленъ онъ въ Редакціонную Коммиссію въ Петербургѣ.

VI.

Для полноты этого очерка надобно разсказать одно обстоятельство, имѣющее прямую связь съ освобожденіемъ крестьянъ. Вопросомъ о томъ князь Черкаскій занимался почти со школьной скамьи, вездѣ и всегда громко заявляя о необходимости этой реформы для Россіи. Были, конечно, кромѣ князя и другія лица, сознававшія всю необходимость ея, но о ней говорили лишь въ тѣсномъ, дружескомъ кружкѣ, такъ какъ прямое заявленіе объ освобожденіи крестьянъ считалось въ то время революціоннымъ, чуть ли не равносильнымъ желанію ниспровергнуть законное правительство. Эти понятія общества были тѣмъ болѣе странны, что не безъизвѣстно было, что императоръ Николай Павловичъ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ. Но въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и въ дворянствѣ всей Россіи освобожденіе крестьянъ считалось рѣшительно невозможнымъ; одна мысль о немъ наводила ужасъ *): Поэтому и трудъ Черкаскаго «о Юрьевомъ днѣ», гдѣ *слегка* намекалось о возможности измѣненія и облегченія крѣпостнаго права, былъ запрещенъ въ печати.

Въ Тульской губерніи, по почину князя Черкаскаго, составился маленькій кружокъ людей, которые рѣшили въ тихомолку заняться этимъ вопросомъ и, по возможности, изложить письменно основныя правила, которыя облегчили бы *постепенное* осуществленіе этой мысли. Лица, вошедшія въ этотъ кружокъ, были, кромѣ князя Черкаскаго, Раевскій, Владимиръ Андреевичъ Норовъ, графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій, Дмитрій Дмитріевичъ Ошанинъ, Павелъ Николаевичъ Мясновъ и Михаилъ Павловичъ Болотовъ. Тогда въ Тулѣ губернаторомъ былъ умный и просвѣщенный Николай Николаевичъ Муравьевъ, въ послѣдствіи графъ Амурскій. Князь Черкаскій сообщилъ ему о занятіяхъ своего кружка, добавивъ, что весьма желательно, чтобъ правительство, если прямо и не желаетъ покровительствовать ихъ трудамъ, то по крайней мѣрѣ, ихъ не игнорировало.

---

*) Жена одного высокопоставленнаго лица въ Москвѣ, княгиня Л , серьезно у меня спрашивала зимой 1861 го года: „Неужели вы не боитесь вернуться въ деревню лѣтомъ? Вѣдь, говорятъ, скоро будетъ *эманципація?*“—Нисколько не боюсь, отвѣчала я.—„Чтожъ вы въ домѣ сдѣлали желѣзныя ставни?“—Не только никакихъ ставень нѣтъ въ нашихъ большихъ окнахъ и стеклянныхъ дверяхъ, ведущихъ на террассы, по онѣ даже на ночь никогда не запираются, засмѣялась я.—„Боже мой, какіе вы храбрые! Нѣтъ, мы остаемся все лѣто въ Москвѣ; въ деревню не поѣдемъ ни за чтò“.

Н. Н. Муравьевъ отнесся сочувственно къ этой мысли и обѣщалъ при предстоявшей ему поѣздкѣ въ С.-Петербургъ, развѣдать тамъ о томъ, что̀ можно по этому дѣлу устроить. Муравьевъ въ Петербургѣ, чрезъ посредство графа Киселева, который, какъ извѣстно, былъ поборникомъ освобожденія крестьянъ, получилъ разрѣшеніе Государя не препятствовать вышеименованнымъ лицамъ съѣзжаться въ Тулѣ и заниматься задуманнымъ ими дѣломъ; но вмѣстѣ Муравьеву было поручено слѣдить за этими лицами и въ случаѣ надобности, по усмотрѣнію Муравьева, немедленно прекратить всякія дальнія разсужденія по этому вопросу. Подумаешь, какіе *опасные* были эти люди! Вотъ ужъ именно свѣжо̀ преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Тотчасъ же начались занятія, и тотчасъ оказалось, что и эти немногія лица не могли придти къ одному результату. В. А. желалъ изъ этого вопроса сдѣлать выгодную финансовую операцію и тѣмъ поправить свои запутанныя дѣла. Гр. Бобринскій проповѣдывалъ какія-то отвлеченныя теоріи и увѣрялъ, что онъ давно изучаетъ вопросъ о рабствѣ и освобожденіи *негровъ*. И это говорилъ онъ, не шутя, а былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ воззрѣній.

Не смотря на эту разногласицу, работа шла и дошла уже до составленія свода выработанныхъ вопросовъ. Но тутъ наступилъ 1848-й годъ и Февральская Французская революція [1]). Изъ Петербурга прискакалъ нарочный курьеръ съ секретнымъ пакетомъ къ Тульскому губернатору. Приказано было немедленно закрыть «секретную коммиссію» и отобрать у всѣхъ лицъ подписки, что они освобожденіемъ крестьянъ болѣе заниматься не будутъ. Проектъ однакожъ былъ написанъ, но подписали его только: кн. В. А. Черкаскій, И. А Раевскій, П. Н. Мясновъ, М. П. Болотовъ и Д. Д. Ошанинъ. Гр. В. А. Бобринскій и В. А. Норовъ находили его неполнымъ, не цѣлесообразнымъ, а безъ содѣйствія правительства невозможнымъ къ исполненію.

Въ проектѣ предполагалось *постепенное* увольненіе крестьянъ и дворовыхъ отъ крѣпостной зависимости, обусловленное внесеніемъ крѣпостными людьми извѣстной суммы за освобожденіе. Сумма эта зависѣла отъ величины семейства, такъ что одинокій платилъ болѣе чѣмъ семейный, малосемейный болѣе многосемейнаго и т. д. Высшая сумма была 100 руб. для одинокаго *), а низшая 30 рублей сер. для большаго семейства, состоящаго изъ 6 и болѣе крестьянъ мужескаго пола; за женскій полъ не полагалось *никакой платы*: женщины освобождались съ мужьями, сыновьями, отцами и братьями. Дворовые осво-

*) Къ этому же времени относится и исторія Петрашевскаго; она еще болѣе Февральской революціи подѣйствовала на закрытіе коммиссіи освобожденія крестьянъ.

бождались съ землею или безъ земли, *по ихъ собственному усмотрѣнію*, но во всякомъ случаѣ обязательный для помѣщика *maximum* выкупной цѣны остается тотъ же — сто рублей сер.» (§ 4 проекта 1847-го года; когда кн. Черкассkій вводилъ этотъ проектъ въ своихъ имѣніяхъ, то уменьшилъ этотъ maximum до 80 р. с.) Крестьяне-хозяева освобождались съ одной десятиной на человѣка (мужескаго пола). Если къ выкупу приступала цѣлая деревня или по крайней мѣрѣ зажиточная часть, то крестьяне оставались на мѣстахъ, но, по требованію владѣльца, должны были переселиться къ одному мѣсту. Одинокіе и малосемейные, не пользовавшіеся землей, таковой не получили.

---

¹) Нельзя не замѣтить, что подписавшіеся подъ проектомъ добровольно опредѣлили *высшую* обязательную цѣну крестьянъ по сту рублей сер., *ниже* всѣхъ *оффиціальныхъ* оцѣнокъ ревизской души, принятыхъ закономъ: въ 1072-й статьѣ IX-го тома постановлено было „выдавать изъ казны въ удовлетвореніе помѣщику за крѣпостныхъ людей, записавшихся въ какое либо податное состояніе отпускнымъ актомъ, впослѣдствіи опороченнымъ или уничтоженнымъ судебнымъ приговоромъ, по 114 руб. 28 коп. сер. за каждую ревизскую душу мужескаго пола и по 57 руб. 14²/₇ коп. сер. за женскій полъ.“ Статья 1079-ая того же тома гласитъ: „Когда лица, воспользовавшіяся свободою, по послѣдующемъ пересмотрѣ дѣла, признаны будутъ окончательнымъ судебнымъ приговоромъ подлежащими къ возврату помѣщику, а между тѣмъ по закону въ крѣпостное состояніе они возвращены уже быть не могутъ, то въ вознагражденіе выдается владѣльцу изъ казны по 100 руб. сер. за каждую мужескаго пола душу и по 50 руб. сер. за женскую.“ Статья 1086 того же тома: „За людей духовнаго, однодворческаго и солдатскаго происхожденія, оказавшихся во всемилостивѣйше пожалованныхъ имѣніяхъ и выходящихъ по сему происхожденію изъ помѣщичьяго владѣнія, удовлетвореніе владѣльцу дѣлается по доходу, исчисляя оный съ каждой ревизской души безъ земли по 5 руб. 41³/₇ коп. сер. и выдавая помѣщику капитальной отъ сихъ процентовъ сумму, т. е. по 114 руб. 28⁴/₇ коп. сер. за каждую ревизскую душу мужескаго пола. Статьею 1091-й того тома установлено: „вознагражденіе 285 руб. 71³/₇ коп. сер. за взрослыхъ дѣтей мужескаго пола, военными поселянами или пахатными солдатами, поступившими изъ помѣщичьихъ крестьянъ въ первобытномъ ихъ состояніи прижитыхъ и по требованію начальства для присоединенія къ отцамъ представляемыхъ за 10-ти лѣтнихъ мальчиковъ по 85 руб. 71³/₇ коп. сер., за женскій полъ—въ половину противъ мужескаго“. Статьею 1036 того же тома: „по казеннымъ взысканіямъ отъ помѣщиковъ, кои имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, наличные изъ нихъ, безъ раздробленія семействъ, причисляются въ казенное вѣдомство, съ зачетомъ, въ число лежащаго на помѣщикахъ взысканія, за каждую наличную душу мужескаго пола по 85 руб. 71³/₇ коп. сер. „Если прибавить къ сей оцѣнкѣ самую низкую среднюю торговую цѣну земель Тульской губерніи, по 30 руб. (въ нынѣшнее время цѣна эта возвысилась отъ 150—до 200 руб. сер. и болѣе) за десятину, мы получимъ 115 руб. сер. По статьямъ 225 и 226 того же тома: „за крѣпостныхъ дворовыхъ людей, достающихся по наслѣдству *личному дворянину*, не имѣвшему права владѣть крестьянами и поступающихъ въ казенное вѣдомство, наслѣднику уплачивается отъ казны за каждую ревизскую душу мужскаго пола сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной

Какъ ни странны намъ *теперь* покажутся эти условія, *тогда* они были еще возможны и даже цѣлесообразны. Но и этотъ скромный проектъ трудно было ввести въ жизнь безъ содѣйствія правительства. Тогда подушная подать платилась по количеству *душъ*, т. е. крестьянъ мужескаго пола, состоящихъ по послѣдней ревизіи въ сельскомъ обществѣ; ни умершіе, ни на волю отпущенные, ни бѣжавшіе, ни въ военную службу отданные крестьяне изъ ревизіи *не* исключались, и не только вся тяжесть денежной подати, но и рекрутской ложилась на общество до слѣдующей ревизіи, хотя бы оно уменьшилось на половину и болѣе. Кромѣ того, почти всѣ имѣнія помѣщиковъ были тогда заложены, и за каждаго отпущеннаго на волю человѣка обязательно было внести въ Сохранную Казну Опекунскаго Совѣта соотвѣтственную сумму. Слѣдов. еслибы кто захотѣлъ вводить въ своемъ имѣніи вышеозначенный проектъ, *безъ* содѣйствія правительства, то дѣло это сопряжено было бы съ большими трудностями и издержками со стороны помѣщика. Однако же эти почти неодолимыя преграды не остановили князя Черкаскаго. Онъ тогда былъ холостъ и имѣлъ, если не богатое, то достаточное состояніе: по *тогдашнему*, отъ 500 до 600 заложенныхъ душъ въ Тульской губерніи.

Возвратясь въ свое имѣніе, онъ тотчасъ началъ приводить свой проектъ въ исполненіе, объявивъ его своимъ крестьянамъ. Сначала немногіе изъ нихъ имъ воспользовались. Было ли это свойственное Русскому крестьянину недовѣріе къ своимъ *господамъ*, или недостатокъ у крестьянъ денегъ для внесенія требуемой съ нихъ суммы, не знаю. Первый, явившійся съ просьбой объ освобожденіи, былъ молодой, отличный поваръ, изъ дворовыхъ, только что прибывшій изъ Москвы, гдѣ ученіе его стоило князю Черкаскому 250 рубл. сер. Внеся 80 рубл., поваръ получилъ вольную и немедля укатилъ обратно въ Москву. Затѣмъ явились два изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ

для писанія купчихъ крѣпостей на населенныя въ той губерніи имѣнія, а за одинокія лица женскаго пола по 50 руб. сер." Статья же 363 Устава о пошлинахъ V-го тома Свода Законовъ „опредѣляетъ цѣну сію, для письма крѣпостей въ Тульской губерніи, *сто двадцать* руб. серебромъ." „Въ заключеніе (такъ значится въ вышеупомянутомъ проектѣ) нижеподписавшіеся долгомъ считаютъ объяснить, что, по искреннему желанію своему содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и крайнему разумѣнію, благимъ видамъ правительства, испрашивая для собственныхъ своихъ имѣній установленія весьма умѣреннаго maximum'а во сто рублей сер., ни мало не имѣли въ виду опредѣленія такой цѣны, которая бы могла быть приложена ко всѣмъ разнообразнымъ краямъ обширнаго отечества; и даже обязательное для всѣхъ владѣльцевъ установленіе сего низкаго maximum'а они почли бы крайне обременительнымъ для нихъ не только въ богатыхъ губерніяхъ Приволжскихъ, но даже во многихъ мѣстностяхъ Тульской губерніи." (Проектъ коммиссіи 1847-го года примѣчаніе § 3, I-й главы).

одной деревни; какъ многосемейные, они внесли выкупа сравнительно немного и также получили вольную. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе; такимъ образомъ, мало-по-малу, къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, значительная часть крестьянъ князя Черкаскаго вышла изъ крѣпостной зависимости. Но какихъ жертвъ это стоило владѣльцу! Онъ, за вышедшихъ на волю крестьянъ, платилъ изъ своего кармана слѣдуемые въ казну подушные сборы и соотвѣтственную сумму вносилъ въ Опекунскій Совѣтъ; доходы его уменьшились, такъ какъ запашку въ имѣніи онъ принужденъ былъ почти всю уничтожить; а болѣе бѣдные крестьяне, оставшіеся крѣпостными, плохо платили оброки.

Тогда, не только сосѣдніе помѣщики, но и дворянство другихъ губерній вознегодовало на князя Черкаскаго. Говорили, что правительство (сущая клевета!) его тайно поддерживало деньгами и будто обѣщаны ему чины, отличіе и мѣста, если привьется его мѣра освобожденія. Помѣщики кричали, что онъ волнуетъ весь край, что будто бы въ крестьянахъ, а въ особенности въ дворовыхъ людяхъ, глядя на примѣръ людей Черкаскаго, проявляется непослушаніе, строптивость и т. п. Но когда, наконецъ, появился высочайшій рескриптъ, образовались крестьянскія коммиссіи, и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ рѣшенъ, тогда пошли совершенно иные толки. Стали говорить, что кн. Черкаскій, какъ весьма умный и хитрый человѣкъ, все предвидѣлъ и отпустилъ болѣе половины своихъ крестьянъ безъ надѣла земли и этимъ, во время всеобщаго освобожденія, пріобрѣлъ бо́льшія выгоды. То была вторая и усугубленная ложь, такъ какъ дворяне Тульской губерніи и въ особенности того же уѣзда или сосѣднихъ съ кн. Черкаскимъ уѣздовъ очень хорошо знали, что онъ не только выгодъ не получилъ, но разстроилъ свое состояніе преждевременнымъ отпускомъ на волю большей части своихъ крестьянъ. Многіе, сочувствующіе освобожденію крестьянъ, и въ томъ числѣ почтенная личность, доставившая мнѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія по этому дѣлу, пріѣзжали къ князю Черкаскому, чтобы ознакомиться въ подробности со всѣми правилами, по которымъ онъ дѣйствовалъ при отпускѣ своихъ крестьянъ на волю, дабы у себя, въ своихъ имѣніяхъ, осуществить туже мысль. Но всѣ они, послѣ подробнаго изученія этого вопроса, должны были отказаться отъ благого намѣренія, такъ какъ матеріальныя траты на это дѣло были для нихъ слишкомъ обременительны.

Грустно и больно, что до сихъ поръ, когда говорятъ о кн. В. А. Черкаскомъ, есть люди, которые утверждаютъ, что, освободивъ часть своихъ крестьянъ до 1861 года, онъ сдѣлалъ выгодную аѳеру. Нѣкоторые говорятъ это изъ злобы и зависти; бо́льшая же часть, какъ къ сожалѣнію это всегда бываетъ, повторяетъ слышанное, не сознавая даже хорошенько, въ чемъ дѣло и о чемъ идетъ рѣчь.

ИЗЪ ДЕПЕШЕЙ БАРОНА БАРАНТА.

1836 годъ [1]).

Къ Тьеру.

С.-Петербургъ, 16 Іюля 1836.

Вчера, въ Четвергъ, посланники были приглашены на балъ, данный Императрицей въ одномъ изъ садовыхъ павильоновъ. Въ этотъ вечеръ Императоръ, отведя меня къ сторону, говорилъ съ живостью и подобающимъ чувствомъ о преступленіи, которое угрожало жизни короля [2]). Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ перешелъ къ политическимъ размышленіямъ, внушеннымъ ему этимъ печальнымъ событіемъ и вновь сказалъ мнѣ, что король прекратитъ все это лишь 18-мъ Брюмёромъ [3]). Я попытался объяснить, что это преступленіе, если даже и не представляетъ совсѣмъ исключительнаго явленія, вовсе не является симптомомъ опаснаго, ненадежнаго, угрожающаго политическаго положенія; что партіи побѣждены и нравственно уничтожены, что палаты служатъ могучимъ средствомъ для правительства и всегда являлись расположенными сдѣлать все, чтò нужно для сохраненія монархіи. Разговоръ обратился затѣмъ на нравственное состояніе Франціи, и ваше превосходительство хорошо понимаете безъ моихъ объясненій, чтó могъ и долженъ былъ говорить Императоръ. Я старался опровергать все то, чтò было преувеличеннаго и невѣрнаго въ его сужденіяхъ. Онъ настаивалъ особенно на народномъ воспитаніи (такъ какъ оно въ настоящее время составляетъ предметъ его занятій и намѣреній). Мнѣнія его о томъ, чтó происходитъ во Франціи, совсѣмъ ошибочны; онъ вовсе не цѣнитъ общественныхъ школъ, гдѣ ученики получаютъ и воспитаніе

---

[1]) См. выше, стр. 120—140.

[2]) Въ 1836 году на жизнь короля Людовика-Филиппа было два покушенія, Алибò и Мёнье. За годъ передъ тѣмъ, на войсковомъ смотру онъ едва не погибъ отъ взрыва такъ-называемой адской машины Фіески, при чемъ убитъ былъ знаменитый маршалъ Мортье. Послѣдствіемъ этихъ покушеній были между прочимъ новыя стѣснительныя мѣры противъ печати, отразившіяся и у насъ, чтò дало Пушкину поводъ сказать, что за шалости принца сѣкутъ пажа. Тогда же Французское правительство ослабило свое покровительство Полякамъ, бѣжавшимъ во множествѣ отъ насъ въ единовѣрную Францію послѣ Польскаго мятежа. П. Б.

[3]) Т. е. уничтоженіемъ представительныхъ учрежденій. П. Б.

и образованіе, гдѣ они находятся подъ полнѣйшимъ надзоромъ, отъ университетскихъ училищъ, гдѣ молодые люди, достигшіе извѣстнаго возраста, продолжаютъ свободно свое ученіе, слушая лекціи. Разговоръ былъ очень продолжителенъ и велся въ надлежащемъ тонѣ. Императоръ нѣсколько разъ мнѣ говорилъ: «Я не люблю говорить о томъ, что̀ происходитъ у другихъ. Всякій долженъ знать, что̀ для него хорошо и дурно; объ этомъ не говорятъ съ посланниками». Когда я сдѣлалъ намекъ, что это покушеніе могло имѣть связь съ Швейцарскими комитетами, онъ замѣтилъ быстро: «и съ Англійскими, безъ сомнѣнія; тамъ они еще хуже!» Я отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаю. Затѣмъ онъ добавилъ: «Простите, если я буду говорить о прошломъ, хотя уже безполезно; но вы слишкомъ долго щадили этихъ Швейцарцевъ. Вы не помогли имъ два года тому назадъ войти въ разумъ». Мой отвѣтъ былъ, какъ онъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что слѣдуетъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и общественному мнѣнію, что, опережая ихъ и совѣтуя осторожность, не раздѣляемую обществомъ, не найдешь никакой поддержки. «Но есть обязанности, которыя надлежитъ выполнять независимо отъ общественнаго мнѣнія; таково правило моего образа дѣйствій. Я дѣлаю то, что́ считаю своимъ долгомъ, а тамъ пусть думаютъ, что́ хотятъ».—«Ваше Величество, отвѣчалъ я ему, безъ сомнѣнія не слѣдуетъ удаляться въ мысляхъ и намѣреніяхъ отъ того, что́ справедливо и хорошо; но преуспѣвать есть также долгъ для Государя, и было бы виною съ его стороны мѣшать успѣху, особенно если цѣль внушена ему его совѣстію».

Во время этого разговора я прилагалъ всякое стараніе настаивать на безусловной достовѣрности того, что ужасное несчастіе, горестный успѣхъ убійцы, нисколько бы не смутилъ будущности Франціи, что престолонаслѣдіе было бы упрочено и спокойно принято, что герцогъ Орлеанскій пользуется все болѣе и болѣе довѣріемъ и что во Франціи объ немъ того же мнѣнія, какъ теперь въ Вѣнѣ и Берлинѣ.

Въ продолженіе вечера Государыня также разговаривала со мною искренно и просто объ опасности, которой подвергался король, и выразила большую симпатію къ безпрестанному страданію и тревогамъ, смущающимъ жизнь королевы.

Вообще можно только вторить отзывамъ разсудительныхъ людей и Петербургскаго общества по поводу этого покушенія. Наше политическое положеніе въ настоящее время достаточно хорошо извѣстно. Преступленія не приписываютъ обширному заговору и даже не вспышкѣ духа партіи, но отсутствію нравственныхъ чувствъ у низ-

шихъ классовъ, опасному сочетанію нищеты, безпорядка и гордости, испорченности неопредѣленныхъ и страстныхъ стремленій, вліянію журналовъ и драмъ. Словомъ, все, чтó говорится по этому печальному поводу въ Парижѣ, повторяется въ Петербургѣ, или потому что раздѣляютъ это мнѣніе или потому что принимаютъ его, такъ какъ оно кажется основательнымъ.

15-го числа Императоръ со всей своей семьею отправился на пароходѣ въ Кронштадтъ, чтобы сдѣлать смотръ своему флоту. Линія состояла изъ 26 трехпалубныхъ кораблей. День былъ прекрасный. Это было великолѣпное зрѣлище, и Императоръ очень любовался выставленнымъ на видъ могуществомъ своего флота. Онъ любитъ величавыя и пышныя зрѣлища; они одушевляютъ его своей показностью и говорятъ его воображенію своимъ блескомъ и возбуждаемою молвою. Онъ имѣлъ къ этому параду совсѣмъ особый интересъ, который весьма подходитъ къ его характеру. Петръ Великій, начавъ создавать флотъ въ Петербургѣ и послѣ своихъ морскихъ побѣдъ надъ Шведами, вспомнилъ, что, будучи еще ребенкомъ, часто плавалъ по рѣкѣ возлѣ Москвы на парусномъ ботикѣ, сдѣланномъ въ Англіи и что тамъ ему пришла первая мысль создать изъ Россіи могущественную морскую державу. Онъ привезъ изъ Москвы эту лодку и велѣлъ своему флоту воздать ей величайшія почести. Въ послѣдующее время лодку стали съ благоговѣйнымъ почетомъ сохранять. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я ѣздилъ смотрѣть ее; она находится въ крѣпости подъ навѣсомъ. Императоръ велѣлъ ее поправить и выкрасить; черезъ нѣсколько времени ее спустили при пушечной пальбѣ на Неву, она доплыла до Кронштадта и была взята на палубу парохода «Геркулесъ». Тамъ ее поставили на разукрашенномъ помостѣ, окруженномъ старыми гренадерами - гвардейцами. «Геркулесъ», неся эту святыню основателя могущества и величія Россіи, шелъ впереди парохода, на которомъ находился Императоръ со своей семьей и свитой. Весь флотъ воздалъ почести своему «дѣдушкѣ», какъ называлъ Петръ Великій этотъ ботикъ. Объѣхавъ всю линію, Императоръ съ Императрицей, всею царскою фамиліей и тремя посланниками на лодкѣ, рулемъ коей онъ самъ управлялъ, распоряжаясь маневрами, направился къ «Геркулесу» и взошелъ на него, чтобы самому воздать честь ладьѣ Петра Великаго. Этотъ парадъ, благопріятствуемый прекрасной погодой, былъ дѣйствительно внушителенъ.

Присоединяю къ моему письму списокъ судовъ, участвовавшихъ на смотру *). Ваше превосходительство усмотрите, что большинство судовъ носитъ названіе побѣдъ, одержанныхъ надъ Французами. Мнѣ дали

*) Этого списка при депешѣ не напечатано. П. Б.

этотъ списокъ. Императоръ, видя, что я его читаю, дружески подошелъ ко мнѣ со словами: «Я увѣренъ, что вы еще не можете читать бѣгло по-русски; я вамъ помогу». Первый корабль былъ «Березина». «Въ вашей экскадрѣ есть «Аустерлицъ» и «Фридландъ»; всякій чтитъ свои славныя воспоминанія. Вамъ должно это казаться вполнѣ естественнымъ».—«Они есть у каждаго народа, Ваше Величество, и мы также умѣемъ прославлять свои», отвѣчалъ я. Въ его словахъ нельзя было замѣтить ничего оскорбительнаго. Онъ всегда охотно вспоминаетъ о войнѣ Россіи съ Франціей. Вчера, говоря со мной о Горасѣ Верне, которому онъ выказываетъ по истинѣ трогательную доброту, онъ сказалъ: «Онъ мнѣ пишетъ двухъ гренадеръ старой гвардіи; эта картина захватываетъ сердце».

Тьеру.

С.-Петербургъ, 1-е Августа 1836.

Императоръ еще до сихъ поръ въ Красно-сельскомъ лагерѣ; часть дипломатическаго корпуса присутствуетъ на маневрахъ. Всѣ носящіе форму считаютъ долгомъ находиться тамъ. Петербургское общество находится или на дачѣ или въ путешествіи, и у насъ нѣкоторое время отдыхъ: не занимаются никакимъ дѣломъ, едва найдешь случай для политическаго разговора.

Я не нашелъ удобнымъ находиться въ лагерѣ; я могъ бы надѣть мундиръ національной гвардіи подобно тому, какъ лордъ Дургамъ надѣлъ форму милиціонную; но кромѣ того, что я всегда считалъ признакомъ дурнаго вкуса изображать изъ себя военнаго, не будучи таковымъ, мнѣ казалось, что, изображая въ данномъ случаѣ Французскаго маршала, я займу положеніе совсѣмъ мнѣ не подходящее. Если король счелъ удобнымъ выбрать посланника не изъ среды военныхъ, то, конечно, для того, чтобъ избѣгать подобныхъ случаевъ, когда Императоръ, при болѣе или менѣе радушномъ и благосклонномъ пріемѣ, который оказывается дипломатическимъ агентамъ, при обращеніи съ ними съ намѣреніемъ ли или по первому впечатлѣнію, выражаетъ свое расположеніе къ государямъ и державамъ, которыхъ они представляютъ. Я боялся, что будетъ несообразно намѣреніямъ короля и полученнымъ мною инструкціямъ, если я съ явной радостью ухвачусь за случай приблизиться къ Императору. Впрочемъ, со дня на день я все больше убѣждаюсь, на сколько приличествуетъ здѣсь сохранять сдержанность и не подражать куртизанскимъ привычкамъ, которыя слишкомъ усвоены дипломатическимъ корпусомъ. Такой образъ дѣйствій указанъ мнѣ характеромъ отношеній Императора къ королю, нашему августѣйшему повелителю. Кромѣ того, онъ позволяетъ оставлять не замѣ-

ченными случайныя и преходящія сужденія, пустыя обвиненія, которыя могутъ быть выражены относительно Франціи, ея правительства и ея положенія. Когда мнѣ ихъ сообщаютъ, я выказываю мало вниманія, чаще только усмѣхаюсь, не входя въ опроверженія, что́ весьма хорошо̀ удается и что́ создало мнѣ, если не ошибаюсь, очень хорошее положеніе не только среди добраго Русскаго общества и правительственныхъ лицъ, но и въ глазахъ самого Императора. Онъ говоритъ мнѣ лишь то, что̀ я долженъ слышать. Ко всему тому, что́ касается Франціи, онъ обыкновенно показываетъ большую сдержанность; лишь въ само̀мъ тѣсномъ кругу своихъ близкихъ онъ выражаетъ свои мысли. Всѣ его окружающіе сообразуются съ этимъ. Въ тоже время, когда я имѣю случай его видѣть, онъ выражаетъ мнѣ обычную ему изящную благосклонность.

Виконтъ де-Кинмонъ (Quinemont), причисленный къ Французской миссіи въ Копенгагенѣ, пріѣхалъ сюда въ качествѣ путешественника. Представленный Императору, онъ, какъ недавно находящійся на службѣ, былъ милостиво понужденъ имъ отправиться въ лагерь; тамъ онъ нашелъ самый любезный пріемъ и былъ предметомъ большаго вниманія.

Однажды исполняли прекрасный маневръ: девяносто пушекъ прискакали галопомъ на возвышеніе, гдѣ и размѣстились побатарейно; колонны пѣхоты въ тоже время заполняли промежутки между ними; движеніе было исполнено съ необычайною точностью. День былъ прекрасный, солнце освѣщало это величавое и внушительное зрѣлище. Императоръ былъ въ восхищеніи и (повторяю слышанное отъ очевидцевъ) упоенный удовлетвореніемъ и гордостью, онъ, обыкновенно сохранящій большую важность, сталъ напѣвать солдатскую пѣсню. Подойдя къ де-Кинмону, онъ сказалъ:

— Ну, товарищъ, какъ это по вашему? Надѣюсь, что эти пушки никогда не будутъ стрѣлять противъ Французовъ. Боже упаси насъ отъ войны; но если будетъ такое несчастіе, слѣдуетъ, чтобы Русскіе и Французы были вмѣстѣ. Никто не будетъ въ состояніи идти противъ этихъ двухъ армій.

Не слѣдуетъ придавать особаго значенія этимъ словамъ, вызваннымъ впечатлѣніемъ минуты. По моему они вовсе не выражаютъ измѣненія въ расположеніи Императора. Это живое изліяніе относится не къ дѣйствительной Франціи, но къ Франціи прежней или даже воображаемой, къ Франціи всецѣло монархической и военной, о которой онъ сожалѣетъ, не отдавая себѣ отчета, возможна ли она теперь. Этимъ

объясняется такой удивительно нѣжный пріемъ, оказанный Горасу Верне, такая интимность его жизни среди царской семьи, все то, чего иначе не поймешь, и что́ даже здѣсь нѣсколько удивляетъ. Я долженъ сказать, что трудно пользоваться этою милостью съ бо́льшимъ тактомъ и умѣренностью чѣмъ Горасъ Верне. Онъ скоро уѣдетъ во Францію, но вернется сюда на будущій годъ, чтобъ остаться подольше и предпринять больше работы.

Я всегда сожалѣю, что не могу доставлять вашему превосходительству точныя и опредѣленныя статистическія свѣдѣнія; ихъ очень трудно достать, и я объяснилъ вамъ причину этого. Я вижу, что и другіе члены дипломатическаго корпуса, также какъ и я, мало успѣваютъ въ розысканіи этихъ свѣдѣній. Много времени тому назадъ я могъ послать нѣсколько цифръ изъ бюджета 1835 года въ копіи, купленной мною очень дорого; но чѣмъ болѣе я узнаю дѣла, тѣмъ менѣе вѣрю подлинности этого документа. Изъ него выходитъ, что расходы равнялись лишь 543, а доходы 528 милліонамъ, расходы на армію были въ 181 милліонъ, на флотъ 40, долговъ же всего на 55 милліоновъ.

Списокъ расходовъ на флотъ похожъ на правду; я слышалъ, какъ всѣ повторяли эту цифру; такъ какъ вообще этотъ расходъ считается безполезно увеличеннымъ, и его очень порицаютъ, то вѣроятно, его лучше знаютъ, чѣмъ другой.

Люди свѣдующіе полагаютъ, что войско сто́итъ много больше 181 милліона, особенно если принять во вниманіе крѣпостныя работы; нѣкоторыя изъ нихъ очень значительны. Императоръ хочетъ имѣть значительную крѣпость со стороны Кіева; на Модлинъ (Новогеоргіевская крѣпость) назначены большія суммы, но расходъ относится къ Польскому бюджету.

Расходы по уплатѣ долговъ, какъ мнѣ кажется, почти достовѣрны. Я надѣюсь узнать съ достовѣрностью подробности по этой части, т. е. полны ли оффиціально оглашаемыя каждый годъ свѣдѣнія, всѣ ли долги и суммы, употребленныя на уплату, выкупъ, погашеніе и на проценты, туда входятъ. Но что́ крайне сомнительно, я это могу доказать: это балансъ расходовъ съ доходами. Я долженъ вѣрить, полагаясь на общее мнѣніе и на то, что́ слышалъ отъ людей благо и зложелательныхъ, что дефицита нѣтъ или онъ очень малъ. Въ чемъ я болѣе увѣренъ, это то, что общіе налоги довольно быстро увеличиваются. Таможня и налогъ на водку постоянно и быстро ростутъ (sont dans une progression dont on se félicite souvent). Доходъ питейный, кажется,

достигаетъ 120 милліоновъ. Государственныя земли необозримы, и управленіе ими становится все болѣе правильнымъ и тщательнымъ.

Вообще, при бѣгломъ обозрѣніи Россіи и ея правительства, администрація ея не кажется обремененною долгами и затрудненною. Министръ финансовъ человѣкъ бо́льшаго порядка; князь Волконскій, министръ удѣловъ и слѣдовательно большей части коронныхъ земель, бережливый и строгій администраторъ. Несомнѣнно, что среди второстепенныхъ и низшихъ чиновниковъ мало честности и царитъ явный безпорядокъ. Расходы на нихъ очень увеличились. Многіе откупа очень скандальны, часто работы плохо исполняются, и поставленное бываетъ дурнаго качества; но я склоненъ думать, что вообще администрація въ довольно большомъ порядкѣ.

Во всякомъ случаѣ Польскій заемъ, о которомъ я говорилъ вашему превосходительству, долженъ погасить или уменьшить дефицитъ. Турецкая контрибуція за очищеніе Силистріи пойдетъ также конечно на пополненіе обыкновенныхъ расходовъ; необходимость въ этомъ пополненіи, по моему мнѣнію, способствовала той легкости, съ которою Русское правительство заключило этотъ договоръ. Иногда министры поговариваютъ о новыхъ налогахъ, толкуютъ объ ихъ удобствахъ и неудобствахъ, о трудности установить и собирать ихъ. Время отъ времени возникаетъ вопросъ о налогѣ на табакъ; если свекловичный сахаръ будетъ вырабатываться въ изобиліи, можетъ быть и его обложатъ. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не считается настоятельно нужнымъ, но объ нихъ думаютъ.

При моемъ отъѣздѣ изъ Парижа герцогъ де-Броли выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я, сообразно съ обстоятельствами и досугомъ, объѣхалъ немного внутренность Россіи; ему казалось полезнымъ ее узнать и получше изучить, чего нельзя сдѣлать въ Петербургѣ, потому что онъ, собственно говоря, не Русскій городъ.

Полагая, что и ваше превосходительство раздѣляете эти мысли, я считаю сообразнымъ съ вашими намѣреніями воспользоваться этимъ временемъ, чтобы побывать въ Москвѣ и на ярмаркѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Императоръ хочетъ предпринять это путешествіе, и еще зимой онъ меня подговаривалъ быть въ Нижнемъ въ одно съ нимъ время; затѣмъ онъ нѣсколько разъ изволилъ напоминать мнѣ «о нашемъ свиданіи въ Нижнемъ», какъ ему угодно было выражаться. Поэтому мой отъѣздъ, мнѣ кажется, вызванъ скорѣе исполненіемъ долга, чѣмъ любопытствомъ путешественника.

Графу Гудето (Houdetot)

Москва, 15 Августа 1836.

Москва совсѣмъ не то, чего я ждалъ: ея видъ не имѣетъ ничего готическаго, восточнаго, ни даже Греческаго. Какъ для Россіи, такъ и для этого города не было среднихъ вѣковъ. Въ XV столѣтіи начали строить дворцы, церкви, заимствуя какъ попало отовсюду, нагромождая всевозможные стили. Это какая-то невѣроятная, но мощная и эффектная смѣсь. Москва городъ колоколенъ, внѣшнія и внутреннія украшенія ея четырехъ или пятисотъ церквей, всегда причудливаго стиля, часто заставляютъ вспоминать объ Индійскихъ, Тибетскихъ или Китайскихъ пагодахъ. И христіанство среди простаго народа приняло отчасти этотъ характеръ. Прибавьте, что въ этомъ суровомъ климатѣ приходится постоянно подштукатуривать, подкрашивать, такъ что все имѣетъ мишурный видъ. Тѣмъ не менѣе я былъ глубоко захваченъ видомъ Кремля: это было одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній подобнаго рода. Кремль—это Москва; остальной городъ новъ, какъ и Петербургъ, даже почти что въ томъ же духѣ; тѣже широкія улицы, огромныя площади, прекрасныя зданія съ колоннами изъ оштукатуреннаго кирпича, но менѣе правильности и прямыхъ линій. Хотя народонаселеніе и меньше, но оно болѣе на виду, чѣмъ въ Петербургѣ; здѣсь большое движеніе. Москва живетъ много самостоятельнѣе и не имѣетъ вида чего-то зависимаго и придаточнаго къ царской резиденціи; нѣтъ у нея и Петербургской военной физіономіи. Въ нравственномъ отношеніи городъ имѣетъ или скорѣе начинаетъ имѣть нѣчто буржуазное, провинціальное и промышленное; въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ быстрые шаги. Въ этомъ центрѣ, столь отдаленномъ отъ Европы, очень мало занимаются тѣмъ, что́ происходитъ на нашемъ Западѣ. Европейская цивилизація все менѣе и менѣе будетъ нести сюда свои продукты: увеличеніе потребленія, благосостоянія и желанія онаго, отдаленность отъ промышленныхъ центровъ, высокая плата за перевозъ даютъ большой успѣхъ мѣстнымъ промышленнымъ учрежденіямъ; покровительственная система, что́ тамъ ни говори, способствуетъ этому. Я не хочу теоретически разсматривать, полезна или нѣтъ эта система; но, ободряя предпринимателей, она порождаетъ предпріятія. Ихъ здѣсь очень много, и въ нихъ сосредоточивается главный интересъ. Война будетъ здѣсь въ той же степени народною какъ въ Ліонѣ или С. Этьенѣ.

Тьеру.

Москва, 23 Августа 1836.

Императоръ пріѣзжаетъ сегодня утромъ и проживетъ здѣсь только три дня. Онъ окончилъ смотры, ученья, маневры, которые взяли у него шесть недѣль времени и много милліоновъ денегъ. Въ различныхъ проявленіяхъ этой военной страсти нѣтъ никакихъ злыхъ намѣреній. Онъ часто повторяетъ, что эта армія, которую онъ находитъ столь прекрасной, соразмѣрна обширности имперіи и что ея назначеніе поддерживать его господство у себя. Я сообщалъ вамъ, что онъ говорилъ де-Кинмону. До меня не дошло ни одного враждебнаго слова съ его стороны по адресу Франціи. Однако во время иллюминаціи, бывшей вчера, изображались нѣкоторыя картины изъ Калишскаго лагеря*): число 1813 и девизъ союза державъ. Эти эмблемы приносятъ несчастіе, такъ какъ и этотъ разъ траспарантъ былъ дурно освѣщенъ. Никто на это не обратилъ вниманія. Напоминанія о походѣ противъ Франціи и объ освобожденіи Европы были очень холодно приняты. Этими воспоминаніями любятъ гордиться, какъ военной славой, но они не имѣютъ никакого вліянія на текущую политику и настроеніе. Духъ у офицеровъ и войска оказался во время маневровъ еще болѣе мирнымъ, чѣмъ у Императора.

Не хочу умолчать объ одномъ анекдотѣ, который произвелъ большое впечатлѣніе; онъ можетъ дать понятіе о характерѣ Императора. Вообще, особенно въ дѣлахъ, онъ строго отдаетъ приказанія и говоритъ быстро. Часто онъ дурно обращается съ офицерами и генералами. Это и было у него съ однимъ артиллерійскимъ генераломъ. Онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и перешелъ границы справедливости. На слѣдующій день онъ созвалъ передъ своей палаткой весь генеральный штабъ и публично извинился передъ генераломъ, который въ полномъ смущеніи склонился поцѣловать у него руку. Императоръ заключилъ его въ свои объятія. Весь разговоръ происходилъ по-французски, можетъ быть оттого, что эта сцена предназначалась болѣе для генераловъ, чѣмъ для солдатъ; можетъ быть онъ хотѣлъ подѣйствовать ею на иностранцевъ, здѣсь находящихся.

Изъ Москвы Императоръ поѣдетъ въ Нижній, Казань, Воронежъ, Харьковъ, Кіевъ и затѣмъ въ Варшаву. Неизвѣстно, какимъ онъ себя тамъ проявитъ, суровымъ или милостивымъ, угрожающимъ или умиро-

---

*) Гдѣ былъ въ 1813 году заключенъ наступательный союзъ противъ Наполеона между Александромъ Павловичемъ и королемъ Прусскимъ. П. Б.

творяющимъ. Впрочемъ дѣло идетъ только объ одной видимости; основа поведенія относительно Польши не можетъ измѣниться. Императоръ, или говоря точнѣе Русскіе, съ медлительностью или жесткой настойчивостью будутъ слѣдовать намѣренію уничтожить Польскій народъ, языкъ, религію. Война 1831 года не была обыкновенною войною, но борьбою двухъ враждебныхъ народовъ; не мятежъ былъ подавленъ, но покорена страна. Знамена, взятыя у Поляковъ, повѣшены на колоннахъ въ Казанскомъ соборѣ, ключи Модлина возложены въ Петербургѣ на гробницу великаго князя Константина, Кремль полонъ трофеями этой войны. Показываютъ оригиналъ хартіи, данной Польшѣ императоромъ Александромъ, и знамена Варшавской національной гвардіи. Изъ дворца увезли всю мебель какъ бы для того, чтобы показать, что Императоръ никогда не остановится въ немъ. Собраніе портретовъ Польскихъ королей, бронзовыхъ бюстовъ знаменитыхъ Поляковъ, коронныя регаліи, Польскій тронъ—все это находится въ Кремлѣ. До такой степени усердно вывозили мебель, что даже сосноваго стола покрытаго старымъ зеленымъ ковромъ, на которомъ писалъ императоръ Александръ, не оставили въ Варшавѣ. Въ военной школѣ я видѣлъ по крайней мѣрѣ около пятидесяти молодыхъ Поляковъ, переведенныхъ съ прошлаго года изъ уничтоженной Польской школы въ Калишѣ.

Вообще слѣдуетъ думать, что Императоръ можетъ сдѣлаться мягкимъ и благосклоннымъ къ отдѣльнымъ личностямъ, болѣе чѣмъ теперь заняться дарованіемъ нѣкотораго благосостоянія и процвѣтанія этой несчастной странѣ; но какъ Польшу, какъ отдѣльное царство, онъ ее ненавидитъ всѣми силами своей души и только и думаетъ какъ бы ее обратить въ Русскую губернію. Незначительное число Поляковъ, просившихъ помилованія и получившихъ его, держатся того же мнѣнія, что черезъ сохраненіе своихъ національныхъ притязаній ихъ родина подвергается тяжелой и гибельной тираніи; по ихъ словамъ сочувствіе, обнаруженное Европой, было гибельнымъ сожалѣніемъ: оно увеличило и продолжило ихъ страданія. Австрія исподтишка подбодряетъ и подстрекаетъ Русское правительство на этомъ пути подавленій и строгостей. Я встрѣчалъ здѣсь чиновниковъ, занимающихъ даже важныя мѣста, которые служили на Галиційской границѣ, и слышалъ онъ нихъ, что увѣдомленія, безпрестанно доставляемыя Австрійскою полиціей, дѣлаются поводомъ или предлогомъ самыхъ строгихъ мѣръ предосторожности *).

---

*) Эти увѣдомленія продолжались и имѣли силу очень долго. Ихъ жертвою были даже и такіе люди, какъ Н. И. Костомаровъ и Ѳ. В. Чижовъ. П. Б.

Я здѣсь уже десять дней. Я дожидался Императора, находя, что много интереснѣе видѣть его въ Московской столицѣ, чѣмъ на Нижегородской ярмаркѣ. Ранѣе его прибытія я осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ обширныя воспитательныя учрежденія и былъ на многихъ фабрикахъ; словомъ, я хотѣлъ извлечь все, чтó было можно, изъ моего путешествія.

Графъ Толстой, бывшій посланникомъ во Франціи, исправляетъ въ настоящее время должность Московскаго губернатора. Онъ принялъ меня съ выраженіями полной душевности и оказалъ мнѣ всевозможное вниманіе. Все было мнѣ показано съ тѣмъ большею готовностью, что общественныя учрежденія вообще поставлены съ великолѣпіемъ и содержимы въ томъ порядкѣ, который Русское правительство любитъ показывать иностранцамъ.

Тьеру.

С. Петербургъ, 8 Сентября 1836.

Я уѣхалъ изъ Москвы на слѣдующій день послѣ Императора. Три дня своего пребыванія онъ посвятилъ всеобщему осмотру и ревизіи производя ихъ съ обычной ему быстротой. Я имѣлъ честь два раза обѣдать съ нимъ. Никогда я не былъ лучше принятъ, никогда я не видалъ его въ такой степени расположеннымъ къ свободному разговору. Онъ еще находился подъ вліяніемъ удовольствія доставленнаго мѣсячнымъ пребываніемъ среди своего войска. Онъ путешествуетъ очень быстро: это ему нравится и оживляетъ его. Религіозное и сыновнее чувство, выражаемое Московскимъ народомъ, когда онъ по обычаю проходитъ среди многолюдной толпы изъ дворца въ соборъ, также производитъ на него впечатлѣніе. Хотя онъ не говоритъ рѣшительно ничего новаго и интереснаго, тѣмъ не менѣе я научаюсь его лучше знать и, слушая, какъ онъ пространно и горячо говоритъ, я лучше могу судить о его управленіи, администраціи и даже о странѣ, чѣмъ на основаніи большинства другихъ данныхъ. Разговоръ, какъ и подобало, велся о Россіи и не касался Франціи, о внутреннихъ дѣлахъ, а не о внѣшнихъ сношеніяхъ. Однако, возвращаясь почти непроизвольно къ занимающему его съ нѣкотораго времени предмету, къ необходимости быстраго и твердаго подавленія революціоннаго движенія, онъ мнѣ еще повторилъ: «Я никакъ никогда не пойму, чтобы могли быть законы, осуждающіе націю въ тридцать пять милліоновъ, трепетать передъ шайкой въ пятьсотъ убійцъ». Онъ, предупрежденный, что будутъ покушенія и противъ него, сказалъ: «Примемъ противъ этого мѣры, а тамъ чтò Богъ дастъ».

Я не предполагалъ, въ какой степени вѣрны мои слова въ предъидущемъ письмѣ къ вашему превосходительству о планахъ, которыхъ Императоръ хочетъ навсегда держаться относительно Польши. Я впередъ съ точностью сообщилъ вамъ то, что̀ услышалъ два дня спустя. Императоръ, говоря со мною о Кремлѣ и о томъ, что̀ я тамъ видѣлъ, спросилъ меня, замѣтилъ ли я тамъ привезенное изъ Варшавы. Онъ принялся перечислять всѣ трофеи и говорилъ о Польской войнѣ, какъ о самомъ лучшемъ тріумфѣ Русскаго войска, какъ о славѣ своего царствованія. Онъ воодушевился, разсказывая о неблагодарности Поляковъ, о нарушеніи ими присяги, о забвеніи ими памяти его брата Александра. Перечисливъ памятники этой побѣды (и онъ намѣренъ воздвигнуть еще и другіе), онъ еще спросилъ меня, видѣлъ ли я въ Петербургѣ пушки, поставленныя передъ гвардейскою церковью. «Гвардія отняла ихъ у Турокъ подъ Варною, сказалъ онъ, и такъ какъ одинъ изъ Польскихъ королей былъ нѣкогда убитъ подъ стѣнами этого города, то я думалъ сдѣлать пріятное Полякамъ, отдавъ имъ эти пушки. И что же? Эти несчастные обратили ихъ противъ меня и моей гвардіи снова пришлось проливать изъ-за нихъ кровь». Вы видите, что рѣдко побѣдитель сохраняетъ противъ побѣжденнаго столь сильное и презрительное враждебное чувство. Если Императоръ даетъ волю такимъ выраженіямъ, то мы, можетъ быть, скоро будетъ имѣть второе изданіе Варшавской рѣчи. Однако я этого не ожидаю.

Только что появился довольно неожиданный указъ о наборѣ по пяти человѣкъ съ тысячи. Указъ отъ 1-го Августа 1834 года раздѣлилъ имперію на двѣ части и постановлялъ, чтобы каждая по очереди поставляла рекрутъ; нынѣшній отмѣняетъ его, предписывая общій и одновременный призывъ. Наборъ этотъ дастъ около ста тысячъ человѣкъ. Въ поясненіи сказано, что уменьшеніе срока службы съ двадцати пяти до двадцати лѣтъ и отпускъ всѣхъ солдатъ, достигшихъ этого крайняго срока, значительно уменьшили армію тѣмъ болѣе, что отпускъ коснулся старыхъ наборовъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, которые были очень многолюдны. Это вѣрно. Но никто не находитъ необходимымъ при настоящихъ столь мирныхъ обстоятельствахъ тотчасъ же наполнять опустѣвшіе ряды. Собственники, особенно въ Москвѣ, гдѣ выражаются мысли съ бо̀льшею свободою, высказываютъ нѣкоторое недовольство этою мѣрою, налагающею на нихъ столь тяжелую контрибуцію, такъ какъ крѣпостные, взятые въ рекруты, имѣютъ цѣнность равную капиталу, доходы съ котораго они приносятъ, и что кромѣ того расходы на первую обмундировку лежатъ на хозяинѣ. Предпринятое уже два года тому назадъ рѣшеніе свести, срокъ службы къ

двадцати годамъ также не пользуется одобреніемъ. Администрація увѣряетъ, что получившіе отставку нисколько не затрудняются своимъ положеніемъ, что, будучи освобождены отъ крѣпостной зависимости, они легко находятъ мѣста и занятія въ городѣ или на фабрикахъ; что если они предпочитаютъ вернуться въ мѣста, откуда ихъ взяли двадцать лѣтъ тому назадъ, то они будутъ очень полезны помѣщикамъ: ихъ будутъ употреблять какъ чиновъ полиціи, и они образуютъ родъ мѣстныхъ жандармовъ, необходимыхъ для поддержанія добраго порядка среди крѣпостныхъ. Однако помѣщики совсѣмъ не признаютъ этихъ выгодъ; они говорятъ, что возвращеніе отпускныхъ ихъ затрудняетъ, что, не будучи уже крѣпостными, они мало послушны и скорѣе вредятъ чѣмъ способствуютъ порядку.

Каковы бы ни были эти жалобы, никто до сихъ поръ не считаетъ, чтобы этотъ наборъ имѣлъ какое нибудь отношеніе къ внѣшней политикѣ; никто не видитъ въ немъ проекта или мысли о войнѣ. Я до сихъ поръ не имѣлъ повода думать иначе. Во вкусѣ и привычкахъ Императора желать имѣть большое войско безъ всякаго намѣренія и проекта употребить его въ дѣло. Для него владычество (souveraineté) состоитъ главнѣйшимъ образомъ въ командованіи большимъ числомъ солдатъ. Царь находится въ опасности, если у него нѣтъ хорошаго, надежнаго войска; заниматься имъ, держать его въ дисциплинѣ и поддерживать въ немъ полную преданность: вотъ въ чемъ его первый долгъ и настоящая политика. «Я не хочу, говорилъ онъ мнѣ, хулить тѣхъ, кто несчастенъ; но старшая вѣтвь Бурбоновъ ничего не смыслитъ въ военномъ дѣлѣ: никогда она не умѣла цѣнить солдата и внушить ему любовь къ себѣ. Это понятно въ Карлѣ Десятомъ, но его сыновья служили и были на войнѣ; какъ же они остаются чужими вашему войску? Они воспитали герцога Бордосскаго въ томъ же духѣ». Я прибавилъ: Вотъ, давая такое воспитаніе королевскимъ дѣтямъ, и произвели то, что они утратили корону. «Это было Богу угодно», сказалъ онъ, чѣмъ и кончился разговоръ, о которомъ я сообщаю вамъ, чтобы показать особую любовь Императора къ военной службѣ.

Объясняютъ также этотъ исключительный наборъ планами Императора относительно Кавказа. Безъ сомнѣнія онъ имъ занимается, объ этомъ я также слышалъ. Онъ хочетъ поѣхать туда на слѣдующій годъ. «Надо это кончить, говорилъ онъ, надо Россіи начать пользоваться своею наилучшею провинціей. Эта война стоитъ многихъ жертвъ и денегъ; въ ней погибаетъ каждогодно по крайней мѣрѣ триста офи-

церовъ. Меня обнадеживаютъ, что, принявъ надлежащія мѣры, слѣдуя строго обдуманному плану, въ пять лѣтъ можно достигнуть полнаго подчиненія; но я долженъ самъ посмотрѣть; за ошибки приходится платить кровью». И Кавказскую армію хотятъ увеличить.

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1836.

Я имѣю честь отправить вашему превосходительству номеръ С.-Петербургской газеты, вышедшей вчера поутру. Подробности о досадномъ случаѣ [1]), приключившемся съ Императоромъ по дорогѣ изъ Пензы въ Тамбовъ, совершенно согласны съ истиной. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего болѣе серьознаго чѣмъ то, что̀ передаетъ газета. Императрица показывала своимъ приближеннымъ очень длинныя письма, которыя Императоръ могъ написать. У него даже не было лихорадки. Это неожиданное извѣстіе тотчасъ же распространилось среди всего общества съ точностью и безъ преувеличиваній, такъ что не произошло никакихъ тревожныхъ слуховъ. Печалясь о событіи, поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что оно могло бы быть серьознымъ, но къ счастію обошлось легко.

Я тотчасъ же засвидѣтельствовалъ графу Нессельроде чувства, возбужденныя во мнѣ этимъ неожиданнымъ несчастіемъ и мою радость по поводу того, что не произошло чего либо болѣе значительнаго. Мы, графъ Фикельмонъ и я, просили засвидѣтельствовать Императрицѣ по этому поводу наше глубокое почтеніе. Я имѣлъ честь ее видѣть и говорилъ ей о почтительномъ участіи, которое я принималъ въ ея безпокойствѣ.

Графу Моле.

С.-Петербургъ, 1 Октября 1836.

Императоръ нашелъ возможнымъ, раньше всякаго ожиданія, уѣхать изъ деревни, гдѣ его удержалъ печальный случай; онъ могъ отправиться въ дорогу 20 Сентября и даже путешествуетъ съ довольно неблагоразумною быстротой. Онъ пріѣхалъ позавчера безъ большаго утомленія въ Царское Село; вѣроятно онъ пробудетъ тамъ около мѣсяца прежде чѣмъ устроиться здѣсь на зиму.

Женитьба короля Оттона [2]) вызвала весьма замѣтное чувство удовлетворенія въ С.-Петербургскомъ кабинетѣ. Герцогъ Ольденбургскій, прежде чѣмъ ее устроить, писалъ Императору съ просьбою совѣта, и лишь послѣ его отвѣта бракъ былъ рѣшенъ.

[1]) Поломъ ключицы близъ города Чембара. П. Б.

[2]) 22 Сентября 1836 года на дочери герцога Ольденбургскаго, Амаліи. П. Б.

Графу Моле.

С.-Петербургъ, 15 Октября 1836.

Здоровье Императора не поправляется такъ быстро, какъ этого ожидали. Послѣ его пріѣзда у него было два новыхъ приступа тѣхъ мучительныхъ коликъ, которыя заставляли его страдать въ такой степени въ Чембарѣ. Доктора начинаютъ бояться, нѣтъ ли у него воспаленія печени. Это состояніе слабости, эта боль, противъ которой его воля безсильна, огорчаетъ и раздражаетъ Императора; какъ говорятъ, онъ крайне нетерпѣливъ, возмущается противъ болѣзни и лѣченія. Однако надо подчиниться лѣченію и мѣрамъ предосторожности, которыя въ настоящее время повидимому неизбѣжны *).

Случай, происшедшій нѣсколько дней тому назадъ, долженъ былъ, особенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, очень его раздражить. Возлѣ одной изъ казармъ офицеръ полка гвардейскихъ гренадеръ, недовольный маневрированіемъ своего батальона, приказалъ ему взойти въ казарму, чтобы нѣсколько часовъ спустя выйти и возобновить дурно исполненныя движенія. Одинъ взводъ не послушался команды и остался на мѣстѣ. Вторичный приказъ не сдѣлалъ солдатъ болѣе послушными: выступилъ впередъ унтеръ-офицеръ, отъ лица всѣхъ, изложилъ нѣкоторыя жалобы противъ своего начальства и заявилъ, что взводъ не двинется, если имъ не обѣщаютъ справедливости. Одну минуту казалось, что весь батальонъ склоненъ принять участіе въ этомъ мятежномъ упорствѣ. Тѣмъ не менѣе полковникъ приказалъ схватить унтеръ-офицера и главныхъ упрямцевъ; унтеръ-офицера приговорили къ шести тысячамъ ударовъ палками, т. е. къ смерти; онъ дѣйствительно умеръ во время исполненія наказанія; двадцать или тридцать солдатъ, проведенные черезъ строй, сосланы въ Сибирь.

---

*) О переломѣ ключицы въ Чембарѣ подробности въ Запискахъ графа А. Х. Бенкендорфа („Русскій Архивъ" 1864). Государь не слушался докторовъ, а извѣстіе о томъ, что Императрица возымѣла намѣреніе ѣхать къ нему, смутило его, и онъ, обложенный подушками, по тогдашнимъ плохимъ дорогамъ, отправился въ обратный путь. Въ Москвѣ пришлось остановиться въ Нескучномъ, куда царскій поѣздъ прослѣдовалъ отъ Рязанской заставы по такъ называемой Зацѣпѣ. Полагали, что Государь выздоровѣлъ, и священники изъ находящихся по пути церквей выходили, по старинному обычаю, со крестомъ, привѣтствуя и благословляя царя. Хотя они только подходили къ коляскѣ, но движеніе больной руки усиливало боль, и Государь въ большомъ раздраженіи доѣхалъ до Александринскаго дворца. Ему показалось, будто Филаретъ виновникъ этого безпокойства. Бывшій тогда адъютантомъ Московскаго генералъ-губернатора Н. П. Новосильцовъ передавалъ намъ, что раннимъ утромъ другаго дня онъ удивлялся, увидавъ въ Нескучномъ карету митрополита Филарета, у подъѣзда шефа жандармовъ. П. Б.

Въ этомъ событіи не надо видѣть какого либо признака неудовольствія или независимости въ Русской арміи: ничего общаго и политическаго нельзя предполагать въ этомъ отдѣльномъ случаѣ неповиновенія, который, несомнѣнно, долгое время не будетъ имѣть подражанія. Въ характерѣ солдата и вообще Русскаго крестьянина есть извѣстная граница терпѣнія, и разъ черезъ нее перейдутъ, они обнаруживаютъ порывъ отчаянія, который пренебрегаетъ самою очевидною опасностью, идетъ противъ власти наилучшимъ образомъ вооруженной и въ случаѣ успѣха производитъ самое дикое мщеніе. Такимъ образомъ должно служить правиломъ практической политики для правительства и для помѣщиковъ, для военачальниковъ и для управляющихъ крѣпостными—не доводить людей до крайности, во-время останавливаться въ мѣрахъ строгости и насилія. Полковникъ и офицеры этого полка вѣроятно не соблюли этого мудраго правила; надо полагать, что нѣсколько времени спустя они также будутъ наказаны втихомолку какою нибудь немилостью; но пока это будетъ, для поддержанія дисциплины, подавленіе мятежа, въ силу идей, господствующихъ въ Россіи, должно было быть слѣпо и безжалостно.

Чтобы покончить съ этимъ, скажу, что общественное вниманіе нисколько не обратилось на это обстоятельство, и о немъ почти не говорили; еще среди дипломатическаго корпуса я слышалъ кое-какіе пересуды дня четыре или пять спустя, вообще же о немъ и не знали.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

(Мысли по поводу картин Верещагина и картины г. Матвѣева).

„Вотъ наша спасительница!“ (Слова короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III о Москвѣ).

„Москва-храмъ Россіи, а Кремль-алтарь этого храма“. (Слова императора Александра III-го).

За послѣднее время на Западѣ замѣчается возростаніе интереса къ личности Наполеона и къ событіямъ, въ центрѣ которыхъ онъ стоялъ: во Франціи издаются новые документы, относящіеся къ этому времени, появляются новыя ученыя изслѣдованія о немъ; рядомъ съ историческими трудами растетъ и поэтическая легенда о Наполеонѣ. Искусство также не остается безучастнымъ къ этому движенію: на сценѣ, на страницахъ романовъ фигурируютъ Наполеонъ и лица, такъ или иначе, къ нему прикосновенныя. Какъ будто подтверждая неразрывную связь судьбы Наполеона съ судьбою Россіи, и наше искусство направило недавно свое вниманіе къ той же трагической эпохѣ, къ той же изумительной личности. Въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ, помѣщающемся у подножія того самаго Кремля, со вступленія въ который начался гибельный для Наполеона поворотъ въ блестящей судьбѣ его, было недавно выставлено собраніе картинъ Верещагина на сюжеты, взятые изъ исторіи 1812 года. Понятно нетерпѣніе, съ которымъ ожидалось открытіе выставки, напряженное вниманіе, съ которымъ за нею слѣдили. Трагизмъ и глубина темы, говорящей такъ много Русскому сердцу, даровитость художника, наконецъ совпаденіе самаго мѣста выставки съ мѣстомъ изображаемыхъ событій,—все соединялось, чтобы заинтересовать ею въ высокой степени не однихъ знатоковъ искусства, но и широкую массу зрителей. Выставка возбудила оживленныя и очень разнообразныя сужденія о художественномъ достоинствѣ картинъ, о вѣрности историческихъ взглядовъ ихъ автора и, наконецъ, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя картины вызываютъ въ патріотическихъ чувствахъ зрителей. Не вдаваясь въ разборъ всѣхъ этихъ мнѣній, мы позволимъ себѣ только отмѣтить то

разочарованіе, которое относительно послѣдняго обстоятельства довольно ясно выразилось какъ въ отзывахъ печати, такъ и въ сужденіяхъ значительной части публики.

Многимъ казалось и многими высказывалось, что въ картинахъ изъ исторіи 1812 года естественно было изобразить не только униженіе надменнаго завоевателя, но и величіе его смиренной противницы, Россіи. Но этого, какъ многимъ казалось, художникъ не съумѣлъ или, вѣрнѣе, не пожелалъ дать въ своихъ произведеніяхъ. Онъ изобразилъ побѣжденныхъ, но не представилъ побѣдителей; онъ далъ почувствовать, какъ гордый честолюбецъ былъ побѣжденъ доблестью не нравственною и не военнымъ умѣньемъ противниковъ, а однѣми стихійными силами природы: лѣтнимъ зноемъ во время похода, огнемъ пожара Москвы, морозами и снѣгами во время отступленія отъ нея. Это показалось исторически - невѣрнымъ однимъ, оскорбительнымъ для патріотическаго чувства другихъ. Но упрекавшіе по этому поводу художника, повидимому, не замѣчали, что въ признаніи разрушительной силы природы за побѣдительницу надъ величайшимъ изъ разрушителей, также мало заключается обиднаго для Русскихъ, какъ мало въ этомъ почетнаго для Французовъ. Трагическій исходъ похода 1812 года, казалось, былъ самимъ Провидѣніемъ предназначенъ для того, чтобы научить и Западъ, и Востокъ сознанію всеобщаго рабства разумныхъ существъ передъ неразумными силами природы, рабства гибельнаго и неизбѣжнаго до тѣхъ поръ, пока длится братоубійственный раздоръ между людьми, поглощающій непроизводительно ихъ энергію въ мирѣ не менѣе, чѣмъ на войнѣ, вмѣсто того, чтобы люди единою душою, единою мыслью и единою волею направляли все знаніе и всю энергію на регуляцію силъ природы для превращенія ихъ изъ разрушающихъ въ возсозидающія, изъ смертоносныхъ въ живоносныя. Въ 1812 году народамъ Запада, забывшимъ родство съ народами Востока, пришлось испытать лишь то, что̀ Русскимъ столько разъ приходилось испытывать во время своихъ многовѣковыхъ войнъ съ враждебнымъ Западу дикимъ и полудикимъ Востокомъ. Таже пыль, спутница неумолимой засухи континентальныхъ странъ, пыль, въ которой (на первой, превосходной картинѣ Верещагина) тонутъ въ недоумѣніи гордые завоевательные планы Наполеона у порога Москвы,— таже пыль, тотъ же безплодный песокъ и тотъ же губительный зной являлись вѣстниками смерти и для Русскихъ въ пустыняхъ Средней Азіи во время войны съ Туранскими кочевниками, войны, такъ поразительно изображенной тѣмъ же художникомъ. Тѣже снѣга, въ которыхъ гибли полчища Наполеона въ 1812 г., заметали въ 1877-мъ

и 1878-мъ и беззащитныхъ Русскихъ солдатъ въ ущельяхъ Балкана, какъ это съ не меньшимъ трагическимъ реализмомъ изобразилъ Верещагинъ же въ картинахъ Русско-турецкой войны. Равенство враждующихъ народовъ передъ разрушительными силами природы, равенство передъ смертью братьевъ, забывшихъ общаго врага (смерть) и общее дѣло (побѣду надъ нею),—это равенство могло и даже должно было быть изображено художникомъ, если ему понятна первоначальная, важнѣйшая причина войны. Не за изображеніе этой причины гибели Наполеона можемъ мы, слѣдовательно, винить художника. Напротивъ, рядъ такихъ изображеній, данный съ могучею полнотою на многихъ картинахъ Верещагина, мы считаемъ высоко-поучительнымъ указаніемъ на то, гдѣ кроются первопричины вражды между людьми и въ чемъ надо искать кореннаго исхода изъ бѣдъ, одолѣвающихъ человѣчество.

Но несомнѣнно и то, что не одно предоставленіе судьбы Наполеона на произволъ стихійныхъ силъ природы было причиною его гибели; несомнѣнно, что для побѣды надъ нимъ былъ, сверхъ того, необходимъ тотъ подвигъ самоотверженной любви къ родинѣ, который, послѣ кровопролитной и нерѣшительной битвы, доказавшей, что не по слабости и не по трусости оставлена была Москва, заставилъ Русскихъ пожертвовать тѣмъ, что̀ было для нихъ наиболѣе дорогаго и священнаго, для спасенія всего отечества. Величіе этого подвига, который такъ легко можетъ быть ложно истолкованъ, не представлено на картинахъ Верещагина, гдѣ мы видимъ только поруганіе святыни иноземцами, мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, но не видимъ изображенія тѣхъ горестныхъ чувствъ, которыя должны были наполнять сердца разстававшихся со святынею, ни того негодованія, которое долженъ былъ возбудить въ нихъ видъ поруганной святыни; не видимъ наконецъ (и это главное) величія святыни даже среди поруганія, не видимъ, ка̀къ именно изъ сожженной Москвы, изъ разгромленнаго Кремля, въ новой, просвѣтленной страданіями красотѣ, возстало могущество Россіи, спасительницы и избавительницы Европы. И вотъ этотъ-то пробѣлъ, это опущеніе нравственнаго смысла 1812 года и есть истинная причина того разочарованія, съ которымъ большинство заканчивало обзоръ столь цѣнной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выставки картинъ Верещагина. Невольно хотѣлось, чтобъ этотъ важный пробѣлъ былъ пополненъ, чтобы тѣ, которымъ дорога̀ Москва, могли видѣть не одну грустную сторону ея самоотверженнаго подвига, но и его величавыя, благотворныя слѣдствія, какъ для Россіи, такъ и для остальной Европы; хотѣлось видѣть Москву и Кремль не только близкими къ смерти, но и воскресающими отъ смерти и возвращающими жизнь своимъ же разрушителямъ.

И вотъ, другому художнику, г. Матвѣеву, пришла счастливая мысль пополнить до извѣстной степени этотъ пробѣлъ въ живописной исторіи 1812 года и его слѣдствій. Мы имѣли случай видѣть картину г. Матвѣева, небольшую по размѣрамъ, но богатую содержаніемъ и обѣщающую быть очень интересною по исполненію. Такъ какъ однако она пока еще не окончена, мы не считаемъ себя въ правѣ вдаваться теперь же въ сужденія объ ея исполненіи; но для насъ въ высшей степени важна и поучительна идея, въ основу картины положенная, идея настолько же оригинальная по формѣ, насколько содержательная по внутреннему смыслу. Уже одинъ выборъ такого сюжета и старательное отношеніе къ нему достойны высокой похвалы. Художникъ изобразилъ эпизодъ изъ пребыванія въ Москвѣ въ 1818 году короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III, эпизодъ, глубокое значеніе котораго почему-то просмотрѣли почти всѣ наши историки. Обозрѣвая Москву, король пожелалъ взглянуть на нее съ возвышеннаго мѣста, откуда можно было бы сразу окинуть взоромъ всѣ страшныя развалины, оставшіяся послѣ разгрома 1812 года. Такимъ мѣстомъ оказалась вышка нынѣшняго Публичнаго Музея. Ее и изобразилъ художникъ въ тотъ моментъ, когда Прусскій король, повернувшись въ сторону поруганнаго иноземцами Кремля и проникаясь сознаніемъ величія жертвы, принесенной Россіей въ лицѣ Москвы для спасенія себя и Европы, считаетъ долгомъ благоговѣйно, до земли, поклониться полуразрушенной святынѣ и приказываетъ исполнить тоже своимъ двумъ сыновьямъ, будущему королю Фридриху-Вильгельму IV и будущему основателю Нѣмецкой имперіи Вильгельму I, тогда какъ сопровождающій высокихъ гостей, Русскій офицеръ, (графъ Киселевъ), съ изумленіемъ смотритъ на не совсѣмъ ему понятное преклоненіе Прусскаго короля и его сыновей, иноземцевъ, иновѣрцевъ, передъ прахомъ сердца Россіи, передъ Кремлемъ, указывая на который Фридрихъ-Вильгельмъ со слезами говоритъ: «Вотъ нашъ спаситель!» *). При первомъ взглядѣ на картину г. Матвѣева могъ бы возникнуть вопросъ: кто изъ представленныхъ на ней иностранцы? Тѣ ли, которые преклоняются передъ поруганнымъ Кремлемъ, или тотъ, кто дивится, что поклоняются тому, къ чему столько Русскихъ привыкли быть равнодушными и что́ нѣкоторые изъ нихъ привыкли даже болѣе всего презирать:—Россію,

*) Вотъ какъ описываетъ самъ графъ Киселевъ этотъ моментъ: „Только-что мы всѣ влѣзли на Пашковскую вышку и окинули взглядомъ этотъ рядъ погорѣлыхъ улицъ и домовъ, какъ, *къ величайшему моему удивленію*, старый король, этотъ деревянный человѣкъ, какъ его называли, сталъ на колѣни, приказавъ и сыновьямъ сдѣлать тоже. Отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: „Вотъ наша спасительница!“ Графъ Киселевъ и его время. т. IV, стр. 7.

въ Россіи—Москву, въ Москвѣ — Кремль?... Но оставляя въ сторонѣ омертвѣвшихъ къ родному, утратившихъ пониманіе отеческаго и братскаго, спросимъ себя, чтó долженъ чувствовать непредубѣжденный противъ родины зритель, приближающійся къ картинѣ многострадальнаго, долготерпѣливаго Кремля, при видѣ падающихъ ницъ передъ нимъ въ его страстные дни не своихъ соотечественниковъ, а чужеземцевъ?

Въ картинѣ поклоненія Кремлю выражается не одна благодарность иностранцевъ, но и раскаяніе въ томъ, чтó совершено было ихъ соплеменниками, участвовавшими въ походѣ на Россію. Въ поруганномъ Кремлѣ Западъ видитъ плодъ того, чтó зараждалось на Западѣ уже въ отдаленныя времена: въ Средніе Вѣка—въ отдѣленіи католичества отъ Церкви Восточной, въ пору Возрожденія—въ отдѣленіи свѣтскаго отъ духовнаго, въ предреволюціонную эпоху скептическаго Англо-Французскаго просвѣщенія—въ отдѣленіи знанія отъ вѣры, наконецъ въ Нѣмецкой философіи и критикѣ—въ отдѣленіи понятія отъ дѣйствительности, мысли отъ чувства, чувства отъ воли и дѣла. Эта-то накопленная вѣками непріязнь и проявилась въ поруганіи Кремля и особенно во взрывѣ его, который показываетъ, что Западъ намѣренъ былъ стереть съ лица земли, и ненавистный, и непонятный ему городъ, центръ той страны, гдѣ не существовало выше упомянутаго стремленія къ разладу, раздору и противорѣчію между тѣмъ, чтó должно бы быть единымъ и нераздѣльнымъ. Въ то время, когда сторожевая башня Кремля, Иванъ Великій, стоялъ безъ креста, а нынѣшній Публичный Музей безъ вышки, Западъ могъ наглядно убѣдиться въ плачевныхъ результатахъ 3½ вѣковой исторіи своей вражды съ Востокомъ, отъ разоренія Турками втораго Рима до поруганія третьяго Рима неправильно понимаемымъ либерализмомъ и гуманизмомъ, выступавшими подъ знаменемъ ложной свободы, призрачнаго равенства и притворнаго братства, приведшихъ къ деспотіи Наполеона и не съумѣвшихъ предупредить многолѣтнихъ, кровопролитныхъ, братоубійственныхъ войнъ.

Но здѣсь же, въ лицѣ Прусскаго короля и его преемниковъ, Западъ впервыя отрезвился отъ своего заблужденія, сознавъ свой грѣхъ неблагодарности передъ исконною защитницею Европы. Представитель спасеннаго Россіей Запада сознаетъ его вину передъ нею уже на Поклонной горѣ, откуда онъ благоговѣйно привѣтствовалъ Москву, на той самой Поклонной горѣ, гдѣ достигла высшей степени и гдѣ пала слава Наполеона и Французской имперіи. Второй Поклонной горой, съ еще бóльшимъ историческимъ значеніемъ, чѣмъ первая, сталъ холмъ, служащій подножіемъ Музея Московскаго. Если первая Поклонная гора стоитъ передъ Москвою, какъ передъ храмомъ Россіи, то вторая

Поклонная гора стоитъ передъ самимъ Кремлемъ, какъ передъ алтаремъ храма. Признавши уже передъ храмомъ Москву спасительницею Германіи, король Пруссіи повторялъ эти слова еще передъ самымъ алтаремъ храма и такимъ образомъ какъ бы принесъ за себя и своихъ потомковъ клятву въ вѣчной благодарности и дружбѣ къ Россіи. На мѣстѣ торжественнаго признанія этого нравственнаго долга зародилась Нѣмецкая имперія по собственнымъ словамъ ея основателя: своимъ объединеніемъ Германія обязана Россіи.

Но конечно не зарожденіе Нѣмецкой имперіи, войною созданной, ни паденіе Французской, отъ войны погибшей, привѣтствуемъ мы здѣсь. Мы видимъ въ мирномъ пришествіи отъ Запада и въ смиренномъ преклоненіи передъ Москвою Западнаго короля и будущаго Западнаго императора зарю всеобщаго будущаго мира народовъ, то есть начало исполненія пророчества Новозавѣтнаго Исаіи (Дамаскина), возглашаемаго въ канонѣ Пасхи, на всемірную радость и на укрѣпленіе свѣтлыхъ надеждъ всѣхъ вѣрующихъ въ конечную побѣду добра на землѣ: «возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь. Се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ Запада, и Сѣвера, и моря, и Востока чада твоя, въ тебѣ благословящія Христа во вѣки». Россія, вся исторія которой есть ни что иное, какъ подвигъ умиротворенія и объединенія враждующихъ силъ, Россія заслужила право быть главною вѣстницею всемірнаго мира и уповать на осуществленіе его. Послѣ стольких нашествій враждебныхъ, она въ правѣ ожидать въ настоящемъ и будущемъ пришествій мирныхъ отъ всѣхъ концевъ земли и вѣрить, согласно со старою Москвою, въ осуществленіе уповаемаго, въ осуществленіе именно въ третьемъ Римѣ и Новомъ Сіонѣ (Кремлѣ) царства мира, царства сыновъ человѣческихъ, которому не будетъ конца, въ томъ древне-Русскомъ смыслѣ, что ни четвертому Риму, ни иному новому Сіону уже не быть.

Въ отличіе отъ католическаго Рима, также мечтавшаго объединить народы, но основывавшаго свою «торжествующую церковь» (ecclesia triumphans) на немирномъ порабощеніи, порабощеніи посредствомъ «церкви воинствующей», ставшей свѣтскимъ владычествомъ (ecclesia militans), преимущество третьяго Рима въ отличіе отъ Западнаго Рима, состоитъ въ томъ, что онъ есть выраженіе не порабощенія и даже не господства, а лишь естественнаго союза любви, братства всѣхъ людей, соединенныхъ благодарностью не на словѣ лишь, а на дѣлѣ. Оплакиваемый Европою, безвременно почившій Царь-Миротворецъ назвалъ Москву храмомъ Россіи, а Кремль—алта-

ремъ этого храма. Онъ не прибавилъ, кому посвященъ этотъ неразрушимый храмъ, этотъ неугасающій алтарь. Но и безъ поясненій всѣмъ желающимъ вдуматься въ смыслъ исторіи Россіи должно бы быть понятнымъ, что для такого храма и такого алтаря нѣтъ и не можетъ быть иного праздника, кромѣ «праздника праздниковъ», праздника возстановленія сыновняго и братскаго единодушія, праздника осуществленія всеобщей, всесильной любви, праздника Воскресенія. Россія и празднуетъ его, этотъ свѣтлый праздникъ, какъ высшую духовную радость, въ ночь пасхальной заутрени въ Кремлѣ. Но праздникъ этотъ станетъ всеміpнымъ и дѣйствительнымъ «торжествомъ изъ торжествъ» тогда лишь, когда исполнится пророчество, когда станетъ ясно, что въ Новый Сіонъ грядетъ не одинъ Царь мира, но грядутъ всѣ примиренные народы міра, отъ Запада, и Сѣвера, и моря, и Востока,—всѣ, какъ братья, познавшіе общее родство и потому ставшіе, наконецъ, сынами человѣческими, постигнувшими первоначальный смыслъ этихъ простыхъ словъ и долга изъ нихъ вытекающаго.

Картина г. Матвѣева представляетъ только начало мирнаго пришествія съ Запада народовъ, движимыхъ благодарностью, то есть добродѣтелью, наименѣе свойственною XIX вѣку, но которая непремѣнно должна стать главною добродѣтелью вѣка будущаго, если онъ отъ мечтаній о неопредѣленной, безсильной индивидуалистической гуманности намѣренъ перейти къ дѣятельному братскому единенію въ общемъ дѣлѣ. На картинѣ мы видимъ пришествіе не всѣхъ «чадъ новаго Сіона», а только части ихъ «отъ Запада», да и то неполной: не видимъ еще мирнаго пришествія сыновъ Франціи, которая однако уже сознала, что ея спасеніе заключается въ согласіи съ Россіей; не видимъ и пришествія «отъ моря» сыновъ Альбіона, хотя Москва преградила Наполеону путь въ Индію, гдѣ онъ думалъ нанести окончательный ударъ ложной владычицѣ морей. Если мы не видимъ пришествія мирнаго «отъ моря», то потому конечно, что главная морская держава не отказалась еще отъ своей корыстной, эксплуататорской политики, гибельной для подвластныхъ ей земель, въ пользу политики мирно объединяющей, обезоруживающей полудикія націи, не уничтожая ихъ самобытности. Не видимъ мы, наконецъ, еще и пришествія мирнаго съ Востока, хотя именно на Востокѣ, въ борьбѣ осѣдлаго, земледѣльческаго быта съ разбойничьими нравами степи и пустыни, ярче всего проявлялась умиротворяющая дѣятельность Россіи, которая еще за послѣднее время протянула руку помощи величайшей изъ народностей Востока, готовой лишиться своей самобытности отъ военнаго принужденія поверхностныхъ Восточныхъ подражателей Западной культурѣ. Но непрерывно растущая

въ своемъ всемірномъ вліяніи Россія можетъ, не опасаясь за будущее, ждать мирнаго пришествія къ ней отъ всѣхъ странъ для дѣла всеобщаго умиротворенія, продолжая тѣмъ временемъ свою собственную благотворную дѣятельность и закрѣпляя во всеобщемъ сознаніи то, чтó въ этомъ отношеніи уже сдѣлано. Однимъ изъ наиболѣе поучительныхъ памятниковъ совершившагося въ этомъ направленіи можетъ быть изображеніе поклоненія Кремлю трехъ царей, пришедшихъ съ Запада. Москва можетъ быть глубоко признательна вдумчивому художнику, напомнившему о важномъ, но мало извѣстномъ большинству событіи. Желательно, чтобы изображенію этого событія придано было назначеніе поучительное въ широкомъ смыслѣ, чтобы оно оставалось легко доступнымъ взорамъ и вниманію всѣхъ. Картина, затерянная въ какомъ либо частномъ собраніи, почти недостижима для большинства; помѣщенная въ публичномъ музеѣ или городской галлереѣ она поучаетъ многихъ, но все же только посѣтителей, нарочно идущихъ обозрѣвать собраніе художественныхъ произведеній. Скульптурное же воспроизведеніе того же событія, помѣщенное на вышкѣ Музея, на мѣстѣ самаго событія, лицомъ къ Кремлю, было бы доступно взорамъ всѣхъ и каждаго, поучало бы или по крайней мѣрѣ призывало бы къ поученію непрерывно, напоминая и Русскимъ, не помнящимъ значенія Кремля, и чужеземцамъ, не сознающимъ вины передъ нимъ, чтò такое Кремль и къ какому великому дѣлу онъ всѣхъ призываетъ.

Есть и спеціальный поводъ къ постановкѣ такого почетнаго для Москвы памятника на вершинѣ Московскаго Музея. Какъ извѣстно, дочь преклонившагося передъ Кремлемъ Прусскаго короля стала царицею Русскою (Александрою Ѳеодоровною), бабкою Царя - Миротворца. Этотъ родственный союзъ закрѣпилъ мирныя отношенія двухъ сосѣднихъ державъ. Но здѣсь же, въ Московскомъ Музеѣ, мы имѣемъ примѣръ иного объединяющаго мирнаго начала, болѣе прочнаго, нежели политическая дружба. Въ составъ книгохранилища Музея вошла и библіотека Императрицы Александры Ѳеодоровны, и даже помѣщается она какъ разъ въ центрѣ зданія, подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда когда-то отецъ составительницы этой библіотеки привѣтствовалъ Москву какъ спасительницу Германіи. Такимъ образомъ подъ сѣнью Московскаго Публичнаго Музея нашли себѣ пріютъ лучшія произведенія самой блестящей поры литературнаго развитія Германія, Нѣмецкаго возрожденія конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго. Наиболѣе цѣнные дары Нѣмецкой мысли, помѣщаясь здѣсь рядомъ съ произведеніями науки и литературы Русской, продляютъ въ области искусства и знанія общеніе, установившееся между Западомъ и Востокомъ, благодаря собы-

тіямъ политическимъ. И это второе объединеніе носитъ уже вполнѣ мирный характеръ: всѣмъ полезное, оно не идетъ въ ущербъ никому, и само нуждается только въ одномъ—въ возможно-большемъ упроченіи и расширеніи, то есть въ превращеніи случайнаго духовнаго общенія въ постоянное и правильное, и въ распространеніи его на остальныя главныя, а со временемъ и на всѣ Европейскія націи.

Два или три года тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о международной конвенціи для обмѣна ученыхъ и литературныхъ произведеній; вопросъ этотъ, вышедшій изъ стѣнъ Музея *), и есть вопросъ объ установленіи одного изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ мирному объединенію народовъ Запада и Востока въ одну общечеловѣческую, родную духомъ семью. Содѣйствуя собиранію во-едино результатовъ всего человѣческаго знанія, это духовное общеніе было бы уже приступомъ къ выполненію общаго долга, началомъ общаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы и исполненіемъ общей обязанности: нашъ вѣкъ, который такъ много толкуетъ о правахъ, но недостаточно часто вспоминаетъ объ обязанностяхъ и почти вовсе не понимаетъ еще смысла обязанности добровольной, нашъ вѣкъ въ фактѣ этого международнаго духовнаго общенія явилъ бы міру высокій примѣръ священной добродѣтели—международной благодарности, искупающей тяжкій грѣхъ прошлаго, грѣхъ международнаго раздора.

В. К.

*) См. „Моск. Вѣд." 1892 г. № 52. „Рус. Вѣд." 1892 г. № 67, 283.

ПИСЬМО Н. И. ГНѢДИЧА КЪ АННѢ ПЕТРОВНѢ ЗОНТАГЪ ВЪ ОДЕССУ.

С.-П.-бургъ, Февр. 20, 1830.

Какъ вы любезны, какъ вы добры, Анна Петровна! Какимъ пріятнымъ письмомъ заплатили за безмолвную, но искренную дань мою пріязни и просвѣщенному уму вашему. Время, употребленное на его чтеніе, я провелъ съ вами въ уютномъ, красивомъ домѣ, на дружескомъ праздникѣ, въ веселомъ обществѣ вашемъ. Можете вообразить, сколько дѣйствію письма способствовала пустынность кабинета Жуковскаго [1]), гдѣ мы читали его. Никогда не былъ я такъ непріятно пораженъ уединеніемъ и одиночествомъ жизни нашего любезнаго друга. Вся сладость жизни, дѣлимой съ ея радостнымъ шумомъ и смѣхомъ, нѣсколько минутъ передъ нами играла, и вкругъ мракъ, пустота, безмолвіе! Вздохи въ одно время у насъ обоихъ вырвались изъ груди; мы оба замолчали. Я, наконецъ, грянулъ филиппикой противъ Жуковскаго; но голосъ мой, какъ нѣкогда голосъ вопіющаго въ пустынѣ, раздавался и умиралъ въ стошаговомъ кабинетѣ.

Одесса воскресаетъ послѣ страстей смертныхъ и воскреснетъ, нѣтъ сомнѣнія, къ новой жизни. То-то заботъ и хлопотъ Егору Васильевичу [2]); а ему это какъ коту масляница; онъ у васъ, чаю, исхудалъ отъ бездѣйствія навигаціи. Свидѣтельствуйте ему мое усердное почтеніе. Милую, добрую, умную (да это иначе и быть не можетъ) Машеньку [3]) вашу цѣлую отъ сердца за то, что она въ зеркальной душенькѣ своей сохраняетъ непригожій ликъ мой. Радуюсь громко успѣхамъ ея и тихо событію моего объ ней гекзаметрическаго пророчества.

---

[1]) В. А. Жуковскій жилъ тогда въ той части Зимняго дворца, которая называется Шепелевскимъ домомъ; его обширное помѣщеніе находилось на третьемъ этажѣ. П. Б.

[2]) Супругъ Анны Петровны Зантагъ (ур. Юшковой) начальникъ Одесскаго карантина. П. Б.

[3]) Марія Егоровна, единственная дочь А. П. и Е. В. Зонтагъ, нынѣ вдова Гутмансталь. П. Б.

Весьма сожалѣю о здоровьи И. И. Винтера. Скажите имъ мое душевное почтеніе, которое они отъ всѣхъ знающихъ ихъ заслуживаютъ. Стурдза много усердствуетъ Ивану Ивановичу, и, если бы не деревянный нашъ мин(истръ), онъ получилъ бы желаемое мѣсто; но надежда на это не совсѣмъ еще исчезла: терпѣніе! Между тѣмъ извѣстите И. И., что онъ представленъ къ 2 степ. Анны. Отъ графа Михаила Андреевича [4]) я получилъ письмо о полученіи имъ Иліады, исполненное весьма лестныхъ и обязательныхъ для меня выраженій. Жаль, что не въ Одессѣ Петербургской докторъ Мухинъ, которой здѣсь творитъ чудеса надъ страждущими золотухой. Нарышкина родила дочь [5]). Еслибъ мы были древніе Греки, Одесса могла бы гордиться, что въ стѣнахъ ея родилася Харита. Гдѣ богиня Киселева [6])? Какіе страны и грады украшаетъ собою? Неужели въ Россіи есть еще дураки, подобные К.... [7]); правда, ихъ вездѣ много, и Россія широка. Суворовъ безъ сомнѣнія держалъ его при себѣ, какъ въ старину красавицы араповъ, для контраста! За прозу К.... посылаю вамъ стихи Крылова, которые говорилъ онъ Императрицѣ въ сюрпризѣ, сдѣланномъ ей Великой Княгиней [8]). Вообразите Крылова, одѣтаго Музою Таліею, со всею строгостію древняго Греческаго костюма, который, съ хоромъ другихъ Музъ, неожиданно предстаетъ предъ Императрицу, и вы почувствуете цѣну стиховъ сихъ.

Про дѣвушку меня идетъ худая слава,
Что будто я весьма дурнова нрава,
　　И будто вся моя забава
Расцѣнивать людей и на-смѣхъ поднимать.
Коль правду говорить, молва такая права.
Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать:
Все лучше таки ихъ немножко унимать.
　　Однако-жъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему, а это жаль: безъ дѣла
Я право ужъ боюсь, чтобъ я не потолстѣла.
　　Какое-жъ диво въ томъ?
Для добрыхъ только вашъ гостепріименъ домъ;
И вы однимъ своимъ небеснымъ взоромъ

---

[4]) Т. е. графа Воронцова, въ отчествѣ котораго Гнѣдичъ ошибся. П. Б.

[5]) Ольга Станиславовна, ур. Потоцкая. Родившаяся тогда дочь ея—графиня Софья Львовна Шувалова († 1894). П. Б.

[6]) Сестра предъидущей, Софья Станиславовна. П. Б.

[7]) Фамилію нельзя разобрать. П. Б.

[8]) Въ то время была у насъ одна только великая княгиня; это—Елена Павловна. П. Б.

Прочь гоните порокъ со всѣмъ его приборомъ.
Такъ, вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ;
А это не порокъ, спросите хоть у всѣхъ.
Къ чему-жъ мнѣ по-пусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи?
Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться;
А то еще меня осудятъ женихи,
И придетъ въ вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться!
Брюзжала я; теперь хочу полюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И въ ней пріютъ семейственному счастью.
Такъ, на нее любуясь, я
Живущимъ въ хижинѣ сказала-бъ справедливо:
Живите, какъ живутъ въ семьѣ прекрасной сей,
И даже въ хижинѣ своей
Вы рай увидите и будете счастливы!

Можете легко представить, зная Крылова, какое дѣйствіе произвели стихи эти надъ слушателями, имъ самимъ читанные: *про дѣвушку меня идетъ худая слава!*

Петербургъ нашъ веселъ, какъ никто не помнитъ. Баловъ не было числа; на всѣхъ присутствовалъ дворъ. Дамы наши едва имѣли время переводить духъ. Пышность и роскошь спорили между собою на балахъ, а особенно у министровъ иностранныхъ и у графа Потоцкаго. Гекертъ [9]), посланникъ Голланскій, занимая небольшой домъ, для балу принанялъ сосѣдній, пробилъ въ него стѣну, соединилъ оба дома и, начиная съ лѣстницы, залилъ ихъ свѣжими цвѣтами. Наставшій постъ не предвѣщаетъ воздержанія. Готовится множество, для покаянія, частныхъ концертовъ, живыхъ картинъ и проч. И то сказать, кому теперь и веселиться, если не Россіи? Но листъ исписанъ; всего не переговоришь. Нѣсколько словъ о себѣ.

Я имѣлъ счастіе поднесть лично книжку мою Императрицѣ, Наслѣднику, В. Князю и Княгинѣ. Императрица между лестныхъ пріятностей вымолвила мнѣ тяжелую вещь: вы-де не хотѣли видѣть меня въ Одессѣ; а я надѣялась, я велѣла Лобанову [10]) извѣстить васъ. Можете вообразить и мое изумленіе, и мое положеніе при этомъ слухѣ. Лобановъ, который многимъ въ жизни обязанъ мнѣ, ни словомъ не извѣстилъ меня объ этомъ. Вотъ нынѣшніе друзья! У Наслѣдника читалъ я нѣ-

---

[9]) Опять по ошибкѣ вмѣсто Гекернъ. П. Б.

[10]) Преподаватель словесности въ одномъ изъ Петербугскихъ институтовъ, позднѣе ординарный академикъ Михаилъ Евстафьевичъ († 1846). П. Б.

которые отрывки и получилъ прекрасную награду: слезы, которыми онъ, истинно какъ дитя, обливался. Какая порука намъ за прекрасную душу! Чего изъ этого воску нельзя сдѣлать, а особенно Жуковскому, котораго онъ такъ любитъ! Государь, Государыня и Великая Княгиня пожаловали меня перстнями; но Государь не пожаловалъ мнѣ перстня для души [11])! Изданіе Иліады взято у меня книгопродавцемъ все разомъ за 11-ть т. Попе получилъ за свой трудъ 400 т. Разница не великая; но изъ нея однако можно вывесть заключеніе не совсѣмъ выгодное или о переводчикѣ Русскомъ, или о читателяхъ. Какъ бы то ни было, но теперь, засвидѣтельствовавъ Музамъ мое почтеніе, употребляю стараніе какъ вырваться изъ Петербурга и навсегда [12]); но какъ, куда, когда? Ничего еще не знаю. Все зависитъ отъ верховной повелительницы моей, отъ судьбы, а она до сихъ поръ ничего еще не произноситъ.

Чтó вы подѣлываете на досугахъ? Продолжаете ли умножать собраніе прекрасныхъ повѣстей, которыя вы такъ мастерски передаете, обладая тайною слога вамъ свойственнаго? Переписываетесь ли съ Варварой Димитріевной [13])? При случаѣ засвидѣтельствуйте ей мое совершенное почтеніе; я много люблю ее.

Вотъ вамъ нѣсколько строкъ, вами требованныхъ. Если вы найдете, что это нѣсколько слишкомъ уже безпредѣльно, пеняйте на себя: вы знаете мою охоту болтать съ людьми, которые мнѣ любезны.

Съ отличнымъ душевнымъ уваженіемъ имѣю честь быть на всегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Гнѣдичъ.

Сдѣлайте одолженіе сообщите копію стиховъ Елисаветѣ Викентіевнѣ Шеміотъ.

Сообщилъ Н. И. Сахаровъ.

---

[11]) Выраженіе намъ непонятное. П. Б.

[12]) Намѣреніе неудавшееся: Гнѣдичъ скончался въ Петербургѣ 3 Февраля 1833. П. Б.

[13]) Казначеевой, супругою тогдашняго Таврическаго губернатора. П. Б.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКЪ.

На погребенiи митрополита Макарiя произнесены были надгробныя рѣчи двумя Московскими протоiереями П. А. и С. К. Смирновыми. Слова эти напечатаны въ тогдашнихъ газетахъ. Замѣчательно, что оба почтенные ораторы повторяютъ мысль объ оскорбленiяхъ печатью именитаго мужа науки и архипастыря, которыя, можетъ быть, и дѣйствительно отчасти были причиною преждевременной его кончины. Читая клеветы на почившаго святителя, мы часто повторяли слова Спасителя: «Аще въ суровѣ древѣ сiя творятъ, въ сусѣ чтò?»—Что? А вотъ чтò. «Наше духовенство (по печатному слову одного извѣстнаго писателя) есть жрецъ православнаго капища; оно всею жизнiю своею провозглашаетъ одинъ грубый культъ мамоны»; наши духовныя академiи и семинарiи (по ученiю того же мыслителя съ братiею) лишены и тѣни нравственно-религiозныхъ началъ; даже имя ихъ омерзѣло и опошлилось до того, что ни одинъ порядочный отецъ не дастъ своего сына для образованiя въ нихъ и т. д. и т. д.

Можетъ ли не болѣть сердце при чтенiи такой явной лжи? Каково было читать это тому или тѣмъ, которые поставлены во главѣ стражей церкви? И чтò мудренаго, что наша церковь въ такое короткое время лишилась Филоѳеевъ, Гурiевъ, Макарiевъ и другихъ. Не видѣли ли они во очiю того, чтò провидѣлъ прозорливый митрополитъ Филаретъ: «вижу, грозная туча собирается надъ нашею церковiю». Но развѣ нѣтъ громоотвода? Довольно бы слова....

Въ одномъ изъ упомянутыхъ нами надгробныхъ словъ указана была черта, которая проливаетъ обильный свѣтъ на теплоту души почившаго архипастыря: «Какъ умѣлъ онъ, ободрить приходящихъ къ нему! При этой привѣтливой рѣчи, при этомъ ласковомъ обращенiи забывалось различiе положенiй, и откровенно высказывалась нужда, а мудрое слово святителя сейчасъ же направляло мысль на самое существо дѣла, и затрудненiя исчезали какъ бы сами собою». Сказанное испыталъ и я. Недѣли за три до кончины Макарiя былъ я у него и считаю часъ, проведенный въ бесѣдѣ съ нимъ, счастливымъ въ моей жизни. Можетъ быть, по нѣкоторымъ моимъ трудамъ, я и былъ извѣ-

стенъ ему; но они не давали мнѣ права разсчитывать на такую внимательность, на такую сердечную теплоту, которою было растворено каждое его слово.

Я близко зналъ знаменитаго витію и мужа науки Иннокентія; видѣлъ его и въ бесѣдѣ съ людьми науки, и въ обществѣ свѣтскихъ людей, не разъ и не два бесѣдовалъ съ нимъ одинъ на одинъ. Это была личность, котороя невольно подчиняла себѣ все окружавшее или слушавшее ея дивную рѣчь; слова Иннокентія производили необъяснимое обаяніе. Мнѣ припоминаются студенты Кіевской Академіи, которые подкупали или подговаривали сторожа, чтобы онъ не звонилъ въ колокольчикъ во время профессорскихъ чтеній Иннокентія. Слушая почившаго Макарія, я невольно припоминалъ незабвеннаго для меня Иннокентія и задавалъ себѣ вопросъ: этотъ «ученикъ не болій ли своего учителя?» Но конечно одинъ только разъ видѣвши ученика, я не могу провести параллели между нимъ и учителемъ; для знавшихъ же покойнаго митрополита припоминаю двѣ три черты изъ характеристики Иннокентія. Пусть сравниваютъ.

Иннокентій, даже среди посредственностей, обыкновенно давалъ просторъ прежде высказаться другимъ и за тѣмъ спрашивалъ: вы кончили? Только при утвердительномъ отвѣтѣ начиналась его рѣчь, и чтò это была за рѣчь? Мало сравнить ее съ кристальною влагою, льющеюся изъ золотаго сосуда. При этой воодушевленной, теплой, свѣжей, искрившейся остротами и необыкновенною мѣткостію выраженій рѣчи, все предавалось молчанію, все превращалось въ слухъ, дивясь исходившему изъ золотыхъ устъ. Вотъ вы видете его, какъ орла, парящаго въ заоблачной выси, едва слѣдите за высотою размашисто-широкаго, вольнаго полета, и вдругъ этотъ орелъ спускается такъ низко и высокую свою мысль объясняетъ такимъ обыкновеннымъ способомъ, что вы невольно разсмѣетесь. Смѣхъ вашъ видимо понравился витіи; онъ самъ утомился парить въ далекой выси, и вотъ предъ вами во всей простотѣ, въ одномъ всеоружіи здраваго смысла, Орловскій (родина Иннокентія) мужичекъ со всѣми исторически-сложившимися родными поговорками. И дивитесь вы: неужели это Иннокентій? Да, это тотъ же мудрый витія, и вмѣстѣ Русскій просто-сложившійся человѣкъ. Но не думайте, что при чисто-народной рѣчи, при различныхъ присказкахъ и поговоркахъ, отмѣченныхъ чистѣйшимъ юморомъ, опошливалось что либо изъ высокаго, чистаго, святаго для человѣка *); нѣтъ, и здѣсь

*) Иннокентій терпѣть не могъ даже тонкихъ съ извѣстнымъ оттѣнкомъ двусмысленностей; да едвали, зная высоту его души, позволилъ бы кто себѣ что нибудь въ этомъ родѣ.

вы видите туже истину, туже правду, но облеченную въ простую рѣчь, въ рѣчь притчей, какими такъ богата Русская земля. Таковъ ли былъ ученикъ именитаго учителя, именитый Макарій?

Еще черта. Иннокентій никогда не возражалъ когда говорили явный вздоръ, и даже не хотѣлъ обличать упорно слѣпотствующихъ. Въ 1851 г. онъ пригласилъ меня съ собою наблюдать въ Бобринцѣ солнечное затмѣніе. Тамъ мы встрѣтили нашу астрономическую знаменитость Савича и самородка-астронома Семенова. По облачности неба мы не видѣли этого явленія. На другой день одна помѣщица пригласила владыку къ себѣ въ деревню къ обѣду, куда явился и я. За обѣдомъ, гдѣ большинство состояло изъ лицъ женскаго пола, радушная и вмѣстѣ простодушная хозяйка между прочимъ сказала: какъ жаль, владыко, что вы третьяго-дня не были у насъ; здѣсь было такое затмѣніе, что хоть свѣчи зажигай. Слегка улыбнувшись, Иннокентій отвѣчалъ: выходитъ, что вы, сударыня, счастливѣе насъ [1]). Оставшись наединѣ, я спросилъ Иннокентія, почему онъ не опровергъ такого абсурда [2])? — А что вы бы сказали, возразилъ мнѣ мой мудрецъ, если бы всѣ эти наблюдательницы объявили, что онѣ видѣли солнечное затмѣніе собственными глазами, и что астрономы часто ошибаются? Не нами, другъ, сказано: не отвѣщай безумному по безумію его. Этого правила я крѣпко держусь.

Таковъ ли, еще спросимъ, былъ именитый ученикъ именитаго учителя? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать утвердительно. Иннокентій умѣлъ двумя-тремя словами прекратить начавшееся сужденіе или споръ; и это были такія мѣткія слова, что разсуждавшіе обыкновенно

---

[1]) Между прочимъ припомнился мнѣ процессъ составленія отчета о бывшемъ солнечномъ затмѣніи. Отчетъ этотъ долженъ былъ составить Иннокентій, какъ онъ объяснилъ, для Академіи Наукъ. Замѣчу, что съ нами до Бобринцы ѣхалъ, возвращаясь изъ Одессы въ Кіевъ, извѣстный профессоръ богословія и философскихъ наукъ, наставникъ Иннокентія, И. М. Скворцовъ. Продиктуйте, Иванъ Михаиловичъ, сказалъ Иннокентій, секретарю о нашемъ печальномъ наблюденіи. Началъ диктовать знаменитый авторъ „Критики здраваго ума"; сначала все шло какъ и было, наконецъ мы слышимъ слѣдующія слова: „въ моментъ самаго затмѣнія тучи, хотя не грозныя, но довольно густыя, обложили весь небесный сводъ, и вдругъ тьма блеснула какъ молнія...

— Что вы, что вы? Смѣясь сказалъ Иннокентій.

— Да вѣдь я диктую въ вашемъ тонѣ, владыка, отвѣчалъ маститый учитель своему тоже маститому ученику.

Конечно, послѣдняя фраза была выброшена.

[2]) Прежде, чѣмъ отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ, Иннокентій пригрозился на меня пальцемъ за нерусское слово. Онъ терпѣть не могъ иностранныхъ словъ и однажды сильно распекалъ меня за слово *гуманный*, найденное имъ въ одномъ изъ моихъ сочиненій. Онъ слово гуманный переобразилъ въ такое слово, которое не принято въ печати.

спрашивали себя: о чемъ же мы такъ долго толковали? Иннокентій же только слегка улыбался. И что это была за добродушно-дѣтская улыбка! Я припомню здѣсь два его слова, которыя сопровождались не улыбкою, а крупными слезами и которыми было выражено такъ много, много. Послѣ несчастнаго дѣла на Черной рѣчкѣ, я прихожу къ нему въ мрачномъ расположеніи духа. Владыка спрашиваетъ: Чтó вы такъ пасмурны?—Крѣпкую думу думаю.—Какую?—Хочу подать прошеніе о возведеніи меня въ санъ главнокомандующаго.—«Хуже не будетъ», сказалъ Иннокентій, и слезы потекли у него изъ глазъ. «Вотъ не послушались моего замѣчанія. Когда, послѣ погребенія Лазарева, меня водили по всѣмъ бастіонамъ, я, полюбовавшись грозными твердынями, сказалъ: вамъ гостей ждать не отсюда, а изъ Балаклавы; вотъ гдѣ лазейка къ Севастополю, съ южной стороны ничѣмъ не защищенному». И сбылись слова мудреца-владыки!

Въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Макаріемъ я, между прочимъ, коснулся книги, для которой собиралъ матеріялы: «За истину и правду» *). Владыка съ полною теплотою сердца отнесся къ мысли издать подобную книгу, одобрилъ планъ ея и приготовленные источники. Мало этого, онъ позволилъ мнѣ приходить къ нему за совѣтами. «Самъ я сказалъ онъ, по недостатку времени, не могу собрать вамъ матеріяла но все собранное вами готовъ разсмотрѣть». И оправдались на мнѣ слова почтеннаго П. А. Смирнова: «какъ умѣлъ онъ ободрить приходящихъ къ нему!» И я былъ такой приходящій, котораго онъ въ первый разъ видѣлъ. Не смотря на готовность владыки помогать мнѣ своимъ совѣтомъ, я не пользовался ею, не желая связывать его имени съ книгою, которая, конечно, должна была найти своихъ недоброжелателей. Вообще я былъ очарованъ привѣтливостію и поучительною рѣчью Макарія; не разъ я цѣловалъ его святительную, такъ много потрудившуюся для науки руку, и вѐрхомъ моего счастія было получить отъ него на память только что явившійся XI т. «Исторіи Русской церкви». Простившись, я уже вышелъ въ переднюю; но служка сказалъ мнѣ, что владыка еще хочетъ благословить меня. Оборачиваюсь и вижу въ дверяхъ отдаленной комнаты стоящаго владыку, обѣими руками благословляющаго меня съ низкимъ поклономъ. Чудится мнѣ теперь, какъ будто въ эту минуту я читалъ въ кроткомъ, ласковомъ взорѣ именитаго святителя: прости, больше не увидимся!...

Иванъ Палимпсестовъ.

*) Эта книга вышла потомъ въ трехъ изданіяхъ. Она составлена въ оборону Православной церкви и ея духовенства отъ навѣтовъ невѣжества.

МОСКОВСКІЕ КОЛОКОЛА[1])

Церкви Владимирскія Богоматери, что̀ у Никольскихъ (нынѣ Владимирскихъ) воротъ, на часовномъ мѣстѣ.

„Перелитъ сей колоколъ 1785 году къ Владимирской Пречистой Богородицѣ, архимандрита ректора Аполлоса, на собранныя отъ благочестивыхъ дателей, вѣсу 45 пудъ 3 фунта, литъ въ Москвѣ на заводѣ Осипа Струговщикова“.

Церкви Св. Николая что̀ у Красныхъ колоколовъ, Красные колокола, Красный звонъ, въ Посольской улицѣ, у моста.

Слѣдующая надпись идетъ въ три ряда, между ними два клейма, въ коихъ по три лиліи, а по-сторонамъ у одного L. T. „De se cloche es Chenaempt vedustas MDCLXXIII (1673). Heer Denis pastuer Toi en Fraci. Espoir en Toi“.

Церкви Зачатія Св. Анны, что̀ въ углу Китай-города, у городовыя стѣны, за Солянымъ рядомъ, у тюремъ, у Стараго Татарскаго подворья, въ Зарядьѣ, на берегу.

1) Надписи на колоколѣ идутъ въ три ряда:

„Лѣта 7118 (1610) далъ сей колоколъ въ домъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Зачатія, что̀ въ Китай-городѣ, Иванъ Григорьевъ сынъ Твердиковъ по своихъ родителяхъ, по отцѣ своемъ Григоріи да по дядяхъ по Стефанѣ, да по Игнатіи, да по Михаилѣ Ивановичахъ, дѣтяхъ Твердиковыхъ, и ихъ за тотъ колоколъ повседневно поминати“.

Нѣсколько ниже: „L'an myl DCXLVII (1617). Martii. En bonne armonye rendra lovence a Dyeu“[2]).

Внизу: „Лѣта 7125 (1613) Октября въ 19 день послѣ Литовскаго разоренія Богъ поручилъ Китай городъ Русскимъ людямъ и церковь Зачатія Пречистыя Богородицы, а ту Русскіе воры разорили и сей колоколъ взяли, и тотъ колоколъ купилъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской, далъ тутожъ въ домъ къ Зачатію Пречистыя Богородицы по своихъ родителяхъ, и за тотъ колоколъ священникомъ о его здоровіи и о чадахъ его Бога молити и родителей его поминати повседневно“[3]).

---

[1]) См. выше, стр. 100.

[2]) „1547 года, Марта. Согласными звуками воздастъ хвалу Богу.“

[3]) Узнавъ объ этомъ колоколѣ, митрополитъ Московскій Филаретъ вызвалъ къ себѣ благочиннаго протоіерея П. Е. Покровскаго и сказалъ ему: „У Зачатія есть колоколъ Пожарскаго; смотри, чтобы онъ былъ цѣлъ“.

2) „1754 году Іюля въ 5 день вылитъ сей колоколъ къ церкви великомученика Мины, что въ углу Китай-города, въ царствующемъ градѣ Москвѣ и данъ вкладу отъ Московскаго купца Ѳедора Замятина“.

3) „Лѣта 7290 (1782) году лилъ сей колоколъ гостиныя сотни Иванъ Мгалицынъ“.

Церкви Св. Николая, что у Большаго Креста, на Ильинкѣ
(Настоящая—Успенія Божіей Матери).

„Vigilate et orate Deo confidentes [1]). Pieter vermaten tot Amsterdam. 1694“. Подъ надписью гербъ, изображающій одноглаваго орла, съ двумя птицами по бокамъ.

По верху: „Benedicat terra Dominum, laudet et super exaltet Eum in saecula. Claudi Fremeus me fec. Amstelodomensis, anno 1670“ [2]).

Въ клеймѣ: „Тридцать пудъ счетныхъ. Дѣлалъ мастеръ Клаудій Фремеусъ. Да будетъ Богу во святыхъ Его слава, храмотворцевъ же спасетъ Его держава“.

Знаменскаго монастыря, что на Варваркѣ.

„205 (1697) году, Іюня въ 1 день, сей колоколъ далъ въ Знаменскій монастырь Павелъ Кондратьевъ сынъ Буренинъ, 4 пуда, 9 фунтовъ“.

Церкви Св. Георгія на Лубянкѣ, въ Старыхъ Лучникахъ, въ Старыхъ тюрьмахъ, въ Лужкахъ.

1) „Лѣта 7180 (1672) году, Февраля въ 20 день, Тулы города Рождественскій священникъ Никифоръ приложилъ сей колоколъ къ церкви Рождеству Христову по своихъ родителяхъ; вѣсу въ немъ шесть пудъ, 18 гривенокъ, а подписалъ Авраамъ“.

2) „Лѣта 7200 (1692) году, Декабря 24 день, приложилъ сей колоколъ въ домъ Благовѣщенію Пресвятыя Богородицы и Великомученика Георгія гость Гаврила Романовичъ Никитинъ, вѣсу 57 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Григорій Ивановъ“.

3) „Лѣта 7202 (1694) году, Декабря 24 дня, приложилъ сей колоколъ къ церкви Благовѣщенію Пресвятой Богородицы и Великомученику Георгію къ своему строенію гость Гаврила Романовчиъ Никитинъ“.

Церкви Гребневскія Божіей Матери подъ Боромъ на Лубянской площади.

„7190 (1682) году построенъ сей колоколъ къ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія по Володимерѣ Ивановичѣ, по женѣ его Ѳеодорѣ Бо-

[1]) Бдите и молитесь, уповающіе на Бога.

[2]) Да благословитъ земля Господа, хвалите и превозносите Его во вѣки. Меня сдѣлалъ Клавдій Фремеусъ Амстердамецъ. 1670.

тановѣ, княгинѣ Ѳеодорѣ, данъ колоколъ 200 рублевъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳедоръ Моторинъ".

Церкви Св. Софіи Премудрости Слова Божія, Обыденнаго что́ на Софійской улицѣ у бывшаго Пушечнаго двора.

„Лѣта 7156 (1648), Декабря въ 25 день, поставилъ сей колоколъ при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Руссіи, въ 3 лѣто благочестивыя державы царства его, Живоначальныя Троицы въ Сыпановѣ монастырѣ игуменъ Ермогенъ, а вѣсу въ немъ 15 пудъ, 20 гривенокъ".

Церкви Вознесенія Господня (бывшій Варсонофьевскій монастырь).

1) „Лѣта 7199 (1691) году, вылитъ сей колоколъ въ Варсонофьевскій дѣвичій монастырь въ церковь къ Вознесенію Господа Нашего Іисуса Христа по обѣщанію своему Стрѣлецкія сотни Алексѣй Богомоловъ, поминовенія отца своего Василія и матери своей Евдокіи и по женѣ своей первой Маріи и о своемъ здравіи. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

2) „Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзду, села Архангельскаго, Таторовское тожъ. М. В. К".

Церкви Св. Николая у Столпа, въ Столпахъ.

1) „Лѣта 7124 (1616) году, Генваря въ 28 день, въ домъ къ великому Чудотворцу Николаю и Сергію Чудотворцу при попѣ Алексѣѣ и при попѣ Кононѣ, которые у Николы Чюдотворца и у Сергія Чюдотворца служатъ, далъ дьякъ Богданъ Губинъ и сынъ его Василій сей колоколъ; вѣсу въ немъ 9 пудъ, одинъ фунтъ".

2) „Me fecit Amsterledami. 1632. Soli Deo gloria, Assuerus Koster". „Anima mea Dom. magnificat" *).

Церкви Св. Равноапостольнаго князя Владимира въ Садѣхъ, въ Старыхъ Садѣхъ.

„1761 года, Октября 25 день, сей колоколъ вкладу къ церкви Благовѣрнаго князя Владимира для вѣчнаго поминовенія тещи своей Анны Киченой отъ Вотчинной Государственной Коллегіи".

Въ Ивановскомъ монастырѣ, подъ Боромъ, въ Старыхъ Садѣхъ, на Кулишкахъ.

1) „Лѣта 7149 (1641), Іюня въ 12 день, повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Руси Самодержца,

---

*) „Меня сдѣлалъ въ Амстердамѣ въ 1632 году. Единому Богу слава. Ассуеръ Костеръ. Душа моя возвеличитъ Господа".

слить сей колоколъ въ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Ивановскій дѣвичій монастырь Усѣкновенія Честныя Главы, въ 29 лѣто государства его, мастеръ Степанка Орефьевъ, ученикъ Нѣмчина Ивана Ѳалка".

2) „Лѣта 7195 (1687) литъ сей колоколъ на плесокъ церкви Воскресенію Христову по обѣщанію посадскихъ людей Ѳеоктиста, да Артемья Ивановыхъ дѣтей Авериныхъ". Между орнаментами помѣщены двуглавые орлы.

3) „1755 году Апрѣля 15 дня вылитъ сей колоколъ въ Ивановскій дѣвичій монастырь, что́ въ Москвѣ, на Кулишкахъ, тщаніемъ того монастыря игуменіи Елены и съ сестрами, на сборныя мірскія деньги, вѣсу въ немъ 155 пудъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

4) „1763 году Марта 1 день вылитъ сей колоколъ въ Ивановскій дѣвичь монастырь при игуменіи Назаретѣ и съ сестрами, вѣсу 60 пудъ 23 фунта, лилъ алдерманъ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

Церкви Св. Николая въ Подкопаяхъ, что̀ на Кулишкахъ близъ Солянки, (нынѣ Александрійское подворье).

1) „Вияси (?) Господи и помилуй рабъ своихъ строющіе церкви Божія и подающіе къ нимъ всяко благопотребное подаяніе и даждь имъ Господи Царство небесное, ради Пречестнаго имени Своего; литъ въ домѣ Дмитрія Пирогова".

2) „Лилъ въ Москвѣ мастеръ Иванъ Холщевниковъ".

Церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, что̀ у Яузскихъ воротъ, на горѣ, у Старыхъ Конюшенъ, на Кулишкахъ, на Малой Крутицѣ, въ Малой Пѣвчей (настоящая Знаменія Божіей Матери), близъ Солянки.

„1732 года Декабря 4 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, что́ у Яузскихъ воротъ внутри города, тщаніемъ вкладчиковъ Дворцовой Конторы ассесора Василія Васильевича Замятина и жены его Маріи Алексѣевой впредъ для ихъ поминовенія, при священникѣ Максимѣ Ильинѣ, вѣсомъ 104 пуда и 35 фунтовъ, лилъ мастеръ Константинъ Максимовъ сынъ Сафоновъ".

Церкви Всѣхъ Святыхъ, что̀ на Кулишкахъ (близъ Солянки):

1) „1738 году, Сентября въ 22 день, сей колоколъ къ церкви Всѣхъ Святыхъ, что́ на Кулишкахъ, вѣсомъ 11 пудъ, 31 фунтъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Михаилъ Семеновъ сынъ Слизовъ".

2) „1780 года, Августа 1 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Всѣхъ Святыхъ, что́ на Кулишкахъ, стараніемъ и иждивеніемъ доброхотныхъ дателей, вѣсу 80 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Ясона Струговщикова".

Церкви Грузинскія Божіей Матери, что на Воронцовомъ полѣ, въ Новой Воронцовской слободѣ, въ Стрѣлецкой слободѣ (настоящая Покрова Пресвятой Богородицы).

„1746 года Марта 10 дня вылить сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что слыветъ на Воронцовскомъ полѣ, въ Земляномъ городѣ, по обѣщанію данъ вкладу Московскаго первой гильдіи купца Василія Васильева сына Расторгуева, впредъ для поминовенія родителей своихъ, а вѣсомъ сей колоколъ 120 пудъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

Церкви Св. Пророка Иліи подъ Сосенкою, подъ Сосенками, въ Воронцовѣ, на Воронцовѣ полѣ (бывшій Ильинскій монастырь; настоящая въ честь Благовѣщенія Божіей Матери).

1) „Въ славу Всесильному Богу и Пречестнѣй Богородицѣ вылить сей колоколъ къ церкви Святаго Пророка Иліи, что на Воронцовскомъ полѣ, по обѣщанію дьяка Никиты Павлова, въ вѣчное поминовеніе родителей своихъ, а вѣсу сей колоколъ 100 пудъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1701 году, лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

2) „1778 года Іюля 30 дня вылить сей колоколъ къ церкви Ильи Пророка, что на Воронцовскомъ полѣ, стараніемъ приходскихъ людей, вѣсу 340 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Леона Струговщикова, лилъ мастеръ Михайла Крючковъ".

3) „1778 году Іюля 20 дня, вылить колоколъ Смоленское Намѣстничество къ церкви села Петрополья, стараніемъ ктиторши полковницы Анны Милашевичевой, вѣсу 8 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Струговщикова".

Церкви Св. Харитона Исповѣдника въ Огородникахъ, въ Старыхъ Огородникахъ, на Хомутовкѣ, подъ Ѣхаловымъ. (Настоящая Владимирскія Божія Матери).

1) „Литъ сей колоколъ на заводѣ Московскаго купца Данилы Тюленева".

2) „Лѣта 7195 (1637) году вылитъ сей колоколъ при державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Лодыгинъ, къ храму Богоматери и Преподобнаго отца Харитона Исповѣдника, при іереѣ Зиновіи Тихоновѣ, мѣсяца Іануарія въ 17 день, а вѣсомъ 105 пудъ".

3) „Лилъ мастеръ Семенъ Можжухинъ".

А. Мартыновъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. О. РОССЕТА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Аркадій Осиповичъ Россетъ, старшій изъ братьевъ А. О. Смирновой (ихъ было еще три: Клементій, Іосифъ и Карлъ), родился въ 1811 году и былъ на годъ моложе единственной сестры своей. Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, подъ начальствомъ генерала Гогеля. Отецъ его былъ другомъ герцога Ришилье, а вотчимъ И. К. Арнольди, боевой генералъ-артиллеристъ, пользовался большимъ значеніемъ въ военномъ вѣдомствѣ, и Россетъ съ раннихъ лѣтъ жилъ въ избранномъ обществѣ. Его полюбилъ Пушкинъ, у котораго былъ онъ домашнимъ человѣкомъ и о которомъ до конца жизни вспоминалъ онъ съ особенною теплотою чувства. Онъ обѣдалъ у Пушкиныхъ, когда принесли письмо отъ Дантеса съ просьбою руки Екатерины Николаевны Гончаровой, которое Пушкинъ передалъ черезъ столъ своей старшей своячиницѣ. Братъ его Клементій Осиповичъ избранъ былъ сначала секундантомъ Пушкина. Наконецъ, онъ же переносилъ бездыханное тѣло поэта со смертнаго ложа въ гробъ и, бывало, вспоминая о томъ, говаривалъ: какой онъ былъ легкій! Службу свою А. О. Россетъ началъ въ гвардейской артиллеріи, и ему поручено было обревизовать ее въ Сибири. Позднѣе онъ служилъ губернаторомъ въ Вильнѣ, за тѣмъ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ и умеръ въ Москвѣ сенаторомъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, 29 Августа 1881 года. Читатели познакомятся съ нимъ по нижеслѣдующимъ выдержкамъ изъ его писемъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ его племянницею Н. Н. Соренъ (ур. Смирновой). Въ Москвѣ и Петербургѣ многимъ еще памятенъ А. О. Россетъ, съ его вдумчивымъ лицомъ, тихою рѣчью, многостороннимъ образованіемъ и горячею преданностью Россіи. Первыя письма относятся къ Польскому походу 1831 года. Гвардія выступила изъ Петербурга въ исходѣ Декабря. А. О. Россетъ жаждалъ боеваго дѣла. Въ первомъ письмѣ (отъ 6 Января) онъ между прочимъ писалъ сестрѣ: „Не знаю что̀ будетъ дальше, а до сихъ поръ живу паномъ. При выступленіи артиллеріи Государь говорилъ Гербелю и офицерамъ, что намъ придется подраться, и потому мы должны будемъ идти на вьюкахъ“. Изо всей семьи ему-холостяку сестра была наиболѣе близка, и нельзя не пожелать, чтобы отыскались ея письма къ любимому брату. П. Б.

1.

21-го Генваря (1831). Дер. Изборскъ.

Походъ нашъ очень монотоненъ, вялъ, жизнь скучна, несносна. Если пѣхоту у Нѣмцевъ принимаютъ съ отверстыми объятіями, какъ ты пишешь, то я скажу тебѣ, что и насъ принимаютъ съ радостью, но баловъ и обѣдовъ не даютъ. Мы надѣялись на Псковъ и провели время довольно весело, только не обязаны этимъ Псковскимъ помѣщикамъ. Я былъ по службѣ у тамошняго губернатора Пещурова, который, узнавъ мою фамилію, тотчасъ же спросилъ: не братецъ ли я фрейлинѣ Россетъ? Не знаю, почему онъ тебя знаетъ. Онъ меня звалъ обѣдать; но я получилъ приглашеніе уже поздно вечеромъ въ театрѣ и потому не могъ быть у него. На Псковскомъ театрѣ давали комико-волшебную оперу Украйну (такъ было написано въ афишѣ). Здѣсь есть ложи прямыя и ложи кривыя; прямыя тѣ, кои напротивъ сцены, а кривыя съ боку. Декораціи были очень великолѣпны: на зеленомъ холстѣ были намазаны листья безъ сучьевъ и деревьевъ, и такимъ образомъ зрителямъ представленъ садъ. Для моста былъ принесенъ особенный кусокъ холста, на которомъ онъ и былъ нарисованъ углемъ. Актеры не такъ дурны, а актрисы очень подгуляли. Псковъ могъ бы быть хорошимъ уѣзднымъ городомъ, но для губернскаго онъ очень плохъ. Какъ въ Петербургѣ, здѣсь есть извощики и вывѣски, и между прочимъ одна вывѣска пресмѣшная; нарисованъ человѣкъ, показывающій одною рукою на чай, а около рта написано: просимъ покушать. Въ Псковѣ нѣтъ ни одной кареты, и одинъ губернаторъ ѣздитъ въ возкѣ. Жители Пскова очень недовольны уланами; говорятъ, что они ведутъ себя совсѣмъ не по гвардейски—очень неблагопристойно. Здѣсь Полянскій и другіе уланскіе офицеры. Философовъ отъ Великаго Князя посланъ сдѣлать слѣдствіе. Не знаю, былъ ли въ числѣ ихъ Ося *).

Мы не можемъ жаловаться на морозы, ибо рѣдко бываетъ болѣе десяти градусовъ; но походъ несноснѣе: ибо отъ Пскова пошли все

*) Осипъ Осиповичъ Россетъ, впослѣдствіи женившійся на дочери Ивана Захаровича Ершова. Нѣсколько офицеровъ Уланскаго полка учинили безпорядки въ трактирѣ и выкинули за окно прибѣжавшихъ на шумъ, полицейскихъ чиновниковъ. Великій Князь приказалъ, чтобы виновные сами объявили свои имена; тогда по почину полковника Лизогуба всѣ офицеры объявили себя виновными и расписались на листѣ, на заголовкѣ котораго рукою самого Михаила Павловича было напасано „собственноручныя подписи фамилій виновниковъ“. Получивъ этотъ списокъ, Великій Князь, тронутый такимъ проявленіемъ духа товарищества, сказалъ: „что подѣлаешь съ этими чертями, разжаловать всего полка нельзя“ и ограничился тѣмъ, что приказалъ всѣмъ офицерамъ идти до границы безъ сабель, т. е. считаться арестованными. Объ этой исторіи см. „Р. Арх.“ 1872, стр. 1606. П. Б.

курныя избы, наполненныя тараканами. Ты не повѣришь, какъ намъ всѣмъ хочется поскорѣе добраться до Вильны, ибо скука смертная; а въ Вильнѣ перемѣнится наше положеніе, и мы узнаемъ, зачѣмъ насъ ведутъ и что съ нами будетъ.

2.

Г. Якобштатъ, 1831 года 7 Февраля.

Намъ перемѣнили маршрутъ, и наша батарея идетъ чрезъ Ковно въ Ломзу, городъ въ Царствѣ Польскомъ, вмѣстѣ съ кирасирскою дивизіею и съ полками Измайл., Павловск., Финляндск. и егерскимъ. До Ковно мы идемъ въ своей землѣ и пользуемся правомъ имѣть повозки, а перешедши чрезъ Нѣманъ мы пойдемъ на вьюкахъ, ибо перейдемъ за границу и будемъ уже въ землѣ непріятельской. На пути отъ Ковны въ Ломзу у насъ будетъ станція, въ пяти верстахъ отъ которой уже начинается Пруссія. Я непремѣнно думаю заѣхать въ Нѣмечину; вырѣжу имя мое на какомъ нибудь деревѣ, чтобъ я могъ сказать, что я былъ въ Польшѣ и Пруссіи.

Чичеринъ насъ обнадежилъ, сказавши, что мы непремѣнно будемъ въ дѣлѣ; мы съ нетерпѣніемъ ждемъ этого времени, ибо артиллеристу должно быть совѣстно не нюхать пороху. Мы не знаемъ никакихъ политическихъ новостей, читали только прокламацію Дибича къ Полякамъ и второй манифестъ Государя. Газетъ мы не могли достать ни въ одномъ городѣ; а Нѣмецкія газеты у Лифляндскихъ помѣщиковъ нельзя читать, потому что онѣ всегда залиты кофеемъ.

Уланскій полкъ пойдетъ въ Вильну по старому маршруту и оттуда въ городъ Бѣльскъ. Маршрута ихъ я не имѣю и потому не могу прислать тебѣ его. Съ крайнимъ неудовольствіемъ скажу тебѣ, что мнѣ Шевичъ, адъютантъ Чичерина, говорилъ, будто бы онъ читалъ листъ тѣхъ улановъ, которые нашалили въ Псковѣ и что въ числѣ ихъ былъ Ося. Ихъ всѣхъ въ уланскомъ полку двадцать человѣкъ, которые всѣ арестованы впредъ до повелѣнія. Пиши ко мнѣ, любезная Сашенька, по-французски. У насъ не это станетъ.

Я представленъ въ бригадные казначеи и тогда для пріемки разныхъ вещей буду ѣздить въ разные города; можетъ быть, увижусь съ Осей. Впрочемъ Шевичъ мнѣ говорилъ, что это вздоръ и эта исторія тѣмъ кончится, что они двѣ недѣли будутъ подъ арестомъ.

Адресуй мнѣ въ канцелярію начальника артиллеріи дѣйствующей арміи для доставленія въ батарейную батарею лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.

3.

Г. Ковно, 1831 года 26 Февраля.

Стою на одной квартирѣ съ enchanteur - Скалономъ, который, узнавши, что я пишу къ тебѣ, выразился на Французскомъ діалектѣ: j'abuse de la permission de mademoiselle votre soeur pour se faire rappeller à son aimable souvenir.

Мы съ Скалономъ читали, или лучше сказать перечитывали и восхищались красотами «Бориса Годунова»*).

На дняхъ колона наша получила приказаніе собрать пѣхотную дивизію и ускореннымъ маршемъ со всѣми предосторожностями идти въ Ломзу; наша батарея дожидается кирасирской дивизіи и будетъ слѣдовать за пѣхотною. Я пойду до Августова и оттуда поѣду догонять тѣ батареи. Перваго Марта мы переправляемся за границу чрезъ Нѣманъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ переправлялъ свое войско въ двѣнадцатомъ году Наполеонъ. Передъ выступленіемъ насъ смотритъ Великій Князь.

Благодаря свитѣ Великаго Князя, мы узнали, что̀ дѣлается подъ Варшавою; въ противномъ случаѣ, не смотря на то, что мы сами члены дѣйствующей арміи, намъ извѣстно менѣе, чѣмъ вамъ въ Петербургѣ. Сегодня мы получили приказаніе отпустить наши сабли, пересмотрѣть заряды и идти въ такомъ же порядкѣ, какъ въ виду непріятеля: ибо, какъ говорятъ, здѣсь появились Краковскіе партизаны, которые все жгутъ и истребляютъ, чтобъ только попрепятствовать нашему походу. Мы льстимъ себя и даже крѣпко надѣемся, что намъ придется сразиться оъ Поляками. Я хотя и сдѣланъ казначеемъ, а если будемъ въ дѣлѣ, то обязанъ буду исполнять болѣе должность адъютанта; но хочу проситься быть во фронтѣ, ибо имѣю своихъ два орудія и въ случаѣ хоть что нибудь могу сдѣлать и вернусь въ Петербургъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ вышелъ.

Будучи въ Петербургѣ, все мое желаніе ограничивалось тѣмъ, чтобъ только быть за границею, хоть въ Польшѣ; теперь же очень хочется зайти въ Пруссію, и даже у насъ уже поговариваютъ, что въ Ломзѣ мы получимъ повелѣніе идти въ Бромбергъ. Все дальше; ужъ не къ Французамъ ли?

---

*) Только что тогда появившагося въ печати особою книжкою. П. Б.

Впрочемъ, можетъ быть, всѣ наши предположенія, желанія, надежды лопнутъ, какъ мыльный пузырь, и мы безъ славы, безъ подвиговъ, безъ Анны четвертой степени, вернемся въ Питеръ. Какъ я ни желаю видѣть тебя и братьевъ, но не хочу теперь вернуться назадъ, ибо совѣстно послѣ такихъ приготовленій не быть въ сраженіяхъ. Ради щедротъ Карамзиной, у меня во взводѣ ни одинъ солдатъ не отморозилъ себѣ ногъ.

Къ брату Клементію Осиповичу.

Г. Ломза, 19 Марта (1831).

Въ Ставишкахъ мы получили извѣстіе, что непріятель вышелъ изъ Модлина въ числѣ одиннадцати тысячъ войска и съ 14-ю орудіями, чтобъ напасть на нашу колонну. Въ пять часовъ ночи мы получили приказаніе отъ Бистрома идти къ Ломзѣ. Думали, что на дняхъ мы сойдемся съ непріятелемъ; но сегодня мы идемъ обратно въ Ставишки и дожидаемся разлитія рѣкъ, ибо непріятель стоитъ на правой сторонѣ рѣки *Нарева*, а мы на лѣвой; а часть войска, которая переправилась на нашу сторону, была опрокинута армейскимъ отрядомъ генерала Сакена, который составляетъ нашъ авангардъ. Мы, какъ кажется, никакъ не избѣжимъ всегдашней участи гвардейцевъ—только быть вблизи къ непріятелю; ибо вѣроятно, что онъ отретируется въ крѣпость, если онъ дѣйствительно вышелъ изъ Модлина. Великій Князь теперь въ Ломзѣ и, какъ говорятъ, думаетъ укрѣпить ее.

4.

1831-й годъ. 13-го Іюля. Б. при м. Нишавѣ.

Еслибъ ты знала, какъ пріятны твои письма и съ какимъ удовольствіемъ я ихъ получаю, вѣроятно бы удѣлила охотно часъ времени для брата тебя много любящаго. Ты не повѣришь, какъ часто въ часы задумчивости воображеніе мое рисуетъ плѣнительную картину, представляя тебя въ красной коцубейкѣ, свернувшуюся клубкомъ на волтеровскомъ креслѣ и съ синенькимъ романомъ въ рукѣ, а Карлу сидящаго возлѣ и испивающаго съ апетитомъ стаканъ ароматныхъ сливокъ. А чтобъ достойнымъ образомъ описать любезнаго Клёму, перенеся его въ мою засаленную каюту въ офицерской, надобно обладать сильнымъ перомъ Карамзина и плѣнительною кистью Кореджіо. Такая картина свыше моего вкуса, ума, воображенія и чувствительности.

О моихъ геройскихъ подвигахъ не говорю, потому что ихъ не было. Всѣ мои дѣла воинскія ограничиваются тѣмъ, что я скакалъ съ

батареи на батарею и передавалъ приказанія генерала. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго надо мною сраженіями, скажу тебѣ, что оно было совершенно сходно съ тѣмъ, чтó требовало мое сердце. Возмемъ въ примѣръ дѣло Остроленское. Глазамъ моимъ представилась та самая картина, на которыя я съ ужасомъ смотрѣлъ въ дѣтствѣ. Я видѣлъ, какъ пылалъ городъ, слышалъ стоны и вопли умирающихъ, но былъ доволенъ тогдашнимъ днемъ. Я люблю все трогательное, но люблю и кровь, люблю ужасы, ибо они питаютъ чувствительность.—Гвардія, какъ кажется, болѣе въ дѣлѣ не будетъ, ибо мы въ резервѣ, и впереди насъ съ своими корпусами Виттъ и Паленъ. Вотъ уже недѣля, какъ мы перешли Вислу безъ малѣйшаго со стороны Поляковъ сопротивленія, за чтó и служили молебенъ, ибо по крайней мѣрѣ 1000 головъ слѣдовало бы положить для переправы. На счетъ холеры скажу тебѣ, что она у насъ не такъ сильна, особливо когда мы въ маршѣ и при хорошей погодѣ. Въ сырое время, послѣ дождя, у насъ заболѣваютъ ею до 30-ти человѣкъ въ одномъ полку. Вѣсть, что холера въ Петербургѣ, насъ огорчила, не отъ того, чтобъ мы боялись за васъ (ибо увѣрены, что чернь ею болѣе страждетъ и до васъ она, благодаря Бога, не дойдетъ), но думаемъ, что она замедлитъ наше возвращеніе въ блаженный Питеръ. Воображаю, какъ все у васъ уныло и какъ ты, любезная Сашенька, скучаешь. Одна княгиня Суворова осталась изъ твоихъ пріятельницъ. Я считаю слишкомъ малымъ засвидѣтельствовать ей свой поклонъ или нижайшее почтеніе. Я не забылъ Любовь Васильевну; но простимся на вѣки съ Зимнимъ дворцомъ, съ придворною каретою и съ каштанами, которые нѣкогда, въ счастливые, незабвенные годы, имѣли для меня особенную прелесть.

5.

1831 года 28 Августа, г. Варшава*).

27-го числа, послѣ 2-хъ-дневнаго штурма, мы вошли въ городъ побѣдителями и стали биваками на Марсовомъ полѣ. Описать тебѣ всѣ ужасы сраженія было бы слишкомъ долго и напрасно, ибо вѣроятно всѣ Петербургскія газеты и журналы будутъ наполнены реляціями и отрывками изъ партикулярныхъ писемъ; но всѣ ихъ краснорѣчивыя описанія не дадутъ тебѣ яснаго понятія о дѣлѣ, ибо на опытѣ знаю, что разсказы про битву Бородинскую и пожаръ Москвы также близки къ дѣйствительности, какъ раскрашенное сожженіе Мо-

---

*) Вѣроятно это-то самое письмо, съ извѣстіемъ о взятіи Варшавы, которое А. О. Смирнова сообщала Пушкину, написавшему ей по этому поводу: „Вы были вѣстницею славы, отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы“ и пр. П. Б.

сквы на табакеркахъ на настоящій пожаръ Москвы. Входъ нашъ въ Варшаву не былъ очень торжественъ: насъ привѣтствовали Жиды и національная гвардія Польская, которая содержала караулы. Первые собирались кучками и, казалось, думали, что мы очень довольны ихъ ласковымъ пріемомъ, а національную гвардію мы всякій разъ можемъ видѣть во Французскихъ водевиляхъ. Поляковъ мы не видали; Польки, низшаго класса Польки, стояли у воротъ и поглядывали на насъ изъ подлобья, а прелестныя Польки сидѣли за окнами и платкомъ отирали слезы. Онѣ лучше всѣхъ сыграли свою роль: плакали точно какъ будто не для того, чтобъ казаться милѣе; слезы ихъ были искренни, всякая вспоминала и оплакивала брата или друга, котораго лишилась на штурмѣ Варшавскомъ. Этимъ самымъ онѣ намъ отомщали; ибо гораздо пріятнѣе было, еслибъ Польки встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями. Но теперь мало по малу все оживляется, народъ выходитъ на улицу, магазейны открываются, являются фіакры и, какъ кажется, скоро все придетъ на ладъ.

Въ прошломъ письмѣ моемъ [1]) я писалъ тебѣ, что 24, 25 или 26 числа должно быть что нибудь рѣшительное; оно такъ и было: 25 и 26 мы сражались. Мы думали, что гвардія будетъ въ резервѣ; но наша дивизія была на правомъ флангѣ въ первой линіи. Впереди насъ были въ три линіи редуты. Цѣлые два дни мы были подъ выстрѣлами съ укрѣпленій. Вечеромъ 26-го наша дивизія атаковала редутъ. Драгуны всѣхъ болѣе потерпѣли: они потеряли до 14-ти человѣкъ офицеровъ и до 200 рядовыхъ, въ одной атакѣ. Гусары также много потеряли; ими командовалъ Пушкинъ и пронесся за укрѣпленія. Арнсгафенъ былъ боленъ; у нихъ, какъ я узнаю, убитъ Мурузи и тяжело раненъ Слѣпцовъ; они должны быть общими знакомыми жителямъ Царскаго Села [2]). Наша 1-я легкая батарея болѣе находилась въ огнѣ, когда стояла у взятаго нашими редута. По насъ открыли изъ всѣхъ прочихъ редутовъ сильный картечный огонь; мы не болѣе 10-ти минутъ стояли на этой позиціи, и изъ одного дивизіона раненъ одинъ офицеръ, 9 рядовыхъ убито, и изъ 19-ти лошадей тутъ бывшихъ выбило 12. Потеря въ людяхъ, слава Богу, не такъ была велика. Но какъ бы то ни было, теперь все кончено, и намъ остается желать только *поскорѣе* возвратиться въ Петербургъ. До сихъ поръ еще объ этомъ не говорятъ. Ты можешь себѣ представить, какъ насъ это занимаетъ, ибо надѣемся поспѣть къ твоей свадьбѣ.

---

[1]) Этого письма мы не имѣемъ. П. Б.

[2]) Гдѣ тогда находился весь дворъ, и при немъ А. О. Россетъ, уже невѣста сначала князя С. М. Голицына, за тѣмъ Н. М. Смирнова. П. Б.

6.

(1832).

Ося былъ вчера на балѣ въ Аничковскомъ дворцѣ. Императрица была очень милостива и сказала ему: «Напишите вашей сестрѣ, что я позабыла сказать ей, чтобъ она непремѣнно ко мнѣ писала, я жду ея писемъ, и чтобы увѣдомила меня тотчасъ, когда она будетъ въ Берлинѣ, чтобъ я могла также къ ней туда писать». Государь также спрашивалъ о тебѣ. Боюсь очень, чтобъ это письмо къ тебѣ не дошло и потому прошу тебя, тотчасъ же по полученіи его, увѣдомить меня, что желаніе Государыни тебѣ извѣстно.

7.

Красное Село, 1835 года Іюня 15 [1]).

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я въ Красномъ Селѣ. Жизнь описывать нечего: ты знаешь, какъ живетъ офиція; нынѣшній годъ она для меня еще живѣе и пріятнѣе; у насъ своя компанія, состоящая изъ Карамзиныхъ, Ёсакова, Штакельберга, Голицына, Лихачова и Лутковскаго; играемъ въ вистъ, поемъ Дерптскія бурсацкія пѣсни, но не кутимъ и не пьемъ, а все идетъ чинно. Однажды только была пирушка и тебя на оной поминали; я и André [2]) выпили въ тихомолку за твое здоровье, и онъ при семъ случаѣ разсказывалъ про страсть, которою пылалъ къ тебѣ въ Ревелѣ. Катерина Андреевна на прошлой недѣлѣ переѣхала было въ Таицы, но недовольная квартирою, опять переселилась въ городъ; я провелъ у нея цѣлый день и видѣлъ Вяземскаго. Онъ далеко не тотъ что́ былъ прежде, особенно для тѣхъ, кто помнитъ его въ холостой жизни, прежде переселенія семейства его изъ Москвы; замѣчательная его улыбка рѣдко выказывается, и часто очень слезы; жалко смотрѣть на него.

8.

С.-Петербургъ, 1835 г. Августа 15.

Адская машина [3]) и Калишскія маневры: вотъ два предмета для разговоровъ въ Петербургѣ. Благодаря С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, которыя намъ оставилъ Nicolas [4]), я и Клёма всякое утро узнаемъ о политическихъ новостяхъ. Онъ былъ боленъ двѣ недѣли, теперь выздоровѣлъ, ходитъ всякое утро въ штабъ и, возвратившись, бра-

[1]) Писано за границу, куда А. О. Смирнова во второй разъ уѣхала. П. Б.
[2]) А. Н. Карамзинъ, старшій сынъ историка. П. Б.
[3]) Покушеніе Фіески на жизнь Людовика Филиппа. П. Б.
[4]) Т. е. Николай Михаиловичъ Смирновъ, зять А. О. Россета. П. Б.

нитъ себя за самую большую ошибку, которую, говоритъ, сдѣлалъ въ своей жизни,—это оставленіе Кавказа; остальное время лежитъ на диванѣ, а я хожу по комнатѣ и бѣшусь на него; болѣе играемъ въ молчанку, только за чаемъ или обѣдомъ (Боже, какой обѣдъ, посуди сама, цѣна обѣду 1 р. 40 к.) разговоръ одушевляется: Клема пускается въ анализъ своего характера и своей жизни; память объ Арнольди, Кіевѣ, о Херсонисѣ Таврическомъ, все выходитъ на сцену, и тутъ онъ, какъ говоритъ всегда Пушкинъ, *удивительно хорошъ*. Все это хорошо, но мнѣ страхъ какъ надоѣло и, чтобы жить на двѣ половины, мы переѣзжаемъ завтра на другую квартиру, на Михайловской площади, въ домъ Занфтлебена. Немного дорого—1200 р. въ годъ; но, принимая въ сожители Скалона, придется съ брата по 400 р.; это еще сносно. Выгоды тѣ, что втроемъ будетъ веселѣе и дешевлѣ, и кромѣ того для меня въ центрѣ моихъ знакомыхъ, дому Карамзиныхъ, Михайловскаго и Александринскаго театра. Домъ Энгельгарда теперь передѣлывается для благородныхъ собраній, которыя будутъ здѣсь по примѣру Московскихъ; въ годъ дадутъ 6 баловъ, а въ остальные дни, какъ въ клубѣ, будутъ собираться ежедневно играть и проч. Клема записывается въ члены, а я буду ходить гостемъ; чтобы быть членомъ, надо заплатить 125 р. Не хочетъ ли Nicolas въ члены? Надѣятся, что это будетъ лучше Англійскаго клуба въ Москвѣ; говорятъ, что Государь также членъ.

Катерина Андреевна тебя цѣлуетъ и на тебя въ претензіи, что ты къ ней ни разу не написала. Мещерскіе и Вяземскіе будутъ въ концѣ нынѣшняго или въ началѣ будущаго мѣсяца; Вяземскій тебѣ будетъ писать. Третьяго дня я видѣлъ Жуковскаго и Полетику; они тебѣ очень кланяются. Полетика два раза повторилъ: «да смотрите, не забудьте поклониться Александрѣ Осиповнѣ и Николаю Михайловичу». — Вы вѣроятно уже знаете о женитьбѣ Бутурлина фл.-ад. на гр. Сухтеленъ, Марченки на Убри; новыя—Баратынскій женится на к. Абамелекъ, Коновницынъ на Бахметевой въ Харьковѣ; Крюковская выходитъ за Чекуанова уланскаго. Княжна Циціанова, какъ говорилъ мнѣ Стратилатовъ, также думаетъ быть въ Петербургѣ и жить съ Галаховой при помощи маленькаго капитала въ 10 т. р., который она умѣла сохранить отъ дѣдушки. На будущей недѣлѣ, можетъ быть, ѣду въ Москву и къ ней непремѣнно буду; надѣюсь видѣть и Спаское*). Жду письма только отъ Воейкова, чтобы напрасно не сдѣлать путешествія; безъ него мнѣ нечего дѣлать. Объ успѣхѣ

*) Прекрасное имѣніе Н. М. Смирнова въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи, на самомъ берегу Москвы, нынѣ принадлежащее графу С. В. Орлову-Давыдову. П. Б.

поѣздки со всею подробностію опишу Nicolas; прежде и писать къ нему не смѣю.—Куда вы направили путь, гдѣ, любезная Сашинька, проведешь зиму? Дай Богъ, чтобы въ Италіи. Берлинъ старый знакомый и очень схожъ съ Петербургомъ, чтобы могъ тебѣ нравиться; а бѣдный Vers въ Нѣметчинѣ совсѣмъ пропадетъ. Какое было окончательное дѣйствіе водъ? Надѣюсь, что всѣ довольны и вообще физическая организація оправилась и укрѣпилась; не знаю, въ какомъ состояніи главное, душевное расположеніе; оставили ли тебя твоя хандра и грусть, которыя заставляютъ насъ думать о тебѣ всегда съ сожалѣніемъ и горестью? Напиши мнѣ объ этомъ подробно и успокой меня; позволь желать смѣло твоего возвращенія и не бояться видѣть тебя опять скучающею и страждущею.

Посылаю тебѣ портретъ моей длинной, худой и скучной рожи; сейчасъ Мухинъ его сдѣлалъ.

Вчера былъ въ Царскомъ Селѣ, былъ у Шевичевой; у нея цѣлый пансіонъ, прибыли еще четыре Пушкины, всѣ очень хорошенькія и толстыя Малороссіяночки; Alexandrine также добра и тебѣ кланяется; въ Воскресенье опять поѣду съ Карамзиными. Не забудь написать Катеринѣ Андреевнѣ; она очень ожидаетъ отъ тебя нѣсколько строкъ. Пришли письмо ко мнѣ, я ей снесу его и очень радъ буду принести ей удовольствіе. André и Alexandre цѣлуютъ твои ручки.

Приписка князя П. А. Вяземскаго.

J'ai été très touché, chère et bonne madame Smirnoff, de votre souvenir affectueux, et l'intérêt que vous prenez à ma douleur ne me surprend pas, mais je n'y suis pas moins sensible. Les bonnes nouvelles que nous recevons à votre sujet me font un véritable plaisir; car, en arrivant ici, j'ai trouvé vos amis non alarmés pour votre santé, mais très affectés de l'humeur noire qui s'était emparée de votre esprit. Comme vous avez bien fait de vous décider à partir! Le voyage aura d'excellents résultats pour vous, malgrès votre manière de voir à la Von-Wisine et vos sentiments à la Schischkoff. Je vous donne ici la plus grande preuve d'abnégation; car certainement personne ne vous regrette plus que moi, et vous êtes la seule absente que je regrette. Décidément je ne vois personne, mais quant à vous, j'aurais eu du plaisir à vous voir. C'est près de vous que je venais chercher des délassements à mes cruelles angoisses dans les derniers temps de mon séjour à Pétersbourg; ma douleur se trouvait à son aise avec vous, et encore aujourd'hui que mon coeur est frappé à mort, je sens que vous

auriez été mon refuge et mon unique ressource. Il serait difficile de vous exprimer le sentiment qui m'éloigne du monde. C'est du découragement, quelque chose d'hostile et d'humble à la fois; j'ai comme qu'on dirait honte de mon malheur, je souffre de l'indifférence de la foule étrangère à mon chagrin, à ce dépôt sacré que je porte au fond de mon âme; je souffre de la pitié qu'on me témoigne, en un mot je suis en désharmonie complète avec moi-même, les autres et la Providence. Je n'étais pas né pour être aussi malheureux que je le suis. Le malheur est une mission sacrée, qui n'est pas à ma portée. Je ne la comprends pas et me révolte contre.—Combien je regrette pour vous que le choléra soit prêt à envahir l'Italie et vous empêche probablement de passer l'hiver à Rome, comme vous en aviez l'intention. Quel séjour que celui de Rome! C'est le seul coin de la terre qui fasse encore battre mon coeur d'espérance et d'avenir. C'est la commune patrie de tous ceux qui ont une âme, l'imagination et le sentiment de la vie intime. Je ne parle plus de l'affection particulière qui me rattache à cette terre; abstraction faite de ce sentiment, ce serait encore mon lieu de prédilection dans toute autre circonstance. Je ne parle pas non plus de Rome comme terre classique, comme musée de tout ce qu'il y a de beau et de grand pour les yeux, le souvenir et la pensée; non, ce que j'aime en Rome c'est ce climat physique, intellectuel et moral qui a un charme, une puissance toute particulière, si parfaitement en harmonie avec tous les caractères, toutes les dispositions de l'âme et de l'esprit, toutes les capacités. L'activité, la paresse, la joie, la douleur doivent s'y trouver également bien. Ce sont les champs élysés où l'on se dépouille de tout ce qu'il y a de mesquin et de fatigant dans la vie pour renaître à une nouvelle existence. Mais il faut se faire, s'acclimater à ce séjour. Quelques semaines peuvent suffire à la curiosité banale et obligée des voyageurs de profession, mais il faut au moins un séjour de quelques mois pour y prendre racine de coeur et d'âme. Naples m'a fait l'effet d'un opéra-féerie: c'est magique et enivrant, mais je crois qu'il faut un grand fond de frivolité pour s'y plaire constamment et ne pas finir par en être blasé. Je comparerais Rome à un bon roman de Walter-Scott, qui de page en page s'empare de plus en plus de votre attention et vous identifie au monde qu'il ouvre à vos yeux. Je désire pour vous et pour l'Italie que le choléra ne fasse que les menaces et que vous puissiez vous rendre à Rome en Octobre ou en Novembre, pour y rester jusqu'au mois de Mai. Je serais bien curieux de connaître vos impressions; non les premières, car elles ne décident rien, mais les dernières. Quand vous y serez, pensez à moi: c'est là que vous vous rencontrerez le plus aisément avec mes pensées, mes

souvenirs et mes espérances; c'est là que je vis de ma vie intime à l'ombre d'un cyprès, que vous irez voir, je n'en doute pas. Je sens que j'ai mal fait de vous écrire, mais j'espère que vos nerfs sont assez raffermis pour me lire sans que cela vous fasse du mal, et quant à votre coeur, il aimera, j'en suis sûr, à sympathiser avec le mien, tout souffrant qu'il est. Je vous baise les mains et vous prie de dire mille amitiés de ma part à Smirnoff. Le 21 Août (1835).

Переводъ.

Я былъ очень тронутъ, дорогая и хорошая Александра Осиповна, вашею благосклонною памятью обо мнѣ, и участіе, которое вы принимаете въ моей скорби[1]), не удивляетъ меня; но я не менѣе чувствую его. Хорошія вѣсти, которыя мы получаемъ о васъ, доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе; потому что по пріѣздѣ сюда я засталъ вашихъ друзей не то чтобы испуганными, но очень опечаленными тѣмъ мрачнымъ настроеніемъ, которое овладѣло вами. Какъ хорошо вы сдѣлали, рѣшившись ѣхать. Путешествіе будетъ имѣть на васъ прекрасное дѣйствіе, вопреки вашему Фонъ-Визинскому образу мыслей и Шишковскимъ чувствамъ. Этимъ даю вамъ самое большое доказательство самоотверженія, такъ какъ, конечно, никто не сожалѣетъ о васъ больше меня, и вы единственное лицо изъ отсутствующихъ, о комъ я жалѣю. Я рѣшительно никого не вижу, но васъ увидѣть доставило бы мнѣ удовольствіе. Вѣдь около васъ я находилъ отдохновеніе отъ жестокой тоски въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ; съ вами я скорбѣлъ покойно, и даже теперь, когда сердце мое разбито смертельно, я чувствую, что вы были бы моимъ убѣжищемъ и надеждою. Трудно выразить вамъ чувство, которое отдаляетъ меня отъ общества; это что-то враждебное и въ тоже время приниженное; мнѣ словно стыдно за свое горе[2]); я страдаю отъ равнодушія толпы, чуждой моему горю, этому священному

---

[1]) Вторая дочь князя Петра Андреевича, княжна Прасковья Петровна, скончалась въ Римѣ въ 1835 году, 18 лѣтъ отъ роду. Надъ могилою ея посаженъ кипарисъ. Княг. З. А. Волконская въ своемъ посланіи къ ея отцу говоритъ:

„И кипарисъ уединенный
Стоитъ надъ дѣвственной главой". П. Б.

[2]) Это же самое чувство выразилъ князь Вяземскій въ письмѣ къ Д. П. Северину отъ 7 (19) Октября 1835 (а не 1836 г., какъ значится въ „Р. Старинѣ" 1896 г. I, 86). Тоже пришлось князю Вяземскому испытывать и много позднѣе. Въ одномъ изъ стихотвореній его старости читаемъ:

Чувствъ одичалыхъ и суровыхъ
Гнѣздилище, душа моя;
Я ненавижу всѣхъ здоровыхъ,
Счастливцевъ ненавижу я.

И это писалъ человѣкъ многолюбящаго сердца! Въ 1840 году въ Баденъ-Баденѣ умерла младшая его дочь, княжна Надежда, а въ 1849 г. въ Петербургѣ погибла и старшая, послѣдняя, Марья Петровна Валуева. П. Б.

хранилищу, которое я ношу въ глубинѣ души своей. Я страдаю отъ сожалѣнія, которое мнѣ оказываютъ; словомъ, я въ полномъ несогласіи съ самимъ собою, съ другими и съ Провидѣніемъ. Я родился не для того, чтобы быть столь несчастнымъ. Несчастіе есть священное назначеніе, къ которому я не имѣю прозванія. Я его не понимаю и возмущаюсь имъ. Какъ мнѣ жаль за васъ, что холера хочетъ вторгнуться въ Италію и вѣроятно помѣшаетъ вамъ провести зиму въ Римѣ, какъ вы намѣревались. Что̀ за жизнь въ Римѣ! Это единственный уголокъ на землѣ, заставляющій еще биться мое сердце надеждою и будущностью. Это общая родина для всѣхъ, у кого есть душа, воображеніе и потребность внутренней жизни. Я не говорю уже о своей особенной любви, которая привязываетъ меня къ этой землѣ; кромѣ этого чувства, все же она была бы для меня самымъ предпочтительнымъ мѣстомъ при всякомъ другомъ обстоятельствѣ. Я не говорю тоже о Римѣ какъ о землѣ классической, какъ о музеѣ, гдѣ найдешь все, что̀ есть прекраснаго и великаго для глазъ, воспоминанія и мысли. Нѣтъ, я люблю въ Римѣ именно этотъ климатъ физическій, духовный и нравственный, который имѣетъ прелесть и совсѣмъ особенную силу, состоящую въ такомъ совершенномъ согласіи со всѣми характерами, со всѣми склонностями души и ума, со всѣми способностями для дѣятельности, лѣни, радости и печали; все должно быть тамъ одинаково хорошо. Это Елисейскія поля, гдѣ оставляютъ все, что̀ есть плохаго и утомительнаго въ жизни, чтобы возродиться для новаго существованія. Но нужно привыкнуть къ этому климату. Нѣсколькихъ недѣль можетъ быть достаточно для обыкновеннаго и необходимаго любопытства путешественниковъ; но нужно нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія для того, чтобы окорениться тамъ душой и сердцемъ. Неаполь произвелъ на меня впечатлѣніе оперы-феерiи; онъ волшебенъ и опьяняющъ; но мнѣ кажется, что нужно быть очень суетнымъ, чтобы находить удовольствіе въ постоянномъ пребываніи тамъ и не пресытиться въ концѣ концовъ. Я бы сравнилъ Римъ съ хорошимъ романомъ Вальтеръ-Скотта, который съ каждой страницей завладѣваетъ все больше и больше вашимъ вниманіемъ и сливаетъ васъ съ міромъ, который онъ открываетъ передъ вашими глазами. Я желаю для васъ и для Италіи, чтобы холера ограничилась только угрозами и чтобы вы могли отправиться въ Римъ въ Октябрѣ или Ноябрѣ и остаться тамъ до Мая. Мнѣ было бы очень любопытно узнать ваши впечатлѣнія, не первыя, такъ какъ онѣ ничего не рѣшаютъ, а послѣдующія. Когда вы тамъ будете, вспомните обо мнѣ: тамъ вы встрѣтитесь легче всего съ моими мыслями, воспоминаніями и надеждами; тамъ я живу сердечной жизнью подъ тѣнью кипариса, который, безъ сомнѣнія, вы пойдете посмотрѣть. Я чувствую, что дурно сдѣлалъ, написавъ вамъ; но надѣюсь, что ваши нервы достаточно окрѣпли, чтобы чтеніе моего письма не подѣйствовало на васъ дурно; что же касается до вашего сердца, я увѣренъ, что оно захочетъ сочувствовать моему, не смотря на все его страданіе. Цѣлую ваши ручки и прошу передать много поклоновъ Смирнову. 21 Августа (1835).

9.

Г. Омскъ, 1840 г. 1 Октября.

Я раздѣлилъ мое длинное путешествіе на пять періодовъ, изъ которыхъ совершилъ уже два, и теперь нахожусь на отъѣздѣ для совершенія третьяго, самаго труднаго по времени и по большимъ объѣздамъ въ сторону, т. е. изъ Омскъ въ Томскъ чрезъ извѣстную тебѣ Бухтарму. Въ Оренбургъ и изъ Оренбурга въ Омскъ я доѣхалъ нельзя благополучнѣе. Я смотрю роты въ одномъ мундирѣ цѣлое утро, не чувствуя холода, и такой погоды не припомню и въ Петербургѣ въ Октябрѣ. Къ сожалѣнію Октябрь не постоянно хорошъ и скоро перемѣнчивъ; меня увѣряютъ, что, можетъ быть, завтра меня прихлопнетъ морозъ и на цѣлую зиму, а можетъ быть такая погода простоитъ и до Ноября. Ты не удивляйся, что я хлопочу и говорю такъ много о погодѣ: для меня эта статья важнѣе всего.

До 1-го Ноября я предполагаю употребить на вояжъ мой въ Томскъ (2500 верстъ); тамъ дождаться зимы, если она меня не застанетъ на дорогѣ и направиться въ Иркутскъ уже въ зимнемъ экипажѣ; въ Иркутскѣ прожить съ недѣлю и если можно будетъ переѣхать Байкалъ, то отправиться въ Нерчинскъ и Кяхту и въ Генварѣ тронуться въ обратный путь. По моему разсчету ранѣе Марта у васъ не буду. Про здѣшнюю зиму, особенно въ Тобольскѣ и Омскѣ, разсказываютъ ужасы такіе, что волосы становятся дыбомъ, и я боюсь, чтобы она меня не задержала. Бураны бываютъ часто и продолжительно, а во время бурана ѣздить нѣтъ возможности, и иногда просиживаютъ дни на станціи, поджидая, пока онъ пройдетъ. Но что́ будетъ далѣе, то будетъ; а если не заболѣю, то все будетъ хорошо. Дорога меня нисколько не утомляетъ, а разнообразіе предметовъ занимаетъ, и о Петербургѣ не жалѣю. Въ Иркутскѣ, если буду задержанъ, проживу долѣе пріятно; это—столица Сибири. Я было нанялъ компаньона Англичанина Кокреля, но взять его съ собой не рѣшился; теперь пріискалъ здѣсь одного доктора, Дерптскаго студента, и буду просить сегодня князя Горчакова *) отпустить его со мной. Для меня было бы это большая помога, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ, ибо со мной очень ласковъ.

Пришли сказать, что батарея (казацкая) готова, и инспекторъ (другаго титула не даютъ) садится на коня и ѣдитъ на звукъ трубный!

О Перовскомъ скажу тебѣ, что онъ отъ перваго лица до послѣдняго казака не любимъ, а обожаемъ въ Оренбургѣ. Я не встрѣчалъ ни одного, которому не пріятно бы было восхвалять его въ разговорѣ, и про него разсказываютъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ разныя казацкія

---

*) Князя Петра Дмитріевича, генералъ-губернатора Западной Сибири. П. Б.

лихія продѣлки удивительныя; онъ ведетъ себя и слыветъ рыцаремъ и вмѣстѣ казакомъ, и Киргизы дали ему лестное у нихъ прозваніе *батырь*. Оренбургскія дамы отъ него безъ ума. Я познакомился коротко съ начальникомъ штаба Рокасовскимъ, очень хорошимъ и порядочнымъ человѣкомъ и у него проводилъ время очень пріятно; вообще ты не можешь себѣ представить, какъ меня величаютъ: даютъ обѣды и вечера на перерывъ, а я стараюсь всѣхъ очаровывать моимъ пріятнымъ обхожденіемъ, чтобы, какъ Маниловъ, быть произведену въ генералы.

10.

Г. Семипалатинскъ, 1840 г. 10 Окт.

Не доѣзжая Семипалатинска, 4 версты ужасные пески; я вышелъ изъ кареты и шелъ пѣшкомъ; было жарко, было душно (замѣть 9-го Окт.), и я скинулъ сюртукъ (сегодня же опять холодно) и любовался однимъ прекраснымъ видомъ чрезъ Иртышъ въ степь Киргизскую. Здѣсь я встрѣтилъ г. Карелина, имѣющаго порученіе отъ Московскаго Общества Естествоиспытателей обозрѣть Сибирь въ минералогическомъ, ботаническомъ и звѣриномъ отношеніи. Онъ человѣкъ европейски образованный, былъ въ чужихъ краяхъ и, не смотря на то, влюбленъ въ Сибирь, особенно въ здѣшній уголокъ Бухтарминскій, который считается Сибирскою Швейцаріей. Онъ далъ мнѣ очень любопытныя свѣдѣнія, показывалъ набитыхъ звѣрей, мурашекъ на булавочкахъ, и цвѣтовъ, и растеній, и говорилъ съ восторгомъ о найденныхъ имъ нигдѣ еще не найденныхъ въ Европѣ рѣдкостяхъ. Какъ Вандалъ въ естествознаніи, сначала я разсматривалъ съ любопытствомь; но когда онъ началъ мнѣ по-латыни толковать ихъ прозванія, я утомился ужасно. Почти насильно онъ и здѣшній городничій г. Гюлуенъ меня удержали на одинъ день лишній и, чтобъ позабавить, созвали весь городъ (а кромѣ ихъ двухъ всѣ пьяницы) на заячью охоту; они тамъ травятъ, а я, пользуюсь тѣмъ, что они разбрелись, удралъ потихоньку и пишу тебѣ.

Сегодня поутру мнѣ приносилъ первый здѣшній купецъ, одинъ почти ведущій всю торговлю съ Китаемъ, Китайскія шелковыя матеріи, которыхъ образчики посылаю тебѣ, любезная Сашинька, и, если нужно что̂, я привезу съ собою изъ Кяхты. Онѣ употребляются болѣе на салопы, а вамъ не нужны ли будутъ для мебелей или обоевъ? Прочность ихъ такова, что я видѣлъ здѣсь салопъ сдѣланный въ 21 году и теперь еще годный. Цѣна куску (канфы) въ 19 аршинъ длины и 1 арш. 6 в. ширины—175 р.; полу-канфы зеленой и темно-синей (бываютъ всѣхъ цвѣтовъ)—125 р. Образчики не имѣютъ той красоты, а въ кускахъ это прелесть. Я разорился и купилъ на 300 рублей.

11.

Г. Иркутскъ, 1841 г. Февраля 10.

Въ Кяхту мы прибыли къ самому любопытному времени, когда празднуется у нихъ новый годъ или по ихнему бѣлый мѣсяцъ. Когда смерклось, мы отправились въ сопровожденіи Кяхтинской аристократіи и Иркутскихъ знакомыхъ въ Китайскій городокъ Май-Ма-Ченъ, $1/2$ в. отъ Кяхты; явились къ главному ихъ начальнику заргучею; онъ принялъ насъ очень ласково, потчивалъ чаемъ на нашъ и ихъ манеръ, виномъ и сластями; я набралъ въ карманъ разнаго рода странныхъ орѣховъ и орѣшковъ и пастилы и кушалъ ихъ на дорогѣ. Черезъ переводчика мы дѣлали ему вопросы; онъ не отвѣчалъ, а кивалъ головою и все смѣялся. Отъ него пошли осматривать городъ; для праздника онъ былъ освѣщенъ фонарями; эффектъ очень хорошъ для глазъ отъ нихъ, а для ушей отъ колокольчиковъ, которые колеблятся отъ вѣтра и издаютъ рѣзкіе звуки; видѣли также ихъ пляску съ Китайскими кастаньетами; главное искусство состоитъ въ томъ, чтобы, прыгая и кривляясь, подымать руки надъ головою и ударять палку о палку такъ, чтобы зрителямъ казалось, что они ударяютъ себя въ лобъ. Наконецъ видѣлъ ихъ театръ; но это уже слишкомъ странно, оригинально и на нашъ видъ глупо. На другой день мы обѣдали у нихъ; обѣдъ былъ почетный, ибо было 7 суповъ, одинъ гаже другаго, и 43 блюда стояло на столѣ; въ числѣ ихъ были червячки, каракатица (я везу ихъ въ Петербургъ) и другія морскія животныя, отъ которыхъ компаньонъ мой Фалькенбергъ еще сегодня принималъ слабительное. Тебѣ бы очень понравились ихъ комнатки, маленькія, чистенькія и удивительно покойныя. Я удивляюсь, что въ Петербургѣ не заведутъ кабинеты съ Китайскимъ комфортомъ; онъ не уступаетъ Англійскому. Самые Китайцы совсѣмъ не тѣ видомъ, что́ на картинкахъ и гораздо лучше другихъ Азіатцевъ, которыхъ я видывалъ въ Петербургѣ; въ нихъ не видишь этого глупаго вида, съ коимъ Турки, Персіяне, Киргизы и проч. смотрятъ на насъ; они между собою смѣются, трунятъ надъ нами и удивляются нашимъ обыкновеніямъ, какъ мы ихнимъ. Затѣмъ я жилъ въ Кяхтѣ еще три дня, но въ Май-Ма-Ченѣ не былъ, потому что онъ надоѣлъ мнѣ, и провелъ время въ сообществѣ образованнаго нашего купечества; результатъ тотъ, что я вывезъ оттуда чувство до сихъ поръ для меня неизвѣстное, чувство отвращенія неодолимаго къ образованному купечеству.

Въ Иркутскъ я пріѣхалъ въ Четвергъ на Масляницѣ. Въ Пятницу былъ великолѣпный балъ въ Благородномъ Собраніи (кадриль былъ

въ 36 паръ). Пріѣзду нашему чрезвычайно обрадовались, ибо мы оживили городъ; въ Субботу дѣлали визиты; въ Воскресенье было назначено катанье и танцы у Безносикова; но пріѣхала его больная теща Мясникова, и былъ только вечеръ у Пятницкой (губернаторши). Я съ нею въ большой дружбѣ; она очень смѣшлива, весела и умна, какъ дочь Жмакина (сенатора); ее считаютъ гордою Петербургскою дамою, и вчера на балѣ она очень наивно мнѣ сказала про нихъ: «дуры, онѣ не знаютъ, что меня, дочь Жмакина, и не принимаютъ въ Петербургѣ въ порядочныхъ домахъ». Вчера прислала она приглашеніе слѣдующее: «Пріѣзжайте ко мнѣ на вечеръ, чтобы не даромъ была сдѣлана миндальная корзинка».

Львовъ [1]) остается въ Сибири еще на годъ, если графъ Киселевъ не вызоветъ его, чего онъ премного желаетъ, а проситься не хочетъ. Жаль мнѣ его; онъ премилый малый, музыкантъ, какъ всѣ Львовы, и имѣетъ еще талантъ въ родѣ Сашки Карамзина—дѣлать разные увеселительные фарсы: гримасами онъ представляетъ колокольчикъ, дождь и грозу, портфель и проч. и, не въ обиду Сашкѣ, его поискуснѣе; у него нѣтъ только смѣлости Карамзина: онъ стыдится и не любитъ фарсить.

Николай Ивановичъ [2]) оставилъ здѣсь память: его всѣ чрезвычайно любили за доброту и веселость, до послѣдняго дня былъ неистощимъ въ анекдотахъ. Катерина Ивановна [3]), не хохотунья отъ природы, говорила, что онъ былъ смѣшонъ и милъ удивительно, когда разсказывалъ. Ты изъ этого видишь, что порученія графини Борхъ [4]) уже давно исполнено.

Лучше два раза съѣздить въ Сибирь, чѣмъ четыре мѣсяца провести въ Грефенбергѣ.

Письма за границу.

12.

Римъ, 2 (14) Генваря 1843 г.

Не довѣряя почтѣ и на случай, что ты не получила письма, которое я писалъ третьяго дня, увѣдомляю вторично, любезная Сашинька, что здѣсь все готово для твоего пріема. Нанятъ на Forum Trojano малый pallazzo Valentini; за одинъ мѣсяцъ я заплатилъ впередъ; вчера по описи принялъ вещи и помѣстилъ нанятаго мною человѣка, который тамъ моетъ, чиститъ и вытираетъ. Хотя эта квартира считается

---

[1]) Леонидъ Ѳедоровичъ. См. его Воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ" 1885 г. П. Б.

[2]) Лореръ, дядя А. О. Россета, декабристъ, уже переведенный въ то время на Кавказъ. П. Б.

[3]) Супруга декабриста князя Сергѣя Петровича Тубецкаго, ур. Лаваль. П. Б.

[4]) Сестра предъидущей. П. Б.

въ Римѣ изъ лучшихъ, все-таки она въ сравненіи съ Петербургскими грязна, и я не совсѣмъ увѣренъ въ хорошемъ первомъ впечатлѣніи, которое она сдѣлаетъ, особенно если пріѣдешь не въ солнечный день. По условію хозяинъ дома долженъ поставить въ одной комнатѣ печку по выбору нашему; не зная, какъ ты расположишься, не назначалъ и комнаты. Самъ живу еще у Перовскаго, переѣду въ домъ, получивъ твое письмо. Кушанья будутъ носить; завтра буду пробовать повара. Для Нади и завтрака можно устроиться въ домѣ, или нанятый человѣкъ можетъ готовить; онъ поваръ. Я надѣюсь, что ты поѣдешь по почтѣ, отправясь такъ, какъ я писалъ тебѣ, т. е. выѣхавъ поутру изъ Флоренціи, ночуя въ Сіенѣ и оттуда прямо въ Римъ, не останавливаясь: ты совершишь поѣздку очень легко, особенно если погода поблагопріятствуетъ. Дорога очень хорошая, закладываютъ скоро; горы небольшія, и вообще совсѣмъ не то, чтó между Болоніей и Флоренціей.

Алеша [1]) все кашляетъ; Перовскій не знаетъ чтó дѣлать; мы уговариваемъ его рѣшиться на гомеопатію.

Вчера былъ у обѣдни; Русскіе вылѣзли изъ норъ, и ихъ оказалось много. Я представлялся герцогу [2]); онъ спрашивалъ, скоро ли ты пріѣдешь? Марья Николаевна принимала дамъ. Во вторникъ она ѣдетъ въ Неаполь. Въ церкви видѣлъ въ черномъ гр. Завадовскую. Сегодня балъ у Потемкина, и я ѣду съ Ферзеномъ; отказаться не могъ потому, что Велеурскій [3]) мнѣ сказалъ, что приглашеніе было по назначенію Великой Княгини и въ ея апартаментахъ.

Когда выѣдешь на площадь Св. Петра, она поразитъ тебя; когда взойдешь въ церковь, въ первый моментъ скажешь: какая маленькая церковь; а когда будешь идти впередъ, подумаешь, что ей конца не будетъ; коротко, она истинное чудо, и ничего подобнаго нѣтъ въ мірѣ. Перовскій и Ханыковъ хотятъ тебѣ сопутствовать при первомъ ея посѣщеніи, чтобы видѣть, какое сдѣлаетъ она впечатлѣніе.

13.

Грефенбергъ, 1843 г. 10 (22) Августа.

Перовскій вѣроятно очень радъ будетъ, если ты возьмешь на свое попеченіе Алешу; но подумай, станетъ ли у тебя терпѣнія съ нимъ сладить; при твоемъ здоровьи также надо укрощать безпрерывныя ежедневныя столкновенія, которыя могутъ тебя тревожить и вредитѣ здоровью; при томъ же въ Ницѣ, кажется, Толстая, и какъ-то странно

---

[1]) Сынъ Василія Алексѣевича Перовскаго. П. Б.

[2]) Максимиліану Лейхтенбергскому. П. Б.

[3]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ. П. Б.

будетъ, что племянникъ будетъ жить въ чужомъ домѣ, а не у тетки. Ханыковъ писалъ Вас. Ал. и совѣтовалъ ему свезти Алешу въ Одессу и отдать въ Ришельевскій лицей; но врядъ ли согласится на это Перовскій.

А я не зналъ, что Гоголь продралъ и поселился въ Баденѣ; кланяюсь ему очень дружно. Не могу вспомнить о Римѣ безъ Гоголя. «Мертвыя души» со мною; я перечиталъ ихъ еще два раза и знаю наизусть разговоръ двухъ дамъ отъ *веселенькаго ситца до Ринальдо-Ринальдини.* Я ждалъ Языкова; но онъ вѣроятно поѣхалъ прямо въ Россію.

14.

С.-Петербургъ, 1844 г. 1-е Генваря.

Мандтъ увѣряетъ, что, вѣроятно, когда я былъ очень молодъ, у меня была золотуха, которую вогнали во внутрь, она бросилась на печень и произвела всѣ недуги, которыми страдаю. Я не помню; но, кажется, ты мнѣ говорила, что что-то подобное со мною было въ дѣтствѣ. Онъ ужасный болтунъ и шарлатанъ, принялъ въ систему заговаривать больнаго; но къ несчастью я на слова не очень податливъ и выражаю часто ему мое безвѣріе въ его искусствѣ; онъ, какъ лейбъ-медикъ и проч. и проч., очень обижается.

Удивляюсь, любезная Сашинька, какъ ты по сіе время еще каждое слово Смирнова въ строку ставишь и не знаешь, что, когда онъ не въ духѣ, то это означаетъ или проигрышъ или треволненіе амбиціи; онъ не ѣдетъ за границу для службы и очень хорошо дѣлаетъ; при томъ же вообще онъ очень живетъ весело и доволенъ. Что касается до Ростопчиной, то признаніе ей или ему было бы уже черезъчуръ глупо; значило бы подставить огонь къ бочкѣ пороха, когда огонь и бочка отстоятъ на тысячи верстъ разстоянія. Не знаю, зачѣмъ Смирновъ тебя напугалъ; а я, который ихъ вижу три раза въ недѣлю, скажу тебѣ, что въ домѣ у нихъ царствуетъ совершенное спокойствіе, и нельзя даже и предвидѣть чего нибудь дурнаго.

У Перовскаго бываю рѣдко, потому что утромъ, безпрерывно принимая что нибудь, не выѣзжаю, а вечеромъ онъ всегда или у Шувалова или у Бобринскаго; онъ же былъ у меня и очень ко мнѣ добръ по прежнему. Алешу его также пользуетъ Мандтъ и съ большимъ успѣхомъ: ему гораздо лучше, и исцѣленіе его несомнѣнно.

Пишу тебѣ въ день, когда Петербургъ наиболѣе великолѣпенъ: морозъ трескучій, солнце, и все разряженное стремится на выходъ въ

Зимній. Смирновъ вѣроятно описалъ тебѣ обрученіе и всѣ по этому случаю праздничныя новости; онъ душою и тѣломъ преданъ церемоніямъ; его и хлѣбомъ не корми, когда въ руцѣ его палка. Говорили, что дадутъ въ дни свадьбы новую оперу Львова съ Рубини, Тамбурини и Гарціей; но слышно, что партія Пиччинистовъ, Велеурскихъ, возстала въ тайнѣ, и отмѣнили.

Я живу оперою, благодаря Ростопчиной не пропустилъ ни одного раза. Литерная ихъ ложа—прелесть, съ спокойными креслами, диванами и мороженымъ; въ антръ-актахъ бываетъ въ ложѣ до 15 человѣкъ; всѣ мы большіе диллетанты, шумъ, крикъ подымаемъ такой, что всѣ жалуются на наше неистовство. Для меня всѣ дрянь передъ Рубини: онъ въ своемъ родѣ Колизей или Петръ въ Римѣ.

Очень я радъ, что, обжившись въ Ниццѣ, кажется, не жалѣешь объ южной Италіи; главное—климатъ. Что бы я далъ, чтобы подышать вашимъ воздухомъ! Кстати обо мнѣ въ сочетаніи съ Италіей. Бенкендорфъ навѣрно ѣдетъ весною за границу, André также почти навѣрное; я думаю примкнуть себя къ его свитѣ, если не получу облегченія отъ Мандта.

Карамзины всѣ здравствуютъ. Въ городѣ всѣ толкуютъ о Вольдемарѣ и Дукѣ [1]; но еще не рѣшено или, лучше сказать, не объявлено, потому что на самомъ дѣлѣ уже рѣшено.

Вяземскій просилъ меня вчера сказать тебѣ, что онъ непремѣнно хочетъ кончить или встрѣтить съ тобой Новый годъ и потому напишетъ сегодня или уже написалъ вчера. Ты знаешь, что Павлуша [2]) въ Константинополѣ; пишетъ, что очень доволенъ теперь своей судьбою.

Письма въ Калугу.

15.

С.-Петербургъ, 1844 года Дек. 20.

Мы нѣсколько разъ видались съ Волковымъ. Не знаю, достигнетъ ли онъ главнаго въ настоящее время—удаленія Клушина. За исторію Ершова и собственно ревизію дѣлъ можно быть спокойнымъ; надо опасаться сплетень, интригъ, наговоровъ Клушина, ... и прочихъ недоброжелателей. Давыдовъ говоритъ, что онъ въ кавалер-

---

[1]) Т. е. о состоявшейся потомъ свадьбѣ Владимира Николаевича Карамзина съ Александрою Ильиничною Дукою (сводною сестрою графини Клейнмихель). П. Б.

[2]) Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. П. Б.

гардахъ зналъ NN за шулера, что исторія ему извѣстна, что развѣ покажутъ ему что либо чрезвычайное, неизвѣстное Перфильеву, чтобъ онъ представилъ донесеніе не въ пользу нашу, что могутъ быть неправильности въ формальностяхъ, которыя всегда и вездѣ дѣлаются, что онъ самъ былъ губернаторомъ и съумѣетъ въ этомъ дѣлѣ и въ ревизіи отличить что́ упущеніе и что́ вздоръ, на который не стоитъ обращать вниманія. Нелидовъ много говорилъ съ Бутковымъ, который нынѣ управляетъ дѣлами Комитета Министровъ. Бутковъ говоритъ, что ему лучше всѣхъ извѣстны мнѣнія министровъ о Ершовскомъ дѣлѣ; *всѣ безъ исключенія* знаютъ, что это совершенная клевета, но что слѣдствія нельзя было избѣгнуть. Онъ говоритъ, что даже Закревскій теперь ее знаетъ, что онъ даже и не жаловался на Смирнова, ничего противъ его не имѣетъ; а что вся исторія поднялась оттого, что Иванъ Ершовъ, будучи уѣзднымъ предводителемъ дворянства, долженъ былъ судиться въ Подольскомъ уѣздѣ; Закревскій представлялъ Государю, что судъ затруднится судить безъ слѣдствія, а потому нужно формальное слѣдствіе: донесеніе Перфильева было секретное дознаніе, по которому судъ судить не можетъ. Такъ какъ простое слѣдствіе было бы обидно Перфильеву, то и придумали послать сенатора и, ревизовавъ губернію, изслѣдовать и это дѣло. Вотъ какъ толкуетъ Бутковъ. Если исторія эта не кончилась, виноватъ, по его словамъ, Царь, который рѣшилъ предать суду; разъ судъ,—дѣло должно идти законнымъ порядкомъ; оттого и лучше было рѣшеніе Панина и Комитета Министровъ: внушить Ершовымъ, чтобы впредъ они не входили съ подобными жалобами. Мнѣ это же говорилъ Пинскій. Нел. толковалъ съ нимъ болѣе часу, и Бутковъ говоритъ, что онъ не понимаетъ, отчего мы такъ тревожимся; что дѣло не можетъ иначе рѣшиться, какъ въ нашу пользу; если ревизію Nicolas сбудетъ хорошо, то даже онъ выиграетъ. Я боюсь одного: Перовскій и все министерство (какъ засвидѣтельствуетъ и Волковъ) стоятъ за Nicolas; Боже сохрани, если Пер. узнаетъ, что Nicolas имъ недоволенъ или чѣмъ другимъ его не расположитъ: это ледъ, который тогда только разгорячится, когда задѣнутъ его личность и самолюбіе; чтобы отомстить, ему ничего не значитъ погубить человѣка, за котораго онъ прежде самъ стоялъ. Надо, напротивъ, показывать, что мы спокойны, потому что надѣемся на его покровительство, тѣмъ болѣе, что онъ самъ задѣтъ въ этомъ дѣлѣ и слѣдовательно не хотя будетъ отстаивать Nicolas. Напиши мнѣ пожалуста, сколько писемъ ты писала Государю; кажется, что всего одно, то, которое возилъ Барановъ; Бутковъ говорилъ нѣкоторыя фразы, коихъ не было. Нелидовъ утверждалъ за него, что онѣ были, ибо самъ Бутковъ читалъ ихъ въ дѣлѣ; я утверждаю, что онъ вретъ. Кончилось тѣмъ, что мы

сами перессорились. Сущность фразъ та, что будто ты просила вторымъ письмомъ именно о преданіи суду. Напиши только осторожно и не называй Буткова, ибо письма читаютъ и перехватываютъ. Онъ ужасно этого боится.

Мнѣ чрезвычайно тебя жаль, милая Сашинька; еслибъ не время, я бы на твоемъ мѣстѣ взялъ Мишу и отправился въ Петербургъ; а не то пережди морозы и въ началѣ Февраля забери всѣхъ и отправься хоть въ Бѣгичево *), чтобъ тебѣ не быть въ помойной ямѣ въ то время, когда пріѣздъ сенатора расшевелитъ въ ней всѣхъ гадовъ. Я полагаю, что во всякомъ случаѣ это послѣдній годъ, и въ будущую зиму изъ нашихъ устъ не будутъ выходить нечистыя слова: Ершовъ и Калуга.

Какъ ты хочешь, чтобы Перовскій рѣшился теперь представить къ Станиславу, когда не рѣшился прошлаго года и прямо тебѣ отказалъ? Жемчужниковъ (сенаторъ и женатый на сестрѣ Перовскаго) подалъ мнѣніе по дѣлу Веневитинова не въ пользу его, противъ министра юстиціи и министра внутр. дѣлъ. Сенатъ съ нимъ согласился. Государственный Совѣтъ, въ половинѣ членовъ, также перешелъ на его сторону. Перовскій выговаривалъ Жемчужникову, что Сенатъ всегда покровительствуетъ мошенникамъ и не защищаетъ невинныхъ. Жемчужниковъ ему отвѣчалъ: оставь Сенатъ въ покоѣ; подумай, хорошо ли ты защищаешь невинныхъ? Какъ ты могъ допустить такое пакостное дѣло, какое теперь дѣлаютъ съ Калужскимъ губернаторомъ? На слова Перовскаго: что же мнѣ дѣлать? Жемчужниковъ отвѣчалъ: Представить Государю, что ты начальникъ губернаторовъ, а не Закревскій, что Калужская губернія тебѣ лучше извѣстна, и одному тебѣ извѣстно, что ревизія не нужна и просишь ее не дѣлать. Еслибъ Государь отказалъ, ты бы по крайней мѣрѣ доказалъ, что защищаешь дѣйствительно невинныхъ; а теперь молчи и Сенатъ оставь въ покоѣ. Это разсказывалъ самъ Жемчужниковъ Данзасу, и разговоръ вѣроятенъ, по словамъ Данзаса, ибо Жемчужниковъ съ Перовскимъ въ совершенно дружескихъ сношеніяхъ.—Что же послѣ этого намъ дѣлать и просить его? Спасибо ему будетъ и за то, если удаленіемъ Клушина или другимъ какимъ либо дѣйствіемъ покажетъ расположеніе свое и тѣмъ выведетъ Nicolas изъ того труднаго и непріятнаго положенія, въ которомъ онъ находится теперь въ Калугѣ. Я былъ у Вас. Алекс. и не засталъ дома; на дняхъ André его пригласитъ обѣдать, меня позоветъ, и мы на свободѣ оба будемъ ему говорить. Не знаю, какая будетъ польза; во всякомъ случаѣ напишу о результатѣ, если не успѣю съ Волковымъ, то по почтѣ. Чѣмъ болѣе думаемъ объ этой исторіи, тѣмъ

*) Имѣніе Смирновыхъ подъ Калугою. П. Б.

болѣе удивляемся глупости, съ какою они служатъ Государю. Какъ они не подумаютъ, что Государь собственноручно призналъ NN клеветниками? Идетъ ли теперь уѣздному суду или полиціи разбирать, справедливо ли рѣшилъ Государь? Чтó будетъ, если судъ рѣшитъ, что они не клеветники? Что же такое слово Государя? Неужели же земская полиція или хоть сенаторъ — аппеляція на рѣшеніе Государя? Я понимаю, что Царь измѣняетъ рѣшеніе Государственнаго Совѣта; но заставить рѣшить Государя и потомъ обратить въ уѣздный судъ! Это чортъ знаетъ чтó такое. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что теперь имѣютъ въ виду одно—спасеніе Ершова—служитъ то, что Давыдову даже не дали жалобу его, по которой возникло дѣло, а дали только прочесть дѣло въ Комитетѣ Министровъ. Давыдовъ пріѣдетъ въ Калугу, разсмотритъ собственно актъ; если найдетъ его неправильнымъ хоть по какимъ нибудь формамъ, донесетъ, что онъ незаконенъ и этимъ Ершовъ оправдается; если донесетъ, что законенъ, то напишетъ, что Россета слѣдуетъ удовлетворить и дѣло прекратить, ибо собственно о клеветѣ Ершова ему и не предъявлено; онъ какъ будто ея и не знаетъ. Вó всякомъ случаѣ Ершовъ ускользнетъ. Рѣшеніе Государя останется въ дѣлѣ. И такимъ образомъ исполняются всѣ его рѣшенія людьми, украшенными голубыми и красными за преданность престолу и отечеству, коимъ онъ даетъ власть ссылать безъ слѣдствія и суда въ Вятку и Сибирь! Очень искуснó повели они дѣло. Все это ужасно мерзко и приводитъ къ одному заключенію: справедливо говорилъ покойный Бенкендорфъ, сказавъ Скалону: «мнѣ лучше извѣстенъ ходъ служебный; честный человѣкъ служить не можетъ въ Россіи—погибнетъ!» Волковъ тебѣ подробнѣе разскажетъ все, чтó нами было говорено, засвидѣтельствуетъ, что въ Петербургѣ нѣтъ лица, которое бы смотрѣло на это дѣло тѣми же глазами, которыми и мы смотримъ; а заставить свиней дѣйствовать такъ, или такъ нѣтъ возможности. Пожалуйста ты не тревожь себя напрасно; самое дурное, если опять разстроишь здоровье; должно надѣяться, что дѣло кончится въ пользу нашу и скоро—прощай Калуга! Даже Олинька пишетъ, что она сдѣлается въ Калугѣ мизантропкой.

16.

(1845).

Со Скалономъ въ Франц. театрѣ; m-elle Plessy очень, ужасно комъ-иль-фо, но такъ скучнá такъ вялá, что мочи нѣтъ; Suprême въ восхищеніи. Толи дѣло наша Макѣева или Самойлова, немного скандачка, но тѣмъ и прелесть, что немного mauvais genre! Обѣдалъ у Зубова съ Миклашей, съ Іоасафомъ, съ Скалономъ и Поповымъ.

Обѣды эти губятъ меня; сохраняя всегда умѣренность и аккуратность, я при видѣ блина или макароновъ весь измѣняюсь, сейчасъ готовъ спѣть: mangeons et en avant marchons. Послѣ обѣда почувствовалъ опять рѣзь; но Мухановъ вынулъ изъ кармана какія-то пастильки, послалъ домой за какими-то особыми пилюльками, и онѣ мнѣ помогли. Нелидовъ особенно отличился; заговорили и заспорили о Віардо и какомъ-то браслетѣ, ей поднесенномъ; онъ, забывъ, что былъ Поповъ, вскрикнулъ: «Да кто поднесъ, какіе-то хамы, Пинскіе, Поповы!»... Мы всѣ сгорѣли, такъ и срѣзалъ; молчаніе, Поповъ *) сдѣлалъ, какъ будто не замѣтилъ. Мнѣ очень жаль, что ты его не знаешь; просто прелесть! На видъ менѣе и тонѣе Тютчева; очень скроменъ, тихъ, но уменъ и начитанъ; а иногда и смѣшенъ. За обѣдомъ Миклашевскій разсказывалъ о замѣчательномъ въ самомъ дѣлѣ предсказаніи m-me Огеръ: передъ самой смертію она сказала, что за ней послѣдуютъ вскорѣ семь лицъ и предсказаніе сбылось; она наименовала Ан. Мих. Хитрову, Головкина, Голицыну (Ходкевичъ), кн. Бѣлосельскую; на ней остановилась; о двухъ лицахъ молчитъ, а говорятъ, что послѣдняя гр. Разумовская. Сенявина сама это разсказывала Вяземскому, и онъ упрашивалъ молчать, говоря, что еслибъ самъ былъ именованъ, на мѣстѣ бы умеръ. Бѣлосельскую хоронили въ Воскресенье; говорятъ, что гр. Лаваль очень огорчена и m. Сухозанетъ. Она оставила семь миліоновъ; одинъ маленькому внуку и одинъ Безобразову.

15 Февр. У Икскуля; прежде чѣмъ согласиться, тысячу разъ мнѣ повторялъ qu'il est très complaisant; я не спорилъ, а онъ все свое; какъ выѣхалъ—гора съ плечь свалилась. Что за непріятный Нѣмецъ: согласится, сдѣлаетъ по твоему, а хуже чѣмъ отказалъ. Пріѣхавъ домой, нашелъ Нелидова, поговорили о Монго; плохо ему, онъ видитъ, говоритъ, что чувствуетъ, что ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ; но увѣряетъ, что влюбленъ; а она, говорятъ, о немъ жалѣетъ. Обѣдалъ у Карамзиныхъ; они послѣ поѣхали на дѣтскій балъ къ Ланской; это для Оли.

16-го Февр. Утро въ театрѣ; обѣдалъ въ клубѣ; прочелъ тамъ въ Journal de S-t Pétersbourg перепечатанную статью изъ Аугсбургской газеты съ разными гадостями про Россію и путешествіе Царя. У меня ея нѣтъ; постараюсь переслать съ слѣдующей почтой; впрочемъ не интересна: извѣстная пошлая болтовня, что коллосъ не страшенъ, что Россія распадается и проч.

17 Февр. Утро читалъ Историч. Сборникъ, въ Москвѣ изданный, съ статьями Валуева и Хомякова. Обѣдалъ у Муханова съ Голицы-

*) Александръ Николаевичъ Поповъ. П. Б.

нымъ и Миклашевскимъ. Голицынъ *) все также милъ умомъ и характеромъ, но жаль, что промышляетъ старыми анекдотами про Вольфа. Онъ здѣсь по процессу съ гр. Самойловой. Она ему оставила духовнымъ завѣщаніемъ, утвержденнымъ Государемъ, 6 т. душъ, а въ случаѣ продажи 600 т. рубл., а теперь, вышедъ замужъ, продаетъ все и ему ничего не даетъ; говорятъ, что дѣла приняли дурной оборотъ.—Получены очень дурныя извѣстія изъ Галиціи; возмущеніе началось въ Краковѣ; Австрійцы его заняли; ихъ прогнали и взяли пушки; мятежники заняли Лембергъ; говорятъ, велѣно нашимъ войскамъ также занять Краковъ. Бибиковъ и Мирковичъ получили приказаніе тотчасъ же въ ночь выѣхать по мѣстамъ.

17.

1846 года, 8-го Февраля, С.-Петербургъ.

Говорили про балъ наканунѣ у вел. кн. Маріи Николаевны; онъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ и веселъ. На балѣ была гр. Киселева, Государь говорилъ съ нею и обошелся очень милостиво. Вел. Кн. показывала ей всѣ комнаты; за ними плелся и Тютчевъ, а злые языки говорили: «а вотъ и prédicateur Pritschard за ними ходитъ». Кончилъ день въ клубѣ.

20-е Генв. Утро у Карамзиныхъ; въ ихъ домашней жизни прибавился новый элементъ—полька; танцуютъ ее съ утра до вечера, который кончается уже не въ 3-мъ часу, а въ 6-мъ часу утра. André вчера въ 4-мъ часу только выѣхалъ изъ дому къ Герсдорфу на преферансъ; главный polkeur Alexandre поминутно хватаетъ то С. Н., то Лис. Николаевну, то меня; я отбиваюсь и не иду, говорю ему: «шутъ, Кіарини», онъ кричитъ: «чувствительная Лисавета, дай старому полковнику въ зубы».—Катерина Андреевна говоритъ: «Alex., vous m'agassez mes nerfs avec vos cris»; онъ гаркнетъ: «pardon, генеральша». Лисавета Николаевна между тѣмъ сидитъ съ m-me Жиберъ или m-elle Немичъ; а С. Н. уговариваетъ André играть комедію у Блудова; André проситъ ее отстать, потому что ему некогда, что онъ долженъ быть у гр. Орлова въ 12 ч., а теперь половина втораго. Вся ватага съ гамомъ и шумомъ расходится до обѣда, къ которому всѣ опаздываютъ. Кат. Андр. всѣхъ бранитъ и говоритъ, что болѣе ждать никого не будетъ. На этотъ разъ предметомъ диспута было то, что Демидова вчера пригласила всю семью на маленькій вечеръ, гдѣ никого не было, а до сихъ поръ не пригласила на балъ, который она даетъ для Вел. Княгиня. Одни говорили, что она пригласитъ, другіе, что не пригласитъ; одни—что должна пригласить, другіе—что вовсе не должна

*) Князь Сергій Григорьевичъ (Өирсъ). П. Б.

одни находили, что будетъ удивительно, если не пригласитъ, другіе находили, что ничего удивительнаго не будетъ. С. Н. говорила: ce qui m'indigne, c'est que pour cacher son infamie, elle nous a engagées hier, voilà ce qui est révoltant; n'est ce pas, m-r Arcady? Я отвѣчалъ, что не знаю; мнѣ случалось сердиться, когда меня приглашаютъ, но никогда—когда не приглашаютъ. Впослѣдствіи оказалось, что ихъ просто пригласили на вечеръ и потомъ пригласили на балъ. Обѣдалъ у *ней*, которая теперь исправляетъ должность оберъ-прокурора въ Сенатѣ и очень занята; пріѣхалъ Скалонъ. Онъ вчера провелъ вечеръ у Вяземскаго съ Тютчевымъ, спорили о всегдашнемъ сюжетѣ L'Orient et l'Occident; кончили тѣмъ, что серіозно поссорились. Тютчевъ взялъ шляпу и сказалъ: «je vois, mon prince, que je n'ai rien à faire chez vous»; у Вяземскаго губы посинѣли и дрожали; его разобидѣла фраза Тютчева: «vous ne lisez que des brochures et des articles de journaux». Вяземскій отвѣчалъ: «en tout cas je ne suis pas moins intelligent que vous» и проч. Вотъ въ какомъ родѣ былъ разговоръ. Кажется однакоже, что они послѣ помирились. За Скалономъ пріѣхалъ Мещерскій, тамъ Миклашевскій, Свистуновъ, Нелидовъ и Адлербергъ (Никсъ). Мещерскій бѣдный все болѣетъ, припадки подагры бываютъ ужасные и не въ ногахъ, а въ животѣ. Свистуновъ ѣдетъ на дняхъ въ Парижъ и устроилъ отъѣздъ такъ, что его посылаютъ къ разнымъ дворамъ съ объявленіемъ о свадьбѣ; надѣется вернуться по малой мѣрѣ съ пятью звѣздами. Нелидовъ вчера былъ также на вечерѣ у Демидовой; тамъ была и В. . . ., а сегодня онъ получилъ чрезъ городскую почту записку мистификаціонную; я узналъ руку В. . . .; она очень съ нимъ кокетничаетъ; онъ за нею волочится, но какъ онъ въ этихъ дѣлахъ не любитъ, чтобъ его только мазали по губамъ, то скоро отстанетъ. Валуевъ пріѣхалъ сюда съ Головинымъ изъ Риги; его никто не видитъ. Княгиня божится, что будетъ исторія, ужасная исторія, сконапель-истоаръ, что всѣ о нихъ говорятъ; но на самомъ дѣлѣ всѣ молчатъ и о нихъ не говорятъ. Мы болтали до 2-хъ ч. ночи. Я первый разъ говорилъ долго съ Никсомъ; кто думалъ, что изъ него нѣчто выйдетъ? Онъ безъ претензій, очень простъ, обходителенъ и мнѣ очень понравился.

31-го Генв. Забѣжалъ ко мнѣ Яшинька *); онъ еще не знаетъ, ѣдетъ ли въ Ригу, цѣлые дни проводитъ у Головина, котораго очень хвалитъ и любитъ; онъ говорилъ мнѣ, что Петербургскій Сборникъ запретили за какіе-то стихи, пародію на колыбельную пѣсню Лер-

*) Яковъ Николаевичъ Ханыковъ, позднѣе умоповредившійся. П. Б.

монтова, гдѣ уже слишкомъ отдѣланъ нашъ чиновникъ и дворянинъ. По этому случаю мы не преминули съ нимъ заспорить. Не знаю, чтó хорошаго выводить какими-то животными Русскаго помѣщика, Русскаго купца, Русскаго мужика, оставляя только тѣхъ въ покоѣ, за которыхъ, если затронуть, посадятъ на съѣзжую; Яшка выразилъ болѣе Европейскія мысли.—Былъ у Веневитинова узнать о здоровьи его дочери. Третьяго дня она умерла. Оттуда поѣхалъ въ департаментъ податей и сборовъ по одному дѣлу Карамзиной. Глядя на чиновниковъ, нельзя не вспомнить Гоголя и не принять ихъ за королей Испанскихъ. Обѣдалъ у Карамзиной съ Муравьевымъ; онъ разсказывалъ очень интересно и съ печатію правды споры его съ кардиналами въ Римѣ, съ abbé Gerbet и avec l'évèque de Paris, съ которымъ встрѣтился на водахъ въ Карлсбадѣ. Въ Маѣ выйдетъ его путешествіе въ Римъ. Онъ говоритъ, что не могъ довольно надивиться невѣжеству всѣхъ въ Церковной Исторіи первыхъ столѣтій: убѣждаютъ все фразами и общими пошлыми мѣстами, а какъ дойдетъ до фактовъ, то—неучи. Вечеромъ былъ у Данзаса; пріѣхалъ Пущинъ, и мы принялись за извѣстное дѣло [1]).

1 Февраля. Постоянно стоятъ сильные морозы, и сегодня утромъ Борей съ бѣлыми власами такъ потрясалъ небесами, что я цѣлое утро не выходилъ; читалъ «Бѣдные люди», въ цѣломъ ужасно скучно, но мѣстами не дурно. Передъ обѣдомъ зашелъ къ André и уговаривалъ его жениться на Самариной [2]); онъ не прочь, и она ему нравится, какъ понравилась здѣсь всѣмъ; говорятъ только, что на балѣ у Великой Княгини была такъ дурно одѣта, что всѣ замѣтили. Графиня Сологубъ [3]), кажется, хочетъ женить на ней Льва; а по словамъ другихъ она вмѣстѣ съ Велеурскими хлопочетъ за Волкова (Сергѣя). André получилъ письмо отъ Ростопчиной изъ Рима, хотѣлъ дать мнѣ его прочесть, но не нашелъ; говоритъ, что залетаетъ въ поднебесную, а не то письмо бы было интересно. Обѣдалъ у m-me Scalon со Скалономъ; о послѣднемъ хлопочетъ еще новый ходатай Мих. Ник. Муравьевъ; говорятъ, что онъ одинъ имѣетъ вѣсъ у Перовскаго; о немъ пошло уже представленіе по принятію въ службу надворнымъ совѣтникомъ. Затрудняетъ его Хитровъ, который не выходитъ въ отставку; теперь Анна Михайловна умерла, и онъ долженъ скоро рѣшиться.— Вечеромъ былъ въ оперѣ; давали La Favorita, ужасныхъ 4 акта; въ антрактѣ я вышелъ въ foyer, мнѣ хотѣлось услышать, какъ говоритъ молодой графъ Орловъ; слышалъ только одну фразу: «L'Empereur vient d'arriver».

---

[1]) Т. е. за карты. П. Б.

[2]) Марьѣ Ѳеодоровнѣ, вышедшей потомъ за гр. Льва Александр. Сологуба. П. Б.

[3]) Графиня Софья Ивановна, ур. Архарова. П. Б.

18.

С.-Петербургъ, 1846 года Апрѣля 15.

Вчера я видѣлъ графиню Сологубъ; она уговариваетъ тебя пріѣхать сюда; я уже писалъ объ этомъ. Не ловко не пріѣхать на свадьбу, и потому лучше пріѣхать поранѣе, чтобы вмѣстѣ и лѣчиться у Мяновскаго. Его репутація здѣсь очень поднялась въ послѣднее время тѣмъ, что онъ вылѣчилъ гр. Комаровскую, совсѣмъ уже присужденную. Сологубъ попалъ въ клубъ, и это опять въ ущербъ графинѣ. Васильчикова выдаетъ старшую дочь за Баранова, адъютанта князя Чернышова; распустили слухъ, что Володя Голицынъ опоздалъ двумя днями; вѣроятно это сочинили себѣ въ утѣшеніе. Надѣюсь, что добродѣтель будетъ теперь поснисходительнѣе къ André и Демидовой; она очень возставала и себя славно отпечатала фразою: «M-e Démidoff avait son fils pour aimer et Dieu pour la protéger». И Равиньянъ лучше бы не сочинилъ. Ихъ все еще треплютъ, не столько свѣтъ, сколько родня: братъ, сестры и тѣ, кои всегда принимали въ ней живѣйшее участіе. Закревскій, кажется, отказывается отъ опеки. Свадьба неизвѣстно когда; иные говорятъ въ Іюлѣ, другіе въ Августѣ.

19.

С.-Петербургъ, 1846 г. 1 Мая.

Вяземскій поручилъ мнѣ просить тебя, любезная Сашинька, чтобы ты посѣтила княгиню, если не на дорогѣ ея въ Калугу, то при обратномъ ея слѣдованіи, такъ какъ она останется нѣкоторое время въ Москвѣ; можешь узнать о ней у Мещерскихъ или Четвертинскихъ. Здѣсь говорятъ, что отъ Кологривовой осталось ея дѣтямъ 2500 душъ; Вяземскимъ достанется 500, да по смерти Кологривова имъ же 700 душъ въ Калужской губерніи, гдѣ хоронятъ теперь Кологривову [1]). По крайней мѣрѣ Павлуша будетъ имѣть со временемъ обезпеченное состояніе. Вяземскій прислалъ мнѣ также одинъ № Журнала Министерства Просвѣщенія, прося списать и послать тебѣ одно разсужденіе въ Академіи Наукъ о Додо [2]).

О Смирновѣ я говорилъ съ Яшкой, и надо будетъ похлопотать передъ свадьбой около Василія Алексѣевича. Онъ говоритъ однакоже, что никакъ не ожидалъ, чтобъ его утвердили губ. и произвели въ д. ст. совѣтники, ибо такого тугаго министра на награды, какъ Перовскій, не знаетъ.—Завтра парадъ и завтра же Царь ѣдетъ въ Варшаву; къ 20-му ждутъ туда и Государыню; говорятъ, что тамъ она будетъ

---

[1]) Мать княгини В. Ѳ. Вяземской, Прасковья Юрьевна Кологривова (ур. кн. Трубецкая), въ первомъ бракѣ супруга княгиня Гагарина. П. Б.

[2]) Такъ звали въ обществѣ гр. Е. П. Растопчину. П. Б

отдыхать около двухъ недѣль и потомъ вмѣстѣ съ Царемъ въ Питеръ. Свадьба [1]) въ половинѣ Іюля, и праздниковъ будетъ очень мало, только необходимые. Слѣдовательно ты бы могла и къ намъ пріѣхать, не откладывая, чтобы себя не утомить, поселиться у Веневитиновыхъ, у которыхъ я былъ вчера, и они очень тебя зовутъ въ Павлино, куда вся семья переселяется въ половинѣ Мая.

Іоасафъ [2]) просилъ меня написать тебѣ, что Государь говорилъ его сестрамъ, что Государыня писала о тебѣ изъ Рима, какъ ей пріятно было слышать о фурорѣ, который ты произвела въ Калугѣ. Самъ Царь очень милостиво о тебѣ изъяснялся, сказавъ, что онъ, зная тебя, другаго и не ожидалъ; это должно дать тебѣ силы при настоящемъ отправленіи твоемъ въ твою уединенную конурку. Дай Богъ только, чтобы здоровье опять не измѣнило. Понаберись силами, чтобы протянуть зиму, а на будущій годъ осенью не тряхнуть ли стариною и не отправиться ли опять на Западъ? Гоголь писалъ гр. Велеурской изъ Германіи, кажется, изъ Франкфурта; говорятъ, что сбирается въ Іерусалимъ.

Басню Льва [3]) я читалъ Вяземскому; она прекрасна; но жаль, что нѣкоторые стихи надо непремѣнно передѣлать. Не смѣю я переправлять стихи поэта, но поправлю одно слово; вмѣсто стиха: «Гдѣ все для чувствъ отрада», вѣрнѣе и приличнѣе общему смыслу басни— «Гдѣ все для глазъ отрада». Скажи ему только, что онъ измѣнникъ, перебѣжалъ изъ одного лагеря въ другой: здѣсь принадлежалъ къ партіи прогресса, а въ Москвѣ пишетъ о какомъ-то могучемъ зернѣ и родной водѣ, которую здѣшніе литературные прогрессисты не признаютъ.—Мой бѣдный Матвѣй Евграфовичъ [4]) чуть не померъ: третьяго дня на ученьи сдѣлалась спазма въ сердцѣ; привезли домой еле живаго, оттирали и едва оттерли, уже губы посинѣли и руки охолодѣли; теперь лучше, но на долго ли? Кавелинъ совсѣмъ плохъ; одну ночь съ 4-хъ ч. до 2-хъ просидѣлъ въ банѣ, а другую совсѣмъ пропадалъ. Къ нему приставили доктора и вчера повезли въ Стрѣльну.—Сегодня читалъ въ «Пчелѣ», что въ Москвѣ дадутъ какой-то водевиль Аксакова. Правда ли, и котораго? Просто ли Аксакова или ультра-Аксакова, который не признаетъ въ Нѣмцахъ безсмертія души? Мухановъ ждетъ разрѣшенія отпуска и ѣдетъ около 20-го; Луи онъ взялъ и привезетъ обратно въ Сентябрѣ.

---

[1]) Великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. П. Б.

[2]) Іосафъ Аркадіевичъ Нелидовъ, одинъ изъ братьевъ фрейлины Варвары Аркадьевны. П. Б.

[3]) Льва Ивановича Арнольди. П. Б.

[4]) Храповицкій. П. Б.

André [1]) свадьба неизвѣстно когда. Не писала ли тебѣ Додо [2]), и какъ приняла это извѣстіе?

20.

С.-Петербургъ, 1846 г. 31 Мая.

Благодарю, любезная Сашинька, за Московскій Сборникъ, который я получилъ отъ кн. Вяземской; прочелъ только Самарина критику; славная статья, отъ которой Сологубу не поздоровится. Онъ просилъ его передѣлать конецъ, когда читалъ въ рукописи, но Самаринъ не согласился.—Поздравляю тебя съ новоселіемъ въ Калугѣ и надѣюсь, что ты примешь поздравленіе тѣмъ охотнѣе, что долго тамъ не останешься; такъ какъ рѣшилась побывать здѣсь, то въ этомъ же мѣсяцѣ должна приняться и за сборы. Царь и Царица будутъ сюда въ Понедѣльникъ (сегодня Четвергъ); по крайней мѣрѣ по распоряженію полиціи въ этотъ день приглашаютъ иллюминовать городъ, и говорятъ, что жители Петербурга встрѣтятъ Государыню за городомъ съ хлѣбомъ-солью. Свадьба будетъ или 11-го Іюля или 25-го; но это слухи, положительно разумѣется еще ничего неизвѣстно. Вчера мнѣ говорилъ Нарышкинъ, что Сенявинъ ему говорилъ о разрѣшеніи Nicolas отпуска на 28 дней. Пріѣдешь ли съ нимъ или послѣ? Тебѣ можно будетъ помѣститься у Велеурскихъ; тогда можешь привезть и Надю, которая въ Беби найдетъ себѣ компаніонку. Велеурскіе со всѣмъ причетомъ уже переѣхали, и все разъѣзжается по дачамъ, благо что погода, хотя и не лѣтняя, но не дождливая, а ясная. Говорятъ, что на зиму Государыня навѣрное въ Крымъ; вчера гр. Разумовская говорила Муханову, что она проведетъ зиму въ Одессѣ и уже писала о наймѣ дома; одна вѣроятно бы не поѣхала. Изъ новостей—важныя: поѣздка Блудова въ Римъ для переговоровъ съ Папой и то, что въ Австріи 30 т. перешло изъ Уніи въ Православіе; свѣтскія: свадьба Строганова (Александра) на Васильчиковой (Танюшѣ), Бориса Голицына на гр. Левашовой, Нордина на Щербатовой (Толстой) и, наконецъ, Нарышкина на Машинькѣ Бартеневой; сія послѣдняя еще не объявлена, и говорятъ, что ждутъ только Государыню. Меншиковъ былъ очень опасно боленъ, но вчера говорили, что ему лучше.—Послѣ завтра Карамзины и Мещерскіе переѣзжаютъ на острова. Демидова и André поѣхали на нѣсколько дней въ Гельсингфорсъ; завтра будутъ назадъ. Мухановы ѣдутъ въ Субботу и, кажется, на цѣлую зиму. Нелидовъ отправленъ съ порученіемъ въ поселенія, но не на долго.

---

[1]) Андрей Николаевичъ Карамзинъ въ Іюлѣ этого года женился на вдовѣ П. Н. Демидова, Аврорѣ Карловнѣ, ур. Шернваль. П. Б.

[2]) Графиня Е. П. Растопчина была близка къ Андрею Николаевичу Карамзину. П. Б.

Меня очень часто посѣщаетъ вашъ Калужскій Ленуа; много хлопотали мы о мѣстѣ, но до сихъ поръ неуспѣшно. Данзасъ обѣщалъ, но не ранѣе осени, и дѣло, кажется, уладится; онъ на дняхъ ѣдетъ въ Калугу и просилъ тебѣ передать поклонъ и благодарность за рекомендацію къ Армфельду, который былъ къ нему какъ нельзя болѣе добръ.

Прилагаю при семъ письмо отъ Растопчиной, третьяго дни мною полученное. Мнѣ она ни слова объ André, даже намека; а говорятъ что на одномъ обѣдѣ въ присутствіи всѣхъ Русскихъ она сильно нападала на него и на Аврору.

21.

С.-Петербургъ, 1846 г. 7 Іюня.

Третьяго дня, какъ снѣгъ на голову, явился ко мнѣ Смирновъ, посидѣлъ съ полчаса и потомъ улетѣлъ; знаю только, что, какъ слѣдуетъ, вечеръ заключилъ у Ферзена.

Вчера вечеромъ былъ на дачѣ у Карамзиныхъ; были тамъ André Вяземскій, Тютчевъ и Нелидовъ; говорили о статьѣ Самарина. Она прекрасна, всѣмъ очень понравилась, и онъ начинаетъ блистательно свое новое авторское поприще. Она породила и порождаетъ толки и споры. Я удивляюсь Вяземскому: онъ прожилъ 50 лѣтъ, чувствовалъ и мыслилъ по одному началу и легко сдается на начало совсѣмъ противоположное; а признайся, что это трудно; съ одной стороны все опредѣленно и готово: идеалъ человѣка-христіанина заключается въ одномъ словѣ — comme il faut, а образецъ—литература въ Делилѣ или Шатобріанѣ; съ другой—все не ясно, кромѣ мурмолки и Аксакова Константина.

Царская фамилія вернулась изъ-за границы третьяго дня и осталась въ Петергофѣ. На Невскомъ и въ прочихъ частяхъ города сдѣланы приготовленія для иллюминаціи. Говорятъ, что Государыня будетъ въ Казанскій Соборъ и тотъ день проведетъ на Елагиномъ, бытьможетъ, проѣдетъ и по иллюминаціи. Женихъ еще не пріѣхалъ; за нимъ посланъ пароходъ.—Вчера вернулся изъ командировки Іоасафъ и поѣхалъ сегодня къ Варинькѣ; чтò узнаю положительнаго о днѣ свадьбы, тотчасъ тебѣ напишу.

Яшка былъ у меня утромъ; черезъ двѣ недѣли ѣдетъ въ Ригу на годъ; Самаринъ, можетъ-быть, съ нимъ же. Сей послѣдній сейчасъ отъ меня вышелъ и ожилъ, оставя Сенатъ.

22.

С.-Петербургъ, 1846 г. 29 Іюня.

Тебѣ надо собираться въ дорогу, если хочешь застать еще два или три бала; Смирновъ думаетъ выѣхать 2-го, на другой день свадьбы. Говорятъ, что до 11-го дворъ останется въ Петергофѣ, а потомъ бу-

детъ сюда на нѣсколько дней, и будутъ два бала на Елагиномъ и у принца Ольденбургскаго. Гдѣ ты думаешь остановиться: въ трактирѣ или гдѣ-нибудь въ домѣ, у Вяземскихъ или Велеурскихъ?

Карла на Петергофскомъ праздникѣ В. К. посадилъ на недѣлю подъ арестъ за то, что музыкальный хоръ не такъ повернулся и не туда пошелъ, куда слѣдуетъ. В. К. ѣдетъ за границу; говорили, что тотчасъ послѣ свадьбы, но Огаревъ мнѣ вчера сказывалъ, что онъ отложилъ поѣздку до Августа вслѣдствіе письма, полученнаго отъ Великой Княгини. Графиня Нессельроде, какъ говорила мнѣ Вяземская, не будетъ ранѣе конца Августа; сынъ ея пріѣхалъ.

Іоасафъ летаетъ между Петергофомъ и Петербургомъ. Самаринъ собирается въ Ригу, но еще не знаетъ, когда. Яшка опять такъ воспламенился комитетами, что онъ опять ходитъ красный, какъ въ Римѣ; но вмѣсто фавновъ толкуетъ о городскомъ управленіи.

Свадьба André 10-го Іюля, и въ тотъ же день они ѣдутъ въ Финляндію.

23.

С.-Петербургъ, 1846 г. 16 Іюля.

Изъ письма твоего, любезная Сашинька, къ Карлю видно, что ты еще не рѣшила твой отъѣздъ, и потому рѣшаюсь отправить прилагаемое письмо отъ Гоголя. И мнѣ и Самарину онъ написалъ по нѣскольку строчекъ; по нимъ можно судить, что онъ ободрился; кончаетъ наставленіемъ: все будетъ хорошо, не хандрите и не держите носа внизъ, но руководствуйтесь хотя тѣмъ, что мой носъ еще держится кверху, и пусть это будетъ вамъ барометромъ, если до сихъ поръ не нашли лучшаго. Я напишу ему во Франкфуртъ, хотя онъ большая скотина: самъ начертилъ нѣсколько каракулекъ, а проситъ написать ему обо всемъ какъ можно подробнѣе, не упуская никакихъ мелочей, потому что въ мелочахъ весь секретъ.

Nicolas вѣроятно тебѣ передалъ всѣ подробности о свадьбѣ; послѣ его отъѣзда дворъ переѣхалъ на Елагинъ; 10-го былъ балъ въ Дворянскомъ Собраніи; 11-го фейерверкъ на островахъ; никогда не помнятъ такого стеченія публики; было 5.000 экипажей. В. К.*) останется здѣсь до начала Сентября. Великій Князь Михаилъ Павловичъ ѣдетъ сегодня въ ночь, говорятъ, вслѣдствіе письма, полученнаго отъ Великой Княгини. Гр. Нессельроде, какъ сказалъ мнѣ вчера Тютчевъ, будетъ не ранѣе начала Сентября.

Я надѣюсь еще получить отъ тебя письмо прежде пріѣзда. Не хочешь ли остановиться во вновь открытомъ Hôtel Napoléon? Говорятъ, очень и хорошо и на удобномъ мѣстѣ, противъ Исакіевскаго собора между Морскими.

*) Новобрачная Ольга Николаевна. П. Б.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

При чтеніи воспоминаній А. Н. Супонева о Севастопольской эпохѣ („Русскій Архивъ", Декабрь 1895) я встрѣтилъ совершенно ошибочно поставленные эпитеты при упоминаніи генерала Реада.

На стр. 261-й сказано: „главная атака возложена была на 3-й корпусъ генерала Реада, *прославившагося своею храбростью на горахъ Кавказа*"; на стр. 263-й: „хотя генералъ Веймарнъ предупреждалъ Реада, что тутъ недоразумѣніе и что осторожнѣе будетъ подождать вторичнаго разъясненія, но *Кавказскій герой*, подождавъ нѣсколько минутъ", и т. д.

Генералъ Реадъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіе князя Воронцова, какъ пользовавшійся извѣстностью хорошаго кавалериста, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться полезнымъ на Кавказѣ. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ пребыванія въ Тифлисѣ, генералъ Реадъ ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ участія не принималъ, *на горахъ Кавказа* былъ только проѣздомъ, въ экипажѣ, по Военно-Грузинской дорогѣ, проявить свою храбрость (въ которой я, впрочемъ, не думаю сомнѣваться), случая не имѣлъ, и потому званіе „Кавказскаго героя" знавшими его людьми можетъ быть принято за шутку.

Въ несчастномъ сраженіи 4-го Августа 1855 г., когда насъ „нелегкая несла горы занимать", сколько мнѣ извѣстно, былъ единственный Кавказскій герой, подполковникъ князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, шедшій въ атаку съ батальономъ Одесскаго егерскаго полка и вынесенный изъ кроваваго боя съ прострѣленною на вылетъ грудью. Это была уже вторая рана на вылетъ въ грудь (первую онъ получилъ семью годами ранѣе, при взятіи въ Дагестанѣ въ 1848 году укрѣпленнаго аула Гергебиль). Вотъ, князя Мирскаго дѣйствительно можно было назвать Кавказскимъ героемъ, если вообще награждать этимъ эпитетомъ людей, заявившихъ свою храбрость на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ, которая все терпитъ.

Но, въ сущности, я вовсе не объ этомъ хотѣлъ поговорить.

Чтеніе строкъ, упоминавшихъ о Реадѣ, перенесло меня мысленно за полвѣка назадъ къ Кавказу, Тифлису, къ незабвеннымъ временамъ кн. М. С. Воронцова, временамъ необычайной, всеоживляющей, жизнерадостной

картины, когда Кавказъ вообще, а Тифлисъ въ особенности, какъ бы проснулись отъ тяжелаго долгаго сна, сбросивъ старческую угрюмость и, съ свойственной всему молодому улыбкой, вышли на встрѣчу грядущему довольству. И все это превращеніе какъ-то внезапно, будто по мановенію волшебнаго жезла, свершилось силою одного имени, одного нравственнаго воздѣйствія М. С. Воронцова. Не взирая на крайне несчастный первый шагъ князя въ войнѣ противъ Шамиля (Даргинская экспедиція 1845 г.), никакого унынія не явилось. Многіе знали, что планъ экспедиціи былъ составленъ и навязанъ кн. Воронцову въ Петербургѣ, а кто этого не зналъ, съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрилъ въ успѣхъ въ близкомъ будущемъ. Въ дѣлѣ же общаго благоустройства и преуспѣянія края такъ были увѣрены, что только и слышны были толки: князь Михаилъ Семеновичъ намѣренъ построить тутъ мостъ, театръ, тамъ дорогу, тутъ учебное заведеніе, тамъ складъ товаровъ, тутъ каналъ, завести пароходы или развести шелководство, улучшенныя породы животныхъ и т. д. и т. д.

И удивительно, что тогда уже 65-лѣтній старикъ, съ разстроеннымъ, искусственно поддерживаемымъ здоровьемъ, князь работалъ безъ устали, справляясь съ массой разнородныхъ военныхъ, гражданскихъ, судебныхъ, дипломатическихъ дѣлъ, находя время для всякаго рода проектовъ, пріемовъ, разъѣздовъ по краю, огромной корреспонденціи съ сотнями разныхъ лицъ, начиная отъ наивысшихъ правительственныхъ сферъ и кончая садоводами, овцеводами и т. п. Сколько силы воли нужно было имѣть человѣку, обладавшему уже такимъ высокимъ положеніемъ, Европейскою славою, большимъ богатствомъ, полною возможностью наслаждаться послѣдними годами жизни на покоѣ, въ прелестной Алупкѣ, или гдѣ нибудь въ Каннѣ, Ниццѣ, чтобы при всемъ этомъ не отказываться отъ службы государству, службы тяжелой, сопряженной съ непріятностями, въ борьбѣ то съ не всегда удачными военными дѣйствіями, то со шпильками изъ нѣдръ Петербургской бюрократіи.

Государственный человѣкъ, воспитанный на Англійскихъ образцахъ, съ продолжительной практикой администратора Новороссійскаго края, князь Воронцовъ не могъ не понимать важнаго значенія печати. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было основаніе въ Тифлисѣ газеты „Кавказъ", подъ редакціею приглашеннаго изъ Петербурга прекрасно образованнаго, даровитаго Константинова.

Въ первомъ же году появленія газеты, при распространенныхъ слухахъ, что князь относится съ большимъ интересомъ къ ея успѣху и намѣренъ цѣнить ея сотрудниковъ, изъ разныхъ уголковъ Кавказа появились корреспонденціи и статьи, полныя интереса, знакомящія съ мѣстностью, бытомъ населенія, характеромъ горной войны и т. п. Многое отличалось талантливостью изложенія и доставляло заброшеннымъ въ глухія трущобы читателямъ прямое наслажденіе, тѣмъ болѣе понятное въ такое время, когда періодическая пе-

чать въ Россіи была въ зачаточномъ состояніи, а до Кавказскихъ укрѣпленій, станицъ и ауловъ даже „Инвалидъ“ рѣдко доходилъ.

Въ число увлеченныхъ „Кавказомъ“ въ сонмъ пишущей братіи попалъ и я. Почти *охевсурившійся* юноша, я весь виталъ тогда въ мечтаніяхъ о джигитствѣ, о военныхъ подвигахъ въ родѣ набѣговъ, засадъ и истребленія Лезгинскихъ хищниковъ, какъ это продѣлывали Тушинцы... На писаніе я смотрѣлъ съ исключительно канцелярской точки зрѣнія, какъ на непріятную служебную обязанность; но чтеніе „Кавказа“ дало толчокъ, а незаслуженные комплименты редактора Константинова и его убѣжденія не прекращать сотрудничества, могущаго сдѣлать меня лично извѣстнымъ князю Михаилу Семеновичу, послужили поводомъ моего дальнѣйшаго, довольно усерднаго участія въ газетѣ. Я описывалъ мѣстности горнаго округа, нравы и обычаи его населенія, среди котораго жилъ и т. п.

Первое мое произведеніе—разсказъ о встрѣчѣ и пораженіи 8-го Іюня 1845 г. партіи Лезгинъ, пробиравшихся въ Кахетію для разбоевъ, произведеніе само собою школьническое, явилось въ газетѣ „Кавказъ“ въ Апрѣлѣ 1846 г. Такимъ образомъ я близокъ къ пятидесятилѣтнему юбилею. И понятно, какъ воспоминаніе объ этихъ первыхъ шагахъ на литературномъ полѣ дорого мнѣ, какъ оно возстало теперь предъ моими старческими глазами въ прекрасной, никогда незабываемой декораціи шумящей, быстро бѣгущей, форелеобильной Іоры, ревущаго Аргуна, увѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ громадъ, мрачныхъ, прилѣпившихся къ скаламъ, какъ орлиныя гнѣзда, ауловъ Хевсуръ и Пшавовъ, скачущихъ по тропкамъ надъ безднами, по полуотвѣснымъ каменистымъ кручамъ, всадниковъ,—всей этой грозной, дикой природы, этого своеобразнаго міра, возбуждавшаго въ душѣ моей, да вѣроятно въ душѣ каждаго юноши, скрытыя искры поэзіи!..

Съ тѣхъ поръ газета „Кавказъ“ продолжаетъ существовать, и я убѣжденъ, что если просмотрѣть ее за всѣ 50 лѣтъ существованія, можно бы собрать богатый матеріалъ для исторіи завоеванія и владычества нашего на Кавказѣ, со многими подробностями, отсутствующими въ оффиціальныхъ документахъ.

А. Зиссерманъ.

Декабрь 1895 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Гоголь. А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Европы“ Декабрь.

Въ сравненіи съ тѣмъ тономъ и стилемъ какой образовывался въ твореніяхъ самого Пушкина, Гоголь представлялъ нѣчто совершенно своеобразное; онъ вышелъ изъ совершенно иного круга, чѣмъ тотъ кругъ, который прежде поставлялъ Русскихъ писателей. Начиная съ него, литературная жизнь стала захватывать все болѣе и болѣе широкій кругъ дѣятельности, переходя изъ замкнутой среды немногихъ любителей и жрецовъ искусства все въ болѣе многолюдную массу; писатель все болѣе удалялся отъ того высокомѣрія, съ какимъ жрецы отгоняли толпу, совершая художественныя таинства; онъ все болѣе стремился узнать толпу, предчувствуя, что эта толпа есть *народъ* и что онъ-то и есть основной предметъ изученія литературы, основная цѣль поэтическаго и нравственнаго воздѣйствія. У Гоголя сказывалось иное преданіе, чѣмъ у писателей начала вѣка, даже иной элементъ—Малорусскій; въ его дѣятельности нашла себѣ органическое выраженіе связь двухъ отраслей Русской національности. Но смотрѣть на него какъ на украинофила нельзя: онъ стремился служить не только цѣлому Русскому обществу и государству, но даже и человѣчеству.

„Вечера Гоголя“ настоящее начало художественнаго поприща. Смыслъ ихъ—любящее отношеніе къ народу и здравый реализмъ; но, не смотря на большой успѣхъ, самъ авторъ пренебрежительно говорилъ о нихъ, и это по чрезмѣрному своему самолюбію. Онъ начинаетъ строить болѣе серьезные планы. Исторія его профессуры показываетъ, до какой степени сильно было развито у него самомнѣніе. Онъ думалъ, что призванъ быть учителемъ общества; но для этого нужны были знанія, а жизнь и работа Русской общественной мысли остались ему чужды. Отсюда произошелъ потомъ тотъ страшный разрывъ между нимъ и его горячими поклонниками, произведенный „Избранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“.

Могущественное, дотолѣ еще невиданное проявленіе юмора обусловило успѣхъ повѣстей Гоголя. Онѣ имѣли и то значеніе, что свели искусство съ недоступныхъ для массы высотъ, изображали самую жизнь этой массы и порождали теплое человѣческое чувство и общественное сознаніе.

Столь же своеобразна и самобытна была комедія Гоголя. Съ Грибоѣдовской она не имѣла ничего общаго ни по формѣ, ни по содержанію. Ея серьезное значеніе почувствовали и серьезный кругъ читателей и чиновничество; она осмѣлилась коснуться стариннаго и крѣпкаго принципа чиновнической бюрократіи, и въ глазахъ чиновничества осмѣяніе городничаго было нападеніемъ на правительственную власть. Вооружились противъ Гоголя и представители умиравшаго романтизма.

Періодъ пребыванія за границей, не смотря на большой біографическій матеріалъ, остается мало яснымъ; причина тому — скрытность характера Гоголя. Участіе Пушкина въ созданіи „Мертвыхъ Душъ“ было чисто внѣшнее и случайное. Первоначальные

наброски сдѣланы еще въ 1835 году, первый томъ появился въ 1842, а въ 1847 обнародованы и „Выбранныя мѣста“ Г. Пыпинъ не признаетъ, что здѣсь былъ какой-то страшный переломъ, видитъ постепенное развитіе особенностей его характера, его религіознаго, общественнаго и художественнаго міровоззрѣнія; но это развитіе къ тому времени приняло болѣзненную форму.

Подробно говорится объ отношеніи Бѣлинскаго къ Гоголю.

Трагическій характеръ приняло недовольство Гоголя своимъ непосредственнымъ, инстинктивнымъ творчествомъ; онъ захотѣлъ возвысить его до христіанскихъ идеаловъ и въ своемъ произведеніи дать не только картину человѣческой испорченности, но и картину человѣческаго просвѣтлѣнія. Ему казалось, что эти различныя ступени нравственнаго состоянія онъ можетъ провести въ предѣлахъ Русской жизни; онъ вѣровалъ въ то великое будущее, на которое допускали надѣяться необычайные задатки Русскаго народнаго характера. Гоголя не достало для исполненія такой задачи, и самый идеалъ онъ понялъ односторонне; но никто изъ писателей Русскихъ не ставилъ такъ высоко этого идеала, не былъ преданъ ему такъ страстно, не выносилъ для него такой мучительной борьбы. Онъ не хотѣлъ довольствоваться уступками и условными формами, съ которыми связано столько лжи, и искалъ въ жизни и въ искусствѣ настоящаго христіанства. И его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологическою проницательностью, горячею любовью къ человѣку и полу-сознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія Русской литературы, гдѣ его пріемниками явились Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и графъ Л. Н. Толстой.

Мои воспоминанія. А. Н. Муравьева. (Съ примѣчаніями А. А. Третьякова). „Русское Обозрѣніе“ Декабрь.

Эта часть воспоминаній содержитъ въ себѣ подробное письмо Муравьева къ архимандриту Леониду (Краснопѣвкову); оно помѣчено 1857 годомъ. Муравьевъ оправдывается „отъ нареканій въ ханжествѣ или фанатизмѣ, такъ какъ многіе подозрѣвали, что мнимое усердіе въ вѣрѣ служитъ для него только средствомъ къ достиженію какихъ-либо честолюбивыхъ видовъ“. Воспоминанія очень любопытны и живо написаны.

Поѣздка въ Святую землю имѣла рѣшающее воздѣйствіе на его жизнь. Первоначальнымъ укрѣпленіемъ въ благочестіи онъ обязанъ Мальцевымъ и Филарету. Любопытны подробности о знакомствѣ съ Фотіемъ и съ графиней Орловой-Чесменской.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и К. С. Аксаковъ. Статья князя Н. В. Шаховскаго. „Русское Обозрѣніе“ Декабрь.

Поводомъ къ сближенію этихъ замѣчательныхъ людей послужила, какъ полагаетъ авторъ, философія Гегеля. Въ виду того, что вліянію Гегеля на старшихъ Славянофиловъ приписываютъ такое большое значеніе, считаемъ не лишнимъ привести отзывъ Гилярова по этому поводу. „К. Аксаковъ повиненъ въ гегелевщинѣ; но и здѣсь быть и національныя воспоминанія послужили основаніемъ славянофильству; за отысканіемъ родины его нужно отправляться не въ Германію, а, оставаясь въ той же Россіи, отодвинуться ко временамъ Екатерины II и Александра I.... Для того чтобы создавать системы о превосходящемъ величіи Русскаго народа и его, такъ сказать, мессіанскомъ призваніи, не надобно никакого Гегеля... Въ сущности С. были отрицателями, критиками, носителями протеста, и въ этомъ отношеніи славянофильство было и вполнѣ законнымъ, и вполнѣ самороднымъ явленіемъ. Самородною была и самая формула протеста, но именно протеста только, а не идеаловъ... Для самого К. Аксакова Гегель послужилъ только отчасти счастливой случайностью. Гегелевщина слу-

жила второстепеннымъ пособіемъ; она давала готовую номенклатуру, не болѣе, притомъ даже часто не къ выгодѣ мыслителя".

Занятіе филологическія также служили пунктомъ соприкосновенія. Оказывается, что покойный Гиляровъ оставилъ огромное изслѣдованіе о глаголѣ. Его замѣчанія о томъ, какъ надо изучать Русскій языкъ, въ высокой мѣрѣ любопытны. Въ изслѣдованіяхъ языка мы, какъ и во всемъ другомъ, слѣдовали примѣру Запада; но тамъ лингвистика есть своего рода археологическая наука, ибо языкъ уже пересталъ жить, и къ новѣйшему языку обращаются съ пріемомъ, съ какимъ приступаютъ къ Ассирійскимъ надписямъ или гіероглифамъ.

Крайне интереснымъ является извѣстіе о томъ, что Гиляровъ пользовался въ глазахъ К. Аксакова авторитетомъ и получалъ на предварительный просмотръ его рукописи.

Вполнѣ приведено замѣчательное письмо Гилярова по поводу статьи Аксакова о народномъ обученіи.

„Національное самосознаніе" было пунктомъ, въ которомъ Гиляровъ коренным образомъ расходился съ Аксаковымъ.

Свои отношеніи къ славянофильству Гиляровъ уже въ 1886 г. объяснялъ такъ: „Я одинъ, я не человѣкъ кружка.. Многія воззрѣнія Славянофиловъ входятъ какъ часть въ мои; но мои идутъ изъ другихъ, болѣе широкихъ и, какъ смѣю думать, болѣе глубокихъ началъ".

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія строки изъ передовой статьи въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" 1872 года:

„Всего нелѣпѣе вопросы, задаваемые о Русскихъ печатныхъ органахъ, реакціонеръ онъ, консерваторъ, либералъ, радикалъ? Всѣ эти оттѣнки политическіе у насъ стоятъ въ иномъ, чѣмъ въ Европѣ отношеніи къ тому, что въ глубинѣ подразумѣвается подъ кличками либерализма и консерватизма, т. е. свобода и рабство, просвѣщеніе и невѣжество, эксплуатація и благосостояніе, застой и успѣхъ. Поземельный надѣлъ и артельное начало, грозящее крахомъ Европейскому устройству и ниспроверженіемъ всему наслѣдію его просвѣщенія, суть консервативнѣйшіе у насъ въ смыслѣ не только свободы и благосостоянія, но и государственнаго порядка. Возвращеніе къ религіознымъ началамъ въ Европѣ есть ретроградство и обскурантизмъ, а подчиненіе церкви государству есть несомнѣнный прогрессъ, аттестація первѣйшей либеральности, когда у насъ поглощеніе церкви государствомъ будетъ ретроградствомъ въ смыслѣ обскурантизма, а расширеніе церковной самостоятельности будетъ служеніемъ свободѣ и залогомъ дальнѣйшаго развитія".

Письма графа А. К. Толстаго къ друзьямъ. „Вѣстникъ Европы". Декабрь.

Помѣщенныя въ этомъ выпускѣ девять писемъ писаны по французски къ княгинѣ Зайнъ - Витгенштейнъ и касаются почти исключительно литературныхъ произведеній Толстаго особенно „Смерти Іоанна Грознаго".

Любопытно указаніе на то, что стихотвореніе „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье" написано совершенно безсознательно.

Иванъ Грозный и его оппоненты А. А. Кизеветтера. „Русская Мысль". Декабрь. (окончаніе).

Къ концу XV вѣка Русское общественное сознаніе осложняется рядомъ новыхъ элементовъ. Является идея *панруссизма*, *и теорія третьяго Рима*, впервыя высказанная въ 1492 въ Пасхаліи митрополитомъ Зосимою, проникаетъ даже въ оффиціальные документы. Царь является воинствующимъ стражемъ Православія, „государемъ всѣхъ Христіанъ отъ Востока, до Запада и до Океана".

Все это окончательно устраняло договорныя отношенія удѣльной эпохи, отрицало право *ряда*, *отъѣзда и совѣта*, тѣмъ болѣе, что подъ давленіемъ событій Русское государственное устройство начинаетъ отливать-

ся въ форму чисто-*военной монархіи*. Появляется антиправительственная оппозиція князей и дружинниковъ. Завязалась та взаимная борьба правительства и общества, которая была затѣмъ унаслѣдована и эпохой Ивана Грознаго. Въ полномъ соотвѣтствіи съ партіей закрѣпощенія и партіей удѣльной свободы складываются партіи *Іосифлянъ и Заволжскихъ* старцевъ. Иванъ Грозный—всецѣло выученикъ Іосифлянъ, Курбскій же тѣсно примыкаетъ къ Заволжцамъ. Грозный съ полной опредѣленностью высказалъ свой политическій идеалъ—единодержавіе, отрицаніе возможности какой бы то ни было оппозиціи, отвѣтственность передъ Богомъ за свой народъ, тираннія. Въ оправданіе своей тиранніи Грозный говоритъ: „..царское правленіе требуетъ страха и запрещенія и обузданія и конечнѣйшаго запрещенія по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ". Онъ сознательно относится къ своей политикѣ, какъ къ наслѣдственной системѣ своего дома, но и за Курбскимъ признаетъ *наслѣдственную* политику: „извыскосте отъ прародителей своихъ измѣну чинить"; Курбскій потому „ядъ отрыгаетъ", что онъ „рожденіе исчадія ехиднаго".

Постоянныя полемическія выходки противъ бояръ повели къ образованію гипотезы о боярско-олигархической оппозиціи съ одной стороны, а такъ какъ среди боярскихъ заявленій того времени можно найти тенденціи „простаго всенародства"—къ отрицанію всякой оппозиціи съ другой стороны.

Но оппозиція существовала, и въ ней были двѣ самостоятельныя партіи; одна ярко изображена въ письмахъ Курбскаго, другая въ *Валаамовой бесѣдѣ*; одна княжеская, другая—дружинная; въ нихъ замѣчается существенная разница.

Первая видитъ въ объединеніи Руси самую мрачную страницу нашего прошлаго; въ немъ она видитъ одни злодѣянія Московскаго княжескаго дома, этого „издавна кровопійственнаго рода". Иначе относится къ объединенію вторая партія; она сама его создала и не отрекалась отъ него, хотя горько разочаровалась въ его послѣдствіяхъ. Но обѣ партіи согласно возстаютъ противъ военно-закрѣпощеннаго режима, указывая на его крайнюю изнурительность и на несоотвѣтствіе общихъ основаній его съ общественною свободой, настойчиво порицая устраненіе общественнаго участія въ теченіи государственной жизни. Курбскій предлагаетъ совѣщательное участіе всего общества, авторъ Варлаамовой бесѣды—опредѣленный проектъ широкаго земскаго представительства.

Такимъ образомъ можно признавать, что Грозный не всегда искалъ своихъ враговъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно существовали и не всегда попадалъ въ настоящую цѣль своими террористическими мѣрами; но нельзя отрицать того, что въ то время политическая борьба являлась реальнымъ жизненнымъ фактомъ, а не какой-то фикціей чьего-то больнаго воображенія.

Главныя теченія Русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. П. Н. Милюкова. „Русская Мысль". Апрѣль, Май, Декабрь.

При изученіи вліянія, того вліянія, которое оказали философскія идеи на развитіе Русской исторической мысли надо остерегаться ошибки „исторической перспективы" — представлять, что „идеалисты тридцатыхъ годовъ" были непосредственными преемниками поколѣнія, сошедшаго со сцены въ 1825 году.

Историческія идеи 30-хъ годовъ находятся въ тѣсной и неразрывной связи съ *Шеллингизмомъ*, первымъ провозвѣстникомъ котораго надо считать профессора Медико-хирургической Академіи Д. М. Велланскаго. Изъ своей заграничной командировки (1802) привезъ онъ натурфилософію Шеллинга и Окена. Галичъ первое время своей дѣятельности также былъ поклонникомъ ученія Шеллинга. Вско-

рѣ правительство обратило вниманіе на новое движеніе: Галичъ послѣ 1821 года былъ лишенъ права преподаванія, Велланскій самъ предпочелъ замолкнуть. Но движеніе продолжалось; проповѣдниками его были И. И. Давыдовъ, М. Г. Павловъ, усердными распространителями кружокъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Д. Веневитиновъ, братья Кирѣевскіе, Максимовичъ. Съ ихъ одобренія Полевой сталъ издавать *Телеграфъ*, отъ котораго однако они скоро отвернулись. Сами они журнала издавать не собрались, но выпустили 4 книжки *Мнемозины;* альманахъ этотъ не имѣлъ большаго успѣха, такъ какъ тонъ былъ взятъ слишкомъ высоко. Въ 1826 г. Одоевскій съ пріятелями перебрались въ Петербургъ, и въ Москвѣ выразителемъ мнѣній кружка остался Погодинъ, не смотря на совершенно нефилософскій складъ своего ума. Изъ его дневниковъ видно, съ какимъ трудомъ давалось ему пониманіе философскихъ теорій и какъ мало былъ онъ подготовленъ въ этомъ отношеніи, когда онъ попытался приложить общія начала ученія Шеллинга къ объясненію исторіи. Такъ возникли его *Историческіе афоризмы.* Осенью 1826 года рѣшено было издавать журналъ при исключительномъ участіи въ немъ Пушкина, и Погодинъ былъ выбранъ редакторомъ *Московскаго Вѣстника*; скоро Погодинъ разошелся съ пріятелями. Журналъ прекратился, и начался новый періодъ Русскаго шеллингизма.

Изложивъ (кратко, но основательно) словами Русскихъ послѣдователей общую связь идей Шеллинга, авторъ переходитъ къ историческимъ приложеніямъ шеллингизма. Часть перваго отвѣта на коренные вопросы исторіи—о закономѣрности историческихъ явленій, о личной свободѣ и т. д. принадлежитъ *Среднему-Камашеву*, помѣстившему въ „Вѣстникѣ Европы" за 1827 г. рядъ статей подъ названіемъ *Взглядъ на исторію какъ на науку*. Большое значеніе придается *Исторіи К. Н. Лебедева*, изданной въ 1834 году; взгляды его почти совпадаютъ съ Погодинскими *Историческими афоризмами*, но проводятся лучше и послѣдовательнѣе. Общее вліяніе шеллингизма сказалось въ томъ, что была выдвинута необходимость сознательной и цѣлесообразной группировки матеріала. Первыя попытки приложить новыя философско-историческія идеи къ построенію и истолкованію Русской исторіи сдѣланы были Полевымъ, Погодинымъ, Кирѣевскимъ и Чадаевымъ.

Исторія Русскаго народа Полеваго вовсе не заслуживаетъ того презрительнаго пріема, который ей былъ оказанъ, въ ней былъ положительный и весьма серьозный смыслъ; но современные ему представители цеховой науки никакъ не могли допустить, чтобы купеческій сынъ въ какія нибудь десять лѣтъ могъ сравняться съ ними въ учености и предпринять цѣлый переворотъ въ представленіяхъ объ общемъ ходѣ Русской исторіи.

Полевой заявляетъ, что задача историка отыскать мѣсто своего народа въ исторіи человѣчества. Въ его исторіи главною цѣлью стало философское истолкованіе фактовъ, уже добытыхъ наукою. Но исполненіе вышло далеко не удачнымъ. Всемірно-историческая миссія Россіи осталась для него загадкой; болѣе удалось ему сдѣлать для выясненія внутренней связи періодовъ Русской исторіи; онъ устраняетъ все случайное и личное, подставляя на ихъ мѣсто стихійные мотивы.

Погодинъ настойчивѣе Полеваго стремился къ разрѣшенію загадки объ исторической роли Россіи въ „человѣчествѣ", но въ попыткахъ закономѣрнаго объясненія стоялъ много ниже его и въ своей Русской исторіи вернулся къ Карамзину. Причину этого авторъ видитъ въ „топорности" его мысли; по всему своему складу Погодинъ могъ быть только чернорабочимъ. Русской исторіей руководитъ Провидѣніе. „... воображая событія, составляющія Русскую исторію, срав-

нивая ихъ удивительную связь между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ къ какой-то высокой цѣли". Весь секретъ его философіи исторіи, замѣчаетъ г. Милюковъ, состоитъ въ томъ, что ему связь причины со слѣдствіемъ представляется навыворотъ, какъ связь цѣли со средствомъ. Въ результатѣ получается апоѳеозъ случайности, возмущавшій и Кавелина, и Кирѣевскаго, перваго во имя идеи органичности историческаго развитія, втораго—во имя уваженія къ самодѣятельности народной стихіи.

Кирѣевскій и Чадаевъ уже не ищутъ доказательствъ всемірно-историческаго предназначенія Россіи въ ея прошломъ; они выходятъ изъ мысли, что она, не имѣетъ никакихъ задатковъ для всемірно - историческаго будущаго и стараются открыть чего намъ недоставало, чтобы играть роль во всемірной исторіи.

По Кирѣевскому намъ не доставало классическаго древняго міра. Чтобы примкнуть къ духовной жизни человѣчества, намъ надо усвоить себѣ новое просвѣщеніе Европы. Чадаевъ же утверждалъ: чтобъ усвоить Европейскую идею, Россія должна „пережить всю прежнюю жизнь" Европы. Вліяніе Местра на автора Философскихъ писемъ" указано очень обстоятельно; дѣло доходило иногда до заимствованія отдѣльныхъ выраженій. Очень любопытно изложено развитіе взглядовъ Чадаева и сопоставленіе ихъ со взглядами Кирѣевскаго.

Русскій дворъ при Петрѣ II. 1727—1730. А. Брикнера. „Вѣстникъ Европы". Январь 1896.

Изслѣдованіе написано по документамъ Вѣнскаго Архива; оно даетъ мало новаго и въ значительной степени уступаетъ „Россіи и Даніи", любопытной статьѣ, о которой мы уже говорили раньше *).

Императоръ Карлъ VI, по супругѣ своей дядя Петра Втораго, зорко слѣдилъ за своимъ племянникомъ; донесенія Австрійскихъ дипломатовъ касаются подробно и личности и воспитанія внука Петра Великаго.

Вопросъ о примиреніи интересовъ дочерей Петра Великаго съ правами Петра II-го стоялъ на первомъ планѣ во все время царствованія Екатерины I-й. Назначеніе его преемникомъ почти наканунѣ кончины Екатерины I-й имѣло цѣлью предупредить волненіе въ государствѣ. Австрійскій дипломатъ Кинскій первый указалъ на бракъ великаго князя съ Елисаветой Петровной, какъ на единственное средство къ избѣжанію безпорядковъ въ Россіи.

Изъ донесеній графа Рабутина видно, что Петръ II рано обнаружилъ строптивость и своеволіе; наставники его рано потеряли въ его глазахъ всякій авторитетъ. Остерману онъ не разъ грубилъ и рѣшительно не хотѣлъ слѣдовать его программѣ воспитанія и обученія. Только Меншиковъ и Наталья Алексѣевна оказывали на него нѣкоторое вліяніе. Новый дипломатъ, графъ Вратиславъ, доносилъ о полнѣйшемъ пренебреженіи къ Остерману и объ удивительномъ искусствѣ великаго князя притворяться и скрывать свои мысли. О способностяхъ его Вратиславъ имѣлъ высокое понятіе и винилъ Долгорукихъ въ намѣренномъ отвлеченіи его отъ серьезныхъ занятій. Передъ самою смертью онъ обнаружилъ любовь къ игрѣ на віолончели и настойчиво ею занялся.

Меншиковъ, главный виновникъ воцаренія Петра II, удивлялъ иностранныхъ дипломатовъ неограниченною властью своею. Рабутинъ выхвалялъ способности князя и всячески старался задобрить его. Онъ сообщаетъ много подробностей о томъ, какъ Петръ II и его сестра судили о бракѣ съ младшей дочерью „свѣтлѣйшаго", объ отвращеніи къ ней жениха, о просьбахъ князя Меншикова ускорить сговоръ и о назначеніи невѣстой старшей дочери, „къ коей отвращеніе было не такъ сильно".

*) См. „Русскій Архивъ" 1895. III.

Деспотизмъ и неограниченное самолюбіе Меншикова ярко обрисовываются изъ донесеній Рабутина.

Вилла княгини З. А. Волконской. Ѳ. И. Буслаева. „Вѣстникъ Европы". Январь 1896.

Почтенный академикъ, жалуясь на забвеніе Римской виллы княгини Волконской, знакомитъ читателя съ ея основательницею и достопримѣчательностями тамъ находящимися. Свѣдѣнія о самой княгинѣ не представляютъ ничего новаго, а изъ обнародованныхъ уже матеріаловъ многое, ярко рисующее эту талантливую женщину, не приведено. Единственный интересъ статьи въ письмѣ С. П. Шевырева къ А. В. Веневитинову отъ 1831 года и въ надписяхъ, находящихся на виллѣ.

Лермонтовъ и Кольцовъ. А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Европы". Январь 1896.

Лермонтовъ и Кольцовъ явились новымъ свидѣтельствомъ того, что для литературы наступала пора самостоятельнаго органическаго развитія. Великая заслуга Лермонтова состоитъ въ томъ, что онъ защищалъ дѣло искусства въ виду цѣлой исторической эпохи. Авторъ усердно возстаетъ противъ взгляда, что поэзія Лермонтова лишена отношенія къ общественному интересу; вопросъ объ отношеніи поэта къ обществу и къ жизни не разъ его тревожилъ. Своею пѣснью о купцѣ Калашниковѣ онъ открылъ возможность ввести въ литературу чисто-народное содержаніе, въ чисто-народной формѣ и вмѣстѣ съ Кольцовымъ внесъ въ Русскую поэзію непосредственность національно-поэтическаго чувства. Заслуга Кольцова въ томъ, что онъ содѣйствовалъ распространенію уваженія къ народной личности.

На стр. 442-й кн. 12-й „Русскаго Архива" 1895 года сказано неточно о сенаторской ревизіи Калужской губерніи во время губернаторства Н. М. Смирнова. Одинъ изъ участниковъ этой ревизіи, достопочтенный Н. М. Колмаковъ указываетъ намъ на свои любопытныя воспоминанія („Русская Старина" 1891, Май), гдѣ изложено, что дѣло о волчьихъ хвостахъ возбуждено было позднѣе, самая же ревизія возникла по жалобѣ Ивана Ивановича Ершова на то, будто бы отецъ его ген. лейт. Иванъ Захаровичъ Ершовъ, подъ вліяніемъ Н. М. Смирнова, незаконно отдалъ свое имѣніе воспитанницѣ своей Софьѣ Ивановнѣ, вышедшей за мужъ за Осипа Осиповича Россета. Подробности извѣстны читателямъ по напечатаннымъ выше письмамъ А. О. Россета къ сестрѣ его А. Ѳ. Смирновой. П. Б.

скаго, кн. Е. Р. Дашковой, Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записки С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи и о жизни и дѣятельности Питта.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородку. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея, Д. П. Татищева, Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

XIX. Переписка гр. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова. В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова, Моск. оберъ-полицмейстера П. П. Каверина.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіи Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой и Е. Р. Полянской.

XXII. Переписка гр. Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Перемѣны правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна Антоновича, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ графовъ Завадовскаго и П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышова объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоосомъ. Дѣло барона Армфельда.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ **ДВА РУБЛЯ.**

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 году вступаетъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г., будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книги „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Подписчики «Русскаго Архива» на 1896-й годъ благоволятъ означать, какую именно изъ книгъ «Архива Князя Воронцова» желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ. Содержаніе этихъ книгъ напечатано на внутренней сторонѣ обертки сего выпуска.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

годъ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

3.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

1895 и 1896 годовъ.

Дневникъ, веденный въ Спасо-Ярославской семинаріи въ 1831 году. „Ярославскія Епархіальн. Вѣд.“ 1895, № 52.

Замѣчательныя и менѣе замѣчательныя лица, посѣтившія библіотеку Спасо-Ярославской семинаріи между 1813 и 1850 г.г. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ 1895, № 52.

Преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Астраханскій и Енотаевскій. (Матеріалы для исторіи Астраханской іерархіи). „Астраханскія Еп. Вѣд. 1895, № 24.

Гробница Кутузова и трофеи Отечественной войны въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ. „С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“ 1895, № 48.

Барсовъ Т. В. Историческій очеркъ отношеній между Св. Синодомъ и Сенатомъ. „Христіанское Чтеніе“, Январь—Февраль.

Вышелѣсскій Д. О. Борьба древне-Русской церкви съ языческими остатками въ семейной и общественной жизни народа. „Христ. Чтеніе“, Январь—Февраль.

Рункевичъ С. Г. Страница изъ церковно - общественной жизни второй четверти нашего вѣка (переписка выдающихся церковно - общественныхъ дѣятелей). „Христіанское Чтеніе“, Январь—Февраль.

Цвѣтаевъ Д. В. Къ исторіи церковно-государственной жизни въ старой Москвѣ. „Христіанское Чтеніе“, Январь—Февраль.

Древняя Русь въ великіе дни. „Душеполезное Чтеніе“, № 1.

Голубинскій Д. Ѳ. Макарій, основатель Алтайской миссіи, по бумагамъ Ѳ. А. Голубинскаго. „Душеполезное Чтеніе“, № 1.

Гурьевъ В. В. Изъ воспоминаній полковаго священника (конецъ 1876 и начало 1877 г.г.) „Душеполезное Чтеніе“, № 1.

Григорій арх. Письма и резолюціи Филарета митрополита Московскаго. „Душеполезное Чтеніе“ № 1.

Головщиковъ К. Д. Духовные дѣятели Тобольскаго края. „Тобольскія Еп. Вѣд.“ 1895 г. № 23.

Пирскій Н. Историческій и церковно-статистическій очеркъ поселеній Кобелякскаго уѣзда, расположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. „Полтавскія Еп. Вѣд.“ 1895 г., № 24.

Здравомысловъ К. Іерархи Новгородской епархіи. „Новгородскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Указатель литературы по исторіи Новгорода. „Новгородскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Городъ Брацлавъ и его храмы. (Историческая записка). „Подольскія Еп. Вѣд.“ 1895 г. № 50—51.

Чернышовъ К. Введенская г. Воронежа церковь. „Воронежскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Харузинъ Н. Къ исторіи соборнаго храма въ г. Коротоякѣ. „Воронежскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Вержболовичъ М. Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (1817—1840 г.) „Минскія Еп. Вѣд.“ № 1—3.

Поповъ С. Г. Ректоръ Московской Духовной Академіи протоіерей А. В. Горскій (опытъ біографическаго очерка). Богословскій Вѣстникъ“ № 1 и 2.

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ СЕНАТОРУ МАВРИНУ

по поводу злоупотребленій въ Вятскомъ намѣстничествѣ.

Этотъ замѣчательный рескриптъ приложенъ въ спискѣ къ сохранившемуся въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія *) слѣдующему письму генералъ-поручика, сенатора Саввы Ивановича Маврина, на имя правителя Пензенскаго намѣстничества генералъ-маіора Ивана Алексѣевича Ступишина, отъ 25 Января 1796 года:

«Милостивый государь мой Иванъ Алексѣевичъ.

Изъ приложеннаго при семъ въ копіи высочайшаго имяннаго ея императорскаго величества рескрипта, мнѣ даннаго, ваше превосходительство увидите высочайше ввѣренную мнѣ коммисію, которой, для необходимо-нужныхъ объясненій, потребенъ лично бывшій въ Вяткѣ вице-губернаторъ господинъ статскій совѣтникъ Горихвостовъ. А какъ извѣстно мнѣ, что онъ жительство имѣетъ въ своихъ деревняхъ, состоящихъ въ Пензенскомъ или Нижегородскомъ намѣстничествахъ, то и прошу ваше превосходительство, ежели онъ находится въ губерніи вамъ ввѣренной, чрезъ кого слѣдуетъ объявить ему, чтобы со времяни обвѣщенія немедленно пріѣхалъ въ Вятку и явился у меня, въ чемъ реверсомъ меня увѣдомить. Имѣю честь быть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга Савва Мавринъ».

Приложенный къ письму Маврина рескриптъ и составляетъ главный предметъ настоящаго сообщенія. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Мавринѣ. Этотъ давній пріятель Державина принадлежалъ къ числу видныхъ дѣльцовъ Екатерининскаго царствованія. Едва-ли не впервыя заявилъ онъ о себѣ въ „секретныхъ коммиссіяхъ" (Казанской и Оренбургской) по разслѣдованію дѣла Пугачева и его сообщниковъ. Мавринъ былъ отряженъ отъ Оренбургской секретной коммиссіи въ Яицкій городокъ, куда привезли Пугачева его же пособники. Мавринъ снялъ первый допросъ съ

---

*) Доступъ къ этому архиву благосклонно дозволенъ и облегченъ былъ намъ г. Пензенскимъ губернаторомъ княземъ П. Д. Святополкъ-Мирскимъ. А. Б.

самозванца и повелъ дальнѣйшее слѣдствіе. По свидѣтельству историка Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина, Мавринъ отличался при этомъ „умѣренностію и благоразуміемъ“ [1]).

Послѣ того Мавринъ занималъ отвѣтственный постъ генерала-провіантмейстера. По этой должности репутація Маврина подвергалась иногда сильнымъ колебаніямъ, какъ это видно изъ отмѣтокъ въ Дневникѣ статсъ-секретаря Екатерины А. В. Храповицкаго. Такъ, подъ 16-мъ числомъ Августа 1787 года, читаемъ: „По Петербургскому запасному магазейну сдѣлалъ упущеніе Мавринъ и тѣмъ потерялъ себя у ея величества“. Или еще, подъ 18-мъ числомъ Іюня 1790 года: „...Тирада жестокая на Савву Маврина. *Онъ за одно съ подрядчиками. Я обманулась въ этомъ человѣкѣ*“ [2]). Но, въ концѣ концовъ, Маврину удалось возстановить довѣріе Императрицы. Не далѣе какъ въ Мартѣ 1791 года, онъ былъ пожалованъ въ генералъ-поручики и сенаторы; а нижеслѣдующій рескриптъ на его имя явно удостовѣряетъ въ томъ, что Императрица вполнѣ довѣрялаМаврину: иначе она не возложила бы на него столь важнаго порученія, какъ разслѣдованіе злоупотребленій чиновниковъ цѣлаго намѣстничества.

Вотъ этотъ любопытный во многихъ отношеніяхъ документъ [3]):

«Нашему генералу порутчику Маврину. До свѣдѣнія нашего дошло, что въ Вятскомъ намѣстничествѣ производятся нѣкоторыми чиновниками различныя, до вышней степени достигшія, злоупотребленія, которыя видѣли вы во всѣхъ подробностяхъ, какъ въ препровожденной къ вамъ предъ симъ бумагѣ, такъ въ объясненіяхъ и распросахъ, вамъ уже представленныхъ отъ людей къ сему дѣлу прикосновенныхъ. А сверхъ того и въ Сенатъ вступили во множествѣ представленія о разныхъ безпорядкахъ, происходящихъ въ томъ намѣстничествѣ, на вредъ интереса нашего и на угнетеніе обитателей тамошнихъ, казенному вѣдомству принадлежащихъ. Подвигнуты врожденнымъ намъ человѣколюбіемъ къ состраданію утѣсненнымъ, моленіе свое къ намъ простирающимъ, спѣшимъ мы подать имъ помощь правосудія и милосердія нашего, всѣмъ вѣрноподданнымъ извѣстнаго. Для сего, избравъ васъ, повелѣваемъ немедленно отправиться въ Вятское намѣстничество, съ властію правящаго должность генерала-губернатора, и по пріѣздѣ туда, исполнить вамъ слѣдующее:

Первое, разсмотрѣть, сохраняется ли тамъ безъ всякаго лицепріятія правосудіе, о которомъ съ самаго вступленія нашего на Всероссійскій престолъ пеклися мы неусыпно? Сбережена ли казна и казен-

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина (подъ редакціею П. О. Морозова) т. VI. Спб. 1887. стр. 123, прим. 122.

[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова. Спб. 1874. Стр. 46 и 337.

[3]) На нашемъ спискѣ нѣтъ даты. Изъ приведеннаго письма Маврина къ Ступишину видно, что рескриптъ былъ данъ въ Январѣ 1796 года.

ные лѣса? При чемъ не оставьте также обратить вниманіе ваше и на всякія заведенія, казнѣ принадлежащія: все ли въ должномъ порядкѣ и наблюдаются ли узаконенія наши, цѣлость того охраняющія?

Второе, освидѣтельствовать сельскія казенныхъ крестьянъ счетныя записки, дабы по онымъ удостовѣриться, какіе были у нихъ мірскіе расходы и справедливо-ли, что производились съ нихъ незаконные поборы, въ вышесказанной, препровожденной къ вамъ бумагѣ упоминаемые; такъ какъ и то, что люди забираемы и ввергаемы были въ темницы и содержались въ оныхъ несоотвѣтственнымъ узаконеніямъ нашимъ образомъ. Для доказательства же на мѣстѣ, отправьте туда, подъ своимъ охраненіемъ, явившагося здѣсь съ жалобою казеннаго крестьянина Якова Шалимова; равнымъ образомъ и экономіи директору тамошнему Горихвостову прикажите немедленно къ своему мѣсту явиться, и ежели, по изысканію вашему, откроете какія подозрѣнія, то по онымъ требовать отъ кого слѣдуетъ отвѣтовъ. На случай же явнаго изобличенія въ преступленіяхъ, о чемъ доносить намъ немедленно, ввѣряемъ мы вамъ власть: всякаго чиновника, кто по таковымъ дѣяніямъ неотрицаемо признанъ будетъ вами виновнымъ, не изъемля и самого правителя намѣстничества, отрѣшить отъ мѣста, и о правителѣ представить намъ, а прочихъ предать суду Уголовной Палаты, поручивъ должность перваго, по вашему усмотрѣнію, одному изъ двухъ посылаемыхъ съ вами статскихъ совѣтниковъ, о коихъ ниже сказано будетъ, доколѣ на донесеніе ваше не послѣдуетъ нашей воли; а на мѣста зависящихъ опредѣленіемъ отъ Сената требовать отъ онаго назначенія другихъ чиновниковъ. На тѣ же, кои, по учрежденіямъ нашимъ, долженствуютъ наполняться выборомъ отъ дворянъ, въ случаѣ недостатка таковыхъ въ Вятскомъ намѣстничествѣ, можете заимствовать людей способныхъ и достойныхъ изъ Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній.

Третіе, напослѣдокъ почитаемъ за нужное внушить вамъ, что сіе препорученіе, по существу своему столь важное, есть слѣдствіе соболѣзнованія нашего къ утѣсняемымъ и соизволенія, чтобы таковыя злоупотребленія, гдѣ они кроются, наипоспѣшнѣйше пресѣкаемы были въ самыхъ ихъ источникахъ. Почему вы, будучи исполнителемъ воли нашей, обязаны всемѣрно стараться до того достигнуть и привести всѣ части, исправленія требующія, въ порядокъ, закона́мъ соотвѣтственный, пресѣкая, съ одной стороны, зло и обиды и являя въ лицѣ вашемъ защитника утѣсненныхъ, а съ другой, полагая преграду, дабы личныя какія-либо вражды и междоусобія, такъ какъ и самая клевета, мѣста не возымѣли.

Четвертое, въ помощь вамъ, для благоуспѣшнѣйшаго производства сего препорученія и для употребленія къ осмотру, по данному отъ васъ наставленію, въ уѣздахъ Вятскаго намѣстничества всего тамо происходящаго, назначаемъ мы двухъ статскихъ совѣтниковъ: Сергѣя Зиновьева и Михаила Филисова. А ради дѣлопроизводства опредѣляемъ къ вамъ генерала провіантмейстера лейтенанта Петра Чуркина. Потребнымъ же числомъ канцелярскихъ служителей, такъ какъ и всѣми свѣдѣніями изъ Сената нужными, не оставитъ снабдить васъ нашъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ.

Пятое, въ теченіе сего препоручаемаго вамъ дѣла доносить намъ о всемъ, что̀ вами открываемо будетъ; по окончаніи же онаго, ожидать нашего повелѣнія.

Шестое, на проѣздъ въ Вятское намѣстничество и обратно повелѣли мы выдать вамъ три тысячи рублей, статскимъ совѣтникамъ Зиновьеву и Филисову, каждому, по тысячѣ рублей; да правителю дѣлъ и на канцелярскихъ служителей, сверхъ указныхъ по чинамъ ихъ прогоновъ, на всѣхъ вообще тысячу рублей. И сверхъ того, соизволяемъ, чтобы, во все время пребыванія вашего при сей возложенной на васъ коммиссіи, получали вы на столъ по пятисотъ рублей, а статскіе совѣтники, съ вами командированные, каждый по сту рублей на мѣсяцъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: *Екатерина*.

*

Какъ исполнилъ Мавринъ возложенное на него порученіе, не знаемъ. Можемъ привести еще одинъ относящійся къ настоящему дѣлу документъ весьма характерный въ бытовомъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ показывающій, какъ трудно было въ то время уѣзднымъ властямъ исполнять свою должность и какія странныя препятствія встрѣчали они въ помѣщичьихъ деревняхъ даже по дѣламъ спѣшнымъ, не терпѣвшимъ ни малѣйшаго промедленія.

Вотъ, для примѣра, рапортъ Пензенскаго земскаго исправника подпоручика Аксентьева правителю Пензенскаго намѣстничества И. А. Ступишину, отъ 13 Февраля 1796 года:

«Присланнымъ отъ вашего высокопревосходительства въ Пензенской нижній земскій судъ повелѣніемъ, 11-го числа сего Февраля, предписано отправиться мнѣ тотчасъ же въ вотчину бывшаго въ Вятскомъ намѣстничествѣ вице-губернаторомъ г. статскаго совѣтника Горихвостова, для объявленія ему о томъ, чтобъ онъ ко отобранію отъ него по высочайше ввѣренной г. генералъ-порутчику сенатору и ка-

валеру Саввѣ Ивановичу Маврину коммиссіи необходимо-нужныхъ объясненій, явился къ нему въ городъ Вятку, въ чемъ обязать его реверсомъ, которой непремѣнно и представить на другой день. Во исполненіе каковаго вашего высокопревосходительства повелѣнія, я въ вотчину г. статскаго совѣтника Горихвостова, Пензенской округи, въ село Кучукпоръ, ни минуты не мѣшкавъ, и отправился, гдѣ, однакожъ, самого его въ пребываніи не имѣется; а, по удостовѣренію прикащика жены его Михайлы Неѳедьева, находится онъ Нижегородскаго намѣстничества, Арзамаской округи, въ деревнѣ Ратмановѣ, въ чемъ и далъ оной прикащикъ мнѣ на письмѣ показаніе, которое оригиналомъ при семъ и представляю. Относительно жъ до того, что я не успѣлъ объ ономъ вашему высокопревосходительству донести во другой день, то-есть 12-го числа сего мѣсяца, то причина сему послѣдовала отъ того, что когда я за усталостію собственныхъ своихъ лошадей, по причинѣ занесенія снѣжною погодою дороги, возвращаясь вчерашняго 12-го числа уже изъ села Кучукпору, пріѣхалъ еще рано на обывательскихъ подводахъ въ село Саловку, гдѣ также, за усталостію лошадей, въ небытность самого г. надворнаго совѣтника Льва Ховрина, требовалъ подводы отъ бурмистра его, Іосиѳа Васильева; то въ отвѣтъ отъ него получилъ отзывъ таковой, будто бы господинъ его не приказываетъ оныхъ давать никому. Я, стараясь выполнить въ точности ваше повелѣніе, отвѣчалъ ему, что я непремѣнно ему прогоны заплачу, только-бъ не дѣлалъ ни малѣйшей остановки, объявляя, что я ѣду по самонужнѣйшему дѣлу и по собственному вашего высокопревосходительства повелѣнію. Но онъ, не внемля сему и не уважая ничего, такъ какъ будто бы съ насмѣшкою говорилъ, чтобъ я прогоны далъ впередъ. Но какъ на таковой неожидаемой мною случай денегъ при мнѣ не имѣлось, то онъ, бурмистръ, наивящѣе того усиливался мнѣ подводъ не давать, что̀ я видя, принужденнымъ нашелся вмѣсто денегъ отдавать ему въ залогъ серебряную свою табакирку, которую онъ однакожъ не принялъ, а настаивалъ все въ требованіи съ меня денегъ, какъ видно на таковой конецъ, что я, по неимѣнію ихъ, больше промедлю. Но я, всячески отъ того остерегаясь, занялъ у тамошняго дьякона деньги, которыя ему хотя и отдалъ, но и потомъ онъ подводъ далъ не скоро, чрезъ что̀ самое и содѣлалъ мнѣ остановки болѣе нежели часовъ пяти. Что̀ все вашему высокопревосходительству и предаю во благоразсмотрѣніе».

Александръ Барсуковъ.

ПИСЬМО ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА КЪ ГРАФУ П. А. ПАЛЕНУ.

A monsieur le comte de Pahlen, gouverneur militaire de la ville de Pétersbourg.

Monsieur le comte,

Vous voudrez bien me pardonner, si je prends la liberté de venir vous déranger au milieu de vos affaires; mais dans l'occasion présente je crois essentiel de m'adresser à votre excellence pour lui demander ses conseils. Je viens de recevoir par la poste un placet pour S. M. l'Empereur, cacheté et renfermé dans une enveloppe adressée à mon nom, qui ne renfermait rien autre chose, de manière que j'ignore totalement d'où et de qui cela me vient.

Comme le département de la poste vous est confié, monsieur le comte, et qu'il vous sera plus facile qu'à moi de remonter jusqu'à la source, je m'empresse de vous envoyer ce placet, tel que je l'ai reçu pour que vous voulussiez bien, d'après ce que vous en aurez décidé, me faire part, s'il est nécessaire que j'aie l'honneur de le présenter à S. M. I. moi-même, ou bien si votre excellence prendra cette peine sur soi. En attendant là-dessus sa réponse, j'ai l'honneur de me dire avec la considération la plus distinguée, monsieur le comte, de votre excellence le très etc.

S-t Pétersbourg, le 1 Mars 1801.

По поводу послѣдовавшей 11 Марта 1801 года кончины императора Павла, графъ Н. П. Шереметевъ записалъ впослѣдствіи: „Марта 12 дня случилась кончина императора Павла I. Сей монархъ, при восшествіи своемъ на престолъ, на мнѣ первомъ показалъ знаки своего благоволенія, которые нося всегда съ признательностью, за нѣсколько часовъ до кончины его съ нимъ ужиналъ *) и не воображалъ, что черезъ три часа пораженъ буду печальнѣйшею вѣстію о внезапной кончинѣ сего благотворителя моего и моей супруги".

(Изъ домашняго архива графа С. Д. Шереметева).

---

*) Объ этомъ ужинѣ 11 Марта 1801 г. графъ Н. П. Шереметевъ разсказывалъ потомъ, что Государь былъ въ добромъ нравѣ, разговорчивъ и вспоминалъ съ нимъ про годы своего отрочества и молодости. П. Б.

Переводъ.

Графу Палену, военному губернатору города Петербурга.

Графъ, соблаговолите извинить меня за смѣлость, съ которою я рѣшаюсь безпокоить васъ среди вашихъ дѣлъ; но въ настоящемъ случаѣ я считаю существеннымъ обратиться къ вашему сіятельству за совѣтомъ. Я только что получилъ по почтѣ бумагу къ Е. В. Императору, запечатанную въ конвертѣ, который адресованъ на мое имя и въ которомъ болѣе ничего не находилось, такъ что я совершенно не знаю, откуда и отъ кого я получилъ это.

Графъ, такъ какъ почтовый департаментъ ввѣренъ вамъ, и вамъ легче чѣмъ мнѣ добраться до источника, то я спѣшу отправить къ вамъ эту бумагу въ томъ видѣ какъ я получилъ ее, дабы вы благоволили, смотря по тому какъ вы объ этомъ рѣшите, сообщить мнѣ, необходимо ли, чтобъ я самъ имѣлъ честь подать оную Е. И. В. или же ваше сіятельство возмете на себя этотъ трудъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта, имѣю честь быть съ самымъ отличнымъ уваженіемъ, и пр. С.-Петербургъ, 1 Марта 1801 года.

*

Письмо графа Шереметева къ графу Палену сохранилось въ собственноручномъ черновомъ подлинникѣ. Оберъ-камергеръ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (р. 1751 † 1809) былъ старшимъ товарищемъ дѣтства Павла Петровича, и его имя часто встрѣчается въ извѣстныхъ Запискахъ Порошина, всякій разъ съ отмѣткою особенной къ нему склонности Цесаревича. Эта склонность, сколько намъ извѣстно, оставалась до конца неизмѣнною. Оба они были идеалисты. Ихъ сближала, кромѣ любви къ изящной словесности, къ искусствамъ и въ особенности къ музыкѣ, которой Павелъ Петровичъ былъ любителемъ, можетъ быть, и нѣкоторая одинаковость участи: и графъ Николай Петровичъ только на 38-мъ году возраста, съ кончиною отца, получилъ вполнѣ самостоятельное положеніе. Въ первые полтора года Павлова царствованія графъ Шереметевъ былъ оберъ-гофмаршаломъ, и хотя вышелъ изъ этой должности, но Государь сохранялъ къ нему свою милость и не однажды навѣщалъ его, при чемъ любилъ слушать пѣніе и игру на арфѣ Прасковьи Ивановны Ковалевской, на которой осенью того же года, уже въ царствованіе Александра Павловича, графъ Шереметевъ женился.

Что̀ именно заключалось въ бумагѣ на имя Государя, которую доставило графу Шереметеву на Фонтанку неизвѣстное лицо, остается тайною. Не было ли тутъ предупрежденія о томъ, что̀ вскорѣ потомъ случилось? И въ такомъ случаѣ, если бы бумага не была послана графу Палену, а передана лично, ближайшія событія приняли бы, можетъ быть, другой оборотъ. Но заключившійся въ Михайловскомъ замкѣ, словно въ крѣпости, Государь былъ уже тогда самъ не свой, и доступъ къ нему сдѣлался затруднителенъ даже для такихъ издавна знаемыхъ и любимыхъ лицъ, какъ графъ Николай Петровичъ. П. Б.

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ.

Изъ воспоминаній объ немъ его духовника *).

Князь А. М. Горчаковъ принадлежитъ исторіи. Его дѣла и заслуги будутъ оцѣнены потомствомъ. Но у каждаго дѣятеля на государственномъ поприщѣ есть сторона внутренняя, неоцѣнимая никакимъ бытописателемъ, и эта сторона составляетъ если не всегда основаніе, то навѣрное окраску всей его общественной дѣятельности. Поэтому для будущаго историка должно быть очень важно заглянуть въ этотъ внутренній міръ политическаго дѣятеля, котораго онъ призванъ будетъ цѣнить и судить по его дѣяніямъ, мыслямъ и намѣреніямъ. Но какъ этотъ внутренній міръ человѣка не всегда поддается наблюденію людей постороннихъ, то нерѣдко самая исторія впадаетъ въ заблужденіе, произнося свой судъ надъ человѣкомъ по однимъ только внѣшнимъ проявленіямъ его мыслей и намѣреній. Князь А. М. Горчаковъ занималъ слишкомъ высокій постъ въ правительствѣ Россіи, учавствуя болѣе четверти вѣка въ управленіи судьбами своего отечества, и потому всякое свѣдѣніе о немъ, о его характерѣ, а тѣмъ болѣе о его внутреннемъ мірѣ, должно быть цѣнно для Русскаго человѣка, имѣющаго право гордиться своими знаменитыми соотечественниками.

Меня привелъ Богъ ближе сойтись съ княземъ въ такую эпоху жизни его, когда Промыслъ Божій производилъ надъ нимъ сильную операцію, готовя сдѣлать изъ него сосудъ избранный для новаго болѣе почетнаго употребленія. Познакомившись съ нимъ сперва во Франкфуртѣ, гдѣ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ исправлялъ должность нашего представителя при Германскомъ Союзѣ (оставаясь въ тоже время посланникомъ при Виртембергскомъ дворѣ), я вскорѣ за тѣмъ былъ переведенъ на службу въ Стутгартъ. Здѣсь я прежде всего былъ ласково принятъ княгинею М. А. Горчаковой, которая не задолго передъ тѣмъ принимала такое сердечное участіе въ постигшемъ меня семейномъ горѣ. Она съ такою любовію заботилась о моихъ малолѣтнихъ сиротахъ, что я скоро сдѣлался своимъ, чуть не семьяниномъ, въ домѣ Горчаковыхъ. Ихъ два мальчика, только нѣсколькими годами старше моихъ, подружились съ моими двумя сыновьями, и потому у насъ установились самыя добрыя отношенія. Князя въ это время я видалъ только за столомъ, гдѣ онъ по обыкновенію былъ разговорчивъ и блисталъ своимъ свѣтскимъ умомъ. Нерѣдко случалось, когда въ

*) Статья эта сообщена намъ Александромъ Ивановичемъ Базаровымъ. На самой рукописи покойнымъ родителемъ его выражено его желаніе, чтобы она появилась въ „Русскомъ Архивѣ". П. Б.

числѣ обѣдавшихъ были иностранцы различныхъ націй, что князь цитовалъ наизусть цѣлыя строфы изъ Шиллера, изъ Байрона, изъ нашихъ поэтовъ, обращаясь попеременно то къ тому, то къ другому изъ гостей своихъ. Но когда, по иниціативѣ княгини, переходилъ разговоръ на предметы религіозные, князь обыкновенно преклонялъ голову и, обращаясь къ дѣтямъ, выказывалъ намѣренно свое глубокое уваженіе къ святости этихъ предметовъ. Меня всегда особенно поражала эта манера почти заученнаго обращенія съ святынею. Мнѣ казалось, что этотъ блистательный умъ не благоговѣлъ передъ нею, но боялся ея, какъ чего-то ему мало знакомаго. Впрочемъ это уваженіе къ святынѣ не было въ немъ чѣмъ нибудь напускнымъ, практиковавшимся только передъ дѣтьми въ видахъ педагогическихъ. Нѣтъ, даже въ своемъ кабинетѣ, куда онъ приглашалъ насъ послѣ обѣда для куренія, слѣд. въ отсутствіи княгини и дѣтей, онъ съ такимъ же уваженіемъ относился ко всему религіозному и, разставаясь со мною, всегда съ почтеніемъ подходилъ подъ благословеніе и цѣловалъ мнѣ руку, хотя бы при этомъ присутствовали какіе бы то ни были представители разныхъ исповѣданій. Это меня очень занимало, и мнѣ весьма хотѣлось проникнуть въ этотъ внутренній міръ человѣка, одареннаго такими блестящими способностями, горячо преданнаго своей дипломатической дѣятельности, и вмѣстѣ такого смиреннаго въ выраженіи своихъ, не скажу еще религіозныхъ, но во всякомъ случаѣ церковныхъ обязанностей. Не разъ говорилъ я объ этомъ и съ княгинею, и всегда мы приходили къ тому заключенію, что князь слишкомъ занятъ своими свѣтскими обязанностями, слишкомъ увлеченъ блескомъ внѣшней жизни, и очевидно боится войти внутрь себя, въ тотъ ему незнакомый міръ прямыхъ, искреннихъ отношеній къ Богу, изъ котораго не выходятъ больше на торжище свѣтской суеты со всѣми ея прикрасами.

Но вотъ настала 1853-й годъ. Семейство Горчаковыхъ по обыкновенію переѣхало на лѣто въ Баденъ. Тамъ захворалъ младшій изъ сыновей корью, вслѣдствіе чего старшаго перевели въ другой домъ, къ теткѣ его княгинѣ Радзивилъ, тоже жившей въ Баденѣ. 13-го Іюня князь мнѣ писалъ изъ Бадена: «Господь Богъ въ безпредѣльномъ милосердіи услышалъ наши молитвы. Константину лучше. Вторая ночь безъ бреда, болѣзнь взяла регулярный ходъ. Прежде двухъ дней докторъ не можетъ сказать, что онъ уже не въ опасности». Но больной не успѣлъ еще выздоровѣть, какъ захворала сама княгиня и притомъ такъ сильно, что меня потребовали къ умирающей. Здѣсь я присутствовалъ въ первый разъ при истинно-христіанской, можно сказать, геройской кончинѣ слабой женщины. Покойная княгиня часто говорила мнѣ, что у ней два грѣха на душѣ, это—сильная боязнь смерти и чрезмѣрная любовь къ дѣтямъ, и что она больше всего страшится этой минуты, когда ей придется умирать и разставаться съ дѣтьми. Вотъ эта минута настала. Княгиня умирала въ полномъ сознаніи приближающейся смерти. Но это спокойствіе, съ какимъ она встрѣчала приближающуюся минуту разставанія и съ жизнію, и съ дѣтьми, меня поразило особенно, когда она сама объявила, что отказывается

отъ послѣдняго утѣшенія видѣть дѣтей, такъ какъ младшій лежалъ еще въ постели, а старшаго она боялась ввести въ домъ, чтобы онъ не заразился отъ младшаго. И вотъ эта-то слабая женщина, такъ боявшаяся смерти и такъ любившая дѣтей, съ геройствомъ материнской любви заочно благословляетъ своихъ любимцевъ и съ спокойствіемъ души, повторяя слова Евангелія: «просите и дастся вамъ, ищите и обрящете» отходитъ въ другую жизнь, гдѣ ожидало ее полное исполненіе ея христіанскихъ надеждъ, обильное удовлетвореніе ея исканій правды, мира и любви на землѣ.

Эта смерть, и такая смерть любящей и любимой супруги и была та таинственная операція Промысла, которая должна была пробудить дремавшую дотолѣ вѣру въ душѣ князя. Операція эта была тяжелая и, чтобы перенести ее, нужны были время, и долгая, трудная работа духовнаго врача надъ залѣченіемъ этой раны. Въ первыя минуты овдовѣвшій князь предавался полному отчаянію. По счастію онъ былъ добрый и нѣжный отецъ. Ему предстояла еще трудная и грустная забота, какъ извѣстить дѣтей о кончинѣ ихъ матери. Старшему я взялъ на себя объявить эту горестную потерю. Отъ младшаго рѣшили скрыть это до его полнаго выздоровленія. Это послѣднее обстоятельство было самымъ тяжелымъ испытаніемъ для князя, особенно когда больной выздоровѣлъ и былъ уже между своими, а передъ нимъ все еще продолжали дѣлать видъ, какъ будто ничего особеннаго не произошло въ семействѣ. Еще 23 Іюня князь писалъ мнѣ по этому поводу изъ Бадена: «Очень боюсь на счетъ Константина. Мы не можемъ объявить ему о смерти матери *внятно*, какъ Мишелю. Продолжающаяся болѣзнь его ослабила и увеличила природную чувствительность. Черезъ дней шесть докторъ при хорошей погодѣ выпуститъ его изъ дома. Привезутъ къ намъ, гдѣ онъ и останется до переѣзда въ новый домъ. Дни два-три надобно будетъ жить съ нимъ, сложивъ трауръ и преодолѣвая собственную скорбь, чтобы мало по малу приготовить, и тогда уже положиться на милосердіе Божіе. Отсутствіе ваше чувствуется ежедневно. Не оставьте молиться о нашей представившейся! Непрестанно перечитываю Матѳея главу VII. Особенно поразилъ меня стихъ 11-й, не дозволяющій намъ предаваться какому либо сомнѣнію объ исполненіи стиха 7-го, который добрая моя Маша троекратно, въ послѣднія минуты, ясно взывала съ вѣрою и надеждою. Желалъ бы очень, чтобы вы потрудились означить мнѣ еще нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта, призванныхъ къ особому вліянію на теперешнее положеніе души моей. Оно вамъ вполнѣ раскрыто. Простите! Не забывайте меня и сиротъ въ молитвахъ вашихъ и испросите у Господа Бога милости облегчить тяжесть жизни». Чтобы помочь князю въ его тяжкомъ положеніи, я самъ отправился въ Баденъ и нашелъ его въ болѣе спокойномъ состояніи, нежели какъ это было прежде. Константину не было еще открыто о смерти матери. Дожидались меня. Цѣлое утро прошло въ совѣтахъ и разсужденіяхъ, какъ приступить къ та-

кому страшному дѣлу. Мнѣнія раздѣлились. Докторъ совѣтовалъ приготовить его по немногу, стращая опасностію слишкомъ поразить разстроенные болѣзнію нервы мальчика. Я совѣтовалъ князю исполнить это дѣло какъ можно безъискусственнѣйшимъ образомъ, на единѣ, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію самаго князя, Константинъ послѣдніе дни очень скучаетъ, а сегодня утромъ даже плакалъ. Въ два часа мы собрались опять у князя въ кабинетѣ, и въ то самое время, какъ я спорилъ съ докторомъ Гугертомъ, что не слѣдуетъ больше разъигрывать передъ мальчикомъ комедію въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, князь вышелъ на минуту въ комнату Константина, чтобы посмотрѣть, въ какомъ состояніи онъ находится, и черезъ минуту возвратился назадъ съ словами: «Нечего хлопотать! Константинъ все знаетъ! Едва только я спросилъ его чтò ты такъ печаленъ? какъ онъ отвѣчалъ мнѣ: но вы всѣ печальны!—Но положимъ, сказалъ я, что мы имѣемъ причину быть печальными; отъ чего же ты печаленъ?—Отъ того, отвѣчалъ онъ, что мама умерла!» Бѣдный мальчикъ, по собственному признанію, давно зналъ объ этомъ по чувству, по разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ скрыть было невозможно. На вопросъ отца, какъ же онъ не сказалъ того никому? добрый мальчикъ отвѣчалъ: «я видѣлъ, что ты, папа, не хотѣлъ, чтобы я зналъ объ этомъ, и я молчалъ». Послѣ этого Константинъ, какъ искреннее дитя, долго плакалъ и рыдалъ на груди отца. Въ слѣдъ затѣмъ мы помолились всѣ вмѣстѣ о упокоеніи души преставившейся, и всѣ видимо отдохнули отъ тяготѣвшаго на нашихъ сердцахъ принужденія. Развязка этой печальной загадки видимо облегчила сердце и самого князя и всѣхъ окружавшихъ. Теперь и сынъ, отъ котораго такъ долго скрывали его потерю, сталъ чувствовать, что трауръ, который онъ замѣчалъ до сихъ поръ вокругъ себя случайно, и ему родной трауръ, и сквозь слезы его можно было видѣть, какъ онъ наконецъ утѣшенъ тѣмъ, что можетъ дѣлить съ отцомъ скорбь, которая такъ давно тяготила ему душу.

Всѣ эти нравственныя потрясенія глубоко проникли въ душу князя. Урокъ, данный ему Богомъ, былъ тяжелъ. Но онъ все еще боролся съ своимъ ветхимъ человѣкомъ, жившимъ въ немъ. Вскорѣ за моимъ посѣщеніемъ его въ Баденѣ онъ писалъ мнѣ: «Голосъ вашъ всегда меня утѣшаетъ или по крайней мѣрѣ на время смягчаетъ терзающую скорбь. Вы знаете путь къ мысли, сердцу. Да благословитъ Господь ваши старанія и поможетъ намъ достигнуть цѣли. Благодарю за молитвы и церковныя, и частныя. Нами здѣсь ежедневно возсылаются къ Всевышнему Утѣшителю. Книга о вліяніи молитвъ на успокоеніе душъ усопшихъ укрѣпила вѣру мою. Выводы автора ясны, и словами Спасителя надежды обращаются въ извѣстность. Если я совершенно успокоюсь на счетъ загробнаго состоянія отозваннаго моего ангела, можетъ быть *предстоящую* мнѣ жизнь приму съ большею покорностію». При этомъ князь выслалъ мнѣ сумму денегъ для раздачи бѣднымъ, и писалъ при этомъ: «Я бы желалъ, чтобы облагодѣтельствованные молились за упокоеніе души *Маріи*, безъ всякаго другаго озна-

ченія». А вотъ и еще нѣсколько строкъ изъ письма князя ко мнѣ отъ 28 Іюля 1853 года «Благодарю васъ, за письмо. Отъискалъ и отмѣтилъ строки въ Евангеліи. Здоровье поправляется. Душевныя силы въ томъ же изнеможеніи. Часто, особо къ вечеру, обладаетъ совершенное отчаяніе. Оно безразсудно и грѣшно, чувствую; но не могу. Молитесь за насъ и не забывайте преставившуюся за обѣднею. Она такъ жарко просила вашихъ молитвъ и молитвъ церкви о успокоеніи души. Данная вами мнѣ молитва и крестъ съ древомъ, которому покойная прикасалась охладѣвшими устами, нѣсколько меня подкрѣпляютъ, когда къ нимъ прибѣгаю въ минуты совершеннаго безсилія. Узнать—какъ молиться мнѣ еще предстоитъ. Вы мнѣ поможете очистить заросшій путь». Этотъ крестъ и эту молитву князь сохранилъ при себѣ до конца жизни. Когда, за годъ до его смерти, я посѣтилъ его въ Баденѣ, онъ повелъ меня въ свою спальню и показалъ этотъ крестъ, висѣвшій надъ его кроватью, прибавивъ при этомъ: «видите, я ваши уроки не забываю!»

Вотъ еще одно письмо, тоже еще изъ Бадена, но уже отъ 7-го Октября, свидѣтельствующее о болѣе спокойномъ настроеніи души князя. «Благодарю васъ отъ души за воспоминаніе о Мишѣ въ день его ангела. Онъ собирается самъ благодарить васъ за присланное житіе св. Михаила. Праотецъ мой имѣлъ духовникомъ отца Іоанна. И насъ Господь благословилъ руководителемъ на пути истины таковаго же имени и достоинства. О еслибы позволено было видѣть и въ этомъ знакъ Его благодатнаго указанія нашего спасенія! По неизмѣримому Его милосердію ко мнѣ, недостойному во всѣхъ отношеніяхъ! Духъ мой нѣсколько успокоился. Грусть душевная тоже. Молитва и чтеніе книгъ въ этомъ направленіи поддерживаютъ меня въ самыхъ тяжелыхъ минутахъ. Жажду бесѣды вашей. Въ теченіе сего мѣсяца возвращусь въ осиротѣлый домъ мой. Я принялся вновь за исповѣдь св. Августина и нахожу теперь въ немъ то, чтó въ первыхъ порывахъ грусти не могъ открыть. Сего утра читалъ разговоръ его съ матерью, смерть ея и чувства и разсужденія его при семъ случаѣ (конецъ 9-й главы). Какая возвышенная правда! Молю Господа, да дозволитъ и мнѣ достигнуть такого расположенія души. Прошу и вашихъ молитвъ у престола Его». Въ postscriptum къ этому письму князь прибавляетъ: «По случаю крестинъ у Кутузова я познакомился короче съ нашимъ священникомъ Висбаденскимъ *), который мнѣ очень понравился. Чѣмъ болѣе вникаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ прекрасномъ направленіи молодаго нашего духовенства. Благодать Господня видимо осѣняетъ православную Церковь». Но черезъ нѣ-

*) Отецъ Янышевъ, который потомъ въ Петербургѣ сдѣлался духовникомъ князя Горчакова.

сколько дней (11-го Октября) князь опять писалъ мнѣ болѣе тревожное письмо, въ которомъ между прочимъ проявляется уже и свойственная его натурѣ жажда дѣятельности. «Не желаю, писалъ онъ, продлить моего пребыванія здѣсь, гдѣ умъ въ бездѣйствіи. Не могу желать пріѣзда и въ Стутгартъ, гдѣ ожидаетъ вседневная душевная тревога. Однако до конца мѣсяца буду къ вамъ съ дѣтьми. Самъ чувствую нужду въ духовномъ подкрѣпленіи и бесѣдѣ съ вами. Господь милостивъ, и чувство отчаянія постепенно теряетъ характеръ ропота и виновнаго сопротивленія волѣ Божіей. Но часто, слишкомъ часто приходятъ еще минуты, въ которыя сила воли изнемогаетъ».

Наконецъ 17-го Октября князь, въ послѣдній разъ передъ возвращеніемъ въ Стутгартъ, пишетъ мнѣ письмо, въ которомъ проявляются уже заботы нѣжнаго отца о воспитаніи осиротѣвшихъ сыновей. «Черезъ восемь дней надѣюсь быть въ Стутгартѣ. Тогда буду просить васъ вновь благословить осиротѣвшій домъ мой, благословить не на радость, не на счастье, которыхъ болѣе не ожидаю, но да укрѣпитъ меня Господь въ терпѣніи и смиреніи. Стражду духомъ и тѣломъ. Если еще удары должны воспослѣдовать за претерпѣннымъ ударомъ, да будетъ воля Божія! Но да дастъ Онъ мнѣ силу перенести оные. Много заботъ и отъ дѣтей. Ежеминутно чувствую болѣе потерю жены. Благословенная нѣжная рука ея округляла углы. Иногда, по человѣческимъ понятіямъ, не могу дойти до того, какъ я могъ выдержать все, что́ въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ всегда снова терзаетъ душу мою. Иго моей жизни не легко. Мы будемъ часто видаться. Это необходимо, чтобы и душа и тѣло не дошли до совершеннаго изнеможенія, а жизнь моя, вижу, для дѣтей необходима. И дѣтьми буду васъ усердно просить болѣе прежняго заняться, утвердить ихъ на пути вѣры и въ вѣрѣ искать средства къ улучшенію ихъ (безъ оной недостаточныя); это одно можетъ замѣнить для нихъ умолкшій голосъ матери. Простите! Молитесь за насъ; никогда болѣе не чувствовалъ нужды въ молитвахъ за меня у престола Божія. Собственная сила едва, едва меня поддерживаетъ».

По возвращеніи въ Стутгартъ съ дѣтьми, князь А. М. Горчаковъ посвятилъ всего себя воспитанію ихъ. Оставаясь все въ томъ же благочестивомъ настроеніи, онъ каждый день молился съ ними утромъ и вечеромъ, читалъ съ ними Евангеліе, а вечера проводилъ почти исключительно со мною въ чтеніи назидательныхъ книгъ или духовныхъ бесѣдахъ. Если случалось день - другой не бывать у князя, онъ уже слалъ ко мнѣ записку со словами: «Не пожалуете ли къ намъ отобѣдать? Какъ-то душѣ тяжело». Не рѣдко вмѣсто личнаго посѣщенія я посылалъ ему ту или другую книжку для прочтенія, и вотъ разъ, возвращая мнѣ одну книжку Христіанскаго Чтенія, онъ пишетъ: «Съ умиленіемъ прочелъ статью о Разрушителѣ смерти. Блажени мертвіи,

умирающіе о Господѣ. Вспомянулъ о послѣднихъ минутахъ усопшаго моего ангела и болѣе утвердился въ надеждѣ, что Господь милостиво принялъ ее въ нѣдро Свое». Заботясь о дѣтяхъ своихъ, какъ отецъ-христіанинъ, князь самъ готовитъ ихъ къ исповѣди и св. причащенію. «Я бы очень радъ послать къ вамъ Мишу, пишетъ онъ мнѣ, но боюсь коклюша, гнѣздящагося въ вашемъ домѣ. Постараюсь, хотя сожалѣя, замѣнить вашу бесѣду чтеніемъ съ нимъ приготовительнымъ къ покаянію».

Такъ проходила зима 1853—1854 года. Между тѣмъ горизонтъ политическій началъ помрачаться. Съ Запада все болѣе и болѣе надвигались черныя тучи, разразившіяся скоро Севастопольскою грозою. Хотя главными врагами нашего отечества въ это время выступали Франція и Англія, но центръ тяжести этого положенія для насъ оказался въ Вѣнѣ. Тамъ устанавливали вѣсы политическаго равновѣсія, которые колебались, къ несчастію склоняясь болѣе на сторону намъ враждебную. Въ то время тамъ царилъ непріязненный намъ министръ Буоль. Бывшій нашимъ посланникомъ, баронъ Мейендорфъ, былъ женатъ на сестрѣ этого самаго Буоля, и потому его дипломатическое положеніе дѣлалось невозможнымъ. Предстояло замѣнить его кѣмъ либо другимъ, который могъ бы стать въ Вѣнѣ на стражѣ нашихъ интересовъ и поддержать нашу политику въ Восточномъ вопросѣ. Все это хорошо видѣлъ и понималъ князь Горчаковъ; но онъ еще былъ слишкомъ подъ впечатлѣніемъ удара съ Неба, такъ смирившаго его подъ руку Божію, чтобы добровольно и съ свойственною его натурѣ энергіею броситься въ эту борьбу. На мои намеки на счетъ того, что быть можетъ ему предстоитъ замѣнить барона Мейендорфа въ Вѣнѣ, князь каждый разъ отвѣчалъ, что если Богу угодно послать его на это дѣло, онъ приметъ этотъ долгъ съ смиреніемъ, но безъ всякаго честолюбія. «Вы не можете себѣ представить, говорилъ онъ, чтó я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь. Въ молодости я былъ такъ честолюбивъ, что одно время носилъ ядъ въ карманѣ, рѣшаясь отравиться, если меня обойдутъ мѣстами».

Между тѣмъ въ Февралѣ 1855-го года я получилъ извѣстіе о тяжкой болѣзни моего тестя, протоіерея Кочетова. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, чтобы застать еще въ живыхъ любившаго меня, какъ родного сына, тестя. Князь Горчаковъ пришелъ въ отчаяніе отъ этой моей рѣшимости и никакъ не отпускалъ меня отъ себя, говоря, что я не могу его оставить одного въ такомъ грустномъ положеніи. Но тревожныя извѣстія объ ухудшавшемся положеніи больного заставили наконецъ его согласиться на мою поѣздку, и благодаря этому замедленію я уже не засталъ въ живыхъ моего тестя. Отпуская меня въ Петербургъ, князь имѣлъ въ виду черезъ меня устроить свои семейныя отношенія къ дѣтямъ покойной княгини отъ ея перваго брака и также узнать на мѣстѣ о видахъ правительства на его счетъ. Всѣмъ было извѣстно, что князь Горчаковъ не пользовался особою милостію со стороны императора Николая Павловича, и потому въ данную минуту онъ находился между страхомъ и надеждою или быть обойден-

нымъ въ эту рѣшительную минуту или, какъ говорится, glace rompue, всплыть на поверхность и понестись по теченію новой политики въ нашемъ государствѣ. Поэтому понятно будетъ, что князь засыпалъ меня письмами изъ Стутгарта, только что я, оставивъ его, отправился въ Россію. Такъ отъ 19 (31) Марта онъ уже писалъ мнѣ въ Петербургъ: «Письмо ваше насъ успокоило на счетъ благополучнаго прiѣзда въ Варшаву. Теперь съ нетерпѣніемъ и надеждою на милость Божію будемъ ожидать таковой же пріятной вѣсти изъ Петербурга. Радуюсь расположенію, въ которомъ вы нашли К. И. Въ откровенности вашей вижу доказательство попечительности о мнѣ и увѣреніе въ искреннемъ моемъ желаніи духовнаго улучшенія. Желалъ бы, но не могу, раздѣлить вашего мнѣнія о *недоразумѣніи*. Здѣсь не просто недоразумѣніе. Съ одной стороны *слова* въ противорѣчіи съ *фактами*. Съ моей самые факты вамъ не безъизвѣстны. Принять *слова* за *дѣйствія* мнѣ кажется не позволено намъ даже высочайшимъ нашимъ Законодателемъ.... Искренность моихъ чувствъ вамъ извѣстна, практическое приложеніе оныхъ также отъ васъ не скрыто. Чего же болѣе ожидать отъ меня?.... На этотъ счетъ считаю излишнимъ распространяться. Это было предметомъ нашихъ ежедневныхъ разговоровъ, гдѣ внутренность моя была вамъ раскрыта». Далѣе въ этомъ письмѣ князь прибавляетъ: «Благодарю за учебныя книги, мною полученныя. Не забудьте купить для меня *Великій Постъ* и если что̀ еще найдете особенно назидательнаго между духовными нашими писателями. Но я желаю положительнаго ученія, а не умствованій, допускающихъ пренія, какъ напр. я нашелъ въ *Бесѣдахъ объ отношеніи Церкви*. По одной отмѣткѣ, вами сдѣланной на первыхъ страницахъ, я тотчасъ отложилъ книгу и не возму болѣе въ руки. Я ищу не остроумныхъ, тонкихъ соображеній, но смиреннаго покоренія собственнаго ума подъ иго церковныхъ истинъ. Въ сегодняшнемъ чтеніи *Великаго Поста* нашелъ мысль, особенно ко мнѣ принаровленную: «Вмѣсто того, чтобы влечь безплоднымъ сожалѣніемъ духъ отшедшихъ вспять, въ эту юдоль лишенія и слезъ, ты самъ устремился бы духомъ въ слѣдъ ихъ, и въ семъ сладкомъ стремленіи давно нашелъ бы успокоеніе своему растерзанному сердцу». Изъ Петербурга надѣюсь получить отъ васъ скоро и *весьма подробное* письмо и о всемъ».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ отъ 29-го Марта князь Горчаковъ писалъ мнѣ: «Изъ письма Ея Высочества (В. К. Ольга Николаевна находилась въ то время въ Петербургѣ) вижу, что вы не застали уже тестя вашего въ живыхъ. Принимаю живѣйшее участіе въ скорби вашей, Великая Княгиня отзывается ко мнѣ въ самыхъ лестныхъ о покойномъ выраженіяхъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣщенія о счастливомъ вашемъ пріѣздѣ и дальнѣйшихъ вашихъ сообщеній. Желалъ бы также знать, въ какомъ положеніи нашли дорогу. Н. А. Мухановъ пишетъ мнѣ изъ

Варшавы, что отправилъ васъ въ спокойной каретѣ и съ пріятнымъ или по крайней мѣрѣ занимательнымъ спутникомъ. У меня былъ второй припадокъ подагры. Завидую вамъ быть свидѣтелемъ прекраснаго нашего народнаго вдохновенія. Грустно приступаемъ къ Страстной недѣлѣ безъ духовныхъ утѣшеній».—25-го Марта я въ первый разъ писалъ князю изъ Петербурга и получилъ отъ него въ отвѣтъ письмо отъ 3-го Апрѣля, въ которомъ онъ пишетъ: «Благодарю васъ за письмо и предварительныя свѣдѣнія, въ немъ сообщенныя. Е. Н. Пещурова съ радостію извѣстила меня о свиданіи съ вами и усердно желаетъ тѣснѣйшаго знакомства. Не знаю, станетъ ли у васъ досуга. Петербургъ поглощаетъ время, а пребываніе ваше будетъ непродолжительно. Не забудьте ее совсѣмъ.... Голицинъ (князь Сергѣй Павловичъ) пишетъ вамъ подробно о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Предоставляю ему. Дѣти и я, слава Богу, здоровы. Погода стоитъ несравненная. Позвольте мнѣ остаться въ полномъ увѣреніи, что если васъ не потребуютъ къ Наслѣднику, вы несомнѣнно къ намъ возвратитесь. Чтò вамъ Ольга Николаевна сказала въ этомъ отношеніи, отзывается въ душѣ нашей. Да и въ свѣтскомъ смыслѣ, не думаю, чтобы какъ для васъ, такъ и для дѣтей вашихъ какое бы положеніе, кромѣ упомянутаго, могло быть выгоднѣе. О Лицеѣ мнѣ кажется сравнительно и рѣчи быть не можетъ. На досугѣ не оставляйте пожалуйста писать ко мнѣ. Отъѣздъ вашъ сильно разстроилъ кругъ моего уединенія. Дѣти и я поручаемъ себя вашимъ молитвамъ и вашему благословенію»*).

Трудное и непріятное для меня порученіе князя быть посредникомъ между нимъ и его родственниками въ спорномъ имущественномъ вопросѣ ставило меня въ крайне-неловкое положеніе, и я, уклоняясь отъ рѣшенія этого спора, старался только дѣйствовать примирительно на обѣ стороны. Князь Горчаковъ, оправдываясь передо мною, выставлялъ на видъ только нравственную сторону дѣла. Такъ между прочимъ онъ писалъ мнѣ по этому поводу отъ 13-го Апрѣля изъ Стутгарта: «Болѣе всего буду жалѣть, если они потерпятъ въ общемъ мнѣніи. Я старъ, доживаю вѣкъ, и мнѣ лѣтами и событіями жизни моей судъ уже изготовленъ. Пересуды и поношенія для меня безъ цѣны, на меня безъ вліянія. Простите! Несомнѣнно ожидаю, что вы возвратитесь съ Великой Княгиней. Ольгѣ Николаевнѣ надобны будутъ приверженность всѣхъ и духовная ваша подпора. Много грустныхъ впечатлѣній ее ожидаетъ. Отвратить ихъ нельзя. Но усладить соучастіемъ и сердечною преданностію. Не забудьте духовныя книги. Теперь съ дѣтьми читаю

*) Въ поясненіе намековъ на Лицей нужно замѣтить, что послѣ смерти тестя моего Кочетова, бывшаго долгое время законоучителемъ Лицея, принцъ П. Г. Ольденбургскій очень желалъ, чтобы я поступилъ на это мѣсто. Но В. К. Ольга Николаевна не согласилась отпустить духовника своего для этого мѣста.

ежедневно *Слова Инокентія на Свѣтлую недѣлю*, и болѣе и болѣе ими плѣняемся». И въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ отъ 20-го Апрѣля князь проситъ меня о доставленіи ему книгъ духовнаго содержанія, прибавляя при этомъ: «Мы во время Страстной и Свѣтлой всякій день читали по слову съ назиданіемъ и пользою, и мнѣ желательно сохранить этотъ обычай, обратившійся для меня въ нужду». 26-го Апрѣля 1854 года князь въ послѣдній разъ писалъ мнѣ изъ Стутгарта: «Вотъ послѣднія мои вамъ строки въ Петербургъ. Полагаю, что вашъ отъѣздъ наступаетъ... Увѣренъ, что передъ отъѣздомъ вы посѣтите Е. Н. Пещурову, которая весьма желаетъ васъ видѣть еще разъ по крайней мѣрѣ и готовитъ нѣкоторыя для меня бумаги духовнаго содержанія. Посылаю вамъ двѣ выписки изъ послѣднихъ ея сообщеній, которыя меня особенно поразили, особливо Французская, по сродству чувствъ: «Страшно видѣть человѣка, избалованнаго счастіемъ и неприготовленнаго къ таинствамъ загробнаго бытія, когда смерть налагаетъ на него ледяной перстъ свой и отмѣчаетъ его вдругъ разрушительною печатью; но смотрѣть, какъ потухаетъ жизнь страдальца міра сего, у котораго ничего не остается кромѣ высшаго обѣтованнаго блаженства, кромѣ надежды на милосердіе Божіе—о, это совсѣмъ другое! Да, смерть или безобразный скелетъ съ острою косою, или свѣтлый ангелъ, разрѣшающій земныя узы, или душная и тѣсная яма, называемая могилой, или радужныя крылья, уносящія въ безпредѣльную вѣчность.... Souvent, quand je sculpte un block et que je le fais jaillir en éclats autour de moi, je plains le pauvre marbre, et pour le consoler je lui dis: Va, je te blesse, mais c'est pour essayer de te faire éternel de beauté. Eh bien: il est un sculpteur plus sûr et plus maître que moi, que Michel-Ange et que Fidias: Dieu. Son marbre à Lui c'est l'homme, la douleur est son ciseau. Et quand je souffre et que je sens partir et tomber des morceaux entiers de moi-même, je me dis: Voilà que Dieu travaille à mon âme et daigne la faire meilleure et plus grande. Merci, mon Dieu! *) Въ этой послѣдней выпискѣ князь чувствовалъ, сознательно или нѣтъ, что онъ находился въ этой лабораторіи Промысла, Который наносилъ его душѣ послѣдніе удары рѣзца Своего, готовя сдѣлать изъ него сосудъ, достойный того почетнаго употребленія, на которое уже послѣдовало и Его опредѣленіе. Возвращаясь изъ Петербурга, я скоро везъ съ собою и депеши, содержавшія назначеніе князя Горчакова быть участникомъ конгресса, состоявша-

*) Часто, когда я занимаюсь ваяніемъ и вокругъ меня летаютъ блестки, мнѣ жаль бѣднаго мрамора, и въ утѣшеніе ему я говорю: Ну, дроблю я тебя; но это съ тою цѣлью, чтобы ты былъ на всегда прекрасенъ. Но есть ваятель болѣе надежный и искусный, нежели Микель-Анжело, нежели Фидій: Богъ. Ему мраморомъ служитъ человѣкъ, и Его рѣзецъ—это скорбь. А когда я страдаю и чувствую, какъ отпадаютъ цѣлыя части меня самаго, я говорю: Вотъ, Богъ работаетъ надъ моею душою и благоволитъ улучшать и подымать ее. Благодарю, мой Боже!

гося въ Вѣнѣ по дѣламъ нашихъ споровъ о святыхъ мѣстахъ съ западными державами. Какъ бы предчувствуя это капитальное измѣненіе въ служебной своей карьерѣ, князь выѣхалъ съ дѣтьми ко мнѣ на встрѣчу за нѣсколько станцій отъ Стутгарта, и тутъ же въ вагонѣ дрожавшими отъ нетерпѣнія руками распечаталъ депеши и, прочитавъ содержаніе ихъ, набожно перекрестился.

Новое, важное по тогдашнему положенію нашихъ дипломатическихъ сношеній назначеніе князя Горчакова потребовало его личнаго присутствія въ Петербургѣ, и онъ, оставивъ дѣтей на моемъ попеченіи, отправился въ Россію. 8 го Іюня 1854 года онъ писалъ мнѣ оттуда съ Каменнаго острова, гдѣ жилъ на дачѣ графа Бобринскаго: «При отъѣздѣ г. Титова два благодарственныя слова за письмо ваше. Болѣе писать нѣтъ времени. Молитесь за меня. Отвѣтственность великая лежитъ на мнѣ. Силы ожидаю только отъ Бога и всякій день молю, да осѣнитъ смиренно-вѣрующую въ него Россію. Я чрезвычайно усталъ, но здоровье поддерживается. День отъѣзда не установленъ, но недалекъ. Отъ своихъ дѣтей продолжаю имѣть успокоительныя извѣстія. Поручаю ихъ особенно вамъ. Съ дѣтьми Пушкиными [1]) мы въ дружескихъ и съ ихъ стороны весьма почтительныхъ сношеніяхъ... Третьяго дня молились всѣ вмѣстѣ на гробницѣ усопшаго нашего ангела».

1 (13) Іюля князь былъ уже въ Вѣнѣ, и въ этотъ день писалъ мнѣ оттуда слѣдующее: «Еще двѣ строки отъ меня, почтеннѣйшій батюшка. Посылаю вамъ двѣ дополнительныя записки наставниковъ на счетъ дѣтей. Вы видите, до какой степени довѣряю благорасположенію вашему. Даммертъ [2]), мнѣ кажется, очень основательно судитъ. Опытность ваша и умъ и сердце графини [3]) придутъ въ помощь его стараніямъ. Призываю васъ всѣхъ для своего успокоенія. Здѣсь благословеніе Господне продолжаетъ покровительствовать моимъ стараніямъ. Дѣла были такъ испорчены и человѣческія силы оказались такъ недостаточными для поправленія оныхъ, что я самъ себѣ совершенно ничего приписать не могу, и что я смиренно принимаю милосердіе, изливаемое на ничтожное орудіе. Упрочится ли добро? Въ высшей волѣ. По сіе время оттѣнокъ лучшаго, хотя и слабо, сохраняется. Простите и не забывайте меня въ своихъ молитвахъ». Это письмо и рядъ послѣдующихъ изъ Вѣны были писаны подъ диктовку князя рукою князя С. Н. Голицына, взятаго кн. Горчаковымъ съ собою въ Вѣну въ качествѣ секретаря на конгрессѣ. Содержаніемъ всѣхъ этихъ писемъ были почти исключительно заботы князя о воспитаніи его дѣтей. Это святое дѣло

---

[1]) Т. е. съ графами и графинею Мусиными-Пушкиными, пасынками и падчерицею князя Горчакова. П. Б.

[2]) Французскій гувернеръ дѣтей. Кромѣ его при нихъ былъ Русскій, г. Докучаевъ.

[3]) Графини Екатерины Ивановны Игельстромъ, рожд. гр. Мусиной-Пушкиной. П. Б.

такъ занимало его, что онъ находилъ время среди высшихъ дѣлъ государственныхъ слѣдить за ихъ уроками и поведеніемъ. Какъ гувернеры, такъ и я, въ качествѣ ихъ законоучителя, каждонедѣльно должны были препровождать князю въ Вѣну полный отчетъ обо всемъ, чтó происходило въ классной и дѣтской комнатахъ его мальчиковъ. И на все онъ давалъ свои отзывы, свои указанія, свои совѣты. Вотъ для образчика одно изъ такихъ писемъ: «Вѣна 9 (21) Іюля 1854 г. Душевно благодарю васъ за письмо ваше отъ 4 (16) Іюля. Для васъ и семейства радуюсь отдыху у Констанскаго озера. По эгоизму не могу не жалѣть, что дѣти мои лишаются отцовскаго вашего высшаго надзора. Ваше присутствіе въ Стутгартѣ служило мнѣ успокоеніемъ. Вы меня много утѣшили мнѣніемъ вашимъ на счетъ дѣтей. Гувернеры судятъ по своей точкѣ зрѣнія; но ни одинъ, ни другой не имѣютъ опытности въ воспитаніи, и психологическій взглядъ ихъ ограниченъ. Чтó касается до развлеченій, я, какъ уже сказалъ, вполнѣ съ вами согласенъ. Объ издержкахъ маловажныхъ и рѣчи быть не можетъ. Итакъ, посовѣтовавшись съ графинею, устройте какъ заблагоразсудите прогулки ихъ; только я очень желаю, чтобы *ночей* они не проводили внѣ дома. При соблюденіи этого обстоятельства я на все прочее разрѣшаю. Также надѣюсь, что при весьма жаркихъ дняхъ соблюдена будетъ осторожность не подвергать дѣтей палящему солнцу. Надѣюсь, что строки эти застанутъ васъ еще въ Стутгартѣ и что вы успѣете оказать мнѣ сію услугу. Послѣ завтра мы будемъ съ вами мыслію и сердцемъ, когда вы будете молиться за нашу Великую Княгиню. Я вполнѣ проникнутъ важностію словъ вашихъ и чувствую на себѣ всю силу и истину оныхъ. На пути моемъ встрѣтились и встрѣчаются почти ежедневно, повидимому, непреодолимыя препятствія; но какъ-то по сіе время всегда неожиданно сглаживается дорога, и если рѣшительныхъ, окончательныхъ успѣховъ еще нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, обратнаго шагу не сдѣлано. Все это несомнѣнно приписать себѣ не могу и не приписываю. Одно меня страшитъ—мнѣ трудно повѣрить, что столь недостойное орудіе было бы избрано для такого важнаго дѣла! Правда, что и глиняный сосудъ можетъ Высшею волею быть назначенъ для драгоцѣннаго употребленія. Избраніе таковаго служило бы яснѣйшимъ доказательствомъ всемогущества Божьяго. Поручаю себя и дѣтей молитвамъ вашимъ».

Въ томъ же смыслѣ князь писалъ мнѣ (на этотъ разъ собственноручно) изъ Вѣны отъ 10-го Іюля: «Во всемъ соглашаюсь, чтó вы сочтете полезнымъ для сердца или для здоровья дѣтей, и вполнѣ разрѣшаю. Замѣните въ этомъ отношеніи меня, но непримѣтно, чтобы не ослабить власть гувернеровъ, непримѣтно, однако *дѣйствительно*. Давъ вамъ полную власть, въ подробности не вхожу, и увы — даже

времени не имѣю. Посылаю вамъ два отчета гувернеровъ, изъ которыхъ яснѣе увидите и взглядъ этихъ господъ и недостатки дѣтей. Такъ какъ вы принимаете въ нихъ живое участіе, за которое сердце мое чувствомъ отплачиваетъ сторицею, вы извлечете изъ этихъ подробностей соображенія для пользы дѣтей. Разумѣется, что при жаркой погодѣ должно уменьшить число уроковъ и давать отдыхи... Здѣшняго священника только разъ видѣлъ. Его хвалятъ и уважаютъ. Но васъ у меня *никто* замѣнить не можетъ, и нѣтъ часа во днѣ, въ которомъ не жалѣю о потерѣ вашей бесѣды. Не оставляйте меня своими письмами... Здѣсь много для меня грустныхъ воспоминаній. Въ Вѣнѣ была заря моего угасшаго счастія. Въ здѣшней церкви насъ вѣнчали, и съ того дня я теперь въ первый разъ входилъ въ нее. Скажите Ея Выс., что Господь благословляетъ *начало* моихъ стараній. Есть лучь, но слабый еще и который виденъ только потому, что проявляется тамъ, гдѣ до сего времени была грозящая темнота. Что̀ будетъ далѣе—въ волѣ Его. Но и за этотъ даръ чрезъ меня недостойнаго посланный, да будетъ благословенно милосердіе Его! Смиренная наша Россія въ десницѣ и подъ кровомъ Его. Испросите у Ея Выс. позволенія прочесть эти строки. Ея Выс. пойметъ. Болѣе писать не могу по почтѣ».

Между тѣмъ пребываніе князя Горчакова въ Вѣнѣ изъ временнаго сдѣлалось постояннымъ. Онъ назначенъ былъ посланникомъ при Австрійскомъ дворѣ на мѣсто барона Мейендорфа. Съ этимъ соединенъ былъ вопросъ и о переселеніи дѣтей изъ Стутгарта въ Вѣну. Предвидя въ новой карьерѣ князя жизнь, полную житейскихъ заботъ и свѣтскихъ обязанностей, я подалъ мысль, не хорошо ли было бы теперь, когда дѣтямъ недостаетъ материнскаго попеченія и когда отецъ по новымъ своимъ обязанностямъ едва ли будетъ имѣть достаточно времени вести ихъ воспитаніе лично, помѣстить ихъ въ учебно-воспитательное заведеніе въ Россіи, особенно въ Лицей, изъ котораго вышелъ самъ знаменитый ихъ родитель. На это князь Горчаковъ отвѣчалъ мнѣ обстоятельнымъ письмомъ изъ Вѣны отъ 9 (21) Августа 1854 г. слѣдующее: «Послѣднее письмо ваше—новое для меня доказательство пастырскаго и, осмѣлюсь прибавить, дружескаго расположенія вашего ко мнѣ и къ сиротамъ моимъ. Важный предметъ, къ которому оно относится, причинилъ уже мнѣ немало тяжкихъ думъ и борьбы душевной. Все сообразивъ, я остановился на мысли, доколѣ есть возможность, оставить дѣтей у себя до университета. Въ бытность мою въ Петербургѣ я оглядѣлся, взвѣсилъ «pro и contra», и выбралъ, по моему убѣжденію, меньшее зло. Въ этихъ лѣтахъ поручить мнѣ ихъ некому, т. е. такимъ образомъ, чтобы долгъ былъ исполненъ, какъ сердце мое понимаетъ и какъ я обѣтовалъ умирающей матери. Замѣчаніе ваше совершенно справедливо: дѣтей, а именно Мишу, окунуть въ Русскую воду должно... Вы ихъ поняли, можетъ быть, лучше

самого отца. Но въ этой водѣ безъ присмотра много мутнаго, того, отъ чего послѣ души омыть нельзя. Это впрочемъ, не будь сказано въ укоръ Россіи: тоже происходитъ вездѣ и во всѣхъ общественныхъ заведеніяхъ вдали отъ родительскаго глаза. Отъ односторонности же можно вылечить постепенно, гдѣ бы ни производилось воспитаніе. Занятія мои, правда, многочисленны; но при образѣ жизни моей, посвятивъ себя исключительно долгу, останется довольно времени для высшаго надзора за дѣтьми. Комнаты имъ будутъ отведены рядомъ со мною; одна дверь отдѣлять насъ будетъ днемъ и ночью. Конечно большую беру на себя отвѣтственность и не знаю, достаточно ли силъ моихъ; но и тутъ, какъ во всемъ, полагаюсь на милость и благодать Божію, столь чудно меня поддерживающія какъ въ опустѣломъ семейномъ быту, такъ и въ трудныхъ государственныхъ обязанностяхъ. Болѣе чѣмъ когда-либо приходятъ теперь минуты, гдѣ сердцу необходимо отдохнуть, гдѣ присутствіе дѣтей будетъ мнѣ великимъ облегченіемъ. Не этимъ эгоистическимъ началомъ я единственно руководствуюсь, но тѣмъ, что, мнѣ кажется, душа княгини будетъ отъ того покойнѣе. Сердце дѣтей легче предохранится отъ преждевременной порчи, а *Русскій духъ*, ежели не весь, мыслію и обычаемъ они вдохнутъ въ домѣ моемъ, гдѣ бы онъ географически ни находился. Такъ какъ причины, побуждающія меня, чисты, сколько я могу разобрать ихъ источникъ, то надѣюсь, что и Всемогущій Богъ поддержитъ меня Своимъ благословеніемъ... Въ теченіе Сентября полагаю самъ на нѣсколько дней быть въ Стутгартѣ; когда именно, будетъ зависѣть отъ политическихъ событій. Во всякомъ случаѣ отдаленіе дѣтей отъ меня не будетъ продолжительно; потерянное же, какъ вамъ извѣстно, было неизбѣжно, и мы поставимъ его на счетъ тѣхъ пожертвованій, которыя въ сей годинѣ каждый изъ насъ приноситъ Россіи. Передъ отъѣздомъ дѣтей изъ Стутгарта буду васъ просить сдѣлать перечень пройденнаго съ ними, какъ по катехизису, такъ и по Священному Писанію, вообще очеркъ даннаго вами имъ направленія. Эта нить мнѣ необходима для передачи здѣшнему священнику. По сіе время я мало его видѣлъ по занятіямъ; но онъ, увѣряютъ, строгихъ правилъ и пылкой вѣры. Мало-по-малу болѣе ознакомимся. Васъ же никто и никогда въ сердцѣ моемъ не замѣнитъ. Между нами связь загробнаго воспоминанія, и часто говорю самъ себѣ, что болѣе бы чувствовалъ въ себѣ силы, ежели бы могъ остаться подъ вліяніемъ вашихъ словъ и вашего примѣра».

Какъ князь, будучи нѣжнымъ отцомъ, умѣлъ держать въ строгости своихъ дѣтей, когда то было нужно, можно видѣть изъ слѣдующаго письма ко мнѣ изъ Вѣны отъ 19 (31) Августа того же года, письма̀, хотя и интимнаго, касающагося самыхъ семейныхъ отношеній,

но тѣмъ не менѣе вполнѣ освѣщающаго нравственный характеръ человѣка, ставшаго вскорѣ на стражѣ народныхъ интересовъ Россіи. «Благодарю васъ, писалъ онъ мнѣ (въ первый разъ въ сдержанномъ тонѣ) за письмо отъ 15 (27). Я никогда не ошибаюсь въ чувствахъ, руководящихъ перомъ вашимъ, и всегда съ искреннею благодарностію принимаю и приму совѣты и намеки на счетъ дѣтей. Маленькій бунтъ М. никакъ допустить не могу. Отъ дѣтей требую безпрекословнаго повиновенія. Причина, побудившая меня отказать отъ поѣздки, была двоякая: во 1-хъ, оба наставника на счетъ успѣховъ ихъ нехорошо отзывались, и награжденіе было бы незаслуженное; а во 2-хъ, я не желалъ поѣздки въ Гейдельбергъ и ночеванія тамъ. Помолиться на могилѣ, гдѣ нѣсколько времени сохранялись бренные останки матери, я точно желалъ вмѣстѣ съ ними, хотя и допускаю, что замѣчаніе М. о краткости времени могло бы въ дѣйствительности состояться. Обо всемъ этомъ покорнѣйше прошу, когда вы найдете, что строптивая воля покорилась, сказать дѣтямъ съ авторитетомъ духовнаго отца... Если наставники болѣе довольны и если гр. Е. И., не заѣзжая въ Гейдельбергъ, захочетъ просто поѣхать въ Баденъ помолиться на могилѣ и увидѣться съ княгинею Радзивилъ, то я позволяю взять дѣтей съ собою на эту поѣздку, при которой даже не нужно брать съ собою никакого гувернера. Итакъ благоволите распорядиться по этому дѣлу, но *не иначе* какъ въ *точномъ* смыслѣ данныхъ мною нынѣ предписаній. Вознаграждать дѣтей за неудовольствіе, такъ рѣзко оказанное по случаю отцовской воли, я никакой причины не вижу, и таковую привычку дозволить въ отношеніяхъ между нами считаю въ высшей степени пагубнымъ. Слѣдовательно, данное мною нынѣ позволеніе, въ границахъ мною самимъ поставленныхъ, убѣдительно васъ прошу сообщить дѣтямъ только тогда, когда вы убѣдитесь, что воля ихъ покорилась и что они поняли вину свою. Дѣти почти ежедневно получаютъ доказательства и нѣжности моей и желанія доставлять имъ удовольствія и развлеченія. Въ первый разъ, по причинамъ мною взвѣшеннымъ и въ которыхъ отчетомъ никому не обязанъ, я не согласился на одно ихъ желаніе, и воля ихъ не умѣла перенести эту первую неудачу. Въ этомъ они должны раскаяться искренно, вполнѣ, передъ вами, какъ передъ духовнымъ отцомъ. Если вы этимъ раскаяніемъ довольны будете, тогда только объявите имъ милость свою позволить съѣздить прямо изъ Стутгарта въ Баденъ *безъ Гейдельберга*. Вы видите, съ какою довѣренностію я позволяю себѣ располагать вашимъ къ намъ благорасположеніемъ».

Вслѣдъ затѣмъ князь, среди самыхъ горячихъ заботъ политическихъ, шлетъ мнѣ изъ Вѣны отъ 29-го Августа *два слова* въ дополне-

ніе своихъ заботъ о нравственномъ воспитаніи дѣтей своихъ. «Два слова, пишетъ онъ, передъ самымъ отправленіемъ къ обѣднѣ, при которой я просилъ о. Раевскаго совершить особенную молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Нынѣ долженъ быть разгаръ кровавыхъ битвъ подъ Севастополемъ и въ Крыму. Телеграфъ увѣдомилъ, что Англо-Французскій флотъ 3-го числа отправился по тому направленію; собственная цѣль этихъ строкъ—успокоить васъ на счетъ позволенія даннаго дѣтямъ. Я съ вами согласенъ; только убѣдительно васъ прошу, по возвращеніи дѣтей изъ Бадена, извлечь изъ обстоятельства нашего съ вами къ нимъ снисхожденія всевозможное благодѣтельное вліяніе на нравъ и характеръ ихъ».

Вотъ еще одно письмо, отъ 18 (30) Сентября: «Сегодня ограничусь предметомъ дѣтей. На счетъ ихъ я сильно тревожусь и часто даже лишаюсь ночнаго сна, что́ должно уменьшать спокойствіе духа и ума, столь необходимое для меня въ трудномъ моемъ положеніи. По совѣсти я сдѣлалъ все, что́ въ силахъ моихъ. Не жалѣлъ ни себя, ни издержекъ. Но по сіе время едвали могу надѣяться приближенія къ цѣли. Чему приписать, не знаю. При двухъ наставникахъ, единственно имъ посвященныхъ, надзоръ какъ умственный, такъ и нравственный конечно долженъ бы быть дѣйствительнѣе, чѣмъ въ публичномъ заведеніи. И самые уроки должны бы быть успѣшнѣе, когда вниманіе преподавателя устремлено на одного ученика, чѣмъ когда сей послѣдній долженъ уловить то, что́ съ каѳедры падаетъ на толпу. Межъ тѣмъ успѣхи дѣтей, по донесеніямъ наставниковъ, весьма незначительны. . . . . . Если успѣхи не будутъ соотвѣтствовать всѣмъ нашимъ стараніямъ, то можетъ быть, наконецъ, противу собственнаго убѣжденія, я постараюсь свыкнуться съ мыслію отдать дѣтей на воспитаніе въ Россію, хотя по сіе время, откровенно вамъ скажу, совсѣмъ не вижу, какъ согласовать такое рѣшеніе съ пользою дѣтей и съ желаніемъ усопшей матери. Во всякомъ случаѣ въ разговорѣ съ дѣтьми укажите имъ вновь на эту будущность, неизбѣжную для нихъ, ежели они отъ наставниковъ не получатъ лучшаго свидѣтельства. Одно выраженіе въ письмѣ вашемъ особенно меня поразило. Вы говорите, что дѣти слишкомъ давно въ переходномъ положеніи, на полудорогѣ. Почему это положеніе переходное? Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ я устроилъ и надзоръ и ученіе ихъ такъ, чтобы отсутствіе мое было бы безъ вліянія на нихъ. Наставникамъ была мною передана вся моя власть во всѣхъ отношеніяхъ, и дѣти знали, что противъ этой власти не могутъ устоять никакія отговорки съ ихъ стороны. Болѣе я сдѣлать не могъ. И здѣсь, когда дѣти будутъ со мною, едва ли будетъ мнѣ возможно имѣть большее вліяніе на успѣхи въ

урокахъ. И что тогда? Признаюсь вамъ, что въ теперешнюю минуту это самый тяжелый крестъ мой. Молитесь со мною, чтобы онъ мнѣ облегченъ былъ. Радости въ жизни я не имѣю и не ищу, но желалъ бы нѣсколько спокойствія и убѣжденія, что семейныя обязанности исполняются согласно съ волею Божіею. Отвѣта изъ Петербурга еще не имѣю, и начинаю сомнѣваться, дадутъ ли мнѣ позволеніе даже кратковременно удалиться въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Ежели нѣтъ, или если я самъ убѣждусь, что отсутствіе мое можетъ повредить, тогда дѣти безъ личнаго моего сопровожденія пріѣдутъ въ Вѣну непремѣнно въ теченіе Октября. Много надѣюсь отъ разговоровъ вашихъ съ дѣтьми, которыя всегда такъ охотно и усердно принимаютъ увѣщанія ваши. Но при ихъ лѣтахъ настойчивость необходима; иначе борозда на водѣ».

По переѣздъ дѣтей изъ Стутгарта въ Вѣну былъ отложенъ на нѣкоторое время вслѣдствіе появившейся въ Вѣнѣ холеры. Князь писалъ мнѣ по этому поводу отъ 3 (15) Октября изъ Вѣны: «Благодарю васъ отъ души за письмо ваше отъ 11-го Октября. При отъѣздѣ дѣтей чувствительно буду вамъ благодаренъ за наиподробнѣйшее начертаніе вашихъ наблюденій и мыслей на счетъ воспитанія дѣтей и ошибочнаго направленія, вами замѣченнаго. Все, что вы мнѣ скажете на сей счетъ, принято будетъ съ неограниченною благодарностію. По моему мнѣнію главная—не ошибка, но бѣда, что ни одинъ изъ наставниковъ (люди впрочемъ нравственные и хорошіе преподаватели) не соотвѣтствуетъ главной цѣли воспитанія и не оправдалъ въ этомъ отношеніи возложеннаго на нихъ довѣрія. Правда, что я долженъ былъ самъ это предусмотрѣть при молодой неопытности одного, при нравѣ другаго. Но я надѣялся, что оба, въ особенности Д., какъ Русскій, поняли бы, что, при возложенномъ на меня порученіи, долженствующемъ имѣть вліяніе на положеніе всей Европы, имъ слѣдовало бы приложить всѣ силы, чтобы свято оправдать оказанное имъ довѣріе по христіанской совѣсти. Худаго ни одинъ, ни другой ничего не сдѣлали, но упущеній много, и въ лѣтахъ дѣтей моихъ это весьма важно. Вы сами знаете, что при быстромъ отъѣздѣ моемъ изъ Стутгарта я не имѣлъ никакихъ средствъ иначе распорядиться, и что даже, при положительныхъ увѣреніяхъ обоихъ гувернеровъ, я могъ удалиться съ нѣкоторымъ спокойствіемъ. Признаюсь вамъ, что при такихъ рѣшительныхъ для всей Россіи обстоятельствахъ и при дѣятельномъ моемъ участіи въ будущихъ судьбахъ нашихъ я никакъ не полагалъ, что Д. ограничится должностію учителя, на которую я согласился изъ снисхожденія при сохраненіи ему всѣхъ выгодъ, первоначально назначенныхъ полному воспитателю. Въ такихъ критическихъ минутахъ

умѣнье проистекаетъ изъ сердца. Но оставимъ это. Теперь дѣло идетъ о настоящемъ. При болѣе и болѣе распространяющейся здѣсь холерѣ мнѣ и думать нельзя о призваніи дѣтей, и даже не могу ни предвидѣть, а еще менѣе назначить время, когда возможность представится къ ихъ переселенію; слѣдовательно непремѣнно должно устроить такъ въ Стутгартѣ, чтобы это драгоцѣнное время не было потеряно для дѣтей, ихъ ученія, и чтобы нравственность ихъ была вполнѣ ограждена. Неужели между друзьми моими, поставляя васъ и князя Голицына въ первомъ ряду, не найдутся, которые примутся за это столь важное сердцу моему дѣло и устроятъ сколь возможно до того времени, какъ я самъ буду мочь дѣйствовать? Право, надобно имѣть исполинскія силы душевныя, чтобы при таковыхъ семейныхъ потрясеніяхъ сохранить твердость духа и ясность мыслей, столь для важнаго моего Русскаго дѣла необходимыя. Прошу всѣхъ друзей моихъ имѣть это въ виду. Къ чему служитъ, если мнѣ подробно излагается, что то и то нехорошо идетъ? Помочь отсюда не могу, а сердце страждетъ и духъ ослабѣваетъ. Повѣрите ли, что доходитъ до того, что видъ Стутгартскаго штемпеля на письмахъ производитъ грусть до вскрытія письма. И такъ усерднѣйше васъ всѣхъ прошу не молчать, чтó было бы еще хуже, но употреблять ваше вліяніе для устраненія того, чтó вкралось въ мое отсутствіе... Когда дѣтей призову сюда? Самъ долго ли останусь здѣсь и? Не придется ли прежде самому съ вами сблизиться въ Стутгартѣ? Все это въ рукахъ Божіихъ и сокровенно отъ человѣческой проницательности. Здѣсь положеніе такого рода, что на прочность пребыванія вовсе считать нельзя. Простите; если бы имѣлъ васъ подъ рукою, охотно бы приступилъ къ исполненію духовныхъ обязанностей. Въ послѣднее время онѣ меня сильно подкрѣпляли, какъ вамъ извѣстно. Вновь болѣе и болѣе чувствую нужду. Хотя въ отношеніи дѣятельности умственной жизнь моя не походитъ на Стутгартскую, о которой вы вспоминаете, но въ общественномъ живу уединенно, въ той же кельи и съ тѣми же грустными мыслями. Не могу сказать, чтобы съ 18-го Іюня 1853 года *) нашелся для меня одинъ день, концу котораго я бы не радовался».

Наконецъ настало время переселенія семейства кн. Горчакова въ Вѣну, и почти наканунѣ отправленія дѣтей изъ Стутгарта онъ писалъ мнѣ отъ 25 Октября (6 Ноября) слѣдующее: «Давно отъ васъ ни слова. Я такъ свыкся съ вашимъ голосомъ, что весьма грустно отъ вашего молчанія. Дѣти пишутъ, что вы были нездоровы, но слава Богу оправились. Время отправленія ихъ сюда приближается. Отпу-

---

*) День кончины супруги князя Горчакова.

стите ихъ съ благословеніемъ и наканунѣ отъѣзда помолитесь съ ними въ нашей церкви. Чтó мнѣ и имъ предстоитъ, Богу одному извѣстно. Я увѣренъ, что ни я, ни они не будутъ и въ отсутствіи забыты въ молитвахъ вашихъ. Мой образъ жизни здѣсь весьма похожъ на тотъ, который мы вели вмѣстѣ въ Стутгартѣ. Только васъ нѣтъ, и эту потерю никто и ничто не замѣнитъ и замѣнить не можетъ. Утро проходитъ въ разгарѣ дѣлъ по службѣ, а вечеръ я почти всегда одинъ съ книгами и съ мыслію о прошедшемъ и о будущемъ, желая какъ можно менѣе занятія настоящимъ, до личности моей касающимся. Вновь усерднѣйше васъ прошу снабдить въ запечатанномъ пакетѣ дѣтей подробнымъ описаніемъ пройденныхъ ими съ вами предметовъ, указаніемъ на систему вашу и личными замѣчаніями на счетъ характера каждаго изъ нихъ. Въ этомъ будетъ драгоцѣнная нить для отца Раевскаго, а для меня новое, но надѣюсь не послѣднее, доказательство вашего благоволенія ко мнѣ и сердечныхъ чувствъ къ дѣтямъ. За это да вознаградитъ васъ Богъ въ собственныхъ вашихъ! Здѣсь политическій горизонтъ еще такъ сумраченъ, что самый зоркій глазъ непосредственной будущности проникнуть не можетъ. Общее чувство, какъ мое, такъ и всѣхъ моихъ соотечественниковъ, принимать съ умиленною благодарностію дарованные Богомъ успѣхи и не унывать, когда рука Его караетъ за грѣхи наши. Поцѣлуйте отъ меня дѣтей вашихъ и вѣрьте всегдашней моей къ вамъ преданности».

Съ переѣздомъ дѣтей въ Вѣну моя непосредственная переписка съ княземъ почти прекратилась, и только на мое поздравленіе съ новымъ годомъ князь Горчаковъ еще разъ отвѣчалъ мнѣ собственноручно. Въ этомъ письмѣ выражается вся его натура, порывистая отъ природы, но еще смиренная его благочестивымъ настроеніемъ. Вотъ это письмо: «Вѣна 6 (18) Января 1855. Благодарю васъ отъ души, почтеннѣйшій батюшка, за воспоминаніе о мнѣ и дѣтяхъ по случаю новаго года. Сохраните намъ и въ наступающемъ пастырскія ваши молитвы и дружеское расположеніе. Господь ко мнѣ милостивъ не по заслугамъ. Смертію послѣдней сестры моей *) испыталъ Онъ повиновеніе безусловное къ волѣ Своей. Благословляя общественный путь мой, не мною самопроизвольно избранный, доказываетъ, что, принявъ сію тяжелую ношу единственно въ надеждѣ, что сила Господня меня не оставитъ, я не положился на слабую мудрость земную. Приближаемся къ мирнымъ переговорамъ. Многое сдѣлано. Болѣе еще остается совершить. Иду своей дорогой спокойно, твердо. Благодаря за прошедшее, уповаю на будущее. Семейная моя жизнь безоблачна. Дѣти милы и во всѣхъ отношеніяхъ меня удовлетворяютъ. Имъ нуженъ былъ отцовскій глазъ,

*) Княгини Елены Михаиловны Кантакузенъ, тещи Н. К. Гирса. И. Б.

и вліяніе его оказалось почти немедленно. Натура ихъ хороша. Незабвенная мать много посѣяла лучшихъ зеренъ. Всѣмъ они ей обязаны. Мнѣ остается только развертывать и не портить. Всѣ мы поручаемъ себя молитвамъ вашимъ. Не оставляйте письмами».

Изъ писемъ молодыхъ князей Горчаковыхъ ко мнѣ можно было видѣть, что отецъ ихъ, успокоившись на счетъ упорядоченнаго теперь воспитанія дѣтей его, весь предался своимъ служебнымъ занятіямъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ князя Михаила Александровича отъ 4 (16) Февраля 1855-го года изъ Вѣны говорится: «Папа былъ нездоровъ, и докторъ боялся, чтобы у него не сдѣлался тифъ; но теперь онъ, слава Богу, совсѣмъ поправился. Докторъ говоритъ, что его болѣзнь произошла отъ большихъ занятій, которыя продолжались непрерывно въ теченіе трехъ недѣль и совсѣмъ истощили его силы. Дѣла идутъ здѣсь лучше, и съ Божіею помощью къ концу будущей недѣли можно ожидать открытія мирныхъ переговоровъ, если только Джонъ Россель пріѣдетъ; онъ назначенъ вторымъ Англійскимъ посломъ для переговоровъ, сегодня выѣхалъ изъ Лондона и ѣдетъ черезъ Парижъ и Берлинъ. Также ожидаютъ втораго Турецкаго уполномоченнаго. Папа очень занятъ и сегодня отправляетъ опять курьера въ Петербургъ». Кто зналъ близко князя А. М. Горчакова, тотъ можетъ себѣ представить ту лихорадочную дѣятельность, въ которой онъ долженъ былъ находиться въ данную минуту въ Вѣнѣ. Даже бывши въ Стутгартѣ посланникомъ, онъ посылалъ нерѣдко рано утромъ будить секретарей посольства, чтобы диктовать имъ ту или другую депешу, и когда одинъ изъ нихъ приходилъ къ нему въ кабинетъ, онъ уже заставалъ князя диктующимъ своему метръ-д'отелю Грюйеру. Такая у него была горячая и нетерпѣливая натура.

Между тѣмъ Россію постигъ въ эту роковую минуту тяжелый и никѣмъ неожиданный ударъ: она лишилась своего великаго Государя, Николая Павловича. Объ этомъ мнѣ писалъ князь Михаилъ Александровичъ отъ 22 Февраля (6 Марта): «Здѣсь всѣ сильно поражены этимъ ужаснымъ несчастіемъ, постигшимъ Россію. Разскажу вамъ, какъ мы здѣсь узнали о болѣзни и смерти Императора. Въ Пятницу 2-го Марта, въ 12 ч. полдня, пришла телеграфическая депеша отъ барона Будберга, въ которой сказано было: Les nouvelles sur S. M. l'Empereur sont très mauvaises. On craint une paralysie des poumons. La communion a été remise à ce matin *). Вы можете себѣ представить, какъ это извѣстіе поразило папа! Онъ даже не думалъ, что Государь нездоровъ. Въ 5 часовъ вечера приносятъ письмо отъ здѣшняго Прусскаго посланника, графа Арнима, въ которомъ сказано было: Je reçois

*) Извѣстія о Государѣ очень дурны. Опасаются паралича легкихъ. Причащеніе отложено на нынѣшнее утро.

a l'instant une dépêche télégrafique, qui m'annonce que l'Empereur va au plus mal, que S. M. a communié et que l'on attend sa mort prochaine [1]). Въ 7 часовъ вечера приносятъ депешу телеграфическую въ цифрахъ, но къ несчастію не могли ее дешифрировать, потому что въ ней были ошибки. Въ 7½ часовъ Прусскій посланникъ присылаетъ къ папа письмо, чтобы объявить ему, что S. M. l'Empereur est mort aujourd'hui à midi un quart. Вы можете себѣ вообразить, какъ мы всѣ были поражены. Это ужасно! Тотчасъ послали сказать о. Раевскому, чтобы онъ пришелъ прочитать молитву. Почти всѣ Русскіе собрались у насъ. Послѣ пришло множество Австрійцевъ, которые сначала не хотѣли вѣрить этому ужасному несчастію. Въ Субботу была панихида, при которой присутствовали всѣ Русскіе и множество Сербовъ. Послѣ службы папа былъ у Императора, который весьма огорченъ и пораженъ смертію нашего Государя».

«Христосъ воскресе! писалъ мнѣ князь-отецъ отъ 24 Марта (5 Апрѣля). Благодарю васъ сердечно за письмо отъ 13 (25) Марта. Отголосокъ отъ васъ всегда возбуждаетъ во мнѣ сладостно-горестное воспоминаніе прежнихъ дней и сожалѣніе, что не дано мнѣ продолжать съ вами, рука въ руку, общее шествіе къ конечной цѣли! Минуты унынія, по милости Божіей, уменьшаются, но радужныхъ цвѣтовъ нѣтъ болѣе въ жизни, и какъ-то все сѣро. Чрезвычайное и ежедневное напряженіе умственныхъ силъ для высокой цѣли нѣсколько меня поддерживаетъ. Достигнемъ ли оной? Объ этотъ ничего рѣшительнаго сказать нельзя; но роковая минута болѣе и болѣе приближается, и черезъ двѣ или три недѣли свѣту будетъ извѣстно, чтó предстоитъ ему въ неотдаленной будущности. Между тѣмъ мы здѣсь приготовляемся очистить сердце и облегчить душу. Завтра въ одно и тоже утро съ Мишей исповѣдуемся и причастимся. Константинъ горюетъ, что не можетъ говѣть. Онъ еще такъ слабъ, что только на короткое время оставляетъ постель. Впрочемъ, Господь милостивъ! Я болѣе основательныхъ безпокойствъ не имѣю на счетъ его, а остальное—дѣло времени и ранней весны.—Великая Княгиня не забываетъ меня изъ Петербурга. Письма Ея Высочества дышатъ такою твердостію, такимъ смиреннымъ терпѣніемъ, что Богъ одинъ могъ дать пораженной душѣ такую необычайную силу. Вообще Духъ Господень паритъ надъ Зимнимъ Дворцомъ. Государь очевидно дѣйствуетъ подъ благословеніемъ Духа Всевышняго. Да озарится все царствіе Его тѣмъ свѣтомъ, которымъ благословляется начало!»

Въ Апрѣлѣ 1856 года мнѣ пожалованъ былъ первый орденъ, Анны 2-й степени, и по этому случаю князь Михаилъ Александро-

---

[1]) Получаю сейчасъ телеграфическую депешу о томъ, что Государю все хуже; Его Величество причастился, и ждутъ скоро кончины его.

[2]) Государь скончался сегодня въ часъ съ четвертью.

вичъ меня поздравлялъ съ монаршею милостью. На этомъ письмѣ отъ 6 (18) Мая князь-отецъ приписалъ: «И я отъ всей души васъ поздравляю. Благо, что все это—ничтожные звуки земнаго тщеславія! Но вниманіе царское драгоцѣнно». И, дѣйствительно, князь Горчаковъ стоялъ, по крайней мѣрѣ, старался ставить себя выше этихъ земныхъ отличій, никогда иначе не указывая на эти блестки, какъ съ видомъ сожалѣнія, и умирая, онъ давалъ завѣщаніе своимъ сыновьямъ, чтобы при гробѣ его не было выставляемо никакихъ знаковъ отличія, что́ и было исполнено буквально при его погребеніи, хотя на это нужно было испросить особое Высочайшее соизволеніе.

Послѣднее письмо ко мнѣ отъ князя, писанное подъ его диктовку старшимъ сыномъ его, было отъ 28 Февраля (11 Марта) 1856 года, передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ. «Не хочу отправиться въ дальній путь, писалъ онъ мнѣ, не испросивъ вашего благословенія и не поручивъ себя вашимъ молитвамъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ уже второй разъ обязанности службы отзываютъ меня отъ дѣтей. Это грустно и едва ли совмѣстимо съ моими семейными обязанностями. Но волѣ Божіей и царской должно повиноваться. Надѣюсь впрочемъ, что въ послѣдній разъ подвергаюсь такому тяжкому испытанію. Я счелъ долгомъ исповѣдаться и причаститься передъ отъѣздомъ, также и въ надеждѣ, что въ пріобщеніи святыхъ таинъ найду крѣпость и умѣнье. Онѣ мнѣ нужны. Задача моя трудна. Миша пишетъ вамъ подробно. Дороги весьма нехороши и погода суровая. Дай Богъ доѣхать благополучно. Къ гробницѣ въ Сергіевской пустынѣ принесу незакрытыя раны моего сердца. Не оставьте меня вашими молитвами и поминайте ту, которая васъ такъ высоко цѣнила! Убѣдительно васъ прошу писать мнѣ въ Петербургъ. Голосъ вашъ — созвучіе незабвеннаго прошедшаго и вѣрный указатель на будущее, гдѣ нѣсть ни горя, ни печали».

Но послѣ этой поѣздки въ Петербургъ князь Горчаковъ еще вернулся въ Вѣну, и только 16 (28) Іюня онъ окончательно выѣхалъ оттуда съ дѣтьми на должность министра иностранныхъ дѣлъ, какъ это видно изъ письма ко мнѣ кн. Михаила Александровича, который подъ этимъ числомъ писалъ мнѣ: «Папа рѣшился ѣхать сегодня вечеромъ въ 7½ часовъ, и мы останемся нѣсколько дней въ Дрезденѣ и Берлинѣ, а 24 Іюня (6 Іюля) отправимся изъ Стетина на пароходѣ «Владиміръ». 8-го или 9-го Іюля н. ст. мы надѣемся быть въ Петербургѣ. Не могу сказать вамъ, сколь мысль о возвращеніи въ отечество обрадовала насъ! Слава Богу, что наконецъ, дано намъ увидѣть его и больше еще полюбить! Папа поручаетъ мнѣ изъявить вамъ свою искреннюю привязанность. Онъ весьма жалѣетъ, что долго не будетъ имѣть счастія съ вами повидаться. Отчаянныя минуты, въ которыя вы его такъ дружелюбно поддерживали, его навсегда къ вамъ привязали». Въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ молодаго князя изъ Пе-

тербурга я получалъ только поклоны отъ князя съ припискою въ родѣ слѣдующей: «Папа здоровъ. Онъ цѣлый день съ утра до поздней ночи занятъ государственными дѣлами, и мы едва имѣемъ возможность сказать ему два-три слова. Онъ поручаетъ мнѣ душевно поклониться вамъ и просить васъ не оставить его вашими молитвами».

Мало-по-малу и эта переписка прекратилась, и мнѣ приходилось имѣть сношенія съ княземъ только при свиданіи съ нимъ; при моихъ нечастыхъ поѣздкахъ въ Петербургъ или когда онъ пріѣзжалъ за границу. Въ началѣ, особенно въ Петербургѣ, онъ принималъ меня по старому. Оставляя всѣ занятія свои, онъ проводилъ со мною нерѣдко цѣлые часы въ своемъ кабинетѣ въ задушевныхъ и благочестивыхъ разговорахъ. Но послѣ, при встрѣчахъ съ нимъ за границею, я сталъ замѣчать все чаще, что въ немъ пробуждался ветхій человѣкъ. Отдаваясь всецѣло политикѣ, онъ какъ будто со страхомъ оглядывался на свое недавно прошедшее и, благоговѣя предъ святынею религіозныхъ убѣжденій, скорѣе уклонялся отъ нихъ, чѣмъ искалъ обновленія ихъ въ душѣ своей. Тѣмъ не менѣе онъ сохранялъ ихъ неприкосновенными въ глубинѣ своего сердца, и когда я уже у смертнаго одра его въ Баденѣ напомнилъ ему его извѣстную мнѣ вѣру и преданность волѣ Божіей, онъ отвѣчалъ мнѣ: «на этотъ счетъ вы можете быть покойны за меня!»

Князь Горчаковъ былъ въ глубинѣ души человѣкъ вѣрующій, и если онъ не провелъ во всей полнотѣ этихъ убѣжденій въ жизни своей, то причиною этого была та жизненная обстановка, которая увлекла его блестящій умъ въ соблазны свѣта. Тщеславія въ немъ не было, и онъ его не любилъ; но блескъ генія увлекалъ его до конца жизни. Съ развитымъ вкусомъ ко всему изящному онъ стоялъ выше всего обыкновеннаго. Патріотъ въ высшей степени этого слова, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ преданнѣйшій слуга своего Государя. Какъ христіанинъ, онъ прежде всего былъ покорный сынъ церкви. Какъ семьянинъ, онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и любящимъ супругомъ. Какъ общественный человѣкъ, онъ на самой высотѣ своего величія не измѣнилъ своихъ отношеній къ людямъ, которыхъ онъ почему-либо цѣнилъ и уважалъ, а потому всѣ тѣ, которые имѣли случай сближаться съ нимъ, уважали въ немъ эту черту его характера и за то любили его. Закрывъ глаза на человѣческія слабости, о которыхъ и въ Писаніи говорится, что нѣтъ человѣка, который бы не согрѣшилъ, еслибъ и одинъ только день былъ житія его на землѣ, мы можемъ съ національною гордостію сказать, что свѣтлѣйшій князь Горчаковъ былъ знаменитый сынъ своего отечества.

І. Базаровъ.

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКАГО.

„Успѣхи трудовъ художниковъ оцѣняются послѣ ихъ смерти“, говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ князь Александръ Александровичъ Шаховской, драматическій писатель, замѣчательный театральный дѣятель и выдающійся человѣкъ своего времени [1]). Но къ нему самому мысль его осталась непримѣненною: прошло уже пятьдесятъ лѣтъ со времени кончины князя Шаховскаго († 22 Января 1846 года), но дѣятельность его, значеніе ея въ исторіи Русской литературы и Русскаго театра не только не оцѣнены по достоинству, но и полузабыты.

Полной его біографіи до сихъ поръ не написано. Изъ неполныхъ можно указать на двѣ, заслуживающія вниманія по сообщаемымъ свѣдѣніямъ [2]) или по даннымъ для характеристики воззрѣній князя Шаховского [3]). Остальной біографическій матеріалъ представляетъ, большею частью, перепечатку анекдотовъ о театральной дѣятельности кн. Шаховскаго или статей, похожихъ на біографіи, но въ сущности такихъ же перепечатокъ безъ указанія источниковъ [4]). Извѣстные же въ печати матеріалы касаются, главнымъ образомъ, литературнаго шума, поднятаго друзьями и почитателями Карамзина и Жуковскаго по поводу комедій князя Шаховскаго *Новый Стернъ* (1805) и *Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды* (1815). Этотъ шумъ былъ „дѣломъ увлеченія, за которымъ слѣпо шелъ и Пушкинъ“, по выраженію его біографа [5]), Пушкинъ, впослѣдствіи раскаявшійся въ своихъ нападкахъ на Шаховскаго и тѣмъ показавшій, что́ значитъ судить о людяхъ и явленіяхъ заочно и подъ вліяніемъ духа партіи, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей исторіи Русской литературы [6]).

---

[1]) Письмо къ князю В. Ѳ. Одоевскому. „Русск. Архивъ“, 1864, ст. 996—998.

[2]) Зотовъ Р. „князь А. А. Шаховской“. *Репертуаръ и Пантеонъ*, 1846, № 4.

[3]) Гаршинъ Е. „Одинъ изъ забытыхъ писателей“. *Историческій Вѣстникъ*, 1883, № 7.

[4]) Такова, напримѣръ, біографическая статья, появившаяся, вѣроятно, по странному недоразумѣнію, въ такомъ солидномъ органѣ періодической печати какъ „Правительственный Вѣстникъ“ (1895, №№ 90, 91 и 92). Эта статья почти вся заимствована изъ біографіи, составленной Зотовымъ, воспоминаній Смирнова (*Репертуаръ и Пантеонъ*. 1847, т. I, кн. 1) и нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ, безъ всякой ихъ групировки и переработки. Въ статьѣ, неподписанной авторомъ, умалчивается и объ источникахъ, изъ которыхъ она переписана.

[5]) Анненковъ „А. С. Пушкинъ“. „Матеріалы для его біографіи“. Спб. 1873 г.

[6]) Лонгиновъ, М. Н. „Библіографическія Записки“ „Современникъ“, 1856, № 5, стр. 15.

Кромѣ того, въ литературныхъ матеріалахъ о Шаховскомъ значительное мѣсто отводится обвиненіямъ, воздвигнутымъ на него, какъ руководителя современнаго театра, въ интригахъ и зависти противъ Озерова, автора такъ блестяще прошедшихъ по Русской сценѣ трагедій *Эдипъ въ Аѳинахъ* и *Димитрій Донской*. Въ этомъ случаѣ обвиненія противъ Шаховскаго были гораздо тяжелѣе нападокъ, которымъ онъ подвергся за его якобы неуважительное отношеніе къ литературному направленію Карамзина и Жуковскаго. Шаховскаго считали не только убійцей таланта Озерова, трагедіи котораго *Поликсена* онъ, будто бы, помогъ провалиться, но ему же приписывали и печальный конецъ трагика, удалившагося отъ свѣта и умершаго съ помраченнымъ умомъ. О такой адской интригѣ Шаховскаго много въ свое время писали въ прозѣ и стихахъ.... Жуковскій такъ рисовалъ картину гибели Озерова:

Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями!
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
Въ нихъ зависть тернія вплела....
И торжествуетъ. Растерзали
Ихъ иглы славное чело.
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.

А Пушкинъ, въ своемъ посланіи къ Жуковскому (*Благослови, поэтъ*), Пушкинъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, не любившій Озерова и не признававшій въ немъ никакого дарованія, тоже, конечно, „заочно“ и подъ вліяніемъ „увлеченія“, вопіялъ:

Смотрите! Пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други: месть!

И такія страсти такъ близко касались Шаховского, этого добродушнѣйшаго человѣка, вспыльчиваго, но не злопамятнаго, беззавѣтно преданнаго театру и словесности, открывавшаго путь настоящимъ дарованіямъ и восторженно привѣтствовавшаго появленіе первой трагедіи Озерова.

Я нѣсколько отвлекся отъ предмета; но слишкомъ уже тяжко обвиненіе противъ Шаховского, чтобы оно не могло вызвать особенное къ себѣ вниманіе тѣхъ, кто хочетъ безпристрастно посмотрѣть на жизнь и труды Шаховского. А для его біографа будетъ одною изъ важныхъ задачъ снять съ драматурга-театрала это обвиненіе. Послѣдній чрезвычайно цѣнный матеріалъ по этому вопросу далъ „Русскій Архивъ“, въ видѣ оффиціальнаго документа, совершенно устраняющаго князя Шаховского изъ исторіи съ Озеровымъ, и въ видѣ заключенія по „дѣлу“ обвинителя - „докладчика“, князя П. А. Вяземскаго, явившагося живымъ отголоскомъ старинной литературной распри *).

*) „Русскій Архивъ“ 1869, ст. 2030–2046.

Для характеристики личности князя Шаховского найдутся черты въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова, С. П. Жихарева, Ф. Ф. Вигеля, П А. Каратыгина, А. А. Кононова и нѣкоторыхъ другихъ. Но хотя многое въ этихъ воспоминаніяхъ цѣнно, однако они недостаточно полно и ярко обрисовываютъ князя Шаховского, какъ человѣка и дѣятеля. Лучшимъ подспорьемъ для біографа были бы въ этомъ случаѣ различныя автобіографическія показанія, въ видѣ писемъ, записокъ, дневниковъ и вообще всего архива, который, вѣроятно, былъ и разнообразенъ, и обширенъ у князя Шаховского, много видѣвшаго и слышавшаго на своемъ вѣку, знакомаго со множествомъ выдающихся людей.

Тѣ изъ автобіографическихъ матеріаловъ, которые остались отъ князя Шаховского и сохранены въ печати, представляютъ много указаній для его біографіи и характеристики. Таковы письма къ С. Т. Аксакову и князю В. Ѳ. Одоевскому, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ" (1873, № 4; 1864, ст. 996—998), записки о Двѣнадцатомъ годѣ, когда кн. Шаховской, во главѣ ополченской дружины, первый вступилъ въ оставленный Французами Кремль („Русскій Архивъ", 1886, № 11 [1]), отрывки изъ письма къ князю Ѳ. П. Мещерскому („Историческій Вѣстникъ", 1883, № 7), также и отрывки изъ писемъ къ П. М. Бакуниной, напечатанныя въ „Маякѣ", 1840, № 6, и въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" 1865, № 2. Нѣкоторыя автобіографическія черты разсѣяны въ сочиненіяхъ князя Шаховского, въ предисловіяхъ къ піесамъ и статьямъ [2]).

Изъ всего этого матеріала наиболѣе любопытнымъ слѣдуетъ признать письмо кн. Шаховского къ П. М. Бакуниной, помѣщенное въ „Маякѣ". Работая надъ біографіей князя Шаховского [3]), я не могъ не обратить особеннаго вниманія на важное автобіографическое значеніе этого письма. Журналъ: *Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности. Труды ученыхъ и литераторовъ, Русскихъ и иностранныхъ*, подъ редакціею П. Корсакова и С. Бурачка, съ эпиграфомъ Luceat lux vestra coram hominibus [4]), уже и теперь составляетъ рѣдкость. Въ главнѣйшемъ Московскомъ книгохранилищѣ, библіотекѣ Румянцовскаго Музея, его совсѣмъ нѣтъ, и въ антикварной продажѣ онъ встрѣчается очень рѣдко.

Вотъ это письмо, какъ оно напечатано въ „Маякѣ".

---

[1]) Записки эти, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ напечатаны были въ „Военномъ Сборникѣ", 1864, кн. 5, и въ „Русской Старинѣ", 1889 г. Шаховской писалъ ихъ для историка Отечественной войны, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, который и пользовался ими въ своемъ описаніи.

[2]) Таковы: предисловіе къ указанной ниже *Исторіи театра*, воспоминанія о поѣздкѣ въ Парижъ, статьи по исторіи драматургіи и театра, помѣщенныя въ *Репертуаръ и Пантеонъ*, предисловіе къ *Аристофану* и др.

[3]) Для *Ежегодника Императорскихъ Театровъ*.

[4]) Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ МОЕ НАЗЕМНОЕ ПОПРИЩЕ [1]).

(Письмо къ П. М. Б.).

Наконецъ я получилъ ваше письмо и прошу у васъ, добрѣйшая П. М. [2]), прощенія за неугомонность моей дружбы; ваша безотвѣтственность сводила меня съ ума, и я, сколько помнится, написалъ къ вамъ кучу глупостей; да кто ихъ, и не бывши стихотворцемъ, не писывалъ? Чтобы заслужить или задушить скукой мою вину, хочу скорѣй исполнить мое послѣднее обѣщаніе. Я, кажется, уже писалъ вамъ о моемъ намѣреніи представить образцами разныхъ стопосложеній исторію моей умственной или лучше сказать духовной химіи; воспоминанія прошедшихъ ощущеній могутъ безъ придумокъ возбуждать мое дремлющее стихотворство и разнообразить мои обращики, которые по настоящему моему чувствованію были-бъ всѣ на одинъ унылый напѣвъ. И сверхъ того душевная жизнь поэта можетъ быть не совсѣмъ безплодною для другого поэта, хотя и не одного съ нимъ пола; но я ужъ вамъ говорилъ о замѣченномъ мною врожденномъ свойствѣ почти всѣхъ стихотворцевъ, которыми вы часто напоминаете мою молодость, хотя, признаюсь, въ гораздо лучшемъ видѣ; можетъ быть, оттого что женщины вообще лучше мущинъ, когда онѣ не хотятъ *мущинствовать*. Но дѣло не о нихъ, а о пожиломъ, чтобы не сказать старомъ, мущинѣ, котораго легкая голова и слишкомъ живое воображеніе очень долго кружились по-женски и который исповѣдью своихъ разнообразныхъ *дуростей* хочетъ вамъ сообщить разнообразныя стопосложенія. Послѣ всего вы должны знать, что я наслѣдовалъ даръ авторства отъ моей матери, которой долговременная болѣзнь помѣшала сдѣлаться истиннымъ поэтомъ; но она умѣла заронить въ мою душу искру творческаго огня [3]), и онъ, какъ вы знаете, еще вспыхиваетъ и

---

[1]) Однажды Езопъ вышелъ изъ дому. На встрѣчу ему прохожій:—„Куда идешь?"—„Не знаю".—„А-а, ты смѣешься; ступай же въ тюрьму!"—„Не правда ли моя: могъ-ли я знать, выходя изъ дому, что попаду въ тюрьму?" Такъ вотъ и это письмо, могъ-ли думать почтенный авторъ, два года тому назадъ писавшій его какъ дружескій отвѣтъ на письмо прекрасной дѣвицы-поэта, что его письмо, изъ заповѣднаго, неприступнаго, ароматнаго портфеля попадетъ въ *популярную* и всегда неприглядную типографію? Но вотъ же случилось, и почтенный авторъ—рукой махнулъ. Заголовокъ къ письму приставленъ редакціею. *Примѣчаніе Маяка.*

[2]) Прасковья Михаиловна Бакунина.

[3]) Мать Шаховскаго, Анастасія Өедоровна, рожденная (около 1741 г.) Пасекъ.

оживотворяетъ остатокъ моего длиннаго существованія, или вѣрнѣе, духовнаго быта на свѣтѣ, гдѣ я вотъ какъ проявился:

Мчится легкій челнъ
Въ безднѣ шумныхъ волнъ
По зыбямъ кипучимъ:
То на дно нырнетъ,
То сверхъ волнъ мелькнетъ
Огонькомъ летучимъ.
Такъ шестнадцати лѣтъ
Я въ кружащійся свѣтъ
Брошенъ горькою долей,
И какъ челнъ, самъ не свой
Мчался въ путь роковой
Не своею волей.

Челна вихрь не расшибъ,
Я бѣдой не погибъ:
Какъ удѣлъ былъ сходенъ!
Что жъ причиной тому?..
Плотникъ челна въ корму
Врѣзалъ Крестъ Господень.
Я отпущенъ отцомъ,
Также съ честнымъ крестомъ
Съ злой судьбой на битву.
Молодъ, пылокъ, убогъ,
Погибалъ я; но Богъ
Внялъ отца молитву.

Ты знаешь въ поморьѣ тотъ берегъ сырой,
Гдѣ все превращенье: и даже природа,
Причудно мѣшая всѣ времена года,
То день покрываетъ завѣсой ночной,
То ночь убѣляетъ дневнымъ озареньемъ;
Гдѣ дивнаго мужа чудеснымъ твореньемъ,
Возникли твердыни межъ топкихъ болотъ;
Гдѣ нынче родятся громады красотъ
На стебляхъ древесныхъ изъ горъ первобытныхъ;
Гдѣ, Женщины волей, въ утесахъ гранитныхъ
Тѣснятся прорывы бушующихъ рѣкъ;
Гдѣ въ нѣдро земное насильственно вдавленъ
Гигантъ доказатель, что Богомъ поставленъ
Земли властелиномъ-творецъ человѣкъ;
Гдѣ въ мрачномъ туманѣ подъ глыбами снѣга
И Запада роскошь, и южная нѣга,
Въ хитонѣ прозрачномъ, въ пахучихъ цвѣтахъ
Лелѣютъ богатство въ обмерзлыхъ стѣнахъ;
Гдѣ, блескъ отраженья
Зарницъ полуденныхъ по льдинамъ скользитъ;
Гдѣ, лоскъ просвѣщенья
Какъ мраморъ поддѣльный, въ чертогахъ блеститъ.

Я тамъ очутился
По волѣ судьбы
И скоро пробился
Безъ сильной борьбы
Въ толпу *большесвѣтства*.
Ахъ! Я ли одинъ

И женщинъ кокетство,
И ловкость мущинъ
Почелъ просвѣщеньемъ
И въ обществахъ новъ
На тѣхъ чудаковъ
Смотрѣлъ съ восхищеньемъ,

Которыхъ потомъ
На сценѣ позорилъ
И колкимъ перомъ
Съ собой перессорилъ?
Тогдажъ ослѣпленъ
Мишурнымъ ихъ блескомъ,
Я самъ былъ смѣшонъ
Въ невѣжествѣ дерзкомъ.
Натершись отъ нихъ
Дресвой чужеумства,
Въ чаду вольнодумства,
Отъ чувствій своихъ
И мыслей отрекся
И въ *шутство* увлекся
Французскимъ умомъ,
Издавна привычнымъ
По заламъ столичнымъ
Жужжать комаромъ.

Промышляя обезьянствомъ и попугайствомъ, я 19 лѣтъ изъ сельскаго барича попалъ въ столичные любезники; но чтобы этотъ невѣроподобный переходъ не показался вамъ скачкомъ Зарницкаго [1]) или вспорхомъ оптической вольности, я прозой разскажу вамъ, отъ чего и какъ онъ сдѣлался. Пріѣхавъ въ Петербургъ на службу съ дядькой Емельянычемъ, со 120 рублями на прожитокъ, гвардіи сержантомъ [2]), однакожъ, предъ офицерствомъ, я тотчасъ явился къ родному дядѣ моей матери П. Б. Пассеку, придворному генералъ-аншефу. Онъ принялъ меня съ приличною благосклонностью и, узнавъ изъ матушкина письма, что я началъ стихотворничать, просилъ Н. Ѳ. Эмина, любимца Зубова, узнать, есть ли во мнѣ талантъ? Этотъ, тогдашній Жуковскій, котораго имя нынче забыто, нашелъ, что я съ его помощью могу сдѣлаться стихотворцемъ; но дѣдушка мнѣ сказалъ: «похвально и съ твоимъ именемъ писать стишки для удовольствія общества, но неприлично сдѣлаться записнымъ стихотворцемъ, какъ какому нибудь студенту безъ всякаго родства и протекціи». А чтобы доказать мнѣ пользу его родства и протекціи, послалъ меня съ запиской къ моему полковому начальнику и, не заботясь ни о комъ кромѣ себя, пустилъ на волю Божію, не справляясь, какъ и чѣмъ я живу. Только вашъ почтеннѣйшій дѣдъ И. Л. К. [3]), истинный образецъ Русскаго вельможи, бывъ двоюроднымъ отцу моему братомъ, приголубилъ меня какъ ближняго родственника, давалъ мнѣ родительскія наставленія, приказалъ ходить учиться съ его меньшимъ сыномъ и породилъ во мнѣ ту неизмѣнную привязанность и дружбу къ достойному семейству его, которая счастливитъ мою безпріютную душу. Я пользовался благодушіемъ вашего дѣда, но недолго: молодые сослуживцы мои от-

[1]) Изъ комедіи *Не любо—не слушай.*

[2]) Князь Шаховской (род. 24 Апрѣля 1777) былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ еще ребенкомъ и, по окончаніи курса въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, отправленъ былъ отцомъ въ Петербургъ на дѣйствительую службу.

[3]) Иванъ Логиновичъ Кутузовъ.

тянули меня отъ ученья; къ счастью (чего о сю пору я еще хорошенько не знаю) я понравился тѣмъ изъ нихъ, которые также какъ я пописывали, норохтились въ поэты и любили страстно театръ: сыновья знаменитаго Княжнина познакомили меня съ славнымъ Дмитревскимъ, и по его совѣтамъ появилась черезъ годъ на сценѣ моя маленькая комедія въ стихахъ [1]). Я, едва 18 лѣтъ, былъ первый вызванъ какъ авторъ, разумѣется, моими товарищами, въ подражаніе Парижскимъ модамъ, не вошедшимъ еще къ намъ въ обычай. Одинъ изъ моихъ товарищей, уже офицеръ, представилъ меня какъ увѣнчаннаго комика вашему же родственнику А. А. Бибикову; изъ его гостиной я перепрыгнулъ черезъ нѣсколько также страннопріимныхъ гостиныхъ въ большой свѣтъ, пустился французить, сдѣлался непослѣднимъ членомъ стихотворческаго общества графа Чернышова, названнаго Académie des bagatelles. Мои стишки въ родѣ Демутье были увѣнчаны, я пустился сочинять Французскую оперу, и хотя почти никто изъ моихъ новыхъ собесѣдниковъ не видалъ моей комедіи, которую я самъ сжегъ за безчинство [2]) и не слыхалъ моей оперы (неоконченной и разодранной за безтолковщину), однако я былъ провозглашенъ драматическимъ авторомъ, любезнымъ молодымъ человѣкомъ, не взирая даже на нетерпимую въ свѣтѣ неблагосклонность ко мнѣ натуры и фортуны [3]); но Русская смѣтливость надоумила меня написать по-французски Épitre à ma laideur и первому смѣяться надъ своей тѣлесной пухлостью и карманной сухостью, что́ охотно было признано *оригинальнымъ* и даже философіею. Я считалъ себя большимъ счастливцемъ и достигъ цѣли моихъ всегдашнихъ желаній. Мадригалы мои красовались въ богатыхъ альбомахъ, романсы мои пѣлись милыми голосами, за дорогими фортепьянами; зная всѣ маленькія игры, болтая иногда забавно, отличаясь въ мистификаціяхъ, дѣлая за присѣстъ провербы и сюрпризы, я былъ званъ на всѣ праздники и чуть-чуть не попалъ въ цеховые забавники; за мною начали присылать экипажи, какъ за Нѣм-

---

[1]) *Женская Шутка*, сожженная самимъ авторомъ.

[2]) Въ своей „Лѣтописи Русскаго театра", начатой имъ въ „Репертуарѣ Русскаго театра" (1840, № 6 и 11), Шаховской замѣчаетъ: „Первымъ моимъ подвигомъ было, по вступленіи моемъ въ управленіе Русскимъ театромъ, сожженіе моей слишкомъ удачной комедіи, именно за то, чѣмъ она имѣла успѣхъ, и чего я старался всегда не допускать на нашу сцену, чтобы не препятствовать благоразумнымъ матерямъ возить въ театръ дочерей своихъ". Комедія эта изобиловала двусмысленностями.

[3]) „Неблагосклонность натуры" къ Шаховскому выражалась въ томъ, что природа одарила его некрасивымъ лицомъ и неуклюжей фигурой; „неблагосклонность фортуны" въ томъ, что онъ былъ сынъ небогатаго отца, и для него представлялось крайне труднымъ вращаться въ великосвѣтскомъ обществѣ и въ средѣ блестящихъ гвардейцевъ.

кой-ворожеей, стали находить страннымъ, когда я не являлся по призыву ихъ, не былъ веселымъ, хотя мнѣ по сердечнымъ и хозяйственнымъ обстоятельствамъ часто было не до веселья; излишняя полнота души и совершенная пустота кармановъ притупляли мою природную веселость, а неумолкная болтовня лица моего измѣняла поддѣльной. Наконецъ, мнѣ стала надоѣдать моя должностная любезность, которую отъ меня требовали, какъ службу, и я уже началъ бѣситься на мое свѣтское счастіе; но къ другому счастью графъ Ксавье Местръ *), авторъ многихъ прелестныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, за нѣкоторыя услуги, случайно мною ему оказанныя, сдружился со мною и, сжалясь надъ моимъ глупымъ положеніемъ, открылъ мнѣ всю его нелѣпость—вотъ какъ. Разсказывая объ одномъ Англичанинѣ, который, услыша, что кого нибудь называютъ умнымъ, всегда спрашивалъ: «а чтó умъ его сдѣлалъ», онъ вдругъ спросилъ меня: «чтó твой умъ хочетъ сдѣлать изъ тебя?» Я, пораженный этимъ неожиданнымъ вопросомъ, не зналъ, что сказать; но онъ отвѣчалъ за меня:—«пустаго человѣка, котораго умъ, не обращенный ни на какую пользу, выдохнется со временемъ и, какъ завялый цвѣтокъ, ни себѣ, ни другимъ, ни для чего не пригодится; повѣрь мнѣ, что всякой человѣкъ, испытавъ свои способности, долженъ поставить себѣ цѣль жизни и трудами достигать ее». Судя, можетъ быть, слишкомъ дружески о моемъ стихотворномъ дарѣ, онъ сказалъ: твоею цѣлью должна быть словесность, доставляющая пользу и славу не только истинному словеснику, но и отечеству его; учись, трудись, пиши—ты будешь поэтомъ!» И тогда у меня....

Брызнули искры отъ темя до пять,
Сердце трепещетъ, и мысли кипятъ
    Огненной рѣкою.
Яснаго неба радужный лучъ
Тьму разсѣкаетъ сумрачныхъ тучъ
    Пламенной стрѣлою.
Минутные скопы чужеземныхъ думъ
Вихремъ умчались, освѣтился умъ
    Животворнымъ свѣтомъ.
Ты постигаешь всю радость души
Вспыхнутой рѣчью поэта: „пиши!
    Ты будешь поэтомъ“.

Дай Богъ, чтобы это слово подѣйствовало также прочно надъ вами, какъ надо мной! Съ этой минуты призраки свѣтскаго счастья

*) Извѣстный эмигрантъ-Піемонтецъ, авторъ *Параши-Сибирячки*, род. 1763, состоявшій на Русской службѣ, умершій въ Петерб. въ 1852 г.

исчезли, я увидѣлъ яркій свѣтъ, устремился къ нему всей силой души: съ той минуты началась вторая часть ея наземнаго похожденія....

Рогань, 1 Марта 1838 г. [1])

Князь А. Шаховской.

Есть основаніе предполагать, что и „вторая часть наземнаго похожденія" князя Шаховского была болѣе или менѣе подробно разсказана имъ П. М. Бакуниной. Объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ попавшимъ въ печать отрывкамъ. Въ вышеупомянутомъ письмѣ, помѣщенномъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей" Шаховской разсказываетъ Бакуниной о своей жизни въ Харьковѣ: поѣздка въ Ахтырскій монастырь [2]). Начиная свою *Исторію театра*, Шаховской писалъ: „Разставаясь съ самымъ близкимъ моему сердцу семействомъ молодой П. М. Б(акуниной) и восхищенный ея поэтическимъ даромъ, я не хотѣлъ лишать себя надолго удовольствія бесѣдовать съ ней о Русскомъ словѣ и поэзіи. Потомъ благодарность моя къ молодой дѣвушкѣ, отрывающейся отъ городскихъ веселостей, чтобы отвѣчать на болтливость старика, заставила меня придумать, какъ бы придать больше занимательности моимъ письмамъ; и я вздумалъ пуститься въ разсказъ моего авторскаго житья-бытья и странничества" [3]). Прежде всего князь Шаховской описалъ ей свою поѣздку въ Парижъ по театральнымъ дѣламъ [4]). А затѣмъ для нея же написалъ и первую статью по исторіи театра: *Театръ древнихъ Грековъ* [5]). Дальнѣйшій ходъ этой автобіографической переписки Шаховской излагаетъ въ томъ же предисловіи къ *Исторіи театра*, писанномъ въ концѣ 30-хъ годовъ, такъ: „Переписка моя прервалась пріѣздомъ моимъ въ Москву, прежде предположеннаго мною разсказа о новѣйшемъ театрѣ. Я не знаю, придется-ли мнѣ продолжать ее: въ мои лѣта нельзя полагаться на будущее".

Какъ мы уже знаемъ, Шаховской продолжалъ свою переписку съ Бакуниной и въ 40-хъ, то-есть своихъ предсмертныхъ, годахъ, о чемъ можно судить по Харьковскому письму. Съ семьею Бакуниныхъ, которую онъ называетъ самою близкою своему сердцу, дружескія связи у него существовали изстари, когда онъ еще только что пріѣхалъ въ Петербургъ и тамъ былъ обласканъ дѣдомъ Бакуниной, И. Л. Кутузовымъ, а затѣмъ близко сошелся и съ ея отцомъ, впослѣдствіи сенаторомъ, М. М. Бакунинымъ, весьма

---

[1]) Рогань—имѣніе князя Шаховскаго, доставшееся ему по наслѣдству отъ послѣдняго изъ Кантемировъ (Дмитрія), мать котораго, Софья Богдановна, приходилась родною теткой матери Шаховскаго. Изъ-за этого наслѣдства у Шаховскихъ былъ продолжительный процессъ съ графиней Булгари и Пасеками. Рогань находится въ 18 верстахъ отъ Харькова, по Чугуевскому тракту.

[2]) Въ Харьковѣ Шаховской пользовался близкимъ знакомствомъ и дружескимъ расположеніемъ знаменитаго іерарха - витіи Иннокентія (Борисова), управлявшаго Харьковскою епархіею въ 1842—1848 гг.

[3]) *Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ*, 1840, № 5, стр. 65.

[4]) Отрывокъ изъ этого описанія былъ также напечатанъ.

[5]) Пантеонъ, 1840, № 5, стр. 65—83.

просвѣщеннымъ человѣкомъ своего времени, членомъ, также какъ и Шаховской, *Бесѣды любителей Русскаго слова*, основанной Шишковымъ и Державинымъ. Изъ всей семьи Шаховской любилъ особенно, какъ видимъ по его письмамъ, молодую поэтессу Прасковью Михайловну, съ которою его, старика уже, сближало сродство поэтически настроенныхъ душъ. Ея стихотворенія въ свое время помѣщались въ журналахъ и альманахахъ 40—50 годовъ [1]). Повидимому, не съ однимъ Шаховскимъ вела она переписку, и притомъ на языкѣ поэзіи. По крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ М. А. Дмитріева встрѣчаются его отвѣтныя стихотворенія на посланія Бакуниной [2]).

Въ семьѣ Бакуниныхъ проводилъ Шаховской и время своего пребыванія въ Москвѣ въ послѣдніе годы жизни, находя здѣсь дружбу, утѣшеніе и спокойствіе. Среди членовъ этой семьи онъ и почилъ мирно отъ всѣхъ треволненій своей жизни [3]). Своему же молодому другу, П. М. Бакуниной, князь Шаховской завѣщалъ всѣ свои творенія, напечатанныя и ненапечатанныя, всю свою переписку и бумаги [4]).

Срокъ праву собственности на произведенія Шаховского минулъ вмѣстѣ съ 50-лѣтіемъ со дня его кончины. Изъ его драматическихъ произведеній напечатана лишь незначительная часть. Будемъ надѣяться, что теперь любители Русской литературы, частныя лица, общественныя или ученыя учрежденія, воздадутъ должное несправедливо забытому писателю, соберутъ и выпустятъ въ свѣтъ *полное собраніе* его сочиненій. Главнѣйшій представитель Русской Таліи первыхъ тридцати лѣтъ текущаго вѣка, много способствовавшій развитію и успѣху Русскаго театра, человѣкъ во многомъ замѣчательный—вполнѣ этого заслуживаетъ, и изданіе его сочиненій сдѣлало бы большую честь современному просвѣщенію, на обязанности котораго лежитъ сохраненіе для потомства памяти тѣхъ, кто когда-то усердно работалъ на томъ же поприщѣ.

Кромѣ того было бы любопытно знать, что̀ сталось съ бумагами князя Шаховского, завѣщанными имъ Бакуниной? Въ нихъ навѣрное нашлось бы немало матеріала не только для его біографіи, но и для исторіи современной ему эпохи и литературы. И вопросами по этому поводу, обращенными ко всѣмъ, кто можетъ дать на него какіе-либо отвѣты, я заканчиваю эту замѣтку: къ кому отъ Бакуниной перешло завѣщанное ей княземъ Шаховскимъ наслѣдство? Сохранились ли его бумаги? И, если сохранились, то гдѣ и у кого онѣ находятся?

Алексѣй Ярцовъ.

---

[1]) Подробности о ней сообщены въ „Словарѣ Русскихъ женщинъ-писательницъ“ князя Голицына. Тамъ же она названа *Павлой* Михайловной, тогда какъ нѣкоторые другіе источники называютъ ее Прасковьей.

[2]) Стихотворенія М. А. Дмитріева. М. 1865. т. I, стр. 185, 195, 202, 210 и 216.

[3]) Послѣдніе дни его жизни и трогательныя минуты кончины описаны въ „Москвитянинѣ“, 1846, № 2, Московская лѣтопись.

[4]) Объ этомъ завѣщаніи говорится, между прочимъ, въ некрологической замѣткѣ „Москвитянина“, въ біографіи Шаховского, написанной Зотовымъ (*Репертуаръ и Пантеонъ*, 1846, № 4), въ примѣчаніи „Русскаго Архива къ письмамъ Шаховского (1873, № 4).

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. О. РОССЕТА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ [1]).

Письма въ Калугу.

24.

С.-Петербургъ, 1846 г. Іюля 29.

Хорошо ты сдѣлала, что не пустилась въ путь въ эти жары; при томъ лѣтомъ Калуга сноснѣе; лучше пріѣхать попозже и остаться долѣе въ зиму. Дворъ остается, какъ говорятъ, въ Петергофѣ до 1-го Сентября, а потомъ въ Царское.

Ты вѣрно не получила моего письма, если спрашиваешь о свадьбѣ André [2]) и не говоришь о полученіи отправленнаго письма Гоголя. Свадьба была въ Шереметевской церкви, и кромѣ должностныхъ никого не было, кромѣ старухи Дурновой. Анатолій [3]) на свадьбу не пріѣхалъ; бывъ же у Авроры съ визитомъ, о свадьбѣ ни слова, какъ будто до него это не касается; у André былъ также съ визитомъ, но не засталъ дома, и они не видались. Посаженые были у нея гр. Строгонова и гр. Протасовъ, шаферъ Гриша Строгановъ; у него—Вяземскій, Мещерская, шаферы: Нелидовъ и Самаринъ. Послѣ свадьбы, которая была въ 12 ч., отправились всѣ въ домъ, гдѣ завтракали, и въ 3 ч. всѣ разъѣхались. Я не былъ на свадьбѣ, за что вытерпѣлъ ужасную отъ всѣхъ грозу, а былъ у нихъ въ 6 час. и проводилъ до парохода, который отплылъ въ 8 час. André пишетъ, что плаваетъ въ счастьи; дай Богъ, чтобы оно продолжалось. Для этого надо много условій.... Говоря вообще, дѣло это для благаго конца мнѣ теперь кажется сложнѣе, чѣмъ сначала. Почему и какъ? Долго писать; когда пріѣдешь, сама увидишь.

Въ прошлое Воскресенье я проводилъ Самарина и Яшку [4]); отправились вмѣстѣ въ коляскѣ, которую Яшинька купилъ за 120 р. с.; но

---

[1]) См. выше, стр. 278.

[2]) Т. е. Андрея Николаевича Карамзина и вдовы П. Н. Демидова, Авроры Карловны. П. Б.

[3]) Анатолій Николаевичъ Демидовъ, братъ П. Н. Демидова. П. Б.

[4]) Якова Николаевича Ханыкова. П. Б.

видомъ она была пригожа. Поѣхали на Псковъ и Витебскъ, интереса ради, въ Ригу, гдѣ пробудутъ съ годъ. Самаринъ очень доволенъ и говоритъ: Питеру онъ уже не достанется на постоянное жительство, но зимою пріѣдетъ на нѣсколько времени. Братъ его поѣхалъ за границу.

Что̀ ты пишешь о горести княгини Бѣлосельской *) совершенно противорѣчитъ со слухами, которые здѣсь ходятъ. По крайней мѣрѣ на 3-й день ея возвращенія она уже каталась въ коляскѣ очень довольная по островамъ, гдѣ было наиболѣе гуляющихъ въ концѣ Елагина острова. Тамъ нынѣ собирается по вечерамъ весь beau-monde, на манеръ Итальянскій освѣжить себя морскимъ воздухомъ.

Свадьба Барятинскаго на княжнѣ Чернышовой уже объявлена.

25.

С.-Петербургъ, 1846 г. Ноября 1-го.

Я далъ слово Нелидову, который поѣхалъ въ Воронежъ, съѣхаться между 25 Ноября и 1 Декабря въ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Калугу. Въ настоящую минуту не могу сказать рѣшительно, сдержу ли его, но кажется, что да. Хотѣлъ ѣхать также Вяземскій, но получилъ новое мѣсто, и это, вѣрно, помѣшаетъ. Онъ назначенъ на мѣсто Ореуса управляющимъ Заемнымъ Банкомъ. Княгиня въ подобныхъ случаяхъ особенно смѣшна: подумаешь, что Вяземскій шагу не сдѣлаетъ, съ нею напередъ не посовѣтовавшись.

Прилагаю записочку отъ Одоевскаго; сегодня вручаю деньги, а завтра высылаются фортепьяны; я ихъ видѣлъ два раза, на видъ (краснаго дерева) прекрасныя, а Одоевскій ручается за ихъ внутреннее достоинство; мнѣ показалось, что тонъ слишкомъ полный, громкій.— Норова не могъ увидать, потому что онъ опасно заболѣлъ; говорятъ, что мизерере, но вчера сказали, что внѣ опасности; былъ у него два раза, но докторъ запретилъ принимать.

На дняхъ у Леонара Вадковскій, поссорившись, далъ пощечину Савѣ Яковлеву; на другой день Яковлевъ цѣлый день прождалъ на Выборгской дорогѣ, чтобы драться, но Вадковскій уклонился; третьяго дня ихъ схватили. Не сошлютъ ли кого изъ сихъ сокровищъ въ Калугу?

Гоголя письма еще не вышли; только что выйдутъ, пришлю; ихъ печатаютъ въ томъ самомъ почти видѣ, какъ были присланы. Мнѣ говорилъ Плетневъ, что въ двухъ письмахъ онъ говоритъ о нашемъ

---

*) Елена Павловна Бѣлосельская (ур. Бибикова), овдовѣвъ 15 Іюля 1846 г., вскорѣ вышла за князя Василья Викторовича Кочубея. П. Б.

черномъ и бѣломъ духовенствѣ, отдавая ему предпочтеніе передъ западнымъ. Цензоръ духовный ихъ не пропустилъ, надписавъ: «Нельзя, потому что идеи автора о нашемъ духовенствѣ конфузны». Плетневъ, нашедъ самую резолюцію конфузною, обратился къ графу Протасову, и онъ разрѣшилъ съ малыми поправками.

26.

С.-Петербургъ, 1846 г. 30 Ноября.

Ты молилась усердно въ Воронежѣ, я здѣсь, чтобы Богъ подкрѣпилъ твои силы, успокоилъ и умирилъ душу.

Я бы долженъ былъ быть теперь въ Калугѣ; но отъѣздъ Бибикова въ Вѣну [1]) разрушилъ мои планы. Просить Долгорукова, онъ бы сдѣлалъ кислую гримасу; я думаю даже, что на отрѣзъ отказалъ бы мнѣ; его же я долженъ беречь для болѣе важнаго отпуска лѣтомъ на 4 мѣсяца: два лѣта сряду въ Петербургѣ не выживешь. Впрочемъ поджидаю Бибикова ежедневно и тогда рѣшусь. Иные говорятъ, что онъ будетъ съ тѣломъ 4-го, другіе—8-го и даже 15-го.

Царь ѣздилъ въ Варшаву, чтобы утѣшить В. Князя, но не могъ переѣхать Нѣманъ и вчера вернулся изъ Ковна. В. Князь въ Варшавѣ и будетъ, говорятъ, послѣ похоронъ покойницы; Великая Княгиня осталась въ Вѣнѣ.

Проѣздомъ въ Москву и обратно заѣзжалъ сюда Самаринъ, вчера отправился обратно въ Ригу и думаетъ тамъ остаться полтора года; отецъ его позволилъ послѣ того выйти въ отставку, и онъ счастливъ; объявилъ мнѣ новость: Яшинька нашъ женится на Головиной; онъ поздравлялъ ужъ отца Яшиньки. Самаринъ ея не очень подхваливаетъ; Яшинькѣ надобно бы другой природы... Онъ проситъ, чтобы ты ему однакожъ о семъ не писала: Ханыковъ влюбленъ въ нее по уши.

Прилагаю письмецо отъ Гоголя; жалуется на твое молчаніе. Онъ прислалъ сюда прибавленіе къ Ревизору». Вырученныя деньги продажею новаго «Ревизора» пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ, но какъ-то страннымъ образомъ: устроилъ подъ предсѣдательствомъ гр. Нози [2]) комитетъ, въ который включилъ мэня и Самарина; мы должны непремѣнно собираться въ 11 часовъ и разсуждать объ употребленіи суммы. Это всѣхъ здѣсь немного удивило; не знаю, какъ отвѣчать ему на это, тѣмъ болѣе, что Гедеоновъ не взялъ на сцену прибавленія, а сумма вѣроятно будетъ ничтожная.

---

[1]) Илья Гавриловичъ Бибиковъ ѣздилъ въ Вѣну за тѣломъ скончавшейся тамъ Великой Княжны Маріи Михаиловны. П. Б.

[2]) Такъ звали графиню Анолину Михайловну Вьельгорскую (впослѣдствіи княгиню Шаховскую). Гоголь въ нее былъ влюбленъ и даже просилъ ея руки. П. Б.

Я получилъ также письмо отъ гр. Ростопчиной, и она жалуется, что не пишешь; любопытнаго ничего не говоритъ, о возвращеніи не думаетъ, желаетъ остаться за границею сколько можно долѣе. Я видѣлъ Путяту (адъютанта); говоритъ, что съ мужемъ какъ нельзя хуже.

Карамзины всѣ здоровы и очень тебѣ кланяются. Аврора, а черезъ нее и всѣ семейство, была очень огорчена внезапной смертію гр. Пушкиной [1]) отъ той же болѣзни, отъ тифуса, какъ Бѣлосельскій: въ 4 дня ея не стало.

27.

С.-Петербургъ, 1847 г. Февраля 14.

Толки о Гоголѣ мнѣ также до смерти надоѣли. Мнѣ кажется, что одно можно ему сказать положительно: письма его не должны были поступать въ печать, а оставаться въ рукахъ тѣхъ, кому были писаны. Доказательствомъ этого служитъ то, что его соотечественники, о которыхъ онъ такъ трогательно заботится въ предисловіи, на любовь его посылаютъ ему на прощаніе кто—сумасшедшаго, кто подлеца или лжеца или гордеца. Такъ выразились единогласно журналы и почти единогласно масса. Сверхъ сего, прислушиваясь къ толкамъ, слышишь, что всѣ говорятъ о Гоголѣ, а никто о томъ, чтó онъ написалъ; всѣ разбираютъ чтó съ нимъ случилось, а содержаніе книги осталось въ сторонѣ. Это понятно: у насъ могутъ заняться лицомъ, если съ нимъ случится какой нибудь странный казусъ, а общихъ интересовъ, въ коихъ принимали бы живое участіе, нѣтъ. Ни одна пословица такъ полно не достигла цѣли, какъ та, что всякъ Еремей про себя разумѣй.

Я послалъ къ нему журналы; больно ему будетъ не услышать ни одного добраго слова. Говорятъ, Вяземскій пишетъ и хочетъ напечать въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ; онъ получилъ письмо отъ Гоголя, и это подало ему поводъ отвѣчать и печатно. Ты пишешь, что пустъ фельетонъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей; Сологубу это покажется страннымъ; онъ всѣхъ спрашиваетъ: чтò говорятъ въ городѣ о его фельетонахъ? Вчера читалъ онъ у себя новую повѣсть: «Старушка». Софья Николаевна [2]) говоритъ, что очень хороша; Поповъ, что невыносимо скучна, хуже всѣхъ его повѣстей.

Въ городѣ много жалѣютъ о приближающейся кончинѣ князя Васильчикова; ожидаютъ конца каждый день. Нѣкоторые назначаютъ на его мѣсто кн. Чернышова, другіе гр. Киселева; навѣрное, разумѣется, никто не знаетъ.

---

[1]) Сестра Авроры Карловны Карамзиной, графиня Эмилія Карловна Мусина-Пушкина. П. Б.

[2]) Карамзина. П. Б.

Много шума надѣлало одно происшествіе въ Управѣ Благочинія. Тамъ предсѣдаетъ нѣкто Кислинскій, извѣстный за честнаго человѣка. Онъ получилъ въ одно утро 156 т. р. с., сосчиталъ ихъ, положилъ въ портфель, запечаталъ, куда-то отлучился, возвратившись, повезъ его на Сѣнную караульню и положилъ въ ящикъ. Черезъ нѣсколько дней министръ внутреннихъ дѣлъ, оберъ-полиціймейстеръ и онъ самъ получили записки черезъ городскую почту, что въ ящикѣ Управы Благочинія не всѣ деньги на лицо; открыли его и не нашли 156 т. р. с. Онъ ли не положилъ деньги въ портфель, или его подмѣнили чиновники? Покуда неизвѣстно, но улики падаютъ на честнаго предсѣдателя.

28.

С.-Петербургъ, 1847 года Марта 22.

Гоголь и мнѣ писалъ, жалуясь, что вышла не его книга, а оглодокъ изъ общихъ мѣстъ, что главныя письма, въ которыхъ онъ показываетъ какъ общія мѣста примѣнять къ дѣлу, не пропущены. Отъ этого, по его мнѣнію, выступила не книга, а онъ. Онъ просилъ Плетнева, Вяземскаго и Велеурскаго прочёсть непозволенныя письма, исправить чтȏ нужно и представить прямо къ Государю. Я ихъ читалъ у Вяземскаго при Плетневѣ и Тютчевѣ вмѣсто Велеурскаго, и положили ожидать отвѣта Гоголя на предложеніе Плетнева—письма эти, помѣстивъ въ слѣдующемъ томѣ, представить весь томъ Государю. Слѣд. въ настоящую минуту намъ нечего предпринимать; тѣмъ болѣе, что въ письмѣ Гоголя, на дняхъ мною полученномъ, онъ самъ проситъ не спѣшить. При томъ не знаю, желать ли, чтобы письма были напечатаны. Ихъ всего пять. Въ первомъ: «Нужно любить Россію» онъ развиваетъ мысль, что нельзя любить Бога, не полюбивъ Россію. Во второмъ: «Нужно проѣхаться по Россіи» онъ уговариваетъ графа Толстаго не идти въ монастырь, развиваетъ мысль, что монастырь для него—Россія и учитъ, какъ съ пользою должно ѣздить по Россіи. Эти два письма такъ себѣ и съ нѣкоторыми лишь поправками, можетъ быть, и будутъ пропущены. Въ третьемъ, къ гр. Вел.... «Страхи и ужасы Россіи» самое заглавіе какъ-то странно. Всѣ мы знаемъ, что у насъ много злоупотребленій, знаетъ это болѣе насъ даже самое правительство; но опять видѣть страхи и ужасы—это преувеличено. Во всякомъ случаѣ дозволить печатно распространяться этимъ слухамъ было бы неблагоразумно. Теперь онъ мнѣ пишетъ: письмá этого не печатать, вѣроятно по просьбѣ гр. Вел., которая немного компрометирована симъ письмомъ. Въ четвертомъ: «Чтó такое губернаторша?» (тебѣ адресованномъ) и въ пятомъ: «Важнымъ лицамъ»—содержатся совѣты, какъ поступать лицамъ на извѣстныхъ мѣстахъ. По моему

мнѣнію, вопреки мнѣнію Гоголя, эти письма не исправятъ, а еще болѣе повредятъ книгѣ; по новости и оригинальности, съ какими онъ является и по новости самихъ предметовъ въ нашей литературѣ, лицо его еще ярче выступаетъ, и они добьютъ собственно книгу. Такъ думаютъ и Вяземскій, Тютчевъ и Плетневъ—все его доброжелатели и цѣнители. Я написалъ объ этомъ Гоголю довольно подробно, какъ равно написалъ ему откровенно, какое впечатлѣніе произвела вообще его книга на публику. Въ письмѣ этомъ я не столько боялся, что передамъ впечатлѣніе невѣрно, сколько того, чтобы оно не показалось ему черствымъ. Я читалъ его Вяземскому и Плетневу, и они уговорили меня послать его. Лѣтомъ буду въ Калугѣ и прочту, ибо оставилъ у себя копію.

Извини меня передъ Лёвой *), что самъ не пишу; порученіе его передалъ Вяземскому; онъ охотно беретъ участіе въ Сборникѣ и обѣщалъ порыться въ старомъ или написать новое. Дай Богъ ему успѣха неубыточнаго.

Скалонъ получаетъ мѣсто вице-губернатора въ Архангельскѣ. Сначала эта вѣсть его озадачила; но какъ впереди есть еще нѣсколько дней для гр. Строгановой, то онъ скоро утѣшился. Указъ будетъ представленъ при первомъ докладѣ по выздоровленіи Государя. Государь былъ боленъ и серьезно боленъ; теперь, слава Богу, лучше, и отмѣненный на заутреню выходъ вновь назначенъ. Здѣсь много толкуютъ о 50 милліонахъ; не столько впрочемъ о нихъ, сколько о томъ, какъ это озадачило журналы Французскіе и Англійскіе. Обѣдню, переведенную на Франц. языкъ, я читалъ; ее перевели и на Нѣмецкій; по ней служилъ въ Парижѣ одинъ аббатъ, и было много посѣтителей. На дняхъ мнѣ сказали, что Гизо велѣлъ закрыть.

29.

С.-Петербургъ, 1847 г. 11 Ноября.

Лутковскій мнѣ говорилъ, что хочешь остановитьси у нихъ; мнѣ кажется, что лучше, еслибъ предупредила насъ, хотя приблизительно, о днѣ твоего пріѣзда: мы бы пріискали квартиру. Они живутъ въ Галерной, самой скучной и темной улицѣ, при томъ даль ужасная; ихъ же, я думаю, немного стѣснишь, да и сама не будешь помѣщена удобно и спокойно.

Ростопчина сегодня, кажется, выѣзжаетъ въ Москву. Чѣмъ старѣе она становится, тѣмъ болѣе находишь ее персонажею удивительною: весела и полна жизни, какъ въ 20 лѣтъ.

---

*) Левъ Ивановичъ Арнольди, сводный братъ А. О. Россета. П. Б.

Очень радъ, что Антонію [1]) понравилась статья Греческаго монаха; Поповъ ее давалъ Иннокентію, и онъ отъ нея въ восторгѣ. Чтó скажетъ Филаретъ? Впрочемъ онъ едва ли уже ея не знаетъ.

30 [2]).

(1849).

Какъ бы я промѣнялъ острова на Калугу! Что это какъ они отвратительны! Потеряли свой Воронцовскій характеръ и сдѣлались огромный пассажъ: на каждомъ шагу публика, и всегда публика. Какимъ образомъ жители Петербурга обратились въ публику, совершилось неимовѣрно быстро, и жаль, потому что, если можно любить человѣчество, нѣтъ никакой возможности любить публику. Въ Субботу кончаю воды и переѣзжаю въ городъ; хочу съѣздить на пять дней къ Карамзинымъ въ Мануилово. — Отъ Вяземскихъ есть извѣстіе изъ Одессы. Онъ писалъ Плетневу, садясь на пароходъ, чего княгиня очень боялась. Ему давали литературные обѣды и вечера въ Одессѣ.—Гоголь вѣроятно съ досады, что Nicolas не улучшилъ Калугу въ литературномъ отношеніи и что Калуга не давала ему обѣдовъ, сочинилъ пѣсню «не улучшай, не улучшай!»

Сегодня на водахъ видѣлъ Бахтина; онъ изъ Петергофа; тамъ получена была депеша по телеграфу, о которой вѣроятно прочтете въ газетахъ не ранѣе недѣли. Лидерсъ разбилъ на голову Бема, взялъ 9 орудій и 1000 плѣнныхъ живьемъ; Паскевичъ разбилъ Гöргія; о послѣднемъ сказано только неофиціально, но достовѣрно; болѣе ни слова, и подробностей никакихъ. Дай Богъ особенно фельдмаршалу чего нибудь рѣшительнаго, а то осень близка, и нехорошо, если это пойдетъ въ долгій ящикъ. Сію минуту мнѣ сказали, что есть подробности: Купріянову, командиру корпуса, оторвало ногу; Константину Николаевичу дали Георгія; говорятъ, что дѣло было очень жаркое. Они сосредоточиваются въ Гросвардейнѣ, и вѣроятно тамъ будетъ развязка. Гöргій однакоже сдѣлалъ славный маневръ, отправившись изъ Коморна на Вайценъ, кругомъ на Токай и въ Дебречинъ, подъ коимъ произошла теперь схватка. Многіе критикуютъ фельдмаршала за медленность; но судить трудно, и конецъ вѣнчаетъ дѣло.

---

[1]) Петербургскому митрополиту. Рѣчь идетъ, кажется, о рукописномъ тогда сочиненіи А. С. Хомякова: „Церковь одна“, которое было переведено погречески и выдавалось за произведеніе Греческое. П. Б.

[2]) За тѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ ряду писемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1848 году А. О. Смирнова произвела на свѣтъ въ Калугѣ единственнаго своего сына, за тѣмъ тяжко хворала и переѣхала на долго лечиться въ Петербургъ и Царское Село (къ этому времени относится сближеніе ея съ А. С. Норовымъ и занятія богословіемъ и Греческимъ языкомъ). П. Б.

31.

С.-Петербургъ, 1849 г. 23 Августа.

Вчера Деляновъ мнѣ доставилъ твое письмо, любезный другъ Сашинька; онъ прямо отъ Сенявина, который письмо принялъ, а Делянова нѣтъ, не смотря, что тотъ заставилъ два раза о себѣ доложить. Товарищъ *) слишкомъ былъ занятъ! По извѣстному дѣлу я поджидаю Кочубея; увѣренъ, что онъ возмется горячо; по крайней мѣрѣ узнàемъ что нибудь утвердительное и если отвѣтъ будетъ отрицательный, я самъ того мнѣнія, что оставаться въ Калугѣ не стоитъ. Это просто чортъ знаетъ чтò такое! Кочубей будетъ на дняхъ, и во всякомъ случаѣ надо обождать, ибо Государя еще нѣтъ въ Петербургѣ. Его ожидали къ 23 Августа; но по одному горестному событію онъ остался въ Варшавѣ, и Богъ знаетъ, когда будетъ въ Петербургъ... Не думаю, чтобы Сен. пользовался довѣріемъ и могъ что нибудь сдѣлать; а впрочемъ напомнитъ, и то не худо! Деляновъ же сообщилъ мнѣ о дурномъ оборотѣ, который приняло дѣло Оси; едва ли онъ обойдется безъ письма къ Государю. Не будетъ ли гр. Киселевъ въ Калугѣ? Надо бы съ нимъ посовѣтоваться. Я поговорю съ Данзасомъ, какъ, о чемъ, чтò просить, чтобы покончить эту исторію съ . . . Ершовыми. Просто удивительное дѣло!

А какъ чудно хорошо кончились Венгерскія дѣла! Прилагаю копію съ письма Гёргія къ Ридигеру; оно переведено съ Нѣмецкаго, но и въ дурномъ переводѣ прекрасно, особенно для Государя и Россіи. Говорятъ, что Гёргій, съ письмомъ Государя, ѣдетъ въ Вѣну къ императору Австрійскому. Войска наши вѣроятно будутъ выведены скоро; гвардейскій корпусъ получилъ уже маршрутъ для обратнаго слѣдованія. Вчера я видѣлъ Плаутина; онъ первый, возвратившійся съ театра войны, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности. Онъ дѣлалъ кампанію 14-го года, Турецкую, Польскую и говоритъ, что никогда не видалъ, чтобы наше войско было съ такимъ духомъ. Просто чудо! У него были всегда деньги, данныя ему Государемъ для помощи раненымъ офицерамъ и солдатамъ, а онъ большую часть находилъ ихъ во фронтѣ, такъ какъ послѣ перевязки люди тотчасъ же возвращались во фронтъ. Плаутинъ самъ отличился подъ Дебречиномъ; говорятъ, что ему обязаны успѣхомъ всего дѣла; онъ получилъ Александровскую. Ты вѣрно уже знаешь, что великаго князя Михаила Павловича въ Варшавѣ ударилъ параличъ; сначала была большая опасность (отнялся языкъ и правая сторона); но, благодаря Бога, на дняхъ получено из-

*) Т. е. И. Г. Сенявинъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго. П. Б.

вѣстіе, что сталъ говорить и даже внятно и двигать правой рукою. Вѣсть эта всѣхъ поразила; спрашиваютъ: что̀ больной? и, не имѣя ничего оффиціальнаго, слухи ходятъ разнородные. Кажется, вѣрно, что онъ внѣ опасности; но для дѣятельной жизни едва ли онъ не кончился. Уже въ приказѣ есть, что по случаю тяжкой его болѣзни Наслѣдникъ назначается временно главнокомандующимъ, а по артиллеріи, инженерамъ и военно-учебнымъ заведеніямъ начальники штабовъ будутъ докладывать прямо военному министру.

Третьяго дня я былъ у Абрама Сергѣевича; всѣ они вмѣстѣ съ Гумаликомъ тебѣ кланяются; при мнѣ нарочно зашла къ нимъ кн. Голицына (урожденная Сумарокова) объявить, что великая княжна Катерина Михаиловна выходитъ за мужъ за принца Мекленбургъ-Стрѣлицкаго; принцъ остается въ Россіи.

Прошлую недѣлю я пробылъ всю въ Мануиловѣ у Карамзиныхъ; они всѣ здоровы. Читалъ тамъ письма Вяземскаго; онъ не восхищенъ Константинополемъ, но пишетъ, что это впереди. По его натурѣ дурное новаго мѣста сначала на него сильнѣе дѣйствуетъ, и недостатокъ хорошей булки, сливокъ, спокойнаго кресла затмѣваетъ всѣ красоты природы. Я это очень понимаю. Съ дачи я переѣхалъ; Свистуновъ зоветъ въ Павловскъ. Я было и попытался третьяго дня; но, узрѣвъ, что завелась тамъ дружба съ Политковскими и m-me Баліано, вчера же отретировался, не смотря, что, по словамъ Аркаши Кутузова, au château bruyant en Politkowie живутъ очень весело.

32.

С.-Петербургъ, 1850 г. Генваря 16.

Мнѣ очень жаль, любезный другъ Сашинька, что Аплечеевъ здѣсь зажился, и вы поздно получили извѣстіе о прощальныхъ ауденціяхъ Давыдова*) у министра и Государя. Мнѣ сообщилъ извѣстіе Прянишниковъ для передачи Смирнову, но съ условіемъ, чтобы я отнюдь не писалъ по почтѣ, а съ оказіею; другой же, какъ Аплечеевъ, не было. Давыдовъ былъ у Прянишникова наканунѣ отъѣзда; а когда Прянишниковъ сталъ говорить ему, что ручается за Николая Михаиловича, какъ за себя и проч., Давыдовъ его перебилъ, сказавъ, что «это общій голосъ; всѣ здѣсь за г. Смирнова; наконецъ, мнѣ тоже сказали министръ и самъ Государь. Перовскій мнѣ сказалъ: ревизія производится не по моему представленію, ибо Калужская губернія у меня теперь на счету лучшихъ; Смирновъ у меня на счету самыхъ честныхъ, дѣятельныхъ и дѣльныхъ губернаторовъ, словомъ на счету лучшихъ;

*) Сенатора князя Сергѣя Ивановича Давыдова, ревизовавшаго Калужскую губернію; онъ былъ прежде попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. П. Б.

онъ горячъ, пылокъ, можетъ сдѣлать ошибку по пылкости, горячности, никогда по незнанію дѣла, еще менѣе по дурному намѣренію; вотъ мое мнѣніе о Смирновѣ, которое я всегда передавалъ Г., когда Г. меня объ немъ спрашивалъ, и повторилъ еще на дняхъ при послѣднемъ докладѣ. Дѣло Ершовское извѣстно всему Комитету Министровъ; за симъ не имѣю ничего вамъ сказать; ревизуйте и дѣйствуйте какъ угодно. Государь мнѣ сказалъ: «смотри, разбери строго эту Ершовскую исторію; я всегда зналъ Смирнова за честнаго человѣка; но мнѣ столько на него наговорили, что я хочу знать правду, чтобы не было неясностей, сомнѣній, чтобы было да или нѣтъ, виноватъ ли Смирновъ или нѣтъ; помни же, чтобы дѣло было представлено мнѣ ясно, какъ день. Я самъ его разберу». О ревизіи ни слова; ясно, что все дѣло въ Ершовской исторіи.

Слова Перовскаго мнѣ повторилъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ Кочубей. Мнѣ кажется, что лучшаго, особенно отъ Государя, и ожидать нельзя; этого-то и мы хотимъ, чтобы было да или нѣтъ.

Я не писалъ, что Давыдовъ не знаетъ о клеветѣ; я писалъ, что Закревскій и въ Комитетѣ Министровъ повели дѣло такъ, что ее скрыли или хотятъ скрыть. Давыдова пригласили въ Комитетъ Министровъ и дали только прочесть дѣло, копію же съ жалобы, на которую именно послѣдовала резолюція: «клеветниковъ предать суду» ему не дали; онъ о ней слѣдовательно и говорить не будетъ, будетъ дѣлать запросы Ершовымъ и составлять донесенія Государю, не потому чтó Ершовы прежде наговорили, а то, чтó будутъ впередъ говорить; говорить же они будутъ, разумѣется, другое. Вотъ штуку, которую они очень хитро выдумали, чтобы спасти Ершова. Бутковъ ужъ говоритъ, что никогда и не бывало той ужасной клеветы, какую мы представляемъ, будто Ив. Ершовъ просто писалъ, что отецъ его, 75 лѣтъ старецъ, былъ тронутъ ласками, ухаживаніемъ, любезностями нашими и въ минуту растроганности далъ актъ, который послѣ призналъ въ ущербъ законнымъ дѣтямъ, раскаялся, написалъ откровенно сыну и просилъ его представить Государю; Иванъ же безъ всякихъ коментарій исполнилъ волю отца. Вотъ въ какомъ смыслѣ вѣроятно Давыдовъ будетъ разбирать, Иванъ Ершовъ отвѣчать, и послѣдуетъ денесеніе, если Давыдову не удастся сдѣлать еще лучше, т. е. оспорить актъ за несоблюденіемъ какой либо формы, признать его неправильнымъ, и тогда клевета сама собою упадетъ.

Я не говорю, что такъ будетъ; слова Г., что «я хочу да или нѣтъ, виноватъ или правъ Смирновъ», разумѣется, затруднятъ Давыдова; но мнѣ кажется, что въ Комитетѣ Министровъ хотятъ дать этотъ оборотъ дѣлу. Надо особенно напирать, чтобы разсматривалъ Давыдовъ не

актъ, до котораго Nicolas дѣла нѣтъ, а дѣйствіе его въ актѣ и по жалобѣ Ершова, которая именно заварила всю кашу. Все дѣло въ Давыдовѣ; а можно ли на него надѣяться? Богъ знаетъ. У васъ о немъ толки разнообразнѣе.. N. N. у него также взяточникъ. Многіе совѣтуютъ не пренебрегать этимъ средствомъ; но я увѣренъ, что если дадимъ, насъ сейчасъ же предадутъ суду за то, что дали... Всякому свое, и изъ своей тарелки выходить не слѣдуетъ. Іоасафъ былъ очень тронутъ твоимъ письмомъ; будетъ тебѣ писать и по моей просьбѣ выпроваживаетъ скорѣе Аплечеева.

Ты очень хорошо сдѣлала, что писала Киселеву; я самъ объ этомъ думалъ. Здѣсь уже поговариваютъ, что Гамалея смѣняютъ; на его мѣсто Левшинъ; департаментъ его будетъ вакантный, а не то, можетъ просто состоять при Киселевѣ, какъ былъ Колошинъ, недавно умершій: все его дѣло было разъѣзжать лѣтомъ, его награждали и сдѣлали бы къ Новому году сенаторомъ, еслибъ не умеръ. Послѣ проклятаго губернаторства всякое мѣсто покажется раемъ. По моему очень хорошо сдѣлали, что не послали меморію; теперь ее бы прочли и сказали бы: ожидать слѣдствія; ее лучше держать про запасъ и приложить при окончаніи. Лёва говоритъ, что очень хорошо написано и дѣльно. Нельзя ли прислать копію? Но довольно объ этой поганой исторіи. Боже, когда забудемъ мы о существованіи Ершовыхъ! Меня просто тошнитъ, когда я о ней говорю.

Изъ газетъ вы уже знаете, что Кочубей умеръ; онъ кашлялъ 8 мѣсяцевъ, пренебрегалъ кашлемъ и нажилъ чахотку; его лѣчили Мяновскій и Мандтъ; они поправили его на время; но съ самаго начала сказали, что надежды мало. Всѣ о немъ очень жалѣютъ.—Вчера умерла княгиня Голицына (Nocturne).

Получаете ли вы Revue des Deux Mondes? Въ первой книжкѣ сего года помѣщена статья Тютчева La papauté et la question romaine; она надѣлала шуму въ Парижѣ, а теперь всѣ ее здѣсь читаютъ. Статья очень хорошая; но по моему, статей о нашей Церкви лучше не печатать: онѣ возбуждаютъ такіе толки въ образованныхъ чадахъ Православной Церкви, что чада выходятъ неправославныя; самое лучшее оставить ее въ покоѣ: статьи и толки ее только загрязнятъ. Вообще очень жаль, что явились вдругъ ея защитники, потому что непремѣнно за симъ явятся ея исправители. Такъ Львовъ, вообрази, сочинилъ новую обѣдню, представилъ Протасову, этотъ—Государю; рѣшили напечатать и ввести въ церкви. Къ счастію послали въ Москву; Филаретъ написалъ прямо къ Царю, что онъ служилъ Львовскую обѣдню, не понялъ и насилу дослужилъ (такъ было ему больно) и просилъ оста-

вить старую. Государь послалъ Львова въ Москву для личнаго объясненія вѣроятно что нибудь ему уступятъ [1]).

У Мити Оболенскаго я видѣлъ гр. Ив. П. Толстаго и Апраксину (которая между прочимъ тебѣ кланяется); онъ говоритъ, что лучше проиграть пять сраженій въ Венгріи, чѣмъ коснуться нашей обѣдни. Если это говоритъ Иванъ Петровичъ, что̀ бы сказалъ Александръ Петр.? Ольга [2]) все съ опухшими ногами, и говоритъ, что опасности нѣтъ никакой и лѣтомъ поправится. Къ счастію ея, у нея живетъ Андрей Оболенскій, очень хорошій малый, оригиналъ и былъ большой шалунъ. Извѣстенъ у морскихъ тѣмъ, что въ Аѳинахъ, встрѣтя въ день пріѣзда Греческую королеву въ паркѣ, подъѣхалъ къ ней и сталъ за нею волочиться; его на другой день посадили на купеческій корабль и отправили въ Севастополь. Онъ выходитъ въ отставку, и Прянишниковъ обѣщаетъ дать ему мѣсто помощника почтъ-инспектора въ Одессѣ.

Сейчасъ былъ у меня Карновичъ; онъ, кажется, то что̀ называется въ Россіи математикъ. Они обыкновенно очень несчастны, хотя при самыхъ ничтожныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ были бы совершенно довольны и счастливы; отъ меня поѣхалъ къ Яшкѣ. Я ему посовѣтовалъ взять отсрочку, ибо въ 28 дней ничего не успѣешь для него сдѣлать.

Барановскаго вѣроятно не увижу. Признаюсь, я не очень падокъ къ нынѣшнимъ умнымъ малымъ; прежніе были лучше: просто плуты и дѣлали маленькія мерзости въ тѣсномъ кружечкѣ, куда ихъ судьба поставила; нынѣшніе ихъ не дѣлаютъ, но питаютъ въ душѣ и не дѣлаютъ потому только, что надѣются сдѣлать en grand и en gros. Вотъ вся разница, и я давно рѣшилъ, что распространеніе образованныхъ умныхъ людей пропорціонально распространенію мерзавцевъ на широкомъ поприщѣ. Слово рѣшилъ (но не умный малый) напомнило мнѣ Аксакова: онъ писалъ Митѣ, что перессорился въ Ярославлѣ со всѣми отъ губернатора до послѣдняго чиновника; въ цѣлой губерніи только два порядочныхъ человѣка: одинъ мѣщанинъ и одна баба. Это по крайней мѣрѣ смѣшно.

Норовъ и Гумаликъ тебѣ очень кланяются, Карамзины также, Катер. Андр. въ особенности; она бѣдная очень опустилась лѣтомъ,

---

[1]) Разумѣется, рѣчь идетъ не о самой литургіи, а объ измѣненіи стариннаго церковнаго напѣва. П. Б.

[2]) Сводная сестра А. О. Россета, Ольга Ивановна Арнольди, въ замужествѣ за княземъ Петромъ Сергѣевичемъ Оболенскимъ. Далѣе говорится о двоюродномъ его братѣ князѣ Андреѣ Александровичѣ Оболенскомъ. П. Б.

совсѣмъ старушка. Впрочемъ все у нихъ по прежнему, т. е. болтовня живая и веселая.

33.

С.-Петербургъ, 1850 года Февраля 13.

Вчера все утро я провелъ въ совѣщаніи съ Іосафомъ и какъ дѣло шло о томъ, ѣхать ли тебѣ теперь въ Петербургъ или нѣтъ, мы рѣшили, что ѣхать не слѣдуетъ; во первыхъ потому, что, какъ сама писала, ты полезна въ Калугѣ, во вторыхъ, оставленіе Калуги не понравится здѣсь; въ третьихъ, покуда ѣхать не-зачѣмъ. Если для того, чтобы доказывать, что дѣло наше правое, это безполезно, потому что это безъ того знаютъ; если для того, чтобы доказывать, что надѣлали много вздора,—этимъ не поправишь; если для того, чтобы помогать во время самого хода дѣла, тебѣ будутъ говорить одно и тоже: надо ожидать донесенія, и тогда разберемъ. Гораздо лучше тебѣ пріѣхать, когда оно будетъ кончено, когда будешь знать à fond все, что́ дѣлалось и какъ дѣлалось, говорить съ совершеннымъ знаніемъ дѣла или и не ранѣе какъ когда по крайней мѣрѣ обозначится турнюра, которую Сенявинъ дастъ этому дѣлу. Иначе будешь жить здѣсь въ невѣдѣніи и, если нужно будетъ со временемъ рѣшительнаго твоего участія и дѣйствія, не будешь имѣть столь вѣрныхъ и положительныхъ данныхъ. Этого же мнѣнія и Яшка, съ которымъ видѣлся сегодня. Отчего не повѣрить словамъ Сенявина, который проситъ не тревожиться, а обращать вниманіе на слова Колм? Вѣдь сказалъ же онъ глупость, что Nicolas будетъ давать запросные пункты и очныя ставки; Nicolas объяснилъ С., что этого не слѣдуетъ, и онъ отвѣчалъ, что безъ нихъ обойдутся. Не можетъ быть, чтобы Сенявинъ не понялъ, что губернаторъ не подъ судомъ и не подъ слѣдствіемъ. Мнѣ кажется, что Nicolas напрасно говоритъ съ этой челядью; разъ, когда они сначала оказали пристрастіе и недоброжелательства, надо ихъ бросить и имѣть дѣло съ однимъ Сенявинымъ.

Письма П(еровскому) я еще не отдалъ; отдамъ на дняхъ; мнѣ хочется, чтобы обо мнѣ поговорилъ ему Бибиковъ. Онъ отрекомендуетъ меня ему хорошо; я явлюсь къ нему съ письмомъ и скажу ему, что, какъ я скоро ѣду въ Калугу, то не будетъ ли какихъ приказаній; явлюсь же я къ нему, какъ косвенно-подчиненный.

Теперь сообщу тебѣ сюрпризъ. Ты знаешь, что Бибиковъ ѣдетъ въ Вильну, и я туда же. Какъ это совершилось и какіе мои планы и виды, сообщу при свиданіи. Дѣло въ томъ, что на 2-й недѣлѣ поста я выѣзжаю на Москву и Калугу, побуду у васъ, и вотъ еще причина, почему я бы не хотѣлъ, чтобы ты теперь оставляла Калугу.

Повторяю еще разъ наше рѣшеніе съ Іоасафомъ и Яшкою, что лучше тебѣ пріѣхать позже. Удивительно, что значатъ разстояніе и мѣстность; взгляды совсѣмъ другіе; читая письмо, мы трое удивлялись, какъ вы много тревожитесь и боитесь. Не можетъ дѣло дурно кончиться; рѣшится ли Сенявинъ доказывать, что бѣлое черно, когда знаетъ, что его донесеніе будетъ читать самъ Государь? Признаюсь, меня не столько тревожитъ Ершовское дѣло, сколько ревизія; тутъ будетъ зависить чисто отъ честности Сенявина: придраться всегда найдетъ къ чему нибудь. Впрочемъ, поговоримъ при свиданіи.

Письма изъ Вильны.

34.

Вильно, 1850 г. 27 Апрѣля.

Послѣ привольной, удобной и комодной жизни въ Петербургѣ сѣлъ я на пожарную трубу и полетѣлъ съ Каретной части въ Басманную. Вотъ эффектъ, который произвелъ на меня собственный переѣздъ мой изъ Питера въ Вильно. Какъ и зачѣмъ это случилось, самъ хорошенько объяснить не могу. Покуда не раскаяваюсь и не жалѣю, хотя и грустно думать, что старыхъ моихъ друзей должны замѣнить новые интересы и новыя впечатлѣнія.

Въ Вильнѣ я нашелъ письмо отъ Клемы изъ Харькова; онъ пишетъ, что не ожидалъ никакъ, чтобъ я былъ способенъ сдѣлать такую глупость и не понимаетъ меня въ провинціи. Если въ итогѣ моего перемѣщенія дѣйствительно окажется большая глупость, утѣшусь выводомъ, что стало быть я очень уменъ; потому что только умные люди дѣлаютъ большія глупости.

Какъ бы ни было, на пятые сутки прибылъ я въ Вильну, препоясался шарфомъ, цѣлую недѣлю являлся, представлялся, отыскалъ порядочную квартиру въ домѣ Огинской, устроился, осѣлся и пишу къ тебѣ, чтобы сказать, что я здоровъ, хотя и принялъ вчера цѣлую бутылку sel de guindre, которую и тебѣ рекомендую для облегченія тѣла и отчасти души.

Въ Вильнѣ окрестности дѣйствительно прекрасны. На Страстной недѣлѣ я былъ на умовеніи ногъ, совершенномъ Симашкою, а въ Пятницу на крестномъ ходу изъ Духова монастыря въ Николаевскій соборъ. Благочиніе, съ коимъ все дѣлается у Симашки, мнѣ случалось видѣть лишь въ Зимнемъ дворцѣ въ присутствіи Царя. Не знаю, отчего Литва называется Литвою; это просто Жидовина: на 10 человѣкъ 8 Жидовъ и 2 Литвина. Кромѣ того, въ Вильнѣ очень дурныя, всегда черствыя булки. Вотъ первыя и послѣднія замѣчанія мною сдѣланныя

въ письмѣ о Вильнѣ въ пользу и не въ пользу оной. За симъ положилъ за правило никогда и ни о чемъ не писать: да знаетъ почтенный чиновникъ Виленскаго почтамта съ перваго знакомства со мной, что мои письма не стоитъ перечитывать.

35.

Вильно, 1850 г. 27 Мая.

Наконецъ, мы оба на своихъ мѣстахъ: ты въ Калугѣ, я въ Вильнѣ. Баронъ Россиліонъ, здѣшній почтмейстеръ, увѣряетъ, что письма доходятъ изъ губернскаго города въ губернскій городъ; но я, для большей вѣрности, пользуясь отъѣздомъ флигель-адъютантовъ, посылаю письмо чрезъ Петербургъ.—Вчера выѣхали отъ насъ Царь и Наслѣдникъ. Наслѣдникъ остался пять дней, Царь два, былъ очень доволенъ и потому чрезвычайно милостивъ. Ты знаешь, что я большой цѣнитель Государя, и я радовался эффекту, который онъ производитъ своимъ пріѣздомъ даже въ Западныхъ губерніяхъ Россіи. M-me Батюшкова мнѣ передала твою записку. Старыя дѣла рѣшительно пустяки; Бибиковъ [1]) заваленъ такъ новыми, что хоть по этой причинѣ не станетъ подымать старыя. Мнѣ говорили также, что его критиковали въ Петербургѣ за усы и бороды. Б., который былъ здѣсь съ самаго начала и который имѣетъ частыя стычки съ Бибиковымъ, говоритъ, что исторію объ усахъ и бородахъ онъ разыгралъ очень ловко и деликатно, такъ что даже братья остались довольны. На эти именно исторіи Бибиковъ мастеръ, потому что хорошо говоритъ, умѣетъ польстить, сколько можно, чваннымъ панамъ, и имъ онъ нравится.

36.

Вильно, 1850 г. 3 Октября.

Какъ это ты не можешь привыкнуть къ эпизодамъ подобнымъ съ кн. Вяземскою? Въ провинціи болѣе чѣмъ въ Петербургѣ надо умѣть плевать на нихъ; иначе сгоришь мелкимъ огнемъ. Поведеніе гр. Пер. съ Nicolas просто загадочное. Давъ теперь Станислава, а послѣ ревизіи Анну, могъ бы все поправить. Думаю, что ему портятъ въ Министерствѣ. Послѣ ревизіи Nicolas надо съѣздить въ Питеръ и уяснить свое положеніе. Надо, чтобы дѣйствовалъ рѣшительно подобно Кожевникову [2]), который получилъ и Станислава, и высшій окладъ; а теперь, какъ я слышалъ, опять завязались у него разныя исторіи.

---

[1]) Илья Гавриловичъ, генералъ-губернаторъ Сѣверозападнаго края. П. Б.

[2]) Саратовскому губернатору. П. Б.

У насъ по сосѣдству будутъ большіе праздники: 5-е Октября фельдмаршалъ празднуетъ юбилей 50-лѣтней службы. Первый балъ дастъ Царство, второй Варшава, третій Царь, четвертый фельдмаршалъ; говорятъ, что войско дѣлало разныя предложенія, но Государь отвѣчалъ, что празднованіе войскамъ онъ самъ придумаетъ. Илья Гавриловичъ не рѣшился еще; если поѣдетъ, буду просить, чтобы взялъ съ собой. Не знаю также, когда поѣдетъ онъ въ Питеръ; вѣроятно къ свадьбѣ [1]), а Государыня ему сказала, что время свадьбы еще Великая Княгиня не рѣшила. Въ Варшаву ждутъ Прусскаго короля и королеву.

Вильна все пуста; здѣсь ранѣе Декабря не съѣзжаются.

37.

Вильно, Ноября 10-го 1850.

Много я здѣсь прочелъ о Польшѣ, и все вздоръ ужаснѣйшій, потому что основаніе ложно. Можно ли серьезно говорить нынѣ о бывшей какой-то свободѣ въ Польшѣ? Изъ всего прочитаннаго осталась въ памяти одна фраза чрезвычайно вѣрная, но кѣмъ-то вскользь сказанная: La nation était libre, mais tous les membres étaient esclaves [2]).

38.

Вильно, 1851 г. 21 Августа.

Мнѣ эти два мѣсяца были очень трудны; предстоитъ еще одинъ самый трудный. Завтра ѣду на ревизію въ уѣзды, весь Сентябрь буду въ разъѣздахъ.

Ѣду сейчасъ въ разныя мѣста и между прочимъ отгадай къ кому? Къ Вяземскому: сейчасъ получилъ записку, что они пріѣхали сюда; вѣроятно завернули по дорогѣ за границу.

Сію минуту отъ Вяземскаго. На видъ онъ нисколько не измѣнился; тѣломъ здоровъ, нервами слабъ, но по моему далеко не такъ какъ ты была слаба.. Я старался его ободрить тобою, но разумѣется мало успѣлъ, потому что въ этомъ состояніи рѣчи другаго мало помогаютъ или ободряютъ лишь на минуту. Его, главное, одолѣваютъ безсонницы; на это ничего не могъ сказать, потому что ими не страдалъ, а слезы, мысль что съ ума сойду и прочая дрянь, все это мнѣ извѣстно; чрезвычайно тяжело для больнаго, но проходитъ непремѣнно. Они пріѣхали сюда частью для того, что княгиня слишкомъ устала, видя Вяземскаго въ такомъ положеніи и хотѣла со мною посовѣто-

---

[1]) Великой княжны Екатерины Михаиловны. П. Б.

[2]) Нація была свободна, но всѣ члены были рабы.

ваться (Вяземскій хочетъ непремѣнно вернуться), а частью получить паспортъ для лишней горничной. Илья Гавриловичъ былъ такъ милъ, что взялъ на себя и далъ паспортъ, снабдилъ его гомеопатическими крупинками противъ безсонницъ и, какъ больной никогда гомеопатіи не употреблялъ, онѣ должны на время помочь. Завтра выѣзжаютъ на Кёнигсбергъ; а тамъ сами не знаютъ куда поѣдутъ. Жаль мнѣ его, очень; говоритъ que je suis et je ne serai qu'un cadavre souffrant *). Увѣряетъ, что потерялъ способность думать и чувствовать и способенъ лишь постоянно страдать душевно. Княгиню нельзя не уважать отъ всей души, видя, какъ она заботлива и что́ и какъ все переноситъ. Сегодня цѣлый день проведу съ ними.

39.

Вильно, 1852 г. Апрѣля 10.

Гоголь для меня совершенная загадка; видѣлъ его въ Москвѣ совершенно здоровымъ и бодрымъ, а изъ прочитанныхъ журнальныхъ статей не видѣлъ даже, былъ ли онъ наконецъ боленъ. Попроси Олю, чтобы она позаботилась отыскать и прислала мнѣ статьи Аксакова, Тургенева, Погодина въ Москвитянинѣ и письмо Жуковскаго. Это сдѣлаетъ большое удовольствіе ея старому дядѣ, и она вѣрно это аккуратно исполнитъ.

Всего болѣе мнѣ жаль размышленій о Литургіи; должно бы было быть прекрасно; если что́ появится, пришли пожалуйста. Гоголь былъ одинъ изъ самыхъ неразгаданныхъ людей, и независимо отъ дружеской или пріятельской потери мы лишились огромнаго интереса въ жизни. О похоронахъ его я читалъ въ газетахъ. Растопчина должна была надѣть ему лавровый вѣнокъ потому именно, что изо всѣхъ умершихъ Гоголю наиболѣе бы эта продѣлка не понравилась.

40.

Вильно, 1852 г. 25 Ноября.

Политику я почерпаю нынѣ изъ Инвалида. Луи-Филиппъ слылъ 20 лѣтъ за Napoléon de la paix, этотъ провозгласилъ l'Empire c'est la paix; дай Богъ, чтобы послѣдняя paix не породила гораздо скорѣе свой 1848 годъ.

Пришли мнѣ жизнь Суворова. Мнѣ очень любопытно, какъ Милютинъ обрисовалъ эту удивительную фигуру. Милютинъ, кажется, съ талантомъ; притомъ Царь остался доволенъ, а онъ любитъ Суворова. Ты выписала также въ письмѣ одну фразу изъ біографіи Гоголя; развѣ

*) Я страждущій трупъ и таковымъ останусь.

она выпла? Осталось ли что изъ его Литургіи? Вчера я читалъ съ однимъ *Одынецъ* статью о Гоголѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ съ его письмами къ матери. Одынецъ въ Польской литературѣ тоже чтó у насъ Жуковскій—поэтъ-переводчикъ. Я читалъ ему также нѣсколько писемъ Гоголя, и онъ восхищался ими. Помѣщика хочетъ непремѣнно перевесть. Слово за слово мы съ нимъ разговорились и о Польшѣ; онъ очень умно доказывалъ, какъ несчастная революція 30 года, эмиграція, пошлости и пасквили, которые Польская аристократія 20 лѣтъ писала противъ Россіи, если смотрѣть на все это du point de vue providentiel, были полезны, породивъ результаты совершенно противоположные чѣмъ полагали, а именно соединеніе Польши съ Россіею. Онъ мнѣ божился, что нѣтъ нынѣ мыслящей, дѣйствительно умной головы, которая бы глубоко не была проникнута мыслью, что спасеніе Польши, ея назначеніе, ея долгъ соединиться духомъ и плотью съ Россіей. Европу, въ особенности Францію съ ея революціями, прогрессами и проч. до того ненавидитъ, что самъ Аксаковъ передъ нимъ пасъ. Онъ кромѣ того принадлежитъ къ партіи Славянофиловъ, а здѣшнее славянофильство имѣетъ болѣе практическаго смысла: оно служитъ знаменіемъ, облегчающимъ имъ безъ отступничества переходить на нашу сторону. Онъ другъ Мицкевича, вояжировалъ съ нимъ и говоритъ, что онъ безъ слезъ не вспоминаетъ Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго и о своемъ житьѣ въ Москвѣ.

41.

Г. Бобруйскъ Минской губ. 30 Августа (1852). Паричи, Пущина.

Виленскій гражд. губер. выходитъ въ отставку. Биб. былъ такъ добръ, что не только предложилъ, но даже цѣлый часъ уговаривалъ, обѣщалъ даже выпросить, что, я, какъ были примѣры, буду генераломъ управлять гражд. частію, далъ мнѣ день на думаніе; но я, не смотря на всѣ доводы его и мои *pour*, рѣшилъ *contre*. Онъ немного надулся, мнѣ стало совѣстно; но право, было бы глупо принять мѣсто съ убѣжденіемъ, что будешь дрянь губернаторъ. Здѣсь управленіе легче чѣмъ въ Калугѣ: и служащіе и граждане помнятъ военную дисциплину, никто бы со мной въ соперничество бы не входилъ; Клушинъ и ** существовать бы здѣсь не могли; но все таки нужна энергія, а для оной здоровье. Были и другія причины; но говорить о нихъ не стоитъ, потому что съ возу упало, то пропало. Въ Петербургъ меня нисколько не тянетъ*)...

---

*) А. О. Россетъ назначенъ былъ Виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ, чтò послужило ему переходомъ къ должности товарища министра государственныхъ имуществъ. П. Б.

Кажись, что этотъ край во всѣхъ отношеніяхъ гнилой, и о немъ болѣе хлопочутъ, чѣмъ онъ стоитъ. Ты просишь собственныхъ именъ поболѣе. Я ихъ знаю довольно, но съ малымъ съ кѣмъ знакомъ иначе какъ только кланяясь: пріѣхалъ поздно. Хорошо знаю только гр. Лядуховскаго и Пусловскаго. Первый, безногій Наполеоновскій генералъ, въ 30 году былъ комендантомъ въ Модлинѣ; очень милый и порядочный старикъ, любимый и Поляками, и Русскими; братъ его, генералъ Австр. службы, воспиталъ молодаго императора. Пусловскій здѣшній пред. дворянства; я знавалъ его въ П.-бургѣ, видѣвъ у Соболевскаго. Играютъ роль гр. Мостовскій, женатый на гр. Гинтеръ, m-me Boutschinsky, также Гинтеръ и третья сестра Гинтеръ, старая дѣва и поэтъ; всѣ онѣ отчаянныя патріотки. Отецъ ихъ гр. Гинтеръ, патріотъ по дочерямъ, ходитъ всегда съ Анной на шеѣ, но старикъ умный и болтливый. Есть еще старый скряга — богачъ Тизенгаузенъ, гр. Платеръ съ женой, съ огромными бриллiантовыми перстнями на каждомъ пальцѣ и видомъ похожій на Жидовскаго банкира, Писанко, . . . женатый на сестрѣ гр. Шуваловой, Каминскій, многое множество Пшискевичевыхъ и Ганскихъ, Яны, Казимиры, Мечиславы и проч. Къ зимѣ они всѣ наѣдутъ, потому что полюбили Бибикова, и грѣшно бы было имъ не быть довольнымъ: онъ очень къ нимъ добръ и ласковъ, хотя держитъ въ рукахъ и разъ распекъ графа Мостовскаго по военному. Съ ними иначе нельзя. Вообще управленіе, надо надѣяться, пойдетъ хорошо. Барановскій у него прекрасный помощникъ; онъ хлопочетъ теперь, чтобы Яшку Хан. назначили въ Вильну губернаторомъ. Русскіе служащіе (другихъ нѣтъ) тѣмъ хороши, что, безъ различія пола, возраста и мундира, всѣ равны, одинаковы и похожи одинъ на другаго, такъ что еслибъ не рознь лица, не отличишь коменданта отъ прокурора; ни съ кѣмъ не сойдешься, за то ни съ кѣмъ и не поссоришься; партій нѣтъ, потому что оппозицію передъ ген. губер. дѣлать не приходится. Для меня большой ресурсъ въ послѣднее время былъ Н. Н. Муравьевъ и жена его, которые очень меня полюбили; онъ очень уменъ, она прекрасная женщина; жаль, что гренад. корпусъ выступаетъ, но, пріѣхавъ въ Вильну, я найду тамъ Эд. Баранова. Главное же мое сокровище были Батюшковы . . . Она очень умна и мила, а ко мнѣ особенно во время болѣзни была добра какъ нельзя болѣе; ухаживала за мной какъ за братомъ. Безъ нихъ я бы скучалъ и впалъ въ хандру. Барановскій идеалъ правителя канцеляріи, но внѣ дѣловаго разговора трудно что вытянуть и мало вообще вытянешь; говоритъ всегда умно и благородно, но все какъ-то пахнетъ статьями или книгами; для нихъ общество, жизнь и люди какъ бы не существуютъ. Какъ я радъ, что Ершовская исторія наконецъ кончилась.

42.

Вильно, 1853 г. 24 Февраля.

Хорошо дѣлаешь, что Олю не пустила въ свѣтъ какъ въ запуски; не слѣдуетъ ей это, да и приноситъ гораздо менѣе пользы чѣмъ думаютъ. Сотни примѣровъ передъ глазами, что положишь всю надежду на свѣтъ и балы—просто вздоръ и пустяки. Придетъ время, и дѣло устроится; Пушкина вовсе еще не выѣзжала, а нашла жениха, не лучше же она ни въ какомъ отношеніи Оли и Сони. Повѣрь, надо менѣе объ этомъ толковать и хлопотать и помнить, что никого не устроишь въ 17-ть лѣтъ такъ, чтобы на всю жизнь человѣкъ былъ счастливъ; выдавъ замужъ, быть-можетъ еще болѣе будешь безпокоиться. Радуюсь за Наталію Николаевну и за Ташу: Дубельтъ очень хорошій малый, хотя и былъ что̀ называется разбитной; у него, какъ мнѣ казалось, хорошая натура.

Здѣсь очень много шуму надѣлала исторія Политковскаго; только и спрашиваютъ одинъ у другого: не писали ли чего изъ Петербурга? Ужасная исторія, особенно какъ симптомъ; такого ужаснаго подлеца и такого рода вѣдь прежде не бывало. Вотъ настоящій герой нашего времени: 15-ть лѣтъ преступничать безпрерывно и ни на минуту не призадуматься, быть спокойнымъ какъ праведникъ и слыть за любезнаго, милаго Александра Гавриловича; 15-ть лѣтъ красть для того чтобы шулерничать, шулерничать для того, чтобъ оставить сотни тысячъ долгу, и все это не по скупости, не по страсти къ долгамъ или другой какой страсти, а очень логически, чтобы пріобрѣсть положеніе въ свѣтѣ и если не уваженіе, то почтеніе и любовь! Какой чортъ разгадаетъ подобный характеръ, и какой Шекспиръ выставитъ на сцену подобнаго героя? Жаль бѣдныхъ генераловъ. Не говорю о Государѣ; воображаю, что̀ онъ подумалъ и что̀ онъ почувствовалъ, когда ему объявили объ этомъ ужасѣ. Боюсь я и за себя; ревизую ящики самъ ежемѣсячно, дѣлаю внезапныя ревизіи, а ручаться не могу, чтобы какой-нибудь мерзавецъ не смошенничалъ; тѣмъ болѣе, что не имѣю власти выпихивать иногда даже извѣстныхъ мнѣ мерзавцевъ.

43.

Г. Вильно, 1854 г. 4 Апрѣля.

Говорятъ, что Мекленбургскій поѣхалъ съ тѣмъ, что какъ христіанамъ даны права, Государь согласенъ, не желая ничего болѣе, очистить Молдавію, если флоты выйдутъ изъ Чернаго моря: еще шагъ умѣренности. Хотя и знали, что Англія и Франція этого не примутъ; но чего же болѣе могутъ желать Австрія и Пруссія?

Впрочемъ я полагаю, что всѣ разсужденія теперь напрасны. Рѣшится дѣло, и болѣе всего на Балтійскомъ морѣ. Здѣсь узелъ. Англія подла, но какъ всегда умна, знаетъ чего хочетъ и уступитъ или тогда, когда достигнетъ цѣли, или когда увидитъ, что жертвы такъ велики, что лучше бросить цѣль. Удивительна Франція или лучше болванъ Наполеонъ; однимъ можно объяснить—страхомъ, что еслибъ онъ не бросился въ объятія Англіи, она бы его сковырнула съ престола въ два мѣсяца. Дура Европа кричитъ объ эквилибрѣ и страшится вліянія Россіи! Какой же это экилибръ, когда 40 лѣтъ тому Англія подстрекнула всю Европу противъ Франціи, какъ теперь вооружила всю Европу противъ Россіи, въ промежуткахъ же бомбардировала Копенгагенъ, блокировала Грецію, пакостила и дѣлала что̀ хотѣла съ мелкими государствами? Она просто владычица стараго свѣта, и борьба затянется не на животъ, а на смерть.

Вчера мнѣ писали изъ П.-бурга, что переходъ черезъ Дунай произвелъ *общій* восторгъ; боялись, что мы будемъ все на дефансивѣ. Государь пригласилъ 200 Волжскихъ бурлако̀въ; ихъ вызвалось 2000, но съ тѣмъ, чтобы не брить бородъ. Любопытно, какъ себя покажутъ Славянскіе народы; оправдается ли сказаніе Погодина и Попова, которыхъ брошюры ты вѣроятно читала?

44.

Вильно, 1855 г. 19 Апрѣля *).

Кто безъ сильнаго сердечнаго участія можетъ помышлять о нашихъ герояхъ въ Севастополѣ? Ты первая не менѣе меня думаешь объ этомъ днемъ и ночью. Здѣсь я держу языкъ за зубами. Совѣтую тебѣ слѣдовать моему примѣру и не говорить съ тѣми кто иначе смотритъ; съ Вельеурскимъ я бы заговорилъ о погодѣ тотчасъ по произношеніи имъ слова humiliation. Разумѣется, Россія нѣсколько лѣтъ не будетъ стоять на той политической высотѣ и не будетъ имѣть того вліянія, которыя имѣла доселѣ; но это политическое, переходившее даже въ полицейское, вліяніе было дѣйствіемъ личности покойнаго Государя; Россіи же оно не подобаетъ ни по историческому ходу, ни по образованію и, главное, оно нисколько ей не нужно; В. можетъ считать это humiliation, а я считаю это благомъ, потому что заставитъ обратиться внутрь и менѣе хлопотать объ извнѣ. Государь дѣйствительно хотѣлъ помочь бѣднымъ православнымъ христіанамъ безъ всякихъ видовъ, но вопросъ принялъ гигантскіе размѣры и во

---

*) Въ это время мужъ А. О. Смирновой, Николай Михаиловичъ, уже былъ Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. П. Б.

времени и въ пространствѣ; такъ уже хотѣлъ Богъ. Исторія и потомство каждаго разсудятъ; главное дѣло для народа, какъ для частнаго человѣка, вести себя честно, въ какихъ бы обстоятельствахъ человѣкъ ни находился; тогда и humiliation не будетъ. Въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ надо имѣть нѣкоторый политическій смыслъ, я часто удивляюсь, какъ вообще Русскіе имѣютъ мало политическаго такта: говоря съ Полякомъ, Нѣмцемъ, даже съ Жидомъ, скажешь именно то чего не слѣдуетъ сказать; тоже замѣчается и за границей, и это меня убѣждаетъ, что въ политикѣ Россія должна быть поскромнѣе. Поднявъ слово Православіе, я желаю Россіи менѣе о Православіи болтать, а поболѣе преуспѣвать; къ этому я также пришелъ, находясь въ краѣ неправославномъ, гдѣ много православныхъ [1]).

Письмо за границу.

45.

Г. Вильно. 10 Августа.

Въ Нижній я поѣхалъ, не зная, что тамъ холера; у Карамзина [2]) она появилась, какъ нарочно, наканунѣ моего пріѣзда и была очень сильна, чтò было очень непріятно. За то я насмотрѣлся у него прекурьезныхъ вещей. Alexandre оригиналъ, но человѣкъ, право, удивительный. Я его очень мало видѣлъ, вмѣстѣ только обѣдали и чай пили; цѣлые дни и ночи онъ и жена проводили въ госпиталѣ, ухаживая за холерными, поминутно приводимыми, сами подавали лекарства, сами оттирали, бѣгали на кухню, кому бульонъ, кому супъ съ курицею, ободряли больныхъ, утѣшали родныхъ. Все это предо мной дѣлалось двѣ недѣли, а я въ это время читалъ l'abbé Gaume, убѣждался, что мы язычники и, глядя на Alex., думалъ: вотъ христіанинъ, чудакъ и оригиналъ. Эта заботливость и ухаживаніе за крестьянами у него постоянныя; я былъ въ Макателемѣ тому 12 лѣтъ и не узналъ его крестьянъ: они были дикая угрюмая Мордва, а теперь люди съ понятіемъ и другими человѣческими атрибутами. Онъ, разумѣется, ихъ не просвѣтилъ, не образовалъ, мало чему научилъ въ школѣ, но онъ ихъ пріучилъ къ себѣ, сдѣлалъ домашними, своими и чрезъ это развилъ ихъ; каждый идетъ къ нему какъ къ равному, увѣренный, что найдетъ живое участіе, совѣтъ, помощь; никогда онъ ихъ не ругаетъ и никогда не наказываетъ. Я попытался спросить, да что изъ этого выйдетъ? Онъ отвѣ-

[1]) Съ 1855 года писемъ не осталось, такъ какъ братъ и сестра жили оба въ Петербургѣ. П. Б.

[2]) Другъ А. О. Россета, младшій сынъ исторіографа, А. Н. Карамзинъ съ супругою своею, Натальей Васильевной (ур. кн. Оболенской) жилъ и благотворилъ въ материнскомъ имѣніи Нижегородской губерніи. П. Б.

чалъ: мнѣ не велятъ браниться и драться, я этого не дѣлаю, а что̀ выйдетъ, я этого не знаю и за результаты не отвѣчаю. На такую христіанскую субординацію я повторилъ только: чудакъ да и только! Вольно ему быть чудакомъ - помѣщикомъ; попробовалъ бы быть чудакомъ-губернаторомъ. Вчера я возвратился изъ одного уѣзда, куда ѣздилъ для усмиренія возмутившихся крестьянъ. Они отложились отъ помѣщика, отказались работать и кричали: не хотимъ принадлежать пану, а хотимъ быть казенными. Виноватъ, разумѣется, зачинщикъ-помѣщикъ, но и ихъ надо было наказать; послѣ нѣсколькихъ ударовъ розгами они пали ницъ, и дѣло уладилось. Подобные случаи здѣсь гораздо чаще повторяются, чѣмъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ; это самая непріятная возня, требующая большой осторожности, чтобы не смотрѣть односторонне и не тянуть ни на ту, ни на другую сторону. Инвентари и постоянно строгое наблюденіе много оградили крестьянъ; но безпрестанныя жалобы еще сильнѣе раздражаютъ помѣщиковъ, безъ того искони неблагосклонныхъ къ крестьянамъ. Какъ-то разрѣшится въ Россіи этотъ узелъ? Не самый ли вѣрный способъ размножать чудаковъ подобныхъ Александру. На инвентаряхъ и эмансипаціи указами далеко не уѣдешь.

46.

1860 г. 8 Октября.

Пользуюсь отъѣздомъ Чижова въ Англію, чтобы переслать къ тебѣ отъ Самарина новую повѣсть Кохановской: Гапку. Очень бы желалъ, чтобы дѣла Чижова дозволили ему посѣтить тебя въ Torkay; онъ очень хорошій и пріятный человѣкъ, добросовѣстный издатель весьма хорошаго журнала «Вѣстника Промышленности» и тебѣ поразскажетъ много такого, чего ты не знаешь. Все что́ относится до нашего купечества и торговли вообще ему извѣстно. Онъ же передастъ тебѣ подробности о внезапной смерти отъ холеры Хомякова. Она въ самое сердце поразила маленькій Московскій кружокъ, и бѣдный Самаринъ просто въ отчаяніи и даже заболѣлъ. Что̀ про нихъ ни говорили, а они всѣ люди достойные, а при нашемъ безлюдіи едва ли не одни достойные; къ сожалѣнію рѣзки, мало благоволительны къ другимъ и много смѣялись, почему своими писаніями и дѣйствіями болѣе раздражали и смѣшили, чѣмъ оказывали благотворное дѣйствіе. Россіи же теперь, какъ знаешь, совсѣмъ не до смѣха и не до взаимныхъ укоровъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь вниманіе всѣхъ обращено на Главный Комитетъ; въ будущій Вторникъ начнутся тамъ дебаты по крестьянскому дѣлу. Князь Орловъ, человѣкъ конченный, впалъ въ положеніе Прусскаго

короля [1]), и на мѣстѣ его предсѣдательствуетъ въ комитетѣ Константинъ Николаевичъ, чтó успокоиваетъ редакціонную коммиссію и еще болѣе тревожитъ противную партію—огромное большинство, почти все дворянство.

Поговариваютъ о разныхъ перемѣнахъ, но все отложено до возвращенія Государя изъ Варшавы.

Сегодня пресловутое свиданіе, и размѣняются рукожатіями и поцѣлуями. Въ началѣ оно было принято у насъ ужасно дурно, но потомъ поуспокоились. Всѣ Горчаковскіе твердятъ, что ничего изъ свиданія не выйдетъ важнаго и что невозможно было отказать Австрійскому императору; но, судя по полу-офиціальнымъ статьямъ Journal de St. Pétersbourg, едва ли не обуялъ насъ тотъ же духъ фигурированія на политическомъ поприщѣ и гибельной болтовни. Казалось бы, чего лучше какъ сказать себѣ, въ виду Европейской путаницы, когда никто никого не понимаетъ, что моя изба съ краю, я ничего не знаю и заняться своими дѣлами. Дмитрій Ивановичъ [2]) мнѣ писалъ, что 40 помѣщиковъ его уѣзда купили себѣ мѣста въ Елисаветградѣ и устраиваютъ себѣ тамъ жилища, убираясь изъ деревень, но что онъ рѣшился не покидать своей Громоклеи. Дай-то Богъ, чтобы онъ умудрилъ нашихъ государственныхъ людей, а не то дѣйствительно можетъ быть страшно.

Какъ хорошо и умно ты сдѣлала, что проводишь эту зиму спокойно въ Torkay. При твоемъ здоровьи и настроеніи нынѣшняя зима была бы тяжелѣе прошлой. Поѣздка Смирнова по деревнямъ была ему полезна: онъ похудѣлъ, чтó у него есть признакъ здоровья; но по возвращеніи простудился и, судя по обстоятельствамъ, бываетъ или въ хандрѣ или хорошемъ юморѣ. Миша очень поправился, сдѣлался просто кругленькій; но все же деликатенъ, и осталось при немъ расположеніе къ головной боли и рвотѣ. Не распространяюсь много, ибо сама легко поймешь; но необходимо, чтобы лѣто или часть онъ проводилъ при тебѣ и съ сестрами.

Изъ литературы я бы могъ прислать тебѣ очень любопытныя статьи историческія времени Петра и послѣ въ родѣ Фрейлины Гамильтонъ, Натальи Лопухиной и проч.; но онѣ до того возмутительны, что наведутъ лишь хандру, и ты возненавидишь нашего великаго генія и всѣхъ за нимъ слѣдовавшихъ...

---

[1]) Т. е. повредился въ умѣ. П. Б.

[2]) Лореръ, братъ Декабриста и дядя А. О. Россета и А. О. Смирновой. П. Б.

47.

6 Декабря (1860).

На-дняхъ проѣздомъ въ Москву былъ у меня Чижовъ [1]) и передалъ живыя о тебѣ вѣсти. Онъ остался въ Torkay только два часа съ досады, какъ говоритъ, что нашелъ слишкомъ много въ тебѣ пристрастія къ Англіи. Не онъ одинъ не понимаетъ тебя и смотритъ какъ на отступницу; они не допускаютъ, что, при настоящемъ положеніи Россіи, ея неустройствѣ и шаткости, можно болѣе скорбѣть и страшиться чѣмъ увлекаться и, пройдя чрезъ все, чрезъ что мы прошли съ 1854 года, во многомъ перемѣнить мнѣніе. Чтó день, то болѣе завидую, что живешь вдали отъ шума, споровъ, ссоръ и политической вражды, которая, увы! и у насъ зараждается. Люди, почти полвѣка проведшіе въ пріязни, расходятся отъ какого-то заподозрѣванія въ убѣжденіяхъ, тогда какъ ровно никто не знаетъ, чего хочетъ и въ чемъ состоятъ его убѣжденія. Часто говорю себѣ: закрою уши, привяжу языкъ и не стану ничего читать въ нашей душной литературѣ; но въ Петербургѣ это трудно сдѣлать. Ожидаютъ съ ужаснымъ страхомъ рѣшенія главнаго вопроса и тѣмъ болѣе тревожатся, что не знаютъ, чтó тамъ происходитъ.

Библіи Чижовъ мнѣ не передалъ, и я не жалѣю, прочтя разборъ ея въ «Православномъ Обозрѣніи». Она не Иліада, которую можно переводить, какъ хочешь, по-гнѣдичевски или вульгарно; безъ церковнаго характера Библія для меня не Библія. Довольно интересны матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ: первая книга издающаяся за границею по-русски и не говорящая про покойнаго Государя пристрастно и злобно. Бѣдный, какъ онъ хотѣлъ заняться этимъ вопросомъ, составлялъ шесть разъ комитетъ, и каждый разъ что нибудь ему препятствовало! Посылаю стихи Тютчева на смерть Императрицы.

Смирновъ [2]) тебѣ вѣрно писалъ, что къ праздникамъ будетъ сенаторомъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ я за него радъ; дѣятельность ему нужна, но ему предстоитъ, быть можетъ, такая, что ей не радъ будешь; притомъ надо будетъ заняться собственными дѣлами. Миша [3])

---

[1]) Ѳ. В. Чижовъ ѣздилъ въ Англію и Ирландію для свиданія съ другомъ своимъ Печоринымъ. Тогда же приготовлялъ онъ заемъ Английскихъ денегъ на постройку Московско-Курской желѣзной дороги. П. Б.

[2]) Супругъ А. О. Смирновой, Николай Михайловичъ, служившій Петербургскимъ губернаторомъ и потому не уѣзжавшій въ Англію, гдѣ тогда временно поселилась его супруга. Въ Февралѣ 1861 года она была уже въ Петербургѣ. П. Б.

[3]) Сынъ А. О. и Николая Михайловича Смирновыхъ, Михаилъ Николаевичъ, ученикъ Я. П. Полонскаго, позднѣе кончившій свое ученіе въ Одесскомъ университетѣ. П. Б.

продолжаетъ быстро развиваться; недавно, покуда отецъ его дремалъ послѣ обѣда, у меня съ нимъ былъ споръ, который передаю на твое обсужденіе. Рѣчь зашла о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ, о которомъ онъ пишетъ статью въ гимназическій журналъ. На замѣчаніе, зачѣмъ не выбралъ лицо изъ Русской исторіи, онъ сталъ отстаивать Ричарда, а я доказывалъ превосходство характера Іоанна Грознаго или Годунова. Онъ назвалъ меня за это кваснымъ патріотомъ, а я ему въ отвѣтъ, что съ его просвѣщеннымъ патріотизмомъ онъ, когда выростетъ, будетъ такой же ни къ чему негодный, какъ всѣ ему подобные, что будетъ умно разсуждать о чужихъ странахъ, а для своего не сумѣетъ сдѣлать ничего путнаго.—Да я и не имѣю претензіи и не хочу, какъ совѣтуетъ папа, поступить въ университетъ въ юридическій факультетъ.—Какой же выберешь?—Филологическій съ историческими науками и словесными или математическій съ естественными?—Чтобы дѣйствовать, нужны, особенно въ твое время, твердый характеръ и сильная воля, и съ твоимъ самолюбіемъ, щепетильностію и слабостію характера лучше избрать мирную карьеру филолога или естествоиспытателя. Онъ вспыхнулъ, покраснѣлъ и, какъ всегда, когда ему замѣчаю, запѣлъ пѣсню: «задѣть мою амбицію я не позволю вамъ и пр.» Гимназія имѣетъ на него большое вліяніе. Не сомнѣваюсь, что въ гимназіи съ хорошимъ онъ набирается и дурнаго. Это не бѣда: воспитаніе не въ томъ, чтобы мальчикъ не зналъ дурнаго, отъ котораго трудно теперь уберечь, а въ томъ, чтобы зналъ и не дѣлалъ; но для этого надо мальчика испытывать, выпытывать и вó время объяснить, толковать, предостерегать. NN *), не зная Русскаго языка, этого, разумѣется, дѣлать не можетъ; иногда достаточно одно слово, нечаянно имъ произнесенное, чтобы вывелись разныя заключенія. Не пиши ничего объ этомъ Смирнову; онъ вообразитъ, что я подмѣтилъ что нибудь дѣйствительно, преувеличитъ, захлопочетъ, а въ результатѣ ничего не выйдетъ. Надо оставить до лѣта; сама лучше все устроишь. En somme онъ славный мальчикъ.

48.

С.-Петербургъ, 1862 г. 14 Марта.

Миша тебя поразитъ. Такъ онъ выросъ. Всю зиму былъ здоровъ и развивается. Нахожу удовольствіе съ нимъ разговаривать; имѣетъ рѣшительную страсть къ естественнымъ наукамъ; благодаря ему, я самъ прочелъ эстетику растеній, описаніе земнаго шара, все переводы прекрасные и очень любопытные; онъ самъ ихъ открываетъ. Порученіе твое исполнилъ: Евангеліе онъ читаетъ каждый день; я спросилъ вскользь и тотчасъ кончилъ. Въ этомъ отнюдь не надо насиловать;

*) Гувернеръ-иностранецъ. П. Б.

надо, чтобы полюбилъ; когда увидитъ, что тебя это сильно занимаетъ, что находишь въ чтеніи подобныхъ книгъ истинное удовольствіе, онъ смекнетъ, и на него это гораздо болѣе подѣйствуетъ, чѣмъ прямые совѣты. Внушить ему les bonnes habitudes, les bonnes moeurs—это уже твое дѣло; здѣсь подобнаго даже не понимаютъ. Все зло нашего воспитанія заключается въ томъ, что дѣтямъ какъ бы оффиціально говорятъ одно, а слышатъ они постоянно другое, тогда какъ первое они обыкновенно пропускаютъ мимо ушей, а къ послѣднему прислушиваются. У насъ такіе были случаи въ заведеніяхъ, и между прочимъ на дняхъ одинъ въ 3-й гимназіи (не хочу и описывать), что право ужасъ беретъ. Ничего подобнаго нигдѣ не бывало. Придираюсь къ словамъ твоимъ, что стараешься забывать о Россіи, и не буду тебѣ писать о всемъ зловѣщемъ, чтó у насъ говорится. Чтó ни день, то новость, чтó ни новость, то удивленіе. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ чтó говоришь о книгѣ Корфа, но общее мнѣніе противъ Сперанскаго. Корфъ успѣлъ и надолго очернить память Сперанскаго. По моему книга дурная, а поступокъ еще хуже.

Аксаковъ не понялъ своего положенія; журналъ его имѣетъ много хорошаго, но въ общемъ итогѣ болѣе вреденъ, именно потому что журналъ честный. Онъ подобно всѣмъ прочимъ раздуваетъ несогласіе, вражду, ненависть, которая уже замѣчается, и я боюсь,что приметъ страшные размѣры. Почему бы ему не высказать, что всѣ мы дѣти одной матери и, пожалуй, однихъ отцовъ? И пора кончить эти укоры, упреки, брань и ругательства. Впрочемъ, въ немъ выразилось то чѣмъ всегда грѣшили Славяне — отсутствіе благоволенія къ людямъ и гордость неимовѣрная, увѣренность въ своей непогрѣшительности. Всѣ негодны кромѣ насъ, а насъ всего десять на цѣломъ свѣтѣ. Свербеевъ (онъ теперь здѣсь), любящій Аксакова, но не говорящій ни съ Самаринымъ, ни съ Черкаскимъ, смотритъ на Аксакова какъ на сумасшедшаго и полагаетъ, что онъ дурно кончитъ: до того онъ увлекается, горячится и бѣсится. Можно ли постоянно стоять на ходуляхъ, не умѣть ни одного слова сказать просто, спокойно, разумно, какъ бы выразился Русскій народъ, имъ столько любимый? — Получила ли письмо Свербеева? Онъ молодецъ, махнулъ на все рукой, видитъ страшную будущность, но сказалъ себѣ: «видно, такъ Богу угодно». И дѣйствительно я нашелъ его совершенно спокойнымъ и болѣе даже веселымъ. Съ Мишей я пришлю тебѣ подарокъ Абрама Сергѣевича *), изданное имъ въ память покойной жены Евангеліе на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. Передавая мнѣ экземпляръ для тебя, онъ прибавилъ: «хотя она насъ забыла, но все же, надѣюсь, меня любитъ». Отчего

*) Норова. Въ этомъ изданіи принималъ близкое участіе П. И. Савваитовъ. П. Б.

бы тебѣ ему не написать? Онъ прекрасный человѣкъ, какъ ни говори, а 70-ти лѣтъ въ Октябрѣ безногому ѣхать въ Іерусалимъ, чтобы въ Февралѣ вернуться, обличаетъ необыкновенную искренность религіознаго чувства. Все думаетъ какъ бы совсѣмъ уединиться.

Пришлю съ Мишей также и нѣсколько №№ нашихъ духовныхъ журналовъ; увидишь, что по тону и содержанію они совсѣмъ не тѣ, чтó были. Въ нихъ однихъ вижу изъ-за всего, чтó вижу, слышу и читаю, хотя маленькія, свѣтлыя точки. Покуда они; но я увѣренъ, что когда духовенство, въ свою очередь, будетъ избавлено отъ крѣпостнаго состоянія, въ которомъ пребываетъ уже 150 лѣтъ, наше священство явитъ всѣ свойства истинныхъ служителей христіанской церкви; въ немъ не будетъ ни рѣзкой горячности католическихъ, ни гордой холодности протестанства. Вчера похоронили Нессельрода; онъ умеръ съ замѣчательной твердостію: за нѣсколько часовъ спросилъ бумагу и написалъ прощальныя письма m-me Лебихъ и компаніи.

49.

1862 г. 3 Мая.

Норову я передалъ твое письмо; бѣдный старикъ, немного оставленный, прослезился, читая твои дружескія строки. Свелъ къ нему и Мишу, онъ его очень обласкалъ, и Миша, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, показался мнѣ дикъ. Надо, чтобъ Ольга и Надя *) потрудились дать ему манеры джентльмена, которыхъ совсѣмъ не имѣетъ. Теперь онъ очень озабоченъ предстоящими экзаменами; хотя и говоритъ, что ему все равно, получить тройку или пятерку, лишь бы выдержать, но вретъ. Ты скоро увидишь его; во многомъ онъ будетъ тебя шокировать; но ты не смущайся; постарайся чтобъ онъ свободно съ тобой разговаривалъ и не забывай, что въ 15 лѣтъ кто любитъ чтеніе, тотъ всегда увлекается, болѣе или менѣе бредитъ и считаетъ себя мудрецомъ. Я не прочь отъ того, чтобы читалъ въ переводѣ иностранныхъ натуралистовъ и матеріалистовъ, лишь бы не читалъ нашу гадину, отъ которой, по счастію, отстаетъ. Ученые Нѣмцы и Англичане даже о лягушкѣ умѣютъ говорить съ благородствомъ тона, съ граціей, возбуждаютъ любовь къ природѣ и, главное, развиваютъ эстетическій вкусъ, который непремѣнно приведетъ человѣка рано или поздно отъ лягушки къ предмету болѣе духовному, тогда какъ наши передовые люди, не исключая и Аксакова, развиваютъ лишь грубость, цинизмъ, наглость и нахальство. Тебя бы вырвало отъ каждой почти страницы Петерб. журналовъ, и я увѣренъ, что со времени Гутенберга и Итальянца, вы-

*) Дочери А. О. Смирновой. П. Б.

думавшаго газету, подобной гадкой журналистики еще не бывало. Московскіе получше. Книги, которыя просишь, пришлю съ Мишей; ихъ взялись отыскать Норовъ и Гумаликъ. Плетневъ ожидаетъ твоего отвѣта; поспѣши, онъ былъ очень боленъ и хотя ему получше, но видимо тронулся. Что - то случилось у него подъ сердцемъ, и дѣлали операцію. Для твоихъ старыхъ друзей ты теперь еще дороже. О Вяземскомъ одно время были самыя плачевныя извѣстія; вынуждены были свезти его въ Бонъ; теперь получше, но кажется не возстановится. Самаринъ можетъ быть грустенъ; есть отъ чего, но зачѣмъ не скажетъ? Съ его умомъ, талантомъ и авторитетомъ честнаго человѣка его слова могли бы отстранить предметы грусти. Въ томъ-то и дѣло, что у всякаго свой кумиръ, и нѣтъ духу возстать противъ новомоднаго нашего Бога: либеральнаго общественнаго мнѣнія, хотя растрепаннаго и грязнаго.

50.

С.-Петербургъ, 1862 г. 21 Мая.

Новость у насъ, о которой всѣ говорятъ: назначеніе Константина Николаевича въ Варшаву. Чтò и какъ? Никто не знаетъ, но всѣ находятъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ и при его личности c'est très conséquent *). Вызвали Милютина, но онъ отказался ѣхать туда. Другая новость тебя поразитъ нелѣпымъ ужасомъ: явилась печатанная прокламація. Представь, въ ней говорятъ, что Герценъ, написавшій гдѣ-то, что послѣ 48 года онъ имѣетъ отвращеніе къ крови, никуда не годенъ, что надо за топоры и перерѣзать всю царскую фамилію, все дворянство и духовенство. Сочинители оказались дамы: une m-lle Александровская и m-me Bühler; попался и племянникъ Оболенскаго, молодой Евреиновъ. Говорятъ, что правительство хочетъ само ее напечатать; никто разумѣется не придаетъ тому важности, но чтò за ужасная ахинея въ головахъ! Лишь бы справиться съ крестьянскихъ вопросомъ, тогда вывернемся. Противъ ахинеи въ головахъ замѣчается уже сильная реакція; вчера «Русскій Вѣстникъ» прогремѣлъ противъ Герцена, какъ эта новая Пиѳія, этотъ комическій Цезарь, распорядитель судебъ Россіи, сидя подъ защитою Англійскихъ полисменовъ отъ воображаемыхъ имъ Брутовъ, посылаетъ нашу неопытную молодежь въ Сибирь или казематы.

Всѣ мы знаемъ, что насъ будутъ судить; но какъ судить, этого еще не бралась рѣшать ни одна церковь; вѣроятно на особыхъ вѣсахъ. Я, напримѣръ, слыву за такъ-называемаго религіознаго человѣка, а моя религіозность не перетянетъ, можетъ быть, чужой нерелигіозности. Я въ жизни баловень Божій, а нѣтъ ничего легче и пріятнѣе

*) Это очень послѣдовательно. П. Б.

какъ быть религіознымъ, когда все идетъ какъ по маслу. Клема [1]) былъ постояннымъ страдальцемъ; мало кто переносилъ страданія такъ безропотно, никто не довольствовался въ жизни такъ малымъ, ни про кого нельзя сказать какъ про него: «мухи не обидѣлъ и ни кому зла не сдѣлалъ». Самый его умъ, за который такъ теперь платитъ, былъ для него крестъ, а мой, мнѣ Богомъ данный, былъ мнѣ помощникомъ. Все это возмется въ строку. Примѣни это ко всѣмъ тебя окружающимъ и всей Англіи. Во сколько въ основаніи ихъ религіозности лежатъ довольство и матеріальное благосостояніе и во сколько это религіозность счастливыхъ людей. Тронь матеріальное благосостояніе, и тогда мы посмотримъ. Судя по ея политикѣ, мало въ ней христіанскаго; куда дѣвается вся религіозность, когда затронутъ ея интересъ; съ цинизмомъ кричитъ: мщеніе и кровь! Она проявится и у насъ, быть можетъ, благодаря Герцену, котораго на всякій случай она держитъ. Немало давала она намъ примѣровъ, и рано или поздно, а ея комфортъ и величіе тропутся, и тогда мы увидимъ, христіанская ли она нація. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ имъ довѣряешь.

51.

1862 г. 26 Декабря.

По словамъ Павла Вяземскаго [2]), Исакова, Бабста и другихъ лицъ, вызванныхъ въ здѣшнюю коммиссію, во всѣхъ университетахъ есть сильная партія консервативныхъ и умѣренныхъ профессоровъ и даже студентовъ, признающихъ необходимость принятія дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы покончить съ неурядицами. Въ одномъ Петербургѣ эта партія слабѣе, и этимъ подтверждается вредное вліяніе среды и Петербургскаго общества, гдѣ молодежь только и слышитъ критику и нападки на правительство.

Къ сожалѣнію, Путятинъ всѣхъ безъ разбору заподозрилъ въ революціонерствѣ, всѣхъ оттолкнулъ отъ себя; теперь видятъ, но поздно. Въ засѣданіи Совѣта князь Горчаковъ прямо сказалъ, что при настоящей власти Министерства Народнаго Просвѣщенія нельзя ожидать прекращенія безпорядковъ; Путятинъ тотчасъ поѣхалъ во дворецъ и выпросилъ увольненіе. Осининъ говоритъ, что онъ совсѣмъ упалъ духомъ, возстановивъ противъ себя всѣхъ и въ Россіи и даже въ Европѣ. Одинъ лордъ Непиръ здѣсь за него горой. Можешь себѣ представить, какого шуму надѣлало назначеніе Головнина. Изъ морской

[1]) Братъ А. О. Россета и А. О. Смирновой, отмѣнно даровитый человѣкъ, окончившій жизнь въ умственномъ разстройствѣ. П. Б.

[2]) Князь П. П. Вяземскій былъ тогда попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. П. Б.

воды прямо въ полымя! Находятъ въ высшей степени непослѣдовательнымъ. Увидимъ, какъ поведетъ дѣло. Большая разница дѣйствовать за кулисами критикою и совѣтами, или принять на себя отвѣтственность и быть поставленнымъ въ необходимость обрисовать себя окончательно. Часть общества до того возстала, что третьяго дня и вчера распространился слухъ, будто назначеніе пріостановлено вслѣдствіе открытія какой-то переписки съ заграничными лицами; но должно быть это выдумка. На мѣсто Александра Петровича [1]), не поладившаго съ министрами въ дѣлѣ бо́льшаго участія нашего духовенства въ народныхъ школахъ, назначаютъ Ахматова, Исакова, Ник. Адлерберга или Дм. Толстаго. Еще не рѣшено. Урусовъ отказался, Оболенскаго даже не именуютъ: такъ онъ упалъ и на верху, и въ общемъ мнѣніи. По крестьянскому вопросу начинаютъ сильно обрисовываться желаніе и необходимость раздѣлаться съ крестьянами такъ, чтобы само правительство выплачивало оброкъ по Положенію и, когда финансы позволятъ, совершило выкупъ. На предстоящихъ во многихъ губерніяхъ выборахъ вѣроятно въ этомъ смыслѣ составятся адресы; и дай Богъ, чтобы занялись этимъ, а не испрашиваніемъ разныхъ глупостей въ родѣ конституціи и проч., чего опасаются. Министръ Муравьевъ, по неудовольствію съ Константиномъ Николаевичемъ, уѣзжаетъ на дняхъ въ Ницу на 9 мѣсяцевъ; вмѣсто его Зеленый [2]). Сегодня уѣзжаетъ Вяземскій; онъ также плохъ, какъ былъ тому 10 лѣтъ. Оболенскій отложилъ выѣздъ до весны, но по моему плохъ, и ему не мѣшало бы поспѣшить до весны.

52.

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1864 г.

Дмитрій Оболенскій просилъ меня поговорить съ тобой о Самаринѣ. На дняхъ онъ выѣхалъ въ Варшаву, оттуда въ Венецію, а тамъ поѣдетъ къ тебѣ въ Торке. У него idée fixe, что начинается у него разжиженіе мозга, и нашелся въ Москвѣ одинъ докторъ-дуракъ, который поддержалъ его въ этомъ опасеніи. Какъ всѣ начальные больные, онъ очень мнителенъ и даже сердится, когда ему не вѣрятъ; необходимо, чтобы всѣ его разувѣряли, а также чтобы не залѣчили; отъ усиленной работы и сидячей жизни при его крѣпкой натурѣ у него просто приливы крови къ головѣ; нуженъ воздухъ, движеніе и отдыхъ отъ головныхъ занятій; пусть прибавитъ также строгій régi-

---

[1]) Графа Толстаго. П. Б.

[2]) Т. е. министромъ государственныхъ имуществъ. Вскорѣ товарищемъ къ нему назначенъ писавшій эти строки. Въ отсутствіи Зеленаго, онъ неоднократно правилъ министерствомъ и говорилъ Государю правду. Здоровье не дозволило ему долго занимать это мѣсто, и онъ назначенъ былъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и дожилъ свой вѣкъ. П. Б.

те. Убѣди его, что для начинающаго больнаго опытные больные, прошедшіе, какъ ты и я, чрезъ и насквозь всю медицину, гораздо полезнѣе опытныхъ докторовъ.

53.

С.-Петербургъ, 1864 г. 20 Октября.

Съ Ренанами и прочею братіею я покороче познакомился чрезъ Саго. Все что пишутъ не можетъ не смущать и сильно разстраивать умы, но все же это не дурно, ибо вызываетъ на сильный отпоръ. Дурно только, что Ренана прочли сотни тысячъ, а Саго извѣстенъ весьма немногимъ. Христіанство приставляютъ къ стѣнѣ, ему предстоитъ война, какой оно еще не вело; быть не можетъ, чтобы при всеобщемъ возбужденіи умовъ и какомъ-то шатаніи человѣчества не явились сильные умы и характеры; но всюду люди какъ-то измельчали. У насъ, разумѣется, это замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Куда не ладно идутъ дѣла внутри Россіи! Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія Государя. Весь заграничный эпизодъ здѣсь въ высшей степени не нравится; жаль, любишь его, и такъ бы хотѣлось, чтобы все, что̀ онъ дѣлаетъ, нравилось. Нехорошо фельдмаршалу *) жить за границей; онъ, какъ мнѣ кажется, единственный человѣкъ, которому Государь довѣряетъ, ибо съ молодыхъ лѣтъ былъ ему преданъ безкорыстно и оказалъ дѣйствительныя услуги.

---

*) Князю А. И. Барятинскому, который былъ друженъ съ А. О. Смирновой и по болѣзни тоже проживалъ въ Англіи. П. Б.

МОСКОВСКІЕ КОЛОКОЛА [1]).

Церкви Св. Параскевы, нарицаемыя Пятницы, также Бѣлоградскія, что у Старыхъ Поль, что у Житной площадки, позади Житнаго ряду, у Мучнаго ряду (въ Охотномъ ряду).

„7198 (1690) году мѣсяца Апрѣля въ 20 день, на праздникъ Воскресенія Христова...., дворецкой Матвей Тимоѳеевъ сынъ Одуевской по отцу своему къ церкви преподобныя матери нашея Параскевы въ приходѣ у двора боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, для своего душевнаго спасенія и жены и дѣтей своихъ и для поминовенія своихъ родителей и по довольствѣ временной жизни своей въ вѣчное поминовеніе души своей. Лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Матвѣевъ сынъ Ладыгинъ, а вѣсу въ немъ 64 пуда 15 фунтовъ“ [2]).

Церкви Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца, что въ Старыхъ Серебреникахъ, у рѣки Неглинки, у Трубы въ Крапивкахъ (нынѣ Константинопольское подворье).

„Лѣта 7197 (1689) году вылитъ сей колоколъ; приложили сей колоколъ отъ малаго своего подаянія за многое свое согрѣшеніе стольники князь Михайла да князь Иванъ Юрьевичи Ухтомскіе къ церкви преподобнаго отца Сергія чюдотворца, что межъ Петровки у рѣки Неглины у Трубы въ Старыхъ Серебреникахъ, для поминовенія усопшихъ сродниковъ своихъ; вѣсу въ семъ колоколѣ 73 пуда, денегъ за него 335 рублей, лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Ладыгинъ“.

Петровскаго Высокаго, что на Трубѣ у Петровскихъ воротъ, монастыря.

1) „Лѣта 7053 (1545) намѣнилъ колоколъ къ Святому Чюдотворцу Николѣ въ Смердыни Юрій Тимоѳеевъ сынъ Родичева“.

2) „Лѣта 7171 (1663) данъ сей колоколъ въ Петровской Высокой монастырь Петру митрополиту“.

---

[1]) См. выше, стр. 274-я.

[2]) Домъ князя Троекурова былъ рядомъ съ церковью, гдѣ нынѣ домъ Мѣщанскаго Общества.

Церкви Преображенія Господня, что на Пескахъ, за Петровскими воротами, въ Каретномъ ряду.

„Лѣта 7204 (1696) году Генваря, при державѣ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, перелить сей колоколъ во градъ Переславль-Залѣской въ соборную церковь Преображенія Господня при протопопѣ Алексіи съ братіею, а вѣсу въ немъ 30 пудъ“.

Церкви Преподобнаго Сергія, чтò на Дмитровкѣ (настоящая Успенія Пресвятой Богородицы).

1) „Лѣта 7144 (1636) году дали сей колоколъ прихожане Сергію Чюдотворцу, чтò на Дмитровкѣ, Мина Бавыка, да Артемій Карповъ, да Андронъ Ѳедалевъ, да Степанъ Самойловъ, да Василій Ивановъ, да Лука Семеновъ, да Аѳанасій Борисовъ, да Максимъ Фатьмановъ и всѣ прихожане, а вѣсу въ колоколѣ 8 пудъ 22 гривенки“.

2) „Вымѣненъ сей колоколъ къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Сергія игумена Радонежскаго чюдотворца, чтó на Дмитровкѣ, по родителяхъ, по Іоаннѣ и Петрѣ и по Матренѣ и по ихъ сродникахъ въ вѣчное поминовеніе, а вѣсу въ немъ 21 пудъ 10 фунтовъ“.

Церкви Св. Димитрія Селунскаго, чтò у Тверскихъ воротъ, у моста.

„1748 году Августа 13 день, а вѣсу въ немъ 50 пудъ 28 фунтовъ“.

Церкви Св. Алексія Митрополита, чтò на Глинищахъ.

1) „Лѣта 7199 (1691) году лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Моторинъ“.

2) „1750 году Генваря 30 день къ церкви Алексія митрополита, чтó на Глинищахъ, при священникѣ Василіи Сергѣевѣ, лилъ мастеръ Константинъ Слизовъ“.

Церкви Воскресенія Христова, чтó на Успенскомъ Вражкѣ (близъ Тверской).

1) „1796 года Марта 24 дня сей колоколъ къ церкви Воскресенія Христова, чтó на Успенскомъ Вражкѣ, при священникѣ Ѳеодотѣ Прóкопіевѣ, подаяніемъ доброхотныхъ дателей, вѣсу въ немъ 64 пуда“. На поверхности иконы Казанскія Богоматери и Святителя Николая.

2) „Литъ въ Москвѣ на заводѣ Григорія Иванова“.

Церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, чтò на Овражкѣ (въ Газетномъ переулкѣ).

„1711 году Марта въ 8 день вымѣненъ сей колоколъ къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, чтó на Успенскомъ Вражкѣ, прикладомъ Гри-

горія Ивановича Горихвостова, который былъ вылитъ 7160 (1652) году, а за дѣло и за прибавочную мѣдь дано 32 рубля подаяніемъ мірскихъ людей, тщаніемъ тоя церкви священника Іоанна Стефанова, вѣсу 36 пудъ 5 фунт.“

Церкви Св. Николая, что̀ на Хлыновѣ (настоящая въ честь Введенія Богородицы, прежде Введенскій дѣвичій монастырь).

На двухъ колоколахъ одна и таже слѣдующая надпись: „1796 года Апрѣля 11 дня вылитъ сей колоколъ въ царствующій градъ Москву къ приходъ святителя Николая Чудотворца, что́ на Хлыновѣ, при священникѣ Михайлѣ Игнатьевѣ, вѣсу 100 пудъ, литъ на заводѣ Никифора Вердонина, содержатель и мастеръ Казанскій купецъ Михайла Астраханцевъ“.

Никитскаго дѣвичьяго монастыря, что̀ на Никитской улицѣ.

1) „1748 году Апрѣля 6 день, вѣсу 30 пудъ, 36 фунтовъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ“.

2) „1807 году Марта 24 день вылитъ сей колоколъ въ Москвѣ къ церкви Спаса Преображенія Господня, что̀ въ Копьяхъ *), иждивеніемъ церковныхъ и доброхотныхъ дателей, вѣсу 73 пуда“.

Церкви Вознесенія Господня Большаго, за Никитскими воротами, на Царицыной улицѣ, въ Сторожахъ.

1) „1758 года Генваря 10 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Вознесенія Господня, что́ за Никитскими Воротами, на Царицыной улицѣ, вѣсу въ немъ 113 пудъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ“.

2) „1780 года Мая 25 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Вознесенія Господня, что̀ на Царицынской улицѣ и къ предѣлу Владимирскія Пресвятыя Богородицы и святителя чюдотворца Николая усердствовавшими, вѣсу 280 пудъ 6 фунтовъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Ясона Струговщикова“.

Церкви Св. Іоанна Богослова въ Бронникахъ, за Тверскими воротами, въ Бронной слободѣ, за Никитскими воротами.

„Лѣта 7200 (1692) году лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ“.

Церкви Св. Симеона Столпника на Поварской, за Арбатскими воротами въ Дехтеревѣ, огородѣ что на Стрѣшневѣ дворѣ (настоящая Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы).

1) „Лѣта 7193 (1685) году Апрѣля въ 4 день, сей колоколъ приложилъ къ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы и преподобному Симеону Столпнику стольникъ Симеонъ Ивановичъ сынъ Комсинъ, по своей душѣ и по родителяхъ своихъ“.

*) Церковь эта находилась близъ Большаго Театра и разобрана послѣ 1812 года.

2) „Лѣта 7186 (1678) году Августа въ 16 день вылитъ сей колоколъ при державѣ великаго государя царя и великаго князя Өеодора Алексѣевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца. Лилъ сей колоколъ мастеръ Өедоръ Моторинъ".

3) „Лѣта 1760 года Марта 10 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы и придѣла Симеона-Столпника, что̀ въ Поварской, тщаніемъ и вкладомъ за молитвами Святаго Димитрія митрополита Ростовскаго чудотворца и всѣхъ православныхъ христіанъ, въ бытность при священникѣ Михаилѣ Өедоровѣ, вѣсу въ немъ 170 пудъ, лилъ сей колоколъ алдерманъ Константинъ Слизовъ".

Церкви Святителя Николая Явленнаго на Арбатѣ, на Большой Смоленской улицѣ, за Смоленскими воротами, въ Стрѣлецкой слободѣ (настоящая Покрова Пресвятой Богородицы).

1) „Божіею милостію великій государь, царь и великій князь Михайла Өедоровичъ всея Руси самодержецъ и его царица великая княгиня Евдокія Лукіяновна и ихъ государскія дѣти государь царевичъ и князь Алексѣй Михайловичъ, государыня царевна и великая княжна Татіана Михайловна, государыня царевна и великая княжна Анна Михайловна, государыня царевна и великая княжна Наталья Михайловна сей колоколъ велѣли лить къ церкви Николы Чюдотворца Явленскаго, что̀ за Арбатскими вороты, лѣта 7146 (1638) году)".

2) „1751 года Іюня въ 1 день, при державѣ благочестивѣйшей и самодержавнѣйшей великой государыни императрицы Елисаветъ Петровны, вылитъ сей колоколъ къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и Николая Чюдотворца, что̀ на Арбатѣ, Явленскаго, тщаніемъ Правительствующаго Сената Конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина и коллежскаго совѣтника Бориса Өедоровича сына Щербачева, при священникѣ тоя церкви Иванѣ Гавриловѣ, мірскимъ подаяніемъ; въ старомъ вѣсу 164 пуда 10 фунтовъ, въ нынѣшнемъ новомъ колоколѣ вѣсу 212 пудъ 15 фунтовъ; литъ сей колоколъ на заводѣ Московскаго купца Данилы Тюленева". На поверхности колокола изображены: 1) Господь Вседержитель на престолѣ, 2) Святитель Николай, 3) Св. Апостолы Петръ и Павелъ. Между надписями вставлены въ двухъ мѣстахъ двуглавые орлы подъ тремя коронами, съ поднятыми крыльями и безъ аттрибутовъ въ лапахъ.

Церкви Знаменія Пресвятой Богородицы, что̀ на Знаменкѣ.

„1600 года Іюня 23 дня сей колоколъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, что̀ на Знаменкѣ, подаяніемъ приходскихъ людей, а переливалъ 1757 года".

На немъ же въ клеймѣ подъ короною: „А перелитъ въ царство государыни императрицы Елисаветъ Петровны".

Церкви Похвалы Пресвятой Богородицы въ Башмаковѣ, въ Башмачкахъ, у Всесвятскихъ воротъ, у Водяныхъ воротъ, въ Чертольѣ, Старой Прощи, что у Москвы рѣки на берегу, за Старымъ дровянымъ дворомъ, съ придѣломъ Свят. Николая Явленскаго, что въ Пречистенской улицѣ.

„Лѣта 7202 (1694) купленъ сей звонъ къ церкви Преподобныя Параскевіи въ мѣсто Порѣчье, на мірскіе гроши, вѣсу 3 пуда 6 фунтовъ".

Церкви Воскресенія Христова, зовомое Новое, у Зачатейскаго монастыря, что на Москвѣ рѣкѣ, за Пречистенскими воротами, на Грязи, въ Кіевцахъ, на Остоженкѣ.

„1754 году Марта 27 день вымѣненъ сей колоколъ въ церкви Воскресенія Христова, что за Пречистенскіе ворота, зовомо Старые *), раченіемъ священника Вукола Леонтьева, вѣсу 30 пудъ, 3 фунта, лилъ мастеръ Константинъ Слизовъ".

Церкви Св. Живоначальныя Троицы, что въ Стрѣлецкой слободѣ, въ Ивановѣ приказѣ Зубова, за Чертольскими вороты, въ Ивановѣ приказѣ Бѣгичева, за Пречистенскими вороты, что въ полку стольника и полковника Ивана Макшеева.

„1751 году Іюля въ 15 день вылитъ сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ славу и честь къ церкви Святыя Живоначальныя Троицы и къ придѣламъ Покрова Пресвятыя Богородицы и Чюдотворца Николая, что въ Зубовѣ, тщаніемъ тоя церкви священника Василія Аѳанасьева и раченіемъ церковнаго старосты купца Василія Алексѣева сына Бумажникова и протчихъ приходскихъ доброхотныхъ боголюбивыхъ дателей, вѣсу въ немъ 109 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

Церкви Святителя Николая въ Хамовникахъ.

1) „Лѣта 1685 году вылитъ сей колоколъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Ладыгинъ".

2) „Общимъ стараніемъ и раченіемъ приходскихъ людей 1784 году Мая 1 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Николая Чюдотворца, что въ Хамовникахъ, литъ на заводѣ Никифора Калинина, вѣсу 300 пудъ, лилъ мастеръ Яковъ Завьяловъ".

---

*) Эта церковь находилась также на Остоженкѣ, разобрана въ 1816 году, и на ея мѣстѣ домъ Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря.

Церкви Покрова Божія Матери, что̀ въ Старомъ Левшинѣ полку, что́ на Могильцахъ.

„1750 году Іюля 1 дня вылитъ сей колоколъ въ Москвѣ за Пречистенскіе вороты къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что́ въ Левшинѣ, тщаніемъ тоя церкви іерея Алексѣя Кирилова съ приходскими людьми, вѣсу въ немъ 80 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

Церкви Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины, за Пречистенскими воротами, въ новопостроенной Конюшенной слободѣ.

„1789 году Августа 16 дня сей колоколъ вылитъ къ церкви во имя Святыхъ Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, что́ Замоскворѣцкаго сорока тщаніемъ священника Михаила Павлова и господъ приходскихъ людей, вѣсу, въ немъ 243 пуда, 2 фунта. Литъ на заводѣ Никифора Калинина".

Новодѣвичьяго монастыря, что́ за посадомъ, на Дѣвичьемъ полѣ.

1) „Лѣта 7059 (1551) при царѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и преосвященномъ архіепископѣ Макаріѣ митрополитѣ всея Руси".

2) „Лѣта 7136 (1628) году Мая въ 3 день далъ сей колоколъ въ домъ Пречистой Богородицы Смоленской въ Новодѣвичь монастырь князь Алексѣй Ивановичъ Воротынской, по княгинѣ Маріи князя Ивана Михайловича Воротынскаго, по княгинѣ Маріи Петровнѣ, по своей матери и по своихъ родителяхъ".

3) „Лѣта 7138 (1630) Апрѣля въ 13 день при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Руси самодержцѣ въ его государской державѣ въ 17 лѣто и при благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ всея Руси и при великомъ господинѣ святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ Московскомъ и всея Руси, поставила сей колоколъ мати государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руси, инока великая государыня старица Мароа Ивановна въ домъ Пречистыя Богородицы Новодѣвичь монастырь по своей душѣ; игуменьѣ съ сестрами, которыя въ томъ монастырѣ будутъ, за тотъ нашъ вкладъ душу мою въ синодики написати, по вся дни поминати". На колоколѣ изображено Распятіе Іисуса Христа съ предстоящими; подъ нимъ въ клеймѣ агнецъ въ сіяніи около головы и съ хоругвею на плечѣ.

4) „Слитъ сей колоколъ на Москвѣ въ домъ Пречистыя Богородицы Одигитріи, чюдотворныя иконы Смоленскія, Божіею милостію, повелѣніемъ благовѣрнаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, въ Новодѣвичь монастырь, что́ за Посадомъ, лѣта 7159 (1651) году Сентября въ 1 день, а деньги сдавали вкладчики по обѣщанію. Мастеръ Микифоръ Барановъ. Вѣсу въ семъ колоколѣ 200 пудъ".

5) „Me fecit Daventriae. Amor vincit omnia. A. 1673. Henryck Thor Horst“ *). На поверхности колокола двуглавый орелъ, на груди котораго изображенъ въ клеймѣ конь.

6) „Лѣта 7192 (1684) мѣсяца Августа въ 3 день сей колоколъ вылитъ въ похвалу и славу и честь Богу, въ Троицѣ славимому и Пресвятѣй Богородицѣ и всѣмъ святымъ въ домъ Ея Пресвятыя Богородицы явленія иконы Смоленскія, Одигитрія нарицаемой, Новодѣвичій монастырь, повелѣніемъ благочестивѣйшихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, общими же съ ними великими государи изволеніемъ и согласіемъ сестры ихъ государскія великія государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи, Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи; понеже она государыня того святаго дому издавнихъ лѣтъ строительница, а нынѣ наипаче имѣетъ прилежное попеченіе къ устроенію, какъ отъ всѣхъ видимо, вѣсу въ немъ 540 пудъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳедоръ Моторинъ“.

7) „Лѣта 7196 (1688) Декабря 1 дня сей колоколъ вылитъ въ похвалу и славу и честь Богу, въ Троицѣ славимому, и Пресвятѣй Богородицѣ и всѣмъ святымъ, въ домъ Ея Пресвятыя Богородицы явленія иконы Смоленскія, Одигитрія нарицаемой, Новодѣвичій монастырь, повелѣніемъ благочестивѣйшихъ великихъ государей и царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, общими же съ ними великими государи изволеніемъ и согласіемъ сестры ихъ государскія великія государыни благовѣрной царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, понеже она государыня того святаго дому издавнихъ лѣтъ строительница, она великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, нынѣ наипаче имѣетъ прилежное попеченіе ко устроенію, какъ отъ всѣхъ видимо. Лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Ладыгинъ“.

8) „Божіимъ изволеніемъ сей колоколъ поставили стрѣльцы Темирева приказу Засѣцкаго 500 человѣкъ Великому Чюдотворцу Николѣ, что́ на Горкахъ, за Москвою рѣкою“.

Соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что́ въ селѣ Покровскомъ, Рубцовѣ тожъ.

1) „Божіею милостію, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича, всея Руссіи и по благословенію великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руссіи и по обѣщанію великія государыни иноки Марѳы Ивановны, слитъ колоколъ къ храму Покрова Пресвятыя Богородицы въ село Рупцово лѣта 1627 Сентября въ 14 день, мастеръ Филиппъ Григорьевъ“.

*) Меня дѣлалъ въ Давентріи. Любовь все побѣждаетъ. 1673 года Генрихъ Торъ Горстъ.

2) „Божіею милостію, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Руссіи и благословеніемъ отца его государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руссіи и по обѣщанію великія государыни иноки Марθы Ивановны слитъ колоколъ Покрову Пресвятыя Богородицы въ село Рупцово лѣта 1637 году Сентября въ 14 день".

3) „Me fecit Amstaerodami anno 1641 Assuerus Koster" *) На поверхности двуглавый орелъ, имѣющій крылья внизъ, съ коронами на головахъ и со всадникомъ; между головъ изображеніе креста; въ когтяхъ нѣтъ ни державы, ни скипетра.

4) „1742 году Апрѣля 22 дня вылитъ сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, при державѣ благочестивѣйшей и самодержавнѣйшей великія государыни императрицы Елисаветъ Петровны самодержицы Всероссійской, въ первое лѣто вступленія престола ея, въ село Покровское къ соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, милостивымъ ея императорскаго величества указомъ; вѣсу въ немъ 138 пудъ 7 фунтовъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Константинъ Михайловъ Слизовъ". На поверхности колокола изображенъ Спаситель на престолѣ съ двумя ангелами по бокамъ, и двуглавый орелъ съ поднятыми крыльями; въ срединѣ его, вмѣсто всадника, портретъ императрицы Елисаветы Петровны. Вокругъ орла слѣдующія буквы: Б. М. Д. Р. Е. С. В. П. П. В. В.

5) „Покрову въ село Рупцово, Сентября въ 14 день".

Церкви Воздвиженія Честнаго Креста Господня, что́ въ селѣ Красномъ (нынѣ Алексѣевскій дѣвичій монастырь).

„Божіею милостію и повелѣніемъ благовѣрнаго и благочестиваго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Алексія Михаиловича всея Руси самодержца, слитъ колоколъ въ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7156 (1648) году, въ 3 лѣто царства его, а вѣсу въ немъ 60 пудъ". Въ колоколѣ 12 сквозныхъ окошекъ.

Церкви Святаго Алексія митрополита, что́ въ Рогожской, въ Малой Алексѣевской слободѣ, на Подкопѣ, за Яузою.

1) „Въ 1729 году вылитъ сей колоколъ къ церкви Алексія митрополита, что́ въ Алексѣевской слободѣ, вѣсу 100 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Мо́torинъ".

2) „1784 года Августа 1 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Алексія митрополита, что́ въ Малой Алексѣевской, стараніемъ приходскихъ людей, вѣсу 300 пудъ, литъ въ Москвѣ на заводѣ Асона Струговщикова".

3) „1784 года Сентября 1 дня вылитъ сей колоколъ къ церкви Алексія митрополита, что́ въ Алексѣевской слободѣ, коштомъ прихожанина Василія Нечаева и приходскихъ людей, вѣсу... пудъ, литъ въ Москвѣ, на заводѣ Асона Струговщикова".

А. Мартыновъ.

*) „Сдѣлалъ меня въ Амстердамѣ въ 1641 году Асверъ Костеръ".

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ СЫНУ ЕГО ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ [1].

Теплицъ, 27 Іюля (9 Августа) 1838.

Пишу тебѣ въ первый еще разъ, любезный Низи, съ благодарнымъ къ Богу сердцемъ вспоминая, что тобою наградилъ насъ Господь, въ минуты самыя тяжкія для насъ, какъ утѣшеніе и какъ предвѣстникъ конца нашихъ разнородныхъ бѣдствій [2]). Вотъ и семь лѣтъ тому протекло, и вмѣстѣ съ этимъ, по принятому у насъ въ семьѣ обычаю, получилъ ты *саблю!!!* Великій для тебя и для насъ день! Для насъ, ибо симъ знакомъ посвящаемъ третьяго сына на службу будущую брату твоему и родинѣ; для тебя же тѣмъ, что получаешь первый знакъ твоей будущей службы. Въ саблѣ и въ мундирѣ офицера ты долженъ чувствовать, что съ сей минуты вся будущая твоя жизнь не твоя, а тому принадлежитъ, чьимъ именемъ получилъ ты сіи знаки. Съ сей минуты ты постоянно долженъ не терять изъ мыслей, что ты безпрестанно стремиться долженъ постояннымъ послушаніемъ и прилежаніемъ быть достойнымъ носить сіи знаки, не по лѣтамъ тебѣ данные, но въ возбужденіе въ тебѣ благородныхъ чувствъ, и съ тѣмъ чтобы нѣкогда достойнымъ быть своего званія.

Молись усердно Богу и проси Его помощи. Люби и почитай своихъ наставниковъ, чти твоихъ родителей и старшаго брата и прибѣгай къ ихъ совѣтамъ всегда и съ полною довѣренностью, и тогда наше благословеніе будетъ всегда надъ твоей дорогой головой. Обнимаю тебя отъ души, поручаю тебѣ поцѣловать братцевъ и поклониться отъ меня искренно Алексѣю Илларіоновичу [3]). Богъ съ тобой. Твой вѣрный другъ папà.

Н.

---

[1]) Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича-Младшаго, печатается съ собственноручнаго подлинника. П. Б.

[2])
Война и моръ
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,

Пушкинъ такъ писалъ про 1831 годъ. П. Б.

[3]) Философову. П. Б.

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЧИНОВНИКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ

(Петра Ивановича Голубева).

Въ жизни каждаго человѣка встрѣчаются случаи, могущіе служить руководствомъ или предостереженіемъ для другихъ людей, и потому весьма хорошо дѣлаютъ тѣ, которые оставляютъ по себѣ описаніе подобныхъ случаевъ. Съ этою собственно цѣлію, пишущій эти строки рѣшился оставить своимъ наслѣдникамъ записку о нѣкоторыхъ событіяхъ своей жизни, представляющихъ очевидное доказательство, что нашъ бѣдный разумъ не всегда въ состояніи отвращать преслѣдующія человѣка бѣдствія, и что спасти и защитить отъ нихъ можетъ только всесильная помощь Святаго Провидѣнія, если мы призываемъ ее съ вѣрою и надеждою.

Я не могу похвалиться ни древностію, ни знатностію моего рода. Самые даже случаи жизни моей отнюдь не стоятъ вниманія свѣта и должны оставаться единственно въ рукахъ моихъ родныхъ и наслѣдниковъ.

Предокъ мой былъ заслуженный солдатъ временъ Петра Великаго и Елисаветы Петровны. Прозвище Голубевъ указываетъ происхожденіе изъ духовнаго званія, такъ какъ эту фамилію носятъ, по большой части, духовные. Очень вѣроятно, что по закону о пріемѣ въ рекруты поповичей и сказанный предокъ нашъ взятъ былъ въ солдаты; но жизнь его отца и сословіе, къ которому прадѣдъ мой принадлежалъ, мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что послѣ долговременной военной службы онъ получилъ отставку, оженился уже въ немолодые годы и жилъ на Петербургской Сторонѣ.

Статская совѣтница Лаврентьева (супруга члена Главнаго Казначейства), умершая въ первой четверти текущаго столѣтія въ глубокой старости, разсказывала мнѣ, что прадѣдъ мой, не смотря на свой ничтожный чинъ, считался за честнаго и достойнаго уваженія старца, который дожилъ до ста лѣтъ и былъ любимъ всѣми своими сосѣдями. Они звали его *дѣдушка Романъ*. Лѣтъ за 40 до его смерти, родился у него сынъ Гаврило, котораго старикъ отецъ выучилъ, съ помощью Божіею, читать и писать и пристроилъ въ Военную Коллегію писаремъ.

Этотъ почтеннѣйшій Гаврило, кромѣ строгой честности, внушенной и наслѣдованной отъ отца, былъ очень бѣдный человѣкъ и не имѣлъ никакихъ особыхъ дарованій, ни въ наружныхъ, ни въ нравственныхъ качествахъ; но судьбѣ угодно было обогатить его, по свойственному ей капризу.

Теперь разсказъ мой отъ бѣдныхъ хижинъ Петербургской Стороны поднимается во дворецъ императрицы Елисаветы Петровны.

Одна изъ любимѣйшихъ дамъ Государыни, графиня Бутурлина *), имѣла у себя на воспитаніи дѣвочку, по имени Пашу, сиротку какого-то сержанта, убитаго во время Семилѣтней войны. Дѣвочка эта своимъ личикомъ очень понравилась графинѣ, которая представила ее Императрицѣ въ дворцовой церкви, когда Государыня и многія особы двора на Страстной недѣлѣ пріобщались Св. Таинъ. Малютка эта имѣла необыкновенное счастіе обратить на себя вниманіе Монархини: Императрица поднесла ее къ Святому Причастію.

Но эта великолѣпная заря ея жизни покрылась потомъ тучами житейскихъ бѣдствій. Дѣвочка расцвѣла подъ наблюденіемъ великодушной своей благодѣтельницы въ лучшемъ обществѣ, довольствѣ и счастіи. Примѣчательная по красотѣ своей, она могла бы сдѣлать прекрасную партію; впрочемъ графиня увлеклась мыслію, что воспитанница ея можетъ быть истинно-счастлива только съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ тому же сословію, изъ какого происходитъ она сама. Нашелся одинъ гвардейскій капитанъ, который просилъ у графини руки Пашеньки (тогда уже Прасковіи Семеновны) и получилъ отказъ. Ему было объявлено, что на постоянство его восторговъ не надѣются, что пламень его скоро можетъ погаснуть и что онъ броситъ потомъ безродную Пашеньку, какъ увядшій цвѣтокъ.

Воинъ однакоже не терялъ надежды и, вѣроятно, старался устроить атаку, чтобы овладѣть красавицей; но это ему не удалось. Опасаясь этого, конечно, подъ вліяніемъ своего предубѣжденія о равенствѣ сословій, графиня пожелала какъ можно скорѣе выдать Пашеньку замужъ. Явилась какая-то сваха и представила жениха—Гаврилу Голубева. Не совсѣмъ довѣряя разсказамъ этой женщины о непоколебимой честности и талантахъ хваленаго молодца, графиня отправила на Петербургскую Сторону своего гайдука, приказавъ ему хорошенько разузнать, чтó это за человѣкъ Гаврило Голубевъ? Посланный исполнилъ порученіе и доложилъ ея сіятельству, что онъ былъ въ хижинѣ престарѣлаго солдата и не нашелъ въ ней ничего, кромѣ образа, простаго

*) Графиня Екатерина Борисовна (р. 1703 † 1772), дочь князя Бориса Ивановича Куракина. П. Б.

деревяннаго стола, двухъ скамей и полочки съ зеленымъ стаканомъ; что сосѣди отзывались о старикѣ и сынѣ его очень хорошо; что молодой Голубевъ не гуляетъ, къ службѣ прилеженъ, къ отцу почтителенъ и ведетъ себя какъ красная дѣвица. Выслушавъ это, графиня изволила сказать, что бѣдности она въ состояніи пособить, а добрымъ сдѣлать можетъ только Богъ. Такъ свадьба Гаврилы съ красавицей Пашенькой состоялась. Супругамъ выстроенъ прекрасный двухъэтажный деревянный домъ. За невѣстою дано богатое приданое; молодаго тотчасъ же перевели въ инспекторскую экспедицію Военной Коллегіи генеральнымъ писаремъ по *рекрутской части*, и онъ скоро былъ произведенъ въ офицеры.

Переходъ отъ бѣдности и лишеній къ изобилію и счастію соблазнилъ Гаврилу. Мало ему было прекрасной жены и домашняго счастія; хотѣлось пожить, покутить, какъ и другіе богатые люди блистательнаго 18-го вѣка. Понадобились верховыя лошади, Цыганы, кареты, шлюпки и проч. и проч. Средства жены и его собственные, грѣшные и безгрѣшные доходы, все пошло на удовлетвореніе прихотей роскошнаго Гаврилы. Скоро надобно было прибѣгнуть къ кредиту; за нимъ остановки не было: гербовая и вексельная бумага была тогда не дорога. Съ производствомъ въ офицеры кругъ его знакомства распространился. Наконецъ издержки превысили и кредитъ, и всѣ его способы. Начали поступать на него долговыя претензіи; все что̀ найдено въ его домѣ и самый домъ проданы съ молотка; несчастная Прасковья Семеновна умерла съ горя, и Гаврило опять «*безъ денегъ и жены легъ на соломѣ спать*» *).

Послѣ прекрасной, умной и довольно образованной, по тогдашнему времени, жены остались у Голубева двое дѣтей, сынъ и дочь. Первый, стараніемъ матери, помѣщенъ былъ въ Академическую гимназію и пріобрѣлъ тамъ прекрасныя свѣдѣнія для жизни и службы; вторая выдана была замужъ за одного сержанта артиллерійскаго гарнизона. Дурное обращеніе мужа и недостатки скоро свели Наталью Гавриловну въ гробъ. Выдавъ дочь, Гаврило Романовичъ и самъ женился на какой-то Молдаванкѣ, толстой, неуклюжей бабѣ, у которой было однако настолько денегъ, что она могла этимъ замужествомъ пріобрѣсти званіе поручицы и прокормить своего мужа. Затѣмъ Ивану Гавриловичу не оставалось ничего болѣе какъ тоже жениться, потому что мачиха смотрѣла на него косо, и онъ въ родительскомъ домѣ не могъ имѣть спокойнаго крова.

---

*) Стихъ изъ поэта И. И. Дмитріева: „Альнаскаръ“, сказка.

Такимъ образомъ на 20-мъ году жизни онъ женился на дочери поручика Сысоева, Аннѣ Ивановнѣ, моей матери, не имѣя ничего самъ и не получивъ отъ бѣднаго своего тестя никакой помощи.

Иванъ Гавриловичъ началъ службу также въ Военной Коллегіи, но послѣ переведенъ былъ, еще до женитьбы, въ одну изъ четырехъ экспедицій Государственнаго Казначейства, именно въ 1-ю экспедицію о государственныхъ доходахъ, канцеляристомъ. Тамъ его полюбили и нашли очень способнымъ къ счетному дѣлу; скоро произвели его въ офицеры и сдѣлали помощникомъ бухгалтера съ жалованьемъ, по тогдашней дешевизнѣ достаточнымъ для содержанія небольшой семьи. Онъ исполнялъ однакоже, кромѣ своей должности, и обязанность бухгалтера, такъ какъ послѣдній употребленъ былъ начальствомъ для другаго дѣла.

Иванъ Голубевъ тянулъ свой гужъ безропотно, и тяжкіе труды не измѣняли его радушнаго характера и природной веселости. Всѣ наши родные со стороны матери моей долго еще по смерти его вспоминали о немъ съ любовію и уваженіемъ.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Павла I-го потребовалась строгая отчетность въ оборотахъ Государственнаго Казначейства вдругъ за нѣсколько лѣтъ. Чиновники не только ходили къ должности въ послѣобѣденное время, но часто за работою просиживали цѣлыя ночи. Отецъ мой, живя на Петербургской, въ то время самой грязной и бѣдной, сторонѣ города, въ зимніе мѣсяцы 1797—1798 гг. долженъ былъ ходить по ночамъ чрезъ Неву, по пустырямъ этой крайне отдаленной отъ главныхъ улицъ мѣстности и въ одну ночь подвергся было нападенію разбойника, но избавился отъ бѣды, благодаря быстротѣ своихъ ногъ. Впослѣдствіи, въ началѣ зимы 1800—1801 гг., онъ проломился на льду противъ Мраморнаго дворца и вытащенъ былъ близъ стоявшимъ извощикомъ. Купанье это было довольно продолжительно. Съ нимъ были казенныя бумаги, взятыя на домъ для поспѣшнаго ихъ окончанія; онѣ ушли было подъ ледъ, но по счастію онъ, не щадя жизни, барахтаясь въ водѣ, успѣлъ схватить ихъ подо льдомъ. Такъ воротился онъ домой весь обледенѣлый и, не смотря на всевозможныя пособія домашними средствами, впалъ въ жестокую горячку, отъ которой однакоже, съ помощію очень продолжительнаго лѣченія, почти избавился, но все таки погибъ отъ неосторожности доктора. Послѣдній на радостяхъ успѣшнаго лѣченія вздумалъ поздравить моего отца стаканомъ Рейнскаго вина и предложилъ также выздоравливающему выпить съ нимъ рюмочку для вящаго подкрѣпленія силъ. Вино принесли изъ погреба слишкомъ холодное; у отца сдѣлался страш-

ный кашель, а потомъ явилась чахотка, и онъ скончался въ Октябрѣ 1801 года.

Послѣ него остался я младенцемъ по четвертому году съ наслѣдствомъ по прямой нисходящей линіи въ шести рубляхъ государственными ассигнаціями. Хоронить отца было нечемъ; добрые его сослуживцы сложились и сдѣлали ему не пышное, но честное погребеніе.

Замѣчательно, что когда трупъ отца положили подъ образа, я бросился на смертный одръ, уговаривая мать, чтобы она не плакала, и что я буду писать дѣла своего отца. Это пророчество дитяти сбылось: начало моей службы дѣйствительно послѣдовало по тойже самой части, по которой служилъ мой отецъ.

Мать была беременна и разрѣшилась чрезъ три мѣсяца послѣ смерти мужа дочерью. Эта прекрасная малютка не могла однакоже вырости въ когтяхъ лютой нужды и умерла по другому году.

Теперь я начну собственную исторію. Если она можетъ представлять какой либо интересъ, то лишь однимъ проявленіемъ дивнаго Промысла надъ бѣднымъ и ничтожнымъ существомъ подобнымъ мнѣ.

Говорятъ: «бѣдность не порокъ», но это очень слабое утѣшеніе бѣдному. По смерти отца, мать моя продала все, что́ имѣло какую нибудь цѣнность, чтобы просуществовать со мною хотя нѣсколько мѣсяцевъ. Съ остальнымъ своимъ имуществомъ, состоявшимъ изъ сундука съ необходимымъ бѣльемъ, она переѣхала въ Коломну, въ домъ одной Нижегородской помѣщицы, Анны Ивановны Пантелеевой, дамы ласковой и сердобольной, которая со слезами смотрѣла на жалкую участь несчастной чиновничьей вдовы съ сиротами и брала весьма снисходительно 1 рубль 50 коп. въ мѣсяцъ за уголъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, или лучше за конуру, устроенную позади Русской печи, съ какимъ-то полуокошкомъ. О пособіи за службу мужа нечего было и думать: тогда не существовало никакихъ общихъ правилъ о вспомоществованіи вдовамъ и сиротамъ. Что жъ оставалось дѣлать матери? Трудиться? Конечно. Она была прекрасная швея, но, разрѣшившись отъ бремени, должна была кормить новорожденную и испрашивать у Бога пищу себѣ и мнѣ.

Да, испрашивать собственно у Него, потому что въ болѣзненномъ своемъ положеніи, по случаю родовъ, она не могла даже выйти на улицу, чтобы *протянуть руку*! Здѣсь невозможны были жалобы и стоны: хозяйка прислала бы сказать, что ее безпокоятъ. Нужна была молитва. Молитва принесена и услышана.

Въ этомъ же самомъ домѣ г-жи Пантелеевой жилъ придворный камеръ-лакей Диденко. Онъ былъ женатъ на дочери какого-то отставнаго военнаго генерала, вышедшей замужъ за Диденко по любви. Въ самомъ

дѣлѣ, это былъ бравый, честный, умный молодой человѣкъ. Прекрасная и образованная жена его, Варвара Тимоѳеевна, удостовѣрясь, что бѣдственное положеніе вдовы Голубевой произошло не отъ безпорядочной жизни, но по волѣ судьбы, тотчасъ же явилась къ матери моей, какъ ангелъ-утѣшитель, и раздѣляла потомъ съ нею все, что у нея готовилось для своего стола. Вдова и сиротки не только не нуждались въ пропитаніи, но я получалъ отъ Варв. Тим. всякій день много гостинцевъ, которые Диденко приносилъ домой изъ остатковъ отъ придворныхъ десертовъ. Такое счастіе было однакоже непродолжительно. Г-жа Пантелеева затѣяла въ домѣ своемъ разныя капитальныя передѣлки, и мать моя принуждена была съѣхать съ этой квартиры. Великодушная и благодѣтельнѣйшая Варвара Тимоѳеевна обязательно просила мою мать, чтобы она бывала у нея какъ можно чаще, хотя это съ четырехлѣтнимъ малюткой и груднымъ младенцемъ было почти невозможно. Мы переселились изъ Коломны на Петербургскую Сторону, въ квартиру одного очень бѣднаго таможеннаго чиновника. Онъ и его добродушная жена, при всей недостаточности своихъ средствъ, оказывали всевозможныя пособія матери моей дѣломъ и совѣтомъ. Этотъ таможенный чиновникъ, Лукьянъ Ивановичъ Матвѣевъ, остался навсегда нашимъ добрымъ знакомымъ. Изъ его квартиры насъ выжили также обстоятельства: на мѣсто моей матери Матвѣевъ помѣстилъ своего престарѣлаго отца, солдата, пожелавшаго предъ своею кончиною, чтобы любимый сынъ его, Лукьянъ, закрылъ ему глаза. На этой квартирѣ умерла моя сестра. Отсюда мать переѣхала на стеклянные заводы къ своей двоюродной сестрѣ, бывшей замужемъ за мастеромъ Карулинымъ, но прожила тамъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Ко всему сказанному я долженъ прибавить, что мать моя, безпрестанно стараясь объ улучшеніи своей участи, обращалась, по совѣту знакомыхъ и родныхъ, съ просьбою къ бывшему министру финансовъ, графу Васильеву, умоляя его исходатайствовать ей, по уваженію *слишкомъ* усердной службы мужа, пенсію или единовременное пособіе; но графъ, великій законникъ, нашелъ это совершенно невозможнымъ по кратковременности службы Голубева; потомъ мать моя, заливаясь слезами, просила записать меня, младенца, въ службу *), въ надеждѣ, что ближайшее начальство покойнаго ея мужа найдетъ средства назначить мнѣ какое нибудь жалованье. Ей казалось это возможнымъ, потому что, при жизни моего отца, графъ удостоивалъ его

*) Во времена Екатерины II-й это было въ обычаѣ; при Александрѣ I-мъ допускалось иногда, помимо закона.

особеннымъ вниманіемъ. Это слышалъ я отъ стараго, заслуженнаго человѣка, умершаго въ 1849 году въ званіи вице-директора Департамента Государственнаго Казначейства, Павла Петровича Янжулъ-Михайловскаго. Онъ разсказывалъ, между прочимъ, что однажды графъ Алексѣй Ивановичъ пріѣхалъ въ 1-ю экспедицію о государственныхъ доходахъ взять справку о томъ, сколько было въ разныхъ казначействахъ золотой монеты, и зная, что эти свѣдѣнія можно получить въ бухгалтеріи у Голубева, отправился прямо къ нему, сѣлъ возлѣ него, и приказалъ представить себѣ разныя соображенія по этому предмету. Вдругъ допотопная мебель измѣнила: стулъ подъ министромъ развалился въ осколки, и онъ упалъ, но не ушибся. Не смотря на это очень убѣдительное доказательство того, что надобно было завести новую мебель (о чемъ сдѣланъ былъ и особый докладъ), министръ, строгій блюститель казеннаго интереса, не далъ своего согласія на употребленіе необходимой для этого суммы. Такъ отказалъ графъ матери моей на довольно странную просьбу опредѣлить 10-ти лѣтняго малютку на службу. Онъ сказалъ ей: «Крайне жалѣю васъ; но куда я дѣну этого ребенка?»

Въ самомъ дѣлѣ, подобная мысль могла только родиться въ головѣ женщины, которая была увѣрена, что милость выше закона. Какъ бы то ни было, но, къ удивленію, эта мечта осуществилась. У матери моей была тетка, Авдотья Васильевна Иванова, вдова пропавшаго безъ вѣсти еще въ первую Турецкую войну временъ Екатерины II-й офицера. Она жила довольно долго ключницею у сенатора, тайнаго совѣтника Ивана Семеновича Захарова, извѣстнаго своею любезностію въ высшемъ кругу людей того времени и любовію къ славянизму, чѣмъ заслужилъ онъ особенное расположеніе министра и поэта Державина и дружбу адмирала А. С. Шишкова. Другія вліятельныя лица любили сенатора Захарова, какъ пріятнаго собесѣдника и гостепріимнаго барина. Иванъ Семеновичъ и все его семейство были чрезвычайно милостивы къ умной старушкѣ Авдотьѣ Васильевнѣ, и она успѣла обратить ихъ состраданіе на мою мать. Сенаторъ пожелалъ ее видѣть, обласкалъ меня и предложилъ матери моей помѣстить меня на казенное содержаніе въ гимназическій пансіонъ, бывшій при Императорской Академіи Наукъ, гдѣ учился и мой отецъ; но мать со слезами сказала, что она ни за какія блага въ мірѣ не можетъ выпустить меня изъ рукъ, такъ какъ я составляю единственное ея сокровище, и что она сочла бы величайшимъ для себя счастіемъ, еслибы можно было опредѣлить меня хоть на маленькое жалованье, во вниманіе къ службѣ отца, принесшаго самую жизнь свою въ жертву службѣ. При этомъ она разсказала о своемъ объясненіи съ министромъ

финансовъ и его отказѣ. Сенаторъ улыбнулся, пожалъ плечами и уѣхалъ по своимъ дѣламъ.

Чрезъ нѣсколько времени Авдотья Васильевна пріѣхала къ намъ на Петербургскую Сторону и сказала матери: молись Богу, Аннушка; я много говорила о тебѣ съ Иваномъ Семеновичемъ. Теперь отдай Петю мнѣ: я его возьму погостить къ намъ.

Мнѣ было у бабушки Авдотьи Васильевны хорошо. Всѣ Захаровы и особенно второй сынъ сенатора, Ростиславъ Ивановичъ, падшій подъ Бородинымъ, въ чинѣ капитана гвардейской конной артиллеріи, меня полюбили. Время проходило очень пріятно въ бѣганьѣ по саду и дѣтскихъ играхъ съ 8-ми-лѣтнею дочерью Ивана Семеновича, Амаліею.

У Захаровыхъ часто обѣдывали очень знатныя лица. Однажды въ числѣ гостей сенатора находились бывшій государственный казначей Ѳедоръ Александровичъ Голубцовъ и управлявшій 4-ю экспедиціею о недоимкахъ Петръ Васильевичъ Храповицкій, родной братъ извѣстнаго статсъ-секретаря Императрицы Екатерины II. Иванъ Семеновичъ нашелъ удобный случай завести разговоръ о недостаточности въ Россіи правилъ для вознагражденія службы не достигшихъ высшихъ ея степеней чиновниковъ, отличающихся впрочемъ особенною признательностію начальства. Кстати Иванъ Семеновичъ разсказалъ о зимнемъ купаньѣ отца моего въ Невѣ, о совершенно безпомощномъ состояніи вдовы Голубевой и такъ разжалобилъ добрѣйшаго Ѳедора Александровича, что тотъ приказалъ Храповицкому немедленно зачислить меня на службу съ возможнымъ окладомъ жалованья. Это сдѣлали на другой же день. Между управляющимъ 1-ю экспедиціею Рязановымъ и 4-ю Храповицкимъ начался даже споръ: первый хотѣлъ взять меня къ себѣ, ссылаясь на то, что у него же служилъ и отецъ, а другой находилъ, что опредѣлить меня поручилъ ему самъ государственный казначей.

Такъ я зачисленъ былъ на службу 8-ми лѣтъ съ 1-го Января 1804 г. копіистомъ, съ жалованьемъ по 75 рублей ассигнаціями въ годъ.

Мать моя не знала, какими молитвами возблагодарить Провидѣніе за оказанную намъ милость. Это сдѣлано было незаконно, и въ то время подобныя распоряженія уже не дозволялись; но, какъ говоритъ Тристрамъ Шенди, ангелъ, записавъ этотъ грѣхъ Голубцова, смылъ его слезою состраданія къ несчастной вдовѣ и сироткѣ бѣднаго чиновника.

Теперь мать моя весело принялась за иголку, и ей оставалась одна забота—доставить мнѣ нѣкоторое образованіе къ тому времени, когда я долженъ буду поступить на службу. Читать она выучила меня

сама безъ большихъ трудовъ, а первыя каракули выписывалъ я по рисунку таможеннаго чиновника Матвѣева, о которомъ говорено выше. Онъ по добротѣ своей предложилъ моей матери безкорыстно, чтобы я ходилъ къ нему учиться чистописанію. Труды его святы; но онъ не могъ положить мнѣ своимъ руководствомъ прочнаго основанія, и сколько я ни старался впослѣдствіи исправить свой почеркъ, но очень мало въ этомъ успѣлъ.

Бѣдное чиновничье племя и теперь имѣетъ крайне скудныя средства къ образованію, а тогда они были тѣмъ хуже, что въ этомъ сословіи утвердился предразсудокъ, будто большое ученье не нужно, а лишь бы только мальчикъ научился мало мальски писать, такъ и опредѣляй его скорѣе въ Сенатъ или куда Богъ велитъ: будетъ получать какое нибудь жалованье, хотя на сапоги, а все таки въ семейномъ быту подспорье.

Этотъ глупѣйшій предразсудокъ остановилъ и мать мою согласиться на великодушное предложеніе сенатора Захарова помѣстить меня въ Академическій пансіонъ. Такимъ образомъ, послѣ недолгихъ занятій въ домашнемъ искусѣ писать каракули у Матвѣева, пришлось отдать меня во Введенское уѣздное училище. Оно состояло тогда изъ 4-хъ классовъ и, еслибы учителя исполняли свою обязанность по уставу Екатерины II-й, то и они могли бы преподать нѣкоторое образованіе; но эти господа, получавшіе, по старымъ штатамъ, ничтожное содержаніе, принуждены были искать, кромѣ служебныхъ, еще и другихъ способовъ къ пропитанію себя и семействъ своихъ, давая приватные уроки, и съ тѣмъ вмѣстѣ очень мало обращали вниманія на выполненіе обязанностей по училищу. Смотрителемъ Введенскаго училища былъ тогда коллежскій совѣтникъ М. П. Зубаковичъ, человѣкъ отличныхъ качествъ, но, сострадая къ положенію бѣдныхъ учителей, часто смотрѣлъ на ихъ упущенія сквозь пальцы. Они даже могли оправдываться невозможностію исполнять свои обязанности по краткости учебнаго курса. Въ самомъ дѣлѣ, данныя тогда руководства не приносили никакой пользы; напримѣръ книги Всеобщей Исторіи состояли изъ 3-хъ огромныхъ томовъ, а какъ разумно прочитывать ихъ совершенно неразвитымъ мальчикамъ было бы безполезно, а выучивать наизусть, по обширности текста, невозможно, то и оставалось изученіе Исторіи предать на волю Божію. При постороннихъ посѣтителяхъ учителя часто лицемѣрили довольно забавно. Разумѣется, что въ теченіе годичнаго курса надобно-же что нибудь дѣлать, и мы выучивали изъ этой увѣсистой Всеобщей Исторіи нѣсколько параграфовъ твердо, какъ Помилуй мя Боже. Изъ этихъ краснорѣчивыхъ параграфовъ одинъ, именно 18-й, изложенъ на многихъ печат-

ныхъ страницахъ и повѣствовалъ о томъ, какъ Іосифъ Прекрасный проданъ былъ братьями купцамъ иноплеменнымъ. Случалось, что въ училище являлся какой нибудь отецъ-купецъ, или почтеннаго вида г-жа секретарша, провѣдать объ успѣхахъ любезныхъ чадъ своихъ; тогда учитель вызывалъ ихъ на средину класса и, погладивъ по головкѣ, приказывалъ имъ разсказать 18 §. Ребята, безъ запинки, громогласно читали въ долбяжку, одинъ начало, другой продолженіе этого параграфа, не останавливаясь на знакахъ препинанія. Умиленные родители уходили изъ школы совершенно удостовѣренные въ томъ, что ихъ дѣти выучены превосходно. Когда насъ перевели въ 4-й, высшій классъ Введенскаго училища, то, при самомъ началѣ учебнаго курса, учитель написалъ на классной доскѣ геометрическую пропорцію: 375: 1820=650: X. Эта задача простояла весь курсъ безъ рѣшенія и объясненія, и только при выпускѣ изъ училища мы догадались, что она написана была не для насъ, а для начальства и посѣтителей, чтобы имъ пустить пыль въ глаза и чтобъ они видѣли, что мы занимаемся пропорціями, а въ самомъ-то дѣлѣ мы занимались пропорціями шалостей. По желанію матери моей я остался въ 4-мъ классѣ еще на одинъ годъ *для усовершенствованія*!!!

Къ вящшему вреду для нравственности, вмѣстѣ съ мальчишками учились разнымъ нелѣпостямъ и дѣвочки. Въ низшихъ 2-хъ классахъ, гдѣ ребятишки были не старѣе 7—10 лѣтъ, это еще можно было допустить, такъ какъ есть много бѣдныхъ родителей, не имѣющихъ средствъ выучить грамотѣ своихъ дочерей; но двѣ дѣвицы благородныхъ родителей переведены были, по собственному желанію послѣднихъ, въ 4-й классъ, гдѣ уже были молодцы въ 16 и 17 лѣтъ. Одна изъ этихъ дѣвицъ, дочь коллежскаго совѣтника Карякина, отличалась любовію къ ученію, прекрасною наружностію и примѣрною нравственностію. Конечно она немного полезнаго вынесла изъ училища, но пробыла въ немъ до окончанія класснаго годичнаго курса. Эта личность, въ послѣдствіи, имѣла замѣчательное вліяніе на всю жизнь мою, о чемъ скажу послѣ.

Такъ вышелъ я изъ училища рѣшительно ни съ чѣмъ, послѣ пятилѣтняго, почти безполезнаго ученія. Правда, я зналъ четыре правила Ариѳметики изъ простыхъ чиселъ, также именованныхъ и дробей, но не умѣлъ ни доказать своихъ ариѳметическихъ дѣйствій, ни примѣнить ихъ къ практикѣ; заучилъ кое-что изъ чрезвычайно краткой Грамматики Ломоносова, но очень дурно писалъ, а на самомъ дѣлѣ былъ всегда первымъ или однимъ изъ первыхъ учениковъ. По обыкновенному порядку вещей, я не могъ надѣяться сдѣлать когда нибудь

себѣ карьеру по службѣ, и всѣ желанія мои должны были ограничиваться навсегда званіемъ плохаго писаря.

Мать моя, осчастливленная опредѣленіемъ меня на службу, не обращалась ни къ кому изъ начальниковъ нашихъ съ просьбою о прибавкѣ мнѣ жалованья и, не смотря на крайнюю еще свою бѣдность, считала благомъ земнымъ и то, что мы не могли умереть съ голоду при жалованьѣ въ 75 рублей асс.

Въ 1809 году состоялись новые штаты для экспедицій, бывшихъ въ вѣдѣніи государственнаго казначея. Носились печальные для меня слухи, что по этому случаю едвали я могу остаться на службѣ, и непремѣнно останусь за штатомъ. Но во мнѣ принялъ участіе извѣстный баснописецъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ, товарищъ отца моего по службѣ въ 1-й экспедиціи. По его ходатайству, меня перевели изъ 4-й экспедиціи во вновь образованную тогда *экспедицію о государственныхъ доходахъ* *) съ жалованьемъ по 150 р. асс. въ годъ.

Измайловъ, поступивъ въ нее старшимъ столоначальникомъ, взялъ меня къ себѣ въ 3-й столъ. Это было тоже, чтó переводъ изъ гарнизона въ гвардію, ибо только въ первыхъ трехъ столахъ этой экспедиціи можно было надѣяться на возможность какого либо отличія. Объ этой неожиданной милости Провидѣнія знакомые наши извѣстили мать мою въ день Рождества Христова, 25 Декабря 1809 года. Трудно описать нашу радость.

Дальнѣйшіе успѣхи мои разумѣется зависѣли отъ дѣйствительной службы; но прежде разсказа о вступленіи моемъ въ должность, я нахожу нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о моемъ самообразованіи.

Чтò могла сдѣлать со мною по этому предмету бѣдная мать моя, не получившая сама никакого образованія? Она выучила меня молиться, внушила мнѣ отвращеніе ко всякому безчестному поступку, своими кроткими наставленіями научила вѣрить всѣмъ сердцемъ, что всякій успѣхъ зависитъ отъ благословенія Божія; имѣя отъ природы прекрасный голосъ и отличную память, она пѣла мнѣ, въ свободное время, разные церковныя стихиры, даже цѣлые каноны большихъ праздниковъ. Я слушалъ ее съ особеннымъ удовольствіемъ, и такимъ образомъ она сдѣлала со мною то, что церковь, ея обряды, пѣснопѣнія, одежды и проч. были для меня самыми интересными и пріятнѣйшими предметами разговора, и я не только съ удовольствіемъ, но даже съ какою-то гордостію подавалъ въ церкви кадило священнику и діакону и выносилъ на выходахъ съ Евангеліемъ передъ царскими дверьми

---

*) Въ составъ ея вошли: бывшіе 1-я, 2-я и 4-я экспедиціи, а 3-я составила особое ревизіонное мѣсто, подъ названіемъ государственной экспедиціи для ревизіи счетовъ.

свѣчу; пріучился къ порядку церковной службы и до двадцатилѣтняго возраста участвовалъ въ небольшомъ хорѣ пѣвчихъ, устроенномъ однимъ чиновникомъ-любителемъ при церкви Св. Апостола Матѳія, чтó на Петербургской Сторонѣ. Хоръ этотъ состоялъ изъ чиновниковъ же разныхъ присутственныхъ мѣстъ и мальчиковъ, набранныхъ изъ Введенскаго училища.

Въ другихъ отношеніяхъ средства для моего воспитанія были слишкомъ жалки: я былъ въ обществѣ родственниковъ съ материной стороны; отъ отца родни вовсе никакой не осталось. Эти мои родственники были страшные невѣжды, ненавистники всякой образованности. Бывъ еще дитятею, если я обращался къ взрослымъ съ просьбою объяснить мнѣ какое нибудь слово или дѣло, мнѣ всегда отвѣчали пословицею, *много будешь знать—скоро состарѣешься* или напоминали мнѣ, что мальчишка не долженъ заводить разговоръ съ большими. У меня, между прочими, была родственница, меньшая сестра моей матери, Прасковья Андреевна. Съ первыхъ дней своего рожденія она воспитывалась не при отцѣ, человѣкѣ очень недостаточномъ (Сысоевѣ, см. выше), но у родныхъ, людей темныхъ, не по ихъ поведенію, а по совершенному невѣжеству. Эта г-жа была довольно красивая блондинка, имѣла способности, но осталась безграмотною. По имени роднаго отца, отечество ея было Ивановна, однакожь ее называли *Андреевною*, по имени кормильца. Впослѣдствіи эти же родные выдали ее за 60-ти лѣтняго старика, лейбъ-кучера, вершковъ 14 ростомъ и соразмѣрно-тучнаго, тогда какъ она была 19 лѣтняя, невысокаго роста и довольно слабаго здоровья дѣвушка. Лѣтъ черезъ пять послѣ брака съ неровнею она умерла. Но при жизни ея мать моя часто гостила у нея вмѣстѣ со мной. Это гостбище было страшнымъ для меня мученіемъ. Я не слыхалъ отъ своей любезной тетушки ни одного ласковаго слова, а напротивъ того долженъ былъ безпрестанно слушать разные выговоры: то зачѣмъ я хожу по комнатѣ и не даю никому уснуть послѣ обѣда; то зачѣмъ сижу какъ сидень. Разъ какъ-то зимою, мать моя сѣла на лежанку. Удостоясь отъ тетушки замѣчанія, что я расходился и затопчу только что вымытые въ Субботу полы, я влѣзъ на лежанку и сѣлъ возлѣ матери. Чрезъ нѣсколько минутъ тетушка снова замѣтила, зачѣмъ жмусь къ матери и грѣюсь? Я тотчасъ соскочилъ съ печи, но къ несчастію, на бродившаго возлѣ лежанки цыпленка и задавилъ его ногою на повалъ. Тутъ поднялась уже цѣлая буря и возобновлялась потомъ очень часто при воспоминаніяхъ о задавленномъ цыпленкѣ. И другіе родственники не уступали моей теткѣ въ нѣжностяхъ со мною. Ихъ выговоры и нелѣпыя наставленія сдѣлали меня робкимъ и остановили развитіе слова, такъ

что даже въ старости моей я не могу, безъ нѣкотораго смущенія выражать вполнѣ мои мысли, тогда какъ иное было бы нужно изъяснить съ подробностію. Вообще чрезвычайно жаль, что грубые и невѣжественные люди всегда почти берутъ на себя очень охотно должность наставниковъ и учителей, вовсе о томъ не прошенные. Но милосердіе Промысла не оставило меня безъ помощи и въ этомъ положеніи.

Одна зажиточная вдова, у которой былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 15-ти, и двѣ дочери, случайно познакомившись съ моей матерью, перезвала ее къ себѣ въ домъ безъ платежа за квартиру, и даже обѣщала, за пріятную бесѣду моей матери, дѣлиться съ нею столомъ и чаемъ. Это была вдова инженеръ-унтеръ-цейгвахтера Рудамаева, убитаго параличемъ въ день Свѣтлаго Воскресенья 1809 года. Она была оригинальная женщина: вѣчно носила глубокій трауръ, смѣхъ и забава бѣжали отъ нея безъ оглядки; была набита вздорными предразсудками, впрочемъ очень желала дать хорошее образованіе своимъ дѣтямъ, особенно сыну, чтобы онъ могъ сдѣлать порядочную карьеру по службѣ. Словесныя науки, также Французскій и Нѣмецкій языки преподавалъ ея дѣтямъ одинъ частный учитель, окончившій курсъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ; кромѣ того молодой Рудамаевъ учился математикѣ въ бывшемъ училищѣ при С.-Петербургской крѣпости, кажется, въ кондукторской школѣ. Въ послѣдствіи, передъ производствомъ этого молодаго человѣка въ офицеры, его мать дорого платила одному заслуженному артиллерійскому штабъ-офицеру за преподаваніе сыну ея уроковъ высшей математики, артиллеріи и фортификаціи. Этотъ сынъ Рудамаевой, Егоръ Демидовичъ, получилъ отъ природы необыкновенно счастливыя дарованія: удивительную память и какое-то чудное стремленіе добиваться ясности тамъ, гдѣ обыкновенныя способности встрѣчаютъ неодолимыя трудности. Нравъ его былъ вспыльчивый и чрезвычайно энергическій; онъ имѣлъ довольно доброе сердце и всегдашнее расположеніе сообщать свои познанія другимъ, если они находили удовольствіе его слушать. Этимъ прекраснымъ его качествомъ воспользовался только одинъ я. Онъ сдѣлался моимъ наставникомъ, не замѣчая того. Сначала онъ встрѣтилъ мое невѣжество жестокими насмѣшками, и наши съ нимъ разсужденія часто рѣшались дракой, потому что мы были оба мальчики, съ тою только разницею, что онъ былъ немного постарше, умнѣе и образованнѣе меня. Въ этихъ дракахъ побѣды нравственныя и физическія конечно были всегда на его сторонѣ. Въ этомъ домѣ я, подражая сыну хозяйки, чрезвычайно пристрастился къ чтенію. У Рудамаевыхъ была въ полномъ распоряженіи библіотека извѣстнаго заводчика Баташева, находившаяся въ одномъ изъ его домовъ на Петербургской Сторонѣ: слѣдовательно

въ книгахъ у нихъ не было недостатка. Мы читали всякій вздоръ, но иногда находили наслажденіе прочитывать и дѣльныя сочиненія. Сначала я читалъ ихъ почти изъ одного подражанія, мало понимая прочитанное, и потому только, что ихъ читалъ Егоръ Демидовичъ; но онъ, для шутки, обнаруживалъ во мнѣ непониманіе, насмѣхался надъ моей простотой, и въ тоже время объяснялъ мнѣ то, что́ понималъ хорошо самъ. Такимъ образомъ, года черезъ два послѣ нашего переѣзда къ Рудамаевымъ, и я сталъ ловить рыбу въ книжномъ морѣ. При этомъ невольно приходитъ на память извѣстная басенка Дмитріева.

„Простой цвѣточикъ дикой
Попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой.
И чтоже? Отъ нея душистымъ сталъ и самъ.
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ“.

Въ 1809 году Рудамаевъ былъ произведенъ въ инженеръ-подпоручики, познакомился съ разными очень хорошими личностями, и къ намъ приходили на бесѣду нерѣдко порядочные молодые люди изъ сосѣдей; разговоры наши касались, какъ водится, городскихъ и правительственныхъ новостей, театральныхъ представленій и разныхъ былей и небылицъ. Эти маленькія бесѣды приносили пользу взаимною критикою, подавая случаи къ практикѣ въ разговорѣ и къ объясненію мыслей и чувствованій. Однимъ словомъ, время, проведенное мною у Рудамаевыхъ, я считаю особымъ для себя счастіемъ, такъ какъ безъ того я остался бы совершеннымъ дикаремъ и невѣждою. Все это продолжалось до 1815 года, когда мать моя, имѣя у Рудамаевыхъ очень дурную квартиру и притомъ совершенно убѣдясь, что хозяйка вовсе не сдержала даннаго слова снабдить ее хорошею комнатою и столомъ, принуждена была, съ увеличеніемъ содержанія моего по службѣ, найти другое помѣщеніе. Вскорѣ затѣмъ и самъ Егоръ Демидовичъ, перемѣнивъ родъ службы, долженъ былъ уѣхать отсюда. По этому случаю не могу не сказать нѣсколько словъ о немъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе о живости его характера, особенно потому, что онъ былъ лицомъ слишкомъ вліятельнымъ на мое бѣдное образованіе. Память его останется для меня навсегда незабвенною.

Съ производствомъ въ офицеры, ему поручено было начальствомъ преподаваніе въ кондукторской школѣ инженернаго вѣдомства чистой математики. Онъ велъ отлично свое дѣло. Императоръ Александръ I-й, удостоивъ своимъ посѣщеніемъ школу, былъ особенно доволенъ классомъ Рудамаева и пожаловалъ ему подарокъ изъ Кабинета. Вскорѣ отрекомендовали Егора Демидовича въ учители къ сыновьямъ графа Витгенштейна, только что возвратившагося тогда въ Петербургъ къ

своему семейству въ лаврахъ отечественной войны. Однѣ выгодныя кондиціи открываютъ другія, и Рудамаевъ приглашенъ былъ для преподаванія математики молодымъ Кетлерамъ, отрасли знаменитыхъ нѣкогда Курляндскихъ герцоговъ. Тогда земныя блага полились на учителя изъ рога изобилія, и понятно, что онъ вовсе охладѣлъ къ исполненію своихъ обязанностей по кондукторской школѣ. Это замѣтили. Выговоръ за выговоромъ преслѣдовали его. Строгій и отмѣнно дѣльный генералъ, въ послѣдствіи графъ Опперманъ (главный тогда послѣ великаго князя, генералъ-фельдцейгмейстера, Николая Павловича, начальникъ военныхъ инженеровъ) далъ предписаніе, что онъ, Рудамаевъ, увольняясь отъ преподаванія математики въ школѣ, командируется къ генералъ-квартирмейстеру Барклаю-де-Толли, родному брату генералъ-фельдмаршала, для черченія плановъ важнѣйшихъ Европейскихъ крѣпостей. Рудамаевъ понялъ опалу и гоненіе отъ своего начальства изъ того, что оно, смѣстивъ его отъ учебныхъ занятій въ простые чертежники, жестоко наказало тѣмъ офицера за упущенія обязанностей, жестоко, но справедливо, и не задумался. Отъ притиранія глазныхъ вѣкъ повареннымъ лукомъ они сдѣлались у него, какъ у голубя, красны. Явясь къ генералъ-квартирмейстеру съ такими глазами, онъ получилъ первый вопросъ «вы больны?»—Боленъ, глазами.—«Для моего дѣла продолжалъ Барклай-де-Толли нуженъ офицеръ съ хорошимъ зрѣніемъ; извольте идти въ свое мѣсто». Разумѣется, что изъ этого вышелъ крайне-досадный для Оппермана случай, и онъ далъ, въ тоже время, Рудамаеву другое, новое предписаніе: отправиться немедленно въ Ставрополь для построекъ и ремонтовъ тамошнихъ инженерныхъ зданій. Это была сущая и вѣчная ссылка. Въ такомъ положеніи дѣла, поручикъ Рудамаевъ сказался больнымъ и тотчасъ явился съ просьбою о помощи въ столь критическихъ обстоятельствахъ къ родителю однихъ учениковъ своихъ, вліятельному тогда графу Петру Христіановичу Витгенштейну. Онъ утѣшалъ бѣднаго офицера обѣщаніемъ своего покровительства. Вслѣдъ затѣмъ, по высочайшему приказу, Рудамаева перевели въ Тенгинскій пѣхотный полкъ съ производствомъ въ капитаны. Графъ Витгенштейнъ взялъ его къ себѣ адъютантомъ. Съ тѣхъ поръ я ничего не слыхалъ о немъ до 1829 года, когда онъ, при расформированіи бывшей 2-й арміи, изъ полковниковъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленъ Таганрогскимъ градоначальникомъ. Тогда ему было не болѣе 35 лѣтъ отъ роду. Рѣшась упрочить свое благосостояніе женитьбою на богатой дворянкѣ, онъ былъ уже помолвленъ съ одною прекрасною дѣвицею; но, къ несчастію, у него заведена была красавица-Жидовочка. Узнавъ, что другъ ей измѣняетъ, она, безъ жалобъ и упрековъ, напоила его

чайкомъ, и невѣрный другъ заплатилъ за измѣну жизнію. Такъ окончилась карьера необыкновенно даровитаго Егора Демидовича. Съ крайнимъ сожалѣніемъ я долженъ сказать, что онъ никогда не искалъ помощи Провидѣнія, но слишкомъ много надѣялся на собственныя способности, желая устроить свое счастіе.

Чтобы описать, по возможности, приблизительно характеръ этого замѣчательнаго человѣка, скажу объ немъ еще нѣсколько словъ.

Онъ былъ большой поклонникъ женскаго пола и принесъ ему въ жертву, къ несчастію, слишкомъ преждевременно даже и жизнь свою; любилъ въ своихъ поступкахъ держаться правилъ, какія извлекалъ или изъ чтенія, или изъ опыта. Въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ онъ принималъ за догматъ слѣдующія слова изъ одной Французской пѣсни, ловко пересаженной на Русскій языкъ и напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 года. Вотъ они:

„Кто хочетъ быть вѣрно счастливымъ
Въ прелестныхъ любовныхъ дѣлахъ,
Тотъ выучись быть терпѣливымъ
И твердымъ въ напастяхъ, бѣдахъ.
Любовь—война! Побѣда для героя,
Зеленый лавръ дается не за сонъ!
Кто хочетъ мира и покоя,
Тотъ не ходи за Рубиконъ.
Предвидѣть опасности должно;
Амуру служить, не тужить;
Трусливымъ успѣть невозможно,
Но дерзкимъ позволено быть.
Любовь—война и проч.".

Егоръ Демидовичъ былъ не врагъ дивановъ («месть Русскимъ отъ султановъ» *); не пренебрегалъ междугрядьемъ въ огородахъ и полугрязными рощами нашей Петербургской Стороны.

Описываемый теперь случай требуетъ слѣдующаго объясненія.

Мы съ Рудамаевымъ помѣщались въ одной комнатѣ. Это была затѣйная пристройка изъ кокоръ къ капитальнымъ стѣнамъ деревяннаго дома, въ родѣ свѣтлицы; дверь въ нее была одностворчатая и при движеніи своемъ на ржавыхъ петляхъ скрипѣла такъ, что звукъ отъ нея нисколько не уступалъ кавалерійской трубѣ.

Изъ множества дамъ и не дамъ, т. е. простянокъ, онъ привлекъ особенное вниманіе одной красивой, порядочно образованной и милой г-жи Д. . . . ., супруги одного изъ крупныхъ провіантскихъ чиновниковъ. Этотъ г-нъ былъ часто въ командировкахъ по службѣ и, во время одной изъ нихъ, осенью 1814 г., Егоръ Демидовичъ услаждалъ

*) Стихотвореніе Дмитріева „Модная жена".

грустные вечера разлуки Мавры Ильиничны, г-жи Д . . . . . . Однажды, въ страшную всякому и прекрасную лишь однимъ любовникамъ Октябрьскую ночь, добрѣйшая г-жа Д. . . . . изъ сожалѣнія, что дождь, который лилъ ручьями, замочитъ, а ужасный сѣверный вѣтеръ простудитъ милаго собесѣдника, пригласила его ночевать, а «Филатъ тому и радъ». Одноэтажный домъ, гдѣ была квартира Д. . . . ., находился на углу Малаго проспекта и Подрѣзовой улицы. Теперь на мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ домъ въ 1814 г., въ слѣдующихъ годахъ выстроенъ другой; но грубые жильцы его вѣроятно не умѣютъ утѣшаться въ дни разлуки, какъ Мавра Ильинична.

Но «наслаждайся и остерегайся», говорилъ мнѣ мой дѣдушка; а этого мой другъ, Е. Д., не зналъ. Подъ окнами раздался вдругъ топотъ почтовыхъ лошадей, гикъ ямщика и стукъ въ ворота и ставни. «Ахъ Боже! Это мужъ мой!»... Для основательныхъ размышленій о томъ, чтó дѣлать, какъ поступить, чтó говорить не было времени. Егоръ Демидовичъ былъ въ полномъ дезабилье; онъ «схватилъ въ охабку кушакъ и шапку», сталъ въ сѣняхъ за распашную дверь и, пока изъ кибитки деньщикъ и горничная носили въ комнаты вещи и гостинцы, успѣлъ шмыгнуть въ отворенную калитку и былъ таковъ. Кто знаетъ, чтò такое на земномъ шарѣ Петербургская Сторона, тотъ легко можетъ вообразить путешествіе нашего героя по благословенному Малому проспекту и разнымъ улицамъ, въ полуаршинную глубиною грязь, при непощадномъ вѣтрѣ, проливномъ дождѣ, босикомъ въ одной рубашкѣ..... Вдругъ, наша створчатая дверь страшно заревѣла. Егоръ Демидовичъ съ деньщикомъ своимъ, Прохоромъ, вошли какъ бѣшеные въ комнату, и начались возможныя исправленія: очистка излишней грязи и проч. и проч.; а все-таки, *ура*! не посрамимъ земли нашей трусостью или глупостью. А какъ вы, благосклонные читатели думаете о послѣдствіяхъ? Горячка? Смерть? Ничего не бывало. Молодость поправила все!! Офицеръ отдѣлался насморкомъ. Почтительный къ начальству Прохоръ, разумѣется, объ этомъ ночномъ приключеніи зналъ лишь про себя.

Вскорѣ г. Рудамаева перевели отсюда въ м. Тульчинъ, Подольской губерніи, гдѣ расположена была 2-я армія, бывшая подъ начальствомъ графа Витгенштейна и въ 1829 г. упраздненная. Рудамаевъ оставался здѣсь и вскорѣ пожалованъ изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Къ дѣтскому возрасту принадлежатъ три случая со мною, доказывающіе странную игру судьбы для сохраненія моей неважной жизни.

I.

Мнѣ было около девяти лѣтъ, и мы съ матерью жили въ такъ-называемой Безымянной улицѣ на Петербургской Сторонѣ, у одной вдовы придворнаго служителя, Анплеевой, занимая маленькую комнату или почти уголокъ. Я заболѣлъ корью и лежалъ въ постели. Главный періодъ этой болѣзни, появленіе сыпи, наступилъ. Однажды, въ жестокую зиму, хозяйка, въ отсутствіе моей матери, желая согрѣть домъ, закрыла слишкомъ рано трубу жарко вытопленной Русской печи, и мать моя, возвратившись домой, нашла меня въ совершенно безчувственномъ состояніи отъ угара. На ея отчаянный крикъ сбѣжались хозяйка, ея дочери и другая жилица; онѣ рѣшились оттирать меня снѣгомъ; вынесли въ холодныя сѣни, при 20 градусахъ мороза, и въ самомъ дѣлѣ привели меня въ чувство. По общему порядку вещей, мнѣ слѣдовало умереть; но Провидѣнію угодно было, чтобъ я вскорѣ совершенно выздоровѣлъ.

II.

У матери моей былъ родственникъ, очень пожилой и чрезвычайно добрый, нѣкто г. Молодецкій. Зная бѣднѣйшее положеніе наше, онъ, при обширномъ знакомствѣ своемъ, рекомендовалъ многимъ мать мою, чтобы доставить ей, какъ очень искусной швеѣ, работу. Въ одно время этой работы скопилось такъ много, что мать моя не могла бы ее окончить къ назначенному сроку. По этому случаю родственникъ нашъ пригласилъ ей въ помощь еще одну небогатую женщину съ тѣмъ, чтобы онѣ, въ особо отведенной для нихъ комнатѣ, могли ускорить трудъ совокупно. Надобно сказать, что этотъ г. Молодецкій былъ художникъ перваго выпуска Русской Художественной Академіи, отличный хлѣбосолъ, небогатый, но радушный господинъ, и домъ его считался пристанищемъ для всѣхъ его родныхъ и друзей. Въ 1807 году онъ служилъ при строеніи здѣшней биржи. Мать моя, какъ я уже сказалъ, имѣла необработанный, но прекрасный сопрано и большую ловкость въ исполненіи Русскихъ пѣсенъ. Такъ по вечерамъ она, отъ скуки, пѣла разныя пѣсенки и романсы. Изъ нихъ особенно нравилась бывшая тогда въ ходу пѣсенка: «*Полно, пѣночка любезна, горьки слезы проливать*». Мелодія этой длинной пѣсенки очень проста, и складъ словъ не затѣйливъ; но гости г. Молодецкаго приходили изъ другихъ комнатъ гурьбой слушать мою мать, восхищаясь симпатичнымъ ея голосомъ.

Окончивъ свою работу, она торопилась со мною домой. Это было въ Ноябрѣ 1807 года. Ледъ на Невѣ только что остановился по Малой Невкѣ, но ходили уже во всѣхъ направленіяхъ. Намъ надо было

перейти отъ Стрѣлки, т. е. отъ биржи, на Петербургскую Сторону; день былъ пасмурный, и въ 3-мъ часу начинало смеркаться. Между тѣмъ какъ самъ хозяинъ, такъ и родной его племянникъ Аврамъ Ивановичъ Мельниковъ (въ послѣдствіи заслуженный профессоръ Академіи Художествъ по части архитектуры) приступили къ матери моей съ неотступными просьбами, чтобы она продиктовала имъ пѣсенку «*Полно, пѣночка*». Нечего было дѣлать, началось писанье подъ диктовку; вдругъ прибѣжали съ берега крѣпостные люди г. Молодецкаго и съ ужасомъ разсказывали, что ледъ на Невѣ двинулся снова и Нева дѣлаетъ страшныя опустошенія, коверкая зазимовавшія суда и барки. Очень ясно, что если бы не остановка для списыванія пѣсенки, то, переправляясь по льду черезъ Неву, мы пропали бы непремѣнно; но Провидѣнію угодно было спасти насъ.

III.

Въ 1809 году придворный камеръ-лакей Диденко, о которомъ я говорилъ выше, лишась жены, бывшей ангеломъ-хранителемъ моей матери въ ея безпомощномъ положеніи, вскорѣ женился на другой, изъ крѣпостныхъ, но также очень доброй женщинѣ. Мать моя знала ее еще при жизни Варвары Тимоѳеевны, первой жены Диденко, и потому знакомство наше съ его семействомъ не прекратилось.

На Святой недѣлѣ 1807 года мы были у моей тетушки, жены лейбъ-кучера Найденова, гдѣ я имѣлъ неловкость задавить курицу. По предложенію матери мы втроемъ, т. е. она, тетушка и я, отправились въ гости къ Маврѣ Яковлевнѣ Диденко, въ домъ Жадимеровскаго, близъ Круглаго рынка. Вечеръ нашъ начался, какъ водится, чаемъ. Когда сняли со стола чайный приборъ, то мы расположились около этого стола съ разными книжками, картинками и игрушками, какія нашлись у дѣтей Диденки, а ихъ было трое: одинъ старшій отъ первой жены, мальчикъ лѣтъ шести, и двое отъ другой; одному было два, другому три года. Намъ прислуживалъ крѣпостной мальчикъ хозяина, Василій, мой одногодокъ, лѣтъ двѣнадцати. Между разными игрушками я нашелъ мѣдную пушку. Василій сказалъ мнѣ, что баринъ иногда стрѣлялъ изъ нея въ комнатѣ, забавляя дѣтей; я спросилъ: гдѣ же у нихъ порохъ? Здѣсь въ шкафу, отвѣчалъ слуга, и вынулъ оттуда обернутый въ картузную бумагу стаканъ, наполненный порохомъ до верху и крѣпко перевязанный отъ самого дна до краевъ Голландской веревочкой. Перевязка была сдѣлана такъ ловко, что еслибы мы ее развязали, то уже не сумѣли бы укупорить порохъ попрежнему. Василій однакоже преодолѣлъ это препятствіе, сдѣлалъ на бумагѣ, сверху стакана, небольшую дырочку и высыпалъ на столъ нѣсколько пороху.

Между тѣмъ я стоялъ, а малютки сидѣли, подпершись локотками около небольшаго круглаго стола, на которомъ подавался чайный приборъ. Насыпанный порохъ я зажегъ, и вспышка доставила всѣмъ намъ большое удовольствіе. Насыпали пороху еще, и еще и радовались на свой фейерверкъ, какъ вдругъ, отъ воспламененія носившейся по столу пороховой пыли, послѣдовалъ взрывъ всего стакана. Ударъ былъ не легче ружейнаго выстрѣла. Сидѣвшія въ другой комнатѣ госпожи страшно испугались и бросились къ намъ, но не могли ничего разглядѣть въ густомъ дыму, отъ котораго невозможно было дышать и который въ туже минуту распространился по всей квартирѣ. Открыли окна и форточки, и когда дымъ нѣсколько разсѣялся, то съ удивленіемъ увидѣли всѣхъ насъ невредимо сидящими и стоящими около стола; но мы были такъ испуганы, что ни одинъ изъ насъ не могъ отвѣчать ни на какой вопросъ. Хозяйка однакоже тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло, и вся честная компанія опрокинулась на меня, увѣряя, что я, какъ старшій изъ всѣхъ, изволилъ допустить подобныя шалости и былъ причиною такой ужасной катастрофы. Конечно мнѣ уже нечего было и оправдываться. Вспоминая иногда этотъ случай, я не перестаю удивляться, какъ спаслись всѣ мы, то есть зрители-дѣти и артисты нашего фейерверка, я и Василій, отъ множества осколковъ и острыхъ иверней *) разбитаго въ дребезги стакана и какъ никто изъ насъ не былъ изувѣченъ? Надобно признаться, что главнымъ распорядителемъ этого фейерверка былъ я; за то мнѣ и досталось претерпѣть наказаніе своего рода. Моя тетушка придумала для меня Китайскую казнь. По ея совѣту, мать моя послала меня на другой день къ Маврѣ Яковлевнѣ съ извиненіемъ, и я былъ еще тогда такъ простъ, что исполнилъ это съ невыразимымъ стыдомъ и горемъ.

Другихъ опасныхъ со мною случаевъ или особенно замѣчательныхъ своихъ шалостей въ продолженіе дѣтскихъ лѣтъ не помню.

Время мое было обыкновенно занято чтеніемъ. Это обратилось въ какую-то физическую для меня потребность, и мать моя очень досадовала, что я мало говорилъ съ нею и не могъ ни пить, ни ѣсть безъ книги въ рукахъ. Въ 1811 году я перестаяъ ходить во Введенское училище и немедленно, 13 Іюля, отправился вмѣстѣ съ матерью къ столоначальнику бывшей экспедиціи о государственныхъ доходахъ, Александру Ефимовичу Измайлову, который въ тотъ же день и принялъ меня въ число своихъ подчиненныхъ.

---

*) Вышедшее изъ печатнаго употребленія слово. По Словарю **Даля** — **верешокъ**, щепа, осколокъ. П. Б.

Мнѣ дали перебѣлить какой-то очень перемаранный отпускъ съ письма отъ министра финансовъ къ главнокомандовавшему тогда Молдавскою арміею, Голенищеву-Кутузову, о жалованьѣ переводчикамъ Булгакову и Меликову. Не выучась въ школѣ ровно ничему годному для службы, я очень дурно переписалъ данную мнѣ бумагу, но привыкнувъ отыскивать при чтеніи ясный смыслъ, не сбился ни въ одной строчкѣ и разобралъ, не спрашивая никого, довольно нечеткое письмо отпуска. Это замѣтили, и на меня обратилъ особенное вниманіе, тогда еще очень молодой, но отлично умный человѣкъ, Василій Филатовичъ Мироновъ. Онъ всегда отличался превосходнымъ поведеніемъ и удивительно красивымъ почеркомъ, какого я въ послѣдствіи уже никогда ни у кого не встрѣчалъ. Этотъ молодой человѣкъ сдѣлался для меня путеводною звѣздою по службѣ и очень много способствовалъ мнѣ въ началѣ моего служенія дѣломъ и совѣтомъ.

Впрочемъ, говоря вообще, тогдашняя служба была не трудна, и общество старшихъ чиновниковъ какъ нашего 3-го стола, такъ и нѣкоторыхъ другихъ частей экспедиціи, скорѣе могло назваться собраніемъ умныхъ и образованныхъ людей, нежели работниковъ. Нашъ столоначальникъ Измайловъ, мой крестовый братъ (родитель его Ефимъ Ѳедоровичъ былъ моимъ крестнымъ отцемъ, а онъ крестилъ мою сестру), любимый всѣми сослуживцами, издавалъ, вмѣстѣ съ молодымъ писателемъ Беницкимъ, ежемѣсячный журналъ «Цвѣтникъ», въ которомъ помѣщались прекрасныя прозаическія статьи послѣдняго и стихотворенія, особенно басни, Измайлова. Работа у насъ нѣсколько прекращалась на два дня въ недѣлѣ, именно въ Среду и Пятницу, когда г.г. управлявшій экспедиціею Лубьяновичъ и старшіе совѣтники, Миллеръ и Розенбергъ, отправлялись къ министру финансовъ Гурьеву съ докладными бумагами. Въ эти дни къ столу А. Е. Измайлова собирались литераторы - сослуживцы и писатели - друзья изъ другихъ вѣдомствъ: Д. М. Княжевичъ, Н. И. Ѳедоровъ, Милоновъ, Гракатинъ, Н. И. Гречъ, тогда уже извѣстный журналистъ, и многіе другіе; всѣ они были членами существовавшаго тогда *Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.* Въ этомъ 3-мъ столѣ экспедиціи читались появлявшіяся на горизонтѣ словесности небольшія новыя сочиненія и читались самими авторами, или искуснѣйшими чтецами изъ упомянутыхъ выше писателей. Я слушалъ ихъ изъ своего скромнаго уголка съ величайшимъ наслажденіемъ. Этимъ удовольствіемъ я не могъ бы воспользоваться, если бы не былъ подготовленъ къ тому долговременнымъ чтеніемъ и разговорами съ даровитымъ Е. Д. Рудамаевымъ. Но эти наслажденія, какъ и всѣ человѣческія радости, были непродолжительны. Въ концѣ 1811 года, благодѣтель мой, А. Е. Измайловъ назначенъ

былъ, по высочайшему указу, младшимъ совѣтникомъ экспедиціи, съ чѣмъ вмѣстѣ его резиденція и товарищи перешли въ другую, отдаленную отъ нашего 3-го стола, комнату, а этотъ столъ отданъ подъ начальство статскаго совѣтника Александра Семеновича Зыбелина, бывшаго воспитанника Московскаго Благороднаго Университетскаго Пансіона, человѣка очень образованнаго, но совсѣмъ другихъ свойствъ, нежели А. Е. Измайловъ. Съ этого времени узналъ я, что̀ значитъ служба. Столоначальникъ началъ журить меня за мой очень дурной почеркъ; кромѣ того онъ, по природѣ острословъ и насмѣшникъ, преслѣдовалъ каждое неловкое мое слово и неискусное дѣло шуточками и прибауточками, напримѣръ: если у меня долго не стрижены были волосы, онъ дразнилъ меня, называя Корельскимъ губернаторомъ, но впрочемъ, будучи очень добрымъ человѣкомъ, понималъ мое бѣдственное съ матерью положеніе и старался всячески улучшить его нѣкоторыми изрѣдка, сколько могъ, прибавками къ жалованью, и безпрестанно требовалъ, чтобъ я старался чище и правильнѣе писать.

Тысячи разъ, со слезами глубокой благодарности, приношу за тебя, благороднѣйшая душа, сердечную молитву, чтобы милосердый Господь Богъ далъ тебѣ Царствіе Небесное.

Зыбелинъ продолжалъ меня преслѣдовать за дурной почеркъ, и я употреблялъ всевозможное стараніе къ его исправленію, что̀ однакожс было для меня нелегко. У насъ въ экспедиціи щеголяли чистописаніемъ; требовались: четкость, правильность буквъ, ровность строкъ, правильность переносовъ; почистки были крѣпко не терпимы, особенно въ бумагахъ, заготовлявшихся къ подписи министра. Тогда не было въ употребленіи нынѣшнихъ транспарантовъ, и одинъ только долговременный навыкъ и безпрестанное упражненіе въ чистописаніи могли поправить почеркъ испорченный въ школѣ. Поэтому я съ 1811 до 1816 года не могъ оказать никакого отличія. Меня употребляли для пришиванія къ дѣламъ бумагъ, посылали въ архивъ требовать старыя дѣла, отправляли за справками въ другіе столы; заставляли перебѣлывать бумаги, переписывать копіи, снимать съ полокъ высокихъ шкафовъ разныя запыленныя бумаги и ходить за разными свѣдѣніями въ другіе департаменты и присутственныя мѣста. Съ терпѣніемъ и безропотно переносилъ я насмѣшки и разныя несправедливости, а между тѣмъ терпѣлъ съ матерью величайшую бѣдность, при маломъ жалованьѣ и увеличивавшейся ежегодно дороговизнѣ. Лучшимъ утѣшеніемъ для меня было общество Рудамаевыхъ и чтеніе. Впрочемъ въ 1816 году ближайшее начальство мое стало замѣчать, что, кромѣ невозмутимой кротости и прилежанія моего, я получилъ и нѣкоторый навыкъ къ дѣламъ. Обращеніе со мною высшихъ и низшихъ сослуживцевъ примѣтно улуч-

шалось, и собственныя мои старанія увеличивались. Я добровольно взялъ на себя веденіе по 3-му столу входящаго и исходящаго реестровъ и находилъ своего рода удовольствіе не ограничиваться при этомъ краткостью, но всякой предметъ излагалъ въ возможной ясности и даже подробно. И хотя товарищи посмѣивались надъ моею подробностію, но послѣдствія этого вышли для меня самыя благодѣтельныя. При помощи изрядной моей памяти я довольно скоро узналъ весь ходъ нашихъ текущихъ дѣлъ, часто почтительнѣйше напоминалъ своему столоначальнику о необходимости сдѣлать повтореніе какого нибудь требованія, дать такое или другое направленіе такому-то дѣлу для успѣшнѣйшаго его окончанія, и нечувствительно сдѣлался въ столѣ не только полезнымъ, но даже необходимымъ чиновникомъ. Василій Филатовичъ Мироновъ, руководитель мой и другъ, не только не завидовалъ возраставшей ко мнѣ довѣренности начальства, но напротивъ того очень ей радовался, потому что успѣхи мои открывали ему возможность перейти въ другую часть, на высшую должность. Почеркъ мой безпрестаннымъ стараніемъ также очень исправился, и если мнѣ было нельзя, по причинѣ плохаго первоначальнаго ученія, сдѣлаться каллиграфомъ, то по крайней мѣрѣ я могъ переписывать порядочно министерскія бумаги.

Описавъ обстоятельства, относящіяся къ началу моей неблистательной службы, обращаюсь на минуту къ романическимъ случаямъ своей жизни.

Выше сказалъ я, что вмѣстѣ со мною училась въ народномъ училищѣ дочь чиновника бывшей экспедиціи о гербовой бумагѣ, коллежскаго совѣтника Карякина, Елисавета Николаевна. Она оставила школу прежде меня болѣе нежели цѣлымъ годомъ. Ей было около 15 лѣтъ, какъ я, въ день Рождества Христова, 25 Декабря 1812 года, увидѣлъ ее, вмѣстѣ съ двумя другими старшими сестрами, въ церкви Матвѣя Апостола, во время обѣдни. Удивительная перемѣна въ ея ростѣ и чертахъ лица, самый костюмъ, приличный взрослой и благородной дѣвицѣ, подѣйствовали на меня невыразимо. Казалось, что я лишился всѣхъ моихъ чувствъ, кромѣ зрѣнія, и не спускалъ съ нея глазъ во все время обѣдни. Съ тѣхъ поръ веселость моя окончилась. Я больше прежняго пристрастился къ чтенію романовъ; сидѣть гдѣ нибудь одному съ огаркомъ сальной свѣчи, рисовать вензель Е. Н. въ солнечныхъ лучахъ, не щадя гуммигута и сусальнаго золота, придумывать стиховныя надписи, плакать и думать лишь объ одной своей красавицѣ—было моимъ наслажденіемъ. Мнѣ сладко было воображать, что я былъ бы счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ, если бы она была Фанни, а я Вилліамъ, герой изъ довольно скверно-чувствительнаго ро-

мана Августа Лафонтена «*Природа и любовь*». Я рѣшительно называю этотъ романъ сквернымъ, потому что онъ, какъ нѣкогда Страданія Вертера, своими приторными странностями могъ сбивать съ толку молодежь описаніемъ различныхъ и всегда нелѣпыхъ движеній сердца и небывалыхъ приключеній съ вѣрными любовниками. Въ моемъ стараніи сдѣлаться полезнымъ для службы я былъ страшно остановленъ разсѣянностію отъ преждевременной страсти. Съ другой однакоже стороны Лизавета Николаевна сдѣлалась для меня какимъ-то небеснымъ существомъ, какъ бы ангеломъ, который невидимо, безмолвно наблюдалъ за чистотою моихъ поступковъ и строго требовалъ отъ меня неукоризненнаго поведенія. Я былъ убѣжденъ, что если до семейства Карякиныхъ дойдутъ недобрые обо мнѣ слухи, то я буду совершенно лишенъ всякой надежды вступить съ ними въ родство. Эта мысль была моимъ эгидомъ отъ всевозможныхъ соблазновъ. Какъ въ началѣ службы были моими пріятелями люди невысокаго образованія и различныхъ наклонностей, наприм., пѣвчіе, то забота о поведеніи своемъ была для меня существенно необходима. Такъ въ обществѣ вольнодумцевъ, дерзкихъ въ поступкахъ и мнѣніяхъ молодыхъ людей я не заразился ихъ привычками и не увлекся ихъ разгуломъ: съ пѣвчими—учился пѣть, но не выучился пить, хотя то и другое часто бываетъ вмѣстѣ. Съ лѣтами, хотя страсть моя не только не уменьшалась, а напротивъ увеличилась, я скрывалъ ее въ душѣ своей и ни словомъ, ни взглядомъ не старался овладѣть вниманіемъ особы, драгоцѣнной моему сердцу; даже теперь, въ 67 лѣтъ моей жизни, очень часто вспоминаю о ней съ любовію, какъ о безплотномъ и святомъ для меня существѣ.

Скрывая эту страсть очень тщательно, я однако не могъ утаить ее отъ своей матери, которая, замѣчая часто мою задумчивость, начала сильно безпокоиться неизвѣстностію, отчего она происходитъ. Причину эту мать моя старалась открыть безпрестанными вопросами: не сдѣлалъ ли я чего нибудь противъ совѣсти, не задолжалъ ли кому нибудь деньгами, не уговариваетъ ли кто меня на какое недоброе дѣло, и наконецъ я долженъ былъ открыть ей свою душу. Она утѣшала меня увѣреніями, что невѣсты не дороги, а женихи рѣдки, и что мнѣ стоитъ только объявить родителямъ Елисаветы Николаевны о моемъ желаніи, чтобы получить ихъ согласіе на бракъ нашъ. Мать моя слышала, что г.г. Карякины имѣютъ въ какой-то губерніи населенныя имѣнія, и думала, что они не оставятъ свою дочь терпѣть нужду.

Между нашими знакомыми нашлась одна добрая старушка, извѣстная родителямъ Лисаветы Николаевны, и взялась охотно перего-

ворить съ ними о моемъ задушевномъ дѣлѣ. Отправясь къ Николаю Ивановичу и Авдотьѣ Борисовнѣ Карякинымъ, она, съ великими похвалами о добромъ моемъ поведенiи, отличной нравственности и чрезвычайныхъ моихъ талантахъ, объявила о моемъ необыкновенномъ расположенiи къ ихъ меньшой дочери и тотчасъ же получила отъ Авдотьи Борисовны короткiй отвѣтъ: «Здѣсь (т. е. на Петербургской Сторонѣ) безъ денегъ не женятся, а у насъ никакого состоянiя нѣтъ, и мы приданаго за дочерью дать не можемъ».

Этотъ слишкомъ суровый отвѣтъ заставилъ меня немного призадуматься о томъ, что̀ это за семья, въ которой такъ безцеремонно говорятъ. Но я долженъ признаться, что самъ напросился на грубый отказъ, нисколько не сообразивъ, что, содержа мать свою и получая не болѣе 500 рубл. асс. жалованья, не рѣдко затрудняюсь прiобрѣсти сапоги; какимъ же образомъ буду въ состоянiи кормить семью? За всѣмъ тѣмъ это обстоятельство не привело меня въ отчаянiе: надежда и любовь засвѣтились въ душѣ моей еще ярче прежняго. Старанiе и дѣятельность по службѣ увеличились, а потому и обращаюсь опять къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Съ каждымъ днемъ благоволенiе ко мнѣ ближайшаго начальства умножалось. Уже въ 1815 году получилъ я, по особымъ высочайше утвержденнымъ журналамъ Комитета г.г. Министровъ, за отличiе, два чина, губернскаго и вскорѣ коллежскаго секретаря. Этотъ необыкновенный случай радовалъ меня тѣмъ только, что слухи о моей отличной службѣ могли достигнуть въ семейство Карякиныхъ.

Первыя 15 лѣтъ настоящаго столѣтiя принадлежатъ, какъ мнѣ кажется, къ темнымъ временамъ нашей почтенной старины. Тогда нерѣдко можно было еще встрѣчать судей, завѣдомо неправедныхъ, и начальниковъ полуграмотныхъ; любезное въ Петровскiе годы *понеже* только что выходило изъ грамоты, и могучее *поелику* царствовало. У насъ, въ экспедицiи о государственныхъ доходахъ, люди и дѣла держались почище, нежели въ другихъ мѣстахъ; но были еще немногiе штатные чиновники, которые не могли составить дѣловую бумагу, если не находили *примѣрца* въ прежнихъ дѣлахъ. Самыя же дѣла во многихъ комнатахъ валялись на полу; разбитыя стеклянныя чернильницы склеивались сургучемъ или замѣнялись помадными банками; онѣ стояли на запачканныхъ миллiонами чернильныхъ капель листахъ бумаги, около которыхъ насыпался грудами канцелярскiй песокъ. Костюмы чиновниковъ были разнообразны: всякiй ходилъ къ должности въ чемъ попало Въ нашемъ 3-мъ столѣ накопилась также порядочная груда дѣлъ на полу, между шкафовъ. Горе было тому, кто долженъ былъ рыться въ нихъ, отыскивая какiя-либо свѣдѣнiя. Съ прикосновенiемъ къ этой

грудѣ брошенныхъ дѣлъ, вѣковая пыль разносилась по всей комнатѣ, кусая глаза и осаживаясь на платьѣ бѣднаго чиновника. Эта пріятная обязанность рыться въ грудахъ старыхъ дѣлъ была исключительно предоставлена мнѣ, какъ младшему чиновнику. Поневолѣ я изучилъ эти груды и связки дѣлъ довольно хорошо. Многія изъ нихъ были сданы мною въ архивъ, и огромныя ихъ кучи значительно уменьшились.

Въ этихъ же грудахъ лежали между прочимъ доставлявшіеся къ намъ періодическіе отчеты объ употребленіи денежныхъ суммъ на строенія въ Москвѣ послѣ бывшаго тамъ въ 1812 году пожара. Эти отчеты получались за каждый мѣсяцъ, за каждую треть и потомъ общіе, за цѣлый годъ. Ихъ накопилось съ 1813 по 1817 годъ много. Они составлены были съ претензіею на знаніе Итальянской бухгалтеріи, на самомъ же дѣлѣ содержали въ себѣ самую безтолковую подробность, и для всякаго счетнаго чиновника было крайне затруднительно сдѣлать вѣрную справку о томъ, сколько получила Коммиссія денегъ, куда ихъ употребила и сколько у нея остается на лицо. Такимъ образомъ эти отчеты оставались въ презрѣніи и безъ призрѣнія. Подлинное объ этихъ расходахъ дѣло, какъ недавнее, лежало въ шкафу, и мнѣ случалось прочитывать его частію для отысканія какой либо бумаги по требованію столоначальника, частію изъ любопытства. Дѣло это началось по высочайшему повелѣнію, которымъ въ распоряженіе Строительной Коммиссіи назначено было отпустить изъ Государственнаго Казначейства 5/м. рублей асс. по мѣрѣ ея требованій, съ тѣмъ, чтобы она доставляла министру финансовъ сказанные періодическіе отчеты и чтобы онъ по разсмотрѣніи передавалъ ихъ съ своимъ заключеніемъ государственному контролеру. Ничего этого не дѣлалось.

Вдругъ, въ 1817 году, Комитетъ Министровъ, по высочайшему повелѣнію, потребовалъ отъ бывшаго тогда министромъ графа Гурьева свѣдѣній, въ какомъ положеніи находится дѣло объ отчетности Коммисіи Строеній въ Москвѣ, сколько израсходовано ею денегъ и получены ли въ нихъ отчеты.

Это повелѣніе испугало нашихъ главныхъ и ближайшихъ начальниковъ, когда они, взглянувъ на первоначальныя правила, увидѣли, что всѣ эти счеты, которыхъ отъ времени накопилось около двухъ кулей, надобно было препроводить въ Государственный Контроль съ мнѣніемъ о томъ, хороши они или дурны, исправны или недостаточны. Не знали, что̀ дѣлать. Покуда дѣйствовалъ этотъ страхъ, я взялъ одинъ изъ отчетовъ Коммисіи къ себѣ на домъ и, благодаря уже нѣкоторому навыку, пріобрѣтенному упражненіями въ счетахъ,

внимательно пересмотрѣлъ ихъ и убѣдился, что вся трудность заключалась только въ лишнихъ статьяхъ, записанныхъ приходомъ и расходомъ безъ всякой надобности, чтобы увеличить лишь наружный объемъ дѣла. Счеты эти расположены по матеріаламъ, и Коммисія, при полученіи отъ Министерства Финансовъ каждой гуртовой суммы, записывала ее приходомъ въ разныя отдѣльныя книги, какъ то: на известь, кирпичъ, лѣсъ, по работамъ каменной, плотничной, столярной и проч.; потомъ, при недостаткѣ денегъ, наприм. въ статьѣ за известь, занимала изъ суммы, отчисленной на кирпичъ и, такимъ образомъ, записывая по разнымъ счетамъ однѣ и тѣже деньги въ приходъ и расходъ, употребляла на это, вмѣсто одного, тридцать листовъ бумаги. Разумѣется, что подобный вздоръ слѣдовало уничтожить въ самомъ началѣ дѣйствій Коммисіи; но, къ несчастію, счеты, первоначально отъ нея присланные, не были какъ должно разсмотрѣны и приняты къ свѣдѣнію.

Приложивъ порядочное страданіе, я, съ пособіемъ дней и ночей, успѣлъ составить изъ этой груды довольно толковую записку, въ которой, упомянувъ о совершенно излишней подробности, допущенной Коммиссіею при составленіи ея отчетовъ, объяснилъ всѣ обороты ассигнованныхъ ей изъ Государственнаго Казначейства суммъ. Записка эта представлена была А. С. Зыбелину, начальнику стола. Онъ и прочее начальство приняли ее съ радостію. Счеты отправили къ государственному контролеру съ замѣчаніями о необходимости сократить ихъ, для удобнѣйшей повѣрки въ контролѣ, что́ отъ него, впрочемъ, и зависѣло; Комитету объ этомъ донесли, и все окончилось благополучно. Съ тѣхъ поръ стали меня трактовать, какъ порядочнаго дѣлопроизводителя и человѣка мыслящаго. Немедленно возвели меня въ званіе сверхштатнаго помощника, до первой вакансіи, съ жалованьемъ 600 рубл. ассигн., прибавили къ тому 180 рубл. квартирныхъ денегъ и назначили ежегодно особый окладъ, соотвѣтствующій цѣнѣ 15 саженъ дровъ. Я расцвѣлъ, сталъ порядочно одѣваться; товарищи и родственники смотрѣли на меня съ явнымъ уваженіемъ, и мнѣ открылось поприще дальнѣйшихъ успѣховъ по службѣ.

Въ 1818 году, при дѣлежѣ остатковъ отъ штатныхъ суммъ нашей экспедиціи, мнѣ дали въ пособіе 200 вмѣсто прежнихъ 50 рубл., которые получалъ я въ званіи канцелярскаго чиновника, и я началъ щеголять: сшилъ себѣ прекрасную, гороховаго цвѣта шинель по тогдашней модѣ, со многими воротниками, и украсился бобровою фуражкою съ золотымъ позументомъ; стало быть, и романъ мой началъ поправляться. Но такъ казалось мнѣ, а судьба опредѣлила иное.

Главныя удовольствія небогатыхъ жителей Петербургской Стороны открывались лѣтними гуляньями по островамъ, на дачѣ оберъ-камергера В. Н. Зиновьева и въ превосходной роговой музыкѣ, бывшей каждое Воскресенье возлѣ дачи оберъ-егермейстера Дм. Льв. Нарышкина. Старый и малый считали за грѣхъ не быть на гуляньяхъ; тамъ-то я встрѣчалъ семейство гг. Карякиныхъ и наслаждался лицезрѣніемъ Елисаветы Николаевны.

Кромѣ удовольствій безплатныхъ, которыя наша молодежь изъ жителей Петербургской части находила на гуляньяхъ и въ дружескихъ бесѣдахъ, мы пользовались, хотя очень изрѣдка, высокимъ наслажденіемъ въ театрахъ Императорскихъ. Мы смотрѣли на представленія съ высока, изъ за люстры, и нѣкоторымъ только изъ насъ, счастливцевъ, доступенъ былъ партеръ. Мнѣ для этого счастія нужно было дѣлать усилія, напримѣръ, сидѣть иногда цѣлый день на службѣ при экстренныхъ работахъ безъ обѣда, чтобы сберечь деньги слѣдующія на хлѣбъ-соль и снести ихъ въ кассу театра, или по той же причинѣ проходить цѣлый мѣсяцъ въ худыхъ сапогахъ*); но за то я восхищался игрою Яковлева, Брянскаго, Семеновой (старш.), Боброва, Романова, Рахмановой; пѣніемъ Самойловыхъ (родителей извѣстныхъ артистовъ позднѣйшаго времени), Злова, Сандуновой. Необыкновенныя ихъ дарованія сдѣлали на меня глубокое впечатлѣніе и, можетъ быть, я ошибаюсь, но убѣжденъ, что Русскій театръ въ періодъ съ 1812 до 1820 годовъ былъ наверху своей славы.

Не вдаваясь въ подробности о театрѣ и превосходныхъ его дѣятеляхъ сказаннаго періода времени, я не могу себѣ отказать въ удовольствіи помянуть нѣсколькими словами знаменитѣйшаго изъ нихъ, драматическаго артиста Алексѣя Семеновича Яковлева.

Говорятъ, что слава актера вмѣстѣ съ нимъ умираетъ. Яковлевъ, съ кончиною своею, подтвердилъ это мнѣніе, хотя оно не совсѣмъ справедливо. Французы сохранили память Лекэна и Тальмы; Англичане гордятся дарованіями Гаррика и Кина и не ставятъ ни во что безпутную жизнь послѣдняго. У насъ о своемъ землякѣ, Яковлевѣ, скорѣе вспомнятъ, что онъ былъ пьяница, нежели согласятся почтить его память. Тогдашніе цѣнители и судьи напоминали сказку Крылова объ одномъ г-нѣ, имѣвшемъ у себя очень плохихъ пѣвчихъ; онъ говорилъ приглашенному послушать ихъ гостю, что «*они немножечко дерутъ, за то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ*». Недавно явились даже по-

---

*) Покойный графъ Д. Н. Блудовъ любилъ разсказывать, какъ онъ и съ нимъ Жуковскій, живучи въ началѣ вѣка въ Петербургѣ, по два дня сряду питались однимъ картофелемъ, чтобы на сбереженныя такимъ способомъ деньги побывать въ театрѣ. П. Б.

смертныя записки одного почтеннаго Нѣмца (г. Вигеля); въ нихъ онъ оцѣнилъ нашего Яковлева крикуномъ, безнравственнымъ человѣкомъ и плохимъ актеромъ. Мы, жители Петербургской Стороны, знаемъ немощь свою возставить память несравненнаго Яковлева; однако скажемъ, чтò вспомнимъ и чему по большей части были свидѣтелями.

Въ первое представленіе трагедіи Озерова «*Дмитрій Донской*», послышался въ залѣ театра переданный отъ одного зрителя другому чей-то экспромтъ:

„Довольно, коль акторъ героя выражаетъ;
Но Яковлевъ игрой героевъ возвышаетъ!“

Знаменитая въ то время трагическая актриса Французскаго театра въ Петербургѣ, г-жа Жоржъ, современница Яковлева, любимица аристократіи, называла его превосходнымъ трагикомъ, Русскимъ Тальмою, и сожалѣла, что онъ не можетъ участвовать съ нею въ представленіяхъ и что еслибъ это было возможно, то ея талантъ явился бы въ полномъ блескѣ.

Обширныя дарованія этого (смѣло скажу) великаго актера составлялись изъ прекраснаго атлетическаго роста, удивительнаго органа голоса, который отъ нисшихъ басовыхъ нотъ безъ малѣйшей натяжки восходилъ до пріятнѣйшаго тенора; пониманіе ролей доказывало, что онъ былъ знакомъ съ движеніями человѣческаго сердца и умѣлъ владѣть сердцами зрителей: былъ равно неподражаемъ въ роляхъ пожилаго Мавра Отелло и юнаго короля Карла XII-го; голосъ его гремѣлъ, но только тогда, если этого требовала страсть. Такъ, въ забытой теперь трагедіи Г. Р. Державина «*Иродъ и Маріамна*» Яковлевъ возбуждалъ невольный трепетъ въ зрителяхъ, когда Иродъ объявляетъ приговоръ сыну своему Антипатру и сестрѣ Соломіи, въ слѣдующихъ стихахъ:

. . . . . Во узы! Въ Ерихонъ!
Разсѣкши въ части ихъ, сжечь мелкимъ въ прахъ огнемъ,
Да черный вранъ, не зря на кости ихъ, не вскрячетъ
И лишь по мнѣ о нихъ Юдея вся восплачетъ!

Въ отжившей тоже свой вѣкъ трагедіи Княжнина «Дидона» стихъ изъ монолога Ярба:

«*Отчаяваюсь, злюсь, томлюсь, крушусь, вздыхаю!*»

артистъ нашъ силою дикціи, мимики и жестовъ выражалъ такъ, что зрители какъ бы видѣли передъ собою истинное отчаяніе, злобу, униженную гордость царя и глубокую скорбь человѣка.

Изъ всѣхъ пьесъ тогдашняго репертуара публика особенно любила видѣть игру Яковлева въ «Отелло Венеціанскій Мавръ». Даже

во время лѣтняго сезона, трудно было получить билетъ на это представленіе.

Я имѣлъ счастіе видѣть его.

Въ первомъ актѣ Яковлевъ явился на сцену въ полномъ вооруженіи, прямо съ флота, возвратившагося въ Венецію послѣ побѣдоносныхъ битвъ своихъ съ мусульманами. Онъ вошелъ въ собраніе совѣта 10-ти для объясненій по жалобѣ сенатора Брабанціо, за обольщеніе будто бы дочери послѣдняго Эдельмоны (у Шекспира Дездемоны). Начало этой сцены довольно трудно для опытнѣйшаго артиста, потому что онъ долго обязанъ простоять безъ словъ, во все время, когда Брабанціо въ очень длинномъ монологѣ разсказываетъ дожу и сенаторамъ свою жалобу. Отелло (Яковлевъ) игрою своею прекрасно выразилъ удивленіе, что надъ нимъ, побѣдоноснымъ вождемъ силъ республики, назначенъ внезапно судъ за небывалое преступленіе. Безмолвною игрой нашъ артистъ отвлекалъ на себя вниманіе зрителей, и никто почти не слушалъ Боброва, актера тоже чрезвычайно даровитаго, игравшаго роль Брабанціо. Всѣ любовались чудною мимикой и позами Яковлева; потомъ, когда онъ начиналъ свою оправдательную рѣчь, глубокая тишина водворялась въ театрѣ и давала слышать каждое слово этого художника и удивляться его безыскуственной рѣчи, выражавшей лишь глубокое чувство сына степей, чистосердечнаго воина и пламеннаго любовника. Эта рѣчь отнюдь не сопровождалась ни крикомъ, ни размашистыми жестами, а оканчивалась всегда слезами большей части зрителей, проникнутыхъ участіемъ къ положенію человѣка оклеветаннаго. Впрочемъ складъ этой рѣчи нельзя назвать образцовымъ, напротивъ, искуснѣйшій чтецъ едва ли могъ возбудить особенное къ ней вниманіе слушателей и скорѣе бы заставилъ скучать излишнею длиннотою монолога. Такъ Яковлевъ умѣлъ придать красоту самой посредственности автора.

Послѣ однако явленій, гдѣ артистъ выражалъ представляемаго героя добродѣтельнымъ вельможею, счастливѣйшимъ супругомъ Эдельмоны, онъ превращается въ лютаго звѣря, отъ мнимой ея измѣны. Въ четвертомъ актѣ, разсказывая о своемъ несчастіи ложному своему другу Кассіо (у Шекспира Яго), онъ примѣняетъ себя къ путнику, растерзанному тигромъ. Не имѣя подъ рукою самой пьесы, постараюсь описать на память смыслъ фразы, производившей игрою Яковлева неслыханный фуроръ. «Такъ въ нашихъ пустыняхъ Эѳіопскихъ, страшный тигръ настигаетъ путника, и прежде, нежели несчастный что нибудь успѣетъ предпринять къ оборонѣ своей, лютое животное бросается на него и раздираетъ на части».

Казалось, что артистъ произносилъ эту фразу съ жестокими конвульсіями, и при словѣ *раздираетъ* локти его сходились одинъ съ другимъ, а голосъ выражалъ звукъ раздираемой кожи. Не берусь описывать удивительную его игру, когда Отелло, узнавъ свою гибельную ошибку, рыдаетъ, стоя на колѣняхъ у трупа Эдельмоны.....

Не знаю, была ли у насъ на театрѣ трагедія скучнѣе, суше пьесы, написанной въ крайне плохихъ стихахъ нѣкіимъ Грузинцовымъ, подъ названіемъ «*Милосердіе царя Іоанна Васильевича IV-го, проименованнаго Грознымъ*»; но и въ ней Яковлевъ величественною игрою интересовалъ зрителей, и эта трагедія, вовсе негодная для чтенія, давалась на сценѣ довольно часто.

Наша знать раздѣляла съ народомъ удовольствіе видѣть Яковлева, но гнушалась его несчастною страстію къ пьянству. Нашлись господа, которые объ его необыкновенномъ талантѣ много наговорили бывшему тогда митрополитомъ С.-Петербургскимъ, Новгородскимъ, Эстляндскимъ и Финляндскимъ Амвросію Подобѣдову, и тотъ пожелалъ видѣть знаменитаго артиста. Яковлевъ явился въ архіерейскомъ домѣ и, по желанію архіепископа, декламировалъ передъ нимъ разныя тирады изъ любимыхъ тогда публикою трагедій. Высокопреосвященный высоко оцѣнилъ его дарованія, а въ своемъ душевномъ расположеніи употребилъ духовное убѣжденіе оставить ненавистную страсть къ пьянству. Яковлевъ залился слезами и, всхлипывая, сказалъ митрополиту: «Такъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, все такъ; но позвольте попросить стаканъ пуншу!»

Бывшій тогда начальникомъ театральной дирекціи, князь Тюфякинъ, не хотѣлъ и не умѣлъ оцѣнить дарованія Яковлева, котораго достоинства далеко превышали недостатки. Князь вздумалъ строгостію отучить его отъ пьянства и послалъ артиста къ оберъ-полицмейстеру, прося продержать его въ арестантской, до вытрезвленія. Такія и тому подобныя обстоятельства были вѣроятно причиною преждевременной кончины великаго Русскаго актера.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ ДЕПЕШЕЙ БАРОНА БАРАНТА [1]).

1836—1837.

Графу Моле.

С.-Петербургъ, 22 Октября 1836 г.

Императоръ почти совсѣмъ поправился[2]), ѣздитъ верхомъ, присутствуетъ на маневрахъ и смотрахъ, словомъ, возобновилъ свой обычный образъ жизни. Онъ пріѣзжалъ на два дня въ Петербургъ и явился въ театрѣ, гдѣ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ. Позавчера, послѣ театра, онъ пріѣхалъ совсѣмъ неожиданно къ Австрійскому посланнику, гдѣ собралось довольно большое общество. Хотя онъ всегда оказываетъ чрезвычайную благосклонность графу Фикельмону, но въ данномъ случаѣ онъ не помышлялъ о томъ, чтобы ее выразить, а просто хотѣлъ показаться среди дипломатическаго корпуса и высшаго Петербургскаго общества; онъ поѣхалъ бы ко всякому другому, у кого былъ бы пріемъ въ этотъ вечеръ.

Императоръ былъ любезенъ и милостивъ со всѣми. Два раза онъ довольно долго бесѣдовалъ со мною. Говорили о незначительныхъ вещахъ; но слово «Испанія», случайно произнесенное въ разговорѣ объ искусствахъ, сразу перевело рѣчь на политику. Онъ началъ высказывать сожалѣніе по поводу положенія этой несчастной страны. На мои слова, что нѣтъ надежды на исцѣленіе и на исходъ ея страданій, Императоръ отвѣчалъ: «Я склоненъ думать, что Донъ-Карлосъ дастъ порядокъ и покой этой бѣдной Испаніи». Я замѣтилъ, что подобное положеніе требуетъ очень большихъ способностей отъ государя, предназначеннаго править и прекращать безпорядки. «Онъ показалъ много постоянства, сказалъ Императоръ, и конечно онъ болѣе чѣмъ королева способенъ ко власти». На мое замѣчаніе, что необходимое условіе для всякаго человѣка, короля, генерала или министра, призываемаго усмирить или подавить анархію, не покровительствовать никакой партіи, быть выше всѣхъ, править въ общихъ интересахъ націи и власти, онъ сказалъ: «Я это хорошо понимаю; надлежитъ дать помилованіе въ широкихъ размѣрахъ, забыть прошлое и, главное, дер-

---

[1]) См. выше, стр. 241.

[2]) Послѣ перелома ключицы въ Чембарѣ. П. Б.

жать твердо свои обѣщанія». Затѣмъ, безъ всякаго перехода, безъ всякаго повода съ моей стороны, онъ началъ говорить: «Сколько мудрости и твердости высказалъ король [1]), противуставъ вмѣшательству и смѣнивъ министерство, которое влекло его къ тому. Европа ему много обязана; никогда онъ не представлялъ болѣе блестящаго доказательства своей мудрости и воли». Затѣмъ онъ утверждалъ, что прежніе министры, рѣшившіе и подготовившіе эти мѣры безъ вѣдома короля, чрезвычайно виновны. На это я отвѣчалъ, что не знаю подробностей, что конечно общественными толками преувеличены и искажены дѣйствія людей въ сущности преданныхъ королю и разсудительныхъ. Тутъ онъ перешелъ къ Швейцарскимъ дѣламъ, опять расхваливая, съ нѣкоторою даже горячностью, мѣры короля, дѣйствія его правительства, сказалъ, что онъ ихъ одобряетъ и что послалъ приказаніе своему Швейцарскому посланнику поддерживать ихъ.

Вхожу въ эти подробности не для того, чтобы увѣдомить васъ о настоящемъ расположеніи С.-Петербургскаго кабинета (о немъ вы уже знаете изъ моихъ предыдущихъ писемъ), но чтобы указать вамъ на совершенное измѣніе тона, какимъ Императоръ говоритъ о нашемъ королѣ. До сихъ поръ въ разговорахъ со мною было очевидно, что онъ рѣшилъ совсѣмъ не говорить объ немъ; я видѣлъ, какъ онъ направлялъ бесѣду такимъ образомъ, чтобы рѣчь шла объ отвлеченныхъ и общихъ предметахъ, избѣгая признавать, что правительство Франціи—король Людовикъ-Филиппъ. Когда обстоятельства и ходъ рѣчи, мною къ тому направляемые, заставляли его сказать «король», онъ это дѣлалъ неохотно и какъ бы насильно заставленный исполнить формальность. Теперь онъ самъ начиналъ легко и свободно. Конечно онъ искалъ къ тому случая. Полная сдержанность и вѣжливость, которыхъ онъ послѣдній годъ все время держался, избавили его въ данномъ случаѣ отъ всякаго затрудненія и противорѣчія и сдѣлали перемѣну очень простою.

Однако я не вижу въ этомъ какого-либо опредѣленнаго намѣренія и новаго направленія. Рѣчь Императора выражаетъ его личное настроеніе, впечатлѣніе минуты, на него произведенное; говорить то, что онъ чувствуетъ, для него скорѣе привычка и удовлетвореніе, чѣмъ политическое средство.

Графъ Орловъ вотъ уже десять дней какъ возвратился изъ Лондона [2]). Говорятъ, онъ очень доволенъ своею поѣздкою; его хорошо приняли и были повидимому польщены желаніемъ Императора поздра-

---

[1]) Т. е. Людовикъ-Филиппъ. П. В.

[2]) Куда онъ посыланъ былъ поздравить отъ Россіи королеву Викторію съ восшествіемъ ея на престолъ. П. В.

вить королеву. Министерство и даже лордъ Пальмерстонъ, какъ ему показалось, имѣютъ гораздо меньше предразсудковъ относительно Россіи, чѣмъ это предполагали; письма лорда Дургама произвели это счастливое дѣйствіе. Впрочемъ, по словамъ графа Орлова, опытъ того что произошло въ эти послѣднія десять лѣтъ, т. е. безкорыстный образъ дѣйствій Россіи, начинаетъ разсѣявать народныя предубѣжденія.

С.-Петербургъ, 6 Ноября 1836 г.

Я имѣлъ честь быть приглашенъ на обѣдъ, а затѣмъ на вечеръ въ Царскомъ Селѣ. Императоръ въ настоящее время совершенно здоровъ; но онъ такъ мало привыкъ къ предосторожностямъ и заботамъ о себѣ, что два раза падалъ, и это могло бы быть опасно. Онъ совсѣмъ не хочетъ помнить, что у него рука на перевязи и движенія ея не свободны, и что къ нему не вернулись его обыкновенныя силы.

Управленіе имперіей, предначертанныя улучшенія, предполагаемыя работы были преимущественно предметами его бесѣдъ со мною. Онъ очень радуется успѣху коммерческаго благосостоянія, довольно быстрому увеличенію пошлинъ на предметы потребленія, которыя, по его словамъ, въ 1835 году дали въ доходъ 30 милліоновъ избытка передъ предыдущимъ годомъ и вѣроятно въ этомъ году дадутъ прибыли еще около 10 милліоновъ.

Говорилъ онъ мнѣ также о Кавказѣ. Потому ли что ему поданы лучшія надежды или отъ того, что онъ находился этотъ разъ въ состояніи оптимистическомъ, но онъ утверждалъ, что черезъ три года онъ умиротворитъ эти страны. Въ Москвѣ онъ опредѣлялъ срокъ въ пять лѣтъ. Онъ продолжаетъ выражать намѣреніе поѣхать на Кавказъ въ слѣдующемъ году.

Чувства свои относительно Польши онъ выражалъ почти также живо какъ и прежде. «Фельдмаршалъ мнѣ пишетъ, сказалъ онъ, что наконецъ тамъ дѣла пошли лучше, что настроеніе умовъ совсѣмъ успокоилось, что промышленность оживляется и благосостояніе возраждается». На мой вопросъ, вернулся ли кто изъ эмигрантовъ съ заявленіями покорности и просьбами о помилованіи, онъ отвѣчалъ: «Слава Богу, никто; это была бы покорность безъ искренности, отъ нихъ нечего ждать чего-либо хорошаго». Впрочемъ затѣмъ онъ указалъ на нѣкоторыхъ Поляковъ, которые по своемъ возвращеніи отличались благонадежнымъ поведеніемъ и ревностью по службѣ *).

*) Наступаетъ уже время справедливой оцѣнки отношеній Николая Павловича къ Полякамъ. Про эти отношенія приходится повторить слова Пушкина:

Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творитъ.

Благоразумные Поляки, какъ и многіе изъ Декабристовъ, отдавали ему предпочтеніе передъ его старшими братьями. П. Б.

С.-Петербургъ, 23 Ноября 1836.

Я имѣю основаніе думать, что совсѣмъ не предполагаютъ женитьбы наслѣднаго принца Баварскаго на великой княжнѣ Маріи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Нессельроде случайно разсказывалъ мнѣ, что въ 1834 году, когда Императоръ наводилъ справки по этому поводу, то добытыя свѣдѣнія не были благопріятны для молодаго принца. Такимъ образомъ, по моему, трудно, чтобы Императоръ отказался отъ мнѣній разъ вкоренившихся въ него. Нессельроде также слишкомъ хорошо знаетъ его съ этой стороны, чтобы безъ всякаго толка входить со мною въ эти подробности [1]).

Получивъ ваше письмо, я говорилъ объ этомъ съ полною откровенностью, но какъ бы побуждаемый личнымъ любопытствомъ, съ графомъ Лерхенфельдомъ, съ которымъ у меня довѣрчивыя отношенія. Онъ увѣрялъ, что не знаетъ ничего подобнаго, что Баварскій король и наслѣдный принцъ оскорблены отвѣтомъ, даннымъ два года тому назадъ, что тогда Императоръ ставилъ условія дѣлающія бракъ почти невозможнымъ, что онъ желалъ, чтобы молодые люди повидались и сговорились между собою, что такимъ образомъ наслѣдный принцъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, подвергался бы опасности публичнаго отказа, такъ какъ Европа знала про его исканіе. Императрица на самомъ дѣлѣ какъ-то сказала мнѣ, что Императоръ и она твердо рѣшили не отдавать своихъ дочерей замужъ иначе, какъ посмотрѣвши на жениховъ и убѣдившись, что по своему характеру они способны дать имъ семейное счастіе.

С.-Петербургъ, 1-го Декабря 1836 года.

Смерть Карла X въ продолженіе нѣсколькихъ дней занимала вниманіе Петербургскаго двора и общества; но ничто, ни словомъ, ни дѣломъ, не обнаружило какого либо зложелательства по отношенію къ нашему правительству. Такого настроенія нѣтъ среди общества; со стороны же лицъ, по своему положенію причастныхъ двору или служащихъ, замѣчается нѣкоторое стараніе не обидѣть насъ. Назначенъ трауръ, но безъ лишней показности, а какъ исполненіе политическаго этикета. Въ печатномъ приказѣ, данномъ по поводу этого траура, словамъ *roi français* предшествуетъ слово *бывшаго* [2]): такъ перевели слово *ex*. Однако въ извѣщеніи на Французскомъ языкѣ, данномъ дипломатическому корпусу, стояло: «Его Величество король Карлъ X», безъ прибавки *Франціи*. На слѣдующій день по назначеніи траура

---

[1]) Было также предложеніе о бракѣ съ Викторомъ-Эммануиломъ. П. Б.

[2]) Въ подлинникѣ Русское слово искажено: (*bierschago*, *ayant été*). Кажется, Барантъ пытался учиться по русски. П. Б.

былъ балъ въ Аничковомъ дворцѣ, и на этотъ день черное было снято, какъ это обыкновенно дѣлается при дворѣ, когда дѣло идетъ о собраніи и какомъ либо развлеченіи; здѣсь вообще мало обращаютъ вниманія на трауръ.

Графъ Нессельроде тотчасъ же по полученіи нѣкоторыхъ извѣстій изъ писемъ Вѣнскаго посланника, сообщилъ ихъ мнѣ съ поспѣшностью. Онъ прочелъ мнѣ депешу князя Горчакова[1]), повѣреннаго въ дѣлахъ, и копію съ писемъ де-Монбеля къ князю Меттерниху, въ которыхъ онъ давалъ отчетъ о болѣзни и за тѣмъ о смерти Карла X. Нарочно далъ онъ мнѣ замѣтить, что Вѣнскій дворъ не признавалъ за его королевскимъ высочествомъ, герцогомъ Ангулемскимъ, инаго характера какъ *главы фамиліи*, и продолжалъ давать ему тотъ же титулъ, какой онъ носилъ прежде. Онъ прославлялъ мудрость Австрійскаго правительства, которое оставило герцога Бордосскаго подъ наблюденіемъ герцога и герцогини Ангулемской, то есть на самомъ дѣлѣ подъ управленіемъ герцога Блакаса, вмѣсто того чтобы оставить его въ рукахъ герцогини Беррійской, склонной къ предпріятіямъ, среди интригъ этой части легитимистической партіи.

Это извѣстіе не умалило вниманія къ послѣдствіямъ Страсбургскаго происшествія[2]). Среди лицъ непричастныхъ правительству и Императору милосердіе короля къ главному виновнику и мѣры принятыя по этому поводу служатъ предметами похвалъ. Не совсѣмъ таковы отношенія Нессельроде и людей причастныхъ политикѣ. Энергическое и строгое подавленіе такого тяжкаго военнаго проступка кажется здѣсь, еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ, почти непререкаемою необходимостью. Думаютъ, что, такъ какъ самый главный виновникъ не будетъ находиться передъ трибуналомъ[3]), то судьи и король дадутъ второстепеннымъ виновникамъ почти вынужденное помилованіе. Я старался разъяснить, какая политическая выгода вытекала изъ полнаго приниженія этого молодаго и жалкаго заговорщика, покидающаго такимъ образомъ людей, для него рисковавшихъ своею головою, отдѣляющаго свою судьбу отъ нихъ, униженно терпящаго милосердіе короля. Такого рода разсужденія не имѣютъ здѣсь большой цѣны. Возможно догадываться, что это полное отожествленіе Наполеоновской семьи съ древними царскими фамиліями нѣсколько оскорбляетъ Императора.

Нессельроде передалъ мнѣ прилагаемое здѣсь извлеченіе изъ письма, писаннаго изъ Женевы Русскимъ повѣреннымъ; я поручилъ

[1]) Будущаго нашего канцлера. П. Б.

[2]) Попытка Луи-Наполеона захватить власть во Франціи. П. Б.

[3]) Луи-Наполеонъ былъ высланъ въ Америку и даже получилъ отъ Французскаго правительства 18,000 франковъ пособія. П. Б.

его благодарить. Онъ мнѣ сказалъ, что это можетъ быть въ силу взаимности; онъ не сомнѣвается, что если Французская полиція добудетъ какія нибудь свѣдѣнія полезныя для Русскаго правительства, то графу Палену будетъ о томъ дано знать. Общественный порядокъ Европы, мѣры предосторожности противъ фанатиковъ и убійцъ—дѣло общее для всѣхъ правительствъ и всѣхъ честныхъ людей.

Нѣсколько Евреевъ были задержаны на Волыни. Говорятъ о преступной перепискѣ, о мятежныхъ проектахъ, о тайныхъ обществахъ; преувеличенные народные толки, достойные среднихъ вѣковъ, примѣшиваются къ подозрѣніямъ властей. Среди народа говорили объ отравѣ съѣстныхъ припасовъ, о заговорѣ противъ всего христіанскаго населенія. Дѣло въ томъ, что Евреи въ этихъ мѣстахъ недовольны дурнымъ обращеніемъ съ ними и лишеніемъ ихъ правосудія. Во время Польской войны и оккупаціи тягость отъ пребыванія войска, какъ это всегда бываетъ, ложилась особенно на Евреевъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ они никоимъ образомъ не могутъ надѣяться на освобожденіе и осуждены болѣе чѣмъ кто либо на покорность и терпѣніе, то я очень сомнѣваюсь, чтобы они усвоили себѣ какія нибудь революціонныя идеи. Скорбь о своей судьбѣ для нихъ не нова и никогда не вовлекала ихъ въ замыслы несогласные съ ихъ положеніемъ.

С.-Петербургъ, 20 Декабря 1836.

Лордъ Лондондери отлично принятъ и уваженъ Императоромъ. Онъ отличался храбростью, служа въ Руских войскахъ въ 1812 году и здѣсь увидался съ бывшими сослуживцами. О Франціи и о королѣ онъ всегда отзывается хорошо.

... Графъ Орловъ, адъютантъ и почти другъ Императора, человѣкъ, которому онъ несомнѣнно болѣе всѣхъ другихъ довѣряетъ, прожилъ недавно два мѣсяца въ Женевѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что, проѣзжая черезъ Европу, онъ былъ изумленъ спокойствіемъ и почти беззаботностью, уже около года господствующими въ умахъ. «Всѣмъ этимъ мы обязаны мудрости и твердости вашего короля», прибавилъ онъ.

С.-Петербургъ, 29 Декабря 1836.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ говорятъ о перемѣнѣ лицъ, которая, по видимости по крайней мѣрѣ, будетъ имѣть нѣкоторую важность.

Три года тому назадъ, по смерти князя Кочубея, Императоръ былъ очень затрудненъ, чтобы найти ему преемника въ должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Покойный исполнялъ ее въ высшей степени хорошо и умѣлъ придать ей то значеніе, какое ей необходимо принадлежитъ, когда она занята человѣкомъ способнымъ и почтеннымъ. Дѣйствительно, Государственный Совѣтъ имѣетъ нѣкоторую

аналогію съ тѣмъ, чтó былъ государственный совѣтъ во Франціи при императорскомъ правленіи. Императоръ Александръ, въ эпоху своего увлеченія Наполеономъ, далъ этому учрежденію форму и свойства настолько схожія, насколько позволяла великая разница между двумя странами. Государственный Совѣтъ и департаменты, изъ которыхъ онъ состоитъ, обыкновенно разбираютъ проекты министровъ и могутъ контролировать ихъ управленіе. Такъ какъ Императоръ никогда въ немъ не предсѣдательствуетъ, а быстрота его ума (facilité d'esprit), склонность къ дѣловитости, твердая рѣшимость хорошо исполнять свои державныя обязанности совершенно не позволяютъ ему вникать въ подробности, въ будничную подкладку вещей; такъ какъ онъ ограничивается тѣмъ, что даетъ общее направленіе, предначертываетъ свои намѣренія и блюдетъ за ихъ выполненіемъ: то предсѣдатель Государственнаго Совѣта можетъ сдѣлаться, такъ сказать, главою администраціи и первымъ лицомъ въ государствѣ.

Прочили на это важное мѣсто генерала Васильчикова*), одного изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ въ Имперіи. Онъ отличался на войнѣ безъ честолюбія и чванства, съ искреннимъ и серьознымъ патріотизмомъ; во всякомъ важномъ случаѣ его совѣты спрашиваются и выслушиваются; Императоръ чрезвычайно его уважаетъ. Но онъ не ищетъ благосклонности царедворца, когда же находитъ полезнымъ высказать свой совѣтъ или дать знать свое мнѣніе, то считаетъ долгомъ идти къ Императору и говорить съ нимъ откровенно и серьозно. Генералъ Васильчиковъ не пожелалъ быть президентомъ совѣта; онъ заявилъ, что для занятія такого мѣста надлежитъ имѣть пріобрѣтенное опытомъ знаніе дѣлъ и управленія, что одного здраваго смысла недостаточно, что, будучи просто военнымъ человѣкомъ онъ считаетъ себя неспособнымъ занимать такую высокую должность.

Послѣ такого отказа былъ назначенъ Новосильцовъ. Его имя причастно дипломатическимъ воспоминаніямъ и великимъ событіямъ передъ Тильзитскимъ миромъ. Такъ какъ его считали принадлежащимъ къ Англійской партіи, то онъ потерялъ всякій кредитъ во время союза съ Франціей. Послѣ Вѣнскаго конгреса Императоръ Александръ назначилъ его главнымъ совѣтникомъ при своемъ братѣ Константинѣ въ Царствѣ Польскомъ. Новосильцовъ человѣкъ образованный, умный и тонкій, но трудно быть болѣе чѣмъ онъ неосмотрительнымъ. Его частная жизнь грязна, въ денежныхъ дѣлахъ онъ крайне неразборчивъ, въ его характерѣ нѣтъ ничего возвышен-

---

*) Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ занялъ послѣ Новосильцова († 8 Апрѣля 1838) предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ. П. Б.

наго; приторно - вѣжливый до низости, онъ въ тоже время очень мало надеженъ. Въ Польшѣ его ненавидятъ. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не сумѣлъ предупредить революцію; но онъ повидимому не безъ основанія оправдывается личными ошибками великого князя Константина. Занятое Новосильцовымъ мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта сильно потеряло свое значеніе, и дѣло стоитъ такъ, что не можетъ такимъ образомъ продолжаться; онъ самъ это хорошо сознаетъ и говоритъ объ отставкѣ, ссылаясь на свой преклонный возрастъ и плохое здоровье.

Императоръ, говорятъ, колеблется въ выборѣ ему преемника между двумя людьми, принадлежащими если не къ противоположному, то во всякомъ случаѣ къ различному образу мыслей.

Одинъ изъ нихъ—графъ Строгановъ[1]). Онъ, такъ сказать, всю свою жизнь провелъ въ дипломатическихъ миссіяхъ и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, возвысился. У него хорошій характеръ, спокойныя и изысканныя манеры; многочисленные родственники его занимаютъ хорошія придворныя и правительственныя мѣста; его любятъ и уважаютъ. Онъ умѣреннаго образа мыслей; знаетъ Европу, не имѣетъ рѣзко-обозначенныхъ политическихъ привязанностей ни касательно внѣшнихъ отношеній, ни касательно внутренняго управленія. Если его выберутъ, Государственный Совѣтъ будетъ имѣть любимаго и уважаемаго предсѣдателя; но нѣтъ основанія предполагать, что произойдетъ какое нибудь измѣненіе въ ходѣ дѣлъ. Такъ какъ графа Строганова только что назначили оберъ-шенкомъ, то предполагаютъ, что Императоръ не имѣетъ намѣренія назначить его предсѣдателемъ Совѣта.

Другой кандидатъ, назначеніе котораго, какъ увѣряютъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе вѣроятія—графъ Татищевъ[2]), Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, находящійся въ отпуску нѣсколько мѣсяцевъ. Конечно вы часто о немъ слышали. Онъ по своимъ манерамъ и складу мыслей, по своимъ достоинствамъ и недостаткамъ, какъ бы не принадлежитъ настоящему времени. Дипломатъ и куртизанъ школы графовъ Маркова или Панина, какихъ мы видѣли во Франціи лѣтъ тридцать тому назадъ; зложелательный, презрительный, саркастичный, мало разговорчивый, полуграмотный, тѣмъ не менѣе положительнаго и тонкаго ума, онъ не имѣетъ искательной внѣшности, не знаетъ усердной покорности и необходимости нравиться государю, которую проявляютъ представители новаго поколѣ-

[1]) Графъ Григорій Александровичъ. П. Б.

[2]) Родственникъ и выученикъ княгини Е. Р. Дашковой. П. Б.

нія, но на самомъ дѣлѣ онъ тоже куртизанъ. Его фамилія одна изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, но она не многочисленна; а такъ какъ онъ постоянно жилъ за границей, то у него мало знакомствъ, его даже мало знаютъ; чрезмѣрная крайность его политическихъ убѣжденій, какъ это всѣмъ извѣстно, необычна для Петербурга. Онъ держится такъ называемой Русской политики, т. е. стоитъ за мысль отдѣлиться на сколько возможно отъ Западной Европы, избѣгать ея вліянія, уклоняться отъ сношеній съ нею и заниматься исключительно внутреннимъ развитіемъ имперіи, стараясь дать ей цивилизацію самобытную, ничего не заимствуя изъ Европейскихъ идей. Часто слышишь подобныя мысли или, чтобы сказать болѣе точно, здѣсь высказывается цѣлый подборъ общихъ мѣстъ по этому поводу. Возможно, что Императоръ въ настоящее время клонится въ эту сторону и рѣшится выбрать графа Татищева; заставляетъ вѣрить этому то обстоятельство, что графъ Орловъ, какъ ходятъ слухи, дѣйствуетъ въ этомъ направленіи: значитъ, онъ замѣтилъ, что Императоръ склоняется къ тому. Генералъ Васильчиковъ, большой сторонникъ Русской политики, старается также о назначеніи графа Татищева.

Если предположить, что онъ будетъ предсѣдателемъ Совѣта, то я не думаю, что послѣдуетъ значительное измѣненіе въ ходѣ дѣлъ. Такъ какъ ни внутреннее ни внѣшнее положеніе Россіи не будетъ измѣнено ни въ какомъ случаѣ, то ни графъ Татищевъ, ни кто либо другой, не сумѣетъ дать ему столь энергическое направленіе, чтобы измѣнить обычный ходъ вещей. За исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, которыя могутъ быть иначе произнесены, нѣкоторыхъ манифестацій въ началѣ, завтрашній день будетъ очень походить на вчерашній. Торговыя сношенія Россіи съ Европой останутся и будутъ все усиливаться съ развитіемъ ея внутренней промышленности; образованіе и склонность къ комфорту будутъ распространяться, и такимъ образомъ связи съ Западомъ умножатся. Тщеславіе Русскихъ, да и самого графа Татищева, будетъ, какъ и прежде, бояться репутаціи варварства; они всегда останутся падки на одобренія и похвалы иностранцевъ. Иностранная политика будетъ идти также по прежнему. Германія болѣе чѣмъ когда либо далека отъ принятія протектората и диктатуры Русскаго императора. Пруссія и Австрія его искренніе союзники; совпаденіе правительственныхъ взглядовъ, общность интересовъ по отношенію къ Польшѣ обезпечиваютъ этотъ союзъ, но здѣсь и кончается всякое взаимное вліяніе. У каждаго правительства своя независимая политика по своимъ частнымъ вопросамъ. Императоръ знаетъ въ настоящее время истинное значеніе этого союза; его надо сохранять въ томъ видѣ, какъ онъ есть, и напрасно пытались извлечь изъ него

болѣе значительныя послѣдствія. Принимая все это во вниманіе, нѣтъ повода ссориться съ нами открытымъ образомъ. Осторожность необходима; она соблюдается, и для насъ мало имѣетъ значенія, относятся ли къ намъ съ большей или меньшей недоброжелательностью, лишь бы было соблюдаемо должное намъ уваженіе.

Если ужъ искать, въ чемъ могутъ выразиться ожидаемыя видоизмѣненія и каковы въ настоящее время практическія цѣли политики называемой Русскою, то повидимому прежде всего положеніе Польши ухудшится: будутъ болѣе систематическимъ и грубымъ образомъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ нея Русскую губернію, уничтоживъ всякое проявленіе политическаго отдѣленія, открыто стараясь стереть всякую разницу въ религіи и даже въ языкѣ. Нѣкоторые политики, среди которыхъ есть даже люди довольно образованные, одержимы боязнью, по моему мало основательною, но въ нѣкоторомъ отношеніи правдоподобною: союзъ, недавно установившійся въ Бельгіи между революціонными партіями и духовенствомъ кажется имъ болѣе чѣмъ случайнымъ и преходящимъ явленіемъ. Старанія аббата Ламеннэ, фразы, употребляемыя иногда нашими республиканцами, легкость, съ какою въ Германіи примиряютъ идеи свободы и религіи, суть явленія такого рода, что подкрѣпляютъ ихъ безпокойства. Отсюда проистекаетъ пока еще глухая и робкая нетерпимость, но которую католическое населеніе Россіи иногда испытываетъ. Эта нетерпимость происходитъ не отъ религіозныхъ причинъ: Императоръ и склоняющіе его къ такому образу дѣйствій министры совсѣмъ не отличаются пламенною ревностью въ своихъ вѣрованіяхъ и не испытываютъ вліянія духовенства; они дѣйствуютъ по политическому разсчету, имѣя въ виду главнымъ образомъ Польшу.

Если послушать Русскую партію, то желаніе полнаго сліянія, уничтоженіе всякой другой національности не ограничится одною Польшей. Будутъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, хотя болѣе мягкимъ образомъ, на Балтійскія провинціи. Кромѣ намѣренія дать Имперіи болѣе сплоченное единство, кромѣ недоброжелательства Русскихъ противъ ихъ Нѣмецкихъ соотечественниковъ, эта работа въ Балтійскихъ провинціяхъ можетъ быть внушена опасеніемъ будущаго, на которое смотрятъ съ отвращеніемъ. Въ Петербургѣ обыкновенное дѣло порицать дѣйствія Прусскаго правительства, оплакивать то, что оно-де вотъ уже двадцать лѣтъ сѣетъ безразсудно сѣмена революціи. Ландверъ, муниципальныя учрежденія, полное освобожденіе отъ земельнаго порабощенія считаются здѣсь тяжелыми ошибками, за которыя Пруссіи и Европѣ придется расплачиваться. «Когда учредятъ палаты въ Берлинѣ и свободу печати въ Мемелѣ, наши внѣшнія отношенія измѣнятся», говорятъ здѣсь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что люди держащіеся такихъ воззрѣній будутъ противиться мѣрамъ, о которыхъ часто говорятъ, мѣрамъ, исподоволь и постепенно подготовляющимъ измѣненіе въ положеніи крестьянъ. Нѣтъ человѣка, кто бы думалъ, что крѣпостное состояніе всегда будетъ поддерживаемо; всѣ, какого бы образа мыслей они ни были, постоянно говорятъ, что будущее Россіи зависитъ отъ неминуемаго своевременнаго перехода къ свободѣ крѣпостныхъ. Но такъ какъ это на самомъ дѣлѣ представляетъ задачу, рѣшеніе которой въ настоящее время въ высшей степени трудно и запутано, то проекты очень различны, и конечно Русская партія болѣе другихъ настаиваетъ, что надо вести это дѣло медленно и оттягивая время.

Я вошелъ въ эти подробности, чтобы объяснить, на какомъ основаніи я полагаю, что большое вліяніе придаваемое Императоромъ старой Русской партіи будетъ имѣть мало послѣдствій, какъ всегда бываетъ, когда желаютъ вызвать къ жизни идеи, или вѣрнѣе чувства, противорѣчащія необходимому ходу вещей, и противостать неизбѣжному будущему. Въ подобныхъ обстоятельствахъ приходится изо всѣхъ силъ улаживать то, чему не въ состояніи препятствовать. Впрочемъ Императоръ не такой человѣкъ, чтобы имъ можно было управлять и оказывать на него личное или прямое вліяніе; то, что̀ онъ слышитъ, никогда не измѣняетъ вполнѣ и тотчасъ же его идей. А такъ какъ до сихъ поръ онъ не принадлежалъ къ Русской партіи, то онъ не примкнетъ къ ней слѣпо и безраздѣльно, даже если къ нему приблизится человѣкъ, который, какъ говорятъ, имѣетъ къ тому склонность болѣе всѣхъ другихъ.

Прочатъ также и Сперанскаго въ предсѣдатели Совѣта, но назначеніе его мало вѣроятно. Сперанскій не имѣетъ важнаго положенія; сынъ бѣднаго сельскаго священника, онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ исключительно личнымъ достоинствамъ и милости императора Александра. У него есть враги и завистники. Его назначеніе можетъ служить признакомъ направленія совсѣмъ противоположнаго идеямъ графа Татищева. Сперанскій, особенно извѣстный по своему большому труду «Сводъ Законовъ», чѣмъ онъ далъ Россіи полный кодексъ, считается однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ улучшенія и усовершенствованія законодательства.

Два распоряженія, которыя въ общемъ считаются разумными и благотворными, подписаны нѣсколько дней тому назадъ, въ царскій день.

Всякій солдатъ, вступившій подъ знамена, становится свободнымъ, равно какъ и его потомство̀; но всякій солдатскій сынъ долженъ также сдѣлаться солдатомъ. Большое число такихъ солдатскихъ дѣтей, около тридцати шести тысячъ, воспитывается на казенный счетъ и полу-

чаетъ обученіе, дѣлающее ихъ способными стать унтеръ-офицерами или пополнять многочисленную толпу писцовъ, которыми кишатъ министерства и всѣ административныя мѣста въ Имперіи. Послѣдній указъ оставляетъ вдовамъ солдатъ и увѣчнымъ воинамъ одного изъ сыновей для поддержки семьи. Другой указъ опредѣляетъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ во время маневровъ прибавочный паекъ говядины и водки. Эта мѣра уже примѣнена въ гарнизонахъ главнѣйшихъ городовъ Имперіи. Она повлечетъ за собой еще увеличеніе расходовъ.

Такимъ образомъ съ каждымъ днемъ правительство становится болѣе точнымъ, попечительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и заботливымъ о нуждахъ населенія, о благосостояніи всѣхъ классовъ, и увеличиваетъ свои расходы. Конечно и доходъ увеличивается, но еще неизвѣстно, въ такой ли быстрой пропорціи, такъ что министръ финансовъ и нѣкоторые изъ его товарищей сочли необходимымъ предложить Императору сдѣлать значительныя сокращенія въ военномъ бюджетѣ, который поглощаетъ почти половину доходовъ, а такъ какъ въ тоже время общественныя работы изъ году въ годъ ведутся все съ бо̀льшимъ рвеніемъ и предпринимаются все въ большемъ количествѣ, то настало время рѣшительное для Русскихъ финансовъ: надлежитъ или увеличить доходы или уменьшить нѣкоторые расходы. Но нѣкоторые изъ нихъ не могутъ быть уменьшены. Жалованіе чиновникамъ до такой степени незначительно, что они должны жить почти въ нищетѣ или пополнять доходы самою позорною продажностью; она сдѣлалась какъ бы признаннымъ правомъ въ Россіи: никто ея не отрицаетъ, и это зло, которому, оплакивая его, покоряются. Если хотятъ завести порядокъ въ администраціи и водворить неподкупное правосудіе, надо дать чиновникамъ средства вести подобающую жизнь. Это говорятъ всѣ, знаетъ объ этомъ и Императоръ. Однако, какъ ни важно это соображеніе, но мало вѣроятія, что армія будетъ уменьшена, а склонности и образъ мыслей Государя совсѣмъ противорѣчатъ такому рѣшенію. Онъ считаетъ, что его могущество падетъ, если у него будетъ меньше солдатъ.

С.-Петербургъ, 2 Февраля 1837.

Императоръ приказалъ графу Нессельроде передать мнѣ прилагаемый при семъ переводъ съ письма *), перехваченнаго въ Польшѣ; оно не подписано, и мнѣ неизвѣстно, правильно ли означено мѣсто,

---

*) Вотъ извлеченіе изъ этого письма, отъ 3 Янв. (н. ст.) 1837 года, изъ Лассау въ Поневѣжъ, адресованнаго на имя Миткевича: „Здѣсь все охотятся на звѣря, показавшагося въ 1830 году; третій разъ стрѣляютъ по немъ, но все мимо. Стрѣлялъ Мёнье—

откуда оно отправлено. Упоминаніе о преступленіи Мёнье мало замаскировано; преступныя сожалѣнія этого Поляка явно высказаны. Пожалуй, можно даже заключать, что писавшій письмо болѣе или менѣе причастенъ планамъ, угрожающимъ жизни короля. Я просилъ графа Нессельроде выразить Императору мою глубочайшую благодарность.

С.-Петербургъ, 3 Февраля 1837.

Положеніе Поляковъ, находящихся въ незначительномъ числѣ при Русскомъ дворѣ и среди администраціи, очень любопытно. У нихъ нѣтъ ни плановъ, ни надеждъ. Я бы сказалъ, что у нихъ нѣтъ даже и желаній; однако они чувствуютъ себя побѣжденными, униженными, чуждыми, подъ гнетомъ полной недоброжелательности какъ со стороны Русскихъ, такъ и со стороны Императора. Такое положеніе и таковыя чувства могутъ длиться долгое время, передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, и нельзя предвидѣть никакого выхода.

С.-Петербургъ, 28 Февраля 1837.

Закона о военной юрисдикціи ожидаютъ нетерпѣливо; ему придаютъ необыкновенное значеніе. Такъ какъ Императрица была больна, то Императоръ рѣдко выѣзжалъ, и я не встрѣчался съ нимъ три недѣли. Три дня тому назадъ на балу у князя Волконскаго онъ довольно долго разговаривалъ со мною, выражая, какъ и въ прежнихъ бесѣдахъ своихъ, милостивое расположеніе ко всему тому, что̀ можетъ интересовать правительство короля, но все это въ общихъ терминахъ, что̀ удобнѣе, конечно, и для него, и для меня. Онъ однако прибѣгъ къ оговоркамъ: «Простите, если я говорю о томъ, что̀ меня не касается; но я военный, солдатъ, а военная дисциплина имѣетъ интересъ всеобщій, и я ею долженъ преимущественно быть занятъ». Онъ мнѣ говорилъ о Страсбургскомъ событіи, о необходимости законодательства, которое предупреждало бы подобные безпорядки и скандалы. Я отвѣчалъ, что общественное мнѣніе и палата повидимому убѣждены въ необходимости предупреждать подобные случаи тѣмъ или другимъ способомъ. Думаю, что мнѣ даже удалось ему объяснить, какъ во Франціи, послѣ большихъ злоупотребленій, совершаемыхъ военнымъ судомъ, создались предубѣжденія, которыя трудно побѣдить и съ которыми надо обращаться осторожно.

промахнулся. Не удается и мнѣ моя охота; я все болѣю и не могу выходить, ружье и собака мои бездѣйствуютъ. По послѣднему министерскому распоряженію намъ приказываютъ искать средствъ къ существованію, такъ какъ получаемое нами жалованіе скоро прекратится... Хотѣлъ бы многое вамъ сказать, но почему-то перо сохнетъ; подождемъ болѣе влажнаго времени, и вы увидите, что перо мое будетъ послушно".

С.-Петербургъ, 14 Марта 1837.

Только что появился указъ, явно показывающій намѣреніе обратить въ Русскую провинцію страну, «которую угодно было назвать Царствомъ Польскимъ», выражаясь словами Императора. Титулъ палатина и раздѣленіе на палатинства уничтожены. Царство будетъ раздѣлено на губерніи. Такъ какъ административный статутъ, замѣнившій Польскую конституцію, уже не имѣетъ оговорки, что общественныя должности будутъ исключительно заняты Поляками: то по меньшей мѣрѣ вѣроятно, что немного времени спустя всѣ гражданскіе чиновники будутъ Русскіе. «Вотъ послѣдній ударъ», говорятъ здѣшніе Поляки, очень дурно скрывающіе подъ камергерскимъ мундиромъ свои національныя чувства: они являются скорѣе заложниками, чѣмъ придворными. Увѣряютъ, что старикъ графъ Грабовскій, государственный секретарь Царства Польскаго, подписавъ бумагу, подалъ Императору свой протестъ.

Неудобство таковаго положенія дѣлъ ни отъ кого не скрыто. Императоръ говорилъ мнѣ какъ-то: «Я даже предлагалъ Австріи и Пруссіи избавить меня отъ трехъ четвертей Польскаго королевства; но онѣ не пожелали такого дурнаго подарка».

С.-Петербургъ, 24 Марта 1837.

Татищевъ только что уѣхалъ обратно въ Вѣну. Уже не было болѣе рѣчи о назначеніи его предсѣдателемъ Совѣта и если Новосильцовъ будетъ замѣненъ, то вообще теперь думаютъ, что его замѣнитъ Сперанскій. Впрочемъ, чѣмъ болѣе я всматриваюсь и думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что, каковъ бы ни былъ выборъ Императора, никакого измѣненія ни во внѣшней, ни даже во внутренней политики отъ того не произойдетъ. Я не знаю точно, какое направленіе примутъ дѣла при другомъ государѣ, но во время царствованія императора Николая оно можетъ быть предугадано, пока коренныя условія будутъ оставаться прежними. Его вмѣшательство въ дѣла Запада не было допущено; его вліяніе на нихъ почти ничтожно. Онъ это видитъ и привыкаетъ къ такому положенію почти безъ сожалѣнія. По своему воспитанію, убѣжденіямъ, характеру онъ гораздо менѣе Европеецъ, чѣмъ его предшественникъ. Онъ любитъ Россію, согласуется съ идеями и убѣжденіями своей страны, и конечно онѣ не заставляютъ его стремиться изъ ея предѣловъ. Русскій геній не имѣетъ въ себѣ ничего пламеннаго и дѣятельнаго. Если исключить поверхностное честолюбіе, онъ не склоненъ къ тому, чтобы войти въ борьбу съ другими народами. Даже армія, хотя она прекрасна, покорна, дисциплинирована, хорошо обучена, но вовсе не одержима воинскимъ задоромъ.

Татищеву поручено побудить эрцгерцога Франца и эрцгерцогиню Софію пріѣхать на нѣкоторое время въ Россію. Это приглашеніе, сдѣланное еще прошлымъ годомъ, вѣроятно, будетъ принято. Такъ думаетъ и Фикельмонъ. Не надо приписывать этому путешествію какую-нибудь опредѣленную политическую причину. Конечно, Императоръ очень любитъ выказывать свою дружбу съ великими державами. Эти оказательства льстятъ его самолюбію; но нельзя сказать, что этимъ способомъ онъ хочетъ достигнуть какой-нибудь опредѣленной цѣли, исполненія какого-нибудь плана. Къ тому же, надо знать, въ какой степени Русскій дворъ, и Императоръ прежде всѣхъ, имѣетъ любовь ко всякаго рода празднествамъ, развлеченіямъ, увеселеніямъ, движенію и разнообразію въ обыкновенной жизни. Нельзя понять, не бывши въ Россіи, какъ великій Государь, человѣкъ по существу серьезный, строгой нравственности, съ благочестивыми привычками, можетъ въ тоже время имѣть страсть къ развлеченіямъ, которая нисколько не лишаетъ его важности, такъ что его продолжаютъ почитать и бояться. Конечно, пріѣздъ Австрійскаго принца будетъ служить поводомъ, чтобы проявить великолѣпное и радушное гостепріимство.

С.-Петербургъ, 6 Апрѣля 1837.

Повидимому Императоръ вотъ уже три дня какъ знаетъ положительнымъ образомъ, что свадьба герцога Орлеанскаго съ принцессою Еленой Мекленбургской окончательно рѣшена. На слѣдующій день послѣ того, какъ я отправилъ вамъ свою послѣднюю депешу, я получилъ довольно любопытныя подробности о томъ, какъ Императоръ относится къ этому дѣлу. Можетъ быть, я могъ бы получить эти свѣдѣнія нѣсколько раньше, если бы мнѣ не приходилось, благодаря моему полному незнанію о такомъ важномъ дѣлѣ, совершенно умалчивать о всемъ томъ, что̀ имѣло къ нему отношеніе. Еслибы вамъ угодно было обратить на этотъ вопросъ мое вниманіе, я бы попытался узнать, что̀ здѣсь думаютъ о немъ. Вообще воздѣйствіе, которое Императоръ хотѣлъ оказывать, попытки, которыя онъ могъ сдѣлать, не были, какъ я полагаю, ведены оффиціальнымъ и дипломатическимъ путемъ; поэтому все должно счеть за семейную переписку, которая болѣе скрыта здѣсь, чѣмъ въ мѣстахъ, куда письма адресованы. Должно быть, Императрица или принцъ Карлъ Прусскій дали великому герцогу Мекленбургскому совѣты противъ этого брачнаго проекта. Благодаря тѣмъ же письмамъ, конечно, Прусскіе принцы рѣшились набраться храбрости въ своемъ противленіи, обнаруженномъ противъ союза, котораго желалъ король ихъ отецъ. Я склоненъ предполагать, что внезапная поѣздка Рауха, адъютанта Прусскаго короля, состоящаго при Русскомъ Императорѣ, имѣла цѣлью это дѣло; этимъ объясняется его неожидан-

ный отъѣздъ 12 Марта. Какъ бы тамъ ни было, изъ Берлина узнали здѣсь, что Императоръ очень желалъ воспротивиться этой свадьбѣ. Нѣкоторыя фразы Брессона впослѣдствіи подтвердили мнѣ то, что̀ я узналъ. Чѣмъ болѣе я узнаю̀, тѣмъ болѣе мнѣ ясно, что тутъ дѣйствовала настоящая страсть, затѣмъ негодованіе на то, что его воля не исполнена. Однако долженъ сказать, что до меня не дошло ни одного слова Императора, сказаннаго по этому поводу; ничего положительнаго не было мнѣ передано, но его характеръ и его досада противъ всякаго препятствія такъ хорошо извѣстны, что существуетъ нѣкоторая вѣроятность. Этому обстоятельству начали даже приписывать приступъ угрюмаго и раздражительнаго расположенія духа, въ которомъ Императоръ находится уже нѣсколько дней. Такъ какъ, по случаю поста, собранія и празднества, на которыхъ дипломатическій корпусъ имѣетъ случай его видѣть, прекращены, то мы лишь слышимъ объ этомъ; Русское же общество удивлено и почти огорчено министерскимъ приказомъ противъ длинныхъ бородъ и сѣрыхъ шляпъ. Вспоминаютъ, что Павелъ I-й также проявлялъ неограниченную власть и гнѣвъ противъ подобныхъ пустяковъ. Приказъ гласитъ: *Бороды пожидовски или иначе по Французской модѣ.* Въ циркулярахъ, разосланныхъ къ начальникамъ для исполненія сей монаршей воли, сочли болѣе приличнымъ уничтожить выше приведенное обозначеніе. Тому же раздраженному состоянію Императора приписываютъ и внезапный приказъ о высылкѣ убійцы Пушкина, барона Дантеса; онъ былъ посаженъ въ открытыя сани и, какъ бродяга, провезенъ до границы; его семья не была предупреждена о таковомъ рѣшеніи.

Кое-какіе бунты крестьянъ въ Саратовской губерніи также могли или возбудить или усилить этотъ гнѣвъ. Не проходитъ года, чтобы въ какой-нибудь части Имперіи не проявлялись подобные случаи. Хотя они единичны и мѣстны, но на нихъ смотрятъ какъ на очень важные, считаютъ ихъ всегда за признаки опасности, грозящей Россіи, и всегда подавляютъ съ необычайной строгостью.

Разсматривая глубже, получаешь новое, очень положительное доказательство незначительности вліянія Русскаго двора на Пруссію и Германію. Здѣсь поймутъ это какъ слѣдуетъ и утвердятся въ намѣреніи все болѣе отдѣляться отъ Европейской политики. Это будетъ выгодно и для Россіи, и для Европы, тѣмъ болѣе, что такое отдѣленіе вовсе не означаетъ того, что, отвратившись отъ Запада, Россія пріобрѣтетъ полное господство на Востокѣ. Уже не ведутъ такихъ рѣчей и не поддерживаютъ подобныхъ мыслей, слишкомъ хорошо зная, какъ внимательны на этотъ счетъ великія державы.

КЪ ИСТОРІИ ИЗДАНІЯ ПУШКИНСКАГО (ЛАВРЕНТЬЕВСКАГО) СПИСКА ЛѢТОПИСИ ПРЕПОДОБНАГО НЕСТОРА *).

Древнѣйшій списокъ Несторовой Лѣтописи, обыкновенно называемый Лаврентьевскимъ (по имени писца инока Лаврентія), открытъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ собраніи рукописей Крекшина. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, при самомъ своемъ зарожденіи, въ 1804 году, впервыя сдѣлало попытку издать этотъ списокъ и признало справедливымъ наименовать его *Пушкинскою Лѣтописью*, именно въ честь графа Алексѣя Ивановича, которому, по выраженію К. Ѳ. Калайдовича, «ученый свѣтъ одолжéнъ благодарностью за открытіе древнѣйшаго списка Несторовой Лѣтописи», составляющаго краеугольный камень нашей Исторіографіи.

Какъ извѣстно, это первая попытка къ изданію въ свѣтъ Лаврентьевскато списка Несторовой Лѣтописи не удалась, не смотря на то, что надъ изданіемъ трудился самъ предсѣдатель Общества, профессоръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, при содѣйствіи профессора Московскаго Университета Никифора Евтропіевича Черепанова. Съ 1804 по 1811 г. у нихъ было напечатано всего *десять* листовъ. Это изданіе, не будучи выпущено въ свѣтъ, погибло въ Московскомъ пожарѣ 1812 года. Говорятъ, что сохранилось нѣсколько экземпляровъ, составляющихъ большую рѣдкость.

Между тѣмъ, предъ нашествіемъ въ Москву Французовъ, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ подверглось преобразованію: 21 Января 1811 года императоръ Александръ 1-й утвердилъ Уставъ Общества. По замѣчанію П. М. Строева, въ этомъ уставѣ «правила для избранія начертаны самыя строгія: кромѣ извѣстности въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями, или отличными свѣдѣніями въ Россійской Исторіи и Древностяхъ, надлежало *быть извѣстну по трудолюбію и жизни*

---

*) Читано въ собраніи Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности 26 Января 1896 года.

неразсѣянной, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ». На основаніи сохранившагося списка «первобытныхъ членовъ», П. М. Строевъ съ свойственною ему точностію подвелъ исчисленіе, изъ котораго видно, что въ Обществѣ было: два дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтника, два тайныхъ совѣтника, въ томъ числѣ попечитель Университета, два дѣйствительные статскіе совѣтника, пять статскихъ совѣтниковъ, коллежскій совѣтникъ Карамзинъ; остальные—чиновъ низшихъ, но безъ всякаго сомнѣнія, люди извѣстные, какъ сочиненіями, такъ трудолюбіемъ и жизнію неразсѣянною (sine qua non)». И вотъ, свидѣтельствуетъ П. М. Строевъ, «сіи сановники и люди ученые избрали въ предсѣдатели Платона Петровича Бекетова, *отставнаго маіора* и, всѣмъ извѣстно, человѣка небогатаго. Явленіе для нынѣшняго поколѣнія загадочное: теперь и въ старшины клубовъ избираютъ большею частію генераловъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству того же Строева, «какой-то *энтузіазмъ* одушевлялъ и членовъ, и людей стороннихъ; быть-можетъ, его раздѣляли и всѣ просвѣщенные Москвитяне». Это показаніе современника подтверждается и позднѣйшимъ дѣятелемъ и секретаремъ того же Общества О. М. Бодянскимъ. По его словамъ, въ то время «проявилась необыкновенная дѣятельность Общества, и сочувствіе къ нему отвсюду летѣло на встрѣчу».

Въ ту пору попечителемъ Московскаго Университета, при которомъ образовалось Общество, былъ тайный совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, племянникъ князя Смоленскаго и отецъ писательницы Авдотьи Павловны Глинки, извѣстный, между прочимъ, своею ненавистью къ Карамзину. Когда исторіографъ нашъ получилъ орденъ Владимира 3-й степени, Кутузовъ счелъ своею священною обязанностью довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго (10 Августа 1810 г.) слѣдующее: «Ревнуя о единомъ благѣ, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и Якобинскаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ. О семъ надобно очень подумать, буде не для насъ, то для потомства. Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались классическими. Какъ могу то воспретить, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены? Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно дать, а давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь. Вы не по имени министръ просвѣщенія: вы мужъ вѣдающій, что̀ есть истинное просвѣщеніе; вы орудіе Божіе, озаренное внутреннимъ свѣ-

томъ и подкрѣпляемое силою свыше; васъ безъ всякаго исканія самъ Господь призвалъ на дѣло Его и на распространеніе Его свѣта... И вы и я дадимъ отвѣты предъ судомъ Божіимъ, когда не ополчимся противъ сего яда, во тьмѣ пресмыкающагося, и не поставимъ оплота сей тлетворной водѣ, всякое благочестіе потопить угрожающей. Ваше есть дѣло открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и врага всякаго блага и яко орудіе тьмы... Еслибъ я не былъ попечитель, я бы вздыхалъ, молился и молчалъ; но, увѣренъ будучи, что Богу дамъ отвѣтъ за ввѣренное мнѣ стадо, какъ я умолчу предъ вами, начальникомъ моимъ и благодѣтелемъ? Карамзина превозносятъ, боготворятъ! Во всемъ Университетѣ, въ Пансіонѣ, читаютъ, знаютъ наизусть. Чтó изъ этого будетъ? Онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые консулы; это здѣсь всѣ знаютъ и всѣ слышатъ. Я молчу и никому о семъ ни слова не писалъ, не говорилъ, а къ вамъ я обязанъ это сдѣлать. Пусть чтò хотятъ, то дѣлаютъ; но объ университетахъ надобно подумать и сію заразу какъ-нибудь истребить. Вы меня благоразумнѣе, опытнѣе, вы мудрости и доброты болѣе меня въ тысячу разъ преисполнены! Попекитесь о семъ»...

Въ виду такого письма, А. А. Васильчикова (автора книга «Семейства Разумовскихъ») крайне изумляло, что графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ томъ же самомъ Кутузовѣ видѣлъ «опаснаго революціонера, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и мечтавшаго о низверженіи трона».

Сохранились и другіе отзывы графа Ростопчина объ этомъ противникѣ Карамзина. Прежде всего замѣтимъ, что Кутузовъ вмѣстѣ съ своимъ единомышленниками и товарищами Мартинистами былъ преданъ Сперанскому, который, какъ замѣчаетъ графъ Ростопчинъ, «не придерживаясь въ душѣ никакой сектѣ, а можетъ быть и никакой религіи, пользовался ихъ услугами и держалъ ихъ въ зависимости отъ себя». Въ своихъ же отзывахъ лично о П. И Кутузовѣ Ростопчинъ не скупился на черныя краски. «Бывши полицейскомъ шпіономъ въ царствованіе Павла», Кутузовъ, по отзыву Ростопчина, «человѣкъ низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простонародья, великій Мартинистъ, стихотворецъ-пьяница, обремененный долгами и, къ несчастью, попечитель Московскаго Университета».

«По счастію», пишетъ Погодинъ, «доносъ ни на кого не подѣйствовалъ, и Карамзинъ могъ спокойно продолжать свое великое дѣланіе. Отмѣтимъ этотъ разительный случай въ доказательство, что самый благонамѣренный, самый добросовѣстный писатель можетъ подвергаться кривымъ толкованіямъ и осуждаться чуть не на граждан-

скую казнь отъ людей противнаго образа мыслей, если даже не злонамѣренныхъ, то пристрастныхъ. Научимся изъ этого разительнаго примѣра, какой осторожности требуетъ судъ о дѣлахъ печати, за который у насъ часто принимаются многіе, неприготовленные». Самъ же Карамзинъ, въ письмѣ своемъ изъ Остафьева отъ 5 Іюля 1811 года, писалъ И. И. Дмитріеву: «Кутузовъ недавно обѣдалъ у великой княгини Екатерины и блѣднѣлъ и заикался, *принужденный* хвалить меня».

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, возвратимся къ обновленному «Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ».

Попечитель Московскаго Университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, относившійся столь несправедливо къ Карамзину, весьма цѣнилъ достоинства профессора Московскаго Университета Романа Ѳедоровича Тимковскаго, который былъ, по истинѣ, духовное чадо Михаила Никитича Муравьева, бывшаго, какъ извѣстно, покровителемъ Карамзина. На Тимковскаго, «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ» возложило «достохвальный подвигъ» изданія Несторовой Лѣтописи. По свидѣтельству ученика его К. Ѳ. Калайдовича, «профессоръ Тимковскій, образованный отличными учеными Германіи, ясно видѣлъ тѣ средства, коими въ дѣлѣ столь трудномъ, еще новомъ въ нашемъ отечествѣ, ему долженствовало руководствоваться, и первый изъ Россіянъ оставилъ образецъ настоящаго критическаго изданія, которое для многихъ послужитъ примѣромъ»... Слѣдуя наставленію своего учителя, знаменитаго Германскаго филолога Гейне, Тимковскій, «положивъ въ основаніе древнѣйшій списокъ, съ точностью передавалъ чтеніе подлинника, объясняя и исправляя оный отъ ошибокъ переписчика посредствомъ варіантовъ».

Въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія хранятся нижеслѣдующіе любопытные документы, относящіеся именно къ тому времени, когда изданіемъ Лаврентьевскаго списка Несторовой Лѣтописи былъ занятъ Р. Ѳ. Тимковскій. Документы сіи во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія, ибо имѣютъ прямое отношеніе къ изданію такого драгоцѣннаго памятника нашей древней письменности, какъ Лаврентьевскій списокъ Лѣтописи преподобнаго Нестора.

Наши документы начинаются съ письма гр. А. И. Мусина-Пушкина (11 Февр. 1811 г.) къ попечителю Московскаго Университета П. И. Голенищеву-Кутузову слѣдующаго содержанія: «Вашему превосходительству извѣстно, что принадлежащую мнѣ Лѣтопись преподобнаго Нестора имѣлъ я счастіе поднести Государю Императору для сохраненія оной въ его Ермитажѣ. Но оная отдана была въ бывшее Общество Исторіи и Древностей, для снятія списка, при началѣ онаго, чему теперь (стыдно сказать) три года. А какъ при уничтоженіи Об-

щества угодно было вашему превосходительству, чтобы я оставилъ оную Лѣтопись еще на малое время у васъ, для повѣрки съ сдѣланнымъ спискомъ, на что я единственно изъ уваженія къ вамъ и согласился, но съ прошедшею почтою получилъ я о присылкѣ оной напоминаніе, а потому и прошу покорнѣйше немедля прислать мнѣ оную съ вѣрнымъ человѣкомъ; чего ожидая, пребыть честь имѣю съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ».

Прочитавъ это письмо престарѣлаго археолога, П. И. Кутузовъ отправилъ къ министру народнаго просвѣщенія графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому въ тотъ же самый день, 11 Февраля 1811 года, два письма: *частное* и *офиціальное*. Въ первомъ онъ писалъ: «Сверхъ оффиціальныхъ моихъ на сей же почтѣ посылаемыхъ отношеній за нужное почитаю донести вашему сіятельству слѣдующее. 1) Руководствуясь наставленіями вашими о приглашеніи членовъ въ Историческое Общество, я за обязанность поставилъ самъ лично съ благодарностію доставить графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину рукопись древняго Несторова Лѣтописца, въ коей мы, благодаря г. Тимковскому, болѣе нужды не имѣемъ; а при семъ случаѣ пригласилъ его сіятельство въ члены вновь составляемаго Общества, что́ онъ принялъ весьма благопріятно, давъ обѣщаніе быть самымъ дѣятельнымъ нашимъ членомъ и всѣми силами благу Общества содѣйствовать. 2) А такъ какъ графъ Алексѣй Ивановичъ объявилъ мнѣ, что онъ сію рукопись непремѣнно отправитъ въ Петербургъ, да и сверхъ того свѣдалъ я, что онъ въ сношеніи съ г. Оленинымъ, пекущимся о скорѣйшемъ изданіи сей Лѣтописи, то въ предупрежденіе, чтобы насъ не выпередилъ г. Оленинъ, не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству испросить, чтобы сія рукопись подарена была вновь составляющемуся Историческому Обществу? 3) Мы приступимъ немедленно къ печатанію Лѣтописца и всѣ силы употребимъ, чтобы онымъ не мѣшкать» *). Въ *офиціальномъ* же письмѣ своемъ Кутузовъ писалъ министру: «На прошедшей почтѣ имѣлъ я честь донести вашему сіятельству, что экстраординарный профессоръ Романъ Тимковскій, по моему препорученію, въ теченіе съ небольшимъ одного мѣсяца, совершилъ выправку древняго Лѣтописца по рукописи, графу Алексѣю Ивановичу Пушкину принадлежащей; а нынѣ, въ подтвержденіе того, еще доношу, что поелику по разсмотрѣнію моему сіе свѣреніе и выправка г-на Тимков-

*) Это *частное* письмо напечатано А. А. Васильчиковымъ въ его „*Семейство Разумовскихъ*“. Спб. 1880, II, 329—330.

скаго оказались весьма точными и исправными; то, не почитая нужною болѣе древнюю рукопись, я возвратилъ оную его сіятельству графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, требовавшему отъ меня оной письмомъ, съ коего копію у сего вашему сіятельству представить честь имѣю. Сей толь полезный и необычайный г-на профессора Тимковскаго подвигъ, по безпримѣрной его дѣятельности, въ толь краткое время ко удивленію всѣхъ совершенный и произведенный толь исправно, что сего и ожидать едва ли можно было, тѣмъ болѣе разителенъ, что, какъ и вашему сіятельству извѣстно, бывшій предсѣдатель историческаго Общества г. Чеботаревъ въ 6 лѣтъ съ помощію всѣхъ сочленовъ не могъ произвести того, что́ Тимковскій съ величайшею точностію произвелъ въ пять недѣль. А потому обязанностію поставляю обратить начальническое вашего сіятельства вниманіе на г-на Тимковскаго, коему испрашиваю каковое либо, по благоусмотрѣнію вашему, во ободреніе его награжденіе, соразмѣрное пользѣ и важности совершеннаго имъ необычайнаго труда, коего цѣну, по прозорливости вашей и любви къ Отечественной Исторіи, ваше сіятельство болѣе меня чувствуя, всеконечно со свойственнымъ вамъ благоснисхожденіемъ изволите принять сіе мое покорнѣйшее представленіе, которое я обязанъ былъ сдѣлать, какъ по званію моему, такъ и по совѣсти, побуждаясь сверхъ того и несравненнымъ удовольствіемъ видѣть первый шагъ возобновляющагося Историческаго Общества, толь успѣшно сдѣланный достойнымъ профессоромъ, въ нѣдрахъ Университета воспитаннымъ. Что́ все предая, какъ и себя самаго, милостивому вашему покровительству, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Павелъ Г. Кутузовъ».

На *частное* и *офиціальное* письма попечителя Московскаго Университета министръ Народнаго Просвѣщенія, 22 Февраля 1811 года, отвѣчалъ: «Ваше превосходительство въ частномъ письмѣ своемъ ко мнѣ изъясняете желаніе пріобрѣсть подлинникъ древняго лѣтописца Нестора, графу Мусину-Пушкину принадлежащій. Сего сдѣлать невозможно; потому что оный, по высочайшему повелѣнію, назначенъ уже для храненія въ Императорской Библіотекѣ. Остается довольствоваться спискомъ, который, какъ офиціально мнѣ доносите, сдѣланъ весьма точно и исправно. Прошу г-ну Тимковскому, сей трудъ совершившему, объявить мою благодарность и безъ замедленія приступить къ напечатанію лѣтописи. По отпечатаніи же оной я не премину, поднеся печатной экземпляръ Государю Императору, обратить къ усердію и дѣятельности г-на Тимковскаго Его Величества благоволеніе.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнымъ слугою».

Съ своей стороны П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, 2 Марта 1811 года, отвѣчалъ министру: «Предписаніе вашего сіятельства отъ 22 минувшаго Февраля подъ № 548, касательно невозможности пріобрѣсть подлиннаго древняго лѣтописца Нестора, графу Мусину-Пушкину принадлежащаго, мною получено, и вслѣдствіе онаго благодарность вашего сіятельства профессору Тимковскому за точное и исправное имъ свѣреніе списка помянутаго лѣтописца мною ему объявлена. Къ напечатанію же оной лѣтописи приступить не примину и съ моей стороны всемѣрное употребляю стараніе, дабы оное напечатаніе скорѣйшимъ и исправнѣйшимъ образомъ привести къ окончанію. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Павелъ Г. Кутузовъ».

Въ теченіе 1811 и половины 1812 г., Р. Ѳ. Тимковскій напечаталъ тринадцать листовъ *Нестора*. «И сей подвигъ нашего Общества» съ грустью замѣчаетъ Калайдовичъ, «не достигъ желаемаго конца: вторженіе непріятеля, истребившее огнемъ многія драгоцѣнности столицы, лишило насъ библіотеки; оное всесожженіе Москвы, искупившее Россію, прервало надолго занятія Общества, лишивъ его многихъ пособій. Вѣрнѣйшій списокъ съ Лаврентьевскаго кодекса, по которому производилось печатаніе, сличенный съ оригиналомъ самимъ Тимковскимъ, также погибъ во время пожара». А самый подлинникъ еще до 1812 года, какъ мы уже знаемъ, поднесенъ императору Александру I графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ Январѣ 1820 года скончался и самъ издатель Лаврентьевскаго списка, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, преждевременную кончину котораго «праведно» оплакивали и Общество Исторіи Древностей Россійскихъ, и Московскій Университетъ. «Если бы Тимковскому», замѣчалъ Погодинъ, «случилось говорить съ Цицерономъ, онъ бы не ударилъ себя лицемъ въ грязь».

Нѣсколько отпечатанныхъ Тимковскимъ листовъ Лаврентьевскаго списка вышло въ свѣтъ уже по смерти его, а именно въ 1824 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Лѣтопись Несторова, по древнѣйшему списку мниха Лаврентія. Изданіе профессора Тимковскаго, прерывающееся 1019 годомъ* (Москва, 1824).

24 Октября 1895 г. Село Березовка,
Саратовской губ. Петровскаго уѣзда.

Николай Барсуковъ.

ИЗЪ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО *).

I.

Объ энтузіастахъ.

Когда являются энтузіасты? Во времена смутныя, во времена междоусобій гражданскихъ, религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ. Чтó производитъ ихъ? Или несуществованіе правительства, или худое правительство. Въ хорошемъ правительствѣ заключается нравственность народа, долгъ коего согласенъ съ тѣмъ чтò есть; все для насъ ясно, мы съ собою не въ разладѣ, и всѣ наши правила входятъ естественно въ одно: сохраненіе существующаго порядка. При дурномъ правительствѣ все теряетъ свою ясность, нѣтъ цѣлаго; наша особенная нравственность въ противорѣчіи съ нравственностью имперіи. Въ такое время энтузіасту, движимому одною своею пылкостію, легко отдѣлить себя отъ общаго и, не видя хорошаго существеннаго, создать себѣ химерическое: каждый творитъ только для себя свою совѣсть, дѣйствуетъ для одной только собственной идеи и ей все подчиняетъ.

Государямъ одно средство: или предупредить или потушить мятежъ, угадавъ, чего требуетъ вѣкъ и, не потрясая стараго, исправить его необходимымъ новымъ. Государи не должны отставать отъ своего времени, или они будутъ необходимо съ нимъ въ раздорѣ; тогда, желая насильно остановить его или возвратить къ себѣ вспять, сами будутъ увлечены его силою и утратятъ свое могущество именно тѣмъ, что окажутъ свое безсиліе въ борьбѣ съ такимъ великаномъ.

Государь—другъ свободы; подданные—друзья повиновенія; сумма—порядокъ, слѣдственно благоденствіе.

Могутъ ли быть энтузіасты эгоизма? Такъ же точно какъ и энтузіасты добродѣтели. Чѣмъ живетъ энтузіазмъ? Чувствомъ энергіи. Чтò сильно, то кажется великимъ. Для одного *ничѣмъ* не щадить для

*) Съ черноваго листка. Писано, судя по содержанію и почерку, въ самомъ началѣ царствованія Николая Павловича. Заглавія въ подлинникѣ нѣтъ. П. Б.

собственной выгоды—такая же святыня, какъ для другаго *весьмъ* жертвовать *общему благу*. И тотъ и другой—враги порядка. Первый тѣмъ, что хочетъ явно его разрушить для себя и болѣе не для чего; второй тѣмъ, что хочетъ уничтожить его для своего *лучшаго*, которому жертвуетъ всѣмъ существующимъ. Кто дерзаетъ на настоящее вѣрное *зло* для будущаго невѣрнаго *блага*, тотъ—злодѣй.

Отчего бываютъ *злодѣи* съ хорошими намѣреніями? Отъ недостатка ясныхъ, положительныхъ правилъ нравственности. Мы затемняемъ ихъ умствованіями и теряемся въ метафизическомъ ихъ изъясненіи. Существуетъ общая нравственность, то есть законы, религія и просвѣщеніе: тогда и частная непоколебима; ее хранитъ общее мнѣніе. Что теперь нужно? Пріобрѣтеніе любви народа успокоеніемъ семействъ (милосердіе), устраненіемъ нѣкоторыхъ главныхъ отягощеній прежняго царствованія, уменьшеніемъ арміи, обращеніемъ дѣятельности на внутренность, дарованіемъ силы законамъ, уваженіемъ мѣстъ правительства, заботами о просвѣщеніи, возвышеніемъ личности всѣхъ, въ особенности военныхъ, облегченіемъ судьбы солдата, выборомъ уважаемыхъ людей. Для Государя: общій взглядъ на все, нѣсколько твердыхъ государственныхъ правилъ, дѣятельность внутри, мирное и не слишкомъ заботливое вліяніе на внѣшность; дѣятельность для исполнителей.

Когда благодѣтеленъ энтузіазмъ? Когда онъ есть *пламенная любовь къ общему благу*, соединенная *съ ясностію положительныхъ правилъ нравственности*, признанныхъ вѣками за необходимыя для порядка общественнаго.

II.

Письмо В. А. Жуковскаго къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Немедленно, по прибытіи моемъ на мѣсто моего назначенія, спѣшу исполнить драгоцѣнную для меня волю Вашего Императорскаго Величества и живѣйшее желаніе моего сердца: спѣшу писать къ вамъ, всемилостивѣйшая Государыня! Примите мою всеподданнѣйшую благодарность за сіе милостивое повелѣніе. Покидая Россію и во все время моего путешествія, я часто, часто думалъ о васъ, всемилостивѣйшая Государыня, думалъ и мысленно благословлялъ васъ. Новое испытаніе, посланное вашему сердцу Небомъ, лежало на моемъ, какъ бремя, и я съ обновленною къ вамъ любовію дѣлилъ вашу священную горесть. Боже мой! Въ такое короткое время надлежало вамъ

пройти снова одну за другою всѣ печали, какія только могутъ терзать человѣческую душу въ здѣшней жизни. Въ недоумѣніи я бы позволилъ себѣ спросить у Промысла за что именно вы избраны для такого рода страданій, когда и безъ нихъ ваша жизнь есть безпрестанное прекрасное пожертвованіе собою; но отвѣтъ ясенъ и безъ вопроса: вы стойте на виду, вы назначены представлять смотрящимъ на васъ умилительное зрѣлище терпѣнія, покорности Божеству, величія въ несчастіи. Да подкрѣпитъ васъ рука Всевышняго! Мы смотримъ на васъ съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, съ глубокимъ чувствомъ уваженія. Съ высокаго вашего мѣста вы даете намъ урокъ убѣдительный человѣческихъ добродѣтелей. Одна молитва: да позволитъ вамъ Провидѣніе долго, долго не покидать этого мѣста, котораго вы такъ достойны, и эта молитва болѣе за насъ, нежели за васъ. Но она всеобщая! Пускай же послужитъ она нѣкоторымъ утѣшеніемъ вашему сердцу. Вся Россія своими благословеніями проводила ангельскую душу Елисаветы въ ту сторону, гдѣ земныя утраты обращаются во благо. Кто бы осмѣлился пожелать ей остаться на землѣ послѣ того, что она передала Небу? Печаль объ ней не имѣла въ себѣ того разительно-ужаснаго, что было произведено неожиданною кончиною Александра; она возбудила въ сердцѣ другаго рода чувство: прекрасный посѣтитель покинулъ землю, на которой уже не могъ долѣе оставаться, покинулъ для Неба, гдѣ соединены были драгоцѣннѣйшія земныя блага его. Вотъ смерть ея. Жаль разлучиться съ небеснымъ гостемъ, но земля уже не его мѣсто! И такое тихое удаленіе чистой души представляетъ зрѣлище умилительное: не смѣешь думать объ утратѣ своей; только яснѣе постигаешь, что такое смерть и сколь величественно назначеніе души человѣческой.

И вслѣдъ за этою утратою вы, всемилостивѣйшая Государыня, должны были испытать другую болѣзненную, незамѣняемую: вы потеряли друга достойнаго вашего сердца. Карамзина нѣтъ!... Вотъ что ожидало меня при моемъ сюда прибытіи. Какъ ни приготовленъ былъ я своимъ убѣжденіемъ къ такому несчастію, но все оно было неожиданнымъ ударомъ для сердца. Я видѣлъ его въ самый день моего отъѣзда и, разставаясь съ нимъ, я мысленно сказалъ ему: прости на вѣки! Но такъ скоро! Боже мой! Подобныя потери отымаютъ у жизни все ея земное очарованіе: наше здѣшнее счастіе заключено все въ тѣхъ людяхъ, которыхъ сердце любитъ, которыхъ добродѣтель есть наша совѣсть, которыхъ одобреніе есть наша подпора и награда. Безъ нихъ наша дорога пуста. Но они покидаютъ насъ и должны покидать насъ: таковъ законъ всего здѣшняго. Одинъ только сопутникъ строгій,

безмолвный, неутѣшающійся никакими наградами, можетъ остаться *нашимъ* до гроба: этотъ спутникъ—*должность*. Понимаю, чтó вы почувствовали, всемилостивѣйшая Государыня, когда достигло до васъ горестное извѣстіе. Вы умѣли цѣнить его прекрасную душу. Подобной въ чистотѣ на землѣ не было. Онъ до гроба сохранилъ всю непорочность младенца, которая удивительно соединена была въ немъ съ высокою мудростію мужа. Жизнь его представляетъ нѣчто совершенное. Смерть Карамзина... Это слово пробуждаетъ въ душѣ совсѣмъ не то понятіе, какое соединено со словомъ *смерть*, такъ часто слышимымъ и произносимымъ. Кто зналъ его жизнь, кто зналъ, что вся эта жизнь была не иное чтó, какъ исканіе мыслію и дѣломъ того, чтó совершенно обрѣтается только въ лучшей жизни, тотъ невольно почувствовалъ благоговѣніе при вѣсти о его смерти. Такая душа вступаетъ въ лучшій міръ, какъ въ міръ знакомый; минута смерти есть для нея только полное откровеніе того, чтó было для нея здѣсь предчувствіемъ, чтó составляло ея земную мудрость. Благословенно мѣсто, гдѣ покоится прахъ его! Оно будетъ святынею для отечества. Кто подойдетъ къ нему съ тѣмъ чувствомъ, которое должно возбуждать въ душѣ воспоминаніе о Карамзинѣ, тотъ удалится отъ него лучшимъ и болѣе достойнымъ жизни. Благословляю Государя, который, какъ законный судія заслугъ гражданскихъ, какъ верховный представитель народныхъ добродѣтелей и народной чести, такъ царски, передъ лицемъ отечества, изъявилъ благодарность одному изъ достойнѣйшихъ сыновъ его. Онъ заплатилъ ему долгъ Россіи; а вы, всемилостивѣйшая Государыня, оплакали въ немъ друга, и ваше сердце никогда его не забудетъ.

Я долженъ кончить. Чувствую, что письмо мое слишкомъ длинно; ласкаюсь однако надеждою, что ваше Императорское Величество простите мнѣ милостиво мое свободное и невольное многорѣчіе: я говорилъ о томъ, чтó такъ близко вашей душѣ и чѣмъ въ эту минуту и моя единственно наполнена. Осмѣливаюсь прибавить нѣсколько словъ о самомъ себѣ. Я доѣхалъ до Эмса благополучно. Путешествіе принесло мнѣ рѣшительную пользу. Я началъ употреблять воды и чувствую, что дѣйствіе ихъ для меня благодѣтельно; жду съ нетерпѣніемъ, чтобъ срокъ лѣченія моего кончился, дабы возвратиться въ Россію и снова посвятить всѣ часы свои исполненію моей драгоцѣнной обязанности.

Оканчиваю письмо мое тѣмъ чтó для меня теперь всего дороже: да благословитъ Всевышній священную минуту вѣнчанія нашего Государя! Да будетъ его царствованіе славно! Да наслаждаетесь вы,

Государыня, долго его славою и въ его славѣ истиннымъ благоденствіемъ Русскаго народа.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Василій Жуковскій.

Эмсъ,
14 (26) Іюня 1826.

III.

Письмо В. А. Жуковскаго къ графу В. А. Сологубу *).

Благодарю васъ, л(юбезный) г(рафъ), за книжку вашу и въ особенности за вашъ «Тарантасъ», который далеко превзошелъ мои ожиданія. Сказать ли вамъ правду? Я ожидалъ его съ любопытствомъ болѣе ради извѣстныхъ мнѣ Гагаринскихъ иллюстрацій, нежели ради его содержанія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи я ожидалъ полюбоваться одною только пріятною литературной блесткой, и болѣе ничего. Вышло напротивъ: содержаніе лучше иллюстрацій, которыя въ своемъ родѣ прелестны. Взявшись за книгу, я не могъ выпустить ее изъ рукъ и прочиталъ съ начала до конца съ неизмѣнившимся удовольствіемъ. Оригинально, увлекательно и дѣльно. Въ вашемъ Тарантасѣ я проѣхался по Россіи, и эта Россія полюбилась мнѣ, не смотря на печальныя описанія однообразія видовъ, худыхъ дорогъ, станцій безъ лошадей, нечистыхъ трактировъ, жалкихъ чиновниковъ, плутоватыхъ купцовъ и прочаго многаго. Мимоходомъ и рядомъ съ существующимъ дурнымъ я разглядѣлъ и существующее доброе и каждое въ своемъ естественномъ видѣ, такое, каково оно въ самомъ дѣлѣ, а не такое, какимъ его изображаетъ или предубѣжденный чужестранецъ, который, при всемъ желаніи быть правдивымъ, лишенъ возможности понять Русскую правду или полуобразованный Русакъ, мыслящій для того, чтобы писать и пишущій о своемъ отечествѣ по образу и подобію Дюмаса et comp., заимствовавъ свои понятія или въ школѣ, или внѣ отечества, стараясь въ чуждую ихъ форму втѣснить огромное тѣло неизвѣстной ему Россіи. Благодарствуйте за истинное удовольствіе, доставленное мнѣ вами поѣздкою въ вашемъ Тарантасѣ. Всѣ дорóгою знакомятся короче. И я теперь короче познакомился съ вашимъ талантомъ и съ вами. Вашъ талантъ гораздо значительнѣе того, который блеснулъ мнѣ въ вашихъ пріятныхъ повѣстяхъ, и направленіе этого таланта гораздо выше того, которое выказывалось мнѣ до сихъ поръ въ этихъ остроумныхъ разсказахъ, минутныхъ произведеніяхъ для минутнаго раздражительнаго удовольствія, не оставляющаго на душѣ никакого слѣда, а если и оставляющаго, то по большей части

*) Съ черноваго подлинника. П. Б.

одинъ только разрушительный. Благословляю васъ обѣими руками писать въ духѣ вашего Тарантаса; если вы останетесь ему вѣрны, то будете писать и доброе для души, и доброе для Руси. Доброе для души будетъ тогда, когда и у васъ въ душѣ будетъ то доброе, которое будетъ сливаться съ пера вашего. Вѣра писателя слышна въ его твореніяхъ; она сказывается безъ словъ и означается вопреки словамъ: любя, заставишь любить; вѣря, заставишь вѣрить. Безъ этого условія не жди успѣха. Доброе для Руси будетъ, когда въ вашихъ мысляхъ и въ вашихъ изображеніяхъ будетъ сама Русь, знаемая вами и любимая въ ней самой, а не фантастическое что-то, созданное празднымъ воображеніемъ, не повѣренное наблюдательнымъ умомъ, не повѣренное совѣстливымъ, терпѣливымъ опытомъ, а родившееся *такъ*, чтобы занять пустое мѣсто въ душѣ и пустое мѣсто на бумагѣ. И то и другое доброе отъ васъ будетъ несомнѣнно. За то порукою Тарантасъ, который вы пустили впередъ, какъ отважный воздухоплаватель, готовясь летѣть, передъ своимъ огромнымъ шаромъ пускаетъ маленькій, чтобъ означить передъ глазами зрителей обширность воздушнаго пространства и направленіе, которое онъ взять долженъ. Счастливый путь въ высоту!

Благословляю васъ на Русскій романъ, въ которомъ вы скажете намъ о Россіи сущую правду такъ, чтобъ и при видѣ мнимаго безобразнаго (что̀ есть только наростъ внѣшній на всѣ народы, различнымъ образомъ, въ бо̀льшемъ или меньшемъ количествѣ, налагаемый вѣками) Русское сердце согрѣвалось, радуясь и тѣмъ добромъ, какое есть, и тѣмъ великимъ, прекраснымъ и добрымъ, какое можетъ и должно быть. Если будете писать *по правдѣ* о томъ, что̀ *подлинно* есть и если не будетъ у васъ ни чуждыхъ намъ метафизическихъ идеаловъ, ни заносчивыхъ замысловъ о несбыточномъ, ни хвастливости на счетъ настоящаго: то ваши созданія будутъ прекрасны, какъ произведенія художника, и превосходны, какъ произведенія человѣка.

Сихъ двухъ назначеній я не могу отдѣлить одно отъ другаго. Что̀ такое человѣкъ? Слуга Божій на землѣ для Неба. Что̀ такое художникъ? Тотъ же слуга Бога, но только одаренный особымъ отъ другихъ творчествомъ, то есть силою пересоздать своимъ образомъ то, что̀ создано Богомъ. Бѣда ему, если онъ въ своихъ позаимствованныхъ созданіяхъ будетъ противоположенъ силѣ Создателя первобытнаго: онъ измѣнитъ своему человѣческому назначенію, угодивъ одному искусству, опозоривъ свою душу. Пишите Русскій романъ. Мнѣ кажется и кадръ уже для него готовъ въ вашемъ Тарантасѣ; мы уже познакомились со многими изъ лицъ дѣйствующихъ на сценѣ Тарантаса или, лучше сказать, на пружинахъ Тарантаса. Провезите на немъ вашего героя

по всей Россіи. Но только избавьте насъ отъ противныхъ *Героевъ нашего времени*, отъ *Онѣгиныхъ* и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ, которые теперь въ литературѣ замѣнили Шписовыхъ рыцарей, Лафонтеновыхъ сантиментальныхъ пасторовъ, студентовъ и гезелей, привидѣній покойницы Радклифъ, которые всѣ суть не иное что̀, какъ бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона. Конечно и ихъ должно выводить на свѣжую воду, но такими, каковы они есть, не главными образцовыми героями, которыхъ привлекательное изображеніе опрокидываетъ вѣру сердца, возбуждаетъ въ умѣ одно гордое отвращеніе и жизнь ограничиваетъ сначала одною временною грязью чувственнаго наслажденія, пока еще воздухъ входитъ въ легкое, кровь течетъ по жиламъ и желудокъ варитъ, а потомъ вѣчною грязью могилы, когда всѣ эти функціи прекратятся. Въ часъ добрый очините перо, перекрестите себя и бумагу и принимайтесь за Русскій романъ, а я пророчу перу вашему полный успѣхъ. И дай Богъ, чтобы то добро, которое отъ него выльется и о которомъ по свидѣтельству Тарантаса вы имѣете такое вѣрное понятіе, отозвалось въ вашей собственной жизни. А это NB вамъ болѣе возможно, нежели многимъ другимъ, ибо вы запаслись вѣрными матеріалами для земнаго счастія, наживъ добрую жену, которой душу вы понимать способны, душу, готовую чисто и звонко отзываться на прекрасное здѣшнее и нездѣшнее *). Прощайте!

А что̀ такое *юнга*? Какъ *юнга* зашелъ въ мои стихи? И зачѣмъ его вы въ нихъ впустили? Если шкиперъ — *ошибка* передъ моряками (въ чемъ я и готовъ признаться), то *юнга* есть уродство передъ Аполлономъ. Ужъ просто бы поставить:

То мальчикъ Робертъ былъ.

Впрочемъ я не ропщу; такъ было судьбѣ угодно. А вы не лѣнитесь, пишите. Да нельзя ли въ добрый часъ съѣздить чѣмъ-нибудь, хоть оглоблею Тарантаса, по брюху вашего почтеннаго тестя г. М. Ю. и сказать ему: полно тебѣ лежать брюхомъ, напиши къ Василью Андреевичу. А женку вашу прошу за меня обнять, также и дочку, да и милымъ Веневитиновымъ сказать дружескій поклонъ мой. Жена моя всѣхъ женскихъ персонъ вашего семейства прижимаетъ къ сердцу. Она меня наградила сыночкомъ. Ужъ право сынокъ! Что̀ твой Тарантасъ!

(1845).

---

*) Графъ Сологубъ былъ женатъ (первымъ бракомъ) на графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Віельгорской, удивительно-прекрасной женщинѣ, про̀ которую кто-то сказалъ, что она всю свою жизнь провела на отлетѣ въ небо. П. Б.

ПИСЬМО ГОГОЛЯ.

Вы, вѣрно, не можете понять причины, почему до сихъ поръ я не писалъ вамъ и почему по обѣщанію не прислалъ портрета. Но портрета я не присылаю вамъ и теперь; и вотъ почему, 1-я: на почтѣ встрѣтились такія затрудненія при отправкѣ его, что у меня не стало терпѣнія; не потому не стало терпѣнія, чтобы я былъ лѣнивъ или занятъ, но потому что меня сильно охладили слѣдующія за симъ причины. 2-я: Два извѣстные вамъ господина поднялись на такія штуки, какихъ, вѣрно, вы не придумали бы во вѣкъ, именно испортить портретъ, и сдѣлали его похожимъ на сестру ея, что̀ изумило совершенно всѣхъ, и самъ оригиналъ не можетъ постигнуть причины, почему теперь рѣшительно не похожъ портретъ, тогда какъ прежде былъ похожъ... Наконецъ 3-я причина, можетъ быть, самая непріятная для васъ; но дѣло прошлое, стало быть можно сказать прямо: оригиналъ и сотой доли не стоитъ сердечныхъ чувствъ вашихъ. И тѣни въ немъ и нѣтъ и не было того, что̀ заключается сильно въ груди Итальянской любовницы. При васъ, при моихъ глазахъ даже, произошли такія сцены, которыя, еслибы я вамъ сообщилъ вполовину, то уже доставилъ бы вамъ нѣсколько горькихъ минутъ, омрачившихъ бы, можетъ быть, ваше послѣднее пребываніе въ Римѣ... Но Богъ съ нимъ! Гоните прочь съ души все мутное! На ясный, на свѣжій воздухъ! На трудъ! Сильнѣе и крѣпче воздвигайте упоръ въ душѣ своей всему что̀ низменно и чѣмъ соблазняетъ свѣтъ. Помните вѣчно, какой земли гражданинъ вы и что никому не предстоитъ столько трудовъ и работъ, какъ гражданину сей земли, и что есть таинственная рука, которая поведетъ васъ на прекрасное и высокое... Прощайте! Посылаю вамъ письмо, вѣроятно вашей маменьки.

Это письмо Гоголя къ лицу, имени котораго мы не въ правѣ оглашать, писано въ 1838 или 1839 году изъ Рима. Печатается оно съ случайно-найденнаго собственноручнаго подлинника и послано въ Берлинъ М. Н. Каткову для передачи тому, кому оно писано. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА Е. Е. КОМАРОВСКАГО КЪ И. В. КИРѢЕВСКОМУ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 года (I, 310—316) помѣщены два письма графа Егора Евграфовича Комаровскаго (1802—1875) къ поэту-слѣпцу И. И. Козлову, и тамъ же сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ по истинѣ достопамятномъ человѣкѣ, принадлежавшемъ къ лучшему кругу того Русскаго общества, которое обильно усвояло себѣ западное просвѣщеніе и въ тоже время сохраняло живую связь съ основными началами Русскаго быта. За сообщеніе печатаемаго теперь письма мы обязаны дочери его, графинѣ Аннѣ Егоровнѣ Комаровской. Оно писано къ его другу И. В. Кирѣевскому, который, въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 г. помѣстилъ, въ видѣ письма къ графу Комаровскому, знаменитую статью свою „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“. Нельзя не пожалѣть, что статья эта, въ которой глубокомысліе отличается необычайною ясностью, а пріемы изложенія высокимъ изяществомъ, до сихъ поръ не переведено на иностранные языки. Эта статья и другая, „О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи“, внушили Хомякову прекрасное его посланіе къ И. В. Кирѣевскому.

Ты сказалъ намъ: за волною
Вашихъ мысленныхъ морей
Есть земля; надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли эмпирей и пр.

„Русскій Архивъ“ надѣется, что и другія произведенія графа Комаровскаго появятся на его страницахъ. П. Б.

Pétersbourg, 16 mai 1852.

Cher et bien excellent Иванъ Васильевичъ.

Afin de vous prouver combien je me trouve indigne de l'honneur que vous venez de me faire publiquement, et combien peu j'accepte l'espèce de parité que suppose une semblable correspondance, je choisirai pour vous répondre une autre langue que celle dont vous faites un si bel usage; j'en emploierai une, malheureusement ravalée de nos jours par tous les abus, auxquels on la fait servir d'expression, et dont le terrain, foulé par la multitude, contraste avec le sol presque intact

qui vient de recevoir l'empreinte de vos pensées. Cet article (je n'ose vraiment pas dire votre lettre) produit l'effet d'un voyage de découvertes: tant il y a du nouveau dans le style, dans les idées, même sous plusieurs rapports dans les tendances. Je parie que plus d'un Orthodoxe, plus d'un patriote aura éprouvé grâce à vos pages l'ineffable joie de Robinson lorsque dans son île déserte il eut reconnu des traces d'*homme*.

A moi, qui connait vos allures, ces pages ont rappelé vivement ces bonnes causeries d'*Oxma*, le soir, quand nos heures s'écoulaient calmes et limpides comme la Neva, que suivaient nos regards en face de la grande ville, dont la signification nous préoccupait en manière de problême. Heureusement, de ce côté-là elle se présentait à nous dominée par cette église de *Смольный*, un des plus beaux monuments du Christianisme Oriental, transplanté dans la nature Slave du dogme pur, inflexible, professé *con amore* par des âmes soumises, humbles et tolérantes, contact providentiel d'où resultera tout notre avenir, et je ne crois pas que, dans ce moment, l'ordre social contienne nulle part de germes plus féconds: lorsque la Foi et la Charité sont unies, n'est-ce point là aussi qu'est l'Espérance?

Mais d'où vient alors, cher Иванъ Васильевичъ, que sous votre plume cette espérance ne se prononce pas davantage? J'ai cru apercevoir, au fond de l'article, d'intimes regrets, et à la surface des voeux méfiants. La clef de vos réticences c'est la crainte que vous inspire pour nous la civilisation, dont souffre l'Europe. D'après ma conviction, plutôt que d'en tomber malades, nous devons y porter remède. La nature des Occidentaux, successivement féodale, protestante, industrielle (formes diverses du même individualisme) est sous tout ces rapports trop diamétralement opposée à la nôtre pour la saisir dans les profondeurs inconnues, à présent surtout que ses fautes lui ont appris à douter d'elle-même. Mais il fallait absolument un contact, même chanceux, afin que l'effet de la Russie Orthodoxe sur les autres peuples de la race Slave et avec eux sur le reste de la société humaine devint un corollaire de tout ce qui s'est passé depuis que le monde est monde, de tout ce qui a jusqu'à nos jours constitué l'Histoire. Ce n'est pas en vain que des hommes, tels que vous, proclament l'unité de l'Esprit dans notre culte, dans notre nationalité, jusque dans nos dispositions instinctives, à l'heure même où le fractionnement, la divergence, l'antagonisme dans la sphère des idées semblent atteindre en Europe leurs dernières limites. Dans les abus de la civilisation Européenne, un *retour à l'unité* par l'influence du sentiment collectif qu'apporte une nation forte et ascendante, est aussi rigoureusement nécessaire, que cette même civilisation Occidentale (née pour la résistance, pour l'analyse, pour

l'examen, pour l'individualisme sous tous ses aspects) a été légitime dans son temps après les excès de l'unité fatale et matérielle du Monde Antique, construit tout entier par superpositions de peuples et résumé par force dans la Cité Romaine. *Masse, dével ppement par opposition, ensemlle*—selon moi c'est ainsi que doivent se caractériser les évolutions des tendances sociales, de même que, pour me servir de votre excellente comparaison, trois points dans l'espace déterminent la trace d'une circonference. On dirait en philosophie: *synthèse, analyse, hypersynthèse.*

Novalis a dit quelque part que le passage de l'unisson à l'harmonie était la dissonance. J'ignore jusqu'à quel point c'est exact en musique; là il m'est interdit d'avoir là-dessus une opinion quelconque; mais dans le sens figuré (ce qui me semble au reste une présomption en faveur du sens littéral) c'est, je crois, une vérité du premier ordre. Et je doute qu'il y ait là de quoi crier à l'*utopie*, puisque la seule phase hypothétique, celle de l'avenir, a pour élémens des matériaux amassés dans la vie réelle depuis tant de siècles, depuis la séparation des Églises, depuis même qu'on a su qu'il y avait des Slaves dans le monde!

Laissez moi vous le dire en face: nul mieux que vous, à force de méditations et d'études, ne s'est rendu capable d'apprécier la profonde harmonie de notre existence nationale; nul ne fera mieux comprendre les motifs de ces dissonances que nous renvoient les échos d'Occident. Il y en a une, entre autres, que vous relevez avec un singulier bonheur, dans la question de l'art moderne, qui n'a pas su conserver *смыслъ красоты и правды въ связи не, прерывной.* Ceci m'a fait songer à ce qu'avait dit Platon: *Le beau est la splendeur du vrai*, pensée qui, dans sa forme, est comme un pressentiment profane du texte où l'Apôtre a nommé le Verbe: *Сіяніе Славы Отчей*!

Je vous remercie mille fois pour les différences que vous avez constatées entre l'*Opinion*, ce fait intellectuel, si prononcé, si fort parmi les Occidentaux, et la *Conviction*, ce fait moral qui nous communique tant de force! Il est assez reconnu que chez nous ce qu'on appelle l'*opinion* n'existe guère; il est également hors de doute que *chez eux*, à l'inverse, c'est la *conviction* qui manque. A votre lumière, l'une s'étendait sous mes yeux comme une place publique, une espèce de marché, une vaste école en plein vent, où les esprits viennent apprendre à faire leur chemin dans le monde, tandis que l'autre s'offrait à ma vue comme un sentier creusé dans le roc par où l'âme accomplit ici-bas son pélérinage!

Maintenant souffrez, je vous prie, que, pour être tout-à-fait sincère, je proteste, malgré toute ma confiance dans notre avenir, contre une

dénomination russe sous laquelle pourrait bien se populariser à la longue, sur le sol de nos idées, certaine plante vénéneuse, qui ferait mieux, je pense, de garder son caractère exotique, même dans les nomenclatures, je veux parler de *разсудочность* comme mettant à notre portée littéraire un poison, qui, ainsi que vous le dites, dessèche ailleurs les intelligences. Laissons lui, croyez moi, son nom Occidental, son nom téchnique de раціонализмъ, ainsi qu'on dit des poisons en botanique: *Datura* ou *Stramonium*, *Oxypetalum* etc. etc. S'il vous répugne d'ouvrir votre style à des mots étrangers, c'est vous-même que je vous citerai en vous rappelant combien vous avez eu raison de dire *ibidem*: *Эманципація женщины*; et si vous tenez à ce que chaque systême d'idées se projette dans notre vocabulaire philosophique, je vous répliquerai que nous devons nous applaudir de n'avoir pas de mots pour rendre: *oeuvres méritoires*, *surérogatoires* et autres expressions semblables, dont la précieuse absence contribue à indiquer l'esprit Orthodoxe de notre Église.

Mais je tarde bien à fermer une lettre que vous mettrez sans doute moins de temps à parcourir qu'il ne m'en a fallu pour prendre connaissance de votre article et qui cependant vous paraîtra plus longue. Ma femme vous fait dire mille amitiés; son coeur Moscovite a joui du *Сборникъ* compatriote, en commençant et finissant par vous. Je vous embrasse bien tendrement. A vous de coeur Kamaroffsky.

P. S. En me relisant, il m'est venu un scrupule: je crains d'avoir risqué d'une manière un peu leste, en trois mots, tout un systême, qui ferait hausser bien des épaules, car les critiques ont cela de commun avec les jeunes filles chantées par Derjavine—*что плечами говорятъ*. Je voudrais savoir si les vôtres (quoique, certes, elles n'appartiennent pas à ce qu'on appelle vulgairement un critique) se sont émues à l'idée que le génie social procède dans ses évolutions par *synthèse, analyse* et *hypersynthèse?* Qu'en dites-vous, cher Иванъ Васильевичъ? *Pensez-vous en effet que la Philosophie de l'Histoire soit susceptible d'une régularité aussi mathématique?* Combien je vous saurais gré d'un mot de réponse! Surtout s'il était possible sans trop de retard. Votre avis sur cette question pourrait m'être bien salutaire dans le cours actuel de mes études.

Je vous embrasse encore une fois.

Переводъ.

Дорогой и добрѣйшій Иванъ Васильевичъ!

Въ доказательство того, что не считаю себя достойнымъ той чести, которую вы мнѣ оказали во всеуслышаніе и какъ мало посягаю на какую бы то ни было уравнительность, которую предполагаетъ переписка подоб-

наго рода, я избираю для отвѣта другой языкъ, а не тотъ, который такъ блистательно вами употребленъ въ дѣло. Прибѣгаю именно къ тому изъ языковъ, который къ сожалѣнію въ наши дни наиболѣе истрепанъ примѣненіемъ его къ выраженію всяческихъ злоупотребленій; почва котораго такъ затоптана толпою, что являетъ совершенную противуположность съ тою нетронутою нивой, на которой только что отпечатлѣлись слѣды вашихъ собственныхъ мыслей.

Ваша статья (право у меня не хватаетъ духа назвать это письмомъ ко мнѣ) истинно производитъ впечатлѣніе какого-то путешествія въ новооткрытыя страны: столько тутъ новаго и въ стилѣ, и въ идеяхъ, даже во многихъ отношеніяхъ въ самомъ *направленіи*. Ручаюсь, что весьма многіе Православные и многіе патріоты способны почувствовать благодаря вашимъ строкамъ, несказанную радость Робинзона, когда онъ вдругъ на своемъ необитаемомъ островѣ онъ нашелъ слѣды человѣка.

Для меня, который васъ такъ близко знаетъ, эти страницы напомнили со всею живостью тѣ добрыя вечернія Охтенскія бесѣды *), когда у насъ цѣлые часы протекали—тихи и безмятежны, какъ Нева, за теченіемъ которой слѣдили наши взоры въ виду великаго града, о назначеніи котораго мы разрѣшали цѣлыя проблемы. Къ счастію оттуда онъ представлялся намъ осіянный храмомъ Смольнаго монастыря—однимъ изъ лучшихъ памятниковъ Восточнаго христіанства. А оно, бывъ перенесено къ намъ, пало на Славянскую почву изъ чистѣйшаго источника, въ цѣлости и неповрежденности сохранившагося догмата,—и исповѣдуется еще смиренными, кроткими и снисходительными душами такъ любовно. Это ужъ дѣйствіе Провидѣнія, и вся наша будущность въ томъ, думается мнѣ, что ни въ одной изъ иныхъ странъ, современный соціальный строй не заключаетъ въ себѣ зародышей столь плодотворныхъ! Разъ только съ вѣрою неразрывно связана любовь, то нѣтъ ли тутъ мѣста и для надежды?

Какъ же такъ случилось однако, дорогой Иванъ Васильевичъ, что подъ вашимъ перомъ эта самая надежда высказывается не довольно рѣшительно? Мнѣ показалось въ вашей статьѣ присутствіе въ ея глубинѣ затаенныхъ сожалѣній, а во внѣшности—пожеланій, несвободныхъ отъ сомнѣнія. Разгадка такой вашей сдержанности заключается въ опасеніи внушаемомъ для насъ цивилизаціею, отъ которой страдаетъ Европа, и по моему убѣжденію вмѣсто того, чтобъ подвергнуться заразѣ, намъ скорѣе слѣдуетъ помочь ея исцѣленію. Весь западный строй, въ своей исторической послѣдовательности сперва феодальный, затѣмъ протестантскій, и наконецъ промышленный, сохраняя въ этихъ различныхъ формахъ одинъ и тотъ же индивидуализмъ, представляется во всѣхъ этихъ отношеніяхъ слишкомъ противоположнымъ основамъ нашего быта, чтобы мы могли постичь его неизвѣданныя глубины, въ особенности теперь, когда его ошибки заставляютъ его подвергать сомнѣнію свою собственную состоятельность. Но, ихъ соприкосновеніе, которое могу назвать даже благопріятнымъ, было безусловно необходимо для того, чтобы воздѣй-

*) У графа Комаровскаго была дача на Охтѣ, на берегу Невы. П. Б.

ствіе православной Россіи на остальныя Славянскія народности, а при ихъ посредствѣ и на весь родъ человѣческій, получило свое опредѣленное значеніе во всѣхъ тѣхъ событіяхъ, которыя совершились съ самаго созданія міра, во всемъ томъ, что до нашихъ дней принимаетъ участіе въ ходѣ всемірной исторіи. Недаромъ такіе люди, какъ вы, оглашаютъ цѣльность (единство?) духа, присущую нашей вѣрѣ, нашей народности, даже нашимъ природнымъ наклонностямъ, какъ разъ въ то время, когда въ Европѣ раздробленіе, различія и враждебность въ сферѣ мысли повидимому доходятъ до крайнихъ предѣловъ. Для злоупотребленій Европейской цивилизаціи настолько же безусловно необходимъ возвратъ къ единству (цѣльности) посредствомъ собирательного чувства, вносимаго сильной и развивающейся народностью, насколько эта самая западная цивилизація, возникшая ради сопротивленія, ради анализа, ради изслѣдованія, ради индивидуализма во всѣхъ его проявленіяхъ, была въ свое время вполнѣ узаконена крайними послѣдствіями рокового и матеріальнаго единства древняго міра, всецѣло созданнаго нагроможденіемъ народовъ и путемъ насилія доведеннаго въ Римскомъ государствѣ до своего полнѣйшаго выраженія. Случайное скопленіе, развитіе во имя противорѣчій, объединеніе,—вотъ какъ по моему слѣдуетъ характеризовать эволюцію соціальныхъ стремленій, подобно тому, какъ, по вашему прекрасному сравненію, три точки въ пространствѣ опредѣляютъ черту окружности. Выражаясь философски, можно бы сказать: *синтезъ*, *анализъ*, *гиперсинтезъ*

Помнится гдѣ-то замѣтилъ, что переходъ отъ унисона къ гармоніи образуетъ диссонансъ. Не знаю, въ какой мѣрѣ это музыкально вѣрно, я не могу быть въ этомъ судьею; но въ переносномъ смыслѣ (что мнѣ представляется выгоднымъ для буквальнаго смысла предположеніемъ), это составляетъ, такъ я думаю, истину первостепеннаго значенія. Я сомнѣваюсь, чтобы эту мысль можно было упрекнуть въ утопіи, такъ какъ единственный гипотетическій ея фазисъ, именно предполагаемый въ будущемъ, имѣетъ основою всѣ тѣ матеріалы, которыя дѣйствительная жизнь накопила въ теченіе столькихъ вѣковъ, со времени раздѣленія церквей, даже съ тѣхъ поръ, какъ міръ узналъ о самомъ существованіи Славянъ.

Позвольте мнѣ прямо вамъ признаться: никто лучше васъ, благодаря вашему глубокомыслію и учености, не былъ бы въ состояніи оцѣнить всю гармонію нашего національнаго облика; никто не разъяснитъ лучше васъ причинъ тѣхъ диссонансовъ, которые звучатъ у насъ отголоскомъ съ Запада. Въ числѣ послѣднихъ, вы особенно удачно останавливаетесь на одномъ, именно на вопросѣ о современномъ искусствѣ, въ которомъ не уцѣлѣлъ *смыслъ красоты и правды въ связи неразрывной* Это напомнило мнѣ слова Платона о томъ, что *красота есть сіяніе истины*; эта мысль, въ своей языческой формѣ, какъ будто предчувствуетъ тотъ текстъ Апостола, въ которомъ онъ называетъ Слово *Сіяніемъ славы Отчей*.

Благодарю васъ тысячу разъ за то различіе, которое вы установили между понятіями о *мнѣніи*, какъ о фактѣ разума, такомъ рѣзкомъ и сильномъ на Западѣ, и объ *убѣжденіи*, какъ о фактѣ нравственности, сообщаю-

щемъ такую силу намъ самимъ. То, что́ называется мнѣніемъ, у насъ, какъ извѣстно, не существуетъ; но также внѣ сомнѣнія и то, что *у нихъ*, наоборотъ, недостаетъ убѣжденія. При освѣщеніи вашими словами одно явилось предъ моимъ взоромъ общественною площадью въ родѣ торговаго рынка, пространною школою подъ открытымъ небомъ, гдѣ сходятся умы для того, чтобы изучить пути жизни; а другое представлялось мнѣ пробитою въ скалѣ тропою, по которой шествуетъ душа, исполняя свое земное назначеніе

Теперь прошу васъ, для соблюденія полной откровенности и не смотря на полное довѣріе къ нашей будущности, разрѣшить мнѣ одно возраженіе противъ употребленнаго вами по-русски слова, которое грозило бы со временемъ послужить къ распространенію въ области нашихъ понятій нѣкоторой ядовитой растительности, для которой было бы лучше сохранить ея чужеземный характеръ даже въ терминологіи. Я имѣю въ виду *разсудочность*, которая по вашему мнѣнію представляетъ собою отраву, изсушающую западные умы. Повѣрьте мнѣ, сохранимъ лучше за этимъ понятіемъ его западное, техническое названіе *раціонализма* и послѣдуемъ въ этомъ отношеніи примѣру ботаники, которая даетъ ядамъ имена Datura, Stramonium, Oxypetalum и т. д. Если бы вы воспротивились введенію иностранныхъ выраженій въ вашъ стиль, то я сослался бы на васъ самихъ и напомнилъ бы, вамъ, какъ правильно въ той же статьѣ вы говорите про *эмансипацію женщины*. А если вы будете настаивать на отраженіи каждой системы мышленія въ нашемъ философскомъ лексиконѣ, то я вамъ возражу, что намъ слѣдуетъ гордиться тѣмъ, что у насъ нѣтъ словъ для передачи смысла понятій oeuvres méritoires, surérogatoires (дѣло заслуги и сверхзаслуги) и тому подобныхъ выраженій, отсутствіе которыхъ въ нашемъ языкѣ должно быть для насъ дорого тѣмъ, что доказываетъ православный духъ нашей церкви.

Но мнѣ давно пора кончить это письмо, на прочтеніе котораго вамъ потребуется гораздо менѣе времени, чѣмъ я употребилъ на изученіе вашей статьи и которое, тѣмъ не менѣе, покажется вамъ болѣе длиннымъ. Моя жена поручаетъ мнѣ тысячу разъ васъ привѣтствовать. Ея истинно Московское сердце наслаждалось чтеніемъ земляка ея, Сборника, который она начала и кончила вашими произведеніями. Сердечно вашъ Камаровскій.

P. S. Перечитывая письмо, я ощутилъ упрекъ совѣсти: не слишкомъ ли смѣло съ моей стороны въ трехъ словахъ очертить цѣлую систему? Вѣдь многіе, пожалуй, пожмутъ плечами. Критики въ этомъ отношеніи схожи съ дѣвами, воспѣтыми Державинымъ, о которыхъ онъ выражается, что *плечами говорятъ*. Хотя ваши плечи и не принадлежатъ критику въ ходячемъ смыслѣ этого слова, но мнѣ хотѣлось бы знать, не дрогнули ли они при мысли о томъ, что общественный духъ развивается въ своей эволюціи путемъ синтеза, анализа и гиперсинтеза? Что вы на это скажете, дорогой Иванъ Васильевичъ? Можете ли вы *въ самомъ дѣлѣ допустить*, чтобы *философія исторіи подлежала точности, настолько математической*? Какъ бы обрадовали вы меня хоть словечкомъ въ отвѣтъ, и въ особенности, если возможно, безотлагательно. Ваше мнѣніе по этому вопросу было бы мнѣ истинно во спасеніе при настоящемъ направленіи моихъ занятій. Еще разъ обнимаю васъ.

О ПРОТОІЕРЕѢ М. Ѳ. РАЕВСКОМЪ.

Въ 11-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1895 года, въ подстрочной замѣткѣ на 354 стр. вкралась ошибка о мѣсторожденіи протоіерея М. Ѳ. Раевскаго. Родина отца Раевскаго былъ г. Арзамасъ, Нижегородской, а не *Воронежской* губерніи.

При семъ прилагается адресъ отъ Арзамасскаго духовенства, приготовленный ко дню пятидесятилѣтняго служенія отца Раевскаго, но за смертію юбиляра оставшійся не отосланнымъ. Покойникъ, помнится, не дожилъ до своего юбилея недѣли двѣ или три, адресъ совсѣмъ готовъ былъ къ отсылкѣ, какъ получились газетныя извѣстія о смерти незабвеннаго отца-протоіерея. Мнѣ, какъ его родственнику, лично доводилось слышать отъ покойника довольно разсказовъ о его дѣятельности на пользу Славянъ.

Священникъ Ѳ. Владимирскій.

Арзамасъ.
1895 г. 10 Ноября.

Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій отецъ протоіерей Михаилъ Ѳеодоровичъ!

Примите родственное привѣтствіе родины вашей въ лицѣ нижеподписавшагося Арзамасскаго духовенства, съ благополучнымъ исполненіемъ пятидесятилѣтія служенія вашего настоятелемъ православной Русской посольской церкви въ Вѣнѣ.

Всеблагой Господь Богъ да пріиметъ полувѣковое служеніе ваше, какъ жертву чистую и святую, и да ниспослетъ благодать Свою на васъ, укрѣпляющую силы ваши на дальнѣйшее служеніе ваше Церкви и Отечеству.

Хотя Арзамасъ и убогій во градѣхъ, но какъ любящая мать гордится и радуется о сынѣ своемъ, достойно и съ честію полвѣка совершающемъ высокое служеніе свое въ предѣлахъ міра Славянскаго. Еще когда не зараждалась въ Русскомъ обществѣ и идея духовно-родственнаго единенія Славянскаго міра, вы уже были первымъ представителемъ на Западѣ Европы Русскаго сочувствія къ православному Славянству и своими трудами и честными сердечными примѣрами своей жизни вызвали взаимное сочувствіе Западнаго православнаго Славянства къ нашему православному Русскому отечеству.

Да будетъ же, благодатію Божіею, свѣтильникъ жизни вашей и еще на многіе годы горя и свѣтя на пользу Церкви православной и всему міру православному Русско-Славянскому!

Съ искреннимъ глубокимъ почтеніемъ имѣемъ честь быть вашего высокопреподобія покорнѣйшими слугами: Арзамасскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Макарій, Воскресенскаго собора протоіерей Іоаннъ Страгородскій, Арзамасскаго Николаевскаго женскаго монастыря протоіерей Аврамій Некрасовъ, Алексіевской женской общины протоіерей Алексѣй Доброправовъ, Арзамасской Владимирской церкви протоіерей Іовъ Авситидійскій, Арзамасской Введенской церкви протоіерей Іоаннъ Лавровъ, Воскресенскаго собора священникъ Николай Сахаровъ, Николаевскаго женскаго монастыря священникъ Іоаннъ Зерчаниновъ, тогожъ монастыря священникъ Михаилъ Сахаровскій, Богословской церкви священникъ Александръ Лебедевъ, Благовѣщенской церкви священникъ Аврамій, Троицкой церкви священникъ Ѳеодоръ Владимирскій, Свято-Духовской церкви священникъ Алексѣй Виноградовъ, Кресторождественской церкви священникъ Евгеній Богоявленскій, Ильинской церкви іерей Андрей Ястребскій, священникъ Алексѣй Райковскій, Алексіевской общины священникъ Николай Страгородскій, Софійской церкви священникъ Григорій Янышовъ, Крестовоздвиженской церкви священникъ Викторъ Никольскій.

Г. Арзамасъ.
1884 года Апрѣля дня.

*

Личность и дѣятельность отца Раевскаго могутъ дать вѣское содержаніе цѣлой большой книгѣ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 г. помѣщено нѣсколько писемъ его къ А. С. Норову; а недавно изданы драгоцѣнныя письма къ нему И. С. Аксакова. Михаилъ Ѳедоровичъ Раевскій сдѣлалъ очень много и какъ священникъ, и какъ Русскій человѣкъ. Мы знали его уже въ концѣ его достопамятнаго поприща, когда онъ по неволѣ долженъ былъ прекратить труды свои на пользу нашего общенія со Славянами: онъ передавалъ намъ, что ему изъ Петербурга приказали, подъ страхомъ удаленія отъ должности, не заниматься политикой. П. Б.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Л. ЗИССЕРМАНА.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1896 года исполняется полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ на поприще печати *Арнольдъ Львовичъ Зиссерманъ*, и мы должны пожелать ему здравія, благоденствія и продолженія трудовъ его: онъ бодро и честно прошелъ по этому скользкому поприщу. Даровитый юноша первоначально весь отдавалъ себя военной службѣ, которая проходила на Кавказѣ, гдѣ онъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ великихъ подвиговъ. Къ перу призвало его появленіе въ Тифлисѣ газеты «Кавказъ», основанной по мысли князя Воронцова, согрѣтой его мудрою правительственной заботою о внесеніи свѣта въ дебри и трущобы покореннаго и покоряемаго края. Съ 1846 года начинаютъ появляться въ этой газетѣ статьи А. Л. Зиссермана, скоро оцѣненныя читателями, благодаря ихъ бойкости, отчетливости и живописности. Кавказъ отразился въ произведеніяхъ Зиссермана и въ самомъ его слогѣ, а близкое общеніе съ нашимъ солдатомъ произвело то, что въ груди его забилось горячее Русское сердце, доселѣ полное любви ко благу родины. Особенно часто появлялись письма и замѣтки Зиссермана въ «Кавказѣ» съ 1859 года, о военныхъ дѣйствіяхъ, приведшихъ ко взятію Гуниба, плѣну Шамиля и затѣмъ окончанію войны на Восточномъ краю.

Нѣсколько статей его появилось въ «Современникѣ» 1854—1858 г., въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863—1880 г., гдѣ въ теченіе 1877—1878 гг. ежемѣсячно помѣщалъ онъ *политическое обозрѣніе*. Онъ дѣятельно сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ 1872 по 1881 и въ «Новомъ Времени» съ 1876 по 1886-й, особенно во время войны за освобожденіе Болгаріи и плачевной памяти Берлинскаго конгреса. Въ «Русскомъ Архивѣ» съ 1884 г. печатались разныя его статьи. Между прочимъ начало 3-го тома «25 лѣтъ его Записокъ на Кавказѣ», временная пріостановка которыхъ произошла по слишкомъ близкому еще времени описываемыхъ событій; за тѣмъ обширная біографія фельдмаршала князя Барятинскаго. Были его статьи и въ «Русскомъ Инвалидѣ» во время Крымской войны 1854—1855 г. и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Отдѣльными изданіями вышли «Исторія Кабардинскаго полка» (три тома), Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій (три тома), «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ» (два тома).

Нашей библіографіи предстоитъ составить перечень произведеній маститаго писателя. *П. Б.*

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ ВЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ НЕ-ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Неизданное письмо Іоанна Грознаго къ императору Максиміліану II-му М. Н. Крашенинникова. „Журналъ Мин. Н. Пр.“. Январь.

Письмо найдено въ Латинскомъ переводѣ (подлинникъ писанъ по-гречески) въ Миланской Амброзіанской библіотекѣ; оно относится къ 1566. Іоаннъ говоритъ о плѣнномъ Вильгельмѣ Фюрстенбергѣ, о Ливонской войнѣ и тонко объясняетъ свой отказъ помочь императору войсками противъ Турокъ. Письмо сопровождено прекраснымъ переводомъ и толкованіемъ.

Паденіе царевны Софіи. Е. Ф. Шмурло. „Журналъ М. Н. Пр.“ Январь.

Задача автора выяснить взаимныя отношенія между Нарышкиными и Милославскими и ихъ участіе въ переворотѣ 1689 года.

Долгое время благоговѣніе передъ Петромъ, „Богомъ Россіи“ заставляло смотрѣть на Софію какъ на олицетвореніе ненавистнаго честолюбія, необузданной энергіи, жестокости, властолюбія и сладострастія; она представлялась темною силою, грозившей остановить дѣйствіе животворнаго источника. Лишь въ концѣ XVIII столѣтія стали раздаваться голоса, пытавшіеся снять съ Софіи хоть часть обвиненій (Г. Ф. Миллеръ, Карамзинъ, Полевой); но все же преобладающій тонъ былъ обвинительный. Устряловъ не можетъ говорить объ ней иначе какъ съ пафосомъ негодованія. Теорія Византійскихъ идеаловъ въ примѣненіи къ Софіи нашла талантливаго истолкователя въ лицѣ И. Е. Забѣлина. Для С. М. Соловьева Софья уже „богатырь - царевна, примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесшей изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ“. Выходомъ изъ терема многое объясняетъ въ поступкахъ Софіи и Костомаровъ.

Всецѣло обѣляетъ Софью Аристовъ въ своей книгѣ „Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны“ (за которую онъ даже получилъ прозвище „адвоката Милославскихъ“); въ своемъ усердіи онъ создаетъ изъ Софьи совсѣмъ заурядную женщину, чуть ли не игрушку въ рукахъ „честныхъ защитниковъ правительства противъ дворянскихъ тенденцій“. Заслуга Аристова въ томъ, что онъ заставилъ задуматься надъ вопросомъ, нѣтъ ли слабыхъ сторонъ и у Нарышкиныхъ. И Погодинъ не рѣшается уже безусловно винить Софью въ событіяхъ 1689 года: обѣ де стороны выжидали удобныхъ случаевъ, пытались вызвать нападеніе, и партія Петра *перехитрила*. Погодинъ даже утверждаетъ, что доносчики на

Софью были *подкуплены* Нарышкиными.

Е. А. Бѣловъ старается разобрать дѣло съ точки зрѣнія борьбы за престолъ двухъ отраслей семейства царя Алексѣя, такъ что про обвиненіе Милославскихъ или Нарышкиныхъ не должно быть и рѣчи. На этой же почвѣ стоитъ и уважаемый авторъ излагаемой статьи. За корону ухватились двѣ женщины: нѣтъ сомнѣнія, что Софья шла къ своей цѣли энергично, но тѣ же чувства и стремленія питала и царица Наталія. Торжество Милославскихъ въ Маѣ 1682 года усилило вражду Нарышкиныхъ Наталья Кириловна отошла на второй планъ, часто нуждалась въ деньгахъ и терпѣла нерѣдко оскорбленія. Изъ „Архива Князя Ѳ. А. Куракина“ видно, что патріархъ Іоакимъ и митрополитъ Ростовскій Іона снабжали ее деньгами тайно и съ опаской. Но партія Софьи понимала, что все это будетъ продолжаться лишь до совершеннолѣтія быстро развивавшагося Петра. Бракъ Іоанна въ Январѣ 1684 года, устроенный въ надеждѣ закрѣпить власть за старшею отраслію, оставался пока безплоднымъ, къ нескрываемому удовольствію царицы Наталіи. Тогда Софья остановилась на другой мысли. 8 Января 1687 года вышелъ указъ называть царевну „самодержицей“. Какъ видно изъ того же Архива князя Ѳ. А. Куракина царевна стала надѣвать при аудіенціи посламъ корону и велѣла чеканить червонные съ своимъ изображеніемъ.

Слишкомъ извѣстны другія мелочи, которыми царевна старалась отличать и возвеличивать себя. Царица стала громко протестовать и даже грозиться. Нарышкины и князь Б. А. Голицынъ всячески поносили Софью и высказывали ей свое пренебреженіе. Софьѣ совѣтовали даже арестовать Льва и Бориса; словомъ, чувство самосохраненія заставляло изыскивать новыя средства, и Софья стала думать о томъ, чтобы вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ. Любопытны ея подходы къ этому, заказъ въ Голландіи портретовъ ея со скипетромъ и державою и перечисленіемъ всѣхъ земель входящихъ въ составъ Русскаго царства, перечитыванье вѣнчанія на царство Алексѣя Михайловича.

Но уже съ 1687 года князь В. В. Голицынъ долженъ былъ дѣлать доклады Петру. Каковы были интриги, видно изъ дѣла о Шакловитомъ; онъ подговорилъ одного подьячаго изобразить изъ себя Льва Нарышкина, ѣздить ночью по стрѣлецкимъ карауламъ и жестоко бить стражу приговаривая: „заплачу я вамъ за смерть своихъ братьевъ; увидите всѣ вы, что еще будетъ вамъ“, а его спутники говорили ему: „Полно, Левъ Кириловичъ, будетъ имъ и этого“.

Между тѣмъ Петръ все усиливалъ своихъ потѣшныхъ. 27 Января 1689 его женили. Партія Софьи все чаще стала прибѣгать къ навѣтамъ, злобно указывала на поведеніе молодого государя, попрекала его за пристрастіе къ „органамъ да скрипицамъ“.

8-го Іюля, во время крестнаго хода, Петръ замѣтилъ Софьѣ, чтобы она не шла въ процессіи. Это послужило поводомъ къ явной борьбѣ, и несомнѣнно, что нападающей стороной были Нарышкины. Петръ долгое время не хотѣлъ дать согласія на изданіе милостиваго манифеста участникамъ Крымскаго похода и когда былъ вынужденъ уступить, то сорвалъ свое

сердце на воеводахъ, явившихся благодарить царя за оказанныя милости. Въ тотъ же день (27 Іюля), Софья послѣ всенощной въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ, формально жаловалась стрѣльцамъ на то, что „на нее бѣду опять затѣваютъ“. 4 Августа Петръ уѣхалъ въ Преображенское; 8 явилось подметное письмо о приходѣ этою ночью потѣшныхъ изъ Преображенскаго съ цѣлью перебить бояръ, Іоанна и Софью. Письму дали вѣру и стали толковать о походѣ противъ Петра; нѣсколько стрѣльцовъ (ихъ-то подкупила партія Нарышкиныхъ, увѣрялъ Погодинъ) извѣстили царя объ опасности, который испуганный бросился въ Троицкій монастырь. Этимъ Софья погубила свое дѣло, такъ какъ въ Москвѣ ужаснулись, узнавъ о бѣгствѣ Петра.

Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. Проф. А. С. Алексѣева. „Русское Обозрѣніе“ Январь

Авторъ вооружается противъ Градовскаго, Корсакова, Щеглова, Милюкова и особенно противъ Филиппова, которые видѣли въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта попытку ограничить самодержавіе „первый шагъ къ конституціонному проекту 1730 года“. Напротивъ, Совѣтъ былъ учрежденъ для того, чтобы сдерживать честолюбіе сильныхъ персонъ Онъ подвергаетъ критикѣ свидѣтельства Лефорта, Мардефельда, Кампредона. Статья еще не окончена.

Русскій дворъ при Петрѣ II-мъ А. Брикнера. „Вѣстникъ Европы. Февраль.

Графъ Рабутинъ ранѣе другихъ дипломатовъ узналъ объ опасности, угрожавшей князю Меншикову, своимъ деспотическимъ обращеніемъ крайне раздражавшаго молодаго государя. Еще 22 Августа онъ писалъ: „Буря, грозящая князю, усиливается. Главою партіи, образующейся противъ него, служитъ Головкинъ, раздраженный удаленіемъ своего зятя, Ягужинскаго. Онъ говорилъ съ Остерманомъ о деспотіи князя и увѣрялъ, что всѣ вельможи желаютъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ... Желаютъ положить конецъ его произволу и насилію, избѣгая по возможности скандала... Мечтаютъ объ объявленіи юнаго монарха совершеннолѣтнимъ: дѣйствовать противъ князя, не объявивъ государя совершеннолѣтнимъ, значило бы возбудить страсти людей партіи, которые могли бы воспользоваться этимъ для ограниченія монархической власти... Его величество находится въ настоящую минуту въ имѣньи канцлера, а князь у себя на дачѣ“. Рабутинъ не былъ свидѣтелемъ ожидаемой катастрофы (онъ скончался наканунѣ ея) но другой Австрійскій представитель Карамє сообщаетъ дальнѣйшія данныя о Сентябрскихъ событіяхъ въ Петербургѣ. Отъ 6 числа онъ пишетъ, что холодность отношеній между княземъ и императоромъ все увеличивается. Два раза Петръ II-й уклонялся отъ поѣздокъ въ Оріенбаумъ подъ предлогомъ нездоровья. На участіе Остермана въ паденіи Меншикова указываетъ Мардефельдъ. Князь, завидуя вліянію Остермана, хотѣлъ низвергнуть его, опираясь на духовенство и обвиняя его въ томъ, что онъ воспитываетъ Петра II въ духѣ лютеранства и даже прямо въ духѣ атеизма. 4 Сентября было послѣднее свиданіе князя съ императоромъ; князь

сталъ поговаривать о томъ, чтобы удалиться въ Украйну. Вернувшись въ Петербургъ, Меншиковъ узналъ про высочайшій указъ о передѣлкѣ лѣтняго и зимняго дома для помѣщенія его величества, т. е. Петръ рѣшилъ оставить помѣщеніе во дворцѣ Меншикова, не предупредивъ его объ этомъ. 8 Сентября судьба князя рѣшилась: гвардіи маіоръ генералъ-лейтенантъ Семенъ Салтыковъ объявилъ ему объ арестѣ и отнялъ почетный караулъ. По словамъ Караме князь принялъ объявленіе это съ достоинствомъ. Тутъ поднялись долго сдерживаемыя обвиненія противъ павшаго вельможи. Поведеніе князя сильно ему повредило въ глазахъ правительства: онъ по словамъ Караме громко жаловался и раздавалъ прислугѣ оружіе. Выѣздъ князя изъ Петербурга былъ великолѣпенъ.

Обвиняли Меншикова въ хищеніяхъ, въ порчѣ монеты и поддѣлки ея; будто такою фальшивою монетой онъ велѣлъ платить жалованье войскамъ, находившимся въ Персіи. Положеніе князя ухудшилось благодаря письму его къ Шведскому сенатору Дюбену и подметному письму, найденному 24 Марта въ Москвѣ. Его обвинили въ измѣнѣ и даже хотѣли пытать. Въ подметномъ письмѣ взывали къ народу, чтобы онъ обратилъ вниманіе на настоящее положеніе верховнаго правленія. Съ удаленіемъ-де Меншикова въ довѣріе монарха взошли люди, знакомящіе его съ различными пороками и жизнью недостойною государя. Все это повлекло за собою ссылку въ Сибирь.

Заявленіе герцога Лиріа, что Меншикова погубили Англійскія деньги, Брикнеръ считаетъ лишеннымъ основанія; но его предположеніе, что паденіе свѣтлѣйшаго станетъ исходною точкой реакціонныхъ стремленій, вполнѣ оправдывалось, и уже 4 Октября графъ Вратиелавъ доносилъ, что нравъ монарха испортился совершенно, и положеніе государства сдѣлалось опаснымъ. Мысль объ ограниченіи самодержавія постепенно созрѣвала, и Австрійскіе дипломаты съ тревогой слѣдили за ея развитіемъ. Замѣнить самодержавіе олигархіей по ихъ мнѣнію значило лишить Россію важнѣйшей доли результатовъ реформы Петра Великаго, возвратиться къ прежнимъ, до-Петровскимъ порядкамъ. „Абсолютизмъ, писалъ Рабутинъ, долженъ считаться для Россіи лучшею формой правленія; какъ скоро древнія фамиліи будутъ находиться у кормила правленія, Россія лишится всякаго значенія“.

Гогенгольцъ доносилъ, что послѣ удаленія Меншикова образовалась сильная реакціонная партія. Сторонники этой партіи старались удержать Петра II въ Москвѣ, умышленно не заботясь о развитіи его умственныхъ способностей. Въ Москву были переведены всѣ коллегіи кромѣ коммерцъ-коллегіи, и о возвращеніи въ Петербургъ не было и рѣчи. 4 Марта даже былъ обнародованъ строжайшій запретъ подобныхъ разговоровъ. Ходили слухи о томъ, чтобы запретить иностранцамъ занимать какія либо должности. Противъ Остермана повели тонкую интригу, убѣждая его принять православіе. Явилась полемическая брошюра противъ протестантства, и во время поста 1729 года во всѣхъ церквахъ при богослуженіи осуждались иноземныя исповѣданія. Ненависть противъ иностран-

цевъ возрастала. Во время Московскаго пожара весною того же года чернь громко выражала сожалѣніе, что дома Вратислава и Лиріи не сгорѣли. Флотъ и войско было въ полномъ небреженіи. Вратиславъ и Лиріа заявляли, что пребываніе ихъ совсѣмъ безполезно. Таковы свидѣтельства иностранныхъ дипломатовъ. Между тѣмъ многіе историки, въ томъ числѣ и С. М. Соловьевъ, придавая слишкомъ большую вѣру словамъ Манштейна, изображаютъ царствованіе Петра II въ очень свѣтлыхъ краскахъ: „при видимомъ разстройствѣ правительственной машины, народъ вообще былъ доволенъ", писалъ покойный авторъ Исторіи Россіи. Однако по мнѣнію г. Брикнера Манштейну довѣрять нельзя.

Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева. Его Записки („Р. Вѣстникъ" 1896, кн. 2). Изданіемъ въ свѣтъ этихъ Записокъ сдѣлана крупная ошибка, въ ущербъ дорогой памяти человѣка, охладѣвшую руку котораго поцѣловалъ митрополитъ Макарій, отпѣвавшій его въ церкви Московскаго Университета. Нѣтъ сомнѣнія, что С. М. Соловьевъ, если бы успѣлъ перечитать эти Записки, то уничтожилъ бы свои рѣзкіе отзывы о многихъ не менѣе его почтенныхъ людяхъ. Доказательствомъ тому, напр. служитъ, что онъ присутствовалъ на юбилеѣ М. П. Погодина, въ актовой залѣ Московскаго Университета, и слышалъ, какъ искренне и горячо представители Москвы выражали свое уваженіе и любовь его маститому учителю. По кончинѣ Погодина, С. М. Соловьевъ говорилъ пишущему эти строки: „Душа человѣческая — потемки. Кто могъ думать, что Погодинъ добрый человѣкъ?" Мы увѣрены, представься случай, Сергій Михайловичъ заявилъ бы и гласно перемѣну мнѣнія своего о Погодинѣ, какъ сдѣлалъ О. М. Бодянскій, долго съ нимъ враждовавшій, и когда Погодинъ умеръ, то въ цѣлой рѣчи, прочитанной въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей, выразившій сожалѣніе о томъ и воздавшій ему должную хвалу. Въ особенности странны попреки Погодину въ его происхожденіи и корыстолюбіи. Перваго не скрывалъ онъ даже и въ посвященіи своей Исторіи Государю Александру Николаевичу, а мелочное и неумѣлое обращеніе съ деньгами привело его къ тому, что наслѣдникамъ своимъ оставилъ онъ ничтожныя сбереженія; вдова же его дожила вѣкъ въ самой скромной обстановкѣ, благодаря пенсіи, которую ей исходатайствовалъ покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ, умѣвшій цѣнить Погодина какъ ученаго, гражданина и человѣка.

Равнымъ образомъ огорчительны отзывы о С. П. Шевыревѣ, этомъ благодѣтелѣ студентовъ, такъ много потрудившемся на вѣку своемъ для успѣховъ Русскаго просвѣщенія.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ матеріаловъ по Русской исторіи начала XVII вѣка. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1896. б. 8-ка, V, 152 и 2 неп. стр.

Бываютъ времена въ исторіи, когда особенно ярко обнаруживаются свойства народныя и надолго опредѣляются судьбы народовъ и государствъ. Къ такимъ временамъ принадлежатъ въ Русской исторіи послѣдніе годы XVI-го и первые XVII-го вѣка. Іоаннъ Грозный (внукъ Гречанки и сынъ Литовки), царь Борисъ и тотъ кто у насъ царствовалъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ подъ именемъ Дмитрія Іоанновича, долго не перестанутъ привлекать къ себѣ пытливое вниманіе людей мыслящихъ и настойчивое разслѣдованіе ученыхъ. Повѣсть тѣхъ лѣтъ до сихъ еще поръ, черезъ три вѣка, полна вопросовъ и обстоятельствъ, вызывающихъ недоумѣніе. Разъясненіе ихъ составляетъ истинную заслугу отечествовѣдѣнія; а тщательная оцѣнка и пересмотръ источниковъ и современныхъ показаній принадлежатъ къ обязанностямъ исторіографіи, тѣмъ болѣе, что эти источники еще не исчерпаны, а показанія открываются новыя. Такъ въ 1893 году издано графомъ С. Д. Шереметевымъ, подъ вѣдѣніемъ И. М. Болдакова, „Путешествіе и пребываніе въ Россіи Томаса Смита". а въ нынѣшнемъ—„Сборникъ, содержащій въ себѣ бумаги, извлеченныя изъ Вѣнскаго, Парижскаго и Копенгагенскаго архивовъ", снабженный также любопытными замѣчаніями того же ученаго. Тутъ въ особенности важны записи Польскаго сейма 1605 года и дневникъ поѣздки въ Москву Ганзейскаго посольства, къ которому приложена записка пастора Энгельке о страшномъ людоѣдствѣ въ Ливонскомъ краю, во время тогдашняго голода.

Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ *П. В. Синицынъ.* Рисунки художника М. В. Нестерова, гравировалъ А. С. Яновъ. М. 1896. 4-ка, 8 нин. 194 и 2 нен. стр. съ видами и портретами.

Прекрасная книга эта представляетъ собою сборникъ, въ которомъ сведены извлеченія изъ ранѣе напечатанныхъ статей и монографій объ историческихъ личностяхъ, имѣвшихъ связь съ описываемою мѣстностью, когда-то бывшею селомъ, затѣмъ слободою и въ концѣ концовъ ставшею одною изъ окраинъ Москвы. Частью же въ книгу занесены трудолюбивымъ авторомъ, усерднымъ любителемъ родной старины, разсказы и преданія, сохранившіеся о Преображенскомъ у мѣстныхъ старожиловъ. Въ особенности этими разсказами авторъ воспользовался для описанія Преображенскаго раскольничьяго кладбища, гдѣ, какъ извѣстно, расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо и продолжаетъ упорно держаться до нашихъ дней. Преображенское неразрывно связано съ именемъ преобразователя и перваго императора Россіи, геніальнаго Петра, гдѣ онъ провелъ большую часть своего дѣтства и юности и гдѣ онъ испыталъ страхъ и ужасъ отъ бунтовавшихъ стрѣльцовъ. Здѣсь Петромъ, на берегахъ Яузы, положено основаніе Русскому флоту и здѣсь же имъ изъ „потѣшныхъ" сформированы были первые полки Преображенскій и Семеновскій, ставшіе первообразомъ для Русскихъ регулярныхъ войскъ. Но Преображенское въ старину имѣло и свою печальную извѣстность, благодаря своему Приказу, одно названіе котораго наводило страхъ, и мѣстнымъ жителямъ неоднократно приходилось быть свидѣтелями кровавыхъ расправъ съ ослушниками царской воли. Авторъ, при пересказѣ о событіяхъ въ Преображенскомъ и о лицахъ участвовавшихъ въ нихъ, нерѣдко увлекается подробностями, не

имѣющими связи съ описываемыми мѣстностями, что однако, сообщаетъ его книгѣ особенную живость. Много страницъ посвящено описанію тѣхъ невзгодъ, какія суждено было перенести первой супругѣ Петра, царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ, урожденной Лопухиной, а затѣмъ много свѣдѣній приводится изъ печальной исторіи царевича Алексѣя Петровича. Въ общемъ же книга читается съ большимъ интересомъ, и въ особенности она представляетъ интересъ для читателей мало или вовсе незнакомыхъ съ историческими монографіями и періодическими изданіями, въ которыхъ напечатаны были статьи историческаго содержанія. Для поясненія текста приложены многія гравюры и фототипіи. Тѣ и другія сдѣланы безукоризненно. Внѣшность изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго: это въ полномъ словѣ роскошное изданіе. Авторъ вполнѣ заслуживаетъ благодарности за попытку составленія и изданія иллюстрированнаго описанія мѣстности, имѣвшей столь важное историческое значеніе. Пожелаемъ, чтобы авторъ нашелъ себѣ подражателей относительно и другихъ частей Москвы, гдѣ что ни домъ то исторія и достопамятное преданіе.

Вѣнокъ на могилу князя С. В. Шаховскаго, бывшаго Эстляндскаго губернатора. Статьи посвященныя его памяти. Съ портретомъ и со фототипіями. Изданіе Г. А. Янчевечкаго. Ревель. 1896. 4°. 92 и LVII стр.

Русскіе врачебники. Изслѣдованія въ области нашей древней врачебной письменности. *А. Ѳ. Змѣева* (бывшаго преподавателя исторіи врачебныхъ наукъ въ Императорской Военно-Медицинской Академіи). Спб. 1896. Бол. 8-ка 171 и 2 нен. стр.

Русская Исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362). Томъ первый *Н. М. Павлова.* 8-ка VIII+405. Москва 1896. цѣна 1 р. 50 к. (продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени).“ Привѣтствуемъ появленіе прекраснаго труда, къ которому призывалъ автора еще И. С. Аксаковъ (см. „Рускій Архивъ“ 1887. II. 469), а въ рукописи читалъ и восхищался имъ М. Н. Катковъ. Отъ этой книги вѣетъ тепломъ нашихъ лѣтописей, и въ тоже время чувствуется, что предметъ изученъ со всею тщательностью строгаго ученаго.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ четвертый. Письма къ М. Ѳ. Раевскому, А. Ѳ. Тютчевой, графинѣ А. Д. Блудовой, Н. И. Костомарову и Н. П. Гилярову-Платонову. 1858—1886. Спб. Изданіе Императорской Публичной Библіотеки. 1896. Со снимками. 8-ка. IV, 297, 31 и 2 нен. стр. Цѣна 1 р. 50 к. Это книга — безцѣнно дорогая всѣмъ, кто зналъ и любилъ скончавшагося десять лѣтъ назадъ И. С. Аксакова. Въ ней онъ выразился весь въ неутомимой, благородной борьбѣ съ внѣшними препятствіями и съ собственною пылкостью. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе выростаетъ нравственный подвигъ жизни и дѣятельности этого человѣка. Его историческое значеніе вѣковѣчно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нынѣ изданныхъ письмахъ его многое опущено; но и въ томъ что имѣемъ содержится несмѣтное богатство свѣжей мысли, живаго возвышеннаго чувства и своеобразнаго изящества.

Могучей мысли свѣтъ и жаръ,
И огнедышащее слово.

Что касается до изданія этой книги, то въ немъ есть недосмотры; такъ напр. указано невѣрно время кончины А. Ѳ. Аксаковой († 11 Августа 1889), мѣсто ея брака (въ домовой церкви барона Боде-Колычева на Поварской); на стр. 294 сказано, что біографія Тютчева не вышла въ свѣтъ въ 1874 году, тогда какъ она появилась въ „Русскомъ Архивѣ“ того года, и даже съ гравированнымъ портретомъ, и пр.

Вержболовичъ М. Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (1817—1840). „Минскія Еп. Вѣд." №№ 2, 3.

Серно-Соловьевичъ Ѳ. Ѳ. Святитель Лаврентій, епископъ Туровскій (Историческая Замѣтка). „Минскія Еп. Вѣд." № 3.

Толстой М. В. Родовая икона Воейковыхъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. „Богословскій Вѣстникъ", Февраль.

Лобовъ М. Ректоры Могилевской духовной семинаріи, проходившіе эту должность съ 1798 г., съ краткими біографическими о каждомъ изъ нихъ свѣдѣніями. „Могилевскія Еп. Вѣд." №№ 4—5.

Церковные просвѣтители Тамбовскаго края. „Тамбовскія Еп. Вѣд."

Новгородская семинарія съ 1753 по 1775 годъ. „Новгородскія Еп. Вѣд." № 3.

Святитель Ѳеодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій, „Черниговскія Еп. Вѣд." № 3.

Лавровскій Л. Были ли переносимы мощи св. Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Смоленскъ? „Смоленскія Еп. Вѣд." № 2.

Здравомысловъ К. Іерархи Новгородской епархіи. „Новгородскія Еп. Вѣд." № 3.

Нижегородская семинарія за первый періодъ (1721—1765) существованія. „Нижегородскія Еп. Вѣд." № 3.

Матеріалы для исторіи Воронежской епархіи. Резолюціи Арсенія II, епископа Воронежскаго и Черкасскаго (1800—1810 гг.). „Воронежскія Еп. Вѣд." № 2.

Духовные дѣятели Тобольскаго края. „Тобольскія Еп. Вѣд." № 3.

Скворцовъ Н. Московская церковная старина. Церкви, уничтоженныя въ мѣстности Пречистенскаго сорока. „Московскія Церк. Вѣд." № 4.

Львовъ А. Историческая справка (о времени учрежденія Свят. Прав. Синода). „Церковныя Вѣдомости" № 6.

Колосовъ Н. А. Письма преосвящ. Никодима, епископа Енисейскаго и Красноярскаго къ проф. И. В. Платонову. „Богословскій Вѣстникъ", Февраль.

ГОДЪ 34-Й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

4.

Стр.

Приложена книга „Архива Князя Воронцова“.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

1895 и 1896 годовъ

Поспѣловъ І. Восемнадцатилѣтнее служеніе въ Лифляндіи (разсказъ священника). „Богословскій Вѣстникъ“, Ноябрь.

Стадницкій А. Историческій очеркъ „Благороднаго Пансіона“ учрежденнаго при Кишиневской семинаріи. „Кишиневскія Еп. Вѣд.“ № 20.

Кононовъ А. Соловецкіе подвижники благочестія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. „Странникъ“. № 10.

Главные моменты развитія православно-русскаго дѣла въ столѣтній періодъ существованія Подольской епархіи. „Подольскія Еп. Вѣд.“ № 44.

Н. П. Дѣятельность древне-русскаго духовенства на пользу народнаго образованія. „Церковно-приходская Школа“, Августъ—Ноябрь.

Барсовъ Т. В. Святѣйшій Синодъ въ царствованіе императора Александра II. „Христіанское Чтеніе“ Ноябрь—Декабрь.

Барсовъ Т. В. Учрежденія прежняго времени Св. Синодѣ. „Христіанское Чтеніе“. Мартъ—Апрѣль.

Липковскій В. Унія и возсоединеніе уніатовъ въ 1794—95 году въ предѣлахъ нынѣшняго липовецкаго уѣзда. „Кіевскія Еп. Вѣд.“ № 21.

Духовныя школы въ Ростовской епархіи во времена преосвященнаго Іоакима (1731—1741 гг.) „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 36.

Матеріалы по исторіи Могилевской епархіи. Выписка изъ автобіографіи Иліи Турчиновскаго—южно-русскаго священника 1-й полонины XVIII ст. „Могилевскія Еп. Вѣд.“ № 21.

Указатель литературы по исторіи Новгорода „Новгородскія Епархіальн. Вѣд.“ № 20.

Дневникъ преосвященнаго Арсенія Верещагина, архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго. Годъ 1799-й. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ №№ 41, 42.

„Жилыя и пустыя церкви“ гор. Ростова въ 1624 году. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 43.

Села Ростовскаго уѣзда Великое, Пятницкое, Горегрязь, Плещеево и Холмъ Огаревъ по писцовымъ книгамъ 1676—1679 годовъ. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 44.

Земледѣліе въ древней Руси у монашествующаго и бѣлаго духовенства, народа, на земляхъ княжескихъ и боярскихъ. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 34.

Резолюціи Филарета митрополита Московскаго „Душеполезное Чтеніе“ въ каждой книжкѣ.

Скворцовъ Н. Московская церковная старина. Уничтоженныя въ Московскомъ Китай-городѣ церкви „Московскія Церковныя Вѣдомости“. №№ 42, 46.

Уничтоженныя церкви въ мѣстности Пречистенскаго сорока: Іоанна Милостиваго въ Кисловке, Іоанна Предтечи на Знаменкѣ № 9.

А. И. К. Десятинная церковь въ Кіевѣ. „Церковныя Вѣдомости“ № 10.

Булгаковъ Н. А. Письма Антонина, начальника Русской миссіи въ Іеру-

ПЕНЗЕНСКАЯ АРХИВНАЯ СТАРИНА.

Въ бытность мою, минувшею осенью, въ Пензѣ, благодаря просвѣщенному сочувствію начальника губерніи князя Петра Дмитріевича Святополкъ-Мирскаго къ собиранію историческихъ матеріаловъ, мнѣ открытъ былъ доступъ въ архивъ Пензенскаго Губернскаго Правленія. Въ самомъ архивѣ мнѣ оказано было полное содѣйствіе со стороны Пензенскаго вице-губернатора Константина Петровича Перцова и старшаго совѣтника Сергѣя Андреевича Успенскаго. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, мой дорожный портфель, въ короткое время, обогатился выписками изъ разныхъ старинныхъ бумагъ, и я считаю долгомъ подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ съ читателями „Русскаго Архива“.

I. Графъ Кириллъ Алексѣевичъ Разумовскій.

Извѣстна печальная судьба сына бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, графа Кирилла Алексѣевича *). Одаренный отъ природы необыкновенными способностями и красивою наружностію, онъ чуть не отрокомъ пожалованъ былъ, въ 1799 году, въ камергеры высочайшаго двора. Все обѣщало высокое положеніе въ государствѣ даровитому внуку послѣдняго гетмана Малороссіи. Но пылкая, необузданная натура увлекла его совсѣмъ въ другую сторону. Графъ Кириллъ Алексѣевичъ слишкомъ рано очутился въ Петербургѣ на полной свободѣ, окруженный толпой прихлебателей и льстецовъ. Эта тлетворная среда втянула его въ омутъ всевозможныхъ искушеній и соблазновъ роскошной столичной жизни; а ближніе погибавшаго юноши спохватились тогда только, когда у него уже проявились признаки умопомѣшательства. Графа Кирилла Алексѣевича отправили путешествовать за-границу. Къ вящшему несчастію, онъ вошелъ тамъ въ сношенія съ иллюминатами, а въ Англіи пристрастился къ крѣпкимъ напиткамъ и сталъ пить запоемъ. Въ 1806 году, графъ Разумовскій возвратился въ Россію уже совсѣмъ помѣшаннымъ и въ такомъ состояніи отправился въ свое Пензенское имѣніе, село Ершово, Чембарскаго уѣзда. Въ книгѣ А. А. Васильчикова („Семейство Разумовскихъ“), на основаніи бумагъ архива князя Н. В. Репнина, разсказано о странномъ поведеніи графа Разумовскаго на пути изъ Москвы въ Ершово и о высочайшемъ повелѣніи взять его подъ присмотръ и отправить въ Шлюссельбургскую крѣпость.

---

*) *А. А. Васильчиковъ.* Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 121 и слѣд.

Въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія хранятся два нижепомѣщаемыя секретныя донесенія Пензенскаго гражданскаго губернатора Филиппа Лаврентьевича Вигеля министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею (женатому на двоюродной сестрѣ графа К. А. Разумовскаго), объ обстоятельствахъ задержанія этого несчастнаго человѣка.

А. Отъ 11 Сентября 1806 года. «5 Сентября, имѣлъ я честь донесть вашему сіятельству о дѣйствительномъ камергерѣ графѣ Кириллѣ Алексѣевичѣ Разумовскомъ, что онъ, бывъ взятъ, по имянному высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость съ чиновникомъ благонадежнымъ. Теперь непремѣннымъ поставилъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства и всѣ подробности движеніевъ, бывшихъ при исполненіи семъ.

Коль скоро удостоился получить имянной высочайшій указъ, отъ 21 Августа, я тотъ же часъ отправилъ нарочнаго въ городъ Чембаръ, дабы тамошній предводитель дворянства [1]), какъ чиновникъ извѣстный по своей расторопности, явился ко мнѣ, что́ онъ и выполнилъ. Соображаясь съ предписаніемъ вашего сіятельства отъ 22 Августа, по объявленіи ему предмета, для котораго вызванъ, тогда же поручилъ я ему отправиться въ село Ершово, гдѣ находился графъ Разумовскій, и тамъ самымъ скромнымъ образомъ условиться предварительно съ коллежскимъ совѣтникомъ Бѣляевымъ [2]), какъ управляющимъ вотчинами графа Разумовскаго, въ удобнѣйшихъ способахъ задержанія его съ людьми, а за тѣмъ, когда сіи способы приведены будутъ въ дѣйство, взять его къ дальнѣйшему отправленію въ Шлюссельбургскую крѣпость. А дабы не могло встрѣтиться никакого затрудненія въ томъ, вслѣдъ затѣмъ отправился я самъ въ городъ Чембаръ; но по прибытіи въ сей городъ получилъ съ нарочнымъ отъ предводителя донесеніе, что онъ на дорогѣ изъ Чембаръ въ село Ершово, для свиданія съ Бѣляевымъ, сдѣлался вдругъ боленъ, что́ и дѣйствительно нашелъ. Дабы нисколько не терять времени въ настоящемъ дѣлѣ, имѣя въ виду земскаго исправника, я самъ отправился въ село Ершово, куда ѣдучи, хотя и узналъ, что графъ нерѣдко бываетъ въ деревняхъ своихъ, неподалеку отъ Ершова состоящихъ, какъ то: въ Шентяпинѣ и Чернышевѣ, но тогда былъ въ Ершовѣ. А поелику имяннымъ высочайшимъ указомъ велѣно было мнѣ принять всѣ мѣры осторожности, то, на случай оныхъ, и военную команду, изъ осми токмо человѣкъ, въ село Ершово я отрядилъ. И сіе тѣмъ было нужнѣе, что графъ, какъ узналъ я достовѣрно, почти всегда запирался въ комнатахъ, которыхъ въ домѣ весьма много, имѣя при себѣ довольно разныхъ заряженныхъ орудіевъ, особенно въ ночное время, и любопытствуя, посредствомъ людей своихъ о всякомъ кого бы ни увидалъ, прошедшемъ или проѣхавшемъ мимо господскаго дома, кто онъ таковъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, не допускалъ до себя никого изъ постороннихъ. Я же имѣлъ въ предметѣ,

[1]) Артиллеріи капитанъ, Францъ Филипповичъ Турнеръ, былъ Чембарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства съ начала 1802 года.

[2]) Отцомъ Декабристовъ. П. В

чтобы сколь можно скорѣе захватить и запечатать бумаги, аптеку и оружейную комнату. Между тѣмъ, пока я могъ непримѣтнымъ образомъ прибыть въ село Ершово, графъ съ кинжаломъ на кушакѣ вышелъ изъ комнатъ въ выходъ съ напитками родителя его, гдѣ онъ, при объявленіи ему имяннаго высочайшаго указа, въ тужъ минуту и захваченъ былъ, при чемъ у него капитаномъ Францовымъ и кинжалъ отобранъ. И хотя онъ, бывъ удивленъ таковою встрѣчею, могъ бы устремиться въ комнаты, чтобъ запереться тамъ, но и до того не допущенъ. А между тѣмъ, и бумаги, и аптека, и орудіи были захвачены. И чтобы его еще болѣе склонить къ послушанію, разставлены были означенные солдаты при унтеръ-офицерѣ; а къ графу приставленъ былъ помянутый капитанъ. И хотя графъ, между тѣмъ порываясь отойдти къ комнатамъ, говорилъ что ему провожатаго не надобно, и что онъ одинъ можетъ ѣхать; но когда увидѣлъ, что никакихъ уже нѣтъ способовъ къ какому либо сопротивленію, сдѣлался покорнымъ. Я же, навѣщая его лично, не замѣтилъ уже въ продолженіи съ нимъ разговору не только никакого неповиновенія, но и того зловреднаго образа мыслей, каковыя онъ, по убѣдительнѣйшему удостовѣренію, дошедшему до меня, изъявлялъ часто, живучи до того въ Ершовѣ. При чемъ графъ просилъ меня только о позволеніи видѣться ему въ Москвѣ съ родителемъ своимъ, на чтò я однако согласиться не могъ. Въ прочемъ свѣдѣнія дошли до меня таковы, что графъ, въ короткое время бытія своего въ деревняхъ, обращался съ людьми и крестьянами столь жестоко, что и сіе обстоятельство не могло не заслуживать особеннаго вниманія. Сія черта расположенія его къ подобнымъ себѣ человѣкамъ, хотя и показываетъ нѣкоторымъ образомъ степень, до какой бы онъ могъ дойти, если бы успѣлъ запереться въ комнатахъ, гдѣ онъ могъ имѣть средства къ погубленію и себя и другихъ; но нельзя вовсе отвергнуть и того, чтобъ при изглажденіи тѣхъ впечатлѣніевъ, какія на него могли имѣть толико вредныя правила, не пришелъ паки въ желаемое положеніе. По исполненіи высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, дозналъ я опытомъ, сколь нужно было при томъ личное мое присутствіе, когда, бывъ на мѣстѣ, много отвратилъ непріятныхъ послѣдствіевъ, могшихъ легко выдти отъ недоразумѣнія другихъ.

Описью запечатанныхъ бумагъ, книгъ и прочаго я хотя бы и успѣлъ, но какъ составы, находящіеся въ аптекѣ, нужно всѣ пересмотрѣть искуснѣйшему медицинскому чиновнику, коего въ Ершовѣ при мнѣ не было, то я сего же числа отправляюсь паки въ то село съ чиновникомъ Врачебной Управы, для разсмотрѣнія и описи бумагъ, книгъ, составовъ въ аптекѣ и прочаго, чтò все теперь запечатано и заперто; а съ тѣмъ вмѣстѣ поспѣшу и доставленіемъ, чрезъ нарочнаго, того изъ нихъ, чтò нужно, къ вашему сіятельству съ донесеніемъ, сколько всего на все употребилъ я собственныхъ своихъ денегъ на необходимыя издержки по сему предмету».

Б. Отъ 15 Сентября 1806 г. «За донесеніемъ вашему сіятельству, отъ 11 Сентября, о послѣдствіяхъ взятья по имянному высочай-

шему повелѣнію и отправленія въ Шлиссельбургскую крѣпость дѣйствительнаго камергера графа Кирилла Алексѣевича Разумовскаго, прибывъ Чембарскаго уѣзда въ село Ершово съ медицинскимъ чиновникомъ Врачебной Управы, я тутъ осмотрѣлъ въ главномъ корпусѣ дома, гдѣ графъ пребываніе имѣлъ, не только всѣ бывшія за печатьми комнаты, но и то, что̀ только есть въ нихъ. За неимѣніемъ здѣсь плана дому сдѣлалъ расположностямъ описаніе и тому, что́ оказалось въ бумагахъ и книгахъ, захваченныхъ при взятьѣ графа, и что́ по свидѣтельству медицинскаго чиновника оказалось въ аптекѣ. Книги и аптека оставлены, по прежнему, въ домѣ, за присмотромъ и печатью управляющаго вотчинами, коему и ключи отданы; а бумаги тѣ, кои найдены и кромѣ коихъ другихъ, при всемъ исканіи, нигдѣ не оказалось. Вслѣдствіе предписанія вашего сіятельства отъ 29 Августа, вышеупомянутое описаніе, равно и два ящика нераскрываемые, за печатью, честь имѣю представить вашему сіятельству, съ исчисленіемъ той суммы, какую я издержалъ изъ собственныхъ своихъ денегъ на разныя необходимости по поводу исполненія имяннаго высочайшаго повелѣнія о графѣ Разумовскомъ» *).

Ко второму донесенію приложено слѣдующее описаніе комнатъ въ Ершовскомъ домѣ графа Разумовскаго:

«*Въ главномъ корпусѣ дома (гдѣ графъ Кириллъ Алексѣевичъ пребываніе имѣлъ) съ параднаго крыльца, на лѣвой сторонѣ комнаты*:

1) Лакейская. 2) Прихожая; въ ней 11 картинъ живописныхъ и 17 естамповъ, и одно зеркало. 3) Гостинная; въ ней одно зеркало, столъ, 9 кресел и софа. 4) На право уборная; въ ней стѣнные съ курантами часы, два естампа и одни креслы. 5) На право же, диванная съ 26 картинами, уставленными по стѣнамъ кругомъ всей комнаты, живописными и печатными; одно фортепіано, 6 креселъ и два столика; три круглыя шляпы. 6) Малый кабинетъ съ 11 картинами, гдѣ графъ Кириллъ Алексѣевичъ часто и обѣдывалъ. Тамъ точильный станокъ, 5 креселъ, 2 ломберныхъ столика и третій круглой; одно большое зеркало. Изъ сего кабинета дверь въ садъ. 7) На лѣво изъ уборной, спальня; въ ней 10 естамповъ, ломберный столикъ, малые столовые часы, двѣ курительныя трубки, умывальникъ и одни креслы. 8) На лѣво изъ спальни гардеробъ; въ немъ 3 комода, трое креселъ, одно зеркало и столикъ; въ комодахъ ничего нѣтъ, кромѣ маскараднаго платья и еще шитаго параднаго. 9) На право изъ гардероба передъ-аптечная. 10) Аптека. 11) Между спальнею и оружейною маленькая комната съ конскимъ уборомъ, шкафомъ и одними креслами. 12) Оружейная; въ ней два шкафа, 11 естамповъ и одна картина, стрѣлы и луки, рапиры съ масками, 19 картинъ еще не прибитыхъ на стѣны, кои лежатъ въ шкапѣ, 11 ружей, изъ коихъ есть двуствольныя, 22 пистолета одноствольные, двуствольные, трехствольные и мускатонные, двѣ палки съ кинжалами, кинжалъ съ пистолетомъ; 4 сабли,

*) Вся издержанная сумма исчислена въ 856 рублей.

изъ коихъ двѣ Турецкія и одна Шветская, двѣ шпаги, 10 охотничьихъ ножей; пороху двѣ банки Англійскихъ и еще нѣсколько въ ящикѣ; дроби 4 небольшихъ мѣшка; 19 формъ на литье пуль и 9 арапниковъ. 13) Библіотека; въ ней три шкафа съ книгами, уставленными въ каждомъ изъ оныхъ на полкахъ, коихъ въ двухъ шкафахъ по пяти, а въ третьемъ шесть. 14) На лѣво изъ оружейной кладовая. 15) Прямо изъ библіотеки кабинетъ; въ немъ 30 картинъ, софа, столъ и трехъугольной столикъ. 16) Изъ библіотеки на лѣвую сторону сѣни, изъ нихъ ходъ на дворъ. 17) На лѣво дѣвичья. 18) На право кладовая.

Съ парадного крыльца на правой сторонѣ комнаты:

19) Столовая, въ ней одинъ большой круглый столъ, двое креселъ и 7 стульевъ. 20) Изъ столовой на лѣво буфетъ, гдѣ лежитъ серебряная, фарфоровая и фаянсовая посуда съ чайнымъ приборомъ и столовымъ бѣльемъ. 21) Прямо изъ столовой коридоръ. 22) Изъ коридора на право уборная, въ ней 6 креселъ. 23) На право изъ уборной дѣтская спальня. 24) Изъ дѣтской спальни дѣвичья; въ ней 6 стульевъ. 25) Изъ дѣвичей ходъ на дворъ. 26) Изъ коридора на лѣво дѣвичья, въ ней 1 зеркало и 4 креселъ. 27) Изъ дѣвичей спальня; въ ней лежитъ посуда фаянсовая и хрустальная. 28) Изъ спальни ходъ на дворъ».

На описаніи скрѣпа по листамъ такая: „Управляющій вотчинами его сіятельства графа Алексѣя (такъ) Кирилловича Разумовскато коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Бѣляевъ удостовѣряю сіе подписью. 1806 году Сентября 14-го“.

Описаніе представлено въ двухъ экземплярахъ. На второмъ экземплярѣ, при рубрикѣ „Аптека“ (10), приписано рукою инспектора Врачебной Управы:

„Аптека, въ ней лекарствы: хина, магнезія, селитра, корица, купоросная кислота, горькіе елексиры и тому подобныя обыкновенныя; но сильно дѣйствующихъ и ядовитыхъ вещей нѣтъ, кромѣ нераскрываемыхъ двухъ ящиковъ, посылаемыхъ въ С.-П.-бургъ, при донесеніи. (Подпись:) Инспекторъ Пензенской Врачебной Управы надворный совѣтникъ Яковъ Европеусъ свидѣтельствовалъ сію аптеку, 1806 года Сентября 14 дня“.

При рубрикѣ „Библіотека“ (13), рукою самого Вигеля приписано:

„Библіотека, въ которой порознь мною осматриваемы, по большой части на Французскомъ языкѣ, до 300 разныхъ книгъ; изъ оныхъ многія и новѣйшіе словари, хозяйственные до хлѣбопашества и скотоводства касающіяся сочиненія, врачебныя, химическія и историческія, журналы и малая часть романовъ; но никакихъ сомнительныхъ между ними не найдено“.

II. Во что̀ обошлась Пензенской губерніи Отечественная война 1812 года.

А. И. Михайловскому-Данилевскому, историку славныхъ войнъ Александровыхъ, по волѣ императора Николая Павловича, открыты были всѣ безъ изъятія архивы. Даровитый писатель широко воспользовался дарованнымъ правомъ. Кромѣ того, онъ входилъ по своему предмету въ переписку, какъ самъ выразился, „съ начальствами отъ Архангельска до Крыма, отъ Гродны до Иркутска". Какъ ни важенъ собранный путемъ этой переписки историческій матеріалъ, историкъ Отечественной войны, рисуя общую картину, не могъ воспользоваться имъ во всемъ его объемѣ, и такимъ образомъ сообщенныя ему съ мѣста, изъ губерній, драгоцѣнныя свѣданія остались почти безъ употребленія.

Въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія имѣется дѣло 1837 года, „по отношенію сенатора Михайловскаго-Данилевскаго о доставленіи свѣдѣній, нужныхъ къ исторіи о войнѣ".

Изъ этого дѣла видно, что Михайловскій-Данилевскій разослалъ всѣмъ начальникамъ губерній слѣдующіе семь вопросныхъ пунктовъ:

«1) Какъ велика была числительная сила ополченія, собраннаго вслѣдствіе манифеста 6 Іюля 1812 года, куда поступило ополченіе, гдѣ оно во время войны находилось, и не ознаменовало ль оно себя какими либо подвигами?

2) Какую сумму пожертвовало дворянство и другія сословія Пензенской губерніи на основаніи сего же манифеста?

3) На какую сумму простиралась безденежная поставка разныхъ продуктовъ для арміи?

4) Въ чемъ заключается поставка въ натурѣ?

5) Что̀ происходило въ губерніи при приближеніи и самомъ занятіи непріятелемъ Москвы; не принимали ли губернаторъ, дворянство, или сами жители какихъ особенныхъ мѣръ къ защитѣ губерніи?

6) О подвигахъ частныхъ лицъ во время войны.

7) Сообщить копіи съ предписаній главнокомандовавшихъ нашими арміями къ губернатору и другимъ лицамъ губерніи; также копій съ воззваній или объявленій, какія были издаваемы начальствомъ губерніи къ жителямъ, а равно проповѣди и увѣщанія духовенства»

Хранящіяся въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія „Свѣдѣнія, собранныя по требованію сенатора г. генералъ-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, относящіяся до 1812 года", заключаются именно въ отвѣтахъ на вышеуказанные вопросные пункты историка и изложены тоже въ семи нижеслѣдующихъ пунктахъ (за подписью чиновника особыхъ порученій Караулова).

1) Съ имѣнія, опредѣленнаго въ удѣлъ ея императорскаго высочества великой княгини Екатерины Павловны, вслѣдствіе рескрипта ея высочества къ гражданскому губернатору, 8 Іюля 1812 года, собрано въ Пензенской губерніи 40 человѣкъ, которые и отправлены въ городъ Тверь.

Для составленія 1-го ополченія собрано съ дворянскихъ имѣній 9282 человѣка. Изъ числа сихъ людей составленъ одинъ конный полкъ въ 660 человѣкъ, протчіе пѣшіе.

Для составленія резервнаго ополченія собрано съ тѣхъ же имѣній 4641 человѣкъ; изъ нихъ конныхъ 330 человѣкъ. Итого, конныхъ 990 человѣкъ, пѣшихъ 12.933 человѣка. Всего 13.923 человѣка *).

Ополченіе было въ походѣ за границею; участвовало въ сраженіяхъ 1813 года, подъ Дрезденомъ и при осадѣ крѣпостей Магдебурга и Гамбурга. Конный полкъ, въ сраженіи подъ Магдебургомъ, ходилъ въ атаку на пѣхотную колонну, разстроилъ оную и отбилъ пушку. Такое отличіе и подвигъ полка приказомъ по арміи, 3 Ноября 1813 года, отданнымъ главнокомандующимъ генераломъ графомъ Бенигсеномъ, поставленъ въ примѣръ кавалеріи.

2) Для ополченій пожертвовано *деньгами*: 1-го — 382.902 руб. 30 коп., резервнаго—173.989 руб. 50 коп., итого 556.891 руб. 80 коп.; *лошадей*: для перваго ополченія—660, на сумму 78.710 руб.; резервнаго—330, на сумму 42.900 руб.; *провіантомъ*: на сумму 40.310 р. 9 к.

По вѣдомостямъ, сверхъ того, значится, что *обмундированіе, вооруженіе и содержаніе* ополченій стоило дворянству: 1-го—696.150 р., резервнаго—348.075 р. Итого, 1.044.225 рублей.

На обмундированіе формировавшагося въ Тамбовѣ пѣхотнаго полка пожертвовано дворянствомъ 221.865 руб. 83 коп. На устроеніе при томъ же полку обоза отъ градскихъ обществъ пожертвовано 35.306 руб. На покупку 90 лошадей для онаго пожертвовано 15.607 руб. 6 коп. Всего 50.913 руб. 6 коп.

NB. Пожертвованіе сіе было вслѣдствіе высочайшей воли, объявленной гражданскому губернатору въ рескриптѣ 13 Мая 1812 года.

Пожертовано разными лицами на разныя военныя употребленія 41.323 руб. 32 коп.

3) Безденежная поставка со стороны дворянства для арміи составляетъ: волы и фуры—261.702 р. 76 к.; для подвижнаго магазина арміи—127.006 руб. 76 коп. Итого, 388.709 руб. 52 коп.

---

*) Слѣдовательно, *пятая* часть всего населенія губерніи. По свѣдѣніямъ 1807 года число жителей въ Пензенской губерніи простиралось до 700.000 душъ м. п. (Профессоръ *Зябловскій* новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи. Спб. 1807. ч. 2, стр. 129).

4) Пожертвовано и доставлено дворянствомъ для войскъ дѣйствующей арміи воловъ 2602; при нихъ отправлено 250 фуръ.

NB. Пожертвованіе сіе составилось въ исполненіе высочайшаго рескрипта на имя гражданскаго губернатора 25 Мая 1812 года. Министръ полиціи увѣдомлялъ, что нужно 2500 воловъ: 2000 для продовольствіе и 500 для подъема. Собрано излишнихъ 102, на случай убыли въ дорогѣ.

Пожертвовано для подвижнаго магазина арміи повозокъ 408; при нихъ лошадей: 900, повощиковъ 413.

Собрано и отправлено сухарей 600 четвертей, овса 600, крупъ 56.

Пожертвовано разными лицами: *вещей* холста льнянаго 400 арш., посконнаго 205 арш., корпіи 6 п. 9 ф., бинтовъ 520 шт., черныхъ кожъ 1 шкура; *оружій*: пушекъ мѣдныхъ 6, чугунныхъ 2, ружей 25, пистолетовъ 7, сабель 4, шпагъ 18, штыковъ 1, копьевъ 3.

Вообще всѣ пожертвованія въ губерніи, по приведеніи оныхъ къ сложнымъ дѣламъ, бывшимъ въ губерніи, какъ значится по документамъ, составляютъ 2.475.848 руб. 62 коп.

5) По отдаленію губерніи отъ театра войны, мѣръ особенныхъ принимаемо не было, тѣмъ болѣе, что въ Сентябрѣ было ставлено первое, а вслѣдъ за симъ—резервное ополченіе. Но для сохраненія внутренняго порядка и на случай бродяжничества мародеровъ, учреждена была стража во сто человѣкъ, содержаніе и вооруженіе коихъ стоило 10.000 руб.

6) По сему же случаю никто изъ частныхъ лицъ не имѣлъ случая оказать особенныхъ подвиговъ.

7) Особыхъ предписаній отъ главнокомандовавшихъ арміями не было».

Въ концѣ, въ видѣ приложенія къ 1-му отвѣтному пункту, помѣщена слѣдующая выдержка изъ приказа по арміи, отъ 3 Ноября 1813 года, за № 84, подписаннаго графомъ Бенигсеномъ:

«Пензенскій конно-казачій полкъ, будучи 27-го числа минувшаго Октября при Магдебургѣ въ дѣлѣ противъ непріятеля, въ виду войскъ бывшихъ въ семъ же дѣйствіи, пошелъ въ атаку на непріятельскую пѣхоту, въ колоннѣ шедшую; разстроивъ оную, взялъ одно орудіе. Подвигъ таковой, и отличіе сего полка, можетъ служить примѣромъ кавалеріи; отдавая оному должную справедливость, я не оставилъ донести объ ономъ его императорскому величеству».

Подобныя же свѣдѣнія были доставлены Михайловскому-Данилевскому и изъ всѣхъ другихъ губерній. Какъ бы желательно было, если бы всѣ эти „Свѣдѣнія“ были собраны во-едино. Пора, наконецъ, узнать въ точности о размѣрахъ той великой жертвы, которую Русскій народъ принесъ, въ Двѣнадцатомъ году, на спасеніе не только своего отечества, но и цѣлой Европы.

III. Къ путешествію по Россіи Великаго Князя Михаила Павловича, въ 1817 году.

А. Отношеніе Пензенскаго гражданскаго губернатора М. М. Сперанскаго къ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору С. К. Вязмитинову, отъ 4 Сентября 1817 года, о пребываніи великаго князя Михаила Павловича въ Пензенской губерніи (отпускъ собственной руки Сперанскаго)

«Его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ соизволилъ прибыть въ Пензенскую губернію 1 числа Сентября. Ко времени, назначенному въ маршрутѣ, т. е. къ 28 Августа, всѣ пріуготовленія были уже кончены. На всѣхъ станціяхъ, отъ дворянства отряжены были чиновники; на многихъ станціяхъ поставлены отъ смежныхъ помѣщиковъ и собственныя лошади и благовременно приспособлены. Дороги и мосты, к прежде довольно исправные, приведены еще въ лучшее устройство, такъ, что можно было съ удобностію совершать экипажамъ по 20 верстъ въ часъ. Его высочество соизволилъ прибыть въ Пензу въ 12 часу утра того же дня. За двѣ версты отъ города его высочество встрѣченъ былъ полицейскими чиновниками и собравшимся во множествѣ народомъ, и при радостныхъ восклицаніяхъ сопровождаемъ былъ до самаго собора, гдѣ принятъ былъ при колокольномъ звонѣ съ крестомъ здѣшнимъ епархіальнымъ архіереемъ и духовенствомъ, при великомъ стеченіи дворянства и прочихъ сословій.

По выслушаніи молебна, его высочество изволилъ прибыть въ губернаторскій домъ, для пребыванія его назначенный. Здѣсь я имѣлъ счастіе, при донесеніи о благосостояніи губерніи, поднести его высочеству приличное описаніе города и въ двухъ таблицахъ статистическое изображеніе состоянія губерніи. Потомъ имѣли счастіе представляться его высочеству знатнѣйшее духовенство, чиновники, дворянство и купечество съ хлѣбомъ и солью.

Къ обѣденному столу приглашены были здѣшній преосвященный епископъ Аѳанасій [1], гражданскій губернаторъ и губернскій предводитель дворянства Столыпинъ [2]. Послѣ обѣда, его высочество изволилъ осматривать мѣстоположеніе города и богоугодныя заведенія, какъ то рабочій и смирительный домы, больницу, также острогъ. На пути изволилъ посѣтить гимназію и дѣвичій монастырь, для поклоненія чти-

---

[1]) Преосвященный Аѳанасій Корчановъ (изъ дворянъ Харьковской губерніи); полтора года спустя (8 Февраля 1819 года) онъ былъ уволенъ на покой, для пребыванія въ Пензѣ; купилъ тамъ себѣ домъ на Козьемъ болотѣ (нынѣ живетъ въ немъ директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи С. П. Никольскій), гдѣ и скончался, на 81 году жизни, 14 Декабря 1825 года.

[2]) Кригсъ-цейгмейстеръ, Григорій Даниловичъ Столыпинъ, отецъ коего отставной капитанъ Даніилъ Александровичъ, убитъ въ 1773 г. Пугачевцами, въ Краснослободскѣ.

мой здѣсь иконѣ Божіей Матери всѣхъ Скорбящихъ. Въ вечеру, весь городъ былъ иллюминованъ. Въ 9 часовъ его высочество изволилъ быть на балѣ, въ честь его отъ дворянства приготовленномъ. Въ память сего посѣщенія и въ ознаменованіе чувствъ преданности и усердія къ высочайшему посѣтителю, губернскій предводитель, отъ лица собравшагося здѣсь дворянства, чрезъ меня, просилъ его высочество принять приношеніе въ 3000 рублей на инвалидовъ Сѣверскаго конно-егерскаго его высочества полка. Сіе приношеніе принято было съ благоволеніемъ.

При обозрѣніи города, въ толпѣ народа, безпрестанно его высочество сопровождавшаго, замѣтивъ двухъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, въ здѣшнемъ казначействѣ служащихъ присяжными, и одного отставнаго подпоручика, съ знаками ордена Желѣзнаго Креста, пожалованнаго имъ за сраженіе при Кульмѣ, его высочество пожелалъ ихъ видѣть и пожаловалъ имъ денежное награжденіе. На другой день (2 Сентября), въ 7 часовъ утра, его высочество, изъявивъ мнѣ и губернскому предводителю благоволеніе, соизволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Обѣденный столъ его высочество въ сей день будетъ имѣть въ Чембарѣ, послѣднемъ городѣ Пензенской губерніи; а ночлегъ въ Кирсановѣ, Тамбовской губерніи. Я получилъ уже со всѣхъ станцій, исключая двухъ послѣднихъ, донесенія о благополучномъ совершеніи путешествія его высочества чрезъ Пензенскую губернію».

Б. Письмо Чембарскаго уѣзднаго предводителя дворянства Өедора Григорьевича Мосолова къ Пензенскому гражданскому губернатору М. М. Сперанскому, изъ Чембаръ, отъ 4 Сентября 1817 года.

«Ваше превосходительство, милостивый государь! Слава Богу, слава мудрымъ распоряженіямъ вашего превосходительства: мы встрѣтили и препроводили его императорское высочество, настоящаго мѣсяца 2 числа, благополучно. Въѣздъ въ Чембаръ послѣдовалъ пополудни въ 3 часа, въ открытой коляскѣ и тихо. Онъ ознаменовался всеобщею радостію народа, который до самаго дома громкими кликами повторялъ ура! Я встрѣтилъ у самаго крыльца и поздравилъ его высочество съ благополучнымъ пріѣздомъ, а купечество поднесло хлѣбъ съ солью. По докладу исправника, въ селѣ Поимѣ *) также поднесенъ хлѣбъ-соль, съ громогласнымъ ура. Я ввелъ дворянство въ залъ и ожидалъ дальнѣйшаго повелѣнія. Кроткій, снисходительный, великій посѣтитель изволилъ вытти къ намъ. Я ему представлялъ по именамъ многихъ дворянъ; со многими самъ изволилъ разговаривать столь милостиво, столь снисходительно, что мы остались обвороженными его высочествомъ. Сія ангельская кротость возвысила духъ мой, и я дерзнулъ представить его высочеству Нижегородскаго мѣщанина Свѣшникова, по комерціи въ Чембарѣ живущаго, у коего жена до пріѣзда великаго князя, за 5 часовъ, родила сына Михаила. Снисходительный государь

*) Село Поимъ или Паимъ, Чембарскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ графу А. Д. Шереметеву.

согласился быть воспріемникомъ и пожаловалъ крестнику золотые часы. Отецъ новорожденнаго, принимая сей драгоцѣнной подарокъ, уронилъ слезу радости; а мнѣ изволилъ приказать быть его именемъ при священномъ обрядѣ, чтó я вчерашняго числа съ женою господина городничаго Половинкина и исполнилъ.

Я удостоился быть за обѣденнымъ столомъ великаго путешественника, гдѣ мнѣ было сдѣлано множество вопросовъ, а паче всего о сельскомъ домоводствѣ. Въ особенности замѣтилъ его высочество въ гумнахъ поселянъ множество хлѣба; я осмѣлился доложить ему, что столько же почти онаго не свезено съ полей, и работы наши продолжатся до половины сего мѣсяца.

Государь замѣтилъ на дворѣ женъ, дочерей и внучатъ нашихъ и позволилъ войтить имъ въ залъ. Мы, будучи пресыщены лицезрѣніемъ его высочества, уступили имъ мѣсто, дабы и онѣ опчасливились взглянуть на него съ толикимъ же восторгомъ радости, какъ и мы. Они увидѣли ангела, который удостоилъ ихъ кроткимъ взглядомъ и божественною улыбкою. И въ 5 часовъ изволилъ отправиться отъ насъ въ вожделѣнномъ здравіи въ дальнѣйшій путь, сказавъ мнѣ: «Прощайте». Сіе слово запечатлѣлось въ душѣ моей до гроба моего. Отъ Чембара до предѣловъ Тамбовскихъ, 39 верстъ, великій князь благополучно совершилъ сей путь въ $2^1/_2$ часа.

Теперь позвольте мнѣ, ваше превосходительство, отдать справедливость неутомимымъ трудамъ летучаго (*такъ*) исправника князя Кугушева и расторопнаго городничаго Половинкина; а наипаче перваго, коего обязанность простиралась слишкомъ 80 верстъ. Чрезъ все сіе разстояніе съ великимъ рвеніемъ отправлялъ онъ свою должность и возвратился ко мнѣ изнуреннымъ до примѣтнаго измѣненія, хромой, ибо онъ падалъ два раза съ почтовой телѣги и ошибъ себѣ ногу; но и это не остановило его проводить его высочество до станціи Гавриловской, которая уже въ предѣлахъ Тамбовскихъ, разстояніемъ отъ рубежей Пензенскихъ въ 12 верстахъ.

Совѣстно мнѣ говорить о станціонныхъ дворянахъ, между коими находился сынъ мой; но я обязанъ изложить предъ вами, милостивый государь, труды и рвеніе трехъ прочихъ, имена коихъ вашему превосходительству извѣстны. Они должность свою, колико трудную, толико и важную, отправляли неутомимо, день и ночь, всякой разъ сами бывъ причастными при обученіи лошадей. Однимъ словомъ, всѣ сіи чиновники, коихъ я рекомендовать осмѣливаюсь, болѣе моего трудились, ибо я съ моею должностію расквитался бездѣлицею: жестокимъ кашлемъ, но это жертва маловажная для старца, гроба касающагося; она не стóитъ и вниманія: старики, и за печью сидя, кашляютъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и неподражаемою преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшимъ слугою Ѳедоръ Мосоловъ».

IV. Какъ провелъ императоръ Александръ Павловичъ предпослѣдній день своего Ангела.

Императоръ Александръ I, въ 1824 году, за годъ до кончины, провелъ день своего Ангела, 30 Августа, въ дорогѣ, именно на почтовомъ трактѣ изъ города Тамбова въ Пензу. Это видно изъ слѣдующихъ двухъ бумагъ архива Пензенскаго Губернскаго Правленія:

А) Донесеніе Чембарскаго городничаго Лазовскаго Пензенскому гражданскому губернатору Өедору Петровичу Лубяновскому, отъ 4 Сентября 1824 года.

«Его императорское величество, путешествуя во внутрѣ Россіи, осчастливилъ прибытіемъ своимъ въ ввѣренной мнѣ городъ Чембаръ 29 числа прошлаго Августа, по полудни въ 5 часовъ; въ коемъ, имѣя ночлегъ на 30 число, по выслушаніи въ соборной Николаевской церкви божественной литургіи, при радостномъ восклицаніи разнаго сословія людей, благополучно изволилъ отправиться въ 10 часовъ утра въ дальнѣйшій путь, по тракту къ губернскому городу Пензѣ; о чемъ вашему превосходительству донести честь имѣю».

Б) Донесеніе Нижнеломовскаго исправника Слѣпцова Пензенскому же губернатору Ө. П. Лубяновскому, отъ 1 Сентября 1824 года:

«Прошедшаго Августа 30 дня, государь императоръ изволилъ прибыть Нижнеломовскаго уѣзда въ село Кевду Мельситову, во 2 часу пополудни, гдѣ встрѣченъ былъ жителями того села съ хлѣбомъ и солью, поданнымъ волостнымъ головою съ старшинами. Останавливался у церкви, гдѣ выходилъ изъ коляски, прикладывался къ кресту, вынесенному благочиннымъ Федоромъ. Потомъ, оборотясь къ головѣ, спрашивалъ: какое село, сколько въ ономъ душъ? Народъ кричалъ ура! Перемѣня здѣсь лошадей, поѣхалъ въ село Каменку. Благополучно пріѣхалъ въ оное. Также встрѣченъ народомъ, управляющимъ, бурмистромъ и довольнымъ числомъ дворянъ съ хлѣбомъ и солью. Остановясь у церкви, вышедъ изъ коляски, встрѣченъ былъ благочиннымъ Иваномъ. Приложась къ кресту, народъ кричалъ ура! Потомъ сѣвъ въ коляску, доѣхалъ до почтоваго дома шагомъ. Народъ бѣжалъ за нимъ, не переставая кричать ура, гдѣ остановясь, изволилъ вытти изъ коляски и пошелъ въ почтовый домъ. Его величество спрашивалъ управляющаго: чье имѣніе? Онъ отвѣчалъ, что княгини Долгоруковой. Потомъ управляющій доложилъ начальнику штаба его величества, что въ поляхъ озимый хлѣбъ ѣстъ червь. Почему донесено было имъ, начальникомъ, государю императору, съ поднесеніемъ тѣхъ червей въ стаканѣ. Его величество смотрѣлъ и сказалъ: *Надобно молиться Богу*. Потомъ выкушалъ стаканъ меду, раскланявшись со всѣми ласково. Выходя изъ комнатъ, остановленъ былъ отставнымъ унтеръ-офицеромъ, Нижнеломовской округи, деревни Хлыстовъ, прося его величество, что онъ не имѣетъ пропитанія. Государь пожаловалъ ему 100 ассигнаціями,

сѣлъ въ коляску и отправился далѣе. Проѣзжая деревню Студенецъ, также былъ встрѣченъ жителями. Перемѣня тутъ лошадей, не выходя изъ экипажа, отправился въ вожделѣнномъ здравіи, въ Пензенской уѣздъ. О чемъ вашему превосходительству симъ почтеннѣйше донести честь имѣю».

V. Къ путешествію императора Николая Павловича по Пензенской губерніи, въ 1836 году.

А. Два распоряженія Пензенскаго гражданскаго губернатора А. А. Панчулидзева, по случаю пріѣзда въ городъ Пензу императора Николая Павловича:

а) Предписаніе Пензенскому полиціймейстеру отъ 23 Августа 1836 года, съ надписью секретно: «Въ городѣ Пензѣ состоятъ подъ надзоромъ: Гродненскій помѣщикъ Цедронскій и Бѣлостокскій помѣщикъ Лыщинскій. Предписываю вамъ, на время предстоящаго высочайшаго въ Пензѣ пребыванія, усилить за Лыщинскимъ и Цедронскимъ надзоръ полиціи; при чемъ объявить имъ, чтобы они во все то время, которое государь императоръ изволитъ пробыть въ Пензѣ, были въ своихъ квартирахъ безвыходно. За точнымъ сего исполненіемъ наблюдите».

б) Списокъ домовъ города Пензы, въ которыхъ назначены помѣщенія для лицъ, сопровождавшихъ государя:

«1) *Въ домѣ Городецкой*, подлѣ губернатора, Бенкендорфу; при немъ флигель-адъютанту полковнику Львову и одному писарю. Одна квартира всѣмъ.

2) *Въ домѣ Якова Васильевича Сабурова*—генералъ-адъютанту Адлербергу.

3) *Въ домѣ Николая Васильевича Загоскина*—статсъ-секретарю Позену, и при немъ чиновнику.

4) *Въ домѣ Любови Сергѣевны Загоскиной*—лейбъ-медику Аренду.

5) *Въ домѣ г. Жедринскаго*—полковнику Рауху.

6) *Въ домѣ Ивана Ивановича Селиванова*—фельдъегарю.

7) *Въ домѣ Чемизова*—магазинъ-вахтеру.

8) *Въ домѣ Прасковьи Петровны Бекетовой*—двумъ писарямъ.

9) *Въ домѣ Халкіоповой*—двумъ фельдъегарямъ».

Б. Донесеніе Городищенскаго городничаго маіора Литвинова, Пензенскому губернатору А. А. Панчулидзеву, отъ 27 Августа 1836 года, о благополучномъ прослѣдованіи черезъ уѣздный городъ Городищи императора Николая Павловича:

«Сего Августа 24 числа, по-полудни въ первомъ часу, совершилъ свое путешествіе чрезъ городъ Городищи его императорское величество государь императоръ, смѣнивъ за городомъ лошадей, гдѣ оныя его величеству были приготовлены. Никуда въ городѣ не заѣзжалъ, кромѣ

проѣзда. Я имѣлъ счастіе встрѣтить и проводить чрезъ весь городъ. Какъ замѣтно было, его императорское величество изволилъ быть при народномъ восклицаніи ура довольно веселъ, и тремъ присяжнымъ Городищенскаго уѣзднаго казначейства и одному въ безсрочномъ отпуску находящемуся рядовому Яковлеву всемилостивѣйше пожаловалъ по 10 руб. ассигнаціями. О столь счастливомъ для города Городищъ событіи вашему превосходительству долгомъ поставляю симъ почтительнѣйше донести».

В. Справка, данная Пензенскимъ губернаторомъ А. А. Панчулидзевымъ графу А. Х. Бенкендорфу, по письму послѣдняго изъ Чембаръ, отъ 1 Сентября 1836 года, о доставленіи примѣрнаго свѣдѣнія, какую сумму слѣдуетъ препроводить къ нему, губернатору, для заплаты за всѣ доставленные изъ Пензы въ Чембары припасы, по случаю пребыванія тамъ государя:

«Въ числѣ съѣстныхъ припасовъ, въ Чембаръ отправленныхъ, съ 26 Августа по 2 Сентября, зелень вся вообще и часть фруктовъ посланы безденежно изъ казеннаго сада, въ Пензѣ существующаго. Равнымъ образомъ безденежно посланы фрукты и нѣкоторая часть рыбы и дичи отъ помѣщиковъ. Того же, что́ пріобрѣтено здѣсь покупкою, какъ то съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, включая въ то число разныя принадлежности необходимыя при отправленіи, на укладку и укупорку, послано на 1867 р. 83 к. Да прогоновъ употреблено 208 р. 70 к. Вся сумма ассигнаціями».

Г. Отношеніе графа А. Х. Бенкендорфа Пензенскому губернатору А. А. Панчулидзеву, изъ г. Чембаръ, отъ 8 Сентября 1836 года:

«Милостивый государь Александръ Алексѣевичъ! Государь императоръ, выѣзжая изъ Чембара, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ городу: въ церковь 1000 р., въ уѣздное училище 5000 р. и въ градскую больницу 5000 руб.; городничему Кобце подарокъ въ 1000 р. и благоволилъ изъявить соизволеніе на опредѣленіе старшаго сына его Александра въ Московскій кадетскій корпусъ; уѣздному предводителю дворянства Подладчикову подарокъ въ 1000 р.; уѣздному врачу Цвернеру подарокъ въ 2000 и деньгами 3000 рублей; частному приставу Пеморову и квартальному Васильеву годовое жалованіе; протоіерею Василію Керскому 500 р.; священнику Гаврилову со всѣмъ причетомъ 500 р.; градскому головѣ подарокъ въ 300 р. и исправнику Щетинину подарокъ въ 1000 руб.

Имѣя честь увѣдомить ваше превосходительство о сей высочайшей волѣ, имѣю честь препроводить при семъ одиннадцать тысячъ рублей ассигнаціями, всемилостивѣйше пожалованныя училищу, больницѣ и въ церковь, и покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о выдачѣ годоваго жалованія частному приставу Пеморову и квартальному Васильеву. Всѣ же прочіе, какъ деньги, такъ подарки, розданы мною по рукамъ, и на счетъ опредѣленія сына городничаго въ Московскій кадетскій корпусъ распоряженіе сдѣлано.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ».

VI. Къ путешествію по Россіи государя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, въ 1837 году.

А. Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. Н. Блудова къ Пензенскому гражданскому губернатору А. А. Панчулидзеву, отъ 3 Апрѣля 1837 года:

«Статсъ-секретарь Танѣевъ собщилъ мнѣ, что, по случаю путешествія по Россіи его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ строжайше подтвердить: 1) чтобъ нигдѣ на дорогѣ никто изъ начальниковъ не встрѣчалъ и не сопровождалъ его императорское высочество; 2) чтобъ въ губернскихъ городахъ губернаторы встрѣчали его высочество на приготовленной квартирѣ, представляя рапортъ, какъ подавали его императорскому величеству и сопровождали его высочество, куда повелитъ; 3) чтобъ нигдѣ обѣдовъ для его высочества не давали, а о балахъ испрашивали предварительно согласія его высочества, черезъ генералъ-адъютанта князя Ливена; 4) въ тѣхъ мѣстахъ на дорогѣ, гдѣ находятся достопамятныя заведенія или историческіе предметы любопытства, чтобъ ближайшіе начальники ожидали его высочество и показывали оные. О сей высочайшей волѣ считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству къ точному и непремѣнному оной исполненію. (Подписалъ:) министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Д. Блудовъ. (Скрѣпилъ:) директоръ Оржевскій».

Б. Предписаніе Пензенскаго гражданскаго губернатора Пензенскому полицiймейстеру, отъ 31 Мая 1837 года:

«Изъ домовъ, поименованныхъ въ представленномъ мнѣ вами при рапортѣ, отъ 21 Мая, спискѣ, я назначаю квартиры для лицъ свиты государя наслѣдника цесаревича: въ домѣ дѣйствительной статской совѣтницы Олсуфьевой—лейбъ хирургу Енохину; въ домѣ маіорши Городецкой—полковнику Назимову, подпоручику графу Віельгорскому, прапорщикамъ Паткулю и Адлербергу; въ домѣ маіора Сабурова—генералъ-адъютанту князю Ливену; въ домѣ коллежскаго ассесора Жедринскаго—дѣйствительному статскому совѣтнику Жуковскому; въ домѣ надворнаго совѣтника Загоскина—дѣйствительному статскому совѣтнику Арсеньеву; въ домѣ коллежскаго секретаря Соймонова—фельдъегерямъ свиты его высочества. Генералъ-адъютантъ Кавелинъ и полковникъ Юрьевичъ, по обязанности ихъ службы, будутъ квартировать въ губернаторскомъ домѣ, близъ комнатъ его высочества. Что̀ принадлежитъ до дома дѣйствительной статской совѣтницы Заварицкой, въ немъ будетъ квартира гражданскаго губернатора».

Маршрутъ настоящаго путешествія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича напечатанъ подъ заглавіемъ: „Маршрутъ для его император-

скаго высочества государя наслѣдника цесаревича. Спб. т. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1837 г.“ Изъ этой книжки (всего 27 страницъ), составляющей нынѣ большую библіографическую рѣдкость видно, что первоначально положено было ѣхать въ Шлюссельбургъ, Новую Ладогу, Устюжну, и Вологду, откуда въ Ярославль. Долженъ предупредить тѣхъ, которымъ понадобиться пользоваться этой книжкой, что маршрутъ сей былъ измѣненъ, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о „недобропроѣзжаемости“ дорогъ въ Вологду. Послѣдняя была оставлена. Взяли направленіе на Новгородъ, Тверь Корчеву, Калязинъ, Угличъ, откуда въ Ярославль, Ростовъ и далѣе, по напечатанному маршруту, до Костромы. Изъ Костромы, черезъ Макарьевъ на Унжѣ,—въ Вятку. Далѣе все слѣдовали по означенному маршруту, съ перемѣною лишь времени проѣзда.

VII. Распоряженіе о перевезеніи тѣла Лермонтова изъ Пятигорска въ село Тарханы Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Льва Алѣксѣевича Перовскаго Пензенскому губернатору А. А. Панчулидзеву, отъ 21 Января 1842 года:

«Государь императоръ, снисходя на просьбу помѣщицы Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, изъявилъ высочайшее соизволеніе на перевозъ изъ Пятигорска тѣла умершаго тамъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго года внука ея Михаила Лермонтова, Пензенской губерніи Чембарскаго уѣзда, въ принадлежащее ей село Тарханы, для погребенія на фамильномъ кладбищѣ, съ тѣмъ, чтобы помянутое тѣло закупорено было въ свинцовомъ и засмоленомъ гробѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, употребляемыхъ на сей предметъ. Сдѣлавъ, во исполненіе таковой высочайшей воли, надлежащее распоряженіе и препровождая къ вашему превосходительству конвертъ, для доставленія г. Арсеньевой, я предоставляю вамъ сдѣлать зависящія отъ васъ по означенному предмету распоряженія во ввѣренной вамъ губерніи».

При дѣлѣ слѣдующая росписка Е. А. Арсеньевой:

«1842 года, Февраля 11 дня, конвертъ на имя мое, за № 483, отъ его восокопревосходительства господина министра внутреннихъ дѣлъ, доставленный чрезъ господина Чембарскаго земскаго исправника, получила вдова гвардіи поручица Елисавета Арсеньева».

Александръ Барсуковъ.

КНЯЗЬ А. А. ШАХОВСКОЙ.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы
Сатиры смѣлый властелинъ
Блисталъ Фонъ-Визинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій,
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій пестрый рой.

Пушкинъ.

22 Января 1896 года исполнилось 50 лѣтъ съ кончины князя А. А. Шаховского. Тому, кто не только любитъ родной театръ въ его настоящемъ, но и старается вникнуть въ его прошлыя судьбы, мило и дорого это имя. Возьмите театральную лѣтопись за первую четверть столѣтія, да даже и позднѣе, перелистуйте ее: на каждой страницѣ найдете вы тамъ князя Шаховского. И недаромъ. Съ 1801 года, когда, по собственнымъ словамъ князя, онъ промѣнялъ шпагу на перо и причислился къ театру, онъ сталъ, можно сказать, главной пружиной театральнаго дѣла. Не говоримъ уже о его дѣятельности, какъ драматическаго писателя. Ничего въ театрѣ не обходилось безъ его участія. Новое ли литературное произведеніе, отмѣченное печатью истиннаго дарованія, являлось на театрѣ, князь Шаховской «со слезами восторга на глазахъ» везъ его къ своимъ многочисленнымъ знакомымъ, читалъ, разучивалъ съ актерами и, чуждый писательской зависти, дѣлалъ все для его успѣха. Новый ли сценическій талантъ заблисталъ на нашей сценѣ, его если не выискалъ, то выходилъ, развилъ и наставилъ Шаховской. Новое ли полезное преобразованіе вводилось въ жизнь театра, его, если не придумалъ, то осуществлялъ Шаховской. Онъ засыпалъ съ мыслью о театрѣ и просыпался, чтобы тотчасъ же взяться за перо для сцены или ѣхать въ театръ репетировать новую пьесу. Онъ служилъ и работалъ не для выгодъ, не для

чиновъ и даже не для славы, а потому что это было живѣйшей потребностью его сердца. Сцена была для него жизнью, какъ и онъ самъ былъ душою, оживлявшей все современное ему театральное дѣло. Такое безкорыстное служеніе дѣлу—рѣдкость въ наши дни, и тѣмъ привлекательнѣе вырисовывается теперь передъ нами образъ человѣка, столь беззавѣтно потрудившагося на пользу роднаго искусства.

Князь Шаховской не сразу попалъ на ту чреду, на которой суждено было ему работать. Прямой потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, сынъ камергера при послѣднемъ Польскомъ королѣ Станиславѣ Августѣ, онъ началъ, какъ начинали всѣ дворяне того времени, съ военной службы. Но судьба съ раннихъ лѣтъ лелѣяла врожденную ему страсть къ искусству и словесности. Эта страсть развилась еще въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ, изъ стѣнъ котораго вышелъ въ жизнь цѣлый рядъ знаменитыхъ дѣятелей нашей словесности съ Жуковскимъ и Тургеневыми во главѣ. Она питалась и по выходѣ изъ Пансіона кружкомъ образованныхъ офицеровъ, живо интересовавшихся театромъ, кружкомъ, въ который сразу попалъ Шаховской. Здѣсь читались и обсуживались произведенія Корнеля, Расина, Мольера; здѣсь впервые почувствовалъ Шаховской непреодолимый жаръ творчества и испробовалъ свое перо на комедіи «Женская шутка». Впослѣдствіи онъ сжегъ ее, но разыгранная на Эрмитажномъ театрѣ въ присутствіи императрицы Екатерины II, она доставила ему первые лавры и имѣла важное значеніе въ его жизни, сблизивъ его съ А. Л. Нарышкинымъ, тогдашнимъ властелиномъ театральнаго Петербургскаго міра. Нарышкинъ уговорилъ его посвятить себя театру еще въ 1801 г., а на слѣдующій годъ Шаховской уже получилъ мѣсто начальника репертуарной части. Съ этихъ поръ началось его почти безпрерывное до самой смерти служеніе Русской сценѣ.

Въ началѣ Шаховской былъ ярымъ лже - классикомъ. Буало, Вольтеръ, Корнель и Расинъ были для него альфой и омегой искусства. Шекспира онъ не хотѣлъ и знать, смотря на него сквозь очки Вольтера. Любовь къ произведеніямъ, на которыхъ воспиталась его юность, осталась въ немъ до позднихъ лѣтъ, и еще въ 40-хъ годахъ онъ печатно восхищался Сумароковымъ и Княжнинымъ. Но исключительность его симпатій скоро исчезла. Его «расфранцузили», какъ онъ признавался впослѣдствіи, сами же Французы. Въ 1801 году онъ отправился въ Парижъ набирать актеровъ для Французской Петербургской труппы, и это первое, возложенное на него порученіе, имѣло большое вліяніе на дальнѣйшее образованіе его вкусовъ. Въ Парижѣ попалъ онъ въ общество тогдашнихъ литературныхъ и артистическихъ

знаменитостей—Бартелеми, Дюсиса, Легувэ, Дюваля, Андріё, Пикара, Монвеля, Мегюля и др. и «очажденный на родинѣ ѳиміамомъ, воскуряемымъ всему Французскому», привыкшій думать, что внѣ Парижа «нѣтъ спасенія», съ удивленіемъ увидѣлъ, что «въ самомъ Парижѣ, сохраняя національную гордость, излечились отъ презрѣнія къ чужому творчеству, вникли въ Грековъ, познакомились съ Шекспиромъ, узнали, что Тассова мишура, какъ говоритъ Буало, стоитъ Виргиліева золота, что Нѣмцы уже пробудились отъ тяжелаго сна и что Испанцы не даромъ гордятся своимъ Лопе-де-Вега и Кальдерономъ». Это дало Шаховскому толчокъ къ самообразованію. Онъ погрузился въ чтеніе Греческихъ, Латинскихъ и иныхъ драматическихъ произведеній, почувствовавъ ихъ красоты, воспылалъ желаніемъ «обрусить» все, что́ найдется хорошаго въ чужихъ театрахъ и вернулся изъ Франціи, какъ онъ самъ разсказываетъ, совершенно Русскимъ драматургомъ.

Время, когда князь Шаховской началъ свою дѣятельность, совпало съ послѣдними успѣхами у насъ лже-классицизма. Заимствовавъ много хорошаго отъ своей прежней противницы, сентиментальной драмы, преобразованный и, такъ сказать, очищенный, лжеклассицизмъ готовился тогда вспыхнуть послѣднимъ яркимъ пламенемъ, чтобы окончательно склониться передъ романтической драмой. Представителемъ этого новаго лжеклассицизма былъ въ драматургіи Озеровъ, а въ сценическомъ искусствѣ Яковлевъ. Въ игрѣ Яковлева проблескивали такія мгновенія искренняго чувства и живого увлеченія, что ими, точно молніями, озарялись на далекое разстояніе впередъ будущіе пути Русскаго искусства. Но это были только минутныя откровенія. Они имѣли мало вліянія на общій тонъ игры, который по прежнему отличался трагическими завываніями или сентиментальными воздыханіями. Двинуть манеру сценическаго исполненія впередъ по пути къ естественности представлялось явной необходимостью, и за эту задачу взялся прежде всего Шаховской немедленно по своемъ пріѣздѣ изъ-за границы. Въ основаніе новой школы была имъ положена игра знаменитаго Тальмы, представлявшая тогда послѣднее слово сценическаго искусства. Ее первую задумалъ Шаховской подвергнуть обрусенію, примѣнивъ къ потребностямъ Русской сцены. Но для этого прежде всего надо было образовать новое, молодое поколѣніе актеровъ, и Шаховской съ жаромъ принялся за это дѣло. Театральная школа существовала тогда больше для оперы и балета. Съ Шаховскимъ она оживилась. Явились новыя хозяйственныя улучшенія, новые учители. Но главнымъ наставникомъ, живой школой сценическаго искусства былъ самъ онъ. Не смотря на визгливый его голосъ и картавое произношеніе (онъ не

выговаривалъ ни плавныхъ, ни шипящихъ буквъ), никто, какъ онъ, такъ ясно не понималъ данной ситуаціи, никто такъ вѣрно и хорошо не умѣлъ показать тона, никто, наконецъ, не умѣлъ и такъ угадывать таланты, какъ Шаховской. Лѣтопись Русскаго театра хранитъ на своихъ страницахъ множество тому доказательствъ. Въ 1811 году явился къ Шаховскому молодой человѣкъ, нѣкто Яковъ Григорьевъ. Съ перваго же произнесеннаго имъ монолога, Шаховской, восхищенный его звучнымъ и выразительнымъ голосомъ, предрекъ ему сценическую славу, наставилъ его и, окрестивъ именемъ Брянскаго, выпустилъ на сцену, и Брянскій, одна изъ первыхъ знаменитостей Петербургской сцены, оправдалъ ожиданія своего учителя. Петербуржцамъ еще памятна, конечно, блестящая игра И. И. Сосницкаго, этого Щепкина Петербургской сцены. Всею своею славою онъ обязанъ Шаховскому. Его готовили въ машинисты; но нѣсколько комическихъ интонацій, подмѣченныхъ Шаховскимъ въ его голосѣ, было уже достаточно, чтобы Шаховской предугадалъ его замѣчательный комическій талантъ: онъ выпустилъ его на сцену въ роли повѣсъ и петиметровъ, и Русская сцена обогатилась первокласснымъ дарованіемъ. Еще ярче обнаружилось чутье князя Шаховскаго на судьбѣ Е. П. Боброва, который на своемъ трагическомъ амплуа немилосердно вопилъ и завывалъ на сценѣ, замѣняя криками недостатокъ драматическаго воодушевленія. Когда умеръ первый тогдашій комикъ Рыкаловъ, Шаховской сказалъ Боброву: «Ну, Елисей Петровичъ, теперь по всѣмъ правамъ, слѣдуетъ тебѣ занять Рыкалова мѣсто».—«Помилуйте, князь, да я буду смѣшонъ въ этихъ роляхъ», сказалъ Бобровъ».—«Этого-то мнѣ и надо!» возразилъ князь, и дѣйствительно (говоритъ Араповъ) Шаховской угадалъ въ простой рѣчи Боброва истинный комизмъ: Бобровъ былъ неподражаемымъ комикомъ. Таже самая исторія, что́ съ Бобровымъ, повторилась въ самомъ началѣ дѣятельности Шаховского, въ 1803 году, съ другимъ актеромъ С. Рождественскимъ, который пріѣхалъ изъ Казани на роли любовнико́въ. «Говорятъ (разсказываетъ тотъ же Араповъ), что князь Шаховской подвелъ Рождественскаго къ зеркалу и сказалъ ему: «Посмотрись-ка, любезный! ну, какой ты любовникъ? Развѣ любовники бываютъ съ такими уморительными рожами? Играй-ка братъ, Филатокъ; отвѣчаю тебѣ, что въ нихъ ты будешь безподобенъ». И точно: Рождественскій сталъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ комиковъ.

Этихъ четырехъ именъ было бы достаточно, чтобы Русская сцена осталась навсегда благодарною князю Шаховскому. Но они далеко не исчерпываютъ всего списка дарованій, обязанныхъ своими успѣхами

Шаховскому. Даровитая соперница Семеновой Вальберхова, Е. Я. Воробьева-Сосницкая, Асенкова, Брянская, граціозная, богато одаренная Дюрова, Рамазанова, Ежова, Азаревичева, Монруа, Рыкалова, Строганова, Рамазановъ, Величкинъ, Климовскій, Щениковъ, Борецкій, Шемаевъ и многіе другіе: все это ученики и ученицы Шаховского. Онъ же руководилъ и первыми шагами Семеновой и побѣдившей ее впослѣдствіи Колосовой; не безъ его участія и совѣтовъ обошлось поступленіе на сцену В. А. Каратыгина. Словомъ, почти все что только появилось на Петербургской сценѣ за первыя двадцать пять лѣтъ нашего вѣка, не миновало такъ или иначе школы князя Шаховского. Если онъ не сидѣлъ за новой пьесой, если не присутствовалъ на репетиціи, то уже навѣрное проходилъ съ какимъ нибудь актеромъ его роль, самоотверженно стараясь влить въ него свое собственное пониманіе роли. Даже лѣтомъ дача князя на Гутуевомъ островѣ полнымъ полна была театральныхъ воспитанницъ и воспитанниковъ. Зимою тѣже воспитанницы собирались у него по вечерамъ. Подруга Шаховского, актриса Е. И. Ежова разливала чай, а рядомъ тутъ же шла оживленная бесѣда по вопросамъ искусства, обсуждалась игра актеровъ, достоинства пьесъ, затрогивались и общіе вопросы.

Кромѣ актеровъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Катенинъ, Бестужевъ, Грибоѣдовъ, Жандръ, Лобановъ, Хмѣльницкій и молодой еще тогда Пушкинъ любили заходить къ радушному хозяину. Для учениковъ князя это общество было незамѣнимо. Слушая шедшую вокругъ нихъ литературную бесѣду, они сами мало-по-малу старались подтянуться подъ общій уровень собесѣдниковъ, расширяли незамѣтно свой кругозоръ и пріучались серьезно, какъ на долгъ, смотрѣть на предстоящее имъ служеніе искусству. Это была своеобразная школа вкуса и образованности. Своихъ учениковъ Шаховской не оставлялъ и по выходѣ на сцену, дѣлая все, чтобы облегчить имъ трудные начальные шаги. Ему принадлежитъ оказавшаяся чрезвычайно плодотворною мысль устройства особой молодой труппы, игравшей совершенно отдѣльно отъ основной главной на такъ называемомъ Новомъ театрѣ. Образованіе этой труппы имѣло въ виду оградить новичковъ-актеровъ отъ интригъ старыхъ актеровъ, всегда ревниво оберегающихъ публику отъ новыхъ любимцевъ. На Новомъ театрѣ давалась воспитанникамъ школы полнѣйшая возможность заявить открыто свои дарованія, и актеръ, переходя въ основную труппу уже съ прочно установившейся репутаціей, становился сразу полноправнымъ членомъ. Сцена этого Новаго театра была какъ бы продолженіемъ курса театральной школы, и главнымъ учителемъ здѣсь былъ все тотъ же Шаховской.

Чтобы узнать, какой это былъ неутомимый, самоотверженный энтузіастъ-наставникъ, надо было пойти посмотрѣть на него, когда онъ ставилъ новую свою или чужую пьесу. Мы имѣемъ объ этомъ разсказъ С. Т. Аксакова. «Со стороны (говоритъ онъ) можно было принять его за сумасшедшаго, но, присмотрѣвшись къ нему близко, нельзя было имъ не восхищаться. Весь проникнутый любовью къ искусству, не чувствуя ни жара, ни холода, не видя окружающихъ его людей, ничего не помня, кромѣ репетируемой пьесы, никого не зная, кромѣ представляемаго лица, Шаховской часто былъ великолѣпенъ, не смотря на свою смѣшную, толстую фигуру, свой длинный птичій носъ, визгливый голосъ и картавое произношеніе. По вспыльчивости своей онъ часто выходилъ изъ себя; но бѣшенство его не всегда и не вдругъ обнаруживалось неистовыми криками, воплями или бормотаніемъ никѣмъ не понимаемыхъ словъ; нѣтъ, нерѣдко оно сначала скрывалось подъ напряженнымъ спокойствіемъ, равнодушіемъ, шутками, и потомъ уже слѣдовалъ взрывъ и полное самозабвеніе; въ этихъ-то принужденныхъ шуткахъ подавленнаго бѣшенства Шаховской былъ неподражаемо-забавенъ. Однажды въ Москву пріѣхала изъ Петербурга г-жа Ежова, чтобы сыграть нѣсколько разъ въ пользу Московской дирекціи и потомъ получить бенефисъ, какъ это обыкновенно водилось, да и теперь водится. Въ репертуарѣ г-жи Ежовой, между прочимъ, назначена была небольшая опера Шаховскаго «Любовная почта». Сочинитель ея думалъ, что г-жа Ежова—совершенство въ этой пьесѣ и непремѣнно требовалъ, чтобъ ее сыграли. Актеры подучили свои роли, назначили репетицію, и мы съ Писаревымъ отправились въ театръ вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ. Онъ съ самаго начала былъ уже недоволенъ плохимъ знаніемъ ролей и вялымъ ходомъ репетиціи; она шла на сценѣ Большого театра. Сначала кн. Шаховской нѣсколько разъ вскакивалъ съ своихъ креселъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому актеру или актрисѣ, стараясь ласкою, шуткою и собственнымъ одушевленіемъ оживить, поднять тонъ дѣйствующихъ лицъ; такъ одному говорилъ онъ: «Василій Петловичъ, ты, кажется, усталъ; вѣлно позавтлакалъ, и хочешь уснуть. Вѣдь ты не слыхалъ, что тебѣ сказалъ Θедолъ Антонычъ. Вѣдь онъ тебя обидѣлъ, а ты не селдишься»... Тутъ Шаховской начиналъ повторять прерванную рѣчь изъ роли Василія Петровича, немилосердно коверкая и совершенно перевирая слова собственной своей пьесы. Трудно было удержаться отъ смѣха. Молодая актриса, игравшая роль любовницы, говорила съ спокойнымъ видомъ, какъ показалось кн. Шаховскому, о своемъ весьма затруднительномъ положеніи. Шаховской вспыхнулъ: «дусенька, закричалъ онъ, ну какъ же тебѣ не глѣшно, вѣдь тебѣ совсѣмъ не жаль

человѣка, который тебя такъ любитъ; ты вѣдно забыла о немъ, вѣдь ты подумала, что сказываешь урокъ своей мадамѣ *); а ты вообрази, что это NN.» и онъ назвалъ по имени человѣка, къ которому, какъ думали, была неравнодушна молодая актриса... Тутъ уже никто не могъ удержаться отъ смѣха. Вялое пѣніе хора, тогда какъ онъ долженъ былъ выражать живое и горячее волненіе, окончательно взбѣсило Шаховскаго. Онъ бросился въ толпу хористовъ, передразнивая то того, то другого, называя ихъ блинниками, сапожниками и показывая собственнымъ примѣромъ, какъ надобно пѣть и выражать живое сочувствіе къ тому, что̀ поешь. Это было уже до того смѣшно, что мы съ Писаревымъ уходили хохотать за кулисы. Наконецъ, видя безуспѣшность своихъ стараній, Шаховской присмирѣлъ, впалъ въ нѣмое отчаяніе и уже не говорилъ ни одного слова. Репетиція тянулась, попрежнему, вяло. Игрою Катерины Ивановны Ежовой, кн. Шаховской также былъ недоволенъ и тихо бормоталъ, что не узнаетъ ея. Вдругъ пришла сцена, въ которой Ежова должна была пѣть какую-то длинную арію. Актриса нѣсколько разъ ошибалась. Шаховской, сидя въ креслахъ, только кланялся ей при всякой ошибкѣ; онъ молчалъ, но лицо его выражало такую комическую скорбь, что по-истинѣ было и жалко и смѣшно смотрѣть на него. Хотя г-жа Ежова коротко знала автора по Петербургской сценѣ, привыкла къ его безумнымъ вспышкамъ и, будучи неуступчиваго нрава, никогда ему не покорялась, а напротивъ, заставляла его плясать по своей дудкѣ; но въ Петербургѣ она была дома, какъ будто въ своей семьѣ, здѣсь же совсѣмъ другое дѣло: она сама пріѣхала въ гости въ Москву, и сцена большого Петровскаго театра, полная разнаго народа, казалась ей чужой гостиной. Ежова видимо сконфузилась наружнымъ спокойствіемъ Шаховского, зная, что эта тишина передъ бурей, забыла роль, и когда опять пришлось ей пѣть—запѣла стихи изъ другой оперы... Кн. Шаховской незамѣтно сползъ съ своихъ креселъ, сталъ на колѣни и повалился ей въ ноги. Репетиція остановилась. Шаховской долго не перемѣнялъ своего положенія, бормоча самымъ жалостливымъ, пискливымъ голосомъ: «Господи, за что Ты меня наказуешь! Помилуй меня глѣшнаго! Покорнѣйше благодарю, матушка, Катерина Ивановна»... и вдругъ, вскочивъ съ бѣшенствомъ разъяреннаго тигра, завопилъ дикимъ, нечеловѣческимъ, какимъ-то калибановскимъ голосомъ: «Такъ это свои-то? свои-то?... Сначаля! До завтра, сначаля!»... Это, наконецъ становилось уже не смѣшно. На сценѣ было холодно, всѣ были въ шубахъ, въ шляпахъ или шапкахъ; Шаховской въ одномъ фракѣ и

*) Актриса была изъ театральной школы.

съ открытой головой; лицо его горѣло, слезы и потъ катились по щекамъ, и паръ стоялъ надъ его лысиной. Тогда мы всѣ бросились къ нему, стараясь его успокоить—и какъ легко это было! Въ одну минуту прошло его бѣшенство, онъ просилъ прощенія у всѣхъ и самъ первый смѣялся надъ своими выходками. Никто не сердился, охотно простили авторскую горячность, возобновили репетицію съ начала, и она сошла гораздо лучше. Одна Катерина Ивановна не простила и цѣлый день при насъ язвила своимъ неумолимымъ языкомъ смирнаго уже какъ овечка, жалкаго князя Шаховского».

Таковъ былъ этотъ человѣкъ. Горячая и пылкая душа, до самозабвенія отдавался онъ своему дѣлу и, если когда нибудь, запутавшись не надолго въ водоворотъ театральныхъ интригъ, въ раздраженіи онъ позволялъ себѣ несправедливости, то эта ничтожная капля дурного совершенно терялась въ громадныхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ нашей сценѣ. Неблагодарное сценическое искусство не оставило наглядныхъ памятниковъ труда учениковъ князя, но повѣримъ словамъ его современниковъ: они всѣ въ одинъ голосъ говорятъ намъ, какъ много содѣйствовалъ Шаховской водворенію на нашей сценѣ живой, человѣческой, безыскусственной рѣчи.

Но это только одна сторона дѣятельности князя Шаховского. Онъ былъ еще и замѣчательнымъ писателемъ. Когда Шаховской выступилъ на поприще драматургіи, наша сцена была въ полнѣйшемъ запустѣніи. Изъ старыхъ пьесъ для новаго репертуара можно было выбрать немногимъ болѣе десятка. Остальное—и даже такія бойкія и яркія произведенія, какъ комедіи Сумарокова—выглядѣли на сценѣ уже какимъ-то анахронизмомъ: такъ далеко впередъ шагнула Русская жизнь. Новые интересы занимали общество, новыя явленія и сюжеты выступали наружу, а разрабатывать ихъ было некому. Шаховской явился во время. Онъ одинъ взялъ себѣ на плечи тяжелое бремя драматическаго писателя, четверть вѣка несъ его и вынесъ съ честью, работая за семерыхъ. Его драматическую дѣятельность безъ преувеличенія можно назвать изумительной. Вотъ нѣсколько цыфръ. За 1818 годъ имъ было написано, разучено и поставлено на сцену 4 пьесы; въ 1819—4; въ 1820—6; въ 1821—8; въ 1822—5; въ 1823—5; въ 1824—7; въ 1825—4. За 8 лѣтъ 43 пьесы! Словомъ болѣе ста однихъ только драматическихъ произведеній числится въ его литературномъ формулярѣ. Это не шутка. Много душевной энергіи, много гибкости таланта, разностороннихъ способностей и недюжинныхъ познаній надо было имѣть, чтобы вывести на сцену этотъ «пестрый рой» комедій, драмъ, водевилей, изъ которыхъ далеко не одна пьеса имѣла серьозный и

заслуженный успѣхъ. Князь Шаховской былъ единственнымъ въ своемъ родѣ членомъ репертуарной части. Онъ не только наблюдалъ за репертуаромъ: онъ самъ его создавалъ.

Многія изъ этихъ пьесъ были случайными созданіями минуты, но въ общемъ, въ основаніи всей писательской дѣятельности Шаховского лежитъ глубокая и важная мысль о созданіи Русскаго, своенароднаго театра. Князь искренно вѣрилъ въ самобытность своей родины, и въ этомъ отношеніи его можно назвать однимъ изъ важнѣйшихъ предвѣстниковъ позднѣйшаго славянофильства. «Россія—писалъ онъ въ своемъ «Обзорѣ Русской Драматической Словесности—родилась, окрестилась, возмужала, образовалась и просвѣтилась подъ вліяніемъ Восточной Имперіи. Она, существуя отдѣльно отъ Западной Европы, до низверженія Татарскаго ига, и поынѣ еще въ народномъ быту и свойствахъ характера сохранила сіе отличіе. Это давнишнее и неистребимое *свое*, болѣе или менѣе сохраняемое въ каждомъ Русскомъ и едва замѣтное въ высшемъ обществѣ, причиною ложныхъ толковъ и превратныхъ понятій о Россіи западныхъ Европейцевъ, которые судятъ ее по общимъ всѣмъ имъ и совершенно чуждымъ для насъ понятіямъ. Образованіе Латинской Европы, составившейся изъ смѣси Римскихъ учрежденій и вторгшихся со всѣхъ сторонъ варварскихъ обычаевъ, заставляетъ ихъ искать того же въ Россіи и перетолковывать собственное наше по своему. Они видятъ въ нашихъ княжескихъ удѣлахъ свое феодальство, въ нашемъ нынѣшнемъ дворянствѣ крестовое рыцарство, въ нашемъ народѣ Татарское отродіе, и вообще въ нашемъ государствѣ не Восточную Имперію, а Восточное Азіатство, и во всемъ этомъ обманываются! Даже нѣкоторые изъ ихъ Русскихъ воспитанниковъ, глядя на свое отечество въ чужіе очки иностранныхъ учителей, а на чужія земли глазами, привыкшими къ Русскому быту, не понимаютъ ни того, ни другаго и часто кажутся Русскими внѣ Россіи и иностранцами въ Россіи». Глубоко увѣренный въ томъ, что въ этихъ «чужихъ очкахъ» весь вредъ, Шаховской призывалъ къ изученію Русской народной старины, указывая на примѣръ Нѣмцевъ, которые, «образумясь отъ Французскаго умонаптія, углубились въ Германскую старину и стряхнули съ себя иго чужеѕемства». Въ этомъ изученіи онъ видѣлъ наилучшій источникъ «своетворчества», залогъ созданія театра «по духу и толку Русскому».

Но одно дѣло—вѣрно понимать задачи искусства, а другое—осуществлять ихъ на дѣлѣ. Шаховской кидался во всѣ стороны. За сюжетами для своихъ драмъ, водевилей, оперъ, трагедій и комедій обошелъ онъ, по выраженію одного изъ своихъ литературныхъ против-

никовъ, весь міръ, былъ и въ древней Греціи, и въ новой Франціи, бралъ сюжеты изъ Библіи, исторіи, сказокъ, передѣлывалъ въ драмы романы Вальтеръ-Скотта,—словомъ все, чтó ни находилъ хорошаго въ чужихъ земляхъ, все это онъ старался «обрусить», т. е. усвоить Русской сценѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ наблюдать Русскую жизнь и въ своихъ комедіяхъ «Полубарскія затѣи», «Пустодомы», «Своя семья», «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», «Ссора или два сосѣда», «Встрѣча незваныхъ» и др. вывелъ Русское общество во всѣхъ его слояхъ, начиная съ простого крестьянства и кончая высшими сферами. Не довольствуясь личными наблюденіями, онъ переносилъ на сцену и чужія, передѣлывая въ драмы напримѣръ романы Загоскина. Во всемъ этомъ множествѣ разнообразныхъ произведеній слышится всюду явное желаніе удовлетворить требованіямъ своеземности. Но не удивимся, если требованія эти оказались далеко невыполненными Шаховскимъ. Для созданія Русскаго народнаго театра очевидно не приспѣло еще время. Трудно было писателямъ нашимъ, съ малолѣтства оторваннымъ отъ народа сразу стать на точку зрѣнія народа, проникнуться его складомъ мыслей и заговорить его языкомъ. Къ тому же Шаховской далеко не обладалъ дарованіемъ Островскаго. Это былъ просто умный и наблюдательный писатель съ несомнѣнною жилкою комизма, но не яркаго и сильнаго, а скорѣе легкаго и веселаго. Самая наблюдательность его не проникала глубоко въ суть предмета, скользя больше по поверхности и отмѣчая не столько самое зло, сколько его внѣшнія проявленія. Съ нимъ случилось поэтому то же, что и съ Озеровымъ. Воспитанный въ благоговѣніи передъ Французской драматургіей, онъ никогда не былъ въ силахъ сбросить съ себя ея вериги, хотя и рвался изъ нихъ всею силою своего Русскаго чувства. Народность его далеко не чистой пробы. Вотъ напримѣръ первая сцена одной изъ его драмъ «Соколъ князя Ярослава Тверского», начинающейся хоромъ крестьянъ, которые убираютъ сѣно:

Не вздымайся, Волга матушка,
Не шумите вѣтры буйные;
Погоди ты осень темная;
Дай работушки окончить намъ.
Какъ придетъ зима съ морозами,
Какъ настанутъ вьюги снѣжныя,
Чтобъ могли мы безкручинные
Прокормить себя и малыхъ чадъ.

Наташа. Спасибо, добрые люди, за вашу пѣсенку и за помощь вашему старостѣ, отцу моему; вы ужъ устали и пѣть и работать, такъ я вамъ спою новую пѣсенку про нашего Великаго Князя Ярослава Ярославовича, ее сложили у насъ въ Твери, и Чешко меня вчера ей обучилъ.

Крестьяне. Спой, красная дѣвица, а мы послушаемъ: какъ-то подъ пѣсню и работа скорѣй идетъ.

Наташа. Ну такъ слушайте-жъ:

Отъ чего ты развеселося
Солнце красное въ золотыхъ лучахъ?
Отъ чего ты разыгралася,
Радость свѣтлая въ ретивыхъ сердцахъ?
Ахъ, какой же намъ больше радости!
Съ славной вѣстью прибѣжалъ гонецъ,
Что Тверской соколъ, въ юной младости,
Старыхъ коршуновъ истребилъ въ конецъ.
За Ижорою нашъ Великій Князь
Съ Тверичанами на зарѣ чуть свѣтъ,
Удалымъ конемъ въ кровяную грязь
Притопталъ враговъ что и счета нѣтъ.
Сила Чудская, рать несмѣтная,
Надъ Пеголою вся костьми легла.
Честь Тверичанамъ многолѣтная,
Князю-жъ храброму безъ конца хвала!

Въ этихъ строкахъ больше старанія поддѣлаться подъ народный тонъ, чѣмъ истинной народности. Шаховской видимо преклоняется предъ народомъ, а слѣдовательно смотритъ на него извнѣ. Это невольно чувствуется и придаетъ его «народнымъ» сочиненіямъ оттѣнокъ нѣсколько слащаваго умиленія и лживой сентиментальности. Но желаніе быть народнымъ несомнѣнно, и въ этомъ заслуга Шаховскаго, какъ писателя. Ему никто не откажетъ въ горячей любви къ Русской славѣ и тамъ, гдѣ ему приходится ея касаться, онъ полонъ искренняго глубокаго чувства и заразительно дѣйствующаго воодушевленія. Недаромъ въ оффиціальныхъ учебникахъ онъ слыветъ первымъ Русскимъ народнымъ водевилистомъ. Онъ первый, кажется, создалъ у насъ историческій водевиль, и его пьесы «Ломоносовъ» и «Волковъ», вмѣстѣ съ прологомъ въ честь Дмитревскаго, представляютъ въ общемъ прекрасную хвалебную пѣснь Русскому искусству. Особенно же замѣчательна комедія его «Встрѣча незваныхъ»—отголосокъ событій 12-го года. Шаховской, патріотъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, при первомъ же извѣстіи о нашествіи Наполеона, не задумываясь покинулъ свой любимый театръ и сталъ въ ряды защитниковъ своей родины. «Встрѣча незваныхъ» — плодъ его военныхъ наблюденій и вмѣстѣ съ тѣмъ прославленіе Русскаго патріотическаго чувства. Тутъ Шаховской глубоко затрогивалъ сердца своихъ зрителей, и театральная зала неизмѣнно разражалась восторженнымъ громомъ рукоплесканій, когда со сцены раздавались памятныя слова Шаховскаго:

Не указъ намъ чужеземный край,
Намъ не то отцы заповѣдали!

Повторять эту задушевную свою мысль для Шаховскаго было истиннымъ наслажденіемъ. Съ другой стороны онъ не упускалъ случая жестоко осмѣивать все то, чтó, по его мнѣнію, было противно Русскому духу. Литературныя симпатіи влекли его къ Шишкову, и онъ явился однимъ изъ самыхъ передовыхъ застрѣльщиковъ Бесѣды Любителей Россійскаго Слова тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ его распоряженіи находилась самая популярная изъ аудиторій — сцена. Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности въ 1805 году выступилъ онъ противъ крайностей тогдашняго сентиментализма въ комедіи «Новый Стернъ», осмѣявъ сентименталистовъ въ лицѣ Пронскаго, томно распѣвающаго романсъ:

Натура мнѣ сама сказала,
Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ.
Она любить мнѣ приказала.
Она, малиновка—любовь!
Змѣитесь, рѣки; вѣтры, дуйте!
Шепчи любовь, младой зефиръ!
Вы нѣжны голубки, воркуйте!
Ты, соловей, плѣняй весь міръ!
Натура, я тебѣ подобенъ;
Я вольно чувствовать хочу.
Какъ скромный кроликъ, я незлобенъ
И вслѣдъ любви вездѣ лечу.

Въ этомъ усмотрѣли выходку противъ Карамзина, и на автора «Новаго Стерна» посыпались эпиграммы. Но онъ, нимало не смущаясь, продолжалъ пѣть свою пѣсенку. Когда же въ 1815 году въ комедіи «Липецкія воды» въ лицѣ балладника Фіалкина явился намекъ на Жуковскаго, надъ Шаховскимъ разразилась цѣлая гроза: комедія его вызвала образованіе знаменитаго Арзамаса, въ которомъ всячески потѣшались надъ бѣднымъ княземъ. Особенно отличался язвительностью князь Вяземскій, съ которымъ, по словамъ, Жуковскаго, издали глядѣвшаго, какъ ломались изъ-за него копья, «сдѣлался поносъ эпиграммами». Вяземскій сплелъ цѣлый поэтическій вѣнокъ Шутовскому, какъ онъ называлъ Шаховскаго. Но это, какъ водится, только помогло извѣстности «Липецкихъ водъ». Теперь мы смѣемся надъ «топталищемъ» и «мокроступами» Шишкова, но не менѣе смѣшны слезистыя и расплавчатыя воздыханія князя Шаликова и ему подобныхъ послѣдователей Карамзина. Шаховской былъ правъ, осмѣивая ихъ. Во всякомъ случаѣ его «колкія» комедіи внесли необыкновенное оживленіе на нашу сцену, доселѣ почти вовсе оторванную отъ общаго

теченія современной жизни. Правда, Шаховской заходилъ недалеко, касаясь только однихъ литературныхъ вопросовъ; но вѣдь литература была тогда почти единственнымъ выраженіемъ общественной жизни и, перенеся литературную борьбу на сценическую арену, князь будилъ такимъ образомъ общественные интересы.

Но и это еще не все: Шаховской явился однимъ изъ образователей нашего комическаго стихотворнаго языка. Мы восхищаемся теперь легкостью и подвижностью Грибоѣдовской рѣчи, а между тѣмъ и не подозрѣваемъ, что она бы не достигла такого совершенства, еслибъ не цѣлый рядъ второстепенныхъ дарованій, разработавшихъ и усовершенствовавшихъ раньше нашъ языкъ. Среди нихъ Шаховской занимаетъ первое мѣсто. Если бы издать его комедіи въ хронологическомъ порядкѣ, получилась бы живая исторія развитія нашего разговорнаго сценическаго языка, и мы увидѣли бы, какъ рѣчь наша, сперва неувѣренная и тяжеловатая, постепенно стала пріобрѣтать легкость и подвижность, пока, наконецъ, въ 1823 году не вылилась въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ монологъ Аристофана въ комедіи того же названія, гдѣ, можетъ быть, выразилось присущее и Шаховскому, какъ всякому писателю, затаенное желаніе его жить въ памяти потомства:

Нѣтъ! Мало мнѣ Немейскаго вѣнца,
Хочу безсмертія, его душою жажду;
Пусть отъ философовъ и отъ Клеоновъ стражду,
Пусть нищаго суму въ чужой землѣ ношу,
Пусть съ голоду умру; но живъ останусь славой,
И комики другихъ народовъ и вѣковъ
Почерпнутъ изъ моихъ стиховъ
Умѣнье чудное—полезнымъ быть забавой.

Увы! Прошло всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, и пестрый рой колкихъ комедій Шаховскаго разлетѣлся и забытъ. Иныя изъ нихъ, не будучи никогда напечатаны, пропали безслѣдно, другія гніютъ на полкахъ театральныхъ архивовъ и составляютъ большую книжную рѣдкость. Но будемъ надѣяться, что теперь, когда сочиненія князя становятся общественнымъ достояніемъ, обстоятельства измѣнятся. Петербургскій театръ уже отпраздновалъ торжественно юбилей Шаховского. Теперь очередь за нашими издателями. Они должны собрать наиболѣе важныя изъ произведеній князя и воскресить намъ такимъ образомъ память замѣчательнаго писателя. Тогда яснѣе раскроются важныя заслуги, оказанныя имъ Русской словесности, а пока еще разъ благодарность писателю, сохранявшему въ теченіе всей своей жизни глубокую вѣру въ живучую силу Русскаго народа, мечтавшему и ста-

равшемуся о созданіи Русскаго народнаго театра, слава человѣку, явившему поучительный примѣръ беззавѣтнаго служенія дѣлу, слава князю А. А. Шаховскому!

А. Сиротининъ.

РУССКАЯ ДУМКА*).

Стихотвореніе князя А. А. Шаховскаго.

То не взмахомъ крылъ надъ проточиной
Лебедь бѣлая отряхается;
Не черемушки гибкой маковкой
Перелетный вѣтръ потѣшается;
То не парусы струга легкаго
На сѣдыхъ волнахъ колыхаются:

А въ цвѣтистомъ саду,
На пахучемъ лугу,
Красны дѣвушки
На качелюшкахъ
Потѣшаются.
Кудри шелковы
Съ бѣлоснѣжныхъ плечъ
Развѣваются.
Ткани тонкія
Бѣлымъ парусомъ
Привздымаются;
Чуть прозрачный кровъ
Съ персей пышущихъ
Порывается.
Взоры ясные
Яркой молніей
Блещутъ радостно.
Надъ качелями
Быстрометными
Хохотъ слышится.

*

---

*) Написана въ альбомъ Екатерины Михайловны Щербининой, въ Іюнѣ 1848 года.

И примерклые
Очи старые
Рѣзвой младостью
Прояснилися.

*

Ахъ, зачѣмъ же вы, быстрометныя,
Точно крылышки поднебесныхъ птицъ,
Подстрѣленныя, опустилися.
Какъ черемушки вѣтви гибкія
Проливнымъ дождемъ приклонилися!
Будто парусы струга легкаго
Межъ сѣдыхъ валовъ въ воду канули!

*

Ахъ, въ цвѣтистомъ саду,
На пахучемъ лугу,
Красны дѣвушки
На качелюшкахъ
Не качаются!
Кудри шелковы
Съ бѣлоснѣжныхъ плечъ
Не свѣваются!
Ткани тонкія
Бѣлымъ парусомъ
Не вздымаются!
Чуть прозрачный кровъ
Съ персей пышущихъ
Не срывается!
Взоры свѣтлые
Яркой молніей
Не блестятъ въ очахъ!
Пташки райскія
Разлетѣлися,
Красны дѣвицы
Разбѣжалися.

*

Мнѣ на старости,
Неключимому,
Не осталось чѣмъ
Вспомнить молодость.

Ахъ, куда же вы подѣвалися,
Миловидныя, ненаглядныя?
Ужъ не слышны мнѣ ваши говоры,
Не живятъ меня ваши хо̀хоты.
Вотъ одна изъ васъ, что̀ ни милая,
На качели, вся, будто нехо̀тя,
Опустилася съ края лѣтнаго.

*

Не палитъ она
Краснымъ солнышкомъ,
А блеститъ душа
Блѣднымъ мѣсяцомъ.
Ножки быстрыя
На доскѣ лежатъ
Будто вѣточки
Подкошонныя.
Ручки нѣжныя
Захватилися
За качельныя
Двѣ веревочки;
А головушка,
Точно маковъ цвѣтъ,
Отъ жаровъ большихъ
Опускаяся,
Тѣнь набросила
На высоку грудь
Лебединую.

*

Отчего же ты
Пригорюнилась?
Кто, сердечная,
Пригрустилъ тебя?

(*Сообщено Андреемъ Михаиловичемъ Щербининымъ*).

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЧИНОВНИКА СТАРАГО ВРЕМЕНИ

(Петра Ивановича Голубева *).

Однажды, въ Августѣ 1819 года (въ началѣ котораго утвердили меня старшимъ помощникомъ столоначальника съ новою прибавкою 150 р. въ годъ), сидѣлъ я съ однимъ изъ моихъ товарищей, Николаемъ Тимофеевичемъ Савельевымъ, въ саду Зиновьева, гдѣ также въ праздники была военная и его домашняя, инструментальная музыка. Скажу съ прискорбнымъ воспоминаніемъ, что этотъ Савельевъ, умершій, къ величайшему моему сожалѣнію въ самыхъ раннихъ лѣтахъ жизни, былъ очень хорошо образованный (въ Коммерческомъ Училищѣ) молодой человѣкъ. Мы съ нимъ дѣлились и мнѣніями, и сердечными тайнами; слѣдовательно онъ хорошо зналъ о моей страстишкѣ и былъ увѣренъ, что она своевременно увѣнчается успѣхомъ.

Слушая въ тотъ разъ музыку и смотря на проходившихъ красавицъ, мы говорили о томъ - о семъ, и вдругъ Николай Тимофеевичъ завелъ со мною слѣдующій разговоръ:

Слышалъ ли ты, что твоя Лизавета Николаевна выходитъ замужъ?

— Неужели!!

— Да.

— За кого?

— За профессора Царскосельскаго Лицея; имени не знаю.

— Отъ кого ты это узналъ?

— Отъ родственницы ихъ Х-вой; но смотри, вотъ и она идетъ съ женихомъ.

Въ самомъ дѣлѣ прелестная Елисавета Николаевна, разодѣтая, блистательная, подъ руку съ женихомъ и въ сопровожденіи сестеръ и родителей, прошла, не взглянувъ на насъ. Я чуть не заплакалъ отъ горя, но съ большимъ усиліемъ скрылъ это, обративъ разговоръ на музыку и роскошную жизнь Зиновьева.

---

*) См. Выше стр. 418.

Научась многими опытами покоряться судьбѣ, я счелъ мои надежды невозвратно разрушенными и утѣшался мыслію, что не закрытъ же для меня Божій міръ и что я могу найти себѣ подругу жизни не подъ вліяніемъ страсти, но по указанію разума и приличія.

Вскорѣ мысль моя остановилась на одной, очень умной и пріятной въ обращеніи дѣвицѣ, Агаѳьѣ Андреевнѣ Желѣзновой, которая принадлежала къ довольно большему семейству, родственному съ моимъ дядею, Семеномъ Ивановичемъ Сысоевымъ, роднымъ братомъ моей матери, о которомъ я говорилъ въ началѣ моихъ мемуаровъ. Не смотря на желаніе мое показать семейству К-ныхъ, что я не очень тоскую, потерявъ надежду соединиться съ ихъ дочерью, мнѣ было еще рано жениться: ибо, не строя воздушныхъ замковъ, я былъ только что въ состояніи порядочно одѣваться и существовать лишь съ матерью; но молодость на это не обращаетъ должнаго вниманія, а при томъ ни мать, ни дядя не взяли на себя труда сообразить, что мои средства очень еще недостаточны для содержанія жены, которая въ дѣвицахъ не знала ни въ чемъ нужды и наслаждалась совершеннымъ счастіемъ. Напротивъ, дядя мой взялъ на себя охотно должность свата и тотчасъ же написалъ письмо къ старшему брату Агаѳьи Андреевны, прося для меня ея руки. Этотъ братъ, именно Ефимъ Андреевичъ Желѣзновъ, былъ почетнымъ чиновникомъ въ Государственномъ Контролѣ; у него находились въ разсмотрѣніи долговыя претензіи на казнѣ разныхъ поставщиковъ провіанта, фуража и прочихъ потребностей для войскъ нашихъ во время Отечественной войны. Отвѣтъ г. Желѣзнова на письмо моего дяди былъ для меня вполнѣ благопріятенъ. Пошли объясненія и хлопоты о приданомъ; но со стороны моей не было никакихъ корыстныхъ требованій, отчего дѣло пошло безъ препятствій.

Въ первый разъ я встрѣтилъ Агаѳью Андреевну, какъ невѣсту, 26-го Августа 1819 года на имянинахъ Натальи Ивановны, сестры Семена Ивановича, у котораго собралось въ этотъ день все семейство Желѣзновыхъ. Я привѣтствовалъ невѣсту свою не безъ смущенія, какъ проситель строгаго судью; а она, какъ свѣтская барышня, сохраняя невозмутимое спокойствіе, вела себя съ удивительнымъ тактомъ, не измѣняя своему, всегда веселому нраву и чрезвычайно пріятному со всѣми обращенію. Особенно эту дѣвицу украшали, кромѣ прекрасной наружности, замѣчательно мелодическій голосъ и всегда умная, складная рѣчь.

Въ нашемъ 3-мъ столѣ служилъ одинъ бѣдный чиновникъ, г. Разводный, который нанималъ недорогую квартиру въ домѣ матери моей невѣсты и, по расположенію своему ко мнѣ, принялъ на себя должность ея courrier d'amour. Онъ, сверхъ ожиданія моего, принесъ

мнѣ отъ нея письмо, въ которомъ она съ нѣжностію благодаритъ меня, что я избралъ ее подругою своей жизни, и писала, что съ той минуты, когда Провидѣнію угодно будетъ соединить насъ, она употребитъ всѣ способности свои, чтобы содѣйствовать моему счастію и пр.

Я немедленно отвѣчалъ ей такими же нѣжностями. Сочиненіе подобныхъ писемъ меня нисколько не затрудняло, такъ какъ готовыя фразы накопились у меня въ изобиліи отъ чтенія романовъ. Корреспонденція наша съ 1-го Сентября 1819 продолжалась до 6 Января 1820 года, дня нашего обрученія. Этимъ днемъ я ускорилъ, по желанію Агафьи Андреевны, такъ какъ она въ послѣднихъ двухъ письмахъ умоляла меня поспѣшить днемъ нашего соединенія.

Если сказать правду, то при всемъ отличномъ уваженіи къ уму и талантамъ моей невѣсты, я не питалъ къ ней ни малѣйшей страсти, и всѣ ея превосходныя качества никогда не изгладили бы въ моемъ сердцѣ впечатлѣній первой любви.

Въ назначенный день нашего обрученія престарѣлый мой дѣдъ Иванъ Мартемьяновичъ Сысоевъ благословилъ меня *), и мы съ моей матерью и всѣмъ семействомъ Сысоевыхъ поѣхали въ Измайловскій полкъ, гдѣ находился домъ Желѣзновыхъ. Экипажи наши въѣхали во дворъ, гдѣ погрузились въ глубокій снѣгъ по ступицу. Старушки наши объявили это дурною примѣтой.

Въ комнатахъ ожидали насъ священный причетъ и родственники невѣсты; тотчасъ же начался обрядъ обрученія, и потомъ мать и братъ невѣсты, Ефимъ Андреевичъ, благословили насъ образомъ, хлѣбомъ и солью. Это однако не былъ установленный церковью предъ самымъ вѣнчаніемъ обрядъ обрученія, но какъ бы предуготовленіе къ нему; впрочемъ священникъ благословилъ наши кольцы, и мы обмѣнялись ими по его благословенію.

8-го Января отправился я одинъ, безъ ассистентовъ, навѣстить свою невѣсту съ пріятными мечтами, что она, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, будетъ говорить со мною тѣмъ же самымъ очаровательнымъ языкомъ и слогомъ, какимъ она писала ко мнѣ свои восторженныя письма; не тутъ-то было. Меня всрѣтили двѣ старшія ея сестры довольно сухо и объявили, что Агафья Андреевна по нездоровью видѣться со мною не можетъ. Старушка, мать невѣсты, также

*) Благословилъ чудотворнымъ образомъ Спасителя. Образъ этотъ очень давняго письма; вѣнецъ на немъ изъ серебра, на сдѣланіе котораго, какъ мнѣ разсказывала мать, употреблено 30 старинныхъ серебряныхъ рублей. Чеканка его очень своеобразна и принадлежитъ давно прошедшему времени. Этою иконою благословила мать мою ея *крестная* и заповѣдала хранить это сокровище болѣе жизни; это же самое заповѣдаю и я сыну и внукамъ, если они будутъ, съ тѣмъ чтобы, при смерти послѣдняго изъ нихъ, отдать этотъ образъ въ какую нибудь небогатую церковь.

не вышла ко мнѣ, и я, просидѣвъ у нихъ часовъ до 10-ти вечера, отправился домой на Петербургскую Сторону, по образу пѣшаго хожденія, такъ какъ, при моихъ не слишкомъ широкихъ средствахъ, особой суммы на разъѣзды не полагалось. Будь я нѣсколько поопытнѣе, мнѣ надобно было бы тотчасъ же уйти, но все къ лучшему: я заставилъ этихъ госпожъ смотрѣть на себя цѣлый вечеръ, какъ на Каменнаго Гостя и безпрестанно затрудняться, какъ и что̀ со мною говорить.

12-го Января эта комедія разыгралась безсовѣстнымъ письмомъ ко мнѣ Ефима Андреевича, съ возвращеніемъ обручальнаго кольца и моихъ писемъ, исполненныхъ занятыми изъ романовъ нѣжностями.

Этотъ господинъ писалъ мнѣ, что онъ съ нѣкотораго времени замѣтилъ, что сестра его постигнута какою-то печалью, что онъ, какъ братъ и другъ, убѣдилъ ее открыться ему и узналъ, что совершенный надъ нами обрядъ обрученія она рѣшилась допустить не отъ сердечнаго ко мнѣ расположенія, но единственно по принужденію матери и сестеръ своихъ; что бракъ нашъ совершиться не можетъ, и что наконецъ онъ, возвращая мнѣ кольцо и письма, проситъ прислать, для передачи сестрѣ, ея кольцо съ письмами.

Кольцо я тотчасъ же послалъ съ г. Разводнымъ, а о письмахъ отвѣчалъ, что оставляю ихъ для памяти на будущее время: мнѣ хотѣлось попугать Желѣзновыхъ, что я могу передать эти нѣжныя посланія вновь завербованному жениху Агафьи Андреевны.

Потомъ дѣло объяснилось такъ.

У Ефима Андреевича былъ другой братъ, Яковъ. Онъ, окончивъ воспитаніе въ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, выпущенъ былъ въ артиллерію, прослужилъ не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ въ арміи, вышелъ по нездоровью въ гражданскую службу и, съ протекціею старшаго братца, нашелъ себѣ теплое мѣстечко по провіантскому вѣдомству. Какъ умный человѣкъ, онъ не гнался на службѣ за суетными отличіями, но старался пріобрѣсти что нибудь болѣе существенное для жизни строгою экономіею и любовію къ порядку. Въ гражданской службѣ находился онъ тоже недолго, но успѣшно: въ непродолжительномъ времени нажилъ небольшой, но изрядный каменный домикъ и живетъ въ немъ благополучно даже донынѣ. Случилось такъ, что, во время моего сватовства, бывшій командиръ артиллерійской роты, г. Дуссекъ, съ которымъ Яковъ Андреевичъ служилъ и былъ очень друженъ, пріѣхалъ въ Петербуръ и на другой же день послѣ нашего обрученія навѣстилъ Якова Андреевича, который отрекомендовалъ его своимъ роднымъ, какъ друга и благодѣтеля по службѣ. Дуссекъ очаровался моею невѣстою и, недолго раздумывая, какъ человѣкъ военный, попросилъ ея руки.

Для семейства Желѣзновыхъ эта задача была нелегкая: съ одной стороны обѣщаніе, данное предъ Богомъ въ присутствіи Его служителей, но неотразимая бѣдность въ супружествѣ съ мелкимъ чиновникомъ; съ другой мужъ, богатый дворянинъ, артиллерійскій штабъ-офицеръ *), съ которымъ можно было провести всю жизнь припѣваючи.

Старушка, мать Агафьи Андреевны, строго набожная, также старшая сестра, Александра Андреевна боялись страшныхъ послѣдствій гнѣва Божія; но братья побѣдили, и отказъ мнѣ былъ объявленъ.

Я нисколько объ этомъ не печалился; но не понимаю, что̀ заставило Желѣзновыхъ созвать церковный причтъ и поднять со стѣнъ образа̀ при нашемъ обрученіи? Почтеннѣйшему Ефиму Андреевичу вовсе ненужно было расточать въ своемъ отказномъ письмѣ тропы и фигуры, ни созывать священниковъ, а сказать бы мнѣ просто, что обстоятельства неожиданно измѣнились, и что родные, желая счастія сестрѣ, не могутъ исполнить даннаго мнѣ слова. И за чѣмъ было отказъ въ письмѣ наполнять самою отвратительною ложью, что сестра его обручена поневолѣ, тогда какъ эта ложь ясно обнаруживалась собственными ея письмами?

Бракъ Агафьи Андреевны съ г. Дуссекомъ совершился въ началѣ 1820 года. Результаты этого супружества были не очень счастливы. Агафья Андреевна черезъ четыре года овдовѣла; плодами этого брака были сынъ и дочь; первый умеръ 11 лѣтъ, дочь вышла замужъ за подпоручика вѣдомства путей сообщенія Геракова, но умерла въ молодости; мать Желѣзновыхъ скончалась вскорѣ послѣ свадьбы Дуссека. Ефимъ Андреевичъ, по своимъ дѣйствительно отличнымъ способностямъ, безпрестанно возвышался по службѣ и умеръ во время страшной холеры 1831 года; старшая сестра, Александра Андреевна, также скончалась вслѣдъ за матерью, и остались только младшій братъ въ своемъ каменномъ домикѣ, гдѣ живетъ еще и теперь какимъ-то отшельникомъ, да средняя сестра, Клавдія Андреевна, престарѣлая дѣвушка, существующая доходами съ небольшаго деревяннаго дома въ Измайловскомъ полку. Агафья Андреевна жила у зятя, воспитывая внучатъ, оставшихся послѣ ея дочери и тоже умерла отъ какой-то жестокой хронической болѣзни.

Между тѣмъ съ незабвенною для меня Лизаветою Николаевною случились почти такія же обстоятельства, какъ и со мною. Она была также обручена за того господина, котораго я видѣлъ въ саду Зиновьева; но бракъ не состоялся, хотя все было готово для свадьбы, и

*) По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ поступилъ къ бывшему тогда С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графу Милорадовичу въ адъютанты.

женихъ, профессоръ Царскосельскаго Лицея, не щадя ничего, дарилъ милую свою невѣсту дорогими матеріями и дамскими уборами. Вдругъ старичку, отцу Лизаветы Николаевны, Николаю Ивановичу пришла въ нехитрую его голову мысль побывать въ Царскомъ Селѣ и взглянуть на житье-бытье своего будущаго зятя. Онъ пріѣхалъ туда неожиданно, вечеромъ и, покуда о немъ докладывали, вошелъ самъ въ столовую, гдѣ увидѣлъ пріятнѣйшую семейную картину: хозяинъ съ дамою, не первой уже молодости, но еще очень красивою, съ малютками разныхъ возрастовъ сидѣли за чайнымъ столомъ. Профессоръ, не желая лицемѣрить передъ г. Карякинымъ, объявилъ ему чистосердечно, что это его подруга и его родныя дѣти, что обстоятельства не позволяютъ ему жениться на ней, но что онъ, женясь на Лизаветѣ Николаевнѣ, будетъ самымъ вѣрнымъ мужемъ для нея и въ тоже время другомъ госпожи, разливающей чай. Старику, да и всей его семьѣ, штука эта не понравилась, и г.г. Карякины принуждены были начисто отказать г. профессору отъ дому.

Такъ звѣзда моей любви засіяла для меня снова. Но финансовое мое положеніе далеко еще не дошло до такого размѣра, чтобъ я могъ принять на себя обязанности мужа и отца. Надо было работать всѣми силами, чтобы достигнуть возможности осуществить сладостныя мечты о соединеніи съ Лизаветою Николаевною.

Кроткое, благотворное начальство надъ нами Антона Ивановича Миллера оканчивалось: самое названіе *Экспедиція о государственныхъ доходахъ* уничтожалось: она получила, съ ея преобразованіемъ, титулъ Департамента Государственнаго Казначейства. Въ высшихъ чиновничьихъ кружкахъ давно уже поговаривали, что очень странно, между кавалерами (департаментами) видѣть даму (экспедицію). Оба наши старшіе совѣтника, Миллеръ и Розенбергъ, получили генеральскіе чины. Розенбергъ, имѣя въ своемъ распоряженіи части, относившіяся къ составленію государственной росписи и всей временной и постоянной отчетности по Государственному Казначейству, получилъ явное преимущество въ мнѣніи министра, и еще въ началѣ 1820 года не было никакого сомнѣнія, что онъ будетъ директоромъ департамента. Это былъ маленькій, двугорбый человѣкъ, но господинъ чрезвычайно энергическій и въ высшей степени трудолюбивый. Этихъ же качествъ, т. е. расторопности и прилежанія, онъ требовалъ отъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ подчиненныхъ. Чиновники боялись его какъ огня. И точно, подъ его начальствомъ и моя служба обратилась чуть не въ каторгу. Но «*претерпѣвый до конца*, говоритъ Св. Евангеліе, *спасенъ будетъ*».

Г. Миллеръ не забылъ заслугъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ: еще въ 1819 году столоначальника нашего, А. С. Зыбелина,

сдѣлали младшимъ совѣтникомъ; В. Ф. Миронова помѣстили исправляющимъ должность столоначальника, по части Розенберга; изъ старыхъ работниковъ-не бѣлоручекъ, остался въ 3-мъ столѣ одинъ я. Другіе обыватели его были: г.г. Клементьевъ, впослѣдствіи Витебскій гражданскій губернаторъ, Журавлевъ и Кухновъ. Первый изъ остальныхъ боялся чернилъ, потому что можно было замарать ручки, которыя иногда показывались въ аристократическихъ гостиныхъ; а послѣдній г. Кухновъ былъ величайшій комикъ, чтобы не сказать шутъ, и вертѣлся около купцовъ. Они считали его душею веселыхъ компаній и лучшимъ собутыльникомъ. Эти компаніи погубили его въ ранней молодости: онъ спился и умеръ.

Въ 1820 году послѣдовало приказаніе будущаго директора, чтобы всѣ, накопившіяся въ 19-ти столахъ экспедиціи, оконченныя дѣла сданы были немедленно въ архивъ. У всѣхъ столоначальниковъ ихъ было много, и въ нашемъ 3-мъ столѣ цѣлая пропасть (объ ассигнованныхъ на разныя военныя надобности суммахъ, о долгахъ Военнаго и Морскаго Министерствъ и проч.), а работниковъ годныхъ для пересмотра и сдачи этихъ дѣлъ были я и только что вновь поступившіе на службу два канцелярскіе служителя, Терентьевъ и Разводный; но они могли только переписывать.

При всемъ томъ мы сдавали дѣла съ большимъ успѣхомъ. При пересмотрѣ ихъ я между прочимъ нашелъ одно такое страшное дѣло, что не зналъ, какъ и объявить о немъ Александру Семеновичу. Смыслъ этого дѣла былъ вотъ какой. Полковникъ Беттихеръ, сдавая, кажется, бывшій одиннадцатый егерскій полкъ вновь назначенному полковымъ командиромъ полковнику Горихвостову, задолжалъ казнѣ въ полковыя суммы и за неявившіяся вещи 20.000 р. и не могъ ихъ заплатить немедленно. Императоръ Александръ I, во вниманіи къ отличной службѣ Беттихера и примѣрной его храбрости во время Отечественной войны, приказалъ заплатить за него эту сумму въ полкъ изъ Государственнаго Казначейства съ тѣмъ, чтобъ онъ далъ новому полковому командиру на эти 20.000 рублей долгое обязательство, а послѣдній возвратилъ бы ихъ въ Государственное Казначейство. Деньги отпущены были въ военное вѣдомство въ 1818 г., а обязательство доставлено къ намъ въ экспедицію въ 1819 году. Мы должны были препроводить этотъ актъ къ мѣстному начальству той губерніи, въ которой Беттихеръ находился, для своевременнаго взысканія; но этого въ свое время сдѣлано не было, отъ того что на мѣсто Александра Семеновича поступилъ надворный совѣтникъ Куликовъ. Онъ обыкновенно принималъ входящія бумаги; получивъ отношеніе военнаго министра, съ приложеніемъ долговаго обязательства Беттихера, онъ отдалъ его чинов-

нику Терентьеву, для внесенія въ настольный реэстръ, а тотъ аккуратно пришилъ ее къ дѣлу, самое же обязательство, какъ денежный документъ, оставилъ для храненія съ другими такими же бумагами, въ особомъ сундукѣ, за которымъ, по введенному издавна порядку, наблюдалъ правитель канцеляріи Рыбаковъ. Видя, что казенныя деньги, за непредъявленіемъ долговаго акта въ свое время ко взысканію, могли пропасть, и не зная, что̀ съ этимъ дѣлать, я положилъ это, назначенное къ сдачѣ въ архивъ, дѣло на разсмотрѣніе Александра Семеновича Зыбелина *). Этотъ добрый человѣкъ былъ впрочемъ пребольшой трусъ. Прочтя дѣло, онъ захворалъ отъ мысли, что его, какъ бывшаго производителя, могутъ за упущеніе заставить внести эту сумму въ казну. Однако все это окончилось жестокою головомойкой новому нашему столоначальнику Алексѣю Семеновичу Куликову: его обвиняли за то, что онъ не позаботился дать этому взысканію своевременно ходъ, о взысканіи же денегъ съ Беттихера поднесли графу Гурьеву, нашему министру, отношеніе къ губернатору; онъ подписалъ, и бѣда наша закрылась навсегда листочкомъ бумаги, т. е. этимъ отношеніемъ министра къ губернатору, а еслибъ министръ обратилъ на это вниманіе, то вышло бы очень плохо, даже для самого старшаго совѣтника Миллера.

Алексѣй Семеновичъ Куликовъ былъ учителемъ дѣтей г. Миллера, и понятно, что при своихъ педагогическихъ занятіяхъ, только числился на службѣ, не имѣя возможности заниматься дѣлопроизводствомъ, при всемъ желаніи быть полезнымъ чиновникомъ. Объ этомъ добрѣйшемъ и очень хорошо образованномъ человѣкѣ я всегда вспоминаю съ чувствомъ глубокой признательности и не могу не сказать о его благодѣтельномъ вліяніи на судьбу мою. Поступивъ къ намъ въ столъ, онъ началъ убѣдительно внушать мнѣ, чтобъ я старался, по его собственному примѣру, учиться и выдержать университетскій экзаменъ, установленный для полученія правъ на производство въ чины коллежскихъ ассесоровъ и статскихъ совѣтниковъ, чтобы не лишаться преимуществъ по службѣ, безъ чего, при тогдашнемъ состояніи нашего законодательства, надо было остаться вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ.

Я представлялъ г. Куликову неимѣніе средствъ платить руководителямъ при изученіи математики, назначенной въ программѣ чиновническаго экзамена, и еще болѣе какого либо иностраннаго языка, такъ какъ нужно было знать Французскій или Нѣмецкій языкъ. Але-

*) Онъ, до открытія департамента, оставленъ былъ для наблюденія за дѣйствіями третьяго стола.

ксѣй Семеновичъ далъ мнѣ слово руководствовать меня безвозмездно въ послѣднемъ изъ двухъ языковъ; о прочихъ же предметахъ говорилъ, что, читая со вниманіемъ изданныя руководства, можно самоучкой получить достаточныя для экзамена свѣдѣнія, и что нѣтъ такой учебной книги, которую нельзя было бы понимать. Я наконецъ рѣшился послѣдовать его совѣтамъ и сталъ ходить къ нему на Васильевскій островъ. Алексѣй Семеновичъ началъ весьма успѣшно заниматься со мною Нѣмецкимъ языкомъ по методѣ подстрочныхъ переводовъ. Ариѳметику изучалъ я въ свободное отъ службы время безъ руководителя, но по руководству извѣстнаго штыкъ-юнкера Войтяховскаго. Сначала мнѣ было трудно, а потомъ я находилъ даже большое удовольствіе рѣшать разныя практическія задачи и въ родѣ головолома, разгадывать, правила, какъ наприм. составленіе квадратныхъ и кубическихъ корней, дѣйствія надъ десятичными и періодическими дробями, пропорціями и проч., словомъ сказать, мѣсяца въ четыре сдѣлался ариѳметистомъ хоть куда. Этимъ не ограничились благодѣянія, оказанныя мнѣ Алексѣемъ Семеновичемъ: онъ уступилъ мнѣ, въ 1820 году, свое мѣсто учителя Русскаго языка, чистописанія и ариѳметики у дѣтей дѣйствительной статской совѣтницы Олсуфьевой, чрезъ что мой доходъ увеличился на 25 рубл. ассигн. въ мѣсяцъ. Я принялъ эту кондицію вскорѣ за своимъ непредвидѣннымъ разводомъ съ Агафьею Андреевною.

Къ этому же періоду времени считаю не лишнимъ припомнить слѣдующій случай.

Въ Рождество Христово 25 Декабря 1820 я видѣлъ во-очію страшное подтвержденіе пословицъ Русскихъ: «Не ищи двора—ищи сосѣда» и «Смерть не за горами, а за плечами». Поутру въ этотъ день отправился я къ своему командиру А. С. Зыбелину съ поздравленіемъ. Онъ жилъ въ Ямской, въ такъ называемой мѣстности близъ *Глазова кабака*. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій Александръ Семеновичъ подвелъ меня къ окну и спросилъ: чтó вы видите на другой (городской сторонѣ) Лиговки?—Отвѣчаю, совершенно пустое, незастроенное мѣсто.—А знаете ли? Еще вчера на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ довольно-большой деревянный домъ, и отъ него остались, какъ видите, лишь нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ досокъ и кирпичей.—Позвольте, говорю, узнать, что же это случилось.—Я и самъ хорошенько не знаю, да и узнать не отъ кого, потому что всѣ жильцы этого дома отправились туда, откуда никто не возвращается; но говорятъ, что жилъ тутъ въ подвальномъ этажѣ сапожникъ, который, кромѣ своего ремесла и пьянственнаго художества, занимался еще промысломъ: продавалъ тайкомъ чухонцамъ порохъ, котораго держалъ у себя порядочное количество.

Учительскія мои занятія едва не окончились бѣдою. Передъ новымъ 1821 годомъ гувернантка дѣтей г-жи Олсуфьевой, старушка мадамъ Брюненксъ, объявила мнѣ, что барыня-маменька была бы очень довольна, если бы дѣти могли поднести ей писанныя собственными ихъ руками поздравленія съ Новымъ годомъ; я тотчасъ же началъ заниматься этимъ съ троими дѣтьми. Разумѣется, что мнѣ хотѣлось выставить успѣхи своихъ учениковъ и доказать, что они порядочно пишутъ и усвоили нѣкоторыя правила Русскаго языка. За этой работой просидѣлъ я съ ними съ 6 до 12 часовъ ночи, 31 Декабря 1820 года. Безопасный путь мой отъ Исакіевскаго собора, гдѣ жила г-жа Олсуфьева, на Петербургскую Сторону лежалъ чрезъ Исакіевскій мостъ, а ближайшій—отъ Стрѣлки, чрезъ Неву, къ Мытному *). Избравъ дорогу ближайшую, я сошелъ съ дворцоваго спуска на Неву, и едва успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ, точно изъ подъ снѣга, явилась передо мной какая-то нечесаная, небритая, страшная фигура во фризовой шинелѣ, подпоясанная веревкою, въ полуразорванной фуражкѣ съ ужасными изъ образцовъ Сальватора Розы чертами лица, какое-то невысокое, но широкоплечее чудовище, вскормленное для кнута; хриплымъ своимъ басомъ въ полголоса оно обратилось ко мнѣ словами: «хозяинъ, нѣтъ ли у тебя табачку?» Въ тоже время этотъ ужасный человѣкъ пронзительно свиснулъ, и вдалекѣ отвѣчали ему тѣмъ же. Я очень струсилъ, но не совсѣмъ потерялъ присутствіе духа, открылъ ему табакерку и, едва онъ взялъ своими грязными пальцами напойку табаку, я побѣжалъ, какъ олень, къ спуску Васильевскаго острова у Академіи Наукъ. Меня не преслѣдовали, а проводили ругательствами, которыя повторяло на Невѣ эхо. Гимнастическія упражненія, съ ранней еще молодости, сдѣлали меня чрезвычайно легкимъ на бѣгу, и немногіе изъ моихъ товарищей могли состязаться со мною въ бѣганіи.

Это дѣло, при нерѣшительности или чрезмѣрномъ испугѣ, могло бы кончиться очень худо. Бѣжать было не первою моей мыслію; сперва хотѣлъ было я бросить разбойнику въ глаза табаку, но мнѣ показалось, что въ случаѣ промаха, я бы далъ ему поводъ ударить меня и сбить съ ногъ; тогда бы его товарищъ, по данному сигналу, прибѣжалъ на помощь, разумѣется, не мнѣ, а разбойнику; если бы они меня не убили, то обобрали бы до чиста, и я, отъ невольнаго дезабилье, могъ простудиться на смерть. Моментъ для нападенія на меня злодѣи выбрали удачно: тогда военные часовые на постàхъ кричали

*) Такъ въ мое время называлась одна мѣстность Петербургской Стороны между крѣпостью и Никольскимъ соборомъ, чтó на берегу р. Ждановки.

изо всей силы *слушай*! Мой отъ природы не слишкомъ сильный голосъ о помощи былъ бы конечно заглушенъ криками часовыхъ. Не смотря на порядочный тогда морозъ, я возвратился домой весь въ поту, въ два часа ночи.

Съ наступленіемъ 1821 года у насъ опять началась усиленная работа. Оконченныя дѣла мы успѣли сдать въ архивъ, а какъ по учрежденію департамента многія продолжавшіяся дѣла въ бывшемъ третьемъ столѣ экспедиціи должны были перейти, для дальнѣйшаго производства, въ разныя отдѣленія новаго департамента: то пересмотръ ихъ и приготовленіе къ передачѣ надобно было сдѣлать со всею строгою аккуратностію, такъ какъ въ случаѣ безпорядковъ объ этомъ доведено было бы до свѣдѣнія директора, и тогда прощай всякая надежда моя пріобрѣсти его благосклонность. Я старался даже, чтобы отпуски бумагъ были по возможности чисто переписаны; чтобы сдѣланы были, куда слѣдуетъ, повторенія разныхъ требованій, и чтобы наконецъ не могло встрѣтиться никакого непріятнаго замѣчанія о какой либо неисправности. Все это, съ помощію Божіею, окончилось благополучно.

Итакъ штатъ Департамента Государственнаго Казначейства высочайше утвержденъ въ Лайбахѣ 2 Февраля, а открытіе послѣдовало 1-го Іюля 1821 года, торжественнымъ молебномъ, въ присутствіи великолѣпнаго министра, графа Дмитрія Александровича Гурьева и всѣхъ чиновниковъ департамента. По окончаніи молебна, графъ, въ сопровожденіи директора И. И. Розенберга и вице-директора А. И. Миллера, обошелъ всѣ комнаты, отдѣланныя передъ тѣмъ довольно красиво. Каждый начальникъ отдѣленія стоялъ у своихъ креселъ, и каждаго изъ нихъ графъ Димитрій Александровичъ привѣтствовалъ какимъ нибудь благосклоннымъ словомъ, въ родѣ фразы: «*Я надѣюсь, что вы усердіемъ своимъ не оставите оправдать довѣренность къ вамъ начальства*» или «*г. директоръ сдѣлалъ мнѣ о васъ очень лестные отзывы, прошу заслуживать вниманіе начальства и на будущее время*».

Чрезвычайно красивое лицо министра (хотя человѣка уже далеко не первой молодости) его орденскія украшенія, съ цѣпью Св. Андрея Первозваннаго, облитый золотымъ шитьемъ мундиръ, изящныя манеры аристократа и величественный видъ государственнаго сановника составили для всѣхъ присутствовавшихъ пріятнѣйшее зрѣлище, возмущенное только однимъ страннымъ случаемъ. Бывшему нашимъ, третьяго стола, начальникомъ сатирическому поэту и фабулисту Александру Ефимовичу Измайлову вздумалось явиться на этомъ торжествѣ не въ мундирѣ, какъ прочіе, а въ черномъ фракѣ и китайчатыхъ панталонахъ; графъ подошелъ къ Измайлову, но не сказалъ ему ни

слова, а обратясь къ директору, спросилъ: какое это отдѣленіе, и тотчасъ же оборотясь къ А. Е. спиною, пошелъ далѣе. Кажется, къ этой странной сценѣ были поводомъ одни, впрочемъ болѣе обидные, нежели остроумные на счетъ министра, стихи Измайлова. Въ слѣдующій за тѣмъ день начались занятія департамента по учрежденію.

Въ видѣ особаго дополненія рѣшаюсь присовокупить къ написанному выше нѣсколько страничекъ изъ воспоминаній о 1812 годѣ и особенно о министрѣ графѣ Гурьевѣ.

Въ самомъ началѣ моей дѣйствительной службы наступилъ тяжкій, страшный, славный для Россіи 1812 годъ. Не мнѣ описывать событія того времени; довольно будетъ для меня сказать, чтó я видѣлъ или прочувствовалъ самъ. Еще въ первые мѣсяцы того года дѣлà въ третьемъ столѣ, гдѣ служилъ я писцомъ, чрезвычайно увеличились по множеству военныхъ пріуготовительныхъ расходовъ. По вторженіи непріятелей дѣлà умножились чрезвычайно: при быстромъ движеніи Наполеоновскихъ полчищъ, 16 губерній прекратили высылку суммъ въ главныя (тогда С.-Петербургскія для штатныхъ и остаточныхъ суммъ) казначейства; требовались каждый день милліоны для непредвидѣнныхъ военныхъ надобностей, наличныя деньги отправлялись губернаторами изъ одной губерніи въ другую, чтобъ не достались военнымъ грабителямъ; толпы несчастныхъ жителей бѣжали передъ массами враговъ, требуя отъ своего правительства пристанища и хлѣба; надобно было вооружать народъ, такъ какъ числительная сила Русскихъ далеко не равнялась арміямъ Наполеона. Россія молилаcь, вооружалась, но не упадала духомъ. Молодые люди, не только безъ принужденія, но съ охотою, даже съ радостію, бѣжали толпами въ учрежденные по разнымъ главнымъ городамъ комитеты опредѣляться въ губернскія ополченія. Изъ нашей экспедиціи о государственныхъ доходахъ многіе богатые дворяне и чиновники немедленно стали подъ знамена Петербургскихъ дружинъ ополченія, и многіе изъ нихъ отдали жизнь свою *за вѣру и царя* (это была чеканная надпись на фуражкахъ ополченныхъ воиновъ). Одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ, Смоленскій дворянинъ Петръ Александровичъ Воиновъ лишился обѣихъ ногъ при штурмѣ Полоцка. Медики дѣлали ему ампутацію; во время невыносимыхъ страданій онъ не стоналъ и, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ при томъ, считалъ въ продолженіе операціи бой часовъ на башнѣ Полоцкой Римско-Католической Академіи, но въ туже ночь его не стало. Вообще чиновники всѣхъ вѣдомствъ ни въ храбрости, ни въ перенесеніи военныхъ трудностей не отстали отъ опытныхъ офицеровъ и воиновъ арміи.

Никто не щадилъ крови своей за отечество, но деньгами жертвовали скупо: вся сумма пожертвованій не превышала 20 мил. ассигнац.; да сверхъ того принесено въ даръ правительству множество старыхъ, заржавѣлыхъ сабель и никуда негодныхъ ружей.

Чтò касается до самаго меня, то и на мою долю упала искорка патріотизма; но я не могъ еще распоряжаться собою, чтобы вступить въ дружины ополченія, бывъ не болѣе 16 лѣтъ и не имѣя ни одной лишней копѣйки для денежнаго пожертвованія. Мнѣ оставалось трудиться, сколько могъ, въ нашей экспедиціи. Послѣ взятія Французами Смоленска, въ Августѣ, общая печаль обнаружилась ясно. Въ Сентябрѣ всѣ государственныя сокровища, воспитательныя заведенія и дѣла разныхъ присутственныхъ мѣстъ удалялись въ мѣста безопасныя отъ вторженія непріятелей. Я не надѣялся спастись отъ военныхъ бѣдствій, крайне жалѣя, что не вступилъ въ ополченіе, и что можетъ быть въ послѣдствіи долженъ буду стать конскриптомъ подъ Французскія знамена. Участвуя тогда въ хорѣ пѣвчихъ при церкви Матвѣя Апостола, я бывалъ въ церкви этой каждый праздникъ и каждое Воскресенье на крилосѣ. Тамъ замѣтилъ постоянную печаль мою дьячекъ Ефимъ Яковлевъ и однажды спросилъ меня о моемъ горѣ. Я отвѣчалъ, что боюсь попасть къ Французамъ въ солдаты, такъ какъ мало надежды избавиться отъ ихъ погрома и плѣна. Этотъ простой, неученый, но добрый человѣкъ утѣшалъ меня, какъ могъ, напоминая библейскія слова: Возверзи печаль твою на Господа; сіи на колесницахъ и сіи на конѣхъ, мы же имя Господа нашего призовемъ; тіи спяти быша и падоша, мы же возстахомъ и исправихомся. Тіи внидутъ въ преисподняя земли, предадятся въ руки оружія, части лисовомъ будутъ; царь же возвеселится о Бозѣ. Неужели, продолжалъ онъ, милосердый и человѣколюбивый Богъ не внемлетъ моленій нашихъ? Посмотрите на народъ. Когда батюшка читаетъ молитву съ колѣнопреклоненіемъ о помощи противу враговъ, какъ всѣ прихожане отъ мала до велика со слезами умоляютъ Господа и Пречистую Матерь Его Присно-Дѣву о помиловaніи насъ грѣшныхъ, и молитва эта будетъ услышана. Съ нами Богъ, никтоже на ны! Нечестивая Бонопартова сила пропадетъ, и богомерзкое царство его рушится. Видѣхъ нечестиваго высящася, яко кедры Ливанскіе; мимо идохъ, и се не бѣ; взыскахъ, и не обрѣтеся мѣсто его.

Эти слова глубоко врѣзались въ душу мою, и я не терялъ надежды на Провидѣніе даже и послѣ занятія Французами Москвы. Наконецъ Петербургъ просвѣтлѣлъ; побѣды графа Витгенштейна съ одной стороны и счастливыя извѣстія изъ большой дѣйствовавшей арміи перемѣнили общую печаль на радость. Такъ въ Октябрѣ полу-

чено было здѣсь отъ главнокомандовавшаго донесеніе о сраженіи при Тарутинѣ. Донесеніе это начиналось словами: Великъ Богъ силъ! Побѣда, всемилостивѣйшій Государь! Я поздравилъ съ этою радостью моего утѣшителя, Ефима Яковлевича, съ которымъ всегда бесѣдовалъ въ церкви во время чтенія часовъ, когда его должность занимали охотники изъ прихожанъ. На мое поздравленіе онъ сказалъ: подождите, не то еще будетъ..... Не понимаю, какъ проникло въ эту нехитрую голову почти пророческое предвѣдѣніе!

Послѣ того побѣды одна за другою вѣнчали Русское оружіе при проводахъ Наполеона до границы. Петербургъ безпрестанно оглашался торжественными выстрѣлами съ Петербургской крѣпости, и Тебе Бога хвалимъ не умолкало.

Между тѣмъ работы экспедиціи нашей увеличивались съ каждымъ днемъ. Если война въ самомъ началѣ своемъ возбудила громадные расходы, то естественно. продолженіе ея превзошло всѣ средства, предоставленныя министру финансовъ. Продовольствіе и снабженіе сотенъ тысячъ военноплѣнныхъ, призрѣніе людей, удалившихся изъ мѣстъ, занятыхъ непріятелемъ, заготовленіе теплой одежды и обуви для нашихъ войскъ, при жестокихъ морозахъ во время преслѣдованія Французовъ, необходимость сожженія человѣческихъ и конскихъ труповъ, которыми завалены были дороги отъ Москвы до границы, во избѣжаніе заразительныхъ болѣзней, потребовали большихъ суммъ на такія надобности, которыхъ не только нельзя было предвидѣть, но и трудно вообразить.

Съ наступленіемъ 1813 года императоръ Александръ I пожаловалъ въ ссуду жителямъ: Смоленской губерніи 6 мил., Московской 15 мил. и сверхъ того повелѣвъ учредить въ Москвѣ Строительную Коммиссію, пожаловалъ на дѣйствія ея 5 мил. рублей. При переходѣ Русскихъ войскъ за границу жалованье имъ стали производить по заграничному положенію, т. е. въ четверо и не однѣми ассигнаціями, а преимущественно звонкою монетою. Денежныя затрудненія усилились подлостію Наполеона I-го, наводнившаго наши губерніи сотнями милліоновъ Русскихъ ассигнацій его поддѣлки.

Министру финансовъ оставалось въ подобномъ кризисѣ избрать изъ многихъ золъ меньшее, и онъ поставленъ былъ въ необходимость покрывать, по крайней мѣрѣ, внутренніе чрезвычайные расходы выпускомъ государственныхъ ассигнацій. Мѣра плачевная, но тогда единственная и неизбѣжная, такъ какъ въ противномъ случаѣ надо было бы вовсе оставить начатое великое дѣло спасенія Россіи и Европы. Одна изъ труднѣйшихъ финансовыхъ задачъ того времени состояла въ пріисканіи средствъ къ снабженію нашихъ заграничныхъ

армій звонкою монетою. Для этого, по распоряженію бывшаго тогда министромъ Гурьева (въ послѣдствіи графа), открыты были во многихъ губерніяхъ вымѣны золота и серебра на ассигнаціи, конечно съ предоставленіемъ нѣкоторой выгоды продавцамъ монетъ къ ущербу казны, но какъ *нужда деньгу родитъ* (по Русской пословицѣ), открытъ на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ пріемъ металловъ отъ вольноприносителей также съ платою за золото и серебро ассигнаціями. Въ Пруссіи учреждены банковыя промѣнныя конторы, которыхъ главная цѣль была принимать отъ военнослужащихъ часть ихъ содержанія ассигнаціями для пересылки семействамъ ихъ въ Россію, чрезъ что открылась возможность на выполненіе значительной части военныхъ расходовъ также банковыми ассигнаціями, тогда какъ безъ того трудно и даже невозможно было бы водворить обращеніе сихъ послѣднихъ въ Нѣмецкихъ земляхъ.

Какъ бы то ни было, но честь нашему Русскому министру, что онъ со славою вышелъ изъ величайшихъ финансовыхъ затрудненій. Странно однакоже, что этого господина всѣ вообще сословія не любили, чтобы не сказать ненавидѣли. Онъ подписывался на бумагахъ Д. Гурьевъ; надъ нимъ смѣялись, перемѣняя первую букву имени ругательно.

Эта незаслуженная ненависть возникла еще до войны съ Наполеономъ. При Гурьевѣ остановлены были платежи долговъ военно-сухопутнаго и морскаго департаментовъ за разныя поставки въ казну, и лишь незначительныя суммы разрѣшаемы были къ выдачѣ разнымъ небогатымъ поставщикамъ, а удовлетвореніе прочихъ кредиторовъ отложено было на неопредѣленное время, и ихъ претензіи вносимы были, впредъ до возможности уплатъ, въ такъ называвшуюся тогда *долговую вѣдомость*. Потомъ Дмитрій Александровичъ не слишкомъ-то милостиво поступалъ съ должниками казны: онъ круто взыскивалъ съ нихъ казенныя недоимки, не обращая вниманія на вопли ихъ, что казна сама не платитъ имъ огромныя суммы по *долговой вѣдомости*. Вельможи не долюбливали Дмитрія Александровича за чрезвычайную скупость въ распоряженіяхъ государственными суммами. Къ величайшей досадѣ ихъ, императоръ Александръ 1-й, зная тягостное положеніе финансовъ, далъ Гурьеву огромную власть, и онъ, какъ видно было изъ текущей переписки, не входилъ въ споры съ другими министрами и не тратилъ тропъ и фигуръ на доказательства о невозможности возложить на Государственное Казначейство какой либо иногда затѣйливый расходъ, а останавливалъ его однимъ своимъ могучимъ словомъ: *не могу*; жаловались на него Государю, но безуспѣшно. Такъ послѣ войны 1812 года, по милосердію Государя, учреждена была, подъ предсѣдательствомъ

извѣстнаго поэта, бывшаго предъ тѣмъ министромъ юстиціи, И. И. Дмитріева особая коммиссія для единовременныхъ, безвозвратныхъ пособій бѣднѣйшимъ жителямъ Московской столицы. Предположено было, по просьбамъ бѣдныхъ, составлять списки, съ назначеніемъ каждому изъ нихъ выдачи по усмотрѣнію коммиссіи. Списки эти препровождались при именныхъ высочайшихъ указахъ къ министру финансовъ съ повелѣніемъ выдать исчисленныя по нимъ суммы. Такихъ высочайшихъ именныхъ указовъ получено было Гурьевымъ всего 27, и требовалось по нимъ денегъ около 3½ милліоновъ; по нѣкоторымъ спискамъ онъ выдалъ до 300 т. р., а всѣ прочіе, болѣе 20, остались безъ всякаго исполненія. Дмитріевъ жаловался, и Государь приказалъ Гурьеву немедленно донести, на какомъ основаніи эти указы остались безъ исполненія. Нашъ Дмитрій Александровичъ, въ докладной запискѣ Его Величеству съ одной стороны сослался на финансовыя немощи, а съ другой доказалъ какъ 2×2=4, что назначенныя коммиссіею пособія до того мелочны, что никакого никому существеннаго пособія доставить не могутъ (10, 15, 25, 50 и изрѣдка до 100 р.), а между тѣмъ, составляя въ сложности 3½ мил., крайне обременили бы казну при неотложномъ выполненіи другихъ расходовъ. Дѣло это высочайше повелѣно оставить безъ послѣдствій.

Слава Русскаго оружія досталась не даромъ: войны Екатерины II, Павла I-го и Александра по 1808 годъ истощали финансовыя средства, и уже встрѣчены были крайнія затрудненія покрыть роспись обыкновенныхъ расходовъ на 1810 годъ. Чтобы разсуждать о положеніи финансовъ государства и достоинствѣ распоряжающагося ума министра, нужно очень много практики, познаній теоретическихъ, а ихъ въ то время въ наличности не имѣлось, такъ какъ и черезъ 25 лѣтъ послѣ того явился прискорбный, но совершенно правдивый стихъ Пушкина о нашемъ просвѣщеніи:

„Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь“.

Представители нашего, въ то время, средняго общества, подобно всѣмъ другимъ странамъ, болѣе всѣхъ другихъ сословій судили и осуждали государственныхъ людей, вовсе не зная истиннаго положенія дѣлъ. Впрочемъ, не смотря на ихъ сужденія, правительство не считало нужнымъ толковать съ тогдашними умниками о своихъ нуждахъ и предположеніяхъ; имъ оставалась полная свобода врать въ продолженіе питія 2, 3, иногда и полудюжины пуншей (тогда его пили гомерически), что̀ кому придетъ въ голову вкривь и вкось: вѣдь пьянымъ по колѣно море. Такъ они переименовали самаго дѣятельнаго и благонамѣреннаго министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлева, Цигендриккеромъ. И

вотъ эти-то господа позволили себѣ перемѣнить ругательно первую букву имени Д. А. Гурьева.

Послѣ военной тревоги онъ употребилъ всѣ дарованія свои для приведенія дѣлъ въ возможный порядокъ. Въ 1817 году учреждены: Коммерческій банкъ (и торговля оживилась), Коммиссія погашенія долговъ (и претензіи, записанныя въ тяжкое для казны время въ долговую вѣдомость, внесены въ государственную долговую книгу съ платежемъ казеннымъ кредиторамъ 5 и 6 процентовъ съ 16 Апрѣля 1817 года). Такимъ образомъ графъ Д. А. Гурьевъ былъ первымъ министромъ, который ознакомилъ наше общество съ правильнымъ оборотомъ фондовъ, такъ какъ билеты Коммиссіи погашенія долговъ, приносящіе проценты по желанію своихъ владѣльцовъ, могли всегда обратиться въ наличный капиталъ посредствомъ продажи по биржевому курсу.

Графъ Д. А. Гурьевъ управлялъ Министерствомъ Финансовъ и Удѣловъ, бывъ съ тѣмъ вмѣстѣ и президентомъ Кабинета Его Величества, неся трудности перваго званія съ 1 Января 1810 по 10 Апрѣля 1823 г., когда смѣнилъ его Е. Ф. Канкринъ. Смѣю сказать, что если можно графа Гурьева въ чемъ нибудь упрекнуть, такъ развѣ въ слѣдующемъ случаѣ, допущенномъ вскорѣ послѣ Отечественной войны.

Множество выпущенныхъ въ народное обращеніе ассигнацій не давало графу Гурьеву покоя. Наша 5 рублевая ассигнація стоила тогда только 1 р. 25 к. серебромъ. Каково было тогда людямъ, получавшимъ содержаніе по штатамъ блаженнаго времени, когда на пяти рублевую бумажку можно было купить—что вздумалъ на 5 цѣлковыхъ? А чѣмъ бы можно эту бѣду поправить? Разумѣется, производить содержаніе военнослужащимъ и гражданскимъ чинамъ не бумажками, не 1 р. 25 за 5 на серебро, а 5 за 5; но на это не было средствъ. Однакоже надобно же было сдѣлать что нибудь для возвышенія достоинства упавшихъ бумажекъ. Вотъ нашъ Дмитрій Александровичъ и ухитрился: испросилъ законъ, чтобы отнюдь не принимать въ казну подати звонкою монетою, и не иначе, какъ только собственно однѣми ассигнаціями. Министру казалось, что народъ, нуждаясь въ послѣднихъ для вноса податей, естественно будетъ цѣнить ихъ дороже и что съ тѣмъ вмѣстѣ дороговизна сдѣлается не столь тяжелою. Чтожъ вышло? Всѣ выгоды этой нелѣпой мѣры обратились въ пользу мѣнялъ; явился ажіотажъ: кромѣ высокой цѣны на каждый цѣлковый, надо было порядочно приплачивать, покупая бумажки на серебро для вноса податей, а недоимки больше прежняго стали увеличиваться отъ затрудненія получать ассигнаціи.

За всѣмъ тѣмъ поставляю себѣ за честь принадлежать къ небольшему кружку людей, которые чтутъ память графа Гурьева.

Обращаюсь къ обстоятельствамъ моей службы съ открытіи департамента Государственнаго Казначейства.

Мы съ Алексѣемъ Семеновичемъ Куликовымъ поступили во 2-е распорядительное отдѣленіе, о производствѣ расходовъ по Министерствамъ Военному, Морскому и Иностранныхъ Дѣлъ. Начальникомъ этого отдѣленія сдѣланъ былъ прежній мой командиръ Александръ Семеновичъ Зыбелинъ. При распредѣленіи комнатъ для отдѣленій случилось досадное обстоятельство. Въ отдѣленіи Зыбелина положено штатомъ два стола: 1-й для Военнаго Министерства и 2-й для Министерствъ Морскаго и Иностранныхъ Дѣлъ; но для помѣщенія этихъ двухъ столовъ досталась по распредѣленію комната, гдѣ они умѣститься не могли, и потому поставили одинъ только столъ, въ которомъ соединили дѣла всѣхъ трехъ министерствъ. Такимъ образомъ не по дѣлу избрана мѣстность, а по мѣстности принуждены были соединить дѣла въ одномъ столѣ. На мою долю досталось вести счетъ о суммахъ, отпускаемыхъ Военному Министерству по государственнымъ росписямъ.

Розенбергъ не былъ расположенъ ко всѣмъ чиновникамъ, служившимъ въ бывшей экспедиціи по части сотоварища его, Миллера, но въ особенности не любилъ нашего столоначальника Куликова, и вотъ по какому случаю.

Однажды, еще за долго до учрежденія департамента, И. И. Розенбергъ былъ въ гостяхъ у Миллера, и въ это время Куликовъ занимался съ дѣтьми исторіею. Иванъ Ивановичъ Розенбергъ, слыша, что дѣло идетъ о Карлѣ Великомъ, изъявилъ свое мнѣніе, что это былъ очень причудливый государь и приказалъ себя отпѣть заживо, какъ покойника. Куликовъ весьма некстати вздумалъ заспорить и съ усмѣшкою замѣтилъ Ивану Ивановичу, что этотъ отпѣвъ сдѣланъ не надъ 1-мъ, а надъ V Карломъ, и что между царствованіемъ того и другаго прошло болѣе семи столѣтій.

Вскорѣ послѣ открытія департамента, Розенбергъ потребовалъ отъ 2-го распорядительнаго отдѣленія нѣкоторыхъ довольно сложныхъ соображеній по расчету съ Военнымъ Министерствомъ. Мы поторопились и, по новости, представили счетъ не совсѣмъ правильный. Зыбелинъ его докладывалъ, но сбился съ толку. Иванъ Ивановичъ потребовалъ меня съ генеральнымъ счетомъ или меморіаломъ объ ассигновкахъ Военному Министерству суммъ; началъ спрашивать, сколько, откуда и по чьимъ требованіямъ отпущено, сколько все это составило на извѣстный годовой срокъ и сколько затѣмъ осталось восполнить суммъ на слѣдующіе затѣмъ сроки. Къ великому моему счастію, я не

сбился въ отвѣтахъ; онъ заставлялъ меня складывать на костяныхъ счетахъ разные итоги, я положилъ ихъ вѣрно; и съ тѣхъ поръ, по расчетамъ съ Военнымъ Министерствомъ, онъ имѣлъ уже дѣло всегда съ однимъ мною. Для меня этотъ случай прошелъ, слава Богу, благополучно, а бѣдному Александру Семеновичу за меня порядочно досталось. Розенбергъ обращался къ начальнику отдѣленія съ привѣтствіемъ: «зачѣмъ же врать-то?» И это было при множествѣ свидѣтелей въ огромной залѣ *), гдѣ помѣщалась наша обширная бухгалтерія. Бѣдный Александръ Семеновичъ вполнѣ страдалъ отъ жестокости выговора, но на меня не сердился. Онъ зналъ, что я не отъ нерадѣнія, но по новости не понялъ порядочно приказанія.

Это прошло, но вслѣдъ затѣмъ случилась со мною новая бѣда: я сдѣлалъ капитальную ошибку въ расчетѣ о суммахъ, опредѣленныхъ по росписи 1821 года на содержаніе военно-учебныхъ заведеній. Въ этотъ разъ я былъ спасенъ какимъ-то чудомъ. Еслибы ошибка моя сдѣлалась извѣстною директору, то, при свойственной ему строгости, не удержаться бы мнѣ, не только во 2-мъ распорядительномъ отдѣленіи, но, вѣроятно, меня пригласили бы даже выйти изъ департамента. Ошибка эта составила передачу въ военное вѣдомство сверхъ положенія до 70 т. рублей и оказалась при расчетѣ съ нимъ за Майскую треть 1821 года. Открыта она самимъ мною. Еслибы, оробѣвъ, я объявилъ ее кому нибудь, она надѣлала бы много шуму; но я рѣшился, до поры до времени, помолчать, терпѣлъ нѣсколько дней безсонницу и постъ; во время своихъ безсонныхъ ночей совѣтовался съ подушкою и наконецъ нашелъ средство, при расчетѣ за Сентябрьскую треть 1821 года, поправить этотъ промахъ. Доказавъ въ особо сдѣланномъ примѣчаніи, что эта сумма Военному Министерству не принадлежала, а напротивъ отъ него надобно было получить Государственному Казначейству столько же, т. е. 70 т. рубл. для выдачи ихъ на высочайше предназначенный расходъ, и что слѣдовательно военнымъ департаментамъ отпущено болѣе назначеннаго годоваго размѣра до 140 т. рубл., я удержалъ эту сумму при окончательномъ за 1821 годъ отпускѣ денегъ. Благодаря Провидѣнію, противъ этой статьи никакого спора съ военной стороны не было предъявлено.

Розенбергъ неоднократно приказывалъ мнѣ, мимо начальника отдѣленія, исполнять экстренныя, хотя не весьма важныя бумаги, и постоянно былъ мною доволенъ, напротивъ того оказывалъ обидное невниманіе къ Александру Семеновичу и г. Куликову.

*) Въ этой залѣ въ мое время оставался еще въ правомъ углу входа признакъ небольшой двери, изъ которой бывшій генералъ-прокуроръ князь Вяземскій спускался по лѣстницѣ въ тюрьму тайной экспедиціи, пытать государственныхъ преступниковъ.

Однажды последній, во время болѣзни начальника отдѣленія, представилъ директору проектъ какой-то записки въ Комитетъ Министровъ. Когда Александръ Семеновичъ выздоровѣлъ и явился въ департаментъ, генералъ отдалъ ему черновую записку съ комплементомъ: «*Посмотрите, что это такое вашъ Куликовъ наплелъ?*

И многимъ другимъ чиновникамъ разныхъ частей доставалось не лучше.

Иванъ Ивановичъ не былъ злымъ и недоброжелательнымъ человѣкомъ, но не могъ удерживаться въ законахъ приличія, принимая все слишкомъ горячо къ сердцу. Ему казалось, какъ оно впрочемъ и было въ самомъ дѣлѣ, что чиновники очень избаловались въ экспедиціи подъ начальствомъ К. А. Лубьяновича и Миллера. У перваго, за самую большую по службѣ вину, другаго наказанія не было, какъ разругать въ дребезги крѣпкими Русскими словами. Такъ онъ привѣтствовалъ, между прочими, одного бухгалтера, который представилъ ему какой-то неуклюжій счетъ «*Ахъ ты лабазникъ... такой-сякой*»....

Напротивъ того, нашъ добрѣйшій начальникъ А. И. Миллеръ, имѣя дѣло только съ чиновниками строго испытанными въ знаніи дѣла и вполнѣ благонадежными, не обращалъ на другихъ почти никакого вниманія. Они приходили къ должности, когда хотѣли, и никто съ нихъ не взыскивалъ, такъ что иные цѣлое лѣто проводили на дачахъ, являясь изрѣдка въ экспедицію для того только, чтобы не исключили ихъ изъ росписанія о выдачѣ жалованья.

Отчетность экспедиціи была страшно запущена. Новое учрежденіе застало неоконченнымъ въ 1821 году отчетъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1811 годъ.

По новому штату, изъ 3-хъ бухгалтерскихъ отдѣленій департамента, 1-му предоставлены занятія по составленію государственнаго бюджета, а 2-му и 3-му отчетность, которую принуждены были раздѣлить такъ, чтобы второе отдѣленіе оканчивало замедленную отчетность съ непремѣннымъ условіемъ догнать въ самомъ непродолжительномъ времени 3-е отдѣленіе, на которое возложено начать отчетность за новѣйшее время съ 1819 года, задавшись остаткомъ наличныхъ денегъ, недоимокъ и неисполненныхъ расходовъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Казенными Палатами и прочими обязанными департаменту отчетностью кассовыми мѣстами за 1818 годъ. Такимъ образомъ правильная ревизія губернскихъ счетовъ и общая отчетность Государственнаго Казначейства начались съ 1819 года, не смотря на интервалъ 8-ми лѣтъ.

Это былъ гигантскій трудъ для всѣхъ счетныхъ частей, особенно для контролеровъ, обязанныхъ предварительною повѣркою губернскихъ

вѣдомостей и составленіемъ изъ нихъ по каждой губерніи отдѣльныхъ счетовъ, для внесенія въ общіе генеральные отчеты 2-го и 3-го отдѣленій бухгалтеріи. Само собою разумѣется, что для 2-го отдѣленія нужно было держаться только тѣхъ данныхъ, которыя были представлены Казенными Палатами, не ревизуя правильности ихъ: иначе не было бы никакой возможности согласить цыфры будущаго отчета за 1818 съ отчетомъ 1819 года. На это послѣдовало разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, и съ тѣмъ вмѣстѣ поставлено департаменту въ обязанность за новѣйшее съ 1819 года время включать обороты по строгому предварительному обревизованію губернскихъ счетовъ.

Въ такомъ положеніи очевидно требовались усиленныя занятія по утрамъ и вечерамъ. Этого мало, директоръ приказалъ журналомъ, чтобы всѣ чиновники являлись къ должности не позже 9 часовъ утра, при чемъ объявлено, что приходящіе послѣ этого срока будутъ сочтены не бывшими вовсе; а за небытность у должности, безъ представленія законныхъ причинъ, положено виновныхъ въ томъ исключать изъ департамента. Хожденіе не позже 9 часовъ было обязательно для всѣхъ отдѣленій, отъ столоначальника, бухгалтера и контролера до послѣдняго канцелярскаго служителя. Приходъ чиновниковъ поручено было директоромъ записывать въ особую книгу, веденную помощникомъ экзекутора. Это былъ для всѣхъ насъ очень страшный человѣкъ, нѣкто г. Тушмаловъ, истый Армянинъ, съ огромнымъ смуглымъ лицомъ, неумолимый, точный, какъ стоявшіе возлѣ него часы-регуляторъ, мимо которыхъ нельзя было пройти никому изъ насъ; впрочемъ всякій, прежде нежели возмется за перо, долженъ былъ записаться у Тушмалова. По представленной имъ въ Іюлѣ 1823 года вѣдомости, 29 чиновниковъ исключены за нехожденіе къ должности. Они большею частію были у должностей, но являлись нѣсколькими минутами позже 9-ти часовъ и когда роковая тетрадь Тушмалова заперта уже была въ ящикѣ.

Самъ директоръ пріѣзжалъ въ департаментъ почти всегда въ 8 часовъ, а въ докладные дни даже въ 7. Обыкновенно его встрѣчали экзекуторъ съ помощникомъ, и онъ садился въ углу большой залы, гдѣ помѣщались оба отдѣленія бухгалтеріи, состоявшія изъ 40 или 50 чиновниковъ. Какъ упражненія ихъ директоръ видѣлъ лично самъ, и невозможно было у него на глазахъ сидѣть безъ дѣла, то, при неимѣніи иногда занятій, приходилось иному лицемѣрить и писать сухимъ перомъ, чтобы выиграть доброе о себѣ мнѣніе начальства. По той же самой причинѣ пришлось всѣмъ чиновникамъ бухгалтеріи являться къ должности не къ 9, а къ 8-ми часамъ утра, чему долженъ былъ слѣдовать и я, такъ какъ Иванъ Ивановичъ не рѣдко требовалъ

меня съ военными разсчетами тотчасъ по своемъ пріѣздѣ. Вскорѣ вошло въ общій обычай приходить въ департаментъ всѣмъ вообще къ 8-ми часамъ утра.

Экзекуторъ нашъ, человѣкъ тогда очень пожилой, Иванъ Максимовичъ Чивилевъ *), извѣстный въ свое время почти всему городу, былъ всегда съ директоромъ на дружеской ногѣ; онъ обыкновенно распечатывалъ, въ присутствіи Ивана Ивановича, всѣ конверты и подавалъ ему полученныя бумаги, разсказывая съ разными прибаутками новости по департаменту и казенному дому, гдѣ было много квартиръ для чиновниковъ. Разсказы эти были въ родѣ слѣдующаго.

«Въ нынѣшнюю ночь, ваше превосходительство, я почти не спалъ». Отчего же?—«Да у бухгалтера NN была музыка, вечеринка что-ли, повара готовили, гостей было много; плита горѣла всю ночь—вотъ и думается, погасятъ ли порядочно огонь, вѣдь сохрани Богъ отъ пожара!»—Такъ что же Иванъ Максимовичъ, вы заливали огонь-то?—«Нѣтъ, ваше превосходительство, не заливалъ, а ходилъ все по двору, покуда увидѣлъ, что всѣ огни въ домѣ погашены». Въ самомъ-то дѣлѣ музыка совершалась на какихъ нибудь фортепьянахъ съ акомпаниментомъ на пяти рублевой скрипкѣ какого нибудь любителя чиновника; готовили не повара, а сама хозяйка съ кухаркой; въ гостяхъ же были сослуживцы хозяина съ женами и дочерьми, которые по этой музыкѣ пускались въ плясъ. Эти разсказы имѣли иногда и свои скверныя послѣдствія. Случалось, что при раздѣлѣ остатковъ канцелярской суммы въ пособіе, директоръ надписывалъ противъ иного чиновника, что «*по случаю производства его въ чинъ* (данный не за отличіе, а въ обыкновенный срокъ) *награжденіе ему не назначается*»; а и чинъ-то объявленъ бѣдняку съ годъ тому назадъ. Начальнику же отдѣленія директоръ объявлялъ, что этому чиновнику награжденіе не нужно, такъ какъ онъ и безъ того весело живетъ.

Увѣчный, двугорбый генералъ Иванъ Ивановичъ садился не безъ труда на очень высокій табуретъ, и за всѣмъ тѣмъ изъ за стола видна была только его голова, въ которой, впрочемъ, и была вся его сила. Разъ какъ-то разговоръ о новостяхъ начался съ какого-то кутилы чиновника, о которомъ Иванъ Ивановичъ выразился, что тотъ еще молодъ и можетъ исправиться. Нѣтъ ваше превосходительство, отвѣчалъ Чивелевъ, *справитъ горбатаго могила, а упрямаго дубина.* Правда, Иванъ Максимовичъ, сказалъ Розенбергъ.

Послѣ подобныхъ разговоровъ онъ всегда начиналъ пересматривать вѣдомости Казенныхъ Палатъ и дѣлалъ свои превосходныя при-

*) Отецъ извѣстнаго профессора политической экономіи? П. Б.

мѣчанія, въ видѣ резолюцій, карандашемъ, надъ самыми статьями вѣдомостей: то приказывалъ немедленно писать губернаторамъ объ усиленіи мѣръ ко взысканію недоимокъ, гдѣ онѣ поступали неисправно, то заставлялъ исправлять самыя дѣйствія Палатъ, если находилъ ихъ неправильными, и потомъ разсматривалъ очень большія приложенія къ вѣдомостямъ о суммахъ состоящихъ въ особомъ храненіи, и когда находилъ между ними такія, которыя принадлежали Государственному Казначейству, но безъ достаточной причины показывались въ особомъ храненіи—горе было контролеру, ревизовавшему эти вѣдомости! Директоръ призывалъ его къ отвѣту, и если отвѣтъ былъ не удовлетворителенъ, то дѣлопроизводитель выслушивалъ всегда полновѣсный выговоръ, который пронималъ виноватаго до слезъ, и потому каждый контролеръ, потребованный для подобныхъ объясненій, идучи къ столу *) главнаго нашего начальника, дрожалъ, какъ осиновый листъ; да не меньше робѣли и сами начальники отдѣленій. За то подобною строгостью данъ превосходный ходъ дѣламъ, съ величайшею пользою для службы.

При началѣ дѣйствій по новому учрежденію департамента и Главнаго Казначейства, нужно было устроить дневную кассовую отчетность; это принялъ Иванъ Ивановичъ на себя, такъ какъ никто изъ дѣлопроизводителей не зналъ лучше механизма оборотовъ Государственнаго Казначейства. Съ удивительнымъ терпѣніемъ генералъ нашъ училъ главнаго бухгалтера казначейства Ф. Н. Г-ва, разсказывая чтó и какъ надобно дѣлать. Этотъ старикъ, честный и трудолюбивый, но погрязшій въ рутинѣ, старыхъ, запутанныхъ и безъ надобности слишкомъ подробныхъ счетовъ, не могъ выразумѣть директора. Послѣдній наконецъ потерялъ всякое терпѣніе и сказалъ Ф. Н.: «*Нѣтъ! У тебя на плечахъ не голова, а пустой горшокъ*». Грубо; но Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ не нашего вѣка, и большая часть его службы прошла въ то время, когда считалось ни по чемъ разругать чиновника въ прахъ, и еще непремѣнно самыми крѣпкими Русскими словами, чего однакожъ Иванъ Ивановичъ себѣ не дозволялъ и вообще командиры. Нѣмцы этихъ словъ почти никогда не употребляли, вѣроятно не постигая ихъ благозвучности.

Въ экспедиціи былъ главнымъ бухгалтеромъ, въ качествѣ совѣтника, переименованный при открытіи департамента въ начальники 2-го отдѣленія бухгалтеріи, по отчетамъ за прежнее время П. П. Я. М. Онъ сидѣлъ всегда за однимъ столомъ съ директоромъ. Пересматривая однажды свой ящикъ въ столѣ, П. П. нашелъ какую-то

*) Этотъ столъ чиновники назвали, въ шутку, эшафотомъ.

очень серьезную бумагу, которая требовала немедленнаго исполненія, но при распущенности прежняго патріархальнаго времени осталась безъ всякаго движенія. Онъ обратился къ директору съ усмѣшкою Кандида: *вотъ-де какая случилась вещь.* Тотъ, прочтя, попотчивалъ статскаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера очень пріятнымъ комплиментомъ, сказаннымъ во услышаніе всѣхъ чиновниковъ бухгалтерской залы: *«чего же ты смѣешься, болванъ?* Протеста не было.

Заслужить благоволеніе такого директора было не легко. Во время открытія департамента, я жилъ съ матерью на Петербургской Сторонѣ въ домѣ нашего чиновника, А. Я. Алонина. Оба мы (онъ, хозяинъ, и я, жилецъ) должны были являться къ своимъ мѣстамъ, какъ я уже сказалъ, въ 8 часовъ утра. Пришла осень. Чтобы явиться къ этому сроку отъ извѣстной аллеи Гесслера*), надобно было встать въ 6 и пуститься въ дорогу не позже 7 часовъ. Наступили Сентябрскіе дожди и Октябрьская тьма; пятая Бонапартовская стихія, т. е. грязь, совершенно прекратила нашъ обыкновенный путь: не было никакой возможности отъ дома Алонина дойти до мостовыхъ, и мы должны были около часа тащиться по чужимъ садамъ и огородамъ, выпросивъ на то дозволеніе хозяевъ. По садовымъ дорожкамъ мы, не загрязнившись, добирались до малаго проспекта и, прыгая чрезъ грядки огородовъ, могли выдти тоже нѣсколько почище къ нынѣшнему Каменно-островскому, а тогда Оспенному проспекту; эти переходы дѣлали обыкновенный нашъ путь длиннѣе на 3 версты, и намъ уже надо было вставать не въ 6-ть, а въ 5-ть часовъ утра. По дорогѣ мы встрѣчали только однихъ идущихъ на работу трубочистовъ. Дождь пробивалъ насъ до бѣлья. Мы брали всегда съ собою по другой парѣ сапоговъ, которую и натягивали придя къ должности; галоши ни къ чему не годились и пропадали въ глубокой и вязкой грязи безвозвратно. Постоянныхъ мостовъ чрезъ Неву и Невку тогда не было. Съ наступленіемъ распутицы, странствія наши чрезъ перевозы были убійственны. Придешь, напримѣръ, на плотъ: нѣтъ ни одной лодки, всѣ перевозчики, спасаясь отъ орды чиновниковъ, держались по ту сторону рѣки, откуда идетъ менѣе чиновнаго люда, не платящаго за перевозъ. Въ ожиданіи перевозчика накопится, бывало, на плоту множество подобныхъ намъ ходаковъ, и плотъ, уступая тяжести народа, осядетъ, по крайней мѣрѣ на поларшина, въ воду (вотъ и холодная ножная ванна), а между тѣмъ неумолимый дождь безжалостно поливаетъ сверху; если платье во время служебнаго времени нѣсколько просохнетъ, то, на возвратномъ пути, повторится прежняя исторія и, чтобы обсушиться

*) Эта аллея находится по близости Крестовскаго острова.

къ завтрашнему дню, необходимо было разводить огонь для просушки платья, съ котораго текла вода ручьями, и потомъ употребить еще полчаса, чтобы отколотить и отчистить налипшую на него, до самаго вóрота, грязь.

Конечно я могъ бы избѣжать этихъ бѣдствій, отыскавъ квартиру въ болѣе обитаемыхъ мѣстахъ; но было много причинъ, по которымъ я не могъ этого сдѣлать. Любовь къ Петербургской Сторонѣ для меня была очень естественна: привычка, близость моихъ родныхъ, знакомыхъ и проч., значительная дешевизна квартиръ; въ лучшихъ частяхъ города я могъ жить по моимъ средствамъ развѣ въ какомъ нибудь подвалѣ и дышать отвратительнымъ воздухомъ грязныхъ, вѣчно залитыхъ помоями лѣстницъ, тогда какъ въ невысокихъ деревянныхъ строеніяхъ живется здоровѣе и пріятнѣе. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, у насъ на Петербургской Сторонѣ, на лучшей улицѣ, т. е. по большему проспекту на пространствѣ отъ Тучкова моста до нынѣшняго Каменно-островскаго проспекта, почти на двухъ верстахъ, было каменныхъ домовъ только четыре, за то не было слышно ни о крупѣ, ни о коклюшѣ, ни о скарлатинѣ; при каждомъ почти домикѣ есть садикъ; жизнь патріархальная, безъ претензій на какія нибудь затѣи, гдѣ требуются лишнія деньги. Къ этому надо прибавить, что проливные дожди не каждую же осень терзаютъ жителей Петербургской Стороны.

Наконецъ однако непроходимая грязь принудила меня перемѣнить свое жилище, я переселился по той же самой улицѣ, но ближе къ мостовой, у одного придворнаго псаломщика Гречкина; при немъ было три дочери, онѣ занимались вышиваньемъ, подъ надзоромъ умной и чрезвычайно строгой матери. Поведеніе мое всегда ей нравилось, и она приглашала меня въ праздники на чай. Въ этомъ семействѣ я находилъ пріятнѣйшія минуты. Дѣвицы были воспитаны въ правилахъ религіи, имѣли прекрасныя дарованія отъ природы, и хотя не получили свѣтскаго образованія, но казалось, что были воспитаны для лучшаго общества. Это надо было приписать старанію родителей и полезному въ свободные часы чтенію.

У нихъ была еще четвертая сестра, выданная за пѣвчаго при церкви Великой Княгини Анны Ѳедоровны въ Швейцаріи. Братъ ея мужа служилъ здѣсь бакалавромъ Петербургской Духовной Академіи и по Субботамъ, или наканунѣ праздниковъ, приходя къ Гречкинымъ, оставался до рабочаго дня. Мы съ нимъ легко ознакомились. Этотъ незабвенный для меня человѣкъ какъ будто посланъ былъ ко мнѣ Провидѣніемъ, чтобы выполоть изъ бѣдной души моей плевела подлаго вольнодумства, котораго набрался я отъ безпутнаго чтенія

мнимыхъ философовъ XVIII-го вѣка и въ разговорахъ съ людьми подобными Рудамаеву и нѣкоторымъ его пріятелямъ.

Бакалавръ, самъ того не замѣчая и единственно изъ любви къ предмету, прошелъ со мною курсъ естественнаго и догматическаго богословія, почерпая доводы свои изъ лучшихъ писателей древнихъ и новыхъ. Бесѣду съ нимъ и теперь не промѣнялъ бы я ни на какія свѣтскія удовольствія.

Удивительно, что въ послѣдствіи я старался всячески сойтись съ нимъ опять, но какъ-то не успѣвалъ въ томъ, вѣроятно отъ различія сословій. Онъ вскорѣ послѣ нашихъ пріятныхъ бесѣдъ поступилъ въ священники. То былъ Андрей Ивановичъ Окуневъ, въ послѣдніе годы своего священнослуженія извѣстный настоятель новаго Исакіевскаго собора и членъ состоящей при немъ коммиссіи.

Признаюсь въ своемъ сердечномъ убѣжденіи, что всѣми успѣхами по службѣ и счастіемъ въ жизни я считаю себя обязаннымъ знакомству моему съ Андреемъ Ивановичемъ и его чрезвычайно впечатлительнымъ со мною разговорамъ.

Вспоминая о семействѣ псаломщика Гречкина, нельзя не сказать что нибудь и о немъ самомъ. Это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ, очень замѣчательный. Онъ родился въ Малороссіи и воспитывался для духовнаго званія. Его выбрали было въ придворные пѣвчіе, но въ самомъ дѣлѣ опредѣлили псаломщикомъ. Пріятная наружность, прекрасный теноръ и особенное искусство читать церковно-славянскіе тексты съ неподражаемо пріятнымъ Малороссійскимъ акцентомъ доставили ему рѣдкое счастіе: онъ удостоился вниманія императрицы Екатерины II. Его чтеніе паремій въ одну Великую Субботу въ большой придворной церкви, при полномъ собраніи двора, въ высочайшемъ присутствіи, чрезвычайно понравилось Государынѣ, и она приказала выдать за это Гречкину въ награду 300 рубл. серебр. За Императрицею и фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ удостоилъ взглянуть на превосходнаго чтеца. Оригинальность князя обнаружилась и при этомъ случаѣ своеобразно. Гречкинъ съ дежурства позванъ былъ въ дворцовыя комнаты князя, и между ними произошелъ слѣдующій короткій разговоръ.

«Какъ тебя зовутъ?

«Матвѣй Гречкинъ.

«Ты чубъ?

«Точно такъ, ваша свѣтлость!

«Стало быть не Гречкинъ, а Гречко.

Отвѣта не было.

«А ну пане, дьяче, заспивай мини пять хомъ!

Гречкинъ задумался, но, по счастію вспомнилъ извѣстный стихъ, который поютъ за вечерней въ великій постъ и запѣлъ смѣлымъ и пріятнымъ голосомъ: «Согрѣши*хомъ*, беззаконова*хомъ*, неправдова*хомъ* предъ Тобою; ниже соблюдо*хомъ*, ниже сотвори*хомъ*, якоже заповѣдалъ еси намъ, но не предаждь насъ до конца, отцевъ Боже!»

«Добре, пане дьяче! А ну же, спивай мини наилучшу послѣдню писню!

Гречкинъ снова запѣлъ: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!»

— Ну теперь пошелъ къ моему секретарю Пѣтухову и вели дать себѣ 150 цѣлковыхъ.

На царскій и княжескій подарки Гречкинъ купилъ себѣ на Петербургской Сторонѣ домикъ, въ которомъ и прожилъ до глубокой старости.

Покуда онъ велъ себя порядочно, все это семейство жило счастливо; къ сожалѣнію, въ старости сталъ невоздерженъ и отъ праздности предался пьянству; но въ страшной грязи своего неудержимаго порока онъ еще любилъ хвастать. Иногда, надѣвъ свой богатый съ золотыми кистями и позументами алый кунтушъ, а сверху испачканную фризовую шинель, отправлялся въ кабакъ, вступался въ споры съ разными забулдыгами, и если иногда вострили на него кулаки, то старикъ распахивалъ свою шинель и страшно пугалъ своихъ противниковъ золотымъ своимъ нарядомъ.

Въ этой же широкой улицѣ былъ домъ Рудамаевыхъ, купленный членомъ здѣшней таможни Краснопольскимъ, умершимъ въ 1819 году. Вдова его, со многими дѣтьми, получала пенсію 1000 рубл. ассигнац. и кромѣ того имѣла нѣкоторый капиталъ, такъ что могла существовать весьма прилично. Съ нею вмѣстѣ жилъ отецъ ея, почтеннѣйшій старецъ, инженеръ генералъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Вознов.

Случай познакомилъ меня съ этимъ семействомъ.

У вдовца, генерала Вознова была дочь Софья Петровна, отлично воспитанная въ Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ и занималась воспитаніемъ племянниковъ, дѣтей г-жи Краснопольской. Съ этимъ почтеннымъ семействомъ сперва подружились родные мои, Сысоевы, а чрезъ нихъ познакомился и я. Меня и дядю моего г-жа Краснопольская и ея отецъ приглашали на бостонъ. Тамъ открылся для насъ почти рай земной: прекрасное общество, музыка, пѣніе, танцы. Вотъ о послѣднихъ-то мнѣ пришлось сознаться, что я по этой части никуда не годился. Не смотря на мои усилія выучиться, я едва едва топтался кое-какъ въ тогдашнихъ Польскихъ матрадурахъ, экоссезахъ, и меня водили за воротъ дамы. Тогда на Петербургской Сторонѣ былъ танцъ-классъ г-на Помó; я съ дарами и просьбами

явился къ нему, чтобы онъ оказалъ мнѣ пособіе въ бѣдственномъ моемъ положеніи отъ неумѣнія вальсировать и танцовать менуетъ такъ, чтобы ноги дамъ не задѣвать, а миновать. Онъ взялся было за мое образованіе горячо, прыгалъ со мною до поту, но увы! мнѣ танцы не давались, и онъ говорилъ обо мнѣ всякому, кто хотѣлъ его слушать, что я самый безтолковый человѣкъ. Я однако нашелъ противъ этого утѣшеніе: мнѣ удалось прочесть въ какомъ-то журналѣ, что лордъ Кестльри, отличный членъ верхняго парламента, былъ также неспособенъ къ танцованію.

Домъ г-жи Краснопольской былъ съ мезониномъ, который отдавался въ наемъ. Мы съ матерью этимъ воспользовались и наняли его, такъ какъ квартира у Гречкиныхъ была слишкомъ тѣсна. Новая квартира отдана съ мебелью, очень кстати, потому что у меня была обстановка чиновничья, т. е. почти Діогеновская: ибо я всѣ свои свободные отъ дневнаго пропитанія фонды употреблялъ преимущественно на приличную одежду для себя и матери.

У г-жи Краснопольской кромѣ родной ея сестры, Софьи Петровны, была гувернантка, дѣвица Захарова, воспитанная въ Александровскомъ училищѣ Смольнаго монастыря. У нихъ гостили иногда разныя дѣвицы, отлично воспитанныя. Всѣ они съ радостію приняли мое предложеніе составить маленькій домашній театръ. Конечно это была игрушка, кукольная комедія; но приготовленія и хлопоты при изученіи ролей, постановкѣ кулисъ и проч. доставляли всѣмъ намъ величайшее удовольствіе, которое иногда отравлялось тѣмъ, что департаментскій курьеръ разрушалъ наши представленія досадною рѣчью: «пожалуйте, ваше благородіе, къ директору во столько-то часовъ вечера».

Между тѣмъ служебныя наши обстоятельства измѣнились. 10 Апрѣля 1823 года назначенъ, вмѣсто графа Гурьева, новый министръ, бывшій генералъ-интендантомъ 1-й арміи, генералъ-лейтенантъ Канкринъ. Директоръ Розенбергъ наскучилъ частыми болѣзненными припадками нашего любезнѣйшаго Александра Семеновича Зыбелина. Въ одинъ прекрасный день его перевели въ контроль, гдѣ не требовалось отъ начальника отдѣленія усиленной дѣятельности, а на мѣсто его дали намъ новаго командира, впослѣдствіи бывшаго министромъ финансовъ, Александра Максимовича Княжевича. Съ первыхъ же дней его управленія, я нашелъ въ немъ отца-начальника, какихъ не встрѣчалъ потомъ никогда, внимательнаго къ нуждамъ чиновниковъ, кроткаго, снисходительнаго, искуснѣйшаго въ дѣлопроизводствѣ и совершенно знакомаго даже и съ счетною частію. Послѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ моихъ работъ, онъ объявилъ мнѣ, что желалъ бы, чтобъ

всѣ столоначальники писали бумаги такъ, какъ пишу я. Этимъ отзывомъ онъ поднялъ духъ мой на седьмое небо.

Въ Іюнѣ 1823 года сдѣлали меня, по его рекомендаціи, контролеромъ. Въ тоже самое время изъ Государственнаго Контроля присланы были къ намъ, для повѣрки съ дѣлами, отчеты бывшаго генералъ-интенданта Канкрина о суммахъ, ассигнованныхъ для первой арміи, во время пребыванія войскъ за границей. Къ этому дѣлу я приступилъ немедленно и сталъ продолжать его перейдя, въ новую должность и поступивъ опять подъ начальство Александра Ефимовича Измайлова. Съ ужасомъ увидѣлъ я, что мои новыя обязанности требовали большихъ усилій; чтобы поправить дѣло, крайне запущенное моимъ предмѣстникомъ, и окончить повѣрку генералъ-интендантскихъ счетовъ, чѣмъ особенно интересовался Александръ Максимовичъ, желая немедленнымъ окончаніемъ этой повѣрки заслужить признательность министра.

По прошествіи мѣсяца со времени моего повышенія въ должности, явился я къ казначею, полагая, что получу прибавочнаго жалованья слишкомъ 40 р.; но казначей объявилъ, что о прибавкѣ моей никакого распоряженія еще не сдѣлано. Мнѣ легко было догадаться, что это побудительная мѣра къ скорѣйшему окончанію армейскихъ интендантскихъ счетовъ, и я началъ дни и вечера проводить въ департаментѣ, обѣдая саячкою, на чистомъ воздухѣ верхнихъ галлерей гостиннаго двора.

Въ самомъ дѣлѣ я окончилъ повѣрку этихъ счетовъ къ 1 Августа, и съ того же числа назначено мнѣ полное штатное жалованье 2000 р. асс. въ годъ, съ надеждою на пособіе изъ остатковъ канцелярской суммы, до 300 рубл. Послѣ душевной благодарности Господу Богу, первою мыслію моею было немедленно просить руки Лизаветы Николаевны. Къ этому представился очень удобный случай. У насъ въ департаментѣ служилъ чиновникъ Миловановъ, онъ былъ любимъ въ семействѣ Карякиныхъ и расположенъ ко мнѣ; я разсказалъ ему о моемъ желаніи, прося принять трудъ, переговорить обо мнѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, отцомъ Елизаветы Николаевны, и мой повѣренный согласился на это съ удовольствіемъ. Кромѣ того я сказалъ Милованову, что не имѣю никакой возможности жениться, не получивъ отъ родителей моей невѣсты хотя 1000 рубл. ассигн. на первоначальное обзаведеніе.

Исполнивъ мое порученіе, Миловановъ сообщилъ мнѣ, что Николай Ивановичъ при немъ же спросилъ дочь: желаетъ ли она за меня выйти? И она отвѣчала, что *она не отказывается соединить судьбу свою съ моею*; но Николай Ивановичъ прибавилъ къ этому,

что радъ благословить свою дочь, но ни приданаго, ни денегъ за нею дать не можетъ.

Этотъ крайне черствый отвѣтъ заставилъ меня задуматься. Мнѣ было уже подъ 30 лѣтъ, и я судилъ о жизни правильнѣе, нежели какой нибудь неопытный юноша, и видя около себя несчастныхъ чиновниковъ, страдавшихъ съ женами и дѣтьми отъ бѣдности и лишеній, считалъ величайшимъ грѣхомъ увлечь за собою въ пропасть нужды, довольно уже много испытанной, любезнѣйшее для меня существо въ мірѣ. Меня безпокоила мысль, что, при едва начавшейся моей карьерѣ, я, стѣсненный обстоятельствами семейной жизни, долженъ буду поневолѣ упускать время, принадлежащее обязанностямъ моего званія, обращаться безпрестанно съ противными всякому начальству нищенскими просьбами о пособіяхъ и ссудахъ, ходить къ должности съ прорѣхами на платьѣ и, наконецъ, погибнуть отъ нуждъ и лишеній, оставивъ свою семью въ нищетѣ и презрѣніи. Я объявилъ Милованову рѣшительно, что обстоятельства мои не дозволяютъ мнѣ воспользоваться согласіемъ несравненной Елизаветы Николаевны за отзывомъ ея родителя. Послѣ моего отказа можно подумать, что страсть моя была совсѣмъ не такъ горяча, какъ я говорю, и что истинная любовь никогда, или очень рѣдко побѣждается расчетами, а напротивъ того усиливается препятствіями, укрѣпляясь надеждами на будущее; но страсть моя возникла въ церкви, и мнѣ остается думать, что Богу угодно было оставить чувство любви моей чисто духовнымъ. Никогда не смотрѣлъ я на Елизавету Николаевну какъ на дѣвушку, но обыкновенно привыкъ видѣть въ ней что-то не земное, считать ее ангеломъ и, не смотря на вѣчную нашу разлуку *здѣсь*, питать въ сердцѣ своемъ надежду соединиться съ нею *тамъ*! *)...

Впрочемъ никакія сердечныя обстоятельства не могли помѣшать мнѣ въ исполненіи служебныхъ обязанностей, которыя становились съ каждымъ днемъ серьезнѣе. Директоръ не переставалъ преслѣдовать нашу братью контролеровъ за неисправности, открывающіяся въ счетахъ Казенныхъ Палатъ; а какъ счеты губерній, бывшихъ въ моемъ столѣ, были отлично плохи, то дошла очередь и до меня. Иванъ Ивановичъ не сдѣлалъ однакожъ мнѣ выговора, но только спросилъ: производится ли у меня, какъ должно, ревизія, и посылаются ли необходимые вопросы и замѣчанія Палатамъ? Я только что передъ тѣмъ отправилъ порядочную тетрадь, гдѣ замѣчены были многія суммы, принадлежавшія казнѣ и неправильно отчисленныя къ особому храненію.

---

*) Извините, почтеннѣйшій читатель, что я разчувствовался и вышелъ за предѣлы чиновничьяго слога.

Идя къ отвѣту, я взялъ съ собою, на всякій случай, свои черновыя примѣчанія, и на сдѣланный вопросъ представилъ ихъ. Иванъ Ивановичъ былъ этимъ очень доволенъ и сказалъ мнѣ свое обычное «спасибо вамъ». Видя неусыпное его преслѣдованіе за неряшество по счетамъ, я рѣшился сколько возможно отдалить отъ себя его гнѣвъ и, еще служа во 2 мъ распорядительномъ отдѣленіи, прочитывалъ и выписывалъ въ досужное время узаконенія, собственно къ дѣйствіямъ департамента относящіяся и, съ помощію ихъ, составилъ записку о правилахъ, какими должно руководствоваться при поступленіи суммъ, вносимыхъ въ казначейства для храненія. Записку эту подалъ я начальнику отдѣленія, а тотъ представилъ директору. Послѣдній, продержавъ ее нѣсколько дней у себя, позвалъ потомъ меня, въ 8-мь часовъ утра, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ департаментъ, и сказалъ мнѣ, что онъ читалъ это со вниманіемъ, что это очень полезная работа, и что меня надобно поберечь.

Такой милостивый отзывъ чрезвычайно строгаго начальника обрадовалъ меня, какъ нельзя болѣе. Съ успѣхомъ работы я сталъ чаще являться у Краснопольскихъ и пользоваться извѣстнымъ правиломъ императора Петра 1-го: «Время работѣ, веселью часъ». Опять слушалъ музыку и пѣлъ, какъ умѣлъ, съ барышнями-гостьями и Софьею Петровной, меньшой сестрицей хозяйки, Марьи Петровны Краснопольской. Софья Петровна, дѣвица отлично воспитанная, очень пріятная собою, превосходно играла на фортепьяно, и мы, аккомпанируя хоромъ, распѣвали тогда еще новую музыку изъ *Казака-Стихотворца*, а потомъ рѣшились даже и сыграть эту оперетку на нашемъ домашнемъ театрѣ. Не могу не вспомнить объ этомъ счастливѣйшемъ времени моей молодости съ особеннымъ удовольствіемъ. Трудясь для нашего театра по ночамъ, я склеилъ изъ картузной, разумѣется департаментской, бумаги, огромное полотно и нарисовалъ на немъ занавѣсъ. Барышни-актрисы оторочили ее тесьмой, чтобы не рвалась; но намъ измѣнилъ механизмъ: когда стали ее поднимать на придѣланныхъ по обѣимъ ея сторонамъ вздержкахъ изъ тесемокъ, бумажная занавѣсъ, къ досадѣ моей, свернулась аэростатомъ. Общій хохотъ привѣтствовалъ мой трудъ; но хозяйка, искусная въ женскихъ и мужскихъ рукодѣльяхъ, нашла возможность пособить нашему горю. Она устроила мою бумагу по образцу обыкновенныхъ шторъ, и дѣло пошло на ладъ. Барышни наши пособляли нашему театру еще съ бо́льшимъ, нежели я, усердіемъ: онѣ перевели съ Нѣмецкаго изъ театра Коцебу пятиактную комедію «*Суматоха*». Спектакль готовился къ 29 Іюня 1823 года, дню имянинъ отца хозяйки, генерала Вознова. Софья Петровна взяла въ ней *главную*, я второстепенную роль, но и ту плохо вы-

училъ; за то отличился въ механикѣ: на этотъ разъ она мнѣ не измѣнила. Въ этой піесѣ нужно было представить громъ. У насъ на дворѣ валялась какая-то старая водовозная тележка, я втащилъ ее къ себѣ въ мезонинъ. По условленному знаку, крѣпостной Маріи Петровны Калмыкъ Павелъ постучалъ снизу кóломъ, и громъ мой грянулъ. Механика состояла въ томъ, что я возилъ тележку по своей комнатѣ и, по временамъ, приподнявъ колеса, опускалъ ихъ на полъ. Зрители подумали, что въ самомъ дѣлѣ наступила гроза; но ее прекратили, пославъ Калмыка, чтобы громъ остановить. Послѣ мы играли еще оперу *Ямъ*. Гувернантка хозяйки, дѣвица Захарова, играла тутъ главную роль любовника, но не могла пѣть. Я замѣнилъ ее; она шевелила губами и жестикулировала, а я, за кулисами, сладко воспѣвалъ:

„Тебя я въ сердцѣ заключаю,
„О Софья, рай души моей!“

Скажу мимоходомъ, что эта арія была пробною для поступавшихъ на Императорскій театръ теноровъ.

Забавы наши въ семействѣ Краснопольскихъ прерваны были въ Ноябрѣ 1823 года внезапною кончиною родителя нашей хозяйки и Софьи Петровны, инженеръ-генералъ-маіора Петра Ивановича Featureзнова на 74 году жизни.

Это былъ въ свое время хорошій строитель и находился долго при могучемъ князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ. При перемѣнѣ обстоятельствъ, полковнику Вознову дали мѣсто въ Оренбургѣ, съ производствомъ въ генералы. Тамъ случилось съ нимъ непредвидѣнное и ужасное несчастіе: гарнизонные солдаты сломали замокъ у кладовой инженернаго вѣдомства и похитили до 35.000 р. казенныхъ денегъ. Вознова, какъ ближайшаго и главнаго инженернаго начальника, предали военному суду, продолжавшемуся нѣсколько лѣтъ и оконченному совершеннымъ оправданіемъ генерала. Впослѣдствіи онъ сдѣланъ былъ начальникомъ инженерныхъ округовъ Западной Сибири, но претерпѣнныя подъ судомъ бѣдствія вовлекли его въ хроническую болѣзнь и онъ сдѣлался ея жертвою, скончавшись скоропостижно.

По служебнымъ обязанностямъ, я при всемъ душевномъ къ нему уваженіи не могъ быть при его погребеніи, но выхлопоталъ у командира л.-гв. гренадерскаго полка разрѣшеніе, по которому 12 заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ гвардіи, украшенныхъ многими знаками отличій, несли его гробъ до могилы. За это Софья Петровна благодарила меня со слезами, признаваясь, что не знаетъ, какъ выразить мнѣ свою признательность.

Я написалъ къ ней письмо, въ которомъ выразилъ, что никакой благодарности не желаю и не заслуживаю, но былъ бы очень счастливъ, еслибъ она за глубокую любовь мою къ ея почтеннѣйшему родителю согласилась отдать мнѣ свою руку. Она объявила, что скажетъ свой рѣшительный отвѣтъ по прошествіи годоваго по отцѣ траура.

Въ 1823 году случилось со мною маленькое приключеніе, которое при несчастливомъ исходѣ могло бы совершенно порѣшить мою исторію. Въ то время оканчивались работы по устройству въ Итальянской улицѣ новаго Михайловскаго дворца, пожалованнаго императоромъ-братомъ меньшему брату великому князю Михаилу Павловичу и его августѣйшей молодой супругѣ. Въ этомъ превосходномъ во всѣхъ отношеніяхъ зданіи, проектированномъ и выполненномъ по плану архитектора Росси, все было интересно для любопытнаго зрителя, отъ маленькой розетки до великолѣпной лѣстницы, которая отъ партера величественно поднимается въ верхній этажъ къ плафону, поддерживаемому каріатидами. Многіе по нѣскольку разъ бывали во дворцѣ любоваться его изящными украшеніями, невиданными у частныхъ людей; пошелъ и я. Тогда всѣ почти работы были окончены и расписывались только фресками нѣкоторыя комнаты; переходя изъ одной въ другую, я незамѣтно усталъ и едва передвигалъ ноги, но мнѣ хотѣлось во что бы ни стало посмотрѣть все до конца. Усталый, разумѣется, я шелъ очень тихо. Въ одной изъ комнатъ 4-го этажа, я любовался отлично отдѣланною лѣпной работы печью, какъ вдругъ порхнулъ мнѣ въ лицо какой-то холодный воздухъ. Я остановился и оледенѣлъ отъ ужаса. Блуждавшіе по верхамъ глаза мои не видали пропасти, которая поглотила бы меня непремѣнно, еслибъ я сдѣлалъ хотя бы только полшага. Это было отверстіе, проведенное, вѣроятно, отъ фундамента до самаго верха. Поверхность его представляла квадратъ около аршина. Меня спасъ мой невидимый Хранитель.

Изъ обстоятельствъ холостой моей жизни остается сказать о моемъ самообразованіи при содѣйствіи почтеннѣйшаго Алексѣя Семеновича Куликова, о которомъ я говорилъ выше. Кромѣ Нѣмецкаго языка, я въ компаніи съ Василіемъ Филатьевичемъ Мироновымъ, прельщеннымъ подобно мнѣ надеждою выдержать экзаменъ на полученіе чина коллежскаго ассесора, сталъ изучать и Французскій языкъ; но Василій Филатьевичъ, взявъ нѣсколько уроковъ у Ал. Сем., отвлекся отъ дальнѣйшихъ занятій новыми обязанностями по службѣ съ полученіемъ званія столоначальника. Я продолжалъ, усиливая свои занятія безъ мѣры и толку. Къ несчастію, восторженныя похвалы Алексѣя Семеновича моимъ успѣхамъ и прилежанію поощрили меня болѣе нежели

было нужно: послѣ двухгодовыхъ занятій я почувствовалъ вдругъ крайнее ослабленіе зрѣнія, до свѣтобоязни. Это могло кончиться страшнымъ бѣдствіемъ, но меня облегчилъ своими совѣтами знаменитый въ то время врачъ, бывшій генералъ штабъ-докторъ 2-й арміи, Василій Павловичъ Малаховъ. Устранивъ благоразумнымъ лѣченіемъ свѣтобоязнь и другіе припадки глазной болѣзни, онъ, отъѣзжая въ Одессу, на прощаніе со мною далъ слѣдующій совѣтъ: «избѣгайте азартныхъ схватокъ съ дѣвушками и лучше женитесь; носите всегда шерстяные чулки, не снимая ихъ даже ночью; будьте воздержны и особенно не употребляйте горячихъ напитковъ». Исполняя по возможности эти благодѣтельныя наставленія, я кое-какъ дожилъ зрячимъ до самой старости, хотя возстановить мое зрѣніе никто изъ лучшихъ медиковъ не въ состояніи. Надобно признаться, что самая ревность къ полезному должна умѣряться благоразуміемъ, и я бы хорошо сдѣлалъ, приступая къ учебнымъ занятіямъ, если бы вспомнилъ извѣстный разсказъ, какъ одинъ извощикъ, спѣша куда-то, изо всей силы гналъ свою лошадь и, встрѣтясь на дорогѣ съ какимъ-то балагуромъ, спросилъ, скоро ли можно уѣхать до такого-то города. Прохожій отвѣчалъ: «Скоро доѣдешь, если потише поѣдешь». Извощикъ ругнулъ его и, ударивъ по лошади, наткнулся на камень, отчего переднее колесо разлетѣлось.

Все, чтó пріобрѣлъ я своими усиленными занятіями, состоитъ въ удовлетворительномъ знаніи ариѳметики, чтò мнѣ очень пригодилось по роду моей службы по счетнымъ частямъ, недалекихъ познаніяхъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ и, наконецъ, Русской словесности; упражненія ею, конечно, не возвели меня въ достоинство литератора, но дали однако возможность управляться съ дѣловыми бумагами. Однажды А. Е. Измайловъ велѣлъ мнѣ, когда я былъ въ его отдѣленіи контролеромъ, заготовлять всѣ мои замѣчанія по ревизіи губернскихъ счетовъ не за подписью вице-директора (Миллера), какъ дѣлали другіе, но представлять на утвержденіе директора, при чемъ объявилъ, что Ивану Ивановичу угодно было отозваться, «*что онъ всѣ бумаги мои читаетъ съ аппетитомъ*».

Я пишу эти записки съ помощію одной памяти, безъ всякаго пособія предварительныхъ замѣтокъ, и потому въ нихъ очень могутъ встрѣтиться непослѣдовательности. Такъ я забылъ упомянуть о крестной матери моей, коллежской совѣтницѣ Натальѣ Андреевнѣ Яковлевой и почтеннѣйшемъ ея мужѣ. Они были моими истинными благодѣтелями, и долгъ глубокой душевной къ нимъ благодарности обязываетъ меня передать имена ихъ моимъ дѣтямъ и внучатамъ.

Мужъ Натальи Андреевны, двоюродной сестры родной моей матери, Семенъ Яковлевичъ былъ добръ ко мнѣ, потому что былъ хри-

стіански добръ ко всѣмъ; по впослѣдствіи онъ полюбилъ меня болѣе всѣхъ молодыхъ людей изъ нашихъ родственниковъ (самъ не знаю за что), а крестная мать, при весьма небогатыхъ средствахъ своихъ, была соперницею моей родной матери въ сердечномъ ко мнѣ расположеніи. У Яковлевыхъ былъ на Пескахъ небольшой уютный домикъ, гдѣ находилъ я вѣрный пріютъ во время бурь и непогодъ, въ распутицу, когда въ иные годы Нева становилась и проходила по нѣскольку разъ. Измокшій до костей отъ проливнаго дождя, являлся я туда съ увѣренностію, что меня примутъ какъ родного сына. Мнѣ давали переодѣться, приготовляли чай, заставляли послѣ обѣда уснуть подъ теплымъ одѣяломъ, возстановляя своими нелицемѣрными ласками и любовію упадшій духъ мой. Вѣчная имъ память!

Самый примѣчательный годъ моей жизни былъ 1824-й. Въ этомъ году я женился, слѣдовательно принялъ на себя святыя обязанности супруга и отца семейства, получилъ орденъ Владимира 4 степени, задатокъ милостей моего великодушнаго начальства съ возложеніемъ на меня неизмѣннаго долга усилить стараніе на пользу службы. Сознавъ это въ душѣ и совѣсти моей, помня совѣты и наставленія незабвеннаго наставника моего А. И. Окунева, я во всѣхъ случаяхъ семейныхъ и служебныхъ, испрашивалъ помощи Божіей, нисколько не надѣясь на свой бѣдный разумъ, ни на образованіе, пріобрѣтенное мною Христа ради.

Лѣтомъ 1824 года началось мое сватовство къ Софьѣ Петровнѣ Возновой. Она и ея сестра, видя меня въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ безпрерывно, убѣдились, что я не изъ самыхъ дурныхъ молодыхъ людей, и препятствій для нашего брака не оказалось. 1-го Октября насъ благословили при священникѣ; 9-го Ноября назначенъ день свадьбы. Посаженымъ отцемъ невѣсты былъ директоръ Канцеляріи Военнаго Министерства, Семенъ Агаѳоновичъ Бижеичъ, матерью родная сестра ея, Марья Петровна Краснопольская; моимъ отцемъ былъ престарѣлый дѣдъ Иванъ Мартемьяновичъ Сысоевъ, а матерью родная мать Анна Иванова Голубева. Наступилъ и Ноябрь съ бурями и дождями. Марья Петровна снабдила меня небольшою суммою (до 300 р.) на мелочные расходы, а всѣ прочія крупныя издержки выполнила изъ небольшаго капитала, доставшагося Софьѣ Петровнѣ отъ ея родителей. О капиталѣ этомъ узналъ я гораздо послѣ обрученія нашего. Марья Петровна нашла нужнымъ, во время моего отсутствія, переговорить съ моей матерью и сдѣлала ей вопросъ: не ожидаетъ ли Петръ Ивановичъ получить за Соничкой большое приданое; я обязана сказать откровенно, что нашъ покойный отецъ никогда не старался разбогатѣть службою, и сестра моя имѣетъ не болѣе 20.000 рублей ассигнаціями. Мать моя, зная

мое мнѣніе на этотъ счетъ, отвѣчала г-жѣ Краснопольской: «Сынъ мой никогда не имѣлъ намѣренія разжиться на счетъ невѣсты; о капиталѣ Софьи Петровны мы слышимъ въ первый разъ и желаемъ, чтобы онъ остался въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи вашей сестрицы; за сына же моего я могу поручиться, что онъ вовсе не знаетъ роскоши и до капитала жены своей не коснется; мебель необходимая нужна, но излишнее серебро и другія цѣнныя и ненужныя вещи мы считаемъ совершенно безполезными, и они никого не удивятъ». Такимъ образомъ приданое Софіи Петровны устроено было ея попечительною и опытною сестрою прилично и безъ всякой роскоши.

Во время покупки разныхъ свадебныхъ и необходимыхъ для домашняго быта вещей наступило роковое 7-е Ноября. Я на цѣлую недѣлю переселился къ моему дядѣ С. И. Сысоеву, котораго собственный небольшой домъ находился въ сосѣдствѣ съ домомъ Краснопольскихъ, и на 7 число ночевалъ у дяди. Къ счастію, у меня сдѣлался передъ тѣмъ почти на самой пяткѣ правой ноги небольшой вередъ. Онъ однакоже заставилъ меня провести эту ночь очень неспокойно. Поутру я едва могъ натянуть на больную ногу сапогъ, но, пренебрегая всегда подобными неудачами, не рѣшился остаться дома и отправился въ департаментъ. Страшный югозападный вѣтеръ свирѣпствовалъ съ ужасной силой. Въ глазахъ моихъ порывомъ вихря сбита была съ ногъ какая-то женщина; между тѣмъ отъ жестокой боли въ ногѣ я не могъ сдѣлать ни шагу и отъ ограды Матвѣевской церкви принужденъ былъ на извощикѣ воротиться, но уже не къ дядѣ, а домой. Идучи въ департаментъ, я не замѣтилъ, что всѣ канавки и низменности были полны водой, а потомъ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что и вся наша широкая улица покрыта водою. Она прибывала съ невѣроятною быстротой. Въ 10 часовъ утра вода явилась въ комнатахъ моей хозяйки и била фонтаномъ изподпола. Марья Петровна, невѣста моя, и все ихъ семейство съ крѣпостными людьми спѣшили ко мнѣ въ мезонинъ, едва успѣвъ взять съ собою хлѣбъ и свареный для прислуги картофель; но какъ половицы отъ напора воды приподнялись, то не могли отворить дверей, и только необычайными усиліями съ помощію лома и топора два человѣка изъ домашней прислуги успѣли открыть выходъ, но дамы должны уже были идти по водѣ.

Это наводненіе было общимъ бѣдствіемъ Петербурга, и описаніе его слишкомъ извѣстно; почему, не вдаваясь въ подробности, скажу, что на долю нашу досталось, благодаря Бога, не такъ много горя изъ общей бѣды. Люди нашей хозяйки успѣли даже спасти изъ сосѣдняго дома отъ явной гибели одно небогатое семейство г.г. Бармалѣевыхъ. Ихъ низенькій и ветхій домикъ угрожалъ разрушеніемъ; но бравый

Петръ, крѣпостной человѣкъ Марьи Петровны съ помощью Калмыка, принадлежавшаго моей невѣстѣ, положили съ нашего крыльца чрезъ заборъ двѣ доски, поставили на нихъ стремянку-лѣстницу къ слуховому окну дома Бармалѣевыхъ и съ удивительною ловкостію сняли и перенесли на своихъ плечахъ въ мою квартиру отца этого семейства, мать и замужнюю дочь съ груднымъ младенцемъ, одного за другимъ. Мебель хозяйки нашей погибла, т. е. сперва размокла, потомъ высохши, разсыпалась; прекрасный Англійскій рояль Софьи Петровны вода не могла опрокинуть на полъ, за то залила на нѣсколько часовъ всю клавіатуру и промочила резонансъ, такъ что этотъ превосходный инструментъ послѣ того, за всѣми починками, никуда уже не годился.

Странно, что наши свадебные наряды, изъ которыхъ мои были у дяди въ домѣ, покрытомъ съ полу на $1\frac{1}{2}$ аршина водою, не подверглись ни малѣйшей порчѣ. Превосходное подвѣнечное, изъ шелковаго газа, шитое серебромъ платье невѣсты плавало въ комодѣ изъ одной комнаты въ другую въ домѣ Краснопольскихъ, но какимъ-то чудомъ, вода его не тронула. Въ день нашей свадьбы мы ожидали много гостей, но послѣ разгрома мостовъ и заборовъ во всѣхъ подвергшихся наводненію улицахъ ѣзда на нѣкоторое время прекратилась и, разумѣется, къ намъ никто не пріѣхалъ. Мы однако не измѣнили назначеннаго дня и 9-го Ноября отправились въ нашу приходскую церковь пѣшкомъ. Дядя и я были въ мундирахъ; невѣсту вели подъ руки, и для нея дорога до церкви была сколько возможно расчищена, а мы мужчины карабкались кое-какъ по разной разбитой мебели и поваленнымъ заборамъ. Въ церкви половицы вышли изъ своихъ гнѣздъ, и во время пѣнія: «Исаіе, ликуй!» священникъ, взявъ руки жениха и невѣсты подъ эпитрахиль, поддерживалъ насъ другой рукой, чтобы мы не запнулись за высунувшіяся изъ половъ доски.

Свадебный нашъ балъ совершился у меня въ мезонинѣ, такъ какъ внизу комнаты были вовсе испорчены. Какая-то удушливая прѣль долго носилась по всему дому, который осушивался до самой весны желѣзными печами. Вслѣдъ за совершеніемъ нашего брака я получилъ орденъ Св. Владимира 4 степени, по баллотировкѣ, на основаніи орденскаго статута.

Конецъ 1824 года мы прожили весьма пріятно въ маленькихъ двухъ комнатахъ моего мезонина, а въ началѣ 1825 меня возвели въ званіе бухгалтера, съ окладомъ жалованья по 3000 р. въ годъ; но моя новая должность требовала послѣобѣденныхъ занятій, особенно во Вторникъ, наканунѣ доклада министру. Обыкновенно къ Средѣ я обязанъ былъ приготовлять къ пріѣзду директора счетъ кассы Главнаго Казначейства съ разными выводами и соображеніями объ успѣхѣ вы-

сылаемыхъ сюда изъ губерній суммъ и о положеніи, въ какомъ находились платежи, разнымъ министерствамъ опредѣленные. Этотъ счетъ былъ не совсѣмъ простъ и требовалъ прилежнаго занятія и наблюденія за всѣми оборотами цѣлой недѣли. Онъ составлялся на черно и переписывался сколько возможно чище, потому что оставался у самаго министра. Составлять и переписывать этотъ счетъ приходилось мнѣ самому, такъ какъ было совѣстно, да и совсѣмъ нельзя, требовать, чтобы для переписки являлся по ночамъ другой чиновникъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ разстаться съ моею любезною Петербургскою Стороною. Мы нашли на первый разъ квартиру въ Гагаринской улицѣ, противъ дома Орденскаго Капитула. Квартира эта была не дорога и помѣстительна, въ прекраснѣйшей улицѣ города, но къ несчастію тоже испорчена наводненіемъ, и таже несносная прѣль, какъ и въ домѣ моей свояченицы, отравляла дыханіе; миріады мурашей покрывали стѣны, смоченныя на 1½ аршина отъ полу, такъ что ихъ невозможно было высушить, не отбивъ старой штукатурки и не сдѣлавъ новой. Сырость была до того велика, что снятые вечеромъ сапоги покрывались къ утру зеленою плѣсенью; мураши гнѣздились въ сахарницахъ, булкахъ, посудѣ, и наконецъ мы принуждены были бросить эту квартиру и переѣхали въ Воскресенскую улицу, возлѣ стараго арсенала, въ д. Рѣзваго, гдѣ нѣкогда жилъ мой первоначальный благодѣтель, сенаторъ Иванъ Семеновичъ Захаровъ. Новое помѣщеніе наше состояло изъ пяти комнатъ, расположенныхъ въ 2-хъ этажахъ съ платою 750 р. въ годъ.

При всемъ желаніи моемъ водворить въ маленькой семьѣ моей миръ и тишину, я не достигъ этого. Мать моя была женщина слишкомъ энергическая. Надо сказать, что когда я жилъ съ нею, то все свое жалованье, или вѣрнѣе, все что́ я получалъ, до послѣдней копѣйки, передавалъ въ распоряженіе матери; но тотчасъ же послѣ своей женитьбы предоставилъ все хозяйство и денежныя свои средства женѣ. Естественно, что мать моя этимъ обидѣлась: она старалась всячески доказать мнѣ, что хозяйство наше идетъ плохо, и то и другое сдѣлано не такъ, это купили дорого, а это гнило. Понимая легко, что это семейная неурядица должна была случиться, я всячески уговаривалъ мать, чтобы она смотрѣла снисходительнѣе на стараніе жены моей сдѣлаться хорошею хозяйкою, но мои увѣщанія остались безъ послѣдствій; не смотря на то, что Софья Петровна строго повѣряла служанку во всѣхъ ея покупкахъ и вела особыя книжки, гдѣ подробно записывался расходъ каждаго рубля, мать всегда находила поводъ сдѣлать какое нибудь замѣчаніе; не проходило ни одного дня безъ непріятностей; часто, возвращаясь отъ должности, заставалъ я жену свою въ

слезахъ. Между тѣмъ Софья Петровна сдѣлалась беременною, но все таки не выпускала изъ рукъ домашняго хозяйства, и наши семейныя непріятности не прекращались. Наконецъ здоровье жены моей могло отъ подобныхъ удовольствій разстроиться, и мы упросили мать мою взять для себя особую квартиру и назначили ей на содержаніе 500 р. въ годъ. Тогда наши денежныя средства нѣсколько сократились, но къ намъ возвратилось спокойствіе. Опять у насъ по вечерамъ явилась музыка: я пѣлъ съ акомпаниментомъ фортепьяно, на которомъ Софья Петровна играла превосходно и разыгрывала для одного меня цѣлыя оперы и лучшія музыкальныя произведенія, бывшія въ то время въ модѣ.

Лѣтомъ 1825 года мы очень часто отправлялись къ ея сестрѣ на Петербургскую Сторону. Этими прогулками я пользовался всегда при хорошей погодѣ, и непремѣнно пѣшкомъ, чтобы доставить женѣ моей воздухъ и моціонъ.

18-го Ноября 1825 года Софья Петровна почувствовала себя дурно; приглашена была рекомендованная нашими знакомыми повивальная бабка, женщина молодая и очень робкая. Въ полночь она объявила, что едвали не встрѣтится надобность пригласить акушера, такъ какъ младенецъ имѣетъ неправильный ходъ. У насъ гостила въ то время моя свояченица, Марья Петровна. Мы спрашивали бабку, кого изъ акушеровъ считаетъ она искуснѣйшимъ, но порядочнаго отвѣта отъ нея добиться не могли. Наконецъ, родовыя муки дѣлались до того невыносимыми, что я принужденъ былъ отправиться за докторомъ и привезъ извѣстнаго тогда г. Жувенеля. Онъ пріѣхалъ въ 12 часовъ, привезъ съ собою свои ужасные инструменты и дѣйствовалъ ими долго, но безуспѣшно. Во 2-мъ часу онъ потребовалъ кофе и далъ совѣтъ тотчасъ же ѣхать къ знаменитому тогда лейбъ-хирургу и профессору акушерства, Митрофану Никитичу Ельнинскому. Думать было нечего; надобно было достать экипажъ..... въ 2 часа ночи, когда весь городъ спитъ глубокимъ сномъ.

Тутъ узналъ я, сколько тяжелыхъ часовъ достается на долю женатаго и особенно небогатаго человѣка. Могло случиться, что я, при неимѣніи средствъ оказать пособіе, обратился бы въ безполезнаго зрителя смерти моей жены. По счастію, недалеко отъ моей квартиры жили каретные извощики; я достучался къ нимъ, упросилъ ради Бога, обѣщая хорошую плату, отвезти меня въ кабріолетѣ къ Ельнинскому въ Разъѣзжую улицу. Было $^1/_2$3-го. Звонкомъ и стукомъ добудился я человѣка и на вопросъ: что̀ мнѣ надобно, сказалъ, что прошу Митрофана Никитича къ очень опасной больной, воспитанницѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и что Государыня Императрица принимаетъ въ ней особенное участіе. Къ этой лжи я прибѣгнулъ, кажется, не на-

прасно: мнѣ могли отказать. Въ три часа мы пріѣхали съ Ельнинскимъ въ кабріолетѣ, и въ одно мгновеніе началась ужасная операція: въ цѣломъ домѣ послышались крики моей страдалицы. Достали другую бабку; Жувенель и она, вмѣстѣ съ первою бабкою, держали больную за руки. Нѣсколько разъ Ельнинскій, искуснѣйшій врачъ съ Геркулесовскою силой, облитый пóтомъ, оставлялъ инструменты, чтобы нѣсколько отдохнуть, и только къ 8 часамъ утра окончилъ операцію, доставъ младенца, который тотчасъ же умеръ, вздохнувъ на семъ свѣтѣ въ первый и послѣдній разъ.

Предусмотрительная и осторожная Софья Петровна приготовила заранѣе, постепенно, на всякій случай нѣкоторый запасъ денегъ, изъ котораго мы могли, хотя не очень щедро, но прилично нашему состоянію поблагодарить Ельнинскаго, Жувенеля и обѣихъ бабокъ.

Первый, уѣзжая, далъ очень умное и обстоятельное наставленіе, какъ беречь больную. Она цѣлыя шесть недѣль оставалась въ опаснѣйшемъ положеніи; а между тѣмъ наступилъ страшный день 14 Декабря. Мы видѣли изъ окна, какъ мчались во весь карьеръ кавалергарды на Исакіевскую площадь и какъ нѣкоторые всадники, по крайней поспѣшности, не успѣвъ одѣться дома, натягивали свои колеты, сидя на лошадяхъ; все это необходимо было стараться тщательно скрывать отъ нашей больной, такъ какъ испугъ имѣлъ бы для нея самыя плачевныя слѣдствія.

Вскорѣ послѣ этого, благодѣтельной судьбѣ моей угодно было нѣсколько порадовать меня. Постоянно являясь въ департаментъ къ 8-ми часамъ утра, нѣсколькими минутами прежде директора, я сидѣлъ разъ со свѣчами за конторкой и оканчивалъ какой-то счетъ. Вдругъ слышу, что Иванъ Ивановичъ идетъ въ нашу комнату; полагая, что ему надобно пройти въ залу общаго присутствія, гдѣ не было огня, я проворно взялъ обѣ свои свѣчи и пошелъ передъ нимъ. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ опять ко мнѣ и приказалъ переписать заготовленную имъ самимъ бумагу съ тѣмъ, чтобы никому ее не показывать. Это была докладная записка министру о выдачѣ нѣкоторымъ чиновникамъ изъ канцелярской суммы пособій, за особое усердіе къ службѣ. Въ этой запискѣ назначены были выдачи Александру Максимовичу и другимъ 4 человѣкамъ и въ томъ числѣ правителю канцеляріи Павлу Клементьевичу Лавриновскому. Но это имя было зачеркнуто, и надъ нимъ Иванъ Ивановичъ написалъ *бухгалтеру Голубеву 500 рублей*. Переписавъ тотчасъ же эту бумагу, я, молча, положилъ ее на столъ директора и низко ему поклонился. Съ тѣхъ поръ я постоянно участвовалъ въ этихъ секретныхъ пособіяхъ, назначавшихся за особые труды, и всегда съ разрѣшенія министра.

Начальникомъ нашего 1-го отдѣленія бухгалтеріи былъ статскій совѣтникъ Василій Степановичъ Басинъ, человѣкъ примѣрно трудолюбивый, но чрезвычайно грубый, хотя вовсе не злой. Долго не могъ я съ нимъ поладить, все ему во мнѣ не нравилось: и цифры-то я пишу дурно, и почеркъ-то мой никуда не годится. Я горевалъ, но терпѣлъ, утѣшаясь тѣмъ, что директоръ удостоивалъ меня явнымъ благоволеніемъ за мои посильные труды.

Однажды, въ Мартѣ 1826 года, нужно было сдѣлать приблизительное соображеніе, сколько, по примѣрамъ прежнимъ, могли мы ожидать къ поступленію въ наши доходы червонцевъ и вообще золота. Для этого я поставилъ въ счетъ наличное золото, какое оставалось къ 1-му Апрѣля 1826 года, причисливъ къ этому новое полученіе съ Уральскихъ заводовъ, ожидаемое въ Сентябрѣ, и золото, поступающее съ Колывановоскресенскихъ и Нерчинскихъ заводовъ въ Ноябрѣ, также высылку, которая ожидалась въ Мартѣ 1827 г., также съ Уральской добычи и, сосчитавъ общій итогъ прихода, исчислилъ обыкновенные наши расходы золотомъ: для отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, по дипломатической части и проч., и опредѣлилъ могущій быть затѣмъ свободный остатокъ золота къ Апрѣлю 1827 года. Иначе сдѣлать было нельзя; ибо, заключивъ счетъ къ 1-му Января 1827 г., я, значитъ, взялъ бы изъ двухъ приходовъ Уральскаго золота только одинъ Сентябрьскій и пропустилъ бы вовсе Мартовскій, что̀ составило бы недочетъ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ.

Тогда между директоромъ и Басинымъ были какія-то взаимныя непріятности, и первый приказалъ, чтобы бухгалтеры докладывали ему дѣла каждый по своей части, а не черезъ начальника отдѣленія.

При всемъ томъ, слѣдуя своему правилу не выслуживаться мимо ближайшаго начальника, я представилъ г. Басину проектъ своего разсчета на разсмотрѣніе. Онъ взглянулъ на него съ крайне обиднымъ презрѣніемъ и спросилъ: «давно ли считають годъ съ Апрѣля по Апрѣль, а не съ Января»? Я доказывалъ свое; онъ не хотѣлъ слушать, бросилъ разсчетъ и сказалъ при всѣхъ: «вы, сударь, сумасшедшій». Это меня совершенно вывело изъ терпѣнія. Я отправился немедленно на домъ къ директору, который на этотъ разъ, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, не былъ въ департаментѣ, и рѣшился пожаловаться ему на несносное обращеніе Басина съ чиновниками. Съ тѣмъ вмѣстѣ я намѣревался просить, чтобы меня развели съ нимъ. Но при переходѣ отъ департамента до Баскова переулка, гдѣ жилъ директоръ въ своемъ домѣ, я освѣжился вѣтеркомъ, вспомнилъ по дорогѣ святыя наставленія почтеннаго моего Андрея Ивановича Окунева, и злость моя погасла. Разсчетъ мой признанъ правильнымъ ,и директоръ оставилъ его у себя, сказавъ мнѣ обычное *спасибо*.

А что если бы я пожаловался? Этимъ можно было бы найти въ Басинѣ непримиримаго и опаснаго себѣ врага, потому что его очень уважалъ министръ, какъ опытнаго и трудолюбиваго старика.

Къ осени 1826 года открылась Персидская война; потребовались чрезвычайные расходы для войскъ. Объ этихъ расходахъ Государь повелѣлъ доставлять подробныя свѣдѣнія въ Государственный Контроль. Бумагъ поступало къ исполненію множество. По волѣ министра, всѣ дѣла и отчетность по этой части возложены, въ видѣ особаго порученія, на Басина, а онъ этотъ трудъ раздѣлилъ со мною, разумѣется сверхъ обыкновенныхъ моихъ по департаменту занятій. Безъ ропота и съ истиннымъ усердіемъ исполнялъ я всѣ возложенныя на меня обязанности, бывая почти каждый день у должности и въ послѣобѣденное время, а иногда просиживая за дѣломъ цѣлыя ночи.

Басинъ, видя мое нелицемѣрное стараніе и убѣдясь, что разсчеты мои всегда оказываются вѣрными, дѣла содержатся въ лучшемъ порядкѣ и составленныя мною объ отпущенныхъ на военныя издержки суммахъ свѣдѣнія приняты въ Государственный Контроль безъ всякихъ вопросовъ и замѣчаній, перемѣнилъ совершенно обращеніе со мною, часто говорилъ дружески, замѣняя обычное *вы* ласковымъ *ты*, и сталъ смотрѣть на меня съ участіемъ какъ на родственника, а не на чиновника, переведеннаго къ нему противъ его желанія. Скоро дочери Василья Степановича познакомились съ моею женою, и она часто и съ удовольствіемъ проводила время съ этими любезными дѣвицами, изъ которыхъ одна превосходно знала музыку.

Миръ въ Туркменчаѣ благополучно окончилъ войну съ Персіею въ 1828 г., но вслѣдъ затѣмъ вспыхнула война съ Турціею, и опять страшное множество дѣлъ упало на наши бѣдныя головы. Надобно сказать, что и Василій Степановичъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, трудился какъ юноша, и расположеніе къ нему министра съ каждымъ докладомъ усиливалось. Эта война окончилась Андріанопольскимъ міромъ, и намъ дали за труды порядочныя награды: директору 20000 р., Басину 7000 и мнѣ 3000 рублей.

(Продолженіе будетъ).

МОСКОВСКІЕ КОЛОКОЛА*).

Церкви Архангела Гавріила, что̀ на Чистомъ прудѣ, на Поганомъ прудѣ, въ Гавриловской Патріаршей слободѣ.

1) „Лѣта 7192 (1684) году Февраля въ 21 день, сей колоколъ пожаловали великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, боярина князя Василія Васильевича Голицына къ новопостроенной по его обѣщанію церкви именуемой Живопріемнаго Источника въ его боярина нашего отчинѣ селѣ Богородицкомъ и повелѣли вылить въ приказѣ Пушкарскомъ, сей великихъ государей указъ приказалъ окольничій Венедиктъ Андреевичъ Змеевъ; вѣсу 30 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳедоръ Моторинъ“.

2 и 3) Такая же надпись на двухъ другихъ колоколахъ.

4) „1737 году Сентября 25 день, вылитъ сей колоколъ къ церкви Гавріила Архангела, что̀ на Чистомъ прудѣ при іереѣ Сергіѣ Алексіевѣ и доброхотныхъ дателей той церкви приходскихъ людей, вѣсу въ немъ сто восемь пудъ шесть фунтовъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Михаилъ Моторинъ“.

Въ церкви Св. Николая въ Мясникахъ, въ Огородной слободѣ, у Мясницкихъ Фроловскихъ воротъ.

„1763 года Мая 15 дня, вылитъ сей колоколъ къ церкви Николая Чудотворца, что̀ въ Мясникахъ при благочестивѣйшей самодержавнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и при наслѣдникѣ ея государѣ цесаревичѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, перелитъ изъ стараго разбитаго, который былъ вѣсомъ 95 пудъ 20 фунтовъ. А сей колоколъ вѣсомъ .... пудъ. Лилъ алдерманъ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ“,

Срѣтенскаго монастыря, что̀ на Срѣтенкѣ.

„1745 году мѣсяца Марта 20 дня, литъ сей колоколъ въ бытность игумена Лаврентія Уварова, тщаніемъ его; лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ, онъ же и Чейкинъ. Вѣсомъ 195 пудъ, 10 фунтовъ“.

*) См. выше, стр. 393.

Церкви св. архидіакона Стефана, что за Яузою.

„Лѣта 7151 (1643) далъ сей колоколъ вкладу Георгію Страстотерпцу въ монастырь князь Никита Михайловичъ Мезецкой по своихъ родителяхъ“.

Церкви Воскресенія Христова, что въ Гончарахъ, на Крутицахъ.

1) „Лѣта 7193 (1685) году Апрѣля въ 14 день сей колоколъ обмѣнили прихожане на старый колоколъ, а вѣсу въ немъ 101 пудъ, лилъ мастеръ Филиппъ Андреевъ“.

2) „Вылитъ сей колоколъ къ церкви Воскресенія Хрістова, что въ Гончарахъ, литъ на заводѣ Московскаго купца Данилы Тюленева“. На поверхности колокола орнаменты, херувимы и двуглавые орлы.

3) „1771 году Марта 19 вымѣненъ сей колоколъ къ церкви Воскресенія Христова, что въ Гончарахъ, стараніемъ приходскихъ людей при священникѣ Алексіѣ Васильевѣ, вѣсу 39 п. 32 ф. лилъ мастеръ Семенъ Можжухинъ“.

Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что на Крутицахъ, въ дому митрополита Сарскаго и Подонскаго.

(Обращена въ приходскую въ концѣ XVIII вѣка).

„1563 Marie D. Hames. me. noma. de. vng. ioevlx. mot. en. ge. Tapz. Dan. ichan. Fachin. ab. de st. ia. et. Lan. De. Waten. prwost. s. Nicolas. Pelovyn. Gvre. Xpaen. de Bravwer. Bailly. dvdit. liev“.

Симонова монастыря.

„Во хвалу и во славу Бога Всемогуща во единомъ существѣ въ трехъ лицахъ суща и въ честь родившія воплощенна Слова сей колоколъ состроенъ есть на Симоново въ обитель Успенія Матери Божія, да гласомъ сзываетъ въ храмъ Его вѣчную хвалу Ему отъ благихъ всяческихъ даяти и о нуждахъ молитвы теплы проливати; сліяся же сей колоколъ въ лѣто отъ созданія міра 7186, а отъ Рождества Бога Слова 1678 году, мѣсяца Сентября въ 1 день, при державѣ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, при архипастырствѣ великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, обители же тоя при архимандритѣ Пахоміи, а литъ сей колоколъ того же монастыря Симонова казною; вѣсу въ немъ 1000 пудъ, лилъ мастеръ Харитонка Ивановъ сынъ Панковъ, съ товарищемъ съ Петромъ Харитоновымъ, сыномъ Дурасовымъ“.

Покровскаго монастыря, что на Убогихъ домахъ, за Яузою.

1) „1747 году Апрѣля 12 дня, вылитъ сей колоколъ во обитель Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Убогомъ дому, стараніемъ строителя іеромонаха Силы и вкладчика Данилы Яковлева сына Земскаго и прочихъ

христолюбивыхъ дателей, вѣсу 66 пудъ 27 фунтовъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

2) „1750 году Марта 28 день, вылить сей колоколъ во обитель Покрова Пресвятыя Богородицы, что при Москвѣ на Убогихъ домахъ, при державѣ благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы Всероссійской и при наслѣдникѣ ея, внукѣ Петра Перваго, благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и супругѣ его благовѣрной государынѣ и великой княгинѣ Екатерины Алексѣевнѣ, вкладомъ бывшаго того монастыря строителя іеромонаха Силы впредь для поминовенія; вѣсу въ немъ 130 пудъ, лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ".

Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Бѣломъ городѣ, въ Чертольѣ, по Пречистенской улицѣ, у Алексѣевской башни (гдѣ нынѣ храмъ Христа Спасителя).

„1752 года Іюня 1 дня вылить сей колоколъ въ Алексѣевскій дѣвичій монастырь; вѣсу въ немъ 111 пудъ; въ старомъ колоколѣ было вѣсу 72 пуда, затѣмъ прибавлено въ новый колоколъ мѣди 38 пудъ, вкладомъ того же монастыря игуменьею Ольгою Дубенскою; литъ на заводѣ Московскаго купца Данила Тулякова".

Церкви Святителя Николая на Берсеневкѣ, въ Берсеневкахъ, за Берсенею рѣшеткою, въ Верхнихъ, въ Берсеневскихъ Садовникахъ. (Настоящая Св. Живоначальныя Троицы).

1) „Лѣта 7104 (1596) году Октоврія мѣсяца, сей колоколъ вылитъ иждивеніемъ гостя Матѳея Трофимова сына Сѣменникова, его же даде онъ и дѣти его вкладу къ церкви Пресвятыя Троицы, что въ Верхнихъ Садовникахъ, въ Берсеневкѣ, въ славу Божію за здравіе и спасеніе свое и дѣтей своихъ, также въ память вѣчную по родителяхъ своихъ усопшихъ и по женѣ своей Агрипинѣ и чадѣхъ своихъ, при сей церкви погребенныхъ, вѣсомъ 40 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Григорій Ивановъ".

2) „Лѣта 7114 (1606) году Октоврія мѣсяца, сей колоколъ дали есми вкладу дьякъ Порфирій и братъ мой гость Матфей Трофима Степановича дѣти Сѣменниковы къ церкви Пресвятыя Троицы, что въ Верхнихъ Садовникахъ, въ Берсеневкѣ, при служащемъ у тоя церкви честномъ іереѣ, отцѣ нашемъ духовномъ, Наумѣ Ѳеодотовичѣ, въ славу Божію за спасеніе и за отпущеніе грѣховъ своихъ и за спасеніе дѣтей его и внучатъ братнихъ, также въ память вѣчную во блаженномъ успеніи по родителяхъ нашихъ, по женахъ своихъ Марѳѣ, Агрипинѣ съ чады ихъ, при сей церкви погребенныхъ, а вѣсомъ сей колоколъ 100 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Григорій Ивановъ".

3) „Лѣта 7204 (1696) году Сентября въ 1 день, дала сей колоколъ думнаго дьяка Іакова Алексіевича Кириллова жена вдова Ирина Симоновна къ церкви Живоначальныя Троицы и къ предѣлу Казанскія Богородицы,

что въ Верхнихъ Садовникахъ въ Берсеневкѣ, въ вѣчное поминовеніе по мужѣ своемъ Іаковѣ Алексіевичѣ, а въ схимонасѣхъ Іовѣ, и по родителяхъ его Аверкіи убіенномъ, и Евфиміи и ихъ сродникахъ, при сей церкви лежащихъ, при священникѣ Наумѣ Θеодотовѣ".

На поверхности колокола четыре клейма: въ первомъ Святая Троица, во второмъ икона Казанской Богоматери, въ третьемъ: „лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ", въ четвертомъ клеймѣ: „а вѣсу въ немъ 200 пудъ".

Церкви Святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, что за Москвою-рѣкою въ Кадашевѣ, въ Голутвинѣ слободѣ, у Патріаршаго двора на Якиманкѣ.

„1789 году Августа 16 дня, сей колоколъ вылитъ къ церкви во имя Святыхъ Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, что Замоскорѣцкаго сорока, тщаніемъ священника Михаила Павлова и господъ приходскихъ людей, вѣсу въ немъ 243 пуда 2 фунта, литъ на заводѣ Никифора Калинина".

Церкви Св. Софіи Премудрости Слова Божія, что въ Нижнихъ набережныхъ Садовникахъ..

„1731 году Сентября въ 20 день, вылитъ сей колоколъ къ церкви Софіи Премудрости Божія и святаго апостола Андрея Первозваннаго, что въ набережныхъ Садовникахъ, тщаніемъ тоя церкви приходскихъ людей и другихъ доброхотныхъ дателей, при священникѣ Гаврилѣ Никитинѣ, вѣсу въ немъ 109 пудъ 25 фунтовъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

Церкви Воскресенія Христова въ Кадашевѣ, что на Грязи, за Москвою-рѣкою, въ Кадашахъ, въ Кадашевской слободѣ.

„Божіею поспѣшествующею милостію вылитъ сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ къ церкви Воскресенія Хрістова, что во Кадашевѣ, 1750 году Декабря 15 дня, при державѣ благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія великія государыни нашея императрицы Елисаветы Петровны всея Россіи, при наслѣдникѣ ея, внукѣ Петра Перваго, благовѣрномъ государѣ великомъ князѣ Петрѣ Θеодоровичѣ и при супругѣ его благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ, благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, иждивеніемъ шелковой фабрики содержателя Ивана Никитина сынъ Садовникова, при священникѣ Θеодорѣ Амвросимовѣ, вѣсу 90 пудъ".

На поверхности колокола изображены: 1) Воскресеніе Христово, 2) Успеніе Богородицы, 3) икона Тихвинской Божіей Матери, и 4) въ клеймѣ надпись: „а лилъ его мастеръ Константинъ Михайловъ Слизовъ".

Церкви Св. Великомученика Никиты, что въ Старыхъ Толмачахъ, въ Ордынцахъ, въ Татарской (настоящая Срѣтенія Господня).

„1773 года Іюля 10 дня, вылитъ сей колоколъ въ Замоскворѣцкой сорокъ къ церкви Срѣтенія Господня и предѣлу Великомученика Никиты, что

въ Старые Толмачи, тщаніемъ и трудами означенныя церкви священника Михаила Алексіева отъ доброхотнодательныхъ людей, вѣсу 54 пуда. Литъ на заводѣ Дмитрія Пирогова, въ Москвѣ".

Церкви Словущаго Воскресенія Христова, что̀ въ Монетчикахъ, на Кузнецахъ, въ Хомутовѣ, въ Стрѣлецкой слободѣ.

1) „Лѣта 1780 году Маія 22 дня, въ Володимерской уѣздъ Покровскаго округа села Орѣхова къ церкви Николая Чудотворца, стараніемъ священника Іоанна Степанова, Иліи Григорьева, прихожане Герасимъ Савельевъ, Онисимъ Спиридоновъ, Митрофанъ Ѳоминъ, Иванъ Ивановъ, Осипъ Ивановъ, Евстигней Петровъ, съ прихожанами, вѣсу 47 пудъ, 30 ф. Сей колоколъ вылитъ къ церкви Замоскворѣцкаго сорока Воскресенія Христова, что́ въ Монетчикахъ, стараніемъ священника Симеона Леонтьева".

2) „1780 году Августа 11 дня, вылитъ сей колоколъ въ село Рублево къ церкви Николая Чудотворца, въ сей колоколъ далъ вкладу бригадиръ Иванъ Степановичъ Игнатьевъ, а литъ въ Москвѣ на заводѣ Московскаго купца Степана Калинина, а вѣсу въ немъ ... пудъ. Сей колоколъ вылитъ Замоскворѣцкаго сорока Воскресенія Христова, что́ въ Монетчикахъ, стараніемъ тоя церкви священникомъ Симеономъ Леонтьевымъ".

Церкви Св. великомученика Георгія, что̀ въ Ендовѣ, въ Роушкахъ, въ Острозѣхъ.

1) „1731 году Сентября въ 8 день, перелитъ сей колоколъ къ церкви Святаго Великомученика Георгія, что́ въ Ендовѣ, изъ стараго, который былъ вѣсомъ 80 пудъ, да вновь прибавлено 20 пудъ мѣди, въ вѣчное поминовеніе души Василія Никитина сына Горскаго, вѣсу въ немъ 100 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

2) „1731 году Сентября въ 20 день, вылитъ сей колоколъ къ церкви Святаго Великомученика Георгія, что́ въ Ендовѣ, въ поминовеніе души Василія Никитина сына Горскаго, вѣсу въ немъ 50 пудъ, лилъ сей колоколъ Иванъ Моторинъ".

Церкви Святыхъ Безсребрениковъ Космы и Даміана на берегу за Москвою рѣкою, въ Садовникахъ, что̀ въ Кожевникахъ, что̀ въ Нижнихъ Садовникахъ (настоящая Владимирскія Божіей Матери).

„Лѣта 1732 году Марта 25-го, вылитъ сей колоколъ къ церкви Пречистыя Богородицы Владимирскія и Святыхъ Чудотворцевъ и Безсребрениковъ Космы и Даміана, что́ въ Нижнихъ Садовникахъ, иждивеніемъ тоя церкви приходскихъ людей и другихъ вкладчиковъ и тщаніемъ тоя же церкви священника Герасима Аврамова, вѣсу 120 пудъ, лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Моторинъ".

Въ Донскомъ монастырѣ.

„Во славу Святыя Единосущныя Животворящія и Нераздѣлимыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа вылить сей колоколъ въ Ставропигіальную обитель Донскую Пресвятыя Богородицы, нарицаемыя Донскія, чтò при царствующемъ градѣ Москвѣ въ благополучнѣйшее и тишайшее царствованіе всепресвѣтлѣйшія самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны. Первыя всея Россіи въ третьенадесять лѣто державы ея величества при его императорскомъ высочествѣ благовѣрномъ государѣ наслѣдникѣ великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ всея Россіи внукѣ государя императора Петра Великаго и супругѣ благовѣрной государыни Екатеринѣ Алексѣевнѣ, коштомъ господина Козмы Максимовича Замятнина, Московской первой гильдіи купца Ѳедора Ѳедорова Замятнина, при бытности въ оной Святой Донской обители архимандрита Варлаама Лящевскаго. Вѣсу въ немъ 700 пудъ. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7262, отъ Рождества же Христова 1754 году мѣсяца Февраля 27 дня. Лилъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ“.

Данилова монастыря, чтò на рѣкѣ Москвѣ.

„Лѣта 7190 (1682), Марта въ 17 день вылитъ сей колоколъ при державѣ великаго государя царя великаго князя Ѳеодора Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳеодоръ Моторинъ, а пожаловалъ сей колоколъ великій государь въ домъ Святыхъ Отецъ седми соборовъ Вселенскихъ и Святаго благовѣрнаго князя Даніила, при игуменѣ Тимоѳеѣ съ братіею“.

Бывшаго Андреевскаго монастыря, чтò въ Плѣницахъ, у Заразъ, въ Горахъ, у Воробьевскихъ кручъ (нынѣ Богадѣльня Московскаго Купеческаго Общества).

„1745 году Декабря 1 дня вылитъ сей колоколъ въ Свято-Андреевскій монастырь, чтò въ Плѣницахъ, при Москвѣ, тщаніемъ его графскаго сіятельства Сергія Борисовича Шереметева собственнаго его иждивенія впредъ для поминовенія роду своего, вѣсомъ 359 пудъ, лилъ сей колоколъ Московскій купецъ колокольныхъ дѣлъ мастеръ Константинъ Михайловъ сынъ Слизовъ“.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ, чтò за Ветошнымъ рядомъ, на Никольской.

1) „Лѣта 7124 (1616) далъ сей колоколъ по душѣ по своей Яковъ Дмитріевъ сынъ Пѣтуховъ къ чудному Богоявленію въ монастырь, чтò на Москвѣ за Ветошнымъ рядомъ“.

2) „Лѣта 7125 (1617) Февраля въ 20 день сей колоколъ далъ вкладу въ домъ въ Богоявленскій монастырь, чтò за Ветошнымъ рядомъ Алексѣй

Григорьевъ сынъ Витовтовъ по отцѣ своемъ Григоріи, въ иноцѣхъ схимникѣ Герасимѣ, по себѣ и по всѣхъ своихъ родителяхъ".

3) „Слитъ сей колоколъ въ Богоявленскій монастырь, литъ въ Москвѣ, лѣта 7200 (1692) году, лилъ сей колоколъ мастеръ Григорій Иванцовъ".

4) „Лилъ сей колоколъ мастеръ Михайла Моторинъ, въ лѣто 7244 (1736) году".

Въ соборѣ Казанскія Пресвятыя Богородицы, на Красной площади, на Никольскомъ крестцѣ, на Пожарѣ, что у Земскаго двора, у Ножеваго ряда.

„Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ, и его боголюбивая царица и великая княгиня Евдокія Лукьяновна и благородныя чада, царевичъ князь Иванъ Михайловичъ и царевна великая княжна Ирина Михайловна и царевна и великая княжна Анна Михайловна, царевна и великая княжна Татіана Михайловна сей колоколъ велѣли слить къ церкви новоявленнаго Образа Пречистыя Богородицы Казанскія, лѣта 7145 (1637)".

Церкви св. Космы и Даміана, что въ Кадашевѣ (Настоящая Рождества Прествятыя Богородицы).

„Лѣта 1707 сей колоколъ сдѣланъ тщаніемъ Роберта Грелье, иждивеніемъ Ивана Пеллетье, Ивана Капеля и другихъ прихожанъ".

*

На нѣкоторыхъ колоколахъ, нами описанныхъ, кромѣ надписей, находятся св. иконы, двуглавые орлы и разныя другія украшенія. Вѣроятно Московскіе литейщики не очень были искусны въ этомъ дѣлѣ: доказательствомъ служитъ слѣдующее распоряженіе 1732 года которое послѣдовало въ *Артиллеріи* (гдѣ отливались колокола), а именно: „Такъ какъ при Артиллеріи не имѣлось искусныхъ рѣщиковъ для сдѣланія изъ дерева формъ для святыхъ иконъ и персонъ ея императорскаго величества и блаженной памяти государя царя Алексія Михайловича и прочихъ украшеній и надписи, то и выписаны были изъ Петербурга изъ Интендантской Конторы обучавшіеся въ Италіи пьедестальнаго дѣла Василій Кобелевъ, Петръ Галкинъ. Петръ Кохтевъ, Петръ Серебряковъ, съ платою по 6 рублей въ мѣсяцъ, и формовальнаго дѣла мастеръ Петръ Луковниковъ, по 5 рублей въ мѣсяцъ", (Архивъ Моск. Дворц. Конторы, опись 7, дѣло № 721, годъ 1732).

А. Мартыновъ.

ДВА ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ КНЯЗЮ БАГРАТІОНУ.

1812 года.

I.

Ну-ка, мой отецъ по образу и подобію Суворова, поговоримъ съ глазу на глазъ, а поговорить есть о чемъ! Не выкиньте такой штуки, какъ въ старину князья Трубецкой и Пожарскій: одинъ смотрѣлъ, какъ другаго били. Подумайте, что здѣсь дѣло не въ томъ, что бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты—вамъ слава безсмертная: спасеніе отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣю рода человѣческаго! Благодаренъ зѣло за письмецо. Въ Москвѣ говорятъ: дай лишь волю, а Багратіонъ пужнетъ. Мнѣ кажется, что онъ васъ займетъ да и проберется на Полоцкъ, на Псковъ, пить Невскую воду. Милорадовичъ съ 34-ю тысячами славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску. У меня здѣсь до 10,000 рекрутъ формируется. Силы Московской въ семи смежныхъ губерніяхъ до 120 тысячъ, и тутъ прелихая есть конница. У Лобанова 26 тысячъ свѣжей пѣхоты. Деньги есть на нужду, и хлѣба будетъ досыта. Неужели послѣ того и со всѣмъ этимъ Москву осквернитъ Французъ? Ваше дѣло поберечь, а наше держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что и самъ дивлюсь. Счастье, что любятъ и слушаются. Пришаливаютъ Французы. Сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ, потомъ посылалъ за городъ гулять, въ Пермь и въ Оренбургъ. Не унимаются! Впрочемъ, злоба къ Бонапарте такъ велика, что и хитрость не дѣйствуетъ, и эта пружина лопнула, а онъ навѣрное шелъ на бунтъ. Я, право, въ усъ не дую; мнѣ все кажется, что это дурной сонъ; но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!

За симъ обнимаю
И точно пребываю
Безъ словъ и безъ лести,
А просто по чести

Вамъ преданный графъ Ѳедоръ Растопчинъ.

6 Августа 1812 года.
Изъ матушки каменной Москвы.

P. S. Тѣхъ офицеровъ, кои ранены и могутъ доѣхать до Москвы, присылайте прямо ко мнѣ. Я тремъ стамъ найду покой. Въ моемъ домѣ городскомъ на Лубянкѣ 50 кроватей, и всѣ хотятъ ходить и беречь героевъ, защитниковъ отечества.

2.

Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо вашего сіятельства, съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно, и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ; ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ. Здѣсь очень дивились бездѣйствію нашихъ войскъ противъ наступающаго непріятеля. Но лучше бы ничего ему не дѣлать, чѣмъ, выигравъ баталію, передать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ васъ, что все сіе приписываютъ несогласію двухъ начальниковъ и зависти ко взаимнымъ успѣхамъ, а такъ какъ общество во мнѣніяхъ своихъ мѣры не знаетъ, то и увѣрило само себя въ нелѣпицахъ. Теперь должно уже у васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска. Москва ли предметъ дѣйствій непріятельскихъ, или Петербургъ; а мнѣ кажется, что онъ, держа васъ тамъ, гдѣ вы, станетъ отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ Петербургской, и къ Московской дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы, пресѣкая сообщенія, нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ Русскій. Ополченіе здѣшнее готово, и завтра 6 тысячъ будутъ на бивакѣ, остальные же сводятся къ Вереѣ и Можайску. Ружей, пороху и свинцу пропасть, пушекъ 145 готовыхъ, а патроновъ 4,980,000. Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться; а народъ здѣшній по вѣрности къ Государю и любви къ Отечеству рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ, а если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ недурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазины хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу. Обнимая васъ дружески и по-русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій

Вамъ преданный графъ Растопчинъ.

12 Августа 1812 года.
Москва.

(*Сообщено покойнымъ графомъ М. В. Толстымъ*).

ПИСЬМО Г. Р. ДЕРЖАВИНА КЪ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ КНЯЗЮ А. И. ГОРЧАКОВУ.

Милостивый государь мой, князь Алексѣй Ивановичъ!

По благопріятному вашего сіятельства ко мнѣ расположенію осмѣливаюсь васъ просить.

Адъютантъ генерала Шевича [1]) племянникъ мой [2]), Дьяковъ, бывъ посланъ отъ него въ здѣшнюю столицу, отправляется нынѣ къ арміи: то не благоугодно ли будетъ пожаловать ему какое порученіе, чтобы онъ туды отвезъ вмѣсто нарочнаго курьера, чѣмъ ему праздно ѣхать? Онъ офицеръ, сколько мнѣ извѣстно, расторопной и всякое ваше препорученіе съ точностію исполнить можетъ.

Впрочемъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію пребываю.

Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

Февраля 20 дня 1813 года.

(*Сообщилъ С. Д. Муретовъ*).

---

[1]) Иванъ Егоровичъ Шевичъ, дѣдъ сенатора Ивана Егоровича и посланника въ Испаніи Дмитрія Егоровича Шевичей, воинъ школы великаго Суворова, въ этомъ же 1813 году былъ убитъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. П. Б.

[2]) Т. е. племянникъ второй жены Державина, Дарьи Алексѣевны, урожденной Дьяковой. Престарѣлый Державинъ, не имѣя близкихъ кровныхъ родныхъ, любилъ жениныхъ родныхъ и по своему значенію оказывалъ имъ покровительство. П. Б.

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ КЪ ОБЕРЪ-ПРОКУРОРУ СВ. СИНОДА С. Д. НЕЧАЕВУ.

1.

†

Радуйся и веселися, Стефане о Господѣ возлюбленне! Радуйся ты, мужъ боголюбивый и христолюбивый; радуйся купно съ нами, якоже и мы съ тобою, *яко съ нами Богъ*! Ты предварилъ меня твоимъ писаніемъ, пиша знаменія любви твоея ко мнѣ убогому и недостойному рабу твоему; ублажая же тебя, домъ твой, съ правдою созижденный, твое все Богу любезное, и тебя за любовь твою любовію о Господѣ почитая, благословляю тебя не въ инъ день, а въ день пресвѣтлый Господенъ, въ онь же Ангели поютъ: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе, въ онь же день явися *яко съ нами Богъ* нашъ, отцевъ нашихъ Господь хвальный и препрославленный. Не сердце ли мое во мнѣ нѣкогда вѣщало, яко съ тобою есть Господь? Пришелъ я въ домъ твой видѣть тебя и всѣхъ твоихъ и твоего херувима во плоти *) видѣлъ, видѣлъ на тебѣ Божіе благословеніе и на твоемъ домѣ, видѣвъ, яко съ нами Богъ, и съ тобою Господь былъ въ дому твоемъ. Сердце твое, отрыгнувше глаголы благочестія и предивнаго смиренія, мнѣ въ сердце вѣщало, яко Господь тебя не оставитъ, и Богъ милости и щедротъ, тебя благословляя, благословитъ Своимъ благословеніемъ земнымъ и небеснымъ, да узришь ты благая Іерусалима во вся дни живота твоего, да по имяни твоему и житіе твое да будетъ на пользу святыя и православныя церкви. Ты сынъ ея и отъ сосецъ пресладкаго ученія ея воспитанъ, и дѣла твои нынѣ являютъ, яко ты сынъ ея возлюбленный. Да напишется имя твое въ книгахъ живота; да будетъ путь твой предъ Богомъ, яко путь правды и славы Божіей, да почіетъ Божіе благословеніе съ тобою и на твоей женѣ и чадахъ и домочадцахъ, и да будешь ты благословенъ отъ Бога и человѣкъ! Тако за любовь твою о Господѣ тебя любя,

*) Супругу С. Д. Нечаева, Софью Сергѣевну, ур. Мальцову. П. В.

благословляю; тако ублажаю и поздравляю въ день пресвѣтлаго праздника Христа Бога нашего, о Немъ же есмь тебя на вѣки возлюбившій твой всенижайшій послушникъ, убогій и недостойный чернецъ Ю(рьевскій) н(астоятель) Фотій.

1831 года Декабря 24 дня.

2.

†

Радуйся, о мужъ предостойный и мудрый, радуйся о Господѣ въ твоемъ званіи и служеніи. Высоко и велико мѣсто есть, на немъ же ты поставленъ отъ Вышняго служить нынѣ; святѣйшее есть мѣсто и собраніе. Убо да будетъ и слово и дѣло свято въ назиданіе общее! А для сего молю Бога, да будетъ на тебѣ Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ вѣдѣнія и благочестія и страха Божія, и Той да наставитъ тя на истину. Сей есть единъ Кормчій истинный, вездѣ сый и вся исполняяй. О да не мнитъ человѣческій умъ, что смертенъ кто-либо правитъ кораблемъ Христовымъ, иже есть святая церковь. Самъ Христосъ въ немъ есть и Духъ Святый со Отцемъ Богомъ. Общій Кормчій да управитъ и тебя къ своему дѣлу и введетъ во царствіе небесное и явитъ величія Божія!

Слышу, что дщерь моя о Господѣ *) была тебя привѣтствовать; пишетъ мнѣ о семъ и о томъ, да добрѣ я сотворю, аще тебѣ благословеніе пришлю. Кое же благословеніе тебѣ пришлю? Ты милостію Божіею поставленъ на мѣсто сіе служить, то я тебѣ и *милосердія источникъ посылаю*, икону Пресвятыя Дѣвы Богородицы, въ пречистыхъ объятіяхъ держащую отрока Іисуса Христа, Спаса и Господа, а не Младенца. Исполненъ еси ты разума добраго и духа имѣешь по благодати. Пріими съ вѣрою *благословеніе Божіе*, кое азъ посылаю тебѣ ради Господа Іисуса. Съ сею иконою по мѣрѣ вѣры будетъ тебѣ благодать Божія Матери. Не ищи, о добрый мужъ и свѣтлый, отъ старца меня доброписанія и витійства. Да мню, что сіе тебѣ и не нужно. *Благословеніе Божіе* тебѣ нужно, то оное азъ тебѣ и посылаю и, тебя знаменая во имя Господне, пишу рукою моею тебѣ вопія: радуйся, Господь съ тобою! И еще благословляя, благословимъ Господа, и Той благословитъ тя и ущедритъ тя и просвѣтитъ тя и спасетъ и помилуетъ, и узриши благая Господня. Радуйся! Ф.

1833 года Маія 18 дня.

P. S. Прости, что такъ пишу нелѣпо: немощенъ есмь. Написавъ и перечесть не могу и тако посылаю; вѣдаю бо, яко тебѣ духъ и сила нужны, а не словеса.

---

*) Графиня А. А. Орлова-Чесменская. П. Б.

3.

†

О благоразумне и премудре!

Не мни, что я тако пишу льстя. Тотъ, иже пишетъ, не обрѣтеся лесть во устѣхъ его по силѣ его дѣйствъ во славу Божію, не имѣетъ нужды никому льстить ни въ чемъ: вся имѣетъ отъ Бога; ни слова, ни дѣла, ни въ какихъ нуждахъ той не будетъ имѣть, съ нимъ же нѣсть Бога, и во устахъ обрѣтается у кого ложь въ сердцѣ, на устахъ же лесть, яко меда сладость.

Тебѣ же что́ пишу, яко рабу Божію пишу, яко ангелу, посланному свыше на время свое. Не можетъ никто ничего дѣлать, аще не будетъ дано свыше, а паче всего, что благо великое сіе предъ Богомъ, малое предъ человѣками, но великое есть предъ Богомъ. Похвала Богородицы паче всего, Богу слава, Христу величаніе, Святымъ пѣснь; тѣмъ же и азъ спою пѣснь Богородицѣ: величитъ душа моя Господа въ ней; ее Матерь Божію ублажаемъ, то и въ Бога вѣру, Отца и Сына и Св. Духа имѣемъ, устами исповѣдуемъ. Въ купинѣ первое видѣніе великое было Божіе, знаменіе Богородицы; а въ святителѣ, христіанинѣ, боголюбцѣ и всякомъ благочестивомъ честь, любовь, хвала, слово и дѣло о Божіей Матери. Се камень пробный всякаго видѣть явно вѣру и слышать правду и коего духа есть; сице отъ Бога или отъ міра сего есть, что пишу тебѣ, ублажая тебя, Стефане, словеса чувствъ, обилія любви сердечной изливше, а не воздухъ словами бію и хартію мараю; яже пишу, и на небесахъ то мнѣ въ честь пишетъ рука Божія, да пріиму за сіе малое мое послушаніе мзду, и вси меня послушающіе и ты первый, яко власть попечительная по Бозѣ, предъ цари и владыки поставленная о всѣхъ и за вся. Велико твое служеніе, архангелоподобное предстательство на земли. Аще ты послужишь, якоже дадеся тебѣ благодать и сила, велико будетъ имя твое, и мзда твоя многа на небесѣхъ. Аминь. Ф.

Син. г. оберъ-прокурору С. Д. Н. 1 Ноября 1833 года.

4.

†

Вѣнценосецъ имянитый по благодати!

Странный вѣнецъ, не сплетенный моими руками, но отъ древнихъ лѣтъ видѣнный, съ первыхъ вѣковъ христіанства извѣстный, употребляемый, давно кое-гдѣ хранящійся въ сокровищахъ церковныхъ, но мною обрѣтенный, добрѣ разсмотрѣнный, яко драгоцѣнный, слав-

ный, прекрасный, готовый, представляю предъ лице на судъ святѣйшаго собора, идѣже Богъ Святый судилъ тебѣ быть и служить въ свою чреду. Странное чудо, но преславное, похвалу странную огненеопальныя купины, службу, образъ ея Владычицы и нужное на среду извожу, да благодати желающіе и славы у Бога, молитвами же Богородицы просящіе, явятъ свою благодать здѣсь на земли къ Богородицѣ, да тамо на небесахъ сугубо получатъ благодать возблагодать и славу вѣчную, вѣнецъ правды.

Премудрый по имяни своему и житію и служенію твоему, возлюби сплетенный вѣнецъ отъ святыхъ, Похвалы образу Богородицы Купины Неопалимой, и буди предстатель, гдѣ тебѣ Богъ далъ быть и послалъ тебя, яко единаго во плоти отъ Ангелъ Своихъ съ пламенною любовію ко всякому благу святыя церкви Божіей, коя есть живая, первая, святѣйшая, вся благодатная, преславная, чудесъ исполненная, Божія Матерь, одушевленный кивотъ святыни и престолъ царя славы Христа, держащая Младенца, Его, яко же образъ показуетъ превѣчнаго Бога, спасенія нашего ради явльшагося на земли и Собою все совершившаго и рай отверзшаго, древнее наслажденіе, Божіе видѣніе, божественное чудо, благодать и славу. Се вѣнецъ славы, образъ благодати, чтобъ, елико возможно, всѣмъ вѣрнымъ въ свое время похвалу Пресвятыя плести, воспѣвать, ублажать Ее, Матерь Свѣта и живота, Бога Слова рождшую, сущую Богородицу! Нѣтъ ничего болѣе на земли, какъ похвала Богородицы и вреднѣе, какъ хула и презрѣніе Ея образа, благодати, чудесъ и славы. Чудо чудесъ, паче ума и разума, всякаго слова и естества, рождество нетлѣнно Богородицы явися. Яко же воздухъ полетомъ и теченіемъ раздѣляется на свой часъ отъ тѣлъ, огнь и пламень раздѣляется отъ проведенія мгновеннаго руки чрезъ нихъ, вода отъ прошествія и раздѣленія, тако рождество бысть Сына Божія изъ Приснодѣвы Матери Маріи. Прежде прохода Израиля чрезъ море, была вода непроходна, и по преходѣ бысть вода таже непроходна, нераздѣлима: тако бысть прежде рождества Дѣва, въ рождествѣ Дѣва и по рождествѣ Дѣва. Паче всѣхъ знаменій въ Купинѣ Неополимой было знаменіе Богородицы. Образъ Ея паче всѣхъ изображеній, явленій чудотворныхъ, богородичный, сущій святолѣпнѣйшій, совершеннѣйшій, полный образъ Богородицы Купины Неопалимыя. Сія драгоцѣнность вѣковъ древнихъ и новыхъ лежала доселѣ по смотрѣніи въ хранилищахъ церковныхъ. Церковный вѣнецъ сей славы имѣетъ чудные на себѣ духовные небесные камни драгіе, пресвѣтлые. Бездна ума, разума, слова и видѣнія великаго на образѣ Купины.

И такъ, Стефане прехвальне, о похвалѣ пресвятыя Купины Неопалимыя, благоволи также по силѣ сотворить благо, яко же и я отъ

силъ моихъ слабыхъ посильная творю и всѣхъ, кого должно, молю и тебя паче, яко ухо, око, ногу, руку, сердце и умъ и все первое въ дѣлахъ духовныхъ и по Бозѣ вѣрныхъ. Буди милостивъ и здравъ на службу многу. Твой слуга, богомолецъ и отецъ убогій священно-архимандритъ Фотій.

1833 года, Ноября 7-го дня.

5.

†

Радуйся и пріими съ радостію даръ, яко благодать: посылаю бо тебѣ радость радостей; елико хощешь, толико по мѣрѣ вѣры и будетъ тебѣ. Се *благоуханный цвѣтъ* земный, и съ нимъ вкупѣ небесный, пречистый, цѣльбоносный, райскій, словесный. Пріими милость Божію любезно, радостно.

Ты болѣе чувствуешь нежели мнѣ изъявилъ, какъ тебѣ драгоцѣнна твоя супруга. Добро ты сказалъ, какъ ей послѣ небеснаго врачеванія было облегченіе неожиданно. Добра вѣра твоя; а велія вѣра твоя обрящетъ здравіе ей совершенно, аще вѣруешь и хощешь и якоже благоволитъ благодать Божія сотворить. Единъ есть врачъ душъ и тѣлесъ Небесный Утѣшитель: Онъ безъ всего все даруетъ вѣрующимъ. Посылаю тебѣ сокровищницу церковную; посмотри и внимательно пройди строки части 4-й главу четвертую-на-десять (14) стр. 58, 59, 60, 61 и до 67; немного требуется времени. Молю тебя и прошу, прочти; можетъ быть, тебѣ будетъ и полезно и любезно; а я думаю, что не совсѣмъ доселѣ извѣстно крайне искомое и вожделѣнное сокровище. Твое сердце тебѣ речетъ чтó нужно, полезно, и то ты сотворишь во утѣшеніе души своея и всѣхъ своихъ и присныхъ.

Я было хотѣлъ дать въ запасъ на весь путь здравыя пищи и питія, т. е. просвирныхъ сухарей банку для жены, отъ моего ежедневнаго служенія остающихся и сдѣланныхъ изъ просвиры, называемой Богородицыной, и еще малую скляницу святыя, живоносныя и и цѣлебоносныя воды Богоявленскія, которая николи не портится и коея капля едина, во все полагаемая, т. е. въ ястіе и питіе, есть цѣльбоносна; но не успѣлъ тебѣ вручить. Я вѣрующимъ и требующимъ всѣмъ раздаю; аще есть мѣсто для сего у тебя, пришлю тотчасъ тебѣ того и другаго. А сіе будетъ въ благословеніе Божіе. И я желаю здравія твоему подружію благочестивому. Послушай, я тебя видѣлъ въ видѣніи на день Лазарева Воскресенія, т. е. на Субботу Лазареву, и всю нощь съ тобою говорилъ о твоей супругѣ, и между прочимъ у меня была рѣчь съ тобою, дабы ей святой воды хотя по каплѣ, но во все полагать ядомое и піемое, и елея, т. е. прованскаго масла и

вообще пищи постныя придерживаться, дабы истинно здравіе имѣть. Впрочемъ я съ тобою говорилъ, ся не видалъ въ видѣніи, совѣтъ подавалъ, а въ сей день и часъ пишу тебѣ и объявляю. Усердіе мое во благо и благословеніе есть, а дѣло отъ тебя зависитъ. Твори, яко же хощешь и знаешь; я же желаю тебѣ истинно милости Божія и радости и супругѣ твоей здравія, для того и пишу и *благоуханный* внѣшній и духовный, земный и Божій цвѣтъ посылаю и книгу, въ ней же еще ты недовѣдомое узнаешь и похвалишь дивнаго во святыхъ.

Радуйся, Господь съ тобою, миръ вамъ всѣмъ. †††.

1834 года 12-го Іюня.

Ежели тебѣ нужна книга будетъ и полюбится написаніе объ исцѣленіи, можешь оную взять съ собою въ путь; дарю оную. А ежели мѣста дорожнаго не будетъ, то оставишь, и мнѣ будетъ возвращена; особенно ежели все замѣтишь на память.

6.

†

Мира, здравія я тебѣ желаю. Ты желалъ имѣть образъ святый отъ моея худости сыну твоему младенцу, коему ты и имя святое далъ въ честь святаго обители. И посылаю я тебѣ, возлюбленне брате, предостойнѣйшій мужъ, образъ не человѣка, а небеснаго Святаго Ангела Хранителя; на немъ изображенъ *Ангелъ Хранитель, ведетъ душу къ Богу и хранитъ въ пути.* Се тебѣ благословеніе Божіе за любовь твою къ моему недостоинству; пріими и благослови въ благословеніе кому ты вѣдаешь. Да будетъ Господь съ тобою! Посылаю я намѣстника моего по надобностямъ и съ нимъ образъ Ангела-Хранителя. Миръ тебѣ. Радуйся. †††. Твой недостойный, послѣдній грѣшный послушникъ и богомолецъ Юрьевскій архимандритъ Фотій.

1835 года Сентября 9-го дня, Новгородъ, Ю. монастырь.

(*Съ подлинниковъ сообщено Дмитріемъ Степановичемъ Нечаевымъ*).

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ КНЯЗЯ Ѳ. И. ХВОРОСТИНИНА.

(1603).

Нижеслѣдующимъ завѣщаніемъ князя Ѳедора Ивановича Хворостинина выясняется свойство̀ Хворостининыхъ съ Пожарскими. Извѣстно, что князь Пожарскій, въ походъ свой изъ Нижняго на Ярославль и въ Москву, временно сдалъ начальство князю Хворостинину, пока ѣздилъ на богомолье въ Суздаль. Писатель Смутнаго времени князь Иванъ Андреевичъ Хворостининъ, человѣкъ когда-то близкій Растригѣ, послѣ 1606 года, повидимому, примыкаетъ къ партіи князя Василія Васильевича Голицына, этого „столба", по выраженію князя Пожарскаго. Онъ же является опредѣленнымъ поклонникомъ патріарха Гермогена, который былъ явнымъ покровителемъ Прокопія Ляпунова, принадлежавшаго къ той же Голицынской партіи. Значеніе и силы этой партіи еще недостаточно выяснены.

Графъ Сергій Шереметевъ.

5 Марта 1896.

Во имя Живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа.

Се азъ рабъ Божій Ѳедоръ Хворостининъ пишу себѣ изустную память своимъ цѣлымъ умомъ, кому мнѣ что̀ дати и на комъ мнѣ что̀ взяти. А приказываю многогрѣшную душу свою *окольничему Ивану Михайловичу Бутурлину*, да брату своему князю Андрею Ивановичу Хворостинину, да племянникомъ своимъ князю Ивану Дмитріевичу Хворостинину, да князю Юрью Дмитріевичу Хворостинину, *да сестрѣ своей княгинѣ Настасьѣ княжъ Ѳедоровѣ княгинѣ Пожарскаго*, да отцу своему духовному Богородицкому протопопу Еуфимію, да *шурину своему князю Михаилу Петровичу Волконскому*, да *князю Григорью Костантиновичу Волконскому*. И имъ пожаловать грѣшная моя душа строити, положити грѣшное мое тѣло у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ возлѣ отца моего князя Ивана Михайловича, во иноцѣхъ Іосифа, а на мѣстѣ и цка положена, а на ней подписано: ‹мѣсто князя Ѳедора Ивановича Хворостинина›. А на преставленіе мое служить бы надо мною патріарху со всѣмъ соборомъ, а дати имъ

по книгамъ, какъ ся у нихъ ведетъ. А на отпѣванье одѣти грѣшное мое тѣло охабнемъ моимъ таусиннымъ бархатнымъ, а на немъ пуговицы серебряны. А дать по мнѣ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь вкладу 50 рублевъ; а 50 рублевъ по мнѣ вкладу къ Троицѣ дано при моемъ животѣ, и отпись у меня въ тѣхъ деньгахъ есть.

Да мнѣ же Живоначальныя Троицы архимандритъ Ѳеодосій Вятка да келарь Еустафій Головкинъ, да старецъ Варсунофій Якимовъ и вся братья дали мнѣ вотчинную деревню до моего живота въ Бѣжецкомъ верху сельцо Малышево съ деревнями за 50 рублевъ, и то сельцо пожаловать прикащикомъ моимъ отдать къ Живоначальной Троицѣ назадъ безденежно. И всего моего вкладу дано будетъ къ Живоначальной Троицѣ съ старымъ вкладомъ 150 рублевъ.

Да далъ есми при своемъ животѣ во Псковѣ къ Пречистой Богородицѣ въ Печеры 50 рублевъ, и отпись у меня въ тѣхъ деньгахъ есть; да къ Александру Чудотворцу Свирскому 50 же рублевъ, и отпись у меня въ тѣхъ деньгахъ есть же; да ко Всемилостивому Спасу и къ Великимъ Чудотворцемъ Зосимѣ и Саватѣю на Соловки 50 же рублевъ, и отпись у меня въ тѣхъ деньгахъ есть же; да къ Пречистой на Тихвину дано 12 рублевъ, и къ тому еще додати на Тихвину 38 рублевъ, итого станетъ 50 же рублевъ. Да дати мнѣ къ Пречистой Богородицѣ въ Кирилловъ монастырь 50 же рублевъ, да ко всемилостивому Спасу въ Ярославль и къ Великимъ Чудотворцамъ къ Ѳедору, Давыду и Костянтину 50 же рублевъ; да на Москвѣ къ Пречистой Богородицѣ въ соборъ протопопу съ братьею 50 же рублевъ, да въ Колязинъ монастырь къ Живоначальной Троицѣ и къ Великому Чудотворцу Макарью 30 рублевъ, да къ Живоначальной Троицѣ въ Рябевъ монастырь 10 рублевъ *); да на Москвѣ къ Чудному Богоявленью, что̀ противъ моего двора, 10 рублевъ, да къ Николѣ Чудотворцу Старому 5 рублевъ, да къ Николѣ Чудотворцу въ Заозерье на сорокоустъ 2 рубля, да на Коломну къ Великому Мученику Ѳедору Тирону на Красенъ 3 рубля, да къ Покрову Пречистыя Богородицы на Красенъ же полтора рубля.

Да по деревнямъ по моимъ по вотчинамъ и помѣстнымъ по храмомъ дать на сорокоустъ по рублю, а понамаремъ и проскурницамъ по полуполтинѣ, да проскурницамъ же на просвиры по осминѣ пшеницы и гдѣ пшеницы не родится, ино дать рожью.

---

*) Рябовъ монастырь въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. П. Б.

Да на преставленье мое и погребенье нищимъ раздать по рукамъ 10 рублевъ; да на преставленье мое и погребенье и на третины и на девятины и на полусорочины и на сорочины кормить нищихъ на моемъ дворѣ по силѣ сколько будетъ пригоже; да къ Троицѣ на Городищѣ дать на сорокоустъ 2 рубля.

А что дана ми вотчина государево жалованье блаженной памяти государя, царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи въ Переславскомъ уѣздѣ въ Козловскомъ стану село Заозерье съ деревнями да село Новое Клинцово съ деревнями, а по писцовымъ книгамъ пашни въ обѣихъ и въ деревняхъ написано 1.200 чертверти слишкомъ, и тѣми обѣими селы и деревнями завладѣли насильствомъ братъ князь Дмитрій съ дѣтьми да братъ князь Андрей съ сыномъ мимо государя, царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи жаловальной грамоты, да владѣютъ тѣми селы и деревнями и по ся мѣстъ. А что за нами вотчина государево жалованье въ Костромскомъ уѣздѣ село Городище съ деревнями, а въ немъ и въ деревняхъ по писцовымъ книгамъ написано пашни живущаго и пустого 1.400 четвертей, и та вотчина досталася на жеребей князю Петру брату два жеребія села Городищъ и деревень, а мнѣ князю Ѳедору досталося треть села Городищъ и деревень къ батькову благословенью къ сельцу Градищеву съ деревнями въ додачу, и записи дѣловыя промежъ насъ есть за нашими руками у всѣхъ по противнямъ, а дьяки и послухи у всѣхъ записей одни. А какъ князя Петра брата въ животѣ не стало, и на Городищѣ княжъ Петровымъ жеребьемъ двѣмя третьми села Городища и деревень, поговоря съ братьями со княземъ Дмитріемъ да со княземъ Андреемъ, владѣю язъ князь Ѳедоръ; потому что князь Дмитрій братъ да князь Андрей и дѣти ихъ и по ся мѣстъ не раздѣлили со мною государева жалованья села Заозерья съ деревнями, да села Новаго Клинцова съ деревнями. И нынѣча князю Андрею брату съ сыномъ да племянникомъ князю Ивану да князю Юрью раздѣлить тѣ села Заозерье съ деревнями да Новое Клинцово съ деревнями на трое съ сыномъ съ моимъ со княземъ Григорьемъ по третямъ по государя, царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи жаловальной грамотѣ, треть князю Андрею брату съ сыномъ, а другая треть князю Ивану да князю Юрью, а третья треть сыну моему князю Григорью. А на Городищѣ и въ деревняхъ двѣ трети княжъ Петровы братни раздѣлить на трое жъ: жеребей князю Андрею брату съ сыномъ, а другой князю Ивану да князю Юрью, а третій жеребей сыну моему князю Григорью.

Да благословляю невѣстку и матерь свою княжъ Дмитріеву княиню Ивановича княиню Авдотью образъ Спасовъ серебромъ обложенъ съ

жемчугомъ. Да благословляю брата своего князя Андрея Ивановича Хворостинина образъ Алексѣя Чудотворца съ серебромъ обложенъ. Да благословляю племянника своего князя Ивана Дмитріевича образъ складни: на одной цкѣ Пречистая Богородица Тифинская, а на другой цкѣ Никола Чудотворецъ серебромъ обложенъ. Да благословляю племянника своего князя Юрья Дмитріевича образъ Пречистыя Богородицы съ серебромъ обложенъ. Да благословляю сестру свою княиню Настасью образъ Пречистыя съ серебромъ обложенъ да 20 рублевъ денегъ. Да благословляю сына своего князя Григорья чудотворный образъ Пречистыя Богородицы Тифинскія съ вѣнцомъ и съ коруною и со всѣмъ прикладомъ: буди на немъ милосердіе Божіе и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и мое грѣшное благословенье. Да благословляю жену свою княиню Антониду образъ Пречистыя Богородицы Каневской съ серебромъ обложенъ. Да благословляю сына своего князя Григорья государевымъ жалованьемъ вотчиною своею третью села Заозерья съ деревнями, да третью села Нового Клинцова съ деревнями, да третью села Городищъ съ деревнями. А княжъ Петровъ жеребій братень два жеребья села Городищъ и деревень, раздѣлить брату моему князю Андрею да племянникомъ моимъ князю Ивану да князю Юрью съ сыномъ съ моимъ со княземъ Григорьемъ по третямъ по государевѣ жаловальной грамотѣ и по нашимъ дѣловымъ записямъ.

Да благословляю сына же своего князя Григорья въ Костромскомъ уѣздѣ батюшковымъ благословеніемъ селомъ Градищевымъ съ деревнями. Да благословляю сына же своего князя Григорья въ Боровскомъ уѣздѣ сельцомъ Головенкинымъ съ деревнями. Да благословляю жену свою княиню Антониду въ Переславскомъ уѣздѣ селомъ Богородицкимъ съ деревнями до ея живота. А какъ жены моей не станетъ, и та вотчина сыну моему князю Григорью. А что моя вотчина въ Бѣжецкомъ верху, которую далъ мнѣ за долгъ братъ мой князь Петръ Ивановичъ Хворостининъ, а достальною благословилъ сына моего князя Григорья, село Боскаково съ деревнями да село Александровское съ деревнями, и ту вотчину благословляю сына же своего князя Григорья. Да благословляю сына же своего князя Григорья вотчиною своею въ Костромскомъ уѣздѣ селомъ Романовымъ съ деревнями, что есми купилъ у сестры своей у Марьи Богдановы жены Замыцкого. Да благословляю сына своего князя Григорья въ Ростовскомъ уѣздѣ селомъ Павловымъ съ деревнями.

А что останется послѣ живота моего лошадокъ и служивой рухляди, доспѣховъ и иной всякой мелкой рухляди и всего моего животишка, и тѣмъ всѣмъ благословляю сына же своего князя Григорья. А что у меня животишка, и тому у меня памятца за моею рукою. А женѣ моей княинѣ Антонидѣ жить вмѣстѣ съ сыномъ съ моимъ со княземъ Григорьемъ, а деревнишками и животишками владѣти вмѣстѣ жъ. Да благословляю сына же своего князя Григорья людьми своими крѣпостными: Тулупа Семенова съ женою, да Карпа Тиханова сына Буркова, да брата его Тугарина.

А которые люди били челомъ сыну моему князю Григорью при моемъ животѣ на его имя, и тѣ люди готовы его, а остальные люди велѣть всѣхъ отпустить, надѣливъ по силѣ, смотря по человѣку. А дѣловымъ людемъ дать по полтинѣ да по коровѣ.

А у духовныя сидѣлъ отецъ мой духовный Богородицкій протопопъ Еуөимій. А духовную писалъ князь Лука княжъ Матвѣевъ сынъ Львовъ лѣта 7111 Октября въ 24 день. А на то послухъ князь Иванъ Юрьевичъ Морткинъ.

*

Духовная писана на трехъ листахъ старинной бумаги, шириною шесть, длиною восемь вершковъ, склеенныхъ вмѣстѣ. На оборотѣ рукоприкладство завѣщателя и одного душеприказщика, а также отца духовнаго протопопа Еуөимія. Подлинникъ хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, № 236 (1340) по Бѣжецкому уѣзду.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ПРАХА КНЯЗЯ И ГРАФОВЪ ОРЛОВЫХЪ.

Орлы изъ стая той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла.

Имена братьевъ Орловыхъ принадлежатъ Русской Исторіи. Они связаны неразрывно съ именемъ Екатерины Великой, и хотя въ нынѣшнемъ году наступаетъ уже столѣтіе со времени ея кончины, но память ея и сподвижниковъ ея не умираетъ, и мы доселѣ пользуемся плодами трудовъ ея на благо Россіи. Историкъ не можетъ забыть о томъ, что̀ сталось бы съ нами, если бы продлилось царствованіе ея предшественника, когда выносились святыя иконы изъ домовыхъ церквей столицы, въ Зимнемъ дворцѣ устроенъ Лютеранскій храмъ, а въ Штетинѣ собирались пасторы для обсужденія мѣръ къ провозглашенію Аугсбургскаго исповѣданія господствующимъ въ Россійской имперіи; когда расхищены были милліоны звонкой монеты, сбереженные императрицею Елисаветой, и нечѣмъ было платить жалованья слугамъ государства. Воцареніе Екатерины Великой было крайнею и благодѣтельною необходимостью, и участіе въ оном братьевъ Орловыхъ есть вѣчная ихъ заслуга передъ потомствомъ. Вотъ почему на Мраморномъ дворцѣ въ Петербургѣ, выстроенномъ для старшаго изъ нихъ, красовалась въ прошломъ столѣтіи надпись: *зданіе благодарности*. Братья Орловы были люди вполнѣ народные, крѣпкіе землѣ своей. Дѣти богатыхъ родителей, они дѣйствовали сознательно, а не какъ юные безумцы, жаждущіе новизны; ихъ любили и солдаты, и офицеры, а гвардія, въ то время всесословная, была, по выраженію покойнаго С. М. Соловьева, представительницею всей Россіи. Не можемъ отнестись иначе какъ сочувственно къ обновленію ихъ исторической памяти, которое вызвано правнучатнымъ племянникомъ ихъ графомъ Анатоліемъ Владимировичемъ Орловымъ-Давыдовымъ, любезно обратившимся къ намъ съ нижеслѣдующимъ письмомъ. П. Б.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

Отрада, 27-го Февраля 1896.

Какъ поклоннику и почитателю великой эпохи императрицы Екатерины и ея сподвижниковъ, считаю своимъ долгомъ передать вамъ о совершившемся на дняхъ событіи въ семьѣ моей и подѣлиться съ вами моими впечатлѣніями.

Изъ пяти братьевъ Орловыхъ, какъ вамъ извѣстно, погребенныхъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ родовомъ имѣніи

Орловыхъ Отрадѣ (нынѣ принадлежащемъ по наслѣдству мнѣ) трое, а именно свѣтлѣйшій князь Григорій и графы Алексѣй и Ѳедоръ Григорьевичи Орловы были перевезены въ 1832-мъ году, съ соизволенія императора Николая I-го, графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою, находившеюся тогда подъ вліяніемъ архимандрита Фотія, въ Новгородскій Юрьевъ монастырь. Двухъ другихъ своихъ дядей, графа Ивана (старшаго брата) и графа Владиміра, моего прадѣда (младшаго изъ пяти братьевъ) графиня Анна Алексѣевна оставила въ родовой Отрадинской усыпальницѣ.

Непонятно, что побудило ее увезти, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, героемъ Чесмы, двухъ дядей своихъ пролежавшихъ безъ малаго полвѣка въ Отрадѣ, оставивъ двухъ другихъ въ первоначальномъ мѣстѣ ихъ упокоенія.

Правда, графа Владиміра, основателя и бывшаго хозяина Отрады, лично похоронившаго всѣхъ своихъ братьевъ (по имп же заявленному желанію) въ своемъ родовомъ склепѣ, увозить было неудобно; но почему же оставленъ былъ старшій, графъ Иванъ?

Сама графиня, по кончинѣ своей, согласно изъявленной ею волѣ, была похоронена въ томъ-же Юрьевѣ монастырѣ, но не возлѣ своего отца и двухъ перевезенныхъ туда вмѣстѣ съ нимъ дядей, преданныхъ землѣ подъ папертью Георгіевскаго собора, а въ Спасской церкви, возлѣ чтимаго ею архимандрита Фотія *).

Имѣвъ давно желаніе снова соединить въ родной землѣ и подъ роднымъ сводомъ нашей фамильной усыпальницы прахъ этихъ пяти братьевъ, столь дружно между собою жившихъ и такъ долго уже, до 32-го года, покоившихся вмѣстѣ, я рѣшился просить Государя Императора о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи мнѣ перевезти обратно въ Отраду прахъ моихъ предковъ. Въ серединѣ Февраля мѣсяца нынѣшняго послѣдовало на то Высочайшее соизволеніе.

Для приведенія въ исполненіе столь близкаго моему сердцу дѣла я отправился 22-го Февраля въ Новгородъ и, благодаря самому обязательному и дѣятельному содѣйствію Новгородскаго губернатора Б. В. Штюрмера, такого же какъ, и вы, искренняго почитателя царствова-

*) Они покоятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы роднаго отца Фотія, при самой двери склепа, гдѣ поставлены были рядомъ гроба трехъ братьевъ.

нія Екатерины Великой, я, наконецъ, привелъ къ благополучному окончанію свое завѣтное желаніе.

23-го Февраля, посвятивъ все утро посѣщенію духовныхъ властей, осмотру древностей Юрьевской обители и отслуживъ панихиду по графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, я приступилъ къ поднятію трехъ колоссальныхъ *) мѣдныхъ гробовъ моихъ предковъ изъ склепа, сквозь выломанный сводъ, на поверхность паперти Георгіевскаго собора, гдѣ они и были поставлены рядомъ, на приготовленной эстрадѣ, противъ главнаго входа изъ паперти въ соборъ, до слѣдующаго утра.

24-го числа, послѣ заупокойной обѣдни, архіерейскимъ служеніемъ, съ панихидою въ Спасской (теплой) церкви и затѣмъ литіи на Георгіевской паперти надъ гробами знаменитыхъ покойниковъ, въ началѣ 12-го часа, похоронная процессія, предшествуемая духовенствомъ и сопровождаемая мѣстными властями и толпами народа, двинулась длинною колонною изъ монастыря къ городу и затѣмъ, по улицамъ, среди сплошной массы народа, къ желѣзно-дорожному вокзалу. Погода, съ утра вѣтреная и снѣжная, къ этому времени poутихла. Картина была торжественная и трогательная.

На станціи желѣзной дороги, гдѣ ожидалъ экстренный поѣздъ, ровно въ два часа, гроба были поставлены въ траурный вагонъ, отслужена послѣдняя литія и, по отданіи войсками и артиллеріею салюта, поѣздъ двинулся въ Чудово. Тамъ намъ пришлось перегружать покойниковъ въ высланный изъ Петербурга вагонъ, и затѣмъ поѣздъ отправился далѣе въ Москву.

Прилагаю при семъ заранѣе отпечатанный распоряженіемъ губернатора церемоніалъ траурной процессіи въ Новгородѣ.

Вчера утромъ, 26-го числа, по прибытіи на станцію Шарапова Охота (Курской линіи), мы поставили гроба на трое приготовленныхъ саней и двинулись въ Отраду, куда благополучно прибыли, по отличному санному пути (21 вер.), къ пяти часамъ пополудни и, въ сопровожденіи крестьянъ, при колокольномъ звонѣ, подвезли своихъ

*) 3 аршина 4 вершка длины.

славныхъ старцовъ къ родному Успенскому храму, а по отслуженіи панихиды и дружномъ пѣніи всѣхъ присутствовавшихъ, спустили ихъ въ давно знакомую имъ усыпальницу и предали землѣ.

Теперь всѣ пять братьевъ Орловыхъ снова покоятся вмѣстѣ, въ родной землѣ!

Примите и пр.

Графъ А. Орловъ-Давыдовъ.

P. S. Сію минуту я получилъ отъ графа С. Д. Шереметева, съ нарочнымъ изъ Кускова, чудный вѣнокъ для возложенія на могилу графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго.

*

Участіе, которое выразилъ графъ С. Д. Шереметевъ доставленіемъ вѣнка на гробницу графа Орлова-Чесменскаго, объясняется тѣмъ, что прадѣдъ его съ материнской стороны Василій Владимировичъ Шереметевъ былъ другомъ Чесменскаго, героя. Сынъ его Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ пользовался неизмѣннымъ его покровительствомъ и сердечнымъ расположеніемъ. Дочь графа Чесменскаго графиня Анна Алексѣевна была въ дружбѣ и вела переписку съ Екатериною Васильевной Шереметевой, старшей дочерью Василія Владимировича и сочувственно относилась къ графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Шереметевой, у сына которой графа С. Д. Шереметева донынѣ хранится подаренный ею браслетъ.

Переписка графа Орлова-Чесменскаго съ В. В. Шереметевымъ и другими лицами появится въ печати въ подготовляемомъ изданіи „Архивъ села Михайловскаго", къ которому приложены будутъ: 1) поясной портретъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, подаренный имъ В. В. Шереметеву и 2) изображеніе обелиска (съ медальономъ О. Ч.), окруженнаго всею семьею В. В. Шереметева. П. Б,

Приложеніе.

Порядокъ слѣдованія праха графовъ Орловыхъ изъ Юрьева монастыря на вокзалъ Новгородской желѣзной дороги *).

I. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, почившійся съ 1832 года, въ Георгіевскомъ соборѣ Новгородскаго Юрьева монастыря прахъ сподвижниковъ императрицы Екатерины Великой, генералъ-фельдцейгмейстера, свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова, генералъ-аншефа графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго и генералъ-

---

*) Юрьевскій монастырь находится въ 3-хъ верстахъ къ Югу отъ Новгорода, на лѣвомъ берегу Волхова. П. Б.

аншефа графа Θеодора Григорьевича Орлова будетъ перевезенъ въ Московскую губернію, для преданія землѣ въ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, въ селѣ Отрадѣ, заповѣдномъ имѣніи графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ.

II. 24 Февраля, въ день назначенный для перевезенія, всѣ желающіе почтить память Орловыхъ, какъ славныхъ дѣятелей отечественной исторіи, приглашаются въ Юрьевъ монастырь, къ божественной литургіи, которая начнется въ 9 часовъ утра. Послѣ литургіи, будетъ совершена панихида и затѣмъ, въ Георгіевскомъ соборѣ, надъ прахомъ Орловыхъ—литія.

III. Печальное шествіе изъ Юрьева монастыря направится къ вокзалу Новгородской желѣзной дороги въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Чины Новгородской уѣздной и городской полиціи.

2) Монашествующіе и духовенство Юрьева монастыря.

3) Прахъ генералъ-аншефа, кавалера ордена Св. Георгія 2-й степени, графа Θедора Григорьевича Орлова, на орудійномъ лафетѣ, запряженномъ цугомъ въ 6 лошадей.

4) Почетный караулъ изъ роты 85 пѣхотнаго Выборгскаго полка со знаменемъ.

5) Настоятель Софійскаго каѳедральнаго собора, протоіерей Орпатскій, неся икону Смоленской Божіей Матери, бывшую въ Чесменскомъ бою съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

6) Прахъ главнокомандовавшаго въ 1771 году надъ побѣдоноснымъ Россійскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, генералъ-аншефа, кавалера ордена Св. Георгія 1-й степени, генералъ-адъютанта графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, на орудійномъ лафетѣ, запряженномъ цугомъ въ 6 лошадей.

7) Взводъ отъ Флотскихъ экипажей, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, прибывшій въ Новгородъ, для участія въ печальномъ шествіи.

8) Прахъ генералъ-фельдцейхмейстера, Кавалергардскаго корпуса шефа, генералъ-адъютанта свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова, на орудійномъ лафетѣ, запряженномъ цугомъ въ 6 лошадей.

9) Правнукъ Орловыхъ, оберъ-шталмейстеръ Высочайшаго двора, графъ Анатолій Владимировичъ Орловъ-Давыдовъ.

IV. Во время слѣдованія печальнаго шествія будутъ совершены литіи у храма села Арказскаго и на площади, противъ Десятиннаго монастыря.

V. Возлѣ памятника, сооруженнаго дворянамъ Новгородскимъ, павшимъ при защитѣ Отечества въ 1812 году, будутъ ожидать процессію воспитанники всѣхъ Новгородскихъ учебныхъ заведеній, которые примутъ за тѣмъ участіе въ печальномъ шествіи.

VI. На вокзалѣ Новгородской желѣзной дороги, для встрѣчи процессіи, будутъ выстроены: баталіонъ 85 пѣхотнаго Выборгскаго полка и батарея 22 артиллерійской бригады.

VII. Когда прахъ Орловыхъ будетъ установленъ въ вагонахъ желѣзной дороги, духовенствомъ будетъ совершена краткая литія.

VIII. При отходѣ траурнаго поѣзда, войсками будетъ отданъ установленный салютъ.

ДУХОВНЫЯ ЗАВѢЩАНІЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА ДОЛГОРУКОВА.

1892 года Февраля 18-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ по IV-му отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Н. Н. Покровскаго, въ составѣ членовъ, князя С. М. Крапоткина и О. Я. Ягелло, слушалъ дѣло объ утвержденіи къ исполненію двухъ домашнихъ духовныхъ завѣщаній генералъ-адъютанта, генерала отъ кавалеріи князя Владимира Андреевича Долгорукова и заключеніе товарища прокурора Н. Я. Клепина.

25 Іюля и 12-го Декабря 1891 года представлены въ Окружный Судъ два духовныхъ завѣщанія, совершенныя домашнимъ порядкомъ, умершаго въ Парижѣ 1-го Іюля 1891 года члена Государственнаго Совѣта князя Владимира Андреевича Долгорукова, слѣдующаго содержанія.

I.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. 1885 года Іюля 17-го дня, я, нижеподписавшійся, Московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, находящійся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, составилъ это духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ.

1-е. Я желаю, чтобы по кончинѣ моей тѣло мое было положено въ простой дубовый гробъ необитый парчею, перевезено до станціи Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ и со станціи той же дороги до кладбища въ С.-Петербургѣ на простыхъ дрогахъ, запряженныхъ парою лошадей, и предано было землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ, въ фамильномъ склепѣ, подлѣ могилы жены моей, безъ приглашенія къ отпѣванію тѣла моего войска.

2. Распоряженія по погребенію тѣла моего прошу принять на себя генералъ-адъютанта Николая Васильевича Воейкова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Павловича Дегая, почтъ-директора Московскаго Почтамта дѣйствительнаго статскаго совѣтника

Семена Сергѣевича Подгорѣцкаго и Московскаго вице-губернатора князя Владимира Михайловича Голицына. Аминь.

Къ сему духовному завѣщанію, писанному мною со словъ и по волѣ завѣщателя, Московскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта, генерала отъ кавалеріи князя Владимира Андреевича Долгорукова, находящагося въ здравомъ умѣ и твердой памяти, присяжный повѣренный Андрей Евдокимовичъ Носъ руку приложилъ. Къ сему духовному завѣщанію Московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ руку приложилъ. Что сіе духовное завѣщаніе дѣйствительно составлено Московскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, писано, по просьбѣ его присяжнымъ повѣреннымъ Андреемъ Евдокимовичемъ Носомъ, подписано имъ, завѣщателемъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, и что я, при подписаніи мною сего завѣщанія, лично видѣлъ его, завѣщателя князя Владимира Андреевича Долгорукова и нашелъ его въ здравомъ умѣ и твердой памяти, въ томъ свидѣтельствуя, подписуюсь дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Мостовскій. Въ томъ же свидѣтельствуя подписуюсь отецъ духовный завѣщателя князя Владимира Андреевича Долгорукова, протоіерей Александръ Ильинскій.

II.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. 1885 года Іюля 17-го. Я нижеподписавшійся, Московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, находящійся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, въ дополненіе перваго моего духовнаго завѣщанія, составленнаго домашнимъ порядкомъ сего же 17-го Іюля 1885 года, составилъ это второе духовное завѣщаніе, въ слѣдующемъ.

1) Прошу внести на вѣчное о душѣ моей поминовеніе государственными процентными бумагами по нарицательной цѣнѣ для пользованія процентами: а) въ церковь Смоленскаго въ Санктпетербургѣ кладбища, гдѣ будетъ предано землѣ тѣло мое, и въ Болдинъ монастырь Смоленской губерніи [1]), гдѣ предано землѣ тѣло покойнаго моего батюшки-родителя — по *три* тысячи рублей, и б) въ Московскій Новодѣвичій монастырь, гдѣ предано землѣ тѣло покойной моей матушки-родительницы [2]), въ Александро-Невскую въ Санктпетербургѣ Лавру,

[1]) Болдинъ-Троицкій мужской монастырь 3-го класса, въ 15 верстахъ отъ города Дорогобужа. По близости отъ него находилась вотчина княжева отца, статскаго совѣтника князя Андрея Николаевича (род. 1772 † 1843). П. Б.

[2]) Княгини Елисаветы Николаевны, ур. Салтыковой († 1857). П. Б

гдѣ погребены мои родственники, въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру и въ домовую церковь при домѣ Московскаго генералъ-губернатора— по *двѣ* тысячи рублей.

2) Прошу также выдать государственными бумагами по нарицательной цѣнѣ для пользованія процентами: а) По *три* тысячи рублей— пріюту моего имени въ Москвѣ въ вѣдомствѣ Московскаго Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ, безплатной лечебницѣ моего имени въ Москвѣ, состоящей при Комитетѣ «Христіанская Помощь» Россійскаго Общества Краснаго Креста, и Ломоносовской семинаріи, состоящей при Лицеѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ, для учрежденія стипендіи*); б) по *двѣ* тысячи—больницѣ имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра III-го, убѣжищу для увѣчныхъ воиновъ въ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ находится домъ имени моего; ремесленному училищу моего имени при Мясницкомъ отдѣленіи больницы для чернорабочихъ въ Москвѣ; Православному Миссіонерскому Обществу въ Москвѣ; Кирилло-Меѳодіевскому Обществу въ Москвѣ для содержанія церковно-приходскихъ училищъ; Маріинскому Пріюту Московскаго Общества попеченія о дѣтяхъ лицъ ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь; Коммисіи публичныхъ народныхъ чтеній, состоящей при Императорскомъ Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, и Московскому Художественному Обществу, для ежегодной выдачи изъ процентовъ премій лучшему ученику класса живописи. в) По *одной* тысячѣ рублей—мастерской для безпріютныхъ моего имени въ Москвѣ, Православному Свято-Никольскому братству въ городѣ Ковно, отдѣлу распространенія духовно-нравственныхъ книгъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ, Московской Покровской Епархіальной Общинѣ сестеръ милосердія, Александровской Общинѣ сестеръ милосердія «Утоли моя печали» въ Москвѣ, Обществу Любителей церковнаго пѣнія, Московскому Благотворительному Обществу 1837 года, Московской Глазной больницѣ, лечебницѣ для приходящихъ больныхъ Московскаго Попечительнаго о бѣдныхъ комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, безплатной лечебницѣ для бѣдныхъ, учрежденной военными врачами въ Москвѣ; богадѣльнѣ въ селѣ Васильевскомъ Ржевскаго уѣзда, Тверской губерніи; богадѣльнѣ для престарѣлыхъ женщинъ, состоящей при 1-мъ Басманномъ отдѣленіи Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ; Московскому Комитету для оказанія пособій пострадавшимъ отъ народныхъ бѣдствій;

*) Ломоносовская семинарія закрылась еще до кончины князя В. А. Долгорукова. П. Б.

Коммиссія снабженія безплатно топливомъ бѣднѣйшихъ жителей Москвы; Московскому Обществу пособія несовершеннолѣтнимъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія; Стрекаловской женской ремесленной школѣ Общества Поощренія Трудолюбія въ Москвѣ и Императорскому Обществу для содѣйствія Русскому Торговому Мореходству въ Москвѣ, для ежегодной выдачи изъ процентовъ пособія бѣднѣйшимъ ученикамъ мореходныхъ классовъ на Бѣломъ Морѣ. г) По *пятисотъ* рублей— Благотворительному Обществу при 1-й Московской больницѣ, таковому же Обществу при второй Московской Городской больницѣ, Ольгинскому Благотворительному Обществу, при больницѣ имени Императора Александра III-го въ Москвѣ, Благотворительному Обществу при Императорской Екатерининской больницѣ въ Москвѣ, таковому же Обществу при Московской Маріинской больницѣ и Московскому Обществу бывшихъ университетскихъ воспитанниковъ. д) Императорскому Московскому Университету *двѣ* тысячи рублей для взноса изъ процентовъ съ этой суммы платы за слушаніе лекцій недостаточными студентами. е) Вяземскому пріюту моего имени, состоящему при Вяземскомъ (Смоленской губерніи) благотворительномъ комитетѣ—*одну* тысячу рублей.

3) Завѣщаю въ полную собственность дочери моей, женѣ генералъ-адъютанта Варварѣ Владиміровнѣ Воейковой всѣ фамильные портреты и бюсты, а также и всѣ скульптурныя произведенія, вазы, старинный фарфоръ, старинное и драгоцѣнное оружіе, издѣлія изъ бронзы и слоновой кости, разныя кабинетныя вещи и другіе тому подобные старинные и рѣдкостные предметы, равно всѣ предметы роскоши и искусства, какіе окажутся въ день моей смерти въ занимаемомъ мною помѣщеніи, за исключеніемъ пожертвованныхъ $^{1}/_{18}$ Апрѣля 1881 года Московскому Публичному и Румянцовскому Музею предметовъ, поднесенныхъ мнѣ представителями сословій, обществъ и учрежденій и частными лицами въ дни празднованія моихъ юбилеевъ 30-го Августа 1875 года и 14 Апрѣля 1879 года. Равнымъ образомъ завѣщаю въ полную собственность ей же, дочери моей Варварѣ Владиміровнѣ Воейковой, столовое серебро, бронзу, фарфоръ, хрусталь и другіе предметы сервировки.....

5) Изъ движимаго имущества моего мѣховыя вещи, бѣлье, платье и обувь должны быть распредѣлены въ полную собственность между моимъ камердинеромъ и его помощникомъ въ такой пропорціи, чтобы изъ этихъ вещей на три пятыхъ ихъ стоимости поступило камердинеру, а на двѣ пятыхъ его помощнику.

6) Назначаю выдачи всѣмъ лицамъ, которыя будутъ находиться у меня въ услуженіи по частному найму въ день моей смерти, а равно и низшимъ служителямъ изъ числа состоящихъ у меня лично въ услуженіи по должности моей Московскаго генералъ-губернатора, а именно: а) въ размѣрѣ трехгодоваго жалованья камердинеру, б) въ размѣрѣ двухгодоваго жалованья его помощнику, в) въ размѣрѣ годоваго жалованья всѣмъ остальнымъ и г) по *сту пятидесяти* рублей сержантамъ казеннаго генералъ-губернаторскаго дома въ Москвѣ: Гаврилѣ Ремизову, Василію Каверину и Василію Корягину и тѣмъ курьерамъ, которые будутъ находиться на моей половинѣ.

7) Для исполненія воли моей, изложенной въ первой, второй и шестой статьяхъ этого завѣщанія, назначаю капиталъ въ *шестьдесятъ* тысячъ и все движимое мое имущество, какое окажется въ день моей смерти, за исключеніемъ а) святыхъ иконъ, б) предметовъ пожертвованныхъ мною при жизни Московскому Публичному и Румянцовскому Музею и в) предметовъ, о коихъ мною сдѣланы завѣщательныя распоряженія въ статьяхъ третьей, четвертой и пятой настоящаго завѣщанія.

8) Прошу предсѣдательницу состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Общества Поощренія Трудолюбія въ Москвѣ, жену дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александру Николаевну Стрекалову привести въ исполненіе распоряженія мои, изложенныя въ первой, второй и шестой статьяхъ этого завѣщанія, для чего и прошу ее, г-жу Стрекалову, приказать продать все движимое имущество, означенное въ седьмой статьѣ этого завѣщанія и вырученныя деньги присоединить къ упомянутому въ той статьѣ капиталу, и изъ составившейся общей суммы покрыть расходы по пріобрѣтенію процентныхъ бумагъ для выдачи вышеозначеннымъ учрежденіямъ и произвести выдачи награжденія лицамъ, упомянутымъ въ шестой статьѣ этого завѣщанія, а также заплатить долги *), если таковые окажутся, фабрикантамъ, ремесленникамъ и торговцамъ, поставлявшимъ для дома моего предметы. Затѣмъ все, что̀ останется за таковымъ распредѣленіемъ, я прошу ее же Александру Николаевну Стрекалову раздать по ея усмотрѣнію бѣднымъ столичнаго города Москвы и богоугоднымъ и благотворительнымъ заведеніямъ этой столицы изъ числа непоименованныхъ во второй статьѣ этого завѣщанія.

9) Прошу ее же Александру Николаевну Стрекалову, по совѣщаніи съ духовнымъ отцемъ моимъ, распредѣлить всѣ святыя иконы,

*) Долговъ этихъ почти не оказалось, вопреки распространенной молвѣ П. Б.

которыя окажутся въ день моей смерти, въ занимаемомъ мною помѣщеніи, за исключеніемъ пожертвованныхъ мною Московскому Публичному и Румянцовскому Музею, помѣстивъ ихъ: а) въ домовой церкви, что̀ при домѣ Московскаго генералъ-губернатора, б) въ домовой церкви генералъ-адъютанта Николая Васильевича Воейкова въ Санктпетербургѣ, в) въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, г) въ церкви на Смоленскомъ въ Санктпетербургѣ кладбищѣ, д) въ Болдинѣ монастырѣ Смоленской губерніи и е) въ Свято-Троицкой Сергіевской Лаврѣ.

10) Изъ особаго оставшагося послѣ смерти моей денежнаго капитала, сверхъ упомянутаго въ седьмой статьѣ настоящаго завѣщанія, назначаю.... дѣйствительному статскому совѣтнику Григорію Антоновичу Захарьину *одну* тысячу рублей или подарокъ такой же стоимости, по *одной* тысячѣ пятисотъ рублей надворному совѣтнику Ивану Максимовичу Кондратьеву и надворному совѣтнику Егору Лукьяновичу Васильченко; по *одной* тысячѣ руб. статскому совѣтнику Сергѣю Семеновичу Голубкову и надворному совѣтнику Владиміру Георгіевичу Глики; ж) по *пятисотъ* рублей дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Ивановичу Стуковенкову и врачу Дмитрію Алексѣевичу Сергіевскому и *десять* тысячъ рублей коллежскому секретарю Александру Алексѣевичу Оленину, если за вышеозначенными выдачами, опредѣленными пунктами а, б, в и г десятой статьи этого завѣщанія изъ особаго упомянутаго въ этой статьѣ капитала образуется остатокъ.

11) Настоящимъ завѣщаніемъ, вторымъ составленнымъ въ дополненіе перваго писаннаго сего же числа, я отмѣняю всѣ завѣщанія, составленныя мною прежде сего числа, и прошу считать дѣйствительными только два завѣщанія, это и первое, составленныя Іюля 17-го сего 1885 года, Аминь.

(Слѣдуютъ тѣже подписи что̀ и при первомъ завѣщаніи).

Второе завѣщаніе изложено на трехъ листахъ и скрѣплено завѣщателемъ. Изъ заявленія объ оставшемся послѣ князя Долгорукова имуществѣ видно, что оно состояло въ капиталѣ и процентныхъ бумагахъ на сумму по законной оцѣнкѣ 39,449 рубл. 86 коп. и показано предъявленныхъ долговъ къ опекѣ надъ имуществомъ князя Долгорукова на 8782 рубля 66 коп. Подписавшіе завѣщанія свидѣтели Ильинскій и Мостовскій при допросѣ ихъ 7 Января 1892 года на судѣ показали, что завѣщаніе это подписали по личной просьбѣ самаго завѣщателя, котораго при этомъ лично видѣли и нашли въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

*

Исполненіе духовныхъ завѣщаній князя В. А. Долгорукаго принялъ на себя (за отказомъ А. Н. Стрекаловой) пріятель его и нѣкогда сослуживецъ, шталмейстеръ Петръ Владиміровичъ Бахметевъ.

Согласно волѣ покойнаго князя, назначено было выдать въ поименованные имъ монастыри, церкви, благотворительныя учрежденія, прислугѣ и проч. 64000 рублей. За исключеніемъ 3000 р. въ Ломоносовскую семинарію, состоявшую при Лицеѣ Цесаревича Николая и мастерской для безпріютныхъ имени князя въ Москвѣ 1000 рубл., были выданы нотаріальнымъ порядкомъ 60000 р. согласно указанію, а 4000 р. не были выданы потому что Ломоносовская семинарія и мастерская уже закрылись.

Фамильные портреты, бюсты, скульптурныя произведенія, старинный фарфоръ, старинные и рѣдкостные предметы, равно предметы роскоши и искусства, завѣщанные дочери покойнаго князя, за отказомъ ея отъ принятія наслѣдства, переданы внукамъ покойнаго, князьямъ Долгоруковымъ, утвержденнымъ въ правахъ наслѣдства Московскимъ Окружнымъ Судомъ.

Всѣ предметы, поднесенные представителями сословій, обществъ, учрежденіями и частными лицами, согласно волѣ покойнаго переданы въ Румянцовскій Музей.

Согласно волѣ покойнаго князя все принадлежавшее ему движимое имущество продано аукціоннымъ порядкомъ.

Продажа производилась Городской аукціонной камерой. Долговъ частныхъ на покойномъ князѣ оказалось всего 8782 р. 66 к., изъ коихъ 1600 рублей въ Петербургѣ. Эти долги сполна уплачены.

Послѣ покойнаго князя осталось процентными бумагами и деньгами 39449 р. 86 к., аукціонной продажею выручено 56239 р. Бриліантовые медальоны жалованные проданы въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества за 15000 рублей, съ княгини Александры Іосифовны Голицыной получено 4194 руб. Всего 115683 рублей 86 коп.

За уплатою по всѣмъ статьямъ, означеннымъ покойнымъ княземъ въ духовныхъ его завѣщаніяхъ, осталось его денегъ около 45 тысячъ рублей, которые розданы и раздаются бѣднымъ людямъ, въ память его, на Поварской, въ Казаковскомъ пріютѣ.

Вотъ какъ любилъ Москву и Москвичей ея уроженецъ и вѣчно памятный генералъ-губернаторъ.

ДВА ПИСЬМА ПАЛЬМЕРА КЪ А. С. ХОМЯКОВУ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 года (II, 257) напечатанъ переводъ пяти писемъ В. Пальмера къ А. С. Хомякову, почитавшихся утраченными и объ утратѣ коихъ сожалѣли люди интересующіеся богословскими вопросами, составляющими предметъ разногласія и причину раздѣленія Восточной и Западной частей Христіанства. Значеніе этихъ писемъ Пальмера очень велико. Хотя Пальмеръ по дарованіямъ своимъ и не можетъ сравниться съ А. С. Хомяковымъ, тѣмъ не менѣе его глубокая ученость, теплота чувства и преданность дѣлу истины даютъ его письмамъ значеніе очень существенное: въ нихъ выражена съ необыкновенной безыскусственностью самая суть того Латинства, отъ котораго писавшій хотѣлъ тщетно уйти, но въ духѣ котораго и мыслилъ, и дѣйствовалъ до самаго возвращенія въ лоно Римской Церкви. Когда печатались вышеупомянутыя письма, было предположеніе, что переписка началась между Пальмеромъ и Хомяковымъ тѣми печатанными письмами, которыя приложены были къ сборнику гимновъ и пѣснопѣній, посвященныхъ Пальмеромъ А. С. Хомякову. Также было полное основаніе думать, что порученіе Хомякова напечатать въ Парижѣ его первую богословскую брошюру не было исполнено Пальмеромъ (какъ видно изъ письма отъ 1853 г. 15 Апр.), принявшимъ очень нелюбезно просьбу Хомякова объ этомъ дѣлѣ. Это, конечно, казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что Пальмеръ въ 1853 году былъ уже почти въ преддверіи Римской церкви, въ которую онъ окончательно ушелъ въ 1855 г. Такого же мнѣнія держался и издатель недавно появившейся переписки Хомякова съ Пальмеромъ на Англійскомъ языкѣ, извѣстный своимъ расположеніемъ къ Православной Церкви, И. В. Биркбекъ (краткій отчетъ объ его изданіи читатель найдетъ ниже), которому удалось получить письмо Пальмера къ Хомякову отъ его брата, покойнаго лорда Сельборна. Но недавно въ бумагахъ А. С. Хомякова нашлись еще два письма Пальмера и эти письма могутъ окончательно почесться началомъ и концомъ его переписки съ Хомяковымъ. Печатаемъ ихъ въ Русскомъ переводѣ. Первое письмо предшествовало печатанному письму и служитъ какъ бы вступленіемъ къ нему, почти обязательнымъ по понятіямъ общественной вѣжливости, требующей *письменнаго* отвѣта на первое обращенное къ кому либо письмо. Второе письмо очень подробно излагаетъ, какъ Пальмеръ исполнилъ данное ему Хомяковымъ порученіе, и изъ него теперь явствуетъ, что никто иной не былъ посредникомъ при изданіи этой

первой брошюры, какъ самъ Пальмеръ; а это обстоятельство придаетъ еще болѣе симпатичности его памяти, такъ какъ оно показываетъ, что никакія его личныя симпатія къ Риму не заставили его измѣнить истинному Англійскому „friendship" и, кромѣ того, что до послѣдней минуты у Пальмера преобладало надъ всякими другими соображеніями желаніе дать каждому высказаться для вящшаго торжества истины. Краснорѣчивы въ этомъ отношеніи его хлопоты объ изданіи Сборника полемическихъ писаній современныхъ Восточныхъ богослововъ противъ Рима, къ которому онъ уже почти всецѣло принадлежалъ въ 1853 году.

Первое письмо Пальмера къ А. С. Хомякову.

Любезный сэръ.

Я не могу выразить вамъ, съ какимъ интересомъ и удовольствіемъ прочелъ я ваше письмо отъ 10 Декабря. Я себя подлинно почитаю счастливымъ, что пріобрѣлъ такое знакомство, благодаря строфамъ (Stances), которыя я послалъ Рѣдкину; и я надѣюсь, что Богу будетъ угодно когда нибудь возвратить мнѣ на столько зрѣніе [1]), чтобы я могъ свободнѣе и больше написать вамъ, нежели какъ могу я это сдѣлать теперь. Вы въ нѣкоторой степени поймете, какую важность я придаю вашимъ замѣчаніямъ о церковныхъ вопросахъ по поводу напечатанныхъ стихотвореній и письму, которое, я надѣюсь, вы получите при нихъ [2]). Мнѣ казалось, что могла бы произойти нѣкая польза, какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи отъ взаимнаго сообщенія нашимъ друзьямъ или знакомымъ тѣхъ религіозныхъ мыслей и чувствъ, которыя имѣютъ христіане Русскіе и Англиканскіе. Я съ довѣріемъ разсчитывалъ, что вы не будете недовольны тѣмъ, что̀ я сдѣлалъ; но что вы скорѣе раздѣлите мое искреннее желаніе пробудить взаимный интересъ и симпатію въ средѣ тѣхъ (а ихъ много), кто способенъ быть пробужденнымъ къ сознанію печальныхъ послѣдствій разъединенія даже для сильнѣйшихъ и самыхъ здравыхъ частей раздѣленной Церкви. Но съ самаго начала я не разсчитываю на какое либо добро отъ силы ума или знанія, ни отъ диспутовъ или полемики, ниже отъ мірскихъ или политическихъ ухищреній со стороны частныхъ лицъ или правительствъ. Тѣ раздѣленія, которыя существовали и усугубились за тысячу лѣтъ, достаточно доказываютъ, что не можетъ быть добра съ этой стороны. «О! не возлагайте надежды», прекрасно говоритъ Псалмопѣвецъ, «на кого либо изъ сыновъ человѣческихъ, ибо въ нихъ нѣтъ спасенія». Моя единственная надежда на воздыханія и

---

[1]) Пальмеръ страдалъ глазами.

[2]) Здѣсь имѣется въ виду письма, напечатанныя какъ предисловіе къ собранію гимновъ и стихотвореній Пальмера (см. „Русскій Архивъ." 1895 года).

молитвы простыхъ и неученыхъ душъ, какъ міряпъ, такъ и духовныхъ, и я чувствую въ себѣ пожирающій меня огонь, который побуждаетъ меня просить и молить каждаго, кто даетъ какой либо признакъ вѣры, изъ какой бы то ни было страны или церкви, присоединиться ко мнѣ въ стремленіи убѣдить другихъ *молиться* (подчеркнуто въ подлинникѣ) о единеніи. Ученость—ничто, умъ—ничто, могущество—ничто, но молитва—все. Тотъ, кто со мною разъ помолится о единеніи или проявитъ хоть малѣйшій приливъ ревности, будетъ для меня сугубо-братомъ. Не будемъ спрашивать себя, какъ это можетъ сбыться? Какъ можетъ такая или иная трудность быть устранена? Какое раціональное разрѣшеніе того или иного богословскаго вопроса? Прочь съ такими сомнѣніями! Если мы только призовемъ на себя огонь Духа Святаго, онъ освѣтитъ темное, умягчитъ твердое, исправитъ непрямое, угладитъ шероховатое, сдѣлаетъ легкимъ трудное *).

O lux beatissima.
Reple cordis intima,
Tuorum fidelium.
Lava quod est sordidum,
Riga quod est aridum,
Sana quod est saucium,
Flecte quod est rigidum,
Fove quod est frigidum,
Rege quod est devium. . . .
О блаженнѣйшій свѣтъ,
Просвѣти сокровенная сердецъ
Твоихъ вѣрныхъ,
Измой загрязненное,
Увлажни засохшее,
Изцѣли больное,
Смягчи оцѣпенѣлое,
Согрѣй охладѣвшее.
Направь уклонившееся.

Съ нимъ нѣтъ невозможнаго. Но я чувствую, что въ настоящую минуту я не долженъ пытаться написать вамъ болѣе объ этомъ предметѣ; буду только просить васъ принять брошюры и два маленькихъ томика, приложенные къ книгѣ моихъ собственныхъ стихотвореній и гимновъ. Эти послѣдніе были написаны почти всѣ съ непосредственною цѣлью быть посланными вамъ, какъ малое отданіе тѣмъ однороднымъ, которые вы и профессоръ Рѣдкинъ прислали мнѣ. Я буду просить васъ передать мое почтеніе г. Языкову вмѣстѣ съ однимъ экземпляромъ стихотвореній моихъ; онъ увидитъ, если читаетъ по англій-

*) Эти строки явно внушены извѣстнымъ гимномъ Латинской церкви „Veni Sancte Spiritus“.

ски, что последняя пьеса была внушена мнѣ кое-чѣмъ его. Попрошу васъ также взять на себя трудъ передать профессору Рѣдкину тѣ экземпляры, которые надписаны ему, вмѣстѣ съ моимъ самымъ теплымъ привѣтомъ (best and kindest remembrance) и благодарностью за то удовольствіе и пользу, которую онъ мнѣ доставилъ. Я надѣюсь, когда мои глаза окрѣпнутъ, имѣть возможность написать ему безъ тѣхъ затрудненій и мученій, которыя теперь претерпѣваю, когда пишу даже короткую записочку. Я очень чувствую вашу доброту въ указаніи лѣкарства. Мнѣ указывали на него или почти на тождественное и другіе, и я знаю случаи, когда это или подобныя средства дѣлали чудеса пользы. Но у меня скорѣе атонія нерва или ретины, нежели мускульнаго вещества, и мнѣ говорятъ, что только время и отдыхъ наладятъ дѣло. Мнѣ говорили, что я долженъ ожидать, что слабость продлится три или четыре года, изъ которыхъ (я надѣюсь) теперь уже протекло два. Въ надеждѣ, что вы не почтете меня недостойнымъ продолженія вашего расположенія (friendship) и переписки, остаюсь, любезный сэръ, вашимъ очень искренно и если позволите (I may say) очень сердечно. В. Пальмеръ (Діаконъ).

Коллегія Св. Маріи Магдалины, Оксфордъ, 7 Іюня 1845.

P. S. Вы получите 15 экземпляровъ стихотвореній и гимновъ, изъ коихъ я желалъ бы дать одинъ или два профессору Рѣдкину и по одному митрополиту и княгинѣ Мещерской (старшей или младшей) съ моимъ почтеніемъ митрополиту и поклономъ (compliments) дамамъ.

Послѣднее письмо Пальмера къ А. С. Хомякову.

Коллегія Св. Маріи Магдалины, Оксфордъ, 17 Сентября 1853.

Дорогой г. Хомяковъ.

Наконецъ-то я могу дать вамъ отчетъ о томъ, какъ я исполнилъ ваше порученіе. Я не посылалъ по почтѣ рукопись и вексель на 39 ф. 1, 3, вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ, адресованнымъ къ издателю сочиненій Вине (m-r Vinet), ибо опасался возможности недоразумѣнія отъ такого образа дѣйствія; такъ какъ вы мнѣ сообщили, что у васъ нѣтъ въ Парижѣ лично знакомаго издателя, и я подумалъ, что пожалуй письмо, адресованное туда издателю и т. д. безъ имени его и даже при наименованіи его, никогда не дойдетъ по назначенію, особенно если онъ перемѣнилъ мѣсто жительства. Также я подумалъ, что если вы пошлете деньги сразу впередъ къ издателю, вы ничѣмъ не будете обезпечены въ томъ, что съ усердіемъ исполнятъ ваше порученіе, и это было бы вѣроятно тоже, что выбросить часть ихъ, если

расходы по напечатанію брошюры оказались бы меньше присланной суммы. Такъ какъ вашъ вексель былъ написанъ на меня одного и на Лондонъ, то я и не могъ придумать способа, какъ опредѣлить, сколько потребуется изъ онаго въ Парижѣ, не начавъ съ того, чтобы повидать издателя и переговорить съ нимъ тамъ. Мнѣ не хотѣлось также послать денежный переводъ, который я могъ бы получить въ Лондонѣ по почтѣ къ неизвѣстному и по адресу, можетъ быть, не вѣрному безъ предварительнаго переговора. Поэтому я сберегъ ваши письма (первое и второе) со вложеннымъ въ нихъ, до того времени, пока я стану достаточно здоровъ, чтобы самому отправиться въ Парижъ. И такъ какъ ваше второе распоряженіе по видимому было вызвано моими ворчаніями за первое порученіе, то я счелъ себя въ правѣ сдѣлать то, чтó мнѣ покажется наиболѣе согласнымъ съ вашимъ интересомъ. Такимъ образомъ, недѣлю тому назадъ, почувствовавъ себя наконецъ способнымъ ходить въ обыкновенной обуви (чего я не могъ дѣлать мѣсяцами), я взялъ въ Лондонѣ вексель на Парижскаго банкира, на мое имя, на сумму означенную въ вашемъ вексель на Шрёдера и К°, предварительно распечатавъ и прочитавъ ваше письмо къ издателю сочиненій Виné. Я это сдѣлалъ для того, чтобы знать, назвали ли вы въ точности сумму, которую вы ему посылаете въ задатокъ. Конечно, еслибы вы сдѣлали такъ, то я долженъ бы или совсѣмъ отмѣнить ваше второе распоряженіе, либо уплатить издателю Виné всю сумму, вами ему заявленную; я былъ радъ увидать, что вы не упомянули о суммѣ.

Пріѣхавъ въ Парижъ прошлую Пятницу вечеромъ (Сент. 9 н. ст.), я отправился въ Субботу въ улицу Румфорда № 5 и спросилъ объ издателѣ сочиненій Виné. Тамъ не слыхали о такомъ лицѣ. Я конечно обрадовался тому, что не послалъ по почтѣ или чрезъ иную оказію (еслибы имѣлъ таковую) вашего письма и рукописи вмѣстѣ съ денежнымъ переводомъ. Я тогда навелъ справки и узналъ наконецъ, что главный издатель сочиненій Виné—нѣкто г. Прессансé (не знаю, правильно ли пишу его имя) и что онъ живетъ на улицѣ Клишé въ одномъ домѣ съ сыномъ, который состоитъ пасторомъ при Кальвинистской церкви, содержимой на счетъ казны (salariée par l'état). Онъ мнѣ сказалъ, что онъ получилъ изъ Россіи увѣдомленіе о рукописи и деньгахъ, которыя ему намѣреваются послать изъ Лондона или Оксфорда. Но когда я ему передалъ характеръ рукописи и прибавилъ, что, въ случаѣ его согласія взять на себя изданіе, у меня есть письмо къ нему отъ автора, которое я ему передамъ, онъ тотчасъ сказалъ мнѣ и очень рѣшительно, что для него предпринять нѣчто подобное невозможно; что онъ издаетъ сочиненія Виné, какъ *другъ*, и что его

положеніе и связи (я понялъ это въ смыслѣ религіозномъ по отношенію къ убѣжденіямъ Французскихъ Кальвинистовъ) таковы, что ему нельзя явиться передъ свѣтомъ заинтересованнымъ въ изданіи книги, имѣющей цѣлью выразить духъ Греческой Церкви. Во всякомъ случаѣ онъ говорилъ это такъ рѣшительно, что я не упомянулъ вторично о письмѣ къ нему. Онъ же продолжалъ, что хотя онъ и не можетъ взять на себя порученіе это, но что онъ можетъ найдти (онъ надѣется) одного друга своего, *который въ дѣйствительности и есть настоящій издатель* (editor ana publisher) *сочиненій Вине*, для просмотра рукописи и который вѣроятно почтетъ себя свободнымъ предпринять такое порученіе. Я поэтому оставилъ у него рукопись и черезъ два дня зашелъ къ упомянутому типографщику (publisher). Такъ какъ онъ оказался вполнѣ готовымъ предпринять это дѣло, я попросилъ его разсчесть количество листовъ, а также точную стоимость напечатанія 1000 экземпляровъ опредѣленнымъ шрифтомъ, на бумагѣ извѣстной величины и качества. Онъ это сдѣлалъ, и оказалось, что опредѣленныхъ и нечаянныхъ расходовъ будетъ не болѣе какъ на 250 франковъ, къ которымъ вѣроятно придется послѣ прибавить расходы по корректированію и на объявленія. Я условился съ нимъ въ томъ, что какъ только брошюра будетъ напечатана, онъ пришлетъ мнѣ счетъ въ Оксфордъ по почтѣ всему расходу, а я ему вышлю переводъ, писанный отъ моего имени на тѣхъ банкировъ въ Парижѣ, съ которыми я вошелъ въ сношенія. Онъ тоже надпишетъ потребное количество экземпляровъ тѣми надписями, которыя я нашелъ въ вашемъ письмѣ къ издателю сочиненій Вине и доставитъ эти экземпляры отъ имени автора вышепоименованнымъ лицамъ. Онъ также пришлетъ въ Лондонъ связку въ 50 экземпляровъ для васъ, каковую я надѣюсь отправить вскорѣ по полученіи въ Россію съ оказіею. Онъ также обѣщалъ сдѣлать все возможное для оглашенія брошюры и для ея распространенія, выручку отъ которой вы, я ему сказалъ, согласны оставить въ его пользу. Я также просилъ его послать нѣсколько экземпляровъ какому нибудь иностранному книгопродавцу въ Лондонѣ для мѣстной продажи, такъ какъ тамъ могутъ найдтись лица, хотя, думаю, что немногія, которыя, услыхавъ о брошюрѣ въ Англіи, пожелали бы ее купить. Имя и адресъ этого вашего Французскаго типографщика, котораго г. Прессансé и я договорили напечатать вашу рукопись, слѣдующіе (я списываю съ печатнаго листа): «Imprimerie de Ch. Meyrues et C⁰. Editeurs 7, rue S-t Bénoit. Paris. Книжная лавка—улица Троншe (Tronchet) 2».

Вотъ слѣдовательно какъ я исполнилъ ваше порученіе и надѣюсь, что дѣло осуществится согласно вашему желанію, хотя для

автора никогда не безопасно или пріятно быть въ необходимости оставлять на другихъ просмотръ корректуры. Я упрашивалъ г. Мейрюэса сдѣлать возможное для устраненія изъ вашей брошюры опечатокъ, и онъ мнѣ это обѣщалъ, хотя (онъ замѣтилъ) обыкновенно это дѣло лежитъ на авторѣ. Теперь остается только сказать о томъ, какъ возвратить къ вамъ остатокъ за расходами вашихъ денегъ. Деньги будутъ возвращены тѣмъ же путемъ, какимъ вы ихъ прислали мнѣ, конечно по уплатѣ всѣхъ расходовъ по напечатанію брошюры. Я вамъ пришлю въ письмѣ разсчетъ и переводъ на сумму баланса чрезъ корреспондентовъ «Шрёдера и К°» въ Москвѣ; если только вы не пожелаете, чтобы ваша брошюра была напечатана также и по-англійски, какъ и по-французски и издана вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими образцами современныхъ полемическихъ произведеній членовъ Восточной Церкви. Такое изданіе я посовѣтовалъ бы сдѣлать г. Попову, настоятелю посольской церкви. Если вы пожелаете этого и если достанетъ остатковъ отъ вашихъ денегъ для такого дѣла (я на это разсчитываю), напишите мнѣ только, и я тогда отложу возвращеніе къ вамъ остатка до того времени, пока напечатается выше указанный Англійскій томъ или пока оставятъ мысль о напечатаніи таковаго, которая въ настоящее время имѣется. Вы, можетъ быть, пожелали бы знать, что́ будетъ заключать эта книга, если она издастся, и какимъ образомъ возникла мысль о ней. Я вамъ это изложу.

Въ 1843 году одинъ Русскій пріятель мой перевелъ самъ на Англійскій языкъ Діалоги Московскаго митрополита*), а я пересмотрѣлъ и исправилъ переводъ для него; послѣ чего онъ оставилъ въ моемъ распоряженіи дѣлать съ этимъ переводомъ что́ мнѣ вздумается, и онъ у меня съ тѣхъ поръ пролежалъ. Позже, въ 1850 г. президентъ моей Коллегіи выразилъ желаніе, чтобы энциклика папы Пія IX-го къ Восточнымъ патріархамъ и оба отвѣта, появившіеся на нее въ Константинополѣ, были даны по-англійски, и я вознамѣрился напечатать ихъ, но съ того времени не удосужился ихъ перевести. Еще недавнѣе, другой Русскій пріятель (г. Муравьевъ) прислалъ мнѣ и г. Попову экземпляръ своей брошюры противъ Римскаго Католицизма съ просьбою къ каждому изъ насъ, чтобы мы перевели и напечатали ее по-англійски. Имѣя другія занятія, я не счелъ себя обязаннымъ исполнить его просьбу, развѣ оказалось бы у меня свободное время и охота къ этому. Но г. Поповъ, болѣе меня ревностный, попытался перевести брошюру, а я тогда взялъ на себя исправить его переводъ. И такъ какъ взятая имъ на себя задача оказалась ему не по силамъ, то въ концѣ концовъ

*) Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ.

переводъ сдѣлалъ я. Когда это было кончено, посылая переводъ г. Попову, я ему сказалъ, что если онъ желаетъ ее напечатать, согласно просьбѣ автора, и если онъ со мною согласенъ въ томъ, что статья еще выиграетъ и будетъ имѣть болѣе надежды быть извѣстной, появившись какъ часть цѣлаго тома, нежели въ видѣ отдѣльной брошюры, въ такомъ случаѣ я ему дамъ рукопись столь у меня залежавшуюся «Діалоговъ» митрополита Филарета и какъ только найду время, переведу для него также Греческіе отвѣты на энциклику папы Пія IX-го. Эта мысль ему по видимому понравилась; но исполненіе ея, какъ видите, до сихъ поръ зависитъ въ извѣстной степени отъ моего здоровія и досуга. Теперь, если вы желаете, чтобы ваша брошюра появилась въ этой книгѣ либо по-англійски (если найду время перевести ее) во Французскомъ подлинникѣ (если не удосужусь) либо увѣдомите меня въ этомъ смыслѣ, я удержу ваши деньги и вычту изъ нихъ стоимость напечатанія тѣхъ листовъ Англійскаго тома, которые займетъ ваше разсужденіе. Заглавіе книги будетъ вѣроятно нѣчто въ родѣ «Образцовъ послѣднихъ полемическихъ писаній представителей (on the side of the E. Church) Восточной Церкви».

Это письмо будетъ взято для васъ до Петербурга г. Поповымъ, который читалъ вашу рукопись и по видимому очень доволенъ ея содержаніемъ. Онъ вскорѣ ѣдетъ на очень короткое время въ Россію, чтобы помѣстить сына въ одно изъ общественныхъ учебныхъ заведеній. Узнавъ отъ него, что одна изъ фрейлинъ великой княгини Маріи, пребывающая въ Англіи, ваша знакомая, я послалъ ей чрезъ него экземпляръ моего перевода вашихъ стиховъ. Очень жалѣю, что вы не получили Греческаго экземпляра моихъ «Разсужденій» (Dissertations), напечатанныхъ въ Аѳинахъ, который я послалъ вамъ въ прошломъ году; хотя я и не думаю, чтобы его кто либо перехватилъ или удержалъ, но что скорѣе была случайная ошибка или невниманіе со стороны тѣхъ, черезъ кого я его послалъ. Теперь же я вамъ послалъ экземпляръ моихъ «Разсужденій» по-англійски и надѣюсь, что онъ дойдетъ до васъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Что́ же до меня, то я занятъ до сихъ поръ двумя работами: первая—собраніе матеріаловъ къ историческому опыту по вопросу о Св. Мѣстахъ; вторая—собраніе матеріаловъ къ жизнеописанію патріарха Никона. Я просилъ г. Попова воспользоваться всякимъ возможнымъ случаемъ для покупки или *позаимствованія* для меня всякихъ матеріаловъ, печатныхъ книгъ или оригинальныхъ рукописей, или чтобы заказать списки за деньги со всѣхъ доступныхъ и ненапечатаныхъ рукописей, относящихся до этихъ вопросовъ. И я вамъ назову одну или двѣ, которыя я особенно желалъ бы получить или *позаимствовать*. Я прибавляю «позаимство-

вать», потому что если кто нибудь могъ бы дать мнѣ на подержаніе и доставить позаимствованіе того, чтó мнѣ нужно, то я бы воспользовался имъ въ теченіе зимы и возвратилъ владѣльцу весною при открытіи навигаціи чрезъ г. Попова, Эти предметы суть: 1) «Проскинитаріонъ» паломничество или путешествіе*) іеродіакона или іеромонаха *Мелетія* къ Св. Мѣстамъ Палестины, напечатанное въ Москвѣ въ прошломъ столѣтіи. 2) Трактатъ г. П. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, и 3) копію съ «Возраженія» (sic) патріарха Никона на XXX вопросовъ боярина Стрѣшнева митрополиту Газскому Паисію. Нечего говорить, что всякіе другіе неизданные матеріалы, относящіеся къ исторіи того же патріарха, были бы очень желательны для моихъ цѣлей, и что я немало былъ бы обязанъ вамъ или всякому другому пріятелю (friend) или лицу, кто могъ бы и желалъ бы помочь мнѣ въ этомъ отношеніи.

*) Такъ въ подлинникѣ.

Въ теченіе будущей зимы я разсчитываю оставаться въ Англіи и съ моимъ семействомъ, вблизи отъ Оксфорда, въ ожиданіи кончины моего отца, который за послѣдніе многіе мѣсяцы былъ въ состояніи крайней слабости и который едва ли переживетъ зиму, хотя онъ и такъ остался съ нами гораздо долѣе, чѣмъ мы разсчитывали.

Прося васъ передать мой нижайшій поклонъ митрополиту Московскому, когда вы его увидите (которому я также послалъ въ прошломъ году экземпляръ моихъ Греческихъ разсужденій, можетъ быть и имъ, какъ и вами, неполученный), а также мой поклонъ знакомымъ, которыхъ вы, можетъ быть, встрѣтите, остаюсь всегда, дорогой серъ, вамъ искренно преданный, В. Пальмеръ.

*

Нельзя не пожалѣть, что эти два письма не были найдены одновременно съ тѣми письмами Пальмера, которыя уже обнародованы на страницахъ „Русскаго Архива". Въ богословскомъ отношеніи они ничего не прибавляютъ къ содержанію вышеупомянутыхъ, и для читателей „Русскаго Архива" ознакомленіе съ ними отдѣльно отъ предыидущихъ не составляетъ неудобства; но если бы они были раньше сообщены И. В. Биркбеку, то его Англійское изданіе переписки Хомякова съ Пальмеромъ вышло бы цѣльнѣе, и письма Пальмера получили бы черезъ эти два письма свои настоящія вступленіе и заключеніе. И. В. Биркбекъ очень извѣстенъ въ Россіи своими трудами по изученію религіознаго строя нашей жизни и ея церковнаго управленія. Въ послѣднее время онъ сталъ извѣстенъ и читателямъ Русскихъ журналовъ, гдѣ не только упоминается объ его дѣятельности на пути сближенія чрезъ взаимно-пониманіе Русской и Англиканской церквей, но и чрезъ его собственныя статьи, писанныя хотя и по-англійски, но имъ же самимъ исправленныя для Русской печати съ необыкновеннымъ знаніемъ и пони-

маніемъ того строгаго Русскаго языка, который такъ близокъ къ Церковно-Славянскому и лучшимъ образцомъ котораго служатъ, напримѣръ, писанія и рѣчи митрополита Филарета. Для цѣлей взаимно-пониманія Русскихъ и Англиканъ г. Биркбекъ предпринялъ изданіе книги объ отношеніяхъ Русской и Англиканской церквей за послѣднее пятидесятилѣтіе (со времени первой поѣздки В. Пальмера въ Россію, дневникъ котораго изданъ кардиналомъ Нюманомъ).

Но во время пребыванія своего въ Россіи въ 1894 году г. Биркбеку посчастливилось получить давно имъ искомыя отвѣтныя письма Пальмера къ Хомякову, и это ему подало мысль раздѣлить свою книгу на двѣ части. Въ первой онъ напечаталъ эту капитальную переписку, служащую какъ бы краеугольнымъ камнемъ для всего, что было и, можетъ быть, будетъ сдѣлано въ дѣлѣ желаннаго сближенія Англіи и Россіи въ области церковной. Вторая часть имъ начатаго труда еще не выходила; она будетъ посвящена исторіи послѣдующихъ сношеній. Переписка же Хомякова съ Пальмеромъ вышла въ Лондонѣ въ концѣ 1895 года подъ заглавіемъ ***Russia and the English Church during the last fifty years. Vol. I. Contacning a correspondence betwen M-r W. Palmer fellow of Magdalen College Oxford and M-r Khomiakoff in the years 1844—1854, ed. W. S. Bicrkbeck M. A. F. S. A. Magd. College Oxford, published by the Eastern Church Allocration***". Въ этой книгѣ для большей полноты пониманія взглядовъ и убѣжденій обоихъ писателей напечатана въ необыкновенно-строгомъ переводѣ извѣстная статья Хомякова „Церковь одна". Этотъ первый опытъ Хомякова въ области богословія отнесенъ г. Биркбекомъ къ 1850 (circa 1850). Но въ дѣйствительности онъ написанъ былъ еще при жизни Валуева (Д. А.) и слѣдовательно въ 1845 году Такъ какъ это изложеніе ученія о Церкви предшествуетъ перепискѣ съ Пальмеромъ, то его дѣйствительно необходимо было приложить къ перепискѣ, какъ излагающее то ученіе о Церкви въ положительной формѣ, которое въ формѣ апологетической и обличительной Хомяковъ проводитъ въ самой перепискѣ. Для уразумѣнія же окончательнаго развитія Пальмера приложены переводъ его письма къ графу А. П. Толстому (1858), взятаго изъ „Русскаго Архива" 1894 года, а также переводъ его Исповѣданія при обращеніи въ Р.-Католицизмъ (1855). Въ Англійскомъ текстѣ писемъ Хомяковъ нѣкоторыя рѣдкія ошибки, происшедшія отъ того, что онъ, какъ ни хорошо зналъ Англійскій языкъ, всетаки не имѣлъ случая много писать на немъ, отмѣчены въ скобкахъ, что нисколько не затрудняетъ чтенія. Въ типографскомъ отношеніи изданіе, конечно, безукоризненно. Весьма существенную часть книги составляетъ предисловіе издателя, занимающее 55 стр. Въ немъ прежде всего прекрасно изложена біографія А. С. Хомякова. Особенное вниманіе обращено на его воспитаніе въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія его въ духѣ народно-церковномъ, чему способствовали также немало самыя событія политическія того времени. Конечно, авторъ подробно останавливается на чувствахъ особеннаго влеченія къ Англіи, которыя всегда проявлялъ Хомяковъ и, разсказывая о его посѣщеніи этой страны въ 1847 году, приводитъ длинную выдержку изъ Письма объ Англіи, гдѣ

Хомяковъ въ такихъ прекрасныхъ словахъ проводитъ ту мысль, что вся суть Англійской культуры заключается въ крѣпости ея основъ, отъ которыхъ она никогда не отрывалась, несмотря на то, что и не оставалась коснѣть въ мертвомъ консерватизмѣ. Борьба партій торіевъ и виговъ составляетъ всегдашнюю суть Англійской жизни, подъ какимъ бы видомъ она ни выражалась; его торизмъ близокъ сердцу всякаго Англичанина, и даже сама природа Англіи съ ея тысячелѣтними дубами какъ бы выражаетъ преобладаніе этого направленія. Изложивъ біографію Хомякова, авторъ даетъ краткое объясненіе того умственнаго движенія (Славянофильства), котораго Хомяковъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей. Достойно замѣчанія, что въ оцѣнкѣ этого явленія духовнаго возрожденія Россіи иностранный критикъ показалъ болѣе пониманія отличительныхъ чертъ онаго, чѣмъ большинство отечественныхъ критиковъ, усматривающихъ въ немъ лишь сколокъ съ тѣхъ націоналистическихъ движеній, которыя охватили Европу въ 30-хъ—40-хъ годахъ. Силу и значеніе Русскаго національнаго возрожденія и его коренное отличіе отъ Западныхъ движеній того же наименованія г. Биркбекъ усматриваетъ въ томъ, что оно твердо стояло на той церковной почвѣ, на которой искони зиждется весь строй жизни Русскаго народа и его государства (стр. XXXIII).

Предисловіе это заканчивается краткимъ обзоромъ того, какъ въ Англіи могутъ теперь же отнестить къ ученію, проводимому Хомяковымъ. Не со всѣми его положеніями можетъ, по мнѣнію г. Биркбека, согласиться Англиканецъ, особенно же непріемлемо для него то мнѣніе Хомякова, которое отожествляетъ Церковь съ одною Восточной ея вѣтвью, какъ бы почтенно оно ни было. Отрѣшиться отъ Рима Англичане не могутъ, ибо вся ихъ исторія до послѣднихъ дней ея тѣсно связываетъ Англію съ культурнымъ центромъ Рима. Хомяковъ сказалъ одному совопроснику въ Оксфордѣ, что для соединенія съ Церковью надо отречься отъ Римскаго Католицизма. Противъ такого требованія нельзя, по мнѣнію г. Биркбека, не протестовать. Сами портреты Вольслеевъ, Полей и иныхъ, украшающіе собою залы Оксфордскихъ Коллегій, содрогнулись бы съ негодованіемъ. Мы, конечно, не станемъ здѣсь опровергать этого возраженія г. Биркбека и думаемъ только, что въ его объясненіи словъ Хомякова заключается простое недоразумѣніе. Подъ Римомъ Хомяковъ всегда разумѣлъ въ вопросахъ церковно-культурныхъ не историческій Римъ, а Римъ, какъ представитель раціонализма, безъ отреченія отъ котораго онъ дѣйствительно не понималъ возможности соединенія съ Церковью. Но за то, при отреченіи отъ этого начала, онъ вѣрилъ, что и самъ Римъ съ Папою безпрепятственно вступитъ въ единеніе съ Церковью, какъ это имъ выражено, напр., во Французскомъ письмѣ по поводу Крымской войны, напечатанномъ въ I-мъ томѣ его сочиненій.

Къ книгѣ г. Биркбека приложены три прекрасныхъ стихотворныхъ перевода В. Пальмера стихотвореній Хомякова: Къ дѣтямъ, къ Англіи (островъ) и къ Россіи.

Съ своей стороны, чтобы познакомить ближе нашихъ читателей со взглядами Хомякова на Англію, мы позволимъ себѣ перепечатать изъ „Рус-

кой Бесѣды“ 1858 года мало извѣстное предисловіе Хомякова къ переводной статьѣ объ Англійскомъ воспитаніи. По недосмотру эта статейка его не вошла въ первый томъ его сочиненій, гдѣ собраны всѣ его статьи, крупныя и мелкія.

Предисловіе А. С. Хомякова къ статьѣ о началахъ Англійскаго университетскаго воспитанія.

Давно уже Англія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Европейскими государствами и обращаетъ на себя невольное вниманіе другихъ народовъ; давно уже извѣстны всѣмъ и ея торговля, и особенности ея государственныхъ учрежденій; но долго никому въ голову не входило проникнуть въ тайники ея внутренней жизни. Въ концѣ прошлаго столѣтія начала она завоевывать міръ своею словесностію, по милости Нѣмцевъ, которые стали ревностно изучать ея великаго Шекспира; въ началѣ нынѣшняго вѣка она продолжала это завоеваніе, по милости своихъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, которые дали совершенно новое направленіе искусству и отчасти исторической наукѣ. Еще позже, ежедневно возрастающая сила Англіи и ея рѣшительное первенство въ смыслѣ политическомъ и промышленномъ заставили многихъ изучать общественныя основы ея внѣшнихъ силъ и ихъ внутреннія начала, умственныя и духовныя. Наконецъ, съ недавняго времени особенное вниманіе обращено на то воспитаніе, которымъ эти силы питаются и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Дѣйствительно, Англія отличается во всемъ отъ прочихъ народовъ Европы. Она страна передовая, страна постоянныхъ нововведеній, за которыми не угонится подражаніе; она же и страна сохраненной, не вымирающей старины. Тутъ куются пушки, передъ которыми всѣ прежнія орудія обращаются чуть-чуть не въ карманные пистолеты; на Темзѣ стоитъ желѣзная гора, которая будетъ бѣгать по морямъ, перевозя въ утробѣ цѣлое поселеніе, строятся фабрики, въ которыхъ всѣ усовершенствованія науки уже перешли въ промышленную практику; составляются, въ громадныхъ размѣрахъ, союзы мелкихъ капиталовъ или труда, обѣщающіе новую эру жизни народной, дикая сила собственности обуздывается требованіями человѣческой нравственности; города растутъ съ волшебною быстротою: поля учетверяютъ свою плодородность; люди удлиняютъ свой вѣкъ, какъ будто имъ вовсе не скучно жить на землѣ, наконецъ Европеецъ, переѣхавъ въ ея предѣлы, какъ будто уходитъ на цѣлое столѣтіе впередъ отъ своего отечества... а тутъ же—законы Норманнскаго завоевателя цитуются, какъ власть имущіе, парламентомъ и судебными присутствіями; Французскія слова звучатъ при коронаціи королей и надписываются надъ ихъ правитель-

с
твенными велѣніями; воспитанники многочисленнаго училища ходятъ по улицамъ Лондона съ непокрытыми головами и въ странномъ нарядѣ послѣднихъ Саксонскихъ королей; средневѣковая шапочка и мантія отличаютъ студента университетскаго; шерстяной мѣшокъ служитъ почетнымъ сѣдалищемъ для перваго изъ государственныхъ сановниковъ; словомъ, антикварій ходитъ какъ будто въ своей знакомой, давно уже вездѣ умершей старинѣ.

Странная земля! Она какъ-то догадалась, что *только то охранительно, что движется впередъ, и только то прогрессивно, что не отрывается отъ прошедшаго.* Другія страны Европы подчинились законамъ химическимъ и механическимъ. Англія одна живетъ по физіологическому закону.

Эта своеобразная жизнь является въ своемъ началѣ—въ воспитаніи, и потому Англійская система воспитанія совершенно разнится отъ всѣхъ другихъ. Она представляетъ въ себѣ общія черты самой страны, и недаромъ Прусскій король сказалъ, любуясь Оксфордомъ: «какъ все здѣсь ново, какъ все здѣсь старо!»

Чѣмъ любопытнѣе и самостоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе его автобіографія и всѣ его отзывы о себѣ. Правда, онъ часто можетъ ошибаться на свой счетъ и даже ложно понимать свои собственныя побужденія; но самыя ошибки его полезны для тѣхъ, которые его изучаютъ. Въ правдѣ, имъ высказываемой, и даже въ его самообольщеніяхъ открываются такія стороны его жизни и сознанія, которыхъ со стороны нельзя угадать. Что сказали мы о людяхъ, то же самое должно разумѣть и о народахъ. Такова причина, почему «Русская Бесѣда», противъ своего обыкновенія помѣщаетъ статью ученаго и истаго Англичанина о воспитаніи въ Англійскихъ университетахъ.

«Русская Бесѣда» не беретъ нисколько на себя отвѣтственности за общую мысль автора, а еще менѣе за ея подробности; но думаетъ, что статья, здѣсь помѣщенная, должна быть прочтена со вниманіемъ и можетъ внушить читателю много новыхъ и полезныхъ мыслей. Какія бы ни были странности Англійскаго воспитанія, онѣ поучительны. Когда плоды такъ добры, самое дерево, дающее ихъ, конечно, чего-нибудь да стоитъ. Очевидно, что система Англійская во многомъ со-совершенно противоположна той системѣ, которая преобладаетъ въ другихъ земляхъ. Которая лучше? Этого мы не беремся рѣшить; но если бы намъ слѣдовало опредѣлить разницу между ними, то мы назвали бы систему обще-Европейскую системою *учительною*, а Англійскую —*воспитательною*.

А. Х.

ПИСЬМО ЖИВОПИСЦА А. А. ИВАНОВА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

I.

Милостивая государыня Александра Осиповна.

По долгу соотечественника представляя отчетъ въ трудахъ моихъ гостямъ Русскимъ, я никогда еще не былъ счастливъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ вспомнилъ обо мнѣ, особенно какъ вы теперь, съ такимъ участiемъ. Это тѣмъ болѣе для меня чувствительно, что письмо ваше застало меня довольно въ смутномъ положенiи. Прошу васъ вооружиться терпѣнiемъ, чтобы выслушать меня.

Глаза мои поправились, но совершенно здоровыми я ихъ назвать не могу. Работаю по восьми часовъ въ день. При такомъ положенiи можно бы надѣяться, что картина подвинется впередъ, но я эту зиму прохворалъ и теперь только поправляюсь. Забота о доставленiи себѣ способовъ для окончанiя картины заставила меня на время отвлечься и заняться сочиненiемъ запрестольнаго образа въ храмъ Спасителя въ Москвѣ. Архитекторъ его Конст. Андр. Тонъ весьма желаетъ мнѣ его поручить. Это однакожъ тайна, которую знаютъ только истинно мнѣ преданные; можетъ дѣло не состояться и враги мои истолкуютъ все въ мое посрамленiе.

Чтобы сочинить мнѣ образъ Воскресенiя Христова, множество нужно свѣдѣнiй. Необходимо знать, какъ этотъ образъ былъ понимаемъ Православной Церковью, когда еще религiя не была трупомъ. Эти розыски сдѣлаетъ мнѣ Ник. Мих. Языковъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ. Нужны совѣты живущихъ ученыхъ отцовъ нашей Церкви. Здѣшнiй священникъ слишкомъ малъ, а Римскiе съ нами рознятся. Посреди сихъ заботъ я поджидалъ Тона въ Римъ и благодарю васъ, что заботитесь доставить мнѣ содержанiе для окончанiя картины.

Конечно достаточно бы было вашего письма, чтобы оставить всѣ другiе пути, какiе изобрѣла забота моя до его полученiя; но я еще увлекся сочиненiемъ Воскресенiя не изъ алчности значительнаго задатка за образъ, но потому, что двухмѣсячное чтенiе во время болѣзни церковныхъ книгъ и постоянное въ нихъ вдумыванiе прiучили мысли мои слѣдовать въ глубину новаго предмета. Чтобы отдалить отъ меня все это, нужно время; я постараюсь оставить, но не вдругъ. Тонъ

долженъ пріѣхать сюда; его хвалятъ, какъ человѣка. Я ему обязанъ: онъ обо мнѣ замолвилъ Государю Императору, и такимъ образомъ устроилось мое настоящее содержаніе, которымъ я до сихъ поръ существую. Боюсь сказать вамъ, сколько нужно времени, чтобы окончить мою картину; боюсь испугать васъ отнять всякую ревность обо мнѣ хлопотать. Вѣдь нужно еще три года! Но если это васъ останавливаетъ, чтобы дочитать мое длинное письмо, то и два и одинъ годъ содержанія уже подвинутъ мою картину на большую степень окончанія. Все-таки прожить еще годъ въ дивномъ, стройномъ убѣжденіи, что тружусь для успѣховъ отечества, жертвуя довольствомъ и удобствомъ жизни, было бы для меня пріятно, весьма пріятно. Благодарю васъ также за свѣдѣніе о ходѣ нашихъ художниковъ въ Петербургѣ. Многіе изъ нашихъ получили тоже извѣстія, что на выставкѣ былъ одинъ изъ извѣстныхъ отцевъ нашей Церкви *), что, смотря на картины Карла Брюло, отдавалъ всю справедливость его таланту, *совершенно не находя въ нихъ никакого религіознаго чувства.*

Десять лѣтъ, какъ у меня съ Килемъ была небольшая непріятность; я полагаю, что онъ ее теперь не забудетъ вымѣстить, его скоро ожидаютъ въ Римъ. Онъ самъ что-то такое знаетъ акварелью. Это дастъ ему право быть судьей опытныхъ художниковъ, которыхъ онъ очень ласково приглашаетъ переправлять свои акварели или, какъ онъ говоритъ, помогать ему.

Горе отказывающимъ!

Позвольте привести къ свѣдѣнію вашему, что Шаповаленко въ Маѣ посылаетъ на выставку Петербургской Академіи пять вещей копію съ Перуджино (Madonna con quatro santi), которая, послѣ тщетныхъ стараній сбыть ее, все-таки осталась его собственностію, копію съ Рафаэлевой Мадонны изъ (Coronatione di Virgine), голову Христа изъ Преображенія и двѣ оригинальныя свои картины Вакханку грѣющуюся, а другая—портретъ Римлянки. Обѣ эти картины проданы стараніемъ одного изъ моихъ друзей, и этими деньгами онъ ихъ производилъ и содержался. Шаповаленко, въ ожиданіи академическаго приговора своимъ работамъ, будетъ жить, какъ я предвижу, моими ссудами.

Русская дама Бельвиллеръ-Голынская выговаривала нашимъ художникамъ, что Шаповаленко совсѣмъ не поддерживаетъ той громкой славы, къ какой насъ пріучили Русскіе художники. Этотъ безосновательный слухъ о немъ, если предварительно разойдется въ Петербургѣ, повредитъ ему сильно.

---

*) Moi, je que crois c'était Иннокентій (я думаю, что это былъ Иннокентій). *Примѣчаніе А. О. Смирновой*

Отдаю теперь вашему суду его работы и прибавлю только, что Шаповаленко былъ брошенъ посреди дороги; видя въ этомъ положеніи молодаго соотечественника на чужбинѣ, я занялся имъ и, начавъ съ азбуки, теперь вывожу его только на степень снискать право назваться художникомъ.

Пименовъ ѣздилъ обвѣнчаться въ Корфу. Съ Римлянкой онъ надѣялся пожить въ довольствѣ, разсчитывая оставаться всегда здѣсь и любить свое искусство въ произведеніяхъ. Но не долго нажили въ очарованіяхъ: женѣ его назначено здѣшнимъ правительствомъ или оставить Римъ, или быть заключенной навсегда въ тюрьму, и Пименовъ двинулся съ ней во Флоренцію, откуда скоро переберется въ отечество. Вспомнитъ онъ не разъ меня.

Остаюсь и пр. Александръ Ивановъ.

Римъ, 12 Февраля 1845 г.

II.

Милостивая государыня Александра Осиповна,

Не думайте, чтобъ я былъ столь невѣжливъ или безпеченъ, чтобы не отвѣтилъ вамъ тотчасъ на столь доброе и отрадное ваше письмо отъ 16-го Декабря. Я написалъ тогда же, но мнѣ казалось, что лучше сначала послать подъ разсмотръ Н. В. Гоголя, посредствомъ котораго и самое знакомство съ вами я имѣлъ честь пріобрѣсти. Съ тѣхъ поръ къ недоумѣнію моему ни отъ него, ни отъ другихъ о немъ не имѣю никакихъ слуховъ, а потому рѣшился теперь писать прямо къ вамъ.

Напомнили меня вамъ слова Евангелія. Глаза мои не то чтобы совсѣмъ здоровы, но и не такъ слабы, чтобы нельзя было работать; я работаю по шести и восьми часовъ въ день. Лечиться я тоже радъ, но только однимъ Грефенбергомъ и то если обстоятельства будутъ къ тому способствовать.

Не случалось ли Аркадію Осиповичу видать тамъ леченія гноющихся глазъ?

Картина моя, не знаю, подвигается ли; она каждый день предъ моими глазами; я очень мало чѣмъ доволенъ. Сколько я ни домогался вообразить еще разъ голову Іоанна Крестителя, но заключилъ тѣмъ, что кончилъ первую, не перемѣняя: она всѣмъ нравится. Очень помню вашу просьбу: сдѣлаю вамъ съ нея копійку. Денежныя работы уродливыхъ храмовъ Православія заставляютъ меня дѣятельно углубляться въ мой трудъ. Боже мой, что это за Исакій, за Спасъ, а въ послѣдній чуть было не заманили меня взять запрестольный образъ Воскресенія Христова, между тѣмъ какъ въ Православной Церкви за престоломъ долженъ быть помѣщенъ не большой мѣры ликъ Богородицы, а главное въ алтарѣ должны быть три большія окна. Ни архитекторы, ни живописцы у насъ совсѣмъ символикой не занимаются.

Благодарю сердечно васъ, что желаете позаботиться о доставленіи способовъ на окончаніе моего настоящаго труда.

Если бы не трехлѣтняя глазная болѣзнь, то можетъ быть, картина была бы по сю пору кончена; при леченіи столько же денегъ выходитъ, какъ и при работѣ, а потому нужны еще три года, чтобы кончить картину. Дорогъ у меня другихъ совсѣмъ нѣтъ, кромѣ васъ. Тонъ хотѣлъ поговорить обо мнѣ Академіи, но тамъ я богатъ только врагами.

Пименовъ женился и долженъ былъ бѣжать изъ Рима (она была католичка), котораго цѣну впослѣдствіи узналъ во Флоренціи. Жалѣетъ, что не произвелъ ничего значительнаго, желаетъ и ищетъ для этого способовъ; но теперь ужъ поздно: ужъ у него ребенокъ!

Остаюсь преданный вамъ Ивановъ.

Римъ 1 Мая 1845 г.

III.

Милостивая государыня Александра Осиповна.

Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше отъ 11-го Мая, гдѣ вижу полное ваше желаніе помочь мнѣ, за что и приношу теперь искреннюю мою благодарность. Я недавно получилъ отъ генерала Лейхтенбергскаго. Вслѣдствіе отзыва Тона объ моей картинѣ, герцогъ выпросилъ черезъ Волконскаго у Государя 300 червонцевъ изъ Государственнаго Казначейства на окончаніе моей картины. Однакожъ денегъ еще нѣтъ.

Я бы желалъ знать, та-ли эта самая тысяча рублей сер., пожалованная наслѣдникомъ, о которой вы говорите, или это двѣ разныя помощи. Въ послѣднемъ случаѣ было бы весьма мнѣ пріятно.

Дѣсять лѣтъ тому назадъ Киль меня грубо обидѣлъ. Занимаясь безкорыстно, всегда руководимый къ отечественнымъ успѣхамъ и бѣдностію покупая свободу, трудно мнѣ согнуться подъ ничтожныя альбомныя просьбы, искать покровительства Нѣмца и наполнять душу горестнымъ рабствомъ для небольшой денежной помощи, еще даже невѣрной!

Къ намъ будетъ въ Римъ самъ Петръ Михайловичъ Волконской; ужъ здѣшній банкиръ извѣщенъ объ этомъ. Жеребцова думаетъ тоже пріѣхать сюда, такъ она пишетъ изъ Берлина.

Съ Русской правотой сердца буду ждать отъ Провидѣнія новыхъ милостей и молиться о сохраненіи вашего здоровья.

Душевно васъ почитающій Александръ Ивановъ.

Римъ, Іюня 2. 1845.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВЪ ПАЛЕРМО КЪ ДОЧЕРИ ЕГО ВЕЛИКОЙ КНЯЖНѢ ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ.

Варшава, 26-го Декабря 1845 г. (9-го Января 1846 г).

Благодарю тебя, милая Олли, за доброе письмо твое отъ 10 (22) числа. Ты вообразить себѣ не можешь, съ какимъ счастьемъ я читалъ увѣреніе, что нашей доброй Мамѣ точно лучше и что силы ея примѣтно поправляются. Это одно мое утѣшеніе въ разлукѣ и вознагражденіе за носимую жертву [1]). Слава Богу, и дай Боже чтобы все ваше пребываніе такъ же счастливо кончилось, какъ началось и чтобы черезъ пять мѣсяцевъ я могъ прижать васъ къ сердцу дóма.

Теперь ты отгадаешь, чтó меня болѣе занимаетъ!.. Какъ ты, по Божію наитію, рѣшишь свою участь? Съ полной свободой, съ спокойнымъ испытаніемъ твоего сердца, безъ предупрежденій и безъ наущеній, *сама одна ты*. Минута важная, рѣшительная на всю жизнь.

Твое сердце, твой здравый умъ, мнѣ порукой, что то, чтó *ты одна*, рѣшишь, будетъ къ лучшему, будетъ изрѣченіемъ Божіей воли, ибо ты одному Богу предаешься; потому я и спокоенъ, и отъ того жду, чему быть. Никто не можетъ тебѣ совѣтовать: ты *одна* можешь и должна судить объ твоемъ дѣлѣ; мы же можемъ только судить de la *position sociale* [2]), какъ уже тебѣ писалъ въ пользу предлагаемаго тебѣ. Еслибъ прежнее и могло быть, то сравненія нѣтъ между двухъ предложеній, въ отношеніи условій твоего положенія. Видѣвъ же нынѣ вблизи, въ какую семью ты могла бы попасть, и до какой степени съ одной стороны безпорядокъ, а съ другой фанатизмъ у нихъ сильны, я почти радъ, что дѣло не состоялось [3]). Теперь выбирай только между *предлагаемаго* или всегдашняго пребыванія *дóма* въ дѣвицахъ; ибо нѣтъ, вѣроятно, какого либо инаго предложенія, достойнаго тебя, когда нѣтъ

---

[1]) Слабая здоровьемъ Императрица Александра Ѳеодоровна съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и съ Великою Княжною Ольгою Николаевною находилась въ это время въ Палермѣ. П. Б.

[2]) О положеніи общественномъ.

[3]) Было предположеніе о бракѣ съ однимъ изъ Австрійскихъ эрцгерцоговъ. См. Записки А. О. Смирновой, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895, III, П. Б.

на то *лица*. Повторяю, что̀ ты рѣшишь, то будетъ по моей вѣрѣ, къ лучшему: ибо по моему чувству къ тебѣ, я той вѣры, что въ тебѣ будетъ въ эту минуту гласъ Божій изрекаться. Аминь.

Надѣюсь, что мои бездѣлки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящагося ребенка мила: это ангелъ, которой за тебя молится, какъ за своего *товарища*. Богъ съ тобой, мой ангелъ. Люби Папу, какъ тебя любитъ. Обнимаю тебя отъ души.

Твой старый другъ Папа̀ Н.

*

Въ 3-й тетради „Русскаго Архива“ помѣщено письмо Николая Павловича къ семилѣтнему его сыну Великому Князю Николаю Николаевичу. За сообщеніе настоящаго письма, дающаго возможность еще разъ полюбоваться великимъ Государемъ въ его семейной доблести, читатели наши обязаны Ольгѣ Николаевнѣ Шереметевой, получившей это письмо въ спискѣ отъ родной тетки своей Анны Алексѣевны Окуловой, которой, какъ своей воспитанницѣ, сообщила его сама Ольга Николаевна. Письмо написано передъ тѣмъ, какъ Великой Княжнѣ предстояло выразить согласіе на предложеніе наслѣднаго принца Виртимбергскаго въ слѣдующемъ 1846 году сдѣлавшагося ея супругомъ. П. Б.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. А. ОКУЛОВОЙ *).

14 Іюня 1838 года. Американецъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, желалъ видѣть графа Чернышева и генерала Адлерберга; будучи впущенъ къ нимъ, онъ говоритъ: Государи мои, я столько слышалъ дурнаго про вашего Императора, столько о несчастіи Россіи, что хотѣлъ собственными глазами испытать справедливость сего мнѣнія. Объѣхавъ большую часть Россіи, я видѣлъ вездѣ счастливыхъ подданныхъ, благодѣтельныя распоряженія мудраго правителя, чадолюбиваго отца; въ восхищеніи отъ вашего Монарха, друга человѣчества, я пришелъ поблагодарить за счастіе, которое познала душа моя. Чѣмъ могъ бы я почтить сего благодѣтеля человѣчества? Всѣ дары въ свѣтѣ были бы его недостойны, и къ тому же я ихъ не имѣю; но вручите ему отъ меня жолудь, сорванный съ гробницы Вашингтона. Сей также былъ другъ человѣчества, и сіе мое приношеніе достойно Россійскаго Монарха. Чернышовъ доставилъ сей жолудь Государю, который приказалъ садовнику Эйлерсу посадить его въ землю.

Въ концѣ Мая 1838 года. Государь Николай Павловичъ, возвращаясь изъ Берлина, гдѣ былъ съ Императрицей, Наслѣдникомъ, Николаемъ и Михаиломъ Павловичемъ и Александрой Николаевной, самымъ неожиданнымъ образомъ посѣтилъ Шведскаго короля въ Стокгольмѣ. Тамъ было все приготовлено къ принятію Наслѣдника, который, путешествуя по Европѣ, посѣтилъ также и Швецію. *Бернадотъ*, послѣ привѣтствій съ тремя Великими Князьями, обращается къ Наслѣднику и спрашиваетъ: Qui donc est ce général?—Je suis le père de ce jeune homme, отвѣчаетъ Государь. Можно себѣ представить удивленіе, восторгъ Бернадота. И сей ничего не стоющій визитъ нашего Императора былъ великій шагъ политики.

---

*) Анна Алексѣевна Акулова родилась 3-го Сентября 1794 г. 6 Декабря 1836 г она была опредѣлена фрейлиной къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, а 26-го Августа 1837 г. пожалована камерфрейлиной. Она скончалась 13-го Февраля 1861 г. въ Петербургѣ въ Зимнемъ дворцѣ и похоронена въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ.

Суббота 20 го Августа. Въ 8 часовъ утра, мы пріѣхали на Петергофскую гавань; множество народа собралось на пристани провожать великихъ княженъ: князь Голицынъ, Кочубеевы, семейство Віельгорскихъ, фрейлины, однимъ словомъ всѣ тѣ, съ которыми мы такъ весело и пріятно провели лѣто. Вел. кн. Елена Павловна, которая такъ добра была для великихъ княженъ и для всѣхъ насъ, провела вчерашній день въ Александріи, ночевала и проводила своихъ племянницъ. Маленькіе великіе князья, особенно Константинъ Николаевичъ, очень плакали, оставаясь одни, безъ своихъ сестрицъ, которыхъ очень любятъ. Мы со всѣми обнялись, поцѣловались, поплакали и сѣли на пароходъ *Петергофъ*, дабы доплыть до *Геркулеса*, который по величинѣ своей, не могши приплыть къ берегу, стоялъ довольно далеко. Поѣздка наша продолжится не болѣе мѣсяца; оставляемъ людей милыхъ, добрыхъ, но не такихъ, безъ которыхъ бы невозможно было жить: вотъ почему разлука сія довольно сносна. Теперь воображаю себѣ, какъ должно быть ужасно разставаться на долгое время съ тѣми, которыхъ любишь душевно. Дорога по сухому пути прекращаетъ вдругъ всякое сообщеніе: сѣвъ въ карету, мы уже не видимъ, что̀ дѣлается сзади насъ; стукъ колесъ, движенія кучера, лошадей, встрѣчающіеся предметы, все какъ будто способствуетъ къ развлеченію. На морѣ совсѣмъ противное: въ молчаніи садимся на корабль, вокругъ все тихо, нѣсколько минутъ еще можно говорить съ оставшимися на берегу, хочешь протянуть руку, но уже непримѣтнымъ образомъ пространство раздѣляющее становится болѣе и болѣе, предметы исчезаютъ изъ виду; съ корабля и съ берега махаютъ платками, и наконецъ все тоже молчаніе, и видишь себя окруженною со всѣхъ сторонъ водою и небомъ. До Геркулеса насъ провожалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, князь Вас. Долгорукій и Марья Трофимовна Пашкова, дочь Ю. Ѳ. Барановой. На Геркулесѣ мы остались только тѣ, которые должны ѣхать въ Берлинъ: двѣ великія княжны, Баранова и я, баронесса Фридриксъ съ дочерью, князь Меншиковъ, графъ Віельгорскій, графъ Гейденъ и прочіе служащіе на пароходѣ, камеръ-юнгферы, наши горничныя, лакеи и прочіе, всего 215 человѣкъ, въ числѣ коихъ болѣе 100 матросовъ. Пароходъ нашъ чрезвычайно хорошъ, просторенъ, чистъ, даже великолѣпенъ.

Такъ какъ погода прекрасная, то мы все время почти на палубѣ, завтракали, обѣдали, работали, между тѣмъ какъ графъ Віельгорскій читалъ *Mémoires de m-me Crezy*; послѣ обѣда разошлись по своимъ комнатамъ. Я очень боялась *le mal de mer*; но погода такъ хороша, что движеніе корабля совсѣмъ непримѣтно. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось до конца путешествія. Оставивъ Петергофъ, впервыя мы

проѣхали *Кронштадтъ*, нѣсколько маленькихъ островотъ; попался пароходъ, возвращающійся изъ Любека *Флюгеръ*, который былъ посланъ возвѣстить въ Штетинѣ о выѣздѣ 20 числа великихъ княженъ. На извѣстныхъ разстояніяхъ по заливу разставлены маяки, которые днемъ видны довольно хорошо простыми глазами, а въ телескопъ превосходно, ночью же освѣщены огнями и свѣтятся точно большія звѣзды на небѣ. Вечеръ прекрасный и послѣ чаю, матросы, собравшись на палубѣ, пѣли пѣсни. Когда они уже устали, то начали пѣть мы подъ акомпаниментъ гитары графа Віельгорскаго, сначала пѣсни хоромъ, а кончили молитвою *Отче нашъ*. Въ 10 часовъ послѣ ужина всѣ разошлись.

Воскресенье, 21 Августа. Ночь провела очень хорошо, спала долѣе обыкновеннаго, ибо качаніе корабля, когда не очень сильно, то очень усыпляетъ. Каюты наши находятся подъ рулемъ, и всю ночь скрыпъ онаго былъ слышенъ, точно какъ скрыпъ отъ воротъ въ простыхъ избахъ. Сегодня день провели точно также, какъ и вчера, т. е. иногда всѣ вмѣстѣ, и читалъ графъ Віельгорскій, а иногда каждая за своей книгой. Я читаю тоже, что́ и Ольга Николаевна *l'Histoire des ducs de Bourgone* par Barante. Князь Меншиковъ, очень веселый и умный собесѣдникъ, разсказывалъ намъ, какъ онъ, воспитанъ будучи въ Лейпцигскомъ университетѣ, началъ свою службу въ дипломатическомъ корпусѣ, потомъ вступилъ въ артиллерію, былъ посланъ въ Персію и задержанъ плѣнникомъ и, наконецъ, какъ по желанію Императора вступилъ въ морскую службу при вступленіи его на престолъ. Графъ Гейденъ, флигель-адъютантъ Императора и сынъ адмирала Гейдена, отличившагося при Наваринѣ, также очень интересенъ въ своихъ разсказахъ. Въ 1829 году онъ былъ на островѣ Св. Елены и видѣлъ гробницу Наполеона, которая означается тремя каменьями, присланными для построенія его кухни. Домъ въ Лонгвудѣ, въ которомъ жилъ Наполеонъ, обращенъ въ конюшню; спальня служитъ анбаромъ, въ который ссыпаютъ овесъ. А Наполеонъ не менѣе того все останется великимъ человѣкомъ въ исторіи.

Понедѣльникъ, 22—23—24. Послѣ такого пріятнаго начала, какой ужасный конецъ! Поутру я проснулась, чувствуя необыкновенное движеніе парохода и, хотѣвъ привстать съ постели, почувствовала такое головокруженіе, что принуждена была опять лечь. Съ трудомъ отвели меня на палубу; тамъ я нашла уже всѣхъ въ болѣзненномъ положеніи: всѣ лежали безъ движенія и только слышно было, какъ того или другаго тянуло рвать; разстоянія, приличія, все забыто; великія княжны на полу, подлѣ нихъ горничныя дѣвушки безъ всякой возможности оказать малѣйшую услугу; мущины прислуживаютъ,

поддерживають головы, однимъ словомъ, безъ нихъ мы бы пропали. Ужасно вспомнить трескъ мачтъ, шумъ вѣтра, препятствующаго распускать или свертывать паруса; матросы, толпящіеся изъ одного мѣста въ другое. Но что всего страшнѣе, чего не могу вспомнить безъ содроганія сердца, это пароходъ почти опрокинутый и море выше борта. Я почти увѣрена была, что нужно было сдѣлаться чуду, чтобы избавиться смерти; надежда не покидала ни на минуту, но я приготовлялась къ смерти и препоручила себя и всѣхъ своихъ милосердію Божію. Чего мы не испытали въ сіи два дня? Громъ, молнія, вѣтеръ, качка парохода, изломанная мачта, морская болѣзнь попеременно угощали насъ и приводили въ трепетъ.

9-го Мая 1844-го года ужасное время. Никто изъ приближенныхъ не подозрѣвалъ отъѣзда Императора въ Англію, а полагали, что онъ отправится въ Киссингенъ для пользованія минеральными водами. Императрица съ вел. кн. Ольгой Николаевной, Тизенгаузенъ, Нелидовой и мною должна была 20-го Мая ѣхать въ Берлинъ безъ всякой извѣстной причины. Сіе путешествіе казалось тѣмъ страннѣе, что великая княжна Александра Николаевна должна была остаться безъ нея нѣсколько времени и послѣ того отправиться въ новое свое отечество Данію. Здоровье ея подавало большія опасенія: рвоту приписывали беременности, а кашель ея, продолжавшійся уже годъ, никакъ не переставалъ. 9-го числа въ вечеру въ 12 часовъ Государь пришелъ проститься съ великой княгиней Ольгой Николаевной и просилъ ее, чтобы «она въ Берлинѣ успокоивала Государыню, а если паче чаянія здоровье Александры Николаевны не возстановится и Императрица вздумаетъ остаться, то чтобы она не предавалась преждевременной грусти».

Съ отъѣзда Государя А. Н. постепенно и почти непримѣтно ослабѣвала. *Маркусъ*, докторъ приходящій, *Раухъ*, докторъ лѣчащій; пригласили *Мандта*, доктора Ихъ Величествъ и къ которому А. Н. по вліянію Гигенботомъ*) чувствовала отвращеніе; но тутъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Государю, позволила Мандту придти къ себѣ. Онъ ее осмотрѣлъ, разспросилъ, подписалъ свое мнѣніе съ мнѣніемъ двухъ другихъ докторовъ и отправился въ Киссингенъ. Тутъ начались разные толки. Иные говорили, что Мандтъ ее осудилъ, другіе оспаривали; но настоящее было то, что сказали: легкія дѣйствительно повреждены и если дитя, которымъ она беременна, отъ слабости матери не окрѣпчаетъ и родится прежде времени, то здоровье великой

*) Своей Англійской гувернантки. П. Б.

княгини будетъ въ большой опасности. Она между тѣмъ была то слаба, то покрѣпче, судя по кашлю и рвотѣ, которые ее не оставляли, но мучали не съ постояннымъ упорствомъ. Государыня, откладывая свою поѣздку на нѣкоторое время, все еще не оставляла намѣренія ѣхать; наконецъ великая княгиня Ольга Николаевна, видя, что сестрицѣ ея не легче, хотя и сама никакой опасности не видала, уговорила Государыню ѣхать не прежде А. Н. и, кажется было положено ѣхать вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ узнали, что Государь поѣхалъ въ Лондонъ. Всѣ продолжали веселиться, гулять, ѣздить верхами въ Павловскъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Въ Петербургѣ умножали опасность Александры Николаевны. Въ совершенной увѣренности, что болѣзнь происходитъ отъ беременности, принцъ Фредерикъ съ прочими находился на гуляньѣ и въ кабріолетъ свой приглашалъ иногда М. В. Столыпину или сестру ея О. В. Устинову. Сія невинная во всѣхъ отношеніяхъ прогулка навлекла большое нареканіе на принца и очень дурно расположила къ нему сердца всѣхъ. Начали говорить, что онъ не любитъ великую княгиню, что онъ съ ней не бываетъ, и что оттого она чахнетъ. Судя по наружностямъ, извинительно, что такъ судила публика; но тотъ, кто зналъ подробно настоящій ходъ дѣлъ, зналъ и истинную правду.

У великой княгини А. Н., когда еще она была маленькая, была няня Англичанка, двѣ гувернантки Англичанки, которыя вышли замужъ и, наконецъ, на 11-мъ году ей взяли опять Англичанку, но только гораздо похитрѣе и посмѣтливѣе ея предшественницъ. Она была дочь умертвившаго себя негоціанта, и братъ ея тѣмъ же кончилъ свою жизнь: увидя, что дѣла коммерціи идутъ плохо, онъ рѣшилъ, что гораздо лучше перестать жить, нежели покориться волѣ Божіей и пережить богатство. Въ 1836 году, когда я была назначена въ наставницы къ великой кн. Ольгѣ Николаевнѣ, Англичанка была уже годъ при Александрѣ Николаевнѣ, Ю. Ѳ. Баранова при Маріи Николаевнѣ; но сія послѣдняя была главная надъ прочими, и вообще гувернантки не имѣли особенной должности: каждая при своей великой княжнѣ. Одна могла находиться при всѣхъ трехъ, и то та, то другая изъ великихъ княженъ были подъ надзоромъ которой ни попало. Во время классовъ каждая сидѣла у своей великой княжны; но и тутъ, если одна должна была отлучиться къ своимъ роднымъ, или была больна, то оставшаяся располагалась такъ, чтобы наблюдать за всѣми; это впрочемъ случалось очень рѣдко. Въ день моего опредѣленія во дворецъ, 5-го Декабря 1836 года, я сдѣлана была фрейлиной, а Баранова—гофъ-мейстериной при ихъ высочествахъ, посему каждая была на своемъ мѣстѣ. Англичанка, какъ хитрая и ловкая особа, подъѣхала ко мнѣ съ разсказами:

осторожнымъ, но весьма подробнымъ образомъ описала мнѣ всѣхъ съ перваго до послѣдняго и не весьма хорошими красками. Особенно не щадила она мою предшественницу Дункеръ; говорила мнѣ, что она содѣйствовала къ ея удаленію отъ великой княжны, сама же она хотя и годъ находилась при ихъ высочествахъ, но не была очень любима Во мнѣ великія княжны нашли Русскую, отъ души имъ преданную, веселую женщину и очень меня полюбили, особенно Марія Николаевна, которая тогда не очень терпѣла Баранову, хотя любила ее. Александра Николаевна также любила быть со мною и очень была ласкова. Ольга Николаевна была ко мнѣ всѣхъ холоднѣе; я приписывала сіе къ привязанности, которую она имѣла къ Дункеръ, и это меня огорчало, потому болѣе, что между ними была переписка, и я думала, что такимъ образомъ великая княжна, отдаляясь отъ меня, никогда ко мнѣ не привыкнетъ.

Такимъ образомъ продолжалось весь 1837 годъ. Государыня съ Маріей Николаевной ѣздили въ Вознесенскъ въ 1837 году, Ольга и Александра Николаевны оставались однѣ и очень сблизились. Тутъ Англичанка смекнула, что ей надо одной управлять умомъ Александры Николаевны и начала отдалять отъ нея вліяніе Барановой; мнѣ же говорила, что Баранова такая эгоистка, что кромѣ себя никому добра не сдѣлаетъ, что положеніе ея очень непріятно, что съ нею обходятся слишкомъ унизительно (чтó впрочемъ совсѣмъ была не правда, но такъ какъ она ставила себя слишкомъ высоко, то ей казалось, что ее ставятъ низко), что она проситъ у меня совѣта, что ей дѣлать. Я увѣряла ее, что это только ей такъ кажется и чтобы она лучше терпѣла, что со мною поступали точно также, какъ и съ нею. «Но какая разница: вы все-таки фрейлина!» Не бывъ довольна моимъ совѣтомъ, она начала отъ меня удаляться и потомъ поѣхали въ *Крейнъ*. Тутъ она была совершенно на своей волѣ и думала совершенно перемѣнить непріятную ей роль Англичанки. Она совершенно завладѣла умомъ Александры Николаевны, которая между прочимъ возвратилась съ кашлемъ, который очень долго продолжался. Я не знаю чтó такое она напѣвала Александрѣ Николаевнѣ, но только съ тѣхъ поръ сія послѣдняя удвоила къ ней атенціи и всегда при всѣхъ старалась показывать, что miss для нея выше всего. Снискавъ совершенную довѣренность и любовь Александры Николаевны, ей захотѣлось играть *роль*. Она начала поддѣлываться къ фрейлинамъ и такъ хорошо, такъ ловко, что только и слышно было: «Мисинька, Мисинька», чтó ей весьма нравилось; пріобрѣла многихъ довѣренность (конечно слегка) и въ эпизодѣ Калиновской играла ролю покровительницы. Немудрено овладѣть умомъ молодыхъ дѣвицъ. При свободѣ Маріи Николаевны, она тайными интри-

гами получила позволеніе быть на выходахъ. Неслыханная вещь: купчиха при Россійскомъ дворѣ; но ее подстрекалъ примѣръ Питтъ, съ которой она завела переписку, окружила себя всѣми Англичанками, коимъ особенно покровительствовала, и все это для того только, чтобы, возвышая ихъ, себя поставить еще выше. Баранову, умомъ которой она совершенно овладѣла, она менажировала для двухъ причинъ: во первыхъ, потому что никакъ не могла ее сшибить, во вторыхъ, что черезъ нее получала все, чего не могла получить своими происками; меня же совершенно отдалила отъ Александры Николаевны, такъ что я совершенно перестала къ ней ходить. Скажу, бывало, что нибудь Александрѣ Николаевнѣ, она тутъ съ своимъ противорѣчіемъ даетъ мнѣ чувствовать, чтобы я оставила ее одну поправлять Александру Николаевну. Взойду ли я зачѣмъ въ комнату къ великой княжнѣ, тотчасъ обращается къ ней и говоритъ: вамъ некогда разговаривать, вамъ надо учиться, давая мнѣ тѣмъ почувствовать, что я тутъ въ комнатѣ лишняя. Надо ли ей куда отлучиться, то вмѣсто того, чтобы какъ по прежнему попросить меня посидѣть у Александры Николаевны, она пошлетъ просить Ю. В. Литке сидѣть съ ней. Однимъ словомъ я довольно наглядѣлась ея хитростей, и все бы ей простила, ибо для удаленія спора много ей уступала; но когда доходило что нибудь серьезное, то я ей и Барановой про нее говорила смѣло, что́ ее весьма раздражало: ибо, надѣвая передо всѣми маску, чего она хотѣла, передо мною не могла показываться иначе какъ я ее знала. Но вотъ что́ было несносно и въ чемъ у насъ съ ней была совершенная разладица, это то, что ей хотѣлось всегда унизить достоинство Ольги Николаевны, и она располагала въ комнатахъ всегда такъ, чтобы Ольга Николаевна уступала Александрѣ Николаевнѣ. Ольга Николаевна дѣлала это весьма часто, потому что нравъ имѣла ангельскій. Несносное слово, ею употребляемое, было: *ma grande-duchesse*. Баранова сказала тоже однажды про М. Н.; я ее остановила, говоря: Какъ вамъ не стыдно говорить такъ какъ miss. Развѣ не всѣ три великія княжны ваши, и зачѣмъ отдѣлять одну отъ другой, какъ будто одну присвоиваете, а другую отвергаете? Съ тѣхъ поръ Баранову отучили говорить: *моя великая княжна*....

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ.

Нашъ знаменитый „Бѣлый генералъ“, не смотря на его слабости и недостатки, на его подъ часъ нетактическія дѣйствія на театрѣ войны, до сей поры еще въ глазахъ народа представляется какимъ-то безупречнымъ героемъ и великимъ геніемъ. Простой людъ нашъ слишкомъ горячо любитъ свою родину, свое родное, все Русское, и разъ если онъ поставилъ своего избранника на пьедесталъ славы и величія, ему простится все. Любовь народная не знаетъ себѣ границъ. Она такъ велика, такъ сильна, что не довѣряетъ уже никакимъ обвиненіямъ и навѣтамъ.

Солдаты и казаки такъ любили Скобелева, такъ слѣпо вѣрили ему во всемъ, что шли за нимъ, и въ огонь, и въ воду безпрекословно, безъ всякаго принужденія или ропота. Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что въ данномъ случаѣ должную честь надо воздать прежде всего всегда покорной натурѣ Русскаго человѣка, беззавѣтно преданнаго своей родинѣ и вѣрѣ своихъ отцовъ и свято чтущаго свой долгъ и данную Царю присягу, а ужъ потомъ выставлять на видъ любовь солдатъ къ своему начальнику. Но вѣдь нельзя же и отнять того, что М. Д. съумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ чувство безпредѣльнаго къ себѣ уваженія и неизмѣнную преданность. Причину этой безграничной преданности и любви, полагаемъ, надо искать въ томъ, что Скобелевъ видѣлъ въ каждомъ солдатѣ человѣка, зналъ, любилъ его, заботился о немъ и въ мирное время жалѣлъ и берегъ. О ласковомъ и любезномъ обращеніи его съ подчиненными ходитъ тьма разсказовъ, составившихъ ему имя „добраго начальника“; а его храбрость или скорѣе исполненіе служебнаго долга быть всегда впереди, а не позади своихъ войскъ, какъ это нерѣдко случается съ нѣкоторыми командирами, его твердость въ боевыхъ стремленіяхъ, доходящая до упорства, возвысили его въ глазахъ народа, возвели его на недосягаемую высоту непобѣдимаго героя, генія, заколдованнаго рыцаря, котораго „ни сабля не беретъ, ни пуля не достигаетъ“.

Въ 1883—1884 гг. служилъ я въ шестой сотнѣ № 6 Оренбургскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины Н. И. Петрова [1]), участника Ахалъ-Текинской экспедиціи 1881 года. Онъ мнѣ разсказалъ такой случай, происшедшій съ нимъ.

Какъ-то разъ Петровъ, въ то время бывшій еще есауломъ, со своей сводной Оренбургско-Уральской сотней былъ посланъ на рекогносцировку.

---

[1]) Н. И. Петровъ и до сихъ поръ здравствуетъ въ Верхне-Озерной станицѣ.

Едва только сотня его отдѣлилась верстъ на пять - на шесть отъ лагеря, какъ передъ казаками точно изъ подъ земли выросла громадная толпа Текинцевъ, скрывавшаяся до того за впереди лежащими бурханами [2]). Разстояніе отъ непріятеля было настолько незначительно, что объ отступленіи нечего было и думать. По счастью недалеко въ сторонѣ находилось довольно значительное возвышеніе, которымъ Петровъ и воспользовался для прикрытія отъ непріятеля.

Мигомъ доскакали до бархана казаки, спѣшились, уложили на землю „въ каре" своихъ коней и изъ-за этихъ импровизированныхъ брустверовъ приготовились къ оборонѣ, уже заранѣе прощаясь съ бѣлымъ свѣтомъ, въ полной увѣренности, что никто изъ нихъ не останется въ живыхъ передъ въ десять разъ сильнѣйшей противъ нихъ шайкой отчаянныхъ Текинцевъ. Сотенный же вахмистръ (Уралецъ) перетрусилъ до того, что сталъ подговаривать казаковъ сдаться Текинцамъ: „не то-де мы всѣ погибнемъ".

У Петрова похолодѣло сердце, когда онъ услыхалъ это, волосы стали дыбомъ. А Текинцы тѣмъ временемъ все тѣснѣе окружали казаковъ со всѣхъ сторонъ. Собравъ около себя офицеровъ, Петровъ вынулъ изъ чушки револьверъ и обратился къ казакамъ:

— Что вы затѣваете, измѣнники!

Казаки молчали.

— Вы хотите передаться непріятелю? Я не могу видѣть этого позора. Или жить, или умереть! Убейте прежде меня, а потомъ дѣлайте, что̀ хотите.—И Петровъ приставилъ дуло револьвера къ своему виску.

— Ваше благородіе! Мы всѣ умремъ съ вами! прослезились казаки и пали на колѣни.

Между тѣмъ непріятель уже открылъ ружейную пальбу. Первая пуля, угодившая въ казачій отрядъ, попала прямо въ лобъ сотенному вахмистру и уложила его на мѣстѣ.

— Вотъ видите, сказалъ казакамъ Петровъ, какъ Господь караетъ измѣнниковъ.

Казаки перекрестились и энергично принялись за дѣло.

— Стрѣлять рѣже, цѣлить лучше, берегите патроны! удерживали ихъ пылъ офицеры.

Патроновъ дѣйствительно было мало: всего одинъ комплектъ.

Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ, Текинцы почему-то вдругъ снялись съ позиціи и быстро отступили въ степь, увозя съ собой до 20-ти мертвыхъ тѣлъ. У насъ же былъ убитъ только одинъ вахмистръ и тяжело раненъ одинъ казакъ.

Лишь только противникъ скрылся изъ вида, казаки вскочили на коней и на рысяхъ возвратились въ отрядъ, гдѣ Петровъ обо всемъ случившемся немедленно донесъ Скобелеву.

— А велика ли была численность непріятеля? спросилъ его М. Д.

---

[2]) Наносный песчаный бугоръ, возвышеніе.

— По крайней мѣрѣ въ десять разъ больше казаковъ, отвѣчалъ Петровъ

— Очень радъ! Благодарю васъ! Какую же вы желаете получить за это награду?

Такой любезностью, казачій офицеръ, привыкшій къ суровой субординаціи, былъ поставленъ втупикъ и могъ только отвѣчать: „Въ этомъ случаѣ я отдаю себя на волю вашего превосходительства!"

— Постараюсь все сдѣлать къ лучшему,—подавая ему руку, сказалъ Скобелевъ.

Петровъ ушелъ, но только что онъ достигъ своей кибитки и намѣревался отдохнуть, какъ къ нему является адъютантъ М. Д. съ неотложнымъ требованіемъ объявить ему, какую есаулъ предпочитаетъ имѣть награду— чинъ или орденъ?

— Я вѣдь сказалъ главнокомандующему, отвѣтилъ Петровъ.

Но вы поймите, продолжалъ адъютантъ, за вашъ подвигъ, т. е. отраженіе непріятеля въ десять разъ превышающаго ваши силы, вамъ можно исхлопотать и орденъ св. Георгія 4-й степени, и слѣдующій чинъ.

— Э, да что мнѣ пользы въ орденѣ? Лучше чинъ.

— Такъ и будетъ, промолвилъ адъютантъ, и недѣли черезъ двѣ есаулъ Петровъ былъ произведенъ въ войсковые старшины, хотя въ послѣдствіи очень жалѣлъ, что отказался отъ первой награды.

Этотъ случай ясно показываетъ, какъ М. Д. умѣлъ привѣтить и обласкать своихъ подчиненныхъ.

Кстати приведемъ двѣ пѣсни по поводу дѣла подъ Геокъ - Тепе. Первая подъ названіемъ *„Геокъ-Тепе 12-го Января 1881 года"*, видимо, написана кѣмъ либо изъ офицеровъ, ибо она имѣетъ нѣкоторую литературную окраску, а вторая вполнѣ представляетъ собою произведеніе народнаго творчества, вылившагося изъ устъ Оренбургскихъ казаковъ такъ, какъ они видѣли и какъ чувствовали.

1.

Геокъ-Тепе! Кого сей звукъ
Изъ насъ на воздухъ не подниметъ?
Кто весело не взглянетъ вкругъ?
Кто гордо голову не вскинетъ?
    Черезъ Балканскія-ль скалы,
    Къ Текинцамъ въ степь, иль гдѣ хотите,
    Мгновенно вы перелетите,
    Лихіе Русскіе орлы!
И горя вамъ, посмотришь, мало,
Что васъ три тысячи, а тѣхъ
Богъ знаетъ сколько наскакало,—
Вы двинулись и смяли всѣхъ.

И на пятнадцать верстъ тюрбаны
Устлали степь. Вотъ бой—такъ бой!
Приказано, и барабаны
Затѣмъ ударили „отбой!“
Итакъ еще великой битвой
Сіяютъ наши знамена;
Почтимъ же тихою молитвой
Героевъ павшихъ имена.
А тѣхъ, кто живъ, тѣхъ славить нужно,
Желать имъ счастья и добра;
За нихъ по-братски выпьемъ дружно
И громко крикнемъ имъ „ура!“
И гдѣ, скажите, во вселенной
Еще такой найдется хватъ,
Какъ Русскій нашъ неоцѣненный,
Неподражаемый солдатъ?
Рука Всевышняго хранила
И да хранитъ намъ до конца
Архистратига Михаила,
Богатыря и молодца.

2.

Вспомнимъ, братцы-Оренбуржцы,
Какъ стояли подъ Текой,
Какъ разбили басурмана
Ружьемъ, шашкой и копьемъ.
А Текинцы запирались
Въ большихъ крѣпостяхъ своихъ,
Наши воины старались
Выбивать оттуда ихъ.
Гололобыя собаки
Днемъ носились по горамъ,
На ночлеги собирались,
Разъѣзжали по пескамъ.
Нашъ „командующій“ войсками,
Храбрый Скобелевъ второй,
Скоро выступилъ онъ съ нами,
Сынъ отечества, герой.
Прошли много укрѣпленій
На пути къ Геокъ-Тепе,
Вдругъ раздался конскій топотъ
По степи Ахалъ-Теке.
То Текинцы въ насъ стрѣляли,
Увлекая въ даль себя;
Вдалекѣ мы увидали
Земляной большой курганъ.

Курганъ этотъ превысокій
Среди крѣпости стоялъ.
Генералъ нашъ Петрусевичъ *)
Намъ скомандовалъ „ура!"
Черезъ ровъ мы перскочили,
Всѣ въ атаку понеслись.
Артиллерія лихая
Разбивала толстый валъ.
Тутъ гранаты въ насъ валили.
Это былъ кромѣшный адъ!
Генералъ нашъ Петрусевичъ
Напередъ шелъ молодцомъ;
Получилъ въ животъ онъ рану—
Вдругъ ударило его—
Пуля вражьяго Бердана
Пронизала сквозь его.
Докторъ рану перевязалъ,
Жалко раненый стоналъ,
Обращаясь къ намъ казàкамъ,
Слабымъ голосомъ сказалъ:
„Не бросайте вы, ребята,
„Не бросайте вы меня,
„Безъ вниманья не оставлю
„И наградъ васъ не лишу"...
Тутъ казàки и драгуны *)
Къ генералу подошли,
Положили на попону,
Къ коноводамъ понесли.
Скоро смерть его постигла,
И скончалась жизнь его.
Станемъ пѣть мы, братцы, дружно
Память вѣчную ему!
Храбрый Скобелевъ пріѣхалъ
Генерала посмотрѣть,
Въ битвѣ павшаго героя.
Какъ его намъ не жалѣть?
Полководецъ нашъ заплакалъ
О помощникѣ своемъ,
На рукахъ нести велѣлъ онъ,
На носилкахъ полевыхъ...

Эти двѣ пѣсни и до сей поры распѣваются повсюду на Уралѣ, и память среди казаковъ „о храбромъ Скобелевѣ второмъ" и о его рано погибщемъ помощникѣ Петрусевичѣ навѣрно еще долго не угаснетъ въ сердцахъ ихъ боевыхъ товарищей и даже ихъ потомковъ.

П. Юдинъ.

---

*) Начальникъ всей кавалеріи Ахалъ-Текинскаго отряда.
*) Очевидно, это были Нижегородскіе драгуны съ Кавказа.

КЪ ИСТОРІИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

(Записка П. С. Өедорова, 1859 года).

Записка, печатаемая ниже, представляетъ интересъ, какъ по высказываемымъ въ ней мыслямъ, такъ и по личности ея автора [1]. Обуждаемый въ ней вопросъ о цензурѣ драматическихъ произведеній для представленія ихъ на сценѣ и о вліяніи ея на развитіе драматическаго искусства—вопросъ старый и притомъ изъ тѣхъ, положительное и отрицательное рѣшеніе котораго всегда имѣло и своихъ защитниковъ, и своихъ противниковъ. Однако нельзя не замѣтить, что даже и въ концѣ XIX вѣка рѣдко встрѣчаются убѣжденные поборники полной свободы сценическихъ произведеній отъ театральной цензуры. Какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Парижская газета *Figaro* опрашивала по этому поводу выдающихся Французскихъ писателей, и изъ нихъ лишь Эмиль Золя былъ противъ театральной цензуры, а такіе, какъ А. Дюма-сынъ, Ожье и Ренанъ стояли за ея необходимость.

Въ прежнее время театральная цензура отличалась суровостью и придирчивостью, и въ этомъ отношеніи порядки просвѣщенной Европы были нисколько не лучше, чѣмъ у насъ, гдѣ театръ и драматургія только что становились на ноги. Тогдашнія правила и условія цензуры въ наше время кажутся куріозами. Теперь можно только съ улыбкой вспоминать, что, напримѣръ, въ Австріи, если въ піесахъ дѣло шло о любви и любовныхъ шалостяхъ, дѣйствующими лицами могли быть юнкера и прапорщики, но отнюдь не офицеры высшихъ чиновъ [2].

Исторія Русской драматической цензуры представляетъ немало такихъ же куріозовъ, странностей, досадныхъ недоразумѣній и придирокъ цензоровъ, усердныхъ не по разуму. Отъ всего этого, конечно, не могло здоровиться драматическому искусству. Съ этой точки зрѣнія разсуждаетъ о цензурѣ и Өедоровъ съ своей *Запиской*. Какъ начальникъ репертуарной части Императорскихъ Петербургскихъ театровъ, онъ выступаетъ въ защиту своей дирекціи, которую упрекали „въ равнодушіи къ Русской сценѣ и приписывали ея винѣ замѣтную по репертуару бѣдность отъ недостатка для сцены новыхъ, не только хорошихъ, но сколько нибудь заслуживающихъ вниманія

---

[1]) *Записка* П. С. Өедорова доставлена въ редакцію *Русскаго Архива* покойнымъ И. Ө. Горбуновымъ.

[2]) Нѣкто Фидертъ перевелъ по нѣмецки „Ревизора“ и хотѣлъ поставить его въ Карлсбадѣ. Австрійская цензура воспротивилась, и на спросъ одного Русскаго вельможи, отчего послѣдовало это запрещеніе, отвѣчала: „Вѣдь мы еще въ войнѣ съ Россіей. П. Б.

оригинальныхъ піесъ". Всю вину въ „совершенномъ упадкѣ Русскаго театра" Өедоровъ слагаетъ на цензуру драматическихъ произведеній. Понятно, что онъ не отрицаетъ совершенно необходимости цензуры, которая „учреждена для благой и полезной цѣли — „отдѣлять пшеницу отъ плевелъ", „растить дерево, а не глушить его". Но какъ дѣйствуетъ цензура? Въ этомъ отношеніи выводъ изъ разсужденій Өедорова тотъ, что законы—святы, да исполнители—лихіе супостаты. Соображенія цензоровъ, по его мнѣнію, вполнѣ произвольны; рѣшенія ихъ не только единоличны, но и безаппелляціонны, приговоры ихъ лишены послѣдовательности. Өедоровъ иллюстрируетъ свою характеристику цензуры примѣрами и приводитъ интересный списокъ 25-ти піесъ, запрещенныхъ въ 1858 и 1859 годахъ. Почти всѣ піесы изъ этого списка, сохранившія свою живучесть въ репертуарѣ до нашихъ дней, давно уже даются на сценѣ. Указавъ, какъ неблагопріятно отражается вліяніе цензуры на ходѣ театральнаго дѣла и высказавъ вообще свой взглядъ на драматургію, Өедоровъ утверждаетъ, что дирекція возставала по временамъ противъ безаппелляціонныхъ рѣшеній цензуры, но отсюда выходило мало толку. Министръ Императорскаго Двора, графъ Адлербергъ, главный начальникъ Императорскихъ театровъ, учредилъ (1856 г.) Театрально-литературный Комитетъ, чтобы, по выраженію Өедорова, „очистить репертуаръ Руской сцены, согнать съ него плохія піесы, допускать только хорошія, привлечь даровитыхъ драматическихъ писателей". Но опять цензура становится поперекъ дороги и новому учрежденію, „запрещая, какъ нарочно, все, что̀ прочтено лучшаго въ комитетѣ" [¹]).

Итакъ, Өедоровъ убѣжденъ, что главнымъ тормазомъ въ развитіи драматической литературы и сценическаго искусства является спеціальная цензура драматическихъ произведеній, и ослабить или совсѣмъ устранить этотъ тормазъ можно, предоставивъ „право одобренія драматическихъ произведеній къ представленію на сценѣ или Театрально - Литературному Комитету или общей цензурѣ, гдѣ власть отдѣльнаго цензора ограничена Цензурнымъ Комитетомъ".

Своей „конфинденціальной", какъ онъ ее называетъ, запиской, Өедоровъ, въ качествѣ начальника репертуарной части, руководившаго Петербургскимъ театромъ, хотѣлъ „подать свой оправдательный голосъ" противъ начинавшихся тогда нападокъ журнальной печати на театральную администрацію. Записка, по всей вѣроятности, предназначалась для представленія или, можетъ быть, и была представлена на воззрѣніе начальства. Эти два обстоятельства, безъ сомнѣнія, и произвели на односторонность высказаннаго въ *Запискѣ* взгляда. Сваливая всю вину на неблагопріятныя послѣдствія цензуры, Өедоровъ умалчивалъ одругихъ причинахъ, имѣвшихъ вліяніе на положеніе дѣла. Онъ выгораживалъ театральную администрацію, а между

¹) Теперь существуетъ другой порядокъ. Для разсмотрѣнія въ Театрально-литературный Комитетъ принимаются только піесы, уже одобренныя къ представленію драматической цензурой.

тѣмъ всякій, кто соприкасался съ закулисными порядками и обычаями, знаетъ, что постановка піесъ на сценѣ зависитъ помимо цензуры отъ слишкомъ многихъ условій, связанныхъ собственно съ этими порядками и обычаями. Вѣдь, если бывали случаи, когда обвиняли цензуру, то бывали и такого рода факты, какъ записанный однимъ изъ современниковъ. Во времена управленія театромъ того же Өедорова ставилась на сцену комедія Потѣхина „Мутная вода“. Въ комедіи, между прочимъ, два лица: баронесса. Нѣмка и Нѣмецъ Кукукъ, оба мошенники, оплетающіе и надувающіе Русскихъ. Театральное начальство признало это непозволительнымъ и велѣло Нѣмцевъ преобразовать въ Русскихъ, изъ чего выходило, что Русскіе могутъ быть подлецами, а Нѣмцы—нѣтъ [3]).

Что касается до Театрально-Литературнаго Комитета, то правда, что, при учрежденіи его, ему предсказывали благотворную дѣятельность, но съ самаго же зарожденія его и до нашихъ дней слышались и слышатся жалобы на недостаточность приносимой имъ пользы и даже указывалось на безполезность его существованія. Подвести итоги дѣятельности Комитета—дѣло будущаго историка; но нельзя не замѣтить, что Комитетъ не могъ создавать таланты. По мысли перваго составителя устава Комитета, академика Никитенки, польза этого учрежденія преимущественно отрицательная: препятствіе загромождать сцену плохими піесами. Положительная же польза, по его мнѣнію, состояла въ томъ, что „молодые писатели могли находить ободреніе“ въ мысли, что судьба ихъ сочиненій отнынѣ станетъ рѣшаться не произволомъ, часто невѣжественнымъ, а судомъ литературнымъ и, по возможности, справедливымъ“ [4]).

Записка Өедорова пріобрѣтаетъ еще большее значеніе личной защиты, если вспомнить, что, кажется, никого изъ закулисныхъ начальниковъ, вѣдавшихъ судьбы Русскаго театра, не обвиняли такъ въ упадкѣ Русскаго драматическаго искусства, какъ именно его. Өедоровъ былъ утвержденъ въ должности управляющаго Петербургскимъ Театральнымъ Училищемъ и назначенъ начальникомъ репертуарной части 29 Сентября 1854 года. И съ этого времени, замѣчаетъ лѣтописецъ Петербургскаго театра, въ продолженіе двадцати лѣтъ, онъ владѣлъ вполнѣ судьбами нашего театральнаго міра, и за все это время на немъ одномъ должна лежать отвѣтственность предъ современниками и потомствомъ за все, что̀ сдѣлано, и за все, что̀ не сдѣлано для Русской сцены [1]). Өедоровъ занималъ не главное мѣсто въ театральной администраціи; но онъ, по выраженію современнаго театрала, былъ тотъ *chev ille ouvrière* [2]), на которомъ вращался весь театральный механизмъ [3]).

П. С. Өедоровъ (род. 1800, † 11 Марта 1879 г.) до назначенія его въ 1854 году на службу къ Императорскимъ театрамъ былъ заурядным поч-

---

[3]) Никитенко, А. В. *Записки и Дневникъ*, т. 3, стр. 257, Январь 1871 года.

[4]) *Тамъ-же*, т. II, стр. 81, 7 Марта 1858 г.

[1]) Вольфъ, А. *Хроника Петербургскихъ театровъ*. ч. I, стр. 178.

[2]) Шкворень.

[3]) Юркевичъ, П. „Изъ воспоминаній Петербургскаго старожила“. *Историч. Вѣстникъ*, 1882, № 10, стр. 171.

таитскимъ чиновникомъ, писалъ и переводилъ недурные въ тогдашнемъ репертуарѣ комедіи и водевили. Новое и весьма важное въ театральномъ мірке мѣсто онъ занялъ, благодаря расположенію къ нему графа В. Ѳ. Адлерберга. Издавна уже такъ ведется, что, при назначеніи новаго лица на старую, отвѣтственную должность всѣ ждутъ новыхъ порядковъ, новыхъ вѣяній: новая метла чище мететъ. Такъ было и при вступленіи Ѳедорова въ управленіе Петербургскими театрами. Можно думать, что и *Записка* его о цензурѣ была однимъ изъ взмаховъ новой метлы или отпоромъ на начинавшуюся противъ новаго театральнаго администратора атаку повременной печати. Выше я уже замѣтилъ что Ѳедорову, какъ личности и администратору, пришлось выносить самыя ожесточенныя и рѣзкія нападки при жизни; самыя нелестныя характеристики сопровождаютъ его имя и дѣятельность и послѣ его смерти въ различныхъ воспоминаніяхъ. Здѣсь не мѣсто разбираться во всѣхъ этихъ отзывахъ о Ѳедоровѣ; да и время не пришло еще для того, чтобы на основаніи достовѣрныхъ данныхъ сдѣлать о немъ какой-нибудь выводъ. Но чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о немъ, приведу два мнѣнія по этому поводу людей, близко стоявшихъ въ свое время къ театру и, очевидно, знавшихъ Ѳедорова.

Вотъ отзывъ о немъ покойнаго артиста Л. Л. Леонидова († 1889), который въ закулисной средѣ пользовался репутаціей честнѣйшаго и правдивѣйшаго человѣка. По его характеристикѣ, П. С. Ѳедоровъ былъ „типъ Петербургскаго чиновника, долго служившаго въ почтовомъ вѣдомствѣ. Какъ человѣкъ мягкосердечный, онъ любилъ ласкающихся къ нему приближенныхъ и терпѣть не могъ противорѣчія или нововведенія, выслушивая ихъ всегда хмуро, исподлобья поглядывая на новатора. Не мстилъ, но и не забывалъ того, кто не соглашался съ его рутиннымъ убѣжденіемъ, стараясь удалять отъ себя такого неугомоннаго ослуха. До вступленія своего въ должность инспектора, трудовую жизнь свою онъ проводилъ съ артистами, занимаясь переводами и передѣлками по водевильной части, что при новомъ управленіи его и посѣяло неудовольствія различныхъ толковъ. Прежніе пріятели его стали почти требовательны на вознагражденія, капризничали, нехотя исполняли его распоряженія и, словомъ, доказывали на дѣлѣ, что трудно начальствовать по-пріятельски. Видя разногласіе въ старыхъ своихъ друзьяхъ, онъ началъ окружать себя новыми прислужниками изъ молодыхъ. Любилъ иногда немножко полиберальничать, но, какъ важный исполнитель-чиновникъ въ генеральскомъ званіи, тотчасъ одумывался и принималъ видъ хладнокровнаго слушателя. Онъ всегда ласково выслушивалъ просителя и обнадеживалъ всѣхъ и каждаго именемъ директора, высшаго начальника. Каждый, выходя отъ него, оставался имъ доволенъ, потому что онъ ни съ кѣмъ не входилъ ни въ какія служебныя разъясненія и никому категорически не отказывалъ, а всякому обѣщалъ переговорить о его дѣлѣ съ директоромъ, къ которому и отправлялся съ туго набитымъ портфелемъ и дѣлалъ докладъ по своему усмотрѣнію. Онъ не принадлежалъ къ бойкой артистической натурѣ, пролагающей себѣ дорогу, а напротивъ, былъ самый тихій и

не велерѣчивый, исполнительный характеръ, только случайностью обстоятельствъ составляющій себѣ карьеру въ чинахъ и лентахъ театральнаго дѣлопроизводства. При немъ сильно развилась протекціонная система, которая съ партіей недовольныхъ при гласности вооружилась на него обличительною литературою въ каррикатурѣ, стихахъ и прозѣ. Но онъ тѣмъ тверже стоялъ на своемъ посту и больше получалъ административныхъ съ арендами наградъ. И если за нимъ, по словамъ Гоголевскаго городничаго, и были кое-какіе грѣшки, за то онъ каждое воскресенье ходилъ въ церковь и всю обѣдню выстаивалъ въ нравственный примѣръ своимъ питомцамъ и подчиненнымъ" [1]).

А вотъ какъ характеризуетъ дѣятельность Ѳедорова драматургъ и театральный критикъ, Д. В. Аверкіевъ [2]). „Ѳедоровъ былъ человѣкъ умный и даже литературный (какъ переводчикъ комедій и водевилей). Въ разговорѣ онъ даже предпочиталъ Островскаго Дьяченкѣ, хотя въ репертуарѣ отдавалъ преимущество послѣднему, какъ дающему большіе сборы. Что же именно сдѣлалъ Ѳедоровъ для театра? Онъ просто на-просто превратилъ его въ канцелярію по драматической части. Ему не требовалось художниковъ-исполнителей, съ него было довольно и исполнительныхъ чиновниковъ. Не то, чтобы онъ не признавалъ таланта; но его удовлетворяли артисты просто натасканные на дѣло, или вѣжливѣе, артисты опытные. Съ ними жилось покойнѣе; у нихъ не было таланта, за то они обладали прекраснымъ характеромъ. Появились „выигрышныя" роли, появился, особый классъ артистовъ пожирателей этихъ ролей. Пуще моли развелось первыхъ актеровъ и исчезли вторые. Мертвечина, казенщина и чичиковщина воцарилась въ храмѣ искусства; началась торговля поспектакльной платой, и авторской, и актерской".

Въ защиту Ѳедорова можно было бы привести очень немного мнѣній и отзывовъ. Но, повторяю, я не дѣлаю изъ приведенныхъ характеристикъ никакого вывода объ этомъ театральномъ дѣятелѣ прошлаго времени и хотѣлъ лишь дать читателямъ представленіе объ авторѣ нижеслѣдующей *Записки*.

Алексѣй Ярцовъ.

Записка Павла Степановича Ѳедорова, 1859 года.

Въ послѣднее время журналы и газеты печатно стали обвинять дирекцію Императорскихъ театровъ въ равнодушіи къ Русской сценѣ и приписывать ея винѣ замѣтную по репертуару бѣдность отъ недостатка для сцены новыхъ, не только хорошихъ, но сколько нибудь заслуживающихъ вниманія оригинальныхъ пьесъ,—бѣдность, которая доводитъ Русскій театръ до совершеннаго упадка. Встрѣчая хотя изрѣдка

[1]) „Театральныя воспоминанія Л. Л. Леонидова" *Русская Старина*, 1892, № 2, стр. 513—514.

[2]) Аверкіевъ, *Дневникъ Писателя*, 1886, № 2, стр. 68—72.

въ печати драматическія произведенія со смысломъ, съ направленіемъ, съ художественными достоинствами; произведенія, обличающія несомнѣнный талантъ въ ихъ авторахъ, и журналы и публика удивляются, отъ чего эти немногія, исключительныя произведенія не являются на сценѣ; отъ чего дирекція, пренебрегая и этимъ немногимъ, составляетъ репертуаръ только изъ оригинальной посредственности и Французскихъ передѣлокъ.

Молва эта справедлива: состояніе Русской сцены очень незавидно, съ этимъ нельзя не согласиться. Только обвиненіе тутъ падаетъ не на того, на кого бы слѣдовало. Человѣкъ не знающій, какъ идутъ дѣла по театру, въ подобныхъ случаяхъ обвинитъ всегда администраторовъ Русской сцены, непремѣнно приметъ ихъ за людей отсталыхъ, неблагонамѣренныхъ, ни мало не радѣющихъ объ удовлетворительномъ исполненіи своихъ обязанностей. Но человѣкъ этотъ очень ошибется, узнавъ ближе положеніе дѣлъ по Русской сценѣ Составить репертуаръ, занимательный для публики, изъ пьесъ старыхъ, битыхъ и перебитыхъ, весьма не легко; а еще труднѣе дать въ годъ 200 Русскихъ спектаклей и собрать на нихъ этимъ репертуаромъ 160 т. р. (какъ въ прошломъ 1858—1859 году). Не лучше ли, не легче ли было бы взять двѣ-три новыя оригинальныя пьесы съ художественными достоинствами, поставить ихъ—и въ продолженіе цѣлаго сезона привлекать ими публику? Неужели можно предполагать, что дирекція не цѣнитъ такихъ, напримѣръ, пьесъ, какъ «*Свои люди сочтемся*», «*Макбетъ*», или «*Коварство* и *любовь*»? Нѣтъ, въ упадкѣ Русской сцены нельзя обвинять администрацію! При всемъ желаніи, она ничего не можетъ тутъ сдѣлать; но если уже кого обвинять, такъ это театральную цензуру, которая лишаетъ ее сочной пищи, той даже пищи, какая, по милости общей цензуры, перепадаетъ на долю печатныхъ изданій.

Цензура учреждена для благой и полезной цѣли. Человѣкъ способенъ увлекаться, увлеченіе очень нехорошо, потому что въ немъ человѣкъ можетъ наговорить то, чего не скажетъ въ спокойномъ духѣ. Дѣло цензуры отдѣлить пшеницу отъ плевелъ; она, какъ садовникъ, должна обрѣзывать негодные сучья и оставлять только тѣ, которые даютъ плодъ; ея дѣло ростить дерево, а не глушить его.

Но такъ ли дѣйствуетъ теперь театральная цензура?

По основаніи Русскаго театра пьесы разсматривались директорами его: Сумароковымъ, Елагинымъ; произведенія, выходившія вонъ изъ ряда и затрогивавшія современныя интересы, каковы: «Бригадиръ, Недоросль, Ябеда», разрѣшались высшею властію. По учрежденіи министерства полиціи драматическая литература подпала его вѣдомству.

Цензура министерства была снисходительна: она дѣйствовала въ выгодахъ театра и не стѣсняла дарованій; каждому былъ свободный ходъ: Озеровъ, Крыловъ, Шаховской могли разработывать Русскую исторію и Русскую жизнь; Шиллеръ, Бомарше явились на сценѣ въ переводахъ; даже «Горе отъ ума» пробилось на сцену. Цензура смотрѣла на театръ, какъ на вѣрнѣйшій указатель стремленій, желаній, недостатковъ, слабостей современнаго общества; какъ на зеркало, въ которомъ отражается жизнь народа во всей ея полнотѣ, зеркало драгоцѣнное, которое не только не должно закрывать, но напротивъ, въ интересахъ общей пользы и самой власти, надо держать какъ можно чище и яснѣе; цензура смотрѣла на театръ, какъ на каѳедру, съ которой можно сказать народу много добраго.

Съ 1826 года взглядъ цензуры на театръ измѣняется. Театральныя пьесы передаются на судъ цензуры III-го отдѣленія, и цензура, начавъ уже смотрѣть недружелюбно на театръ, дѣлается съ каждымъ годомъ строже и враждебнѣе къ дѣятелямъ Русской сцены. Она какъ будто заподозрѣваетъ каждое выраженіе, видитъ во всемъ скрытый намекъ, боится всякой дѣльной мысли, каждаго слова со смысломъ, держится того порядка, въ которомъ даже простой намекъ на правду и дѣйствительность считается неприличнымъ и заставляетъ драматическихъ писателей ограничиваться наивными, допотопными сентенціями да пустяками. Цензура, въ лицѣ одного цензора, становится рѣшительницей судебъ драматическаго искусства въ Россіи. Въ общей цензурѣ для печатныхъ произведеній есть аппелляція; въ цензурѣ театральной ея нѣтъ. Приговоръ одного лица цензуры театральной святъ, ненарушимъ и непогрѣшителенъ. За что пьеса запрещена? Почему позволена? Неизвѣстно. Цензурѣ не нравится выраженіе, она его перемѣняетъ; не нравится развязка, она заставляетъ передѣлывать ее, часто во вредъ идеи и здраваго смысла; не нравится сцена, она запрещаетъ всю пьесу!

Въ приговорахъ театральной цензуры трудно отыскать послѣдовательность: она ее знать не хочетъ. Вотъ двѣ пьесы: въ одной, (*Макбетъ*) феодальный баронъ убиваетъ своего короля, садится на его престолъ, и съ этой минуты жизнь его—пытка, которая кончается страшною смертію. Сильный урокъ для честолюбцевъ! Въ другой (*Гамлетъ*) родной братъ убиваетъ своего короля, садится на его престолъ, женится на его вдовѣ, покушается на жизнь племянника; жизнь его—безпрерывный пиръ; конецъ—смерть совершенно случайная. Урока нѣтъ! Чтожъ бы должно было запретить, въ видахъ нравственности и уваженія къ власти, какъ понимаетъ ихъ цензура? Ра-

зумѣется, Гамлета? Нѣтъ. Ценсура пропускаетъ на сцену Гамлета и запрещаетъ Макбета!

Для театральной ценсуры равно важны и судьба государства и судьба ничтожнаго чиновника. Народъ возстаетъ противъ притѣсненія губернатора («Вильгельмъ Тель»), неуваженіе къ власти: «запрещается». Квартальный напивается пьянъ и смѣшитъ честную компанію (купцы 3-й гильдіи) — неуваженіе къ власти: «запрещается». Нравственное чувство ценсуры возмущается продѣлками злостнаго банкрота, который за нихъ попадаетъ въ тюрьму (*Свои люди сочтемся*); «запрещается», а «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», въ первой картинѣ которой воровство во второй пьянство; въ третьей еще болѣе болѣе пьянства; въ четвертой nec plus ultra пьянства; въ пятой допившійся до бѣлой горячки сынъ идетъ рѣзать спящаго отца, «позволяется». По понятіямъ ценсуры,—какъ видно изъ ея рѣшеній,—писать нельзя о казнокрадствѣ, о злоупотребленіи власти, о купеческихъ продѣлкахъ о семейномъ развратѣ объ офицерахъ о чиновникахъ, о крестьянахъ о дворянствѣ объ откупщикахъ объ Іоаннѣ Грозномъ, объ опричинѣ; о Самозванцахъ...

О чемъ же, наконецъ, можно писать?

Обо всемъ, что́ не запрещено, скажетъ ценсура.

Вотъ перечень пьесъ, запрещенныхъ въ 1858 и 1859 годахъ, пьесъ, изъ которыхъ каждая, болѣе или менѣе, принесла бы честь и сборы Русской сценѣ, и изъ которыхъ большая часть уже напечатана.

Оригинальныя:

Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь, Островскаго (Свои лыди сочтемся).

Даровой хлѣбъ, Тургенева. *Капитанская дочка*, Криницыной. *Отецъ и сынъ*, Ховскаго. *Царское кольцо. Былыя времена. Доходное мѣсто*, Островскаго. *Мишура*, Потѣхина. *Свой кругъ. Шуба овечья, да душа человѣчья*, Потѣхина. *Купецъ-лабазникъ. Переписчикъ. Барышня. Фразеры. Старое поколѣніе. Кошкѣ игрутки*, Островскаго. *Переводныя*: *Роковой Талисманъ. Рюи Блазъ. Валентина. Герцогиня д' Егильонъ. Робертъ Роллери.*]*Сынъ слѣпого. Парижскіе студенты. Генрихъ IV*, *Шекспира. Странствующіе комедіанты.* И того 25 піесъ.

При такихъ стѣсненныхъ условіяхъ ценсуры, можетъ ли Русская драма отражать въ себѣ современную, полную надеждъ и стремленій жизнь Русскаго общества?

Конечно нѣтъ. Пока не снимутъ съ нея тяжелыхъ веригъ, она все будетъ коснѣть въ своемъ одиночествѣ, не войдетъ въ непосредственную связь съ жизнію, будетъ па ней какимъ-то внѣшнимъ наростомъ, и драматурги съ талантомъ не найдутъ должнаго исхода для своей дѣятельности.

Между тѣмъ театръ необходимъ для публики. Театръ живетъ новизной. Чтò однажды сошло съ репертуара, то умерло: публики имъ не заинтересуешь. Надо новаго, болѣе Русскаго, современнаго. А у насъ большею частію играютъ передѣлки чудовищныхъ Французскихъ драмъ, пошлыхъ водевилей, доморощенные грубые фарсы. Шагъ за шагомъ, и мы дойдемъ по этому пути до идеала Русскихъ пьесъ: «*Одинъ влезетъ подъ столъ, а другой вытащитъ его оттуда за ногу!*» И вотъ какая горькая участь суждена Русской драмѣ.

Но журналы и публика не хотятъ знать цензуры и не могутъ обвинять ее безусловно. Они знаютъ Дирекцію театровъ, они увѣрены что обязанность Дирекціи защищать сцену и помогать ей; что Дирекція учреждена съ благою цѣлію, что въ національной своей гордости, она должна заботиться о Русской сценѣ какъ родная мать о любимомъ дѣтищѣ; должна видѣть въ Русской сценѣ мѣрило образованности народа, мѣрило его вкусовъ, потребностей, интересовъ и употреблять всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы сцена вполнѣ соотвѣтствовала своему высокому призванію; они полагаютъ, что Дирекція не должна жертвовать интересами Русской сцены, а обязана отстаивать ихъ во имя своей же собственной пользы.

Дирекція, однакоже, сознавая справедливость голоса публики, по временамъ пробовала возставать противу безапелляціонныхъ рѣшеній цензуры; но борьба ея приносила мало хорошихъ послѣдствій. Его сіятельство, высоко просвѣщенный и благонамѣренный главный начальникъ и покровитель драматическаго искусства, видя упадокъ Русской сцены и увѣрясь, что ей необходимъ свой защитительный голосъ, свой собственный органъ для выраженія нуждъ и потребностей Русскаго театра, въ дѣлѣ искусства, призналъ необходимымъ учредить Театрально-литературный Комитетъ, съ цѣлію очистить репертуаръ Русской сцены, согнать съ него плохія пьесы, допускать только пьесы хорошія, соотвѣтственныя современному направленію, привлечь даровитыхъ драматическихъ писателей; словомъ, поставить сцену въ уровень съ жизнію.

Но вотъ уже прошло слишкомъ три года современи учрежденія Комитета, а замѣчательныхъ произведеній все еще не видно на сценѣ. Публика ропщетъ ни на одну уже Дирекцію, но и на Комитетъ; даровитые писатели не прививаются къ Русскому театру, и отрадныхъ для него надеждъ не видно еще въ будущемъ! Прекрасную цѣль учрежденія Комитета губитъ опять таже цензура. Запрещая, какъ нарочно, все, чтó прочтено лучшаго въ Комитетѣ, она лишаетъ сцену замѣчательныхъ произведеній и отнимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ охоту у авторовъ трудиться для нея; и вотъ Комитетъ долженъ поневолѣ измѣнять своей

цѣли, долженъ поневолѣ быть снисходительнымъ къ слабымъ произведеніямъ, чтобы не оставить театръ при старомъ репертуарѣ и не довести до рѣшительнаго упадка сборовъ Дирекціи.

Пьесы, одобренныя Комитетомъ, зопрещаются цензурой! Стало быть, Дирекція и въ лицѣ Комитета не имѣетъ, по прежнему, ни голоса, ни вѣса предъ цензурой. Но какъ же послѣ того понимать одобренія Комитета? Если Комитетъ находитъ, что пьеса достойна представленія, то, конечно, при этомъ подразумѣвается, что она можетъ идти, т. е. что направленіе ея не враждебно понятіямъ о цензурѣ. Отчего же цензура запрещаетъ пьесы, одобренныя Комитетомъ? Тутъ или цензура ошибается, или ошибается Комитетъ; или надо рѣшать одной цензурѣ, или одному Комитету: вмѣстѣ они ужиться не могутъ. Или одобреніе Комитета должно быть обязательнымъ для цензуры, или Комитетъ, не удовлетворяя своей цѣли, долженъ считаться безполезнымъ учрежденіемъ.

Я, какъ начальникъ репертуарной части, быть можетъ, болѣе другихъ, обвиняемый въ упадкѣ Русскаго театра, рѣшился хотя однажды подать оправдательный мой голосъ. Но если бы меня спросили какъ помочь этому дѣлу, то я посмѣлъ бы отвѣчать, что Дирекція только тогда оградитъ себя отъ незаслуженныхъ упрековъ, когда право одобренія драматическихъ произведеній къ представленію на сценѣ будетъ предоставлено или Театрально - литературному Комитету или общей Цензурѣ, гдѣ власть цензора ограничена цензурнымъ Комитетомъ; иначе, и въ особенности при предстоящемъ преобразованіи общей цензуры, голосъ журнальной критики будетъ безпощаднымъ врагомъ театральной администраціи; а этотъ голосъ безъ сомнѣнія отзовется и въ мнѣніяхъ всей образованной публики.

НАШИ СНОШЕНІЯ СЪ ГЕРМАНІЕЙ И ИТАЛІЕЙ ДО 1800 ГОДА.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть вторая: Германія и Италія. Изданіе Коммиссіи, печатанія Государств. Грамотъ и Дог. при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1896 8-ка, VIII + 272, ц. 2 рубля.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ издается трудъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго: „Сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между Россійскими монархами и Европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ, собранное и по алфавиту государствъ расположенное", съ предисловіями нынѣшняго директора Архива, барона Ѳ. А. Бюлера и съ дополненіями, сдѣланными С. А. Бѣлокуровымъ.

Первая часть, вышедшая въ 1894 году, обнимаетъ собой сношенія съ Австріей, Англіей, Венгріей, Голландіей Даніей и Испаніей. Вторая часть излагаетъ сношенія съ Германіей и Италіей (куда причислены также Женевская республика и Мальтійскій орденъ). Это богатая содержаніемъ книга-*каталогъ*: ибо сжатый „Обзоръ" не есть исторія внѣшнихъ сношеній Россіи, но есть *каталогъ* ихъ, какъ они значатся въ Архивѣ, и притомъ особенно цѣнный въ виду отсутствія печатнаго каталога архивныхъ дѣлъ. Въ книгѣ указано все замѣчательное, чтó есть въ Архивѣ по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи до 1762 года (бумаги позднѣйшія поступали въ Архивъ при Бантышѣ-Каменскомъ лишь случайно; главная же масса ихъ пришла туда уже послѣ его смерти).

Древнѣйшія сношенія съ Германіей суть сношенія съ Любекомъ съ 1585 года. Связи, начавшіяся при Василіи III и Іоаннѣ IV, дружественно продолжаются при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Замѣчательна, при царѣ Борисѣ, въ 1603 г., общая грамота Ганзейскихъ городовъ, съ предложеніями о торговлѣ. Въ отвѣтъ на нее была открыта торговля Ганзейцамъ, а съ Ганзейскими послами отправлено въ Любекъ пять Русскихъ мальчиковъ въ ученье; они помѣщены Любчанами въ школу учиться Нѣмецкому и Латинскому языкамъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ дѣятельнымъ агентомъ Россіи въ Любекѣ является Фонъ-Горнъ, который и ловитъ тамъ самозванца Тимошку Анкудинова (выдававшаго себя за сына царя Василія Шуйскаго) и нанимаетъ солдатскіе и рейтарскіе полки, пушкарей, механиковъ, рудознатцевъ, покупаетъ пушки и т. д. Добрыя связи съ Любекомъ усиливались особенно по пріѣздѣ въ Россію великаго князя Петра Ѳеодоровича: епископы Любскіе выбирались изъ Голштейнъ-

готторпскаго дома, а въ малолѣтство герцоговъ были администраторами Голштиніи.

Позднѣе, изъ Ганзейскихъ городовъ, особенно живы были сношенія съ Гданскомъ: при Петрѣ, при Аннѣ, при Елизаветѣ онъ былъ въ полузависимости отъ Русскихъ, но тайно радъ былъ содѣйствовать нашимъ врагамъ.

Сношенія съ Гамбургомъ значатся въ Архивѣ съ 1613 года, когда, по дорогѣ къ цесарю, Русскіе извѣщаютъ Гамбургъ о воцареніи Михаила Θеодоровича. Затѣмъ добрыя сношенія касаются торговли и вывоза ремесленниковъ, особенно рудознатцевъ. При Петрѣ и Елисаветѣ видную роль въ сношеніяхъ съ Гамбургомъ играютъ дѣла печати: Петръ не допускаетъ печатанія тамъ вредныхъ для Россіи статей и книгъ; правительство Елисаветы, кромѣ того, старается отвѣчать на политическіе памфлеты той же монетою.

О первыхъ, указанныхъ въ Архивѣ сношеніяхъ съ Германскими малыми дворами, даютъ намъ дополненія С. А. Бѣлокурова. Черезъ Саксонію, отчасти черезъ Мекленбургъ, лежалъ путь къ цесарю и въ Италію; отсюда въ 1492 года (посольства Юрія Траханіотова и Михаила Еропкина) и въ 1580—1616 гг. благодарность за пропуски или грамоты о пропускѣ, обращенныя къ герцогамъ. Въ 1621 любопытно посольство къ „Нѣмецкія земли“ Юрія Родіонова и Андрея Кекурлина „для тайнаго разузнанія о невѣстахъ царю и для провоза ихъ портретовъ“.

У Бантыша-Каменскаго сношенія съ Голштиніей начинаются посольствами Крузіуса и Бругмана, въ 1632 г. Этимъ посольствамъ мы обязаны книгой Олеарія; но сами они, какъ извѣстно, цѣли не достигли: договоръ о Голштинской торговлѣ съ Персіей, непомѣрно выгодный для Москвы, не былъ признанъ Голштинскимъ правительствомъ, а посолъ Бругманъ былъ казненъ; но въ Москвѣ упорно требовали соблюденія этого договора, и лишь въ 1652 году рѣшились выдать Голштинцамъ обратно подлинникъ его въ обмѣнъ на самозванца Анкудинова Пререканія о договорѣ не мѣшали сохраненію дружественныхъ отношеній, которыя еше болѣе скрѣпились при Петрѣ.

Саксонцы воспользовались посольствами Крузіуса и Олеарія для сношеній съ Россіею. Въ 1662 г. пріѣхалъ въ Россію Саксонскій пасторъ Грегори, а въ 1673 году пріѣхалъ къ намъ Рингуберъ. Черезъ него Саксонскій дворъ проситъ помощи Польшѣ, обѣщаетъ содѣйствіе противъ Турокъ, указываетъ на возможныя для Россіи связи съ Аббисиніей и Китаемъ (въ Китаѣ совѣтуетъ отбить восточную торговлю у Англичанъ) Рингуберъ доставляетъ оружіе, мастеровъ, озабочивается обученіемъ Нѣмецкихъ дѣтей для комедіи у государя. Съ Саксонскими курфирстами, защитниками протестанства, уже со времени Алексѣя Михаиловича связывала Русскихъ терпимость нашего двора къ протестантамъ: Саксонцы постоянно то благодарятъ за покровительство протестантамъ, то просятъ о продленіи ея.

Петръ въ своихъ путешествіяхъ и заграничныхъ походахъ и вслѣдствіе брачныхъ союзовъ своей семьи (надо было устроить браки двухъ пле-

мянницъ, сына и двухъ дочерей), завелъ многія связи въ Германіи. Водвореніе Анны Іоанновны въ Курляндіи привело къ сношеніямъ со всѣми, кто имѣлъ права или притязанія на Курляндскія имущества, а такихъ претендентовъ было много (между прочимъ аббатисса Герфордская, дочь герцога Іакова Курляндскаго съ 1711 года предлагала продать Россіи свои претензіи на Курляндскіе доходы, доходившія въ 1723 году до 1.200.000 талеровъ; по свѣдѣніямъ Русскаго резидента въ Гамбургѣ Беттигера, многіе, и въ томъ числѣ Прусскій король, готовы были перебить у Россіи эту покупку.

Бракъ Анны Ивановны породнилъ Русскій дворъ со всей родней Курляндскихъ герцоговъ, и впослѣдствіи началась выдача пенсій этой роднѣ, отчасти въ возмѣщеніе за Курляндское наслѣдство, отчасти просто въ помощь отъ Русскаго двора. Вообще связи съ Германіей привели къ ряду милостей со стороны нашего двора Германскимъ принцамъ. Дѣла шли о денежномъ пособіи тѣмъ, кто былъ обремененъ годами, семьей, не имѣлъ средствъ, разстроилъ ихъ, или пострадалъ отъ политической слабости; о службѣ въ Россіи (о которой усиленно прошли и за которую усердно благодарили), о Русскихъ орденахъ (особенно дамы хлопотали о полученіи ордена Св. Екатерины).

Анна Іоанновна была въ бракѣ всего нѣсколько недѣль. Петръ хотѣлъ ее выдать вновь за маркграфа Бранденбургъ - шветскаго (объ этомъ хлопоталъ у Петра Прусскій дворъ), затѣмъ за герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго. Ни тотъ, ни другой бракъ не состоялся; но герцогиней Мекленбургской стала Екатерина Ивановна. Въ брачномъ договорѣ (1716 г.) нѣтъ статьи о вѣроисповѣданіи дѣтей, и рожденная въ 1718 г. принцесса Елисавета Христина (впослѣдствіи правительница Анна Леопольдовна) крещена по Лютеранскому обряду. Неразборчивость Русскаго двора проявилась тутъ и въ томъ, что герцогъ Мекленбургскій былъ уже женатъ; онъ отвергъ первую жену, и дѣло съ ней пришлось кончать Русскому правительству уже послѣ бракосочетанія нашей царевны. Затѣмъ началась безконечная „докука" нашему двору со стороны герцога Леопольда, который запуталъ свои дѣла, возстановилъ противъ себя и своихъ подданныхъ, и цесаря, и тщетно обращался за выручкой къ союзницѣ - Россіи: одно за другимъ Русскія правительства „выговаривали" герцогу, указывая ему, что онъ самъ портитъ свои дѣла. На минуту счастіе улыбнулось ему въ краткое правленіе его дочери. Анна Леопольдовна, поздравляя отца своего съ новымъ 1741 годомъ, „возвѣщала желаніе свое вспомоществовать ему въ горестномъ его положеніи, о чемъ-де уже Польскому королю, яко тогдашнему имперскому викарію, наисильнѣйшія отъ нея употреблены представленія". Съ воцареніемъ Елисаветы надежда опять обманула его; но герцогъ не переставалъ надѣяться и усердно заискивать въ Россіи. Онъ шлетъ Елисаветѣ поздравленіе и просьбу возобновить союзъ съ нимъ, заключенный ея отцомъ. Елисавета сухо отклонила эту просьбу; герцогъ же не прекращалъ хлопотъ и искательствъ до самой смерти своей (1747 г.). Въ 1746 году Бестужевъ извѣстилъ его о

кончинѣ и погребеніи въ Александроневскомъ монастырѣ дочери его (супруга его скончалась еще въ 1733 году, проживъ въ Москвѣ, къ большому неудовольствію мужа, десять послѣднихъ лѣтъ). Дѣла Мекленбурга поправились было въ Россіи во время Семилѣтней войны; но Петръ III, вступивъ на престолъ, выпроводилъ Мекленбургскаго посланника изъ Петербурга. Отношенія улучшились позднѣе бракомъ великой княжны Елены Павловны (1799).

Съ Брауншвейгомъ императорская семья впервыя породнилась бракомъ царевича Алексѣя въ 1711 году. Принцессѣ Шарлоттѣ предоставлено было сохраненіе Лютеранскаго исповѣданія (§ 5); дѣти же (§ 11) должны быть воспитаны въ Православіи. Но и въ отношеніи къ дѣтямъ скоро сказалось новшество: 17 Октября 1715 г. Петръ пригласилъ въ воспріемницы вел. князю Петру Алексѣевичу герцогиню Брауншвейгскую Христину, Луизу (бабку новорожденнаго, *протестантку*). Изъ сношеній по поводу брака царевича отмѣтимъ § 9 отвѣтѣ Петра на пункты, предложенные герцогомъ Брауншвейгскимъ (дѣдомъ принцессы): „Государь обѣщаетъ принять кронпринцессу какъ дочь свою.... а равно обѣщаетъ и будущихъ при ней содержать во всякомъ порядкѣ, только бы они себя хорошо вели и не высокомѣрились, какъ многіе пріѣзжіе обыкли въ Россіи дѣлать“. Всѣ эти отвѣтные пункты писаны Петромъ собственноручно. Вообще письма Петра къ Германскимъ свойственникамъ выдаются дѣловитостью и соблюденіемъ достоинства обѣихъ сторонъ.

Особенная дружба завелась съ Голштиніей. Тамъ былъ у Петра и первый крестникъ среди Германскихъ принцевъ: принцъ Голштейнъ-бекскій Петръ Августъ Фридрихъ, родившійся въ 1697 г. Въ 1734 г. онъ поступилъ въ Русскую службу полковникомъ, въ 1743 г. былъ генералъ-лейтенантомъ и женился на графинѣ Головиной, дочери адмирала Николая Головина, а въ 1770 пожалованъ орденомъ Св. Андрея. (Послѣ Петра особенно много крестниковъ за границей было у Анны Ивановны: графъ Гогенштейнъ-Витгенштейнскій далъ въ честь ея имя Анны даже своему сыну). Въ борьбѣ со Шведами Голштинія была на сторонѣ Петра. Съ 1714 г. зашла рѣчь о бракѣ герцога Карла Фридриха, тогда еще малолѣтняго, съ Анною Петровною. Отвѣтъ Петра на первый разъ былъ: „до возрасту отложить, ибо хотя и отецъ, однакожъ безъ воли ея того учинить невозможно“. На сдѣланное тогда же предложеніе по смерти Шведскаго короля передать Шведскую корону Голштинскому герцогу Петръ отвѣчалъ: „сей пунктъ зѣло деликатенъ, къ тому жъ и король еще живъ, и смыслъ сего пункта зѣло на тонкихъ ногахъ носитъ свое сѣдалище“.

При этомъ бракѣ Голштейнцы разсчитывали на полученіе въ подарокъ Эстляндіи и Лифляндіи. Въ 1721 г. герцогъ, по приглашенію Петра, прибылъ въ Россію, и ему обѣщано содѣйствіе для пріобрѣтенія Шведской короны и для возвращенія отъ Даніи Шлезвигскихъ владѣній. Благодаря Русскимъ деньгамъ и хлопотамъ, Шведскій сеймъ въ 1723 г. постановилъ „по испраздненіи Шведскаго престола быть преемникомъ оного Голштин-

скому герцогу Карлу Фридриху“ (право, впослѣдствіи признанное за сыномъ его, Петромъ Ѳедоровичемъ). Но брачный договоръ, не смотря на просьбы герцога, былъ заключенъ только въ 1724 г.; по § 4 „изъ дѣтей, мужеска колѣна—въ Евангелическо-лютеранской, а женска—въ Греко-Россійской вѣрѣ воспитаны быть должны“, секретнымъ артикуломъ постановлялось, что, не смотря на отреченіе принцессы „ото всѣхъ на Россійскую корону притязазаній, однако, ежели изъ будущихъ дѣтей ея мужеска полу востребуется къ наслѣдію Россійскаго престола назначить, въ такомъ случаѣ обязываются они отпустить одного изъ принцевъ“. Другіе секретные артикулы обѣщали дѣятельную помощь герцогу относительно Швеціи и Шлезвига.

Бракосочетаніе состоялось уже по смерти Петра, въ 1725 году, а въ отечество герцогъ выѣхалъ по смерти Екатерины I, пробывъ въ Россіи шесть лѣтъ. Екатерина весьма благоволила къ Голштейнъ-готторнскому дому и желала имѣть и „втораго Голштинскаго сына“, проча Елисавету Петровну за епископа Любскаго Карла, брата герцога Голштинскаго. Но 20 лѣтній епископъ скончался въ Петербургѣ. Голштейнъ-готторпскій домъ оставался вѣрнымъ союзникомъ Россіи, и родственныя отношенія обѣихъ семей были весьма живы. Когда родился принцъ Карлъ Петръ Ульрихъ (впослѣдствіи Петръ III-й), Петръ II былъ его воспріемникомъ. Умирая, Анна Петровна желая молодому государю „всѣхъ божественныхъ благодатей и бывъ готовою сама предстать въ вѣчную жизнь, просила о неоставленіи мужа своего и о явленіи милосердія всѣмъ изъ Россіянъ, при ней въ услуженіи бывшимъ“. Отношенія оставались дружественными и при Аннѣ Ивановнѣ (хотя она и называла будущаго Петра III-го *чортушкою въ Голштиніи*). Когда же съ воцареніемъ Елисаветы владѣтельный герцогъ Голштиніи былъ привезенъ къ намъ и сталъ наслѣдникомъ Русскаго престола, пошли живыя и постоянныя сношенія съ Голштиніей и Любекомъ Императоръ Петръ III (1-го Іюня 1762 г.) приказалъ войскамъ готовиться въ походъ и послалъ Датскому двору такой, собственноручно написанный ультиматумъ:

1) „Возвращеніе Шлезвига Фермерна и Гейлигланда.

2) „Въ награжденіе за убытки отдача Датской половины Голштиніи со всѣми къ оной принадлежащими крѣпостями. Петръ“.

Сношенія съ Гессеномъ начались также при Петрѣ Великомъ. Въ войскахъ его служили три принца Гессенскихъ. Людвигъ Гессенъ-гомбургскій былъ принятъ въ Русскую службу полковникомъ въ 1723 году 18 лѣтъ отъ роду; позднѣе онъ былъ генералъ-фельдцейгмейстеромъ, а умеръ въ Октябрѣ 1745 г. въ званіи фельдмаршала и директора Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса. „Огорченный 73-лѣтній родитель его, сообщая императрицѣ свое прискорбіе о семъ его единомъ только изъ 12 княжескихъ супружественныхъ отраслей оставшемся сынѣ, просилъ принять въ сей его печали участіе... Великій Князь отвѣтствовалъ на сіе, что Россійскій дворъ искреннее въ потерѣ сего мужа соболѣзнованіе пріемлетъ“. Въ Январѣ 1746 г. ландграфъ еще разъ благодарить „за всѣ милости и благодѣянія, оказанныя его сыну фельдмаршалу“.

Мать Екатерины II, Іоанна Елисавета, родомъ принцесса Шлезвигъ-голштинская, по семьѣ своей состояла въ связяхъ съ семьею Петра Великаго: ея отецъ Христіанъ Августъ и ея братъ Карлъ оба епископы Любскіе, оба скончались въ Петербургѣ. Портретъ двоюродной невѣстки ея, Анны Петровны, хранился у принцессы до 1742 года, когда Елисавета попросила прислать его къ себѣ. Въ началѣ 1744 г. принцесса съ дочерью Софіей Августой Фридерикой пріѣхала въ Москву, гдѣ пребывалъ тогда дворъ. 28 Іюня принцесса Софія приняла въ Успенскомъ соборѣ Православіе, 29 тамъ же произошло обрученіе ея съ великимъ княземъ, а 21 Августа 1745 г. въ Петербургѣ, состоялось бракосочетаніе ихъ. Въ концѣ 1747 года Іоанна Елисавета, препровождая новый актъ, коимъ въ отмѣну прежняго (Сентябрь 1745 г.) одно изъ имѣній Ангальтъ-цербскаго князя назначалось Екатеринѣ, въ случаѣ прекращенія мужскаго (а не мужскаго и женскаго) Ангальтскаго потомства, пишетъ: „Можно бы и безъ пристрастія сказать, что сіе походило бы (въ разсужденіи достоинствъ, кои васъ окружаютъ) на одну каплю воды, въ океанъ пролившуюся". Отецъ Екатерины скончался въ 1747 году, переписка же съ его вдовой продолжалась до ея кончины (1760). Въ концѣ 1759 г. канцлеръ Воронцовъ именемъ Императрицы рѣзко выговаривалъ княгинѣ, жившей тогда въ Парижѣ, нѣкоторыя вины ея, и назначенная ей еще въ 1756 году пенсія высылкой остановлена. Въ началѣ слѣдующаго года княгиня, выражая крайнее свое огорченіе о гнѣвѣ Императрицы, писала о безпомощности и горестяхъ своихъ и просила прощенія; за два дня до отправленія ею этого письма изъ Парижа, императрица уже приказала (27 Апрѣля) выслать ей должную за два года пенсію, 30.000 р., но посылка уже не застала ея въ живыхъ. Пенсію велѣно высылать вмѣсто нея ея сыну, за котораго мать хлопотала въ началѣ своей опалы. Кромѣ того, по просьбѣ великой княгини, выкуплены и отправлены къ сыну драгоцѣнности Іоанны Елисаветы.

*

Сношенія съ Италіей значатся въ Архивѣ со сватовства Іоанна III. Съ 1469 по 1528 идутъ довольно связныя сношенія съ Папскимъ дворомъ („дополненія" Бѣлокурова) въ 1561 дѣлаются со стороны папъ попытки завязать новыя сношенія, что́ и осуществляется въ 1572—1606 годахъ. Въ этихъ сношеніяхъ Русскіе, въ первый періодъ, хлопочатъ о выпискѣ мастеровъ пушечнаго и серебрянаго дѣла, каменщиковъ добрыхъ, которые умѣли бы церкви и палаты строить, рудознатцевъ, лѣкарей, а во второй періодъ о помощи противъ Поляковъ (посольство 1580 года отъ Іоанна, стѣсненнаго Баторіемъ) и о союзахъ противъ Турокъ. Папы начинаютъ сношенія въ цѣляхъ политическихъ: заступничества за Ливонію (папа Инокентій въ 1485 г.), за Польшу (1502 г.), борьбы противъ Турокъ (Климентъ въ 1486 г. и т. д.), и вѣроисповѣдныхъ. Попытки Уніи и совращенія отмѣчены въ годахъ 1484, 1491 (посылка изъ Юрьева во Псковъ „сѣрыхъ чернецовъ"), 1519, 1524, (въ 1525 г. въ Москвѣ былъ посломъ еп. Францискъ), 1570 и въ 1575 (инструкція кардинала Морона, который и самъ было хотѣлъ ѣхать въ Россію: 1) чтобы царь Иванъ Васильевичъ не токмо

призналъ Римскаго папу, но и соединился бы въ сообщество единыя вѣры Римскія церкви; 2) чтобы тѣснѣйшимъ любви и дружества союзомъ съ апостольскимъ престоломъ соединился; 3) узнать намѣренія и планы царя о войнѣ съ Турками). Съ 1580 на посольствахъ Поссевина Римъ убѣждается въ необходимости отложить явныя хлопоты объ Уніи, и до Самозванца оффиціальныя сношенія идутъ только о Турецкихъ дѣлахъ; въ посольствѣ Колемія въ 1594 ярко выражается стремленіе сблизить царя съ католическими державами посредствомъ предпріятія на Черномъ морѣ и т. п. *). Прервавшіяся вслѣдствіе исторіи съ Самозванцемъ сношенія возобновились лишь въ 1672 году (по Русскому почину) ради борьбы противъ Турокъ.

Сношеній съ Венеціей и Флоренціей были сначала много рѣже, чѣмъ чѣмъ съ Папами, но они не прерывались такъ рѣзко. Въ 1485 г. въ Венеціи былъ отъ государя Юрій Грекъ, въ 1602 Флорентійскій герцогъ грамотой выражаетъ желаніе быть полезнымъ царю Борису, въ 1647 Венеціанскій посолъ въ Польшѣ поздравляетъ Алексѣя Михаиловича съ побѣдою надъ Турками, а съ 1654 года сношенія съ Венеціей и Флоренціей идутъ почти непрерывно. До Петра Россію связываютъ съ ними выгоды торговли, а съ Венеціей и общая борьба противъ Турокъ. Любопытно сообщеніе Іоанна Лихуды въ 1688 г. изъ Венеціи: Венеціане спрашивали у него, желаютъ ли государи Россійскіе быть Цареградскими императорами? На сей вопросъ онъ всѣмъ далъ знать, что государи его сего желаютъ и для того близъ Крыма построили на рѣкѣ Самарѣ городъ".

Въ Августѣ 1689 года пріѣхали въ Москву трое Итальянскихъ „вояжировъ" (маркизъ Ангелъ Габріелисъ, племянникъ умершаго папы Климента X; Варѳоломей Иво, Генуэзецъ, и Мацароза) съ рекомендательной грамотой Польскаго короля, позволить имъ обозрѣть все достойное примѣчанія въ Москвѣ. Они пробыли въ Москвѣ до 15 Ноября. Пріѣздъ „вояжировъ" упоминается затѣмъ въ 1712 г.: пріѣзжалъ графъ Иванъ Скіава и пробылъ почти два года.

Съ Петра къ прежнимъ поводамъ сношенія прибавляется новый: выписка мастеровыхъ и матросовъ и отправленіе Русскихъ молодыхъ людей въ Италію учиться военному и морскому дѣлу, медицинѣ, живописи и т. д. (особенно въ 1697—1627 годахъ). Б. П. Шереметевъ прибылъ въ 1697 году въ Венецію „для видѣнія окрестныхъ странъ и государствъ и въ нихъ мореходныхъ противу непріятелей креста святаго военныхъ поведеній, которыя обрѣтаются въ Италіи, даже до Рима и до Мальтійскаго острова, гдѣ пребываютъ славные въ воинствѣ кавалеры", имѣя въ свитѣ свящ. Іоанна Прок. Пашковскаго, царедворца Герасима Головцына, маршалка Алексѣя Курбатова, Василія Батурина, Якима Носова и др. Онъ засталъ при колоніи Русской знатной молодежи: князя Петра Алексѣевича Голицына, М. Аѳ. Матюшкина, Вас. и Влад. Петр. Шереметевыхъ, кн. Влад. Мих. Долгорукова, Абрама Ѳедоровича Лопухина („дополненія" Бѣлокурова). Въ слѣдующемъ году было три отправки въ Венецію: дворянъ Россійскихъ Александра Меншикова съ осмью товарищами, для наукъ и художествъ; „для наукъ"—

*) Сравни планъ Крижевича въ 1641 г. („Русское Обозрѣніе" 1896 февраль).

Өедосѣя Скляева, Лукьяна Верещагина, Өаддея Попова и Григорія Островскаго, и надзираніе за ними поручено доктору Петру Постникову; Григорія Волкова, для изученія медицинской науки. Во Флоренцію отправлено было въ 1716 г. нѣсколько человѣкъ для обученія архитектурѣ и живописи; герцогъ извѣстилъ въ 1717 г., что молодые люди помѣщены въ Академію Живописи, а въ 1719 г. хвалилъ успѣхи „двухъ Россіянъ Никитиныхъ, обучающихся въ его академіи живописному искусству и сообщалъ „что не менѣе успѣваютъ и остальные два, Россіяне же, въ сей наукѣ". Царь, благодаря, писалъ, „что почитаетъ великимъ для себя одолженіемъ таковое о подданныхъ его вниманіе".

Въ послѣдніе годы Петра и въ послѣдующія царствованія является забота Русскихъ о Греческой церкви и православныхъ въ Венеціи.

При Аннѣ Іоановнѣ куріозно сообщеніе о „шуточномъ, но и нѣсколько язвительномъ письмѣ (содержаніе его приводится), писанномъ къ герцогу Тосконскому шутомъ императрицы Петромъ Мирою, Итальянцемъ.

Сношенія съ Рагузой выражаются въ дѣятельности Саввы Владиславича (графа Рагузинскаго). Сношенія съ Женевой съ 1675—1715 годъ состоятъ только во взаимной съ обѣихъ сторонъ рекомендаціи Лефортовъ.

Подробныя выписки сдѣланы изъ дѣлъ Мальтійскаго ордена при Павлѣ и при Александрѣ (въ 1801 г.), причемъ перечислены и конвенціи о частныхъ пріоратствахъ, заключенныя въ 1797—1799 годахъ.

—

У Бантыша-Каменскаго (въ силу дѣйствовавшаго тогда Высочайшаго повелѣнія (одинъ изъ Русскихъ государей не носитъ принадлежащаго ему титула: императоръ Іоаннъ Антоновичъ постоянно именуется принцемъ. Іоаннъ Антоновичъ и грамоты его царствованія упоминаются въ дѣлахъ Браунгшвейгскихъ (тутъ ихъ больше всего), Мекленбургскихъ, Саксенъ-мейнингенскихъ и Нассаускихъ (двѣ принцессы этихъ домовъ были заловками Анны Іоанновны), Бременскихъ, Гамбургскихъ, Гданскихъ, Любскихъ, Женевскихъ, Мальтійскихъ, Неаполитанскихъ, Флорентійскихъ. Содержаніе относящихся сюда грамотъ: извѣщеніе о рожденіи Іоанна Антоновича, о вступленіи его на престолъ и регентствѣ Бирона, объ отрѣшеніи Бирона и регенствѣ Анны Леопольдовны, о рожденіи Екатерины Антоновны, о рожденіи иностранныхъ принцевъ; поздравленія на всѣ эти случаи; торжественный пріѣздъ Браунгшвейгскаго посла Крама для поздравленія Правительницы, выборъ герцога Людвига Эрнста Браунгшвейгскаго въ герцоги Курляндскіе; смѣна повѣренныхъ. Кейзерлингъ милостиво отпущенъ въ Браунгшвейгъ изъ Петербурга; въ Нижне-саксонскомъ округѣ Корфъ смѣненъ Гейнсономъ, а послѣдній, въ Ноябрѣ 1741 поставленъ подъ наблюденіе Сольмса, уволеннаго изъ Русскаго подданства Елисаветой; семейныя дѣла (заступничество Анны Леопольдовны за отца передъ Польшей, земельный споръ между Шлезвигскимъ и Браунгшвейгскимъ дворами, пенсіи урожденнымъ герцогинямъ Курляндскимъ); военныя дѣла (Бременъ, Гамбургъ) торговля (Бременъ).

Для первой части труда Бантышъ-Каменскаго въ Архивѣ есть два списка: одинъ: пожертвованный въ 1888 г. княгиней М. А. Мещерской (ре-

дакція 1802 г.) и другой, поступившій въ Архивъ послѣ кончины Бантыша-Каменскаго, отличающійся отъ перваго разными прибавками: это—частью простыя поправки и дополненія того, что̀ прежде было намѣренно пропущено или измѣнено (напр. свѣдѣнія о дѣлѣ царевича Алексѣя, подробности о дѣлѣ Ботты, споръ объ императорскомъ титулѣ въ 1742—1744). Текстъ изданъ по дополненному списку, а въ „дополненіяхъ" указаны отличія списка княгини Мещерской. Для второй части имѣется лишь редакція 1802 г. въ двухъ спискахъ: черновомъ и бѣловомъ.

Но и болѣе осторожная редакція, представленная въ 1800—1804 въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, казалась въ то время неудобной для печати. Въ 1813 г. графъ Н. П. Румянцовъ писалъ автору: „Должно и въ томъ соблюсти крайнюю осторожность, дабы не обнаружить тайныхъ сношеній, хотя древнихъ, но могущихъ иногда компрометтировать систему дворовъ, понынѣ наблюдаемую, и лицъ оказавшихъ намъ важныя услуги. При томъ сія выписка также можетъ издаваема быть токмо до царствованія Государя Императора Петра Великаго включительно, и я считаю, что печатаніемъ оной надобно обождать до окончанія настоящей войны". Въ отвѣтъ на опасенія Бантыша, что кто нибудь помимо его издастъ его трудъ, гр. Румянцовъ письмомъ завѣрялъ его, что этого не будетъ и что лишь отсутсвіе Государя мѣшаетъ Румянцову представить объ изданіи сего труда на казенный счетъ, непремѣнно, съ именемъ Бантыша. Умирая (въ 1814 г.), Б.-Каменскій завѣщалъ сыну своему Дмитрію Николаевичу хлопотать объ изданіи трудовъ его: нынѣ издаваемаго „Обзора", обзоровъ сношеній съ Польшей (изданъ въ Чт. О. Л. И. и Др. Р. 1860—1862 гг.) и съ Китаемъ (изданъ В. М. Флоринскимъ въ Казани въ 1882 г.). Д. К. Бантышъ-Каменскій въ 1816 г. подалъ о томъ прошеніе на высочайшее имя, а въ 1818 г. Карамзинъ, мнѣнія котораго запросили, далъ свой отзывъ: „Извлеченія, сдѣланныя покойнымъ Н. Н. Бантышемъ Каменскимъ изъ дипломатическихъ актовъ *древней* Россіи, принадлежатъ исторіи и могутъ быть изданы безъ нарушенія правилъ государственной скромности. Не только Россія, но и вся Европа съ того времени перемѣнилась: старыя тайны не имѣютъ связи съ новыми, открытіемъ своимъ питая единственно любопытство умовъ дѣятельныхъ и способствуя просвѣщенію. Исправнымъ отъ Государя Императора одобреннымъ изданіемъ сочиненія г. Каменскаго мы почтили бы память сего незабвеннаго мужа, который жилъ любовію къ отечеству и нравственности".

Въ 1821 г., по ходатайству Каподистріи, состоялось высочайшее соизволеніе, чтобы работы Б.-Каменскаго были изданы въ свѣтѣ на счетъ казны. Нынѣ, вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія и согласно докладу правителя дѣлъ Коммиссіи Печатанія Государственной Грамоты и Дог., С. А. Бѣлокурова, отмѣтившаго существенную необходимость этого изданія (предисловіе къ 1 т., стр. VII) изданы подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова 1-ая и 2-ая части „Обзора".

Въ общемъ книга является, какъ мы сказали, своего рода *каталогомъ* архивныхъ документовъ по даннымъ отдѣламъ и, конечно, станетъ настольной для всякаго, кто, въ Архивѣ ли, или внѣ его, занимается исторіей внѣшнихъ сношеній Россіи.

Г. В. ГРУДЕВЪ.

„Русскій Архивъ“ обязанъ помянуть на страницахъ своихъ достопамятнаго Москвича, тайнаго совѣтника Геннадія Владимировича Грудева, скончавшагося 99-ти лѣтъ отъ роду въ Москвѣ, 12 Декабря прошлаго 1895 года. Когда праздвался его юбилей въ Работномъ домѣ (26 Іюня 1885 года), то по окончаніи обѣдни (которую онъ всю простоялъ на колѣняхъ), одинъ изъ его почитателей, подойдя къ нему, сказалъ: „Помните, Геннадій Владимировичъ, за что обѣщано Господомъ Богомъ долголѣтіе!“ Онъ съ умиленіемъ обнялъ произнесшаго ему эти слова, относившіяся къ той попечительной и нѣжной заботливости, которою онъ окружалъ дожившую тоже до глубокой старости мать свою и которая простиралась до того, что онъ выпросилъ у митрополита Филарета позволеніе продѣлать особую дверь изъ принадлежавшаго ему на Волхонкѣ дома прямо въ церковь Николы Стрѣлецкаго, чтобы старушкѣ удобнѣе было ходить къ богослуженію, минуя улицу.

Г. В. Грудевъ родился еще въ царствованіе Екатерины Великой, 21 Октября 1796 года, въ Костромѣ. Отецъ его Владиміръ Ивановичъ, изъ духовнаго званія, служилъ мелкимъ чиновникомъ въ Костромѣ; онъ рано его лишился. Мать его, Марѳа Михаиловна и родная сестра ея Анна Алексѣевна были бѣдныя сироты, дворянскаго рода Зайцевыхъ, Виленскія уроженки; ихъ взяли на воспитаніе и перевели въ нашу вѣру изъ католичества два Русскихъ генерала, при чемъ отчество сдѣлалось у нихъ разное, по именамъ крестныхъ отцевъ (А. А. Зайцева вышла потомъ за Сем. Ив. Якимова. Это бабка Софьи Васильевны Якимовой, которая своимъ просвѣщеннымъ, попечительнымъ уходомъ продлила жизнь Г. В. Грудеву, будучи хозяйкою у него въ домѣ, заботливо слѣдя за его здоровьемъ и чтеніемъ удовлетворяя неослабѣвавшей до конца его любознательности).

Г. В. Грудеву было 7 лѣтъ отъ роду, когда рано овдовѣвшая мать его, опредѣлившаяся смотрительницей одного изъ благотворительныхъ Костромскихъ учрежденій, отдала его въ народное училище; а 9-ти лѣтъ онъ уже записанъ былъ на службу копіистомъ въ Костромскую Казенную Палату, какъ значится въ формулярномъ его спискѣ. Въ 1811 году онъ значится служащимъ въ Ардатовскомъ Городническомъ Правленіи; но 17-ти лѣтній Грудевъ захотѣлъ участвовать въ великой борьбѣ Россіи съ Западной Европой, въ 1813 году поступилъ въ ополченіе, доходилъ до Вильны, откуда тяжкая болѣзнь принудила его возвратиться на родину. Черезъ два года от-

правился онъ въ Петербургъ искать службы. Тамъ у него былъ одинъ только знакомецъ, Костромичъ, чайный торговецъ у Чернышова моста; даже и комнаты для него не нашлось, а занялъ онъ гдѣ-то уголъ у сенатскаго курьера. Геннадій Владимировичъ любилъ вспоминать про благодарственный молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, только что тогда введенный въ богослуженіе на день Рождества Христова. Благодѣтелемъ ему оказался директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ Дерябинъ, взявшій его на службу и помѣстившій у себя на дому. Хорошимъ почеркомъ и трудолюбіемъ проложилъ онъ себѣ дорогу. Про него узналъ тогдашній президентъ академіи наукъ и попечитель учебнаго округа С. С. Уваровъ, и вскорѣ сталъ онъ у него домашнимъ человѣкомъ Покойный А. С. Хомяковъ (у котораго познакомился я съ Г. В. Грудевымъ) называлъ его *Уваровецъ*. Дѣйствительно, съ Уваровымъ въ теченіе многихъ лѣтъ связана была судьба Грудева. Съ 8 ч. утра занимался онъ въ Горномъ Корпусѣ въ 23 линіи Васильевскаго острова, а затѣмъ на яликѣ спѣшилъ за Неву въ Мѣщанскую, гдѣ была канцелярія Уварова, вечеромъ же снова работалъ у Дерябина. Жизнь Уварова до самаго 1839 года означалась рядомъ крупныхъ наслѣдствъ и дѣлежей послѣ дядей, родителей и братьевъ его супруги (ур. гр. Разумовской). Тутъ обнаружилась толковость, дѣловитость и строгая добросовѣстность Геннадія Владимировича. Житейская опытность его воспиталась на множествѣ разнообразныхъ сношеній и поѣздокъ по дальнимъ краямъ Россіи. Гдѣ, гдѣ не перебывалъ онъ, по какимъ дорогамъ не ѣзжалъ, имѣя дѣла и съ высшею знатью, и съ подонками общества, Чей хлѣбъ ѣшь, того и пѣсню поешь, говоритъ Нѣмецкая пословица; но, сохраняя почтительность къ своимъ довѣрителямъ, Г. В. Грудевъ умѣлъ оберегать нравственную независимость свою. Уваровъ былъ ему благодѣтелемъ, но это не мѣшало Грудеву стыдить его, указывая ему на его недостатки. Онъ въ особенности подружился съ братомъ Уварова, генераломъ Ѳедоромъ Семеновичемъ, человѣкомъ высокой честности (ихъ сближала между прочимъ любовь къ цвѣтоводству). Е. А. Уварова и сестра ея княгиня В. А. Репнина щедро вознаградили Грудева, и уже въ 1826 году у него было довольно значительное имѣніе въ Рузскомъ уѣздѣ (сели Колюбакино), а въ 1829 году онъ женился на воспитанницѣ князя Ивана Ѳедоровича Барятинскаго Анастасіи Ивановнѣ Бибикинской, за которой дано было въ приданое около тысячи душъ. Грудевъ занялъ должность начальника Удѣльной Конторы Московской губерніи, и съ тѣхъ поръ началъ быстро возвышаться въ чинахъ и отличіяхъ. Попечительная и порядливая благотворительность всегда отличала его между Московскими дѣятелями по этой части. Глазная больница, Новиковскій пріютъ въ Бронницкомъ уѣздѣ, Работный домъ въ Москвѣ никогда не забудутъ Грудева. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ своей жизни онъ служилъ также по мировымъ учрежденіямъ и гласнымъ въ Московской Городской Думѣ, почти никогда не пропуская ея засѣданій и всегда подавая свой строго-взвѣшенный, умѣряющій и дѣловитый отзывъ, Подъ бременемъ лѣтъ чуждъ былъ онъ старческой брюзгливости и сохранялъ до послѣднихъ дней жизни живое участіе

къ дѣламъ и событіямъ общественнымъ и государственнымъ. Что ни происходило въ Москвѣ замѣчательнаго, Г. В. Грудевъ являлся тутъ, иногда совсѣмъ изнемогающій, но привѣтливый и умомъ ясный. Вотъ почему бесѣда его была всегда замѣчательна. Записанные разсказы его про былое отличались строгою правдивостью и полнымъ отсутствіемъ похвальбы. Нѣкоторые изъ нихъ появятся въ „Русскомъ Архивѣ." Прибавимъ здѣсь, что не въ одной Москвѣ найдется много людей, благодарныхъ Г. В. Грудеву за добрый совѣтъ, дѣятельное ходатайство и негласную денежную помощь. Однимъ изъ нихъ на кончину его написано слѣдующее четверостишіе:

Че́стная старость—великая милость отъ Бога.
Благо тому, чья столѣтняя жизнь догорѣла
Пламенемъ чистаго сердца и яснаго духа;
Меркнетъ она, какъ звѣзда передъ новаго утра зарею.

Ив. Ар. Митропольскій.

12 Декабря 1895.

Не позабыть Москвѣ Геннадія Владиміровича Грудева, завѣщавшаго ей большую часть своего значительнаго, пріобрѣтеннаго честнымъ трудомъ и умноженнаго умѣренностью жизни, достоянія. *П. Б.*

ЕНАЛОГІЯ СИ ЕСТЬ НАЧАЛО РОДОСЛОВІЯ ФАМИЛІИ БЛАГОРОДНЫХЪ ГОСПОДЕЙ ЧЕРЕВИНЫХЪ

Како и откуду произыде.

Князь Игорь Кіевскій и всей Росіи и многихъ странъ, яко Литовскихъ, Бѣлорускихъ, Подгорскихъ владѣтель, воздвигнулъ брань противъ Печенеговъ объ онъ полъ Дуная рѣки, идѣже нынѣ Таврика жившихъ, и много Россамъ нечаяннымъ нахожденіемъ своимъ пакости творящихъ; а понеже тогдашній бѣ обычай, яко отъ обоихъ странъ на войну собравшихся впереды саморучныя рати Изсылахуся ѣздцы зовомые богатыри, да наединѣ побіются, якоже Русаки съ Половцами пѣше на войну исходяще творяху, борца противу борца поставляюще, то обычай между собою борьбы и днесь въ Росіи зрится, яко же у Поляковъ единъ проти единаго супостата по древнему обычаю на самохотный поручный бой съѣзжаются. Изыде же отъ супостатъ наѣздникъ между обоими странами войскъ устроенныхъ на брань; изыде же противу ему отъ Русаковъ мужъ крѣпокъ и силенъ воинъ Родиславъ, вооруженъ лукомъ, мечемъ и копіемъ и сразившеся въ первыхъ уби супостата копіемъ прободши, подобнѣ и втораго люте ярящагося на Русовъ, потомъ и третіяго, и копія ихъ сокруши. Егда же начахся между Русами и Печенегами объ польная брань, тогда многіе падоша отъ обѣихъ странъ, тогда язвленъ бысть и Родославъ копіемъ во чрево, яко и кишки его, по тогдашнему нарѣчію слйти, а нынѣшнему *чрева*, язвою исхождаху. Падъ же между побіенныхъ трупія рукою своею влагаше во чрево внутренняя и крѣпко придержаше, а война продолжися до вечера. Въ часъ же нощный, егда разыдошася обѣихъ странъ полки во своя станы, тогда и онъ укрѣпися веемъ копіе свое въ руку лѣвую, а правою держаше чрево, воста отъ труповъ и паче всѣхъ надежды вниде живъ въ своя полки радующуюся князю и всѣмъ воямъ. И абіе со врачемъ посланъ въ Кіевъ. Егда же одолѣша Руссы Печенеговъ и возвратися князь со славою въ Кіевъ свой стольный градъ, тогда сотвори пиръ велій воямъ своимъ. Похваляя

ихъ неопреодолимую храбрость и по достоинству коегождо дарами почти, а Родислава, первѣйшаго богатыря, прослави гербомъ, нареченнымъ *елита* сіежъ черева, три копія, корона, и въ ней полорла. А то все знаменія его храбрости, копіи, яко сокруши три копія, корона сіе есть вѣнецъ, яко тотъ подавашеся первымъ рыцаремъ, полорла съ распростертыми крилами, скорость въ искусствѣ военномъ являя. И оттолѣ процвѣте фимилія Черевиновъ, Черевичовъ, Черевинскихъ, Елитовъ, Замойскихъ, Одинцовыхъ, Еленскихъ и прочихъ до здѣ (*Великая Хронологія, зовомая Свѣтъ Польскій печатана въ Краковѣ за короля Жигмунта Третьяго*).

(*Сообщено покойнымъ Петромъ Александровичемъ Черевинымъ*).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ВЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ НЕИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I-й Проф. А. С. Алексѣева. „Русское Обозрѣніе" Февраль (Продолженіе).

Чтобы рѣшить вопросъ о степени власти и кругѣ дѣятельности Совѣта, надлежитъ прежде всего разобрать, былъ ли онъ лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ или самостоятельнымъ органомъ.

По точному смыслу законовъ, опредѣлявшихъ отношенія Совѣта къ верховной власти, онъ является исключительно совѣщательнымъ учрежденіемъ. Указовъ, которые исходили бы отъ Совѣта безъ аппробаціи Императрицы нѣтъ, и Совѣтъ въ области верховнаго управленія не имѣлъ распорядительной власти.

Утвержденія г. Филиппова, что Совѣтъ въ личной дѣятельности Императрицы не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ препятствій къ ограниченію своего властвованія, основаны лишь на двухъ случаяхъ: увольненіе маіора Лукина и указъ сенату о доставленіи изо всѣхъ мѣстъ въ коммиссію о коммерціи требуемыхъ ею свѣдѣній. Основаніе очень шаткое.. Совсѣмъ расходится съ дѣйствительностью завѣреніе г. Филиппова, что именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ за это время мало, что они касались лишь узкой сферы личной дѣятельности самой Императрицы.

Учрежденіемъ Совѣта впервыя ясно проведена была грань между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ, тогда какъ административный строй, созданный Петромъ Великимъ страдалъ именно смѣшеніемъ этихъ двухъ принципіально различныхъ функцій. До учрежденія Совѣта Императрица издавала указы по совѣщаніи съ тою или другою сильною персоной, указомъ 1 Января 1727 года такой порядокъ устраняется... „мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ, развѣ кто имѣетъ доносить о такихъ дѣлахъ, которыя никому иному, кромѣ насъ самихъ, повѣрены быть не могутъ".

Русскій дворъ при Петрѣ II-мъ А. Брикнера. „Вѣстникъ Европы" Мартъ. (Окончаніе).

Переходя къ оцѣнкѣ политическихъ дѣятелей времени Петра II, почтенный авторъ подчеркиваетъ, что всѣ иностранцы въ одинъ голосъ, хваля Остермана, укоряютъ Долгорукихъ въ преслѣдованіи исключительно своихъ личныхъ интересовъ. Долгорукіе, по словамъ Гогенгольца, всѣ ненавидѣли Остермана. За годъ до кончины Петра II Вратиславъ писалъ, что въ случаѣ преждевременной кончины Императора кто либо изъ Долгорукихъ легко можетъ сдѣлаться его преемникомъ. Онъ считалъ, что фельдмаршалу Василью Владимировичу суждено играть весьма важную роль. Все теперь зависитъ отъ Долгорукихъ, писалъ онъ въ Декабрѣ 1729 года.

Отзывы его объ Алексѣѣ Долгорукомъ крайне неблагопріятны, но Иванъ, любимецъ молодаго императора, изображается имъ въ лучшемъ свѣтѣ. У

него было, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое образованіе при полномъ отсутствіи какихъ-либо политическихъ правилъ, при отвращеніи къ труду и склонностяхъ къ разврату.

Пагубное воздѣйствіе Долгорукихъ на Петра извѣстно; Вратиславъ заявляетъ, что онъ затрудняется передавать скандальные разсказы о жизни молодаго Монарха. Въ депешѣ 15 Іюля 1728 онъ выражаетъ опасеніе, что здоровье Петра не вынесетъ постоянныхъ ночныхъ оргій. Вопросъ о поведеніи племянника сильно тревожилъ Карля VI, и графъ Вратиславъ отъ его имени заявлялъ фельдмаршалу Долгорукому, что, опираясь на Австрійско-Русскій трактатъ и на родство Императора, онъ требуетъ перемѣны въ образѣ жизни Петра II.

Долгорукіе же содѣйствовали развитію въ Петрѣ II сильной страсти къ охотѣ. Этимъ увлеченіемъ пользовались дипломаты, чтобы угождать молодому Императору. Извѣстно сообщеніе Лирія, что „получивъ отъ него въ подарокъ двухъ борзыхъ собакъ. Его Величество былъ такъ доволенъ, какъ будто получалъ величайшую драгоцѣнность".

Мелькомъ говорится объ отношеніяхъ Петра II-го къ царицѣ Евдокіи, своей бабкѣ. Освобожденная изъ Шлиссельбургскаго заключенія, она была отправлена въ Москву, гдѣ и поселилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Возникъ даже вопросъ о возвращеніи отобранныхъ имуществъ потомкамъ Кикина и кн. Гагарина. Уже лѣтомъ 1727 Рабутинъ совѣтуетъ Русскимъ государственнымъ людямъ благосклоннѣе обращаться съ царицей и ея родственниками во избѣжаніе враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Караме, Гогенгольцъ также опасались ея вліянія въ духѣ реакціи; послѣдній 31 Января 1728 г. писалъ: „Самое главное теперь будетъ зависѣть отъ образа дѣйствій бабки Государя". Царицѣ назначили 60 тысячъ рублей въ годъ и волость въ 2000 дворовъ; она не вмѣшивалась въ дѣла, такъ что опасенія оказались неосновательными.

Бо́льшое вліяніе имѣла на Петра II другая женщина - его сестра Наталія. Она пользовалась большою любовью даже среди народа, ее считали сторонницей Петровскихъ преобразованій, чѣмъ, по мнѣнію С. М. Соловьева въ значительной степени объясняются лестные отзывы объ ней иностранцевъ.

Рабутинъ былъ съ нею очень близокъ и расхваливалъ благородство ея чувствъ и политическій тактъ. Онъ неоднократно представлялъ, что къ ней надо отправить изъ Вѣны оберъ-гофмейстерину. Императоръ нѣжно любилъ сестру и долгое время находился подъ ея вліяніемъ; холодность между ними произвела, по увѣренію Гогенгольца, Елисавета, которою сталъ увлекаться Петръ. Наталья Алексѣевна сильно страдала отъ этой ссоры. Даже болѣзнь ея Гогенгольцъ и Лирія объясняютъ душевнымъ разстройствомъ. И Русскихъ сановниковъ и иностранныхъ дипломатовъ сильно занималъ вопросъ, за кого выдать замужъ великую княжну. Всѣми, даже Долгорукими, было признано право Карла VI содѣйствовать рѣшенію этого важнаго вопроса. Сама княжна желала выйти замужъ за Испанскаго инфанта. Смерть ея скоро положила конецъ всѣмъ заботамъ о бракѣ.

Современники довольно единогласно указывали на крайнее честолюбіе Елисаветы Петровны. Многіе считали необходимымъ удалить ее за-границу во избѣжанія агитацій въ ея пользу. Для того надо было ее выдать замужъ. Опять Австрійскій дворъ игралъ въ этомъ дѣлѣ важную роль. Совершенно странно сообщеніе Вратислава, что Алексѣй Долгорукій подозрѣвалъ Елисавету въ желаніи покуситься на жизнь Петра II. О бракѣ Петра съ своей теткой была уже рѣчь въ 1726 году въ конференціи Австрійскихъ министровъ въ Вѣнѣ. Въ 1728 Гогенгольцъ узналъ черезъ Ягужинскаго, что Императоръ страстно влюбленъ въ Елисавету и что развѣ толь-

ко Церковь можетъ помѣшать ему жениться на ней. Однако скоро Петръ охладѣлъ въ своей страсти, узнавъ о ея похожденіяхъ.

Выборъ невѣсты для Петра казался самымъ важнымъ вопросомъ во все время его царствованія. Еще при кончинѣ Петра Великаго была рѣчь о бракѣ его съ Натальею Петровной. Герцогъ Голштинскій прочилъ въ жены ему сестру епископа Любскаго, помышляли о племянницѣ Екатерины, Скавронской. Въ то время какъ Меншиковъ хлопоталъ о своей дочери, Мардефельдъ надѣялся сладить дѣло съ какой нибудь Нѣмецкой принцессою. Рабутинъ сообщаетъ, что Петръ желаетъ жениться на какой-нибудь экцгерцогинѣ. Караме узналъ, что послѣ паденія Меншикова хотятъ устроить бракъ съ Англійскою принцессою. Въ то время какъ Остерманъ хлопоталъ объ иностранной, Долгорукіе желали найти Императору непремѣнно Русскую невѣсту. Поговаривали объ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Объявленіе о помолвкѣ съ Долгорукою положило конецъ всякимъ хлопотамъ и интригамъ иностранныхъ дипломатовъ по этому поводу. Еще въ 1728 году ходили слухи о намѣреніи Алексѣя Долгорукова выдать свою дочь за Государя. Въ 1729 Вратиславъ пишетъ уже объ этомъ проектѣ и увѣряетъ: „Долгорукая должна выйти за государя. Я не могу плыть противъ теченія“, но самъ Царь былъ равнодушенъ къ предполагаемой невѣстѣ. Горячо критиковалъ этотъ проектъ герцогъ Лирія; „Если осуществится этотъ бракъ, писалъ онъ, то Россія возвратится къ своему прежнему варварству. По свидѣтельству Лефорта всѣ были недовольны этимъ проектомъ, и даже Долгорукіе были твердо увѣрены, что имъ всѣмъ придется горько поплатиться за эту безумную ставку. Несмотря на явную холодность жениха, обрученіе состоялось со старшею княжною, влюбленною въ Австрійскаго графа Миллезимо. Бракосочетаніе предполагали устроить на Пасху, но Петръ скончался въ ночь съ 18 на 19 Января отъ оспы.

Лишь Остерманъ, по словамъ Вратислава, помѣшалъ Алексѣю Долгорукому повѣнчать свою дочь съ лежащимъ при смерти и почти безъ памяти Императоромъ.

Мои воспоминанія А. Н. Муравьева. Съ примѣчаніями А. А. Третьякова. „Русское Обозрѣніе“. Февраль.

Разсказъ ведется о службѣ А. Н. въ Сунодѣ. Крайне любопытно сообщеніе о томъ, что „Письма о богослуженіи“ имѣвшія такой большой успѣхъ, возбуждали неудовольствіе Филарета и даже прямой запретъ, такъ какъ неприлично-де міряниву писать о такихъ вещехъ, особенно же о таинствахъ. Однако митрополитъ внялъ объясненіямъ Муравьева и самъ поправлялъ догматическія ошибки. Изъ воспоминаній мы узнаемъ, что по поводу назначенія Протасова оберъ-прокуроромъ радость между членами Сунода была всеобщая.

Очень важно указаніе, что Филарета подозрѣвали въ протестанствѣ. Вообще походъ графа Протасова въ защиту Православія далеко не находилъ себѣ одобренія въ А. Н., а близость его съ митрополитомъ Московскимъ породила окончательную остуду къ нему оберъ-прокурора. Вспомнимъ, что первое время слово „Православіе“ употреблялось, по свидѣтельству Гилярова-Платонова, въ насмѣшливомъ смыслѣ и что графъ Уваровъ, выставившій девизомъ своимъ „Православіе, Самодержавіе, Народность“ такъ же какъ и Протасовъ былъ воспитанникомъ Іезуита.

Примѣчанія и къ этой части записокъ сдѣланы очень толково.

Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ. Изъ посмертныхъ бумагъ архіепископа Никанора. „Русское Обозрѣніе“. Январь—Мартъ.

Съ большимъ жаромъ написанная статья, цѣнная тѣмъ, что раскрываетъ духовный строй ученаго монаха, его тяжелое, вѣчно одинокое положеніе,

полную безпомощность и заброшенность. Даются любопытныя подробности изъ домашне-служебной жизни нашего чернаго духовенства. Несомнѣнно, что многое имѣетъ автобіографическій характеръ.

Воспоминанія объ А. И. Герценѣ. Н. Тучковой-Огаревой. „Сѣвѣрный Вѣстникъ" Февраль—Мартъ.

Талантливая и благородная личность А. И. Герцена съ его страстною дѣятельностью невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе, а разъясненіе послѣдняго фазиса его развитія, когда онъ такъ близко подошелъ къ Славянофиламъ, мечталъ о томъ, чтобы Константинополь сдѣлался Русскою столицей, было бы работою поучительной для всѣхъ интересующихся успѣхами нашего самосознанія. Исполнить эту работу могло бы лишь то лицо, которое находилось въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ. Къ сожалѣнію г-жа Тучкова-Огарева вовсе не задается такою цѣлью. Она передаетъ довольно разбросанно мелочные факты о жизни А. И. послѣ оставленія имъ Лондона. Впрочемъ воспоминанія эти (при осторожномъ пользованіи ими) могутъ послужить хорошимъ матеріаломъ для біографіи А. И. Герцена.

Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV ст. В. Е. Данилевича. „Кіевскія Унив. Извѣстія". Январь—Февраль.

Сочиненіе удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ золотой медали (еще не окончено).

Князь Адамъ Чарторыйскій, И. П. Корнилова. „Русское Обозрѣніе". Февраль—Мартъ.

Перепечатка брошюры, содержаніе которой будетъ служить введеніемъ ко второму тому „Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", заключающему матеріалы о Виленскомъ учебномъ округѣ за первые два года его существованія. Четвертая глава автобіографіи Чарторыйскаго (Paris 1865), была переведена и комментирована въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года. Почтенный авторъ добавилъ этотъ переводъ по второму болѣе полному изданію мемуаровъ (2 vs. Paris, 1887).

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1896 года

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

салимѣ, къ преосв. Макарію, митрополиту Московскому, „Странникъ“, Январь.

Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (1817—1840 г.) „Минскія Епарх. Вѣд.“ № 4--5.

Памяти преосвященнаго **Гавріила**, епископа Имеретинскаго. „Церковныя Вѣдомости“ №№ 6—9.

Дубасовъ И. Церковные просвѣтители Тамбовскаго края. „Тамбовскія Еп. Вѣд.“. № 8.

Духовные дѣятели Тобольскаго края. „Тобольскія Еп. Вѣд.“. № 5.

Картинки изъ прошлаго Черниговской духовной семинаріи. „Черниговскія Еп. Вѣд.“. № 5.

Кузнецовъ Е. В. Къ біографіи архимандрита Макарія, основателя Алтайской миссіи. „Тамбовскія Епарх. Вѣд.“. № 3.

NN. Даръ въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Александровны Московскому Обществу любителей духовнаго просвѣщенія. (Воспоминанія очевидца 1871—1896 гг.). „Московскія Церк. Вѣд.“. № 8.

А. Никаноръ (Надежинъ). Грузинскіе и Тифлисскіе архипастыри. „Духовный Вѣстникъ“ Грузинскаго Экзархата. № 5.

Петровъ Н. И. Кіевская Рождество-Предтеченская, или Борисоглѣбская церковь „Труды Дух. Академіи“. Февраль.

Смиречанскій В. Д. Псковская епархія, (окончаніе). „Псковскія Епарх. Вѣд.“. № 4.

Титовъ Ѳ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. Труды Кіевской Дух. Академіи“, Февраль.

Церковно-историческіе матеріалы для Томскаго края. „Томскія Епарх. Вѣд.“. № 4.

Церковные-историческія и археологическія замѣтки и воспоминанія. Коронація Петра II (1128 г.). „С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“ № 7.

Честной Н. А. Соборные „крылосы“ въ западно-русской церкви въ XV и XVI вв. „Могилевскія Еп.Вѣ-.“. № 7.

НОВЫЯ КНИГИ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая. **Николая Барсукова.** Спб. 1896. 8-ка XV+583. Цѣна 2 р. 50 к.

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ, томъ первый **Н. М. Павлова.** М. 1896. 8-ка VIII+405. Цѣна 1 р. 50 к. (складъ въ магазинахъ «Новаго Времени».

Н. Н. Бантышъ-Каменскій Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ), ч. вторая. Изданіе коммиссіи печатанія Государственныхъ грамотъ и Договоровъ при Московскомъ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. М. бол. 8-ка VIII+272.

Памятная книжка окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1811—1896, составилъ И. А. Скроботовъ. Спб. 1896. мал. 8-ка XXXVIII+328.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ" въ 1896 году вступаетъ въ 34-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ, какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью черты исторіи и быта Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ" въ 1896 г. будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Подписчики «Русскаго Архива» на 1896-й годъ благоволятъ означать, какую именно изъ книгъ «Архива Князя Воронцова» желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ «Русскому Архиву».

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.